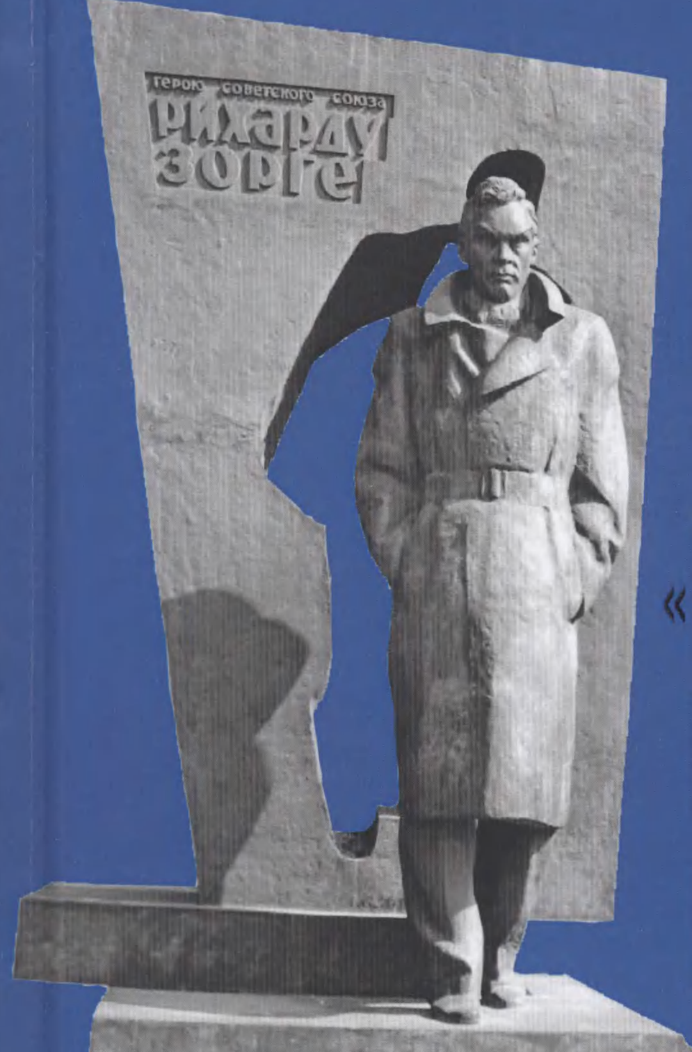
*



МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ

«ВЕРНЫЙ ВАМ РАМЗАЙ»

РИХАРД ЗОРГЕ

И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ЯПОНИИ. 1933—1938 ГОДЫ

a

МИХАИЛ
АЛЕКСЕЕВ

«ВЕРНЫЙ ВАМ РАМЗАЙ»

РИХАРД ЗОРГЕ

И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ЯПОНИИ 1933—1938 ГОДЫ

Москва
алгоритм
2020

УДК 338
ББК 65.9(2)
А 47

«Книга издана при содействии Рыбасова Федора Ивановича»

Алексеев М.

А 47 «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии 1933—1938 годы. Книга 1. / М. Алексеев. – М.: Алгоритм, 2020. – 864 с.

ISBN 978-5-907120-56-3

Легендарный советский разведчик Рихард Зорге — самый изучаемый и в тоже время самый загадочный персонаж в мировой истории тайной войны XX века. Среди «белых пятен» его биографии — работа в Японии начиная с момента его приезда в эту страну в сентябре 1933 года и до начала Второй мировой войны. Данный пробел в его жизнеописание полностью закрывает книга Михаила Алексеева.

Эта книга — продолжение монографии ««Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае». В ней достоверно и подробно рассказано о деятельности советской военной разведки в Японии, а так же о ее противостояние японским и германским спецслужбам.

Благодаря этой книге в деле «Рамзая» поставлены все точки!

УДК 338
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-907120-56-3

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 4. 1935–1936 годы. Токио, Москва

Глава 5. 1937 год. Москва, Токио, Китай

Глава 6. 1938 год. Токио, Москва, Китай

Любимым женщинам разведчиков,
моей жене — Татьяне Николаевне,
посвящается.

Автор выражает благодарность А.П. Алексееву, А.И. Колпакиди, А.И. Сивцу, А.П. Серебрякову, О.В. Каримову, Ю.В. Григорьеву и Б.И. Татаринцеву за помощь и поддержку в работе над этими книгами, а также выражает признательность японским исследователям Сираи Хисая (здесь и далее все японские имена собственные приводятся в следующем порядке: сначала фамилия, потом имя. — *Примеч. авт.*) и Ватабэ Томия и всем членам Японо-российского центра исторических исследований, которые хранят память о Рихарда Зорге и его соратниках.

Отдельная благодарность А.Г. Фесюну, который вместе с А.И. Колпакиди «подвиг» взяться за завершение этого «нескончаемого» труда.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Академик А. О. Чубарьян как-то сказал, что история становится доступной читателю, лишь пройдя через голову историка, который отобрал факты, подал их и интерпретировал. Поэтому Чубарьян пришёл к парадоксальному выводу, что известная фраза «история не терпит сослагательного наклонения» не совсем корректна. С одной стороны, отменить реальные факты невозможно, а с другой — интерпретация фактов есть всегда сослагательное наклонение.

Красиво, не обычно, но не более того. Хотя, применительно к деятельности Зорге подобный подход имеет непосредственное отношение. На фоне ограниченного числа серьёзных исследований появилось множество опусов, в которых авторы наперебой занимаются именно вольной интерпретацией фактов. И на вопрос: «Был ли мальчик?», отвечают не всегда положительно, а если и положительно, то чаще всего с многочисленными оговорками. Более того, гордятся и тиражируют сделанные «открытия», требуя ссылок на себя.

Приходится констатировать, что не происходит поступательного движения вперёд в части осмысления изучаемой проблемы с учётом вновь появившихся фактов. Наоборот, делается попытка их отрицать или замолчать.

Автор не собирается полемизировать с теми, кто опубликовал до него труды о великом разведчике — серьёзные и пустопорожние, употреблявшие имя Зорге всуе. При этом мнения, высказанные в ряде исследований, созвучны позиции автора. Это в первую очередь относится к работам разведчиков, знавших Рихарда Зорге: С.Л. Будкевича, Я.Г. Бронина, М.И. Сироткина. Это и монографии Юлиуса Мадера, Ф. Дикина и Г. Стори, Е.А. Горбунова, В.А. Гаврилова, А.Г. Фесюна, А.А. Кошкина, К.Е. Черевко, В.Э. Молодякова, А.В. Шишова, В.И. Томаровского, А.Е. Куланова, а также исследование Ю. А. Кузнецова, выложенное в интернете. Более того, автор использовал отдельные материалы и выводы, к которым пришли вышеперечисленные авторы. Отсюда неизбежным стало и повторение ряда вещей, известных узкому кругу исследователей.

Автором предпринята попытка осмыслить деятельность Рихарда Зорге через интерпретацию известных и неизвестных ранее фактов с учётом воздействия различных факторов: политических, экономических, субъективных, психологических, личностных.

Допуская возможность существования различных оттенков в интерпретации разведывательной деятельности «Рамзая» — «Инсона», автор, вместе с тем полагает, что в целом разброс в оценке работы советского разведчика, как в настоящее время, так и в будущем, будет весьма незначителен (ничтожен), и Рихард Зорге может по праву считаться одним из выдающихся разведчиков XX века.

Величие подвига «Рамзая» и его соратников, состоит именно в том, что благодаря и их усилиям Япония не вступила в войну с Советским Союзом и двинулась на Юг, что неизбежно должно было привести к столкновению с Америкой.

Михаил Алексеев, доктор исторических наук, профессор.

Издательство выражает благодарность РОО «Ветераны разведки»
и лично А.Н. Есину
за финансовое содействие при издании книги.

Вместо предисловия

РИХАРД ЗОРГЕ: ЛИЧНОСТЬ И ЕЁ ОКРЕСТНОСТИ

> Характер — это способность действовать согласно принципам.
>
> *Иммануил Кант*

В предлагаемой вниманию читателя новой книге Михаила Алексеева, известного российского историка, автора ряда книг об отечественных спецслужбах, речь идёт о военном разведчике Рихарде Зорге, который без сомнения является уникальной личностью для своего времени. За свою короткую жизнь Зорге проявил себя и как партийный функционер, и как учёный, журналист, но главное — как выдающийся разведчик, сотрудник Разведывательного управления Красной Армии.

Книга рассказывает примерно о десяти годах деятельности Рихарда Зорге в Японии в преддверии Второй мировой войны и в самом её начале. Факты и сведения, приводимые в книге, показывают, в каких условиях ему приходилось действовать и какова была военно-политическая обстановка в мире в тот период.

Выход этой книги представляется особенно ценным в связи с тем, что вокруг имени Рихарда Зорге до сих пор существует немало спекуляций, а некоторые лже-исследователи пытаются представить его как некоего бонвивана и светского гуляку, поставив под сомнение значимость добытой им информации. Примером подобного подхода служит статья Владимира Воронова под саркастическим заголовком «Агент виляния», опубликованная в июне 2014 года газетой «Совершенно секретно» (№ 6). В статье собраны весьма субъективные заметки о Рихарде Зорге, имеющие целью опровергнуть представление о нём, как о высочайшем профессионале и как о человеке, преданном своим идеалам.

«Разоблачения» В. Воронова, плохо представляющего себе профессию разведчика-нелегала, не учитывают того, что профессия предъявляет чрезвычайно жёсткие требования к его внутреннему миру и поведению. Понять такую сложную личность, как Зорге, на основании свидетельств тех или иных лиц, знавших его лишь в одной ипостаси, невозможно. Михаил Алексеев показывает личность Зорге во всей её многообразной сложности. Ведь его герой вынужден был убедительно изображать журналиста фашистской немецкой газеты, постоянно подтверждать свою состоятельность как эксперта по Японии в глазах немецкого посольства в Токио и при этом выдавать себя за свойского парня в иностранной колонии. Благодаря такому широкому охвату у него сложился богатый набор источников.

Рихард Зорге много лет отслеживал основные направления внешней и военной политики Японии. Это чрезвычайно сложная задача, ведь принятие решений на государственном уровне требовало согласования позиций различных правящих политических группировок и ведомств.

Важная информация поступала от Зорге и о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. Главное, на мой личный взгляд, было не в факте сообщения конкретной даты нападения, которая по субъективным или объективным причинам может быть изменена. Главное — то, что ему удалось установить сам факт принятия Гитлером такого решения. Разброс в сообщениях о нападении — май—июнь 1941 года. Эти сообщения, подтверждённые сведениями о состоянии вооружённых сил Германии и её союзников, должны были послужить для советского руководства сигналом к приведению Красной Армии в полную боевую готовность.

Если говорить о личности Рихарда Зорге, то первое, что в нём поражает, это масштаб его деятельности и разнообразие её видов. Солдат, студент, партийный функционер, шахтёр, журналист, учёный, разведчик, — вот далеко не полный перечень его амплуа. Зорге никогда не был слепым исполнителем, он чётко определял своё место вначале в революционной, а затем и в разведывательной практике. Это позволяло ему видеть задачи в более широком свете и находить многовариантность их разрешения. Зорге с его потенциалом творческого, самостоятельного развития быстро и качественно осваивал каждую новую профессию, что и ныне является определяющим при отборе в разведку.

Весьма важным личностным качеством Рихарда Зорге было умение работать автономно, в режиме самоуправления. Указания Центра бывают трёх видов: контурные, структурированные и алгоритмические. Контурные представляют собой постановку задач без предписания, как их выполнять. Структурированные более строго обозначают задачу, которая сопровождается указаниями общего порядка по её исполнению. Алгоритмические однозначно определяют все действия исполнителя. Преобладают на практике именно контурные указания, особенно при постановке разведывательных задач. Квалифицированное руководство Центра учитывает возможность изменений в динамике событий и не сковывает действия тех, кто работает в «поле».

Следующая сторона личности Зорге характеризуется качественным анализом всех сфер практической деятельности, в том числе добываемых сведений. Он стремился раскрыть связь конкретного факта или события с другими сведениями, выявить тенденцию, дать собственную оценку и предложить возможный способ реагирования.

Сегодня это тем более важно, поскольку всё возрастающий вал «неочищенной» информации серьёзно затрудняет качество наблюдения обстановки, засоряя механизм принятия государственных решений второстепенными и дезинформационными данными, а также тем, что в век компьютерных технологий называют спамом.

Аналитический подход развился у Зорге в процессе научной и журналистской работы. За период с 1921-го по 1930 год им было опубликовано 5 книг и монографий, 41 статья в периодических изданиях. К сожалению, Центр не всегда относился с должным вниманием к его предложениям и оценкам.

Рихард Зорге был широко эрудирован в таких областях, как экономика, история, политология, востоковедение. Большой багаж знаний делал его хорошим аналитиком, к мнению которого прислушивались в германском посольстве в Токио, в правящей японской элите. Широкий круг интересов превращал Зорге в прекрасного собеседника. В его арсенале всегда находились темы для беседы с конкретным человеком, он умел создать возможности для

дальнейшего развития контактов. А ведь известно, что не так сложно с кем-либо познакомиться, как суметь превратить знакомство в длительную связь.

Хотелось бы обозначить ещё несколько черт личности Зорге, имеющих особое значение для профессионального разведчика. Прежде всего это умение влиять на людей и использовать их в разведывательных целях, то есть доминантность. Так, работая в Китае в начале 1930-х годов, он за короткий период установил свыше десятка информированных связей. В Японии Зорге сумел подчинить своему влиянию германского военного атташе Ойгена Отта, позднее ставшего послом.

Работу с большинством информаторов Зорге строил на дружеской основе, прикрываясь положением журналиста и находя возможность устанавливать и поддерживать регулярные контакты. Это было возможно благодаря индивидуальному подходу к каждому, построенному с учётом личных качеств, информированности, с выбором психологически удобного для собеседника места контакта. Определённое значение имела и манера разведчика одеваться. Он всегда носил модную и добротную одежду и был аккуратно подстрижен, что придавало ему элегантность и солидность без налёта педантизма и чопорности.

В значительной мере успех Зорге объяснялся характерной для него естественностью поведения, что располагало к нему окружающих и упрощало закрепление отношений. Естественность же его проистекала из уверенности в том, что он занимался нужным делом, в его преданности великой стране, которой служил. Разведывательную деятельность Зорге осуществлял с артистизмом. Он не подлаживался к японцам (что было весьма затруднительно в силу многих причин, начиная от незнания японского языка и кончая настороженным отношением японцев к иностранцам), но вёл себя также, как члены иностранной колонии в Токио, в особенности немцы, поскольку Германия была для Японии дружественной страной. При этом Зорге хорошо знал историю японского общества и всегда учитывал его специфические особенности.

Центр, также учитывая особенности Японии, включил в состав резидентуры Зорге агентов-японцев, которые успешно работали с соотечественниками. Например, Ходзуми Одзаки добывал стратегически важную информацию у представителей правящей элиты, в том числе из окружения премьер-министра страны.

Однако человеческие возможности не беспредельны, к концу 1940-го — началу 1941 года у Рихарда Зорге накопилась психологическая и физическая усталость, которая, впрочем, не проявлялась во внешнем поведении и не сказывалась на эффективности его работы. С началом Второй мировой войны он явно сознавал невозможность передышки, и вопреки усталости демонстрировал высокую психологическую устойчивость.

На протяжении всей своей жизни Рихард Зорге неустанно работал над собой, как в профессиональном плане, так и с точки зрения общего развития. К нему как ни к кому другому применима мысль, высказанная немецким мыслителем Иоганном Гердером (1744—1803): «Человек — это искусно построенная машина, наделённая генетической диспозицией и полнотой жизни. Но машина не играет сама по себе, даже самому способному человеку приходится учиться играть на ней. Разум — это соединение впечатлений и практических навыков нашей души, сумма воспитания всего человеческого рода; и

воспитание это человек довершает, словно посторонний самому себе художник, воспитывая себя на чужих образах».

В своем мировоззренческом развитии Рихард Зорге шёл от восприятия окружающего мира с позиции благовоспитанного и благополучного ребёнка из обеспеченной семьи, через понимание ужасов Первой мировой и личные страдания (он был трижды ранен) — к выбору пути революционера, вступившего на путь борьбы за совершенствование человеческого общества. И, как ни высокопарно это звучит, в начале 1920-х годов прошлого века такие взгляды были свойственны немалой части его сверстников.

Существенное влияние на формирование Зорге оказала его первая жена Кристина Герлах, благодаря которой он вошёл в круг немецких интеллектуалов. В результате его личный мир расширился, а знания в области экономики и социологии углубились. Поработав шахтёром, познал он и реальную жизнь рабочего класса.

Особое место в становлении личности Зорге сыграла работа в структурах Коминтерна, где он приобрёл опыт, весьма востребованный в разведке. Это была пора его взросления, описанная в предыдущей книге Михаила Алексеева, посвящённой пребыванию Зорге в Китае. В качестве сотрудника Коминтерна Рихард общался с такими его лидерами, как О. Куусинен, Д. Мануильский, О. Пятницкий и другие, выполнял различные задания в Дании, Швеции, Норвегии, Великобритании.

Но определяющую роль в жизни Рихарда сыграл опытный военный разведчик К.М. Басов (Я.Я. Абелтынь), бывший в 1927—1930 годах резидентом РУ РККА в Германии. Именно Басов обратил внимание руководства советской военной разведки, в частности Я.К. Берзина, на Зорге как перспективного кандидата для разведывательной работы, после чего у Берзина и родилась идея использовать Зорге на Дальнем Востоке, где военная разведка решала задачи, связанные с оказанием помощи революционному Китаю и отслеживанием позиции Японии в отношении СССР.

Идея была смелой и отчасти рискованной, учитывая работу Зорге в центральном аппарате Коминтерна и в целом ряде стран Европы. С другой стороны, она опиралась на трезвую и взвешенную оценку ситуации. На Дальнем Востоке Рихард Зорге не был известен как представитель Коминтерна, а сотрудничество между правоохранительными органами европейских и азиатских стран не носило регулярного и устойчивого характера. Личные качества и имеющийся опыт позволяли Зорге с высокой степенью вероятности утвердиться в обеих странах в качестве журналиста.

Круг лиц, с которыми контактировал Рихард Зорге, чрезвычайно велик и состоит из нескольких миров. Прежде всего это соратники по разведке — работники Центра (Я.К. Берзин, С.П. Урицкий, Л.А. Борович и др.), курьеры для передачи добываемых материалов и т. д., а также сама нелегальная резидентура «Рамзай», возглавляемая Зорге. В её состав входили очень разные люди, что учитывалось им в процессе организации разведывательной деятельности. При этом все агенты сотрудничали с разведкой на идейной основе, а финансовые затраты по обеспечению их работы были минимальны.

Другой мир включал круг лиц, являвшихся источниками разведывательных сведений благодаря личным отношениям с Зорге или другими сотрудниками резидентуры. Среди них были посол Германии в Японии О. Отт и его супруга Хельма; военные представители в составе германского посольства контр-адмирал П. Веннекер, полковники Г. Матцке и А. Кречмер, подполков-

ник Ф. Шолль; сотрудники иностранных информационных агентств, аккредитованных в Токио.

Особое место занимала грамотно организованная работа со всеми (!) немецкими официальными и неофициальными делегациями, прибывавшими в Японию в рамках внешнеполитического и военно-политического сотрудничества. От этих, казалось бы, эпизодических контактов часто поступала ценная информация. Учитывая информационный выход на премьер-министра Японии Ф. Коноэ, имевшийся у Х. Одзаки, одного из соратников Зорге, можно сделать вполне обоснованный вывод об актуальности, широте и глубине сведений, представлявшихся резидентурой «Рамзая».

Существовал и третий мир контактов, призванный поддерживать образ Рихарда в глазах местных властей. Речь идёт об иностранной колонии, в особенности о её немецкой части. Так, в жизни Зорге появилась японская девушка Исии Ханако, что в то время было обычным делом для проживавших в Японии иностранцев (что-то подобное описано и воспето в образе Чио-Чио-сан в знаменитой опере Д. Пуччини «Мадам Баттерфляй»).

Исии Ханако до конца своей жизни осталась преданной памяти Зорге. После окончания Второй мировой войны она отыскала его могилу и, перезахоронив Рихарда в достойном месте, поставила ему памятник. Также она является автором трёх книг, посвященных жизни Зорге.

И все же личность Зорге как разведчика и человека не получила ещё полного и всестороннего освещения ни в документальной, ни в художественной литературе. В этом плане работу Михаила Алексеева можно расценивать в качестве надёжного путеводителя. Его книга представляет собой серьёзный вклад в исследование деятельности Зорге и, надеюсь, будет использована в последующих научных трудах и произведениях литературы и искусства, посвящённых его памяти.

Не надо думать, что на пути Зорге не было трудностей и ошибок. Сказывались недостаточный опыт агентурной работы, нехватка военных знаний, дискретный и лаконичный стиль руководства со стороны Центра. Но в итоге Зорге превратился в высокого профессионала. Этот сильный человек отдал свою жизнь служению идеалам, в которые верил, служению стране, которую любил и защищал. Зорге оказался способным не отклоняться от своих принципов, проявив настоящий характер, как определил его Иммануил Кант.

Рихард Зорге оставил нам тюремные записки; в нашем распоряжении имеются материалы следствия, проведённого японскими властями. Опубликованы заметки о нём Кристины Герлах и Рут Вернер, Исии Ханако, пьеса, написанная братом Х. Одзаки, фильм Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», «зоргиана» за авторством историков В. Лоты и С. Будкевича, литераторов М. Колесникова, Ф. Волкова, О. Горчакова, С. Голякова, В. Поволяева. Но исчерпывающе полного осмысления жизни и подвига Рихарда Зорге даже теперь, через 120 лет после его рождения, не произошло.

Михаил Алексеев в предлагаемой читателю книге сделал важный и верный шаг в этом направлении.

Александр Петрович Алексеев[1]
генерал-лейтенант, ветеран военной разведки
12. 08. 2014 г.

«Викс («Рамзай» о себе. — *М.А.*) внешне устроился прекрасно, уважаемый писатель. Так что в этом отношении все в порядке. Ваша "команда" прекрасно пробилась наружу (за границу. — *М.А.*). Тем не менее, необходимо еще раз повторить о важности своевременной подготовки людей для замены теперешней команды. Ибо Викс, работающий в стране уже пятый год, убедительно просит вернуть его домой. Пообещайте, что Вы вернете его домой при первой возможности. Будет ли это точно, как вы говорите, в конце этого года или в феврале-марте следующего года уже не так существенно. Для него важно знать, что после выяснения положения Вы не оставите его дольше в этой ужасной стране без горькой необходимости. А пока что вы о нас не беспокойтесь. Хотя нам всем эта страна набила оскомину, хотя мы все устали и нанервничались, тем не менее, мы прежние послушные и решительные парни, твердо решившие выполнить задачи нашего великого дела.

Сердечно приветствуем Вас и Ваших друзей.

Ваш Рамзай.

7.10.1938 г.»

(*Из письма Рихарда Зорге в Центр*)

Пролог

«ЯПОНСКАЯ УГРОЗА»

(О'Конрой Т. 1933 г.)

1. «... ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ [Японии] — ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, ТЕМ ИЛИ ИНЫМ СПОСОБОМ ЗАХВАТИТЬ СТОЛЬКО СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ, СКОЛЬКО УДАСТСЯ, И НАНЕСТИ ТАКОЙ УДАР ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ, КАКОЙ ТОЛЬКО ОКАЖЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ»

(из вступительной речи 8 октября 1946 г. на Токийском процессе обвинителя от Советского Союза С.А. Голунского)

Внешняя политика СССР традиционно опиралась на два ленинских принципа: пролетарского интернационализма и мирного сосуществования двух систем.

В.И. Ленин и его соратники считали, что Октябрьская революция положила начало переходу всего человечества к коммунизму, и им нужно продержаться у власти всего несколько недель, в крайнем случае — несколько месяцев до выступления европейского пролетариата. Но вопреки их расчётам революция 1918 г. в Германии в социалистическую не переросла, а провозглашённые в 1919 г. Советские республики в Бремене и Баварии, Венгрии и Словакии, просуществовали совсем недолго. Поражение советских республик, однако, не поколебало уверенности вождей Октябрьской революции в своей исторической правоте.

6 ноября 1920 г. на заседании Пленума Моссовета, посвящённом третьей годовщине Октябрьской революции, В.И. Ленин сказал: «Мы побеждаем в течение трёх лет. Это является гигантской победой, в которую раньше никто бы из нас не поверил. Три года тому назад, когда мы сидели в Смольном... если бы в ту ночь нам сказали, что через три года будет то, что есть сейчас, будет вот эта наша победа, — никто, даже самый заядлый оптимист, этому не поверил бы. Мы тогда знали, что наша победа будет победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчёте на мировую революцию»[1].

Сразу после окончания Первой мировой войны, в марте 1919 г. в Москве по инициативе Ленина состоялся I (учредительный) конгресс Коммунистического Интернационала, в который вошли многие левые социалистические партии Европы и Азии, перешедшие на большевистские (коммунистические) позиции. В уставе, принятом на II конгрессе в августе 1920 г., говорилось: «Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание Международной Советской республики как переходной ступени к полному уничтожению государства. Коммунистический Интернационал считает диктатуру пролетариата единственным средством, дающим возможность освободить человечество от ужасов капитализма. И Коммунистический Интернационал считает Советскую власть исторически данной формой этой диктатуры пролетариата»[2].

«По существу дела Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране. Организационный аппарат Коммунистического Интернационала должен обеспечивать труженикам каждой страны возможность в каждый данный момент получить максимальную помощь от организованных пролетариев остальных стран»[3].

Идейно-политически, организационно и материально Коминтерн был неразрывно связан с российской компартией, с Советским Союзом, что выразилось в полной зависимости Коминтерна и его руководящих органов от советской внешней политики[4]. С момента своего основания Коминтерн использовался Советской Россией как инструмент вмешательства во внутренние дела целого ряда государств мира.

Принцип пролетарского интернационализма вступал в прямое противоречие с принципом мирного сосуществования с капиталистической системой. Этим объясняется непоследовательность внешнеполитических акций РСФСР. Но политика Запада в отношении Советской России была не менее противоречивой. С одной стороны, Запад стремился держать её в политической и экономической изоляции, с другой — ведущие державы мира были заинтересованы в компенсации своих материальных потерь, связанных с революцией; они ставили целью вновь получить доступ к утраченным сырьевым ресурсам, обеспечить проникновение в страну иностранных капиталов и товаров.

И.В. Сталин детально разработал ленинское положение о неизбежности империалистических войн, сформулировав ряд тезисов, касающихся международных отношений: войны неизбежны пока существует империализм и «чтобы устранить неизбежность войны, нужно уничтожить империализм»[5]; СССР окружён непримиримыми врагами, поэтому искреннее сотрудничество с ними невозможно; «Октябрьская революция создала в лице пролетарской диктатуры мощную и открытую базу мирового революционного движения, которой она никогда не имела раньше и на которую она может теперь опереться»[6]. И.В. Сталин считал, что даже активное движение за мир не способно предотвратить новые империалистические войны, а Советский Союз неизбежно будет втянут в любой значительный международный конфликт. Говоря о неизбежности войн между капиталистическими государствами, Сталин имел в виду и неизбежность войн между капиталистическими странами и Советским Союзом[7].

Согласно сталинской концепции, опасность для СССР представляли не только отдельные иностранные державы, такие, как Германия и Япония, но всё его «капиталистическое окружение». На совещании работников оборонной промышленности 14 июня 1934 г. Сталин, в частности, заявил: «У нас капиталистическое окружение, значит, мы окружены врагами, врагами цивилизованными и более культурными, чем мы, врагами опытными, которые ни перед чем не остановятся»[8].

С начала 1930-х годов руководство Советского Союза жило в ожидании агрессии не только на Западе, но и на Дальнем Востоке. Донесения разведки, военной и политической, свидетельствовали, что Япония готовилась воевать с СССР, что позднее было подтверждено материалами Международного военного трибунала в Токио.

Все 1930-е годы военная разведка ставила своей целью выявить, нападёт ли Страна восходящего солнца на Советский Союз в текущем году, и если не нападёт, как сложится ситуация в следующем году. Разведкой и руководством страны эта угроза расценивалась как реальная. Вместе с тем сама Япония, готовясь воевать со страной Советов, не задавалась вопросом, подкреплены ли её планы материальными и людскими ресурсами, в каком состоянии находится группировка войск в Маньчжурии, располагает ли она для ведения наступательных операций необходимым количеством дивизий, подготовлена ли инфраструктура театра военных действий, соответствует ли вооружение и боевая техника современным требованиям и как соотносятся её показатели с подобными показателями Красной Армии.

К войне с превосходившим её по всем показателям противником Япония не была готова. Её безрассудство и авантюризм в этом вопросе объясняются следующими обстоятельствами: победой в Русско-японской войне 1904—1905 гг. против превосходившего по силам противника; успешной на первых порах интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг.; оккупацией Маньчжурии ограниченным контингентом японских войск (что не могло не вскружить голову командованию Квантунской и Корейской армий); отсутствием решительного противодействия при вторжении японцев, в нарушение Портсмутского договора, в Северную Маньчжурию с занятием в 1932 году Харбина, главного города Китайско-Восточной железной дороги (СССР не ввёл войска в Северную Маньчжурию, как во время конфликта на КВЖД в 1929 г., когда Особая дальневосточная армия разгромила войска китайского милитариста Чжан Сюэляна); продажей Советским Союзом КВЖД в 1935 г. подконтрольному Японии государству Маньчжоу-Го; попустительством японскому вторжению со стороны западных держав. Отсюда некритичный подход к оценке собственных сил и средств, а также сил и средств противника, и даже затянувшаяся война с Китаем, развязанная в 1937 г., не отрезвила японское военно-политическое руководство.

Планы вторжения Японии в СССР, которые регулярно корректировались и менялись в соответствии с изменившимися условиями, предусматривали нанесение поражения Советскому Союзу на Дальнем Востоке (а в ряде случаев и в Сибири) в ходе быстротечной кампании. Основное отличие японских планов от германской Директивы № 21 состояло в том, что они не были подкреплены мощным «кулаком» пехоты, бронетанковых соединений и авиации, оснащённых современным оружием и техникой, и существовали только на бумаге.

Командование Квантунской и Корейской армий нередко начинало боевые действия по своей инициативе, и вместо наказания за подобные инициативы высшее руководство страны временно отстраняло военачальников от должности. Это означало, что локальный вооружённый конфликт мог в любой момент перерасти в большую войну.

Советская разведка была не в состоянии вскрыть тот факт, что Япония не готова к развязыванию войны. В своих донесениях разведчики ограничивались констатацией того факта, что Япония готовится к войне с Советским Союзом, но в текущем году на СССР не нападёт. Правда, в этом были и положительные стороны: благодаря существовавшему напряжению, на Дальнем Востоке была развернута сильная группировка вооружённых сил Красной Армии, соз-

дан военно-промышленный комплекс, не зависевший от функционирования Транссибирской магистрали, подготовлена инфраструктура и т. д.

В своей вступительной речи на Токийском процессе обвинитель от Советского Союза С.А. Голунский подчеркивал: «В течение всего периода, охватываемого обвинительным актом (с 1928 г. — вплоть до капитуляции Японии. — *М.А.*), характер и формы японской агрессии против Советского Союза менялись. Оставалась неизменной только основная цель — так или иначе, тем или иным способом захватить столько советских территорий, сколько удастся, и нанести такой удар по Советской стране, какой только окажется возможным»[9].

Ещё более адекватной оценкой стратегии Японии по отношению к Советскому Союзу в 1930-е годы стало высказывание на допросе бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хикосабуро Хата 28 февраля 1946 г. в Хабаровске: «Действия Японии, совершаемые в то время в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол, носили провокационный характер, и эта провокация не была рассчитана на Большую войну. Основная цель, которую Япония преследовала в то время, заключалась в захвате вооружённой силой части территории. **То есть действия Японии в данном случае можно сопоставлять с действиями шелковичного червя, постепенно поедающего лист тутового дерева** (выделено мной. —*М.А.*)»[10].

Японское руководство предпочитало не замечать опасность перерастания пограничных конфликтов (например, в районе реки Халхин-Гол в 1939 г.) в полномасштабную войну. И ещё: наличие прожорливого «шелковичного червя» на восточных границах Советского Союза облегчало для Германии ведение боевых действий против СССР. В телеграмме в Токио от 15 мая 1942 г. Риббентроп признал, что сам по себе факт концентрации японских войск на советско-маньчжурской границе облегчал положение Германии, «поскольку Россия, во всяком случае, должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта»[11].

Японские планы войны против СССР были наступательными, а отнюдь не планами «стратегической обороны», как это пытались представить адвокаты японских подсудимых на Токийском процессе. Возможно, при определённых обстоятельствах оборонительная стратегия оправдывает наступательные операции и, может быть, предусматривает их проведение. Однако, как отмечалось в Приговоре международного трибунала для Дальнего Востока (по делу главных военных преступников), такие планы «были "оборонительными" только в искажённом смысле слова, поскольку предусматривали защиту "императорского пути", то есть экспансию Японии за счёт своих соседей на азиатском континенте»[12].

Оценку «агрессивной политики Японии на Дальнем Востоке» дал в собственноручных показаниях и командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо 8-9 апреля 1946 года: «В начале эры Мэйдзи, около 1867 г., в Японии ещё не было трудностей вследствие перенаселённости страны. Тем не менее, уже тогда, с точки зрения национальной обороны, слабым местом обороны считалось наличие влияния третьих стран в Корее, на Сахалине, Курильских островах и т. д. Вот почему после 1867 г. в Японии неоднократно обсуждался вопрос о необходимости насаждения нашего влияния в Корее, вследствие чего в 1894—1895 гг. возникла Японо-китайская война. Тогда же

между Россией и Японией существовало расхождение в вопросе о принадлежности островов Курильской гряды и Южного Сахалина.

В Японии было немало людей, которые старались упрочить национальные права путём экспансии в сторону Курильского архипелага и Сахалина с тем, чтобы усилить оборону севера и колонизировать эти земли.

В последующее время между Россией и Японией была достигнута договорённость относительно разграничения территорий. Несмотря на это Япония хотела обладать Сахалином как в интересах национальной обороны, так и экономики. Поэтому на Портсмутской конференции 1905 г. Япония одним из условий заключения мира выдвинула требование о присоединении к ней Сахалина и получила его южную часть. Однако в первую очередь последующая экспансия была устремлена в направлении Маньчжурии и Кореи. Это было вполне естественно в силу географического положения данных стран. Военные приготовления Японии имели своей целью выполнение указанных национальных задач, и объектом военных мероприятий была армия Китая, а затем русская армия на Дальнем Востоке.

Японо-китайская война была первым шагом по применению реальной силы Японии для устранения из Кореи влияния Китая. Для выполнения национальной политики экспансии в сторону материка японская армия была увеличена с 7-ми дивизий до 13. В итоге Японо-китайской войны Китай уступил Японии Формозу [Тайвань], признал самостоятельность Кореи. Таким образом, до некоторой степени положение Японии было упрочено. Тем не менее, Япония не смогла овладеть какой-либо частью Маньчжурии. Затем постепенно объект вооружённых приготовлений стал перемещаться на Россию. Русско-японская война была начата Японией с целью изгнания русского влияния из Маньчжурии и Кореи…

В результате Русско-японской войны Япония получила от России Южный Сахалин, чем упрочила национальную оборону на Севере, приобрела Ляодунский полуостров и часть Китайско-Восточной ж. д. на юг от Чанчуня, уничтожив влияние России в Южной Маньчжурии. Таким образом, Япония создала себе базу для агрессии в сторону материка. Регулярная армия Японии была увеличена до 19 дивизий, из которых одна дивизия была расквартирована в Южной Маньчжурии как опора для расширения здесь сферы японского влияния.

Захват Кореи был только частью тех задач, которые были поставлены перед экспансией Японии на материке. Это означало, что Япония овладела опорным пунктом для продвижения в Маньчжурию.

В 1905 году Япония... использовала создавшееся после войны положение для неожиданного объявления Кореи свои протекторатом. Тогда же было создано Корейское генерал-губернаторство, а в 1910 году Япония окончательно захватила Корею. Захват Кореи и приобретение Южной Маньчжурии укрепили плацдарм для последующей японской агрессии в сторону материка.

С захватом Кореи численность квартирующих там вооружённых сил Японии была увеличена на 2 дивизии. Армия в Корее стала передовой линией подготовки вооружений против России и Китая.

В 1918 году, воспользовавшись тем, что силы Советской России ещё не были на должной высоте, Япония отправила в Сибирь экспедиционные войска. Интервенция преследовала следующие цели: оказание помощи чехословацким силам и создание белогвардейского государства под японским влия-

нием и покровительством. Япония держала свои войска на Дальнем Востоке четыре года и эвакуировала их вследствие экономической неурядицы в самой Японии и под давлением частей Красной Армии...

Экспедиционные силы того времени состояли из 3-й, 5-й, 7-й, 11-й и 12-й дивизий. Закончив интервенцию, Япония вывела войска из Сибири в 1922 году...»[13].

Мирный договор между Россией и Японией, заключённый в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года[14] предусматривал следующие серьёзные уступки:

1) полную свободу для проведения японской политики в Корее;

2) уступку «с согласия Китайского Правительства» Порт-Артура, Талиена и прилегающих территориальных вод, а также все права, преимущества и концессии, все сооружения и имущество на данной территории;

3) безвозмездную уступку «с согласия Китайского Правительства» железной дороги между Чан-чунь (Куан-ченцзы) и Порт-Артуром и все её разветвления со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом, а также всех каменноугольных копей, принадлежащих «означенной железной дороге или разрабатываемых в её пользу»;

4) уступку «в вечное и полное владение» южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов по пятидесятой параллели северной широты.

Согласно Портсмутскому договору, Россия и Япония «взаимно» обязались: «1) Эвакуировать совершенно и одновременно Маньчжурию, за исключением территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова, согласно постановлениям дополнительной I статьи, приложенной к сему Договору, и 2) Возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всём объеме все части Маньчжурии, которые ныне заняты русскими или японскими войсками или которые находятся под их надзором, за исключением вышеупомянутой территории». В сентябре 1931 года эту статью мирного договора Япония нарушила.

Интервенция на Дальнем Востоке проходила в два этапа. С 1918-го по март 1920-го в ней участвовали государства Антанты; с апреля 1920-го по октябрь 1922-го — только Страна восходящего солнца, заинтересованная в новых территориальных приобретениях. Речь шла о российских землях не только на берегах Тихого океана, но и в Забайкалье.

Уже в октябре 1917 г. «Союзный Высший совет согласился пригласить Японию оккупировать Владивосток и обеспечить движение по Транссибирской ж. д. При этом услуги Японии союзникам должны были быть компенсированы частью Сибирской территории. Но президент Вильсон воспротивился этому плану, задержал на несколько месяцев экспедицию, пока, наконец, не победила его идея союзной интервенции»[15].

4 апреля 1918 года во Владивостоке были убиты двое японских служащих коммерческой компании. На следующий день под предлогом защиты своих подданных японцы высадили в городе десант; вслед за ними высадились англичане.

Начальник английского экспедиционного отряда полковник Джон Уорд рассказывал: «При высадке своих войск во Владивостоке Япония представила командующему областью через своих дипломатических агентов ряд предложений, которые отдавали под её контроль русские приморские области.

Командующий русскими войсками попросил, чтобы эти предложения были изложены письменно, и японский агент после некоторого смущения согласился на это при условии, что первый пункт предложений не должен рассматриваться как окончательный, но только как предваряющий другие. Первое предложение состояло в следующем: Япония обязуется уплатить командующему 150.000.000 р. (по старой валюте), взамен чего последний должен подписать соглашение, предоставляющее Японии владение всеми береговыми и рыбными правами вплоть до Камчатки, вечную аренду Инжильских копей и всё железо (исключая принадлежавшее союзникам), находящееся во Владивостоке.

Командующий оказался честным человеком и сообщил в своём ответе, что не представляет русского правительства и не может подписать акта, отчуждающего собственность или права России. Ответ Японии был краток и красноречив: «Берите наши деньги и подписывайте соглашение, риск относительно законности мы поделим пополам»[16].

Не оставляя мысли провести интервенцию самостоятельно, Япония вела сепаратные переговоры с белогвардейским командованием. Начальник японской военной миссии при Временном Правителе генерал-лейтенанте Д.Л. Хорвате (10 июля — 13 сентября 1918 г.) предлагал помощь на следующих условиях:

«1) Япония производит интервенцию в Сибири одна;

2) Япония получает северную часть Сахалина;

3) Японии предоставляются предпочтительные коммерческие права в Восточной Сибири;

4) Японии гарантируются концессии для эксплуатации минеральных и лесных богатств к востоку от Байкальского озера;

5) японские подданные получают одинаковые с русскими права в Восточной Сибири;

6) Владивосток превращается в свободный порт, и все военные сооружения снимаются»[17].

2 августа 1918 г. японское правительство объявило, что пошлёт во Владивосток войска для оказания помощи чехословацкому корпусу. В тот же день японский десант захватил Николаевск-на-Амуре, где не было чешских легионеров. Во Владивостоке началась высадка американских, английских и французских войск. Объединённый экспедиционный корпус интервентов возглавил японский генерал Отани.

К октябрю 1918 г. численность японских войск в России достигла 72 тысяч человек (в то же время американский экспедиционный корпус насчитывал 10 тысяч человек, а войска других стран — 28 тысяч), они оккупировали Приморье, Приамурье и Забайкалье. Войска Антанты, и прежде всего Япония, оккупировали огромную территорию своей бывшей союзницы в Первой мировой войне.

Японцы вынашивали план создания на обширных российских территориях буферного государства под протекторатом Японии, о чём в 1919 году японский представитель вёл переговоры с атаманом Семёновым. Действия интервентов вызывали сопротивление местного населения: только в Приамурье весной 1919 года действовало 20 партизанских отрядов, насчитывавших (по японским оценкам) 25 тысяч человек.

Разгром Колчака в конце 1919-го — начале 1920 года заставил Америку и другие державы Антанты начать вывод войск с Дальнего Востока, который завершился к апрелю (американские корабли оставались на рейде Владивостока до 1922 года), однако численность японских войск там не уменьшилась.

Поводом к отказу от эвакуации японских войск послужил так называемый Николаевский инцидент: занятый интервентами ещё в сентябре 1918 г. Николаевск-на-Амуре в начале 1920 г. был окружён отрядом красных партизан под командованием анархиста, тверского мещанина Я. И. Тряпицына. 28 февраля вслед за соглашением о капитуляции белогвардейцев было заключено соглашение «О мире и дружбе японцев и русских». Партизаны вошли в город, уничтожили всех сдавшихся в плен белогвардейцев и потребовали от японцев разоружиться. Те отказались, напали на штаб партизан и ранили Тряпицына. В ответ партизаны обстреляли японское консульство и бараки, занятые японскими войсками. Более 850 военнослужащих и гражданских лиц были взяты в плен[18]. Несколько позднее, после очищения Амура ото льда, в Николаевск-на-Амуре на военных судах прибыл японский экспедиционный отряд. При его приближении Тряпицын приказал расстрелять японских военнопленных и тех жителей города, которые отказались уйти с ним из Николаевска, после чего сжёг город. За эти действия местный народный суд приговорил Тряпицына и других руководителей отряда партизан-анархистов к расстрелу[19].

В качестве акта возмездия японцы организовали в Приморье массовую резню — было убито и ранено свыше пяти тысяч человек, а в топке паровоза сожжён один из руководителей партизанского движения Дальнего Востока Сергей Лазо. Воспользовавшись Николаевским инцидентом, правительство Японии отказалось эвакуировать свои войска с российского Дальнего Востока. Под предлогом защиты служащих нефтяной компании «Хокусинкай» в июне 1920 г. японские войска оккупировали Северный Сахалин. Япония заявила, что не уйдёт оттуда, пока Россия не признает своей ответственности за гибель японцев в Николаевске. Сразу после этого японские войска захватили Приморье и Приамурье. Эти районы были превращены в базу для нападения на Камчатку, где к 1922 году японцы захватили 93 % рыболовных участков. На Сахалине они стремились овладеть запасами нефти и угля[20].

Ещё в 1919 г., чтобы избежать прямого военного столкновения РСФСР с Японией, по инициативе В.И. Ленина было создано «буферное государство» — Дальневосточная республика (ДВР). По решению учредительного съезда республики, проходившего в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), в неё вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин.

Открытый военный конфликт с Японией мог дать новый виток вооружённой борьбе Белого движения против Советской власти, прежде всего в Сибири. О том, насколько серьёзной виделась угроза такого военного столкновения, в своем докладе о концессиях на фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов свидетельствовал председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянов (Ленин): «Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку её военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики, и мы прекрасно знаем, какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне

от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири... Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны всё сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна. И в то же время, отнимая от нас связь со всемирной торговлей через Тихий океан, Япония наносит нам колоссальный ущерб... Бороться с Японией мы в настоящий момент не в состоянии...»[21].

В этом выступлении В.И. Ленин провидчески указал: «Перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, — ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определённых указаний на то, как это столкновение растёт и делает войну между Америкой и Японией неизбежной...»[22].

В Москве было решено создать временное демократическое правительство, которое могло бы установить с Токио межгосударственные отношения, а особенно — с командованием японского экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке. Дальнейшее продвижение Красной Армии было остановлено сразу за Иркутском, на рубеже озера Байкал; за Верхнеудинском по линии Транссибирской железнодорожной магистрали уже находились японские гарнизоны.

Совет Народных Комиссаров РСФСР официально признал Дальневосточную Республику и стал оказывать ей всестороннюю помощь, прежде всего военную. «Буферное» государство на Дальнем Востоке просуществовало до ноября 1922 года.

14 июля 1920 г. между правительством ДВР и командованием экспедиционных войск был подписан договор о перемирии, а японские войска были выведены из Забайкалья. Потеряв поддержку японцев, бежали в Маньчжурию банды атамана Семенова, а Чита после освобождения стала столицей Дальневосточной республики, в которую вошли Западно-Забайкальская, Восточно-Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области.

В январе 1921 года главнокомандующий японской экспедиционной армией Татибана, игнорируя факт присоединения Приморья к ДВР как территории, вошедшей в состав России по русско-китайскому договору 1860 г., заявил, что «Владивосток принадлежит Корее, а значит, нам, и если владели им русские, то не по праву»[23].

С августа 1921-го по апрель 1922 г. в китайском городе Дайрене делегации ДВР и Японии обсуждали условия мирного урегулирования. Представители ДВР предложили подписать договор, предусматривавший обязательство Японии эвакуировать свои войска с Дальнего Востока. Однако японцы выдвинули свой, заведомо неприемлемый проект: «Правительство ДВР должно сделать Владивосток чисто торговым портом, поставив его под иностранный контроль (§1). Расширить права японских рыбопромышленников и предоставить японцам более широкие права каботажа у русского морского побережья (§2). Правительство ДВР обязуется перед японским правительством на все времена не вводить на своей территории коммунистического режима и сохранить принцип частной собственности не только в отношении японских подданных, но и своих граждан (§10). Правительство ДВР обязуется срыть и

в необходимых случаях взорвать все свои крепости и укрепления по всему морскому побережью в районе Владивостока и на границе с Кореей и в будущем никогда их не восстанавливать, а также не предпринимать никаких военных мер в районах, прилегающих в Корее и Маньчжурии. Правительство ДВР должно признать официальное проживание и путешествия специальных японских военных миссий и отдельных японских военных чинов на всей своей территории. Правительство ДВР обязуется никогда не держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожить существующий (§14). Правительство ДВР обязуется перед японским правительством сдать последнему северную часть острова Сахалина в аренду сроком на 80 лет (§15)»[24]. Разумеется, делегация ДВР с негодованием отвергла эти предложения.

В начале 1922 г. армия ДВР нанесла поражение белогвардейцам при Волочаевке, а 14 февраля был освобождён Хабаровск. Попытки японцев и белогвардейцев вновь перейти в наступление были сорваны.

Негативное отношение к продолжению интервенции как в самой Японии, так и за рубежом, в частности в США, побудило японское правительство вступить в переговоры уже не только с ДВР, но и с РСФСР.

Конференция открылась 4 сентября 1922 г. в Чанчуне. Началу переговоров предшествовало заявление японского правительства о готовности до 1 ноября 1922 г. вывести войска из Приморья. Объединённая делегация ДВР и РСФСР потребовала эвакуации японских войск также с Северного Сахалина. Японцы заявили о несогласии прекратить оккупацию острова, и конференция была прервана. Эвакуироваться из Приморья японцы тоже не собирались.

Разгром японских войск и частей белогвардейцев осенью 1922 г. нанёс сокрушительный удар по захватническим планам Японии. 7 ноября 1922 г. Красной Армией был освобождён Владивосток, 13 ноября Народное собрание ДВР объявило о присоединении республики к РСФСР, а 16 ноября ВЦИК РСФСР провозгласил ДВР, включая зоны, оккупированные японской стороной, составной частью РСФСР. Под этими зонами подразумевался ещё не освобождённый от японцев Северный Сахалин.

В ходе переговоров о нормализации отношений японская сторона поставила вопрос о компенсации гибели японцев и ущерба, нанесённого Японии в результате Николаевского инцидента. Предполагалось предоставление ей нефтяных и угольных концессий либо продажа этой территории. Сведения о намерении Японии принудить советскую сторону продать ей Северный Сахалин впервые появились в китайской печати летом 1922 г. В декабре 1922 г. мэр Токио Гото Симпэй, бывший министр иностранных дел Японии и председатель Японо-русской ассоциации, пригласил чрезвычайного посла для Китая и председателя советской делегации по переговорам с Японией в Чанчуне (Маньчжурия) А.А. Иоффе в Японию и предложил ему провести переговоры о продаже ей Северного Сахалина за 100 млн. долларов. Вопрос о продаже Северного Сахалина, правда, за более значительную сумму, рассматривался и советским руководством в связи с глубоким экономическим кризисом в стране, а также в связи с опасениями, что Япония аннексирует эту территорию безвозмездно. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 3 мая 1923 г. гласил: «Присутствовали члены политбюро тт. Зиновьев, Каменев, Сталин, Томский, Троцкий; кандидаты тт. Бухарин, Калинин, Рудзутак; члены ЦКК тт. Сольц, Ярославский, Куйбышев, председатель СНК т. Цюрупа, члены ЦК тт. Сокольников, Чубарь, Радек, Смирнов А.П.

...Политбюро не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи о. Сахалин, причём сумму в миллиард рублей считать минимальной... Сумма должна быть внесена вся или в размере 9/10 наличными»[25].

Этот документ объясняет, почему на открывшихся 28 июня 1923 г. советско-японских переговорах в Пекине о нормализации двусторонних отношений советский полномочный представитель А.А. Иоффе предложил японскому полномочному представителю Ц. Каваками продать Японии Северный Сахалин в июле того же года за 1 млн. золотых рублей, повысив затем эту сумму, по требованию Москвы, до 1,5 млн. Каваками предложил 150 млн. иен, существенно ниже суммы, запрошенной советской стороной. В итоге стороны договорились удовлетворить требование Японии о компенсации за Николаевский инцидент предоставлением ей концессии в этой части острова и письменным извинением советской стороны[26].

После провала интервенции военно-политическое руководство вырабатывало основы внешней политики и стратегии Японии в виде двух главных направлений вооружённой экспансии — северного и южного. В качестве основных вероятных противников определялись СССР и США. Подготовка войны против СССР возлагалась главным образом на сухопутные войска, против США — на Военно-морской флот. В Японии были приняты геополитические термины: «хокусин» — «движение на север» и «нансин» — «движение на юг». В «Основах использования вооружённых сил» указывалось: «В принципе операции против СССР следует проводить в основном силами императорской армии при поддержке части соединений военно-морских сил, в то время как операции против США необходимо вести главным образом военно-морскими силами при поддержке части соединений армии»[27]. Генштаб Японии планировал «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»[28].

В мае 1924 года в Пекине начались официальные советско-японские переговоры о нормализации двусторонних отношений, которые завершились 20 января 1925 года подписанием «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». Документ содержал ряд значительных уступок Токио, на которые советская сторона пошла ради установления дипломатических отношений и стабилизации ситуации на Дальнем Востоке, поскольку признание Японией Советской России не в последнюю очередь вело к прекращению (или, по крайней мере, усложнению) оказания японской стороной до этого момента активной поддержки антисоветских белогвардейских сил на Дальнем Востоке за пределами СССР. Советское правительство вынуждено было признать сохранение в силе Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г., а также пойти на предоставление «японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Советских Социалистических Республик» [29].

Однако, приступая к подписанию конвенции советский представитель (Л. М. Карахан, полпред СССР в Китае) заявил, что «признание его правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. нико-

им образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора».

В Договоре отмечалось, что «ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет разрешать присутствия на территории, находящейся под её юрисдикцией:

а) организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны,

б) чужеземных подданных или граждан, относительно которых было бы обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп».

Прилагаемые к Конвенции Протоколы закрепляли право японской стороны на разграбление полезных ископаемых на территории СССР в течение ближайших 40—50 лет.

Протокол А обязывал стороны взаимно обеспечить права собственности на движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее России в Японии и Японии в России до 7 ноября 1917 г. В документе предусматривалось также проведение переговоров по долгам России правительству Японии и её частным лицам, которые возникли в связи с займом и казначейскими билетами бывшего царского и Временного правительств. Протокол Б устанавливал предоставление Японии концессий на эксплуатацию 50% площади восьми нефтяных месторождений на Северном Сахалине, выбранных японской стороной. СССР предоставлял Японии две угольных концессии. Условия, выдвинутые советской стороной, заключались в выплате от 5 до 15% валовой добычи нефти и от 5 до 8% валовой добычи угля в зависимости от месторождения. (Соответствующие договоры были заключены в декабре 1925 г. до 1970 г.)

По мобилизационному плану 1926 г. против СССР должно было быть использовано 18 дивизий. При этом считалось, что ослабленная революцией и Гражданской войной Россия «не сможет выставить против Японии и десяти дивизий»[30].

Стремясь не допустить возобновления конфронтации с Японией, советское правительство в мае 1927 г. обратилось к Токио с предложением о подписании между обоими государствами договора о ненападении. Несмотря на установление дипломатических отношений с СССР, японское правительство не желало связывать себя подобным соглашением. Его позиция сводилась к тому, чтобы «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»[31]. Против подписания пакта о ненападении с СССР выступило руководство японской армии. В генеральном штабе и военном министерстве считали, что новую войну следует начать как можно раньше, до того как СССР усилит свою мощь.

Составленный в середине 1920-х г. план «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку с моря и из северных районов Кореи. Правда, до угрозы агрессии, не говоря уже о прямой агрессии, было ещё далеко. Этот вариант плана считался наиболее оптимальным. При отсутствии плацдарма в Маньчжурии вести сухопутные операции можно было только через советско-корейскую границу, используя дивизии Корейской армии. Высадка крупного морского десанта в Приморье при полном отсутствии у Советского Союза флота и береговой обороны побережья представлялась

вполне реальной операцией с хорошими шансами на успех. Разоружённая владивостокская крепость при отсутствии необходимых запасов в случае её блокады не смогла бы долго держаться.

К концу 1920-х г. разработка планов войны с Советским Союзом в Токио и штабе Квантунской армии была в полном разгаре. Для их осуществления нужен был плацдарм на материке. Ляодунского полуострова, которым владела Япония, для будущей агрессии против северного Китая и Советского Союза было недостаточно. Таким плацдармом могла быть только Маньчжурия. Планы захвата этого обширного района Китая, которые разрабатывались в штабе Квантунской армии, были частью плана войны против Советского Союза[32].

В своих показаниях, принятых Токийским трибуналом в качестве документа обвинения, генерал-лейтенант Мияке Мацухара (с 1928 г. по 1932 г. в чине подполковника занимал должность начальника штаба Квантунской армии) заявил, что «план операций, который был должен привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР, имевшегося в японском генштабе. Впервые о существовании плана нападения на СССР я узнал, прибыв в июле 1928 г. на должность начальника штаба Квантунской армии»[33].

25 декабря 1926 г. умер император Японии Иосихито, на престол вступил молодой император Хирохито. На смену эре Тайсё пришла новая эра — Сёва.

Усилившие свое влияние в политике японского государства военные круги добились в апреле 1927 г. формирования кабинета министров, который возглавил генерал Танака Гиити[34], совмещая премьерство с должностями министра иностранных дел и министра по делам колоний. В 1887—1902 гг. Танака проходил стажировку в Новочеркасском полку на должностях командира роты и батальона, в ходе которой решал поставленные перед ним разведывательные задачи — изучение русской армии, её вооружения, морального духа солдат и офицеров. За это время он приобрёл блестящее знание русского языка, что впоследствии, в совокупности с другими качествами, предопределило его назначение начальником русской секции Генерального штаба японских сухопутных сил. Эта должность предполагала постоянные контакты с русскими военными агентами. В течение 1903 г. и с 1906 г. до начала Первой мировой войны Гиити Танака поддерживал тесную связь, выходившую за рамки официальных отношений, с военным агентом России полковником В. К. Самойловым[35], который в 1906 г. направил в Главное управление Генерального штаба рапорт с ходатайством о награждении Танаки орденом св. Станислава II степени со звездой (ранее он был награждён орденом св. Анны II степени). В представлении отмечалось, что Танака длительное время предоставлял сведения, не подлежавшие оглашению, в том числе о работе японских военных комиссий, тексты лекций о войне для японских офицеров и т. д.

Новый посланник в Токио Ю. П. Бахметьев поддержал представление В. К. Самойлова, считая, что поощрение позволит расширить перечень информации, получаемой от Танаки, который при этом не был русским агентом. Никто и представить не мог, что японский офицер, предоставлявший услуги русской военной разведке, всего через 12 лет станет премьер-министром Японии и получит прозвище «японского Бисмарка».

В период пребывания его у власти в Японии прошли первые в истории парламентские выборы на основе всеобщего (для мужчин) избирательного

права (1928 г.). Вместе с тем проводились массовые аресты коммунистов и «сочувствующих», были распущены профсоюзные и другие общественные организации левого толка. Внешняя политика кабинета Танаки характеризовалась усилением японского вмешательства во внутренние дела Китая: в течение 1927—1928 годов он трижды направлял туда войска.

С 27 июня по 7 июля 1927 года в Токио проходила так называемая «Восточная конференция», в работе которой принимали участие руководители военного министерства, Квантунской армии, Генерального штаба и японские дипломаты, аккредитованные в Китае. По её итогам была принята «Программа политики в отношении Китая». Японские авторы пятитомной «Истории войны на Тихом океане» вынуждены признать: «Даже в опубликованных решениях, принятых на конференции, говорилось, что Монголия и особенно Маньчжурия "являются не только предметом особой заботы нашей страны (то есть Японии). Более того, японская империя, являясь их соседом, считает себя ответственной за сохранение мира в этих районах, обеспечение развития их экономики и превращение этих районов в территории, где бы могли мирно жить и местное население, и иностранцы. В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесён ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила, и сохранить тем самым эти районы для процветания местного населения и иностранцев"»[36].

В Маньчжурию входили провинции Фынтянь, Гирин, Хэйлунцзян. Под Монголией понимались районы китайской Внутренней Монголии и территория Монгольской Народной Республики — Внешняя Монголия.

Маньчжурия привлекала к себе внимание не только своей обширностью и незначительной плотностью населения, но и тем, что она была важным рынком сбыта и источником минерального сырья и сельскохозяйственных продуктов для Японии. Основные иностранные капиталовложения в Маньчжурии принадлежали Японии. Для использования богатств Маньчжурии была создана Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, которая эксплуатировала южное направление КВЖД — Южно-Маньчжурскую железную дорогу, отошедшую к Японии после войны 1904—1905 гг. В судоходные, горнорудные, лесные, сельскохозяйственные и животноводческие предприятия было инвестировано 40 млн иен.

Северо-восточные провинции Китая и Монголия, вдаваясь клином в территорию Советского Союза, обеспечивали выгодное стратегическое положение по отношению к районам Забайкалья, Приамурья и Приморья. Одновременно Маньчжурия и Внутренняя Монголия могли стать удобным плацдармом для дальнейшей экспансии в Китае.

После «маньчжурского инцидента» (сентябрь 1931 г.) заместитель министра иностранных дел Японии по политическим вопросам Мори Каку, организатор Восточной конференции, заявил: «"Думаю, что теперь можно рассказать и о решениях конференции". Из его слов явствовало, что Япония, стремившаяся не допустить, чтобы Китай стал "красным", намеревалась в соответствии с решениями конференции "отторгнуть от Китая Маньчжурию и Монголию и превратить их в сферу своего влияния. Суверенитет этих районов переходил в руки Японии. Она же брала на себя задачу поддержания

общественного спокойствия. Но так как прямо заявить об этом было неудобно, всё это было преподнесено общественному мнению в облатке Восточной конференции". На отторгнутой от Китая территории предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори Каку, на них должна "обрушиться вся государственная мощь"». «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии»[37].

Считается, что 25 июля того же года Танака изложил принятую «Программу политики в отношении Китая» в своём докладе тэнно — «небесному хозяину». Этот документ, в последующем получивший название «меморандум Танаки»[38], при всей его прагматичности и конкретности, во многом носил идеологический характер.

В «меморандуме» излагался план покорения Маньчжурии и Монголии и управления ими. В первую очередь это был целый комплекс мер (всего 14 позиций) по закреплению и расширению экономического присутствия Японии в регионе. Предусматривалось также выделение из «секретных фондов» военного министерства одного миллиона иен для отправки во Внешнюю и Внутреннюю Монголию 400 отставных военных, которые, «...одетые, как китайские граждане, или выступающие в роли учителей, должны смешаться с населением, завоевать доверие монгольских князей». Число проживавших в Маньчжурии корейцев предполагалось довести до двух с половиной миллионов, чтобы в случае необходимости их можно было «подстрекнуть к военным действиям». В Северной Маньчжурии планировалось строительство железных дорог на случай военной мобилизации и военных перевозок. При этом факт признания Японией суверенитета Китая над Маньчжурией и Монголией рассматривался в документе как «крайне печальное обстоятельство».

В «меморандуме» были впервые сформулированы стратегические задачи, стоявшие перед страной, и обозначены основные её противники. В разделе «Позитивная политика в Маньчжурии и Монголии» отмечалось: «В интересах самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику "крови и железа". Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает нас на Китай, осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединённые Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в Русско-японской войне».

В «меморандуме» предусматривалось создание азиатской континентальной империи и обеспечение её мирового господства. «Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей, будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир поймёт, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи».

Этапы агрессии Японии после захвата контроля над Маньчжурией и Монголией выглядели следующим образом: «Для того чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать этот район как базу для проникновения в Китай под предлогом развития нашей торговли. Будучи же вооружены обеспеченными правами, мы захватим в свои руки

ресурсы всей страны. Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдём к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте».

В «меморандуме» указывалось, что экспансию следует проводить под предлогом угрозы со стороны «красной» России, которая «готовится к продвижению на юг». Война с Советским Союзом в этом документе представлялась неизбежной: «Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведёт к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придётся сыграть ту же роль, какую мы играли в Русско-японской войне. Восточно-Китайская железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гирин, как тогда захватили Дайрен (японское название; китайское название — Далянь, бывшее русское название — Дальний. — *М.А.*). В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии для овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперёд по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию».

Подготовка к войне с СССР была переведена в практическую плоскость уже с сентября 1931 г. Однако воевать одновременно с СССР и вторым основным противником — США — Япония не могла. В конце 1941 г., после долгих и мучительных колебаний, Япония повернула свою военную машину против Америки и Англии.

«Меморандум Танаки» считался секретным, но в сентябре 1931 г., через два года после того, как документ якобы был представлен императору, «меморандум» был опубликован в журнале «China Critic» и перепечатан всей мировой прессой. В СССР его опубликовали спустя два года в журнале «Коммунистический Интернационал». В Москву текст документа доставил ИНО ОГПУ через резидентуры в Харбине и Сеуле, где он был оценен как документ чрезвычайной важности и доложен руководству страны.

Японские официальные круги поспешили выступить с опровержением подлинности документа. Открытая дискуссия прошла по этому вопросу между представителями Китая и Японии на седьмом заседании 69-й сессии совета Лиги наций 23 ноября 1932 г. Японский представитель Мацуока заявил: «Я хотел бы сказать совершенно откровенно и категорически, что подобного рода документ никогда не составлялся в Японии и никогда не представлялся на рассмотрение императора... Я был довольно близок к покойному генералу Танаке, японскому премьер-министру, и хорошо знаю, что я прав»[39].

Мацуока требовал, чтобы китайский представитель Веллингтон Ку предъявил доказательства подлинности «меморандума». В ответ Веллингтон Ку указал на то, что «позитивная политика», которую проводила и проводит Япония в отношении Китая и Маньчжурии, вполне соответствует принципам, изложенным в меморандуме.

Текст «меморандума Танаки» своей пространностью отличался от обычных докладных записок императору, кратких и чётких. Проанализировав опубликованный китайцами текст, японские историки нашли в нём немало ошибок, невозможных в подлиннике, тем более представленном императо-

ру, поскольку по такому случаю было принято использовать особые слова и грамматические формы.

«Меморандум» был опубликован уже после смерти Танаки, умершего 29 сентября 1929 года, когда ни подтвердить, ни опровергнуть его авторство было невозможно. Выбор момента тоже служил аргументом в пользу версии о фальсификации.

Исследователи отмечают поразительное сходство «меморандума» с программой японской экспансии на Евразийском континенте и борьбы за мировое господство с США, Китаем и европейскими державами, в том числе с Россией, разработанной в 1914 г. влиятельным японским ультраправым «Амурским обществом» («Общество реки Амур»; «Кокурюкай»)[40]. Советский историк А. Гальперин отмечал, что документ, получивший известность под названием «меморандум Танака», «в развернутом виде... формулировал положения тех многочисленных деклараций и манифестов, которые публиковались до него различными шовинистическими организациями Японии, пропагандировавшими установление японского господства над Китаем и всей Азией»[41].

В ходе Токийского международного военного трибунала (1946—1948) американские обвинители добились признания «меморандума» официальным обвинительным документом за номером 169. Советская сторона сомневалась в целесообразности использования этого документа для обвинения японских милитаристов. 20 ноября 1946 г., через полгода после начала процесса, главный обвинитель от СССР С.А. Голунский сообщал заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому: «По данным американского обвинения, можно опасаться, что подложность меморандума Танака будет доказана защитой в стадии её выступления. Поэтому обвинение (до этого момента. —*М.А.*) избегало ссылок на него, чтобы этим не скомпрометировать своего доказательственного материала. Мы в своих выступлениях на процессе также ни разу не упоминали о меморандуме Танака»[42].

Был ли причастен Танака к подготовке «меморандума», знал ли он о его существовании, не имеет значения, как и то, был ли его текст представлен императору. Важно, что документ существовал, и за его разработкой стояли влиятельные силы, которые способствовали не только его распространению, но и проведению японской внешней и внутренней политики по направлениям, намеченным в «меморандуме». Из этой данности следует исходить при оценке документа.

В «меморандуме Танаки» говорилось о конкретном плане ограбления Маньчжурии и Монголии. Вопрос о том, является ли «меморандум Танаки» калькой неопубликованных решений-рекомендаций, принятых на Восточной конференции в 1927 г., или эти «решения» были дополнены, и если это так, то насколько существенно, остаётся открытым. «Возникшее вслед за этим положение в Восточной Азии и сопутствующие ему действия Японии развивались в точном соответствии с "меморандумом Танаки", поэтому, — как утверждали японские авторы «Истории войны на Тихом океане», — рассеять подозрения относительно существования этого документа стало весьма трудно»[43].

При оценке этого документа произошла подмена понятий. Вместо исследования содержания в контексте проводимого Японией внешнеполитического курса, который удивительным образом совпадает с очерёдностью этапов, намеченных «меморандумом», рассматривалась причастность к его авторству Танаки, возможность представления «меморандума» императору,

форма изложения материала, используемая лексика, отсутствие подлинника документа и т. д. В результате проведённых манипуляций на документ был наклеен ярлык: «фальшивка».

Инициаторами разработки «меморандума» была инсценирована его утечка по разным каналам — через китайцев и сотрудников ИНО ОГПУ (причём не через одну резидентуру). Цель: заявить о себе, подтолкнуть власть (которая ещё не в полной мере принадлежала инициаторам появления документа) к следованию намеченным курсом и, наконец, объединить нацию вокруг амбициозных планов.

Документ послужил важной вехой в процессе милитаризации общественно-политической жизни и экономики Японии, нагнетания экспансионистских устремлений в её внешней политике, которая в конечном итоге привела к возникновению очага Второй мировой войны на Дальнем Востоке, а позднее и к войне на Тихом океане[44].

1931 год стал для Дальнего Востока особенным. К июлю 1931 г. в штабе Квантунской армии была завершена разработка плана оккупации Маньчжурии. План был направлен в генштаб и тут же утверждён. В приговоре Токийского трибунала, этом итоговом документе тщательной трёхлетней работы юристов многих стран, зафиксировано: «В японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных операций против СССР в будущем»[45]. Согласно расчётам, сделанным в Токио, войну следовало закончить в кратчайший срок, используя раздробленность китайских вооружённых сил.

3 августа 1931 г. командующий войсками Квантунского округа (так в документе) генерал-лейтенант Хондзё Сигэру отправил в Токио адресованный военному министру генералу Минами Дзиро доклад об образовании маньчжуро-монгольского государства под протекторатом Японии. Доклад развивал и дополнял основные положения «меморандума Танаки» с учётом военно-политической обстановки 1931 г.: «Теперь настало время решительных действий, и мы должны присоединить Маньчжурию, Монголию и Сибирь к Японии и образовать одну мощную и единственную в мире Империю»[46]. Генерал считал, что возрождение Китая, существование Советской России и усиление влияния Америки в восточной части Тихого океана противоречат японским интересам. «Мы (т. е. Япония. — *М.А.*), — говорилось в докладе, — должны совершенно парализовать боеспособность Китая и Советской России и привести эти государства в такое состояние, чтобы они в короткий срок не могли оправиться, оказывать нам сопротивление и восстановить своё прежнее положение»[47]. После занятия важных стратегических пунктов в Китае и Сибири генерал предлагал начать разработку там природных богатств. Для обеспечения господства империи в западной части Тихого океана он считал необходимым при удобном случае занять Филиппинские острова. Хондзё определял следующий порядок действий: первый шаг — захват Маньчжурии и Монголии, второй — использование КВЖД для вторжения в Сибирь, чтобы занять её до Верхнеудинска и принудить Советскую Россию отдать Японии территорию, лежащую к востоку от реки Лена вплоть до Берингова пролива. В докладе предусматривалось создание Дальневосточного государства по типу Маньчжуро-монгольского.

Хондзё рекомендовал военному министру, а через него и правительству, поторопиться. Он считал, что Советская Россия и Китай уже начали подготовку к будущей войне, а потому следует использовать удобный момент и стремительно двинуть японскую армию, чтобы одним ударом сломить сопротивление Китая и России.

Этот документ был получен в Москве только в марте 1932-го, когда японская агрессия в Маньчжурии была в самом разгаре. О документе Разведупром было доложено Ворошилову, а возможно, и Сталину. Доклад иллюстрировал информацию о подготавливаемой Японией агрессии против СССР.

18 сентября 1931 г. в 10 часов вечера севернее Шэньяна (Мукден), у линии ЮМЖД произошёл взрыв, инсценированный японцами. Ночью японские войска осуществили нападение на китайские казармы в Чанчуне, Сыпингае, Гунчжулине и других городах, а утром над Мукденом уже развевался японский государственный флаг. К середине дня 19 сентября японская армия полностью захватила в свои руки контроль над ЮМЖД, а 23 сентября оккупировала город Гирин. 21 сентября дислоцировавшаяся в Корее японская бригада без приказа императора, по личному распоряжению командующего японскими войсками в Корее генерала Хаяси Тэцудзиро, перешла реку Ялуцзян и вступила в пределы Маньчжурии. В течение пяти дней все важные населённые пункты провинций Мукден и Гирин были захвачены японскими войсками.

В состав Квантунской армии перед вторжением входила 2-я пехотная дивизия и шесть отдельных батальонов охранных войск ЮМЖД, в общей сложности 10400 человек (согласно Портсмутскому мирному договору), а вместе с бригадой, прибывшей из Кореи после инцидента, — 14 тысяч. Пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки дивизии были расквартированы в крупнейших городах южной Маньчжурии. По плану, разработанному штабом Квантунской армии, проведение операции возлагалось именно на эти части. Мобилизация дивизий, расположенных на японских островах, и их переброска на континент не предусматривались. И хотя китайские войска, дислоцированные в Маньчжурии, обладали огромным численным превосходством, в штабе Квантунской армии не сомневались в победе. На всякий случай в боевую готовность были приведены части 19-й и 20-й пехотных дивизий, расположенных в Корее, а в метрополии были подготовлены к отправке пехотная дивизия и пехотная бригада. Благодаря тщательной подготовке и внезапности нападения японским войскам удалось разгромить почти стотысячную армию Чжан Сюэляна, которая почти не оказала им сопротивления[48].

19 сентября на экстренном заседании японского кабинета министров было решено не допускать расширения инцидента, о чём секретной инструкцией были уведомлены японские дипломаты[49].

Тем не менее, военные действия в Маньчжурии расширялись, и правительство, возглавляемое премьер-министром Вакацуки и министром иностранных дел Сидэхарой, находилось в состоянии полной растерянности. На своих экстренных заседаниях кабинет министров так и не смог принять эффективных мер для разрешения «инцидента»[50].

Поздно ночью 19 сентября премьер-министр Вакацуки изложил императору позицию правительства: не допускать дальнейшего развития операций японской армии в Маньчжурии, а если есть возможность, вернуть войска на Квантунский полуостров. Характерно, что император премьеру не ответил. Тогда он попытался убедить военного министра отдать приказ войскам вер-

нуться в пределы Квантунской области, но генерал Минами ответил отказом, заявив, что «отступление не в традициях японских воинов» и что «речь может идти только о продолжении наступательной операции в Северной Маньчжурии, поскольку китайские руководители и их армии усиливают сопротивление». Относительно опасений по поводу возможной негативной реакции западных держав генерал Минами заявил, что «операция в Маньчжурии предпринята не только в целях защиты жизни и интересов японских граждан и их собственности в этом районе, но и в целях создания барьера на пути распространения коммунизма, в целях предотвращения советской угрозы интересам Японии и других великих держав в Китае»[51].

«На заседании кабинета 21 сентября военный министр Минами предложил направить в Маньчжурию подкрепления, но министр иностранных дел Сидэхара и министр финансов Иноуэ выступили против этого предложения. Тем не менее японская армия, дислоцировавшаяся в Корее, не дожидаясь решения правительства, перешла корейско-маньчжурскую границу, и когда на следующий день, 22 сентября, на заседании кабинета военный министр сообщил об этом, правительство вынуждено было задним числом санкционировать действия армии.

24 сентября правительство сделало, наконец, официальное заявление о своей позиции в вопросе о событиях 18 сентября. В заявлении говорилось, что правительство стремится не допустить дальнейшего расширения инцидента и желает уладить его на месте. Однако это заявление не оказало никакого влияния на ситуацию: Квантунская армия всё более расширяла сферу военных действий. 8 октября японские войска подвергли бомбардировке город Цзиньчжоу, продвинулись на север Маньчжурии и заняли город Цицикар»[52].

Уже к 20 октября 1931 года, после получения первой информации, в Разведуправлении была составлена краткая справка о японской интервенции в Китае и оккупации Южной и Центральной Маньчжурии. В документе, подписанном Берзиным, отмечалось, что японская интервенция является не только попыткой расширения японских позиций в Китае, но и подготовкой к войне против СССР. Была упомянута и Франция, которая считалась вдохновительницей антисоветской интервенции[53]. В справке Разведупра говорилось: «3) расширение влияния Японии в Центральной Маньчжурии (распространение этого влияния на КВЖД) позволяет Франции надеяться на долю участия в подготовке стратегического плацдарма в Северной Маньчжурии для будущей интервенции против СССР...»[54]. Что же касается дальнейшего расширения агрессии, то здесь выводы были достаточно оптимистичны: «По последним сведениям, японские части, группирующиеся в районе Мукдена, начинают продвижение к югу по Пекин-Мукденской железной дороге в сторону Цзинчжоу, где в настоящее время концентрируются войска Чжан Сюэляна. Эти сведения указывают на расширение японской оккупации к югу. Активность японцев в направлении Северной Маньчжурии пока ограничивается формированием провинциальных и областных правительств японской ориентации...»[55]. Справку направили Ворошилову, Гамарнику, Егорову, Постышеву, Молотову и в ИККИ Мифу.

Поскольку после 19 ноября 1931-го, когда Квантунская армия по собственному почину перерезала принадлежавшую СССР Китайско-Восточную железную дорогу и заняла расположенный на трассе КВЖД Цицикар, вооружён-

ного выступления Советского Союза не последовало, авторитет Квантунской армии значительно возрос.

Сиратори Тосио, японский политик и дипломат, писал в воспоминаниях: «За границей сложилось впечатление, что Квантунская армия просто втянула Японию в войну в Китае. В какой-то степени, это так и было. Но как могла горстка военных повести за собой целую империю, если бы народ не нашёл в действиях армии в Маньчжурии того объекта сплочения, которого искал... Маньчжурский инцидент, ставший последствием взрыва на железной дороге, придал новое значение и новый импульс нашей континентальной политике»[56].

Китайские части отошли от Цицикара в северо-восточном направлении, и путь к советским забайкальским границам был открыт. Это послужило основанием для беспокойства Сталина. 27 ноября он писал Ворошилову, который находился в поездке по Дальнему Востоку, Сибири и Уралу: «Дела с Японией сложные, серьёзные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами через Фыновско-Енсишановских (прилагательные образованы от имен китайских милитаристов Фэн Юйсяня и Янь Сишаня. — *М.А.*) людей, из которых попытается потом образовать правительство Китая (в противовес нанкинцам). Более того, не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту и, возможно, к Монголии, чтобы приращением новых земель пощекотать самолюбие своих китайских ставленников и возместить за счет СССР потери китайцев. Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку. Её толкает на этот путь желание прочно засесть в Маньчжурии. Но прочно засесть в Маньчжурии она может лишь в том случае, если ей удастся посеять ненависть между Китаем и СССР. Для этого существует лишь одно средство — помочь китайским феодалам захватить КВЖД, захватить Маньчжурию и Дальневосточное побережье и поставить у власти своих ставленников, зависимых во всём от Японии.

Осуществлением этого плана японские империалисты рассчитывают: а) уберечь Японию и Север[ный] Китай от "большевистской заразы", б) сделать невозможным сближение между СССР и Китаем, в) создать себе широкую экономическую и военную базу на материке, г) опереться на эту базу для войны с Америкой. Без осуществления такого плана японские империалисты должны чувствовать себя в мышеловке — между военизирующейся Америкой, революционизирующимся Китаем и быстро растущим СССР, рвущимся к океану (японцы, мне кажется, считают, что через 2 года, когда СССР обзаведётся всем необходимым на Дальвосте, — будет уже поздно).

Осуществление этого империалистического плана зависит от ряда условий. Я думаю, что а) если другие империалистические державы и, прежде всего, Америка, не пойдут против Японии (на что пока мало надежды), б) если в Китае не начнется скоро серьёзный подъём антияпонского движения и антияпонских военных выступлений (на что пока также мало надежды), в) если в Японии не вспыхнет могучее революционное движение (признаков чего не видно пока) и г) если мы не займёмся сейчас же организацией ряда серьёзных предупредительных мер военного и невоенного характера, — то японцы могут осуществить свой план... Главное теперь — в подготовке обороны на Дальвосте. Мы уже начали делать кое-что в этой области. ...»[57].

Нарком по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилов высказывался за нанесение контрудара по Квантунской армии при её продвижении на

север. Однако И. В. Сталин и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) его не поддержали: в условиях отсутствия у СССР военно-морского флота на Дальнем Востоке Япония могла воспользоваться этим как предлогом для захвата Северного Сахалина и Приморья, а также использовать такую ситуацию как средство для усиления международной изоляции СССР[58].

Из письма Ворошилова Я.Б. Гамарнику от 13 января 1932 г.: «Что касается вопросов ДВ, то ими занимаемся с прежним вниманием. За это время решили (из больших вопросов): 1. Предрешить создание из ОКДВА фронтовое, два армейских (приморское и забайкальское направления) и одно (корпусное) соединения... Комфронта будет Блюхер... 2. Решили перебросить в Забайкалье — Чита — Верхне-Удинск — 57 Свердловскую дивизию.

...С[талин] вплотную занимается вопросами ДВ и только поэтому удалось заставить промышленность взяться за сооружение 30 подлодок (в этом году)... Кроме того, промышленность взялась сделать в 32 г. 60 штук броневагонов...

По имеющимся дополнительным сведениям, японцы действительно ведут напряжённую работу по подготовке войны и как будто к весне т[екущего] года. Есть сведения, что зашевелились всерьёз белогвардейцы, которые хвастаются возможностью выброски на территории СССР до 130 тыс. войск. Проектируется создание русского ДВ Пр[авительства] и пр[очая] чепуха.

Все это, пока, слухи, в[есьма] симптоматичные. Нужно нам работать вовсю и по-большевистски, чтобы наверстать проморганное время»[59].

По докладу И.В. Сталина было принято решение о строительстве на Дальнем Востоке второго цементного завода, поставках на Дальний Восток оборудования и т. д. [60]

Японская агрессия в Маньчжурии продолжала расширяться, продвигаясь на север. Сталин, видимо, затребовал информацию от разведки ОГПУ и военной разведки о дальнейших планах Японии. 19 декабря 1931 г. руководство ОГПУ представило ему имевшуюся в Особом отделе информацию. Сопроводительное письмо за № 4183, подписанное зампредом ОГПУ Балицким, начиналось фразой: «Просьба лично ознакомиться с чрезвычайно важными подлинными японскими материалами, касающимися войны с СССР». Два материала были представлены с грифом «Совершенно секретно, документально, перевод с японского»[61].

Первым документом была памятная записка (резюме беседы) посла Японии в Москве Хироты Коки с генерал-майором Харадой Дзуро, командированным в Европу японским генштабом. Беседа состоялась 1 июля 1931 г. в японском посольстве в Москве в присутствии военного атташе подполковника Касахары Юкио, автора записки. Этот документ и конспект доклада Касахары о положении в Советском Союзе, о вооружённых силах и перспективах возможной войны между Японией и СССР были отправлены в генштаб в Токио. Особый отдел ОГПУ располагал фотокопиями этих документов, перевод которых полгода пролежал невостребованным.

В записке говорилось: «Посол Хирота просит передать его мнение начальнику Генштаба Японии относительно государственной политики Японии: "По вопросу о том, следует Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твёрдой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохране-

нии Японии от коммунизма, сколько в завладении Сов. Дальним Востоком и Восточной Сибирью"»[62].

Спустя два месяца Сталин вернулся к документу и отчеркнул абзац, поставив против него цифру 1.

Конспект доклада военного атташе Касахары также был тщательно изучен, судя по многочисленным пометкам Сталина. В первом разделе доклада даётся оценка общего положения в Советском Союзе: «СССР в настоящий момент энергично проводит пятилетний план строительства социализма. Этот план ляжет в основу грядущего развития Советского государства. Центральное место в этом плане занимает тяжёлая индустрия, в особенности те отрасли промышленности, которые связаны с увеличением обороноспособности страны...»[63]. Во втором разделе, где анализируется состояние вооружённых сил, военный атташе отмечает: «В принципе СССР вовсе не агрессивен. Вооружённые силы организуются исходя из принципа самозащиты. Советский Союз питает страх перед интервенцией. Рассуждения о том, что постоянное прокламирование внешней угрозы является одной из мер внутренней политики, имеющей целью отвлечь внимание населения, вполне резонны, но всё же основным стимулом в деле развития вооружённых сил СССР является страх перед интервенцией» [64].

Японский разведчик с дипломатическим паспортом дал следующую оценку обстановки в дальневосточном регионе: «Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша Империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют сейчас возможность выступить согласованно с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом». Этот абзац был подчеркнут Сталиным. Касахара не исключал достижение поставленных целей мирным путем: «Если мы сейчас, проникнутые готовностью воевать, приступим к разрешению проблемы Дальнего Востока, то мы сможем добиться поставленных целей, не открывая войны. Если же возникнет война, то она не представит для нас затруднений». Пометка Сталина на полях: «Значит, мы до того запуганы интервенцией, что сглотнём всякое издевательство?»[65].

Документы, автором которых являлся японский военный атташе, докладывали Сталину не в хронологической последовательности и чуть ли не с годичной задержкой. Не исключено, что после ознакомления с первым материалом Сталин затребовал и остальные имевшиеся в распоряжении Особого отдела документы.

28 февраля 1932 г. заместитель начальника ОГПУ Балицкий доложил Сталину очередной документ, подготовленный Касахарой Юкио и направленный в генштаб еще 29 марта 1931 г. За полгода до начала оккупации Маньчжурии Касахара предлагал генштабу как можно скорее начать войну против Советского Союза. Документ был озаглавлен: «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза». Балицкий писал: «Касахара входит в партию младогенштабистов, во главе которой стоят генерал-лейтенант Араки (автор лозунга „Забайкалье — японо-русская граница") и Хасимото — начальник русского сектора генштаба, один из нынешних руководителей политики японских военных кругов»[66].

Из первого раздела доклада «О политике в отношении СССР в аспекте Японо-советской войны» Сталин выделил абзац, обозначив его цифрой

2: «Японо-советская война, принимая во внимание состояние Вооружённых сил СССР и положение в иностранных государствах, должна быть проведена как можно скорее. Мы должны осознать то, что по мере прохождения времени обстановка делается всё более благоприятной для них».

Во втором разделе японский военный атташе рассматривал «Первоочередные вопросы, связанные с проведением войны с Советским Союзом». Здесь Сталин цифрой 3 обозначил следующий подчёркнутый им абзац: «Вполне возможно, что, несмотря на нашу стратегию сокрушения и стремление к быстрой развязке, в силу различных условий, нам нельзя будет проводить войну в полном соответствии с намеченным планом действий. Возникает чрезвычайной важности вопрос о конечном моменте наших военных операций. Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени, и в особенности в зависимости от состояния государств, которые выступят с Запада. В том случае, если мы остановимся на забайкальской железнодорожной линии, Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, то есть на долгие времена. Мы должны быть готовы к тому, чтобы, осуществив эту оккупацию, иметь возможность выжидать дальнейшего развития событий»[67].

Отметил Сталин также абзац и в разделе «Стратегическая пропаганда»: «Ввиду того, что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому Союзу путём войны на советском Дальнем Востоке, одним из главнейших моментов нашей войны должна быть стратегическая пропаганда, путём которой нам нужно будет вовлечь западных соседей и другие государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путём использования белых группировок внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Нынешнее состояние СССР весьма благоприятно для проведения этих комбинаций».

На сопроводительном письме значится резолюция Сталина: «Из рук в руки. Членам ПБ (каждому отдельно) с обязательством вернуть в ПБ. Ст.». И рядом под словом «Читал» подписи Ворошилова, Молотова, Куйбышева и Ягоды. Отмеченное Сталиным в резюме беседы посла Хироты и докладе военного атташе Касахары составило документальную основу статьи «Советский Союз и Япония», опубликованной в «Известиях» 4 марта 1932 г. Не вызывает сомнений, что статья в «Известиях» появилась по решению Политбюро[68].

«Содержание этих документов, — говорилось в комментарии, — быть может, и можно рассматривать как изложение личного мнения их авторов. Но эти авторы агрессивных планов являются слишком ответственными людьми, чтобы даже их личное мнение не имело серьёзного политического веса и не побуждало относиться с необходимой бдительностью и внимательностью к происходящему у наших дальневосточных границ... Тщательный анализ этих фактов... показывает, что положение, перед которым стоит на Дальнем Востоке Советский Союз, обязывает его к укреплению своей обороноспособности, к защите неприкосновенности его границ, в частности, путем соответствующего усиления военных гарнизонов...»[69].

Публикация, в которой ссылались не на японских авторов, выражавших собственное мнение, а на документы, появилась в советской печати впервые.

Касахара сразу понял, на основе каких документов подготовлена статья. 7 апреля он отправил начальнику разведуправления генштаба Японии телеграмму за № 21, в которой сообщил: «Имеются основания подозревать, что посылаемые от Вас почтой секретные документы перлюстрируются в пути. Прошу Вас сугубо секретные документы пересылать другим способом»[70]. Осталось неизвестным, каким образом Особый отдел получил фотокопии доклада, от своей агентуры в японском посольстве или от вскрытия дипломатической вализы в экспрессе «Москва — Владивосток».

Весной 1932 г. Касахара был переведён в генеральный штаб армии, где он занимал пост начальника русского отделения второго (разведывательного) отдела. 15 июля 1932 г. Касахара, вскоре после этого назначения, послал шифртелеграмму (перехваченную и расшифрованную) военному атташе в Москве Кавабэ Торасиро: «...подготовка (армии и флота) завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима для Японии». Во время перекрёстного допроса на Токийском трибунале свидетель Касахара пояснил, что в генштабе «между начальником отдела и отделений существовала договоренность о том, что подготовка к войне с Россией должна быть завершена к 1934 году»[71].

Хирота Коки дважды был министром иностранных дел и некоторое время — премьер-министром. После войны, вместе с другими японскими военными преступниками, он оказался на скамье подсудимых. Фотокопии вышеперечисленных документов были представлены трибуналу советским обвинением. Хирота и выступавший в качестве свидетеля Касахара признали их подлинность. Советский обвинитель Голунский дал такую оценку этому документу: «Из записи беседы (Харада — Хирота) можно убедиться в том, что ещё летом 1931 года вопрос о нападении на СССР стоял в повестке дня не только у руководителей японской военщины, но и у японских дипломатов. Этим документом мы докажем, что японское правительство и генштаб точно знали от своих официальных представителей в Москве, что Японии со стороны СССР ничто не угрожает и, следовательно, все разговоры об обороне являлись только маскировкой...».

Об этом же документе говорится и в приговоре трибунала: «Он [Хирота] выразил тогда ту точку зрения, что независимо от того, намеревается ли Япония нападать на СССР или нет, она должна проводить твёрдую политику в отношении этой страны и быть в любое время готовой к войне. Основной целью подобной готовности являлось, по его мнению, не столько оборона против коммунизма, сколько завоевание Восточной Сибири»[72].

5 февраля 1932 г., пользуясь отсутствием противодействия со стороны СССР, она заняла Харбин, главный город в полосе КВЖД, расположенный на берегу судоходной реки Сунгари, крупный речной порт и железнодорожный центр.

В 1931-м и 1932 годах в Москве считали угрозу войны для Советского Союза как на Западе, так и на Дальнем Востоке вполне реальной, что не соответствовало действительности и являлось результатом недостоверного информирования руководства страны военной и политической разведками. В Исполкоме Коминтерна к XII пленуму ИККИ (27 августа — 15 сентября 1932 г.) был подготовлен «Проект резолюции о дальневосточной войне и о

задачах коммунистов в борьбе против империалистической войны и военной интервенции». При этом, как и в 1931-м, главным врагом по-прежнему считали Францию, которая была объявлена союзницей Японии: «... Прошедшее при полной поддержке Франции нападение японского империализма на Китай является началом новой мировой империалистической войны. Японский империализм выступает в военно-политическом союзе с международным жандармом версальской системы, с главным подстрекателем и организатором империалистической войны и интервенции в СССР, с французским империализмом. Совместными силами они готовятся взять в клещи с Запада и Востока СССР...»[73].

Не были забыты Англия и Северо-Американские Соединённые Штаты: «Английский империализм поддерживает все планы интервенции в СССР и организует её на Ближнем и Среднем Востоке. САСШ пытаются спровоцировать японо-советскую войну, чтобы, ослабив обоих противников, укрепить своё положение на Тихом океане. В Польше, Румынии и в прибалтийских странах военные приготовления под руководством французского генерального штаба идут с максимальной напряжённостью. Очагом военной интервенции в настоящее время является Маньчжурия, которая превращена усилиями японского империализма при поддержке Франции в плацдарм для нападения на СССР. На восточных и юго-восточных границах СССР империалисты также пытаются создать базис для диверсионных выступлений против СССР (Тибет, Афганистан, Синцзянь и т. д.)»[74].

Штатный состав Особой Краснознамённой Дальневосточной армии до её усиления, то есть на 1 января 1932 г. составлял: личного состава — 42 тыс. человек, самолетов — 88, танков — 16, танкеток — 20, орудий полевых — 324, зенитных — 28, береговых — 8. Основных соединений: стрелковых дивизий — 6, кавалерийских бригад — 2, эскадрилий и авиационных отрядов — 6, — было явно недостаточно, чтобы прикрыть огромную границу от пограничной станции Маньчжурия до Владивостока. Интенсивное усиление группировки войск на Дальнем Востоке началось с первых чисел января 1932 года, и результаты сказались уже к маю.

К 1 мая 1932 г. штатная численность ОКДВА была доведена до 108 610 человек, самолетов — до 276, танков — до 376, танкеток — до 271, полевых орудий — до 548, зенитных орудий — до 88, а орудий береговой обороны до 56. По основным соединениям число стрелковых дивизий увеличилось до 10, кавалерийских дивизий стало две (обе кавалерийские бригады были развёрнуты в дивизии). Части ВВС были увеличены до 11 эскадрилий и 5 авиационных отрядов.

Во второй половине 1932-го и в 1933-м усиление войск Дальнего Востока продолжалось так же интенсивно. Все силы и средства, которые можно было выделить, отправлялись в этот регион[75].

1 марта 1932 г. в Чанчуне было провозглашено образование марионеточного государства Маньчжоу-Го во главе с низложенным в результате Синьхайской революции 1911 г. последним китайским императором маньчжурской династии Пу И, тайно вывезенным из Центрального Китая японским разведчиком Доихарой. 15 сентября того же года новое государство было признано Японией, в тот же день стороны обменялись протоколами о взаимном сотрудничестве и обороне Маньчжурии.

После провозглашения Маньчжоу-Го его «союзнические» отношения с Японией претерпели серьёзные изменения. Уже 16 июня 1932 г. функция командующего Квантунской армией, состоявшая в обеспечении «обороны Квантунской области, а также защиты железных дорог в Маньчжурии», была преобразована в функцию обеспечения «обороны важных опорных пунктов Маньчжурии, а также защиты подданных империи»[76].

Советское руководство хорошо понимало, что выход японских вооружённых сил на советскую границу увеличивает опасность неспровоцированного нападения Японии на СССР. В этих условиях Москва активизировала свои предложения заключить пакт о ненападении. В советском заявлении, сделанном 31 декабря 1931 г. японскому министру иностранных дел Ёсидзаве Кэнкити и послу Хироте Коки, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить выражением миролюбивых политики и намерений японского правительства.

В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом японского МИД Того Сигэнори в апреле 1933 г., говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от всё возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»[77]. И это было действительно так. Однако и для Японии после захвата Маньчжурии скорая большая война с СССР едва ли была возможна.

Советской стороне пришлось ждать ответа от Японии целый год. 13 декабря 1932 г. японское правительство официальной нотой отклонило предложение СССР, заявив, что «ещё не созрел момент для заключения пакта о ненападении». «Правящие круги страны, на которые оказывалось сильное давление со стороны так называемых патриотических, т. е. профашистских, групп, не желали создавать даже видимости стремления к добрососедству с "большевистской Россией". Против пакта решительно выступал японский генералитет, ибо он лишал аргументов о "советской угрозе", которые широко использовались для обоснования требований постоянно увеличивать ассигнования на военные расходы. Распространяя пропаганду о «красной опасности», японские военные утверждали, будто "с идеологической точки зрения договор о ненападении приведёт к ослаблению бдительности в отношении СССР".

В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение "не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и поэтому остаётся в силе"»[78].

После захвата Харбина в Москве считали, что японские войска быстро оккупируют всю Северную Маньчжурию, выйдут к советским дальневосточным границам, и весной 1932-го может начаться вооружённый конфликт между Японией и Советским Союзом, к которому войска ОКДВА не были готовы. В разведывательной сводке № 14 от 5 марта 1932 г. сообщалось, что последние агентурные сведения с Запада и Востока указывают на готовящееся выступление Японии против СССР. По одним данным, Япония собиралась напасть на Приморье, по другим — одновременно с Японией должны были выступить Польша, Румыния и лимитрофы. Отмечалось, что в этом вопросе намечается соглашение между Японией, США, Англией, Францией и Китаем.

Сводка была подписана руководителями военной разведки Берзиным и Никоновым[79].

В сводке № 16 от 14 марта отмечалось, что среди японских военных и правительственных кругов заметно большое оживление в связи с ожидаемым принятием решения о выступлении против СССР. Тревожная информация поступала и из Маньчжурии. По полученным от белых сведениям, японская миссия в Харбине заявляла, что выступление против СССР намечено на апрель—май текущего года. Основным направлением считалось Приморье с одновременными диверсиями из Трёхречья против Забайкалья. Эта сводка была подписана заместителем Берзина и начальником агентурного отдела Мельниковым[80].

Сводка № 17 от 17 марта начиналась с сообщения о мобилизации в Японии 6 пехотных дивизий, из которых 4, возможно, будут направлены в Китай. Иностранная пресса также сообщала о призыве на военную службу запаса второй очереди. По тем же агентурным данным, 16-я пехотная дивизия доведена до штатов военного времени и готова к выступлению. Также по агентурным данным, генерал Араки заявил на конференции командиров дивизий, что реформе армии император дал отсрочку в связи с создавшимся исключительным положением.

В этой же сводке говорилось о новом плане интервенции против СССР: Япония обращается в Лигу Наций с просьбой воздействовать на СССР в смысле отвода частей Красной Армии от границ Маньчжурии; Лига Наций предлагает СССР отвести войска, чтобы избежать военного конфликта, и в случае отказа Советского Союза Япония получает санкцию на оккупацию Приморья с Владивостоком при политической и материальной поддержке остальных держав[81].

27 марта 1932 г. Берзин и Никонов подписали сводку № 20, адресованную начальнику Штаба РККА Егорову. Сводка вновь была составлена «по агд» — по агентурным данным без использования других источников информации. В ней сообщалось, что в связи с соглашением между Китаем и Японией об эвакуации японских войск из Шанхая центр внимания правительственных кругов Японии переносится в Маньчжурию и что в Токио активно обсуждаются сведения о сосредоточении частей Красной Армии на границах Маньчжурии. «Военные круги убеждены, что для усиления развития Японии необходимо присоединение Маньчжурии и Монголии. Маньчжурия является первой линией обороны, должна быть обеспечена занятием всей территории вплоть до Байкала — только при этом условии Япония может быть спокойна за свой ближайший тыл», — говорилось в сводке. В японском генштабе считали, что если СССР успешно выполнит первую пятилетку и приступит ко второй, судьбу империи решит Красная Армия. Также, как в предыдущих документах Разведупра, здесь вновь говорилось о роли Франции, для которой конференция в Женеве по разоружению якобы является выигрышем времени для начала войны на Дальнем Востоке: «По агд, заслуживающим доверия, устанавливается, что Франция твёрдо рассчитывает на войну между Японией и СССР...» и настаивает, чтобы Япония создала повод к войне, а японские дипломаты в Берлине начали обработку германских чиновников в антисоветском духе в связи с перспективой такой войны. Получалось, что все крупнейшие мировые державы якобы были заинтересованы в том, чтобы Япония как можно скорее начала войну против СССР[82].

Информация была недостоверной. Части Квантунской армии были измотаны непрерывными боями, нуждались в отдыхе и пополнении. Кроме того, в Маньчжурии началось широкое партизанское движение, требовавшее немедленных действий со стороны японских войск. Необходимо было время и для того, чтобы создать на захваченной огромной территории государственную структуру.

22 марта 1932 г. в оперативном управлении Штаба РККА была составлена справка о возможности выступления Японии против СССР в том же году. Основываясь на материалах Разведупра, разработчики справки пришли к выводу, что приближение японской армии к дальневосточным границам страны и превращение Маньчжурии и Внутренней Монголии в японский плацдарм в значительной степени ускоряло и приближало опасность нападения на дальневосточные границы СССР и на МНР.

В справке отмечалось, что применительно к весне 1932 г. основной задачей для Японии является закрепление в «Маньчжуро-Монголии». Эта задача может быть успешно выполнена только при условии раздела Китая и усилении влияния Японии в Северном Китае. Поэтому в первой половине 1932 г. Япония не заинтересована в немедленном вооружённом столкновении с СССР, что отвлекло бы и затруднило выполнение основной задачи и ослабило её перед будущим японо-американским столкновением. Действия Японии в Маньчжурии и Северном Китае, по мнению авторов документа, санкционировались США, Англией и Францией лишь как действия, направленные против СССР.

В справке, как и во всех оперативных документах первой половины 1932 г., вновь значительное внимание было уделено позиции Франции: «Франция заинтересована в разделе Китая и укреплении своего влияния на юго-западе Китая. Она толкает Японию на выступление против СССР, дабы отвлечением нашего внимания на Восток облегчить интервенцию с Запада. Кроме того, Франция надеется получить разрешение своих интересов на КВЖД»[83]. В документе отмечалось, что Англия также заинтересована в отвлечении Японии на Север, втягивании Японии в длительную авантюру против СССР и расширении её влияния в «Маньчжуро-Монголии», а не в Китае. Что касается США, то для них маньчжурская авантюра Японии могла быть приемлемой лишь в случае прямого столкновения между Японией и СССР, что привело бы к ослаблению обеих стран.

Как отмечалось в документе, для успешной войны против СССР Японии нужно было достроить в Маньчжурии несколько железных дорог, переоборудовать порты северной Кореи для приёма японских войск, подготовить аэродромы и базы в Маньчжурии, а также политически закрепиться в Маньчжурии и Монголии и иметь спокойный тыл в Северном Китае. Ничего этого у Японии в 1932-м не было, и требовалось много времени и сил, чтобы этого добиться. «Эти факторы, — говорилось в справке, — являются сдерживающими в разрешении вопроса непосредственного нападения на СССР весной 1932 г.» Возможность выступления Японии против СССР не исключалась, но обставлялась целым рядом условий: «Если вопрос о начале интервенции весной или летом 1932 г. будет решён Францией, США и Англией, если при этом Японии будет представлена значительная финансовая поддержка и будет гарантирована крупная территориальная компенсация за счёт СССР, Китая и

МНР, то Япония, не задумываясь выступит против СССР в качестве застрельщика интервенции или весной, или летом 1932 г.»[84].

Советский Союз делал всё, чтобы отдалить угрозу японской агрессии. В феврале 1932 г. СССР официально, в нарушение советско-китайского соглашения 1924 г., предоставил Японии разрешение на транспортировку её войск и военных грузов по КВЖД. В марте и сентябре советские представители заключили с Токио соглашение на поставку в Маньчжоу-Го и Японию бензина, а в августе продлили рыболовную конвенцию.

Тем временем Япония не ослабляла усилий по укреплению позиций в Северной Маньчжурии, и Советский Союз был вынужден во втором полугодии 1932 г. также ужесточить свою позицию. Пользуясь недовольством китайских генералов Ма Чжанша, Су Бинвэнь, Ли Ду, Тин Чао и др. усилением контроля со стороны Японии, советские власти стали нелегально оказывать им поддержку в организации антияпонских восстаний, которые, правда, легко подавлялись.

Квантунская армия провела около 1850 успешных карательных экспедиций против повстанцев, часть которых переходила на советскую территорию (зимой 1932/33 г. их численность составляла более 20 тыс. человек). Требования японской стороны об их выдаче советские власти под разными предлогами отклоняли, продолжая оказывать помощь мелким партизанским отрядам, общая численность которых в Маньчжурии в этот период достигала 100 тыс. человек[85].

В 1932 г. военный министр Араки Садао опубликовал программную статью «Задачи Японии в эру Сёва», в которой оправдывал интервенцию в Маньчжурию и призывал к восстановлению традиционных духовных ценностей, полному отвержению западной идеологии и решительной внешней экспансии: «С тех пор как Япония, начиная с эпохи Мэйдзи, показала всему миру своё действительное, искреннее лицо, она всё время действовала на основе справедливости и имела решимость прибегать к реальной силе, жертвуя собой в пользу мира. Она никогда не колебалась в деле уничтожения зла. В результате этого она стала одной из трёх крупнейших держав мира.

Оказать величию императора поддержку — значит реализовать великий идеал Великой Японии. Для этого японский народ напрягал все свои силы, так как в нём теплилось великое самоосознание…

...Нынешний маньчжурский инцидент возник не на основе таких мелких вопросов, как игнорирование договоров или посягательство на права и интересы Японии. Основной причиной инцидента является оскорбление Японии Китаем. Лига наций не могла отличить справедливости от несправедливости, что привело в результате к тому, что и она оскорбляет Японию. Таким образом, должно быть ясно всякому, что непосредственной причиной изоляции Японии является оскорбление, полученное ею от всего мира, и что это случилось по вине самой Японии. …

Наша "императорская нравственность", являющаяся воплощением сочетания истинной души Японского государства с великим идеалом японского народа, должна проповедоваться и распространяться по всему миру. Все препятствия, стоящие на пути этого дела, должны решительно уничтожаться, не останавливаясь перед применением реальной силы...

Спрашивается: каково положение в Восточной Азии в настоящее время?

В Китае уже в течение 20 лет господствует беспорядок, там до сих пор нет даже центрального правительства и, по сути, нет государства.

В Индии под гнетом Англии страдает более 300 млн. человек, и она лицом к лицу стоит перед серьёзным кризисом.

Как в Средней Азии, так и в Сибири не найдётся даже одного куска свободы. И Монголия тоже как будто превратилась во вторую Среднюю Азию. Таким образом, на континенте Восточной Азии, кроме Японии, самостоятельным государством является только Сиам...

При таком положении маньчжурский инцидент является для Японии случаем, данным богом. Надо признать, что бог забил во все колокола, чтобы тем самым разбудить японский народ.

Различные страны Восточной Азии являются объектами гнёта со стороны белой расы. Разбуженная императорская Япония больше не может позволить произвол белой расы. Миссией Японии является борьба со всеми действиями, несовместимыми с императорской нравственностью, от какой бы страны эти действия ни исходили»[86].

В конце августа 1932 г. генштабом был разработан план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после оккупации Маньчжурии стратегическое положение сторон. При составлении этого плана командование японской армии исходило из того, что достигнуто необходимое стратегическое превосходство над советскими вооружёнными силами на Дальнем Востоке и в Сибири. При этом достижению поставленных задач должны были способствовать: участие в войне против СССР не только японских, но и маньчжурских войск; то, что сражения в районах советско-маньчжурской границы японские войска будут вести по внутренним операционным линиям, а советские — по внешним; что в начале войны советские части будут уничтожаться по отдельности. Советские базы военно-воздушных сил подлежали уничтожению в первую очередь; в кратчайший срок должна была быть перерезана Транссибирская магистраль, проходившая в непосредственной близости от Маньчжурии. «Планом на 1933 г. было определено, что против четырех-пяти дивизий, которые, по расчётам японского генштаба, мог выставить Советский Союз в Приморье, японская армия будет иметь три дивизии в Маньчжурии и две в Корее. Кроме того, одна дивизия должна была высадиться с моря в районе Владивостока. Намечалось уже в начальный период войны нанести по советским войскам в Приморье "сокрушительный удар". Считалось, что "к тому времени, когда СССР перебросит из глубины страны две дополнительные дивизии, сражение в Приморье будет завершено, советские ВВС разгромлены и развеяны, Владивосток захвачен".

Для действий на северном, амурском, направлении выделялось три дивизии, а на западном, хинганском — четыре. Предусматривалось иметь десять дивизий резерва ставки. Силами одной дивизии планировалось осуществить захват Северного Сахалина и Камчатки. Две дивизии получали задачу обеспечивать с юга тыл группировки. После разгрома противостоящих сил противника оккупации подлежала обширная часть территории Советского Союза к востоку от озера Байкал.

В конце 1932 г. этот план был одобрен главнокомандующим японскими вооружёнными силами императором Хирохито. ...Военный успех в Маньчжу-

рии опьяняюще подействовал на японские военные круги, и они не желали трезво оценивать возросшую мощь Советского Союза»[87].

К 1933 г. Маньчжурия была полностью захвачена, и Япония приступила к созданию плацдарма на материке, готовясь к будущей схватке за господство в Азии. На территории «независимого» государства строились аэродромы, способные принять тысячи самолетов из метрополии. Новые военные городки должны были вместить дивизии, которые предполагалось перебросить с японских островов. Новые железные и шоссейные дороги тянулись к Забайкалью, Амуру и Приморью.

На другом берегу Амура и Уссури вынуждены были делать то же самое. Весной 1932 г. на советском Дальнем Востоке началось строительство Военно-морского флота (до этого здесь действовала только Амурская флотилия). Для этого необходимо было перебазировать сюда корабли и военно-морские кадры из Европейской части СССР. В эти же годы началось восстановление военно-морского порта и крепости во Владивостоке, форсированное выселение гражданского населения и строительство казарм, а также установка артиллерии на о. Русский у входа в этот военно-морской порт.

К 1933 г. военно-политическое положение Японии значительно изменилось. Обширная территория трёх китайских провинций, на которых было создано «независимое» государство, находилась в полном подчинении Японии. Первая часть «меморандума Танаки», предусматривавшая захват Маньчжурии, была выполнена. В точном соответствии с основными положениями этого документа началось планирование следующих этапов агрессии. Определялись возможные сроки начала будущей войны, но единодушия в этом вопросе не было.

В сентябре-декабре 1931 г. Совет Лиги Наций, обсуждая маньчжурский вопрос, осудил Японию и постановил создать комиссию для изучения обстановки на месте. Комиссия состояла из авторитетных представителей США (не состоявших в Лиге Наций), Британии, Франции, Германии и Италии во главе с английским лордом Виктором Литтоном (комиссия Литтона).

11 марта 1932 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию о непризнании японских захватов. Комиссия Литтона, посетившая США, Японию, Китай, Маньчжоу-Го представила подробный доклад, содержавший доказательства агрессии Японии, нарушения ею Устава Лиги Наций, Договора девяти держав, Пакта Бриана—Келлога. Указав, что регион является неотъемлемой частью Китая, Литтон предложил определить новый статус Маньчжурии в качестве автономной единицы Китая. На чрезвычайной сессии Ассамблеи Лиги Наций (декабрь 1932 г.) по его докладу были вынесены половинчатые решения: признав Японию агрессором, Лига Наций уклонилась от введения против неё экономических и военных санкций.

При этом вновь выявились расхождения в позициях держав. США сосредоточили усилия своей дипломатии на закреплении принципа «открытых дверей» в Китае, разъяснив, что США не намерены вмешиваться в «законные договорные права» Японии в Маньчжурии. Английский министр иностранных дел Дж. Саймон заявил, что его правительство не намерено предпринимать какие-либо шаги против Японии. Советское правительство, в свою очередь, сделало заявление, что оно с самого начала японо-китайского конфликта стояло на пути строгого нейтралитета, и сообщало, что не находит

возможным присоединиться к постановлениям Лиги Наций. Советская позиция была вынужденной и объяснялась неготовностью СССР к войне.

Ужесточение позиции Лиги Наций по маньчжурскому вопросу произошло в начале 1933 г. В январе 1933 г. японские силы захватили город Шаньхайгуань у восточной оконечности Великой китайской стены, открывавший ворота из Маньчжурии во Внутренний Китай. 20 февраля японское командование потребовало вывода китайских войск с территории провинции Жэхэ, расположенной между Маньчжоу-Го и Великой китайской стеной к северо-востоку от нее. На следующий день японские войска начали наступление.

24 февраля Ассамблея Лиги Наций абсолютным большинством одобрила доклад комиссии Литтона. В резолюции признавались «особые права и интересы» Японии в Маньчжурии, однако захват Маньчжурии объявлялся незаконным, суверенитет Китая над маньчжурской территорией подтверждался, члены Лиги Наций обязывались не признавать де-юре и де-факто Маньчжоу-Го, а Японии предлагалось вывести из Маньчжурии войска.

В связи с принятием документа японский делегат заявил о невозможности сотрудничества с Лигой Наций, и члены делегации покинули зал заседаний. 27 марта 1933 года японское правительство официально объявило о выходе Японии из Лиги Наций.

Выступая в июне 1933 г. перед участниками совещания руководящего состава японской армии, военный министр Араки Садао настаивал на том, чтобы готовиться к войне против СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Генералы Нагата Тэцудзан и Тодзио Хидэки считали, что для этого «Япония должна собрать воедино все ресурсы жёлтой расы и подготовиться для тотальной войны». Начальник Бюро общих дел военного министерства Тодзио Хидэки указывал на рискованность преждевременного выступления. Поддерживая его точку зрения, начальник 2-го бюро генерального штаба Нагата Тэцудзан указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии»[88].

Иными словами, следовало захватить центральные районы Китая, создать солидную военно-экономическую базу в Маньчжурии и реорганизовать армию, оснастив её новейшей военной техникой. Это был более реалистичный подход, но и он был тогда и позднее невыполним.

Представители деловых кругов Японии, собранные осенью 1933 г. министром иностранных дел Хиротой, приняли следующую резолюцию: «Основная политика по отношению к СССР установлена Японо-советской конвенцией, заключённой в Пекине. При наличии этой конвенции пакт о ненападении является излишним, но если СССР хочет заключить такой пакт ввиду изменившегося положения на Дальнем Востоке и возникновения Маньчжоу-Го, Япония может пойти на это при согласии СССР на следующие условия: 1) Абсолютно прекратить революционное движение на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии и Японии. 2) Увести с Дальнего Востока, особенно с границ Маньчжурии, все военные пополнения. 3) Отменить все законоположения, оказывающие давление на японские предприятия на советском Дальнем Востоке. В особенности проводить справедливые меры на рыболовных торгах: освободить импорт предметов, необходимых для рыболовства, от вся-

ких сборов, смягчить правила о рабочем времени. Относительно нефтяной концессии заключить общий договор о сбыте нефти в Японии, удлинить срок нефтеразведок, удлинить рабочее время и смягчить правила надзора. Смягчить правила и контроль относительно добычи угля. 4) Открыть новые японские предприятия на Дальнем Востоке (Советском), передать Японии лесные и горные промышленные концессии. 5) Развить японо-советскую торговлю и отказаться от односторонности её, с тем чтобы покупать у Японии столько же или больше, чем закупает Япония. 6) Немедленно уступить КВЖД»[89].

В резолюции особое место занимает программа экономической агрессии. Вещи в ней не называются своими именами: речь идёт о расширении концессионных и конвенционных прав, в первую очередь, применительно к рыбным и лесным ресурсам, углеводороду, но, по существу, правильно названы лишь объекты японских вожделений на советском Дальнем Востоке, которые могли быть захвачены мирным путем. «По существу же речь идёт, конечно, об осуществлении на Советском Дальнем Востоке той же программы, которая уже осуществлена в Маньчжурии, где, как известно, железные дороги, все рудные богатства, угольные залежи, лесные массивы перешли под видом национализации в руки японских обществ»[89].

2. «Японцы убеждены, даже более чем убеждены, — они знают, что являются потомками богов»

(Тейд О'Конрой, сотрудник секретной разведывательной службы Великобритании)

В связи с ростом угрозы с Востока советское руководство обратилось к изучению истории Японии, пытаясь тем самым приблизиться к пониманию особенностей японского общества, его менталитета. Учитывая ошибки царского правительства, недооценку им сил дальневосточного соседа в Русско-японской войне 1904—1905 гг., политическая элита стремилась к расширению своих знаний и представлений о Стране Восходящего Солнца.

В личном фонде Сталина хранятся две книги с пометками и комментариями, которые отражают процесс формирования его представлений о Японии, показывают переосмысление им сведений о загадочном восточном государстве. Это — «Японская угроза» Т. О'Конроя и «Военно-фашистское движение в Японии» О. Танина и Е. Иоган [90]. Обе они в итоге были рекомендованы для массового читателя.

В монографии О'Конроя «Японская угроза», изданной на английском языке (1933), переведенной на русский (1934) и переизданной (1942), дается характеристика психологии, быта, традиций японского общества. Профессор Тейд О'Конрой, ирландец по происхождению, жил во многих странах мира, преподавал английский язык и литературу в Дании, России, Турции и Японии[91].

Сотрудником секретной разведывательной службы Великобритании О'Конрой, судя по всему, стал с началом Первой мировой. Покинул ли он Интеллидженс сервис после окончания войны или остался в её рядах, сказать трудно. Не следует исключать, что в Японию он был направлен в качестве кадрового разведчика под прикрытием преподавателя английского и литературы. Результатом пятнадцатилетнего пребывания в Стране восходящего солнца и стала книга «Японская угроза».

О'Конрой преподавал в японском частном университете Кэйо в Токио, значительное число выпускников которого относилось к элите японского общества, а также в Высшей военной академии Императорского флота и других учебных заведениях. Несколько лет он был тесно связан с иностранным отделом центрального полицейского управления в Токио. Женившись на японке из аристократической семьи, он жил среди японцев, что позволило ему изучить язык, историю и культуру, особенности национального характера, исследовать политическое, экономическое и социальное положение различных слоёв населения.

«Для того чтобы понять японскую психологию и проникнуть в существо японского мышления, — отмечал О'Конрой, — совершенно необходимо отдать себе отчёт в величайшем значении следующего факта: японцы убеждены, они даже более чем убеждены, — они знают, что являются потомками богов; кроме того, они знают, что они — единственный народ на земле, который имеет право считать себя потомками богов... Это часть религии, убеждение, символ веры почти 90 миллионов человеческих существ. Это убеждение сильнее всякой другой религии мира и является господствующей силой во всей Японской империи. Отсюда, естественно, следует, что представитель всякого другого народа является для японцев "варваром". Убеждение японцев в их божественном происхождении дало им основание к исключительной, почти невероятной самовлюблённости и презрению к другим. Это убеждение проникает все их поступки: оно даёт каждому отдельному японцу спокойное, тихое самодовольство; оно достигает в японских книгах и газетах угрожающих размеров»[92].

«Нет никакого сомнения, — писал профессор О'Конрой, — что присутствие иностранцев в Японии для большинства населения вообще исключительно неприятно. Это главным образом объясняется правительственной пропагандой... В представлении японцев народы земли разделяются на три категории. К первой и лучшей из всех относятся они сами, дети богов; затем идут варвары, включающие жёлтую и белую расы всего остального мира, и к последней принадлежат народы Корумба, состоящие из народностей Индии, Цейлона и всех негров и чёрных рас вообще. ...»[93].

«Мы издавна и твердо верим, что Японская империя была первоначально вверена богиней солнца Аматерасу-О-Ми-Ками её потомкам со словами: "Мои божественные потомки, вы должны управлять этой страной". Отсюда берёт своё происхождение императорская семья Японии... Божественное происхождение императорской семьи является залогом того, что Япония со времени существования неба и земли была монархией и будет ею вечно. С того отдалённого времени, когда наш императорский предок впервые спустился с неба и стал управлять землёй, в империи воцарился великий мир и никогда не было никаких посягательств на императорский престол»[94].

Этот отрывок взят из лекции, прочитанной японским учёным Буничи Хориока на собрании Азиатского общества в германском посольстве в Токио. «Западному человеку трудно понять, как мыслящий японец может удовлетвориться этой мифологической сказкой, в особенности когда известно, что сказка находится в прямом противоречии с действительными историческими фактами»[95], — комментировал этот тезис выступления японского учёного О'Конрой.

Японское государство, согласно официальной версии, возникло по воле главной богини синтоистского пантеона — богини солнца Аматерасу-О-Ми-Ками (или Тэнсё Дай-дзин, «великое божество, озаряющее небеса»), которая заложила и основы престола. Поэтому императору присущи добродетели самой богини, а императорское правление не может быть неправедным. Японским подданным внушали, что император непогрешим во всём, что касается религии, политики и морали, так как обладает непостижимой, мистической божественностью, позволяющей ему безошибочно видеть истинный путь своей страны и подданных. Этот путь был назван «кодо» («императорский путь»)[96].

«Японцев воспитывали в вере, что с незапамятных времён основания японского государства богиней Аматерасу, вступления на престол первого императора, Дзимму (считается, что первый император Дзимму был её праправнуком. — *М.А.*), и на протяжении всей японской истории общественная деятельность подданных тэнно (императора. — *М.А.*) была подчинена выполнению ниспосланной самой Аматерасу священной миссии по распространению "божественного" правления на всё более обширные территории. Обычно для подкрепления этого утверждения официальная пропаганда цитировала эдикт императора Дзимму по его вступлении на престол после шести летних войн по усмирению непокорных племён на востоке Японских островов. В эдикте император Дзимму поклялся богине Аматерасу "распространить императорскую власть на весь мир, чтобы собрать восемь углов под одной крышей (хакко ити у)". Этот лозунг, который часто переводят также как "весь мир — одна семья" или "весь мир под одной крышей", рассматривался как божественный императив. Проповедники воинственного "японизма" доказывали, что только японцы, осенённые добродетелями "японского духа" благодаря "расовой чистоте и единству", способны "распространить свет своей культуры на всё человечество", ибо "небесное предназначение японского государства" состоит в создании единой новой культуры для всего человечества»[97].

Благодаря пропаганде «божественной» миссии «хакко ити у», экспансионистские акции японского империализма на Азиатском континенте (начиная с Японо-китайской войны (1894—1895) и кончая агрессивными действиями в 1931—1945 гг.) в глазах простых японцев носили характер «священной войны». Лозунг «хакко ити у» использовался и для обоснования особых прав Японии на руководство народами «жёлтой расы» в деле освобождения их от ига западных держав.

Как указывалось в документах Токийского военного трибунала, понятия «хакко ити у» и «кодо», в конце концов, стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы[98].

«Около двух лет назад (1930—1931 гг. — *М.А.*) в "Осака Майнити", японской "Таймс", вышла передовая статья, в которой говорилось: "Япония должна подчинить себе народы Востока и завоевать весь мир остриём штыка". Эта последняя фраза отражает существо идей молодой Японии. Я встречал, — пишет О'Конрой, — те же убеждения вновь и вновь в сочинениях моих студентов, написанных для университетских экзаменов.

В учебных заведениях чувства патриотизма и преданности божественному императору поддерживаются через посредство организаций допризывной подготовки. Еще до того, как дети подрастают и достигают того возраста,

когда они могут проходить военную подготовку, их учат традиционным гимнам и современным военным песням. Эти песни они поют хором; с детских лет и до самой смерти правительство не позволяет ослабеть их патриотическому энтузиазму. Вводятся всё новые праздники. Одним из национальных праздников по императорскому декрету, праздником, который празднуют с особенным энтузиазмом, является праздник в честь Дзимму тэнно («правитель Дзимму», мифический правитель Японии, восшествие которого на престол в 600 г. до н. э. считается началом создания японского государства. — *М. А.*)… В день рождения императора портрет или фотография Дзимму является предметом церемониальных поклонов под аккомпанемент соответствующих песен и музыки»[99].

«В корне всего этого антииностранного движения заложена расовая гордость, культура, патологически извращённая и взращённая государственными мероприятиями. Её внедряют в сознание каждого японца при его рождении и любовно культивируют в течение всей жизни. Это воздействовало на мозг и мировоззрение народа и сделало его жестоким. Это возвеличило японцев в их собственных глазах и преуменьшило значение всего остального мира; это помогает японцам забывать то, чего японцам не хотелось помнить, это дало им силы, позволяющие по-своему психологически обособиться от действительности. Такие факты, говорящие о том, что имперский флот был организован благодаря тому, что японцев обучали и тренировали 32 британских офицера; что армия была организована как гибкая организация благодаря французам и немцам… совершенно игнорируются… Новый рост патриотизма начинается в связи с последними беспорядками на Востоке. Весь мир в лице Лиги Наций и Соединённых Штатов выразил Японии своё осуждение. Вся японская нация узнала об этом осуждении, но она продолжала свою политику покорения Востока с полным хладнокровием. Она презирала всех варваров и не считалась с их осуждением. Япония ещё раз доказала своему народу, что она всемогуща»[100].

Росту патриотизма в немалой степени способствовала победа Японии в Русско-японской войне (1904—1905). В этой связи О'Конрой пишет: «Удачная война с Россией оказала влияние на умы японцев... Японцы считали, что теперь для них не существует ничего недостижимого. К несчастью, Япония стала баловнем всего мира. По всей вероятности, очень и очень немногие уяснили себе, что вмешательство президента Рузвельта вывело японскую нацию из весьма критического положения. Её армии и прочие ресурсы находились в состоянии крайнего истощения. Россия находилась в чрезвычайно невыгодном положении вследствие того, что ей приходилось переправлять солдат, лошадей, пушки через обширный континент, где зимы были страшно жестоки. Но внимательные наблюдатели, находившиеся в Маньчжурии к концу войны, до сих пор остаются при том мнении, что если бы война затянулась на непродолжительное время, исход её был бы совсем иной. Однако японский народ и весь мир считали, что великая Россия была побита маленькой Японией»[101].

«Можно только удивляться успехам Японской империи с 1868 г. ...Японцы заимствовали все западные изобретения, которые дала цивилизация, и в течение 50 лет приспособились к требованиям машинной промышленности Запада. Но опасность заключается в психологии японцев. Умственно и нрав-

ственно японцы не изменились; в этой области положение остаётся таким же, как и 500 лет назад... Убийства всё чаще играют значительную роль в жизни современной Японии. В течение последних полутора лет в английской печати сообщалось о двух политических убийствах в Японии. В течение этого короткого периода я лично слышал о двухстах политических убийствах. При этом я не включаю сюда обыкновенные убийства и имею в виду только убийства политического характера»[102].

«Внезапная эмансипация 1868 г. осталась непонятной массам. Впервые им дали свободу перемещения по империи; впервые им разрешили общаться и заключать браки друг с другом на различных островах и в различных областях империи. Эмансипация 1868 г. дала новому правительству 60 миллионов подданных, умственный уровень которых был уровнем детей. Эти 60 миллионов подданных жили повседневными заботами о хлебе насущном в течение пятнадцати веков; их можно было легко направить по любому руслу, научить мыслить как угодно; правительство вдохнуло в массы патриотизм, обосновывая его божественным происхождением народа. Эти идеи развивались в указанном направлении и ныне привели к угрожающему положению. Этот патриотизм по-прежнему стимулируется. Тот факт, что Японии позволили действовать по её собственному усмотрению в течение последних двух лет, что ей позволили презреть общественное мнение всего мира в Шанхае и Маньчжурии, ещё более убедило огромные и невежественные массы японцев в том, что Япония всесильна. Если державы не учтут всего этого, Япония медленно, но верно достигнет своей цели. Она подчинит себе народы Востока и попытается завоевать мир остриём штыка»[103].

О'Конрой утверждает, что для японцев характерен «недостаток умения логически мыслить»: «Феодальная Япония была, пожалуй, наиболее ярким примером, где цивилизация искусственно задерживалась и находилась в статическом состоянии. Поскольку речь идёт об оригинальном мышлении, это остаётся справедливым и для сегодняшней Японии. Я должен признать, что в течение 16 лет, проведенных мною в качестве профессора в Японии, когда я жил исключительно в кругу японцев, я не слышал ни одной оригинальной мысли, высказанной кем-либо из соотечественников моей жены. Самодовольство японцев, вероятно, в некоторой степени является следствием упорного игнорирования Запада. Недостаток умения логически мыслить приводит к тому, что японцы самым необыкновенным образом воспринимают то, что они читают и слышат. Большинство студентов, которые учились у меня или за которыми я имел возможность наблюдать, принадлежали к высшим классам общества, к знати. Это были люди в возрасте 24, 25 лет и моложе, т.е. сливки интеллигентной молодёжи Японии. Не раз я давал моим ученикам прочесть отрывок из книги, — не переводной, а одной из книг по истории Японии, — и затем обращался к группе, предлагая задавать вопросы по существу прочитанного. Мне никогда не удавалось добиться больше одного вопроса от целой группы. Это не было вызвано застенчивостью... Они просто не в состоянии сразу запомнить прочитанное и логически продумать содержание. Ум японца воспроизводит прочитанную им страницу, и только. Метафоры и аналогии для них совершенно пропадают...

Японцы не хотят верить тому, что рассказывают иностранцы о своей стране. Они доверяют только рассказам собственных писателей, и японское

правительство тщательно следит за тем, чтобы в книгах, которые читают в школах, сравнение с Западом всегда было в пользу Японии. Один из японских писателей заявляет: "Нас, японцев, все критиковали как народ, не способный дать своего вклада в мировую цивилизацию, как народ, умеющий только перенимать достижения других. А разве западные народы не заимствуют столько же у нас? То, что наши заимствования состояли в большинстве случаев из заметных материальных ценностей вроде велосипедов и граммофонов и что западные народы восприняли главным образом наши культурные достижения и наше искусство, не должно было бы давать повода к заключению в пользу одной или другой стороны"... Приведённая выше цитата, в которой изъявляется претензия на то, что японцы равны другим народам в качестве создателей мировой цивилизации, является ещё относительно умеренной по сравнению с другими претензиями...

Меня часто спрашивали мои ученики: "Есть ли автомобили у вас в стране? Есть ли нефтеналивные станции в вашей стране?" — и задавали сотни других вопросов в том же роде. Несколько студентов прочли где-то, что мы, англичане, спим в сапогах, и, несмотря на настойчивые опровержения с моей стороны, не были полностью убеждены в том, что их сведения не соответствовали действительности. Один профессор — Танака — уведомил своих японских слушателей, что на Западе никогда не моются; он пошёл дальше и, ожидая опровержения от одного из варваров, заявил, что европейцы, живущие в Японии, стремясь защитить своих соотечественников от разоблачения их низкого культурного уровня, вероятно, будут отрицать его слова. Так по всей империи людей убеждают в одном и том же, навязывают им определённые мысли, причём власти делают это преднамеренно, с целью прославления своей собственной страны. В марте 1932 г. некий г. Явая написал статью в журнале "Фуджин Клуб", пользующемся значительным распространением в Японии. В этой статье он писал: "Женщины на Западе носят меха потому, что они сами так близки к животным, что носят шкуры своих близких на себе; животные — братья этих глупых иностранок"...

Я указал выше, что японцы не умеют логически мыслить, но я не хочу создать впечатление, что они вовсе глупы. Они способны думать и составлять планы, но, придя к решению, скорее ограничатся началом дела, чем продумают его окончательные результаты»[104].

Вместе с тем, О'Конрой признаёт, что «Япония не лишена мыслящих людей». К их числу он отнёс и доктора Нитобе, занимавшего пост заместителя генерального секретаря Лиги Наций в течение семи лет и хорошо знавшего Запад и Восток. Последний следующим образом охарактеризовал японскую психологию: «Наш народ лишён чувства юмора, японцы отличаются чрезмерной обидчивостью; они чрезмерно злоупотребляют личным моментом в споре и исключительно легко обижаются на других в общественной жизни. Не будет удивительным, если в один прекрасный день социологи найдут, что между быстрой готовностью японцев к тому, чтобы окончить жизнь самоубийством, и их недостатком чувства юмора существует тесная связь»[105]. «Этот недостаток чувства юмора, — пишет профессор О'Конрой, — истолковывается лояльным японцем как доказательство чувствительности. Нитобе утверждает: "Немногие народы мира более чувствительны к мнениям других, чем мы. Насмешливая улыбка, которой англичанин и не заметит, является для

нас ножом в сердце. ... Должно быть, есть много японцев, даже среди простого народа, которые видят всю опасность политики самообмана, которую проводит страна, но эти люди не решаются высказать свое мнение. В 1930 г. императорское правительство обратилось к населению с предложением сообщать в полицию всё, что дошло до их сведения. «Осака Майнити» пишет: "Недавно полицейские объявили, что отныне они будут охотно получать тайные сообщения от граждан, что означает создание общенациональной системы шпионажа, доноса и полицейского наблюдения. Эта система даст возможность злым людям наносит ущерб другим ради мести". Они боятся, что на них донесут соседи... Западный наблюдатель будет удивлён, почему народ не борется за свои права... Психология японских масс находится всецело под влиянием правительства. Полиция в глазах японцев является представителем правительства, а правительство является олицетворением непогрешимого божественного императора. Мнения народа, как мы его понимаем, в Японии не существует: народ находится всецело под влиянием чиновников и тайных обществ, действующих в согласии с полицией»[106].

Разделяя точку зрения Монтеня, который писал в XVI столетии, что «японцы находят удовольствие в жестокости, кровопролитии и т. п.», О'Конрой замечает: «Это верно и теперь. Их жажда крови не ограничивается восхищением перед убийством, внушенным политическими или патриотическими целями. Я никогда не смогу забыть массовых убийств беззащитных корейцев после землетрясения 1923 г. Мы с женой находились на Корейском полуострове (?) во время землетрясения и резни. Не было оставлено ни одного здания; огонь пожрал все дома; люди лишились одежды и крова. Неизвестно, как возник слух в Японии, что корейцы намеревались совершить немедленное нападение на острова. Как могли корейцы осуществить это нападение, когда у них не было судов, не было пищи, — оставалось тайной. Но слухи распространялись, и японцы вооружились мечами. Они отправились убивать каждого: мужчин, женщин и детей, кто не мог бы доказать своего японского происхождения. Они убивали даже собственных соотечественников, если те не могли представить удостоверение личности. К счастью, хотя я потерял все мои бумаги, я нашёл в своем кимоно старую визитную карточку. Мы с женой нашли два травяных матраца, которые связали в форме арки, и укрылись под ними. Когда явились погромщики, я показал им мою карточку, и мы оба получили по голубой повязке в доказательство того, что мы не корейцы. Через час погромщики явились вновь, и нам дали повязки другого цвета в качестве предосторожности против того, что корейцы узнают цвет и избегнут смерти. Каждый час они меняли цвет повязок, и каждый раз погромщики появлялись, держа обнажённые мечи, на которых была кровь; их одежды были в крови, остатки человеческого мяса покрывали их. Они были пьяны жаждой крови. Их волосы, руки и лица потемнели от крови. Не смея выражать сомнение в необходимости погрома, я спросил о его причинах. Мне сказали, что "корейцы уже совершили нападение на Японию, что корейцы виноваты в землетрясении". Не менее 8 тыс. корейцев было убито. Ни один из них не был вооружён. Не стоит добавлять, что через японских послов были посланы настойчивые опровержения во все другие страны. Эти убийства якобы были результатом "обычных беспорядков, неизбежных при такой катастрофе", и число убитых было преуменьшено почти на 90%» (Речь идёт о резне корейцев во время землетрясения в провинции Канто в Японии. — *М.А.*)[107].

«Такова психология современной Японии, — утверждает О'Конрой. — Это — психология народа-дикаря, воспитанного в современной военной обстановке, внезапно воспринявшего результаты западной машинной цивилизации. Но угроза заключается не только в этом. За внешним лоском скрывается убеждение в том, что японцам принадлежит божественное право управлять миром, убеждение в превосходстве над другими народами мира; это сделало их религиозными фанатиками, божеством которых является Япония»[108].

Свою книгу английский разведчик Тэйд О'Конрой завершает главой «Я обвиняю». «Впечатления, полученные мною от Японии, — пишет О'Конрой, — были сначала смутны: цветы лотоса и вишни; приятный, энергичный народ, простой, трудолюбивый и невероятно деятельный; восхитительные женщины; жизнь, напоминающая арабскую сказку; карликовые деревья; изящная живопись цветов и насекомых; волшебное царство наяву. Этого я ждал. Я уже раньше встречался на Западе с японцами и видел, что мужчины обращаются у них с женщинами, как с королевами. Я наблюдал их изысканные манеры. Я отправился в Японию, намереваясь пробыть там год, самое большее два… и оставался там 15 лет… Я обнаружил, что все или почти все мои представления неправильны. Я нашел, что женщины действительно восхитительны и что впечатления европейцев о Японии основываются на образе этих женщин. Однако постепенно я обнаружил, что это впечатление старались создать как часть обдуманного плана... Я обнаружил, что мужчины в Японии безжалостны, жестоки, чувственны и вероломны. Они развращены и звероподобны. Я получил представление о шинто (синто. — *М.А.*), неошинто и, наконец, о кодо. Постепенно я понял, что в стране есть силы, исходящие не от парламента или императора. Моя деятельность в университете в Киото (Кэйо. — *М.А.*) позволяла мне встречаться с людьми, занимающими высокое общественное положение. Отчасти этому способствовал мой брак с представительницей аристократической японской семьи. В течение 14 лет я собирал материал для этой книги. Нет ни одного сколько-нибудь существенного вопроса, затронутого в этой книге, по которому я не имел бы исчерпывающих данных… Япония будет постепенно осуществлять свои планы, как я это изложил. Сначала она покорит Восток, пока не вмешаются державы.

Открытая война не начнётся сразу. Повторится маньчжурская история. Япония уже подписала с Китаем договор о номинальном мире. Я обвиняю её в том, что она подписала этот мир, этот договор о прекращении борьбы, о перемирии с единственной целью содействовать своим планам… Я обвиняю Японию в том, что она подписала эти соглашения с единственной целью создать предлог для возобновления военных действий, когда к тому наступит подходящий момент… Тогда она снова двинет свои войска в соответствующие районы Китая. Я обвиняю Японию в намеренном создании в Китае беспорядков для покорения страны… Я обвиняю её в том, что в настоящее время она имеет больше вооружения, чем ей разрешено договорами…

Я утверждаю, что Япония не держит своего слова, что она соблюдает договоры или соглашения, только пока и поскольку ей это удобно… Я обвиняю штабы в сознательном обмане масс, в создании патриотической лихорадки и в возбуждении ненависти к белым в своих собственных целях.

Я обвиняю, наконец, державы в нарушении данного Китаю слова, в несоблюдении обещаний, данных ими Китаю в качестве членов Лиги Наций. Я об-

виняю западных государственных деятелей в том, что они сознательно закрывают глаза на японскую угрозу. Я утверждаю, что они вполне понимают вытекающую из японской угрозы военную опасность. Эта возможность должна быть вполне учтена. Я обращаюсь к державам, чтобы они отдали себе отчет в создавшемся положении и приняли меры для обеспечения мира путём соответствующих угроз по адресу Японии, а если потребуется, то и демонстрации силы. Если это не произойдет в ближайшем будущем, не далее как в текущем году, вспыхнет война, более разрушительная, чем война 1914—1918 гг. Она будет происходить из Азии, куда придётся везти армию и снабжать её за тысячи миль.

Я обвиняю Японию в том, что она стремится к войне. Я утверждаю, что её штабы готовы принести на заклание весь народ. Генерал Араки призывает к войне. В мае он заявлял в парламенте: "Горе тем, кто выступит против нашего оружия". "Мы заявляем всему миру, что мы — нация милитаристов". "Пропитайте каждый выстрел духом кодо". "Убивайте безжалостно". "Боритесь с державами, отрицающими кодо". "Продемонстрируйте дух Японии, Азии, враждебный Европе и Америке"...

Все эти цитаты заимствованы из его книги о кодо, изданной в этом году (статья «Задачи Японии в эру Сёва», 1932 г. — *М.А.*), и из его последних речей. В настоящее время Араки держит в своих руках власть в Японии. Я утверждаю, что Япония хочет войны»[109].

«Особые эмоции вызвал у Сталина следующий отрывок: "Во время налета полиции на этот храм (речь шла о храме «буддийской секты ничирен». — *М. А.*) в тёмных углах были найдены искалеченные помешанные женщины, в то время как их "охранители" были застигнуты за азартной игрой на бумажные деньги, обагрённые кровью. Монахи испражнялись на группы беспомощных женщин, из которых многие были мертвы, некоторые уже долгое время, и тела их разлагались"[110].

«Согласно пометкам Сталина, в представлении "отца народов" японцы — это сволочи, мерзавцы»[111]. Вполне объяснимая и понятная реакция человека, прочитавшего о чудовищных преступлениях монахов буддийской секты.

Итак, Япония предстала перед советским руководством как общество с дикими, патриархальными традициями».

Книга О'Конроя аргументированно подтверждала уже имевшуюся у Сталина информацию о Японии как стране-агрессоре и о её подготовке к грядущим войнам.

13 декабря 1937 г. японцы ворвались в Нанкин. Около 50 тысяч японских солдат в течение месяца с лишним творили в Нанкине неслыханный произвол, насиловали, убивали, грабили. Число пострадавших мирных жителей оценивается китайской стороной в 300 000 погибших и более 20 000 изнасилованных женщин (от семилетних девочек до старух). По данным послевоенных трибуналов число убитых составило более чем двести тысяч. Одной из причин разницы в цифрах является то, что одни исследователи включают в число жертв нанкинской резни только убитых в пределах города, а другие учитывают также погибших в окрестностях Нанкина. Как не вспомнить профессора Тэйда О'Конроя, писавшего о прирожденной жестокости японцев.

Был ли Зорге знаком с книгой, вышедшей в 1933 г. на английском языке? Эта книга должна была быть в библиотеке германского посольства, о выходе

её в свет ему должны были сообщить во время его кратковременной командировки в Москву летом 1935 г. Характеристика, данная в ней японцам, по-видимому, отличалась от его впечатлений от общения с японцами. Однако следует оговориться, что это были «европеизированные» и «американизированные» японцы, такие, как Одзаки и Мияги. И это были друзья и соратники, которым Зорге безоговорочно доверял.

Книга «Военно-фашистское движение в Японии» О. Танина и Е. Иоган, изданная в 1933 году тиражом 25 тысяч экземпляров, была написана для командно-политического состава ОКДВА, партактива Дальневосточного края, а также для научных работников. О. Танин и Е. Иоган — псевдонимы О.С. Тарханова[112] и Е.С. Иолка[113], которые во время работы над монографией являлись сотрудниками разведывательного отдела штаба ОКДВА. Пометки, сделанные Сталиным, свидетельствуют о его интересе к проблемам экономики, положению рабочего класса, крестьян, роли армии в Японии. Вероятно, особое внимание к этим социальным группам было связано с прагматическими целями: узнать о возможности распространения социалистических идей среди японцев, существования оппозиции и борьбы против правящего режима.

В своем предисловии к книге Карл Радек отмечал: «Предлагаемая работа двух советских востоковедов представляет большую научную и политическую ценность. Военно-фашистское движение Японии является одним из тех механизмов, которые должны перевести Японию из состояния скрытой в состояние открытой мировой империалистической войны. **Знание этого фугаса, заложенного на Дальнем Востоке под дело мира, является необходимым** (выделено мной. — *М.А.*). Но во всей мировой литературе нет работы, которая бы выяснила конкретно корни военно-фашистского движения в Японии, фазы его развития, которая бы познакомила читателя с его идеологией, организацией и с его местом в общей системе сил, решающих основные проблемы политики японского империализма. До этого времени существовали только журнальные статьи, посвящённые этому вопросу. Наши авторы дают нам довольно подробную картину явления, опираясь на японскую литературу. При этом они не изолируют военно-фашистского движения в Японии, а показывают его развитие на фоне современной истории Тихоокеанской империалистической державы, на фоне социального кризиса, ею переживаемого. Они показывают на конкретном материале отношение разных прослоек японского общества к военно-фашистским идеям и организациям, уделяя особенное внимание вопросу о соотношении между этим движением и военщиной»[114].

Во второй главе «Армия как центр реакционно-шовинистического и фашистского движения в Японии. Эволюция политической роли армии» О. Танин и Е. Иоган пишут: «Тот факт, что Япония никогда не проходила через эпоху парламентаризма, а вся полнота власти сохранялась в руках военно-полицейской монархии, — всё это определило особо значительную роль военщины в руководстве политикой господствующих классов Японии. Здесь уже — не только количественное, но и качественное отличие от того, что мы наблюдаем в "передовых" капиталистических странах, где армия обычно играет только служебную роль в качестве орудия политики господствующих классов, но где армия не определяет эту политику.

Как известно, японское законодательство совершенно освобождает армию и флот из-под контроля и подчинения правительству и парламенту. Во-

енный и морской министры, начальники генеральных штабов армии и флота имеют право непосредственного доклада императору, минуя премьер-министра. Все назначения и перемещения по армии и флоту производятся с санкции императора без участия правительства. Так как вопросы войны и мира по японской конституции также самостоятельно решаются императором без участия парламента, это значит, что армия ведёт войну, также не нуждаясь в санкции правительства. Поскольку по конституции военным министром может быть только генерал, а морским министром только адмирал, то это означает, что верхушка армии и флота, отказываясь выдвинуть своего кандидата в то или иное правительство, имеет возможность не только влиять на состав правительства в желательном для них направлении, но и вообще сорвать его организацию. Никакого вмешательства со стороны правительства в свою внутреннюю жизнь армия и флот не терпят. Они не считают даже обязательными для себя соглашения, которые подписывает правительство с другими странами по вопросам вооружений. Единственный пункт, когда парламент соприкасается с армией, — это обсуждение бюджета, однако предоставленное конституцией императору право не утверждать бюджет, принятый парламентом, делает и это "право" парламента иллюзорным... Факты показывают, что армия и флот не только широко используют свое независимое от правительства положение, не только предохраняют себя от вмешательства парламентских партий и политических деятелей во внутренние дела армии, но, опираясь на эти уже давно завоёванные позиции, идут и дальше, стремясь полностью подчинить себе правительство, парламент и политические партии»[115].

Авторы отмечают, что «программа военщины в самой примитивной и упрощённой форме воспроизводит именно те специфические черты особой агрессивности и особой реакционности японского империализма, которые вытекают из его военно-феодального характера. Программа эта, по высказываниям самих лидеров военщины, может быть сведена к трём основным положениям:

1. Армия является передовой частью нации. Поэтому ей, а не парламентским политическим партиям, должно принадлежать руководство политической жизнью страны. Только армия может сохранить династию, подчинить интересы отдельных групп господствующих классов интересам всего режима и обеспечить распространение «императорской идеи» (т. е. японской агрессии) на другие страны.

2. Основной целью государственной политики в настоящее время должно быть осуществление плана «Великой Японии», т. е. создания мощной колониальной азиатской империи, в первую очередь за счёт захвата областей Восточной Азии. Важнейшим противником, сопротивление которого должно быть для этого сломлено, является Советский Союз.

3. Задачам внешней агрессии должна быть подчинена и вся внутренняя политика, важнейшим содержанием которой поэтому должно быть: а) увеличение контролирующей роли государства по отношению к промышленности и финансам; б) разрядка острого сельскохозяйственного кризиса, грозящего, в противном случае, перерасти в аграрную революцию, которая сметёт один из важнейших устоев всего режима — помещичье землевладение, а вместе с ним и монархию; в) самая беспощадная и жестокая ликвидация «красной опасности», т. е. всех проявлений революционного движения в стране...

Руководящая роль армии в политике мотивируется усиленной апелляцией к традициям старины, к кодексу феодально-рыцарской морали («бусидо» — кодекс моральных правил японских самураев), носителем и хранителем которой является армия, к божественной императорской власти, которая не может быть подконтрольна политическим партиям, но может зиждиться на зависящей только от неё армии...

В Японии нет противопоставления граждан императору. Существование монархии в Японии — неограниченное и всеобъемлющее. Император — центр государства и его полная сущность. Монарх — верх добродетели, а добродетель является философией японца...

Окружая таким ореолом монархию, военщина стремится нарастающее среди мелкобуржуазной молодёжи и других слоёв недовольство политикой правительства и хищничеством финансовых баронов направить в русло защиты монархии, которая-де после "второй реставрации" сумеет осчастливить японскую нацию и очистить общественную жизнь Японии от продажных политиков и корыстных спекулянтов...

В качестве своего ближайшего противника влиятельные круги военщины рассматривают Советский Союз. Маньчжурия с их точки зрения должна быть прежде всего плацдармом для войны против СССР. Именно поэтому высшие армейские круги с неодобрением относились к шанхайской операции, в которую ввязался флот, и медлили с поддержкой моряков, ибо считали, что это автоматически вовлекает Японию в конфликт с САСШ и Англией, когда основное внимание должно быть сосредоточено на подготовке войны против СССР. Для них Маньчжурия — это первое звено в цепи, следующими звеньями которой должны быть Жэхэ и Чахар, затем Внешняя Монголия, наконец, Приморье, Амурская область и Забайкалье. Этапы конфликта рисуются им сначала как захват КВЖД, затем вопрос о Внешней Монголии и вслед за этим — "Сибирь"»[116].

Авторы отмечали: «В Японии существует в настоящее время более 600 формально независимых друг от друга реакционно-шовинистических организаций. Германский гитлеровский агент в Японии, пишущий под псевдонимом проф. Дон Гато, говорит: "Фашизм в Японии пока ещё не развивается по единому фарватеру, а разбит на несколько пока ещё самостоятельных друг от друга течений, причём каждая из соответствующих партий и группировок преследует свои особенные цели. Отдельные из этих группировок полностью построены на базисе капитализма, тогда как другие имеют значительно более радикальные в социальном отношении подкладки.

Эти различные целеустремления отдельных группировок препятствовали до настоящего времени полному объединению всех фашистских партий Японии и облегчали противникам фашизма возможность вести с ними борьбу и даже игнорировать их удельный вес и значение. Но объединение всех фашистских течений Японии в одно русло должно неизбежно произойти, если только фашизм там — действительно претендует на руководящую государственную роль"»[117].

К числу «реакционно-шовинистических организаций» О. Танин и Е. Иоган относили и «организации реакционной мелкой буржуазии». Догматом веры этого крыла японского национализма стала книга «Законопроект переустройства Японии» («План реконструкции Японии». — *М.А.*) Киты Икки. Её содержание сводилось к плоской, невежественной, но ожесточённой критике

социалистических и анархических идей, становившихся всё более популярными, и к противопоставлению им «японизма», на котором якобы держится самобытная «цивилизация расы Ямато».

В книге Киты Икки сформулирована необходимость укрепления базиса монархии для успеха внешней агрессии. Этим базисом провозглашалось единение императора с народом и объединение народа вокруг императора, для чего должны быть уничтожены несвойственные Японии, не вытекающие из её «самобытного исторического развития» учреждения и социальные порядки. В первую очередь — концерны и тресты финансовых магнатов, накопление огромных капиталов в руках немногих лиц, корыстно использующих свои богатства, ослабляя внешнюю мощь государства и снижая жизненный уровень основных масс населения. Кита Икки рисует картину реформ, которые должны быть проведены, чтобы уничтожить могущество финансовых концернов, и сделать могучей саму нацию. «...Предельная стоимость собственности для японских граждан, — пишет Кита Икки, — ограничивается суммой в 1 млн. иен на семью... Предел земельной собственности — 100 тыс. иен на семью. Частные предприятия разрешаются с капиталом до 10 млн. иен. Всё, что выходит за указанные пределы, переходит в собственность государства»[118].

В 1924 г. Кита Икки создал боевую организацию «Общество белого волка» («Хакурокай»), цели которой определены в краткой формуле: «Перерешить социальные проблемы фактической силой на основе справедливости и рыцарского духа»[119]. Вместе со своими единомышленниками в 1930—1931 гг. Кита Икки вёл массовую пропаганду своих идей, одновременно создавая замкнутые организации «прямого действия»[120].

«Реакционно-шовинистические организации» проникли и в армию, переход власти к буржуазно-помещичьим политическим партиям ограничил роль военной бюрократии и неизбежно вызвал сопротивление со стороны генералитета. К тому же социальный состав кадров младшего и среднего офицерства изменился, отражая настроения тех социальных слоёв, из которых вербовались новые кадры: с одной стороны это был страх перед массовым революционным рабоче-крестьянским движением, а с другой — острое недовольство концернами, воротилами финансового капитала и буржуазно-помещичьими парламентскими партиями...

Ряд крупных деятелей армии (генерал Кикуци, генерал Сиотен, адмирал Огасавара, генерал-лейтенант Татэкава и др.) вступили в различные общества, в основном группировавшиеся вокруг «Общества государственных основ» — «Кокухонся», при этом в армии стали возникать различные тайные организации, объединявшие молодых офицеров.

Одна из первых в 1928 г. была создана отставным лейтенантом Нисида, прежде возглавлявшим общество «Белого волка». Его собственная организация называлась «Сбор самураев» («Сиринся»).

Вскоре после этого генерал-лейтенант Татэкава объединяет офицеров запаса в «Общество вишни» («Сайкуракай»), а офицеров действительной службы — в «Общество малой вишни» («Кодзакуракай»), на основе которого появилась более широкая организация офицеров армии и флота «Сейекай». На её организационном собрании присутствовало 187 офицеров, а уже через два года она объединяла 3—4 тыс. членов, примерно шестую часть всех офицеров действительной службы.

Причиной быстрого роста офицерских организаций явились в том числе особые обстоятельства, связанные с международными и внутренними трудностями, перед которыми стояла Япония. В частности, подписание Японией в 1930 г. Лондонского соглашения о морских вооружениях. Установленное соотношение морских сил САСШ, Англии и Японии — 5:5:3 — рассматривалось значительной частью офицерства как ослабление морского могущества Японии, которое возлагало вину на правительство и парламентские партии. Выразителем этих настроений стали бывший морской министр адмирал Като и контр-адмирал Суэцугу.

К этому добавилось решение правительства понизить жалование и увеличить число ежегодно увольняемых в запас офицеров, что расценивалось как непатриотическое поведение политических партий, экономящих на армии и флоте, но прикрывающих скандальные прибыли спекулянтов и финансистов. Ряд крупнейших фигур в японской армии и во флоте открыто вступают в организованное бароном Хиранумой «Общество государственных основ». В него вошли генерал Араки, генерал Мадзаки (зам. нач. генштаба), генерал Койсо, генерал Хата и др., из крупных флотских командиров — адмиралы Като, Номура, Тоэда и др. «Общество государственных основ» становится политическим центром, выступающим под антипарламентскими лозунгами. В среде молодого офицерства эти события ведут к оформлению крайних террористических течений, одновременно это происходило и среди гражданских, что привело к покушению на премьера Химагуци в октябре 1930 г. Вплоть до оккупации Маньчжурии движение развивалось в том же направлении. Две соревнующиеся, борющиеся за руководящую роль генеральские группы — близкая к генералу Угаки группа генералов Минами — Каная и группа Араки — устанавливают связи с тайными организациями молодого офицерства и террористическими организациями реакционно-шовинистического движения, которое возглавляли Кита Икки и Окава. И поначалу преуспевает в этом группа генерала Минами, который, будучи военным министром, располагает секретными денежными фондами военного министерства[121].

Эта группа продвинулась преимущественно в годы интервенции против СССР и борьбы против китайской революции, а в военном совете заняла решающие позиции с 1930 г. При этом группа Араки, вопреки своим лозунгам, была связана с финансовой и придворной верхушкой, возглавляемой принцем Цицибу, а также с концерном Мицуи. Эти связи не были ещё разоблачены, и генерал Араки удачно использовал демагогические приёмы, утверждая, что только армия, свято хранящая моральные принципы самурайской добродетели, сменив разложившиеся и подкупленные капиталистами политические партии в руководстве государственной политикой, сумеет вывести страну из тех трудностей, в которых она очутилась. Расчёт его был правилен: выдвинуть из своей среды группу, которая, хотя бы и ценой антикапиталистической демагогии и связанных с этим накладных расходов, сумела бы выступить в качестве силы, объединяющей нацию, выступив в роли бескорыстных суровых солдат, не знающих других интересов, кроме интересов родины и империи[122].

«О. Танин и Е. Иоган обращают внимание на то, что среди «офицерской молодёжи есть немало людей, которые искренне верят, что армия действительно может освободить страну от произвола и гнёта финансовых моно-

полистов и спасти от разорения мелких хозяйчиков и крестьян. Надо иметь ввиду, что политическое развитие этой офицерской молодёжи большей частью ограничено той требухой о божественности государственной власти, об её единении с народом, о великой миссии Японии, которой с детства набиваются мозги японского школьника. Весьма возможно, что тот офицер, который, вернувшись летом 1932 г. с фронта в Токио, заявил по адресу "капиталистов": "Господа, мы очистили Маньчжурию, а теперь мы готовы очистить столицу", — искренне верил в то, что эта задача действительно по силам армии. Весьма возможно, что в реальность своих планов верили и те молодые офицеры, декларацию которых о конфискации части капиталов крупнейших финансовых концернов на покрытие маньчжурских военных расходов оглашал Араки на заседании Совета министров, конечно возмутившегося "большевистскими требованиями" молодых офицеров. Но если это действительно так, — если есть среди молодых офицеров люди, искренне верящие в надклассовую роль армии, — то тем более жестоким будет предстоящее им разочарование в их кумире — "железном человеке Садао Араки» и во всей его демагогии"»[123].

В демагогии Араки Садао пришлось убедиться 26 февраля 1936 г. молодым офицерам, которые вывели на улицы Токио своих солдат под лозунгами, провозглашаемыми генералом.

О.Танин и Е. Иоган приводят хронологию военных путчей с 1931 года: «В марте 1931 г. группа Минами, возглавив недовольство военных политикой Хамагуци (премьер-министр — июль 1929 — ноябрь 1930, март — апрель 1931. — Прим. авт.), требует ухода его с поста премьера и одновременно подготовляет антипарламентский военный переворот. Но полиции, не находившейся в руках этой группы, удалось вскрыть подготовку к перевороту, в котором, как показывает полицейский отчет о "мартовском заговоре", в качестве руководителей участвовали сами Угаки и Минами, а исполнителями должны были явиться организации: С. Окава "Общество действия" ("Коцися"), боевая дружина этой организации — "Дайкокай" под руководством Симидзу, организация Нисида "Сбор самураев" ("Сиринся") и группа молодых офицеров под руководством начальника русского отдела, генштаба подполковника Хасимото. Заговорщики ставили себе целью вооружённый захват здания парламента, органов связи и редакций либеральных газет. Хотя заговор этот не удался, Хамагуци под давлением военных принужден был всё же уйти, и к власти пришло правительство Вакацуки. Это не удовлетворило, однако, заговорщиков, и работа по сколачиванию кадров антипарламентского движения сторонников военной диктатуры продолжалась....

Когда министр императорского двора Икки по поручению императора объявляет начальнику генштаба генералу Каная выговор за самовольную отправку корейских войск в Маньчжурию, это приводит к демонстративному выходу в отставку ряда работников генштаба и к вступлению многих молодых офицеров в ячейки "Братства крови".

Наконец, в октябре — ноябре 1931 г. почти одновременно происходят два новых военных заговора, ярко показывающих, как развязала маньчжурская авантюра нетерпеливую прыть военщины, её стремление убрать со своего пути всех, кто недостаточно быстро и решительно становится на путь военных авантюр, в которые оказалась втянутой Япония после 18 сентября.

Первый из этих заговоров, известный под названием "Революции императорского флага", был раскрыт полицией 17 октября 1931 г. и окончился неудачно. Подготовлялся он той же группой, что и "мартовский заговор", деятели которого остались тогда безнаказанными и сейчас не привлечены к ответственности. Удачней, однако, оказался заговор 3 ноября, в подготовке которого принимала непосредственное участие и группа генерала Араки. С помощью этой группы к поддержке заговора были привлечены различные реакционно-шовинистические организации, группирующиеся вокруг "Общества государственных основ", связанные с военведом организации Уциды Рехей, "Национальная федерация молодых офицеров", "Союз резервистов" и группа Акамацу из японской социал-демократической партии ("Сякай Минсюто").

Корреспондент из Японии описывал в следующих словах программу переворота. "Согласно программе переворота, митинг резервистов в числе около 50 тыс. человек должен был иметь место 3 ноября (день рождения императора Мэйдзи) ... с целью молитвы за национальный мир. Резервисты должны говорить относительно опасного положения, в котором находится Японская империя. Они затем предполагали устроить шествие перед дворцом. В то же время в связи с секретной договорённостью, достигнутой между руководителями заговора и Акамацу (генеральный секретарь социал-демократической партии), социал-демократическая партия должна была мобилизовать рабочие массы и подстрекать их сделать нападение на газеты и в частности на "Токио Асахи". Полк, расположенный в районе Адзабу (Токио), и три отряда императорской гвардии должны были формально принять меры к рассеиванию толпы и наведению порядка и подавить рабочий бунт, но фактически они должны были соединиться с ними и захватить газеты, после чего соединиться с силами резервистов, которые должны были собраться перед дворцом и, руководимые генералом Сиотен, получить затем императорскую санкцию относительно переворота и подать петицию микадо с просьбой объявить военное положение. В то же время они должны были занять министерства, главные конторы партий Минсейто и Сейюкай, Японский банк и все другие финансовые учреждения по всей стране и все государственные учреждения и конторы. Тогда должна была быть установлена диктатура микадо. Все известные революционеры должны были быть казнены и революционное движение запрещено. Должны были остаться только две газеты: газета "Ниппон" — орган монархистов и "Цувамоно" — орган военных.

Однако заговор развалился, прежде чем он успел осуществиться, в связи с внутренними трудностями. 23 октября в 2 часа 30 минут 300 жандармов было послано для охраны казённых резиденций премьера Вакацуки, Сидехара и Адаци, а также частной резиденции лорда — хранителя императорской печати Макино. Заговор потерпел поражение. Однако приход к власти кабинета Инукаи наметил шаги к реализации планов заговорщиков. Мемото, один из заговорщиков, был послан на фронт в Маньчжурию, но все остальные были отпущены. Не было даже и речи об аресте кого бы то ни было из конспираторов, и многие из них были намечены на видные посты. Так, например, Араки назначен военным министром, принц Канин назначен начальником генштаба и известный Судзуки — министром юстиции".

Следовательно, хотя формально заговор потерпел поражение, на деле он привёл к тому, что заговорщики получили, во-первых, в свои руки армию,

во-вторых, свергли старое правительство и добились прихода к власти более агрессивного в вопросах внешней политики кабинета и сами заняли видное место внутри этого кабинета, и, в-третьих, группа Араки на этом заговоре получила возможность сплотить вокруг себя крупнейшие реакционно-шовинистические организации. ...

Результаты переворота стимулируют дальнейшее развитие экстремистских течений в армии и в гражданских реакционно-шовинистических организациях и их дальнейшее сближение между собой.

К активизации этих течений ведёт также и вся внешнеполитическая и внутренняя обстановка в стране: неудача японского оружия в Шанхае и начавшийся после этого подъём антияпонского движения в Маньчжурии, так же как и усилившееся противодействие со стороны САСШ против японской агрессии в Китае и неблагоприятная позиция, которую под давлением САСШ заняла с марта 1932 г. по отношению к Японии Лига наций, — все это рассматривается крайними реакционно-шовинистическими кругами как результат слабости и нерешительности внешнеполитической линии правительства и стимулирует поэтому продолжение борьбы против политических партий и за сосредоточение власти в руках военщины. Экономический кризис, углубившийся в 1932 г. больше, чем когда бы то ни было раньше, с новой силой обрушивается на промежуточные социальные слои и побуждает связанную с этими слоями офицерскую молодёжь к продолжению борьбы против финансовых концернов и зависящих от них политических партий.

В течение последних месяцев 1931 и начала 1932 г. ряд офицерских групп примыкает к обществу "Дзиммукай" С. Окавы и к "Лиге крови" Ивоуэ. Происходят убийства бывшего министра финансов Иноуэ и директора концерна Мицуи барона Дана, покушение на Вакацуки в Осака. ... Когда в начале мая 1932 г. полиция под давлением министерства двора решает дать острастку зарывающейся офицерской молодёжи и арестовывает одного из руководителей всех офицерских террористических групп — подполковника Хасимото, офицеры заявляют, что освободят его силой.

Наконец,15 мая 1932 г. происходят общеизвестные события: группы террористов из молодых офицеров армии и флота из общества "Дзиммукай" и "Лиги крови" убивают премьер-министра Инукаи, бросают бомбу в хранителя императорской печати Макино, в здания банков Мицубиси и Нихонгинко и в Главное полицейское управление, делают попытку взорвать Токийскую трансформаторную станцию. События эти являются, однако только частью неудавшегося более широкого плана: известно, что одновременно с этими террористическими актами была произведена вооружённая войсковая демонстрация против дома Генро Сойидзи и полк под командой полковника Кофу должен был двинуться на Токио. Военщина, несомненно, замышляла взять столицу в свои руки. Положение было спасено только тем, что правительство, предварительно узнавшее о заговоре, мобилизовало жандармерию и поручило охрану столицы и резиденции императора вместо начальника гарнизона — шефу жандармского корпуса.

Переворот, который замышлялся военщиной, должен был быть совершён под лозунгами:

"Против политических партий, которые заботятся только о власти, о собственных интересах; против капиталистов, которые находятся в блоке с по-

литическими партиями, для того чтобы угнетать своих соотечественников; против мягкотелой дипломатии; против опасных мыслей, за крестьян и рабочих, которые терпят крайнюю нужду".

...

С. Окава, Тацибана, Иноуэ и ряд других были арестованы и до сих пор содержатся в тюрьме. Но лидеры военщины на заговоре только выиграли: генерал Араки фактически занял руководящее положение в новом правительстве адмирала Сайто, которое теперь отвечало уже основному требованию военщины о том, что правительство не должно зависеть от политических партий, а должно стоять над ними как национальное, надпартийное правительство. Конечно, правительство Сайто само является ещё коалиционным правительством обеих крупнейших военных группировок — клана Сацума и группы Араки с обеими парламентскими политическими партиями — Минсейто и Сейюкай, но оно уже обеспечивает военщине возможность проведения в жизнь её важнейших установок, хотя и не без внутренней борьбы.

Лидеры всех без исключения группировок в лагере реакционно-шовинистического течения открыто говорят о том, что политическая активизация военщины и вступление Японии в новую войну за овладение Маньчжурией явились теми толчками, которые активизировали и организации реакционно-шовинистического движения на современном его этапе. Они указывают и причины этого. Во-первых, армия оказалась самой организованной и решительной в борьбе за империалистический выход из кризиса частью «общества» (читай — господствующих классов); во-вторых, армия сумела выставить лозунги отрицания капитализма и партийно-парламентской системы, оппозиция против которых разжигается среди промежуточных социальных слоев опустошительным влиянием кризиса; в-третьих, армия при всём этом остаётся носительницей принципа твёрдой власти, остаётся единственной силой, которая на деле способна спасти Японию от революции.

...

Что касается «антикапиталистической» стороны программы военщины, то сама по себе, как мы показали, она не содержит в себе никакой действительной угрозы существованию капитализма, хотя и согласуется со стремлением помещиков и немонополизированных слоёв буржуазии обеспечить себе большую долю доходов в разделе прибыли с финансовым капиталом. Опасность этой "антикапиталистической" стороны программы военщины и многих реакционно-шовинистических организаций заключается однако в том, что игра "антикапиталистическими" лозунгами в условиях резкого обострения классовой борьбы в стране может повести к тому, что на определённом этапе движение выскользнет из рук своих вождей и массы, мобилизованные под лозунгом "свержения капитализма", попробуют начать реализацию этой программы.

Надо, однако, сказать, что до сих пор военщина и вожди реакционно-националистических организаций более или менее удачно справлялись с задачей удержания мобилизованных ими масс под своим руководством и были достаточно сильны, чтобы вовремя пресечь попытки дальнейшего углубления социальной демагогии, когда она начинала становиться опасной»[124].

Группа генерала Араки получила название «фракции императорского пути» («Кодоха»; помимо Араки, лидером фракции являлся Мадзаки Дзиндзабуро). После 1931 г. она боролась за руководящую роль в армии с другой

генеральской группой — «фракцией контроля» («Тосэйха»). Эта генеральская группировка, возглавлявшаяся Тодзио Хидэки, Муто Акира и Нагата Тэцудзан, занимала более прагматические позиции и настаивала на сбалансированной внешней политике и модернизации армии. Её стратегией было постепенное установление контроля над существующими государственными институтами при сохранении строгой лояльности государству. Но обе фракции объединяли идеи тоталитаризма и экспансии.

Националистическое движение в Японии было неоднородно. Спустя много лет после описываемых событий японских националистов предложили разделить на националистов (в узком смысле слова) и «национальных социалистов»[125]. К первой группе относились представители «Кодохи» и «Тосэйхи», причём последние являлись умеренными националистами.

Политическая программа «национальных социалистов» была той же, что и у просто националистов, однако их отличало стремление к радикальным экономическим и социальным реформам. Они требовали государственной монополии на внешнюю торговлю и распоряжение природными ресурсами, установления предельных размеров земельных, денежных и иных богатств, государственного протекционизма в сельском хозяйстве и обеспечения всему населению достойного уровня жизни и образования. Они выдвигали лозунги «государственного социализма» и «социалистической империи во главе с императором». Национальных социалистов возглавляли Окава Сюмэй, Кита Икки и др.

Экземпляр книги (возможно, не один) «Военно-фашистское движение в Японии» находился и в IV управлении Штаба РККА, куда он поступил из разведотдела штаба ОКДВА. Зорге не настолько хорошо знал русский язык, чтобы иметь возможность ознакомиться с текстом, изобиловавшим множеством новых для него терминов и понятий. Однако Карл Радек, написавший предисловие к книге, вполне мог и должен был ввести Зорге в курс дела перед предстоявшей командировкой.

3. «Трудность обстановки здесь [в Японии] состоит в том, что вообще не существует безопасности...»

(*«Рамзай» — Центру, 1 сентября 1936 г.*)

Начиная с конца XIX века, военная и военно-морская разведка Японии велась с позиций военных и военно-морских агентов при посольстве России в Токио (дипломатические отношения Японии с Российской империей установлены 26 января 1855 г. Симодским трактатом). О трудностях, с которыми приходилось сталкиваться разведчикам в погонах при добывании разведывательной информации с официальных позиций сохранилось не одно свидетельство.

«Военному агенту приходится ограничиваться доставлением не тех сведений, какие нужны и желательны, а какие можно добывать, — писал в 1898 году военный агент в Японии Генерального штаба полковник Н.И.Янжул начальнику штаба Приамурского военного округа. — В Западной Европе военный агент имеет то важное преимущество, что в распоряжении его находится доступный ему обширный печатный материал по изучению быта и

устройства иностранной армии, за исключением сравнительно немногих, не подлежащих гласности данных по мобилизации армии, по её стратегическому сосредоточению и по вооружению и обеспечению запасами крепостей. В Японии же военный агент находится в совершенно иных условиях»[126].

«Подозрительность и осторожность японских военных властей доходит до того, что они воздерживаются от публикаций даже таких невинных данных, как штаты и дислокация войск мирного времени, не говоря уже об организации частей по штатам военного времени, об устройстве обоза, снабжения и тыла армии. Поэтому из приказов и других гласных официальных распоряжений многого узнать нельзя, — отмечал Янжул. — Между тем в Японии нет того международного отброса, который в Западной Европе составляет главный источник для добывания секретных сведений по военному делу. Между японцами, к чести их, охотников заниматься этим художеством не находится, а для иностранцев непреодолимым препятствием служит незнание письменного японского языка и то обстоятельство, что каждый иностранец состоит под деятельным наблюдением полиции. Китайские иероглифы составляют самую серьёзную преграду для деятельности военного агента, направленной к изучению военного устройства этой страны. Не говоря уже о том, что эта тарабарская грамота исключает возможность пользоваться какими-либо случайно попавшимися в руки негласными источниками, она ставит военного агента в полную и грустную зависимость от добросовестности и от патриотической щепетильности японца-переводчика. Вообще даже в самых невинных вещах. Положение военного агента может быть поистине трагикомическим. Представьте себе, что вам предлагают приобрести весьма важные и ценные сведения, заключающиеся в японской рукописи, и что для вас нет другого средства узнать содержание этой рукописи, при условии сохранения необходимой тайны, как послать рукопись в Петербург, где проживает единственный наш соотечественник (бывший драгоман г. Буховецкий), знающий настолько письменный японский язык, чтобы быть в состоянии раскрыть загадочное содержание японского манускрипта. Поэтому для военного агента остаётся лишь один исход — совершенно и категорически отказаться от приобретения всяких quasi-секретных письменных данных, тем более, что в большинстве случаев предложение подобных сведений со стороны японцев будет лишь ловушкой. С другой стороны, опыты обращения иностранных военных агентов за сведениями в соответствующие органы военного управления всегда оканчиваются полной неудачей» [127].

«На самые заурядные вопросы, — продолжал военный агент, повествуя о проблемах получения разведывательной информации гласными способами с официальных позиций, — в лучшем случае получается уклончивый ответ и чаще — категорический отказ со ссылкою на существующие будто бы правила, воспрещающие сообщение подобного рода сведений. В этом отношении, насколько мне известно, японские военные власти не делают различия между представителями всех вообще иностранных армий. Отсюда следует, что военному агенту в Японии, за весьма редкими исключениями, приходится довольствоваться теми недостаточными фактами и сведениями, которые публикуются официально или появляются в периодической печати, в виде отчётов, приказов, положений, сторонних сообщений и заметок. Всё, что можно потребовать от военного агента, это быть au courant всех сведе-

ний и источников, появляющихся гласно в печати. Всё прочее — желательно, но не обязательно»

Мнение Янжула подтвердил его преемник на посту военного агента в Японии Генерального штаба полковник Б.П. Ванновский. В одном из своих донесений последний привёл следующий случай. После года хлопот и настояний ему удалось, наконец, получить из японского военного министерства «Учебник по военной администрации». При ознакомлении с учебником оказалось, что его содержание представляет собой «краткий, несвязный, неточный, непоследовательный пересказ ряда военных постановлений, иногда, совершенно второстепенных, причём все точные данные, цифры и штаты были опущены, а о вопросах комплектования сказано, что они секретны и будут изложены ученикам военной школы устно»[128].

Те же жалобы поступали и от наших военно-морских агентов. «Условия, среди которых мне приходится действовать, — писал лейтенант А.Г. Чагин в Петербург 12 марта 1897 г. — продолжают быть неблагоприятными отчасти по политическим причинам, отчасти вследствие исключительной японской замкнутости, подозрительности и европейце-ненавистничества, а к нам, русским, в особенности. Раз вопрос касался чего-нибудь более серьезного, то мои просьбы либо обходились молчанием, либо удовлетворялись в такой ничтожной степени, что граничило с отказом»[129].

«Работа русских официальных агентов в Японии (особенно военных и морских), — утверждал чиновник российского Министерства финансов Л.В. фон Гойер, несколько лет работавший в Токио накануне Русско-японской войны, — крайне затруднена тем обстоятельством, что японцы слишком близко и тщательно за ними следят. Мне достоверно известно, что к каждому русскому агенту японское правительство приставляет пять или шесть агентов, которые днём и ночью за ними следят. Каждый шаг, каждое движение их было известно. За всеми лицами, с которыми они имели сношение, также бдительно наблюдали»[130]. «Никогда русскому агенту, — утверждал Гойер, — не удастся нанять в Токио, Иокогаме или где-нибудь в стране действительно порядочного шпиона, а если случайно удастся, то десятки японских сыщиков, окружающих его, быстро поймут это и теми или иными средствами удалят его. Были примеры, когда русские агенты получали интересные сведения, но, увы, в большинстве случаев они шли прямо из Генерального штаба». Опираясь на свои наблюдения, Л.В. Гойер приходил к пессимистическому выводу, что «русские, да и все иностранные, военные и морские агенты в Японии играют лишь роль представительскую, — серьёзных, секретных сведений они никогда не соберут».

С подобными, если не большими трудностями, пришлось встретиться советским военным разведчикам «под официальным прикрытием», не говоря уже о разведчиках-нелегалах. Оперативная обстановка в Японии 1930-х годов по-прежнему отличалась от стран Западной Европы, Америки и Китая и в целом являлась весьма неблагоприятной для нелегальной деятельности разведчика-европейца.

Розыском крамолы и борьбой со шпионажем занимались главным образом два органа — кэйсацу (полиция), которой ведало Министерство внутренних дел, и кэмпэйтай (военная жандармерия в составе военного министерства), созданная в целях обеспечения «военной безопасности» в Японии.

В 1911 году при департаменте полиции МВД был создан специальный отдел — токубэцу кото кэйсацу — особая (специальная) высшая полиция, — сокращённо токко, секретная служба, состоявшая из многочисленных отделов: печати, цензуры и наблюдения за общественным порядком, отдела общественной безопасности. Отдел общественной безопасности состоял из секторов, в том числе по надзору за левым движением и корейцами, проживавшими в Японии; иностранного отделения, осуществлявшего надзор за иностранцами[131]. Токко пользовалась особыми правами, а её сотрудники — особыми привилегиями.

Особое и весьма привилегированное положение занимала и кэмпэйтай — военная жандармерия. К 1930-м годам кэмпэйтай значительно расширила сферу своей деятельности, охватив область политики и идеологии. Важнейшую роль в этом сыграл генерал Тодзио Хидэки — начальник штаба японской Квантунской армии (1937 — 38 гг.); заместитель военного министра (1938 — 39 гг.); военный министр (июль 1940 г. — октябрь 1941 г.). По словам одного из ближайших сподвижников Тодзио, к концу 30-х годов кэмпэйтай «стала приобретать политическую силу, и, когда Тодзио стал военным министром, она приобрела чрезвычайное сходство с тайной полицией»[132].

Система тотальной слежки за населением с помощью так называемого института гонингуми (пятидворок), основанного на принципе круговой поруки, взаимного наблюдения и тайных доносов, введённая ещё в годы феодализма, почти в неизменном виде сохранилась в Японии и в первой половине XX века.

В 1930 г. императорское правительство обратилось к населению с предложением сообщать всё, что дошло до их сведения. Газета «Осака Майнити» писала в этой связи: «Недавно полицейские власти Токио объявили, что "отныне они охотно будут получать тайные сообщения от граждан", что означает создание общенациональной системы шпионажа, доноса и полицейского наблюдения. Эта система даст возможность злым людям наносить ущерб другим ради мести»[133].

Основные трудности, с которыми сталкивался нелегал-европеец, определялись следующими особенностями условий жизни и деятельности в Японии:

— незначительное (по сравнению с другими странами) число иностранцев;

— ограниченное правовое положение иностранцев;

— резко выраженный национализм, широкая пропаганда недоверия и подозрительности по отношению к иностранцам как к возможным шпионам;

— расовые различия европейцев и японцев, резко выделявшие европейца из среды местного населения и делающие его легко доступным объектом наблюдения и слежки;

— широко развитая система слежки, наличие специальных органов наблюдения за иностранцами.

В своей книге «Японская угроза», изданной в 1933, О'Конрой отмечал, что согласно «последней переписи», в Японии «постоянно живёт около 6500 человек», представителей «белой и жёлтой рас», в том числе «американцев — 1870, англичан — 1610, немцев — 930, русских — 850, уроженцев Британской Индии — 230, швейцарцев — 170, датчан — 90, итальянцев — 45 и норвежцев — 45» [134].

В 1938 году в Японии жили 67 млн. японцев и всего около 28 тыс. иностранцев, в том числе 19 тыс. китайцев и 9 тыс. представителей белой расы — европейцев и американцев.

Наиболее многочисленными (не считая китайцев) к тому времени были следующие иностранные колонии (цифры округлены)[135]: США — 2 тыс.; Великобритания — 2 тыс.; русские белоэмигранты — 1200; Германия — 1 тыс.; Франция — 500; СССР — 350; Канада — 300; Швейцария — 200; Голландия — 100 человек. Все они жили в Токио, Иокогаме, Кобе и Осаке. По роду занятий иностранцы разделялись на три основные группы: дипломатические и консульские работники; коммерсанты; специалисты из различных областей деятельности и лица свободных профессий. В 1933 г. в качестве дипломатических и консульских работников: от США в Японии был 51 чел.; от Великобритании — 44; от Франции — 21; от СССР — 17; от Германии — 16; от Голландии — 15; от Швейцарии — 1. Вместе с семьями и обслуживающим составом общая численность этой категории иностранцев составляла 800—900 человек, то есть около 10% иностранного населения.

Основным видом занятий иностранцев была коммерческо-предпринимательская деятельность, которая охватывала до 80% всего состава иностранных колоний. Это представители и служащие экспортно-импортных фирм, страховых компаний (в Токио и Иокогаме в 1933 году насчитывалось 33 иностранных страховых компании), владельцы торговых и мелких торгово-производственных предприятий, ремонтных мастерских и т. п. Из иностранных торговых предприятий наиболее распространёнными были рестораны, пивные бары, кафе, кондитерские, магазины мелких металлоизделий и др.

К группе специалистов и лицам свободных профессий относилось остальное иностранное население, то есть те же 10%. Эту группу составляли журналисты, инженеры, консультанты при промышленных предприятиях и новых производствах, научные работники, врачи (в Японии в 1933 г. было 12 частных иностранных больниц), миссионеры и т. п. Граждане государств, имевших наиболее развитые экономические и политические связи с Японией (в частности, американцы, китайцы, немцы, голландцы) имели право въезда в Японию без визы и свободного проживания в стране (при условии занятия официально обоснованной полезной деятельностью), но японские законы предусматривали для них некоторые правовые ограничения. Иностранцы могли вкладывать свои капиталы в японские предприятия, но им не разрешалось приобретать недвижимую собственность в виде земельных участков, производственных зданий и жилых домов. Правда, эти ограничения не создавали серьёзного препятствия для лиц, располагающих необходимыми денежными средствами: недвижимая собственность приобреталась на подставных лиц, а невмешательство чиновников соответствующих органов надзора без особого труда достигалось с помощью взяток.

«... система шпионажа в Японии доведена до совершенства. — Утверждал О'Конрой, опираясь на свой опыт сотрудничества с полицией. —Шпион А может быть назначен для наблюдения за посольством; в этом случае Б будет назначен наблюдать за А, третий шпион — В, получит приказ наблюдать за Б, а четвёртый — Г наблюдает за первыми тремя. В добавление к тому существуют ещё тайные общества, задачей которых является наблюдение за иностранцами. Кроме того, японец всегда рад донести полиции о чём-либо подозрительном в поведении варвара или японца, друга варвара. Что каса-

ется иностранных чиновников в Токио, то они вращаются только в официальных кругах и никогда не могут почувствовать истинного отношения к себе со стороны народа»[136].

Между полицейскими и жандармскими органами существовал постоянный и систематический обмен материалами по вопросам контрразведки и политического наблюдения.

Наблюдение за иностранцами в основном осуществлялось органами полиции, поскольку иностранцы относились к гражданскому населению, являвшемуся главным объектом её деятельности. Иностранный отдел имел многочисленный штат агентов, знавших тот или иной язык и специально подготовленных для наружного наблюдения. Система наблюдения за иностранцами включала в себя: а) предварительное изучение и оценку иностранца как объекта наблюдения; б) наружное наблюдение за иностранцем вне дома; в) внутреннее наблюдение и изучение иностранца в его личной жизни, его повседневного поведения в домашних условиях; г) в отдельных случаях — активное «прощупывание» с помощью провокаций.

Полиция подразделяла иностранцев на категории — исходя из национальности и степени её «опасности». В 1930-е годы наиболее опасными считались советские граждане, затем следовали китайцы, далее — англичане и американцы. Немцы — после прихода к власти Гитлера — стали рассматриваться как наименее «вредная» нация за исключением немцев-эмигрантов, хотя полностью наблюдение не снималось и с них. Меньше других следили за итальянцами, турками, поляками, норвежцами, шведами, австрийцами, балканскими народностями, представителями стран Южной и Центральной Америки.

Наблюдение за вновь прибывающими иностранцами начиналось на пароходе — если пароход японский или с момента высадки в порту — если пароход иностранный. До прихода парохода в порт администрация получала по радио и публиковала в газетах списки прибывающих пассажиров, которые тщательно изучала полиция. Уточнения в этот план вносились после прибытия парохода и получения от пароходной обслуги полных сведений о результатах наблюдения за пассажирами.

В первой половине 30-х годов прибывающие в Японию иностранцы подвергались в порту высадки незначительным полицейским формальностям: краткому опросу — откуда, с какой целью приехали, как долго намерены пробыть в Японии (с 1936 года для приезжающих и проживающих в Японии иностранцев была введена регистрация в полиции с заполнением подробной учетной карточки — анкеты и представлением фото).

Нередко вскоре после приезда, а иногда ранее, ещё на пароходе, иностранцу «случайно» встречался и завязывал с ним знакомство весьма приветливый японец, который предлагал свои услуги в качестве компаньона, оказывался коллегой по профессии или просто выражал готовность помочь в ознакомлении со страной. Этот новый «знакомый» бывал весьма настойчив, добиваясь сближения и укрепления дружеских отношений. Можно было не сомневаться в том, что этот «друг», сотрудник иностранного отдела полиции, выполнял задание по изучению объекта.

Для систематического наблюдения за иностранцами, изучения их образа жизни, поведения, привычек, знакомств и связей полиция и жандармерия

широко использовали в качестве агентов домашнюю прислугу, боев-посыльных, поставлявших на дом продукты, обслуживающий персонал и японцев — сотрудников иностранных учреждений и предприятий.

Использование домашней прислуги в качестве полицейской агентуры открывало полиции доступ в дом в отсутствие хозяина. Если иностранец уезжал из дому хотя бы на 1-2 дня, он должен был ожидать, что в его отсутствие у него в квартире будет произведён тщательный обыск.

Малочисленность и резкие расовые отличия делали европейцев в Японии весьма удобными объектами для наружного наблюдения. Европеец уже через несколько дней становился хорошо известным не только ближайшим соседям, но и большинству жителей квартала. Наружное наблюдение осуществлялось специальными агентами и многочисленными полицейскими постами, обеспеченными телефонной связью. Полиция и жандармерия широко пользовались услугами нештатных наблюдателей: гейш, проституток в публичных домах, женской обслуги в ресторанах, барах, гостиницах, дансингах и т. п. Сотрудничество с полицией было обязательным условием для поступления на работу в подобного рода заведения. В условиях массовой безработицы полиция получала возможность, не расходуя дополнительных средств, содержать широкую агентуру.

Иностранцы, подозреваемые в нелегальной разведывательной деятельности, нередко подвергались своего рода «активной» полицейской проверке — путем подсылки к ним агентов-провокаторов, предлагающих продать какие-либо «секретные» сведения или документы. Как правило, такие полицейские «операции» проводились в примитивной, грубой форме и могли ввести в заблуждение лишь неискушённого, малоопытного новичка.

Наблюдение велось и за посольством Германии. В отличие от наблюдения за советским посольством, оно велось не открыто, но тайно.

7 января 1934 года «Рамзай» несколько самоуверенно сообщал Центру: «Я особенно не боюсь больше постоянного и разнообразного наблюдения и надзора за мной. Полагаю, что знаю каждого в отдельности и применяющиеся каждым из них методы. Думаю, что я их всех уже окончательно стал водить за нос». Спустя два с половиной года тональность докладов Зорге изменилась. Показательно письмо Центру от 1 сентября 1936 года: «Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности, что всегда могут произойти такие неожиданные вещи, которых в нормальных условиях совершенно не приходится опасаться. Вас могут, например, ни с того ни с сего задержать, когда вы после 12 часов ночи возвращаетесь из Йокогамы в Токио; ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства… В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так напрягает и изнуряет… В малейших частностях повседневной жизни вы здесь подвержены необыкновенному произволу».

В поездках по Японии Зорге несколько раз сопровождал его коллега — корреспондент газеты «Франкфуртер цайтунг» Фридрих Зибург, которому приписывалась работа на гестапо. О том, с чем приходилось сталкиваться двум немецким журналистам во время этих путешествий, Зибург оставил следующее воспоминание: «В двух или трёх поездках, предпринятых мною вместе с Зорге, нам пришлось иметь дело с прямо-таки несметным числом

полицейских в форме и в штатском, ходивших за нами по пятам, проверявших наши документы и заводивших с нами разговоры. В этом не было ничего необычного, ибо боязнь шпионов в этой стране приобрела уже характер подлинной мании. Хотя я имел самые надёжные рекомендации японских властей и мог считаться личностью вне всяких подозрений, всё же японские полицейские беспрестанно досаждали мне своим интересом к моей персоне.

Нередко во время утреннего бритья в моём гостиничном номере появлялся довольно нечистоплотный молодой человек со множеством авторучек в нагрудном кармане; беспрерывно кланяясь и с почтительным шипением втягивая воздух он представлялся полицейским агентом и выражал надежду, что я чувствую себя в Японии в полной безопасности. То же самое происходило со мной и во время экскурсий, в общественных парках и даже в храмах.

Эти молодые люди, с их буквально кричащей "неприметностью", большей частью бывали совершенно удовлетворены, как только я вручал им свою визитную карточку с надписью на японском языке; их я заказал сразу по прибытии в Токио — кстати, по настоятельному совету Зорге. Агент кэмпэйтай, как правило, долго изучал визитку, словно какой-то особо важный документ, отвешивал очередной поклон и просил разрешения оставить её у себя. Впоследствии я узнал, что собирание визитных карточек является излюбленным занятием японцев, многие из которых заполняют ими страницы объёмистых альбомов; при этом особое внимание уделяется, конечно же, визитным карточкам иностранцев.

Публике без конца читают наставления об опасности шпионажа. Постоянно проводятся специальные курсы обучения и публикуются соответствующие инструкции. Мне самому довелось как-то побывать на одной из лекций: японский полицейский офицер выступал перед гейшами, призывая их также включиться в борьбу со шпионами. К сожалению, я ни слова не понимал по-японски. Тем не менее зрелище было презабавное; японский полицейский офицер, щуплый человечек с серьёзным выражением лица, с ёжиком седых волос и в огромных очках, стоял перед залом, наполненным этими прекрасными, словно цветы, созданиями в пестрых кимоно и с напудренными до меловой белизны лицами.

Впоследствии мне разъяснили, к чему сводились эти инструкции. Ну, во-первых, шпиона — разумеется, являющегося представителем белой расы, — следовало сразу же распознавать по внешнему виду. Согласно представлениям японской контрразведки, этот внешний вид в точности соответствовал облику шпионов из старых приключенческих фильмов. Со всей серьезностью этим девушкам втолковывают, что если в чайный домик заходит мужчина в пальто с поднятым воротником и в дорожной шляпе, с короткой трубкой в зубах, а то и с моноклем в глазу, значит, это непременно шпион. Я привожу всё это в качестве примера того наивного схематизма, который японские власти перенесли на комплекс шпиономании.

Вместе с Зорге я побывал также в городах Киото, Нара и Ямада, где мы осматривали священные храмы. В поездах к нам то и дело обращались какие-то люди, пользуясь несколькими фразами на ломаном английском или немецком языках, и просили у нас визитные карточки. На вокзале в Ямаде нас обступила целая группа полицейских в форме; беспрерывно кланяясь и с почтительным шипением втягивая воздух, они записали наши биографические

данные. Даже когда мы задержались перед священным храмом, вдруг появился какой-то юноша, одетый в необыкновенно грязную короткую куртку европейского покроя, долго таращил на нас глаза из-за стекол огромных очков и в конце концов предложил обменяться визитными карточками.

Как-то раз один из полицейских даже попросил разрешения осмотреть наши авторучки. Позже я узнал, что японцы испытывают особый страх перед авторучками, ибо считают, что с их помощью шпионы производят фотосъемку или разного рода измерения. Постоянно велись также разговоры об инфракрасных лучах, с помощью которых, якобы, шпионы проделывали свои тёмные дела; я не знаю, какая навязчивая идея заставляла японских контрразведчиков думать, что белого шпиона всегда можно распознать по тому, что он постоянно "фотографирует сверху вниз".

Как бы там ни было, назойливый интерес полицейских ко мне и Зорге во время наших поездок можно было считать нормой поведения по отношению к двум известным европейским журналистам. Не исключено, однако, что Зорге уже в то время в чём-то подозревали»[137].

В определённом смысле это описание является карикатурой на работу японских спецслужб, в профессиональности которых сомневаться не приходится. В данном случае речь шла о «демонстративной» слежке, проводимой с целью равно запугать объект наблюдения, так и успокоить его, выпячивая дилетантизм наблюдавших, тем самым отвлекая внимание от действительного скрытного наблюдения.

Существуют высказывания на эту тему известного американского журналиста Гарольда О. Томпсона, неоднократно наблюдавшего работу японских спецслужб.

«С 1936-го по лето 1941 года, — писал он, — я находился в Токио в качестве корреспондента Юнайтед Пресс. Мой корпункт находился на седьмом этаже здания агентства Дэнцу. В том же коридоре располагались рабочие помещения Немецкого телеграфного агентства (ДНБ), агентств Гавас и Ассошиэйтед Пресс. Зорге часто заходил к своим коллегам из ДНБ. Я встречал его и на японских пресс-конференциях... Несмотря на наше поверхностное знакомство, Зорге мне нравился. Он был дружелюбным, отзывчивым парнем... Мне особо запомнился один случай. Японская полиция приставила к Зорге агента для постоянной слежки, как это она проделывала со многими из нас. Однажды этот агент пришел в корпункт, чтобы поболтать с моим помощником-японцем. Последний сказал мне, что полицейский агент пребывает в радостном настроении, так как Зорге попал в мотоциклетную катастрофу и в настоящее время находится в больнице Сен-Люк, отчего у полицейского высвободилось время для личных дел. Я отправился в больницу, где узнал, что Зорге получил лишь незначительные травмы и уже выписан. Когда я сказал об этом полицейскому, он пулей вылетел из комнаты, спеша вновь занять свой "наблюдательный пост". Мне кажется, что за Зорге следили гораздо интенсивнее, чем за большинством из нас»[138].

Несмотря на то что генерал-майор Ойген Отт, военный атташе, а в последующем посол не подозревал, что имеет дело с советским разведчиком, профессия обязывала его проявлять минимум доверия. Как впоследствии признавал сам Отт, он даже приставил к Зорге, с которым поддерживал дружеские отношения, шпиков. «Иногда на него что-то находило, — писал Отт о

Зорге, — и он на время исчезал; по моему поручению за ним месяцами велась слежка»[139]. Насколько это соответствовало действительности, судить трудно. Не исключено, что Отт пытался оправдаться задним числом.

Летом 1940 г. произошло событие, потрясшее весь корпус иностранных корреспондентов в Токио: внезапно исчез корреспондент агентства Рейтер Джемс Кокс. В иностранной колонии ходили самые противоречивые слухи. Наконец в японских газетах появилось краткое сообщение, что Кокс, арестованный по подозрению в шпионаже и переданный кэмпэйтай, во время одного из допросов «выбросился» из окна третьего этажа жандармского управления. Версия о «самоубийстве» была рассчитана на то, чтобы завуалировать жестокую расправу, учинённую японскими жандармами над иностранным корреспондентом[140].

В 1900 г. был издан специальный закон «О поддержании общественного порядка полицией» («Дзиан кэйсацухо»), предоставивший полиции широкие возможности репрессий против японских трудящихся, поднимавшихся на борьбу за свои жизненные права[141].

15 июня 1922 года в Токио состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Японии. Съезд принял временный Устав партии и избрал Центральный Комитет. Съезд одобрил резолюцию о присоединении к Коминтерну. С первого дня своего существования КПЯ находилась на нелегальном положении. В ноябре 1922 г. ЦК КПЯ направил на открывшийся в ноябре 1922 г. IV Конгресс Коммунистического Интернационала своих представителей. КПЯ была принята в состав Коминтерна на правах секции.

Уже 5 июня 1923 г. на основании закона «О поддержании порядка полицией» начались массовые аресты коммунистов. Свыше 100 руководителей партии было арестовано[142].

15 июля 1927 г. были опубликованы «Тезисы Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала по Японии», которые известны в Японии как «Тезисы 1927 года», в выработке которых приняли участие деятели японского коммунистического движения[143]. Эти Тезисы были единодушно одобрены расширенным пленумом ЦК КПЯ в декабре того же года. В Тезисах провидчески отмечалось: «Японский империализм войной против Китая стремиться использовать свою монополию военной силы, для того чтобы создать плацдарм для наступления на СССР, раздавить советское движение в Китае, превратить огромную территорию или возможно большую часть Китая в свою колонию, подвести под свою власть более прочную экономическую основу, захватить источники сырья, особенно для военной промышленности и военных нужд, утвердиться на Азиатском материке и подготовиться таким образом к новым войнам за господство на Тихом океане».

В тезисах Коминтерна давался марксистский анализ расстановки классовых сил в стране, и определялись конкретные пути решения стоявших задач. В частности, указывалось, что в условиях полуфеодальной земельной собственности и господства абсолютистской монархии, Япония может прийти к социалистической революции только через этап буржуазно-демократической революции, проведение которой является самостоятельной задачей. При этом подчеркивалось, что в такой стране развитого капитализма, как Япония, борьба за отмену «императорской системы» («тэнносэй») и полуфеодальной земельной собственности неизбежно превратится из борьбы против фео-

дальных пережитков в борьбу против капитализма. Отсюда делался вывод о возможности развития буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую [144].

Термин «императорская система» наиболее адекватно передает специфику монархического строя в Японии, при котором в единую, органически целостную систему увязаны явления разного происхождения: и политического, и идеологического, и религиозного, и мировоззренческого [145].

«Коммунистическая партия Японии, — отмечалось в «Тезисах 1927 года», — должна принять следующую программу действий:

1. Борьба против империалистической войны.
2. Руки прочь от китайской революции.
3. Защита СССР.
4. Полная независимость колоний.
5. Роспуск парламента.
6. Уничтожение монархии.

...

12. Конфискация земельных владений микадо, помещиков, государства и церкви».

В 1928 г. японское правительство выступило с протестом против вмешательства Коминтерна во внутренние дела Японии, обвинив Москву в нарушении положения ст. 5 «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», согласно которой стороны брали на себя обязательство «воздерживаться и удерживать всех лиц на их правительственной службе и все организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от всякого открытого или скрытого действия, могущего каким бы то ни было образом угрожать порядку или безопасности какой-либо части территории Союза Советских Социалистических Республик или Японии»[146].

В феврале 1928 г. в Японии впервые были проведены выборы на основе всеобщего избирательного права. Эти выборы дали возможность компартии, которая находилась на нелегальном положении, опираясь на фабрично-заводские ячейки, заявить массам о своём существовании, открыто обнародовать свою политическую программу. Коммунистическая партия выдвинула из числа своих членов кандидатов в парламент по списку Рабоче-крестьянской партии и обратилась к массам с лозунгами: «Долой монархию!», «Создадим рабоче-крестьянское правительство!» В ответ на это министр внутренних дел в правительстве Танака Судзуки Кисабуро обрушил на Рабоче-крестьянскую и остальные пролетарские партии жестокие репрессии. Но это не дало никаких результатов. Рабоче-крестьянская партия получила на выборах 193028 голосов и провела в парламент двух своих кандидатов; за Социалистическую массовую партию было подано 128756 голосов, и она получила 4 мандата в парламенте; остальные пролетарские партии получили 2 места. Всего, таким образом, пролетарские партии получили в парламенте 8 мандатов.

Правительство было напугано появлением на политической арене Коммунистической партии, силой и организованностью рабочего класса, продемонстрированными им во время выборов. Именно поэтому японское правительство на рассвете 15 марта 1928 года на основании принятого «Закона о поддержании общественного спокойствия» провело по всей стране массовые аресты, бросив в тюрьмы более 1600 коммунистов и сочувствующих им.

Это были так называемые события 15 марта. 10 апреля правительство распустило три организации, находившиеся под влиянием компартии: Рабоче-крестьянскую партию, Японский совет профсоюзов и Всеяпонский союз пролетарской молодёжи. Число обвиняемых, представших перед судом после репрессий 15 марта, достигло 400 человек[147].

В мае 1932 года при участии представителей КПЯ в Коминтерне были приняты Тезисы Западноевропейского бюро Интернационала «О положении в Японии и задачах Коммунистической партии Японии», известные в Японии как «Тезисы 1932 года». Новые тезисы развивали основные положения «Тезисов 1927 года» применительно к новым условиям. Неизменным осталось одно: «Защита СССР». «Главными актуальными лозунгами действия в настоящее время, — отмечалось в «Тезисах 1932 года», — должны явиться следующие:

1) Против империалистической войны. За превращение войны империалистической в войну гражданскую.

2) Свержение буржуазно-помещичьей монархии. За рабоче-крестьянское советское правительство.

...

6. За защиту СССР и китайской революции...»[148].

Когда находившаяся на нелегальном положении КПЯ осудила захват Маньчжурии, это вызвало против неё очередные жестокие репрессии. Под предлогом «чрезвычайного времени» членов компартии, участников рабочего и крестьянского движения и тех, кто не соглашался с политикой правительства или не проявлял «патриотического духа», объявляли мятежниками, незаконно арестовывали и пытали. По признанию главного прокурора Хирата, сделанном в 1934 году, только с 1928 по 1933 год было арестовано 40 тыс. коммунистов и им сочувствующих. «Только за девять месяцев 1933 года было схвачено 7861 человек, среди которых находилось 688 членов КПЯ и сочувствующих, 616 членов комсомола и сочувствующих коммунистическим идеалам юношей и девушек, 2605 членов нелегальных революционных профсоюзов, 804 члена крестьянских союзов, 684 учащихся, 352 учителя и 25 солдат»[149].

Волна арестов парализовала деятельность центрального органа компартии; затем она обрушилась на организации МОПР, Союз коммунистической молодёжи, Конгресс японских профсоюзов, Национальный крестьянский конгресс, Лигу японской пролетарской культуры и другие культурные организации. Но самым серьёзным ударом по японской компартии была измена Сано Манабу и Набэяма Садатика, руководителей компартии. В июне 1933 года Сано и Набэяма, находившиеся в тюрьме во время разбора их дела апелляционным судом, выступили с заявлением, озаглавленным «Письмо к единомышленникам-обвиняемым». Текст их заявления гласил:

«Японская компартия выполняет указания Коминтерна, она только внешне выглядит революционной. Выдвижение фактически вредного лозунга об упразднении монархической системы является в корне ошибочным»[150]. Далее в своём заявлении Сано и Набэяма настаивали на необходимости разрыва с Коминтерном.

Это письмо означало не что иное как отказ от принципов интернационализма в революционном движении, отказ от классовой борьбы, отказ от борьбы с императорской системой и являлось призывом к «единству нации». Как заявил Сано, «стимулом, побудившим меня стать сторонником но-

вых взглядов, была военная обстановка, сложившаяся после маньчжурского инцидента».

Выступление Сано и Набэяма было воспринято как измена коммунистическому движению и нанесло серьезный удар прогрессивным силам общества. Другие руководители партии — Митамура Сиро, Такахаси Садаки, Накао, а затем и Кадзама Дзёкити — тоже объявили о своем «переходе». Началась так называемая «эпоха переходов». По данным расследования, проведённого уголовным департаментом министерства юстиции, через месяц после заявления Сано и Набэяма от прогрессивного движения отошли или изменили ему 415 человек из 1370 подследственных и 133 человека из 393 осуждённых на основании закона «О поддержании общественного спокойствия». «Многочисленные случаи отхода от движения объяснялись нестойкостью людей, которые не вынесли жестоких пыток и длительного тюремного заключения. У слабовольных людей имели успех такие доводы, как состояние здоровья, чувство долга перед семьей, тяжесть жизни и т. д. В этом же направлении действовала и "теория" о пробуждении самосознания японской нации в результате войны и об "историчности" императорского дома. К этому следует добавить, что **уголовный департамент определял меру наказания подсудимым в зависимости от того, отступали они от своих убеждений или оставались им верны.** Таким образом, слились воедино все виды и степени измены — от сознательного предательства до вынужденного отхода от практической деятельности. Таким образом, левое движение в целом и коммунистическое движение в частности в тот период потерпело поражение не только в результате ударов извне, но и благодаря разложению в рядах самих его участников»[151].

Те, кто отказывался отступить от своих убеждений, сгинули в тюрьмах. Не имея руководящего центра, КПЯ фактически прекратила существование, в глубоком подполье действовали лишь отдельные группы ее членов.

Тем не менее, министр юстиции Охара, выступая в марте 1935 года в парламенте, констатировал, что «...несмотря на все меры, предпринимаемые правительством с 1928 г. по пресечению коммунистического движения, последнее пустило настолько глубокие корни, что даже после неоднократных арестов коммунистов и всей руководящей головки остающиеся на свободе продолжают свою деятельность, а правительство до сих пор не может добиться окончательного искоренения коммунизма».

В Японии в те годы существовала небольшая группа членов компартии и близких к ней людей, среди которых можно было найти тех, кто пошел бы на сотрудничество с советской военной разведкой на идейной основе. Привлечение к сотрудничеству таких людей было чревато провалами, так как члены КПЯ и близкие к ним лица были под контролем полиции, преследовались и бросались в тюрьмы. Некоторые из них были вынуждены покинуть страну и найти убежище в Северо-Американских Соединённых Штатах.

В обстановке массовых репрессий и неустанного полицейского надзора иностранцу было тем более трудно выстраивать нелегальную работу, находить людей, которые бы осмеливались действовать в пользу советской военной разведки или хотя бы содействовать работе корреспондента иностранной газеты или журнала.

Недоверие к иностранцам с 1938 года обрело характер мании. Власти устраивали специальные выставки борьбы со шпионажем, не уставая ра-

зоблачать преступные методы иностранных шпионов. В городах сотнями развешивались антишпионские плакаты; были введены «недели борьбы со шпионажем». Картинки и лозунги, призывающие к борьбе со шпионами, помещались на спичечных коробках, выставлялись в окнах магазинов. И всегда шпионом на них изображался белый человек. Через печать и радио власти призывали население быть настороже и доносить о подозрительных иностранцах, которые несут неисчислимые бедствия Японии. Так создавалась в стране атмосфера ненависти ко всякому иностранцу, в том числе, как это ни удивительно, и к гражданам Германии[152].

Вместе с тем при повальной слежке и доходящей до мании всеобщей подозрительности, в полицию поступал настолько мощный поток сведений, что отделить «крохи» действительной информации от дезинформации, которая составляла подавляющую часть всего потока, чаще всего не представлялось возможным. А если что-то удавалось осмыслить и проанализировать, то, как правило, с большим опозданием.

Пути и методы надежной легализации и закрепления в стране; организационные формы нелегальной резидентуры; вопросы вербовки агентов и поддержания с ними связи; организация и поддержание связи с Центром; учёт наличия постоянного полицейского наблюдения; приемы конспирации — всё это требовало особого внимания и напряжения всех сил.

Военная разведка выступала инициатором в организации военного сотрудничества с японской армией. В январе 1930 г. за подписью Ворошилова в Политбюро ЦК ВКП(б) была представлена справка Разведупра, в которой отмечалось: «Вопрос об обмене командирами-офицерами между Японской и Красной армиями имеет уже значительную давность. Еще в 1925/26 году бывший японский военный атташе в СССР полковник Мике неоднократно выдвигал его по поручению Генштаба перед тов. Пугачёвым (заместитель начальника Штаба РККА. — *М.А.*). При этом японцы основной упор делали на командирование офицеров-японцев в СССР для изучения языка и очевидно усматривали в этом с их стороны стремление обеспечить официальным путем более широкое развертывание агентурной сети. Мы возражали против этого, предлагая перенести центр тяжести вопроса на взаимное прикомандирование командиров-офицеров к воинским частям. В этом смысле и состоялось решение Политбюро от 23 июля 1927 г., считавшее возможным допустить в наши части до пяти японских офицеров на основах полной взаимности с японской стороны... Очевидно, это не удовлетворило японцев...»[153]. Нарком предложил пойти навстречу японцам, «учитывая, что японская армия представляет для нас большой интерес и что специфические японские условия крайне затрудняют изучение этой армии обычными методами». Соглашение было достигнуто, срок стажировки для каждого командира-офицера был определён в полтора года, и уже весной 1930 года состоялся обмен первыми стажёрами: 21 марта Ворошилов уведомил замнаркоминдела Л. Карахана о том, что «назначенные для прикомандирования к японской армии командиры РККА Покладок и Козловский готовятся к отъезду в Японию 15 апреля». В. Козловский только что окончил Восточный факультет академии им. Фрунзе, а М. Покладок окончил тот же факультет годом раньше и занимал должность помощника начальника Разведотдела штаба ОКДВА (Особой Краснознамённой Дальневосточной армии). Через три года данное согла-

шение было продлено, а в 1935 году советское военное руководство согласилось ещё на одно предложение японцев. Теперь кроме двух командиров-офицеров, направлявшихся в воинские части, ещё по двое с каждой стороны приезжали специально изучать язык. Объяснение тому содержится в письме Ворошилова Сталину (декабрь 1935-го): «Пребывание наших командиров в Японии себя оправдывает: люди изучают страну, язык, получают правильное впечатление о методах боевой подготовки частей, их сильных и слабых сторонах, условиях быта и нравах»[154]. Практика обмена военными стажёрами продолжалась до 1938 года.

4. «… ВОПРОС ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ СЕТИ В ЯПОНИИ НАМИ ПОСТАВЛЕН СО ВСЕЙ РЕШИТЕЛЬНОСТЬЮ И ТАК ИЛИ ИНАЧЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ РЕШЁН В НОВОМ ОТЧЁТНОМ ГОДУ»

(*Из Доклада о работе агентуры IV Управления Штаба Р.К.К.А. за 1927/28 г. и состоянии её к 1 января 1929 г.*)

Обстановка в мире в начале 1920-х годов была благоприятной для ведения разведывательной работы. Во многих странах люди с большой симпатией относились к молодому Советскому государству, а зарубежные коммунистические и рабочие партии готовы были встать на его защиту.

Эти настроения, по свидетельству жившего во Франции русского философа Николая Бердяева, были точно выражены одним французским коммунистом: «Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже неверно, они имеют отечество — это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать своё отечество».

Понятно, что такие настроения облегчали задачу по подбору людей для агентурной работы. В резолюции совещания Разведывательного управления Штаба РККА от 7 апреля 1921 г. отмечался преимущественно классовый характер агентурной работы, хотя не исключалось «использование и чуждых нам элементов в зависимости от местной обстановки и времени». Но упор в подборе агентов делался на «партийности и классовом происхождении» и «самом широком содействии коммунистических организаций воюющих с нами государств»[155].

Вопрос о взаимодействии разведки с зарубежными компартиями был рассмотрен 6 августа 1921 г. на совещании представителей Коминтерна (Г. Зиновьев, О.Пятницкий), ВЧК (И. Уншлихт) и Разведуправления (А. Зейбот). В результате был подписан документ, согласно которому представители Разведупра и ВЧК не могли больше непосредственно обращаться к заграничным партиям и группам с предложением о сотрудничестве и могли делать это только через представителя Коминтерна, который, впрочем, был обязан «оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие»[156]. Правда, на практике представители Разведупра и ИНО ВЧК (ОГПУ) не следовали букве принятого решения и в ряде случаев напрямую апеллировали к ЦК зарубежных компартий.

Вопрос о таком сотрудничестве вновь был поднят 27 ноября начальником IV управления Я.К. Берзиным, который докладывал Председателю РВС СССР т. Ворошилову: «30 октября, вечером, в Праге нарядом полиции на ули-

це при встрече с агентом Шимунеком, был задержан наш пражский резидент т. Русев (Христо Боев, Христо Боевич Петашев, в Чехословакии работал под фамилией Дымов. — *М.А.*) и один из работников агентуры, болгарский студент (Илья Кратунов. — *М.А.*), который в дальнейшем должен был с Шимунеком иметь постоянные связи. Полиция, несмотря на протест т. Русева, как пользующегося правом экстерриториальности, объявила всех арестованными и отправила в полицейское управление, где продержала его несколько часов. Т. Русев себя обыскать не позволил, и поэтому в руки полиции не попал ни один документ, который мог бы изобличить его в разведывательной деятельности. Т. Русев был освобожден ночью. На другой день чешское министерство иностранных дел на основании имеющихся у него агентурных данных потребовало отъезда т. Русева. Весь провал по линии Разведупра ограничился арестом агента Шимунека и болгарского товарища, который служил для связи».

Из объяснения Берзина следовало, что агент Шимунек был передан Русеву представителем Исполкома Коминтерна в Праге Гасперским, которому его рекомендовал член компартии Чехословакии Бартек. Последний же был рекомендован Гасперскому членом политбюро ЦК КПЧ Нейратом. Это запутанное объяснение показывает, что в агентурную сеть принимались непроверенные люди.

В процессе выяснения причин провала оказалось, что Бартек, который познакомил Гасперского с Шимунеком и которого Нейрат рекомендовал как надежного человека, в компартии считался подозрительным, «был ранее снят с комсомольской, а затем военной работы». «Продолжающиеся аресты по партийной линии, а не по линии разведки, показывают, что в данном случае провокация началась по партийной линии, — докладывал Берзин. — Если учесть, что провал произошёл при второй встрече нашего резидента с Шимунеком и что никто из многих агентов, с которыми встречался наш резидент, не арестован, надо полагать, что причиной провала была не наружная слежка, а провокация». Сопоставляя данные: арест резидента Русева при второй встрече с агентом, прошедшие аресты по партийной линии, а не по линии разведки, подозрения о Бартеке, имевшиеся у компартии Чехословакии, и то обстоятельство, что Шимунек «сам навязался разведке через свои партийные связи», Берзин пришёл к выводу, что чешская полиция использовала имевшегося у неё провокатора, чтобы нащупать связи с разведкой и использовать их как повод для репрессий против партии.

«Сам резидент, т. Русев — старый болгарский коммунист, рекомендованный нам Центральным комитетом болгарской коммунистической партии. В разведке он работает с 1921 года, многократно проверен на подпольной работе и никаких сомнений не вызывает», — писал о своём резиденте руководитель военной разведки. Следует добавить, Русев занимал в Праге должность вице-консула. Осведомлённость столь широкого круга людей о передаче члена партии военной разведке свидетельствует о грубом нарушении требований конспирации.

«До сих пор мне неизвестны постановления, воспрещающие использовать членов компартий других государств для разведки, — доносил Берзин Ворошилову. — Известное постановление директивной инстанции, принятое весной 1925 года (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 (19?) фев-

раля 1925 г. — *М.А.*), конкретно говорит лишь об активной разведке, причём и в этом постановлении нет пункта, конкретно возбраняющего пользоваться услугами членов компартий. На практике же, начиная с 1920 года, установился порядок, согласно которому, в случае надобности, разведка получает содействие и работников от ЦК соответствующей партии. В свою очередь, компартии на местах довольно часто пользуются результатами нашей разведки /предупреждение арестов и репрессий, выяснение провокаторов/. Не использовать имеющиеся у некоторых партий весьма ценные для разведки связи не только среди членов партии, но, главным образом, среди околопартийных кругов, было бы неправильно».

Причины пражского провала были рассмотрены специальной комиссией, на основании выводов которой 8 декабря 1926 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б), которое обязывало руководство Разведупра принять ряд мер, изолирующих работу военной разведки от партийных аппаратов и организаций. Разведка не должна была использовать членов коммунистических партий, однако допускалось «исключение с разрешения ЦК соответствующей партии, причем товарищ, передаваемый для работы, должен формально выйти из партии и порвать всякие партийные связи». При вербовке новых агентов требовалось «всестороннее обследование, которое должно, в первую очередь, выяснить отношение данного агента к партийным организациям и должно, таким образом, исключить всякую возможность провокации и неожиданного соприкосновения с партийным аппаратом». В случаях «пользования достижениями и материалами партийной разведки там, где таковая существует, связь и передача должна происходить через специальное лицо, уполномоченное на это соответствующим органом партии».

8 января 1927 г. всем резидентурам был разослан циркуляр, в котором сообщалось о принятом решении. В случае обнаружения сотрудничества агента с партией и военной разведкой предлагалось согласовать с партийными органами вопрос «об изоляции» такого агента от партии. «Новые связи», предлагаемые партийными органами, должны были «тщательно проверяться и лишь после этого использоваться для доставки материалов». Новых сотрудников, полученных по партийной линии, следовало инструктировать «в смысле недопущения личного общения с партийной средой, личных знакомств и связей с лицами партийного аппарата».

Изоляция зарубежных органов советской военной разведки от связей с компартиями не избавляла их от обвинений в шпионаже (когда это было выгодно правящим кругам). Кроме того, партии некоторых стран не были организационно оформлены, и порой трудно было определить партийность того или иного кандидата на вербовку, тем более что некоторые, подчеркивая идейную близость с представителями советской страны, выдавали себя за членов компартий, таковыми не являясь.

Эти факторы, а также сделанная в постановлении оговорка сохраняли за разведкой возможность привлечения зарубежных коммунистов к сотрудничеству, правда, не в прежних масштабах.

Ещё до прорыва дипломатической изоляции СССР военная разведка получила возможность направлять своих сотрудников за рубеж в учреждения «Красного креста», «Центросоюза», «Совфрахта», Российского телеграфного агентства (РОСТА) и других организаций. Однако использование подобных

прикрытий носило эпизодический характер. В 1921 г. Центр направил первых резидентов в качестве сотрудников советских учреждений в Финляндию, Латвию, Литву и Эстонию, в 1924 г. Советский Союз был де-юре признан одной из ведущих европейских держав — Францией, в том же году были установлены дипломатические отношения с Китаем, начались переговоры о нормализации советско-японских отношений.

Разведка велась и с позиций аппаратов военных представителей (атташе). Первые военные атташе были назначены в 1920 г. в Литву, Латвию, Персию. В период 1921—1922 гг. аппараты военных атташе были образованы в Финляндии, Турции, Китае и Польше. Аппараты военного (военно-морского) атташе были учреждены к концу 1926 г. в 12 странах: Финляндии, Швеции, Прибалтике (один аппарат на Латвию, Литву и Эстонию), Польше, Германии, Италии, Англии, Турции, Иране, Афганистане, Китае и Японии (в 1925 г.).

Начальник Разведупра Я.К. Берзин докладывал Ворошилову: «До 1927 года наши заграничные резидентуры за небольшим исключением в качестве прикрытия использовали официальные представительства нашего Союза за границей; так, например, в полпредстве или торгпредстве под видом сотрудника находился руководитель нашей агентуры в данной стране, его помощники, фотолаборатория и т. д., в полпредстве часто принимались агенты, получались от них сообщения и документы, выплачивались деньги и т. п. В первые годы нашей работы, примерно до 1923 года, работа шла более или менее гладко, ибо тогда, во-первых, полиция западноевропейских стран не была объединена для борьбы с большевизмом и пропагандой, во-вторых, полиция ещё не изучила наших методов работы, и слежка за представительствами носила обычный характер.

Но начиная с 1923 года работа агентуры из полпредства (торгпредства) становится всё труднее. Эти обстоятельства побудили нас ещё в 1923 году искать пути к удалению резидентур из официальных представительств нашего Союза».

Число разведчиков в советских загранучреждениях быстро росло, а их стремление как можно быстрее решить стоявшие перед ними задачи приводило к включению в агентурную сеть непроверенных людей.

Срывы в агентурной работе, осуществляемой с позиций официальных прикрытий, компрометировали советские официальные представительства. В 1924/1925 г. было арестовано 33 агента, в 1925/1926 г. — 19, в 1926/1927 г. — 27 (в рассматриваемый период отчётный (операционный) год не совпадал с календарным: начинался он с 1 октября текущего года и заканчивался 30 сентября следующего года).

Советские диппредставительства обвинялись в диверсионно-разведывательной деятельности и подрывной пропаганде. В условиях напряжённой борьбы Советского Союза за ликвидацию экономической и политической блокады неудачи в разведдеятельности под официальным прикрытием были особенно опасны, так как подрывали престиж советского государства.

Руководство Разведупра понимало опасность усиливающегося «крена» в сторону ведения разведки с «легальных» позиций. Однако, учитывая огромные трудности в создании нелегальных резидентур и организации оперативной и бесперебойной связи с ними, отойти от этой практики не решалось.

6 апреля 1927 года китайские военнослужащие и полиция, в нарушение экстерриториальности, произвели обыск в западной части территории

советского посольства в Пекине (так называемом «военном городке»), в том числе на квартире и в служебном помещении военного атташе; обнаруженные документы были изъяты. Обыску и ограблению подверглись торгпредство и большая часть квартир сотрудников посольства. Китайская полиция ссылалась на имевшуюся у неё информацию о том, что в советском посольстве скрываются китайские граждане, причастные к антиправительственной деятельности.

Во время налёта были захвачены ценные документы, в том числе шифры, списки агентуры, документы о поставках оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи в разведработе. Полицейские арестовали одного из основателей КПК Ли Дачжао и 20 китайцев, проживавших на территории посольства, а также 15 советских граждан, в том числе сотрудников аппарата военного атташе — И.Д. Тонких и Лященко[157].

Широкое использование членов партии и связь агентуры с советскими представительствами стали причиной провала во Франции. Полученная из Парижа телеграмма сообщала об аресте 9 апреля 1927 г. «нелегального сотрудника для связи тов. Узданского /по паспорту литовский студент Гротницкий/ [Grodnicki], связиста, русского эмигранта Абрама Бернштейна и двух французских источников, рабочих Прево и Менетрье». «Дени» (Узданский) и «Абрам» (Бернштейн) были арестованы при передаче материалов. Накануне Узданский получил «два документа о порохах» от агента Кошлена. Эти документы подлежали передаче через советское торгпредство.

Из Парижа сообщали, что литовского студента Гротницкого и художника Бернштейна полиция неоднократно наблюдала вблизи авиационных и артиллерийских парков. Сообщалось также об обыске на квартире члена ЦК компартии Креме в связи с арестом помощника секретаря парижской организации компартии Дадо. Причиной ареста указывалось соучастие в шпионаже на национальных оружейных заводах. Связь между двумя сериями арестов была установлена очень быстро.

«Причина провала пока ещё не совсем ясна, — докладывал в Центр парижский резидент Кирхенштейн, — но уже более или менее уверенно можно сказать, что разработка полиции велась по двум направлениям: с одной стороны — слежка велась еще с 1925 года за 26-м и 43-м товарищами, поддерживающими связь в провинции. С другой стороны — наблюдение было установлено за Абрамом. Из дела, представленного адвокатам, видно, что шпики следили за свиданиями Абрама и Дени. Отмечено точно несколько свиданий, на которых они присутствовали. Я полагаю, что слежка велась, главным образом, за Абрамом. Если так же тщательно следили бы и за Дени, арестов было бы ещё больше. Но пока основная сеть совершенно не задета и, несмотря на алармистские сообщения некоторых газет, нет основания полагать, что дело разрастётся».

«Из посылаемых вырезок газет вам станет ясно, — писал в оправдание своей неконспиративной работы Кирхенштейн, — что удар полиции, в первую очередь, направлен против партии. Из провала наших людей стараются организовать широкую кампанию против партии, а чтобы получилось более внушительное впечатление, к этому делу стараются пристегнуть побольше народа. Арестовывают партийцев и работников профдвижения, не имеющих никакого отношения к нам... С целью напугать обывателя был произведён

обыск и в ЦК партии, с той же целью газеты пишут всякие небылицы про Креме. Из арестованных наших людей, как вам известно, более видную роль в партии играл только 37, 26-й же является рядовым членом партии.

Во вторую очередь провал будет использован против торгпредства, главным образом против инженерного отдела, с целью доказать, что не может быть никакой экстерриториальности наших учреждений во Франции. Пока следствие ведётся с целью установления причастности обвиняемых к Инж-отделу...»

Член ЦК компартии Франции Жан Креме организовал разветвлённую сеть информаторов в арсеналах, на военных складах, портовых городах и в типографии, выполнявшей заказы центров французской военной промышленности. Сеть была эффективной, но непрофессиональной в плане конспирации. Осведомлёнными оказались слишком много людей, что не могло не таить в себе опасности провала. В апреле 1927 г. были арестованы около ста человек. Суд признал виновными восьмерых, из которых двое — сам Креме и его гражданская жена — успели выехать в СССР.

Скандал, как и в Праге, был грандиозный.

В принятом 5 мая 1927 г. постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) говорилось: «Обязать ИККИ, ОГПУ и Разведупр в целях конспирации принять все меры к тому, чтобы товарищи, посылаемые этими организациями за границу по линии НКИД и НКТорга, в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств. Вместе с тем обязать НКИД обеспечить соответствующие условия для выполнения возложенных на этих товарищей специальных поручений от вышеназванных организаций»[158].

Следствием публикации документов, захваченных во время налета китайской полиции на советское полпредство в Пекине, стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 мая 1927 г., в котором говорилось: «г) Поручить комиссии в составе тт. Косиора, Ягоды, Литвинова и Берзина пересмотреть все инструкции НКИД, ИККИ, РВСР и ОГПУ по вопросу о порядке хранения архивов, рассылки и хранения шифровок и др. конспиративных материалов, посылаемых за границу в направлении максимального обеспечения конспирации... ж) Считать необходимым посылку специального человека в Китай с целью обеспечить уничтожение всех сколько-нибудь компрометирующих документов и предотвратить возможность провала остальных. Обязать ОГПУ выделить для этой цели ответственного работника, согласовав его кандидатуру с НКИД и Секретариатом ЦК».

В тот же день, 12 мая, в помещениях общества «АРКОС лимитед» и торговой делегации Советского Союза в Великобритании прошёл обыск, который, по утверждению английского правительства, «...окончательно доказал, что из дома № 49, расположенного на улице Мургейт, направлялись и осуществлялись как военный шпионаж, так и подрывная деятельность на всей территории Британской империи». «АРКОС лимитед» — акционерное англо-русское кооперативное общество, через которое осуществлялась большая часть торговли СССР с Англией. Акционерами АРКОС были главным образом советские государственные организации.

Премьер-министр Великобритании Болдуин, выступая в палате общин 24 мая 1927 г. в ходе дебатов по вопросу англо-советских отношений, про-

странно ссылался на документы, захваченные английской полицией при налете на помещения «АРКОС» и советского торгового представительства, а также на телеграммы, посланные и полученные советской дипломатической миссией в Лондоне.

27 мая министр иностранных дел Великобритании Чемберлен вручил советскому поверенному в делах Розенгольцу ноту о расторжении английским правительством торгового соглашения 1921 г. и приостановлении дипломатических отношений между СССР и Великобританией[159].

Постановление Политбюро от 28 мая 1927 г. было жёстким и однозначным в части использования представителями спецслужб советских официальных представительств за рубежом. Предписывалось, в частности, следующее:

«а) Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна (Красный интернационал профсоюзов. — *М.А.*), МОПРа (Международная организация помощи борцам революции. — *М.А.*)...

в) Проверить состав представительств ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

г) Строжайше проверить состав сотрудников полпредств, торгпредств и прочих представительств за границей.

д) Безусловно отказаться от метода шифрпереписки телеграфом или радио по особо конспиративным вопросам. Завести систему конспиративных командировок и рассылки писем, каковые обязательно шифровать.

е) Отправителей конспиративных шифровок и писем обязать иметь специальные клички, запретив им подписываться собственным именем...

з) Еще раз проверить архивы представительств с точки зрения строжайшей конспирации и абсолютного обеспечения от провалов».

Весь комплекс мероприятий по реорганизации военной разведки, вытекавший из постановления, получил название «перевода всей нашей зарубежной работы на нелегальные рельсы»[160].

Результатом нормализации двусторонних отношений явилось открытие на территории Японии полномочного представительства СССР (полпред В.Л. Копп с 25 февраля 1925 г.) и Генеральных консульств СССР в Кобе, Сеуле, Хакодате, Цуруге, Дальнем (Дайрене), а также в Токио. Ведение разведки возлагалось на сотрудников Разведупра на должностях прикрытия советских учреждений в стране: аппарата военного атташе и консульств.

4 июня 1925 года военным и военно-морским атташе при полпредстве Правительства СССР в Японии был назначен окончивший Военную академию РККА Карл Янель[161], более года работавший сотрудником полпредства РСФСР в Берлине. Объясняя отсутствие Янеля на занятиях, Я.К. Берзин сообщал начальнику академии им. Фрунзе: «...тов. Янель проявил исключительную аккуратность, а также показал уверенные знания военного дела. На закордонной работе неоднократно замещал руководителя нашей агентуры в целом ряде стран и с этой работой прекрасно справился. Условия работы позволяли тов. Янелю изучать вооруженные силы Польши, Румынии и Франции. Ему также была доступна широкая военная литература, вследствие чего он за этот год практической работы без сомнения значительно увеличил свои познания во всех отраслях военной науки».

Характеристика явно завышенная и не соответствовавшая действительности: невозможно за один год не только «отметиться» в нескольких стра-

нах, но ещё и замещать руководителей агентуры, не имея опыта агентурной работы. После окончания академии Янель вновь был отправлен на зарубежную работу. При этом надолго он нигде не задерживался: поработав сотрудником полпредства СССР в Вене, он по заданию Коминтерна отправился на Балканы.

Агентурной работы Янель не вел, а сбор разведывательной информации осуществлял с легальных позиций. Пребывание Янеля в Японии было недолгим: менее чем через год, не позднее марта 1926 г., он был отозван вследствие конфликта между его женой и полпредом В.Л. Коппом. Перебежчик Г.З. Беседовский, с апреля 1926-го по май 1927-го — советник полномочного представительства, поверенный в делах СССР в Японии, так свидетельствовал об этом конфликте: «В токийском посольстве полным ходом шла совершенно невероятная склока, главными действующими лицами которой являлись полпред Копп и военный атташе, латыш Янель, красный генштабист... Передавали, что начало склоки положила жена Янеля, красивая молодая особа, обидевшаяся на Коппа за недостаточно внимательное отношение к её правам "дипломатической дамы". Надо отдать справедливость Коппу: в грубости он не уступал своему другу Литвинову. Когда ему приходилось занимать место в посольском автомобиле с нашими "дипломатическими дамами", он почти демонстративно разваливался на заднем сиденье, предоставляя дамам занимать страпонтены (откидные сиденья. — *М.А.*). На одном из раутов, устроенных иностранными дипломатами, Копп подверг такому "галантерейному" обхождению мадам Янель — очень самолюбивую и властную особу. С этого момента мадам Янель сделалась заклятым врагом Коппа. А так как военный атташе находился под башмаком своей жены... вражда мадам Янель к полпреду немедленно превратилась в склоку между военным атташе и послом. ... Янель начал против него и "лобовую" атаку, обвиняя его в неверии (это слово тогда только начало входить в моду) в китайскую революцию, в переоценке Чжан Цзолиня, в недооценке роли Гоминьдана и т. д.»[162]. Противостояние было недолгим, и в 1926 г. Карл Янель и Виктор Копп были отозваны. Правда, вопрос об отзыве Коппа был решён ещё до конфликта с супругами Янель, поскольку он «разошёлся с линией партии и линией Коминтерна в дальневосточных делах»[163]. История с Янелями только подлила масла в огонь.

Несмотря на нелепую историю и слишком краткое пребывание в стране, в служебной характеристике Янеля значится: «Как агентурный работник имеет большой опыт работы. Весьма выдержанный и развитой с крупным политическим военным балансом. Работу в Токио за сравнительно короткий срок поставил удовлетворительно и стал давать ценные сведения. Отозван из-за трений с Полпредом. Вообще, годится для ответственной самостоятельной работы».

Но и другие военные атташе в Японии не задерживались: Степан Михайлович Серышев (03.1926 — 10.1927); Витовт Казимирович Путна (10.1927 — 10.1928); Виталий Маркович Примаков (05.1929 — 07.1930); Петр Александрович Панов (1930—1931); Александр Иванович Кук (Кукк; 03.1931 — 05.1932). В 1927 году в Японию прибыл первый военно-морской атташе Иван Кузьмич Кожанов (04.1927 — 11.1929), которого сменил Николай Александрович Бологов (11.1929 — 10.1932), а его — Александр Семёнович Ковалёв (09.1932—11.1939).

В мае 1925 г. на должность генерального консула СССР в Цуруге был назначен сотрудник Разведупра Дмитрий Николаевич Киселёв (30.05.1925 — 1928), до этого генеральный консул в Харбине (11.1924 — 1925), а после Цуруга — генеральный консул в Хакодате (1928—1929).

С 1925 г. на различных должностях прикрытия в консульствах СССР в Японии работал Аркадий Борисович Асков: секретарём Генерального консульства СССР в Нагасаки (1925—1926); секретарём Генерального консульства СССР в Цуруге; вице-консулом СССР в Кобе (1926—1928); генеральным консулом СССР в Кобе (1928—1930).

Беседовский так вспоминал об атмосфере, царившей в советских консульствах в Японии: «Работа советских консульств в условиях японской обстановки почти полного отрыва от России, замкнутой жизни европейской колонии, в которую советским чиновникам в провинции было трудно проникнуть, и почти полного отсутствия работы приводила очень часто к деморализации личного состава консульств, подсиживаниям, склоке, пьянству и разврату. Особенно характерными в этом отношении были два консульства — в Нагасаки и в Отару. В первом консул Асатуров передрался со своим секретарём Асковым. Ссора началась по какому-то пустяковому поводу, но очень быстро разрослась и начала принимать „политическую" окраску, так как коллеги, ставшие врагами, засыпали меня доносами друг на друга, с обвинениями в государственной измене, шпионаже в пользу иностранных государств и т. д. В этих доносах и консул, и его секретарь, не стесняясь, рассказывали, каким образом добывали сведения друг о друге. Так, Асков, подозревавший Асатурова в чересчур подозрительной интимной близости с американским консулом в Нагасаки, подкупил одного из слуг консула, сообщавшего ему во всех подробностях о беседах двух консулов. Подробности эти были явно фантастические, так как слуга очень плохо понимал английский язык, и записи бесед консулов представляли часто совершенную бессмыслицу либо разговор полуидиотов. Однако Асков не постыдился на основании записей этих бесед обвинять Асатурова в государственной измене, в раскрытии государственных тайн и продаже секретных документов. Асатуров, в свою очередь, не оставался в долгу. Он знал о слабости Аскова к женскому полу и ухитрился достать откуда-то фотографии, изобличающие Аскова в посещении веселых кварталов. Асков не отрицал этого факта, но объяснял это необходимостью "знакомиться с бытом" (на эту необходимость, впрочем, ссылались остальные виновные в посещении веселых кварталов). Тогда Асатуров похитил письма к Аскову неизвестной женщины, пришедшие на адрес консульства. В этих письмах говорилось о необходимости достать для нее какие-то документы и обещалась, в случае удачи, "полная взаимность и любовь". Стиль письма был такой глупый и обнаруживал такое явное незнакомство автора с техникой подобного рода предприятий, что у меня не было никаких сомнений в том, что эти письма писала жена Асатурова и отправляла их на адрес ничего не подозревавшего Аскова. ...Уже впоследствии, впрочем, я имел случай видеть почерк жены Асатурова и, к большому своему удовлетворению, обнаружил, что я был прав в своих догадках: почерк совпадал с почерком "неизвестной". Но это было уже после отъезда обоих, и Асатурова, и Аскова, отозванных в Москву, так как мне надоело читать их "донесения"; следовало бы, конечно, наказать Асатурова за такие проделки, но я подумал, что и консул, и секретарь

друг друга стоили, и махнул рукой на всю эту историю. Впоследствии Асков вернулся в Японию в качестве Генерального консула в Кобе»[164].

В октябре 1926 г. первым резидентом в Токио под официальным прикрытием секретаря военного атташе был назначен выпускник военно-автомобильной школы, «красный генштабист» Василий Васильевич Смагин[165].

Во исполнение Постановления Политбюро от 28 мая 1927 г. «относительно полного перевода всей нашей зарубежной работы на нелегальные рельсы» была создана комиссия под председательством члена Оргбюро ЦК ВКП(б) Н.А. Кубяка, которой вменялось в обязанность рассмотреть возможность оставления на местах или отзыва действующих резидентов в основных странах. Необходимые материалы для последующего анализа были представлены в комиссию Берзиным.

В «Краткой характеристике работы зарубежной агентуры IV-го Управления Штаба РККА», в частности, отмечалось:

«... 16. Япония.

Работа в Японии представляет особую трудность ввиду малого количества иностранцев и того жестокого наблюдения, которому они подвергаются. Создание прочной сети требует весьма осторожной и длительной разработки. Поэтому наша агентура в Японии, организованная сравнительно недавно, развивается весьма медленно».

Результаты работы комиссии были изложены в «Постановлении комиссии тов. Кубяка о резидентах IV Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии за рубежом» от 15 июля 1927 г. Выводы комиссии были неоднозначны. Из 17 рассмотренных кандидатур резидентов, не считая их помощ ников, семеро отзывались в связи с реорганизацией, двое временно оставлялись на месте, ещё восьмерых комиссия сочла необходимым отозвать.

В числе резидентов, против которых комиссия не возражала, был и Василий Васильевич Смагин (член РСДРП(б) с 1917), работавший под прикрытием аппарата военного атташе. В его краткой характеристике говорилось: «Окончил курс Военной академии в 1924 г. и Восточный факультет в 1926 г., после чего прибыл в распоряжение Разведупра Штаба РККА. Командирован в Японию в октябре 1926 г. ...Аттестация за время пребывания в академии хорошая во всех отношениях. Опыта в нашей работе не имеет; первые шаги говорят за то, что с течением времени может выработаться толковый работник. Не возражать против оставления на месте как секретаря военного атташе».

Как ни странно, при вынесении комиссией решения учитывались прохождение по службе, партстаж, характеристика — и совсем не рассматривался опыт работы за рубежом. Из всех резидентов, которых было решено оставить, один, Ян-Альфред Матисович Тылтынь, резидент в Северо-Американских Соединённых Штатах с конца 1926 г., находился на нелегальном положении. Остальные работали под крышей официальных представительств. Поэтому говорить о переводе военной разведки на «нелегальные рельсы» не приходилось. Более того, трое из числа тех, кого рекомендовали оставить на своих постах, в том числе В.В. Смагин, имели минимальный агентурный опыт.

2 августа 1927 г. Берзин докладывал заместителю Председателя РВС СССР И.С. Уншлихту, курировавшему военную разведку: «В связи с последним постановлением П/Б относительно полного перевода всей нашей зарубежной

работы на нелегальные рельсы, перед нами стоят следующие основные задачи, проведение коих должно нам обеспечить безболезненную перестройку нашей работы за рубежом на новых началах:

1. насаждение сети связистов в наших официальных органах и интересующих нас странах;

2. создание работоспособных и совершенно изолированных от нашего официального мира нелегальных агентурных аппаратов;

3. подготовка нелегальных баз агентуры на мирное и военное время;

4. подготовка и установление каналов связи для агентуры в военное время и организация агентурной техники;

5. проведение и внедрение среди наших зарубежных работников агентурной конспирации».

Вместо «сети связистов», говоря о Токио, Берзин назвал только секретаря военного атташе, то есть все того же Смагина. О «создании нелегальных агентурных аппаратов» по Японии в докладной говорилось так: «Подыскивается англичанин для посылки в качестве нелегального работника, так как попытки устроить в Токио немца, а затем австрийца не увенчались успехом». Под «подготовкой и установлением каналов связи» понималось следующее: «каждой резидентуре предложено в кратчайший срок создать нелегальные фото и подобрать необходимые конспиративные квартиры для явок, хранилищ и техники. Кроме того, всем резидентурам предложено установление достаточного количества действующих и резервных адресов для агентурной переписки».

«Новые начала» деятельности военной разведки, сформулированные в докладе как «подготовка нелегальных баз агентуры на мирное и военное время» и «подготовка и установление каналов связи для агентуры в военное время и организация агентурной техники» не затронули Японию, так как там не существовало даже зачатков деятельности по этим направлениям.

Задача подготовки нелегальных баз агентуры на мирное и военное время включала в себя две совершенно независимые одна от другой задачи. А именно, подготовка нелегальных баз агентуры на мирное и военное время соответственно. Уже через год последняя задача была выделена и стала звучать как создание запасных баз и линий связи на военное время.

В августе 1927 г. из Центра в зарубежные резидентуры был направлен циркуляр, в котором констатировалось, что «переход не увенчается успехом, если товарищи на местах не пересмотрят и в корне не изменят всей системы и методологии работы агентуры в области применения к таковой основных правил конспирации».

Благополучная и сравнительно бесперебойная работа ряда крупных резидентур, отмечалось в циркуляре, свободные, на первый взгляд, полицейские условия в ряде отдельных стран, создают у большинства сотрудников состояние беспечности, и приводит к игнорированию принципов конспирации.

«Настроения эти постепенно переносятся и в такие страны, где мы периодически подвергаемся тяжелым ударам, где обстановка требует сугубой осторожности, где необходимы методы работы глубокого подполья. В результате, наши нелегальные работники далеко не всегда снабжаются достаточно прочными паспортами и необходимыми для легализации документами; они без нужды посещают наши официальные органы; без достаточных

оснований общаются друг с другом, встречаются, гуляют, бывают друг у друга на дому, устраивают прогулки, вечеринки и проч. Нелегальные сотрудники резидентур поддерживают явную связь с родственниками и знакомыми, проживающими в данном пункте, или работающими в качестве официальных сотрудников в Соворганах и т. п.»

Далее констатировалось, что свидания с агентами обставляются и устраиваются непродуманно; выбор места свидания сплошь и рядом бывает случайным; в одном и том же месте в определённые часы и дни устраивается встреча одних и тех же лиц; эти встречи подчас происходят без особой надобности и т. д. Ситуация, связанная с приходом и уходом, плохо контролируется, «хвосты» и подозрительные явления не учитываются, игнорируется сама возможность слежки, а возможность провала не продумана, и потому каждый провал может повлечь и часто влечёт тяжёлые последствия.

Работники зарубежных органов военной разведки, говорилось далее в циркуляре, упускают из вида два момента. Момент первый: иностранные разведки с каждым годом всё подробнее знакомятся с «нашими методами, нашими аппаратами, нашим личным составом и неизбежно в том или ином пункте, под той или иной маскировкой, проникают к нам». Момент второй: методы контрразведок и сыска, направленного против военной разведки, с каждым годом совершенствуются; контрразведка и полиция противника почти не применяют методов прямого нажима, пресечения и ликвидации наших организаций, а действуют методами длительных разработок, дезинформации, проникновения и внедрения своих провокаторов, откладывая заключительную операцию до подходящего, наиболее опасного для нас момента.

В конечном итоге «мы можем неожиданно очутиться под ударами, которые нанесут нам непоправимый вред». В военное время, когда противник решит использовать все имеющиеся у него данные «для ликвидации нашей разведки — мы можем подвергнуться серьезному, если не полному разгрому».

И эти недостатки, отмечалось в циркуляре, в большей или меньшей степени относились ко всем резидентурам.

Отдельные провалы и ряд других признаков, свидетельствующих об усилении противника, ставили перед агентурной разведкой неотложную задачу решительного изживания отмеченных недостатков, а там, где это необходимо, полной реорганизации методов и принципов работы.

В этой связи к «безусловному руководству и исполнению» предписывалось принять нижеперечисленные правила.

«1. Сотрудникам нелегального аппарата категорически запрещается посещение наших официальных органов.

2. Нелегальным сотрудникам запрещаются встречи между собой, также как и с сотрудниками официальной резидентуры, без особой деловой необходимости. Категорически запрещается посещение друг друга на квартирах, а также совместное посещение театров, кабаре, кафе и т. д.

3. Решительное изживание случаев, когда сотрудники нелегального аппарата имеют близких родственников в наших официальных органах и поддерживают с ними связь. На будущее, безусловно, воспрещается устройство семейств нелегальных сотрудников в наших официальных органах.

4. Запрещается устройство бывших секретных сотрудников на должности в наши официальные органы.

5. Нелегальным сотрудникам запрещается поддерживать связь с семьями, проживающими постоянно в данной стране.

6. Необходимо воспитание во всех сотрудниках нелегального аппарата привычки при всякой обстановке проверять наличие наружного наблюдения.

7. На основе практики прошлых провалов предлагается при устройстве свиданий и в процессе работы соблюдать следующие правила:

а/ Не устраивать ни в коем случае конспиративных встреч в центральных, людных частях города. Установить для каждого города такие районы, где наблюдение не может незаметно производиться. Районы встреч возможно чаще менять.

б/ Запретить устройство встреч в одном и том же месте с разными лицами, хотя бы это происходило и в разное время.

в/ Всемерное избежание непосредственного перехода с одной встречи на другую, а в случае крайней необходимости применение мер особой осторожности.

г/ Рекомендовать пользование автомобилями для избежания слежки, но при условии лишь длинных маршрутов или пересадки из одного автомобиля в другой.

д/ Рекомендовать устройство важнейших встреч на конспиративных квартирах, а второстепенные в городе, но ни в коем случае не в тех кафе и помещениях, где встречающиеся ранее известны.

8. Сотрудники нелегального аппарата должны всемерно стараться, действительно, ассимилироваться в данной стране, т.е. иметь действительное занятие или систематически учиться, создать себе круг легальных знакомых из местных жителей и среди окружающих возбудить к себе полное доверие.

9. Со всеми сотрудниками аппарата и агентуры резидент обязан возможно чаще обсуждать те последствия и меры, которые вытекают из возможного провала данного нелегального сотрудника. Резидент должен иметь возможность всегда знать, чем грозит ему, как может развиваться провал того или иного лица агентурного аппарата. Это, конечно, возможно лишь при условии безусловного дисциплинированного проведения указанных положений».

Перечисленные мероприятия, оговаривалось в циркуляре, «не исчерпывают всех запросов конспирации во всей широте», которые подразумевали глубокое изучение стран предназначения, культуры, образа жизни и психологии жителей.

В Японии тем временем о переводе разведки «на нелегальные рельсы» пытаются не вспоминать в нарушение директив и победных рапортов. Разведка ведётся с позиций должностей под официальным прикрытием: военные разведчики назначаются на должности прикрытия аппарата военного и военно-морского атташе, а также консульств и «обрастают» агентурой..

23 марта 1928 г. председателем РВС СССР К.Е. Ворошиловым была утверждена новая «Инструкция военным и морским атташе при полномочных представителях СССР в иностранных государствах». В инструкции указывалось, что агентурная разведка может быть возложена на военных и морских атташе там, где это будет признано целесообразным. В странах, где агентурная работа возглавляется другими лицами, военные атташе обязаны знакомиться с заданиями по линии резидентуры, чтобы принять участие в их вы-

полнении, используя официальные и легальные возможности, а также с материалами, поступающими от агентуры с целью их предварительной оценки и проверки. В странах, где резидентуры находились не в столицах, на аппараты ВАТ возлагалась задача по осуществлению связи между Центром и резидентурами.

Таким образом, невзирая на решение о переходе к ведению разведки с нелегальных позиций, разведывательные задачи предлагалось решать аппаратами ВАТ, ВМАТ с легальных позиций неагентурными способами, с привлечением сотрудников этих аппаратов к агентурной работе.

На должность резидента токийской резидентуры с 1928 г. назначались военные атташе. Первым резидентом стал Витовт Казимирович Путна. Всю агентурную работу при нём осуществлял В.В. Смагин, ранее являвшийся резидентом, а ныне назначенный помощником резидента.

В «Докладе о работе агентуры IV Управления Штаба Р.К.К.А. за 1927/28 г. и состоянии её к 1 января 1929 г.» отмечалось, что стоявшие перед агентурным отделом задачи сводились к следующему:

«1/ Необходимо было осуществить на практике начатое ещё в конце предыдущего отчётного года переведение на нелегальное положение всех резидентур, в первую очередь — в главнейших странах;

2/ создание нелегальных линий связи для пересылки агентурного материала и прочей секретной почты уже теперь, в мирное время;

3/ создание запасных баз и линий связи на военное время, в виде торговых предприятий и фирм».

Проблемы, связанные с «переходом на нелегальное положение», в докладе излагались следующим образом: «Если при осуществлении руководства работой агентурной сети резидентуры в данной стране изнутри наших официальных миссий вопрос о легализации и маскировке руководящей головки и обслуживающего технического аппарата решался сравнительно просто и легко, то при вынесении всей организации и всей её работы на улицу этот вопрос вызывал большие затруднения. Прежде всего необходимо было сменить руководящий состав всех переводимых на нелегальное положение резидентур. Невозможно перевести на нелегальное существование в той же стране людей, работавших ранее в официальной миссии и основательно учтённых полицейскими властями. При назначении новых руководителей приходилось считаться не только с качествами назначаемого, характеризующими его пригодность для работы, но и с данными, благоприятствующими или препятствующими легализации его в стране.

Для того чтобы резидент и его ближайшие помощники могли просматривать агентурный материал, фотографировать и сохранять его до отправки в Центр, написать организационное письмо, вести хотя бы самый упрощённый учёт оперативных денежных средств и т.д., не проваливая при этом себя и всей сети, нужно было организовать целый ряд контор, лавочек, фотоателье и конспиративных квартир. Всё это нужно было легализовать перед местными властями, для чего опять-таки требовались надёжные и не скомпрометированные люди и денежные средства. Без этого резидентуры существовать и работать не могли. Эту сложную работу легче было проделать в крупных странах с развитой экономикой и мировыми связями — с тем, чтобы постепенно переноситься оттуда в более мелкие, отсталые страны».

Задачи ставились разумно и правильно, однако в жизнь они претворялись крайне медленно и не столь эффективно, как об этом докладывалось руководству.

Перевод на «полное нелегальное существование» резидентур на Дальнем Востоке был отнесён на вторую очередь. Однако, в связи с изменением обстановки в Китае, «пришлось форсировать это дело и здесь».

«В Японии, — отмечалось в докладе, — пока что руководство агентурной сетью осуществляется в центре /Токио/ аппаратом военного атташе, а на местах руководители агентурной работой замаскированы консульскими аппаратами. Принимались и принимаются меры по созданию нелегальных баз, но пока больших успехов здесь не имеем. Слишком трудны условия легализации в Японии для иностранца, а необходимых кадров из японцев мы ещё не имеем. Все надёжные люди связаны с партией, скомпрометированы и для нашей уже не подходят. **Однако вопрос об организации нелегальной сети в Японии нами поставлен со всей решительностью и так или иначе должен быть решён в новом отчётном году** (выделено мной. —*М.А.*)».

Вопрос этот не был решён ни в «новом отчётном году», ни в последующие годы по 1933-й включительно. О достигнутых результатах в области организации «нелегальной пересылки агентурных материалов и прочей секретной почты» из Японии также говорить не приходилось. Не было речи и о создании там «запасных баз и линий связи на военное время».

Сделанный в докладе вывод не соответствовал реальному положению вещей: «Резюмируя всё вышеизложенное, можно сделать заключение, что сложный процесс реорганизации сети и переведение её на нелегальное положение удалось осуществить без каких-либо осложнений и самое главное — без ущерба текущей оперативной работе. Это свидетельствует о несомненном росте кадра работников и полном сознании последними всей важности и необходимости этого серьёзного поворота.

Если со стороны отдельных работников и наблюдалось некоторое неудовлетворение этой мерой, и они склонны были рассматривать вынесение всей работы из пределов наших официальных учреждений, как некоторое пренебрежение к их трудной и ответственной работе, то в процессе работы это явление скоро было изжито и ничего подобного уже не наблюдается.

В новом отчётном году остаётся провести ту же реорганизацию в тех странах, в которых не удалось этого сделать в истекшем году, в первую очередь в Прибалтике и Финляндии, а затем — на Дальнем и Среднем Востоке».

Отмечалось также «вполне удовлетворительное решение вопроса о создании нелегальных линий связи и запасных баз». «Эту работу, — отмечалось в заключении доклада, — необходимо углубить и расширить в будущем году, наряду с расширением и обновлением добывающего аппарата. Благоприятные перспективы имеются».

Из «Объяснительной записки к организационной схеме резидентур IV Управления Штаба РККА по состоянию на 1-е января 1929 года» (отдельные агенты имели помимо порядкового номера псевдоним):

«... ЯПОНИЯ.

12. Токийская резидентура.

Резидент — военный атташе.

№ 1540 “Бестро” — Итальянский морской атташе. Даёт весьма ценные материалы и документы по морской части.

№ 1506 "Максим" — Японец. Журналист. Имеет крупные связи с авиазаводами в Японии. Доставляет ценный материал и документы по авиации и авиапромышленности.

№ 1524 "Х" — Немец. Быв[ший] военный морской атташе. Поставщик военных материалов. Дал ещё мало, но ценные сведения.

№ 1531 — Секретарь... . Даёт ценный военно-политический материал.

№ 1533 — Сведений нет. Даёт иногда ценные донесения, но скупо.

2. Резидентура в Кобэ.

№ 1526 "Таро" — Вербовщик. Имеет крупные связи с офицерами пехоты, артиллерии и инженером дока Мицубиси. Даёт весьма ценные военно-технические сведения и материалы.

№ 1532 "Мацумура" — Осведомитель. Преподаватель училища. Связь с военными кругами и местной властью. Сведений присылает мало и редко.

№ 1534 "Акита" — Осведомитель. Журналист. Даёт ценные военно-технические сведения.

№ 1536 — Сведений нет.

№ 1538 — Коммерсант в Кобэ. Имеет крупные связи с инженерами судостроения и авиастроения. Ограничился присылкой одного малоценного донесения.

"Юнкерс" — Сведений ещё нет. Пребывает в стадии разработки.

3. Резидентура в Хакодатэ.

№ 1527 Львов — Коммерсант. Предложено ему начать вербовку агентов и доставлять агентурные материалы. Пока оказывает незначительные услуги.

№№ 1528, 1529, 1530, 1539, Ору и П — Сведений нет.

4. Резидентура в Сеуле.

Так как токийская резидентура прислала схему сети, дав агентам новые номера, без указания старых, дать характеристику каждому агенту не представляется возможным.

По учётным карточкам в сеульской резидентуре числится 5 агентов:

№ 7 "Ямбан" — Осведомитель. Коммерческий служащий. Имеет связь с военными японцами и корейцами.

№ 8 "Тёмный" — Чиновник цензурного отдела. Кореец.

№ 9 "Профессор" — Японец. Учитель. Связан с чиновниками ген[ерал]-губернаторства Кореи. По данным резидента — самый ценный осведомитель по доставке секретных документов».

№ 1531, личный секретарь одного из влиятельных министров японского правительства, не предполагал, что является агентом токийской резидентуры (коим он, безусловно являлся только на бумаге).

Резидент в Токио В.К. Путна в октябре 1928 г. покинул свой пост. Планируемый на замену Виталий Маркович Примаков, бывший с июля 1927 г. военным атташе в Афганистане и уже возвратившийся Советский Союз, задержался более чем на семь месяцев: в середине ноября 1928 г. вспыхнуло восстание племени шинвари в Восточной провинции Афганистана, которое возглавил бывший унтер-офицер Кабульского образцового полка Бачаи Сакао («сын водоноса»), потребовавший отмены реформ падишаха Амануллы-хана. Аманулла-хан отрёкся от престола в пользу своего брата Инаятуллы-хана и бежал в Кандагар. Бачаи Сакао был провозглашён эмиром Афганистана под именем Хабибулла Гази. 10 марта 1929 г. в Москву поступило донесение разведывательного отдела Среднеазиатского военного округа:

«Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибуллой отмечается резкое повышение активности басмшаек, учащаются случаи перехода на нашу территорию... Узбеки — бывшие басмачи принимали активное участие в совершении переворота и привлекаются к охране границ; Хабибулла установил контакты с эмиром бухарским и Ибрагим-беком, обещал оказать содействие в походе на Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события, развязывая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствию на нашей границе...»[166]. В этом же месяце министр иностранных дел Афганистана и посол Афганистана в СССР имели конфиденциальную встречу со Сталиным. Вскоре после встречи из Москвы последовало указание: срочно сформировать в Ташкенте особый отряд из коммунистов и комсомольцев для отправки в Афганистан. 10 апреля формирование отряда было завершено (2 тыс. сабель, 4 горных орудия, 12 станковых и 12 ручных пулеметов, радиостанция) под командованием «кавказского турка Рагим-бея» —.В.М. Примакова. Советско-афганский отряд был экипирован в афганскую военную форму. С 15 апреля отряд «Рагим-бея» вёл успешные боевые действия при поддержке авиации Среднеазиатского ВО. 18 мая 1929 г. Примаков был отозван в СССР и специально присланным за ним самолётом вылетел в Ташкент. Командование отрядом принял «Али Авзаль-хан» (комбригА.И. Черепанов). 22 мая Аманулла-хан вдруг объявил о прекращении вооружённой борьбы против Хабибуллы и вместе с родственниками, захватив казну в иностранной валюте, золото, драгоценности, покинул пределы страны, эмигрировав в Италию. 28 мая Черепанов получил радиограмму штаба Среднеазиатского ВО о возвращении на Родину. В течение нескольких дней этот приказ был выполнен. В операции участвовали подразделения 81 кавалерийского, 1 горнострелкового полков и 7 конного горного артиллерийского дивизиона РККА. В документах частей она значится как «Ликвидация бандитизма в южном Туркестане». Несмотря на то, что более 300 её участников были награждены орденами Красного Знамени, а остальные — ценными подарками, упоминание о ней в исторических формулярах было запрещено.

Список личного состава резидентур и агентурной сети по Востоку на 01.01.1930 выглядел следующим образом (первая графа — порядковые номера; во второй графе приведены фамилии сотрудников резидентуры и агентов; в третьей — псевдонимы и номера; в четвёртой — должности в резидентуре):

«ЯПОНИЯ

ТОКИО

1. Примаков	Толлер	Резидент
2. Смагин	Софья	Пом. резидента
3. Мюллер	Тихон	Связист
4. Ермаков[167]	Окунев	Связист, секретарь морского атташе
5. Ефимов	Японский	Связист, Торгпредство
6. Резников	Хлебников	Связист, Торгпредство
7. Девятков		Связист, Торгпредство
8. Ромм[168]	Француз	Связист, ТАСС
9.	Максим 1506	Осведомитель
10. Кнорр	Х 1524	Осведомитель
11.	1531	Осведомитель

12.	1532	Осведомитель
13 ……	1533	Осведомитель
14.	Антенна	

2. РЕЗИДЕНТУРА В КОБЕ

1. Асков[169]	Стефанов	Резидент
2. Фармер	Фоккер	Связист. Торгпредство
3. Маслов		Связист. Торгпредство
4. Лев Босак	Львов Кан 1388	Осведомитель
5. Моряк		Осведомитель
6. ……	Тарб 1554	Осведомитель
7 . …….	Акита 1534	Осведомитель
8. ……	Род 1555	Осведомитель
9. ………	1550	Осведомитель
10. …….	Таро 1526	Осведомитель
11. …….	Синий 1551	Осведомитель
12. ……..	Гостеприимный 1552	Осведомитель
13. ……	Китаец 1533	Осведомитель
14. ……	1556	Осведомитель
15. …..	Бедняк 1558	Осведомитель

3. РЕЗИДЕНТУРА В ХОККОДАТЭ

16. Нивинский[170] Борисов	Холодный Матвей	Резидент
17. Киселёв[171]	Ямамото	Резидент
18.	1527	Осведомитель. Сведения запрошены
19.	1539	Осведомитель. Сведения запрошены».

«Бедняк» — японец, журналист, о котором ещё пойдёт речь, был завербован А.Б. Асковым в 1930 г. (по другим данным — в 1929 г.). «Бедняк и его группа даны "Аяксу" японцами», отмечалось в «Справке о состоянии сети по 2-му отделу» от 7 сентября 1937 г. В данном случае под «японцами», видимо, следует понимать представителей компартии Японии. Под псевдонимом «Аякс» Асков находился в служебной командировке по линии Разведупра под прикрытием должности 1-го секретаря Полпредства СССР в Японии с октября 1933 г. по март 1937 г. К моменту привлечения к сотрудничеству «Бедняка» у Аскова был псевдоним «Стефанов».

В «Докладе о работе агентуры IV Управления Штаба РККА за 1929 г. и состояние её к 1 января 1930 г.» подчеркивалось, что перед агентурой «стояли следующие главнейшие задачи»:

«Необходимо было:

1/ Довершить переход на нелегальное положение резидентур по всем странам.

2/ Организовать и обновлять нелегальные линии почтовых и других связей.

3/ Снабжать резидентуры и, в первую очередь, резидентуры дальних стран коротковолновыми радиостанциями для связи с центром.

4/ Подготовить аппарат и организовать запасные базы и специальные линии связи на военное время, в виде торговых предприятий и фирм.

5/ Подготовить кадр для нелегального аппарата с высшим военным образованием».

Состояние резидентур к 1 января 1930 г. по части перехода на нелегальное положение на Дальнем Востоке выглядело следующим образом:

«1. ЯПОНИЯ. В связи с конфликтом на КВЖД, японская резидентура более усиленным темпом продолжала начатую в 1928 году работу по переводу агентурной сети на нелегальные рельсы и отрыву от официальных учреждений. Существующая агентурная сеть, несмотря на весьма тяжёлую обстановку для работы, обогатилась новыми источниками и выросла на 60%. Из общего количества агентов 40% составляют военные и морские источники, имеющие доступ к документам сухопутных и морских сил Японии. За истекший год от резидентуры поступило до 200 донесений и документов /включая и 44 технических сведений/, из коих 174 признаны ценными. Агентурная сеть Японии была также использована и для обслуживания командования ОДВА по линии освещения кит[айских]войск в Маньчжурии. Общие условия агентурной работы в Японии настолько тяжелы, что почти нет никакой возможности легализовать русского товарища для работы на улице и чрезвычайно трудно наладить работу через наших иностранных работников. **Это обстоятельство побудило нас впервые направить усилия к использованию иностранных разведок, особенно американской** (выделено мной. — *М.А.*). Годовой опыт в этом направлении дал положительные результаты, и мы предполагаем расширить эту работу».

Как следует из цитируемого текста, поставленные задачи решены не были. Упоминание о предпринимаемых усилиях по использованию иностранных разведок, особенно американской, в последующих отчетных документах не встречается. Видимо, желаемое в очередной раз выдавалось за действительное.

Характеристика основных источников токийской резидентуры была ограничена тремя агентами:

«1524 Быв[ший] немецкий военно-морской атташе в Японии. Даёт ценные военно-политические обзоры и технические сведения.

Антен[н]а. Даёт ценные военные и политические сведения.

1531 Бывш[ий] секретарь... Освещает закулисную жизнь японского парламента и борьбу политических партий и классов».

В разделе «Подготовка кадров для нелегального аппарата» отмечалось:

«Проблема кадров в данный момент для IV Управления приобретает особо важное значение. Для выполнения тех задач, которые в настоящее время стоят перед Управлением, старых агентурных работников с опытом нелегальной работы уже не хватает. Часть из них провалилась на заграничной работе и известна полиции, и их нельзя уже использовать в агентурном аппарате ни в одной стране. Часть арестована и продолжает сидеть в тюрьмах и, наконец, значительное количество работников, измотанных на нелегальной работе, ушло из Управления.

С другой стороны, усложнившаяся международная обстановка и новые тенденции, наблюдавшиеся в строительстве иностранных армий, предъявляют к работникам агентурного аппарата повышенные требования. Успешно разрешить те сложные задачи, которые предъявляются военным ведомством IV Управлению можно только в том случае, если резидентуры будут возглавлять товарищи с высшим военным образованием, знающие иностранные языки и страны, в которых им придётся работать.

По Востоку основным источником, откуда Управление черпало квалифицированных работников, был Восточный факультет, давший за время своего существования около 30 восточников».

В результате безответственного отношения округов к подбору кандидатов, а также неопределённости по службе у окончивших факультет, только 50% «восточников» остались на агентурной работе.

В «Плане агентурной работы по Японии на 1931 год» агентурная работа признавалась удовлетворительной, и очередной раз говорилось о создании нелегальных резидентур:

«1. Агентурная работа по Японии является более или менее развернутой и должна быть признана удовлетворительной. Однако она целиком проводится по оф[ициальной] линии, что не обеспечивает её продолжение на случай конфликта с Японией. Поэтому сейчас стоит срочная задача реорганизовать агентурную работу и агентурную сеть в целях приспособления к работе в условиях военного времени. Для этого надо, прежде всего, подыскать и послать в Японию нелегального резидента, по профессии врача, по национальности немца, француза, австрийца, швейцарца, американца. Местопребыванием нелегального резидента избрать КОБЕ, как центр жительства иностранцев в Японии.

2. В целях приспособления агентурной сети в Кобе, как наиболее развитой, к условиям нелегальной работы, а также в целях обеспечения большей конспиративности работы, необходимо часть агентов 1526-го передать нелегальному резиденту в качестве вербовщиков, связистов и источников.

3. Очередной задачей является также организация сети в ХАКОДАТЕ и ДАЙРЕНЕ, усиление сети в СЕУЛЕ и ТОКИО. Имеющаяся агентура в ХАКОДАТЕ состоит из малоценных источников и не справляется с поставленной задачей, а потому необходимо приступить к созданию новой сети. В ДАЙРЕН нужно послать резидента по оф[ициальной] линии. В отношении агентурной сети в СЕУЛЕ и ТОКИО. В отношении агентурной сети в СЕУЛЕ следует заметить, что там из 6 источников работают интенсивно только два, а 4 являются ненадёжными. Во избежание опасности перегрузки работающих 2-х агентов и в целях интенсификации работы необходима вербовка новых источников. Развитие сети в Токио должно идти по линии создания военной и политической агентуры. Организация сети в ТОКИО возможна, а в отношении постановки серьезной политразведки ТОКИО является единственным и наиболее подходящим местом. Отсюда срочная задача — создания в ТОКИО солидной сети с тщательно проверенной и гарантирующей системой связи».

Исходя из вышеизложенного и в целях дальнейшего упорядочения работы намечается следующий план агентурной работы в ЯПОНИИ. (Таблица с графами: «№№»; «Что сделать»; «К какому времени» — месяц; «Проверка исполнения». — *М.А.*)

1. Посылка нелегального резидента в КОБЕ.	VII.
2. Реорганизация агентурной сети в КОБЕ.	VII.
3. Организация радиостанции в КОБЕ.	XII.
4. Организация сети в ХАКОДАТЕ.	VII.
5. Посылка резидента по официальной линии в ДАЙРЕН.	IX.
6. Развитие сети в ТОКИО и создание военно-политической агентуры	XII.

7. Устройство военного моряка в КОБЕ по линии СОВТОРГФЛОТА для усиления морской разведки. VII.
8. Подготовка нового резидента в СЕУЛЕ для замены РОНА. VII.
9. Отправка японского переводчика в ТОКИО для замены уезжающего К. IV».

Нелегальный резидент в Кобе так и не был послан — не нашли подходящей кандидатуры.

Распределение агентурной сметы на 1931 год выглядело следующим образом: $775200 в год («Если всё получим полностью»), в том числе для Японии $3000.

19 апреля 1930 г. Берзин доложил Ворошилову: «Сов. секретно. Срочно. ...В течение ряда лет т. Примаков, находясь на зарубежной военной работе (Китай, Афганистан, Япония), проявил себя работником, небрежно и неэкономно относящимся к народным деньгам... Здесь же необходимо отметить, что наш аппарат в Японии до т. Примакова [К.Ю. Янель, С.М. Серышев, В.К. Путна] при меньших денежных затратах добывал больше ценных материалов, чем в период руководства этой работой т. Примакова. Назначение т. Примакова военным атташе и руководителем агентурной работы в Японии не внесло существенных улучшений ни в руководство нашего военного аппарата в Японии, ни по линии добычи агентурных материалов. Наоборот, за последние истекшие 6 месяцев отмечается ослабление в поступлении нужных материалов из Японии. Как руководитель агентурной работы, т. Примаков проявляет большую склонность к добыче и сбору сведений по линии дорогостоящих представительств и академического изучения экономических вопросов, явно недооценивая значение агентурной работы... Докладывая о вышеизложенном, прошу Вашего распоряжения об отозвании т. Примакова В.М. с должности нашего военного атташе в Японии и назначении на эту должность другого более соответствующего командира РККА». Резолюция Ворошилова: «Не возражаю подыскать заместителя».

В итоге Примаков покинул свой пост в июле 1930 г., а «заместитель» Александр Иванович Кук (Кукк)[172] появился только в марте 1931 г. В промежутке между отъездом Примакова и прибытием Кука обязанности военного атташе исполнял Петр Петрович Панов.

За два месяца до отъезда Примакова, в мае 1930 г., на родину уехал помощник военного атташе при полпредстве СССР В.В. Смагин. 17 февраля 1934 года Генрих Ягода представил Сталину докладную записку, в которой в том числе сообщал: «В период пребывания Смагина в Японии в должности помощника военного атташе имел место установленный лично военным атташе т. Примаковым следующий случай. Капитан разведки Японского Генштаба Унаи, будучи в состоянии сильного опьянения, назвал в беседе с т. Примаковым особо законспирированный псевдоним Начальника Разведывательного Управления Штаба РККА тов. Берзина („Воронов“), по которому адресовалась из Токио совершенно секретная корреспонденция нашего военного атташата. Одновременно тот же капитан Унаи выболтал содержание одного из секретных докладов т. Примакова в Штаб РККА. Псевдоним „Воронов“ был в нашем военном атташате в Японии известен только т. Примакову и его помощнику Смагину. Т. Примаков сообщил об этом случае в Штаб РККА как о чрезвычайно подозрительном, но по существу это явление расследовано не было»[173].

Иначе чем безосновательным оговором подчиненного этот донос назвать нельзя, и ему ещё предстояло сыграть свою роль.

С марта 1931 г. по начало 1932 г. должность военного атташе при полномочном представительстве СССР в Японии занимал А.И. Кукк. На его замену в феврале 1932 г. прибыл комдив Иван Александрович Ринк[174].

Осенью 1931 г. появилось очередное «указание инстанции» в части запрета об использовании членов иностранных компартий по линии разведки, в том числе и военной:

«1 ноября 1931 г.
НАЧАЛЬНИКУ IV УПРАВЛЕНИЯ ШТАБА РККА
Тов. БЕРЗИНУ

Предлагаю в самый кратчайший срок точнейшим образом проверить по всем звеньям Вашей зарубежной работы, не используются ли ещё где-либо для целей и по линии Вашего Управления члены братских компартий. Согласно указаний инстанции, какое бы ни было использование по Вашей линии и связь членов иностранных компартий с Вашими работниками должны быть полностью прекращены. В случае особой ценности или необходимости использования того или иного товарища, что может иметь место только в особо исключительных случаях, обязателен предварительный доклад мне и оформление, путём договоренности с Президиумом ИККИ, исключения этого товарища на необходимый срок.

Результаты проверки доложите мне не позже 1 января 1932 г.

Народный комиссар по Военным
и Морским делам и Председатель
РВС СССР *Ворошилов*».

Однако заставить отказаться от привлечения к сотрудничеству с разведкой «членов братских компартий» не могло никакое директивное указание, даже подписанное наркомвоенмором. Это требование обходили, не упоминая в характеристиках агентов об их прошлом членстве в компартии.

В феврале 1930 г. резидентом в Кобе под официальным прикрытием генконсула вместо Аскова был назначен Тесслер, проходивший в переписке под псевдонимом «Торе».

18 марта 1931 г. резидент в Кобе получил почту из Москвы, в которой его призывали активизировать агентурную работу в связи с внешнеполитической обстановкой вокруг Советского Союза:

«Дорогой ТЕССЛЕР.

1. Ваша почта от 12.2.31 — получена в полной исправности.

2. Интервенционистские стремления вокруг нашей страны по степени интенсивности ведущейся подготовки, развиваясь в своей неумолимой логике — близки к своему завершению, т. е. открытому выступлению против нас. Нельзя точно предопределить, на каком театре поведётся это наступление на нас. Однако, где бы это ни случилось, нужно быть готовым и на востоке и на западе и из этих установок необходимо исходить при проведении всех практических мероприятий на ближайшее время.

Организационные мероприятия и темпы самих мероприятий, как по разветвлению сети, так равно и по укреплению существующей — должны пойти более энергично и в более обширных размерах. Вербовка должна получить

активный характер, ибо повторяем, отрезок времени для завершения работы — остается сравнительно небольшой. А коль скоро это так, то в довершении энергичного разветвления а/сети — нужно произвести с Вашей стороны нажим на все источники, ибо постоянное и равномерное давление, производимое Вами на них, заставляет их быть индифферентными и снижает их продуктивность. Здесь нужен определённый сдвиг и нажим в смысле "производственного" подъема и количества и качества, плюс к этому мобилизация обрабатывающих сил, подчиненных Вам и находящихся в В/распоряжении. Эти высказанные поправки — нужно принять за ведущее начало и руководящий принцип. При всем высказанном, как при вербовках, так и при усилении выкачивания материалов из источников — мы не мыслим себе какое-либо послабление в смысле снижения конспирации. Наоборот, она также должна быть усилена и методы работы изменены в смысле их утончения».

Далеко не всем удавалось использовать свое прикрытие для решения разведывательных задач. Нередко в Центр направлялись личные письма, в которых сообщалось, что должностные обязанности по официальному прикрытию препятствуют выполнению поставленных задач. Так, 24 сентября 1931 г. сотрудник токийской резидентуры апеллировал к Берзину: «Уважаемый тов. Берзин, прошло уже год и три месяца с тех пор, как я приехал в Японию. Мое официальное положение сейчас — вице-консул Генерального Консульства в Токио (в первое время секретарь). В консульстве нас работает два человека: генконсул и я, причем генконсул, являясь одновременно 1-м секретарем Полпредства, на 95% работает в Полпредстве. Таким образом, вся консульская работа во всем её многообразии лежит на мне. Н. Дубравин».

[Резолюция.] «Нужно т. Дубравина активизировать. Берзин.15/X».

Под фамилией Дубравин (Дубровин) в Токио находился Н.Л. Шинкарёв (псевд. «Ханаиси»)[175].

В ноябре 1931 г. принимается решение исключить ведение агентурной разведки с позиций аппаратов военных атташе. В очередной раз запрещаются контакты с агентурой резидента под официальным прикрытием дипломатического представительства. 29 ноября 1931 г. «Торе» получает оргписьмо следующего содержания:

«Дорогой Тесслер.

1. В силу директив, полученных нами — Вам необходимо с получением сего немедленно произвести полное и совершенное ОГРАНИЧЕНИЕ всей нашей специальной работы от линии и деятельности В[оенного] Ат[таше], ни в каком случае не допуская абсолютно никаких касательств или скрещивания тех или иных связей — нашей чисто производственной работы с работою В[оенного] Ат[таше].

2. Лично Вам самому также необходимо ни в коем случае не входить ни в какие деловые встречи и свидания, как с отдельными источниками, так равно и с их представителями-ответвлениями в виде связных и проч.

Эти два основные положения должны быть возведены в постоянный и категорический принцип, не подлежащий ни в какой-либо мере пересмотру, конечно, не говоря уже об его обходе или нарушении.

Все это мы Вам сообщаем потому, что, во-первых, имеем на этот счёт твёрдые указания от наших руководящих инстанций и, во-вторых, чтобы не дать

япам в эту жаркую погоду просто нас спровоцировать и тем самым, имея этот козырь в руках — поднять против нас дикий вопль и травлю — о наших кознях против них, прикрывая этим свои мероприятия агрессивного характера в Маньчжурии и оправдывая их нашими якобы кознями...

...Что же касается Вашего руководства, то оно нами мыслится, как руководство Вами исключительно „внутри", т.е. Вы действуйте через своих проверенных связистов и ни в коем случае не допускайте личных своих общений как с источниками, так и с их связными. Повторяем — личные Ваши свидания — должны быть исключены из практики вовсе.

3. Сегодняшней почтой посылаем Вам целый ряд заданий. Все они, как видите, весьма срочного порядка и по степени своей актуальности требуют довольно быстрого и тщательного выполнения. Их выполнение обусловлено должно быть интенсификацией работы, ибо время терпит. События из рамок сегодняшнего дня могут разразиться в более серьёзную драку.

В дополнение к посылаемым заданиям — как первоочередная задача — просим Вас выяснить и установить следующее:

А/ Является ли проводимая япами в данное время агрессия в Маньчжурии — согласованной политической акцией с САСШ или же Америка в этом вопросе просто вынуждена мириться /вопреки её желаниям/ с ходом событий, развиваемых япами.

Б/ Не является ли агрессия на материке подготовкой первоначального плацдарма для развертывания более солидных сил для более серьезного предприятия — т.е., проще говоря, не является ли агрессия началом подготовки к интервенции против СССР и при том в ближайшее время — к ВЕСНЕ 1932 года.

Г/ Роль САСШ в этом вопросе и степень согласованности в действиях как против КИТАЯ, так и против СССР.

Д/ Степень заинтересованности САСШ — в укреплении япов на материке, особенно в Маньчжурии, чем это компенсируется со стороны япов.

Е/ Самым внимательнейшим образом следить по всем каналам и связям о всех мероприятиях как намеченных к проведению, так и проводимых по усилению войсковых частей, действующих на материке — новыми пополнениями, а тем более переброска новых частей /всех родов войск/.

Ж/ Организация и накопление новых /пополнение уже имеющихся/ баз как исходных пунктов для переброски с островов на материк — вооружения, боеприпасов, снаряжения и проч.

З/ Подтягивание частей из глубины страны к портам, ведущим на материк. Одним словом — все войсковые перемещения и переброски — не должны оставаться для Вас незамеченными.

О всём, что усиливает действия войск на материке — со стороны япов — доносите телеграфом и подробно почтой.

Сердечный привет *Вельта*».

В «Докладе о работе агентуры IV Управления Штаба РККА за 1930/31 г. и состоянии её к 1 января 1932 г.» констатировались тяжёлые условия, в которых велась агентурная работа: «Работа добывающего аппарата за истекший год более, чем когда-либо проходила в исключительно тяжёлых условиях. Близость войны заставила все контрразведывательные организации мобилизоваться против СССР, и за последние два года мы имели и имеем на-

лицо сплошное полицейское наступление, причем единым фронтом выступали такие организации, как "Интележенс Сервис", "Скотлянд Ярд", "Сюрте Женерал", "Сигуранцы" и т. д. Этот полицейский интернационал всё больше и больше даёт себя чувствовать, как в смысле чрезвычайного усиления мер наблюдения и провокаций, так и взаимной информации органов охранной полиции различных стран...

Кроме указанных трудностей общего порядка, наш агентурный аппарат пробивает себе дорогу через огромное количество специфических затруднений, которых не имеет и не чувствует ни одна разведка в мире.

Главнейшие из них:

а/ У нас контрразведка отделена от органа, ведающего разведкой. Такое рассредоточение функций разведки и контрразведки лишает возможности нашей агентуре в своей практической работе использовать результаты изучения деятельности иностранных контрразведок, собранные в ОГПУ. Это обстоятельство сильно затрудняет нашу работу и ставит ее иногда под удар, когда этого можно было бы избежать. В капиталистических странах, как правило, разведка и контрразведка объединены в одном органе.

б/ Если для иностранных разведок вопросы легализации не представляют большой трудности, то для нас это сложнейшая проблема. Если они пользуются настоящими паспортами своей страны, используют свои фирмы, консульства и посольства, а, следовательно, за спиной разведок стоят их МИД, то нам категорически запрещена связь с нашими организациями. Поэтому мы вынуждены наших работников посылать за рубеж по фальшивым документам /"липе", изготовленной у нас/, а следовательно, получать и визы фальшивые, что, естественно, ставит нашего работника на острие ножа в повседневной своей работе.

в/ Если иностранные разведки имеют в своем распоряжении большой кадр высоко квалифицированных работников, которых они специализируют по отдельным вопросам и странам десятилетиями, то мы в своей работе упираемся на узкий круг лиц, ибо подбор нелегальных работников из-за незнания языков и зарубежных условий жизни, крайне затруднителен, да, кроме того, нередко, как партийные, так и советские органы, чинят нам препятствия и не отпускают тех товарищей, которые подошли бы для этой цели.

Вдобавок к этому, по причинам отрыва от партийной жизни и СССР, а, следовательно, возможности разложения в капиталистических условиях, наших работников мы не имеем возможности держать за границей более 2—3 лет.

г/ Если в капиталистических странах служба разведки есть определенная профессия с соответствующим материальным стимулом, то наши руководящие агентурные работники избегают иметь такую "профессию" и даже часто не желают ехать за рубеж.

д/ Иностранные разведки пользуются лишь официальной диппочтой, нам же приходится в большинстве стран прибегать к нелегальным методам связи и переброски материалов /Франция, Польша, Румыния, Чехословакия, Америка, Англия, Латвия, Эстония, Шанхай/.

е/ В отличие от разведок империалистических стран, мы не только не получаем помощи от наших государственных органов, но, во-первых, не имеем права пользоваться ими, и, во-вторых, имеем налицо противодействие на-

шей работе. В данном случае, к сожалению, даже ГПУ не является исключением.

ж/ Ни одна разведка не имеет запрещения использовать для агентуры своих военных атташе, напротив во всех империалистических странах деятельностью аппаратов военных атташе руководят II Отделы, т. е. агентурные аппараты генеральных штабов.

Кроме того, нам категорически запрещается использовать наиболее близких нам людей из братских партий, что весьма суживает базу нашей работы».

Из вышеприведенного текста не следует, с каких позиций организуется разведка: легальных или нелегальных. Если с нелегальных, то не совсем оправданными представляются жалобы на запрет легализации по паспортам своей страны, ограничение на пользование официальной диппочтой для отправления агентурных материалов и требование прибегать к нелегальным методам связи. Иной организации связи при ведении разведки с нелегальных позиций быть не должно. Все это говорит о непонимании сути нелегальной работы. Наконец, запрет на использование людей из компартий нарушался на каждом шагу. Похоже, о нём вспоминали только при очередном провале.

«2. Вышеизложенные ограничения, — говорилось далее в докладе, — безусловно, резко сокращают возможности нашей агентуры, особенно, если при этом учесть недостаточные средства Управления и почти полное отсутствие притока новых, пригодных для нелегальной работы товарищей. Последнее обстоятельство можно считать катастрофическим в силу того, что существующий до сего времени кадр работников всё суживается. Хотя по своему качеству они и отвечают своему назначению, но в силу продолжительности пребывания на нашей работе за рубежом, в большинстве своем они провалены, а потому нередко исключается возможность их использования...

Практика нашей работы показывает, что в лучшем случае более 2-х лет работать в одной стране нашему работнику не приходится, а в большинстве стран, как Польша, Румыния, Прибалтика — максимальный срок работы нашего агентурщика 6—8 месяцев. Понятно, что и это обстоятельство не может не повлиять на ход работы.

3. Перечисленные обстоятельства заставляли добывающий аппарат принимать ряд организационных мероприятий: частично менять методы и практику старой работы, усложнять и усовершенствовать свою технику, заняться специальной подготовкой новых лиц, реорганизовать линии связи, радиофицировать резидентуры, усовершенствовать способы пересылки материалов и переписки с местами.

Конкретно по этой линии сделано следующее:

По Японии ничего не сделано (выделено мной. — *М.А.*). Поэтому агентурный аппарат в будущем году будет стремиться изжить старые ошибки и создать такую сеть, которая отвечала бы требованиям, поставленным Управлению Военведом. С этой целью Управление намечает как открытие новых резидентур, так реорганизацию и успех работы старых. В первую очередь, усилия добывающего аппарата направляются на создание в Польше, Румынии и Японии такой агентурной сети, которая была бы в состоянии разрешить те задачи, которые диктуются обострившейся международной обстановкой».

Следует разделять работу Центра по созданию нелегальной резидентуры в Японии и деятельность военных разведчиков под прикрытием советских представительств, которые работали, как это следует из доклада, успешно: «Общая установка для нашей резидентуры в ЯПОНИИ /Токио/ в течение 1931 г. выражалась в выяснении и изучении больших вопросов следующего порядка:

1. Вопросы мобилизационные.

2. Вооружение и военная техника Японской Армии.

3. Организация войсковых частей и Центральных Управлений на военное время.

4. Подготовка Маньчжурского театра, КОРЕИ и КВАНТУНГА (Квантунская область. — *М.А.*) — как тыловых баз будущего фронта против нас в случае вооружённого столкновения с нами.

5. Оперативные вопросы /взгляды и установки японского командования/.

6. Военно-политические вопросы /взгляды и установки японского командования/.

Трудности работы для тайной стратегической агентуры в условиях японской изолированности, замкнутости и подозрительности японцев, при наличии хорошо налаженного аппарата тайного полицейского сыска — общеизвестны и должны быть учитываемы.

Замкнутый в самурайских традициях офицерский корпус японской армии представляет из себя в вербовке и привлечении к нашей работе элемент стойкий и требует довольно длительной и умелой обработки, тактичного подхода, максимум усилий и средств, чтобы так или иначе залучить в орбиту нашего влияния и поставить на рельсы нашей «производственной» работы с надлежащим эффектом.

Несмотря на все эти тяжелые условия — истекший операционный 1931 г. позволяет с полным основанием — вынести оценку токийской резидентуры, как вполне удовлетворительную, сумевшей, несмотря на ряд независящих от нее обстоятельств /2 месяца вынужденной консервации большинства источников по нашему предписанию из центра, — предпринятой нами в профилактических целях в силу известного дела Фоккера /провести основательную работу по добыче и выкачки интересных и ценных для нас материалов, в том числе и материалов МОБИЛИЗАЦИОННЫХ и ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОРЯДКА./».

«Состояние агентуры по ГЛАВНЕЙШИМ ИСТОЧНИКАМ в ЯПОНИИ к началу 1932 г.» определялось так:

«1. Ист. № 1531. Японец. Политический деятель и крупный коммерсант. Секретарь. Европейски образованный человек. Обладает весьма обширными и ценными связями. Лично знаком с видными генералами армии и флота. Даёт политические сведения, порой весьма ценного порядка, при том по разнообразным вопросам. Очень туго идёт на доставку военных документов и материалов.

/Работает в надежде получить от нашего государства концессию на выгодных условиях. В руководстве с ним необходимо особо умелое лавирование и такт. Отличается некоторой долей беспечности в отношении конспирации (пренебрежение к конспирации объяснялось тем, что №1531 не являлся агентом. — *М.А.*)/.

2. Ист. № 1526. Руководитель нашего агентурного "гнезда" в Японии с резиденцией в Кобе. Редактор газеты... Работает с 1926, завоевав с этого момента у нас доверие и оправдывает его своей работой. Помимо журналистских связей имеет таковые среди армии и флота, кроме того, использует родственников, работающих на военно-строительных верфях.

Даёт сведения по орг. войсковых частей и их численному составу /пехота, кавалерия, легкая, тяжелая и зенитная артиллерия/, также сведения по военно-морскому флоту /детали устройства кораблей, их вооружение, система бронирования и проч./. Кроме того, по военной промышленности, главным образом, по судостроению.

/Сведения в большинстве случаев от этого источника — документального порядка и обычно оцениваются как весьма ценные и ценные./

3. Ист. № 1551. Чертёжник и приёмщик военного отдела военных доков... Имеет доступ к чертежам военных судов, преимущественно, к вновь строящимся крейсерам.

Доставляет, главным образом, чертежи или копии их. Его материалы — всегда ценного порядка. /Его материалы оцениваются по обыкновению как ценные. Источник проявляет некоторую склонность к вину и кутежам. Необходимо постоянное за ним наблюдение и одергивание. В работе рискован и от руководителя требуется постоянное указание и нажим, чтобы этот риск носил здоровый характер./ За 1931 г. доставил тридцать два материала, из них 30 ценного порядка.

4. Ист. № 1534. Японец. Журналист. Высокообразованный и развитый работник. Является руководителем второго нашего "агентурного гнезда". "Гнездо" имеет своим местопребыванием Кобе. Обладает обширными связями среди морских офицеров и учащихся [в] военно-морских школах.

Материалы доставляет по следующим родам войск: по пехоте, артиллерии, кавалерии и спец. частям. Неоднократно добывал сведения по военно-морскому флоту.

Доставил МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН и ЕГО ПРОДОЛЖЕНИЕ — № дивизий японской армии.

/За 1931 год — все многочисленные материалы от этого источника — в большинстве случаев оценены как ценные, не говоря уже о документах мобилизационного характера./

Работа источника отличается большой производительностью и соответствует даваемым нами заданиям.

Обычно материалы этого источника и документы ценного порядка.

5. Ист. № 1546. Японец. Работник жандармерии в КОРЕЕ. По служебному положению имеет доступ к секретным сведениям жандармерии по вопросам контрразведки, к материалам о политико-моральном состоянии японской армии, кроме того, к материалам запаса — офицерского и рядового состава. И в некоторой степени к материалам мобилизационного характера.

В продолжение 1931 г. доставил ряд ценных подлинных материалов.

Дал ПЛАН СПЕШНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ КОРЕЙСКОЙ АРМИИ за 1930 г. Таблицы военных частей, оставляемых в Корее на случай мобилизации.

За последний год дал свыше СТА материалов, оцененных как весьма ценные и ценные.

/В общении с источником необходимы большая гибкость и маневренность, так как он опытный и ловкий работник. Главный мотив работы на нас —

деньги. В качестве одного из мероприятия необходимого "сотрудничества" с этим источником — желательно и нужно иметь в запасе компрометирующие данные на него, дабы тем самым иметь возможность требовать ещё большей продуктивности./

6. Ист. № 1549. Писарь штаба японских войск в Корее. Имеет по роду служебного положения доступ к секретным документам, характеризующим организацию и вооружение японской армии.

Доставляет значительное количество интересного для нас ценного материала и только по военной линии. К другим сведениям доступа не имеет.

Наши требования и задания выполняет весьма добросовестно.

/Главный мотив работы на нас — деньги. В подозрении у полиции не находится./

7. Ист. № 1542. Кореец. Окончил американский колледж. По политическим убеждениям — радикал. Работает в цензурном отделе в СЕУЛЕ.

Связи в политических кругах и в сферах полиции. Имеет доступ к архиву губернатора Кореи.

Доставляет сведения, главным образом политического и экономического порядка. Получаемый материал по оценкам — положительного свойства.

8. Ист. "ТАНАКА" /кличка/. Имеет доступ к мобилизационным и штатным документам.

Дает сведения и документы по вопросам ШТАТОВ на военное время и по вопросам мобилизации.

За 1931 г. дал семь документов ВЕСЬМА ЦЕННОГО характера.

9. Ист. № 1555. Военный чертёжник морской базы в Курэ. По родственной линии связан с руководителем нашего агентурного "гнезда" № 1534.

Даёт сведения по морскому флоту, главным образом, по военно-морскому флоту.

10. Ист. "Небесный". Освещает, главным образом, организацию и технику зенитной артиллерии.

ПРИМЕЧАНИЕ: Характеристики других источников средней ценности / числом 6 человек/ опускаются, равно не даётся характеристика и отдельным осведомителям /8 человек/, работающим эпизодически...»

Проходит всего полгода, и в Центре, по состоянию на июль 1932 г., составляются «Краткие характеристики» к схеме токийской резидентуры (резидент «Торе»). Вводится новая терминология: сектора от №1 до №5 (Генеральные консульства в Кобе, Хакодате, Цуруге, Сеуле, а также Генеральное консульство — полномочное представительство в Токио), которые состоят из «ячеек», в одном случае даже из «гнезда», что, судя по всему, является синонимом «ячейки». Появляются новые агенты, сохраняется часть старых, но далеко не все:

«Сектор №1

Начальник сектора ВИКТОРОВ. Работает нач. сектора с 15/VI 1930 г. С задачей развертывания сети не справился. На протяжении 2-х лет сектор находился в стадии организации. В настоящее время /VII-32 г./ Викторов болен. Сети не существует.

Сектор №2

Резидент ТОРЕ. Ячейка ХАНАИСИ. Ханаиси — вице-консул в Токио, работает с IX-30 г. По отзыву резидента работает плохо. Был назначен нач. сектора №2, развернуть работу не сумел. По последнему отзыву резидента от 31/

III-32 г. «человек бесполезный». В схеме сети от 9/VI помечен как не работающий. Агенты «Первый» и «Второй» по схеме сети от 9/VI также помечены синим как неработающие, за все время «Первый» дал одно донесение.

Ячейка Новикова.

В материалах сектора о Новикове сведений не имеется. По последнему письму ТОРЕ дано задание активизировать № 1524.

Источник № 1524. Владелец комиссионной фирмы по поставке военных материалов. Источник за время с 1927 г. по 1931 г. дал 18 сведений, из них ценных 14, малоценных — 4. Из характеристики видно, что источник нуждается в постоянном нажиме. Будучи под руководством ХАНАИСИ, он такового не имел. Этим объясняется малопродуктивность.

Ячейка НИКОЛАЕВА.

Вся ячейка, т. е. связист Николаев и источники 1602 — Случайный, 1603 — ТИК фигурируют только в последнем письме ТОРЕ. Тик связан с работой интер. заводов, находится в процессе приручения. Даёт ценные сведения П/Э и В/Т хар. в порядке дружеских бесед. Случайный новый источник привлечён к нашей работе полностью с начала работы по май дал 3 ценных донесения В/Т и П/Э характера. Предполагается использование его для организации крыши.

Ячейка ЛИН.

Лин связист. По мнению Резидента для полного использования 1531 не подходит.

1531 — по роду занятий — предприниматель. Был секретарём... Источник дал с 1927 по 1931 г. 58 сведений. Из них: в. ц. — 4, ценных — 42. С середины 1931 г. активность 1531 резко упала. Резидент объясняет это отъездом связиста, хорошо работавшего с ним и дававшего то, чего не досказывал источник. С января по май 1932 г. дал один ценный материал п/э характера. Очевидно пытается от работы отойти. Дальнейшая работа возможна по линии использования круга знакомств для вербовки.

ОРА. 1600 — техник, имеет знакомства в техническом мире. Сведения по преимуществу дает военно-технического характера. За короткий срок с февраля по май 1932 г. дал в. ц. —1, ценных — 15 сведений.

БАЛЛ. 1601 — журналист. Новый источник, имеющий большие связи в кругах, близких к фашистским. В работе заинтересован материально, но поступление сведений от него слабое. До настоящего момента дал 5 сведений П/Э характера. Может быть использован для вербовки.

Сектор № 3.

Начальник сектора Лилиев и источник МАЦУМОТО — оба работники новые. Мацумото — 1610 представил одно донесение весьма ценное.

Сектор № 4.

Начальник сектора Холодный. Работает с 1929 г. За время руководства сектором расширил и почти обновил всю сеть. По отзыву резидента проявляет недостаточную гибкость в изменении методов работы в связи с изменением обстановки. Нуждается в замене, так как срок пребывания за границей истёк.

1526 — Работает с 1927 года. Поводов к подозрению в ненадёжности не было. С 1929 года начальник агентурного гнезда. Активно ведёт вербовку. Работник верный, но плохо поддающийся дисциплине.

1550 — Подручный. Ценности не представляет. Предполагавшаяся через него вербовка брата /инженер судостроительных доков в Иокогама/ не удалась. Сам 1550 сведений не даёт, служа лишь связующим звеном 1551 с 1526-м.

1551 — Синий, работает у нас с 1929 года. Ценный и верный источник, связанный /по службе/ с военными доками Мицубиси. В начале 1930 г. здесь были проверены его материалы и была установлена их полная достоверность.

1557 — Почтовик — военный почтальон. Работает с 1930 г. Продуктивность низкая. Легко поддаётся панике. В последний период заболел манией преследования. Есть опасность удара по этой линии.

1561 — Молодой. Работает недавно. Связан с авиацией.

Гнездо 1534.

1534 — АКИТА. Журналист. По убеждениям коммунист. Член левого крыла Родоминто. Работает с октября 1927 г. Энергичен, имеет большие связи с военно-морскими кругами. Проявил большую активность в подборе работников агентгнезда. По нашему требованию /в связи с посещением гостя/ от работы в соц. Партии отошел. Работник верный. По своим качествам может быть использован в качестве резидента нелегальной сети, но в случае большой войны должен быть мобилизован в армию.

Ячейка 1535.

1535. Бедняк — журналист. По более ранним письмам №1558. Работает с конца 1929 года. Проверен. Данных для подозрений нет. По роду основной работы и по своим знаниям представляет среднюю ценность, но как вербовщик — ценен. Из круга своих друзей привлёк к работе 3-х: 1536, 1537 и 1538 и через них достаёт ценные сведения в масштабе полка. К заданиям относится добросовестно, легко поддаётся «воспитанию» деньгами, т. к. материально нуждается.

1536 — ТАНАКА. Писарь 7-го пехотного полка. Связан с 1535. Работает с 1930 г. Источник ценный. Материал, представляемый им, касается вопросов обучения, организации и мобилизации пехотного полка. Материал весьма ценный. В случае войны будет переброшен вместе с частью, так же, как это было во время конфликта.

1537 — Приятель. Работает в штабе военной части. Дал один в. ценный материал. На нас работает недавно, и сведений о нём в письмах нет.

1538 — Заместитель. Фельдфебель. По мнению резидента, фигура многообещающая. Работает с начала 1932 г. Привлечён 1535-м. Дал за это время: в. ц. — 1 и ценных — 4.

Ячейка 1570.

1570 — Каки. Из рабочих. Связан с заводами Кавасаки по авиационным вопросам. Сейчас на Кюсю.

Ячейка целиком новая. Навербована в 1932 году. Поэтому характеристику агента сейчас дать не представляется возможным.

Сектор №5.

Начальник сектора Рон. Секретарь Генконсула. Работает с 1928 г. С момента начала работы развил хорошие темпы в организации сети. Продукция сектора возрастает количественно и качественно. С работой справляется вполне, но пребывание в стране свыше 4-х лет вызывает подозрение у япов.

Основную ценность в секторе представляет ячейка 46-49-45.

1546 — возглавляет агент-ячейку. Связи в военных кругах. Работает у нас с 1928 года. Проявляет большую активность. Даёт ценные материалы как по ВА/Т, так и по П/Э вопросам. За это же время завербовал 49 и 45-го. Работник ценный и верный. Дал согласие работать во время войны. Необходимо иметь в виду, что часть, в штабе которой находится источник, будет переброшена в Харбин.

1549 — работает с X — 1928 года. Служит писарем штаба армии. Задания выполняет аккуратно. Сведения даёт ценные, причём количество их таково, что в период с середины 1930 года до начала 1931 давались указания о необходимости ослабления работы 1546-го. Сейчас большая часть сведений даются 46-м совместно с 49. Источник ценный и верный. Может быть использован во время войны.

1545 — новый источник. Работает в типографии. По отзыву резидента — может быть развит в хороший источник.

1543 — завербован в 1929 году. Переводчик консульства. Продуктивность невысока. За 1930 — 1931 гг. дал 7 сведений ценных, П/Э характера. Источник малонадежный. Связанный с ним 1544 был арестован в 1930 г. Это вызывает подозрения. За 1932 год источник никаких материалов не дал.

Об остальных источниках сектора, как то 1541, 1542, 1548 и ГИЦА сведений у нас нет».

25 августа 1932 г. Тесслеру было направлено письмо, в котором ставились задачи по добыванию информации токийской резидентурой под официальным прикрытием:

«Тов. ТОРЭ.

Япония продолжает вести малую войну /борьбу с партизанством/, подготовку к большой войне с СССР и начала операции в Жэхэ. В военное время непрерывность в добывании разведывательных данных и в срок приобретают первостепенное значение. Однако, за последний квартал материал по ряду важнейших вопросов /мобилизация, реорганизация, оперативно-тактические действия/ поступают нерегулярно и слабо, от случая к случаю. В результате этого мы не имеем нужных данных по ряду важнейших моментов ведения малой войны и подготовки к большой — против СССР. Поэтому выполняя основные требования разведки в условиях военного времени /непрерывность, срочность/ особенное внимание уделять вопросам:

1. Мобилизация:

а/четко разграничивать обычные призывы и демобилизацию мирного времени от мобилизации военного времени /частичные мобилизации, общая с указанием районов, возрастов, призывных категорий — солдаты, унтер-офицеры, офицеры, количество их и т.п./. Перед Вами типичный для настоящего времени опыт мобилизации 14 дивизии.

б/ Особое внимание обратить на развертывание авиации, мотомех. соединений и др. технических родов войск.

в/ Переселение резервистов и корейцев в Маньчжурию: что делается сейчас, перспективы.

г/ Развертывание военной промышленности, перевод гражданской промышленности на военное положение, импорт военного имущества /по импорту непрерывные сведения особенно важны/.

д/ Наладить учёт отправок в Маньчжурию боеприпасов, техники.

е/ Дислокация мобзапасов — складов на территории Кореи, Маньчжурии, их количественные и качественные изменения.

ж/ Сведения о ж. д. строительстве на территории Маньчжурии получаем более или менее удовлетворительно, но нужно внимательно проследить за напряженностью в настоящее время и до войны /Маньчжурия, Корея/.

з/ Политическая подготовка страны к войне. Военные докладчики активно пропагандируют мощь японской армии в боях под Шанхаем и в Маньчжурии. Политические разногласия по вопросу об активности и пассивности внешней политики Японии.

2. Реорганизация армии: осветить ход реорганизации и какое нашла отображение эта реорганизация в частях, действующих в Маньчжурии. Нам нужны сведения о боечисленном составе японских частей в Маньчжурии. Уточните, какие части оставлены в местах прежних стоянок или какие новые формирования произведены на островах взамен ушедших на материк.

3. Достаньте отчеты комиссий, обследовавших части в районах боевых действий, отчеты командиров, доклады, лекции по операции в Шанхае и Маньчжурии. Непрерывно освещайте ход оперативно-тактических действий.

4. Достаньте подробные сведения об обществе молодых офицеров «Какунай Кайдзо ДОСИ РЕММЕ», какие организации и лица принимают участие в обществе «красных свастик», их программа, численность, структура».

Вот как подводился итог работы резидентуры в денежном эквиваленте:

«Содержание Вашей резидентуры с января по июнь включительно нам стоило 31.191 иену. Эти расходы характеризуются следующим образом: источники — 41%, содержание аппарата — 19%, связист, расходы по связи — 14%, орграсходы — 2% и прочие расходы /книги, журналы, телеграммы и т.д./ — 24%. Причем за этот период мы имеем от Ваших источников 155 материалов и документов. Основное звено в работе резидентуры, конечно, — источник и даваемая им продукция. Так вот, № 1601 дал 40 материалов; 46-49 — 26; 1551 — 20; 1600 — 8; 1602 — 5, остальные источники в общем не более трёх каждый.

Мы подвели итоги и тому, что стоит нам каждый источник за этот период. В общем, приходим к выводу, что:

1/ резидентура обходится чрезвычайно дорого, поступление материалов по сравнению с расходами небольшое;

2/ поступающий материал не идёт по линии выполнения задания /% выполнения задания не велик/; отсюда, очевидно, некоторый «самотек» в работе резидентуры и работа по линии наименьшего сопротивления, т.е. не мы руководим и направляем оргработу резидентуры, так как этого требуют поставленные по Японии задачи, а резидентура строит свою работу по возможностям и предложениям источников. Вами слабо использовались те возможности, которые имелись у наших прикомандированных к японской армии. Во всяком случае, мы много нового узнали из докладов и сообщений, которые сделали здесь т.т. Покладок и Козловский, а не от Вас.

3/ Резидентура почти ничего не сделала по созданию сети на военное время.

Отсюда вытекает необходимость: 1/ удешевить работу резидентуры путем улучшения качества работы и материалов.

2/ Заставить резидентуру строить свою сеть по объектам и по важнейшим задачам, стоящим перед резидентурой, а не идти на поводу отдельных источников.

3/ Приступить к созданию сети военного времени. Это в основном пока всё».

Вопрос создания сети военного времени оказался неразрешимым для Тесслера и всех последующих резидентов под официальным прикрытием, включая военного атташе полковника И.В. Гущенко (02.1940 — 06.1942).

Глава 1

1933 год. ШАНХАЙ, МОСКВА, ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

1.1. «Он [«Рамзай»] начал свою деятельность буквально на голом месте, работал в условиях весьма затруднённой связи с Центром и всё же добился определённых результатов, заложив основу нашего нелегального разведывательного аппарата в Китае»

(«Абрам» о «Рамзае»)

12 ноября 1932 года Зорге из Шанхая через Японию уехал домой, в СССР.

Что представляла собой в это время агентурная сеть шанхайской резидентуры? Ответ даёт «Характеристика лучших связей в шанхайской резидентуре», составленная Зорге в январе 1933 года и отражавшая состояние резидентуры на 1 октября 1932-го[1].

Следует напомнить, что у Центра и «Рамзая» понятие «связь» имело расширительное значение. Под связью Зорге понимал источники, от которых поступала информация и которые далеко не всегда являлись агентами, а перспективы, что они станут таковыми, были ничтожно малы. Это были личные связи, которые давали информацию на доверительной основе. К этой категории лиц относились немецкие инструкторы, журналисты и дипломаты, японские военный атташе и консул, китайские политики и военные. В разведывательной сети «Рамзая» были такие, кто ни при каких обстоятельствах не мог стать агентом. К ним в первую очередь относился Чан Кайши, которого Зорге также включал в число своих связей.

Говоря о связях, Зорге относил к ним и среду, в которой вращались интересовавшие его и сотрудников резидентуры люди — носители разведывательных сведений. К такой среде относились немецкая колония и германское генеральное консульство; колония русских эмигрантов; группа японских фашистов и т. д. Это та среда, в которой находились сам Зорге и его агенты, где они черпали информацию. Здесь агенты если и просматривались, то в основном среди белогвардейских кругов, связанных с атаманом Семёновым, и то в прошлом.

Зато они могли быть (и были) во французской и шанхайской китайской полиции, в администрации шанхайского и нанкинского арсеналов, в службе снабжения военного министерства, в гарнизонном штабе, военных академиях в Нанкине и Кантоне, в секретариате шанхайского Гоминьдана, окружении старого милитариста Дуань Цижуя и т. п.

Большинство связей у Зорге проходили под номерами, некоторые имели и номер, и псевдоним. Всего к числу связей шанхайской резидентуры Зорге отнёс 95 номеров (с № 1 по № 902). При этом нумерация была не сквозная. С № 1 по № 46 шла характеристика связей, отнесённых к Шанхаю. Далее нумерация прерывалась и начиналась с номеров 101, 201 и т. д. — до № 901, в зависимости от города или провинции, где связи находились. Например, нумерация связей в Нанкине начиналась с № 101, в Кантоне — с № 801.

Под некоторыми номерами значились несколько человек. В ряде случаев число лиц, относившихся к отдельным номерам, установить уже невозможно. К немецким инструкторам Зорге отнёс шесть офицеров, а в Нанкине под одним номером объединил несколько офицеров Военной академии. Зорге, похоже, не знал досконально всю сеть резидентуры, и его описание связей свидетельствовало об этом. Где-то он подробно расписывал, что за личность стоит за тем или иным номером, а где-то ограничивался одной скупой фразой. Если структурировать список Зорге, получится следующее.

А. Связи из числа китайцев. К сотрудничеству с разведкой они были привлечены китайскими агентами-групповодами, которые и руководили их деятельностью, а в большинстве случаев и сами являлись источниками информации. Более того, агенты-групповоды являлись связями, частью отобранных и включённых в агентурную сеть Рихардом Зорге.

В первую очередь следует выделить «китайских сотрудников резидентуры», которые составили её костяк и должны были выполнять роль агентов-групповодов. Таких было четверо: № 1 («Рудольф»), в № 2 («Ганс»), № 3 («Эрнст»), и № 801 («Марианна»).

«№ 1. Рудольф. Самый старший и проверенный китайский сотрудник, завербованный в Китае. Мы его знаем уже больше 3-х лет. После продолжительного наблюдения был втянут в нашу работу в качестве переводчика, позже в качестве вербовщика и, наконец, в качестве организатора и связи. Мелкобуржуазного происхождения, принадлежит к революционным студенческим кругам Пекина. Активно участвовал в национал-революционном движении, особенно в период Ханькоуского правительства. Принадлежал к коммунистическому кругу. В период последовавшего за этим террора скрылся в качестве учителя в разных школах. Впервые был найден Рамзаем в Кантоне. С Р[амзаем] поехал в Шанхай, где и был привлечён к работе. Ему приблизительно 33 года. Очень решительный и твёрдый характером. Безусловно, надёжный и в денежных делах. Получает от нас только скромное жалование, если нужно, работает день и ночь, говорит по-английски. Очень ценный.

№ 2. Ганс. Работает у нас приблизительно 2 года, происходит из социалистических студенческих кругов, при постоянном руководстве и контроле вполне заслуживает доверия и очень полезен. Но не так силён и умён, как № 1. Не особенно пригоден для самостоятельной работы, ввиду неуверенности и неопытности. Нанкинские провалы сильно затронули его, и нами он был отправлен на Север. Необходимо в дальнейшем его изолировать и держать под контролем, чтобы не смог совершить легкомыслие в теперешней тяжёлой ситуации, так как он ещё очень сильно связан с семейством и существует опасность, что для того, чтобы повидаться с семьёй, может допустить неосторожность. За работу получает жалование. Говорит по-английски.

№ 3. Сяо Пинши [Sio Ping Zeh]. Эрнст. Принадлежит к революционной интеллигенции, раньше был тесно связан с партией, потом был нами изолирован и привлечён к нашей работе, переменив основательно своё местопребывание. Мы его считаем умнейшим и способнейшим нашим сотрудником. От № 1 отличается лишь тем, что физически слабее и поэтому не может с такой выдержкой работать, так тот. Иначе [в остальном] вполне предан и надёжен. Может быть поставлен на самостоятельную работу. Обладает достаточным опытом в нелегальной работе. Ему также около 35 лет, говорит по-английски. Очень ценный человек. Свыше 2-х лет работает у нас. Наше внимание

было обращено на него № 1 и № 801, окончательное привлечение совершено Рамзаем. У него жена и ребенок, которая служит связующим звеном из Гонконга в Кантон к 801. Теоретически и политически хорошо образован. Первоначально работал у нас в качестве переводчика, а впоследствии был направлен в Гонконг, чтобы оттуда руководить и наблюдать за работой в Кантоне. К концу 32-го был вызван в Шанхай для усиления работы и в интересах лучшего разделения труда. Теперь он выполняет шанхайскую работу и связь с Паулем».

Разнобой в части того, кто кого рекомендовал Зорге, говорит лишь о том, что все друг друга знали.

«№ 801. Марианна. Китаянка, принадлежащая к нашим лучшим, испытаннейшим и лояльнейшим сотрудникам в самой резидентуре. Она совершенно наш человек, во время Ханькоуского правительства работала в партии. Совершенно самостоятельно работает в Кантоне и там построила сеть, говорит по-английски и, благодаря её внешности, исключительно подходит для работы в любой стране. Была завербована Рамзаем и принадлежит к старому кругу друзей № 1 и № 3».

На начало октября 1932 года № 1, который по терминологии, введённой позже «Абрамом», являлся помощником резидента (каковым он, по сути, и был), находился в Шанхае. № 801 — в Кантоне. № 3 с мая по сентябрь 1932-го пребывал в Гонконге и организовывал сбор информации о Кантоне и провинции Гуандун с позиции английской колонии, не являясь групповодом. Таковым не был и № 2, который, судя по всему, использовался в качестве связника с Нанкином. Таким образом, из перечисленной четверки к агентам-групповодам можно отнести только № 1 и № 801.

К вышеперечисленным лицам следует добавить агентов-групповодов № 12 (китайский адвокат) и № 14 («Руди») — в Шанхае; № 13 («Шопкипер») — имел на связи агентов в Нанкине, здесь также находились групповоды № 103 — «чертёжник арсенала Нанкина» и № 106 — «шаньдунец»; № 201 и 202, учителя — в Пекине; № 401 — ханькоусский адвокат; № 501 — член провинциального правительства в Хэнани; № 803 — в Кантоне (помимо № 801). Изначально, когда создавалась агентурная сеть, каждый агент-групповод выступал в качестве вербовщика и формировал вокруг себя связи.

Итого, вместе с №1 и №801 12 действующих групповодов, часть которых выступала и в качестве информаторов. Ещё два групповода: один — в Нанкине, второй — в провинции Хунань в «Характеристике» приведены не были. И все китайские связи шанхайской резидентуры замыкались на одного-единственного человека — на «помощника резидента», № 1, который, в свою очередь, был связан с «Рамзаем». В качестве резервной была предусмотрена связь № 1 с «Паулем» (Риммом)[2] и «Джоном» (Стронским)[3]. Но только как резервная и, скорее всего, только на бумаге.

Китайская агентурная сеть была распределена по городам и провинциям следующим образом.

Шанхай. Групповод № 12 («Фу») характеризовался следующим образом: «Китайский адвокат, друг № 3, связан с некоторыми японскими адвокатами, кроме того, связан с разными китайскими оппозиционными группировками. Он может быть активизирован для нас только через № 3». У № 12 находились на связи № 37 — «Шанхайский секретариат Гоминьдана» и № 38 — «Группа японских адвокатов».

Групповод № 13 («Шопкипер»): «Китаец. Техник. Владелец собственного технического магазина. Доставляет военное снаряжение нанкинскому правительству. Связан с управлением снабжения нанкинского военного министерства. Вполне надежный, работает не из-за денег, а как сочувствующий. Он путешествует для доставки материалов из Нанкина. У него связи с Ханькоу, которые собирает[ся] организовать для нас [в будущем]. Раньше был связан с партией. Теперь не связан. Личный друг № 1 и № 3, его жена учится в Москве».

Групповод № 14 («Руди»): «Шурин № 3. 30 лет приблизительно. Очень серьёзный и очень умный человек. Вполне надёжный. Пришёл к нам только после очень длительной и основательной обработки, но потом сразу же принялся за работу для нас в качестве информатора и связиста и вербовщика в собственных кругах, к которым иначе у нас не было бы доступа. Раньше состоял офицером в Фуцзянской армии».

№ 14 руководил деятельностью № 40 — «Группы Чэнь Миншу»; № 41 — «Другая группа шанхайских гоминьдановцев»; № 42 — «Шанхайская китайская полиция, очень ненадёжная» и № 43 — «Секретарь Сунь Фо. Большой невежа, шарлатан».

Из «Характеристики» не следует, были ли у групповода № 14 агенты в вышеперечисленных «группах» и являлся ли секретарь Сунь Фо его агентом. Одно можно сказать: это были «добротные источники информации». Непосредственно на № 1 в Шанхае замыкалось целое переводческое бюро, служившее местом изучения и проверки будущих агентов, и проходившее под № 15: «Два китайских переводчика и 2 молодые китайские девушки для связи нашего более узкого аппарата с переводчиками и нашим более узким аппаратом. Могут быть использованы для связи на Пекин [и Кантон]. Это бюро перевода и пункт связей являются исходными пунктами для вербовки новых сил. По их испытанию, вовлечём их больше в нашу работу. Вот почему растёт состав бюро».

Нанкин. Здесь у групповода № 13 имелись источники информации в Управлении нанкинского арсенала (№ 101) и Управлении снабжения военного министерства (№ 102). На № 13 замыкались люди из № 39 («Управление шанхайского арсенала, теперь распущенное»).

Действовал в Нанкине ещё один групповод, № 103: «Очень надёжный, преданный сотрудник. Получает небольшое месячное жалование. Даёт все, что может приобрести в Арсенале, за последнее время начинает работать и в качестве вербовщика в кругу своих знакомых. Ему не больше 25 лет». На связи у чертёжника из нанкинского арсенала находились № 104, «Пом[ощник] командира 87-й дивизии, новая связь, оценку дать ещё нельзя и, кроме того, неизвестно, сохранился ли», и № 105, «Офицер артиллерийской бригады. Тоже новая связь».

У групповода № 106 — «Шаньдунец». «Очень старый, но в дружбе с номером 1 и 3 и работает за небольшое жалование для нас среди слушателей военной академии. У него уже нет определенного занятия» — были на связи № 107 — «Различные офицеры военной академии».

В Нанкине в агентурной сети Рамзая были обозначены:

№ 108, «Офицер 87-й дивизии. Также новая связь».

№ 110, «Рудольфина», жена «Рудольфа». «Жена сотрудника № 3 (№ 1. — *М. А.*), исключительно ловкая и верная сотрудница. К сожалению, у неё неболь-

шая работа в Министерстве иностранных дел и поэтому только иногда удается напасть на хороший материал. На её квартире в Нанкине есть фотоаппаратура. Приблизительно 24 года, и с нами связана с тех пор, как её муж у нас работает. Уже в Ханькоу состояла сотрудницей. Может дальше развиваться. Немножко говорит по-английски».

№ 111, «Заведующий конторой [канцелярией] в министерстве иностранных дел. Не особенно активно работает для нас, но помогает 110 во многом, и он её устроил на работу. Личным воздействием можно будет добиться усиления его активности». Из «Характеристики» не следует, кто объединял работу вышеперечисленных номеров.

№ 112, «Хан»: «Один из умнейших и лучше информированных нанкинских китайцев. Марксистски образован и принадлежит к крайне левому крылу интеллигенции, хотя его воззрения не открыто коммунистические [если даже не к явно выраженным коммунистам]. Обладает исключительными связями до высших правительственных кругов и связями во всех группировках. Лично очень трудный человек, ибо работает лишь тогда, если питает доверие к человеку и связан с ним по-приятельски. Рамзай занимался с ним больше года, пока получил от него кое-что. Теперь он связан с № 4 (Агнес Смедли. — *М.А.*), к которому привязывает его дружба. Если № 4 уедет, нужно принять меры для личного контакта, ибо он очень ценен. Вполне надёжный и очень ловкий в работе, но почти чрезмерно осторожный.

Пекин. В Пекине находились два групповода — № 201 и 202. № 201 — «Учитель, вместе со своей женой работает для нас, вполне [очень] надёжный, серьёзный человек, систематически строящий свои связи, совершенно лояльно исполняющий наши указания. Раньше он не имел опыта в нелегальной работе, теперь же можно его рассматривать, как вполне осторожного и до некоторой степени опытного человека. Важнейшая связь, открытая им нам — это ведущая к штабу Чжан Сюэляна. Получает денежную помощь, но без особого вознаграждения за приобретённый материал. Рамзай знает его лично, и когда пришёл к нам, он с ним вёл переговоры [переговорил с ним, когда он пришёл к нам работать]».

№ 202: «Также учитель [школьный], старый друг № 3. Ещё малоопытный, но серьёзный, старательный и надёжный».

На руководстве № 201 находились № 203, 204, 205 и 206.

№ 203: «Офицер штаба Чжан Сюэляна, доставляющий нам материал из штаба за деньги. Удерживает дружественные отношения с № 201 и работает для нас за деньги, но и из-за дружбы с № 201».

№ 204: «Помощник [заместитель] командира 7-й пехотной бригады, друг № 201. Так как расположен [размещается] вне Пекина, связь с ним затруднена».

№ 205: «Секретарь штаба Хан Фу-чу [Хань Фуцзюй], работает для нас из-за дружбы с № 201». Хуан Фу в 1924 г. — и. о. премьер-министра Китайской республики; в 1927 г. — мэр Шанхая; в 1928 г. — министр иностранных дел; в 1933—1934 гг. председатель Пекинского политического совета.

На связи у № 202 были № 206, 207 и 208. № 206: «Группа офицеров в Шаньси»; № 207 — «Круги [окружение] старого милитариста и председателя совета министров председателя совета министров Туана [Дуань Цижуя]»; № 208: «Новая связь со штабом Дзян-Су-Ляна [Чжан Сюэляна]».

Маньчжурия. № 301: «Бывший активный офицер в рядах маньчжурских волонтёров [добровольцев], впоследствии перешёл в штаб Чжан Сюэляна,

чтобы там работать для волонтеров. Согласно нашему желанию, он достал для себя поручение штаба отправиться в Маньчжурию для расследования положения волонтёров. Работает из-за дружбы к нам и к № 1. В нашей работе ещё неопытный и непроверенный. Денег не берёт».

Ханькоу. Групповодом в Ханькоу был № 401: «Ханькоусский адвокат, имеет старые связи в Ханькоу, работает для нас за некоторую денежную поддержку, ещё новый в нашей работе и свою сеть связей он ещё слабо организовал. Работает для нас из-за определённой денежной поддержки. В нашей работе ещё новый, и свою связную сеть создал ещё недостаточно».

Ханькоусский адвокат направлял работу № 402: «Его помощник [помощница] в работе адвокатуры, но работает также для нас и является связующим звеном между Шанхаем и Ханькоу»; № 403: «Офицер 89-ой дивизии, расположенной в Ханькоу» и № 404: «Штабной офицер в штабе гарнизона города Ханькоу».

Провинция Хэнань. Здесь групповодом являлся № 501: «Раньше принадлежал к группе Ван Цзинвэя. Был завербован для нас через № 1. Очень способный и толковый человек. Работает только из-за дружбы к нам. Но вполне лояльный и всем нашим желаниям и указаниям подчиняется. Член провинциального правительства Хэнань и один из секретарей Лиу Чи [Лю Цзи] («друг Чан Кайши». Написано от руки работником Центра. — *М.А.*)».

У него на связи имелись № 502: «Из круга друзей № 501 в штабе Лю Цзи»; № 503: «Группа служащих [в] хэнаньском провинциальном правительстве»; № 504: «Местный гоминьдан и несколько людей из группы Ван Цзинвэя, с которыми и сотрудничает № 501».

Лю Цзи, в 1925 г. — начальник штаба 1-й Национальной армии. В 1925—1927 гг. — на военных и административных постах в Северном Китае, в 1927 г. — начальник Управления сухопутных войск Военного совета Уханьского правительства, с декабря 1927 г. — член Военного совета Нанкинского правительства.

Провинция Хунань. В Хунани находилось три агента, которые напрямую замыкались на № 1 (или же Рамзай не обозначил групповода в своей Характеристике): № 601 — «Штабной офицер в 34-й дивизии в Хунане, работает, главным образом, из-за дружбы и из-за небольшого вознаграждения»; № 602 — «Служащий в хунаньском опиумном бюро в Чаньша, у него много связей к хунаньскому провинциальному правительству и достаёт материал оттуда. Особенно связан с 16-й дивизией, получает небольшую месячную оплату. В работе очень ловкий [искусен]»; № 603 — «Брат капитана 19-й хунаньской дивизии. Студент и живёт вместе с братом, от которого он получает материалы от [о] 19-й дивизии, работает из-за симпатии к нам».

Провинция Фуцзянь. № 701: «Полковник штаба 19-й армии. Исключительно способный [порядочный] человек и из-за дружбы связан с нами. Мы завербовали его во время шанхайских боёв. Очень ловкий [умелый] и вполне лояльный по отношению к нам. Связь с Фуцзянь поддерживает его жена в Шанхае, которую мы используем для связи с ним. Он хорошо развит как политически, так и в военном отношении».

Связь с полковником поддерживалась его женой, проживавшей в Шанхае, которая «вполне надёжна в смысле отношений связи между нами и офицером в Фуцзяни». Жена навещала мужа раз в полтора месяца. Каждая поездка оплачивалась в 150 шанхайских долларов.

Кантон. № 801 («Марианна») непосредственно направляла деятельность № 807, 808, 809 и 803. № 807: «Офицер третьей армии». № 808: «Молодой секретарь Чэнь Цзитана, в дружбе с № 801, ещё мало опытный».

Чэнь Цзитан в 1925—1927 гг. — командир 11-й дивизии 4-го корпуса; весной 1927 г. — глава делегации Национального правительства в СССР; в 1928 г. — командир 4-го корпуса НРА; в 1929—1931 гг. — командующий 8-й армией, затем командующий 1-й армейской группой НРА; с начала 30-х годов контролировал провинцию Гуандун (председатель провинциального правительства провинции Гуандун); с 1929 г. — член ЦИК Гоминьдана.

№ 809 — дядя № 801: «Советник Чэнь Цзитана, раньше был полицейским офицером в Кантоне, с большими связями среди кантонских политиков. Очень хитрый и опасный человек, которого мы используем посредством [№ 801], но осторожно, чтобы не подвергнуть опасности [№ 801], но постепенно нужно энергично взяться за его обработку. Деньги могут помочь».

№ 803: «Офицер в штабе Чэнь Цзитана, работает для нас из чисто коммерческих соображений. Очень дорогой, но имеет прекрасные связи ко всем армиям Чэнь Цзитана, а также к отдельным дивизиям». № 803 помимо того, что замыкался на № 801, руководил деятельностью № 804: «Учитель [преподаватель] кантонской военной академия, работает за деньги»; № 805. «Штабной офицер в первой армии в ... (нрзб. — *М.А.*)»; № 806: «Капитан второй армии».

В кантонской сети агентов числился и № 802 — муж № 801, «живёт вместе с семьёй № 3 в Гонконге, служит для связи в Кантон к № 801... Хороший старый товарищ с большим опытом нелегальной работы. К сожалению, очень больной и не вполне работоспособный для нашей работы, говорит по-английски». № 802 был балластом для резидентуры, но его как могли пытались вылечить и поддерживали материально.

Провинция Цзянси. У групповода № 14 в Шанхае было ещё два источника в Цзянси: № 901, «совершенно новая связь 14-го к провинциальному правительству в Наньчане (столица провинции Цзянси. — *М.А.*) в финансовом управлении»; и № 902, «совершенно новая связь с 18-й армией, благодаря личному знакомству 14-го с командующим армии и его штабными офицерами».

Можно говорить лишь о весьма приблизительной цифре китайских агентов-источников, в качестве которых выступали и групповоды, — свыше 30 человек: Шанхай — 3 человека, Нанкин — 8, Кантон — 6, Пекин — 4, Ханькоу, провинции Хэнань и Хунань — по 3; Цзянси — 2, Фуцзянь и Маньчжурия — 1.

Не факт, что среди «ряда офицеров» в Нанкине, в «группе Чэнь Миншу», «другой группе шанхайских гоминьдановцев», «шанхайской китайской полиции», «группы служащих [в] хэнаньском провинциальном правительстве», в «местном Гоминьдане» в провинции Хэнань, среди «несколько людей из группы Ван Цзинвэя» и «группы офицеров в Шаньси» и не было агентов-источников.

Не все китайские агенты-источники были известны «Рамзаю», поэтому они не были детализированы в характеристике.

Таким образом, на № 1 были завязаны свыше 50 агентов, из них более 30 источников. Подобная перегруженность китайского «помощника резидента», которая привела к неслыханной централизации связей, была недопустимой.

Под № 5, «Мария» у «Рамзая» значилась вдова Сунь Ятсена — Сун Цинлин, в переписке проходившая как «Лия». Сун Цинлин встречалась с Зорге,

но поскольку её все знали, поддержание отношений с ней было затруднено. «В общем, хорошо известна. В нашей работе ведёт себя хорошо, сотрудничает вполне лояльно и старается выполнить все просьбы Рамзая. К сожалению, она в сильной степени несамостоятельна и политически совершенно не образована. Ей всегда нужно ставить конкретные задачи с указанием, как ей поступать... Она до сих пор не знает, на кого работает. Она думает, что для Коминтерна или Наркоминдела. Для нас может быть использована и за границей. Правда, здесь тоже (как и в случае с Агнес Смедли. — *М.А.*) играет роль вопрос личного доверия и взаимоотношений с человеком, выполняющим роль связи».

Никаким агентом Сун Цинлин, конечно, не была и не могла быть как в силу высокого положения в обществе, так и в связи с её широкой публичной антиправительственной деятельностью и нескрываемой связью с Коминтерном. Но источником информации, исходившей из высших правительственных и партийных кругов Гоминьдана, она являлась. Среди информаторов Сун Цинлин значились сам Чан Кайши (№ 114), министр юстиции нанкинского правительства Ло Вэньгань (№ 113), Сунь Фо (№ 29), Сун Цзывэнь — Т.В. Сун (№ 30; в 1929—1931, в 1932—1933 — заместитель председателя, и.о. председателя Исполнительного юаня, министр финансов), № 28, «Друг и сотрудник Т.В. Суна. Безусловный антикоммунист, но с большими знаниями, которые можно использовать через его личных друзей и знакомых. О прямой работе для нас говорить не приходится», и целый ряд других членов китайского правительства и Гоминьдана, не нашедших упоминания в характеристике. С вдовой Сунь Ятсена поддерживала отношения и Агнес Смедли.

Зорге привлёк к сотрудничеству с разведкой № 109, китайца, «переводчика немецких инструкторов». Связь была перспективной, но над ней ещё следовало работать: «Он ещё относительно новый. У него ещё не выработалось достаточно доверия к нам. Поэтому сдержан и не систематичен [поставляет при этом нерегулярно и с большими задержками]. Главным образом боится, что может что-нибудь случиться. Требует особой обработки».

Из китайцев на Зорге «напрямую» замыкались уже упоминаемые № 1, 3, 14, 112 и 301, а также № 17 — «Известный сторонник Ван Цзинвэя... Рамзай работал с ним раньше очень тесно, но так как этот человек сильно испорчен [коррумпирован] и получает деньги от Т.В. Суна, Чжан Сюэляна и для всех, даже французов, работает, мы сократили связь с ним. Кроме того, у нас такие же хорошие связи имеются с лагерем "левых"».

В Китае, контролируемом нанкинским правительством лишь номинально, до начала 1934 г. шла внутригоминьдановская борьба и борьба отдельных милитаристов с центральным правительством. Против советских районов регулярно осуществлялись карательные операции. Продолжалась агрессия Японии, которая стояла у границ Северного Китая.

Всё вышесказанное предопределяло изменчивость и быстротечность политической и военной ситуации в Китае. В этой связи столь широкая география развертывания агентурной сети была более чем оправданна. Более того, для выполнения задач, поставленных Центром, этих связей было явно недостаточно.

Понимал ли сам «Рамзай» наличие серьёзных недостатков в организации агентурной сети? «Старые китайские сотрудники Абрама в прошлом (во времена тесного сотрудничества с китайской партией) имели широкие свя-

зи в партии, которые были впоследствии прекращены, но, полагаю, во многих случаях формально, так как китайцы в этом отношении чрезвычайно туго расстаются со своими традициями поддержания тесной связи с друзьями и однокашниками, а в особенности с родственниками, хотя бы и дальними. На эту черту китайских работников жалуются все, и об этом мне говорил ещё Рамзай», — отмечал «Макс» (Овадис-Чернов)[4], который находился в Китае с конца февраля 1932 года «под крышей» представителя ТАСС.

Четкому соблюдению правил конспирации в работе китайских и не только китайских агентов, в шанхайской резидентуре при Зорге и после него не уделялось должного внимания. Тот же № 101 вспоминал в 1935 г., находясь в Москве: «Связи скорей были личные, нежели организационные. Секретной работе не уделялось никакого внимания. Семейная проблема не была разрешена. Так как наши кадры не были из лучших, то вопрос учебы становился тем более важным. И как раз здесь мы совершили большую ошибку. Мы работали и иногда неплохо работали, но нас никогда не учили. К тому же одна практическая проблема: мы были заняты. Технически нам не было разрешено встречать и знать друг друга, но фактически мы встречались и знали друг друга».

И ещё по поводу подбора кадров: «С самого начала подбор кадров не был достаточно тщателен. Но я думаю, этому мы не могли помочь. Мы должны были брать то, что могли, иначе мы ничего бы не имели. Но как раз, имея это в виду, мы должны были считать более важным организацию и технику конспирации, а как раз здесь мы совершили ошибку».

Итак, правила конспирации нарушались, создавались горизонтальные связи, основанные на семейно-клановых, корпоративных отношениях, в разведку приходили многочисленными семьями, где каждый был информирован о делах другого. Это объяснялось спецификой китайского общества 1930-х годов и существовавшими в нём взаимоотношениями. Казалось бы, такая агентурная сеть должна была порваться под напором спецслужб. Но этого не произошло. В том и состоял китайский парадокс, основанный на национально-психологических особенностях народа. Всё перечисленное являлось не только слабостью китайской сети, но и, как это ни странно, её сильной стороной. Агентурная сеть, основу которой составили ещё при Зорге семейные и корпоративные связи, плодотворно работала более четырёх лет, и происходившие время от времени локальные провалы не являлись следствием вышеперечисленных специфических сторон резидентуры.

Как член КПГ и ВКП(б), бывший инструктор Коминтерна, коммунист «Рамзай» строил агентурную сеть с широким использованием идейно близких элементов, а стоявшие перед ним задачи обуславливали массовый характер этой сети. Подбор и руководство агентурой из числа китайцев «Рамзай» осуществлял через китайских помощников резидента — групповодов, владевших английским и близких ему по духу людей. Но привлечению таких людей к сотрудничеству предшествовало в большинстве случаев изучение их при выполнении работы, которую поручал им Рихард, по переводу на английский китайских материалов. Именно в этот период между Зорге и будущими групповодами завязывались доверительные отношения.

В дальнейшем именно групповодам передавалась инициатива в создании и развитии агентурной сети. Окончательное решение чаще всего прини-

мал резидент, но именно групповоды определяли горизонтальный характер сети, строившейся на семейно-клановых и корпоративных отношениях.

Отсутствие ощутимых провалов агентуры, как при Зорге, так и после него, вплоть до 1935 г. (провала «Абрама») объяснялось во многом и тем, что межмилитаристская и внутригоминьдановская борьба продолжались вплоть до начала 1934 г., что всячески затрудняло централизацию и координацию деятельности китайских спецслужб.

Правда, семейно-клановые и корпоративные связи таили в себе ещё одну опасность, с которой столкнулись резиденты уже после Зорге, когда речь зашла об освобождении резидентуры от существовавшего «балласта», когда надо было резать «по живому»: единственным средством существования у многих агентов были те весьма небольшие деньги, которые они получали от разведки. Поэтому в ряде случаев приходилось платить символические деньги людям, утратившим агентурные возможности.

Более того, бывшие агенты, озлобившись за «увольнение», могли попытаться свести счёты со своим руководителем.

Б. Связи из числа иностранцев. Эту категорию источников и агентов целесообразно рассмотреть применительно к связям сотрудников резидентуры: самого Зорге, «Пауля» (Римма) и «Джона» (Стронского). Радист «Зеппель» (Вейнгарт) и жена «Пауля» («Луиза») агентов на связи не имели.

У Зорге имелись источники среди круга лиц, занимавших заметное место и даже высокие посты в немецкой колонии, генконсульстве и т. п., а также разного рода связи. Среди таких лиц особое место занимала «Анна» — Агнес Смедли.

Зорге писал о ней: «№4. Анна: «Очень известная журналистка и писательница. Американка. Публика считает её радикальной и даже коммунисткой. Часто находится под полицейским наблюдением. Она была рекомендована Рамзаю ещё из Берлина. Впоследствии Р. втянул её в работу, она оказалась особенно ценным информатором, также вербовщицей. Она одна из наилучших знатоков политических условий Китая и имеет исключительно много связей по всему миру. Пролетарского происхождения. Во время войны работала в индийском революционном движении и в левой социал-демократии. Ей около 38 лет, сильно нервно больна и тяжёлый человек, хотя вполне надёжна и лояльна; готова с нами работать при всех условиях; всё же ценность её зависит, в значительной мере, от того человека, с которым она связана, без тесного личного отношения, носящего доверительный характер, её использование будет значительно ограничено. При соблюдении всех мер предосторожности (ввиду полицейского наблюдения) может быть использована в нашей работе, пригодна почти во всех странах, за исключением Индии и Японии. Говорит по-немецки и по-английски. Очень ценна». После замечания Центра «Рамзай», как известно, писал о себе в третьем лице.

Вот оценка, данная ей «Паулем» (Риммом), который вместе с «Джоном» (Стронским) возглавил после Зорге резидентуру: «Насчёт Агнес мы писали вам уже много раз. Рихард дал Вам, наверное, исчерпывающие сведения о ней. Суть дела заключается в том, что она много сделала для шанхайской резидентуры. Все основные источники и сотрудники получены через неё. Кроме того, и сейчас она является весьма ценной работницей. После того как ей отказали в сотрудничестве в "Frankfurter Zeitung", её материальное положе-

ние пошатнулось, а вместе с этим расстроилось общее состояние здоровья. Мы давали ей небольшие суммы и предлагаем начать постоянно с нами работать. Она, не отказываясь в работе, не соглашается принимать деньги, утверждая, что если бы она имела какую-либо газету или журнал, в которых она могла сотрудничать, она не нуждалась бы в нашей помощи».

«Макс» (Овадис-Чернов), который продолжал поддерживать с ней связь, писал 25 мая 1935 г.: «Агнес Смедли очень сильно скомпрометирована, рассматривается всеми официальными инстанциями, как агент Москвы /Большого дома/. Имеет широкие связи в радикальных китайских группировках, среди профессоров, писателей, общественных деятелей и т. п. и служит естественным центром притяжения для всех вообще радикальных элементов / иностранцев/, попадающих в Китай и живущих там. В настоящее время поддерживает эти связи частично в связи с полицейскими преследованиями всех радикальных элементов; пишет статьи для американских журналов, готовит издание журнала по поручению Большого дома, но навряд ли будет продолжать это дело, так как слишком сильно замарана. Очень нервный и впечатлительный человек, неуравновешена, с частой сменой настроения, часто болеет, вообще организм и нервная система разрушены. Искренне предана партии, но теоретически слаба. К нашей работе имела очень близкое отношение до 1932 года, тесно была связана с Рамзаем, Джоном, Паулем, подыскивала людей, знала многих китайских источников, но точно указать их имена не могу. В прошлом рассматривала эту работу как непосредственно связанную с работой Большого дома и неотделимую от нее, и была сильно разочарована одно время, когда в работе начала проводиться грань.

Абрама (Бронина) она не знает, да и никого из аппарата. Могла бы быть использована с большой осторожностью для подыскания людей, если останется в Шанхае, что сомнительно».

Агнес Смедли в качестве источников информации имела следующих лиц:

Уже упоминавшийся № 17.

№ 21. «Левонастроенный писатель Линь Ютан. Очень способный и сильно симпатизирующий, связан дружбой с №4. Один из немногих, которых купить нельзя и работает из-за убеждения».

№ 22. «Леон» — «Раньше принадлежал к узкому кругу группы вокруг Ван Цзинвэя. Главный редактор гонконгской газеты Вана [Гонконгер Ванг]. Исключительно умный человек с поразительным знакомством с группировками. Теперь тесно связан с группой Чэнь Миншу, но также с Чэнь Гунбо и Сунь Фо; он не знает, что работает для нас, иначе мог бы стать опасным. Все сведения даёт из-за дружбы к номеру 4, но, думаю, что с течением времени деньги могут кое-что сделать для него, и он может стать оплачиваемым информатором, но к этому нужно подойти очень осторожно и, вероятно, только через номер 4». № 22 информацией с Агнес делился бесплатно.

№ 23. «Уикли»: «Хорошо информированный человек. Агент нанкинского правительства и одновременно как американец в связи с американской разведывательной службой. У него сильные антибританские и антияпонские настроения. Проявляет большой интерес к Советскому Союзу. Он не знает, кому он даёт свою информацию. Он, несомненно, мог бы быть использован для советской пропаганды и за деньги. Прямо для нас работать мог бы, но стоило бы дорого. Важно будет подзаняться с этим человеком, чтобы сделать из него

оплачиваемого информатора. До сих пор мы ещё не пытались этого сделать». Резолюция на полях гласит: «...Связан с Агнесс. Бесплатно. Несомненно, американский разведчик».

№ 24: Американский вице-консул в Шанхае. «Номер 4 связан с ним. Трудно с ним работать и извлечь что-нибудь из него, ибо он преследует по отношению к № 4 те же самые цели, т. е. получить максимальную информацию о революционном движении, выраженный яркий американский империалист».

№ 25 («Снэг»): «Американский журналист. Настроен совершенно лево, но боится за своё место, опасается связываться с нами. При умелой работе можно было бы его завербовать постоянным агентом, но относительно пути и перспективы у нас ещё ясности нет».

№ 26 («Плаут»): «Заведующий немецкой трансокеанской службой. Связан с № 4, а раньше был связан с Рамзаем. У него хорошие связи с немецким посольством, карьерист. Очень хитрый. Так как у него имеются связи в Японии, его не нужно терять из виду. По политическим воззрениям — социал-демократ». «Немецкий шпион», — отреагировал Центр на полях. И здесь же: «Связан с Агнес. Источник, но не агент».

№ 405, американский вице-консул: «Исключительно умный человек, с сильно левыми установками, не знает, что работает для нас. Тесно связан с № 4, которой посылает материал и информацию из-за дружбы. По моему мнению, он должен был бы со стороны № 4 подвергаться вербовочным действиям, но завербовать возможно будет лишь, если дойдет до наших убеждений. За деньги работать не станет». «Говорит по-русски. Был в Маньчжурии», — комментировал сотрудник Центра на полях документа.

Все перечисленные источники информации Агнес Смедли работали бесплатно и, по словам Зорге, при приложении усилий могли стать агентами.

Агнес Смедли поддерживала связь и с представителями ТАСС.

Под № 6 значился немец Войдт, использование которого, в том числе и в качестве агента-источника, только начиналось.

Под № 7 у Зорге значились «Представители Коминтерна» («Друзья»).

Урсула Гамбургер проходила под № 8 и использовалась как резидентурный связник, а её дом — для проведения встреч (не в полном объёме), а также хранения документов. Урсулу использовали и как наводчика. По её наводке Рамзай привлёк к сотрудничеству Войдта и Плаута.

№ 9 («Морис»), Фунакоси, японский сотрудник в шанхайском отделении информационного агентства «Симбун рэнго цусинся» («Рэнго Цусин»). Свою информацию Фунакоси черпал в среде № 31 («группа японских фашистов»); № 32 («японский военный атташе»); № 33 («японское консульство») и № 34 (агентство «Рэнго Цусин»).

«Немецкая община с немецкой торговой палатой» и «немецким Генеральным консульством» получили у Зорге № 18 и 19. «В общем, в качестве источника очень слаб», — давал им невысокую оценку сам Рамзай.

Под № 45 проходил человек, близкий к атаману Семёнову: «№ 45. /Личная связь Рамзая/. (Вписано от руки. — *М.А.*). Барон Жирар де Сукантон, правая рука Семёнова. Теперь совершенно деклассирован и больной».

«Рамзай» поддерживал связь и с № 44 — «Отделение ТАСС. Ровер и Чернов. Чернов («Макс». — *М.А.*) очень ценный для нас».

«Джон» дублировал связь «Рамзая» с № 1 («Рудольф»), № 4 (Агнес Смедли), № 6 (Войдт), № 8 (Урсула Гамбургер) и № 44 (Ровер и Чернов).

«Пауль», как и «Рамзай», поддерживал связь с представителями Коминтерна — «друзьями».

На «Пауля» замыкались: 1. № 10, Доктор (Гольпер), «служит только как хранилище денег. Мы избегаем связи с ним, ибо помогает нам сейчас, постольку поскольку может без особого напряжения заработать деньги». 2. № 11, Фишбейн, «старый эсер со связями во французской полиции и белогвардейских кругах». «Трус и очень медлительный и мало интересующийся», — характеризовал его Рамзай. Фишбейн выступал в качестве групповода № 35 и 36.

Под № 35 проходило двое: «Емельянов [?] и Оссаковский из французской полиции, белогвардейцы, известные ещё по Владивостоку. [№ 11 имеет некоторые, если не сказать твердые связи с обоими]. Оссаковский раньше имел хорошие связи с Рамзаем, Мёлленхофом и Бароном (де Сукантон. — *М.А.*)».

№ 36, «семёновские круги в Шанхае». «Раньше имелись хорошие связи посредством Барона, Власебского и Мёлленхофа».

К агентам-источникам из числа иностранцев следовало отнести № 6 (Войдт), № 9 (Фунакоси), № 11 (Фишбейн) и, возможно, источников № 11. В качестве агента, обеспечивающей агентуры, выступала № 8 (Урсула Гамбургер).

В целом же для функционирования агентурной сети требовалось изрядное число не только групповодов, но и связников, лишь немногие из которых упомянуты в «Характеристике».

Таким образом, через агентуру и доверенных лиц из числа китайцев и иностранцев Рихард Зорге получал достоверную информацию из военно-политических кругов как нанкинского правительства, так и противостоявших ему сил, что позволяло отслеживать динамику развития сложной внутриполитической обстановки в Китае. Информация поступала из окружения членов «центрального» и провинциальных правительств, штабов командующих войсками на юге и севере страны, в том числе из окружения Чан Кайши, Ван Цзинвэя, Чжан Сюэляна, Сунь Фо, Т.В. Суна (Сун Цзывэнь), Чэнь Цзитана, Чэнь Миншу, Чэнь Гунбо, Дуань Цижуя и других.

Согласно поимённому списку германских военных советников в Китае с указанием занимаемых ими должностей, составленным Зорге в 1932 г., к этому времени их было в Нанкине около 60 человек. Тех из них, с кем «Рамзай» поддерживал отношения, и от кого получал информацию, он обозначил под № 115, дав им обобщающий псевдоним «профессора». Среди перечисленных ниже советников не было агентов, при этом одни были хитры, осторожны и опасны, другие — простодушны и болтливы, но «дружбой» можно было «многое извлечь» из каждого.

«№ 115, профессора. Среди инструкторов больше всего годятся как для информации следующие: поручик Блёдхорн, совершенно молодой офицер рейхсвера, числящийся временно в отпуску и всё думающий о том, чтобы вернуться в рейхсвер. Исключительно интеллектуальный и образованный человек. Немного тип авантюриста, единственный, который при помощи усердной обработки мог бы быть привлечён близко к нам. Лично связан с Шлейхером, который его протежирует.

Круммахер, способнейший из них и доверенное лицо генерала Ветцеля, очень молчалив и осторожен, но дружбой можно многое извлечь из него.

Майор Котц. До войны был унтер-офицером, прост и болтлив. Любезностями к его жене можно обвести вокруг пальца. Отдаёт даже для просмот-

ра свои работы по обучению китайских войск. Очень простодушный и очень болтливый.

Штреппель. Способный, но малообразованный старый офицер. Дружбой всё можно узнать у него.

Лётчик Лейманн, дружбой всё можно узнать у него.

Руф, топограф нанкинского правительства. Из дружбы даёт все сведения о топографической съёмке для просмотра и объясняет подробности методов работы. Он очень хитрый и очень опасный человек.

И так ещё многие, у которых дружбой можно извлечь многое. Всё зависит от личных качеств человека, связанного с ними, через них можно связаться также с переводчиками».

«Всё зависит от личных качеств человека» — ключевая фраза, определявшая успех Зорге и в Китае, и в Японии.

Капитан Эрих Блёдхорн, майор Рихард Котц и обер-лейтенант Курт Штреппель состояли при армейской инспекции. Капитан Фридрих Круммахер являлся адъютантом главы группы германских военных советников в Китае генерала от инфантерии Георга Ветцеля. Обер-лейтенант Отфрид Лейманн был приписан к военному министерству, а картограф обер-лейтенант Ганс Руф — к главному генеральному штабу.

«Рамзай» продолжал поддерживать отношения и с бывшими германскими военными советниками. Среди них обер-лейтенант Фридрих Мёлленхоф, капитан Симон Эберхард, летчик Бриль. Все трое отмечены в «Характеристике».

№ 302, «бывший немецкий инструктор Мёлленхоф. Ушёл с нанкинской службы, чтобы связаться с японцами и Семёновым. Связан с Араки, очутился в бедственном состоянии, ибо Араки и Семёнов оставили его в Дайрене ни при чём. По нашему мнению, совершенно деклассирован, но чрезвычайно интеллигентен. Только Рамзай мог бы его использовать, к которому он питал приятельские чувства. Теперь через № 6 (Войдт. — *М.А.*) к нему подойти не целесообразно».

№ 46, «бывший немецкий инструктор капитан Симон Эберхард. Теперь издатель немецкой газеты в Шанхае с хорошими связями с остальными инструкторами. Хороший военный специалист. Ярый немецкий националист, который может быть полезен для информации и для военной экспертизы».

№ 47, «бывший нанкинский лётчик Бриль. Теперь совершенно деклассирован».

Все вышеперечисленные германские военные советники были личной связью «Рамзая», и он поддерживал с ними доверительные отношения: никому другому они не могли быть переданы, хотя делалась попытка использовать для этой цели Войдта.

Зорге руководил резидентурой в течение двух с половиной лет. Работать ему пришлось в сложнейшей внутриполитической обстановке, и всё же он добился значительных результатов. Это вынужден был признать и «Абрам»: «Он начал свою деятельность буквально на голом месте, работал в условиях весьма затруднённой связи с Центром и всё же добился определённых результатов, заложив основу нашего нелегального разведывательного аппарата в Китае. Слабости и недостатки созданного Рамзаем агентурного механизма не могут умалить того, что им было сделано». Об этих результатах и о том, как «Абрам» ими распорядился, речь ещё впереди.

Конкретные задачи ставились резидентуре в шифрованных радиограммах. Зорге отправлял по рации не только информацию, отвечавшую на запросы Центра, но и сведения, которые, по его мнению, необходимо было срочно довести до Разведупра и руководства страны.

Комплекс же задач на перспективу формулировался в письмах, отправлявшихся почтой. Полугодовые задания по информационной работе приходили в резидентуру, как правило, с большим опозданием. Владея ситуацией, можно было сформулировать универсальное, ёмкое задание, не подверженное влиянию времени, не отвлекаясь при этом на частности. В бытность Зорге резидентом такая попытка была предпринята всего один раз, однако задание было возвращено на доработку и до Шанхая так и не дошло.

Почтой Зорге отправлял материалы и доклады, освещавшие поставленные вопросы или же представлявшие интерес для Москвы. Анализ его материалов и шифртелеграмм, позволяет заключить, какие вопросы Зорге освещал в 1932 году[5]:

1. Первоочередное внимание уделялось вооружённым силам. В Центр направлялась информация по военному бюджету; составу НРА по корпусам и дивизиям, до бригады включительно; штатам гвардейских и обычных полевых дивизий, фамилиям комсостава; оснащению частей и соединений оружием и боевой техникой; производству оружия на китайских арсеналах; тактике действий частей и подразделений китайской армии.

Поступала также информация по организации военных академий и школ по подготовке командных кадров; по учебным программам, уставам и наставлениям; политико-моральному состоянию армии; содержанию офицерского и солдатского состава; организации воздушного флота и списочному составу лётчиков; морским силам нанкинского правительства; картографическому материалу по отдельным провинциям Китая и т. д.

Особую ценность представляли отчёты немецких советников об организационных, бытовых вопросах, вопросах тактической подготовки, боевых действий, вооружения и оценки комсостава всех степеней и т. д.

Основная масса направляемых документов носила секретный характер.

Одновременно отражалось состояние вооружённых сил милитаристских клик Янь Сишаня, Фэн Юйсяна, Хань Фуцзюя, Чжан Сюэляна, Чэнь Цзитана, гуансийцев, других милитаристов, которые появлялись и исчезали на внутриполитической арене Китая.

Изредка давалась дислокация дивизий и корпусов НРА (как, например, схема с пояснительной запиской расположения гоминьдановских войск по фронтам) и противостоявших ей частей и соединений милитаристов по провинциям, сообщалось о проводившихся перебросках воинских контингентов. Вскрывались планы противоборствовавших сторон, отслеживался ход боевых действий.

Рассматривались вопросы возникновения и распада военно-политических группировок, которые в разные периоды то заигрывали с нанкинским правительством, то объединялись и выступали против него как с Севера, так и с Юга Китая, давалась оценка роли в этом процессе империалистических государств.

В Центр направлялись также материалы по северному блоку Янь Сишаня, Фэн Юйсяна и Хань Фуцзюя; «гуансийцам»; «гуандунцам» (отношения Чэнь

Цзитана и Ху Ханьмина, причины их борьбы, связь с Англией, возможность блока Чэнь Цзитана и Чан Кайши на основе сохранения за Чэнем Гуандуна и т. д.); по группировке 19-й армии, её роли в организации сопротивления японцам в ходе «шанхайского инцидента», по действиям армии в Фуцзяни.

Отслеживалось состояние блока Дуань Цижуя, У Пэйфу и Сунь Чуаньфана, влияние этого союза на расстановку сил на китайской политической арене, его связь с Японией; рассматривалось противостояние милитаристских клик в провинциях, в том числе в Хэнани и Хубэе.

Освещалась деятельность правителя Северо-Востока Китая Чжан Сюэляна, сообщалось о его дальнейших планах в отношении Японии, связи с США, Англией и политических манёврах по отношению к Нанкину.

2. Немаловажное место в материалах и шифртелеграммах Зорге занимал внутри- и внешнеполитический курс Китая, в том числе позиция нанкинского правительства по восстановлению дипотношений с Советским Союзом. Вскрывались противоречия в центральном правительстве в Нанкине по ряду проблем, отслеживалась деятельность группы Чан Кайши и Сун Цзывэня, её ориентация на США. Без внимания не оставалось и положение в Гоминьдане. Материалы о состоянии экономики и сельского хозяйства в основном строились на общедоступной литературе, в которой подробно освещались вопросы внешней торговли Китая, кризис китайской экономики, предпринимаемые усилия по подъёму промышленности, мероприятия по созданию военной промышленности (оценка производственных мощностей, новых военных арсеналов и реконструированных старых), планы нанкинского правительства по преодолению сельскохозяйственного кризиса и т. д.

3. Объектом внимания резидентуры являлась и политика империалистических держав, освещалась борьба за раздел Китая со стороны Японии, Франции и Англии и позиция Соединённых Штатов Америки в деле объединения страны под эгидой Нанкина и оказания сопротивления агрессии Японии, отслеживалось отражение этой борьбы на состоянии китайских милитаристских группировок и блоков.

Правда, эти проблемы освещались фрагментарно и нерегулярно.

4. Поступала в Центр и информация о состоянии революционного движения в советских и несоветских районах, о борьбе правительственных сил (карательные экспедиции) с частями китайской Красной армии. Эта информация отличалась существенными пробелами, если не брать в расчёт отдельные планы по проведению карательных операций против советских районов, полученных от германских инструкторов.

5. Зорге практически ежедневно (а иногда дважды в день) докладывал о боевом составе и вооружении японских частей и соединений, перебрасываемых в район боевых действий японских войск против китайских частей в Шанхае.

После завершения событий Зорге, опираясь на мнение германских советников и инструкторов, дал оценку тактике японских частей. Был направлен в Центр агентурный материал о воздушных и морских вооружённых силах Японии, составленный «по чжансюэляновским материалам» на китайском языке.

Отслеживал «Рамзай» и агрессивные планы Японии по отношению к Советскому Союзу, хотя такая задача перед шанхайской резидентурой не ставилась.

Следует отметить: освещение столь широкого круга задач в полном объёме было не под силу одной резидентуре, точнее, одному резиденту (даже такому, как Зорге), тем более что резидентура была ограничена в выделяемых на работу средствах. Между тем Центр требовал ежемесячно давать «точную дислокацию армии по провинциям».

В конце августа 1932 года Зорге получил перечень оценок материалов (на 11 листах), поступивших из Шанхая с 27 февраля 1932 года. В подавляющем большинстве речь шла о документальных материалах, однако присутствовали и аналитические, но оценка была дана далеко не всем отправленным в Москву материалам. 65 (из 125) получили оценку как ценные; 48 — «заслуживают внимания»; шесть материалов были признаны малоценными и один — не представлявшим ценности. Два материала о китайской Красной армии получили классификацию «Оценки не нужно» (материал на английском о красном движении в западной части Хубэя, Хунани). Оценка нескольких материалов была упущена. Присутствовали многовариантные оценки: «Карта географическая» — «заслуживает внимания». Здесь же: «Карта ценная»; «Карты высылайте всегда в нескольких экземплярах».

Из анализа оценок можно прийти к следующим выводам:

— подавляющее большинство направляемых в Центр материалов носило военный характер и освещало состояние и организацию различных группировок войск: НРА, союзных нанкинскому правительству и противоборствовавших с ним милитаристских клик;

— большинство материалов было направлено лично «Рамзаем»;

— грань между оценками материалов как «ценные» и «заслуживают внимания», исходя из тематики, была весьма условна.

Среди материалов, получивших оценку «заслуживает внимания», немалое число представляли документы на китайском языке, например, об оружии, производимом нанкинским арсеналом. Качество фотографирования соответствовало предъявляемым требованиям. Претензии предъявлялись к небольшому числу фотокопий документов. Оценки материалов как «малоценные» и «не имеющий ценности» связаны чаще всего не с качеством материала, а с плохим качеством фотографирования.

В Шанхае во всей полноте раскрылись и получили дальнейшее развитие аналитические способности Зорге. Большинство аналитических докладов составлялись им нередко на базе отрывочных сведений и фактов. Острота ума и глубокое проникновение в проблему позволяли адекватно оценивать обстановку и прогнозировать её развитие.

12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами между народным комиссаром иностранных дел СССР и главой китайской делегации на Конференции по разоружению в Женеве о восстановлении дипломатических и консульских отношений между Советским Союзом и Китаем. В рамках восстановления дипломатических и консульских отношений позднее был решён вопрос об открытии посольств и консульств на территории обеих стран, в том числе полпредства СССР в Нанкине и генеральных консульств в Шанхае, Пекине и Тяньцзине.

Это влекло за собой создание резидентур «под прикрытием» полпредства и консульств. Если бюджетом и была предусмотрена специальная статья (что маловероятно, так как переговоры велись долго и без особых результа-

тов), всех расходов она не покрывала. Неизбежным следствием открытия новых резидентур явилось сокращение расходов на содержание уже существующих зарубежных резидентур, в первую очередь в Китае.

Во второй половине января от Римма потребовали резкого — в два раза — сокращения расходов на содержание шанхайской резидентуры. «Ваша смета дополнительно сокращена до 1000 амов. Надеемся, что в эту сумму вы уложитесь. Три тысячи амов по апрель ваш курьер получит на севере. Мельников», — сообщалось в телеграмме от 19 января 1933 года[6]. Такое сокращение могло быть оправдано только тем, что сужался круг задач, стоявших перед шанхайской резидентурой — в связи с появлением новых резидентур.

Римм попытался добиться небольшого увеличения оговоренной суммы. 3 февраля он докладывал: «Бюджет в 1000 амов для нашей работы недостаточен. Наш руководящий и технический аппарат в Шанхае обходится в 720 амов. Поездки на север, если считать через 2 месяца, — 75 амов. Сокращая оклады шанхайским сотрудникам на 10 процентов, наши расходы выражаются в 700 ам. долларах. На всю сеть остается только 300 амов, которых, обыкновенно, хватало лишь на Кантон. По отсеивании наших связей, которое можно провести только к концу февраля, общая сумма на добывание материалов выразится около 800 амов. Убедительно просим оставить нам бюджет в 1.500 амов. Если это невозможно, нам придется закрыть все наши связи в Пекине и Тяньцзине. Срочите ответ. № 56. П.».

В ответ на возражения «Пауля» Давыдов дал указание помощнику начальника 2-го отдела «т. Климову»: «Срочно Ваши соображения по вопросу максимального сжатия сети за счёт отсева мелких и ничего не дающих источников». И соображения последовали: «Консервируйте агентуру на юге полностью, — предписывалось в телеграмме, отправленной из Москвы 13 февраля. — Широко развернутая сеть создаёт большие опасности провалов. Необходимо её жёстко сократить, отобрать только наиболее ценных. Сожмите расходы до рамок вашего нового бюджета. В работе руководствуйтесь основными установками нашего плана и общими задачами, стоящими перед нами в Центральном Китае. Давыдов».

Ограничиться задачами, стоявшими «перед нами в Центральном Китае», значило не понимать внутриполитическую обстановку в Китае. Кантон и провинции Гуандун и Гуанси, поддерживаемые Великобританией, представляли серьезную угрозу нанкинскому правительству. В то же время продолжалась японская агрессия, которая перекинулась с Северо-Восточного на Северный Китай. Оттуда было рукой подать и до Пекина.

Тем временем полным ходом шёл демонтаж созданной «Рамзаем» шанхайской резидентуры. 5 марта из Центра поступило новое указание о сокращении расходов: «4. Подтверждаем необходимость жёсткой экономии, сокращения расходов до пределов сметы. Смета у Вас жёсткая, мы это понимаем, но и аппарат у Вас /агентурный/ чрезвычайно расплывчатый. Подсократиться можно». Правда, в том же оргписьме указывалось, что круг интересов шанхайской резидентуры не может быть ограничен Центральным Китаем: «2. Вы неправильно поняли нашу установку в отношении Севера. На Пекин мы обращаем особое внимание. Мероприятия с … (№ 601, он же № 1 в резидентуре «Рамзая». — *М.А.*) вполне одобряем. В прошлом мы отмечали, что эта сеть

мало даёт, материал малоценный, поступает несвоевременно. На Севере в ближайшем будущем нам придётся создавать особую подрезидентуру. Этот вопрос станет, когда приедет новый товарищ вместо Рамзая».

На Юге же агентура была «полностью законсервирована» — то есть, по сути, распущена.

В марте в Центр за подписью Римма и Стронского было направлено письмо, в котором они докладывали о шагах по сокращению сети: «I. Мы совершенно согласны с вашим мнением о нашем аппарате, он чрезвычайно разбух и даёт нам материал, который „попадает под руку", — писали «Пауль» и «Джон». — Но надо иметь в виду, что все связи новые и не имеют опыта в работе. Наибольшая трудность заключается в том, что мы лично не встречаемся с первоисточниками /за исключением №№ 5,6,8,21,10 (Агнесса Смедли, Войдт, Фунакоши, Чэнь, Доктор — вписано от руки в Центре. — *М.А.*), и поэтому отпадает непосредственное руководство ими. Но несмотря на это в начале года, в январе, мы разделили основные задания на основании вашей инструкции с приблизительным установлением срока выполнения. При встречах с №№ 21, 101, 601 (профессор Чэнь ... — вписано от руки в Центре. — *М. А.*). Незнание собственной агентурной сети Риммом и Стронским приводило к ошибочному утверждению, что «все связи новые и не имеют опыта в работе». Это было далеко не так. Перечисленная в оргписьме агентура была привлечена к сотрудничеству ещё при «Рамзае». Что касается осведомлённости Центра, то она также оставляла желать лучшего. Приведённая Центром расшифровка лишь отчасти соответствует действительности — под № 5 и 21 у «Рамзая» проходили не Агнес Смедли и профессор Чэнь, а вдова Сунь Ятсена и «писатель с левыми настроениями». Агнес Смедли и профессору Чэнь были присвоены соответственно № 4 и 112.

Авторы письма докладывали: «II. Мы уже приступили к отсеву нашей сети. В 100 (Шанхае. — *М.А.*) у нас был разбухший аппарат курьеров и переводчиков. Прежде всего мы ликвидировали 2-х курьеров — китаянок /102, 103/ и одного переводчика /104/. В наших мартовских расходах они ещё будут фигурировать, так как мы должны были им выдать выходное пособие за один месяц. Во-вторых, мы законсервировали наши связи в 500 [Кантон]. 500 ежемесячно поглощал много денег. Сохранение этих связей даёт нам возможность ограничить наши расходы до 1400 кит. долларов ежемесячно. Поэтому мы использовали наши связи на юге для того, чтобы найти заслуживающего доверия работника для экономической и политической информации. Для этой цели через № 5 (№ 4, Агнесс Смедли. — *М.А.*) мы нашли одного профессора /503/. 503 сам занимается экономическими вопросами, имеет также разнообразные связи и возможность их развивать. Он согласен работать с нами и периодически будет посылать нам политические информации, а также экономические и финансовые отчеты». Сокращения были явно не на пользу резидентуре, ведь «курьеры» выполняли функции связников, а переводчица была необходима, ведь Центр сам просил отправлять материалы на английском.

Сокращая и преобразуя агентурную сеть, Римм и Стронский пытались её развивать. 22 июня в письме, адресованном в Центр, они сообщали: «Группа 101 закончила отсеивание своих местных сотрудников, исключив 102, 103 и 104. Вместо этих в качестве переводчика он нашёл профессора ... /113/ прекрасно владеющего английским языком и справляющегося с работой лучше

указанных трёх. К группе 101 придана 501. Если только нам позволят наши бюджетные возможности, мы думаем 501 послать обратно в Кантон восстановить свои старые связи. Это тем более необходимо, что противоречия между нанкинским правительством и юго-западным блоком все более обостряются».

Из новых «внешних» связей 101-го был выделен 205-й, личный друг 101-го, работавший уже несколько лет в Министерстве иностранных дел. «В этом году он получил повышение и доступ к секретным документам. 101 установил с ним связь в конце мая. От него все информационные донесения шанхайской полиции. С ознакомлением с этими материалами просим прислать нам оценку этого источника», — отмечали «Джон» и «Пауль».

«Для разгрузки № 101 и ликвидации некоторых трений», происходивших между ним и агентом под № 107, последний был выделен в самостоятельную группу. В эту группу вошли, помимо № 107, «№ 110, младший брат 107-го, следит за кит[айской] прессой и даёт нам дневные и недельные сводки о Красных, правительственных войсках и политических новостях, он же имеет связь через № 111 к фашистской организации "синеблузники". В предыдущей и настоящей почте вы находите материалы от него».

В «Характеристике» «Рамзая» под № 107 значились «ряд офицеров военной академии, которые поставляют нам книги и учебный материал». Будущий предатель китаец Лу Хайфан (Lu Hai-fang, Loh Hai Pahg; член компартии Китая, в 1927 г. состоял на работе в политическом отделе 11-й армии /корпуса/), которому Римм и Стронский присвоили №107, был известен ближайшим помощникам Зорге — №1, 101 и 501 — и именно он завербовал 701-го, «полковника штаба 19-й армии», который «использовался как военный информатор». № 107 в резидентуре Римма и Стронского получит № 103 в резидентуре Бронина.

Страсть к смене номеров была характерна и для Зорге, который неоднократно менял нумерацию своих агентов. Подобная чехарда ставила в тупик Центр, которому приходилось гадать, что за личность скрывается под тем или иным номером. И догадка далеко не всегда соответствовала действительности. Что скрывалось за манией перемены номеров, своеобразное понимание правил конспирации? Когда это делали Римм, Стронский и Бронин, они, по-видимому, прерывали преемственность с резидентурой Рамзая, представляя её как совершенно новую, появившуюся при них.

22 июня Римм и Стронский писали, что провели «дальнейшую отборку людей и этим путём значительно освободили аппарат от пассивного балласта». «Думаем, что работа севера от этого не пострадает, а, наоборот, даст возможность № 601 лучше разработать имеющиеся у него связи и найти новые, более полезные. В финансовом отношении это сокращение значительной роли не играет, т.к. ставки кит. сотрудников слишком незначительны. Политическая перемена обстановки на севере наших существующих связей не задела. Перед 601-м поставлена теперь задача обеспечить себя новыми связями во вновь создаваемых правительственных и военных органах». Жена № 601, № 602 готовилась «на мастера» — радиста. Предполагалось, что она закончит учебу месяца через полтора. Это предоставляло «возможность открыть на Севере мастерскую местными средствами» и обеспечить «связь с Севером и своевременно использовать их информацию». Организационные перемены выглядели следующим образом: «устранены № 621, 622, 623, 624, 625, 627;

изменены № раньше 631, 629, 626, 628, 630, теперь — 607, 608, 631, 632, 633, 641. Остальные № остаются те же». При этом перечисленные изменённые номера уже менялись.

28 июля Центр наконец обратил внимание на чехарду с номерами агентов. «Нумерация Вашей сети не совпадает с рамзаевской, — констатировалось в телеграмме, адресованной «тов. Паулю». — Следующей почтой пришлите отчёт о сети с подробнейшей характеристикой каждого источника».

О каком сокращении сети могла идти речь, если Центр не имел представления о её состоянии, а «Пауль» и «Джон» за семь месяцев умудрились дважды поменять нумерацию большей части агентов, не удосужившись представить на них характеристики?

Характеристик Римму написать так и не пришлось — в связи с прибытием в Шанхай в начале августа 1933-го долгожданного резидента Я.Г. Бронина («Абрама»), на полгода позже намеченного срока.

Яков Григорьевич Бронин (наст. фам. Лихтенштейн; 1900—1984) родился в Латвии в семье раввина. Как он показал в 1950 году на допросе, «Фамилию БРОНИН я взял себе произвольно, и это было моё желание, в советских органах эта фамилия мною не была узаконена». В 1918 году он экстерном сдал на аттестат зрелости в частной гимназии в Кременчуге, высшее образование получил в Институте красной профессуры в Москве, владел немецким и латышским. В партии с 1920-го, в РККА — с 1922-го. Политработник на Туркестанском фронте, редактор изданий РККА: «Военный вестник», «Спутник политработника», «Военный корреспондент». Начальник бюро печати ПУР РККА. Его учебник «Политграмота комсомольца» (1926—1927) выдержал пять изданий. С октября 1930-го по февраль 1933 года — на нелегальной разведывательной работе в Германии в качестве помощника резидента.

В Латвии проживала мать Бронина, в Италии — его младшая сестра. С первой женой, Татьяной Мартыновной Дзерва, Бронин разошёлся в том же 1933 году и позднее узнал, что она была арестована по неизвестным ему причинам.

Ещё 4 октября 1932 г., за неделю до принятия решения об отзыве Зорге, ему сообщили, что замена «приедет через месяц—полтора». Бронин уехал из Берлина только в конце февраля 1933-го после прибытия замены. По плану, он должен был встретиться с Зорге в Москве, чтобы по всем правилам принять от него дела. Но когда Бронин приехал в Москву, Зорге там уже не было. Нормальная передача дел шанхайской резидентуры не состоялась, и многое из того, что мог бы Бронину сообщить Зорге, до него, по всей вероятности, так и не дошло.

После двухнедельного инструктажа, в ходе которого Бронину навряд ли удалось ознакомиться со всеми материалами, он выехал в Вену, где должен был получить паспорт. Однако непредвиденное развитие событий, связанное с просчётами в «выводе» Бронина в Китай, на долгие месяцы задержало его прибытие в Шанхай и, более того, чуть вообще не сорвало приезд. Было решено, что в Шанхай Бронин отправится через Италию, предварительно остановившись в Берлине, чтобы осуществить мероприятия, связанные с предстоящей легализацией. В Шанхай он должен был прибыть в конце мая — начале июня, конечно, при условии, что всё пойдёт нормально.

Из Москвы Бронин выехал по шведскому паспорту[7]. В Вене он поменял его на другой, тоже шведский, но без всяких следов пребывания в Совет-

ском Союзе. В течение двух недель благодаря венской резидентуре ему был оформлен «с иголочки новый» подлинный австрийский паспорт, по которому он должен был выехать в Китай. Бронин своей рукой написал заявление в венскую полицию с указанием имени, фамилии, даты и места рождения и венского адреса. Невымышленными были лишь сообщённые им личные приметы, в которых, правда, был перепутан цвет глаз. К заявлению кроме фотокарточки был приложен так называемый «Heimatschein» (удостоверение о месторождении, служившее свидетельством о гражданстве). В первый раз в своей агентурной деятельности Бронин, по его словам, обладал таким замечательным документом. Но, как показал дальнейший ход событий, его радость была непродолжительной. Когда Бронин предъявил его австрийскому полицейскому чиновнику при приближении к немецко-австрийской границе, тот заявил:

«Этот паспорт я оставлю у себя, — и, заметив китайскую визу, поинтересовался: — Вы, конечно, через Россию поедете?»

Бронин показал свой билет Триест — Шанхай. Но чиновник заметил, что направление всегда можно изменить. Он обратил внимание, что в билете значилось «Dr. Kremer», но ни в «Heimatschein», ни в паспорте слова «доктор» не оказалось. Обратил внимание чиновник и на то, что в паспорте глаза характеризовались как «blau», в то время как глаза у «Dr. Kremer» были, увы, не голубые. О чём думали сотрудники венской резидентуры, обеспечивавшие оформление легализационных документов, и куда смотрел Бронин, когда получал их?..

В довершение ко всему при обыске чиновник обнаружил на дне портфеля клочок бумаги с русскими буквами.

Когда Бронин в оправдание указал, что родом из Львова и поэтому немного знает польский и русский, чиновник заметил: «Ну, русский-то вы лучше знаете, чем польский». Однако разбирать текст на бумажке почему-то не стал.

Главной ошибкой Бронина было решение ехать по Австрии с австрийским паспортом, в то время как немецкий язык, по его словам, был у него явно не австрийским, ни в смысле фонетики, ни в употреблении отдельных слов. А произношение не соответствовало диалектам, на которых говорили в Германии.

Австрийский чиновник отобрал у Бронина паспорт и, видимо, передал паспорт немцам, а те известили Берлин, чтобы владельца паспорта встретили по прибытии поезда. Проводник бодрствовал всю ночь, а выключать свет в купе было запрещено. Было очевидно, что в Берлине нацистские полицейские сразу займутся выяснением его личности и легко установят, что доктор Кремер по указанному адресу никогда не проживал. Как отмечал Бронин, по меткам портных и магазинов на его костюмах можно было в итоге выяснить и фамилию, под которой он два с половиной года проживал в Берлине. Особый интерес у гитлеровских властей должно было вызвать подозрение австрийского чиновника в том, что он имеет отношение к русским. Столько промахов одновременно!

Окно в купе не открывалось, значит, уйти можно было только на остановке, из них единственная — в большом городе, Лейпциге, остальные — в небольших населённых пунктах. От мысли незаметно сойти на маленькой станции Бронин сразу отказался. Во-первых, пассажиры редко выходят на таких

остановках, и попытка сойти с поезда сразу вызовет подозрение проводника. Во-вторых, если бы ему это и удалось, в небольшом населённом пункте было бы легко напасть на его след.

Оставался только Лейпциг. Поезд прибыл на эту станцию около шести утра. Бронин открыл дверь купе и увидел в коридоре проводника. Бронин был без пальто, на голове не шляпа, а кепка: все говорило о том, что он собирался выйти на несколько минут. Бронин объяснил, что собирается купить газету. Проводник посмотрел на него и перевел взгляд на остававшийся в купе багаж — пять добротных кожаных чемоданов, решив, что без багажа пассажир далеко не уйдёт. Бронин понимал, что за ним следили из окна вагона, и любое поспешное движение могло навлечь подозрения. Но медлительность стоила ему невероятных усилий. Как только он оказался в помещении вокзала среди спешившей на поезда толпы, Бронин быстро направился к выходу, на привокзальной площади сел в первый подошедший трамвай и ехал до тех пор, пока кондуктор не предупредил, что следующая остановка конечная. Было семь утра, до открытия магазинов оставалось два часа. Бронин побродил по городу, потом купил шляпу и пальто и договорился с водителем такси, чтобы тот отвёз его в Берлин, объяснив такую спешку телеграммой о серьёзной болезни матери и тем, что он не мог ждать подходящего поезда. Около часа дня Бронин оказался в Берлине.

Теперь всё зависело от того, состоится ли его встреча с берлинским нелегальным резидентом «Оскаром» — Оскаром Стиггой[8], назначенная в тот же день, 3 апреля 1933 г., в 18.00 в одном из берлинских кафе. Если бы встреча не состоялась, Бронину пришлось бы больше суток болтаться по городу без документов, дожидаясь следующей возможной встречи на другой день. К счастью, «Оскар» явился в назначенное время, и Бронин спрятался на конспиративной квартире, где безвылазно пробыл около двух месяцев.

Из-за сильного потрясения от происшествия в поезде Бронин начал опасаться, что не сможет продолжать работу за рубежом. 4 апреля он передал в Центр через Стиггу сообщение, полное «упаднических настроений»: «Всё это чрезвычайно удручает. Очень хотелось потрудиться на новом месте, но не получилось. Если на ближайшее время работа за кордоном для меня исключена, то всё же в дальнейшем, надеюсь, работать ещё можно будет». Но уже через неделю он сообщил в Центр: «Я имел достаточно времени, чтобы в полном спокойствии обдумать дальнейшие перспективы. Мне кажется, что через некоторое время я всё же смогу поехать по намеченному направлению. За месяц я настолько изменю свою внешность, что с новым сапогом можно было двинуться в путь. Как мне не раз приходилось убеждаться, лишь замена пенсне очками и изменение причёски настолько меняли выражение моего лица, что люди, хорошо знакомые, не сразу меня узнавали. Если ктому же брови сделать более тонкими и отрастить усы (что я уже начал делать), то я с приличным сапогом смог бы проехатьдаже в том случае, если моя карточка будет находиться на всех пограничных пунктах. Для большей безопасности можно избрать другое направление — через Сибирь или Америку».

Центр не сразу принял предложение Бронина. 23 апреля в Шанхай была отправлена телеграмма, извещавшая, что вопрос с приездом к ним «Абрама» временно остаётся открытым и, «возможно, на длительный срок». Даже 16 июня в Шанхай передали: «Абрам пока в Берлине, и выезд его задерживается на неопределённое время».

Конспиративную квартиру Бронин оставил в конце мая и поселился в пансионате, перейдя на свою «добрую старую липу»(паспорт на фамилию Розенфельда), по которой в своё время благополучно прожил в Берлине два с половиной года.

12 июля Бронин с новым паспортом на имя Максима Риваш, отплыл в Шанхай из итальянского порта Бриндизи.

В Шанхай Бронин прибыл 5 августа 1933 года, на полгода позже первоначально намеченного срока.

Работать Бронину пришлось в качественно иных условиях: с восстановлением советско-китайских дипломатических отношений в середине 1933 года и открытием полпредства в Нанкине и генеральных консульств, в том числе в Шанхае, у Центра создавалось обманчивое представление, что оперативная обстановка изменилась в благоприятную для ведения разведки сторону. В оргписьме от 16 августа 1933 года, адресованном «дорогому Абраму», Центр ставил перед ним следующие задачи:

«1. Подтверждаем получение Вашей почты за № 7 и 8…

2. Вам нужно в возможно короткий срок войти в курс дела и освободить Пауля, который будет переброшен в Тяньцзин с непосредственным подчинением Центру. Свой переезд Паулю необходимо серьёзно обмозговать и доставить нам свои соображения. Нам кажется, что Паулю надо подчинить группу № 601 и к моменту развертывания работы иметь китайского радиста для связи с Висбаденом (Владивостоком. — *М.А.*). Джон останется у Вас. Такая реорганизация обеспечит нам своевременное освещение одного из важнейших направлений Севера и даст Вам возможность развить работу в Вашем районе с переносом центра тяжести работы на остров (Японию. — *М.А.*)и облегчит Вашу смету, которая после выделения Пауля составит по-прежнему 1000 золотых ам. долларов.

3. Аппарат резидентуры нужно постепенно заменить китайскими работниками. В первую очередь это касается радистов и Ваших помощников. Присмотритесь к своим работникам и наиболее надежных выделите для обучения дома. Это дело весьма серьёзное и требующее срочного разрешения. Вопрос о каждом кандидате будем решать по телеграфу. Параллельно с этим, нужно думать и о надёжных работниках для острова.

4. Наличие в Вашем непосредственном соседстве Эдуарда и Шена снимает с Вас заботу о почтовой связи с нами, освобождает Вас от громоздкой почты /покупка официальных изданий возложена на Эдуарда/ и обеспечивает Вам полное содействие во всей вашей работе со стороны этих товарищей. **Установите с ними тесный контакт** (выделено мной. — *М.А.*), но не в ущерб конспирации.

5. Посылаем оценки на 32 поступивших от Вас материала. Из них: ценных — 5, ср[едней] ценности — 24 и малоценных — 3».

Следует оговориться, что это были оценки на почту, отправленную ранее Паулем и Джоном. Как об окончательном сообщалось о решении перебросить «Пауля» в Тяньцинь с рекомендацией подчинить ему группу № 601 и придать китайского радиста, на которого училась жена 601-го.

«Эдуард»[9] — псевдоним руководителя резидентуры IV Управления под прикрытием военного атташе при полпредстве СССР в Нанкине Эдуарда Давидовича Лепина, а «Шен», судя по всему, — псевдоним военного разведчи-

ка, находившегося в Нанкине под крышей сотрудника советского полпредства. Установка на «тесный контакт» с ними шла вразрез с ранее принятым Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1927 года и решениями о переводе разведки на нелегальные позиции. Правда, и «Рамзай» передавал почту курьерами (и получал её) в Генеральное консульство СССР в Харбине, что, по сути, являлось тем же самым. При наличии советского консульства в Шанхае существенно упрощались вопросы организации связи шанхайской резидентуры с Центром. Она становилась более оперативной, незатратной — но отнюдь не конспиративной и надёжной.

Создание отдельной резидентуры в Тяньцзине Центру представлялось возможным с передачей Римму группы № 601. С наличием радиста (его жены).

Получив благословление Центра, Бронин прибыл из Москвы с твёрдым намерением резко сократить агентурную сеть.

«Когда мы с Паулем и Джоном стали разбирать каждого агента, то оказалось, что они не всегда точно знали, какая конкретно фигура кроется за тем или иным номером, не всегда могли сказать, какие агентурные материалы поступали от такого-то человека, была ли его информация устной или документальной. Некоторые числились в сети лишь потому, что "дали согласие работать". Но были и ценные агенты, — писал в своих воспоминаниях «Абрам». — Надо сказать, что сама дислокация сети далеко не во всём соответствовала задачам, поставленным к тому времени Центром. Основная задача резидентуры состояла в раскрытии антисоветских военных планов японского империализма; активность английских и американских империалистов и гоминьдановцев мы должны были освещать в сочетании с этой главенствующей проблемой. Другим весьма существенным направлением нашей информационно-разведывательной работы было освещение борьбы Чан Кайши с китайской Красной армией. В этом свете такие районы, как Кантон или провинция Хэнань, не представляли большого интереса».

Следует заметить, что ни к приезду Бронина, ни тем более до него перед резидентурой не ставилась задача раскрытия «антисоветских военных планов японского империализма», такая задача была поставлена позднее. Поспешность, с которой Бронин начал расправляться с агентурной сетью, не может не удивлять, тем более, что, как мы помним, в Москве на подробное ознакомление с агентурой у него не было времени.

Сокращение сети, особенно столь существенное, как в Шанхае, представляло собой чрезвычайно ответственную операцию, при проведении которой следовало учитывать следующее:

— сохранить все то, что представляло реальную ценность;

— очистить нелегальный аппарат от балласта;

— осмотрительно поступать в отношении агентов, которые в случае отчисления были в состоянии нанести вред резидентуре.

Вот что писал об этом «Пауль» в 1936 году: «Нужно оговориться, что жёсткое и механическое сокращение группы 601 поставило последнего в весьма тяжёлое положение, потому что три кит[айских] товарища остались буквально на улице без куска хлеба и 7—8 парней в волонтёрских частях и частях северо-восточных армий пропали, не будучи использованными до конца. Для дальнейшей работы 601 стали опасными два его ближайших помощника, ко-

торых он отшил и которые не могли некоторое время найти службы. Обстановка работы для 601 со стороны отшитых работников стала настолько угрожающей, что его пришлось изолировать и в июле прошлого года выслать в Центр. С отъездом из Тяньцзиня 601 атмосфера значительно разрядилась, и работа пошла спокойнее».

27 августа 1933 года Бронин докладывал Берзину: «Дорогой Старик. Целиком уже принял "бразды правления". Изложу мои первые наблюдения и выводы.

а) Пришлось первым делом заняться финансами. Благодаря систематическому значительному перерасходу в течение всего текущего года касса оказалась в далеко не блестящем положении. Съеден весь фонд, накопленный в прошлом году в результате не дорасходования сметных денег, мы без всякого маневренного фонда и с очень большими трудностями наскребли достаточно денег, чтобы продержаться сентябрь месяц до получения новых сметных денег...

б) Я принял ряд "революционных" решений в целях «санирования» наших финансов. Перманентный перерасход отнюдь не являлся неотвратимым законом природы, а исключительно результатом того, что деньги на источников расходовались довольно таки легко и довольно таки бестолково. Для китайца мексиканский доллар значит раза в три-четыре больше, чем для немца марка; между тем здесь доллары раздавались в три-четыре раза легче, чем я в Берлине привык тратить наши марки. Вокруг и около нашего аппарата кормилась группка самых доподлинных нахлебателей с их семьями, не говоря уже о том, что ¾ источников (большей частью в кавычках) были нам совершенно бесполезны как по персональной немощи, так и в силу подлинных задач нашей работы. Для примера приведу "ханькоусскую группу" из 6 человек, стоившую нам с расходами на поездки не меньше 300 мексиканских долларов в месяц, по Северу с 900 до 300 и т. п. Сентябрьско — августовские расходы уже нельзя было менять и урезать, мы будем строго-настрого придерживаться сметы, которая достаточна по настоящему уровню нашей работы. (Напротив этого отчёркнутого абзаца комментарий Давыдова: Правильно. — *М.А.*)

...Всё, что было ценное и здоровое, мы сохранили, а сосредоточение средств и внимания на меньшем количестве объектов даст возможность полностью использовать возможности действительно ценных людей и повысить уровень работы. Надеюсь, что Вы в этом убедитесь по последующим почтам.

Из китайцев, относящихся к аппарату, мы оставили следующих: 1) ... (Шанхай) (101). 2) ... (Шанхай) (501). 3) ... (Север) (601). 4) Жена Чжана (приспосабливается для радиостанции Пауля) (602)...Прекрасные, надёжные работники, наиболее крупным, наиболее серьезным из них является ... (№ 601. — *М.А.*). **Эта тройка — одно из главных достижений нашей работы здесь** (выделено мной. — *М.А.*). (№№ 101, 501 и 601 были присвоены «Абрамом» агентам «Рамзая», имевшим №№ 3, 801 и 1, соответственно. — М.А.).

Отставили мы: 1) Лу с братом (107, в последующем будет проходить в резидентуре «Абрама» под № 103. — *М.А.*). ... (105) (№ 14 у «Рамзая». — *М.А.*). 2) ... (603). Первые два в Шанхае, третий — на Севере. С первыми двумя, видимо, удастся расстаться по-хорошему. В течение трёх месяцев, до подыскания ими работы, они будут получать от нас небольшую денежную субсидию. Лу мы, впрочем, в дальнейшем, возможно, используем для отдельных зада-

ний, из этой тройки он наиболее ценный». «Из всей великой и обильной сети китайских источников, — докладывал далее Бронин, — мы оставили только следующих:

1) 205 — Нанкин, министерство иностранных дел, департамент разведки.

2) 206 — Нанкин, военное министерство, департамент арсеналов.

3) 608 — Север, секретарь брата Чжан Сюэляна.

Это наша основная тройка источников, на которой сосредотачиваем всё наше внимание и от которой ждём ещё многого.

4) 504 — единственный кантонский источник, который нам за 40 мекс. долларов в месяц будет присылать ежемесячные подробные доклады о положении в Кантоне. Этой почтой идёт его доклад, на мой взгляд неплохой.

5) 122 — 19-я армия.

6) 301 — Ханькоу, с ним хотим урегулировать дела в отношении Ханькоу, как с 504 в отношении Кантона. Но дело ещё не выяснено.

Наполовину к аппарату, наполовину к источникам надо отнести:

7) 108 — так называемого «шопмена», ценного человека, через которого держим связь с 206.

Как видите, сеть осталась маленькая, но она реальная и эффективная. Следующей почтой пришлём подробную характеристику сети в нынешнем её виде»[10].

«Абрам» в очередной раз поменял нумерацию, присвоив № 701 номер 122. В дальнейшем в отношении этого источника Бронин вернулся к старой нумерации. При работе под его руководством произошло развитие возможностей некоторых агентов-источников, что позволило по-новому посмотреть на их деятельность.

205-й работал в Министерстве иностранных дел в Нанкине, имел доступ к некоторым секретным материалам. Регулярно давал копии телеграмм, посылаемых в МИД китайскими послами за границей. Кроме того, от 205-го поступали сводки штаба шанхайского гарнизона. «К сожалению, эти безусловно нужные материалы поступали нередко с изрядным опозданием, что снижало их ценность. Политически надёжный человек, 205-й в то же время не любил рисковать и свои возможности до конца не использовал. По определению Центра — "ценный агент, при желании может дать многое". Был завербован в конце 1932 года китайским помощником резидента 101-м, начал активно работать с весны 1933 года. С 1927 года состоял членом китайской коммунистической партии, но потерял с ней связь в 1930 году». К этому следует добавить, что от него поступали секретные донесения шанхайской полиции.

206-й работал в Нанкине в бюро арсеналов военного министерства. Добываемые им ежемесячные доклады министерства рассматривались Центром как «очень ценные». Указывалось, что в них «довольно полно освещалась армия Чан Кайши», что благодаря этим докладам «5-му отделу представляется возможность слушать все радиостанции Чан Кайши, как на фронте, так и в тылу». «Чтобы заставить его работать требовался постоянный нажим. В частности, когда чанкайшисты имели военно-политические успехи, агент ослаблял работу, и его приходилось „подбадривать"».

504-й («Чудак»), профессор-экономист с большими связями, был единственным агентом, которого «Абрам» решил держать в Кантоне. «За небольшое

вознаграждение он ежемесячно посылал нам подробные политико-экономические доклады о положении в Кантоне».

С № 105 вопрос решился просто: он устроился на работу в кино, и в течение трёх месяцев ему выплачивалось небольшое жалованье.

Наибольшие опасения у «Абрама» вызывал № 603 (№ 2 у «Рамзая»). В августе 1933-го он сообщал: «Лю, по всем данным, парень паршивый, а знает много. Была с ним недавно история, когда материал, данный ему для перевода, он сбыл за деньги в китайскую газету. Мы пока сократили ему жалованье с 110 до 55 долларов в месяц и предложили искать работу. Если в Вашей стороны не будет возражений, а ... (№ 603. — *М.А.*) удастся уговорить, то лучше всего было бы послать его в деревню (в Москву. — *М.А.*). Это было бы радикальным решением вопроса, который нас беспокоил». Но осуществить это оказалось невозможным. Римм впоследствии использовал 603-го в своей резидентуре.

О 103-м (который впоследствии был назван предателем) Бронин в письме сообщал, что с ним, как и с 105-м, видимо, удастся расстаться по-хорошему и что в течение трёх месяцев, до подыскания им работы, 103-й тоже будет получать от резидентуры небольшую ежемесячную субсидию. Но далее говорилось: «Впрочем, в дальнейшем мы его, возможно, используем для отдельных заданий». «К такому решению мы пришли, конечно, вместе с Паулем и Джоном, которые знали 103-го давно», — подчеркнул коллегиальность решения «Абрам».

Он забыл включить в агентурную сеть «Коммерсанта» — Войдта и № 112, которому впоследствии присвоил псевдоним «Учитель» (№ 21), и о которых он упоминает в дальнейшем.

Реакция Центра на августовское письмо Абрама была положительная:

«...3. Ваши первые организационные шаги вполне соответствуют нашим установкам, данным Вам лично здесь и посланным дополнительно. Вы правильно поняли свои задачи и правильно начали проводить их в жизнь».

1.2. «Вопрос о посылке туда [в Японию] людей в настоящее время имеет для нас большое значение, и поэтому этим нужно заняться серьёзно»

(*из оргписьма Центра в Париж от 21. 1. 1932 г.*)

В начале 1932 года Центр вновь вернулся к вопросу о создании нелегальной резидентуры в Японии. В организационном письме, адресованном в резидентуру под официальным прикрытием учреждения СССР в Париже, была сформулирована следующая просьба-указание:

«Петэну

...5. Просим поинтересоваться, не можете ли Вы при помощи Ваших связей найти среди журналистов, инженеров или коммерсантов — лиц, которые подошли бы для нашей работы и могли бы крепко осесть в Японии. **Вопрос о посылке туда людей в настоящее время имеет для нас большое значение и поэтому этим нужно заняться серьёзно** (выделено мной. —*М.А.*). Поговорите с 658-м, может быть, он сумел бы устроиться в Японии и там работать по нашим указаниям...

21.1-32 г. Мальта».

«658 (Мертенс. — *М.А.*), — пишет парижский нелегальный резидент «Мария» в отчётном докладе о работе резидентуры по данным на 1 апреля 1931 года, — наш старый источник, работает с нами приблизительно 4—5 лет, тип международного шпика, в своей работе прикрывающегося фразами о пацифизме и борьбе с немецким милитаризмом. Является одним из подручных подобного же пацифиста проф. Ферстера. Связан со II-м отделом французов и поляков (разведка генеральных штабов Франции и Польши. — М.А.). Кроме того, имеет известные связи с французскими промышленными кругами, финансирующими антинемецкую пропаганду. До июля 1930 г. жил в Женеве и крутился в кругах Лиги Наций. После переехал в Париж, где надеется постепенно эмансипироваться от Ферстера и организовать свою работу независимо от него. После переезда в Париж его материалы значительно улучшились и большинство их оцениваются, как ценные. Даёт различную политическую информацию, главным образом, о франко-немецких отношениях. Иногда даёт документальные данные II отдела, касающиеся Германии. За последнее время за ним была слежка. Объяснял он это тем, что французы периодически следят за своими агентами, чтобы проверить, с кем они встречаются. В связи с этим пришлось его связать для еженедельных встреч с Д., оставив руководство за Люси /встречи примерно раз в месяц/. Подозрений в нечестности в работе с нами не вызывает, это тип международного шпика, старающегося честно работать для всех, кто ему платит. Жаден на деньги и всегда стремится получить лишнее. Получает 2500 фр. в месяц. Политических убеждений нет. Ориентируется на ту сторону, которая более выгодна. Любит вести весёлый образ жизни, бабник, возраст 28—30 лет. Имеет жену, которая работает с ним, в качестве его личной секретарши. Жена, как и он, немка, приблизительно 38—40 лет, серьёзный человек, в курсе его работы».

Связь с № 658 была установлена парижской резидентурой в июне 1928 года. С 1926 года № 658 проживал в Женеве и издавал антигерманский сборник «Дейче милитер кореспонденц» («Немецкая военная корреспонденция»), в котором помещались статьи и документы о германских вооружениях. В этом сборнике сотрудничали не только немецкие пацифисты, но и пацифисты Франции и Англии. 658-й давал военно-политическую информацию (небольшие донесения о внешней политике крупных держав, а иногда и большие доклады по узловым международным проблемам, в особенности по франко-немецким отношениям). Вся эта пацифистская антигерманская пропаганда финансировалась главным образом французским правительством — по каналам Министерства иностранных дел и французской разведки. «Никогда 658-й не был платным агентом французской и тем более польской разведок в нашем понимании. — Считал А.Л. Шипов[11] («Герман»), работавший с № 658 в 1932 г. во время конференции по разоружению в Женеве. — Дело в том, что пацифисты, в том числе и шеф 658-го профессор Ферстер, использовались французской разведкой для борьбы с германским милитаризмом через печать, публикуя их материалы о скрытых вооружениях Германии, но это отнюдь не означает, что все они являлись простыми агентами разведок». 658-й не скрывал, что использовал материалы французской разведки. 17 октября 1932 г. он погиб при автомобильной катастрофе по дороге из Женевы в Париж.

Спустя неделю после первого письма Центр напоминает о серьёзности своей просьбы о подборе кандидатур по направлению в Японию:

«Петэну

...4. **В прошлом письме мы Вас серьёзно просили заняться подысканием людей для Японии** (выделено мной. — *М.А.*). Сообщаем ещё раз, что вопрос чрезвычайной для нас важности и мы надеемся, что при своих способностях Вам удастся в ближайшее же время добиться положительных результатов и найти одного-двух подходящих людей, не исключая и 658-го, о котором мы Вам писали...

27.1.32 г. Мальта».

Через месяц Центр доводит до сведения Парижа о принятом им решении по поводу кандидатуры для направления в Японию и ставит задачу. Только на сей раз её ставит «Марэ» и адресуется к «Патри»:

«5. **Жиголо мы решили использовать на Жёлтых Островах** (выделено мной. — *М.А.*). В целях легализации этой поездки предложите ему поступить на курсы гимнастики в Дании. Поскольку жена является датчанкой, предложите ему попробовать перейти в датское гражданство. Далее он должен возобновить своё знакомство с японцем, о котором рассказывали. Просим сообщить, сколько денег и времени потребуется для подготовки его поездки... 22/II-32»

О «Жиголо» — Бранко Вукеличе — впервые упоминается в докладе «О работе Парижской резидентуры по данным на 1.IV-1931 г.». Причём к этому моменту ему ещё не был присвоен псевдоним и упоминался он в связи со своим братом — Славко Вукеличем: «2. 605 /Славко Вукелич/, инженер-электрик, серб, 23—25 лет, коммунист, по нашим указаниям отошёл от партии. Работает на заводе электрических приборов американской кампании Альстон в чертёжной мастерской. Достаёт чертежи по электрооборудованию подлодок и других судов военного флота. С чертежей снимает фото, работает у себя дома.**Получен в начале 1930 г., через сербских коммунистов /Пайо/** (Пайо — Павле, имя по-сербски; выделено мной. — *М.А.*). Получает 1000 фр. в месяц /600 фр. на квартиру и 400 фр. ему пособия/. Работает идейно, это тип партийного энтузиаста, мечтающего попасть в СССР. Женат на молодой женщине 20 лет, дочери с-д русского эмигранта Коварского. Жена находится всецело под его влиянием, с семьёй порвала и тоже, как и он, мечтает о возможности попасть в СССР. По профессии она фотограф. Кроме того, изучает дело кинооператора. Возможности у 605-го ограниченные. Может работать только в пределах, указанных выше.

605 имеет брата, тоже инженера-электрика, работающего в торговом отделе одной маленькой фабрички по различным электроприборам. Его предприятие для нас интереса не представляет. Он беспартийный, более материалистичен, чем его брат, не прочь подработать от нас. Получен через Пайо, но независимо от брата, в начале 1930 г. О работе брата, однако, знает. Денег от нас не получал. Хочет натурализоваться и пойти отбывать военную службу во французской армии. Для натурализации было выдано 1200 фр. Обещал работать для нас после поступления в армию. До сих пор давал случайные материалы по поставкам для армии различного электрооборудования».

Бранко Вукелич родился 15 сентября 1904 г. в хорватском городе Осиек (в то время территория Австро-Венгерской империи) в семье полковника австро-венгерской армии[12]. Его отец Миловой фон Вукелич за военную служ-

бу получил дворянство и приставку «фон». Будучи преподавателем в военном училище Миловоя был не чужд писательству и опубликовал под псевдонимом несколько романов. Детство Бранко Вукелича прошло в гарнизонном городке. В 1918 году семья переехала в Загреб, где Вукелич пошёл в гимназию. «Новое югославское государство появилось в результате Первой мировой войны в атмосфере интеллектуального брожения и споров, и Вукелич, подобно многим своим приятелям-студентам, попал под влияние как национализма, так и левой идеологии. Ещё в школе он присоединился к группе, называвшей себя Прогрессивный дарвинистский клуб»[13]. Скорее всего, он был ортодоксальным сербским националистом.

В 1922 году югославский министр внутренних дел был застрелен молодым коммунистом, которого впоследствии казнили. Как следует из опубликованных воспоминаний матери Вукелича, это событие стало эмоциональным потрясением для её сына. «Услышав о смертном приговоре юному террористу, Бранко пришёл в нервное возбуждение и слёг в постель, а спустя несколько дней положил букет красных гвоздик на свежую могилу на Загребском кладбище. Свои чувства он выразил в серии записок, отражавших его муки и осуждавших жестокость югославской полиции по отношению к политическим заключённым.

Закончив гимназию, Вукелич поступил в Загребскую академию искусств. Здесь он вступил в студенческую коммунистическую фракцию Марксистского клуба студентов университета и принимал активное участие в частых стычках с полицией»[14].

«Бранко счёл благоразумным ненадолго покинуть страну и провёл несколько месяцев в Брно в Чехословакии, где, по словам его матери, "продолжил подпольную партийную деятельность". Одновременно он поступил на факультет архитектуры университета в Брно, но, проучившись два семестра, вернулся в Загреб»[15].

Мать Бранко к тому времени разошлась с мужем и в 1926 году переехала в Париж вместе с ним, его братом Славко и двумя дочерьми. В Париже Бранко стал студентом юридического факультета Сорбонны. «Югославская полиция, должно быть, передала досье на него французским коллегам, поскольку в Париже он вновь дважды подвергался аресту. В своих показаниях японцам Вукелич утверждал, что по просьбе матери порвал в то время с югославскими коммунистическими группами.

Согласно появившейся в октябре 1964 года в югославской прессе статье, поворотным пунктом в жизни Вукелича во Франции стала его встреча с полковником де ля Роком, братом лидера «Кагула» — экстремистской фашистской и террористической организации. Учитывая предыдущие связи Бранко с подобными личностями и группами в Югославии, факт этот уже не кажется столь удивительным, каким мог бы показаться на первый взгляд. Однако во время следствия, проведённого японской полицией, Вукелич ни словом не обмолвился об этом эпизоде. В статье утверждалось, что благодаря де ла Року, личным секретарём которого он стал, Вукелич вошёл в деловые круги Парижа. Возможно, что именно влияние де ла Рока способствовало тому, что Бранко стал сотрудником компании «Générale de l'électricité» — факт, который он признал перед японцами. В январе 1930 года, отдыхая на морском курорте на атлантическом побережье Франции, Вукелич познакомился с де-

вушкой-датчанкой Эдит Олсон, в которую он влюбился. Позднее они поженились, и у них родился сын, которого назвали Поль»[16].

Младший брат Бранко — Славомир (Славко) Вукелич (№605) родился 5 мая 1907 года в г. Печ (Венгрия). Серб. Окончил Высшую электротехническую школу в Париже.

Бранко Вукелич был привлечен к сотрудничеству по рекомендации сербского коммуниста «Пайо» помощником резидента парижской нелегальной резидентуры «Люси». В 1930—1931 годах в Париже под псевдонимом «Люси» работала Елена Константиновна Феррари, родная сестра военного разведчика Владимира Фёдоровича Воли[17] . Елена Феррари родилась в еврейской рабочей семье в 1899 г. в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Её настоящие имя и фамилия , судя по всему по мужу, в одних источниках приводятся как Ольга Фёдоровна Голубовская, в других — как Голубева. Образование среднее.

С 1913 г. Феррари активная участница профсоюзного, затем революционного движения. В период Октябрьской революции — на агитационно-пропагандистской работе в армии. В 1918—1920 гг. — сестра милосердия, рядовой боец, разведчица в тылу деникинских войск. По заданию советской военной разведки ушла вместе с частями Белой армии в Турцию, вела работу по разложению войск Антанты.

Согласно некоторым данным, была одним из организаторов нападения на яхту П.Н. Врангеля «Лукулл», которую 15 октября 1921 года протаранил шедший из Батума итальянский пароход «Адриа».

В 1922 году, командированная Разведывательным управлением штаба РККА, Елена Феррари появилась в Берлине, где завела знакомство с Максимом Горьким и другими литераторами русского Берлина (Виктором Шкловским, Владиславом Ходасевичем). Сохранилась и частично опубликована её переписка с Горьким. Начинающая поэтесса и писательница предлагала свои опыты на отзыв Горькому и Шкловскому. Корреспондентка уверяла Горького, что возвращение в Россию для неё невозможно из-за каких-то «ошибок» перед советской властью.

В конце 1922 — начале 1923 года Феррари стала активным участником собраний Берлинского дома искусств, тесно общалась с художником Иваном Пуни, жившим неподалёку от неё. Их соседство упоминается в повести Шкловского «Zoo, или Письма не о любви», где имеется и словесный портрет Елены: «У неё лицо фарфоровое, а ресницы оттягивают веки. Она может ими хлопать, как дверьми несгораемых шкафов...». Феррари выступала в Берлине также совместно с итальянским футуристом Руджеро Вазари. В 1923 году в Берлине (издательство «Огоньки») выходит сборник стихотворений Феррари «Эрифилли» (название — греческое женское имя, буквально «горячо любимая»). Планировались к выходу (в издаваемом Горьким журнале «Беседа» и отдельной книгой) её прозаические «сказки», которые, в отличие от стихов, Горькому нравились, однако публикация не состоялась.

Оставил словесный портрет Феррари и бывший российский прокурор Н.Н. Чебышев: «X. (поэт В.Ф. Ходасевич. — *М.А.*) в 1922 году жил в Берлине. В литературных кружках Берлина он встречался с дамой Еленой Феррари, 22—23 лет, поэтессой. Феррари ещё носила фамилию Голубевой. Маленькая брюнетка, не то еврейского, не то итальянского типа, правильные черты

лица, хорошенькая. Всегда одета была в чёрное. Портрет этот подходил бы ко многим женщинам, хорошеньким брюнеткам. Но у Елены Феррари была одна характерная примета: у ней недоставало одного пальца. Все пальцы сверкали великолепным маникюром. Только их было — девять. С ноября 1922 года Х. жил в Саарове под Берлином. Там же в санатории отдыхал Максим Горький, находившийся в ту пору в полном отчуждении от большевиков. Однажды Горький сказал Х. про Елену Феррари. — Вы с ней поосторожнее. Она на большевичков работает. Служила у них в контрразведке. Тёмная птица. Она в Константинополе протаранила белогвардейскую яхту».

В 1924 году Феррари с новым разведывательным заданием направляется в Италию. Здесь она продолжила литературную деятельность совместно с художником-футуристом Виничио Паладини, входила в группу итальянских «имажинистов» (дебютировавших в 1927 году, когда Феррари уже была в Москве).

В 1925 году Феррари вернулась в СССР и возобновила работу в аппарате Разведупра. В январе 1926-го была назначена сотрудником-литератором 3-й части 3-го (информационно-статистического) отдела. 1 июля 1926-го уволена со службы в РККА. Сотрудница Главного концессионного комитета. Печаталась под псевдонимами как журналист в советских изданиях («Новый зритель», «Красная нива», «Красная звезда», «Известия», «Юный коммунист», «Пионер»), продолжала публиковаться в Италии.

Вновь в распоряжении Разведывательного управления. С 1930 до начала 1932 г. находилась в командировке во Франции в качестве помощника резидента парижской нелегальной резидентуры.

Согласно докладу «О работе Парижской резидентуры по данным на 1.IV-1931 г.», «1. Люси: имеет большой стаж разведывательной работы, в наших органах работает, кажется, с 1920. Работала нелегально в Турции и Германии, а также в нашем представительстве в Риме. Знает хорошо немецкий, французский и итальянский языки, более слабо — английский. Имеет большие лингвистические способности и быстро усваивает языки вообще. Хорошая и энергичная работница. Состояние здоровья слабое (аппендицит, слабые легкие и т. д.). Живёт по австрийскому паспорту /настоящий/. Легализована как студентка в Сорбонне.

Люси: 603, 605, 609, 645, 657, 658, 660, сербские партсвязи, отправка почты, фотография, связи на границе в Метце, склад...

8. Сербские партсвязи имеются приблизительно с середины 1928 г. До середины 1930 г. вербовка среди сербов велась через Пайо. После его переброски в Вену, была установлена связь с секретарем сербской комсекции т. Бергером, кличка Осман. ...».

№ 605 — Бранко Вукелич ещё не назван в связях «Люси» — Феррари, но о нём уже идёт речь в цитируемом выше документе.

Бранко Вукелич был привлечён к сотрудничеству на идейной основе. О своих взглядах и аргументах, которые использовала «Люси» — «Ольга», Бранко Вукелич рассказал через десять лет в ходе допросов в японской тюрьме: «Я был уверен, что если можно было бы лет на десять отвести от Советского Союза угрозу войны, то в стране могли бы появиться социалистические культура, экономика и достаточно мощная система обороны, чтобы отразить любое нападение капиталистов...

Даже если при нашей жизни и не представлялось возможным совершить мировую революцию, мы могли, по крайней мере, обратить свои надежды на страну, проводившую социалистический эксперимент и таким образом оставить социалистическую идею грядущим поколениям. И я почувствовал, что эта мысль стала для меня тем побудительным мотивом, который и заставил меня принять участие в движении»[18].

«Ольга» указала на обязанность всех коммунистов защищать Советский Союз. «Она продолжала говорить, что "особая" работа заключалась в сборе информации. Похоже, однако, что это заставило Вукелича насторожиться, поскольку он ответил, что у него нет опыта конспиративной деятельности и что все его знания военных дел ограничиваются четырьмя месяцами военной службы.

"Но, — парировала Ольга, — обязанности включают в себя не только все эти военные детективы в духе Филиппа Оппенгейма. Я не предлагаю вам красть секретные шифры... Я не ожидаю, что вы станете взломщиком сейфов. Мне бы хотелось, чтобы вы использовали свой опыт в качестве журналиста". (Вукелич сказал ей, что он когда-то, ещё будучи студентом, написал две или три статьи для югославской прессы). Она особо подчеркнула, что Бранко должен наблюдать за событиями и анализировать их, как марксист, и что, куда бы его ни отправили, там обязательно будет "какой-то опытный товарищ", который научит его всему. "А также будут и сочувствующие нашему делу, которые помогут вам в вашей работе".

"Но почему, — спросил Вукелич, — Коминтерн не может использовать советские посольства для сбора информации?"

"Любая страна, кроме России, может использовать посольства как для разведки, так и для пропаганды. Она также может пользоваться услугами деловых фирм, миссионеров, студентов. В нашем же случае мы вынуждены полагаться на молодых коммунистов, подобных вам, и других сочувствующих. За советскими посольствами всегда ведётся наблюдение, но если посольство окажется вовлечённым в эти дела, Советский Союз становится как бы сообщником Коминтерна, тогда как у советской дипломатической службы и у Коминтерна взгляды далеко не всегда совпадают".

Когда Вукелич взмолился, что он и как коммунист не очень опытный, "Ольга" ответила, что на самом деле это совсем неплохо, поскольку его имя ни о чём не говорит полиции»[19].

Слова «Ольги», по словам Ф. Дикина и Г. Стори, приведены в прямой речи, без каких-либо изменений. Взяты они из показаний Вукелича на допросах.

«Ольга», сообщает Бранко Вукелич в своих показаниях, велела ему уехать из Парижа. Она дала ему задание кое-что перевести, а также три тысячи франков задатка.

Службу в армии Бранко Вукелич проходил не во Франции, а в Югославии, куда он отправился в августе 1931 года. Военная служба, однако, продолжалась недолго: в ноябре он был комиссован из-за плохого зрения. Встреча с «Ольгой» состоялась в этом же месяце.

В «Положении организации по данным на 5.XII.1931 г.», наряду с оценкой работы Славко Вукелича (№ 605) и предложениями по его дальнейшему использованию идёт речь и о его брате Бранко, вернувшемся из Югославии, где он проходил краткосрочную службу:

«Сектор Люси... 605 — до сих пор давал всё, что было доступно и требовалось вами. По вашему распоряжению мы остановили присылку серии чертежей пакетбота Т 6. Мы послали вам также список чертежей электрических установок на подлодках, которые можно легко достать при условии, что вы ему укажете №№ требуемых чертежей. Нужно учесть также, что немало этих чертежей вам было уже послано, а поэтому, прежде чем требовать, нужно было бы проверить, не имеются ли они уже у вас... В настоящее время он стремится перевестись в другое предприятие, которое представит больший интерес, но результаты его поисков сомнительны, ввиду кризиса и безработицы. Он проводит свою натурализацию, это ему даст возможность лучше устроиться. Кроме работы, он сможет тогда отбывать и военную службу и имея лишь 26 лет и как инженер сможет поступить в технические войска...

ЖИГОЛО — вернулся во Францию, будучи полностью освобождён от военной службы в своей стране из-за плохого зрения. Его положение неопределённое, он намерен натурализоваться и искать работу».

Вскоре Бранко Вукеличу удалось устроиться на работу. Уже 22 декабря 1931 г. Центр реагировал на полученный от него материал: «... 3. При Вашем № 13 мы получили материал от Жиголо «Projet dispositif d'eclairage d'avion». По изучению спецами этот материал оказался интересным. Однако материал даёт лишь сведения общего характера. Желательно достать по осветительным бомбам и буксируемому прожектору конструктивные и более подробные описательные данные. Просим сообщить, сможет ли ЖИГОЛО выполнить это задание».

Париж не воспринял предложение Центра о направлении «Жиголо» в Японию и выдвинул свою кандидатуру — художника «Рели»:

«Патри

1. Мы уже телеграфировали через Оскара о нашем согласии послать Рели на Жёлтые Острова. Дополнительно сообщаем, что его нужно снабдить жалованием на 3 месяца из расчета 150 ам. долл. в месяц, и необходимыми деньгами на поездку и расходы. По приезде на место он должен заняться своей легализацией, ознакомиться с обстановкой и завязать связи с кругами художников. Связь временно он должен поддерживать с Вами и информировать Вас, как его дела идут и т. д. Когда выяснится, что он достаточно акклиматизировался в тамошних условиях, мы его свяжем с кем-либо из наших людей. Сговоритесь уже теперь с ним относительно опознавательного пароля для того человека, которого мы к нему пришлём.

Сообщите нам подробно, как он предполагает легализоваться. Считаем, что поскольку он является художником, наиболее подходящим являлось бы открытие ателье. В крайнем случае, если он не смог бы легализоваться как художник, можно было бы открыть комиссионную контору для посредничества в продаже разных художественных безделушек. Повторяем, что для нас более приемлемым является открытие ателье, т.к. это не требует вложения средств.

Маршрут для поездки выберите более дешёвый. Однако через нашу страну ехать не следует.

Марэ.

9.III-32 г. № 8».

«РЕЛИ — это старый сотрудник соседей (ИНО ОГПУ. — *М.А.*), который работал с ними в течении 8 лет и которого мы знали отлично. Мы его предположительно ангажировали для вербовки. Он пытается разыскать своих старых источников, которых он имел среди иностранцев, политиков, полицейских и, в частности, военных», — отмечалось в «Положении организации по данным на 5.XII.1931 г.».

Следом из Парижа направляется ещё одно послание, в котором усматривается стремление «отодвинуть» кандидатуру «Жиголо» и настоять на своём кандидате:

«… 9) Рели очень хочет ехать на Жёлтые О-ва. Тут только затруднения с передачей его лавочки. Как-либо преодолеет. С посылкой Жиголо сейчас ничего не выйдет. Школа его открывается лишь осенью. Временно его буду использовать здесь. Рекомендуем использовать Нета. Очень хороший мужик — знает только французский язык, 658 готовится к отъезду».

Затем у Парижа появляется очередная кандидатура — № 427:

«№ 8 28/III 1932.

6) 427 приехал сюда на несколько дней навестить 658. Говорит, что предполагается, что он останется в Женеве до июня, затем его судьба ему не известна. На Жёлтые О-ва готов ехать. Говорит, что может получить те же представительства, что 658 плюс ещё своё изобретение, которое можно предложить макакам через здешнее ведомство через 658. Всё это, принимая ещё во внимание, что он человек свой, одинокий, и что поездка его будет значительно дешевле, чем в случае с 658, приводит меня к мнению, что целесообразнее, действительно, его послать, а 658 сказать, что на расходы эти мы идти не смогли. 658 намекает, что там «зато он будет работать только на нас». Если бы … [в Японии] изобретения 427 не приняли бы (после постройки и пробы на месте), тогда он, по его мнению, может остаться там и заняться журналистикой. Представляю всё дело на Ваше решение. Так или иначе, ни тот, ни другой раньше лета выехать не смогут».

Агент № 427 состоял на связи с берлинской резидентурой под прикрытием посольства СССР с октября 1925 г. под псевдонимом «Лётчик». О том, что работает на советскую военную разведку, «Лётчик» не знал (считал, что работает для «Лиги прав человека»). «Лётчик» стал составлять доклады по вопросам, связанным с организацией, оснащением и боевым использованием ВВС Германии, считая, что этим способствует борьбе с германским милитаризмом. Во время войны он был лётчиком-наблюдателем и по окончании стал специализироваться на авиации. Сохранил знакомства среди офицеров рейхсвера и лётного состава воздушного флота, благодаря чему стал работать в различных общественных организациях гражданской авиации. В правлении общегерманского профсоюза путей сообщения он считался техническим советником отдела воздушных сообщений. Ему удавалось знакомиться с материалами секретного характера, касавшимися военной авиации и скрытой военной подготовкой Германии в этой области. Иногда он передавал и документы. В конце 1927 г. в связи с переходом резидентуры на нелегальное положение он был поставлен в известность, что сотрудничает с советской военной разведкой. Из 48 материалов, полученных от 427-го в 1929 г., шесть материалов оказались малоценными, остальные были ценными. Чес-

толюбие журналиста-пацифиста, а вернее, желание, чтобы о нём заговорили, толкнуло его поместить в одном из журналов статью под заглавием «Кое-что о германской авиации», в которой он не только разоблачил тайную военную подготовку Германии в области авиации, но сообщил о существовании в научно-исследовательском авиационном институте в Адлерсгофе секретного «Отдела М» (М — милитер, т. е. военный).

Следствие по его делу продолжалось около двух лет. За это время 427-й на восемь месяцев выезжал в США (с января по август 1930 г.), где американцы купили у него новую конструкцию вертолёта, более того, он был приглашён участвовать в его строительстве. В ноябре 1931 г. состоялся судебный процесс и 427-й вместе с редактором журнала, опубликовавшим его статью, были приговорены к полутора годам тюремного заключения. Центр дал указание перебросить 427-го в Париж и связать с нелегальной резидентурой. Именно по рекомендации 427-го была установлена связь с 658-м.

Тем не менее на встречах с «Жиголо» по-прежнему рассматривается вопрос о его командировке. На одной из встреч, состоявшейся ранней весной 1932 г., перед отъездом Феррари в Москву, «Ольга» «сообщила Вукеличу, что он должен будет отправиться на задание либо в Румынию, либо в Японию. Вукелич предпочёл бы Румынию. Вскоре она представила его "пожилому товарищу со светлыми волосами, по виду бизнесмену, который, вероятно, тоже был родом из стран Балтии" (как и «Люси», по мнению Бранко Вукелича. — *М. А.*). Человек этот (предположительно, резидент «Марк». —*М.А.*) говорил мало, но внимательно наблюдал за Вукеличем, задавал ему незначительные вопросы о его прошлом и о планах на будущее. Вукелич понял, что его оценивали, и был уверен, что произвёл хорошее впечатление на незнакомца...

Вскоре после встречи с пожилым незнакомцем Вукеличу сообщили — предположительно "Ольга", — что местом назначения для него будет Япония, а не Румыния...»[20].

Тем временем Центр, похоже, определился с кандидатурой:

«... 2. Относительно поездки РЕЛИ мы сможем дать окончательный ответ только после приезда ЛЮСИ, которая должна сообщить подробности об этом деле.

3. Поездка 658 на Жёлтые Острова, как мы уже писали, отменяется. В настоящее время более важно его использовать в Женеве. Напоминаем, что к 13.IV он должен быть там и связаться через 427-го с нами.

4. ЖИГОЛО нужно всё-таки подготовить для поездки на Жёлтые Острова. По словам МАРИИ (нелегальный резидент, сдавший дела в начале 1932 г. резиденту "Марку". — *М.А.*), в настоящее время работают курсы гимнастики для женщин и что, якобы, имеется возможность поступить на эти курсы. Для дела более важно послать ЖИГОЛО на Острова, чем в Панию (Польшу. — *М.А.*) или Боярию (Румынию. — *М.А.*).

...

Марэ

29.III-32 г.
№13».

В октябре Вукеличу сообщили, что вопрос с его назначением в Японию решён. «Ольга» к тому времени была уже в Москве. Вукелич поинтересовался,

как долго ему придётся там пробыть. Ему ответили, что речь идёт о двух годах, но что покинуть страну по собственному усмотрению он не сможет. Вукелич ответил согласием, однако признался, что хотел бы поехать в Москву, чтобы изучать марксизм. В ответ его заверили, что это желание со временем может быть удовлетворено.

«После нескольких месяцев ожидания срок отплытия был назначен через шесть недель, то есть времени едва ли хватило бы на то, чтобы найти подходящую "крышу". Однако Вукелич узнал, что французский иллюстрированный еженедельник "Вю" планирует выпустить специальный номер, посвящённый Дальнему Востоку (этот номер так и не вышел). Вукелич посетил редакцию журнала и договорился о назначении его корреспондентом, поскольку был неплохим фотографом. Одновременно с помощью экспресс-почты он обменялся письмами с югославской газетой "Политика", предложив ей себя в качестве специального корреспондента. Он не был полным новичком в газетном деле, поскольку уже успел опубликовать несколько статей»[21].

В 1932 году на страницах парижской газеты «Возрождение» Н.Н. Чебышёв, сотрудник врангелевской контрразведки, со слов Ходасевича предал гласности участие Елены Феррари в таране яхты «Лукулл», назвав, помимо псевдонима, также фамилию «Голубева» (героиня заметки в то время вновь находилась во Франции, что, возможно, стало известно Чебышёву). В первом квартале 1932 г. Феррари была отозвана из Франции — либо из-за статьи Чебышёва, либо из-за провала в резидентуре.

Постановлением ЦИК СССР от 21 февраля 1933 г. она была награждена орденом Красного Знамени «за исключительные подвиги, личное геройство и мужество». Из характеристики Феррари 1933 г.: «ИТАЛО. Резидент с долголетней практикой и опытом работы. В совершенстве владеет немецким, английским, французским и итальянским языками. Беспартийная, но проверенная опытом работы в подполье на протяжении десяти лет. Краснознамёнка. Активная участница гражданской войны. С большой энергией и тактом работник. В тяжёлых случаях умеет сохранять спокойствие».

В июне 1933 г. состоящая в распоряжении IV Управления Штаба РККА Феррари Е.К. выдержала письменные и устные испытания по французскому языку, ей присвоено звание «военный переводчик 1 разряда» с правом на дополнительное вознаграждение. В 1934-1935 гг. в распоряжении IV-го управления штаба РККА (командировка в Австрию). Помощник начальника отделения 1-го (западного) отдела (август 1935 г. — февраль 1936 г.). Состоящая в распоряжении РУ РККА февраль 1936 г. — декабрь 1937 г.), работала в США. В июне 1936 г. ей было присвоено звание капитана.

1 декабря 1937 года была арестована, 16 июня 1938 г. по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации приговорена Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстреляна. 23 марта 1957 реабилитирована посмертно. В 1963 году частично опубликована её переписка с Горьким.

Стихи Феррари входили в состав антологии «Сто поэтесс Серебряного века» (СПб., 1996. — 2-е издание под названием «Сто одна поэтесса...» — 2001). В 2009 году сборник «Эрифилли» был переиздан.

В начале апреля 1932 г. Центр пояснял свою позицию по поводу № 427 и 658: «... 3) 427 и 658, как мы уже писали, будут использованы в Женеве.

вопрос о необходимости их поездки на острова разрешится через несколько месяцев». В феврале 1932 г. в Женеве открылась международная конференция по разоружению. Центр принял решение направить туда несколько серьёзных агентов (427-го, 658-го и одного агента из Италии) для получения политической информации. Руководителем группы был назначен уже упоминавшийся Шипов.

Как ни удивительно, в Париже не особенно задумывались насчёт легализации своих кандидатов, поэтому срывы были неизбежны:

« № 9 19.4.32г. ...7). Рели бьёт отбой, убеждён, что ничего сделать нельзя; ведь 100.000 фр. мы в дело это не вложим, так что, по-видимому, поездку надо отставить. Готов здесь работать, но тут он мало нужен. Сейчас он пытается связаться с Россети. Тот сейчас работает линотипистом в типографии одной газеты, по ночам. Видимо, бедствует, от профессии своей отстал ещё лет 8—10 тому назад, если не больше…

8) Жена Жиголо уехала на курсы к себе на родину. 3 месяца там должна провести. Он уехал в провинцию к матери. Когда жена вернётся, тогда можно обоих отправлять. Он надеется также получить кое-что в смысле представительства от газеты через своего б. шефа. Патри».

Спустя полмесяца, 5 мая, «Патри» подтверждал сообщённое ранее:

«1. На Ваше письмо № 9: ...5/ От переброски Рели, учитывая тяжёлый контракт с компаньоном и трудности легализации отказываемся; используйте на месте». В последующем Центр берёт инициативу на себя и, обращаясь к «Патри», 13 августа 1932 года даёт следующие указания: «3. Жиголо готовьте к поездке на Жёлтые Острова, однако его поездка состоится не так скоро, вероятно, не ранее, чем через 4—6 месяцев. За это время ему нужно натурализоваться в стране Вашего пребывания, ибо это весьма важно для работы на Жёлтых Островах. Пусть постарается добыть солидные рекомендации для создания прочной крыши в намеченных островах и, если возможно, реализует предположенную связь со II-м Отделом через своего шефа. Продолжайте платить ему ту же сумму, какую платили до сих пор /кажется, 1000—1200 фр./».

5 октября Центр сообщает: «4. Жиголо можете отправить на Жёлтые острова. Так как он едет совершенно открыто, то можете его отправить прямым путём. Визы он может брать в вашем городе. Мы пока не собираемся связывать его на Жёлтых Островах с нашими людьми, пока он там не акклиматизируется, что потребует 3—4 месяца. Поэтому его задача там будет — прочно врасти в почву, осмотреться, завязать круг знакомств и после этого быть готовым к активной, конкретной работе. Связь временно с Жиголо должны поддерживать Вы, чтобы быть в курсе, где он устроился, как, насколько прочно и т.п. Поэтому Вам предстоит перед его отправкой точно установить форму этой связи, условиться о пароле, по которому можно будет связаться с ним нашему человеку на жёлтых островах, когда придёт время. Выдайте ему денег на проезд и на жизнь на островах в течении 5-ти месяцев из расчёта 300 иен в месяц. На случай, если Вы считаете возможным, чтобы Жиголо задержался на сутки или несколько часов в деревне, то необходимо Вам известить нас о дне его приезда в деревню, чтобы мы могли его встретить и тут ещё раз проинструктировать».

9 декабря из Парижа докладывали о готовности семьи Вукелича к отправке в Японию: «6) Жиголо — готов к отъезду. Пароход уходит 30-го декаб-

ря. Поедет круговым путем, а не через Вас. Имеется у него, как я писал представительство от «...», от... журнала «Vo...», «Anciene Francaise» и должен в эти дни получить «Liberté». Метод его... состоял в том, что он нужные документы и письма получал одно за другим, а не единовременно. Потому получает «Liberté» лишь сейчас. ...он имеет рекомендации: 1) от своего бывшего патрона, 2) от директора «Société Générale Electricité», к ряду промышленников Токио и Нагасаки и 3) от брата бывшего патрона к французскому военному атташе. Всё это будто бы не плохо. А вот денег будет стоить много. ...они очень плохо одеты.

Прибавьте надо дать из следующего: 1 месяц в пути, 1 месяц на подыскание постоянной квартиры, месяц на его письмо с адресом, 1 ½ пока я пошлю вам этот адрес...»

При отъезде из Парижа «Жиголо» получил указания о порядке вызова его на встречу в Токио и несколько обусловленных явок. По паспорту он числился как Бранко д'Вукелич, трансформировав дворянскую приставку «фон» во французскую «де».

Семья Вукеличей отплыла из Марселя 30 декабря 1932 года на итальянском корабле. Это было долгое плавание — через Суэц и Сингапур. Не ранее 11 февраля Вукелич сошёл на берег в Иокогаме.

Провал в Париже, происшедший в декабре 1933 года, обезглавил почти все звенья нелегального агентурного аппарата. Резидентура в Париже представляла собой громоздкую структуру с большим числом людей и разветвлённым агентурным аппаратом. С 1931 г. по 1933 г. резидентурой руководили пять резидентов, сменяя один другого («Винтер», «Мария», «Марк», «Катя», «Ами»). При этом первые трое имели двух помощников, последние двое — по одному. Как следствие — чрезмерная перегруженность резидента и его помощников (помощника): 18—15 связей на каждого. В 1931 году резидентура насчитывала от 63 до 66 человек; в 1933-м — от 41 до 50.

В агентурной сети парижской нелегальной резидентуры из общего числа агентов (в 1932 г. до первого провала было около 45 агентов-источников, в 1933 — около 20) ценных агентов было не более семи человек. Другой отрицательной чертой парижской агентурной сети была большая текучесть агентов-источников. Только четыре ценных агента, работавшие на материальной основе, оставались в составе сети более пяти лет. Остальная масса малоценных агентов постоянно менялась. Другим отрицательным моментом являлось большое число вспомогательной агентуры: хозяева конспиративных квартир, почтовых ящиков, «складов», фототехники, связники с «метрополией» (резидентурой под официальным прикрытием — торгпредством СССР). Последнее являлось слабым звеном в организации работы резидентуры. При этом следует учесть, что в аппарате резидентуры только два-три человека — резидент и помощники (помощник) — были опытными разведчиками-нелегалами, присланными на работу из Центра. Остальной аппарат состоял из молодых неопытных иностранцев, завербованных на месте или присланных из других резидентур. Слабым звеном было и направление в Париж проваленных в соседних странах агентурных работников. Так, в 1931 году туда был направлен помощник резидента «Земан», проваленный в Берлине. Нелегальная резидентура не имела своей рации и, как следствие, прямой связи с Центром. Задержись Бранко Вукелич на несколько месяцев в Париже, воз-

можно, и на него вышли бы спецслужбы Франции, что неизбежно закончилось бы арестом.

Его брат Славомир (Славко) Вукелич (в СССР Андрей Михайлович Маркович) не был затронут провалом парижской нелегальной резидентуры и в 1934 году выехал в СССР, где занимался радио в системе НКО СССР. Сотрудник РУ РККА (1936—1937), радист и радиоконструктор в Испании, помогал, в частности, устанавливать связь по линии Лиссабон — Москва. После возвращения из Испании был арестован, около года находился в заключении, но освобождён за отсутствием состава преступления.

1.3. «Срочно: 1) Достаточно ли скомпрометирован Рамзай в местных немецких кругах, чтоб не быть использованным в соседних дальневосточных странах... ». (из *телеграммы Центра от 27 марта 1933 г. в Шанхай*)

«Как член партии я сразу сообщил в ЦК о своём возвращении, — счёл нужным указать Зорге в «Тюремных записках». — Я вторично встретился со Смолянским[22], который курировал мою работу с 1929 года. Я сделал доклад для узкого круга сотрудников Отдела (возможно, агитационно-пропагандистский отдел Исполкома Коминтерна. — *М.А.*), оформил все необходимые партийные процедуры. Там мою работу тоже похвалили. Смолянский говорил, что в партии сложилось очень хорошее впечатление обо мне»[23]. Именно Г.Б. Смолянский был одним из тех, кто дал положительную характеристику Рихарду Зорге при его оформлении на заграничную работу (видимо, для работы в Отделе международных связей Исполкома Коминтерна): «В течение двух лет встречался часто в ИККИ с т. Зорге (с 1925 г.). На мой взгляд, т. Зорге заслуживает полного доверия»[24].

В январе 1933 г. Зорге завершил составление «Характеристики лучших связей в шанхайской резидентуре», отражавшей состояние агентурной сети на 1 октября 1932 г. В это же время он приступил к работе над монографией, посвящённой состоянию аграрного вопроса в Китае. Машинистка Лотта Бранн[25] вспоминает: «Он жил в гостинице "Новомосковская", которая сейчас называется "Бухарест". Ика писал тогда книгу о Китае, которую он мне диктовал на машинку по-немецки. Я знаю только, что это было в 1933 году, точно в какое именно время, не помню. Ика был очень интересный человек, высокий, тёмный, с характерными чертами лица. Он был всегда оживлён, но в то же время спокоен, он был средоточие силы, в нём было что-то очень привлекательное. Ко всему прочему он был очень обаятельным. В Москве он был весел, видимо, потому, что спало напряжение»[26]. Однако завершить работу над монографией до командировки в Токио Зорге не удалось. Судьба же рукописи неизвестна.

А ещё была Катя Максимова — любовь, которую он встретил, работая в Коминтерне.

Первый и самый важный вопрос, который встал перед Центром и перед самим Зорге: можно ли направить его в Японию под собственной фамилией. Положительный ответ на вопрос однозначно определял его «крышу» — качество, в котором он будет находиться в Стране восходящего солнца — журналист, около трёх лет проработавший в Китае.

Существовали ли варианты легализации Зорге в Японии? Род намечаемой деятельности иностранца-разведчика в Японии 30-х годов XX века должен был отвечать следующим основным требованиям:

— быть естественным, «привычным» в условиях Японии,

— не привлекать внимания своей необычностью;

— встречать благожелательное отношение со стороны местных властей;

— обеспечивать официальную возможность более-менее широкого общения с местным населением и представителями иностранных кругов — для приобретения и развития нужных связей;

— давать относительную свободу передвижения по стране и особо желательно, — обеспечивать возможность официальных связей с другими странами.

В этом смысле из всех профессий, обычных для иностранцев в Японии, целям легализации Зорге и сотрудников резидентуры наиболее удовлетворяли:

— коммерческая деятельность — по экспортированию японских товаров / импорту иностранных товаров;

— профессия журналиста — корреспондента иностранных газет, освещающего в своих работах политику японских правящих кругов с позиций лояльности и благожелательности.

Возможно ли было направить Зорге в Японию под чужим именем и легендировать его пребывание там занятием коммерческой деятельностью? Возможно, но для этого следовало создать коммерческую фирму, а точнее — войти совладельцем вместе с приглашённым японским гражданином в создаваемую фирму, которая бы занималась экспортом японских товаров / импортом иностранных товаров. Такое многоходовое мероприятие потребовало бы немалых средств и времени. Подобные попытки уже делались, например, в Китае и чаще всего заканчивались провалом. Фирма по определению не должна была быть крупной, чтобы не привлекать к себе внимания спецслужб. С другой стороны, масштаб фирмы предопределял и круг общения, то есть возможность получать интересующую информацию. Поехать представителем германской фирмы было бы неплохим вариантом, но реализация подобного проекта была бы ещё сложнее, так как Зорге не был ни инженером, ни коммерсантом и не мог появиться ниоткуда. Он должен был где-то работать до этого, что подтверждалось бы документами и свидетельствами очевидцев.

К своей поездке в Японию Зорге уже сформировался как учёный, как журналист, и радикальным образом менять его амплуа было затруднительно, да и нецелесообразно.

Но и это было далеко не всё: следовало составить легенду всей его предыдущей жизни — от рождения до 1933 года, «населить» эту легенду родственниками и знакомыми, чтобы он мог убедительно рассказать, если потребуется, о предыдущей жизни. О том, где жил, учился, где воевал, где получил ранения, где лечился и т. д. При этом сохранялась опасность его встречи с знакомыми из «старой жизни».

В Китае «Рамзай» приобрёл профессиональную известность. На свои газетные публикации шанхайского периода он мог ссылаться во время переговоров в редакциях, и ни у кого не возникало вопросов, поскольку его статьи из Шанхая не прошли в Германии незамеченными. Авторитет его имени мог способствовать установлению связей с печатными изданиями.

Однако перед принятием решения о направлении Зорге в Японию Центру следовало ответить на вопрос, существовала ли опасность расконспирации Зорге, а если существовала, то в чём она заключалась[27].

Руководство IV Управления, планируя организацию нелегальной резидентуры в Японии и намечая в качестве руководителя Зорге, должно было выяснить степень риска его использования на соседних островах, исходя из степени «засветки» Рихарда за годы работы в Китае.

В марте 1933 г. в письмах и шифртелеграмме Центр запрашивал Шанхай: «8. Проверьте и срочно сообщите, насколько скомпрометирован Рамзай в Шанхае и не мог ли бы он быть использован для работы на Дальнем Востоке?». Ту же задачу 5 марта 1933 г. Москва ставила перед К.М. Риммом («Пауль», который вместе с «Джоном» Г.Л. Стронским руководил шанхайской резидентурой в ноябре 1932 — августе 1933).

Слово в слово содержание оргписьма было повторено в следующей почте, которая явилась «дополнением» к посланной ранее: «5. Проверьте и срочно ответьте, насколько скомпрометирован Рамзай в местных немецких кругах, а также и других. Мы предполагаем использовать его по соседству с вами, поэтому необходима срочная и тщательная проверка». Ни первая почта, ни дополнение к ней не успели ещё прибыть в Шанхай, как «Пауль» получил 27 марта 1933 г. телеграмму за подписью Б.Н. Мельникова, заместителя начальника РУ штаба РККА и одновременно начальника 2-го (агентурного) отдела: ««Срочите: 1) достаточно ли скомпрометирован Рамзай в местных немецких кругах, чтоб не быть использованным в соседних дальневосточных странах».

30 марта Римм доложил из Шанхая: «Рамзаю нельзя работать в Китае. Здесь в немецких кругах он провален. На днях известный Азиатикус /брандлеровец/ расспрашивал о докторе Р. Зорге, о котором он, якобы, уже будучи в Берлине, знал, что тот должен по линии Большого Дома работать в Китае. По-моему, Рамзай может быть использован в Харбине /не опускаясь до Дайрена/, Японии, Индии, Индокитае. Но всё же для большей безопасности ему нужно переменить сапог... Пауль».

В чём состоял «провал» Зорге в немецких кругах, Римм не пояснил, а Центр не потребовал разъяснений. Видимо, и Римм, и Центр связали провал «Рамзая» с расспросами Азиатикуса. Если это не так, то о каком провале шла речь? И если не о провале, но только о слухах, то о каких?

Умолчал Римм и о причинах, послуживших основанием для срочного отъезда Зорге из Китая. 10-го октября 1932 года «Рамзай» докладывал из Шанхая: «От кит[айского] источника узнали, что Нанкин, якобы, обнаружил след военного шпиона. Подозревают, будто бы, одного немца и еврея. На основании наших старых грехов и слухов среди местных немцев полагаем, что круг подозрений вокруг Рамзая всё больше смыкается. Просим срочно сообщить, должен ли Рамзай непременно выждать прибытия замены или же он может уехать независимо от прибытия последнего. №-310. Р.». «Один немец и еврей» — это, видимо, Зорге и Стронский. Скорее всего, Зорге, уже поднимавший вопрос о своей замене, решил воспользоваться этим расплывчатым сообщением из Нанкина, чтобы вернуться в Москву[28].

Что касается Азиатикуса, то Б.Н. Мельников подтвердил опасения Римма: «2/IV 1933 г. Азиатикус до измены работал по линии Большого дома. Рамзая мог знать по прошлому».

Кто такой брандлеровец Азиатикус и в чём состояла измена? Генрих Брандлер (1881—1967) в 1919—1923 гг. являлся членом ЦК КПГ. В 1921—1922 г. он — член ИККИ; в 1922 — член Президиума ИККИ. В 1924 г. — руководитель делегации ИККИ в Кооперативной секции Крестинтерна. В 1929 г. он был отовсюду исключён: из КПГ, ВКП(б) и Коминтерна — как сторонник Бухарина и представитель правого уклона и «примиренцев» в германской компартии. Те же грехи распространялись в полной мере и на «брандлеровца» Азиатикуса.

Гейнц Мёллер (1897—1941), выступавший под псевдонимом «Азиатикус» и многими другими (Бизольд, Шиппе, Ганс, Эрик) находился на журналистской работе в Китае в 1926—1927, 1932—1941 гг. (погиб в бою с японцами). Пребывание Азиатикуса в Китае отмечалось не только Риммом, но и представителями Коминтерна в Шанхае, которые ранее сталкивались с Мёллером. Однако он не воспринимался ими как реальная угроза. Артур Эверт (псевд. «Артур», «Джим»; в 1929—1931 гг. — заместитель заведующего Восточным сектором ИККИ, в 1932—1934 гг. — представитель Коминтерна в Китае, секретарь Дальбюро в Шанхае) в начале декабря 1932 г. докладывал И.А. Пятницкому: «2. «Азиатикус» (брандлеровец) находится здесь, но не имеет почти никаких связей. Случайно он получил экземпляр „Чайниз уоркерс корреспонденс" (информационный бюллетень ЦК КПК; издавался в Шанхае в 1930—1935 гг. — *М.А.*), рассылаемого в качестве информационного материала в Европу, США и ряду журналистов. Опираясь на этот орган, составил донесение группе Брандлера: «Политика партии в Китае катастрофична; партия загнала коммунизм в горы Цзянси» и т. д. Его можно было бы выгнать, вселив в него страх, но это осложняется тем обстоятельством, что у него нет денег, и к тому же он потерял паспорт. Нам известно почти обо всех предпринимаемых им шагах. Существует лишь одна определенная опасность, что он случайно увидит меня на улице и узнает»[29].

По сути дела, присутствие Азиатикуса в Шанхае представляло собой скорее надуманную, чем реальную угрозу. Поэтому сообщение Римма о разговорах журналиста-немца Азиатикуса не было расценено Центром как свидетельство серьёзной и явной компрометации в немецкой колонии, тем более что Римм считал возможной дальнейшую работу Рамзая не только в Японии, Индии и Индокитае, но даже в Северной Маньчжурии. Правда, «для большей безопасности» шанхайский резидент рекомендовал сменить «сапог», то есть паспорт.

В Центре ко времени командировки Зорге в Японию было весьма отдалённое представление о степени его «засветки» как человека, связанного с коммунистической партией и Коминтерном, и как советского разведчика.

Ответ на вопрос, был ли «засвечен» «Рамзай» в Шанхае как советский разведчик, однозначно отрицателен и ревизии не подлежит. В противном случае он не мог бы эффективно и благополучно работать в Японии на протяжении многих лет. Нелегальная шанхайская резидентура, костяк которой составляли агенты, подобранные Зорге, продолжала плодотворно действовать до провала в мае 1935 года, произошедшего по вине резидента Бронина.

Однако это не означает, что для провала шанхайской резидентуры во времена «Рамзая» не было оснований. Их было более чем достаточно и, в первую очередь, через контакты с представителями компартии Китая и Ко-

минтерна. Эти основания, как правило, были не следствием непрофессиональной деятельности Зорге, но результатом указаний Центра, вынужденного действовать в интересах Коминтерна.

Сам Рамзай, как это следует из его замечаний в письмах Центру из Берлина и из Токио, настороженно относился к своему «шанхайскому прошлому». В переписке с Центром он неоднократно подчеркивал, что главная опасность для его работы в Японии может угрожать ему именно из Китая, по линии связи между немецкими колониями Шанхая и Токио.

В письме из Берлина от 3 июля 1933 г., докладывая о первых результатах «легализации» он писал: «И тогда на первое время останется только опасность, что смогут что-нибудь узнать о моей работе в Китае. А, кроме того, я считаю себя хорошо забронированным».

В письме, направленном через месяц — 3 августа — Зорге отмечал: «Вы дома должны иметь в виду, что для моей работы, помимо всего прочего, могут возникнуть две больших угрозы: во-первых, со стороны моей "родины", где, при современных развитых связях, может проявиться повышенный интерес к моей личности; во-вторых, — из пункта моей прежней деятельности в соседней стране, откуда через так наз. "соотечественников" могут сюда долететь кое-какие брызги грязи. И то, и другое может совершенно парализовать или сильно затруднить работу».

Уже из Токио в письме от 7 января 1934 г. Зорге продолжал возвращаться к шанхайской теме: «Мое положение улучшилось... В коммерческом отношении стою я тоже очень хорошо. Но тяжёлая опасность грозит мне из Ш[анхая], от моего старого противника. К новому послу я на ближайшее время приглашён и т. д. Ш[анхая] опасность не надо недооценивать, так как связь между здешним и тамошним очень тесная». И опять о Шанхае в мартовской почте 1934 г.: «3. Мое положение здесь пока хорошее. Однако всё разрешится только в течение ближайших недель. В "овчарне" (в Шанхае. — *М.А.*) теперь знают, что я нахожусь здесь, и если ещё обо мне будет вонь, то я это через несколько недель узнаю».

Кого имел в виду Рамзай, говоря о своем «старом противнике»? Здесь существуют две версии, так или иначе связанные с членами германской колонии или с людьми, которые тесно соприкасались с немцами в Китае.

Откровенные и широкие связи Зорге и сотрудничество с леворадикальными деятелями были известны в германской колонии, однако это не являлось ещё преступлением. Видимо, Рамзай безрезультатно пытался привлечь к сотрудничеству кого-то из самой колонии или тесно связанного с ней окружения, действовал напрямую, «засветился» и предстал в глазах некоего искушённого человека шпионом. Из-за этого Зорге постоянно ждал разоблачения от «старого противника», которого, не без оснований, считал своим врагом и во избежание скандала пытался превратить в друга.

По версии, высказанной Максом Клаузеном, речь шла о германском советнике Хартмане. Майор Вальтер Хартман состоял военным советником при генеральном штабе китайской армии[30].

Макс Клаузен в «Отчете и объяснениях по моей нелегальной деятельности в пользу СССР» от 1946 г. приводит следующий случай, демонстрирующий степень обострённости отношений между Зорге и Хартманом: «Однажды летом 1931 г. РИХАРД приказал мне пообедать с ним в ресторане Фьюттерер на

Суйчжоу. Там он показал мне одного немца по имени ХАРТМАН [HARTMANN] (советник при генерале Чан Кайши). РИХАРД был приглашён этим человеком в качестве сопровождающего. РИХАРД не хотел ехать с этим человеком, так как он считал, что ХАРТМАН знает о нём слишком много. Он сказал мне: «Если со мной что-нибудь случится, Вы будете знать, кто виноват». Позднее он говорил мне, что ХАРТМАН хотел убить его, он всё время держал руку в кармане, выжидая случая. Но РИХАРД был не глуп, он поступил так же, как и ХАРТМАН. Позднее, как говорил мне РИХАРД, они подружились. Это, конечно, была только личная дружба. От этого человека РИХАРД [впоследствии] доставал много ценной информации».

Судя по переписке с Центром самого Зорге, речь могла идти либо о бароне Жираре де Сукантоне, белогвардейце, приближенном к атаману Семёнову, либо о находившимся с ним в близких отношениях германском инструкторе поручике Мёлленхофе (Moellenhof). «№ 10 (барон Жирар де Сукантон. — *М. А.*) является ещё более умным из здешних проходимцев, но и самым опасным. Он почти целиком мне доверяет, и я устно почти что всё узнаю, о чём эти люди думают и надеются, а иногда и что они сделают. Всё же я ещё не могу рискнуть прямо попросить материалов. Он мог бы быть относительно более чистоплотным человеком, так что при этом мы могли бы очень тяжело провалиться. Он чрезвычайно нас ненавидит и ни одной секунды не задумался бы над тем, чтобы выдать нас соответствующим органам или лично пристрелить. Кроме того, он теснейшим образом связан с № 11 (поручик Мёлленхоф. — *М. А.*). И каждая неосторожность в отношении него закрыла бы для нас важный своими информациями источник. На 11 (так в оригинале, исправлено карандашом на 10. — *М.А.*) можно было бы воздействовать деньгами, но он убеждённый фашист, и если здесь можно что-либо поделать деньгами, то только такими суммами, которые мы не можем или не захотим заплатить. В отношении информации я всё из него выжимаю. В отношении материалов, как я уже сказал, значительно лучше и безопаснее работать через переводчиков. Во всём этом деле, в особенности с 10 и 11, мне очень мешает то, что я живу открыто и постепенно везде становлюсь известным. Одно неправильное слово, и всё погибло. 10 и 11 связаны с 56 (Семёнов. — *М.А.*), и мы уже сообщали о попытке получить материал, но суммы были слишком велики и неуверенность слишком большая»[31].

Странно, но Зорге в своих опасениях совершенно не упоминает о том, что на него могла упасть тень после провала А.П. Улановского («Шерифа»)[32], о чём он докладывал в Центр. Провалы японских агентов[33] обходятся стороной и самим Рамзаем, и следующим руководством шанхайской резидентуры, и Центром. Никакого упоминания о возможных последствиях провалов японских агентов. Объяснялось это, видимо, уверенностью в их надёжности: как-никак, было арестовано два японских агента, а третий выслан на родину, и ни один не выдал своих связей с шанхайской резидентурой.

И самое основное — совершенно умалчивается опасность его расконспирации из-за связи с китайскими коммунистами, с коминтерновцами в Шанхае и деятельного участия в освобождении Рудника и Моисеенко-Великой. Об опасности подобных связей Зорге неоднократно докладывал в Центр и, что удивительно, получал подобные же предупреждения от IV Управления: «Друзья (китайские коммунисты. — *М.А.*) всё больше стремятся Вас загрузить

своей работой. Это со всех точек зрения опасно и может привести [к] провалу»[34] и т. д. Не отставали от китайских коммунистов и «соседи» — представители Коминтерна.

Тем не менее, Центр продолжал перегружать Рамзая каждодневной работой, каждый неверный шаг при которой мог закончиться провалом. И только на редкость благоприятной оперативной обстановкой можно объяснить тот факт, что этого не произошло.

«Помню, что после моего приезда в Шанхай мне было передано нашими товарищами, что в бытность там Рамзая шли разговоры о его близости с коммунистами, — писал в своих воспоминаниях Бронин. — Надо думать, что это вызывалось, главным образом, его близким знакомством с американской журналистской Агнес Смедли, чьи коммунистические симпатии были широко известны. Опасность заключалась в том, что эти разговоры могли дойти до сведения японской контрразведки, хорошо осведомлённой о шанхайских делах. Японцы полновластно хозяйничали на значительной части территории города, а в остальной части имели многочисленную сеть осведомителей. Кроме того, контрразведки империалистических держав на Востоке, в частности, в Шанхае, при всех их противоречиях с одинаковым рвением следили за „коммунистическими элементами" и в этой области между собой сотрудничали.

К счастью, все эти опасения не оправдались. Подозрения в отношении Рамзая в Шанхае, как оказалось, не выходили за пределы неопределённых разговоров».

Утверждение о сотрудничестве контрразведок «империалистических держав на Востоке» было чрезмерным преувеличением со стороны Бронина.

У Центра был ещё один компромат на Зорге: письмо резидента «Альфа» в Харбине о его злоупотреблениях спиртным, приводившее к утрате самоконтроля. С целью укрепления своей легализации Зорге предпринял трехнедельную научную поездку во Внутренний Китай. На обратном пути 19-го и 20 июля 1932 г. он планировал заехать в Тяньцзинь, где собирался остановиться в гостинице «Астор». Рамзай попросил выслать к нему с «нашей» почтой когонибудь из знакомых. Этим кем-нибудь оказался резидент «Альфа».

«Два слова о Рамзае. Он на нас оставил нехорошее впечатление, — докладывал Альфа Давыдову. — Я ему предложил, воспользуясь пребыванием здесь, написать для дома обстоятельный доклад о своей работе, ибо времени у него здесь достаточно, а мы его отправили бы в натуральном виде без всякого фотографирования и пр. Он ответил, что была о его работе полная информация, и нет надобности писать. По-моему, пьёт он больше, чем положено по штату. Здесь он здорово этим делом занимался. В одно прекрасное утро пришёл к нам … (отточие в тексте. — *М.А.*) с разбитой скулой /щекой/. Оказывается, он дрался с какими-то хулиганами, котами (сутенёрами. — *М.А.*) девиц в кабаре „Фантазия".

У нас с Фрицем такое мнение, что его следовало бы отозвать при первой возможности. Что касается контроля над ним, то можно было бы передать нам».

Эти строчки больше напоминают донос на человека, который посмел пренебречь «советом» автора. А раз так, то его следовало или отозвать, или переподчинить, и не кому-нибудь, а «Альфе». Трудно предположить, как

представлял себе контроль над Рамзаем из Харбина «Альфа». Больше каких-либо упоминаний о пьянстве Зорге периода его пребывания в Китае в архивных документах не обнаружено.

Рихард Зорге в качестве нелегального резидента допустил целый ряд ошибок как в организационном плане, так и в части нарушения правил конспирации. Он проявлял полное доверие к агентам-групповодам в деле подбора, вербовки и руководства агентурой. Это доверие находилось на грани бесконтрольности, а сам он не имел полной картины состояния агентурной сети.

Такое поведение в какой-то степени оправдывали его вера в своих китайских помощников, а также нахождение самих агентов за многие сотни километров от Шанхая, что практически исключало в подавляющем большинстве случаев личный контроль за агентурной работой. Были лишь единичные случаи вызова агентов в Шанхай по указанию Зорге.

К организационным просчётам в построении агентурной сети следует отнести также чрезмерно большое число агентов-источников из разных провинций и городов Китая, замыкавшихся на «Рудольфе», которому Зорге не без основания присвоил в своей «характеристике» № 1[35]. Сам Зорге знал далеко не всех китайских агентов по фамилиям и, возможно, не стремился к этому. Подобное построение сети создавало предпосылки для провала.

Контакты Зорге в Шанхае с представителями китайской компартии и Коминтерна (связанные в первую очередь с хлопотами об освобождении Рудника и его жены), причастность к выпуску газеты «Чайна форум» антиимпериалистического и просоветского содержания не только отнимали много времени, но и ставили под угрозу всю его деятельность.

Неравномерное распределение обязанностей в резидентуре между Рихардом Зорге и его помощниками — К.М. Риммом и Г.Л. Стронским — вылилось в то, что основная нагрузка лежала на резиденте.

Специфика работы Зорге в Шанхае была обусловлена особенностями обстановки того времени в Китае в целом, а также психологическими особенностями китайцев.

Как бывший сотрудник Коминтерна коммунист Зорге строил агентурную сеть, широко используя идейно близких людей, а стоявшие перед ним задачи требовали непрерывно расширять имевшуюся сеть. Подбор и руководство агентурой Зорге осуществлял через китайских помощников — групповодов, владевших английским и близких ему по духу. Привлечению их к сотрудничеству предшествовало изучение этих людей во время выполнения по поручению Зорге переводов на английский китайских материалов. Именно в это время между ним и будущими групповодами завязывались доверительные отношения.

В дальнейшем групповодам передавалась инициатива в создании и развитии «связей», хотя окончательное решение обычно принимал резидент. Но именно агенты-групповоды определяли характер связей, которые строилась на базе семейно-клановых и корпоративных отношений, что, благодаря появлению множества горизонтальных связей, цементировало сеть, а не ослабляло ее, как представлялось руководителям в Москве. Все попытки Центра изменить подход к формированию агентурной сети ощутимых результатов не дали.

Этот принцип построения «связей», когда «все знали всех», не давал сбоя целых пять лет — до мая 1935 г. Масштабы произошедшего тогда провала определялись во многом грубейшими ошибками и просчётами, допущенными тогдашним резидентом Брониным, а не особенностями построения агентурной сети, костяк которой был заложен Зорге.

Зорге был заметной фигурой в Шанхае. Он имел широкие и открытые связи с известными представителями левых кругов — вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин, Агнес Смедли и др. Был причастен к созданию и деятельности газеты «Чайна форум». Поддерживал связи с сотрудником ТАСС в Шанхае Ровером. В высказываниях и спорах, скорее всего, он не всегда был сдержан. Поэтому в немецкой колонии могли возникнуть слухи, разговоры и предположения о том, что Рихард Зорге — агент Коминтерна.

Однако свой левый крен Зорге компенсировал широкими связями, прежде всего с немецкими советниками (инструкторами) в гоминьдановских частях, со многими из которых он поддерживал дружеские отношения, подкрепляя их частыми застольями. Журналистское прикрытие (в 1932 г. его журналистская деятельность сошла на нет из-за чрезмерной загруженности работой в резидентуре) оправдывало в глазах окружающих, в том числе полиции, наличие столь широкого спектра знакомств, увлечений и взглядов.

Не следует забывать, что в Германии в период пребывания Зорге в Шанхае ещё существовала Веймарская республика, которая допускала либерализм и свободу высказываний, позволяла в той или иной степени существование плюрализма мнений. КПГ была формально легальной (что не мешало полиции основательно её «обрабатывать»), и это отражалось на мировоззрении немецкой колонии в Китае. Переломным стал 1933 г. — приход к власти в Германии фашистов. В новых условиях открытой связи Зорге с левыми в Берлине и Шанхае не простил бы никто.

Тревожные сигналы в виде разговоров о возможной принадлежности Зорге к Коминтерну, как показали ближайшие месяцы и годы, не давали оснований для заключения о том, что его агентурная деятельность как военного разведчика раскрыта, а агентурная сеть находилась в разработке у китайской контрразведки.

После отъезда Зорге агентурная сеть переживала отдельные локальные провалы, не затрагивавшие всей сети, сокращалась и вновь развивалась всё на том же фундаменте, заложенном Зорге.

Перечень «шанхайских грехов» был сформулирован 5 мая 1936 г. в «Заключении по шанхайскому провалу 1935 года» полкового комиссара П.В. Воропинова[36]. Заключение было составлено на основании «Выписки из материалов расследования по шанхайскому делу», подготовленной начальником 7-го отделения 2-го Отдела полковником Покладок.Во всех последующих справках, составляемых на токийскую резидентуру Зорге, неизменно фигурировало перечисление его «шанхайских грехов», что являлось исходным пунктом для сомнений в полноценности резидентуры.

В «Заключении» отмечалось следующее:

«II. Состояние резидентуры перед приездом Абрама.

До приезда Абрама шанхайской резидентурой руководил с 1931 г. резидент Рамзай, который в своей работе допустил целый ряд ошибок в подборе кадра источников, в построении сети, в организации связи с источниками...

При Рамзае была создана расплывчатая, весьма громоздкая сеть, преимущественно состоявшая из китайцев-партийцев, полученных и привлечённых к работе через китайский партийный аппарат или через лиц, близких к партии /как, например, Агнес Смедли/, которые, несомненно, находились под постоянным наблюдением иностранных разведок.

Засорённость сети непроверенными людьми: из 93 источников к началу 1933 г. только 4—5 давали удовлетворительную информацию, а остальные являлись неработающим балластом.

Рамзай сам производил вербовки у себя на квартире, тут же принимал своих источников, и поэтому многие источники знали настоящую фамилию Рамзая и его адрес.

Ряд других моментов сигнализировал, что Рамзай, а, возможно, и часть его сети раскрыты полицией:

I. Предупреждение, полученное нашим радистом "Зеппель" от знакомого ему английского полисмена, что доктор Сорге /Рамзай/ является агентом Коминтерна и СССР, чтобы "Зеппель" подальше держался от Рамзая /заявление тов. Зеппель/.

2. Случай требования английской полицией, предъявленного к госпиталю, о выдаче им советского агента доктора Сорге, Рамзая, когда последний лежал в госпитале с переломом плеча в Шанхае.

3. Заявление кельнерши Паулю, что доктор Сорге /Рамзай/ является советским разведчиком, "о чём знает весь Шанхай". /Телеграмма Пауля в Центр в 1932 г./.

4. Выполнение Рамзаем /одновременно, когда он имел сеть и руководил нашей работой и людьми, с ним связанными/ обязанностей субредактора коммунистической газеты "Чайна-Форум" было недопустимым совмещением для нелегального резидента, легко раскрывавшим его перед полицией».

В подавляющем большинстве случаев приведённые факты не соответствовали истинному положению вещей и являлись плодом невнимательного, предвзятого и недобросовестного анализа документов шанхайской резидентуры полковым комиссаром Воропиновым.

Взять хотя бы утверждение о засорённости агентурной сети непроверенными людьми, когда из 93 источников к началу 1933 г. только «четыре-пять давали удовлетворительную информацию». «Характеристика лучших связей в шанхайской резидентуре» свидетельствует об обратном: подобные утверждения были далеки от действительности.

Все претензии к Зорге на предмет его расконспирации, которые имелись в распоряжении Центра и шанхайской резидентуры, приведены и проанализированы ранее. Свидетельство «Зеппеля» (Вейнгарта), если оно и существовало, было зафиксировано значительно позже. Удивляет лишь, почему Вейнгарт не доложил Зорге об услышанном. Зорге рвался «домой», в Советский Союз, и не стал бы скрывать от Центра доклад Вейнгарта, дававший основание для его безотлагательного отъезда. Такое заявление напоминает грязный донос человека, которого Зорге воспринимал как товарища и соратника.

Требование английской полиции о выдаче им советского агента доктора Зорге не подтверждается никакими документами и является плодом воображения анонимного автора. Подобное требование по сути абсурдно. Для чего могло понадобиться забирать «советского агента» из больницы, а не из дома,

где он проживал? Ведь в таком случае ни у кого не понадобилось бы спрашивать разрешения.

То, о чём докладывал Римм, известно, и никакого упоминания о кельнерше у него нет. Эту историю следует воспринимать, как следствие фантазии Воропинова или очередного анонимного источника. Нельзя исключить, однако, что автором «свидетельства» является Римм. Подобное предположение имеет право на существование, учитывая, что на допросе в июле 1938 г. он показал, что Зорге якобы является германским и английским агентом.

Перечень «шанхайских грехов» «Рамзая», изложенный в «Заключении по Шанхайскому провалу 1935 года» (и фигурирующий во всех справках на резидентуру как главный «козырь» обвинений против него), не соответствовал истинным фактам и являлся плодом недобросовестного анализа документов.

Совершенно очевидно, что сведения, которые Зорге в случае поездки под своей фамилией представлял при заполнении документов в государственных органах Германии в 1933 году, должны были зеркально повторять сведения, сообщённые при оформлении поездки в 1930 году, с добавлением шанхайского периода, хотя выезжал он в Японию в иных политических условиях.

Судя по всему, выезд из Германии и въезд в СССР в октябре 1924 года были оформлены совершенно легальным образом. Выезжал он из Германии с женой. Брак с Кристиной Герлах (по первому мужу) был зарегистрирован в 1922 году. Поскольку выезд был легальным, в соответствующих документах должны были остаться отметки. При оформлении поездки в Китай в 1930-м Зорге должен был документально ответить на вопрос, где проживал с конца 1924 года и до начала 1930-го, ведь постоянного местожительства в Германии у него в этот период не было. Ответ на этот вопрос и попал впоследствии в его полицейские досье: вероятнее всего, Зорге указал, что проживал в СССР.

Кристина уехала из СССР обратно в Германию в 1926-м и оказалась вне досягаемости советских властей, зато в пределах досягаемости немецкой полиции, поэтому спецслужбам Германии не составляло труда узнать, что Рихард Зорге пять лет проживал в СССР[37].

Фактом, который трудно было скрыть, являлась публикация его статей в печатном органе Коминтерна журнале «Коммунистический интернационал», издававшемся на трёх языках: русском, немецком и французском. По 1926 год включительно там было опубликовано четыре его статьи, однако уже с 1926-го он начинает печататься под псевдонимом Р. Зонтер (в одном случае — К. Зонтер).

В 1930 году, при оформлении документов в Германии, самым разумным было упомянуть о пребывании в СССР. Тем более что для того времени это не было криминалом: у СССР с Германией были тогда оживлённые экономические, политические и военные связи.

При этом необходимо было постараться скрыть всё, что можно было скрыть: прежде всего — работу в Отделе международных связей Коминтерна. И, по возможности, дистанцироваться от компартии Германии. Последнее, как это ни странно, было вполне реально. С 1919 по 1924 год Зорге активно работал в германской компартии, но два года находился на нелегальном положении.

Для окружающих было очевидно, что Зорге погружен в учёбу, после чего были написание и защита диссертации, научная работа. Трудно было предположить, что у него хватало времени и на политическую деятельность. Тем более что она была скрыта от посторонних глаз.

Симпатии к левым идеям, сотрудничество с Коминтерном, коммунистическая журналистика — все это следовало признать. И, естественно, акцент должен был быть сделан на разочаровании в коммунистической идее и окончательном разрыве с «государством рабочих и крестьян». К этому следовало добавить «изгнание» из Коминтерна за причастность к «правой оппозиции».

Всё это должно было попасть в полицейское досье на Рихарда Зорге[38].

Участие в сражениях на фронтах Первой мировой войны, неоднократные ранения и награждение «Железным крестом» за храбрость характеризовали его как настоящего патриота и храброго человека, что тоже свидетельствовало в его пользу.

В 1933 году структуры нацистского карательного аппарата только создавались, но не на пустом месте. Основной костяк работников имел опыт работы в полиции. А возглавивший IV управление (гестапо) Главного управления имперской безопасности Генрих Мюллер с 1919 г. служил в криминальной полиции Мюнхена. Прежние полицейские картотеки продолжали работать, как и раньше, снабжая спецслужбы достоверной информацией. Их-то никакая ведомственная лихорадка не коснулась, в лучшем случае произошло переподчинение от одного органа другому[39].

Опасность вызвать подозрение у немецких спецслужб в 1933 году и в последующем продолжала существовать, поэтому Зорге упорно отказывался занимать любой официальный пост в германском посольстве, мотивируя это опасениями неизбежной проверки со стороны гестапо.

Но эти соображения не нашли подтверждения в указаниях Центра.

19 апреля в телеграмме за № 516/34 Центр поставил перед Шанхаем задачу помочь в легализации «Рамзая» в Японии: «Срочите об использовании возможностей Вота (новый псевдоним Г. Войдта, имевшего ранее псевдоним «Коммерсант». —*М.А.*) в отношении газет, отдельных лиц, связанных с газетами, которых можно было бы использовать для получения представительства на Японию. Представительство нужно для Рамзая. Мельников».

В письме от 23 апреля 1933 года вновь обращалось внимание на поставленную задачу: «Для его легализации мы просили Вас выяснить возможности Вота, его связи с газетным миром и т. д., что он, если не дал рекомендации, то, во всяком случае, указал объекты, которые можно было бы использовать для получения легализации Рамзая. Отсутствие ответа от вас кажется странным. В чём дело? Мы бы не хотели глубоко втягивать Вота в нашу организационную работу, но его возможности использовать считаем необходимым».

Учитывая продолжительность следования почты из Москвы до генсконсульства в Харбине, а оттуда — курьером до Шанхая, рассчитывать на скорый ответ не приходилось. Такие вопросы не должны были решаться и не решались в почтовой переписке. Это был крик души — или отписка.

Уже 24 апреля Римм докладывал в Москву, что Войдт может дать рекомендации Зорге для редактора «Теглихэ Рундшау» Фердинанда Фрида, для секретаря «Остазиатише Гезельшафт» в Гамбурге — доктора Моора, для сек-

ретаря «Фербанда Фюрфернен Остен» («Ассоциации по изучению Дальнего Востока») в Берлине доктора Линде. Войдт брался также обеспечить рекомендации от Бернштейна (германский представитель «Опенштайн и Коппель» — железные дороги на Дальнем Востоке) в Шанхае — для Магнуса Ульштейна (газетно-журнальный трест), а также рекомендации дочерей Бернштейна для известного бывшего немецкого посла в Японии Зольфа.

Центр отреагировал через несколько дней, 28 апреля, подчеркнув желательность рекомендации «для Фрида, Линде и Зольф и, если возможно, также для «Тат Крейс». Эти рекомендации следовало срочно послать по адресу: Зорге, Берлин — Шарлотенбург, Кайзердам, 72. Примерное содержание рекомендаций, указывал Центр, должно было быть следующим: «Зорге является хорошим знакомым из Китая, просьбу принять и помочь ему в его дальнейших планах на Дальнем Востоке. Отправку писем телеграфируйте. **Сообщите ваше мнение о возможности использования Одзаки, а также его адрес**(выделено мной. — *М.А.*). Дайте легальный адрес для письма вам, а также дополнительную явку».

В конце мая из Шанхая была направлена телеграмма, сообщавшая, что рекомендательные письма «Рамзаю» на адрес Кайзердам, 72 посланы Войдтом 21 мая через Америку, одновременно — соответствующим лицам. Кроме согласованных с Центром лиц, было послано письмо редактору Д.А.Ц. Стреве, бывшему секретарю немецкой промышленной комиссии в Шанхае.

Таким образом, легализация Зорге строилась на рекомендательных письмах, полученных с помощью Войдта. 9 августа 1934 г. Бронин докладывал в Центр: «Коммерсант (Г. Войдт. — *М.А.*) нам оказал не одну услугу; напоминаю Вам хотя бы только то, что Р-й свою легализацию построил на письмах Коммерсанта». «Коммерсант с согласия Центра дал... Рамзаю рекомендательные письма на имя 2—3 редакторов немецких газет и журналов. На основании этих рекомендательных писем Рамзай получил в Германии представительства этих газет и легализован как корреспондент этих газет», — значилось в справке о «Коммерсанте» от 31 марта 1937 г.

Какие соображения могли обосновать выбор Центром кандидатуры Зорге на роль руководителя нелегальной токийской резидентуры, которую предстояло создать?

В пользу Зорге говорил ряд его личных качеств, отвечавших требованиям и условиям предстоящей работы: энергичность, решительность; умение приобретать широкие связи; известная склонность к авантюризму (в положительном смысле этого слова, то есть «любовь к приключениям»); способности блестящего аналитика; профессиональная подготовка как журналиста; свободное владение английским языком; наличие опыта зарубежной работы по линии Коминтерна; трехлетний опыт нелегальной разведывательной работы в Шанхае; знакомство с военно-политической и экономической обстановкой на Дальнем Востоке.

Ошибки и промахи в организации агентурной деятельности не являлись решающим препятствием к дальнейшему использованию Зорге. Они требовали лишь твёрдого и чёткого инструктирования и руководства, систематического наблюдения и контроля со стороны Центра (что, впрочем, требовалось от Разведывательного управления по отношению к любому резиденту за рубежом)[40].

Принимая решение о направлении Зорге в Японию под своей фамилией, Центр располагал далеко не полной информацией о его возможной расконспирации в Китае. Более того, странным образом не было придано значение его активной деятельности в рядах германской компартии, а в последующем, на протяжении пяти лет, — в Коминтерне. Не менее странным оказалось молчание самого Зорге — в переписке с Москвой он ни разу не затронул этого вопроса, от которого зависела его дальнейшая судьба.

Ни в одном документе не зафиксировано, какие установки и указания получил «Рамзай» при инструктировании и обсуждении плана работы по коренным вопросам парирования существовавших угроз:

— «шанхайской угрозы» (легенда для объяснения прежней деятельности «Рамзая» в Шанхае на случай, если токийские немцы получат сообщения о связях Зорге с представителями КПК и Коминтерна из Шанхая);

— «берлинской угрозы» (легенда для объяснения прежней деятельности в коммунистической партии Германии и в Коминтерне при возможных встречах не только в Германии, но и в Токио со знакомыми по прежней жизни); не должна была исключаться и возможность того, что берлинские полицейские органы заинтересуются личностью Зорге после того, как в газетах начнут появляться корреспонденции из Японии и статьи за его подписью; в этом случае полицейская картотека предоставила бы справки о прежней деятельности «Рамзая» в Германии и по линии Коминтерна; на этот счет у «Рамзая» должны были быть свои объяснения).

В этом смысле Центр полностью упразднился. Разработка легенд и выработка линии поведения в экстренных случаях была целиком возложена на «Рамзая»[41]. Вероятность провала была заложена Центром изначально.

Зорге должен бы пройти промежуточную легализацию в Германии под своей фамилией, получить представительство от ряда газет и журналов (по возможности и в Голландии и Швейцарии) и отправиться в Токио в качестве корреспондента этих изданий.

Арест Рихарда Зорге явился полной неожиданностью не только для Отта, Мейзингера и других членов германской колонии в Токио, но и для руководящих сотрудников министерства иностранных дел Германии в Берлине, убеждённых, что арест известного журналиста явился следствием надуманных обвинений в его адрес.

14 ноября 1941 года на имя заведующего отделом печати МИД Германии барона Густава Брауна фон Штумма начальником секции II VIII (ведала вопросами Японии, Китая, Таиланда и других восточноазиатских стран) отдела секретарём Баслером была представлена служебная записка следующего содержания:

«Германский корреспондент Рихард Зорге, работавший с 1936 года в Токио для «Франкфуртер цайтунг», арестован японской полицией 22 октября 1941 года (дата ареста указана ошибочно. — М.А.) вместе с другим подданным рейха по имени Макс Клаузен по надуманному обвинению в антияпонских связях.

Рихард Зорге является хорошим знатоком Японии и талантливым журналистом; однако, строгой объективностью своих репортажей, в которых он порой позволял себе и критику, он часто навлекал на себя недовольство официальных кругов страны пребывания. Исходя из информации, полу-

ченной от ответственных германских инстанций в Токио, подозрение насчет вменяющейся, в вину Зорге причастности к коммунистической деятельности следует считать заблуждением. По мнению посла Отта, близко знающего Зорге, эта акция представляет собой политическую интригу, поскольку Зорге получил некоторые секретные сведения о состоянии японо-американских переговоров, имеющих статус государственной тайны.

До сих пор не разрешено проводить с арестованным никаких бесед, если не считать кратковременного формального посещения его со стороны посла Отта. Несмотря на постоянно предпринимаемые министерством иностранных дел усилия, прокуратура всё ещё отказывает в предоставлении возможности ознакомления с имеющимися доказательствами противозаконной деятельности обвиняемого. Как говорят, в связи с этим инцидентом арестовано также большое число японцев»[42].

На основании служебной записки в этот же день уже за подписью Штумма был подготовлен соответствующий меморандум[43].

Таким образом, спустя месяц после ареста в Берлине, по крайней мере, в имперском министерстве иностранных дел всё ещё не была поставлена под сомнение лояльность Рихарда Зорге третьему рейху. Этому способствовала информация, полученная от Отта как сразу же после ареста Зорге, так и после свидания с ним в тюрьме 25 октября.

Расследование дела Рихарда Зорге лично возглавил начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА) Рейнхард Гейдрих.

Спустя более трех месяцев, 5 февраля 1942 г., сотрудник отдела печати МИД, уже упоминавшийся секретарь Баслер, представляет записку на имя помощника госсекретаря по политическим вопросам и госсекретаря Бюро рейхсминистра иностранных дел с информацией о том, что удалось выяснить по поводу личности Рихарда Зорге. Эта Записка состоит из двух частей, в первой из которых он сообщает о результатах расследования в Японии:

«Представитель газеты "Франкфуртер Цайтунг" в Токио д-р Рихард Зорге находится почти три с половиной месяца в предварительном следствии в Японии по обвинению в поддержании противогосударственных связей и проведении коммунистической деятельности. В ходе следствия японской полицией установлено, что с 1925 по 1929 год Зорге под псевдонимом "Зонтер" работал на Коммунистический Интернационал и направлял в Москву, по её указанию, в ходе поездок в скандинавские страны доклады по экономическим, политическим и военным вопросам. В 1929 году он получил приказ выехать в Китай и направлять оттуда доклады по политическим, экономическим и военным вопросам. В Японии он сотрудничал с людьми, которые долгие годы занимались противогосударственной деятельностью, а также поддерживал связь с советским службами.

Констатация следственных органов Японии основывается, прежде всего, на двух записках, которые якобы составлены самим Зорге, и, которые доведены до сведения германского посольства. Предъявленное германским посольством требование побеседовать с Зорге, было отвергнуто японцами. До настоящего времени не установлено, действительно ли в этих двух записках Зорге сам признался, что работал на Коммунистический Интернационал»[44].

Само содержание первой части Записки больше свидетельствует о сомнениях автора в части утверждения японцев, поэтому и присутствует слово «якобы».

Вторая часть Записки интересна тем, что же удалось выяснить подчинённым Гейдриха, ответственным за проведение расследования, уже имея вышеперечисленные исходные данные:

«Результаты расследования, произведённого в Германии начальником полиции общественной безопасности и службы безопасности (Гейдрих. — Прим. авт.), показали, что с февраля 1921 по 1922 год Зорге был редактором коммунистической газеты "Бергише Арбайтерштимме" и советником по юридическим вопросам Коммунистической партии Германии. В 1922 году он подал в отставку с поста редактора, так как не был согласен с программой Коммунистической партии Германии и больше симпатизировал независимой социал-демократии. Вполне возможно, что в период с 1925 по 1929 года д-р Рихард Зорге работал на Коммунистический Интернационал и написал входящие в сборник "Коммунистический Интернационал" статьи, авторами которых являлся некий И.К. Зорге и некий Р. Зонтер. Начальник полиции общественной безопасности и Службы безопасности также узнал, что Зорге, вероятно, работал в Южной и Западной Германии политическим секретарём. В 1925-1929 годы он был частным секретарём ответственного советского функционера, который был в оппозиции Коммунистической партии России. В период с 1930-1931 год его часто встречали в Москве у коммунистического функционера Хекерта. Наверное, он занимал некоторые должности в Советской России, но после конфликта с группой Бухарина он был освобождён от выполнения своих обязанностей.

С 1 октября 1934 года являлся членом Национал-социалистической рабочей партии Германии. Расследования, произведённые в Германии, ещё не доказали, что с этого времени он совершал некоторые противогосударственные деяния. В отношении его деятельности в Японии также нет никакого доказательства того, что он действовал в противогосударственном духе. Со стороны германского посольства выражается сомнение в отношении сделанных японской стороной утверждений»[45].

Итак, выводы, к которым пришли в РСХА: «не был согласен с программой Коммунистической партии Германии и больше симпатизировал независимой социал-демократии; «вполне возможно, что в период с 1925 по 1929 года д-р Зорге работал на Коммунистический Интернационал», «в 1925-1929 годы он был частным секретарём ответственного функционера, который был в оппозиции Коммунистической партии России», «после конфликта с группой Бухарина был освобождён от выполнения своих обязанностей». Не густо, и к тому же не в полной мере соответствует действительности, совершенно опущен китайский период Зорге. И весь этот сомнительный компромат имел место до 1933 года, т.е. до прихода Гитлера к власти. Так что, утверждения, что проверки в архивах могли бы привести к разоблачению Зорге не имели под собой никаких оснований.

Служебная записка, подготовленная в министерстве иностранных дел спустя несколько дней — 11 февраля 1942 г. — всё тем же Баслером ещё раз убеждает в отсутствии достаточных данных о политической деятельности Зорге: «При расследовании дела Зорге прошу, если это возможно, также навести справки о супруге Зорге. Фрау Зорге, насколько здесь известно, проживает в Штутгарте. В 1934 году она рассталась со своим мужем. Насколько мне известно, официально, брак не был расторгнут. Возможно, что ей известны

подробности о политической деятельности Зорге в послевоенные годы. Далее необходимо расследовать, каким образом Зорге стал членом НСДАП. Кто давал ему рекомендацию, кто лучше знал его? ...»[46].

28 мая Гейдриха, на которого накануне было совершено покушение (ранение оказалось смертельным), на посту руководителя РСХА сменил Генрих Гиммлер, он же и продолжил руководство расследованием дела Зорге. Расследование продолжалось ещё пять месяцев.

27 октября 1942 года рейхсфюрер СС и начальник Главного управления имперской безопасности Генрих Гиммлер писал рейхсминистру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу, подчеркивая следующее: «Благодаря старой дружбе с послом Оттом Зорге с самого начала войны был осведомлён обо всем, что передавалось по каналам радиосвязи в Берлин из германского посольства в Токио. Позднее Зорге также временно руководил работой отделения Германского телеграфного агентства в Токио. Ввиду того, что Зорге постоянно и наилучшим образом был информирован из германских источников о политике стран оси и её направлениях в будущем, дело Зорге о шпионаже повлекло за собой серьёзные политические опасности ... Я распорядился принять меры к обеспечению впредь необходимых предосторожностей относительно приёма в организации (НСДАП. — *М.А.*) за границей ... Исходя из этих фактов шпионажа ... я хотел бы, кроме этого, добиться, чтобы все сотрудники, не входящие в представительство, проходили проверку в органах безопасности, с тем чтобы в будущем избежать подобных прецедентов»[47].

«Гиммлер негодовал, что МИД доверял человеку, прошлое которого не было достаточно проверено. Ведь Рихард Зорге под своим настоящим именем работал в Коммунистической партии Германии как её юридический консультант, а в 1923 г. редактировал коммунистическую газету "Бергише арбайтерштимме". Позже он попал — и опять под своим собственным именем, как подчеркивал Гиммлер, — в Москву...»[48]. Гиммлер сообщал Риббентропу о результатах полицейского расследования, «которое **ныне было проведено впервые, но которое, будь оно проведено ранее, дало бы те же самые результаты** (выделено мной. — *М.А.*)»[49].

Как следует из Записки секретаря Баслера из германского МИДа от 5 февраля 1942 г., полицеского досье на Зорге не существовало. Имевшиеся же отдельные сведения о его далёком коммунистическом прошлом, о которых упоминается в Записке, даже если бы они были и обнаружены, Зорге нейтрализовал своим умелым поведением и своими «идеологически выдержанными» высказываниями. «Рамзай» сумел укрепить доверие к себе со стороны нацистов как к человеку, политически вполне благонадёжному.

Всё это позволяет иначе посмотреть на т. н. «свидетельство» бывшего руководителя отдела Е (контрразведка) IV управления (гестапо), а в последующем заместителя начальника (со 2 июля 1941 г.), начальника (с 24 февраля 1943 г.) VI управления (разведка) Главного управления имперской безопасности Вальтера Шелленберга (РСХА). В 1991 г. одновременно на русском языке были изданы воспоминания Шелленберга в переводе с английского языка под названием «Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика»[50] и в переводе с немецкого языка — «Мемуары»[51]. Сопоставляя текст главы «Дела Рихарда Зорге» в изданиях в переводе на русский язык с немецкого и с английского языков нель-

зя не обратить внимание на существенные искажения и нелепицы, внесённые при вторичном переводе с английского языка на русский язык.

В. Шелленберг попытался как-то оправдаться и обелить себя в своих мемуарах, прибегнув к неуклюжей лжи, которая, невзирая на путанное повествование, однако, нашла своих благодарных адептов и кочует многие десятилетия из одного издания в другое. Мемуары Шелленберга представляют собой смесь вымысла и правды. Именно вышесказанное делает необходимым прокомментировать отдельные, в ряде случаев пространные пассажи воспоминаний руководителя контрразведки, а в последующем — политической разведки Главного управления имперской безопасности третьего рейха. Вместе с тем, воспоминания Шелленберга позволяют судить об оценке в Берлине информации, поступавшей от Зорге, которую вынужден был дать бывший руководитель контрразведки гестапо.

«Летом 1940 года, — пишет Шелленберг, — ко мне обратился директор Германского информационного бюро (ДНБ), господин фон Ритген, и попросил поговорить со мной по поводу Рихарда Зорге. С 1934 года Зорге жил в Восточной Азии. Все это время он сотрудничал с Германским информационным бюро, а также был корреспондентом «Франкфуртер цайтунг». Возникло подозрение в его нелояльности — первой высказала недоверие к Зорге зарубежная организация НСДАП, указав при этом на его политическое прошлое»[52].

Шелленберг был крайне лаконичен, ограничившись словами «политическое прошлое», не удосужившись упомянуть, о каком политическом прошлом шла речь, о какой зарубежной организации НСДАП, говорилось (судя по всему токийской), откуда у токийской организации НСДАП появились сведения об этом самом прошлом, и в чём собственно заключалась нелояльность Зорге, открывая тем самым простор для творчества исследователей. Других поводов для подозрений Шелленберг не назвал.

«Фон Ритген, с которым Зорге вёл личную переписку, — «вспоминает» Шелленберг, — просил меня заглянуть в секретные дела на Зорге, которые вели 3-е (III управления РСХА. — СД — внутриполитическая служба. — Отдел С 4 (пресса, издательское дело и радио). — *М.А.*) и 4-е ведомства (IV управление РСХА. — гестапо. — *М.А.*).

Ритген, который, как было видно, не хотел отказываться от сотрудничества Зорге с ДНБ, **указал на сотрудничество Зорге с профессором Хаусхофером в Мюнхене, факт, вызывающий сомнения в политической благонадежности Зорге**(выделено мной. —*М.А.*). В геополитическом журнале Хаусхофера была помещена длинная серия статей Зорге о «Восстании молодых офицеров», по мнению Ритгена, лучшее, что когда-либо было написано о подоплёке тогдашних разногласий между армией и промышленными кругами Японии. Ритген восхищался великолепным знанием Зорге страны и людей Восточной Азии, а также его глубоким пониманием политических процессов вообще в странах Востока. Так, например, он всегда точно знал и верно оценивал, по словам Ритгена, соотношение сил между Китаем, Японией и Россией, с одной стороны, и Америкой и Англией — с другой» [53].

Из этого пассажа можно заключить, в чём собственно, по мнению Шелленберга, заключается «политическая неблагонадежность» Зорге — в свя-

зях с профессором Хаусхофером. Зорге удалось создать убеждение у окружающих о покровительстве к себе со стороны последнего. За давностью лет, Шелленберг совершает просчёт — на момент обращения к нему Ритгена — летом 1940 г. — Карл Хаусхофер, — близкий человек к Гессу, который находился под влиянием его геополитических теорий, был персоной грата. Вот, если бы эти подозрения были озвучены Ритгеном год спустя — после 10 мая 1941 года, когда Гесс совершил перелёт из Германии в Англию, — тогда их можно было бы принять и признать. Ведь только после этого перелёта Гитлер объявил Гесса сумасшедшим. Именно тогда в опалу попал и Хаусхофер.

Шелленберг в переводе с немецкого продолжает: «Я просмотрел документы о Зорге. **Из них нельзя было убедиться в необходимости что-либо предпринимать против Зорге** (выделено мной. — *М.А.*). Правда, документы о его прошлом заставили меня задуматься — Зорге поддерживал тесные контакты с многими агентами Коминтерна, известными нашей разведке. Кроме того, в двадцатые годы он был в хороших отношениях с националистскими, праворадикальными и национал-социалистскими кругами, в том числе со Стеннесом, одним из бывших фюреров СА, который после исключения из партии убежал в Китай, где стал военным советником Чан Кайши. ...»[54].

Профессия журналиста предусматривает установление и поддержание самых разнообразных связей и знакомств с лицами порой противоположных взглядов и убеждений. Подобные контакты не могут и не должны вызывать подозрения у окружающих.

В выше процитированном абзаце Шелленберг не лукавит. Только он переносит события октября 1941 года на лето 1940 года. К документам о Зорге он обратился только после ареста Зорге в октябре 41-го и убедился, что по имеющимся материалам против последнего не было «необходимости что-либо предпринимать».

Однако следом бывший начальник отдела контрразведки вдруг начинает говорить об иностранных разведках — ведь об аресте Зорге ему уже было известно и пора уже переходить к сотрудничеству Зорге с какой-то из иностранных разведок: «Когда я беседовал с Ритгеном о возможных посторонних связях Зорге, он высказал следующее мнение: **если он даже на самом деле связан с иностранными разведками** (выделено мной. — *М.А.*), мы должны все-таки найти средства и способы, с одной стороны, обезопасить себя, а с другой — извлечь пользу из знаний Зорге. В конце концов, я обещал Ритгену в дальнейшем защитить Зорге от нападок партийного руководства, если он согласится наряду со своей журналистской деятельностью выполнять и наши задания. Он должен будет сообщать нашей разведке время от времени информацию о Японии, Китае и Советском Союзе; при этом я предоставил Ритгену самому подумать о том, каким образом наладить передачу информации.

Когда я сообщил об этом Гейдриху, он одобрил мой план, но с условием, что за Зорге немедленно будет установлено наблюдение. Гейдрих был настроен скептически и учитывал возможность того, что Зорге может снабжать нас дезинформацией; ввиду этого он предложил направлять информацию Зорге не по обычным каналам, а подвергать её особой проверке. Он поручил, кроме того, обсудить всё это дело ещё раз как следует с Янке»[55].

Описывая события 1937 г., Шелленберг скажет о Курте Янке[56]: «До этого я очень поверхностно знал его и не подозревал, что он уже много лет является одной из руководящих фигур немецкой тайной службы».

«Должен признать, что я по небрежности промедлил с установлением немедленного контроля над Зорге, которого потребовал Гейдрих. Правда, организация такого наблюдения была затруднена тем, что, во-первых, в этом случае нельзя было сделать письменных распоряжений, а во-вторых, наши сотрудники в Японии были для этого ещё молоды и неопытны. Когда я говорил об этом с Янке, он странным образом уклонился от решения этого вопроса, делая вид, что он не знает Зорге как следует. Я же знал, что ему обо всём известно от Ритгена, но, тем не менее, не стал «давить» на него»[57].

Основания для подозрений о возможной связи Зорге с иностранными разведками (если таковые имелись, а не являлись плодом фантазии Шелленберга) могли быть всё теми же — разнообразные связи известного журналиста. Весомыми подобные подозрения никак не назовешь. Тем не менее, Гейдрих допускает возможность дезинформации со стороны Зорге? В связи с чем? Значит, он предполагал, что Зорге является разведчиком? Почему? Авторы доноса, если таковой и существовал, высказывали подозрение, только подозрение, о нелояльности режиму Зорге со ссылкой на его политическое прошлое. Но ни о каких связях с иностранными разведками речи не шло.

«... однако тогда у нас, как уже упоминалось, имелись только улики, но не было точных доказательств его сотрудничества с Советами. Когда мы получили доказательства, было уже слишком поздно»[58] — «вспоминает» Шелленберг.

Интересна цитируемая уже фраза: «...защитить Зорге от нападок партийного руководства, если он согласится наряду со своей журналистской деятельностью выполнять и наши задания. Он должен будет сообщать нашей разведке время от времени информацию о Японии, Китае и Советском Союзе». Но ведь Зорге и так сообщал «время от времени информацию о Японии, Китае» — посылал исчерпывающие доклады Ритгену.

И информация эта очень высоко оценивалась последним. Через ДНБ часть этой информации распространялась через газеты и журналы как внутри Германии, так и за рубежом. Более того, информация, поступавшая из Токио от Зорге, докладывалась, как выясняется из воспоминаний Шелленберга, в том числе и Гитлеру: «К тому времени Зорге сообщил нам оценку общего положения, согласно которой он считал вступление Японии в тройственный пакт всего лишь политической манипуляцией, не имеющей для Германии никакого реального военного значения. После начала войны с Россией он также указал на то, что Япония ни при каких обстоятельствах не нарушит пакта о ненападении, заключённого с Россией; война в Китае, по его утверждению, предъявляет колоссальные требования к военному потенциалу Японии — прежде всего военно-морской флот настоятельно требует установления контроля над южной частью Тихого океана. Он заключил это из характера снабжения сухопутных войск нефтью и горючим — по его мнению, этих запасов хватит лишь на полгода. Тот факт, что военно-морской флот располагал значительными ресурсами, свидетельствовало, как он считал, о смене главных направлений военных действий.

В 1940 году подтвердилось, насколько верными были эти сообщения; но их больше не использовали, так как после смерти Гейдриха Гиммлер не хотел больше брать на себя ответственность информировать Гитлера»[59]. Шелленберг, как уже отмечалось ранее, ошибся годом: подтверждение информации, поступавшей от Зорге, могло иметь место, не в 1940-м, а в 1941-м году. И информирование Гитлера сведениями, поступавшими из Токио, должно было прекратиться не после смерти Гейдриха (июнь 1942 г.), а после ареста Зорге (октябрь 1941 г.).

Поручение Шелленберга, которое должен был передать Ритген Зорге, — «сообщать нашей разведке время от времени информацию» не только о Японии и Китае, но и о Советском Союзе — абсурдно в части последнего задания. По определению у Зорге не могло быть информации о СССР, ведь общался он не с советскими дипломатами и с советскими представителями, приезжавшими в Токио, а с представителями Германии в Японии, а информацию о Советском Союзе, которой располагали японцы, они напрямую передавали Берлину через военных атташе.

Невозможно представить себе, чтобы Шелленберг и Гейдрих, даже располагая только уликами против Зорге при отсутствии «точных доказательств его сотрудничества с Советами», могли допустить продолжение деятельности советского разведчика в недрах германского посольства, даже не удосужившись предупредить об этом Ойгена Отта.

И, наконец, о представителе гестапо Мейзингере, который должен был отвечать за вопросы безопасности в немецкой колонии в Токио и поддерживать связи с представителями полиции и контрразведывательными органами Японии. Он по определению должен был следить за Зорге, как и за остальными членами германской колонии. И тот факт, что Мейзингер появился в Токио спустя восемь-девять месяцев после «поступления» доноса — в конце апреля 1941 г. — говорит о надуманности ситуации, связанной с гестаповцем в части того, что Шелленберг «поневоле поручил Майзингеру установить за Зорге наблюдение и регулярно сообщать» ему о его результатах по телефону[60]. Якобы регулярные сообщения Мейзингера руководителю отдела контрразведки гестапо РСХА о «Посте» — «кличка», которая была выбрана для Зорге, — содержавшие положительные отзывы о нем, не более, чем не совсем удачная фантазия автора мемуаров.

Поэтому легализация Зорге в Японии под собственным именем и по своей профессии журналиста, по сути, была единственно возможной. И более того, как показало время, — успешной.

Из вышесказанного следует совершенно определённо, что Зорге вплоть до своего ареста не проходил никаких проверок в германских органах государственной безопасности. **Более того, потребовался ни один, и ни два месяца, чтобы установить его истинное лицо.** А это означает также, что Зорге не имел никакого отношения к германским спецслужбам, ни к абверу, ни к политической разведке. Это означает также, что его легализация под своим собственным именем и в качестве журналиста была совершенно оправдана и не имела никакой альтернативы. Более того, он настолько правильно выстраивал свое поведение, организовывал свой образ жизни, что всё его окружение и в Токио, и в Берлине вело игру по его правилам, не допуская мысли о том, что оказывает содействие советскому разведчику.

1.4. «Оба человека, особенно Осака [Одзаки], очень ценные и абсолютно надёжны. С обоими работал лично Рамзай»

(из «Характеристики лучших связей резидентуры Шанхай», январь 1933 г.)

К приезду Рихарда Зорге в Шанхай (10 января 1930 г.) в составе Шанхайской резидентуры числился японец Кито Гинити, «Джордж» («Жорж»). Последний, судя по всему, являлся членом японской секции американской компартии. В Северо-Американских Соединённых Штатах он и был привлечён к сотрудничеству с IV Управлением. В Шанхай Кито прибыл в августе 1929 г. Полной ясности по части его использования у Центра на тот момент не было. Первоначально предполагалось направить его в Корею с заданием «найти интересующие нас военные связи». Одновременно ему ставилась задача выяснить «возможность своего переезда в Японию для ведения нашей работы в будущем». Уже в сентябре Центр отказался от своих планов и решил вернуть японца в Шанхай, где ему предстояло легализоваться и вести работу в японской колонии. В конечном итоге «Джордж» устроился работать служащим японской транспортной конторы, где «благодаря хорошему знанию английского языка и общей интеллигентности» быстро продвигался по службе. Нелегальный резидент в Шанхае Улановский всячески оберегал его, рассчитывая использовать в перспективе, по мере занятия им определённых позиций на службе.

От Кито ожидали, что он будет работать в шанхайской резидентуре в качестве вербовщика-осведомителя. Но таковым он не стал. Кито не удалось никого завербовать, и от него не поступило никаких документов, представлявших интерес для разведки. О нём в переписке содержались лишь скупые упоминания отрицательного свойства, если не считать надежд, которые возлагал на него нелегальный резидент Улановский.

«На Яп[онца] приходилось нажимать — очень инертный»[61], — давал оценку Кито Зорге[62]. «Рамзай» был о нём невысокого мнения, и, видимо, заслуженно. Однако Зорге ничего не предпринял, чтобы изменить отношение японского агента к разведывательной деятельности, не попытался даже оценить возможности «Джорджа», исходя из должности, которую тот занимал в японской транспортной компании. Более того, Зорге был не в курсе о продолжавшихся контактах Кито с представителями компартии Японии, что, в конечном итоге, послужило причиной провала японского агента. За двухлетнее пребывание Кито в составе шанхайской резидентуры Центр ни разу не попытался отреагировать на столь очевидно неудовлетворительные результаты работы агента, которого сам подыскал и направил в Китай.

В своих «Тюремных записках», давая «пояснения относительно Кито», Зорге категорически от него отмежевался. «Он не был членом моей группы и не работал со мной — это я твердо заявляю. Я несколько раз слышал о нём от Смедли и Одзаки, но между нами совершенно не было личных отношений. Хотя я помню о других членах группы, о нём совершенно не помню»[63]. И здесь же: «Кроме того, мне было запрещено Москвой брать в партнеры известных людей, вроде Кито». Подобная позиция может быть объяснена только одним: Зорге хотел отвести от Кито подозрения.

17 сентября 1931 г. Зорге сообщил в Москву: «Наш японский сотрудник по фамилии Кито со времен Шерифа арестован. Возвращаясь в августе из Японии на пароходе, встретился со знакомым старым партработником японцем, ехавшим сюда на работу. В связи с арестом японца взят и наш. Здесь Кито ничего не видел, вывезен в Японию для дальнейшего следствия. Опасно, что может отозваться на старой тройке. Считаем нужным прислать нового мастера. Если история окажется без последствий, то можно его использовать взамен Макса. В связи с этой и старыми историями, как и двухгодичным пребыванием в Китае Рамзая, просим заранее подготовить смену». Под старой тройкой Рамзай имел в виду себя и радистов, Манеса и Клаузена.

В связи с арестом Кито Зорге писал: «До сих пор он как будто держится молодцом. Надолго ли, трудно сказать. Если он не выдержит, то его показания составят для нас, т. е. Ра. и Се. (Зеппель — *М.А.*) такую тяжесть, которую вряд ли кто может выдержать без разрушения здоровья. Тут необходимо принять во внимание все большие и малые свинства последних недель и прошедших 1 ½ лет. Мы не хотим вас обеспокоить, но нам всем тут по горло достаточно, и мы охотно бы уехали домой. Мы ведь тут уже 2 года, что очень много при теперешнем положении в стране».

21-го сентября 1931 года Рамзай доложил из Шанхая: «Наше положение в связи с арестом японского сотрудника улучшается. Арест и следствие сводится, главным образом, к знакомству его с арестованным японским товарищем. Японская полиция не думает, что он что-нибудь знал или играл какую-нибудь роль».

[Резолюция] «II отд. Независимо от этого замену Рамзаю нужно готовить и, вообще, укомплектовать шанхайский аппарат. 24/IX/ 31 Берзин».

18 ноября 1931 года Рамзай направил телеграмму в Центр, в которой, в том числе, сообщил о положении «Джорджа»: «...Наш япон[ский] сотрудник Кито сидит в Токио в полицейском метрополитене. Держится хорошо, просим для него что-нибудь. Полиция предполагает связь в Шанхае, нам очень трудно ему помочь».

Под телеграммой две резолюции: «II [отдел] Пр[ошу] переговорить. 21/XI Берзин», и «Об этом нам до сих пор ничего не известно. Давыдов».

Арест Кито совпал с японским вторжением в Маньчжурию, коренным образом изменившим ситуацию на Дальнем Востоке. 21 сентября 1931 года Рихард Зорге направил из Шанхая телеграмму: «Японский военный атташе утверждает, что маньчжурская операция начата без согласия японского правительства и ограничивается Маньчжурией. 270 японских офицеров в гражданском посланы в Мукден для назначения гражданской администрации. Японцы рассчитывают, что Америка не будет противодействовать. Думаем, что движение ещё не носит активного антисоветского характера»[64]. Телеграмма была разослана Ворошилову, Гамарнику, Тухачевскому, Егорову и Артузову. Следует отметить, что между арестом Кито и телеграммой со ссылкой на японского военного атташе прошло всего несколько дней. До этого, телеграмм с подобной ссылкой Зорге не отправлял. 23 сентября из Шанхая ушла очередная телеграмма, основанная на информации, полученной из разных источников, в том числе и от военного атташе Японии. Через два дня в Центр была отправлена новая телеграмма Рамзая, основанная на данных, полученных от японского атташе. И так на протяжении четырёх месяцев. Буквально

за считанные дни, прошедшие после провала «Джорджа», Зорге «начал работать» с Одзаки Ходзуми (Хоцуми), своим «самым главным соратником», и работать очень плодотворно.

В «Тюремных записках» Зорге писал: «Если бы Кито был членом моей группы, я, наверное, не стремился бы познакомиться с Одзаки. Дело в том, что я хотел иметь только одного способного и знающего сотрудника из японцев и никак не собирался создавать большую группу в пять или шесть человек»[65]. Пока не арестовали Кито Гинити, Зорге не считал нужным привлекать к сотрудничеству ещё одного представителя японской национальности, даже при всей ничтожности результатов работы Кито. Более того, «Джордж» в оргписьмах чаще всего проходил под № 6, такой же номер был присвоен Одзаки Ходзуми, о существовании которого Зорге знал задолго до этого от Смедли и уже был с ним знаком. Были знакомы между собой и Кито с Одзаки. Однако только с отъездом последнего из Китая к сотрудничеству с разведкой был привлечён очередной японец.

Связь Одзаки с военной разведкой совпала с началом оккупации Маньчжурии японцами, которая коренным образом повлияла на расстановку сил в Китае и последующее развитие событий. Возможно, этот фактор явился решающим для Зорге, и Одзаки был бы привлечён к сотрудничеству независимо от провала Кито, так как Центру необходима была информация о планах и намерениях Японии на материке.

Одзаки Ходзуми родился в Токио в 1901 году. Вскоре семья переехала на Тайвань, где отец начал работать журналистом в местной газете города Тайбэя — «Тайван нити-нити». В 1919 г. Одзаки вернулся в Токио и стал учащимся Первой школы высшей ступени «Дайити», в которую принимали наиболее одарённых. Окончил юридический факультет Токийского императорского университета. Уже в университете Одзаки примкнул к левому студенческому движению и стал членом «Синдзинкай» («Общества новых людей»)[66]. Владел немецким, китайским и английским языками.

После окончания университета Одзаки в течение года стажировался там же по специальным дисциплинам. Участвовал в семинаре известного экономиста и марксиста профессора Ёситаро Омори по работе Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма (Популярный учебник марксистской социологии)». В то же время Одзаки познакомился с «Капиталом» Маркса и некоторыми ленинскими работами. Одновременно начал изучать Китай, интерес к которому у него возник ещё на Тайване.

В 1926 году Одзаки поступил на работу в газету «Токио Асахи», стал членом журналистской секции токийского отделения профсоюза печатников Канто (под псевдонимом Кэндзи Кусано), входившего в левое профсоюзное объединение «Хёгикай», которое работало под руководством КП Японии.

Перед поездкой в Шанхай, Одзаки перешёл на работу в «Осака Асахи» и переехал в Осака, где с ним связался товарищ по школе «Дайити» — Такэо Фуюно, активист осакского отделения «Хёгикай», который предложил вступить в компартию. Одзаки оказался к этому не готов, а Фуюно был арестован полицией во время массовой облавы на коммунистов и погиб в тюрьме. Этот эпизод из жизни Одзаки свидетельствовал о том, что в компартии Японии о нём знали.

В декабре 1928 года Одзаки уехал спецкором газеты «Осака Асахи» в Шанхай. Знакомство с марксизмом в Японии и соприкосновение с революци-

онным освободительным движением в Китае изменили его мировоззрение, он стал марксистом. Японский исследователь Ватабэ Томия утверждает, что Одзаки все-таки был членом КП Японии[67].

На почве интереса к марксизму и симпатий к освободительному движению в Китае Одзаки сблизился в Шанхае с молодыми японскими специалистами по Китаю, обучавшимися в Академии по изучению Восточной Азии («Тоа добун сёин»), японском учебно-исследовательском учреждении, созданном в 1901 г. с целью подготовки японских кадров для колонизации Китая. Вначале он вёл у них семинар по бухаринской работе «Теория исторического материализма», но постепенно стал их неформальным лидером. Из студентов Академии его единомышленниками стали Цутому Наканиси и Сигэру Мидзуно[68].

Участники семинара свели Одзаки с активистами КПК, в частности, с Ван Сюэвэнем и Янь Люсинем, закончившими императорский университет в Киото. Ван Сюэвэнь был известен тем, что перевёл на китайский «Капитал» Маркса. В Шанхае он отвечал за работу с японскими резидентами. Особенно сблизился Одзаки с Янь Люсинем, который был родом с Тайваня, где закончил школу, и хорошо говорил по-японски. В конце 1930 г. Ван Сюэвэнь и Янь Люсинь основали в Шанхае антиимпериалистическую «Японо-китайскую лигу борьбы». Одзаки поддерживал связь с Янем до января 1932 г., когда последнего перевели на партийную работу в другое место, где его вскоре арестовали, отправили на Тайвань, и он умер в тюрьме.

Еще одним каналом связи с китайскими коммунистами стал для Одзаки журнал «Chinese Workers Correspondece» («C.W.C.»), который Одзаки считал пропагандистским органом КПК. Учитель китайского языка, нанятый Одзаки, оказался сотрудником этого журнала. Через некоторое время он предложил Одзаки обмениваться информацией, в которой оба были заинтересованы. Когда Одзаки согласился, этот человек ввёл его в организацию, которую назвал группой политических советников КПК в Шанхае. На допросах Одзаки подчеркивал, что не знал, кто были эти люди и как назывался партийный орган, который они представляли. Одзаки давал свои оценки событиям или фактам, интересовавшим китайскую сторону, а взамен получал информацию о различных милитаристских группировках, крестьянском движении, о положении в КПК и т. п.

В Шанхае Одзаки часто посещал книжный магазин «Цайтгайст», который финансировался ИККИ и торговал «левой» литературой, в том числе коминтерновской, на английском, немецком и французском языках. Директором магазина с 1930 по 1933 (1935?) г. была немка Ирене Вайтмайер, студентка Коммунистического университета трудящихся Востока (1927—1928); сотрудница аппарата ИККИ (1928—1929); экономист НИИ монополии внешней торговли НКВТ СССР (1929—1930). По данным Коминтерна, в 1936—1937 гг. Вайтмайер являлась сотрудницей Разведывательного управления РККА.

Одзаки считал, что она была связана с МОПРом (Международной организацией помощи борцам революции — благотворительной организацией, созданной по решению Коминтерна в качестве коммунистического аналога Красному Кресту). Скорее всего, этот магазин являлся коминтерновской явкой[69].

Вайтмайер в 1930 г. свела Одзаки с Агнес Смедли. Между Одзаки и Смедли завязались не просто деловые и дружеские, но и глубокие человеческие

отношения. Одзаки перевёл на японский язык роман Агнес Смедли «Дочь Земли», причём на титульном листе японского издания стоял литературный псевдоним Одзаки — Сирикава Дзиро. Эта книга вышла в токийском издательстве «Каидзо Са» в 1934 г.

Аяко Исигаки, близкая подруга Смедли после её возвращения в США, оставила следующее свидетельство: в феврале 1947 г. она узнала о казни Одзаки в Японии и сообщила об этом Смедли. По её словам, эта новость явилась для Смедли сильнейшим ударом. Она призналась подруге, что Одзаки являлся для нее фактически мужем[70].

Книги Одзаки Ходзуми регулярно появлялись на прилавках книжных магазинов. Только в 1931 г. в токийском издательстве «Интернациональная пролетарская библиотека» вышли две его книги, посвящённых Китаю. В одной из них автор выступал под псевдонимом Сирикава Дзиро, в другой — под именем У Цзоси (китайский иероглиф «У Цзоси» соответствует японскому «Одзаки»)[71]. С 1927 по 1941 г. он опубликовал 5 книг, посвящённых Китаю, а также большое количество газетных и журнальных статей.

Как следует из материалов допросов, Одзаки не собирался заниматься разведывательной деятельностью и считал, что лишь стечение обстоятельств привело его на это поприще. «Дружеские контакты со Смедли и другими товарищами в Шанхае привели меня в разведку, у меня никогда не было желания заниматься этим профессионально», — говорил Одзаки. Он добавлял, что к сотрудничеству с разведкой его подтолкнуло также «полное бессилие японской компартии в этот период». Факт своего сотрудничества с советской военной разведкой Одзаки объяснял тем, что, по его мнению, «Коминтерн, советская компартия и советское государство представляют собой неразрывное целое»[72]. Одзаки пришёл в шанхайскую резидентуру, продолжая поддерживать тесные контакты с представителями КПК.

В Шанхае Одзаки знал Зорге как американского журналиста Джонсона (ни в одном документе IV Управления не значилось, что Рихард в ряде случаев представлялся как американский журналист Джонсон). Сразу после ареста на допросе в полицейском участке 15 октября 1941 г. Одзаки утверждал, что его встречу с Джонсоном организовал Кито. А на допросе у прокурора 5 марта 1942 г. он показал, что это сделала Смедли в одном из китайских ресторанчиков в Шанхае на Нанкин-роуд[73].

Согласно первой версии, Кито Гинити разыскал в Шанхае Одзаки и настоятельно советовал ему связаться с американцем по фамилии Джонсон. Боясь провокации, Одзаки согласился встретиться с Зорге только после консультации со Смедли. Последняя рекомендовала Одзаки пойти на встречу, сообщив, что Джонсон является «очень большим человеком», и сама представила ему Одзаки. Атмосфера встречи отличалась непосредственностью и взаимным доверием. В конце разговора Зорге попросил Одзаки снабжать его «подробностями» о японской политике в Китае. То, что «Джонсон» был на самом деле Рихардом Зорге, Одзаки узнал несколько лет спустя после возобновления связи с ним в Японии.

Зорге настойчиво открещивался от Кито: «По моим предположениям, Смедли имела с Кито прямые или косвенные контакты, и не от неё ли, думается, он узнал о моём желании заполучить японца, которому можно было до-

верять… Я познакомился с Одзаки через Смедли и уверяю, что не было никого другого, кто мог бы меня с ним познакомить»[74]. Как бы то ни было, и Кито, и Смедли знали Одзаки, могли познакомить его с Зорге, и, как следует из материалов допроса, оба предпринимали шаги в этом направлении. Можно предположить, что, поскольку Рамзай отрицал свои связи с Кито, именно последний и познакомил его с Одзаки.

Обстановка подталкивала Зорге к поиску источников информации из числа японцев, находившихся непосредственно в Северном Китае и Маньчжурии. И он обратился за помощью к Одзаки, который подыскал ему подходящую кандидатуру.

В организационном письме, отправленном из Шанхая в октябре 1931 г., «Рамзай» докладывал: «Наконец мы нашли японца, который согласен работать в № 5. Он на днях должен прибыть на место, и мы ожидаем его первые практические шаги. Мы ожидаем от него очень многое, т.к. я из бесед с ним заключил, что он обладает хорошими качествами.

Но всё это лишь первые шаги к расширению нашей деятельности, в том числе и на Севере. Настоящих результатов можем ждать лишь через 6—8 недель». Под № 5 имелся в виду Мукден.

В этом же письме Зорге подчеркивал возможности, которые открылись благодаря Одзаки: «Другим положительным фактом является связь со здешним японским обществом. Кое-какие результаты этого вы уже получили из наших коротких сообщений и из небольших приложений к нашему докладу о положении на севере».

Японцем, который согласился поехать в Мукден, был Тэйкити Каваи, журналист, закончивший университет Мэйдзи. В Китае Каваи находился с 1928 г. и работал в японском журнале «Шанхай сюхо». По данным японской полиции, он был членом коммунистической партии Китая[75]. С Каваи Зорге познакомил Одзаки. Каваи не знал иностранных языков, поэтому Одзаки выступал в качестве переводчика, и он же подготовил своего знакомого к встрече с «Рамзаем», на которой было получено согласие Каваи на поездку в Мукден и поставлены задачи по добыванию разведывательной информации. В отчетах «Рамзая» Каваи проходил под № 27. В последующем, уже в Японии, Зорге дал ему псевдоним «Ронин». По одной из версий, ронином в феодальной Японии называли самурая, который не смог защитить своего господина, и после его смерти скитался неприкаянным по свету; по другой, упрощённой версии: ронин — это самурай без хозяина.

18 ноября 1931 года из Шанхая ушла телеграмма: «Из Мукдена наш источник доносит: вся 2 дивизия, за исключением одного полка, который находится в Чанчуне, сконцентрирована в районе Сыпингай-Таонань-Ананци… Рамзай».

9 января Одзаки передал данные «японского консулата» о готовности Чан Кайши договориться с японцами. 23 января 1932 г. Одзаки вновь дал упреждающую информацию относительно планов Японии по развязыванию боевых действий в Шанхае. В конце января Одзаки трижды передавал Зорге сведения, полученные от японского атташе. Копии двух из трёх телеграмм, составленных на основании этой информации, были отправлены, как и предписывалось, самому Берзину и по пяти адресам: Ворошилову, Гамарнику, Тухачевскому, Егорову и Артузову.

Статистика телеграфной переписки Зорге по японским источникам следующая. 17 сентября он информирует Москву об аресте Кито, 21 сентября в Центр поступает телеграмма со ссылкой на японского военного атташе. Всего с 21 сентября 1931 года по 1 февраля 1932 года по информации, полученной от Одзаки, было отправлено 20 телеграмм, из них одиннадцать — по данным военного атташе Японии в Шанхае (десять из них были доложены высшему военному командованию страны). Всего же было доложено двенадцать телеграмм. Остальные не были «расписаны» руководству только потому, что содержали чисто военные сведения и направлялись в III (информационный) отдел IV Управления для учета.

20 отправленных в Центр телеграмм — это, как минимум, 20 встреч с Одзаки за четыре с небольшим месяца — чаще, чем один раз в неделю. Именно в ходе этих встреч были заложены основы глубокого взаимного уважения и доверия, сыгравшие свою роль в дальнейшем.

В «Тюремных записках» Зорге так писал о новом знакомом: «Одзаки был моим самым главным соратником. Впервые я познакомился с ним через Смедли в Шанхае. Отношения между нами и с деловой, и с человеческой точек зрения были совершенно безупречными. Его информация была чрезвычайно надёжной и наилучшей из той, которую я получал из японских кругов. С ним у меня быстро завязались дружеские отношения. ... Он покинул Шанхай в 1932 году, и это была серьёзная потеря для нашей группы. Он явно имел тесные связи с Китайской коммунистической партией, но я в то время почти не знал об этом, нет, фактически ничего не знал»[76].

В феврале 1932 г. Зорге в своём организационном письме в Центр охарактеризовал также и состояние работы с японскими агентами, которое в силу целого ряда обстоятельств, не зависящих от «Рамзая», оставляло желать лучшего: «В отношении работы и развития нашей фирмы за последнее время произошли следующие изменения. Наша работа на севере, т.е. в Му[кдене] вследствие строгих мер контроля и ухудшающихся условий связи не расширилась. Хорошее начало там не могло получить дальнейшего развития. Мы ещё месяц будем производить изыскания и накапливать опыт, дабы через месяц быть в состоянии сделать окончательный вывод относительно возможности поддержания связи с Мукденом. Может быть, это дело себя совершенно не оправдает. К этому следует добавить, что мы здесь, на месте, потеряли чрезвычайно ценного человека. Он на нашей схеме обозначен под № 6. Он должен переменить место жительства как раз в такое серьёзное время. Может ли он в ближайшее время вернуться, трудно сказать. Имеется возможность использовать здесь, хотя и не с таким успехом, как № 6, ист. 27, если мы придём к заключению перебросить его с севера на юг». И здесь же: «№ 6 является человеком, о котором уже говорилось выше. Он в качестве журналиста имел связи до консула своей национальности и до атташе. Он был очень надёжным, так как, если бы этого не было, мне давно пришел бы конец. Я с ним начал работать вскоре после провала нашего 55. Он также связал меня с человеком № 27. К сожалению, ему пришлось оставить этот город. Его ведомство его отослало, вероятно, потому, что оно ему больше не совсем доверяло. Его уход для нас большая потеря, которую мы не можем возместить в ближайшее время».

Под № 6 и 27 у Рамзая проходили Одзаки Ходзуми и Каваи Тэйкити. № 55 в этом письме был обозначен Кито Гинити. Отъезд Одзаки из Шанхая в такой

критический момент не мог не повлиять на качество информации, особенно на первых порах.

Показательны в характеристике Зорге слова о том, что Одзаки был отозван из Шанхая, так как его «ведомство» — редакция — «ему больше не доверяло». Не доверять Одзаки могли только в том случае, если была известна его связь с компартией Китая (или людьми, близкими к партии), или же при наличии подозрений о существовании такой связи.

В «Тюремных записках» Зорге дважды подчеркнул своё неведение о связях Одзаки с компартией Китая: «Он явно имел тесные связи с китайской коммунистической партией, но я в то время почти не знал об этом, нет, фактически ничего не знал». И далее: «Если бы я знал, что Одзаки имеет тесные связи с коммунистической партией Китая, несомненно, я колебался бы, поддерживать ли с ним столь тесные взаимоотношения. И, может быть, оставил бы мысль о дальнейшем использовании Одзаки»[77]. Возможно, что Зорге в момент знакомства об этом не знал, а узнал позже от самого Одзаки, когда его отправляли из Шанхая. Но то, что Одзаки не просто марксист, но и скрытый коммунист, Зорге знал. Однако это не остановило Зорге при восстановлении контакта с Одзаки в Японии.

Одзаки покинул Шанхай, по словам Зорге, 29 января 1932 года. Возможно, это произошло на день или два позже, так как последняя информация, полученная от японского атташе, была отправлена из Шанхая 1 февраля 1932 г. И как только стало известно о его отъезде, Зорге приступил к поиску нового японского информатора. Представляется, что такая кандидатура уже была на примете.

14 марта он отправил в Центр телеграмму со ссылкой на «новый японский источник». Копия телеграммы была по резолюции Берзина разослана Ворошилову, Тухачевскому, Егорову и Артузову. Следующая телеграмма от «японского информатора» была отправлена 4 апреля 1932 года. Большинство телеграмм, как и в случае с предыдущим японским информатором, были разосланы военному руководству страны и в ИНО ОГПУ.

«Новым японским источником» стал Фунакоси Хисао. Сын владельца предприятия по производству соусов в префектуре Окаяма, он вырос, как было сказано в полицейских материалах, «в строгой домашней обстановке». После окончания литературного факультета университета Васэда вТокио Фунакоси приехал в Китай, где работал в газете «Шанхай майнити», издававшейся на японском языке, затем в шанхайском отделении информационного агентства «Симбун рэнго цусинся» («Рэнго Цусин»)[78].

По оценке «Рамзая», Фунакоси не смог даже в малой степени заменить Одзаки, хотя информация, полученная от нового японского агента, регулярно докладывалась военному руководству страны. Так, в августе 1932 г. Зорге писал в IV Управление: «№ 6. День спустя после начала японской войны здесь на месте он был отправлен к себе на родину по неблагонадежности и долго находился там под наблюдением, теперь его положение, по-видимому, улучшилось. Он работает в одной газете... Один из лучших людей, которых мы здесь имели. Для замещения его я нашёл с большими затруднениями теперь, однако, лишь после здешних боев, Ст. 6. По сравнению с 6 он очень слаб, но всё же мы надеемся постепенно его обучить. При случае он имеет связь через свою газету со своим консулом и атташе. Вообще же он

узнаёт лишь то, что известно среди журналистов». Под Ст. 6 у Рамзая проходил Фунакоси.

Одзаки перед отъездом рекомендовал Зорге заведующего шанхайским филиалом телеграфного агентства «Рэнго Цусин» Ямаками Масаёси. «Когда Одзаки уезжал из Шанхая, — писал Зорге в «Тюремных записках», — он познакомил меня с ним в качестве своего преемника. Однако почему мы так быстро расстались, сейчас не могу вспомнить»[79]. «Большие затруднения», судя по всему, состояли в том, что с Фунакоси Зорге познакомился через Ямаками, с которым его свёл Одзаки.

В письме в Центр от 3 апреля 1932 г. Зорге вернулся к теме сотрудничества японских агентов: «§1. Мы все очень сожалеем, что при возникновении здешнего конфликта не сумели так реагировать, как это бы нам хотелось, но нам, действительно, не везло, ибо как раз наш хороший японец—приятель не сумел пережить [остаться]. Он был принуждён оставить это место и поехать домой. В дальнейшем с ним как будто бы ничего не случилось, во всяком случае, с ним не произошло всё то, что имело место с нашим первым яп[онским] приятелем, который все еще в санатории (тюрьме. — *М.А.*). И всё же это был серьёзный удар для нас, ибо потеряли единственного сотрудника этой национальности, народа...

Теперь о наших новых деловых друзьях. Оба новые не так развиты, как предыдущие и, конечно, в смысле надежности далеко не так ... (верны. — *М. А.*) как предыдущие. Но это только вопрос времени, и окончательное мнение можем иметь об обоих наших новых друзьях потом. Но, во всяком случае, надеемся одного из них широко развить. Чрезвычайно важно иметь таких сотрудников, которые владеют японским языком. **Это заставляет нас ставить вопрос, нельзя ли, кроме тех, которые здесь находятся — получить кого-нибудь в Японии, который бы приехал сюда для работы или установил связь с нами, ибо центр тяжести наших дел находится в Японии** (выделено мной. — *М.А.*). Отсюда организовать хороший экспорт и найти соответствующий товар, конечно, трудно. Просьба продумать этот вопрос. Нельзя ли что-нибудь предпринять с вашей стороны. Мы, конечно, постараемся тем человеческим материалом, которым мы располагаем, сделать то, что сможем. Не забудьте, что мы всего навсего в 24 часах от Японии, и посещение для переговоров, установлений контакта м[ожет] б[ыть] легко и просто... Во всяком случае, просим скорейший ответ. Можете ли вы что-нибудь сделать в этом отношении. Рамзай». Текст написан от руки, поэтому в тех местах, где не удалось его прочитать, стоят пропуски.

Из этого письма следует несколько важных выводов, помимо повторной высокой оценки деятельности Одзаки. Первое — понимание того факта, «что центр тяжести наших дел находится в Японии». Второе —японского «человеческого материала», что имелся под рукой в Китае, явно не хватало, и «Рамзай» обращался за помощью к Центру. И с этой просьбой он обратится ещё не раз.

В «Тюремных записках» Зорге пишет, что, «ещё будучи в Шанхае, приступил к изучению Японии и намеревался стать знатоком японской истории и внешней политики»[80].

При анализе таких проблем, «как новая политика Японии в Маньчжурии, влияние этой политики на Советский Союз, шанхайский инцидент, японо-ки-

тайские столкновения, японская экспансия в целом», по словам Зорге, «особенно много мне помогали Одзаки, Каваи и Фунакоси». Именно эти имена японских агентов были озвучены Зорге в его переписке с Центром.

Однако в «Тюремных записках» Зорге упоминает ещё три японских фамилии — Мидзуно, Кавамура и Ямаками, — о которых он вынужден был написать после признательных показаний Одзаки. Однако «Рамзай» всячески пытается дистанцироваться от них.

Мидзуно Сигэру, в 1929-1930 гг. учился в Академии по изучению Восточной Азии в Шанхае, японском учебно-исследовательском учреждении, созданном в 1901 г. с целью подготовки японских кадров для колонизации Китая. По данным японской полиции — член китайского комсомола. В декабре 1930 г. был арестован на 10 дней за распространение пацифистских листовок, а в январе 1931-го — исключён из Академии. В августе этого же года за политическую агитацию среди студентов Академии он арестовывается китайской полицией, передаётся в японское консульство и высылается в Японию.

Кавамура Ёсио, корреспондент издававшейся в Маньчжурии японской газеты «Мансю нити-нити». В последующем — заведующий шанхайским отделением «Мансю нити-нити».

Ямаками Масаёси, журналист, корреспондент Шанхайского отделения японского агентства «Рэнго цусин» (умер в больнице в Токио в 1939 г.).

Никто из них не проходил как агент шанхайской (в период руководства ею Зорге) резидентуры — ни в одном из отчетов, ни в одной схеме Шанхайской резидентуры они не были указаны. В «Тюремных записках» Зорге укажет, что с Мидзуно, Кавамура и Ямаками он встречался «очень редко» и не смог «почти ничего» припомнить, «о чём с ними беседовал»[81].

Мидзуно Сигэру появится в агентурной сети токийской резидентуры в 1935 г. под псевдонимом «Осака-бой», как привлечённый к сотрудничеству Одзаки. И Мидзуно, и Ямаками и Кавамура были знакомы с Одзаки, даже давали ему какую-то информацию, в ходе его пребывания в Шанхае, но не более того. Не были они привлечены к сотрудничеству и позднее — в конце 1932 г. — в первой половине 1933 г., когда шанхайской резидентурой после отъезда Зорге руководил коллективный резидент: К.М. Римм — Г.Л. Стронский.

После возвращения Каваи в Шанхай в Москву был отправлен обширный «японский материал из Мукдена на яп[онском] языке 18/IV». Незнание Каваи иностранных языков существенно затрудняло работу с ним. «Поскольку он не говорил на иностранных языках, — писал о Каваи в «Тюремных записках» Зорге, — после отъезда Одзаки я стал испытывать трудности в контактах с ним. Помню, что в Шанхае он пригласил меня к своему знакомому Кавамура, но больше с Кавамура я не встречался и личных отношений между нами не возникло»[82]. Не исключено, что однажды при беседе Зорге с Каваи в качестве переводчика присутствовал знакомый последнего, но то, что это был Кавамура, Зорге «напомнили» только после его ареста. Судя по всему, после отъезда Одзаки из Шанхая переводчиком в ходе встреч с Каваи являлся Фунакоси. Что же касается Кавамуры, его, как выяснилось, неплохо знал китайский агент шанхайской резидентуры Чжан Фанъю.

В конце мая Зорге, понимая необходимость получения информации из первых рук о происходившем в Северном Китае, выступил с предложением вернуть Каваи на север для развития агентурной сети на территории, под-

контрольной Японии: «Шанхай, 28-го мая 1932 года. Наш японский информатор, работавший для нас около полугода в Мукдене, имеет возможность легализоваться в Дайрене (на Ляодунском полуострове. — *М.А.*). Полагаем, что такой опорный пункт для дальнейшего развития сети важен, вопрос связи с ним разрабатываем, его легализация обойдется до 250 ам[ериканских] долларов. Просим Вашей санкции».

Ответ пришёл на удивление быстро. Уже 1 июня 1932 г. в Шанхай поступила телеграмма за подписью помощника начальника IV Управления Б.Н. Мельникова: «Согласны легализацию яп[онского]информатора Дайрене».

Планам «Рамзая», однако, не суждено было осуществиться. 16-го июня 1932 г. он доложил: «Японец, которого мы предполагали отправить в Дайрен, арестован японской полицией в Шанхае. Причины выясняем».

15 июня 1932 г. Зорге сообщал в письме, переданном с курьером через Харбин: «5. К сожалению, мы за последние дни понесли большую потерю благодаря серьёзному заболеванию одного из наших японских корреспондентов. Это уже третий случай, что люди не могут переносить здешний климат. Двое очень тяжело заболели и лежат под особым врачебным наблюдением в больницах, а третий вовремя смог избавиться от этого плохого климата. Поэтому мы ещё раз должны вас спросить, не имеете ли вы здоровых и подходящих корреспондентов или можете нам таковых рекомендовать. Мы имеем только наши местные связи, и вы можете себе представить, как трудно найти в этом узком кругу подходящих людей. Мы надеемся, что наш последний заболевший человек настолько будет устойчив, как самый первый, и что его болезнь не заразит других, каковая опасность имеется, в том случае, если он не такой крепкий, как первый. Но мы доверяем его конституции». Избавившимся вовремя «от плохого климата» был Одзаки, а в больницах — тюрьмах — «под врачебным наблюдением» находились Кито и Каваи.

Японской полиции в Шанхае не удалось доказать связь Каваи Тэйкити с иностранной разведкой, и спустя несколько недель он был освобождён. Одной из причин ареста Каваи стало его поведение и отсутствие у него определённого занятия. В августе 1932 г. Рихард докладывал в Москву: «5) Хотя упомянутое в нашем письме задержание нашего японского друга было весьма вредно для нашей работы, всё же мы полагаем, что высказываемые вами опасения преувеличены. Болезнь нашего /самого первого/ японского друга в этом отношении была куда тяжелее.

Последний японский друг опять теперь свободен, который был как подозрительный отправлен на свою родину. Мы надеемся через полгода приветствовать его как реабилитированного. Он так же, как и № 1 и 2, держал себя очень хорошо. Он обратил на себя внимание из-за того, что не мог указать определённого занятия и много ездил повсюду. Поэтому его для опыта взяли. Для нашей работы это было тяжелым ударом, но в направлении ваших опасений нет. Наш теперешний единственный человек очень, очень слаб, но, однако, иначе мы ничем не можем себе помочь».

После своего освобождения Каваи покинул Китай. Вот что по этому случаю писал в августе 1932 г. Зорге: «Наши связи с Мукденом пропали. Наш тамошний японский друг был задержан при его поездке в Штеттин (Шанхай. — *М.А.*) и после того как за недостатком улик его опять освободили, мы, через несколько недель, должны были совершенно изъять и освободить от

нашей работы. Об этом случае мы Вам телеграфировали. Это было для нас большой потерей».

На допросах в октябре 1941 г. Одзаки показал, что Каваи летом 1932 г. приезжал к нему в Осаку. Не исключено, что эта встреча способствовала трудоустройству Каваи в редакции газеты «Асахи».

Претензии со стороны «Рамзая» по-прежнему адресовались Фунакоси. Тем не менее новый японский агент давал информацию, которая докладывалась военному руководству, и его источниками были всё те же японские военный атташе, консул и офицеры. Это была разноплановая информация — прогноз развития внутриполитической ситуации в Японии (о готовившемся государственном перевороте) и её влиянии на отношения с Советским Союзом и Китаем; состояние неофициальных переговоров между Нанкином и Токио, перспективы возобновления советско-китайских отношений и, наконец, о ходе вывода японских войск из Шанхая.

Отслеживал Фунакоси и переброски японских войск в Маньчжурию: «Москва, тов. Берзину. Шанхай, 27-го сентября 1932 года. Наш японский информатор сообщает, что в Маньчжурию будет выслана 4 кавалерийская бригада Тойхаси и одна бригада 7 дивизии...».

Эти телеграммы рассылались для ознакомления Ворошилову, Тухачевскому, Гамарнику, Егорову и Артузову.

Тем не менее, в своём последнем письме из Китая, датированном октябрём 1932 г., Зорге пессимистически оценил работу с японскими агентами: «Очень мало радостны отношения с японскими друзьями. Здесь мы не смогли достигнуть успеха. Невозможно, по крайней мере, так думаю я, найти хороших людей из ограниченного круга людей здесь на месте, после того как трое лучших, которых мы имели, все в большей или меньшей степени скомпрометированы. Я думаю, что вы дома должны будете уделить повышенное внимание этому вопросу. У нас здесь мало возможностей».

В «Характеристике лучших связей в шанхайской резидентуре» «Рамзай» вновь обращал внимание на недостатки своего японского агента: «№ 9. Морис (Funakoschi — в немецком тексте. — *М.А.*) Японский служащий в агентстве Ренго, около 30-ти лет. Его рассматривают в качестве сочувствующего. Уже 8 лет живёт в Шанхае. Не особенно способный и сильный человек, но так как наши лучшие силы в японском лагере потеряны, нужно его использовать и в дальнейшем. Его знания невелики, не особенно энергичен, работает для нас из симпатии к своему предшественнику, но также из-за некоторой денежной помощи, ибо жалование его невелико. Мы считаем, что покуда всё идет гладко, он вполне надёжен и молчалив. Но если бы дела стали хуже, у нас возникает сомнение насчёт его твердости. Во всяком случае, в этом отношении у нас мало доверия к нему. Привлёк его Рамзай к работе при помощи разных японцев и разных обходных путей. Теперешний резидент был информирован Рамзаем относительно его ценности, но принял его по его собственному желанию».

Поддерживать отношения с японскими агентами Зорге было значительно труднее, чем с другими иностранцами. После агрессии Японии в Северо-восточном Китае в Шанхае росли враждебные настроения против японцев, которые выражались, в том числе, в участившихся случаях нападения китайцев на японских граждан. Маньчжурский инцидент разжёг китайский нацио-

нализм, а отдельные победы правительственных войск воодушевили китайцев, придав им отчаяния и смелости. Умиротворению китайцев никак не могло способствовать и развязывание японцами военных действий в Шанхае в январе 1932 года.

В «Тюремных записках» Рихард Зорге писал, что для встреч с японцами он «использовал рестораны, кафе», «а также дом Смедли» во французской концессии. «Ходить по шанхайским улицам во время первого Шанхайского инцидента (январь-март 1932 г.) японцам было опасно, поэтому я ожидал их на мосту Гарден Бридж на границе японской концессии и обеспечивал их безопасность, забирая в машину или лично сопровождая до места встречи. Чтобы избежать внимания со стороны японской полиции, я почти не появлялся в японской концессии. Как самое большое исключение, я один или два раза встречался с Одзаки в кафе Хонкью (район компактного проживания японцев. — М. А.). Однако, что бы ни говорилось, самым удобным местом встреч был дом Смедли, поэтому я часто направлялся туда и с Одзаки, и с Каваи. Поскольку встречи зачастую происходили поздно ночью, я использовал машину, чтобы их привезти и отвезти. Кроме того, стремясь не встречаться слишком часто, я старался проводить встречи с интервалом самое малое в две недели. После того как вместо Одзаки стал работать другой японец, перенеся места встреч на оживлённые улицы иностранного сеттльмента, мы встречались, главным образом, в кафе на Нанкин-роуд или в ресторанах при крупных гостиницах. Поскольку китайцы враждебно относились к японцам, мы избегали заходить в китайские рестораны. Заранее определённые даты встреч строго соблюдались и потому обходились без использования телефона и почты. Я строго придерживался этого курса, даже если неожиданно возникало важное дело или я попадал в затруднительное положение, что было не раз. Когда я встречался с японцами, то всегда приходил один без сопровождающих иностранцев. Только один раз я познакомил одного японца с Паулем (К.М. Римм. — *М.А.*)[83], так как необходимо было принять меры по обеспечению связи из-за моего отъезда из Шанхая. При встречах мы редко обменивались информацией в письменной форме, передавая её только устно. Исключение составляли отчеты Каваи». За давностью лет в воспоминаниях Зорге произошло смещение во времени: все вышесказанное относилось к встречам «Рамзая» с Одзаки в период с сентября 1931 г. по конец января 1932 г.

В декабре 1932 г. Одзаки попытался восстановить связь с шанхайской резидентурой и в конце декабря выехал в Пекин для встречи с Агнес Смедли. Результаты их встречи казались многообещающими и позволяли отказаться от Фунакоси, к которому появились претензии уже со стороны «Пауля».

19-го января 1933 года из Шанхая за подписью «Джона» — Стронского была направлена телеграмма, сообщавшая о результатах встречи: «Видались с нашим бывшим шанхайским японским информатором Осаки /запросите Рамзая/. Осаки согласился дальше работать для нас в Японии, посылая информацию в Шанхай. Кроме того, привёз для нашей работы двух японцев. Одного связали в Тяньцзине с нашей там резидентурой. Другой остаётся работать в Пекине. Кроме этого, передал нам две связи в Дайрене, которые смогут быть использованы. Надеемся устранить в скором времени легализационные трудности и получить японского информатора для Шанхая. Подробности сообщит вам Пауль в письме с почтой № 1».

Резолюция Берзина: «т. Климову. Прошу зайти ко мне вместе с т. Рамзаем».

Вот что об этой встрече докладывал Римм в Москву из Шанхая 17 января 1933 г.: «Кроме того, в последних числах декабря из Японии в Пекин приезжал наш бывший яп[онский] сотрудник Осака (Одзаки. — *М.А.*) и встретился там с Агнес, которая нами специально была выслана туда для переговоров с Осака. По дороге (отвозил почту в Харбин. — *М.А.*) я встретил Агнес в Пекине и выяснил результаты её переговоров с Осака. Выясняется, что Осака сам согласен возобновить работу с нами. Во-вторых, он нашёл в Японии одного профессора, который в феврале переезжает в Шанхай на год-полтора и которого он рекомендует как своего хорошего друга и знатока японской внутриполитической жизни. С прибытием этого профессора мы намерены порвать связь с настоящим нашим яп[онским] информатором Фунакоси, который за последнее время стал весьма неаккуратным и боязливым в работе. Затем тот же Осака связал Агнес в Пекине с корреспондентом яп[онской] газеты "Асахи" — Кавай (Каваи Тэйкити. — *М.А.*). Последний является приёмным сыном одного японского отставного генерала, проживающего в Пекине и сохраняющего ещё тесные связи с милитаристскими кругами Японии. Кавай уверен, что сумеет использовать для нас этого старика». «Кавай, вероятно, сам занимается разведкой для японц[ев]»!? — отреагировал на это замечание Давыдов.

В Дайрене Одзаки «нашёл двух своих приятелей». Один из них служил в таможне, а другой являлся корреспондентом японской газеты. Оба были «готовы работать с нами». Пауль «решил связать эту группу японских информаторов» с переведённым из Шанхая китайцем-групповодом № 1 («Рудольф»). Связь с ним должна была осуществляться «через молодого японского парня Кавамура», которого № 1 «лично» знал. Кавамура Ёсио и был тем упоминаемым выше корреспондентом издававшейся в Маньчжурии японской газеты «Мансю нити-нити», которого «нашёл» Одзаки. Кто-то из перечисленных выше японцев в последующем был включён в агентурную сеть и обозначен под № 12 и 13.

Реакция Центра от 2 февраля 1933 г. на телеграмму Стронского и письма Римма была положительна, но содержала требование о соблюдении осторожности в отношении привлекаемых к работе японцев: «Отношении Озака и других японцев рекомендуем особую осторожность и тщательность разработки их и проверки как источников, лично не связывайтесь с ними, используйте Агнессу. Разработка их нас чрезвычайно интересует. Давыдов».

21 февраля Давыдов «настойчиво рекомендовал» отказаться от услуг Фунакоси: «Фунакоси за весь период его работы ничего ценного не дал, внушает нам опасения. Учтите, что японцы часто практикуют ведение разведки среди иностранцев через журналистов. Рекомендуем настойчиво отшить». «Фунакоси уже с начала февраля не является на свидания. Связь с ним прерываем. Выясняем, почему он не являлся на встречи», — писал Римм в шифртелеграмме от 24 февраля 1933 года.

Давыдов, как и «Рамзай», были несправедливы по отношению к Фунакоси в части передаваемой им информации. Как показало время, безосновательными оказались и подозрения Давыдова насчёт сотрудничества Фунакоси с японской разведкой.

В марте 1933 г. Римм дал пояснение насчёт японского профессора, которому был уже присвоен номер 10: «III. Как уже сообщалось с последней почтой, наш старый работник /из восточных друзей/ послал нового друга /10/.

Он производит хорошее впечатление. Он на один год послан министерством Духовных дел для того, чтобы изучить здесь китайский язык. Он привёз рекомендательные письма к очень высоко стоящим лицам. Мы надеемся, что через некоторое время с преодолением трудностей языка он нам сможет быть весьма полезным. Относительно № 8 (под этим номером у Пауля проходил Фунакоси. — *М.А.*) мы совершенно согласны с вашими телеграфными указаниями. Мы сами ожидали только приезда № 10 для того, чтобы окончательно порвать с № 8, что теперь и произошло».

Эйфория, связанная с появлением нового японского сотрудника, оказалась преждевременной. Уже 19 мая 1933 года Римм докладывал из Шанхая: «Наш новый японский сотрудник № 10 в связи с арестом в Японии одного из его учеников и его учителя Лаваками под подозрением. Насколько инфекция серьёзна, пока трудно предвидеть. В случае невозможности вернуться ему обратно в Японию и дальнейшей работы здесь, просим Вашего принципиального согласия на отправку его в центр. Он производит впечатление серьёзного и преданного делу работника, который может быть использован дома». «Похвалинский. На что он нам здесь нужен? Прошу переговорить», — наложил резолюцию Давыдов.

22 июня 1933 г. Римм и Стронский доложили об изменениях в положении японских агентов, которые практически сводили на нет все предшествующие усилия в организации работы с ними:

«4. а/ Японцы. № 8 (Фунакоси. — *М.А.*), о котором вы нас в своё время предупреждали, уже больше трёх месяцев никакой связи с нами не имеет. Вся связь с ним прервалась из-за внезапного его исчезновения, совпавшего, примерно, с приездом № 10. Возможно, что № 11 (Одзаки. — *М.А.*) ему дал понять, что он /№ 8/ в связи с приездом № 10 больше не нужен. Нам удалось выяснить, что № 8 теперь находится в Ханькоу, где продолжает работать по своей профессии журналиста (представителем информационного агентства новостей «Рэнго Цусин». — *М.А.*).

б/ Вновь прибывший № 10, на которого мы возлагали большие надежды, к сожалению, в этот короткий срок мало оправдал себя. Дальнейшие его возможности весьма сомнительны в связи с неприятностями по линии друзей в его родном городе. В доме, который снял № 10 для нескольких лиц по линии друзей (членов компартии. — *М.А.*), были произведены аресты, и полиции известно, что № 10 снял этот дом. Двое его близких учеников тоже оказались арестованными. Все эти аресты имели место непосредственно после его отъезда в Шанхай. Месяца полтора тому назад № 10 получил предупредительное письмо от жены прокурора в Токио /жена прокурора является сестрой жены № 10/, в котором она сообщает, что прокурор подозревает № 10 в том, что он находится в Шанхае для работы в пользу местных друзей. Прокурор удивлён его отъездом накануне арестов и интересуется, откуда № 10 берёт деньги и, наконец, что прокурор собирается послать чиновника в Шанхай для расследования этого дела. В дальнейшем брат № 10, проживающий в Токио, указал, что он посылает деньги № 10 и этим, будто бы, рассеял подозрение прокурора.

Наш вывод: работать с № 10 для нас слишком опасно. Мы приняли все меры предосторожности и постараемся в кратчайшее время прекратить с ним всякую связь».

В письме содержались и соображения по поводу целесообразности продолжения работы с Одзаки — № 11, которому был присвоен псевдоним «Отто». Одзаки в очередной раз был скомпрометирован связями с японскими коммунистами у себя на родине: «в) № 11 /Отто/. Из прилагаемого письма явствует, что № 11 попал под подозрение из-за поддержания связей с друзьями на родине. Насколько это подозрение может оказаться серьёзным своими последствиями, трудно предвидеть.**Думаем, что лучше Рамзаю связи с ним не устанавливать, по крайней мере, до полного выяснения положения № 11**(выделено мной. — *М.А.*). С другой стороны, считаем нецелесообразным дальнейшее поддерживание связи с нашей стороны с № 11, т.к. результаты вследствие плохой связи мизерны. Поэтому считаем предложение № 11 встретиться с нами снова в Китае ненужным, дальнейшую связь с ним прекратить, законсервировать дорогу к нему, в случае, если вам это понадобится. Просим нас телеграфно уведомить о вашем мнении». «Правильно», — наложил резолюцию Давыдов.

«№ 12 начинает подавать кое-какие надежды на развитие своей работы. Пока трудно предвидеть, насколько это оправдается. № 601 дана строгая инструкция в смысле осторожности в сношениях с № 12, так и проверки его начинаний.

№ 13 до сих пор ничего конкретного не дал. Он в июле поедет обратно на родину призываться. Мы отказались от его возвращения обратно в Тяньцзин в случае, если он не будет призван. Посредством № 12 связь с ним может быть установлена, если понадобится использовать его на родине.

№ 12, кроме того, имеет двух друзей в Дайрене /см. наше предыдущее орг[анизационное] письмо/, которые, будто бы, могут быть использованы нами. Согласны ли их перенять?». В этой части письма содержится некоторая путаница. Так, согласно январского письма, это у Одзаки были друзья в Дайрене и именно он их рекомендовал «к использованию» и именно им, судя по всему, были присвоены номера 12 и 13.

Вместе с июньской почтой был отправлен «перевод и оригинал письма о суде над нашим бывшим работником Кито».

Разъяснения по поводу связей Одзаки с японскими коммунистами дали в своём письме Стронский и Римм от 22 июня 1933 года: «Об ОТТО в Осаки. Арестован друг Отто, но последний уверен, что полиция об этой связи не знала. Его посетил проездом в Шанхай работник КПЯ Сакамаки, о чём полиция знает. Есть провокатор в Шанх[айской] организации по связи КПЯ и КПК».

Далее Стронский сообщил о трудностях, с которыми сталкивался Одзаки при направлении информационных сообщений из Японии в Китай и о попытках поиска источников среди военных: «Осака не благоприятен для работы О[тто]: нельзя получать информацию о полиции и военных, поэтому он хочет перебраться в Токио. Позиция О. в газете твердая, но требуется осторожность. Он не имеет возможности переслать интересные материалы. В особо важных случаях он использует курьера. Письма по почте просматриваются японской цензурой. Его друг в Токио нерешителен. Он военный, отказался ехать в армию Маньчжоу-Го. О. хочет скорее встретится с Кието (Кито Гиниты. — *М.А.*), когда он освободится.

О. во время летних каникул хочет ехать в Шанхай, чтобы встретиться с кем-нибудь из шанхайских работников». За время непродолжительного сотрудничества Одзаки с шанхайской резидентурой им было отправлено из

Японии «Сообщение об активизации деятельности Японии в Северном Китае», которое получило оценку «средней ценности». Это был единственный материал, полученный от него. Больше шанхайская резидентура не предпринимала попыток поддержания связи с Одзаки, несмотря на готовность последнего продолжать сотрудничество.

28 июля 1933 г. пришла телеграфная реакция на июньское письмо Римма и Стронского. Не ведая, кто скрывается за № 12, Давыдов отдал распоряжение: «Проверьте надежность дайренских друзей нр 12, повторяю нр 12, установите и пришлите явку на них, думаем связать с нашими людьми там».

14 августа 1933 года из Шанхая поступила телеграмма по поводу № 10: «Наш японец в Шанхае арестован. Пока держится.**Предупредите Рамзая не связываться с Отто** (выделено мной. — *М.А.*)». «Срочно предупредить т. Рамзая», — поставил резолюцию Давыдов.

Глава 2

1933-1935 ГОДЫ. ШАНХАЙ, МОСКВА

2.1. «Начинайте работу по созданию самостоятельного, параллельного рамзаевскому, аппарата»

(Центр — «Абраму», 25 декабря 1933 г.)

Центр считал агентурную работу из Китая против Японии важнейшей задачей шанхайской резидентуры. Этот вопрос поднимался руководством военной разведки ещё в начале 1933 года и вновь был поставлен в оргписьме, полученном «Абрамом» в декабре.

22 декабря 1933 года Бронин сообщал в Москву Берзину: «Ответ на орг. письмо... Просьба к Старику дать несколько дополнительных указаний о работе на Острова:

1. Начать ли нам уже сейчас подготовительную работу по созданию параллельного рамзаевскому аппарата. Задача трудная и требует долгой подготовки прежде всего по созданию орг. базы.

2. Мыслится ли создание отсюда по возможности самостоятельной сети, с Рамзаем совершенно не связанной. Идею дублирования считаю правильной и думаю, что удастся кое-что.

Начинаю прорабатывать орг. вопрос. № 429. Абрам».

Ответ был получен уже через несколько дней. 25 декабря шанхайскому нелегальному резиденту сообщили: «Начинайте работу по созданию самостоятельного, параллельного рамзаевскому аппарата». «Подчеркиваем напряжённость обстановки на Дальнем Востоке и требуем сосредоточения Вашего особого внимания на островах, ибо главные противники там».

Упор Центром делался на работу в Японии: «Мы считаем, что ваш город не только в мирное, но и в особенности в военное время будет являться основным и важнейшим центром по нашей работе против хризантемщиков», подтверждал Центр свои указания в другой шифртелеграмме.

В плановом задании на 1934 год одной из основных для шанхайской резидентуры была поставлена задача работы против Японии (как тогда говорилось, «на острова»). 26 декабря 1933 года Центр указывал: «С этим письмом посылаем Вам плановое задание на 1934 год... Учитывая современную обстановку, требуем от Вас безусловного обеспечения выполнения плана на 100%».

В оргписьме от 8 августа 1934 года сообщалось: «Работа на остров из Вашего города нелегальными путями отныне является важнейшей частью Вашей работы... Повторяем, Ваша работа на острова сейчас приобретает важнейшее значение».

Удивительно, а может быть, закономерно, что создание нелегальной резидентуры в Японии, «параллельной рамзаевскому аппарату», строилось в подавляющем большинстве случаев на людях, привлеченных к сотрудниче-

ству «Рамзаем». Именно люди «Рамзая» добились первых успехов в своей легализации в Японии и создали базу для начала серьезной работы.

Использование китайцев, проживавших как на материке, так и в Японии, по оценке «Абрама» стало одним из главных, если не самым главным направлением «островной агентурной деятельности».

Исходными соображениями были следующие:

— наличие в Японии довольно значительной колонии китайцев, в том числе таких, которые проживали там долгие годы; антияпонские настроения в то время были всеобщими для китайцев, следовательно, налицо была вербовочная база;

— китайцам несравнимо легче попасть в Японию и обосноваться там, чем европейцам или американцам;

— китайцам хорошо давалось изучение японского языка, имеющего общие элементы с китайским. Китайцам было много легче раствориться в массе людей, чем европейцам, которые постоянно находились «под колпаком».

Однако этих данных было явно недостаточно. Прежде всего, следовало выяснить число китайцев в Японии, их места проживания, занятия, отношение к ним властей и т. д. Перечень вопросов «Абрам» передал «Учителю», «первому из китайских резидентов, засланных нами на острова (он поехал туда в начале августа 1934 г.)».

Под псевдонимом «Учитель» скрывался Чэнь Ханшэн[1], которого очень высоко ценил Зорге.

«112. Хан, — писал о нем Зорге в «Характеристике лучших связей в шанхайской резидентуре», составленной в январе 1933 г. в Москве, — один из наиболее информированных и умнейших китайцев. Имеет марксистское образование и принадлежит к крайне левому крылу интеллигенции, если даже не к явно выраженным коммунистам. С исключительными связями вплоть до высших правительственных кругов и с хорошими выходами на все различные группировки. В личном плане очень тяжелый человек, т.к. он работает только, если он лично доверяет связи и персонально связан через дружеские отношения. Рамзай больше года добивался от этого человека, чтобы он что-нибудь дал. В настоящее время он связан с № 4 (Агнес Смедли. —*М.А.*), с которым он также связан крепкой личной дружбой. На случай, если № 4 дальше пойдет [уедет в дальнейшем], обязательно необходимо уже сейчас попытаться вступить в личный контакт с человеком, т.к. он очень ценный. Вполне надежный и очень умелый в работе. Почти сверх осторожный».

Под различными предлогами «Учитель» — «Хан» посетил все шесть китайских консульств в Японии (в Нагасаки, Осака, Кобе, Иокогама, Нагоя, Модзи), побывал и в других городах. «Собранные им сведения пополнялись, сопоставлялись и проверялись личными наблюдениями и сведениями других наших китайских работников».

Всего на островах оказалось 20 900 китайцев, в основном в крупных городах и портах: Токио, Осаке, Кобе, Нагасаки, Иокогаме. Этих китайцев «Абрам» разбил на три группы:

буржуазные элементы (коммерсанты-экспортеры);

мелкие торговцы, ремесленники, владельцы ресторанчиков и повара; сюда же можно было отнести немногочисленных рабочих (в основном — кули, чернорабочие);

студенты.

Коммерсанты представляли собой наиболее прояпонски настроенную часть китайцев, но, по опыту Шанхая, оставалась возможность использовать в работе молодых людей из буржуазных семей.

Вторая группа составляла почти ¾ китайцев в Японии. В большинстве своем это были малокультурные, политически малоактивные люди, дорожащие скудным куском хлеба и боящиеся его потерять; однако это была оседлая часть китайского населения, закрепившаяся в различных районах страны. Среди них «Абрам» рассчитывал найти агентов «для обслуживающего аппарата (конспиративные квартиры, адреса и т. д.)».

Третья группа — студенты — имела особое значение. Молодым китайцам было относительно легко устроиться на учебу. Гоминьдановское Министерство просвещения неодобрительно относилось к отъезду молодежи на учебу в Японию. Японское же правительство, наоборот, принимало меры, чтобы увеличить приток китайских студентов. Японцы создали Бюро культурных отношений с Китаем, под эгидой которого функционировала Китайско-японская ассоциация, активно привлекавшая китайцев на учебу. Ассоциация выдавала отдельным студентам стипендии, а в Токио была организована подготовительная школа по изучению китайской молодежью японского языка.

Большинство засылаемых в Японию из Шанхая китайцев оказывались в студенческой среде. Через китайцев этой группы «Абрам» рассчитывал добиться связей с японцами, которые могли заинтересовать разведку. Предстояло «особенно внимательно присмотреться к этой части китайской колонии и то, что мы узнали, далеко не совпадало с нашими первоначальными представлениями».

Большое значение имело, из какой провинции приехали китайцы: фактор «провинциальной солидарности» играл существенную роль. Было установлено, что в Нагасаки три четверти китайцев были выходцами из провинции Фуцзянь, в Кобе — половина фуцзяньцев и половина гуандунцев, в Осаке — две трети шаньдунцы, в Иокогаме — 60% гуандунцев, в том числе значительное число кантонцев.

Начать решили со связей среди китайцев, которые имелись у 108-го («Шопмена»), или, по классификации «Рамзая» № 13 («Шопкипера»).

«Первый наш контакт с китайцем из Японии, с 901-м сулил как будто золотые горы... 901-й — близкий знакомый 108-го. Жил в Японии долгое время и теперь учился в железнодорожном колледже. Он сразу согласился работать, назвал много своих левонастроенных знакомых, которых можно привлечь; сказал, что через китайских студентов колледжа можно будет получать столь важные для нас сведения о японских железных дорогах, на которых эти студенты будут проходить учебно-производственную практику. Такова была обнадеживающая перспектива, нарисованная 901-м».

На поверку же оказалось, что 901-й сильно преувеличивал свои возможности. Этим вообще отличались китайские агенты: чтобы «не терять лица», они часто, без злого умысла, выдавали желаемое за действительное. Но хвастовство 901-го было лишь эпизодом. Главное заключалось в том, что агентурное использование китайцев в Японии представляло собой куда более сложную проблему, чем думали в Шанхае.

«Наиболее сильным из работников, засланных на острова, был, несомненно, 101-й», — считал «Абрам». Однако № 101, или № 3 («Эрнест»), по

классификации «Рамзая», не знал японского языка. № 101 уехал из Шанхая в конце ноября 1934 года. У него не было соответствующих документов, чтобы устроиться студентом, но имелись командировочные бумаги, которые он при помощи старого приятеля получил от довольно крупного шанхайского издательства «Shanghai Book Company». Этот приятель не имел представления о том, чем занимается 101-й, знал лишь, что он — левый. В апреле 1935 года 101-й получил от издательства полномочия вести переговоры с рядом японских организаций: «Теперь я мог предстать как уважаемый джентльмен, представитель крупной шанхайской компании. Я навестил некоторых важных японцев (включая руководителя японо-китайского культурного общества, одного члена парламента, управляющих книжными издательствами и т. д.), приглашал их в ресторан на ужин».

101-й привлек к сотрудничеству жительниц Кантона: 1-я («Сестра»), 2-я («Старший брат») и 3-я («Младший брат»). 1-я, старшая не только по возрасту, но по характеру и знаниям, была его помощницей, остальные использовались для связи, выполнения отдельных поручений и т. д. Эти три девушки были первоначально отобраны для учебы в Москве. «У них не было опыта революционной работы, но они были надежны и дисциплинированы. 2-я и 3-я поехали на учебу в Японию с согласия своих родителей, с которыми они переписывались и которые их полностью содержали». Это способствовало легализации девушек в Японии.

В разработке находились трое японцев, которых 101-й обозначил как «Профессора», «Владельца книжной лавки» и «Студента».

№ 801 («Марианна»), которой «Абрам» присвоил номер 501, прибыла в Японию к середине февраля 1935 года. В отличие от 101-го, 501-я поехала под своим настоящим именем, с дипломом, который давал ей право на поступление в японский университет. Семья 501-й, проживавшая в Кантоне, была состоятельной, это укрепляло ее положение. В партии она не состояла, с полицией неприятностей не имела. За первые четыре месяца она должна была устроиться на учебу, сделать максимально возможное для изучения японского языка, завести круг полезных знакомств, присмотреться к людям, намечая того, кто мог представлять интерес для разведки. 501-я прошла в Москве подготовку, она должна была стать первой радисткой из числа китайцев. В этой связи ее особой задачей было — тщательно изучить радиоагентурную обстановку и подыскать квартиры, подходящие для размещения и работы радиостанции.

«Учитель» приезжал в Шанхай для доклада и инструктажа в октябре 1934-го и марте следующего года. Он работал не один, сотрудником резидентуры считалась и его жена. К маю 1935 года налицо были следующие результаты: «Учитель» завязал обширный круг знакомств среди японцев, американцев и работников дипломатического китайского аппарата в Японии, используя рекомендательные письма, полученные в Шанхае от японского консульства, шанхайского отделения ЮМЖД (Южно-Маньчжурской железной дороги) и отдельных влиятельных японцев. Кроме писем к нескольким профессорам, заведующим библиотеками и исследователям, он взял рекомендательные письма к «сильным политическим фигурам в Токио». Позднее «Учитель» познакомился с Мацуокой, главой ЮМЖД, будущим министром иностранных дел Японии; Ивангой, директором японского телеграфного агентства «Сим-

бун Ренго Цусин»; Урамацу, генеральным секретарем института тихоокеанских отношений и многими другими.

«Учитель» установил отношения в американской колонии, с секретарем английского посольства, английским профессором Токийского коммерческого университета. Он был вхож в китайское посольство, дружил с его первым секретарем и китайским генеральным консулом в Йокогаме.

В какой-то мере эти знакомства служили источником информации, но еще большее значение они имели для легализации, тем более что расширение этого круга происходило в основном благодаря научно-общественной деятельности «Учителя».

Среди студентов в Токио и Киото «Учитель» и его жена встретили прежних учеников, двоих из которых они планировали привлечь к сотрудничеству.

Также рассматривалась возможность привлечь к сотрудничеству двух японок из «хороших», но обедневших семей, машинисток, с перспективой их устройства в «интересных для нас учреждениях». «Две женщины... — рассказывал «Учитель», — были мне представлены через китайских сочувствующих в Токио. Обе способные стенографистки и нам сочувствуют. Одна окончила частный японский женский колледж в Токио, другая — американский миссионерский колледж для женщин в Токио. Обе имели по несколько лет практики работы в научных и деловых учреждениях как на японском, так и на английском языках. Их приятельницы по колледжу получили доступ в некоторые известные семьи, и через эти связи они могли бы получить хорошую должность в качестве стенографисток в каком-нибудь важном и ответственном учреждении».

Среди китайцев, которым была поставлена задача осесть в Японии и обзавестись полезными связями, была 902-я, «Роза», единственная из направленных в Японию «Абрамом», кого привлекли к сотрудничеству уже после отъезда «Рамзая».

«Роза» уехала «на острова» в декабре 1934-го. Она должна была обосноваться в Осаке, но это оказалось невыполнимым: там не было школы, в которой можно было учиться. «Роза» осталась в Токио, поступила в зубоврачебную школу, одновременно занимаясь в школе по изучению японского языка. Главным результатом работы «Розы» была вербовка ею китайца-помощника С. и японца М.

С. «Роза» знала с 1933 года по Шанхаю, где он был секретарем партийной ячейки одного из университетов. С. был вынужден бежать в родную провинцию Гуандун. Благодаря помощи родителей жены он попал на учебу в Японию, где поступил в одно из лучших высших учебных заведений — императорский университет. Полтора года С. не имел связи с партией и в глазах японской полиции политически скомпрометирован не был. Беседы с ним убедили «Розу» в том, что С. сохранил партийный дух и искал путей к политической активизации. Он с большой охотой согласился работать с «Розой» и предложил ей привлечь хорошо ему знакомого японского профессора М., директора китайской школы по изучению японского языка.

М. арестовывался за левые взгляды, но, будучи человеком с большими связями, был освобожден по поручительству высокопоставленного лица. М. часто говорил об СССР и социалистическом строительстве, о перспективах китайской революции и значении советского движения. Он напоминал С.

об осторожности, поскольку японская полиция следила за китайскими студентами и в каждом университете имела осведомителей. Когда С. предложил профессору работать, тот согласился без особых уговоров. Как и японцы группы 101-го, М. считал, что помогает нелегальной коммунистической организации.

Много лет спустя «Абрам» признал, что привлечение к работе 902-й было ошибкой: перед этим она активно занималась партийной работой, о чем знали многие ее знакомые, которых она встретила в Японии. Ей труднее было раствориться в массе населения, чем другим китайским агентам. «Не следовало включать в нелегальную агентурную сеть человека, политическая биография которого была отягощена такими специфическими событиями, в характере и подробностях которых резидентуре невозможно было разобраться... Агента с такой биографией... нельзя вербовать и отправлять на работу без предварительного согласия Центра».

В конце 1934 года Берзин сделал следующее письменное распоряжение: «Я думаю, что Абрам сделал большую глупость, взяв в аппарат 902-ю и допустив ее к нашей работе. Худшей рекомендации, чем он сам ей дает, дать нельзя: "ни разу не арестовывалась, хотя ее лицо известно многим предателям"; имела в последнее время связь с некоторыми предателями и якобы обратила их на путь истинный; рекомендовала в партию крупнейшего предателя Гу, который дал Чан Кайши столь ценные данные о партии, что тот его не только помиловал, но взял на работу в свою охранку».

Выводы, к которым пришел «Абрам», после более чем полуторагодичной работы с китайцами, были следующие: следовало учитывать, что японская контрразведка насаждала свою агентуру среди китайцев; сугубая осторожность требовалась в работе с левонастроенными студентами; китайцы не могли служить источником серьезной информации, «поскольку японцы их не подпускали к интересующим нас делам»; использовать китайцев можно было только путем создания сети наблюдателей в труднодоступных пунктах, где имелись китайские колонии; главная ценность китайцев была в возможности вербовки через них японцев; «мы не исключали возможности того, что через китайцев удастся непосредственно завербовать японских агентов-источников информации; но такая перспектива представлялась маловероятной, поскольку китайцы, которых мы могли привлечь, не имели связей в тех японских кругах, которые интересовали нашу разведку»; «главным направлением нашей работы мы считали вербовку через китайцев политически близких нам японцев, а уже через них думали выйти на тех агентов-японцев, которые были конечной целью наших усилий на островах; этот относительно длинный путь с промежуточными этапами был единственно реальным, а потому и наиболее коротким».

8 октября 1934 года Бронин писал Берзину (резидентам в те годы разрешалось, помимо общих организационных писем, обращаться непосредственно к начальнику Разведывательного управления; его письма к ним подписывались псевдонимом «Старик»): «Я знаю, что к этому вопросу следует подходить чрезвычайно осторожно, но в перспективе нужно ставить задачу, чтобы наша китайская сеть обросла японцами».

5 января 1935 г. «Старик» отвечал «Абраму»: ...Я, кажется, тебе уже писал, что надо искать "частного" подхода к островным корпорантам. Очевидно, без

них мы солидных связей не завяжем, солидных источников не получим. Островная корпорация в значительной (в чувствительной) мере комплектуется из детей разночинцев, профессоров, крупных чиновников, даже генералов, вокруг есть сочувствующий элемент, есть романтики и т. д. К ним надо добраться. Может быть, связь можно получить через твоих местных косоглазых, может быть "Нигрит" может это сделать. Попробуй нащупать, найти нить. Это откроет нам путь, даст настоящих островников.(Домой об этом, кроме меня, не пиши, ибо наш новый народ может на этом попытаться сыграть)». Под «корпорантами» Берзин имел в виду японских коммунистов.

К вопросу вербовки японцев, сочувствовавших коммунистам, через китайских «корпорантов» Берзин возвращается в письме от 15 января 1935 года: «Связь к островным корпорантам отсюда не получить. Дело в том, что здешний Большой дом (Коминтерн. — *М.А.*) сам не имеет связи, а посылаемые проваливаются через каждую пару месяцев.Я думаю, что частная связь, полученная чрез китайских корпорантов, пожалуй, скорее приведет к цели. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что там корпорация разбилась на три группы и здесь по существу не знают, какая правоверная, какая — нет. Попробуй получить связи на месте, причем не прямо к корпорации, а к отдельным лицам или околокорпоративным людям. Последние были бы наиболее выгодными».

Берзин поставил вопрос вербовки политически близких к Советскому Союзу японцев более определенно, чем это сделал «Абрам» в письме к нему. Но принципиальных расхождений не было. Указание о частном подходе к сочувствующим японцам, прежде всего, означало, что не может быть и речи о связи на месте с организациями японской компартии. Однако, как следует из письма, рекомендовался подход к отдельным коммунистам и лицам им сочувствовавшим.

С августа 1933 года было решено, что «Джон» — Стронский — займется «островными» делами. С декабря шанхайская нелегальная резидентура с санкции Центра приступила к созданию экспорто-импортного общества по торговле между Японией и Шанхаем, что должно было создать легализационную базу для связи с «островами» и внедрения там «наших людей». При помощи «Коммерсанта» (Войдта) «Абрам» рассчитывал заручиться представительством фирмы «Окура» — одной из крупнейших японских электротехнических фирм. Она имела представительство AEG в Японии, «Коммерсант» поддерживал с «Окурой» постоянный деловой контакт. Представлялось возможным созданием общества привлечь двух дельцов (в том числе одного японца), участие которых служило маскировкой и позволило бы сэкономить затраты: фирма «Окура» обещала обществу значительный кредит.

В Шанхае был открыт офис, который возглавил «Джон», но он должен был переехать в Японию, и на его место Центр планировал направить другого разведчика. В телеграмме от 4 января 1934 года «Абрам» давал следующую оценку предприятия: «Хорошие стороны дела: коммерческая солидность, максимально возможная в наших условиях маскировка. Через Коммерсанта и Джона дело будем целиком держать в руках, получаем возможность легализации нашего человека в Японии, финансовый риск небольшой». Требуемые капиталовложения Джона (4000 золотых рублей) не превышали суммы, обычно отпускавшейся Центром для легализации наших разведчиков.

Однако в феврале 1934 года два курьера «Большого дома» (Коминтерна), доставлявшие денежные средства для компартии Китая, попали под подозрение полиции, которая обратила внимание, что курьеры (мужчина и женщина) четыре раза получали большие суммы денег, что не вязалось с их социальным положением: по их американским паспортам один был шофером-механиком, другая — машинисткой-стенографисткой (еще один пример того, к чему приводит в нелегальной работе пренебрежение к «мелочам» и «деталям», особенно когда дело касается организации связи). По-видимому, имело значение и то обстоятельство, что переводы шли из Парижа, где разыгрался крупный финансовый скандал, известный как «дело Стависского». Финансовые транзакции из Франции на его фоне привлекли внимание полиции.

О подозрениях полиции женщине-курьеру сообщил управляющий отеля, где она остановилась. По его словам, полиция сначала сочла, что речь шла о торговле опиумом, но потом заподозрила, что здесь замешан советский шпионаж. Он спросил курьершу, знает ли она «Джона», который занимается советским шпионажем, при этом назвав его полным паспортным именем. Он сообщил также, что о «Джоне» полиция расспрашивала и второго курьера, который уже уехал, а потому это утверждение невозможно было проверить.

«Абрам» узнал о случившемся от представителя Отдела международной связи Коминтерна в Шанхае. Шанхайскому резиденту предстояло дать оценку полученной информации и принять меры по локализации провала. Приняв на веру полученное сообщение, он даже не попытался его перепроверить, пока один из курьеров Коминтерна находился еще в Шанхае.

«Абрам» исключал возможность того, что «Джон» был «заражен» курьерами «Большого дома»: контакта с ними «Джон» не имел, они его никогда не видели и ничего о нем не знали. «Всесторонне взвесив обстоятельства», шанхайский резидент решил, что «Джон» попал под подозрение в результате следующих событий.

Прикрытием для «Джона» и «Пауля» (пока тот был в Шанхае) служил небольшой магазин фотопринадлежностей. На протяжении года магазин был дважды ограблен (второй раз — в апреле 1933 года). Резидентура попыталась получить компенсацию через страховое общество, что привлекло к расследованию дела полицию. Компенсация была получена, но полиция при этом установила, что магазин приносит одни убытки. У нее возникли естественные подозрения: было непонятно, ради чего два компаньона содержат убыточное предприятие.

«Положение осложнялось тем, что Джон (как раз во время пребывания в Шанхае коминтерновских курьеров) внес на свой банковский текущий счет относительно большую сумму — деньги, отпущенные ему на импортно-экспортное общество, — отмечал «Абрам». — Откуда же у Джона, владельца невзрачной убыточной лавки, вдруг появились средства для ведения значительно больших по масштабу дел? Нет ли связи между внезапно выросшим текущим счетом Джона и денежными переводами из Парижа?»

Таков был основной ход вполне логичных рассуждений «Абрама», человека, который с первых дней своего пребывания в Шанхае пренебрег элементарными правилами конспирации, что закономерно и привело к его провалу в мае 1935 г., человека, который на протяжении двух лет, не считал нуж-

ным посещать «офис» своей компании, человек, который за два года так и не удосужился продать ни одного имевшегося в его распоряжении образца товаров.

«Но в качестве гипотезы мы допускали и другую возможность, — рассуждал далее «Абрам», — поскольку Джон попал в поле зрения полиции, мог всплыть и вопрос о его былой связи с Рамзаем, которая мало конспирировалась. Широко известна была и близость Рамзая с Агнес Смедли, а Джон часто встречался с Агнес. Не было исключено, хотя казалось и не очень вероятным, что разговоры о Рамзае как-то задели теперь и Джона».

7 апреля 1934 года «Абрам» писал Центру: «Как видите, дело достаточно серьезное. Ясно, что после этой истории Джон не может продолжать работу, особенно островную, но каким темпом провести ликвидацию дел? Исчезнуть ли Джону максимально быстро, подтверждая этим подозрения полиции, или пойти по линии более эластичной».

На основании, каких данных «Абрам» пришел к столь поспешным выводам, которые должны были уничтожить успешно создаваемое легализационное прикрытие в Японии, непонятно. Так же, как нет ответа на вопрос, почему «Джон» не мог продолжить работу «особенно» в Японии. Как ни странно, «Абрам» ничего не написал о том, чем завершилась странная история с курьерами. Похоже, им дали спокойно уехать. Почему Центр не счел нужным опросить их по прибытии? Почему это сообщение курьера было принято без проверки?

Сразу после пассажа о невозможности продолжения «Джоном» работы, сам себе противореча, «Абрам» писал: «В данном случае мы считали, что Джону непосредственная опасность ареста не угрожала — для этого у полиции не было данных. Быстрое исчезновение Джона, во-первых, неизбежно отразилось бы на Пауле (Римме. — *М.А.*), который теперь возглавлял резидентуру на севере. Полиция, несомненно, заинтересуется бывшим компаньоном Джона по лавке.

Во-вторых, копаясь в прошлых делах Джона, полиция набрела бы и на Вилли (Бюргель Вильгельм, радист шанхайской резидентуры, немец, в прошлом моряк, член КПГ. — *М.А.)* так как помещение мастерской, где была устроена его радиостанция, была в свое время нанята на имя Джона.

В-третьих, исчезновение Джона могло отрицательно отозваться на положении Коммерсанта, который рекомендовал Джона в экспортно-импортное общество. Как он мог объяснить фирме "Окура" и двум привлеченным к предприятию дельцам внезапное бегство Джона в момент, когда договорились о сумме, которую он вносит, и по согласию с партнерами уже была назначена его поездка в Токио? Конечно, положение Коммерсанта пошатнулось бы и в глазах полиции.

Была и еще одна существенная сторона вопроса. Необходимо было, как всегда в таких случаях, вникнуть в тактику контрразведки, раскрыть ее ходы и планы. Почему контрразведчики из английской полиции ("сеттльмента") поручили управляющему поговорить с курьершей? Они не могли ожидать, чтобы курьерша, обладающая экстерриториальным паспортом, рассказала в частной беседе о делах и людях нелегальной организации. С другой стороны, такой разговор предупредил бы человека, который занимается шпионажем, о подозрениях, которые против него имеет контрразведка. С какой стати полиция пошла бы на такой риск?

Напрашивается вопрос: не хотела ли полиция установить связь Джона с курьерами, то есть с той подпольной организацией, представителями которой эти курьеры являлись?

Логика фактов говорила в пользу именно такого образа действий контрразведки. Ответа на вопрос полиция могла добиваться двумя путями.

Во-первых, по невольной реакции курьерши на сообщение управляющего полиция надеялась выяснить, знает ли курьерша Джона, известна ли ей его фамилия. Здесь результат поисков был отрицательным. Но оставался еще второй путь проверки: если Джон имеет отношение к той организации, что и курьерша, разговор последней с управляющим станет ему известен, и он постарается немедленно исчезнуть. Поэтому исчезновение Джона подтвердило бы связь его с подпольем, к которому принадлежали курьеры».

В телеграмме Центру от 1 марта 1934 года была предложена следующая линия поведения резидентуры: «Учитывая, что у полиции против Джона могут быть только подозрения, мы рассчитываем при правильной тактике с нашей стороны дело серьезного оборота не примет. Мы приняли следующие решения: 1. Джона совершенно отстранить от нашей работы. Внешне он пока будет продолжать свои дела. Японское предприятие придется в умелой форме ликвидировать, поскольку нельзя строить аппарат вокруг человека, который попал в поле зрения полиции, но ликвидацию будем проводить постепенно, чтобы не вызвать лишних подозрений. Джон совершит намеченную поездку на острова, но ни с кем из наших связываться там не будет; будет вести торговые переговоры. 2. Аппарат примерно на месяц частично законсервируем. Прекращаем на это время прямую связь с нашим китайским аппаратом».

Через два дня Центр ответил согласием: «Предпринятые организационные мероприятия совершенно правильны, санкционируем. В случае жары действуйте решительно. Усильте бдительность».

Не последнюю роль в локализации «провала» сыграли личные отношения «Абрама» -Бронина с Берзиным.

«Наша линия оказалась правильной, — утверждал «Абрам». — Джон благополучно съездил на острова, спокойно провел ликвидацию токийского дела и фотомагазина. Уехал он 23 мая, через два с половиной месяца после получения сигнала о беседе управляющего с курьершей Большого дома».

«Проваленный» «Джон» не только «спокойно» провел ликвидацию дела, но встретился с «Рамзаем» и получил от него почту, что было совершенно недопустимо, исходя из выводов, сделанных «Абрамом» и одобренных Центром. Более того, судя по оргписьму «Рамзая», «Джон» не ведал об уготованной ему участи. В майской почте «Рамзай» писал: «Обсудите, пожалуйста, с Джоном ряд организационных вопросов, которые касаются моей здешней работы. Я подробно обсудил эту проблему с Джоном, и он прекрасно информирован о моих намерениях и желаниях».

Если допустить, что разговор между женщиной-курьером и управляющим отеля, в котором была упомянута паспортная фамилия Джона, имел место, «выводом» «Джона» из Китая через два с половиной месяца после разговора «Абраму» удалось подтвердить подозрения английской полиции.

Возможно, речь шла о сведении счетов представителя ОМСа в Шанхае с «Джоном» (паспортную фамилию которого он знал) или с самим «Абрамом» путем «вброса» дезинформации. Но какие счеты у «Абрама» были к «Джону»?

Почему он на корню загубил успешно проведенную легализацию «Джона» в Японии, проведенную людьми «Рамзая»? Может быть, дискредитируя «Джона», он пытался набросить тень на Зорге, на которого вскоре написал форменный донос?

В июне 1934 г. агент шанхайской резидентуры, проходивший под номером 202, сообщил «китайскому помощнику» «Абрама» (№ 101), а до этого «Рамзая», что у него есть близкий друг, полковник, занимающий должность помощника начальника штаба командующего шанхайским гарнизоном. По словам № 202, ранее полковник служил военным атташе в Токио и сохранил связи с японскими военными кругами. К тому же он настроен революционно и пользуется личным расположением Чан Кайши. На основании проведенных с полковником бесед, № 202 был уверен, что тот согласится «работать для революции».

Новость чрезвычайно заинтересовала «Абрама». Вербовка полковника открывала серьезные возможности развертывания работы в Японии. 25 июня 1934 года «Абрам» сообщил Центру: «Окончательное мнение о человеке, полученном через 202-го, еще рано высказать; возможности его использования могут оказаться весьма своеобразными». Насколько было обоснованно мнение № 202, можно ли было принимать на веру его рассказ? Если полковник занимал должность военного атташе, значит, он был связан с чанкайшистской разведкой. Сам факт, конечно, не говорил против его вербовки, но это, безусловно, подразумевало, что к полковнику следовало внимательно присмотреться. Особенно тщательной проверки требовали его связи с японцами: нельзя было исключить, что полковник работал на них.

Вместо этого «Абрам» решил, что с полковником встретится его помощник № 101 («Эрнст»), надежный человек «Рамзая». Это был самый короткий, но неверный путь. 101-й вынес из встречи с полковником радужное впечатление: в разговоре с ним полковник намекнул, что у него якобы имеются три японских агента, а перспектива заполучить сразу трех японских агентов казалась весьма заманчивой.

На следующую встречу «Абрам» решил пойти сам. Встречались втроем, № 101 привез полковника, которому в переписке был присвоен номер 208, на место встречи и выступал в качестве переводчика. В письме Центру от 9 августа 1934 года «Абрам» сообщал: «208-й производит впечатление разведчика. Я всякими путями пытался у него выведать, не состоит ли он в какой связи (безразлично, какова форма этой связи) с нанкинской разведкой. Он категорически отрицает, что, конечно, ничего не доказывает. Это объясняет, что, будучи военным атташе, он работу определенного характера выполнял по собственной инициативе, передавая добытый материал военному министерству, в частности, тогдашнему заместителю военного министра Чен И (теперь губернатор Фуцзяна, японский агент, который является приятелем 208-го). Так или иначе, надо исходить из того, что мы имеем дело с разведчиком, который сразу все свои карты не раскроет... Его отношения с японцами мне тоже неясны. Факт, что японцы к нему очень хорошо относятся... Должен сказать, что личное впечатление он на меня произвел неплохое. У него, несомненно, есть определенная субъективная революционность... При условии правильного подхода к нему он может оказаться самым ценным нашим источником. Все дело в том, чтобы правильно с ним обращаться».

208-й сообщил, что он имеет задание от одного из секретарей Чан Кайши продолжать добывание материалов по островам. Это значило, что 208-й мог вести агентурную работу для советской разведки, прикрываясь этим заданием. «В случае чего, — писал «Абрам», — 208-й в глазах Нанкина будет чист, как ангел».

«Человек, завербованный через 202-го, — высказал свою точку зрения Центр 8 августа 1934 года, — является еще одной зацепкой для организации совершенно самостоятельной ветви на островах... Все данные к этому у него как будто есть. Он был военным атташе в Токио, безусловно, имел там связи и знакомства среди японцев. Таким образом, 208-й, помимо того, что он будет ценным работником по Вашей стране, может создать весьма важную для наших целей организацию через указанного вновь завербованного человека».

На очередной встрече № 208, с соблюдением «китайских церемоний», раскрыл имена своих агентов. Полковник уверял «Абрама», что работает исключительно по идейно-революционным мотивам, следовательно, не могло быть и речи о денежном вознаграждении. Но ему нужно было «300 мексов (мексиканских долларов. — М.А.) для угощения японцев, с которыми он теперь хочет почаще встречаться, чтобы контакт с ними не ослабевал». Эти деньги «Абрам» полковнику дал, хорошо понимая, что речь идет фактически о месячном жаловании. После этого № 208 попросил дать ему взаймы 1500 мексов (около 400 американских долларов) «для приобретения машины», и это была плата за вербовку трех японских агентов. «На всякий случай» «Абрам» взял с полковника расписку, и тот назвал имена агентов: «К. Отставной капитан артиллерии. Был уволен из армии десять лет назад. С тех пор твердого занятия не имеет, большую часть времени был безработным. 208-му К. был рекомендован секретарем китайского посольства в Токио в бытность там 208-го военным атташе. 208-й был связан с К. в течение года. К. доставлял секретные военные книги, а также достал новейшую изданную японским генеральным штабом карту Маньчжурии...». Странно, что «Абрам» не выяснил у 208-го источники получения безработным К. секретных материалов.

Другим агентом № 208 был владелец магазина военных книг, расположенного напротив военной академии в Токио. «Знает 208-го еще со времени учебы последнего в академии... Поставлял 208-му секретные военные книги и карты. Так как последние могут отпускаться только по специальным разрешениям военного министерства... подделывал эти разрешения».

Третьим агентом полковника, по его словам, был формозец, работавший в газете «Асахи». «Давал политическую информацию по материалам, не публикуемым в газете. Предлагал 208-му всевозможные вещи, вплоть до мобилизационных планов японского генерального штаба. Деньги он требовал всегда вперед, поэтому у 208-го сложилось впечатление, что формозец его шантажирует. 208-й не был доволен его работой и примерно через месяц порвал с ним связь». Работал агент исключительно за деньги.

Наиболее перспективным «Абраму» показался К. Он писал Центру: «Ценность К. пока еще трудно определить. Некоей гарантией, что он не является провокатором, может служить то обстоятельство, что он в течение года поставлял секретные материалы. Его возможности двоякого рода: а) как отставной военный сравнительно высокого ранга он имеет право получать ряд секретных изданий, предназначенных для комсостава; б) он имеет зна-

комых в армии, которые могут быть им использованы для получения информации».

Первая позиция представляется весьма сомнительной, так как у отставного капитана не могло быть допуска к секретным материалам.

208-му «Абрам» дал указание послать К. на 3-4 недели в Японию. Его снабдили списком секретных книг, которые он должен был раздобыть; кроме того, он должен был собрать информацию по состоянию и вооружению японской армии — в соответствии с заданиями, которые резидентура получила от Центра. Особенно много вопросов было по артиллерии, поскольку это была военная специальность К. Его жалованье было определено в 100 мексов (примерно 25 американских долларов в месяц) + премия за добытые документы.

Выполнить подобное задание за три-четыре недели отставному, уволенному 10 лет назад, артиллерийскому капитану было невозможно, и любая его попытка привела бы к провалу. О чем думали «Абрам» и Центр, санкционировавший это задание задним числом?

В оценке К. между Центром и резидентурой расхождений не оказалось, но если «Абрам» делал упор на использование К., получившего псевдоним «Артиллерист» как информатора, то Центр главное внимание уделял задачам вербовки: «Из переданных третьих лиц некоторого внимания заслуживает "Артиллерист". Его необходимо сразу же направить на вербовку для приобретения лиц в штабах... Его сведения, добытые путем наблюдений, разговоров, слухов, поездок (все это в самую последнюю очередь) нас не могут удовлетворить. Если Вы ограничитесь только этим — цель не будет достигнута. Источник будет водить за нос, сообщать ничего не стоящие сведения, присылать книги, добытые в книжных магазинах. Его нужно сразу поставить на правильную дорогу — вербовка в штабах, добыча настоящих товаров. На этом будет проверено, что он из себя представляет — провокатор он или нет. Используя свое бывшее положение, ему легко будет подойти к маленьким людям, сидящим у настоящих товаров. Только так используйте этого типа».

Центр совершенно правильно оценил на момент вербовки возможности К.: получать сведения путем «наблюдений, разговоров, слухов, поездок». Параллельно следовало поставить задачу постепенно поднять старые связи на предмет выявления тех, что мог заинтересовать разведку. Но сразу нацеливать агента на вербовку значило отпугнуть его от только что начатого сотрудничества.

8 октября «Абрам» сообщил Центру о результатах поездки К.: «Артиллерист вернулся с островов и привез точка в точку то, что вы предсказали в оргписьме. Я посылаю вам пару его докладов. Хотя я не военспец, но и мне ясно, что это чепуха, если не дезинформация. Впрочем, и 208-й считает его материалы халтурой... Мы ему поставили совершенно конкретные и ясные задания в указанном нам направлении, и если он их не выполнит, то мы с ним расстанемся».

Эти «конкретные и ясные задания» были заведомо невыполнимы.

Что же касается 208-го, то он передал три японских книги, из которых, по оценке Центра, заслуживали внимания две, причем не секретные, а не подлежавшие оглашению.

«На днях, — писал «Абрам» в Москву 10 сентября 1934 года о встрече с 208-м, — я имел с ним откровенную беседу, в которой я, соблюдая надлежа-

щие китайские церемонии, высказал ему свое недовольство темпами его работы и ее результатами, особенно если последние сравнить с его обещаниями». Критику «Абрама» 208-й признал справедливой и назвал ряд причин, которые якобы мешали ему развернуть работу. Пользуясь ситуацией, «Абрам» «намекнул», что 208-й не оправдал полученную сумму в 1500 мексов. Его «демарш» дал неожиданный результат: 208-й стал утверждать, что машина не так уж нужна, и он готов вернуть взятые деньги. «Абрам» согласился их принять и пообещал выплачивать 208-му 200 мексов в месяц. 1500 мексиканских долларов 208-й действительно возвратил.

8 октября «Абрам» получил директиву Центра, ставившую вопрос о ликвидации связи с 208-м: «Обращаем Ваше внимание на 208-го. Вы предполагаете, что с 208-м у Вас работа пойдет. Однако он до сих пор не сделал ничего существенного, чтобы оказать ему доверие… Присланные Вами материалы никакой ценности не представляют… По-видимому, вы нажали на 208-го, и он представил Вам первые попавшиеся материалы из своей личной библиотеки. Таким образом, 208-й Вас пока вводит в заблуждение, поставляя плохой товар, который он выдает за секретный и трудно добываемый… Первые результаты Вашей связи с 208-м говорят за то, что если он и не является провокатором, то по меньшей мере жуликом и очковтирателем… Мы полагаем, что пора заняться вопросом изучения путей ликвидации всякой связи с 208-м».

Центр как будто «забыл», что, по его же оценке, две переданные 208-м книги заслуживали внимания. В итоге связь с № 208 и его агентурой была прекращена.

Подобная скоропалительность Центра (с момента начала работы с 208-м прошло всего несколько месяцев) не может не удивлять, учитывая, что за восемь лет Центр так и не создал нелегальной резидентуры в Японии, помимо резидентуры «Рамзая», и что резидентуре под официальным прикрытием так и не удалось заполучить ценную агентуру.

«Абрам» не отстаивал кандидатуру 208-го, а сразу занял позицию Центра и попытался оправдаться: «Наша ошибка в оценке этого типа, — докладывал «Абрам» в Центр про 208-го, — произошла по следующим причинам: а) мы имели горячую рекомендацию его со стороны 202-го, который являлся человеком серьезным и как будто заслуживающим доверия; б) у нас здесь еще нет (вернее, не было) подхода к оценке японских материалов. К тому же первая ваша оценка его материалов не была стопроцентно отрицательной; вы писали, что первый присланный материал не представляет особой ценности и что две его книги заслуживают внимания. При нашей островной бедности мне казалось, что и такой материал может быть полезен; в) нас привлекла нарисованная 208-м картина заполучения сразу ряда важных материалов и пары японских источников».

Неудачной была и попытка использовать Плаута («Доктора»). «Абрам» дал ему следующую характеристику: «Доктор был руководителем немецкого дальневосточного телеграфного агентства «Трансоцеан» в Японии, а с 1932 года — в Китае. Его главной профессией с 1919 года была журналистика, в течение семи лет он работал корреспондентом видной в то время берлинской газеты «Фоссише Цайтунг» в Токио. В Японии он с небольшими перерывами находился с 1912 года, хорошо знал японский язык, имел, по его словам, громадный круг знакомств, а его прежняя секретарша теперь служи-

ла у немецкого генерального консула в Осака. С поста руководителя «Трансоцеан» гитлеровцы его уволили как еврея. Они ненавидел нацистов, которые лишили его работы, выбросили из учебного заведения его детей и даже не вернули его сбережений, хранившихся в Германии. На предложение работать для нас в Японии он согласился без уговоров. Доктор утверждал, что ему благодаря его прежним связям и знакомствам легко будет найти работу в Токио и обосноваться».

«Абрам» забыл упомянуть, что Плаут был завербован еще Зорге и проходил у него в «Характеристике лучших связей» под номером 26. Для «Абрама» использование Плаута выглядело многообещающим. «Доктор», по его мнению, имел все данные для работы: «Это серьезный человек, к тому же с полуслова понимающий, в чем дело; видимо, какой-то опыт имеет». При этом у него не было ответа на вопрос, не связан ли «Доктор» с какой-нибудь разведкой, например, с немецкой.

«Абрам» решил не связывать его с «нашими людьми на островах», не давать конспиративной линии связи, поручить такие задания, по которым можно определить его агентурную ценность и окончательно решить вопрос о его использовании. «Я разработал для него задание, включавшее не только политические, но и военно-политические и даже военные вопросы. На испытание я беру 2-3 месяца». — докладывал он в Москву.

Центр ответил: «Доктор по той краткой характеристике, которую Вы ему дали, нам представляется немецким разведчиком из "Deutsche Uberseedienst"[2], и с ним дело надо вести осторожно. Однако использовать его необходимо. Доктор должен организовать сектор из иностранцев, на первое время, используя свои зацепки на островах. Его сектор нужно полностью изолировать».

Испытания Плаут не выдержал. В декабре «Абрам» сообщил: «Доктор, после того как я дал очень низкую оценку его материалов, исчез. Он поехал в октябре в Пекин якобы для встречи с немецким военным атташе, который должен был приехать туда из Маньчжурии. Хотел вернуться в начале ноября, но до сих пор не явился, а я между тем установил, что указанный атташе в Пекин не приезжал, по крайней мере, шанхайские немцы об этом не знают. Я решил за Доктором не гнаться, поскольку его ценность проблематична, а если он явится, то поставлю ему абсолютно конкретные вопросы, согласно Вашим директивам, и дам определенное время для доказательств того, что он действительно в состоянии что-то сделать. Денег он у нас, кроме 500 китайских долларов, данных в свое время для поездки на острова, не получал».

В оргписьме от 9 июля 1934 года «Абраму» сообщалось: «В ближайшие дни выезжает к Вам, по шведскому сапогу, наша работница Нигрит, член партии, с опытом нелегальной работы по линии Большого Дома. Ее направьте на острова для разработки иностранцев и привлечения их на нашу работу, главным образом тех, которые имеют возможность проникнуть к япам. Свяжите ее с Коммерсантом. Разработку и руководство этим сектором, отдельным от других секторов, проводите через Коммерсанта».

Под псевдонимом «Нигрит» работала Айно Куусинен, урождённая Туртиайнен.

Она родилась 3 мая 1888 (1886?) года в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) в Финляндии и, вернувшись из Советского Союза на родину в 1965 году, умерла там же 1 сентября 1970 года.

В автобиографии, как это следует из предисловия к книге Айно Куусинен «Господь низвергает своих ангелов», в конце 20-х годов она рассказала о себе так:

«"Мой отец был металлистом. Мать сперва работала в молодости прислугой, а затем домашней хозяйкой. Детей было много. Всего 9 человек. Сперва мы жили при заводе, на заводской квартире, жили как живут обычно рабочие. Ходила в народное училище при заводе в г. Утра. Когда окончила школу, мне было 12 лет. После этого меня отправили в город Фридрихсгамн, к сестре моей матери, портнихе, чтобы продолжать учиться дальше. Там меня приняли во второй класс гимназии. Из гимназии я ушла с седьмого класса, после чего поступила на высшие курсы сестёр милосердия. Тогда мне было 19 лет. После двухгодичного курса выдержала теоретический и практический экзамен на сестру милосердия. В больнице работала всего 3 года. По выходе замуж я ушла из больницы и стала учиться и писать всё чаще в рабочих газетах".

Отец Айно был социалистом, в семье постоянно обсуждались общественные и политические вопросы. На их адрес приходили экземпляры рабочей газеты, и Айно вместе со старшим братом разносила газету рабочим на дом. "Это была моя первая партийная работа, которую я выполняла с восьмилетнего возраста", — вспоминала она позднее. В 16 лет она организовала группу молодёжи в местечке Пукисвари. Айно считала, что "очень высоко эта организация политически, пожалуй, и не стояла, но о гнёте и недостатках общественного строя в ней говорилось много". В 1908 году вместе с братом Айно создала организацию молодёжи при лесопильном заводе в местечке Лямпосаари, которая стала местным отделением социал-демократической партии.

Социалистические убеждения пришли к Айно как бы сами собой: "Всё казалось ясным как день, как будто иначе и быть не могло. Затем подошла российская Февральская революция. Разумеется, она меня сильно захватила. И Февральскую революцию я приняла полностью. С большой уверенностью дискуссировали со сторонниками буржуазии. Но, вспоминая теперь об этом, сознаюсь, что я ни грандиозности, ни основной сущности российской революции тогда совершенно не понимала. Так же легко я приняла Октябрьскую революцию, хотя было трудно понимать разницу между Февральской и Октябрьской революцией. Но и она не заставила меня ломать голову. Приняла её с большим восторгом".

В январе 1918 года власть на юге Финляндии на несколько месяцев перешла в руки рабочих. Возникла Финляндская рабочая республика, которая уже весной этого года была свергнута буржуазией с помощью германского экспедиционного корпуса. Три месяца рабочей власти перевернули судьбу Айно и её родных. Один из её братьев организовывал лазареты для раненых красногвардейцев. Второй брат стал начальником отдела разведки в Выборге. Сама Айно помогала в организации лазаретов, участвовала в налаживании работы железнодорожных мастерских Выборга, помогала отделу разведки раскрывать действия контрреволюции, выступала со статьями в местной газете.

Подавление революции и развернувшийся в Финляндии белый террор повлекли за собой гибель многих родных Айно. Старший брат был арестован в тылу белых войск, подвергся ужасным пыткам и умер от голода в концен-

трационном лагере в июне 1918 года. Второй брат был расстрелян в Выборге. Третьему брату удалось бежать из тюрьмы. Он некоторое время скрывался от преследований, но тоже погиб. Четвёртый брат был брошен в тюрьму, но позднее освобождён. Лишь самый младший брат Вяйнё избежал в те дни ареста, но судьба его также трагична. Он жил в СССР и, как и многие, стал жертвой сталинщины.

Сама Айно и её муж в дни белого террора избежали репрессий. Они прятали в своей квартире подпольщиков. Айно в октябре 1919 года, после того как схлынула волна террора и вновь начали действовать рабочие организации, вступила в социал-демократическую партию. Она примкнула к её левому крылу и активно участвовала во внутрипартийной борьбе, в результате которой часть организации социал-демократической партии в Хельсинки вышла из партии и в 1920 году способствовала созданию Социалистической рабочей партии Финляндии. Эта партия являлась легальной формой подпольной Коммунистической партии Финляндии.

Среди тех, кого Айно скрывала на своей квартире, оказался и один из руководителей компартии Отто Куусинен. ...

В июне 1921 года, пройдя пешком 300 вёрст, Айно Сарола (фамилия первого мужа) через Карелию прибыла в Советскую Россию. Партия посылала её с нелегальными поручениями в разные страны, но с 1923 года она постоянно жила в Москве. Вскоре её приняли на работу в аппарат Коминтерна»[3].

В самих же воспоминаниях, написанных в 1965 году, Айно странным образом обходит молчанием свое героическое партийное прошлое. Все выглядит значительно проще и приземленное. Не было подпольщиков, которых прятали на своей квартире Айно со своим мужем, если не считать одной ночи проведенной под крышей их дома Отто Куусиненом, не было трехсот верст пешком через Карелию в Советскую Россию, не было и много другого.

Встреча с Отто Вильгельмовичем Куусиненом, членом Оргбюро ИККИ, секретарем, членом Политсекретариата Исполкома Коминтерна и заведующим Восточным лендерсекретариатом ИККИ круто изменила жизнь Айно Сарола.

О своем втором муже, с которым она тоже рассталась, правда, не оформив развод, Айно Куусинен оставила весьма нелицеприятные воспоминания: «Никакие кремлевские архивы — даже если их когда-нибудь откроют — не смогут дать объективного представления об его характере, его личности. Куусинен всегда останется для советского правительства — нынешнего и будущих — чем-то инородным. Он был иностранец, родился не на русской земле, знал шведский и немецкий, читал по-французски. Но по-русски до последнего говорил с сильным акцентом, речь всегда выдавала в нем иностранца.

А может, это и было его главным преимуществом? Почти полстолетия О. Куусинен был в сердцевине не только КПСС, но и правительства СССР. Удивительно, что иностранец продвинулся на ведущие должности в правительстве, но уж совсем непонятно, как он удерживался на них так долго, несмотря на все изменения политических течений.

Он пережил Ленина и Сталина, был ближайшим соратником обоих. Сталину он был необходим, это был его "логос". Сталин мало знал о капиталистических странах, о дипломатии, а Куусинен был искусный дипломат, хорошо знал обстановку в других странах. Он устраивал Сталина еще и тем, что всегда оставался в тени.

Скромность? Нет. Он был крайне честолюбив, ревниво следил, как осуществляются его планы. Но после, когда дело было сделано, он легко позволял другим присваивать себе славу. В глубине души Отто был самоуверен до циничности, он никогда бы не склонился ни перед кем. Он был непоколебим в своей уверенности, что в мире нет человека способнее его, особенно низко ценил данные Сталина. Но умел так ловко изложить Сталину свои предложения, что тот принимал мысли Отто за свои собственные.

Возможно, успех Отто объясняется и тем, что его как иностранца многие вещи в России не трогали, и он давал это понять. Он безразлично относился к строительству коммунизма в России, к вопросам экономики и политики: трагедия коллективизации, террор, аресты невиновных — все прошло мимо него. Он немного очнулся, лишь, когда чистки затронули Коминтерн...

Он был всегда нужен тем, кому принадлежала власть, точно знал, как надо обращаться с новым господином. Поэтому он и выжил в годы террора...

Он был как бы окутан тайной. С годами качество это усиливалось: в любой компании он казался посторонним. Во многих соратниках он вызывал страх, хотя часто казался робким, был даже скромен. Он не любил простых финских рабочих. Возможно, из-за незнания практической жизни. Техника, промышленность были ему чужды, он ни разу не был, ни на одном финском или советском заводе, не знал ни жизни рабочих, ни производства.

Это был политик, теоретик, работа его проходила "за кулисами".

Я долго размышляла и пришла к выводу, что главное в этом человеке — то, что он ненавидел, а не то, что любил. С какой горечью он вспоминал Финляндию, свою родину! Поражение красных в 1918 году было для него незаживающей раной...

Судя по всему, Отто мечтал покорить Финляндию. Однажды он мне признался, что хотел бы взять власть в Финляндии, а впоследствии стать "проконсулом" всей Скандинавии. А когда коммунизм победит во всей Европе, он снова вернется в Москву, и весь мир будет подчиняться его воле... »[4].

Выйдя замуж на Отто Вильгельмовича Куусинена, Айно попала в привилегированную верхушку советского общества как жена одного из руководителей Коминтерна. В 1924-м она стала членом РКП(б) и в том же году ее приняли на работу в аппарат Коминтерна, в отдел информации, референтом по Скандинавии.

Именно в 1924 году пересеклись судьбы Отто и Айно Куусинен и Рихарда Зорге. После революционных событий октября 1923 года КПГ была объявлена вне закона. Запрет был снят 1 марта, но состоявшийся в апреле IX съезд компартии Германии во Франкфурте-на-Майне проходил нелегально, так как охота на коммунистов не прекращалась. Тогда на съезд тайно прибыла представительная делегация руководства Коминтерна в составе Д.З. Мануильского, С.А. Лозовского, О.В. Куусинена, О.А. Пятницкого.

Рихард Зорге не только был делегатом съезда — он еще и получил задание опекать делегацию. Зорге обеспечивал их безопасность, подбирал им нелегальное жилье, отвечал за питание. Впоследствии он вспоминал, что несколько дней руководители Коминтерна жили на его квартире. Зорге был единственным доктором наук, а ему поручили отвечать за безопасность представителей Коминтерна, что препятствовало его участию в партийных дискуссиях. Отвечать за безопасность — серьезная задача, но не для чело-

века его масштаба. Его как будто испытывали на прочность и подталкивали к отъезду из Германии. И в итоге произошло то, чего от него ожидали.

Молодой, высокообразованный, энергичный и обаятельный немец был взят на заметку руководством Коминтерна. Рихарду было предложено переехать в Москву. Немаловажным для членов делегации было и то, что Рихард оказался родственником известного социалиста Фридриха Зорге.

Член Исполкома (представитель Компартии Германии в Коминтерне) О. Гешке в письме в ЦК КПГ сообщал 1 августа 1924 г., что на заседании Секретариата ИККИ обсуждался вопрос о работе Информационного отдела, и ему было поручено переговорить с руководством германской Компартии о приглашении Зорге[5].

На самом деле отдел, о котором шла речь, назывался Информационно-статистическим, название Информационного он носил до 5 декабря 1922 г., но «по старинке», даже в переписке его продолжали называть Информационным[6].

В анкете, которую Зорге заполнил при переходе в Коминтерн, он написал, что приступил к работе в ИККИ 15 декабря 1924 года и что рекомендовал его О.В. Куусинен.

Весь 1925 г. Зорге работал бок о бок с Айно Куусинен в Информационно-статистическом отделе и тем не менее не удостоился упоминания в ее воспоминаниях о работе в Коминтерне, если не считать одной фразы, касающейся уже другого периода ее жизни: «В начале января 1935 года, в точно назначенное время я сидела в фойе «Империала». В дверях появился мужчина и едва заметно мне кивнул. Я сразу узнала доктора Рихарда Зорге, с которым познакомилась еще десять лет назад, когда он работал в немецком секторе Коминтерна. Тогда, вскоре после своего приезда из Германии, они с женой бывали в гостях у нас с Отто. Вот, значит, кто будет связным между мною и генералом Берзиным!»[7].

Вспоминая о Зорге, Айно говорит о нем только в негативном контексте, словно желая посмертно унизить его, низвергнуть с пьедестала, на который тот был по праву вознесен. Какими мотивами руководствовалась Айно? Было ли это оскорбленное самолюбие, связанное с тем, что Зорге не уделял ей и передаваемой ею информации внимание, на которое она рассчитывала, уверенность в том, что из-за него ее деятельность не была оценена по достоинству Центром, либо примитивная зависть? Чего стоит одна фраза: «Вот, значит, кто будет связным между мною и генералом Берзиным!». А, может, его вина была в том, что Зорге устоял перед ее чарами и не замечал ее как женщину?

Негатив по отношению к Зорге Куусинен сформулировала в отчете, написанном в октябре-ноябре 1937 г. по настоянию М.И. Сироткина, кропотливо, месяц за месяцем, собиравшего компромат на «Рамзая». Этот отчет, особенно в своей первой части, скорее напоминал не подкрепленный фактами донос: «Когда тов. С[ироткин]. попросил меня высказать свое мнение о наших товарищах, в частности, о Рамзае, я, прежде чем писать, постараюсь восстановить в памяти все наблюдения и воспоминания. Я знаю тов. Зорге с 1924 /или 1923/ года, когда он приехал в Москву после Эссенского партсъезда.

В Коминтерне он никакой особой роли не играл и в партячейке был очень пассивен. Я ни разу не слышала, чтобы он выступал. Это не привлекало

к себе внимания, так как многие иностранцы являлись здесь лишь формальными членами партии. Было известно, что во время Брандлеровской дискуссии он имел уклон, выступая за Брандлера. Насколько он солидаризовался с правыми, сказать не могу, так как тогда небольшие отклонения не подвергались строгой критике. Правые в Коминтерне держались очень сплоченно, и известная интриганка — Алиса Абрамова — была некоторое время женой Рамзая. Насколько мне известно, она уже давно арестована. Она была замешана в грязной истории с мадьярами. Подробностей дела я не знаю.

Когда я работала секретарем в шведском секретариате, мы послали Рамзая по поводу споров в Швецию. Он получил точные инструкции, как действовать. Дело было в том, что мы в Коминтерне поддерживали оппозицию против оппортунистического партруководства /разумеется, это была тайная, пассивная поддержка/. Но тов. Р. послал в Коминтерн доклад, в котором пытался доказать, что тогдашнее руководство /Замуельсон-Кильборн (О. Самуэльсон-К.Чильбум. — М.А.)/ были правы, и оппозиция должна быть разбита. А теперь партия Кильборна вот уже несколько лет борется вместе с полицией против нас /когда показала доклад Р. Куусинен и др. товарищам, они сказали, что Р. постоянно уклоняется вправо/. Это было в 1929 г. Вот все, что я знаю о прошлом Р.».

На допросе 20 июля 1938 г. соратник Зорге по работе в Шанхае К.М. Римм показал: «РАМЗАЙ по своим политическим убеждениям примыкал к правым, поддерживал БУХАРИНА и был с ним в близких взаимоотношениях.

Кроме того, мне известно, что отец РАМЗАЯ был старым немецким социал-демократом, оказывал услуги русским эмигрантам, в том числе и БУХАРИНУ. Отсюда и возникло знакомство РАМЗАЯ с БУХАРИНЫМ».

Именно в таком виде — смеси полуправды, искаженной временем, — отложились в памяти Римма, сломленного допросами, рассказы Зорге о своем прошлом.

Зорге был зачислен в категорию «политически невыдержанных товарищей», хотя объективных оснований для этого не было. В своих публикациях Зорге придерживался линии партии. Его работа в команде Бухарина по подготовке материалов к VI конгрессу пришлась на заключительный этап, когда в основном шло согласование формулировок. Ни до, ни после конгресса Зорге тесных контактов с Бухариным не имел и в каких-либо фракциях и группировках замечен не был, прежде всего по причине своих длительных зарубежных командировок.

С самого основания Коммунистической партии Германии в 1918 г. в ней шла непрекращавшаяся борьба между фракциями и группами. В 1924 г. Г. Брандлер и А. Тальгеймер, основатели «Союза Спартака» и КПГ, были отстранены от руководства партией. На бывших лидеров списали все ошибки после провала «Германского Октября», но до исключения из партии черед дошел лишь через несколько лет, в 1929-м. В последующем «группу Брандлера — Тальгеймера» отнесут к «правому уклону». Не следует также забывать, что предисловие к «Новому немецкому империализму» Зонтера (Зорге) было написано первым сопредседателем КПГ, теоретиком партии, «правым» Августом Тальгеймером.

Зорге не принимал активного участия во внутрипартийной борьбе в КПГ. Однако можно предположить, что его, человека молодого и решительно-

го, вряд ли привлекал оппортунизм «правых», их тактика союза с социал-демократией, упор на работу в профсоюзах и легальную деятельность. В то же время Зорге, как человек высокообразованный и не склонный к бесплодным фантазиям, не мог увлечься путчистскими и сектантскими идеями «левых». Как бы то ни было, к моменту пика фракционной борьбы (1925—1926) его в Германии не было, поскольку он целиком посвятил себя работе в Коминтерне, в то время как немецкое представительство в Коминтерне воспринимало его как чужака и креатуру русских.

«Разочарование в том деле, которым приходилось заниматься в Коминтерне, в человеке, с которым Айно соединила свою жизнь, — выспренно написано в предисловии к ее воспоминаниям, — заставили ее искать новый выход. В 1931 году она уехала на партийную работу среди финских иммигрантов в США. Здесь под фамилией Мортон Айно пробыла до середины 1933 года»[8].

Ей предстояло разрешить финансовые противоречия между компартией США и финским рабочим союзом — задача, по сути, невыполнимая. «Компартия США постоянно нуждалась в деньгах. В нее входили в основном рабочие-иммигранты, и взносы они платили далеко не всегда. Коренные американцы вступали в партию редко. Зато бесчисленные иноязычные клубы и союзы, в которых иммигранты встречались, чтобы поговорить на родном языке о своей родине, были богатыми организациями. Почти у всех выходцев из Европы были свои национальные союзы в Нью-Йорке и их филиалы во всех крупных городах страны. Многие имели гораздо больше средств, чем компартия, поэтому коммунисты стремились привлечь эти организации в партию. Тогда финансовую помощь, регулярно поступавшую от Коминтерна, можно было бы сократить. Но пока что в партию вступали только еврейские организации.

Коммунисты очень интересовались и финским рабочим союзом. Это была разветвленная, богатая, в основном неполитическая организация. Штаб ее находился в Нью-Йорке, а филиалы во всех районах США, где жили финны. Союзу принадлежало большое здание "Хаал" в восточной части Нью-Йорка...

Партия, например, проводила в «Хаале» партийные собрания, но платить за аренду помещения отказывалась. Коммунисты также требовали, чтобы каждый член финского союза, принятого в партию как коллективный член, платил партийные взносы, и чтобы финны выписывали «Дейли Уоркер» независимо от того, знают они английский или нет. Такое отношение вызывало среди финнов вполне понятное недовольство»[9].

«Деятельность Айно в федерации финских рабочих не способствовала сближению этой федерации с компартией США. И по настоянию руководства компартии она была отозвана в Москву. Однако Айно больше не хотела возвращаться в аппарат Коминтерна, где к тому времени атмосфера революционного энтузиазма, которым отличались первые годы существования этой организации, уже давно сменилась затхлым бюрократическим духом канцелярии, усердно выполнявшей директивы, поступавшие от сталинского окружения. Не хотела Айно возвращаться и к мужу, которого, по-видимому, давно разлюбила и к которому испытывала неприязнь»[10].

«Как выехать, и побыстрее, из СССР? С каждым днем становилось все яснее — надо торопиться, — напишет в своих воспоминаниях А. Куусинен. — Я снова обратилась за советом к Ниило Виртанену[11]. Он сказал, что четвертое управление армии подыскивает людей, знающих языки и имеющих опыт

работы за границей. Управление занималось военной разведкой, руководил им генерал Ян Берзин. Виртанен был с ним знаком, считал его способным руководителем разведки и обещал мне устроить с ним встречу. Берзин был латыш, с шестнадцати лет участвовал в революционном движении, был арестован в 1906 году и избежал смертной казни только потому, что был несовершеннолетним. Из сибирской ссылки бежал, чтобы продолжить нелегальную революционную деятельность. После 1917 года Берзин примкнул к Троцкому, командовавшему тогда Красной Армией. Таков был человек, который, по словам Виртанена, примет меня с распростертыми объятиями»[12].

Из показаний Берзина на допросе от 7 февраля 1938 года: «КУУСИНЕН в РУ на работу рекомендовал быв. представитель финской Компартии МАННЕР, а также сам КУУСИНЕН. В связи с тем, что после провала в Финляндии резидентши «Марии» — ТЫЛТИН там не удавалось восстановить агент. сеть и в РУ не было подходящих людей для вербовки в Финляндии, я обратился в финсекцию ИККИ к МАННЕРУ с просьбой дать РУ работника, хорошо знающего Финляндию и имеющего солидные связи среди финской интеллигенции для того, чтобы его использовать в качестве вербовщика; такую же просьбу я лично повторил и КУУСИНЕНУ. Через несколько месяцев МАННЕР прислал ко мне Айно Андреевну КУУСИНЕН, рекомендуя и как весьма подходящую для этой работы и имеющую большие связи в Финляндии лично. Из разговора с самой КУУСИНЕН выяснилось, что она ранее работала по линии ИККИ в Зап. Европе и в последнее время в Сев. Америке, где проводила агит. и организ. работу среди финской эмиграции. Она дала согласие на предложенную работу, но указывала, что в Финляндию ехать не может, там ее слишком хорошо знают, но вербовочную работу может вести из Швеции, где у нее также имеется ряд знакомств, как у писательницы и общест. деятельницы и откуда ей нетрудно будет установить связи с финнами в самой Финляндии.

Узнав, что она быв. жена КУУСИНЕНА, я спрашивал у самого КУУСИНЕНА: прислана ли она с его ведома, считает ли он подходящей для работы в РУ и можно ли ее использовать. Он дал о ней хороший отзыв и рекомендовал для работы. Хороший отзыв дал и ПЯТНИЦКИЙ, которого я спрашивал о причинах освобождения КУУСИНЕН от работы в ИККИ. Причиной ухода КУУСИНЕН из ИККИ ПЯТНИЦКИЙ указал то обстоятельство, что КУУСИНЕН (он) женился на другой и что в связи с этим создалось «неудобное положение».

КУУСИНЕН я передал в агент. отдел для подготовки к вышеуказанной работе на Финляндию. Однако, когда весной 1934 г. в РУ моим заместителем по агентуре был назначен АРТУЗОВ, а вместе с ним пришли для подкрепления агент. кадров РУ ШТЕЙНБРЮК и КАРИН — они, переговорив с КУУСИНЕН «Ингрид», решили переориентировать ее на Д/Восток и передать 2-му отделу (КАРИНУ). Я против этого не возражал, т.к. в 1934 году целиком «заворачивал» АРТУЗОВ, стремясь меня от нее постепенно изолировать. По плану АРТУЗОВА КУУСИНЕН должна была в Швеции "легализоваться" как журналистка, получить паспорт, представительство от шведских газет или журналов, написать несколько "теплых" статей о Японии в шведской печати или выпустить соответствующего содержания брошюрку с тем, чтобы после приезда в Японию выдать там себя за японо-финскую журналистку из Европы. С этим планом я согласился. Пробыв в Швеции довольно длительный подготовительный период, получив паспорт и выпустив книжку по Японии, КУУСИНЕН от-

правилась через Западную Европу в Шанхай и далее в Японию. Уже первые шаги ее в Шанхае, а затем ее первое посещение Японии показали, что вся эта комбинация не дает результатов. КУУСИНЕН «Ингрид», насколько помнится, уже в Шанхае столкнулась с каким-то прежним знакомым, и ее попытки завязать необходимые связи в Шанхае, тем паче в Японии, куда она ездила, не дали результатов. Возник вопрос о ее отзыве.

В таком положении было с ней дело, когда я сдавал дела Р.У. УРИЦКОМУ весной 1935 года. УРИЦКОМУ я высказал свои сомнения насчет использования КУУСИНЕН «Ингрид» на Д/Востоке, и советовал вернуть для использования в Зап. Европе».

Из «Характеристики на пом. резидента- вербовщика под кличкой "Ингрид" (новый псевдоним Куусинен, полученный ею в 1935 г. — *М.А.*)- Куусинен Айно Андрееевну» от 25.10. 1937 г., составленной в 7-м отделении 2-го отдела Разведупра:

«Родилась в 1894 г. в г. Гельсингфорсе /Финляндия/. До Октябрьской революции училась в Гельсингфорсе в гимназии и университете. Состояла не регулярно в левом крыле финской с.-дем. партии, выполняя поручения, как разносчик нелегальной литературы, организатор союза молодежи и пр. После Октябрьской революции и до 1921 г. — на партработе в Финляндии.

С 1921 по 1933 гг. на работе в Коминтерне /большей частью на нелегальной зарубежной работе/. По линии Коминтерна работала в Германии, Швеции, Финляндии, Канаде и САСШ. ...».

Эта часть характеристики составлена со слов самой Куусинен. Здесь она делает себя моложе на шесть, если не на восемь лет, здесь же учеба в Университете, партработа в Финляндии после Октябрьской революции до 1921 года, а в последующем продолжительная нелегальная работа за рубежом по линии Коминтерна. И все это фантазии Куусинен. Ничего этого не было кроме командировки в Америку.

Из «Характеристики на пом. резидента- вербовщика под кличкой "Ингрид" — Куусинен Айно Андрееевну»:

«... На работу в РУ перешла из Коминтерна в 1933 году при начальнике РУ БЕРЗИНЕ.

Член ВКП /б/ с апреля 1922 года. ...

Имеет достаточно высокое общее развитие. Владеет Финским, русским, немецким, английским языками. В начальной степени владеет японским разговорным языком. Теоретически знает французский, норвежский, датский и итальянский языки /понимает речь, может читать/. Владение многими языками и знание всех условностей «высшего « общества позволяет ей с успехом легализоваться под видом «состоятельной дамы» и приобретать связи в «высших» кругах иностранцев.

Знакома с журналистской работой в такой степени, что может довольно успешно выступать в качестве журналистки-писательницы. Имеет знания в вопросах литературы, живописи, искусства вообще, благодаря чему может приобретать связи и в соответствующих кругах работников прессы и искусства».

«Через несколько дней я была у него (у Берзина. — *М.А.*) в кабинете. — Вспоминает Айно Куусинен. — Берзин был статный красавец, с лицом, будто высеченным из камня. Разговаривая, он постоянно моргал воспаленными глазами. Времени на пустые разговоры не тратил. Узнав, что я работаю в

Коминтерне референтом по Скандинавии, Берзин сказал, что дело для меня найдется. Но не был уверен, что Куусинен отпустит меня из Коминтерна. Не лучше ли мне сперва переговорить с мужем?

Я снова пошла к Куусинену. Он уже знал, что меня «вербует» Берзин, и был против моего ухода из Коминтерна. Сказал, что, если меня не устраивает прежняя работа, в Коминтерне можно подыскать другое место.

В конце разговора я сказала:

— Ты, видно, не понимаешь, что у нас с тобой все кончено. И будет лучше, если после развода я буду работать под началом Берзина.

Я не сказала ему, что твердо решила уехать за границу. После длинного, тяжелого разговора Куусинен понял, что меня не уговорить остаться в Коминтерне, но развод дать категорически отказался.

Я снова пошла к Берзину, сказала, что Отто согласен. Он при мне позвонил Пятницкому, спросил, чем я занималась в Коминтерне, положив трубку, сказал, что Пятницкий меня горячо рекомендовал. Берзин спросил, была ли я когда-нибудь на Дальнем Востоке. Я ответила отрицательно. Он предложил мне ехать в Японию. Я согласилась не сразу. Мне ведь не были знакомы тонкости работы тайных служб, да еще я должна была ехать в совершенно чужую страну. Генерал, конечно, заметил мое замешательство, сказал:

— Не беспокойтесь. Мы вам разведзадания не дадим. В Японии можете устраивать жизнь по своему усмотрению, учите японский и вообще знакомьтесь со страной. Мы будем вас финансировать, отчитываться будете передо мной. Единственное условие: в Японию вы должны ехать надолго.

Из разговора я поняла, что задание я все же получу, но после того, как полностью освоюсь в незнакомой стране. Не хотелось принимать поспешного решения, я попросила несколько дней на раздумье. В последующие дни я не раз советовалась с Виртаненом, хотя заранее знала, что он скажет. Ниило был уверен, что нам обоим в Москве грозит большая опасность, и мы должны пользоваться любой возможностью выехать из СССР... Я согласилась с ним, что жизнь в душной московской атмосфере мне невыносима после «свежего воздуха» Америки. Некоторые из друзей исчезли, я, конечно, тоже была под подозрением, так как долгое время находилась за границей. Кроме того, в Москве трудности с продовольствием, товары, если они еще в магазинах появлялись, были плохого качества. Повсюду царили антиправительственные настроения, но диктатор сидел в седле крепко. Так что предложение Берзина было единственным средством спасения. Я согласилась»[13].

Не хочется верить, что все написанное отражает именно те чувства, которые Айно Куусинен испытывала в 1933 году, и что единственной мотивацией для работы в разведке послужило ее желание «выехать поскорее» из Советского Союза, где ей «грозила большая опасность».

Хотя «Нигрит» была работником Коминтерна со стажем, как это часто бывало с товарищами из «Большого дома», ее опыта в партийной нелегальной работы было явно недостаточно для нелегальной агентурной деятельности. Точнее, весь опыт ее нелегальной работы заключался в том, что она находилась в командировке под чужой фамилией. В то время Америка, или, как она тогда называлась в официальных документах, Северо-Американские Соединённые Штаты, была раем для нелегалов всех мастей, настоящих и таких, как Айно Куусинен.

«Моя работа началась с четырехнедельного отпуска в Кисловодске, на Кавказе, — напишет в своих воспоминаниях Айно Куусинен много лет спустя. — Вернувшись в Москву, никакого задания я так и не получила, об этом даже не заговаривали. У меня отлегло от души: не надо бояться, что не справлюсь. Единственное, чего от меня потребовалось, — держать новую работу в строжайшей тайне.

Пора приступать к сборам. Вначале надо было раздобыть поддельный паспорт. В Японию я должна была выезжать из Швеции, поэтому паспортом меня снабдила моя знакомая Сигне Силлен, работавшая и на Коминтерн, и на четвертое управление. На этот раз меня звали Хилдур Нордстрём. Хилдур недавно приехала в Москву из Берлина, в паспорте была проставлена виза через Варшаву, Вену и Париж в Берлин, а оттуда в Стокгольм.

Денег на дорогу мне дали в избытке, и я выехала из Москвы в октябре 1933 года. Около недели пробыла в Вене и Париже, там обновила гардероб…

С паспортом на имя Хилдур Нордстрём я без труда прошла паспортный контроль и в конце ноября приехала в Стокгольм… Прежде чем продолжить путь, я должна была получить новый паспорт: по русской визе в Японию я ехать не могла. Сигне Силлен снова принялась за дело, и через месяц у меня было новое имя и новый паспорт. На этот раз я была Элизабет Ханссон из Луле. Паспорт был настоящий, переклеена лишь фотография. Муж Элизабет, член компартии, получил паспорт официально в Стокгольме: так просто! Теперь я была журналисткой Элизабет Ханссон, мы вместе с Сигне обдумали все подробности биографии.

Рождество 1933 года я провела в семье Сигне. Вдруг из Москвы я получила неожиданный приказ: возвращаться под именем Хилдур Нордстрём! Я уже было подумала, что поездка в Японию не состоится, но опасения оказались напрасны. До сих пор не могу понять, зачем мне велели вернуться, — инструкции можно было переправить и в Стокгольм. Но генерал Берзин, видно, хотел еще раз со мной поговорить. Он подчеркнул, что в Токио я должна жить на широкую ногу и наладить связи с высшими правительственными кругами. Немецких кругов надо непременно избегать — почему, я узнала гораздо позднее. Никто, кроме самого Берзина, не может отдать мне приказа. Лишь по приезде в Японию я узнала, как будет организована с ним связь. Мой псевдоним — Ингрид. Связным в Японии будет мой старый знакомый, но кто — Берзин не сказал. Потом Берзин выслушал легенду о жизни Элизабет Ханссон и остался доволен. Мы с Сигне действительно продумали все подробности.

Потом генерал подробно изложил мой маршрут. Я должна вернуться в Стокгольм, проставить необходимые визы в паспорте Элизабет Ханссон и получить деньги на дорогу. В три часа дня 23 февраля я должна сидеть в ресторане "Гранд-отеля" в Стокгольме в синем костюме с красным бутоном на левой стороне груди. Там со мной свяжется агент четвертого управления. Из Стокгольма я поеду в Осло, положу там на счет в банке тысячу долларов и через Копенгаген отправлюсь в Париж. Там закажу каюту на итальянском пароходе "Конте Верде", он отплывает в конце июля из Триеста в Шанхай. В Шанхае я должна остановиться в гостинице на улице Бубблинг Уелл, где снова со мной свяжутся и сообщат, куда я должна дальше ехать.

В заключение генерал прочитал мне лекцию о политике. Предупредил, что, возможно, отношения СССР с Японией будут постоянно ухудшаться...Но

меня ничуть не страшила угроза войны, я с нетерпением ждала приказа отправиться в путешествие»[14].

О подготовительном этапе командировки Куусинен в Японию можно судить только по воспоминаниям самой Айно. А эти воспоминания — кривое зеркало. Из них следует, что, по сути, ее никто к командировке не готовил, а только снабдили деньгами. Она сама через свою знакомую выправила себе паспорт сначала на одно, потом на другое имя, под которым и появилась в Японии. С этой же знакомой отработала свою легенду.

Что действительно удалось сделать самой «Нигрит» в Стокгольме — это, используя прежние партийные связи, приобрести одно подлинное и три подложных (на подлинных бланках) корреспондентских поручения от шведских газет, после чего снова выехать во Францию, а оттуда 7 сентября 1934 года пароходом отплыть в Шанхай.

По легенде, она была состоятельной дамой из хорошего общества с литературными наклонностями, которая собиралась писать книгу о Дальнем Востоке, хотя литературный труд и не был для нее источником существования. Кругозор и интеллигентность «Нигрит» делали эту легенду правдоподобной. Шведский язык она знала как родной, неплохо владела немецким и английским. Внешность «Нигрит» также не противоречила легенде. С виду ей было лет сорок с хорошими манерами женщины из общества. «Абраму» пришлось сделать лишь одно замечание: для своего возраста она одевалась слишком броско. Замечание «Абрама» ее задело, но в конце концов она с ним согласилась. Зато в долгу Куусинен не осталась и в своих воспоминаниях дала не очень лицеприятную оценку Бронину — «Абраму» и вскоре ставшей его женой радистке шанхайской резидентуры «Элли» — Рене Марсо[15]:

«Через несколько дней после моего приезда в отеле появилась молодая женщина, говорившая по-немецки. Она должна была отвезти меня к «шефу». Мы поехали на такси во французскую часть города... Шеф назвался доктором Босхом, женщина была радисткой, звали ее Элли.

Босх выразил недовольство тем, что я сама выбрала гостиницу. Это был резидент, глава тайной спецслужбы СССР в Шанхае, ему подчинялись все советские агенты на Дальнем Востоке. Он, правда, признал, что я на особом положении, потому что приказы буду получать прямо из Москвы. Он поинтересовался моим заданием, но я ответила, что конкретных заданий пока не получала. Ему это явно не понравилась. Я ни в коем случае не должна ехать дальше, пока он не получит на то разрешение из Москвы, сказал он. Последнее время трудно связаться по радио с «Висбаденом» (Владивостоком), поэтому я должна терпеливо ждать, так как с «Мюнхеном» (Москвой) прямой связи нет. Мне показалось странным, что он так неосторожно и без особой надобности раскрыл мне кодовые названия. Босх допустил и вторую небрежность: когда он ненадолго вышел из комнаты, на столе, среди бумаг, я увидела его паспорт. Я быстро в него заглянула: он был выдан на имя латыша Абрамова.

Элли тоже нарушила правила секретной службы, показав мне, что радиопередатчик хранится за шкафом. Родом она была из Люксембурга, в Шанхай приехала из Москвы на несколько недель раньше меня. Лишь через много лет я узнала, что настоящая фамилия Абрамова — Бронин, что они с Элли же-

наты, оба из Москвы. Они мне показались людьми малообразованными, и, находясь в Шанхае, я по возможности старалась их избегать. У Босха я однажды познакомилась с одним из его агентов — Войтом, представителем германской фирмы "Сименс"»[16].

«Абрам», который жил в Китае по документам на имя Максима Риваша, совершил еще одну оплошность, допустив знакомство Куусинен с Войдтом.

Во время трехнедельной поездки на пароходе из Франции в Шанхай Куусинен завела ряд весьма полезных знакомств с японцами и проживавшими в Японии иностранцами. Знакомства, перешедшие в дружеские связи, обеспечили для нее в дальнейшем возможность достаточно правдоподобно обосновать свои поездки в Японию.

В числе таких знакомых, оказавшихся весьма полезными для легализации «Нигрит» и расширения ее связей в Японии, были:

1) Касама — японский посол в Португалии, направлявшийся с семьей в шестимесячный отпуск;

2) итальянец Ликвори, проживавший в Японии 12 лет, сын владельца солидной итальянской фирмы, торговавшей жемчугом. Отношения с ним перешли в особо близкую дружескую связь: он влюбился в «Нигрит» и предлагал ей вступить с ним в брак «по закону и религии Италии»;

3) итальянец-инженер д-р Нобиле, руководивший строительством в Японии крупной фабрики искусственного шелка.

«Нигрит» прибыла в Шанхай 1 октября 1934 года. А уже 4 октября последовало указание, отменявшее предыдущее: «Нигрит»на острова не отправляйте. Оставьте в Вашем аппарате». В оргписьме от 8 октября «Абраму» было разъяснено: «Вопрос использования Нигрит в Вашем аппарате согласуйте с нами по радио. Категорически запрещаем знакомить Нигрит с кем-либо из Вашего аппарата, в том числе из аппарата друзей (представители Коминтерна в Шанхае. — *М.А.*). О ее существовании никто, кроме Вас, знать не должен».

«Абрам» не без оснований предвидел трудности, с которыми ему придется столкнуться, останься «Нигрит» в Шанхае. Как использовать ее в шанхайском аппарате, он плохо себе представлял. Ему нужен был помощник, однако эту роль мог выполнять только человек с опытом разведывательной работы. К тому же Центр запретил связывать «Нигрит» с кем-либо из шанхайского аппарата. В то же время, как это следовало из доклада «Нигрит», ее можно было привлечь для работы в Японии. По крайней мере, у «Абрама» появились аргументы, чтобы выпроводить ее на «острова», невзирая на указание Центра. 11 октября «Абрам» отправил шифртелеграмму в Центр, в которой перечислил далеко не все связи, которые удалось установить Куусинен: «Нигрит в дороге установила ряд знакомств с японцами и итальянцами. Приглашена в дом Касами, японского посла в Португалии, который ехал в Токио на полгода в отпуск; от него получила рекомендательное письмо к начальнику информационного отдела японского МИД и к баронессе Ишимото — даме из высшего общества. Имеет рекомендации к некоторым интересным итальянцам, в частности, к итальянскому консулу в Кобе. В Шанхае познакомилась с двумя довольно крупными итальянскими офицерами, направляющимися в Токио. Все эти знакомства значительно облегчат ее легализацию на островах. Предполагаю послать ее на острова, не связывая пока ни с кем и поставив задачу прочно обосноваться и завести интересные знакомства. Если с легали-

зацией там у нее ничего не выйдет, она через три-пять месяцев сможет вернуться на работу в Шанхай. Повторяю, многое говорит за то, что она сможет прочно обосноваться на островах».

Центр согласился с «Абрамом». В инструкции «Нигрит» разрешались подготовительные мероприятия по возможным вербовкам, однако запрещалось проведение самих вербовок до возвращения в Шанхай и подробного доклада о проделанной работе.

20 октября Куусинен предприняла поездку в Японию, воспользовавшись приглашением своих новых «друзей». Поездка прошла успешно и дала хорошие результаты в части приобретения новых знакомств и связей, явившихся поводом для повторного приезда в Японию и подготовки почвы для легализации и закрепления там на длительное время.

«Нигрит» посетила Информационный отдел МИДа и, выразив желание ознакомиться с жизнью страны, получила в качестве гида и «телохранителя» сотрудника этого отдела (агента департамента полиции) японца Суга Набухару, который сопровождал ее во всех поездках по Японии. Поведение «Нигрит», выдержанное в полном соответствии с легендой, заложило основы для приобретения у полиции положительной репутации.

В числе своих новых друзей Айно Куусинен указала японцев:

1) Матцуга — владелец крупной текстильной фирмы;

2) Сида с женой — капиталист, владелец шелкоткацкой фабрики в г. Осака;

3) Кита с женой — директор крупной экспортной фирмы,

4) Кавабути — главный издатель газеты «Осака Майнити»,

5) Хагосида — главный издатель газеты «Осака Асахи»,

6) 5 издателей различных провинциальных газет,

7) баронесса Исимото,

8) Фудзивара — известный артист-певец,

9) директор театра «Кабуки»;

иностранцев:

1) итальянский консул в Кобе — генерал Гаско,

2) итальянский консул в Иокогаме,

3) итальянец граф Дельбурга — владелец крупной экспортной фирмы. Дельбурга предложил «Нигрит» дешево купить один из его домов со всей обстановкой и оборудованием.

4) Борда — колумбийский консул в Иокогаме,

5) Джордж — дипломатический представитель Кубы,

6) Кетти Берд — англичанка, жена профессора токийского университета. По мнению Куусинен, агент японского правительства.

7) Покресс — американец, по мнению «Нигрит», американский офицер-разведчик.

8) Коквей — американец, генеральный директор пароходной компании «Доллар Лайн».

9) Ряд других иностранцев, владельцев и представителей различных торговых фирм.

По возвращении в Шанхай «Нигрит» поддерживала переписку с новыми друзьями: Сугой, Кетти Берд, д-ром Нобиле, консулом Гаско, графом Дельбурга, а в особенности с Ликвори, близкая дружба с которым давала ей в любое время повод для повторного посещения Японии.

Используя рекомендательные письма, полученные от Касамы, Куусинен познакомилась в Шанхае с директором японского газетного агентства «Симбун Ренго Цусин» Мацумото. Они часто встречались, совершали поездки на автомобиле по Шанхаю и окрестностям. «Нигрит» получала от него книги и информацию по современным проблемам Японии, стараясь глубже ознакомиться с жизнью страны.

В декабре она вернулась в Шанхай, а через три месяца вновь поехала в Японию, рассчитывая задержаться там подольше. Из установленных ею в Японии связей наиболее ценным было признано ее знакомство с группой влиятельных итальянцев в Кобе.

15 марта 1935 года «Нигрит», выполняя поступившее распоряжение Центра, вновь выезжает в Японию, имея в виду пробыть там на этот раз около полугода; укрепить прежние связи, приобрести новые; подготовить почву для поселения на длительное время; подыскать в Кобе подходящий дом для устройства радиостанции. Полностью намеченный план осуществить не удалось. В связи с провалом шанхайской резидентуры, в июле 1935 года Айно Куусинен отозвали в Центр. Но трехмесячное пребывание в Японии не было безрезультатным. «Нигрит» обогатила круг знакомств и особенно укрепила свое положение среди японцев в Токио. Через Кетти Берд «Нигрит» познакомилась с японцем Уехара — главным заведующим газеты «Джапан таймс». В обществе Уехара она посещала японские дома, познакомилась со многими японцами — редакторами различных газет и чиновниками. Уехара, сотрудник правительственного органа («Джапан таймс»), по мнению «Нигрит», также имел отношение к полицейскому департаменту, и она соответственно расценивала круг его друзей и знакомых.

Уехара ввел «Нигрит» в японский клуб «Ураракай» — клуб японской интеллигенции (академики, писатели, журналисты, артисты и т. п.), и вскоре она была принята в его члены.

В Кобе она продолжала поддерживать дружбу со своими итальянскими друзьями, в частности, с инженером Нобиле. В беседах он высказывал левые взгляды, и возникла идея его вербовки на идейно-политической основе в сочетании с материально-денежными мотивами. Нобиле дал ей для ознакомления «секретную книгу» о новых методах производства искусственного шелка, и «Нигрит» сумела сфотографировать ее на пленку. Этот материал был оценен в Центре, как «представляющий известный интерес для нашей промышленности»: «Материал с описанием фабрики вискозного шелка по бобинному способу производительностью 5.000 кг/в сутки — представил известный интерес для нашей промышленности, главным образом, по ряду отдельных деталей. Большим недостатком является плохое выполнение фотографий. Несмотря на большой труд по прочтению фото, все же 55 фото не переведены из-за неясности их.

Бурков.

10.2.36 г.».

Итальянцу дали псевдоним «Парикмахер». Центр в принципе не возражал против вербовки, но считал, что спешить не следует. «Нигрит» предложили провести дополнительную работу по изучению «Парикмахера» и сближению с ним. И только после доклада «Абраму» и с санкции Центра провести вербовку.

В Кобе был подыскан и снят дом для устройства рации.

Но деятельность «Нигрит» была прервана отзывом в Центр.

Легализационное положение «Нигрит» было удовлетворительным: было решено, что «Нигрит» соберет материал, а в Центре на его основе будет написана книга о Японии, которая выйдет в Европе под ее именем. Центр взялся устроить дело с изданием. Все это должно было значительно укрепить положение Куусинен в Японии.

Основное руководство работой создаваемой агентурной сети на «островах» осуществлялось посредством личных встреч «Абрама» в Шанхае. 101-й и «Учитель» приезжали к нему по два раза для личного доклада, 902-я один раз. Дважды возвращалась из Японии «Нигрит».

Была предусмотрена почтовая связь для кратких кодированных сообщений. «Абрам» добивался того, чтобы не вся почта шла непосредственно из Японии в Шанхай. Для части переписки как промежуточные пункты использовались города Нанкин и Кантон. За исключением одного случая (нанкинский адрес для 501-й) для всех промежуточных адресов использовались родственники, которые не имели представления о том, для чего их близкие находятся в Японии.

Письма, которые шли в Шанхай через промежуточные адреса, прибывали без японского штампа.

Для организации почтовой связи использовались и почтовые ящики европейцев. Владельцы почтовых ящиков, как и остальные европейцы в Шанхае, не знали китайского языка, поэтому письма на их адрес поступали на китайском. В составе нелегальной шанхайской резидентуры было пять иностранцев: трое бельгийцев и два англичанина. Одного из бельгийцев предполагалось использовать как хозяина конспиративной квартиры, остальные четверо дали согласие использовать свои почтовые ящики, передав от них ключи, для получения писем, направляемых от агентов. Все они были завербованы работниками аппарата под официальным прикрытием в Шанхае (это были агент Центросоюза Муромцев, псевдоним «Градов», и корреспондент газеты «Правда» Гартман[17], псевдоним «Самет») и переданы нелегальной резидентуре. Это было грубейшим нарушением требований конспирации: связь нелегальной резидентуры с легальной в одном и том же городе.

В дальнейшем имелось в виду установить между Шанхаем и островами радиосвязь. Велась работа и по созданию линии связи через моряков на пароходах, но сделать это уже не успели.

Общее состояние работы на 1 мая 1935 года, по докладу «Абрама», выглядело следующим образом: в Японию были направлены восемь сотрудников, пятеро из которых выполняли работу групповодов (№ 101, Токио; № 902, Токио; «Учитель», Токио; № 501, Йокогама; «Нигрит», Токио-Кобе). Что касается «Нигрит», ей еще предстояло выступить в роли групповода. «Были завербованы девять китайцев, которые долго проживали на островах и имели широкие связи с японцами. Два китайца из этой же категории разрабатывались. Был завербован один китаец в качестве владельца конспиративной квартиры, трое других разрабатывались для этой же цели. Были завербованы четверо сочувствующих нам японцев и два японца разрабатывались. Четверо завербованных были такими людьми, которые сами не могли стать агентами — поставщиками информации, но могли служить наводчиками, могли помочь

нам добраться до источников информации. Обе машинистки-японки в перспективе могли непосредственно стать агентами-информаторами».

Таким образом, как считал «Абрам», в Японии была создана организационная база для постепенного создания агентурной сети. Но с самого начала нелегальный аппарат имел важный организационный порок, который делал возводимое здание — при всей его внешней солидности — недостаточно прочным, подверженным случайным ударам. Имеется в виду переплетение связей между звеньями, характерное для разведывательной работы того периода.

101-й знал «Учителя» и 902-ю по Шанхаю, «Учитель» был одним из тех, кто рекомендовал 902-ю, 501-ю знал 101-й. И только «Нигрит» была полностью изолированной.

Однако главным было даже не наличие связей между отдельными нелегальными группами на островах, а то, что создаваемый островной нелегальный аппарат переплетался с резидентурой на материке.

2.2. «Я держался "тише воды, ниже травы", вдали от всех и вся»

(«Абрам о своей «легализации», 19 января 1935 г.)

Свою легализацию «Абрам» охарактеризовал как «странную», но на самом деле никакой легализации просто не было. Вот что он сам об этом пишет: «Я снял контору ("офис") в «Mission House», то есть в доме, принадлежащем миссионерским обществам; два этажа из четырех святые отцы сдавали под коммерческие конторы. Более респектабельное помещение трудно было и придумать.

На двери "офиса" появилась табличка: "М.Р. ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА". Здесь я выгрузил все свои образцы товаров. Заключая договор на помещение, я на всякий случай предупредил клерка, что буду часто отсутствовать ввиду разъездов по делам своих представительств. В течение почти двух лет, до моего ареста, я ни этого клерка, ни кого-либо другого из канцелярии "Mission House" больше в глаза не видел. К началу каждого месяца я аккуратно переводил через банк, в котором у меня был текущий счет, деньги за наем помещения. Я был, несомненно, самым спокойным из всех нанимателей "офисов" и имею основания считать, что хозяева были мной довольны.

Первое время пребывания в Шанхае я довольно часто заглядывал в свой "офис". Потом, "акклиматизировавшись", я решил, что при специфических шанхайских условиях это можно делать реже: никто этим интересоваться не будет, если только я не привлеку внимания полиции. Агентурная работа расширялась, время было крайне дорого; я мог уделять легализационным заботам лишь минимум времени. То, чего нельзя было допускать в любом центре Европы или США, представлялось вполне уместным в Шанхае.

Ни одного из привезенных с собой образцов товаров я не продал и не пытался продать; ни одного письма от "представляемых" мною фирм я не получил и им ни одного не написал; все привезенные мною образцы так и остались лежать в моем "офисе".

И тем не менее мое положение было прочным, я был вне всякого подозрения полиции».

«Абрам» мог обосновать любое пренебрежение требованиями конспирации и, более того, поставить себе это в заслугу.Удивительно, что Центр находил возможным допускать подобную «деятельность» нелегального резидента.

19 января 1935 года Бронин писал о вариантах легализации:

«а) твердая позиция в обществе на базе значительного газетного представительства или солидного коммерческого дела; б) жить приватно, вдали от всех и вся, не стараясь как-то оправдать свое существование; в) средняя линия между этими двумя возможностями: не искать позиции в обществе, не быть на виду, но в то же время иметь какое-то подобие определенного занятия, нечто вроде офиса, официальное название которого и адрес значились бы для солидности на визитной карточке.

Фактически моя легализация (которую только условно можно было так назвать) была построена по форме "б". Я, правда, имел бюро с вывеской "торговый представитель", имел два телефона — в офисе и дома, но в своем офисе я бывал раз или два в месяц, избегая всякого общения с посторонними. Иначе я не мог поступать, ибо моя чрезмерная оперативная нагрузка не позволяла изменить порядок дня.

Я держался "тише воды, ниже травы", вдали от всех и вся. Эту линию поведения я осуществлял последовательно и целеустремленно. Дальнейший ход событий показал, что мой образ действий был целесообразным в данных условиях. Практически я не имел легализационного прикрытия: ведь нельзя же было таковым считать вывеску почти не посещавшейся мной конторы. Я мог заниматься делами, оставаясь вне поля зрения полиции».

Нельзя не согласиться с «Абрамом»: легализационного прикрытия он не имел. В свое оправдание он пишет: «При моей нагрузке я буквально не имел свободного времени, чтобы заняться своим легализационным прикрытием. Легализация по торговой части или по библиотечному делу (такие планы были) отняли бы слишком много времени». И это тоже была правда, а Центр на его легализации не настаивал.

От шанхайской резидентуры требовалось выполнение не свойственных ей задач — повторялись проблемы, с которыми сталкивался Зорге: использование радиостанции в интересах компартии Китая (в данном случае речь шла о передаче информации от главного военного советника ЦК КПК в Шанхае «Фреда»[18] — Манфреда Штерна — о состоянии на фронтах Красной Армии Китая) и представителей «Большого дома» — Коминтерна. Помимо того, от резидентуры требовалось систематическое освещение положения Красной Армии Китая на основе агентурных данных. Все это предполагало поддержание тесных связей как со Штерном, так и с представителями Коминтерна.

На этот счет 9 марта 1934 года Центр сделал «Абраму» внушение: «Категорически приказываем прекратить и окончательно избавиться от всех контактов с представителями «Большого дома», из-за которых в свое время едва не заболел Ваш предшественник, а теперь Вы упорно продолжаете линию дружбы». Но это ничего не изменило: «Абрам» продолжал получать телеграммы для их передачи представителю отдела международных связей Коминтерна и принимать от последнего шифрованные донесения для передачи их в Москву. И так продолжалось почти до конца 1934 года. 13 ноября «Абрам» получил следующую шифртелеграмму: «Несмотря на наше указание о пре-

кращении связи с друзьями, Вы продолжаете принимать от них телеграммы и пересылать их через нас. Немедленно прекратите связь и пересылку депеш друзей. Отказ мотивируйте отсутствием связи. Мы от них ничего не принимаем».

6 декабря «Абрам» ответил: «Вопреки двукратным моим просьбам и Вашим заверениям в № 154, я сегодня получил от Вас депешу для передачи друзьям. Если Вы даете указания, то не нарушайте их сами. Кроме передачи Ваших депеш, у меня никаких дел с друзьями нет. Принимал я от них депеши только тогда, когда передавал Ваши». На телеграмме шанхайского резидента значится резолюция начальника Разведывательного управления: «Ни одной шифровки для передачи в Шанхай не принимать». Действительно, больше «Абрам» таких телеграмм не получал. Должно было пройти около четырех лет, из которых свыше двух лет руководства «Рамзаем» нелегальной резидентурой, чтобы Центр наконец прекратил ее использовать в интересах «друзей». Но то, что было позволено «Абраму» — «огрызнуться» на указание Центра, обратить его внимание на нарушение данных им же указаний, — не было позволено Зорге.

В июне 1934-го Бронин получил срочное задание: «Подготовить 10 китайцев для подготовки из них радистов с учетом использования их на островах». 4 июля поступило новое задание: «Отобрать еще 10 девиц, учитывая возможности для создания им крыш; на всех отобранных прислать фото и характеристики». В телеграмме, посланной четырьмя днями позже, указывалось: «Предельный срок набора китов 15 августа». Таким образом, 20 будущих китайских разведчиков нужно было найти в течение одного месяца!

Понятно, что не все вызванные в Шанхай подходили для подготовки в Москве. Для окончательного отбора нужного числа просматривалось примерно в два раза больше кандидатов. Много хлопот причиняла отправка людей на пароходах по маршруту Шанхай — Владивосток. «Абрам» и его «сотрудники-китайцы» не могли снабдить всех нужными документами, многих приходилось отправлять без паспортов.

«Это было связано, конечно, с определённым риском, — считал «Абрам», — но более опасно было бы обращаться за заграничными паспортами в нанкинское Министерство иностранных дел, поскольку там подобные заявления разбирали очень придирчиво. Документами же собственного производства мы снабжать людей не могли. При подобных обстоятельствах мы должны были быть весьма осторожны с выбором пароходов.

Шла ли речь о вербовке агентов или отборе кадров для Центра, я неукоснительно придерживался правила — отбирать людей помимо партийных организаций, при помощи наших сотрудников-китайцев, чтобы оградить организацию от возможных осложнений. Твердое и неуклонное проведение принципа вербовки только изнутри создает максимально возможную в данных условиях гарантию против проникновения провокаторов в нашу организацию. Шанхайская резидентура от этого принципа никогда не отступала.

Конечно, принятый нами метод отбора имел свои минусы. Наши сотрудники могли вербовать лишь людей хорошо им знакомых, — друзей, родственников, поэтому каждый из завербованных знал работника аппарата — своего вербовщика. Но тем не менее наш метод был много предпочтительней вербовки через партийный аппарат».

Трудно себе представить, как можно было отобрать 20 человек, а потом отправить их в Москву, не попав в поле зрения полиции и спецслужб. Грубейшим нарушением конспирации было и то, что связь с шанхайской резидентурой поддерживали люди из легального аппарата: военный атташе при полпредстве СССР в Нанкине «Эдуард», представитель ТАСС «Макс» (с 1935 г. «Борис»), корреспондент «Правды» «Самет», представитель Центросоюза «Градов»[19], связная «Ида», жена «Самета».

«Борис»[20], А.И. Скорпилев, резидент Разведупра под прикрытием заведующего шанхайским отделением ТАСС, прибывший туда в марте 1935-го.

К тому же «Абрам» взял на себя функции руководителя отдельных сотрудников военной разведки под официальным прикрытием для устранения «некоторой нечеткости во взаимоотношениях между резидентурой и легальным аппаратом». «Надо сказать, — вспоминал Бронин, — что местопребывание легального резидента в Нанкине приводило к некоторой нечеткости во взаимоотношениях между резидентурой и легальным аппаратом. По правилам я должен был давать поручения работникам легального аппарата только через легального резидента. Но в силу оперативного характера некоторых вопросов я подчас не мог дожидаться очередного приезда Эдуарда и обращался непосредственно к тому или иному товарищу из легального аппарата.

По фактическому (хотя и неформальному) соглашению между мной и Эдуардом я непосредственно руководил работой тов. Градова, который обладал хорошими качествами разведчика-вербовщика». Сам «тов. Градов» писал: «В начале декабря на квартире у тов. Чернова я был познакомлен с Абрамом. От него только я по существу начал получать определенные задания, конкретный план и руководство. До этого времени руководства фактически не было... Встречались с Абрамом примерно два раза в месяц. Один раз он был у меня на квартире вместе с Черновым. Всего имел с ним 10-12 встреч. Все поручения я выполнял, лично докладывая ему о результатах».

Сотрудники легальной резидентуры были необходимы «Абраму» для вербовки. На этот счет у Бронина была теория, оправдывавшая отсутствие у него выходов на интересовавших разведку людей и объяснявшая полную инертность в его действиях: «С точки зрения вербовки в Шанхае нас интересовали в первую очередь иностранцы. Однако по легализационному положению работники нелегальной резидентуры не имели доступа к таким кругам иностранцев, среди которых можно было бы найти и завербовать полезных для нас людей.

Каково было наше положение в обществе? Я не говорю о себе. Я должен был держаться "тише воды, ниже травы", так как едва успевал справляться с делами резидентуры. Но и другие сотрудники резидентуры, если бы мы даже использовали их для выполнения вербовочной работы (а это было недопустимо), ничего не смогли бы сделать: по своему легализационно-общественному положению они были слишком незначительны, чтобы завязать связь с интересующими нас иностранцами».

Для «Абрама» в этом отношении был показателен пример работы резидентуры при «Рамзае». «Его заместителем тогда были два достаточно квалифицированных агентурных работника — Пауль и Джон. Однако ни одного агента они не завербовали, ибо, будучи совладельцами мелкой убыточной лавки, не имели доступа в интересующие нас слои шанхайского общества».

Действительно, «Рамзай» занимался вербовкой сам.

«Товарищи из легального аппарата в Шанхае, — утверждал «Абрам», — чаще сталкивались с иностранцами. Так, тов. Градов по роду своего официального прикрытия (представитель Центросоюза, ведавший, в частности, вопросами страхования) имел обширные связи в деловых кругах и пользовался хорошей репутацией; Самет имел связи главным образом в мире журналистов. Примерно то же можно сказать о других работниках легального аппарата. Кроме того, наши легальные товарищи имели доступ к таким кругам китайского общества, которые представляли для нас интерес, но были вне досягаемости нелегального аппарата. Связи наших китайских сотрудников в основном ограничились околопартийными кругами».

Оказывается, доставшаяся от «Рамзая» агентура при «Абраме» утратила свои вербовочные возможности, оставалось только уповать на сотрудников легальной резидентуры.

«Неудачная вербовка с последующей демаскировкой нелегала, — писал «Абрам» в свое оправдание, — означает если не провал, то прекращение работы, по крайней мере, в данной резидентуре или даже в данной стране. В случае же неудачи с вербовкой легального разведчика дело не обстояло бы тогда в Шанхае так остро. Следовательно, легальные товарищи могли смелее знакомиться с интересующим нас человеком, смелее ставить предложения о сотрудничестве с нами. Само собой разумеется, что и легальным разведчикам было бы не позволительно относиться легко к завязыванию вербовочных контактов, и им надо было соблюдать большую осторожность. Но риск, в целом, все же был гораздо меньше, чем для сотрудников нелегального аппарата.

Однако длительная работа легальных разведчиков с завербованным агентом была опасной с точки зрения конспирации. Правда, в Шанхае в тот период слежка за советскими гражданами, по-видимому, не велась, во всяком случае не была замечена (хотя нельзя было поручиться за то, что ее никогда не было). Но отсутствие подвижного наблюдения за нашими официальными работниками не исключало присмотра за ними через стационарные посты на улицах, через боя в квартире, официантов в кафе и ресторанах и т. д. Во всяком случае, советские граждане в Шанхае, в отличие от других иностранцев, привлекали к себе внимание и английской, и японской, и китайской полиции. В этих условиях слишком частые контакты с советским гражданином могли привести к демаскировке агента, могли навести контрразведку на его след.

Следовательно, для длительной работы с агентом, завербованным легальными разведчиками, его надо было передать в нелегальную резидентуру. Делать это нужно было продуманно и осторожно, памятуя о возможных опасностях, прежде всего, о постоянной опасности проникновения провокаторов в нашу нелегальную агентурную сеть. Конечно, передавать нелегальному аппарату следовало лишь подлинно ценных людей».

Эта точка зрения не нова, и в ней есть своя логика. И она была бы понятна, если бы агентов вербовали в третьих странах (в США и Западной Европе), а затем передавали в Китай или Японию, или, как это пытался сделать «Абрам», — завербованных в Китае агентов, китайцев и иностранцев, направлять для работы в Японию. Но то, что делалось «Абрамом» в Китае под пред-

логом, что «в Шанхае в тот период слежка за советскими гражданами, по-видимому, не велась, во всяком случае не была замечена (хотя нельзя было поручиться за то, что ее никогда не было)», закончилось громким провалом с арестом резидента и целого ряда агентов, когда английской полиции международного сеттльмента в Шанхае и полиции Чан Кайши потребовался международный скандал для дискредитации Советского Союза. Не исключено также, что китайские власти предполагали использовать этот арест как предмет торга с Советским Союзом (который в итоге состоялся, и «Абрам» был выпущен из китайской тюрьмы).

Естественно, что первоначально слежка не была замечена. А когда выяснилось, куда направляются «Абрам» и советские граждане, совсем прекратилась. Поэтому наивный рассказ о соблюдении конспирации «Абрамом» и советскими разведчиками под прикрытием вызывает по меньшей мере недоумение.

«Наше сотрудничество с легальным аппаратом в области политической информации, — напишет Бронин в воспоминаниях, — также было интенсивным и плодотворным. Это сотрудничество принимало, прежде всего, форму систематического обмена мнениями. Каждый раз, когда Эдуард приезжал в Шанхай, мы втроем (вместе с Максом) обсуждали как организационно-агентурные вопросы, так и военно-политическую обстановку в Китае. В отдельных случаях мы совместно составляли для Центра доклады с выводами-обобщениями о военно-политической ситуации в стране. Мы с Максом составляли также телеграфные сводки о политическом положении.

Интенсивность нашего сотрудничества с легальным аппаратом обусловила необходимость довольно частых встреч с Эдуардом (приезжал из Нанкина в Шанхай один раз в 7—10 дней), Максом (потом Борисом), Градовым, Саметом. Кроме встреч, вызванных нашим взаимодействием в агентурной работе, приходилось встречаться по делам связи: для передачи нашей почты, получения почты и денег из Центра.

Как обеспечивалась конспиративность этих встреч с разведчиками под официальным прикрытием? Шанхай, несмотря на огромные размеры и многомиллионное население, не имел с конспиративной точки зрения преимуществ крупного города. Иностранцев здесь было относительно немного, следовательно, нельзя было затеряться в толпе, как это можно было сделать, например, в Берлине или Париже.

Мы практически не могли пользоваться для встреч кафе и ресторанами. Сеть кафе в Шанхае была вообще мала, а таких, которые посещались иностранцами, было всего несколько на весь город. Иностранцы преимущественно встречались друг с другом в своих клубах. Имелись два-три ресторана, широко посещаемых иностранцами, но там бывало столько всякой публики, что наши встречи с сотрудниками резидентуры под официальным прикрытием неизбежно были бы установлены, тем более, что шанхайская полиция, как мы считали, проводила в кафе и ресторанах стационарное внутренне наблюдение за советскими гражданами.

Короткие встречи (для получения — передачи почты) мы назначали на улице, но для длительного обсуждения вопросов улица не всегда подходит, **приходилось встречаться на квартирах — моей, Макса или Самета. Два-три раза мы встречались на квартире Коммерсанта»** (выделено

мной. — *М.А.*). Встречи на квартирах, по свидетельству «Абрама», обставлялись следующими мерами «конспиративной предосторожности»:

— прежде всего, тщательно выбирались сами квартиры. Как впоследствии писал Макс, «к отбору домов отношение было довольно строгое и каждый дом проверялся (особенно в отношении советских жильцов)... Выбор дома для квартиры Абрама был довольно удачен: без лифта, без сторожа у входа, на тихой улице». Встречи проводились лишь в отсутствие боя, который мог сообщить полиции о посетителях;

— отправляясь на встречи, тщательно проверялись на предмет наличия слежки. Выглядело это следующим образом: выходя на встречу с «Абрамом» «Эдуард» предварительно удостоверялся, что никакая машина за ним не следует; некоторое время он кружил по городу, потом оставлял машину в каком-нибудь тихом, хорошо просматриваемом переулке, на достаточном расстоянии от квартиры «Абрама», и только после этого отправлялся пешком на встречу с нелегальным резидентом. «Макс» жил в огромном пятнадцатиэтажном доме, со многими сотнями квартир, с бесконечными коридорами и лифтами. Отправляясь с ним на встречу «Абрам» всегда поднимался на два-три этажа выше, чем жил «Макс»; выйдя из лифта, кружил по коридору, якобы в поисках нужной квартиры; убедившись, что никто за ним не следует, «Абрам» пешком спускался по лестнице на этаж, где жил «Макс», и входил в квартиру лишь тогда, когда поблизости не было никого, кто мог бы заметить его приход».

Напрасно «Абрам» гордится тем, как соблюдал «конспирацию», встречаясь с советскими разведчиками под прикрытием, один из которых — «Эдуард» — был военным атташе в Нанкине. К конспирации перечисленные им ухищрения не имеют никакого отношения. Встречаться с советскими представителями иностранцу по легенде было категорически запрещено, тем более на своей квартире или на квартире советского разведчика. В крайнем случае, речь могла идти об использовании конспиративной квартиры. Использование в качестве таковой квартиры «Коммерсанта» — Войдта советскими разведчиками под прикрытием должно было неизбежно привести к его «засветке».

Полиции, однажды проследившей, кого посещает «Абрам» или к кому приезжает «Эдуард», незачем следовать за «объектом», сколь бы долго ни ходил «Абрам» по этажам дома, где проживал «Макс», и сколько бы ни кружил по улицам незнакомого ему Шанхая «Эдуард», в итоге появляясь в доме, где проживал «Абрам».

Наиболее значительным результатом и образцом сотрудничества двух аппаратов была вербовка № 209 с передачей его нелегальному аппарату. Обработка материалов, поступавших от этого агента, получила название шанхайского «конвертного хозяйства».

«В феврале мес. 1934 г., — докладывал в 1936 году «Градов», — я познакомился с будущим номером 209. Он оказался культурным человеком, симпатизирующим нам, ненавидящим американцев за то, что они его не продвигают на работе, и японцев за их агрессию в Китае и отобрание у него всего имущества в Маньчжурии. Постепенно он начал мне давать материалы, вначале пустячного характера, а затем, начиная с апреля-мая, материалы большой ценности. К этому периоду я передал связь с ним по распоряжению тов. Чернова («Овадиса». — *М.А.*) — Абраму, которого я в то время не знал».

«Градов» познакомился с будущим № 209 через инспектора-китайца, который знал его по Харбину. С марта 1934 года № 209 стал секретарем коммерческого отдела шанхайского генерального консульства одной из иностранных держав. Материал, который ранее получали от агента, не оставлял сомнений в его агентурной ценности. Было ясно, что агент мог поставлять не только документы, отражавшие деятельность коммерческого атташе и в ограниченной мере интересовавшие военную разведку, но и материалы, ценность которых была очевидна: доклады военного атташе об авиационных базах в Китае, о поставках оружия в Китай, о японских планах по наращиванию своего присутствия на материке и т. д.

От агента поступали материалы четыре раза в неделю, и «Абраму» приходилось встречаться с ним восемь раз, с учетом возврата скопированных материалов. В дни, когда встречи не были назначены, «Абрам» звонил 209-му по телефону и обусловленными фразами спрашивал о возможном поступлении срочных материалов, чтобы не прозевать конверты с документами, которые оставались в генеральном консульстве не больше суток.

Часть материалов поступала в обычном виде: «Это были секретные документы, взятые из секретных папок, или (реже) секретные материалы, предназначенные для отправки за пределы Шанхая и передававшиеся нам в незапечатанных еще конвертах. Другая часть материалов 209-го, качественно наиболее важная, а количественно все увеличивавшаяся, передавалась нам в конвертах, запечатанных сургучными печатями». Трудный технический вопрос вскрытия конвертов разрешался вначале вполне примитивно — при помощи пара. «Эта работа была сопряжена с большими опасностями. Достаточно чуть-чуть повредить сургучную печать при ее снятии или оторвать кусочек прилипшей к печати конвертной бумаги — внимательный глаз получателя пакета заметил бы, что над ним произведены какие-то операции. Подобный метод вскрытия конвертов требовал исключительно тонкой и тщательной работы, полнейшего сосредоточения внимания. К счастью для резидентуры, работником с такими качествами оказалась радистка резидентуры, ставшая и ее фотографом».

Однако долго так действовать было нельзя — малейшая невнимательность при обработке пакетов могла иметь губительные последствия. Вопрос был кардинально решен с приездом в начале февраля «сапожника». «Беннет» изготовлял паспорта по имевшимся в генеральном консульстве СССР в Шанхае образцам и также владел техникой вскрытия конвертов. Ему в помощь был придан приехавший месяцем ранее другой сотрудник, «Генри». На месте был изготовлен полный ассортимент слепков с печатей из особого материала, который раздобыли у зубного врача. Специальный сургуч генерального консульства одной из иностранных держав доставлял все тот же 209-й.

В письме от 10 сентября 1934 года, в котором «Абрам» впервые сообщал о работе с № 209, говорилось: «Из материалов, которые можно будет получать регулярно, я пока установил следующие:

— недельные информсводки морской разведки;

— ежемесячные доклады токийского посольства, пекинского посольства, шанхайского генерального консульства, нанкинского советника посольства, тяньцзиньского генерального консульства, ханькоуского генерального консульства, консульств в Сватоу, Амое, Циндао;

— экономические ежемесячные доклады шанхайского генерального консульства. Но, несомненно, имеются еще другие материалы».

Через пять месяцев «Абрам» сообщал: «Новинкой настоящей почты являются... первая пачка того материала переписки между военными и военно-морскими атташе, о котором я Вам уже писал... Эта переписка дает важный и свежий политический информационный материал (уже теперь мы значительную часть телеграфной информации базируем именно на этой переписке)».

В общем потоке материалов эти документы занимали отныне довольно скромное место.

По своему служебному положению № 209 не мог получить доступ к диппочте, шедшей через Шанхай из других центров. Для этого нужно было иметь агента в отделе, ведавшем секретным делопроизводством и занимавшемся отправкой диппочты.

«Градов», завербовавший № 209, переданного после этого резидентуре «Абрама», отмечал: «Ввиду того что личные сейфы генерального консула и посла находились в общем сейфе, которым заведовал китаец, находившийся в подчинении у 209-го, последний привлек его (ему был присвоен номер 210. — М.А.), выплачивая ему 700 долларов из получаемых от нас 800 долларов в месяц, оставляя себе 100 долларов. Насколько это так, нам проверить не удалось, так как связи со вторым китайцем (210-м) мы не имели... 209-й выдавал себя 210-му за представителя китайского Министерства иностранных дел».

С самого начала было ясно, что 209-й что-то скрывает о своем партнере. «Градову» он говорил, что № 210 ему подчинен. «Абраму» же он сообщил, что ему неудобно связываться с 210-м, так как они работают не в одном учреждении и «частые встречи с ним могут вызвать подозрения».

Не вызывало сомнений, что № 209 лжет, говоря о том, как распределяет вознаграждение: не стал бы он подвергать себя риску за какие-то 100 долларов. При этом наиболее ценный материал поступал от таинственного 210-го, если таковой в действительности существовал. В последующем № 210 был присвоен псевдоним «Волк».

Для резидентуры было заманчиво связаться с № 210 и работать без посредников. 25 февраля 1935 года «Абрам» писал: «Пока что мы связь с 210-м поддерживаем через 209-го, но в дальнейшем придется их разделить».

Этот вопрос настойчиво ставился шанхайской резидентурой перед Центром на протяжении 1936—1938 годов. Однако даже разрешение из Москвы не изменило ситуацию: все попытки перестроить работу с № 209 наталкивались на его упорное и изобретательное противодействие.

В письме Центра от июля 1938 года отмечалось: «Линия 209-й — Волк представляет для нас большую ценность... Тщательно их оберегайте. Разработку этих людей надо углублять, стараясь получить от них все возможное».

В «Легенде к схеме шанхайской резидентуры на 15.1.38» о 209-м говорилось: «Через его руки проходит вся дипломатическая почта... Дает документальные материалы: консульские и посольские доклады... Количество добываемых материалов не ограничено: до 20 фильмов в месяц».

О напряженности работы с источником-китайцем из генконсульства дает представление директива Центра от 8 июня 1940 года: «Сохранив ранее установленные дни встречи с 209-м, условьтесь с ним иметь ежедневно утрен-

ние контрольные встречи, на которых 209-й условным знаком предупредит Вас, будут или нет вечером этого дня ягоды (материалы. — *М.А.*)». Такие же ежедневные встречи проводил «Абрам» с 209-м в 1934—1935 годах. Однако к этому времени оперативная обстановка в Шанхае стала неизмеримо сложней. Теперь здесь хозяйничали японцы, а китайцев нередко обыскивали прямо на улице. 16 сентября 1939 года шанхайский резидент сообщал, что «209-й раз уже был обыскан, но, на наше счастье, он шел ко мне, чтобы забрать ягоды обратно, и был чист».

Работа с 209-м «шла нормально до конца 1940 года». 7 декабря 1940 года шанхайский резидент сообщил со слов № 209: «25 ноября в паспортном отделе арестован писарь-китаец, который занимался подделкой паспортных марок. После ареста из другого отдела исчез бой, который подозревался в связи с японцами». Результатом этой истории стало распоряжение, запрещавшее использовать китайцев в отделе шифра и корреспонденции. На место 210-го, опять-таки со слов 209-го, был назначен подданный той страны, а 210-й был переведен в паспортный отдел вместо попавшегося китайца. Перед 209-м и 210-м была поставлена задача завербовать кого-нибудь, имевшего доступ к материалам, но это было чрезвычайно трудно сделать, так как китайцы были устранены, а вербовать подданных страны консульства 209-й не брался. Не помогли и угрозы».

Кое-что полезное 210-й давал и на новом месте работы, кое-что поступало от 209-го по коммерческому департаменту. Но поступление особо ценных материалов прекратилось.

В конце 1941 года, в связи с началом войны, генконсульство было закрыто.

Работа с № 209, по утверждению «Абрама», была полностью изолирована от остальной сети. Именно поэтому, опять-таки по утверждению резидента, № 209 не был задет его провалом. Так ли это? Источник был действительно ценный, однако, учитывая отношение «Абрама» к требованиям конспирации, невозможно себе представить, что связь с ним не была «засвечена» с первых встреч. После чего № 209 был перевербован, став агентом-двойником.

Кроме № 209, «Градов» и «Самет» завербовали и передали нелегальной резидентуре пять иностранцев: троих бельгийцев и двух англичан. Одного из бельгийцев предполагалось использовать как хозяина конспиративной квартиры, остальные четверо дали согласие на использование их почтовых ящиков для получения писем от агентов.

В состав шанхайской нелегальной резидентуры, помимо «Абрама», входили: «Элли» (Рене Марсо), «Чарли»[21] (Шнейдер), «Беннет» («паспортник») и «Генри» («техник по конвертам, фотограф»). «Элли» и «Чарли» — радисты.

С сентября 1933 года «Абрам» поднимал вопрос о создании в Шанхае «паспортной точки» — мастерской по изготовлению паспортов на основе паспортов иностранных граждан, которые сдавали их на оформление виз в советское генконсульство в Китае. «Паспортник» «Беннет» прибыл в Шанхай 10 февраля 1935 года и в связи с арестом «Абрама» ни одного паспорта изготовить не успел.

«Генри» прибыл в Шанхай в январе 1935-го с заданием наладить морскую линию связи между Китаем и Японией с расчетом ее функционирования в случае войны. В июле 1934 года Центр сообщил: «На военное время для нас чрезвычайно важно иметь дублирующую линию связи для перевозки поч-

ты между островами и Вами. Эту линию мыслится организовать через матросов курсирующих пароходов, для чего мы предполагаем перебросить к Вам опытного в этом деле работника из Америки, который занимался этим около четырех лет. Данные о нем: старый моряк, матрос императорского флота (немец), принимал участие в восстании моряков 1918 года, член партии, работал в коммерческом флоте, имеет большой опыт в обращении с нашей почтой, знает фото».

Однако оказалось, что выполнить такое задание в Шанхае невозможно. Большие американские, канадские, немецкие и другие пароходы, направлявшиеся в Японию из Америки или Европы, в Шанхай заходили всего на один-два дня. За такой короткий срок установить контакт с моряками, надлежащим образом изучить их и завербовать было невозможно, нелегальную почту можно было передавать только с безусловно надежными, проверенными, тщательно отобранными людьми. Вербовать таких людей надо было не в Шанхае, а на месте отправления пароходов, где набирались команды и где эти люди проживали.

Было решено, что «Генри» будет держать связь с завербованными на местах американскими моряками (если таковые появятся), когда те будут заходить в Шанхай. Кроме того, он должен был выяснить возможность организации линии морской связи на пароходах, курсировавших между Шанхаем и Японией. Здесь команды состояли, в основном, из китайцев и японцев, и Генри не мог иметь с ними прямого контакта, не зная языков, значит, надо было иметь китайского помощника, что весьма осложняло дело.

«Абрам» писал в Центр: «Кроме этой работы (по организации морской связи. — *М.А.*), Генри у нас будет заниматься фотоделом. Она у нас благодаря 209-му, а также ввиду большого количества китайского материала настолько разрослась, что требует специального человека».

К 1 мая 1935-го «Абрам» пришел к тому, что было до него: к резидентуре, в которую входило 64 человека (и «восемь человек находилось в разработке»). Одну из ведущих ролей в резидентуре по-прежнему играли китайские агенты-групповоды № 101, 108, 501 и «Учитель» (бывший № 112, «Хан»), привлеченные к сотрудничеству во времена «Рамзая».

Одновременно на первые роли при «Абраме» выдвинулся № 103 — Лу (Лю) Хайфан, с которым не удалось расстаться и который стал помощником резидента. «Абрам» был один в Шанхае и не мог без него обойтись. На 103-го замыкался целый ряд агентов, завербованных им самим, в том числе такие ценные источники, как № 204 и 207.

№ 207 (Чэнь Шухань, Chen Shao-han) — полковник штаба 3-го корпуса (или армии).

№ 204, Лю Суйюань, был выходцем из китайской средней буржуазии. Он сравнительно недавно вернулся в Китай из Германии, где получил высшее образование. На него дали «наводку» «Учитель» и его жена, связанные с резидентурой со времен Рихарда Зорге. № 204 заинтересовал «Абрама» по двум причинам. Во-первых, он никогда не состоял членом коммунистической партии или иной подобной организации. Во-вторых, можно было предположить, что это человек с оперативными возможностями. К моменту вербовки № 204 служил в Министерстве внутренних дел в Нанкине. Это учреждение почему-то «Абрама» «мало интересовало, но можно было рассчитывать, что 204-й со

временем сможет перейти на другую, в агентурном отношении более интересную работу». Вербовка была проведена помощником резидента — № 103, которого жена «Учителя» представила как своего друга. № 103 было запрещено в какой бы то ни было форме намекать на связь с советской разведкой. Он должен был выступить представителем некоей революционной организации и выяснить, готов ли 204-й участвовать в борьбе против гоминьдановского режима. После успешного исхода этой встречи «Абрам» решил лично встретиться с № 204, с которым мог объясниться по-немецки. И уже после двухчасовой беседы «Абрам» решил сказать, что является представителем советской разведки. «Я начал объяснять, что для любого подлинного революционера работа на советскую разведку почетна и является выражением большого доверия. Но 204-й прервал меня, сказав, что он все это хорошо понимает и согласен работать... Ясно было, что связь с 204-м надо будет в дальнейшем укрепить материальной заинтересованностью».

Свои впечатления о встрече с № 204 «Абрам» излагал в письме Центру в июне 1934 года: «Типичный интеллигент. Держится революционных взглядов, но индивидуалист. Парень образованный, хорошо разбирается в политических и экономических явлениях. Может быть полезен как политинформатор, но для организационно-вербовочной работы мало пригоден. К сожалению, его работа в Министерстве внутренних дел не дает возможности добывать информационные материалы. Вся его информация идет от группы его нанкинских знакомых».

«Первое время его материалы не представляли большой ценности, так как его служебная должность не открывала больших агентурных возможностей... Мы нажимали на 204-го, чтобы он переменил работу».

В конце 1934 года № 204 был переведен в Ставку Чан Кайши в Ханькоу и назначен главным секретарем начальника политического департамента Ставки. «Перспективы работы 204 стали многообещающими, и ему теперь было установлено определенное месячное жалованье».

Судя по всему, работой № 204 «Абрам» был недоволен. 19 апреля он написал письмо на немецком языке, адресованное Лю Суйюаню, в котором указал последнему, что, помимо военных проблем, он должен уделять особое внимание китайской политике, касавшейся центра, Сычуани, Синьцзяна и политике Англии и Японии и представить доклад по перечисленным проблемам. Письмо «Абрама» № 103 передал своему брату, Лу Дубу (Loh Dou Boo), который должен был доставить письмо в Ханькоу Лю Суйюаню.

Окончательной ясности в том, что касается дальнейшего развития событий, нет. В ходе расследования провала, происшедшего в мае 1935 г., высказывались различные версии, которые в конечном итоге сводились к предательству № 103,ставшему давать показания сразу после ареста. Подобное объяснение представляется слишком поверхностным и упрощенным, попыткой снять вину с «Абрама».

Зато не вызывающим сомнения остается тот факт, что китайская полиция и полиция международного сеттльмента Шанхая действовали согласованно, а такое взаимодействие наладить в течение нескольких дней и даже недель невозможно. Это многоходовая операция. Брат № 103, Лу Дубу, был арестован, и при обыске у него было обнаружено письмо на немецком языке. Лю Суйюань, в виду того, что в условленный день — 27 апреля — встреча со связником не состоялась, дал в Шанхай телеграмму связнику резиденту-

ры «Нанкинской девице» (Хуан Вэйцзо [Вэйю]), члену компартии Китая, дочери «крупного чиновника из Нанкина». В своей телеграмме № 204, запрашивал, послан ли к нему человек. Хуан Вэйю, получив телеграмму, сообщила о ней № 103 и «Абраму».

Существует еще одна версия событий: № 204 якобы должен был явиться на встречу с Лу Дубу в гостиницу. Как было условлено, 204-й туда позвонил, и какой-то неустановленный субъект принялся усиленно приглашать его незамедлительно прийти. При этом отзыва на пароль он не произнес, и № 204 понял, что в гостинице засада.

«Абрам» и № 103, «которые почувствовали что-то неладное, сейчас же предложили Хуан Вэйцзо на аэроплане вылететь в Ханькоу и секретно предложить Лю Суйюаню немедленно покинуть службу, выдав ему для побега 250 долларов. Это было 29/IV».

После бегства Лю Суйюаня его жена выехала из Ханькоу в Шанхай. Лу Хайфан и Хуан Вэйцзо 5 мая пошли проведать жену 204-го в гостиницу, где их и арестовали.

Согласно «Обвинительному акту прокурора судебной палаты Хубейской провинции», «розыскной отряд штаба Шанхай-Усунского района охраны, совместно с полицией международной концессии следовали по следам и, улучшив момент, когда Лу Хайфан, выйдя из названной гостиницы, нанял рикшу и поехал», арестовали его. «Лу Хайфан, зная, что это были агенты сыска, сам сказал, что он состоит в коммунистической организации, и, кроме того, после ареста в течение 15 минут он привел агентов розыска на место установленного свидания с Иосифом Вальденом, и по его указанию Вальден был доставлен к делу. При личном обыске обвиняемого были найдены счет расходов за апрель по 2/V на английском языке и много других документов».

При аресте у «Абрама» не было с собой паспорта, удостоверявшего его личность, поэтому он проходил в ходе следствия как Joseph Walton. Эти имя и фамилия были переведены на русский язык различными переводчиками поразному, и как «Иосиф Вальден», и как «Джозеф Уолтн».

По другой версии, Хуан Вейю помогала жене 204-го бежать в Сучжоу, где та скрылась в доме друга Хуан Вэйцзо — Чен Венкуна (Чэнь Вэньшу). Последний был коммунистом из «немецко-французской группы» бывших студентов, обучавшихся в Германии и Франции.

«При аресте Абрама у него были найдены и отобраны полицией следующие документы:

1/ Адрес агента "Юань шу", написанный "108" и задолго до провала переданный Абраму;

2/ Письменное донесение "Юань шу";

3/ Письмо на русском языке, критикующее работу одного /кого именно не выяснено/ товарища. Возможно, это было оргписьмо.

4/ Доклад-отчет агента-групповода "103", в котором указывались организационные мероприятия и назывались некоторые источники, а именно: "Нанкинская девушка" ("Нанкинская девица". — *М.А.*), "Дочь банкира", "204" и "207". Это повлекло к тому, что "Нанкинская девушка" и "Дочь банкира" были арестованы, раскрыты их настоящие фамилии и роль названных источников.

5/ Записка о свидании с "Знаменитой девушкой" и уплате ей 100 долларов.

6/ Адрес "Сычуаньца", на основании коего был арестован потом переводчик, обрабатывающий для Абрама прессу, — Ху Келин;

7/ Письмо-информация от "204";

8/ Донесения на английском языке о ходе борьбы Нанкинских войск с войсками Китайской красной армии;

9/ Оргписьмо, выдержки из которого цитировались на суде: (Тов. Пауль сообщил справку — это было письмо от тов. Валина);

10/ Счет расходов за апрель месяц — по 2 мая, на английском языке.

Кроме того, у людей, связанных с Абрамом и работавших под руководством Абрама, были изъяты следующие документы:

11/ У арестованной "Ван Ин" записная книжка с адресом "Левого писателя" ... чем давалась нить на арест ... /он остался неарестованным/;

12/ Письмо-задание Абрама на немецком языке, посланное Абрамом в Ханькоу, агенту № 204 через связника Лу Дубу (брата предателя) и отобранное у последнего китайской полицией;

13/ Письмо Абрама от 12/IV-35 г. к "Нанкинской девушке", в котором Абрам, очевидно, "воспитывая ее, давал указания: оставаться всегда крепкой коммунисткой". Письмо было изъято на квартире "Нанкинской девушки" после ее ареста полицией. Этот документ в обвинительном акте назван "предупредительное письмо".

Тогда же у нее полиция обнаружила при обыске китайскую коммунистическую литературу: отчеты подпольного ЦИК Китайской Советской Республики и проч.

На основании этих документов на суде была установлена связь Абрама с китайскими коммунистами, он и арестованные его помощники-работники сети обвинялись в связи с Коминтерном и шпионаже в пользу СССР, а Абрам обвинялся как руководитель китайских коммунистов и шпионской организации.

В подтверждение вышеуказанного обвинения предатель-групповод № 103 сознался, что является коммунистом.

Все эти документы были сфотографированы и разосланы всем консульствам в Шанхае как доказательства советского и коминтерновского руководства китайскими коммунистами и советского шпионажа в Китае».

Об источнике «Юань Шу» нет никаких следов в переписке «Абрама» с Центром. Но из докладов «Учителя» и № 101 «видно, что этот источник Абрама был профессиональным торговцем сведениями, связанным с японскими агентами».

В итоге всего были арестованы:

«1. Абрам.

2. Лю (Лу) Хайфан, агент "103".

3. Лю Тупу (Лу Дубу), связник, брат "103".

4. Жена агента "204" /по обвинительному акту она по делу не проходит/.

5. Чен Венкун, коммунист из "немецко-французской группы" /бывших студентов, обучавшихся в Германии и Франции/, помогавший скрыться жене "204".

6. Хуан Вейю, коммунистка из той же группы, наш агент-связник.

7. Ван Молин, связник-агент из группы радистов, бывший связью с "Юань-Шу".

8. Ху Келин, обрабатывающий прессу для Абрама.

9. Юй Джуйюань, переводчик Абрама /по дополнительным данным уже освобожден из под ареста/.

10. "Юань Шу", наш агент, б[ывший] редактор журнала "Вен-И-Син-Вень" судился гражданским судом отдельно от всей группы Абрамовских работников.

Осужден к заключению на 14 месяцев. Защищали его японский генконсул и японская пресса, добиваясь освобождения из-под ареста. "Юань-Шу", как теперь установлено, являлся японским агентом, провокатором в нашей сети.

11. "Ван Ин", связник. Любовница "Юань-Шу". Была очень недолго арестована и затем освобождена.

12. "311", источник в Нанкине (прежний его номер клички "207").

В материалах по обвинительному заключению упоминаются следующие имена наших агентов и источников /не арестованных/:

1. "101", снят нами и прибыл в СССР.

2. "204", скрылся.

3. "601", снят и прибыл в СССР.

4. "1-й радист Ян".

5. "Чен Венлю".

6. "Учитель" и его жена.

Кого еще выдали арестованные в связи с провалом, нам неизвестно. Но они знали большую часть всей сети».

«Учитель» и его жена были «сняты» и вывезены в СССР. После полуторамесячного содержания и допросов в английской полиции «Абрам» был передан китайским властям.

Как следовало из «Обвинительного акта прокурора судебной палаты Хубейской провинции», обвиняемый Иосиф Вальден по указаниям ГПУ (в переводе с английского; во французском упоминание о ГПУ отсутствует. — М.А.), 3-го Коммунистического Интернационала, в соучастии со скрывшимися в Шанхае и бежавшими коммунистами Лю Суйюань, Сяо Пинши [Sio Ping Zeh] и обвиняемыми Лу Хайфан [Loh Hai Pfang], Хуан Вэйцзо [Hwang Vei Yu] (Хуан Вэйю. — М.А.) и др. занимался выведыванием /шпионажем/ секретов китайских политических и военных вопросов».

Здесь же отмечалось, что «обвиняемый Иосиф Вальден организовывал сбор сведений о политических и военных секретах республики офицерами китайской армии Лю Суйюань [Liu Soy Yuen] и Чэнь Шухань [Chen Shu Han] и коммунистами Лу Хайфан, Хуан Вэйцзо и др. и обеспечивал этими сведениямимятежников».

В «Обвинительном акте» отсутствовало упоминание о какой-либо связи «Абрама» с советской разведкой, хотя никаких сомнений на этой счет у китайского суда не существовало. Как следовало из Судебного заключения Верховного суда, «Джозеф Уолтн (Josepf Walton) с умыслом поставить под угрозу Республику передавал военные секреты изменникам» — китайским коммунистам.

5 августа 1935 года Бронин был осужден Верховным судом Китайской республики на 15 лет тюремного заключения.

«Начало провала не представляется возможности по имеющимся у нас до сего времени материалам выявить точно, — отмечалось в «Заключении по Шанхайскому провалу 1935 года» от 5 мая 1936 г. — Некоторые наши работники ("101", "501") полагают, что "103" и его брат уже заранее были связаны с китайской полицией и использовали случай посылки с Абрамом письменного задания агенту "204", чтобы начать ликвидацию нашей резидентуры, передав письмо Абрама полиции.

"Учитель" на основании его сведений считает, что брат "103" был провален тем, что во время проезда в Ханькоу на пароходе не соответствовал сво-

им внешним видом "оборванного бандита" пассажиру второго класса. Поэтому по прибытии в Ханькоу брат "103" был задержан полицией и при обыске у него было найдено письмо-задание Абрама к "204", что и послужило причиной и началом провала. С этой версией согласен вполне и тов. Пауль».

Уже в Москве, летом 1935 года, № 101 писал по поводу Лу Хайфана: «Что сделал для развития работы? Очень мало. Какие связи он нашел? Самая важная — это была связь с военным из 19-й армии / я думаю, что даже его нашел ... (№ 1. — *М.А.*). Так, или иначе, мы бы нашли его без Лу/. Военный из 19-й армии дал нам своих братьев. Следующий, это тот, который давал нам Commander Post, фашистскую секретную газету. Но он показал себя очень неспособным в обхождении с этим человеком. Это все, что он сделал за все эти годы. Его переводы были медленны и плохи». Следует оговориться, что № 101 не мог быть объективным, так как давал характеристику предателю, поэтому вербовка офицеров гоминьдановской армии и последующая работа с ними в его глазах ничего не стоила.

№ 101 привел перечень «неприятностей», которые он имел с Лу:

«1/ Один раз он саботировал работу. За 8 дней он перевел 5 страниц, и перевод был совершенно бесполезен. Он жаловался, что болен, но это не соответствовало истине. Я исправлял его английский язык, и он очень сердился за это...

2/ Он и его семья никогда не были удовлетворены получаемыми деньгами. Вместо того чтобы попросить повышение жалованья, он заложил нашу пишущую машинку, таким образом саботируя переводческую работу и одновременно намекая, что его жалование недостаточно. В то же самое время он думал, что мы (№ 501, 1, 101. — *М.А.*) получаем большое жалованье...

3/ Он хотел рекомендовать своего брата на нашу работу, я отказал на том основании, что нам не нужен новый человек. Лу тогда сказал: «Ты не должен пренебрегать моим братом, он раньше начал работать для нас, чем ты». Под работой он понимал статью, которую он написал о Красной Армии в Иньчоу».

Более весомых обвинений человеку, который в течение пяти лет работал на советскую военную разведку и стал правой рукой резидента Бронина, не нашлось. Оснований предположить, что Лу может встать на путь предательства своих товарищей, просто не существовало.

К этому следует добавить, что между № 101 и женой Лу Хайфана завязался роман, который не прошел незамеченным для мужа. «Он очень тревожился, потому что чувствовал, что его жена любит меня», — комментировал эту коллизию № 101. Об этой ситуации докладывали в Центр Римм и Стронский, сообщая о «некоторых трениях», происходивших между № 107 и 101. «Это явление пагубное и довольно частое среди наших китайских работников», — отреагировал на сообщение С.П. Урицкий.

В пользу обвинений 103-го в предательстве говорило его сотрудничество со следствием сразу после ареста: «Все факты, касающиеся прошлого и работы каждого, были полно и повторно изложены в показаниях Ло Хай-Фонга. Более того, он написал несколько статей, как-то "Мое искренне признание", "Небольшое смиренное мнение", "Каким путем мы смогли бы заставить этого иностранца рассказать о характере его работы, его положении и взаимоотношении работников" и "Как произошла моя сдача и моя воля к этому"».

Свою версию провала резидентуры дал на допросе 17 июля 1950 года арестованный Бронин: «Провал начался с ареста источника в Ханькоу, фами-

лию его сейчас не помню. Об аресте, которого я не знал. Этот источник имел связь на Шанхай к моему заместителю ЛЮ- ХАЙ-ФАН, числившемуся в резидентуре под № 103.

По условному коду арестованный китайскими властями наш источник написал в Шанхай письмо под диктовку китайцев, вызывая на связь нашего человека за получением материалов и прислал письмо на конспиративный адрес к "103".

Направленный мною в Ханькоу связник брат "103" ЛЮ-ТУ-ПУ должен был встретиться в Ханькоу с источником ЛЮ-СУЙ-ЮАНЬ также связаться с источником, находившимся уже у китайских властей. По прибытии в Ханькоу ЛЮ-ТУ-ПУ был арестован китайской полицией».

Судя по всему, под источником, который был провален в Ханькоу, «Абрам» имел в виду № 207 (Чэнь Шухань), полковника штаба 3-го корпуса.

Ознакомившись с материалами шанхайского провала, новый начальник Разведупра Урицкий наложил следующую резолюцию:

«Первое. Это полное отсутствие конспирации — все всё знают с самого «начала».

Второе. Сплошь и рядом необдуманное расширение не только Абрама, но и нами.

Третье. Смерти подобно устройство «универсалов» (28 чел. связаны с резидентом. — *М.А.*)

Четвертое. Самый наш главный враг не полиция, а наша собственная неряшливость и неорганизованность. В этом прав 101.

Пятое. Нужно проанализировать каждого человека всей этой чудовищной организации, и чтобы не завязнуть снова в болоте — отшить всех запачканных или подозрительных.

Шестое. Уплата больших денег разлагает наших работников... это видно из возрастающей жадности предателя.

Седьмое. Составить наглядную схему, кто с кем был связан, кто кого знал».

Москва делала все возможное, чтобы вызволить из тюрьмы своего резидента. 23 августа 1935 года начальник Разведупра РККА Урицкий представил на имя наркома обороны Ворошилова докладную под грифом «Сов. секретно» с пометой «Лично» следующего содержания:

«Докладываю:

В результате предпринятых мер по делу арестованного 5 мая 1935 года нашего резидента Бронина Якова Григорьевича, работавшего под кличкой «Абрам», он был взят под защиту французскими консульскими властями, как заявивший о своем французском гражданстве. Дальнейшие мероприятия были направлены к тому, чтобы добиться его освобождения. Однако Французское Посольство поставило Шанхайское консульство в известность, что «Абрам» французским гражданином не является, в результате чего он был выдан китайским властям. На мероприятия по делу за этот период было израсходовано 10.000 зол. рублей (здесь и далее подчеркнуто рукой Ворошилова. — *М.А.*).

В настоящий момент "Абрам" находится в китайской тюрьме, что грозит ему физическим уничтожением. Единственное средство спасти его — устро-

ить побег. В этом направлении мною даны указания, и с помощью соседей побег подготовлен. Таким образом, в случае удачи наш товарищ будет спасен. На проведение этой операции необходимо израсходовать до 50.000 зол. рублей.

Прошу Вашего разрешения израсходовать указанную сумму. Считаю необходимым отметить, что арест «Абрама» явился результатом допущенных им ошибок в конспирации; за все время нахождения в руках полиции — ведет себя достойно, как подобает революционеру.

Приложение: Перевод письма «Абрама» из тюрьмы».

Ворошилов санкционировал организацию побега 25 августа следующей резолюцией: «Урицкому. Я не возражаю. Организация побега дело серьезное, и если побег не удастся, то Абраму смерть наверняка. Все ли сделано, что за оплата А. без организации побега».

Было решено подкупить начальника тюрьмы в Ханькоу, где содержался «Абрам». Для осуществления этого мероприятия выделялась крупная сумма денег и привлекались сотрудники обеих разведок, работавшие в Китае. Подобная операция могла проводиться только с санкции высшего партийного руководства.

9 июля 1935 года начальник 2-го отдела РУ РККА Ф.Я. Карин[22], пришедший из ИНО ОГПУ в Разведупр вместе с Артузовым, доложил о последствиях провала шанхайской резидентуры:

«В течение многих месяцев я во вверенном мне отделе и в зарубежных резидентурах вел воспитательную работу по вопросам методов разведывательной работы, обращая особое внимание на опасность связи резидентур с местными парторганизациями.

Наиболее недисциплинированным среди работников РУ оказался наш шанхайский резидент Абрам, который, несмотря на наши неоднократные указания:

а/ не производить вербовок без нашего ведома и согласия и

б/ не поддерживать с партией никакой связи и не пользоваться для работы партийцами,

не только их игнорировал, но временами действовал вразрез с нашими указаниями.

В результате целого ряда ошибочных действий Абрама, являвшихся следствием прямого неисполнения наших указаний — он провалился, и в результате этого провала разрушена работа, создававшаяся мной и моими предшественниками в течение долгих лет упорной работы.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОВАЛА

а/ **снята нелегальная радиофицированная резидентура «Рамзая» из Японии** (выделено мной. — *М.А.*),

б/ снята нелегальная радиофицированная резидентура "Пауля" из Тяньцзина,

в/ снят весь шанхайский нелегальный аппарат /Фридрих, Генри, Эли/ и потеряна связь с многочисленными агентами и групповодами,

г/ снят[а] "Нигрит" из Японии,

д/ снят "501" из Японии,

е/ законсервирован "601", начавший весьма успешно работать из Маньчжурии,

ж/ предстоит процесс в Китае о работе Сов. разведки,

з/ из Шанхая сняты два ценных работника /Эдуард и Аркус/.

После провала т. Абрама в Москву было прислано все, что хранилось на квартире Абрама и в Консульстве. При ознакомлении с содержанием архива Абрама выяснилось, что Абрам наряду с письмами отдела /которые посылались с ведома Зам. Начальника и Нач. Управления/ получал одновременно личные письма Нач. Управления, в которых давались установки по целому ряду вопросов, противоречивые тем, которые давались отделом.

Для иллюстрации этого положения привожу сопоставление выдержек из оргписем отдела и личных писем Нач. Управления:

1. Выписка из письма Центра от 8 сентября 1934 г.

...Ваше сообщение о требовании "друзей" (сноска в тексте: друзья — условное название коммунистов), поддержанном представителем АОМСА (Административный отдел международных связей Коминтерна. — *М. А.*) назвать им имена лиц, работающих у нас, ничуть нас не удивило. Оно было неизбежным в условиях контакта с друзьями. Нам казалось, что Вам известны наши установки, запрещающие всякую связь с друзьями не только по соображениям запрета свыше такой связи, но и по тем же причинам, о которых Вы пишете в своем личном письме к Старику, т. е. из-за частых провалов у друзей. Сообщаем Вам распоряжение нашего руководства, категорически запрещающее какую бы то ни было связь с друзьями (в любой форме) и предлагаем, если Вы таковую поддерживаете, немедленно ее прекратить.

2. Выписка из письма Центра от 19 ноября 1934 г.

... «Мы категорически запретили Вам иметь связь с друзьями».

3. Выписка из письма Центра от 25 февраля 1935 г.

...Теперь несколько слов общего характера для уяснения Вами нашей установки и прекращения полемики, на которую Вы, как нам кажется, тратите слишком много энергии. На тоне Вашей полемики останавливаться не будем, так как мы себе вполне представляем ту трудную и нервирующую обстановку, в которой Вам приходится работать. Итак, еще раз относительно связей, идущих по партийной линии. Просим Вас понять, что быть связанным с партией можно не только непосредственно и сознательно. Случай с 902 и 104, если Вы сами вдумаетесь в это дело, есть наглядный пример того, как, не связываясь непосредственно с парторганизацией, Вы, используя людей, связанных и известных по предыдущей работе по парт. линии, невольно включаетесь в круг наблюдения или провокации противника. Надеемся, что теперь Вам понятна наша установка относительно связей, идущих по парт. линии. В этой связи мы хотели бы в дальнейшем увидеть с Вашей стороны при анализе вербовок источников, а также работы всего Вашего аппарата большего учета того факта, что Вы работаете в окружении противника, ни в коем случае нельзя оценивать так, что он глупее нас. Вот в чем проявится, в первую очередь, объективность.

Относительно Ваших вербовок просим точно придерживаться наших указаний. Вы намечаете объект вербовки, проводите предварительное изучение объекта, но к самой вербовке приступаете только после согласования с нами. Ведь мы проверяем Ваших кандидатов по разным нашим линиям и картотекам. Было бы хорошо, если бы Вы усвоили себе, что нам интересы работы, ее успеха и успеха долговременного не менее близки, чем Вам. Активность в нашей работе никак не идентична со спешкой.

Выдержка из письма Нач. Управления от 17.XII.34.

...Нельзя ли через кит. корпорантов ("корпоранты" — условное название коммунистов. — М.А.) найти цепочку и найти кит. корпоранта, но совершенно надежного, который мог бы по этой цепочке пойти и начать работу. Для начала ведь немного нужно, пару крупных связей для начала, и дело пойдет.

Подумай над этим и прощупай возможности, но только максимально осторожно. О возможностях пиши только мне, так как и в нашем аппарате никто ничего не должен знать. Дело чрезвычайно щепетильное. ...

Выписка из письма Центра от 17.XII. 34 г.: ...У друзей теперь опять ряд последовательных провалов, несмотря на наличие особого отдела. Очевидно, этого "надежного и самостоятельного" работника теперь подсовывают нам, чтобы устроить провал и связать нас с партией. Мы уже сообщали Вам по воздуху о необходимости немедленного прекращения связи с 902 и сейчас подтверждаем наше решение. Нужно, как можно скорее, от 902 отделаться, а рекомендовавших 902 тщательно проверить.

За последние два месяца Вы провели две вербовки (902 и 208), которые в чрезвычайно короткий срок могут подвести под сокрушительный удар Ваш аппарат, который создавался Вами и Вашим предшественником в течение многих лет.

По вопросу "Кантонской девицы". Тут опять какие-то неясности в отношении ее отсидки и опубликования о выходе из организации друзей. Мы Вам запретили связь с партией, но Вы еще не можете освободиться от этих старых связей и методов работы. В нашей работе на материке пора уже прекратить использование людей, связанных с друзьями и имеющих неясную физиономию. В дальнейшем Вы должны ставить в известность нас о Вашем намерении использовать того или иного работника в Вашем аппарате. Полагаем необходимым от нее отказаться.

Выписка из письма начупра от 17.XII. 34 г.: ... Дорогой Абрам. Последние твои письма меня, признаться, порядком напугали. Напугали потому, что все твои новые вербовки (208, 902, Кантонка) очень и очень пахнут и что кто-то откуда-то начинает тебя "обволакивать", обкладывать, как медведя обкладывают, когда нащупали его берлогу.

Иначе как подставкой такой букет молодцов назвать нельзя, а подставка ведь на что-то рассчитана, т. е. рассчитана на то, чтобы взять тебя и всю нашу братию с поличным. Почему я так думаю? Вот почему: "208", известный тип, который в лучшем случае может быть двойником и который, если бы он был единичным явлением, мог случайно появиться на твоем горизонте, но мог и не случайно, т. е. мог искать подхода к нам.

"902", партнерша провокатора КУ ("Гу" — бывш. начальник особого отдела кит. партии, у него в качестве сотрудника работал «108»... Когда "Гу" стал предателем, Чан Кайши на основании информации "Гу" произвел многочисленные аресты. — М.А.). Ку ее хорошо знает и не берет, бывают другие провалы, она выкручивается, наконец, — работает она с провокаторами и приводит их в "истинную веру". Они раскаиваются и хотят работать для корпорации. Все это говорит только одно: "902" сама работает в охранке, по своему почину или по заданию пробирается в твой аппарат, чтобы тебя провалить.

Наконец, "Кантонская девица" попадается, сидит, признается в комдеятельности, пишет раскаяние, и ее выпускают, в особенности, в Китае. Значит: или обещалась работать, или же "просыпала" все, что могла и знала.

Выписка из письма Нач. Управления без даты: ...В данном конкретном случае, когда речь идет о "902" и "Кантонской девице", наши указания считаю правильными. Это не значит, что ты должен их механически применять, этого не нужно, и это было бы неправильно, но основное из этих указаний надо принять к руководству".

Как видно из этих сопоставлений, резидент получал в одной и той же почте противоречивые указания, как по вопросу об отношении к использованию партии, так и по вопросу отношения к выполнению директив Центра относительно отдельных источников.

Такое положение не могло не привести к тому, что Абрам не считался с директивами Центра, выполнял их постольку, поскольку это ему казалось нужным, что в дальнейшем привело к тому, что наши основные директивы о консервации сети и телеграмма о прекращении связи с консульством и "103" им выполнены не были, что в конечном результате привело к его аресту, провалу всей организации и подведению под удар нашего официального представительства в Шанхае.

Недопустимое хранение Абрамом (вопреки основным правилам конспирации) писем Центра и писем Нач. Управления можно объяснить противоречивыми указаниями, получаемыми из Центра.

Серьезность положения на Д.В. и слабость нашей разведки в Японии, Китае и Маньчжурии заставляли весь коллектив 2-го Отдела работать с максимальной энергией для того, чтобы наверстать упущенное время.

В создании новых резидентур в Японии ("501", "Нигрит", "Дон"), в Маньчжурии ("Блек", "601", "Камо"), переброске новых радистов ("Милород"), создании в Европе промежуточных пунктов /«Адольф»/, школ для подготовки агентурных кадров из китайцев — проходила восьмимесячная напряженная работа 2-го Отдела.

Большинство из созданного рухнуло. Других последствий при существовавшей системе руководства нельзя было ожидать.

Начальник 2-го Отдела РУ РККА /КАРИН/

9 июля 1935 г.».

Докладную Карина уже на следующий день, 10 июля 1935 г., Артузов направил начальнику Разведупра Урицкому со следующей запиской:

«Семен Петрович!

Настоящие материалы не оставляют сомнений в том, что т. Берзин за моей спиной и за спиной аппарата давал резидентам директивы, идущие вразрез с указаниями, полученными Разведуправлением, и учил резидентов не слушаться специальных директив Разведупра, осуществляя руководство через посредство своих личных писем (никому не показываемых). Неудивительно, что Шанхайский резидент, получив ____ приказ от 15-XI прекратить связь с консульством и с 103, этого приказа не выполнил, ответил через 10 дней, что не видит причин для нервозности. Все провалы и в Шанхае, и в Копенгагене произошли по причине связи с партией, главным образом. Прошу Вас доложить настоящие документы Наркому и тов. Гамарнику.

Артузов.

10-VII-35 г.».

В этом документе, подготовленном начальником 2-го отдела, при несомненном участии заместителя начальника Разведупра, удивляет близорукость Карина и Артузова, предъявивших фактически единственную претензию к «Абраму» в том, что тот игнорировал указания Центра и даже иногда действовал им вразрез.

Никаких комментариев в части отсутствия у «Абрама» легализации. Никаких комментариев в части регулярной связи с разведчиками под официальным прикрытием и даже руководства одним из них. Эти вопиющие факты Карин и Артузов предпочли не заметить.

В октябре 1950 года «Абрам» был осужден за «преступно-халатное отношение к исполнению своих служебных обязанностей», выразившееся в нарушении «конспирации в работе, что послужило провалу возглавляемой им резидентуры». Хотя ответственность за провал шанхайской резидентуры не в меньшей, если не в большей степени лежала на руководстве Центра.

Попытка Карина—Артузова свести все к пагубности использования китайских коммунистов однобока. Исключить в обстановке 30-х — 40-х годов XX века привлечение к сотрудничеству идейно близких людей — китайских и «островных корпорантов» — было невозможно, потому что другого выхода не было. Именно об этом и писал Берзин Бронину, призывая быть крайне осторожным. Наиболее ценными источниками, близкими и преданными «Рамзаю» сотрудниками токийской нелегальной резидентуры стали тесно связанный в то время с китайской компартией Одзаки и японский коммунист Мияги.

В докладной записке, умышленно или нет (скорее всего, первое), Карин приводил далеко не все рекомендации «Старика». Вот что писал Берзин в конце декабря 1934 года:

«Дорогой Абрам!

...Нельзя забывать одно из основных требований нашей работы: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Как ни странно, в нашей работе смелость, дерзание, риск, величайшее "нахальство" должны сочетаться с величайшей осторожностью. Диалектика!..

Но имей в виду, что наиболее неверные выводы можно сделать на основании личных впечатлений и что в нашей работе меньше всего можно им поддаваться. Рядом со всеми известными провокаторами были также очень крупные, иногда гениальные люди, и, тем не менее, не сумели их (т. е. провокаторов) вовремя раскусить. Поэтому в нашей работе должно быть узаконено правило: не верь никому (вернее, ко всему относись подозрительно, все проверяй, проверенному доверяй только относительно). Если мы от этого правила отходим, то ставим себя под удар.

Что касается нашей личной ответственности, то таковая на каждом из нас лежит, каждый из нас отвечает за нашу работу, за свой участок. Но у каждого из нас есть только одна жизнь, которая не может компенсировать разгрома целого участка работы. Поэтому одной личной ответственностью не все покроешь. Отсюда еще раз вывод: максимальная осторожность в работе, необходимость тщательной проверки всякой комбинации и тщательное продумывание еще раз всякого дела».

Непосредственно связана с этим письмом первая часть следующего, от 15 января 1935 года: «Большое спасибо за то, что ты открыто и добросовест-

но высказал свое недовольство некоторыми нашими указаниями и тем, что мы тебя тянем назад и затрудняем работу. Ты прав, что отсюда "все видеть" очень трудно. Ваша обстановка здесь чувствуется и представляется чисто теоретически, руководить отсюда работой, понятно, можно только относительно. Но при всем этом надо учесть, что некоторые вещи со стороны виднее, чем на месте, и что некоторые наши советы имеют для тебя и твоей работы кардинальное значение. В течение ряда лет учреждение накопило некоторый опыт, позволяющий давать безошибочный анализ обстановки, а также "учуять" опасность тогда, когда местные работники ее еще не видят...

Это не значит, что ты должен их [советы] механически применять, этого не нужно и это было бы неправильным, но основное из этих указаний надо принять к руководству...

Главные твои агенты рекрутируются из среды корпорантов, хотя формально и не через корпорацию. Это опять-таки слабая сторона организации, ибо (по опыту знаю) никогда, ниоткуда так много заразы не получается, как именно через корпорацию и от корпорации. Это явление естественное и закономерное: в самой корпорации "моль" всегда устремляется на наиболее острые участки, родственные нашей работе. "Моль" всегда выступает в роли наиболее активного, интеллигентного и подходящего для работы элемента. Зачастую "моль" именно хорошей работой стремится завоевать себе положение и доверие. А марка корпоранта для них средство отвлечь от себя "тыловую проверку", усыпить бдительность.

Это обстоятельство мы очень долго не учитывали или учитывали слабо, слишком много доверяли рекомендациям отдельных корпорантов или корпорации, слишком много доверяли корпорантской марке и в результате терпели поражения. Ты это также должен учесть».

В первом подпункте (подпункт «а») в докладной Карина как об уже свершившимся факте говорилось: «а/ снята нелегальная радиофицированная резидентура «Рамзая» из Японии». Между тем «Рамзай» к тому времени еще не прибыл в Москву, куда был вызван Центром (выехал из Токио 2 июля). И Центру еще предстояло выслушать его доклад и только тогда принять решение.

Реакция С.П. Урицкого на докладную Ф.Я. Карина неизвестна.

Организацией освобождения «Абрама» руководил резидент 7 отдела Главного управления государственной безопасности НКВД в Шанхае Вартэ. Под этим именем выступал один из сотрудников политической разведки Эммануил Куцин, работавший под крышей вице-консула в Шанхае. На совещании в полпредстве, где разрабатывался план операции, присутствовали сотрудники Разведупра представитель Центросоюза «Градов» (Муромцев) и корреспондент «Правды» «Гартман» (Гутнер), а также сотрудники 7 отдела ГУГБ сотрудник Центросоюза «Косов» (Нейман) и «Иткин». Для переговоров с начальником тюрьмы Вартэ привлек своего агента «Наидиса»[23], судя по всему американца.

При передаче денег «Наидис» и ряд других участников операции были арестованы. Китайский чиновник не решился содействовать побегу, так как слухи о его подготовке слишком широко распространились.

При подготовке операции по освобождению «Абрама» были допущены следующие ошибки:

«1. Перевод через Центросоюз крупной суммы денег 50.000 шанхайских долларов через китайский банк в Ханькоу, предназначенных на подкуп китайских чиновников для освобождения Абрама; поездки на самолете в Ханькоу группы сотрудников советских учреждений для получения этих денег и выручки Абрама.

Это вызвало подозрения полиции и расконспирировало впоследствии /когда была арестована группа, взявшаяся за освобождение Абрама/ перед китайской, японской и английской полицией участие Центросоюза в освобождении Абрама, лишний раз послужив доказательством связи Абрама с советскими органами, тем более, что при одной из этих поездок наши работники летели на одном самолете с американцем ..., участником группы по освобождению Абрама.

До этого времени Центросоюз никогда не производил крупных денежных переводов в Ханькоу, и при получении денег наши люди подверглись в банке форменному допросу — для какой цели эти деньги переведены и т. д. После этого началась разработка полицией тт. Градова, Косова и других сотрудников советских учреждений /доклад т. Градова/.

2. Несоблюдение конспирации при подготовке освобождения Абрама, благодаря чему еще до попытки освобождения, за неделю до отправления наших работников в Ханькоу /связанных с группой американцев, взявшихся освободить Абрама/, не только полиция знала о подготовке, но и весь Северный Китай. В Пекине об этом открыто болтали китайцы /о подготовке знало и большинство сети источников, как, например, "501", "601" говорили об этом Паулю/».

Китайские газеты развернули очередной антисоветский скандал. Вартэ, Косова и Гартмана пришлось отозвать в Москву, крупная сумма денег пропала, а китайская полиция, сопоставив прилет в Ханькоу двух советских работников с передачей денег, сделала соответствующие выводы.

В Москве расследованием очередного провала разведки — и военной, и политической — занялась Центральная контрольная комиссия при ЦК ВКП(б). Дипломаты жаловались на разведчиков, разведчики и их руководители оправдывались. Полпред СССР в Китае Д.В. Богомолов отправил 30 августа 1935 года личное письмо заместителю наркома Б.С. Стомонякову, курировавшему дальневосточные дела. В письме Богомолов обращал внимание на отсутствие конспирации в работе сотрудников разведки, работавших в Китае под легальной «крышей». Посол имел в виду «юристов» (сотрудников Разведупра) и «профессоров» (сотрудников 7 отдела ГУГБ). У «юристов» дело обстояло плохо, у «профессоров» — не лучше. «Я сомневаюсь, чтобы работа этих товарищей была неизвестна почти всем нашим сотрудникам и большинству обслуживающего персонала», — писал он в письме. В этом письме Богомолов также давал рекомендации: «Самое главное в том, что они расшифрованы, и если японцам понадобится, они в любой момент смогут создать громкое дело, так как подстроить что-нибудь проваленным работникам вовсе не трудно. На основании этого я считаю необходимым перестроить всю работу «профессоров» (сотрудников ИНО), законспирировать и снять проваленных работников (почти всех), а в первую очередь нужно снять т. Вартэ. Едва ли есть у нас хоть один сотрудник, который не знал бы о его работе»[24].

Через месяц, 27 сентября, Богомолов поставил Стомонякова в известность о том, что направил наркому по иностранным делам М.М. Литвинову

письмо, в котором предложил ограничить число «профессоров» и «юристов» до одного в каждом полпредстве и потребовать от них выполнять как следует легальную работу, а также запретить вербовку среди сотрудников полпредств и советских хозяйственных учреждений. «Если мы проведем эти мероприятия, то в значительной степени устраним возможность больших политических скандалов, — писал он. — Что касается наших работников в Китае, то нельзя забывать, что японцы были бы весьма заинтересованы в том, чтобы устроить большой скандал для нас именно здесь, в Китае». Он также предлагал, чтобы полпреда ставили в известность «при командировании каждого товарища, имеющего параллельную работу». 15 ноября 1935 г. оба письма Богомолова были переданы М.Ф. Шкирятову. секретарю партколлегии Центральной контрольной комиссии при ЦК ВКП(б).

26 ноября, бывший начальник ИНО, заместитель начальника Разведупра А.Х. Артузов отправил секретарю ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову справку о виновности работников Разведупра и 7-го отдела ГУГБ, обвиняемых Богомоловым в связи с провалом выкупа резидента Разведупра из Ханькоусской тюрьмы. Артузов оправдывал поведение Гартмана, а также необходимость поездки в Ханькоу Муромцева и Косова. В справке он указывал, что Богомолов был в курсе всех мероприятий по освобождению, а поездка в Ханькоу проводилась с разрешения полпреда. «Считаю, — подчеркивал Артузов, — что товарищи чекисты, взявшиеся организовывать выкуп из тюрьмы своего товарища по разведке, резидента Разведупра, — поступили хорошо, так, как должны поступать большевики-подпольщики в отношении попавшего в беду товарища». Он вынужден был признать ошибочность пересылки денег легальным путем при помощи аппарата Центросоюза, так как «совпадение провала выкупа с прилетом в Ханькоу работников Центросоюза было поставлено в связь и раструблено в газетах». Артузов писал: «Приговор суда — организатор выкупа присужден лишь к двум годам тюрьмы, и китайцы ни в чем не смогли скомпрометировать Советские учреждения в Китае, если не считать голословной газетной шумихи, которая обычно подымается по всякому текущему поводу. На этот раз пресса не могла привести ни одного факта, уличающего наши заграничные органы в нелегальщине, и ограничилась лишь раздуванием факта случайного совпадения провала дела выкупа в Ханькоу с приездом советских служащих туда же»[25].

Кончилась история тем, что 11 декабря 1935 г. КПК объявила строгий выговор Куцину и указала Нейману и Гартману на недопустимость нарушения правил конспирации в работе за границей. Под постановлением поставили подписи члены комиссии Куйбышев, Акулов, Ярославский. Но эта мера не достигла цели. Член КПК Шкирятов разъяснил новому начальнику 7 отдела НКГБ НКВД А.А. Слуцкому, «что делать отметку наложения взыскания на т. Куцина в его личной карточке не нужно»[26].

В ноябре 1935-го в РККА были введены персональные воинские звания, и в начале 1936-го началась переаттестация сотрудников Разведупра и присвоение им новых воинских званий. Приказом № 00324/п от 17 февраля 1936 года сидевшему в китайской тюрьме военному разведчику Бронину было присвоено воинское звание «бригадный комиссар».

7 июля 1937 года началась полномасштабная война между Японией и Китайской республикой. Отношения между Китаем и СССР, который стал оказы-

вать помощь, улучшились, появилась возможность вытащить из тюрьмы резидента. В октябре 1937-го Бронин был передан советским представителям и отправлен в СССР.

Несмотря на разгул репрессий в стране, он не только не был арестован, его даже не отправили в отставку. Бронин находился в распоряжении РУ РККА (декабрь 1937 — июнь 1939), работал в центральном аппарате военной разведки, готовил разведчиков для зарубежной работы (в том числе А.М. Гуревича — «Кента»), в составе группы агентурного отдела занимался Чехословацким легионом, отступившим из Польши на территорию СССР. В июне 1939-го начальник РУ РККА И.И. Проскуров ходатайствовал о назначении в войска группы сотрудников РУ «с выездом из гор. Москвы», среди них значился и «состоящий в распоряжении» бригадный комиссар Бронин Я.Г., но в приказ он включен не был и по-прежнему числился «в распоряжении», но уже РУ Генштаба Красной Армии.

С сентября 1940 г. по июнь 1941 г. Бронин — старший преподаватель по агентурной разведке кафедры разведки Высшей специальной школы Генштаба РККА.

В аттестации, утвержденной в январе 1941 года, отмечалось, «что Бронин Я.Г. переоценивал себя и свои способности — считал себя чуть ли не единственным человеком в СССР, знающим спецработу. Устойчивостью и твердостью политических убеждений в прошлом не отличался. Как старший преподаватель, не являлся полноценным работником. В июле 1941 года из Главного управления откомандирован».

Начальник кафедры иностранных языков Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина в Москве и Ташкенте (июнь 1941 — сентябрь 1949). Полковник Бронин был награжден орденами Ленина, «Красного Знамени» и тремя медалями.

Он был арестован 16 сентября 1949 года отделом контрразведки МГБ Военной академии бронетанковых и механизированных войск Советской армии. В вину Бронину-Лихтенштейну было вменено:

«1. Что в 1921 году, находясь на партийной работе в городе Луганске, он примыкал к «рабочей оппозиции». Активно выступал на собраниях и в местной печати против генеральной линии партии;

2. Что в 1928 году, поступив на учебу в институт Красной Профессуры в Москве, он вступил в существовавшую в институте группу леваков, которая в своей деятельности руководствовалась установками активных троцкистов вне института Ломинадзе и Шацкина. Участвовал на трех нелегальных сборищах группы, где принимались решения, направленные против ЦК ВКП (б);

3. В 1935 году, находясь в качестве резидента разведупра Советской армии в гоминьдановском Китае, БРОНИН нарушал конспирацию в работе, что послужило провалу, возглавляемой им резидентуры. Зная о начавшемся провале, он 5 мая 1935 года, идя на явку к своему заместителю, забрал с собой весь имевшийся у него материал о деятельности резидентуры в Китае. Во время встречи с заместителем он был арестован английской полицией, а затем передан китайским властям. По документам, изъятым у БРОНИНА, были арестованы 10 человек его агентов.

В предъявленном обвинении БРОНИН виновным себя не признал.

По вопросу работы за границей он показал, что, находясь на разведработе в Китае в 1935 году, он допустил халатность и нарушение конспирации. Это выразилось в том, что он, идя на явку со своим заместителем, взял с собой ряд документов, относящихся к его разведработе, которые он должен был передать представителю советского консульства, которые и были изъяты у него полицией при аресте. Кроме того, направляя из Шанхая в Ханькоу связника, дал ему письмо, в котором излагались установки агенту по разведывательной работе.

БРОНИН на следствии утверждал, что, идя на явку к своему заместителю, он не знал о начавшемся провале резидентуры, который, по его утверждению, начался в результате предательства одного из агентов в Ханькоу».

14 октября 1950 года Особым Совещанием при МГБ СССР «За принадлежность к антисоветской группе и преступно-халатное отношение к исполнению своих служебных обязанностей» Бронин-Лихтенштейн был осужден к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет.

Отбывая наказание, в Особом лагере МВД СССР, Бронин-Лихтенштейн подал целый ряд апелляций, отрицая свою вину. 18 февраля 1955 г. следователь Особого Отдела Комитета Госбезопасности при Совете Министров СССР по Московскому округу ПВО, капитан Кондратьев, рассмотрев материалы архивно-следственного дела № м-3640 по обвинению Бронина-Лихтенштейна усмотрел, что «преступно-халатное отношение БРОНИНА к исполнению своих служебных обязанностей имело место в 1935 году, и уголовное преследование БРОНИНА в этой части через 14 лет после совершения преступления возбуждено неправильно, вопреки ст.14 УК РСФСР».

На основании изложенного дело было пересмотрено и «Решение Особого Совещания при МГБ СССР по делу БРОНИНА» отменено; 21 марта 1955 года Бронин был реабилитирован. После освобождения работал в ИМЭМО АН СССР, где защитил диссертацию (1967) «Шарль де Голль. Политическая биография», был членом Союза журналистов.

2.3. «По линии ИНО ОГПУ получено сообщение от нашего агента о работе японской жандармерии...»

(*Из доклада А.Х. Артузоваот23 июня 1934 года*)

23 марта 1934 года на первой полосе газеты «Правда» была опубликована заметка под заголовком «Антисоветская кампания французских черносотенцев», в которой сообщалось, что после нескольких месяцев молчания зарубежная печать помещает «вымышленные сообщения» о том, что раскрытая осенью 1933-го во Франции «шпионская организация действовала якобы в пользу Советского Союза».

Уже 29 марта на заседании Политбюро ЦК с докладом «О кампании за границей о советском шпионаже» выступил И.В. Сталин, а 30 марта в центральных газетах было опубликовано опровержение ТАСС: «В связи с появившимися во французской печати утверждениями, будто группа лиц разной национальности, арестованная в Париже по обвинению в шпионаже, занималась им в пользу СССР, ТАСС уполномочен заявить со всей категоричностью, что эти утверждения являются ни на чем не основанным клеветническим вымыслом»[27].

После выступления Сталина на Политбюро первый заместитель Председателя ОГПУ Г.Г. Ягода направил на его имя «Докладную записку о работе IV-го Управления Штаба РККА», в которой приводился перечень наиболее крупных провалов в работе военной разведки за вторую половину 1933 г. — начало 1934 г. с предварительным анализом этих провалов и перечислением имен арестованных сотрудников разведки и агентов. К числу провалов в зарубежных резидентурах были отнесены: финский (октябрь 1933 г.), французский (декабрь 1933 г.), маньчжурский (январь 1934 г.), латвийский (июнь 1933 г.), немецкий (июль 1933 г.), румынский (февраль 1934 г.); была сделана также попытка проанализировать провалы в пунктах разведывательных переправ.

«Тщательное изучение причин провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, показало, — говорилось в записке, — что все они являются следствием засоренности предателями; подбора зарубежных кадров из элементов сомнительных по своему прошлому и связям; несоблюдением правил конспирации; недостаточного руководства зарубежной работой со стороны самого IV Управления Штаба РККА, что, несомненно, способствовало проникновению большого количества дезориентирующих нас материалов».

Реакция на Докладную записку ОГПУ не заставила себя ждать. 26 мая 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о работе военной разведки и приняло постановление «Об агентурной работе IV Управления» (проект Постановления был подготовлен Я.К. Берзиным и предварительно согласован с наркомом обороны СССР К.Е. Ворошиловым, начальником ИНО ОГПУ А.Х. Артузовым и первым заместителем председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой):

«1. Признать, что система построения агентсети IV Управления, основанная на принципе объединения обслуживающей ту или иную страну агентуры в крупные резидентуры, а также сосредоточения в одном пункте линий связи с целым рядом резидентур — неправильна и влечет за собой, в случае провала отдельного агента, провал всей резидентуры. Переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну явилось грубейшим нарушением основных принципов конспирации и создавало предпосылки для провалов одновременно в ряде стран.

2. Имевшие место провалы показали недостаточно тщательный отбор агентработников и недостаточную их подготовку. Проверка отправляемых IV Управлением на заграничную работу сотрудников со стороны органов ОГПУ была недостаточна.

3. Агентурная работа IV Управления недостаточно увязана с работой Особого отдела и ИНО ОГПУ, вследствие чего возникают недоразумения между этими учреждениями и отдельными их работниками.

4. Руководство агентурной работой штабов приграничных округов децентрализовано и позволяет местному командованию несогласованно с центром ставить агентуре не только оперативные, но и организационные задания.

5. Установка в оперативной работе IV Управления на освещение агентурным путем почти всех, в том числе и не имеющих особого для нас значения, стран неправильна и ведет к распылению сил и средств.

6. Установка в информационной работе на удовлетворение всех запросов военных и военно-промышленных учреждений неправильна, ведет к разбрасыванию в работе, недостаточно тщательной отработке поступающих материалов, широкой издательской деятельности, параллелизму с военгизом.

7. Начальник IV Управления не уделил достаточного внимания агентурно-оперативной работе, что привело к ряду серьезных промахов.

Для устранения указанных недостатков:

1. Наркомвоенмору выделить IV Управление из системы Штаба РККА с непосредственным подчинением наркому. В составе Штаба РККА оставить только отдел, ведающий вопросами войсковой разведки, увязав его работу с работой IV Управления...

3. Обязать начальника IV Управления в кратчайший срок перестроить всю систему агентурной работы на основе создания небольших, совершенно самостоятельно работающих и не знающих друг друга, групп агентов. Работу внутри групп поставить так, чтобы один источник не знал другого...

5. Центр тяжести в работе военной разведки перенести на Польшу, Германию, Финляндию, Румынию, Англию, **Японию** (выделено мной. — *М.А.*), Маньчжурию, Китай. Изучение вооруженных сил остальных стран вести легальными путями через официальных военных представителей, стажеров, военных приемщиков и т. д.

6. Для большей увязки работы IV Управления с Особым Отделом и ИНО ОГПУ:

а) создать постоянную комиссию в составе начальников этих учреждений, поставив комиссии задачу: обсуждение и согласование общего плана разведработы за границей; взаимную информацию и предупреждение о возможных провалах; обмен опытом, тщательное изучение провалов и выработку мероприятий против провалов; тщательную проверку отправляемых на закордонную работу сотрудников, контроль и наблюдение за находящимися на закордонной работе работниками.

б) Назначить начальника ИНО ОГПУ т. Артузова заместителем начальника IV Управления, обязав его две трети своего рабочего времени отдавать IV Управлению.

Наркомвоенмору т. Ворошилову лично проверять осуществление указанных мероприятий».

В постановлении Политбюро, подготовленном Берзиным, был вообще обойден вопрос о ведении разведки с нелегальных позиций.

В итоге Политбюро решило выделить IV Управление из системы Штаба РККА, непосредственно подчинить его наркому и назначить начальника ИНО ОГПУ Артузова заместителем начальника Управления.

Спустя месяц, 23 июня 1934 г., Артузов представил Сталину и Ворошилову доклад «О состоянии агентурной работы Управления и необходимых мерах по ее улучшению». «После предварительного ознакомления с состоянием агентурной работы» Управления и «изучения последних провалов агентуры» Артузов счел «необходимым сообщить следующее»:

«К настоящему моменту:

1) Нелегальная агентурная разведка IV-го Управления фактически перестала существовать в следующих странах: Англия, Румыния, Латвия, САСШ, Франция, Финляндия, Эстония и Италия.

2) Нелегальная агентурная разведка сохранилась: в Германии, Польше, отчасти в Китае и Маньчжурии.

ПРИМЕЧАНИЕ: При этом разведывательный материал передается через особых связистов от нелегальных резидентур в наши посольства этих

же стран. Исключением является Польша, где наш нелегальный резидент посылает свою почту нелегальным путем в Германию, где она уже поступает в наше посольство.

3) **Агентурная разведка ведется полулегальным способом т.е. резидент и его помощники являются сотрудниками наших посольств, консульств и торговых представительств в следующих странах: в Японии** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*), Персии, Турции, Афганистане, Синьцзяне, Монголии, Китае, Манчжурии, Корее.

Кроме этого во всех странах, где имеются наши дипломатические представительства, — военные атташе или другие засекреченные военные работники занимаются легальной разведкой (покупкой военной литературы, наблюдением за аэродромами, войсками и т. п.).

Несколько замечаний об агентурной работе в важнейших странах:

...ЯПОНИЯ.

Ведение агентурной работы из стен наших официальных представительств настолько чревато опасностями, что от этого надо отказаться.

К настоящему моменту — по линии ИНО ОГПУ — получено сообщение от нашего агента о работе японской жандармерии по раскрытию советского шпионажа в Японии. Агент в своем донесении перечислил лиц, за которыми жандармы наблюдают, подозревая их в шпионаже в пользу СССР. Среди этих лиц мною обнаружено двое, действительно связанные с нашим военным резидентом, служащем в аппарате нашего военного атташе. По моему приказанию связь с этими лицами прекращена.

Два ценных агента нашего посольского резидента (один служит в штабе полка, другой — в штабе дивизии) должны быть переключены на нелегальную связь (выделено мной. — *М.А.*). …

I. ПРИЧИНЫ ПРОВАЛОВ

Кроме тех причин, которые отмечены в постановлении ПБ от 25 [26. — *М. А.*].V.34 г., причинами провалов являются:

1. Текучесть кадров агентурных работников; неправильный их подбор, в частности, установка на скороспелую подготовку агентурных работников, набираемых из иностранных коммунистов; неудовлетворительная подготовка кадров и их инструктаж.

2. Продвижение (и при этом весьма быстрое) агентуры в кадровый состав разведки, зачастую без элементарной политической проверки и необходимого практического испытательного стажа.

3. Неправильная организация центрального аппарата, руководящего агентурой (оперативного штаба разведки). Обезличка с делением центрального аппарата на добывающий отдел и отдел, обрабатывающий материал.

4.Недостаточная конспирация…

II. НЕОБХОДИМЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ РАБОТЫ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

В развитие указаний, данных ПБ в постановлении от 25-го [26-го. — *М.А.*] мая с. г., считаю необходимым:

1. Прекратить текучесть агентурных кадров, для чего:

А) ввести особое положение о продвижении агентурных работников по службе с учетом, что год подпольной работы приравнивается к году службы в действующей армии на фронте;

Б) ввести особое положение о военной учебе агентурных работников IV-го Управления и их стажировке в войсках с тем, чтобы сочетать агентурную работу с военной учебой и стажировкой в войсках…

3. Агентурных работников необходимо подбирать, главным образом, из числа коммунистов и комсомольцев — граждан СССР.

4. Развивая работу по легальной разведке через военных атташе и их секретарей допускать в известных случаях и в определенных странах вербовки этими людьми агентуры при обязательном соблюдении следующих условий:

А) разрешить вербовать, главным образом, граждан третьих стран (не той страны, в которой аккредитован военный атташе СССР);

Б) вербовка граждан страны аккредитации, в виде исключения, может быть допущена лишь с разрешения начальника Управления, однако, получение каких-либо письменных материалов при этом запрещается.

5. Обязать сов. организации, посылающие за границу сотрудников с военными или военно-техническими заданиями — рекомендовать командируемым членам партии связываться с IV-м Управлением и выполнять его легальные задания.

6. Разрешить IV-му Управлению, по согласованию с соответствующими отделами ЦК, возвратить на агентурную работу IV-го Управления наиболее квалифицированных старых агентурных работников, перешедших на другую работу.

Соображения настоящего доклада, за исключением вопроса о военных атташе, мною были в предварительном порядке доложены наркому обороны тов. ВОРОШИЛОВУ и возражений с его стороны не встретили».

На Доклад Артузова Ворошилов наложил резолюцию: «Критическая часть сильна, но не нова, а предложения новы, но расплывчаты, общи и малообещающи. Использование в/а /наших/ для а/р недопустимо».

Через девять месяцев после прихода Артузова в Разведупр, 19 февраля 1935 г., случился очередной крупный провал военной разведки, на этот раз в Копенгагене (Дания). Полиция арестовала девять человек: четырех работников Центра и пятерых иностранцев, привлеченных для работы по связи. Главной фигурой среди арестованных был старый работник Разведупра А.П. Улановский, работавший с Зорге в Китае и отозванный оттуда после провала, вызванного несоблюдением требований конспирации. Его основной задачей было получение нелегальным путем материалов от резидентур в Германии и их пересылка в Советский Союз. Расследование копенгагенского эпизода, проведенное в Центре, показало, что причиной провала стало грубейшее нарушение правил конспирации.

Для Берзина копенгагенский провал ознаменовал закат карьеры: 15 апреля 1935-го секретным приказом наркома обороны он был освобожден («согласно его просьбе») от руководства Разведупром и перешел в распоряжение наркома обороны. Начальником Разведывательного Управления РККА был назначен заместитель начальника Автобронетанкового управления РККА С.П. Урицкий, имевший, хотя и неудачный, опыт нелегальной разведывательной работы.

На «нашем агенте» по линии ИНО ОГПУ, о котором упоминает Артузов в докладной записке от 23 июня 1934 г., следует остановиться отдельно. Отдельно потому, что, как представляется, речь идет об успешной операции по

дезинформации советской разведки, длившейся едва ли не десятилетие. Более того, к этой операции японской разведки имел отношение старейший разведчик ИНО ОГПУ НКВД СССР Борис Игнатьевич Гудзь[28], который в последующем курировал деятельность нелегальной резидентуры «Рамзая» в Разведывательном управлении РККА.

«Кротов», «Кот», «Костя» такие псевдонимы носил рядовой сотрудник военной жандармерии, служивший в подразделении, которое вело наблюдение за советским консульством в Хакодате (центральный город Японии на юго-западной оконечности Хоккайдо, самого северного японского острова) и осуществляло его охрану. Японский жандарм посещал консульство и вступал в беседы с его сотрудниками. Основная тема бесед — угроза консульству. Оправданный интерес у советских сотрудников вызывали сведения, относившиеся к экстремистским группам и организациям, существовавшим на острове, и мерам, предпринимаемым японцами по обеспечению безопасности консульства. Через японского жандарма попытались также выяснить, как распределяются функции в охране консульства между жандармерией и полицией. От него удалось узнать структуру и функции охранных органов, а также получить личные характеристики чинов жандармерии. За каждую информацию следовало вознаграждение, и, как представлялось сотрудникам ИНО, деньги делали свое дело. Наконец у жандарма попросили принести для ознакомления сводку по экстремистским организациям, за которыми на острове велось наблюдение. За этот документ плата была повышена. Затем выяснилось, что японский жандарм, кроме функций охраны, должен следить за поведением сотрудников консульства. И от него за вознаграждение была получена сводка по наблюдению за сотрудниками консульства. Сотрудник, владевший японским языком и общавшийся с жандармом — резидент ИНО Полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю Пичугин (псевд. «Аркадий»), судя по всему, не сразу вступил в общение с японским жандармом, но в итоге «завербовал» его. Вскоре жандарма, получившего псевдоним «Кротов», перевели в Токийское жандармское управление. И он был передан на связь токийской резидентуре ИНО ОГПУ[29].

Этот рядовой сотрудник должен был после каждого посещения советского консульства докладывать своему руководству о результатах. Предполагать, что японский жандарм был талантливым актером, ведущим двойную игру со своим руководством, нет оснований. Скорее с его помощью в консульстве выявлялись сотрудники советской разведки, которым при этом внушалась иллюзия, что они контролируют обстановку. После чего японцы, вскрыв все, что их интересовало, «перевели» агента в Токио — для более масштабной игры с советской разведкой.

К этому времени «Кротов» был единственным агентом, или источником, токийской резидентуры ИНО ОГПУ, которую с 1933 г. возглавлял Иван Иванович Шебеко[30], 2-й секретарь Полпредства СССР, работавший под фамилией Журба. На первых порах Шебеко не встречался с источником, и связь с ним поддерживалась через переводчиков посольства Клётного и Радова, не являвшихся сотрудниками ИНО[31], так что говорить о конспирации вообще не приходится. И хотя «Кротов» состоял на связи с резидентурой около года, точного представления о его оперативных возможностях у резидента не было. На запросы Центра о единственном источнике токийской резидентуры

вразумительного ответа не поступало. В ИНО сложилось негативное мнение о работе Шебеко как резидента — никакой инициативы в работе. Как выразился Артузов, «проявлял сонливость»[32].

В начале 1934 года в Токио на должность переводчика Полпредства был направлен Димитрий Косухин под фамилией Косахов, выпускник Института иностранных языков, распределенный в ИНО и отправленный в Полпредство Восточно-Сибирского края набираться опыта контрразведывательной работы. В Иркутске он был прикреплен к Гудзю, с которым работал около года[33].

В мае 1934-го Косухин встретился с белоэмигрантом Андреевым и, видимо, попытался завербовать его. Но тут вмешалась японская полиция, и Косухин был задержан. По ходатайству посольства не имевший дипломатического иммунитета переводчик был освобожден, в Москву о происшедшем была отправлена подробная шифровка, содержание которой было доведено до сведения руководства ОГПУ. В связи с поступившей информацией заместитель председателя ОГПУ Я.С. Агранов распорядился: «Косахову и Журбе немедленно запретите вести в Токио какую бы то ни было агентурную работу, и недели через две отзовите в СССР. Дайте указание нашей резидентуре прекратить сношения с Андреевым»[34]. Артузов был против отзыва своих сотрудников и ослабления состава резидентуры. Он писал Агранову: «Яков Саулович, при запрещении вести агентурную работу — полагаю, что отзывать не следует. При всех условиях нам надо там иметь человека для выполнения наших внутренних заданий (надзор и охрана от провокаций)»[35]. Так Косухин и Шебеко остались в Токио.

Похоже, что резолюция об отзыве Шебеко и претензии к пассивной работе последнего инициировали направление в Токио в качестве резидента ИНО под прикрытием должности 3-го секретаря Гудзя под фамилией Гинзе. Это, правда, не исключает, что в момент провала Косухина Гудзь находился в Токио и все претензии в связи с арестом сотрудника разведки следует адресовать к нему. Кстати, японским Гудзь не владел и встречи с агентурой проводил с переводчиком.

Предполагалось, что после передачи дел Шебеко должен был незамедлительно вернуться в Москву. Однако перед ИНО встал вопрос о временной отсрочке его отъезда, в том числе и для того, чтобы не связывать приезд одного сотрудника с отъездом второго — на случай, если принадлежность Шебеко к разведке стала для японцев очевидной (в таком случае присланный ему на замену человек однозначно являлся разведчиком).

В рекомендациях Центра о работе с «Кротовым» говорилось: «О том, что он является основным агентом Вашей резидентуры, мы говорили во время Вашего пребывания здесь (речь идет об инструктаже, который получил Гудзь накануне командировки в Токио. — *М.А.*). Использовать его в качестве наводчика для новых вербовок запрещаем. Следует нацеливать его на получение именно документальных материалов, т. к. они особенно ценны для нас... Конечно, следует учесть все трудности документальной работы и максимально облегчить К. эту работу путем назначения удобных для него явок, технических средств»[36].

Вот выдержки из ответов на допросе арестованных Шебеко и Калужского, переводчика с японского 7 отдела Главного управления государственной безопасности НКВД, к которому поступал материал от «Кротова».

Калужский: «По сравнению с японской агентурой Сеула «Кротов» был менее эффективен. Однако и он давал систематический и полноценный материал главного жандармского управления по наблюдению за советским посольством и торгпредством. Давал он и обширный материал (документальный) о политико-моральном состоянии армии. Беда заключалась в том, что материала было больше, чем мог осуществляться перевод, и материал отправлялся в Москву без перевода. В Москве же было такое же положение с переводчиками, и документы-сводки ГРУ оставались в массе своей необработанными. Это приводило к тому, что полной всесторонней оценки деятельности „Кротова" не получалось»[37].

Из его показаний следует, что должной оценки поступавшего от «Кротова» материала не проводилось, как не делалось попытки установить, каким образом рядовой сотрудник жандармерии мог получить доступ к передаваемому материалу.

На одном из допросов Шебеко сделал следующее заявление: «Несколько раз беседы с «Кротовым» проводил Гинце (Гудзь), а я был в качестве переводчика. У Гинце была идея — заставить «Кротова» завербовать меня с тем, чтобы этим самым легализовать встречи с «Кротовым», то есть, завербовав меня, он получил бы право свободных встреч со мной. Однако «Кротов» категорически от этого отказался, заявив, что начальство не поверило бы, что он сумел завербовать 2-го секретаря посольства. Он также отказался от „вербовки" какого-либо другого сотрудника помельче в должности»[38].

Подобный заход с трудом поддается осмыслению. Но не Гудзю. Спустя много лет он не отрицал имевшего место факта. Вот мнение Гудзя об этих показаниях, высказанное после ознакомления с протоколом допроса Шебеко: «На личные встречи с «Кротовым» я пошел уже после того, как были тщательно проанализированы все материалы, переданные им нам за полгода. Встречи были контрольными: чтобы получить личное впечатление о «Кротове». Вся эта работа по проверке его надежности как агента велась мною в плане задания начальника ИНО Артузова. Припоминаю, что на эту тему (по поводу вербовки Шебеко) я проводил беседу с «Кротовым», делая такие предложения с тем, чтобы проверить реакцию с его стороны. Реакция „Кротова" показала, что он не был двойником»[39].

Согласно представлениям о конспирации, принятым в ИНО, встречи с агентом проводились следующим образом: «Встречи проводились в вечернее время в малолюдных местах — на пляже, в парках, а иной раз даже в таких заведениях, как общественный туалет, где передача материалов происходила через щель в стенке между кабинками. На случай непредвиденных обстоятельств для встречи с агентом достаточно было послать на его адрес написанную им собственноручно почтовую открытку с приветом от некоего господина «Ямамото» или же можно было позвонить самому «Кротову» на работу и подозвать его. Несмотря на кажущуюся опасность такого звонка иностранца, говорившего по-японски с акцентом, особого недоумения и вопросов со стороны сослуживцев это не вызывало. Довоенный Токио являл собой достаточно пеструю этнографическую картину, в иностранной колонии японские спецслужбы имели немало агентов. Было также предусмотрено, что вместо резидента на встречу с Кротовым мог выйти кто-либо другой. В этом слу-

чае вещественным паролем для них служила половинка разорванного иенового кредитного билета»[40].

Опасность звонка иностранца, говорившего по-японски с акцентом, на службу агенту — унтер-офицеру была отнюдь не кажущейся. Надуманной она могла быть только в случае, если агент был подставой.

«В те годы работать в Японии было очень сложно — любой европеец вызывал подозрение, и их спецслужбы действовали профессионально, — вспоминал Б.И. Гудзь много позднее. — Одним из моих агентов был унтер-офицер главного жандармского управления. Его данные помогли обнаружить японскую агентуру в нашем посольстве. Пригодился и мой опыт контрразведчика. Например, я всегда приходил на встречи со своими агентами, не принося никаких документов. Место встречи назначал источник. Если нужно было передать документы или сверток, это производилось в многолюдных местах — в метро, магазинах, лифтах. Если источник приходил на встречу со свертком, это был знак опасности. Я даже предупредил нашего посла К.К. Юренева, что в случае, если японцы меня схватят и заявят, что при мне были обнаружены какие-либо документы, это провокация».

Гудзь забыл упомянуть, что на встречи с агентом он ходил с переводчиком.

В Москве понимали, что строить агентурную работу в Японии на использовании одного источника нельзя. Гудзем была осуществлена вербовка переводчика полпредства (псевдоним «Простак»). Он достаточно хорошо говорил по-русски, и общаться с ним было легче, чем с «Кротовым». Первичные контакты с «Простаком» и его изучение проводилось Косухиным, который счел, что это перспективный и надежный источник.

Гудзь вспоминал: «Он сообщил, какими сотрудниками интересуется полиция. От нас он не пытался что-либо узнавать, а рекомендации давал нам, например, чтобы вообще закрыть вход японской обслуге на второй этаж посольства, в том числе и для уборщиц. Рекомендовал самим производить уборку всех служебных помещений, не допуская туда японских уборщиков. Рекомендовал строго следить за всеми ремонтными работами, отделаться от некоторых японских служащих из обслуживающего персонала, так как они были ревностными агентами полиции. От всякой оплаты своих услуг он категорически отказался. Словом, все говорило о том, что «Простак» действительно искренне относится к нам, а не является провокатором.

Была установлена с ним постоянная связь, безусловно, полезная. Я считал, что еще далеко не все возможности по использованию этого источника были реализованы. В течение некоторого времени он нам раскрыл полную картину работы полиции по нашему посольству. Сообщил структуру полицейских органов, охарактеризовал чиновников, с которыми ему приходится работать.

Тут открывалась перспектива через «Простака» начать игру. Хотя бы пока изучить некоторых полицейских чиновников на предмет возможной вербовки. Возможно, продумать передачу дезинформации, которая могла бы поднять его "вес" как информатора, а затем и расширила бы его возможности освещать полицейские организации»[41].

На самом деле через «Простака» началась игра с самим Гудзем. Рекомендации, которые давал новый «агент», были очевидны, так же, как очевидно было то, что японский обслуживающий персонал связан с военной жандар-

мерией или полицией. Интересно, что у Гудзя, как и у Центра, почему-то даже не возник вопрос об осведомленности «Простака», переводчика советского посольства, о структуре полицейских органов.

Дальнейшего развития эта связь, по воспоминаниям Гудзя, не получила. После увольнения из посольства «Простак» устроился в исследовательское управление МИД Японии, куда его порекомендовал земляк, бывший посол Японии в Москве. Перспективы сотрудничества с «Простаком», учитывая его новое место работы и связь с видным дипломатом, были отличными. Но Шебеко, после отъезда Гудзя вновь ставший резидентом, не смог этим воспользоваться. «Ценнейший источник был потерян», если допустить, что «Простак» не был подставой или что он сразу же не сообщил в иностранное отделение токко об интересе русских к своей персоне. И то, и другое исключается.

По поручению Гудзя Кондратенко и Косухин разрабатывали знакомство с полицейским чином из иностранного отделения токко, а затем его вербовку. Кондратенко не знал японского языка и был вынужден прибегать к помощи Косухина, который уже арестовывался полицией. Этот источник — «Сук» — стал давать материал о работе своего отделения, в частности, по сводкам наружного наблюдения. «Сук» «работал» до 1938 года, но в связи с его командировкой в Хайлар связь временно прервалась. Весной 1939-го Шебеко был отозван в Москву, и связь с «Суком» не была восстановлена[42].

На допросе 9 июня 1939 г. Шебеко отвечал на вопросы, касавшиеся этого агента: «ВОПРОС. А источник "Сук" давал вам ценные материалы?

ОТВЕТ. Ценных материалов он не давал, если не считать полученные от него в 1938 году материалы из Военно-технического штаба, которым ИНО дало хорошую оценку.

ВОПРОС. Откуда этот полицейский получал такой материал?

ОТВЕТ. Он получил этот материал от своего приятеля Мацусито, который работает переписчиком в Военно-техническом управлении японской армии. "Сук" этот источник подготовил к вербовке для нас с моего согласия.

ВОПРОС. Марусима (так в тексте. — *М.А.*) был завербован?

ОТВЕТ. Нет, не был завербован. Я его лично не видел, но о нем я разговаривал с "Суком".

ВОПРОС. Почему вы его не завербовали?

ОТВЕТ. Потому что я не смог с ним встретиться лично, а "Сук", как он мне говорил, боялся сказать ему прямо, на кого он должен будет работать»[43].

Даже если предположить, что разрабатываемое лицо не было подставой, связь с ним — и это очевидно — легко вскрывалась из-за нарушения требований конспирации.

Гудзь сформулировал основной вывод — «работать в Японии очень трудно, но можно. Есть возможность и для осуществления нелегальной работы. По мнению резидента, успешные вербовки японцев можно было проводить в Калифорнии и в Китае. «В Китае это могут быть военные, жандармы, коммерсанты, журналисты. Эти люди могут делать быструю карьеру при возвращении на родину, так как везут с собой багаж опыта и "веса" в глазах общества. Но проведение таких вербовочных мероприятий выходило за компетенцию деятельности токийской резидентуры»[44].

Б.И. Гудзь, пришедший в разведку из контрразведки, принес свои взгляды на организацию разведывательной работы за рубежом и в течение двух лет пытался претворить их в жизнь.

Через 60 лет, в конце 1990-х, Гудзь утверждал:

«1. Полицейский режим (неотступное наружное наблюдение) в тот период был сравнительно терпимым. Во всяком случае, как правило, систематического наружного наблюдения за мной не было.

2. Общение европейцев на улицах и в общественных местах с японцами бросалось в глаза (европейцев очень мало).

3. Конспиративные передачи материала, исключающие визуальную фиксацию их со стороны, производить возможно.

4. Встречи в ресторанах, закусочных, музеях и других общественных местах, исключающих фиксацию, организовать крайне затруднительно. Рестораны, как правило, связаны с полицией. Наиболее безопасные встречи можно производить в автомашине (подхватить в удобных местах источник-японца в машину)»[45].

Вот как в конце жизни он описывал преимущество внешней разведки по сравнению с военной: «На мой взгляд, преимущество нашей внешней разведки по сравнению с военной разведкой заключалось в том, что наши разведчики, прежде всего контрразведчики, исходили из того, что мы можем отталкиваться в своей вербовочной работе от тех органов противника, которые непосредственно так или иначе соприкасаются с нашими дипломатическими и консульскими учреждениями в порядке их охраны и даже наружного наблюдения, то есть с полицейскими и жандармскими службами противника.

Парадоксально, но факт — в Харбине и Корее (Сеул), в Хоккодате и в Японии, например, нам удалось завязать конспиративные связи с людьми из этих служб. Конечно, это было связано с большими сложностями, но это одна из эффективных возможностей в разведке. Источники из этих органов могут быть не только близки с наблюдением за нашими сотрудниками, но могут проникать в любые, в том числе и военные объекты. Военные разведчики как огня боятся этих служб, а между тем отсутствие подходов к этим объектам обедняет нашу военную разведку»[46].

То, что в Харбине, Сеуле и Хакодате источниками резидентур ИНО были сотрудники полицейских и жандармских органов, не может не вызвать настороженности, поскольку этот факт может свидетельствовать о шаблоне в работе японской контрразведки, который годами отказывалась замечать советская политическая разведка. Парадоксально, что в Центре не возникло вопросов по поводу бесперебойной и долголетней работы «одноплановых» агентов, источников документальной информации, в стране с жестким контрразведывательным режимом. Не заметили шаблона и в объяснениях доступа к документальной информации — в наличии «друзей», выносивших и передававших агенту многостраничные секретные материалы, которые после фотографирования в консульстве либо посольстве и возвращались обратно агенту, а затем — «другу». Так незатейливо, без фантазий продолжалось годами, и ни у кого в Центре не возникали вопросы по поводу одинаковых схем работы в Харбине и Токио.

«Источники в жандармерии имеют почти неограниченные возможности в получении сведений об армии противника, — делился своими воспоминаниями Гудзь. — Этому способствуют служебные возможности, так как военная жандармерия ведет постоянное наблюдение за всеми подразделениями армии. Таким образом, мы через агентуру в жандармерии получаем возмож-

ность иметь представление о дислокации, численности, вооружении, планах, перебросках частей, политико-моральном состоянии личного состава.

Можно привести пример: наша резидентура в Харбине через агента, состоящего на службе в армейской жандармерии, получила следующие сведения:

1. Большой обзор положения в Корее, составленный японским командованием для японского парламента.

2. Материалы штаба о вооружении японской армии в Корее.

3. Сводки генштаба и штаба Квантунской армии об СССР.

4. Доклад о совещании командиров и начальников штабов дивизий»[47].

Взгляды, высказанные Б.И. Гудзем, далеко не бесспорны.

Сомнительным представляется тезис, что «источники в жандармерии имеют почти неограниченные возможности в получении сведений об армии противника» и что «через агента военной контрразведки мы получим возможность вести и военную разведку, так как эти агенты в силу своего служебного положения могут добывать чисто военную информацию».

После почти двухлетней работы резидентом в январе 1936 года Гудзя отозвали в Москву. По его утверждению, это случилось потому, что Шебеко, находясь в отпуске в Москве, написал на него донос начальнику ИНО ГУГБ НКВД А.А. Слуцкому, в котором подверг его критике за «профессиональную некомпетентность». Слуцкий «поверил» доносу и вновь назначил резидентом Шебеко, который пробыл в этой должности до 1939 года. «Новый начальник ИНО Слуцкий даже не захотел получить от меня отчет о работе резидентуры и отправил в отпуск», — рассказал много позже Гудзь.

Осенью 1937-го «Кротов» был переведен в другое подразделение. Значительно расширились агентурные возможности этого источника, и в Москву начал поступать совсем другой материал.

Из материалов допроса Шебеко 6 июня 1939 г.:

«ВОПРОС. Какие ценные материалы были получены от "Кротова"?

ОТВЕТ. До 1937 года ценных материалов «Кротов» не давал. Со второй половины 1937 года "Кротов" добыл ряд ценных материалов по японской армии. В том числе:

1. Организация японской армии мирного времени.

2. Организация японской армии военного времени.

3. Таблица вооружения японской армии.

4. Мобилизационный план японской армии на 1937 год и к нему таблицы.

5. Мобилизационный план японской армии на 1938 год и к нему таблицы.

6. План воздушной обороны Токио.

7. Мобилизационный план японской армии на 1939 год с таблицами.

8. Штатное расписание погранохраны Маньчжурии.

9. Несколько приказов об организации Маньчжурской армии.

Кроме того, им были переданы мне два кода с ключами и инструкциями, один из них принадлежал японскому военному министерству, а второй код — японскому жандармскому управлению. Были переданы мне статистические сборники об исполнении военного бюджета Японии.

ВОПРОС. Откуда "Кротов" мог доставать эти материалы?

ОТВЕТ. Он мне говорил, что берет все материалы, которые касаются японской армии, у своих приятелей, которые имеют общение с этими материалами или хранят их у себя, ведают хранением.

ВОПРОС. Где работают эти приятели "Кротова"?

ОТВЕТ. Он мне говорил, что некоторые из них работают в жандармском управлении, некоторые в Военном министерстве, а некоторые в генштабе японской армии.

ВОПРОС. Кем эти "приятели" работают?

ОТВЕТ. Простыми чиновниками, среди офицерства у «Кротова» приятелей не было.

ВОПРОС. Под каким предлогом "Кротов" получал документы у своих приятелей?

ОТВЕТ. Он их брал под предлогом того, что он якобы готовится держать экзамен на офицерское звание, а они шли ему навстречу и давали эти материалы.

ВОПРОС. Материалы, передаваемые "Кротовым", у вас вызывали сомнения?

ОТВЕТ. У меня вызывало сомнение качество кодов, о которых я писал в сопроводительных письмах в ИНО»[48].

Странно, что сомнение у токийского резидента вызвало только качество кодов, а не многочисленные приятели — в жандармском управлении, военном министерстве и генштабе японской армии, которые «по дружбе» передавали «Кротову» секретные документы. При этом следует допустить не просто халатное, но преступное отношение к хранению секретных документов даже не в одном японском ведомстве, а в трех. Не говоря уже о более чем наивном объяснении, для чего понадобились «Кротову» документы. Мы никогда не узнаем, почему все эти шитые на «живую» нитку легенды японской контрразведки не вызывали и тени сомнения ни у Шебеко, ни у Центра.

На первых порах «Кротов» приносил объемные документальные материалы на встречи с сотрудниками советской резидентуры под прикрытием (в их число входил и «засвеченный» Косухин), которые ему возвращались после пересъемки. И это происходило не один месяц в условиях жесткого контроля за перемещениями советских представителей!

Японская контрразведка, не желая вызвать подозрения у резидента ИНО и Центра, придумала еще более невероятную легенду: «источник» сообщил, что при 3-м отделении Главного жандармского управления для обработки поступающих материалов организована спецфотолаборатория, куда он получил беспрепятственный доступ. «Теперь процедура добычи материалов была поставлена на плановую основу: "Кротов" снимал оглавления документов, из которых выбирались самые интересные для детального ознакомления. Для легендирования своего интереса к спецфотолаборатории агент по рекомендации резидента стал с увлечением осваивать фотодело и на "наградные" приобрел фотоаппарат "Лейка", что еще более повысило оперативность и объем развединформации из Токио»[49].

Более неправдоподобного обстоятельства — «осваивать фотодело» в спецфотолаборатории Главного жандармского управления — придумать невозможно, однако и на этот раз сомнений ни у кого не возникло.

В составленном 29 марта 1939 года Постановлении о заведении следственного дела говорилось, что Шебеко «в период своей работы за границей долгое время находился в тесных дружеских отношениях с ныне разоблаченным врагом народа Юреневым» (полномочный представитель СССР в Японии

в 1933—1937). Обвинялся Шебеко и в том, что, будучи резидентом НКВД в Токио, «вел разведывательную работу, направленную по пути развала и самоликвидации резидентуры», и что основной и почти единственный его агент «Кротов» — «явная японская подставка, через которого Шебеко в течение ряда лет передавал крупные дезинформационные материалы, пытаясь ввести в заблуждение органы НКВД и военное командование СССР». В Постановлении утверждалось, что, как установило следствие, такими материалами являются все присланные Шебеко "мобилизационные планы японской армии"»[50].

Основанием для этих обвинений были показания арестованного в конце 1938 г. Клётного, которые тот дал после того, как из него выбили признание, что он японский шпион. На основании его показаний было возбуждено уголовное дело № 20997 по обвинению Клётного А.Л., Константинова В.М., Ермакова Н.П., Косухина Д.И., Тармосина С.Е., Добисова-Долина М.Е., Калужского Е.М. и Шебеко И.И. (все в прошлом и настоящем сотрудники разведки НКВД)[51] в измене Родине, шпионаже и работе на японскую разведку.

Вот еще несколько выдержек из ответов арестованного переводчика 7 отдела Главного управления государственной безопасности НКВД Калужского по части работы «Кротова»:

«...В первый момент материал характера мобилизационного плана у меня вызвал недоверие. И не только потому, что вообще у японцев нельзя доставать такие секретные материалы, так как при японских порядках такие материалы невозможно было доставать. А главным образом, по двум следующим соображениям:

Первое. Непонятно было, почему источник, который в течение долгого времени работы вяло давал ценные материалы, вдруг получил возможность и желание добывать материал, получение которого связано с большим риском.

Второе. Непонятно было, каким образом можно было в служебной обстановке снимать такие громоздкие материалы на несколько сот страниц со сложными таблицами. Но само содержание материала было настолько интересным, что я при переводе старался тщательно изучить и проверить его. В результате изучения я пришел к выводу, что эти материалы и по содержанию, и по количеству не могут быть фальшивыми. В этом меня еще более убедили случаи перекрытия, которые имелись между этими материалами и сеульскими материалами»[52].

Действительно, получение подобных материалов «связано с большим риском», а в данном случае, как выясняется, эти материалы передавали «по дружбе». Перекрытие сеульских и токийских материалов могло свидетельствовать лишь о том, что они готовились на одной «кухне».

Что касается содержания материала, то в данном случае речь шла о квалифицированной подготовке дезинформационного материала, которая предполагала обязательное наличие в нем части подлинных материалов. Подлинный материал предназначался для того, чтобы скрыть дезинформацию и приводился отрывочно, что не давало возможности делать адекватные выводы из сообщаемой информации.

Часть материалов, полученных от «Кротова», была отправлена на экспертизу в 5-е (бывшее Разведывательное) Управление РККА в августе 1939 года. В Заключении к присланным материалам из 5-го отдела ГУГБ (бывший ИНО) по мобилизации японской армии на 1939 год и приказам о перемещениях и

назначениях отмечалось: «Сопоставив указанные материалы с имеющимися документальными данными 5-го Управления РККА (приказы военного министра о назначении офицерского состава японской армии) можно сделать следующее заключение:

1. Мобплан за 1939 год правильно отображает существование 17 кадровых дивизий и 13 пехотных дивизий второй очереди...

2. Существующие авиационные части и соединения в мобилизационном плане действительно отражены. Не указаны авиационные соединения, дислоцированные в Маньчжурии. В плане они отсутствуют. Есть основание предполагать, что эти авиачасти существуют и развертываются в соответствии с таблицей № 2...

4. Данные об артиллерии РГК и кавалерийских частях совпадают с ранее имевшимися данными...

Выводы: ...2. Отсутствие таблицы № 2 не позволяет сделать правильное заключение о правдивости материала. Есть основание полагать, что наличие таблицы № 2 внесло бы ясность для окончательного заключения о реальности и правдивости данного плана.

3. Считать необходимым материал как отражающий ряд действительных положений по организации и отмобилизованию всей японской армии, передать в 5-е Управление РККА для тщательного изучения и сравнения с другими документальными материалами.

Приказы о перемещениях и назначениях офицеров японской армии при проверке по отдельным назначениям соответствуют действительности.

Считаем, что данные материалы необходимо передать в Оперативное управление Генерального штаба»[53].

Как видим, формулировки обтекаемые и осторожные. Заключение подписали председатель комиссии комбриг Иванов и члены комиссии полковник Шевченко и майор Иванов.

Второе заключение по японским документам, данное аналитиками военной разведки в октябре, было более однозначным и, казалось, отметало все подозрения в дезинформации:

«1. Данные японских документов в сборнике № 14 при сопоставлении с документальными данными, имеющимися в 5-м Управлении, показывают, что данный материал не содержит в себе указаний дезинформационного порядка.

2. По документу № 6, который является приказом о мобилизации японской армии на 1938 год — ввиду отсутствия аналогичных материалов в 5-м Управлении трудно установить его действительность. При ознакомлении с указанным материалом не обнаружено фактов, говорящих о дезинформационном характере настоящих материалов.

3. Данные, указанные в сборнике японских документов № 8, не вызывают сомнения в их достоверности. Материал подтверждается рядом аналогичных документов, находящихся в 5-м Управлении РККА. Документы, изложенные в сборниках материалов №№ 8, 6 и 14, подлежат срочной передаче для детального изучения в 5-е Управление РККА»[54].

Все это говорит лишь о качестве дезинформации, подготовленной японскими специалистами. В приведенном тексте присутствует оценка всего трех сборников японских документов, проходивших под № 6, 8 и 14, и ничего не говорится об остальных документах, проходивших под другими номерами.

Что касается следствия, то для него не составляла загадки «подлинность» получаемых от «Кротова» документов. Из протокола допроса переводчика с японского языка Клётного от 6 сентября 1939 г.: «...Осенью 1937 года от Журбы был получен мобилизационный план японской армии, о чем мне стало известно от Косухина. Я спросил Косухина, является ли этот материал подлинным или дезинформационным. Косухин ответил, что материал является дезинформационным. Он готовился японской разведкой еще в период работы Косухина в Японии, о чем говорил ему Журба. Журба мне сказал, что качество дезинформационных материалов не удовлетворяет японскую разведку и что в настоящее время встал вопрос об организации дезинформации самого серьезного значения, что сейчас японская разведка подготавливает такой материал, как мобилизационный план, и что японская разведка решила эти материалы передавать по линии каналов НКВД и что в этом вопросе я должен ему помочь. Тогда же при встрече с Фусэ (японский разведчик, с которым Клётный встречался в Кобэ и Токио. — *М.А.*) он подтвердил переданные мне сообщения Журбы, сказав, что Япония накануне войны с СССР и что главная задача разведки сводится к тому, чтобы снабдить СССР наиболее важными сведениями о японской армии и организовать так, чтобы эти материалы были оформлены солидно и правдоподобно...»[55].

В данном случае «признание», подсказанное следователем Клётному, впоследствии осужденному за шпионаж в пользу Японии, необходимо поставить под сомнение.

Многолетнее сотрудничество с «Кротовым» было, в конце концов, прервано — не выдержал двойной игры агент-подстава. Прозрение у руководства 5-го отдела ГУГБ НКВД наступило слишком поздно. Была предпринята запоздавшая и неуклюжая попытка оправдаться и «сохранить лицо»: «...Постепенно в работе с "Кротовым" стало происходить что-то непонятное: агент стал нервничать, ссылаться на занятость, изменение условий работы, ужесточение режима секретности, стал требовать большие суммы вознаграждения.

Настораживающие признаки стали проявляться и в его поведении: обычно осторожный и аккуратный, он вдруг стал пренебрегать элементарными мерами безопасности. Дело дошло до того, что по просьбе агента встречи с ним были перенесены в парк Хибия в самом центре Токио, напротив императорского дворца. Рядом находилось Главное жандармское управление, из окон которого можно было наблюдать не только за прогуливавшимися парочками, но и за контактом агента с советским разведчиком...

Настораживающие информации стали происходить и с передаваемой источником информацией — документы по-прежнему были подлинными, сведения представляли несомненный интерес, но агент почему-то забывал фотографировать самые важные страницы мобилизационных планов, снятая им пленка не позволяла рассмотреть расположение на карте новых японских авиационных полков на границе с Советским Союзом, а на следующей встрече следовало не вполне внятное объяснение, что "документы уже ушли наверх"».

Факты стали вызывать серьезные опасения относительно благонадежности источника, и в Центре было принято решение о проведении детального анализа дела «Кротова». Расследование выявило, например, что при известной японской системе ротации государственных служащих он в течение 10

лет проработал на одном месте! Четырежды сменилось начальство, почти ежегодно обновлялся кадровый состав, а «Кротов» продолжал сидеть на том же месте, и через его руки проходил огромный поток секретной информации, и в его власти было регулировать его поступление советской разведке...

До руководства внешней разведки стало доходить, что история с «Кротовым» могла быть оперативной игрой с советской резидентурой. Момент был подходящий: Япония начинала активную подготовку к войне с Советским Союзом, и таким каналом дезинформации, как «Кротов», грешно было не воспользоваться. Как это ни удивительно, связь с ним решено было прервать, а агента на неопределенное время «законсервировать»[56] — вместо того, чтобы прекратить с ним всякое общение.

Показания Клётного касались не только сотрудников разведки НКВД, но и военной разведки, что вызвало цепную реакцию арестов. Из допроса Клётного от 27 марта 1939 г.:

«ВОПРОС. Назовите лиц, с кем вы были связаны по шпионажу?

ОТВЕТ. С Константиновым, Ермаковым, Поздneевой, Язгуром, Тормосиным. Из работников Разведупра я был связан до поездки в Японию с Покладеком и Лейфертом. После приезда из Японии — со Шленским и Сироткиным. По ИНО был связан с Добисовым. Когда он уехал, был связан с Косухиным. Я был связан в Сеуле с Шармановым, Мурзиным, Эсбахом и Кибардиным. В Токио я был связан с Пановым и Журбой. Из японцев был связан с Фурута и Абэ. В Кобе с Фусэ и по Токио с Фусэ»[57].

«Абэ», или «132-й» был ценнейшим источником сеульской, а потом харбинской резидентуры. «С середины 20-х годов "Абэ" было поручено поддерживать официальный контакт с открывшимся генеральным консульством СССР с задачей сбора разведывательной информации под предлогом оказания помощи русским дипломатам в различных бытовых и хозяйственных вопросах, выявлять советских разведчиков»[58]. Такая задача могла быть поставлена только сотруднику военной жандармерии. «"Абэ" стал передавать документы Генерального штаба Японии, штабов Корейской и Квантунской армий, Главного жандармского управления, полиции, генерал-губернаторства Кореи, органов военной разведки и контрразведки. В числе полученных документов была и разработанная в 1927 году … программа японской военной экспансии и борьбы за мировое господство, позднее широко известная миру как "меморандум Танаки"»[59]. Резиденту ИНО Калужскому, руководившему работой «Абэ» в 1930—1932 годах, было известно, что 132-й иногда добывал материалы из штаба Квантунской армии чрез какого-то писаря и что в этой цепочке участвовал брат 132-го[60]. Через некоторое время «132-й» сообщил Калужскому, что его переводят на работу в Харбин.

Перед отъездом «132-й» рекомендовал Калужскому замену — двух японцев, сотрудников Главного жандармского управления «Сая» и «Ли». «Сая» Калужский знал, так как по своей должности тот часто приходил в консульство. Вербовка «Сая» состоялась при содействии «132-го». «132-й» привлек к работе на советскую разведку офицеров штаба Корейской армии «Чона» и «Тура», служащего Корейского генерал-губернаторства «Мака», своего брата «Кима», военнослужащего «Кана», «ставших впоследствии источниками ценной документальной информации»[61]. И ни одного провала! Совершенно невероятный, даже неправдоподобный случай.

«Кротов» был токийским вариантом сеульского «Абэ», за исключением многочисленных результативных «вербовок» последнего.

3 сентября 1940 г. начальник ИНО Фитин в рапорте на имя Берии охарактеризовал «132-го» как «важнейшую фигуру японских разведывательных органов в Маньчжурии», которого подставила японская разведка для «дезинформации наших органов». Фитин считал, что при помощи этого агента японцам удалось проникнуть «почти во все каналы нашей разведывательной работы в Маньчжурии и Японии». А самого «132-го» он обвинял в том, что, «являясь формально «ценнейшим» агентом дальневосточного сектора и „родоначальником" всей японской агентуры», тот «фактически занимался вербовкой шпионов в пользу японской разведки. Так, например, им был завербован бывший резидент ИНО в Сеуле Калужский... сотрудник харбинской резидентуры Новак... Он имел прямое отношение к вербовкам на японскую разведку многих других бывших работников ИНО на Дальнем Востоке»[62].

В рапорте от 26 ноября Фитин вынужден был признать некоторые заслуги «132-го», отметив, что тот «доставил нам ряд не лишенных ценности материалов и даже предупреждал о готовящихся арестах наших агентов, которым благодаря этому удалось заблаговременно выехать из Маньчжурии, доставлял некоторые списки перевербованной китайской агентуры погранотрядов и ОКДВА... не сообщая об этом своему начальству, делая это исключительно из-за материальной заинтересованности»[63].

Допустить, что завербованный агент изначально был подставой (как и последующие завербованные) и давал дезинформационные материалы, Фитин просто не мог.

Перед своим отзывом из Токио и последовавшим за ним арестом в начале 1939 г. резидент НКВД под официальным прикрытием Иван Иванович Шебеко подготовил основательный документ под названием «Система, способы и методы наружного наблюдения японских полицейских органов», в котором, в частности, говорилось:

«... Полицейские и жандармские органы ведут постоянный и систематический обмен материалами по вопросам иностранной разведки и революционного движения. При этом руководящая роль принадлежит жандармерии и если последняя считает в интересах успешности проведения той или иной агентурной разработки необходимым выключить из разработки полицейские органы, она спокойно и решительно отстраняет от разработки полицию.

При внешнем контакте, вызываемом необходимостью координации сил, между полицейскими и жандармскими органами существует глубокая вражда. Жандармы смотрят на полицейских как на существа низшего порядка и относятся к ним с пренебрежением. Это пренебрежениечасто подчеркивалось "Котом" (он же «Кротов». — *М.А.*), когда я заводил с ним разговор о работе полицейских органов, нарочито оттеняя достоинства и способности полицейских. "Кот" всегда выходил из себя и попросту начинал ругать полицейских, говоря, что последние способны лишь ловить карманников, воров и прочую уголовщину, но, отнюдь, не способны справиться с задачами политического сыска и контрразведки, т.к. за спиной жандармерии стоит Генштаб и Военное министерство.

2. Наружное наблюдение за иностранцами, в основном, сосредоточено в руках полицейских органов, вернее, в руках иностранных отделов и секций

этих органов; объясняется это тем, что полицейские органы более многочисленны по своему составу и ближе стоят к населению вообще и иностранцам в частности. Для осуществления задачи наружного /наблюдения/ полицейские органы в своих иностранных отделах и секциях имеют большие штаты полицейских чинов специально для наружного наблюдения тренируемых. Каждый из этих полицейских знает один какой-либо иностранный язык и специализируется на работе по иностранцам данной национальности. Кроме того, в целях систематического учета передвижения иностранцев, выявления их круга знакомств, установления общественных мест ими посещаемых, выявления личных качеств и характерных особенностей каждого из иностранцев, полиция и жандармерия широко пользуется услугами проституток в домах терпимости, гейш, женской прислуги в ресторанах, гостиницах и кабаках (проститутки, гейши и ресторанная, кабачная и остальная прислуга), при поступлении в дом терпимости и другие заведения, подписывают с хозяином контракт, особенно строго это соблюдается в отношении проституток и гейш, в котором имеется специальный пункт, требующий от них обязательно доносить полиции о всем, что они заметят или услышат от посетителей домов терпимости, ресторанов, кабачков и гостиниц. Договор этот скрепляется печатью и подписью специального "чиновника трех профессий" (проститутки, гейши и прислуга злачных мест), имеющегося в каждом полицейском участке; на обязанности этого чиновника лежит учет всех подведомственных ему по своей профессии женщин, наблюдение за порядком в заведениях, осуществление регулярного медицинского осмотра проституток и проч. и, конечно, сбор от них всех сведений о посещениях, в том числе и об иностранцах.

Эту систему наблюдения скорее можно отнести к разряду внутренней агентуры (в отношении японцев), но в отношении иностранцев в данном случае осуществляются функции наружного наблюдения, т.к. проститутки и им подобные иностранных языков не знают и подслушивать разговор иностранцев не в состоянии, да и сами иностранцы в таких местах обычно бывают скромны в своих разговорах и осторожны. Вспомогательную роль по наружному наблюдению осуществляют также проводники вагонов железных дорог, "бои" (прислуга) на пароходах, агенты турист-бюро, проводники, переводчики и проч. публика, связанная с иностранным туризмом в Японии. Эта категория дает полиции очень много, т.к. служащие турист-бюро, как правило, люди развитые, знающие иноязыки и заблаговременно осведомленные о дальнейших передвижениях иностранцев. Наконец, кроме функции внутреннего наблюдения, большую пользу полиции по вопросам внешнего наружного наблюдения за иностранцами, оказывает домашняя прислуга и обслуживающий персонал посольств, консульств, фирм, банков, контор и агентств иностранцев в Японии. Вся домашняя прислуга и весь обслуживающий персонал упомянутых выше учреждений находится на службе у полиции и жандармерии, выполняя функции и наружного, и внутреннего наблюдения. ...

Однако ни одна из иностранных групп в Японии не привлекает такого внимания японских полицейских и жандармских органов, как советская колония в Японии. Даже в период так называемых, "добрососедских" отношений, т.е. с 1925 г. по 1931 г. (захват Маньчжурии), все приезжавшие в Японию, как частные, так и официальные лица, подвергались негласному (а по существу открыто наглому) наружному наблюдению полиции. После захвата Япо-

нией Маньчжурии внимание японской полиции к советским гражданам начало возрастать в геометрической прогрессии и на сегодняшний день никто из сотрудников полпредства, торгпредства, консульств и других советских учреждений в Японии не выйдет в город и тем более немыслим без сопровождения полицейского шпика выезд советских сотрудников в другие города или за город.

Ниже привожу ряд конкретных методов и приемов, как японская полиция осуществляет наружное наблюдение за советскими учреждениями и советскими гражданами в Японии:

1/ Полпредство, помимо того, что у входа в полпредство стоит постоянный полицейский пост их двух полицейских в форме, связанных телефоном с полицейским участком, с февраля 1936 года (после офицерского путча в Токио), напротив здания полпредства через улицу, а ночью прямо у ворот полпредства дежурят 4—6 полицейских машин. В каждой машине два полицейских шпика в штатском и полицейский шофер. Назначение машин — сопровождение выезжающих в город из полпредства, на полпредских машинах сотрудников. При выходе сотрудников пешком из полпредства, если это оперативные работники, секретари, советник или сотрудники военно-морского аппарата, полицейская машина следует рядом с идущими возле тротуара, полицейские шпики выходят из машины и следуют плечо в плечо с сотрудниками полпредства. При этом за последний 1938 год были часты случаи, когда идущая у тротуара полицейская машина, с целью действовать на нервы наших работников, дает непрерывные сигналы, а идущие рядом полицейские толкают сотрудников, заводят оскорбительные для советского гражданина и особенно для женщин разговоры, т.е. всячески вызывают наших сотрудников на провокацию. В случае попытки сотрудников нанять такси, если полицейские шпики сопровождают их без машин, полицейские норовят сесть в нанятое такси, а при протесте наших сотрудников против такого нахальства полицейские приказывают шоферу такси отказать в профессиональной услуге советскому гражданину. При заходе советских граждан в магазин, если это небольшой универсальный магазин, полицейские затевают разговор с хозяином магазина, не дают выбирать товар и пр., т.е. всячески стараясь, что называется, насолить нашему сотруднику и лишить его возможности произвести нужную покупку и, как правило, успевают в этом. При посещении кино или театра, сопровождающие полицейские самым бесцеремонным образом садятся рядом с нашим сотрудником, предварительно "попросив" пересесть на другие места японцев, занимающих стулья рядом с нашими сотрудниками. Все приходящие в Полпредство и Консульство японцы, как-то: поставщики продуктов питания, портные, преподаватели языков, домашняя прислуга, лица, приходящие за визами и по другим деловым вопросам, вообще, все японские граждане, которым, по тем или иным делам, необходимо посетить советское учреждение, останавливаются у ворот полицейскими в форме и шпиками в штатском, допрашиваются, заносятся в записные книжки, а иногда и обыскиваются. Этому подвергаются не только рядовые японцы, а даже крупные фигуры, как председатель Северо-Сахалинской нефтяной концессии адмирал Сакандзи.

Кроме двух полицейских у ворот Полпредства и шести полицейских машин, стоящих напротив усадьбы Полпредства, полицейские посты, негласного уже порядка, имеются в одном из нескольких японских домов, расположен-

ных против Полпредства через улицу, в табачной лавочке против Полпредства и в доме, принадлежащем ЮМЖД, расположенном сзади полпредовского сада. В этих 4 или 5 пунктах находятся полицейские шпики, наблюдающие за внешней жизнью Полпредства. При устройстве в клубе Полпредства вечеров и собраний советской колонии, количество полицейских вокруг Полпредства увеличивается вдвое — это самое малое. За сотрудниками, проживающими в городе, особенно за сотрудниками Военно-морского аппарата, ведется постоянное наблюдение во время нахождения сотрудников на квартирах.

Летом при выезде сотрудников на дачи сопровождающие полицейские шпики чинят всяческое препятствие по найму дач, прибегая при этом к голым угрозам дачевладельцам, что последним придется иметь дело с полицейскими органами, если они сдадут дома советским гражданам. Когда же, после долгих мытарств, сотрудники Полпредства и Торгпредства все же поснимают дачи, полиция устанавливает в местах проживания на дачах наших сотрудников временные посты, с достаточным количеством полицейских шпиков в штатском, которые неотступно следуют по пятам за нашими сотрудниками, сопровождая их на службу и обратно на дачу, а некоторых, из числа ответственных работников, сопровождают даже в море при купании.

Следя за передвижением наших сотрудников, полицейские шпики пытаются чинить препятствия при покупке железнодорожных билетов, особенно плацкарт, на которых необходимо проставлять фамилию владельца плацкарта. При поездке сотрудников из одного города в другой, последние годы выехавшие вынуждены бывают возвращаться в тот же день обратно в Токио. Ибо в городе, куда они приезжают, под воздействием сопровождающих их полицейских шпиков, гостиницы и отели отказывают нашим сотрудникам в комнатах. Причем, как правило, на предварительный телефонный запрос в гостиницу, о наличии свободных комнат получается положительный ответ, но по прибытии в гостиницу в сопровождении полицейского шпика, оказывается, что свободных комнат нет. Так два или три раза вынужден был провести ночи на вокзале наш консул в Хокадате, выезжавший на помощь команде Советского парохода, задержанного японцами в Кусиро, так было с секретарем хокадатского консульства, сопровождавшим в Цуругу команду потерпевшего аварию парохода, так было с инженером Торгпредства, выезжавшим по служебным делам в Осака.

2/ Торгпредство. Слежка за сотрудниками Тогрпредства была все время менее интенсивной, по сравнению с такой за сотрудниками Полпредства. Однако, в последнее время в Торгпредстве осталось 4 сотрудника, и слежка за ними ведется так же как и за сотрудниками Полпредства.

Внимание, проявленное полицией к японским коммерсантам, посещающим Торгпредство, настолько сильно, что многие перестали посещать Торгпредство. Для коммерческих переговоров в Торгпредство приходят сейчас лишь представители фирм, безапелляционно выполняющие все требования полиции по линии наблюдения за работой Торгпредства.

3/ Контора корреспондента "ТАСС" и контора "Интуриста".

В обеих конторах по одному советскому сотруднику. В "ТАСС" имеется два переводчика — один японец и один русский, принявшие японское гражданство, в "Интуристе" один служащий японец. Особое внимание обращается на представителя "ТАСС". Как за представителем советской прессы, за ним неотступно, по пятам, ходит полицейский шпик, сопровождая при всех случаях

его из дома. В отношении корреспондента шпики проявляют особую назойливость, пытаясь влезть в нанимаемые им такси, сопровождая его в лифтах, при его поездках в МИД и, вообще, всюду.

4/ Советские консульства в Японии.

Обстановка в консульствах за 1938 год стала настолько тяжелой, слежка полиции настолько плотной, что по директиве НКИД консульство в Хокадате свернуло осенью 1938 года свою работу и сотрудники переехали в Токио. В Сеуле безобразия полиции настолько, было, усилились, что только путем угрозы закрыть там консульство и потребовать от японцев закрытия одного из консульств в СССР, удалось несколько ослабить созданную полицией вокруг консульства блокаду. К числу полицейских методов отравления жизни сотрудникам советских консульств относятся: бесцеремонное влезание полицейских шпиков в такси, нанимаемые сотрудниками, въезд в этом такси вместе с сотрудниками во двор консульства; при вызове такси по телефону из гаража, таковое можно получить лишь в том случае, если консульство дает согласие, что в такси поедет и сопровождающий шпик. Прямое и косвенное вмешательство полиции при найме консульствами прислуги и обслуживающего персонала из числа японцев, благодаря чему японская прислуга боится идти на работу к нашим гражданам.

При поездках консулов и сотрудников консульств в Токио или другие города, они терпят еще больше неудобств и лишений, создаваемых полицией, нежели сотрудники Полпредства. Так, при сопровождении консулом в Хокадате команды потерпевшего аварию советского парохода из Кусиро до Хакодате, ему было запрещено ехать вместе с командой или разговаривать с ней, хотя команда формально не была арестована, а когда консул пытался войти в каюту этой команды после посадки ее на пароход в Хокадате, то он силой, за руки, был вытащен полицией из каюты.

Подводя итоги всему вышеизложенному, в части наружного наблюдения полицейских органонов за советскими учреждениями и гражданами, проживающими в Японии, надо сказать, что наружное наблюдение японской полиции, никогда не отличавшееся особой "культурностью", за последние три года перешло в совершенно наглое вмешательство почти во всю жизнь наших учреждений и, особенно, в повседневную жизнь наших работников. Сейчас уже ни один из полицейских шпиков не старается скрывать своего назначения, а самым наглым образом старается отравить жизнь советским работникам».

Данный документ свидетельствует о следующем: во-первых, наряду с дезинформацией, агенты «Кот» и «Сук» вынуждены были давать и подлинную информацию. Во-вторых, в ходе многолетнего общения и привыкания к Шебеко они выходили в своих сообщениях, возможно сами того не замечая, за рамки дозволенного, а также давали личностную оценку передаваемой информации. И, в-третьих, составив целостную картину организации наблюдения за советскими учреждениями в Японии, резидент НКВД не проецировал ее на свою работу с источниками, чего не делали также и в Центре.

Документ был передан в Разведывательное управление. Предполагалось, что с ним будут ознакомлены как руководители японского отделения, так и резидент военной разведки под прикрытием должности военного атташе при Полпредстве СССР в Японии И.В. Гущенко[64], под руководством которого осуществлялась организация связи с нелегальной резидентурой «Рамзая».

Развитие событий показывает, что даже, если с этим документом в Москве и Токио ознакомились, соответствующих выводов из этого никто не сделал.

Как раз в 1939 году, когда в Разведупр поступила из НКВД справка «Система, способы и методы наружного наблюдения японских полицейских органов», предупреждавшая о жестком контроле за советскими сотрудниками со стороны полицейских и жандармских органов, была установлена связь нелегальной резидентуры с советскими разведчиками под прикрытием. Организуя такую связь с нелегальной резидентурой Рихарда Зорге, Центр должен был отдавать себе отчет в том, что риск провала многократно возрастал, а сам провал резидентуры «Рамзая» становился неизбежным.

В 1934 г. тучи сгустились над головой опытного разведчика В.В. Смагина, бывшего помощника военного атташе в Японии (1926—1930). В ОГПУ не забыли о сообщении-доносе Примакова, и, очевидно, за ним было установлено негласное наблюдение.

17 февраля 1934 года первый зам председателя ОГПУ Ягода направил Сталину письмо, в котором докладывал, что спецотдел, руководимый Г. Бокием, перехватил и расшифровал телеграмму от 13 февраля, направленную японским военным атташе в Москве полковником Кавабэ в адрес японского генштаба. Ягода обращал внимание Сталина на фразу: «Это предположение основывается на моих беседах с начальником отдела внешних сношений Смагиным, с которым я непосредственно связан по служебной линии». Смагин в то время занимал должность начальника отдела внешних сношений наркомата и имел официальные контакты со всеми иностранными военными атташе, аккредитованными в Москве. Ничего предосудительного в таких контактах не было и быть не могло. Да и сам текст телеграммы, приведенный Ягодой, выглядел безобидно[65].

Ягода сообщал также Сталину: «Нами точно установлено, что Смагин в январе 1934 года, пользуясь своими личными служебными возможностями, взял у рядового сотрудника 4-го Управления на дом на три дня 57 карточек секретного агентурного материала о Японии и 29 карточек по Китаю, что к его текущим служебным обязанностям не имеет никакого отношения»[66]. Судя по всему, факт имел место, однако карточки секретными не являлись, в противном случае это было грубейшим нарушением секретного делопроизводства и требовало срочной служебной проверки с соответствующими выводами. Симпатии, проявляемые Смагиным по отношению к представителям аппарата японского военного атташе и к полковнику Кавабэ, на которые ссылается Ягода, говорят в пользу Смагина, вся служба в РККА которого была связана с Дальним Востоком и Японией.

Ягода же настаивал на отстранении Смагина от занимаемой должности и проверке его поведения «в отношении японцев»[67]. Если бы предложение Ягоды было принято, судьба Смагина была бы решена. Но в начале 1934-го убедить Сталина в виновности человека одной докладной запиской было еще очень трудно. На первой странице этого документа рукой Сталина написано: «Переговорить с Ворошиловым». Надо сказать, что Ворошилову удалось тогда отстоять своего сотрудника.

По состоянию на 1934 год в Японии и Корее под официальным прикрытием работали:

— Асков Аркадий Борисович, первый секретарь Полпредства СССР в Токио с 1933 г., резидент под псевдонимом «Аякс»;

— Абрамов Георгий Александрович[68], вице-консул Полпредства СССР в Токио с 1932 г. под псевдонимом «Мак»;

— Осиновский Николай Алексеевич, сотрудник Полпредства СССР в Токио с 1931 г. под псевдонимом «Водяной»;

— Аулицем Петр Петрович[69], генеральный консул в Генеральном консульстве СССР в Кобе с 1934 г., резидент под псевдонимом «Макс»;

— Шленский Павел Дмитриевич[70], помощник военного атташе при Полпредстве СССР в Токио с 1933 г., под псевдонимом «Артур»;

— Швер Михаил Карпович, секретарь Генерального консульства СССР в Сеуле (Корея) с 1933 г., резидент под псевдонимом «Ольгин».

Не исключено, что существенное сокращение числа военных разведчиков на «крышевых» должностях в Токио стало результатом деятельности нового руководителя в Разведупре или следствием сведений «о работе японской жандармерии по раскрытию советского шпионажа в Японии», полученных «от нашего агента» по линии ИНО ОГПУ.

Глава 3

1933–1935 годы. МОСКВА, ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, ТОКИО

3.1. «Я буду стараться делать всё наилучшим образом, однако делать больше, чем я могу, я не в состоянии. Многое зависит от счастья и благоприятных условий»

(*из письма Зорге в Центр от 30 июля 1933 г.*)

Прибыв в Москву в декабре 1932 года, Рихард Зорге явился с докладом к начальнику IV Управления Штаба РККА Я.К. Берзину и его заместителю, начальнику 2-го (агентурного) отдела Б.Н. Мельникову, которые его «радушно приняли». В «Тюремных записках» «Рамзай» вспоминал, что оба были удовлетворены работой, проделанной им в Китае[1]. «Время от времени меня вызывали, чтобы обговорить некоторые вопросы, но чаще Берзин или его заместитель приезжали ко мне в гостиницу или же приглашали меня к себе домой»[2].

Ведущее место в подготовке Зорге к работе в Японии принадлежало Борису Николаевичу Мельникову, прекрасно знавшему Дальний Восток — Японию, Китай и Монголию.

Борис Мельников родился 21.12.1895 (02.01.1896) в г. Селенгинск Забайкальской области, ныне Республика Бурятия. Русский. Из казаков. В 1915 г. окончил Верхнеудинское реальное училище. В этом же году поступил на первый курс Петроградского политехнического института на кораблестроительное отделение. Но через год (в декабре 1916 г.) был призван на военную службу и отправлен на учебу в Михайловское артиллерийское училище, которое и окончил в 1917 году. Прапорщик. Февральскую революцию встретил в Петрограде. Младший офицер Сибирского артиллерийского дивизиона в Иркутске (июль — ноябрь 1917 г.). Избран членом Иркутского Совета солдатских и рабочих депутатов. В ноябре назначен Советом начальником городского гарнизона, командуя которым, участвовал в революционных событиях декабря 1917; секретарь Иркутского ревкома. За руководство восьмидневными боями за Иркутск — «за исключительную храбрость мужество и умелое руководство боевыми действиями» — был награжден орденом Красного Знамени (21.02.1933 г.; представление к награждению подписали Постышев, Блюхер и Берзин).

В январе 1918 г. демобилизовался в звании подпоручика и уехал в Троицко-Савск, где избран председателем уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов (январь — июль 1918 г.).

С июля 1918 года воевал в рядах Красной Армии против восставшего чехословацкого корпуса, был старшим адъютантом Сибирского верховного Красного Командования (июль — сентябрь 1918 г.). В сентябре во время отступления попал вместе с братом Владимиром и десятью другими партизанами в плен к японцам, вывезен в Зею, затем в Хабаровск, где и пребывал до освобождения из плена в декабре, после чего нелегально эмигрировал в Китай.

Пробыв недолго в Чифу и Циндао, он отправился в Ханькоу к своему дяде Дмитрию Михайловичу Мельникову, управляющему торгового дома «Литвинов и К». Был снова арестован, теперь уже белыми, и отправлен в областную тюрьму Владивостока, где находился с апреля 1919 по 31.01.1920 года. После возвращения из заключения в начале 1920-го был командирован на Амур, член Военного Совета Временного правительства Приморской земской управы, член Приморского областного бюро РКП(б). Работал под фамилией Брагин.

Во время японского выступления 4-5 апреля 1920 года в числе 60 человек был арестован японцами. Вместе с Мельниковым были арестованы также укрывавшиеся под чужими фамилиями члены Военного Совета Лазо, Луцкий и секретарь обкома Сибирцев, впоследствии казнённые. Мельников 11 апреля 1920 г. был освобождён. Назначен комиссаром штаба Амурского фронта (июль — декабрь 1920), комиссаром 2-й Амурской армии и членом Реввоенсовета Восточного фронта. На должностях комиссаров имел непосредственное отношение к разведке. Затем последовательно занимал должности члена РВС 2-й Амурской армии Дальневосточной Республики (21.12.1920 — 30.7.1921гг.), военкома Амурской стрелковой дивизии (8 — 9.1921 г.), командующего войсками Приамурского военного округа (21.9 — 18.12.1921 г.), члена РВС Восточного фронта ДВР (18.12.1921г. — 2.5.1922 г.). Председатель Приморского областного бюро РКП(б).

Откомандирован в Читу, а затем назначен заместителем начальника Разведупра Сибири С.Г. Вележева (март — май 1922 г.).

Летом 1922-го его вызывают в Москву в Разведупр Республики. Центральному аппарату военной разведки нужны были люди с боевым опытом, знающие языки (английским он владел свободно), обстановку в зарубежных странах и имевшие представление о разведывательной работе.

Начальник 4-го (восточного) отделения 2-го (агентурного) отдела (июнь — ноябрь 1922 г.), 2-го отделения Агентурной части (ноябрь 1922 г. — май 1923 г.) Разведывательного управления Штаба РККА — Разведывательного отдела Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА.

В распоряжении РУ штаба РККА (июнь 1923 г. — июнь 1924 г.), «на секретной работе» в Китае: резидент Разведупра в Харбине под прикрытием должности секретаря консульства.

Весной 1924-го Мельниковым заинтересовались в Наркоминделе. Подыскивалась кандидатура заведующего отделом Дальнего Востока. Наркоминдел Г.В. Чичерин обратился к Я.К. Берзину с просьбой охарактеризовать Б.Н. Мельникова. Новый начальник Разведупра дал отличную характеристику своему сотруднику: «... В разведке специально по Дальнему Востоку работает с 1920 года. Лично побывал в Японии, Китае и Монголии. Изучил и знает во всех отношениях как Китай, так и Японию. Весьма развитый и разбирающийся в сложной обстановке работник, не увлекающийся и не зарывающийся. Политически выдержан. Большая работоспособность и инициатива»[3]. Но при этом он добавлял: «Затруднение с его откомандированием в Ваше распоряжение только в том, что на Востоке нам некем его заменить...». Началась многомесячная тяжба двух ведомств, в которую вмешались сотрудники Учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б). Пришлось Берзину давать разъяснения: «Разведупр настолько беден людьми, что не может выделить для других учреждений людей, если этого не требуют интересы республики».

Однако, «интересы республики» требовали откомандирования Мельникова в народный комиссариат по иностранным делам. И Берзин согласился, полагая при этом, что переход будет временным.

Несколько месяцев дипломатической работы Мельникова прошли, и в сентябре 1924-го Берзин потребовал вернуть обратно своего сотрудника. Но дипломаты уже считали его своим и расставаться с новым способным работником не желали. 8 сентября Чичерин был вынужден обратиться к секретарю ЦК Л.М. Кагановичу: «Разведупр покушается на отнятие у нас заведующего отделом Дальнего Востока т. Мельникова. Я не только самым решительным образом против этого протестую, но рассчитываю на Ваше содействие и убедительно прошу Вас помочь в этом деле»[4]. Тем временем Берзин убедил своего куратора И. С. Уншлихта обратиться в Учетно-распределительный отдел ЦК. В письме от 18 сентября Берзин так объяснял необходимость отзыва Мельникова из Наркоминдела: «Разведупру, в силу объективных условий, необходимо срочно заменить ряд ответственных работников на западе, для чего требуются люди с военной подготовкой, знанием языков и солидным опытом разведработы. Таковых работников в резерве Разведупра не имеется, не может их выделить и армия»[5].

История с Мельниковым закончилась компромиссом. В течение двух лет, с 1924-го по 1926-й, он совмещал дипломатическую работу с разведывательной, но с 1926 года ему пришлось заниматься только дипломатической работой — заведовать отделом Дальнего Востока, состоя членом Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). С 1928-го по 1931-й Мельников служил генеральным консулом в Харбине, одновременно являясь членом правления КВЖД; в июне—августе 1931 года — поверенным в делах Полпредства СССР в Японии.

Но Берзин не терял надежды вернуть Мельникова обратно в Разведупр, и в начале 1932-го ему это удалось. Мельников[6] вернулся в Разведывательное управление зрелым квалифицированным работником, обогащенным опытом дипломатической работы на высоких должностях как в Центре, так и за рубежом и глубокими знаниями проблем Дальнего Востока. В Управление пришел человек, способный успешно руководить агентурной работой и курировать дальневосточное направление деятельности военной разведки.

Итак, именно Б.Н. Мельникову принадлежало ведущее место в подготовке Зорге к работе в Японии. К решению организационных вопросов создания нелегальной резидентуры в Токио привлекался и Василий Васильевич Давыдов[7].

«План [организации нелегальной резидентуры] состоял в том, — писал Зорге в «Тюремных записках», — чтобы поручить мне детально разобраться с обстановкой в Японии, непосредственно на месте тщательно изучить возможности разведывательных операций, затем при необходимости кратковременно вернуться в Москву и после этого окончательно решить вопрос о моей будущей деятельности. В московском центре считали работу в Японии чрезвычайно сложной, но важной, и потому рассматривали такой подготовительный этап как абсолютно необходимый»[8].

«Радек из ЦК партии с согласия Берзина подключился к моей подготовке. При этом в ЦК я встретился с моим старым приятелем Алексом. Радек, Алекс и я в течение длительного времени обсуждали общие политические и экономические проблемы Японии и Восточной Азии. Радек проявлял глубокий

интерес к моей поездке. Я только что вернулся из Китая, и он рассматривал меня как специалиста по вопросам китайской политики, поэтому наши встречи были полезными и интересными. Ни Радек, ни Алекс не навязывали мне своих указаний, они только излагали свои соображения. Я смог встретиться с двумя сотрудниками Наркоминдела, которые бывали в Токио, и услышал от них много подробностей об этом городе. Однако я не знаю ни их фамилий, ни того, чем они занимаются. Наши разговоры ограничились обменом самой общей информацией. Кроме того, я с разрешения Берзина встречался со своими старыми друзьями — Пятницким, Мануильским и Куусиненом. Они узнали от Берзина об обстоятельствах моей работы в Китае и испытывали чувство большой гордости за своего "питомца". Наши с ними разговоры также касались только общей политической ситуации, и мы общались просто как частные лица, как друзья»[9].

«План организации резидентуры в Токио (1933 г.), определяющий цели создания и общие задачи резидентуры, излагающий предварительную схему ее организации и перечень намечаемых оргмероприятий, — не был зафиксирован каким-либо специальным документом. Лишь сопоставление отдельных архивных документов — заметок, оргписем, резолюций, и т. п. — дает возможность воссоздать в общих чертах картину предварительного планирования и последующего развития схемы организации резидентуры и проследить практическую реализацию намеченных мероприятий»[10].

Центр поддержал предложение Зорге привлечь шанхайскую резидентуру к развертыванию токийской резидентуры за счет китайских агентов. Была у Зорге и кандидатура — старый проверенный сотрудник «Эрнст» (№ 3, по классификации «Рамзая» и № 101 — «Абрама»). В отношении «Эрнста» «у нас имеется наметка послать его на острова, — сообщал Центр в письме от 23 марта 1933 г. — По имеющимся у нас сведениям, он знает язык островитян, может хорошо там акклиматизироваться и работать. Если он подойдет, то надо начать его готовить, пусть изучает язык, страну, агентурную обстановку, устанавливает необходимые связи и т.д. О времени выезда мы вам сообщим. До этого времени его необходимо поддерживать материально. Ваши соображения в отношении его отправки на острова ждем телеграфно». «Эрнст» для Японии не подойдет, отреагировали в Шанхае на соображения Центра, «так как он не знает японского языка». Римм решил не расставаться с ценным агентом, о котором Зорге писал: «Эрнст» «... является смелым товарищем, способным и верным. Его английский язык не очень хорош, но не будет трудностей беседовать с ним. Он немного беззаботен. Японским он владеет очень хорошо. Его социальный уровень очень высок, деловой человек с 10 летним пребыванием в Шанхае, он из семьи с высокой репутацией, имеет много родственников и друзей в окружении Чан Кайши...».

Спустя месяц, в 20-х числах апреля, Центр вновь вернулся к этому вопросу, запросив, можно ли использовать кого-то из сотрудников «Рамзая». «Вопрос личных отношений должен быть учтен. Необходим обязательно туземец, знающий язык Островитян».

В течение первого года Центр явно не рассчитывал на развертывание активной и широкой деятельности от нелегальной резидентуры и резидента. Первоочередные задачи носили именно организационный характер, то есть предусматривалось создать костяк резидентуры, легализоваться в стране и наладить связь с Центром. К моменту отъезда «Рамзая» в Германию — 15 мая

1933 г. — ориентировочный состав резидентуры выглядел так: Рихард Зорге, радист Бруно Виндт («Бернгардт»)[11], Бранко Вукелич («Жиголо»), Ольга Бенарио («Ольга»), Одзаки Ходзуми («Отто») и, возможно, китаец из Шанхая. Следует предположить, что нью-йоркской резидентуре была поставлена задача подыскать японца (не исключено, что речь шла о японском коммунисте) для отправления его на родину с последующим включением в состав резидентуры Зорге. За три с лишним месяца — от момента отъезда из Москвы к моменту прибытия Зорге в Японию — предполагаемый состав ядра резидентуры изменился: отпала одна из планируемых кандидатур, появилась и отпала еще одна кандидатура, и, наконец, появилась новая кандидатура.

Бруно Карлович Виндт родился в Германии. Получив специальность радиотехника и рентгенотехника, после службы в германском военном флоте работал в Германии в различных фирмах в качестве электротехника, радиста и радиотехника. Вступив в ряды компартии Германии, в начале 1932 года на идейной основе был привлечен резидентом-вербовщиком Центра и в марте прибыл в Советский Союз.

«Бернгардт» должен был под своей фамилией легализоваться в Японии в качестве немца-коммерсанта, получив в Германии полномочия от германских коммерческих фирм для организации экспортно-импортного предприятия.

Под псевдонимом «Ольга» работала Ольга Бенарио (известная также как Гутман-Бенарио; по мужу Престес; в СССР: Ольга Львовна Синек; псевд. Эва Крюгер, Мария Бергнер Вилар и др.). Родилась 12.02.1908 в г. Мюнхен, Германия.

Происходила из семьи богатого немецкого юриста социал-демократической ориентации и еврейского происхождения Лео Бенарио, имевшего в Мюнхене собственную адвокатскую контору. Ольга была вторым ребёнком в семье. Читая акты судебных процессов, в которых в качестве защитника участвовал её отец, очень рано приобщилась к социалистическим и коммунистическим политическим настроениям времён Веймарской республики. В 1923 году вступила в коммунистический союз молодежи Германии. Исследователи её биографии отмечают рано сформировавшийся сильный характер, идеалистические наклонности и решительность Ольги. В 15-летнем возрасте она уже занимала ведущие позиции в коммунистическом союзе молодёжи Германии. Баварская полиция оценивала её как «коммунистического агитатора». В 1925 г. становится членом КП Германии.

В 1926 году Ольга покидает родительский дом в Мюнхене и перебирается в Берлин, где активно работает в коммунистической партии и становится одним из лидеров коммунистической молодежи берлинского района Нойкёльн. К этому периоду относится ее работа машинисткой в советском торгпредстве в Берлине. Она знакомится с коммунистическим активистом с опытом подпольной боевой работы Отто Брауном и становится его гражданской женой. В октябре 1926 г. полиция арестовала их обоих по обвинению в "подготовке государственной измены" (нем. «Vorbereitung des Hochverrats»), им инкриминировался шпионаж в пользу СССР; их поместили в тюрьму Моабит. Благодаря стараниям отца-адвоката Ольга была выпущена на свободу. Браун оставался в тюрьме, его ожидал судебный процесс.

В анкете, заполненной в Москве 23 мая 1932 г. при поступлении на работу в IV-е управление штаба РККА, Бенарио напишет об этом периоде:

«1924 — была арестована за агитационную работу.

1926 — за «государственную измену», сидела 3 месяца, а после освобождения одного тов. из тюрьмы удрала.

1923-25 (2 г. в Мюнхене, нелегальная работа среди фашистов, 1 г. зав. Полит. Просветом Мюнхенского горкома КСМ).

25-27 (2 г. в Берлине, нелег. раб. в парт. контрразведке, в то же время в КСМ: Зав. орготдела райкома в Ней-Кельн, секрет. ячейки и т.д.).

27 (1 г. отв. секрет райкома Ней- Кельн).

28 (½ г. зав. АПО (агитационно-пропагандистский отдел. — Прим. авт.) Берлинского окружного комитета КСМ и член секретариата)».

11 апреля 1928 года он и ещё несколько политзаключённых были выкрадены из зала суда членами КПГ, в том числе при участии Ольги Бенарио.

Полиция безуспешно искала Ольгу и Отто по всему городу, в то время как они тайно перебрались в Чехословакию, а затем в Москву. Там Бенарио поступила в Международную ленинскую школу Коминтерна. После завершения учёбы она работала членом Исполкома Коммунистического интернационала молодёжи. В 1931 г. Отто Браун и Ольга Бенарио расстались.

«28-32 (4г. работник КИМа, инструктор и т.д.)

до 1928 г. — в Германии (см. выше).

1930-31 — в Англии — инструктор КИМа.

1931 — во Франции — инструктор КИМа.

Знаком ли с разведкой или контрразведкой практически и теоретически? — Мало.

Кто из ответствен. парт. раб. Вас знает и может рекомендовать? — Отто Браун, Маркин, Фирин». (Из анкеты, заполненной Бенарио в мае 1932 г.)

Последняя должность, занимаемая ею в Коммунистическом интернационале молодежи — заместитель заведующего Романского секретариата.

Бенарио дает согласие на сотрудничество с военной разведкой и с лета 1932 г. считается состоящей в распоряжении IV-го Управления Штаба РККА. Формально это выглядит следующим образом:

«Распред[илительный] отдел Центрального Комитета ВКП(б) направляет Бенарио О п/б № 1531903

Распоряжение Штаба РККА

Для работы стенографом

Срок прибытия к месту назначения 2/VIII-32г.».

Первоначально предполагалось использовать Бенарио на работе во Франции. На соответствующий запрос из IV-го Управления из Исполкома Коминтерна поступил следующий ответ:

«Ввиду возможных планов использования т. Ольги Бенарио на работе во Франции, сообщаю Вам некоторые данные, указывающие на нежелательность такого использования.

1. Тов. Бенарио была с декабря 1930 г. по август 1931 г. в качестве инструктора КИМа во Франции и как таковая известна многим людям, теперь находящимся вне рядов партии.

2. 1-го августа 1931 г. она была арестована и выслана из Франции, причем ее снимки в нескольких позах появились в самых распространенных газетах, как-то «Пти Паризьен», «Пти Журналь», «Матэн Журналь» и т.п.

3. В одном из фильмов, демонстрировавшихся во Франции (и, очевидно, не только во Франции) Б. видна как член Президиума последнего конгресса КИМ.

4. Во время своего пребывания во Франции, Б. была женой французского комсомольца РИШУ, ныне члена партии, человека весьма неясного, который в ближайшее время будет привлечен к партответственности за использование на личные цели 15 тыс. франков партийных денег.

Краевский».

Резолюция Берзина от 19 июля 1932 г. была очевидна: «Нельзя использовать». Резолюция касалась возможности использования Ольги во Франции, но не за ее пределами.

15 мая Рихард Зорге через Европу и Америку направился в Японию. Об этом свидетельствует следующий документ: «К делу. Токио. Нелегальная резидентура. Поехал 15 через Евр[опу]. Денежные расчеты у Иванова (А.И. Иванов — начальник 4-й (финансовой) части. — *М.А.*). Маршрут, явки у Давыдова, связи тоже. Связь на Шанх[ай] дана с разрешения т. Давыдова на Войта. Смета ему утверждена в 1000 амов на содержание аппарата. Дана явка Жиголо и связь с ним. В Берлине он пробудет около 1 ½ мес[яца]. Надо ему послать адрес Озаки по получении его от Пауля (обещал шифром).

См[отри]. подр[обности]. в зап. книжке. 17/V».

Пометка на одном из основных документов — «см. подр. в зап. книжке» — весьма характерна и говорит о том, что детали плана частично фиксировались в записной книжке работника Центра и оставались известными лишь ее владельцу. Такая система, возможно, и обеспечивала большую конспиративность, но зато не могла не создавать в дальнейшем затруднения и неясности для последующих работников — преемников владельца записной книжки, терявших ориентировку в руководстве резидентурой. Особенно это затрудняло работу при многократной смене руководства Центра в период с 1936-го по 1941 год.

В Европе «Рамзаю» была дана связь к резидентам Центра «Борису», «Джиму», «Пени» и «Оскару», которые должны были содействовать в обеспечении легализации его и радиста Бернгардта, а также в поддержании связи между ним и Центром. 1 июня 1933 г. Зорге зарегистрировался в Берлине по адресу своей матери и через некоторое время получил новый заграничный паспорт.

Зорге пробыл в Западной Европе, в основном в Германии, больше двух месяцев, обеспечивая себе журналистскую «крышу». Встречался он и с женой Кристиной, и не однажды, оформив расторжение брака. Паспорт жены он переслал в Центр — для изготовления по его образцу паспорта для «Ольги» — Ольги Бенарио.

Для друзей Зорге остался «старым коммунистическим идеалистом». «Он по-прежнему желал освободить мир от капиталистического империализма и милитаризма и хотел сделать так, чтобы войны в будущем были невозможны. Все трудности, нехватки, недостатки и ошибки Советского Союза были лишь прискорбным явлением переходного периода»[12].

Тем временем нашелся «туземец, знающий язык островитян». 29-го мая 1933 г. Римм докладывал в Москву: «Фамилия и адрес кит[айского] студента в Токио: К.С. Лику. … Фамилия Лику — японское произношение кит. знаков … Рамзай его не знает. Мы отсюда можем написать студенту, что через неко-

торое время его посетит господин Смит Х., но это ненадежно и недостаточно для установления связи. Можно послать нашего парня в Японию или вызвать студента сюда для установления явки и пароля. Срочите ответ. № 183. Пауль».

Однако уже спустя два месяца выяснилось, что китайского студента использовать нельзя: «Москва, тов. Берзину... Предупредите Рамзая, что Лику имел связь с кит[айскими] студентами, высланными из Японии по подозрению в ком[мунистической] пропаганде. Самого Лику, якобы, не подозревают в участии в революционной деятельности. Полагаю, что последнего можно с крайней осторожностью использовать для зацепки взамен его другого кит. студента. № 220 Пауль». Резолюция Берзина на документе гласила: «Надо Рамзая как-нибудь предупредить».

3 июня из Москвы отправляется шифрованная телеграмма берлинскому нелегальному резиденту «Оскару» (Оскар Стигга):

«ОСКАРУ

Передайте Рамзаю:

1 Адрес Жиголо: B(?)ASCO VUCOVICH THE BUNGA APARTAMENTS OCHANOMIZU HONGO TOKYO…».

19 июня в Берлин поступили очередные указания:

«ОСКАРУ

Передайте Рамзаю:

1. Адрес Озаки:

H. OZAKI, DEUTCH SECTION OF FOREIGN OF THE "OSAKA OSAHI" OSAKA CITY.

Ехать через Кобе, а оттуда час езды до Осака. Зайти к Озаки нужно открыто и официально по делам газеты. Вызывать его куда-либо на свидание нельзя.

2. Имейте в виду, что бывший секретарь Агнессы ФЕНГ изменил. По словам Агнессы, он знает Вашу фамилию, так как однажды отвозил к Вам от нее пакет.

19 июня 1933 г.

«K. Hosokawa, c/o Ohara Social Research Institute, Reijincao
Tonnoji *

* Это почтовый адрес Озаки, но сейчас им пользоваться опасно, так как накануне отъезда Агнессы была получена телеграмма, условная, что там что-то случилось. До выяснения, что именно случилось, адрес Рамзаю сообщать почтой не стоит. Подпись».

19 июня в Берлин поступили очередные указания: «ОСКАРУ. Передайте Рамзаю: ...2. Имейте в виду, что бывший секретарь Агнессы ФЕНГ изменил. По словам Агнессы, он знает Вашу фамилию, так как однажды отвозил к Вам от нее пакет».

В июне 1933 г. произошло событие, имевшее прямое отношение к одной «из лучших связей» «Рамзая» Агнес Смедли (в середине мая она выехала с почтой шанхайской резидентуры в Москву через Владивосток), и которое могло послужить причиной очередного провала в Китае. Это событие имело опосредованное отношение к Зорге.

«В начале июня бывший секретарь Агнессы Фен перебежал к фашистам / синеблузникам/, предал свою жену и своего друга — пролет[арского] писате-

ля. Судьба последних двух неизвестна», — докладывал 13-го июня 1933 года Римм. — Сам Фэн болтает все о своем прошлом и знакомствах». Он знает Чэня (№112), «Эрнста» (№3), «Марианну» (№801) и «Руди» (№14). «Нанкинской полиции известно, что Агнеса выехала в Центр №199 Пауль».

«II отд. Значит, Агнесса уже негодна для Востока. Не провалил он также и Рамзая? Нужно спросить Агнессу». — Распорядился 14 июня Берзин.

19 июня Агнес Смедли, которая находилась в Москве, представила развернутую записку о своих отношениях с «бывшим секретарем Фэн Минъю [Feng Ming-yu], который теперь стал фашистом и предал свою жену, известную писательницу Тин Лин и своего друга левого писателя Фэн Цзифэна». По словам Смедли, Фэн Минъю знал многих людей «из нашего отдела» в Шанхае еще до того, как произошла встреча Агнес с Рихардом Зорге, и она и ряд китайских товарищей начали сотрудничать с советской военной разведкой.

«Я уже ряд месяцев работала с Зорге и поехала с ним в Кантон (май 1930 г. — *М.А.*), — писала Смедли. — ...Моя работа была такой тяжелой благодаря присоединению к ней работы с Зорге, что я посоветовалась с ним относительно приглашения секретаря, в частности, о Фэне. Он согласился на то, чтобы я его взяла, и он стал моим секретарем. Однажды Зорге попросил собрать для него все сведения, имеющиеся в печати относительно взятия Чанша Красной Армией и послать ему. Он сказал, чтобы я завернула материал в оберточный материал какой-либо книжной фирмы, напечатала бы его имя и адрес и послала ему в его бординг-хаус. Он попросил меня послать материал с моим секретарем. Я колебалась и спросила, хорошо ли так сделать. Он сказал, что да, раз все пакеты приблизительно так выглядят. Я сделала, как он сказал, и дала пакет Фэну, который его доставил. Когда он увидел упаковку книжной фирмы, то посмотрел на меня, но ничего не сказал. В конце месяца, когда он передал мне счет в израсходовании денег, которые я ему выдала на расходы, я увидела, что в счете стояло: "Проездная плата к д-ру Р. Зорге"».

В сентябре 1931 г. Смедли освободила Фэна от работы, так как за ее домом «наблюдали китайские и русские белогвардейские сыщики». Она использовала его в последующем, тайно встречаясь с ним ради информации, которую он по ее поручению собирал. «Эта информация никогда не имела военного характера» и относилась только к ее журналистской деятельности, утверждала Смедли. Фэн знал и Ф. Ровер, корреспондента ТАСС, в бытность его секретарем Агнес, «он доставлял Роверу» то, что она «находила нужным».

«Я не знаю, помнит ли он имя Зорге, — писала Смедли. — Он был таким способным, что, может быть, и помнит. Но он никогда, кроме одного раза, не видел Зорге, когда тот проходил по дороге возле моего дома, как раз, когда [Зорге] вышел из моего дома. Зорге увидел его и потом рассказал мне об этом. Но Фэн никогда ни слова не сказал об этом или о чем-либо подобном, что он видел или слышал. Я склонна думать, что с течением времени он совершенно забыл имя Зорге...»

Никаких выводов из этой ситуации сделано не было.

Значимое место в последующей деятельности Зорге в Японии занимает его поездка в Мюнхен для встречи с основателем и издателем журнала «Geopolitik» (позднее переименован в «Zaitschrift fur Geopolitik» — «Цайтшрифт фюр Геополитик») Карлом Хаусхофером.

Хаусхофер происходил из профессорской семьи, более двадцати лет прослужил в германской армии, занимал должность германского военного

атташе в Японии и Маньчжурии. Здесь он познакомился с семьей японского императора и высшей аристократией. Вернувшись из Японии, Хаусхофер заболел, был переведен в резерв и отправился лечиться в Швейцарию, где использовал вынужденный досуг для научной работы. В годы Первой мировой Хаусхофер вернулся из запаса и в чине генерал-майора командовал артиллерийской бригадой, после войны вышел в отставку и стал профессором Мюнхенского университета, защитив докторскую диссертацию на тему «Основные направления географического развития Японской империи. 1854—1919».

Карл Хаусхофер считается основателем немецкой школы классической геополитики. Он сыграл большую роль в формировании континентальной теории геополитики, составной частью которой стала концепция континентального блока, которая была подсказана ему классиком английской геополитики Х. Макиндером. Последний еще в 1904 г. заявил об угрозе британским интересам, которую мог представлять для Великобритании союз таких крупных континентальных государств, как Россия и Германия. И он же констатировал, что Россия и Германия потерпели поражение в войне, потому что находились по разные стороны баррикад. Идея континентального блока была сформулирована Хаусхофером уже в его первой монографии «Дай Нихон. Об армии, обороноспособности, позиции на мировой арене и будущем Великой Японии», изданной в 1913 г. Концепция стратегического союза между Германией, Россией и Японией, на первый взгляд, носила парадоксальный характер — слишком много было различий между ними. Но, по мнению Хаусхофера, было одно важное обстоятельство, объединявшее эти страны: совпадение стратегических интересов, обусловленное географической близостью и принадлежностью к континентальному типу цивилизации (в том числе и Японии, несмотря на ее островное положение). Великобритания и США, по убеждению К. Хаусхофера, проводили по отношению к своим континентальным соперникам «политику анаконды», то есть постоянного удушения. Подобная политика требовала адекватной реакции сухопутных держав. Ее успех, считал Хаусхофер, зависел от их способности объединиться в континентальный блок и выступить единым фронтом[13].

О его истинном отношении к Советскому Союзу свидетельствует содержание письма, отправленного Рудольфу Гессу через полтора месяца после подписания пакта Молотова—Риббентропа: «Ради геополитических интересов, которые и им (русским. — *М.А.*) тоже открыли суть спасительной континентальной политики Старого Света, можно им простить былое, хотя игра с чертом требует предусмотрительности. Наши желтые друзья тоже учатся у нас... вместе с чертом охотиться на пиратов»[14].

В нацистской Германии геополитика Хаусхофера стала необычайно модной и обрела мистическое звучание, а сам Хаусхофер пользовался репутацией «человека, стоящего за Гитлером». Фюрер использовал теоретические аспекты геополитики в качестве рационалистического объяснения нацистской экспансии. Он заимствовал у Хаусхофера его любимое выражение: «Пространство как фактор силы». Хаусхофер был не только учителем, но и другом второго человека в рейхе — Рудольфа Гесса.

Решиться на такую встречу было непросто. Дело было и в разнице в возрасте — двадцать шесть лет, и в социальном положении — известный ученый, в прошлом генерал-майор, человек, принадлежавший к нацистской эли-

те Германии, близкий друг Рудольфа Гесса. Зорге ознакомился с публикациями Хаусхофера, обратив внимание на то, что профессор в своем журнале выступает за создание военного союза между Германией, Японией и Италией. Со своей стороны, Зорге рассчитывал на интерес профессора к его обширным знаниям проблем Китая. Неудивительно, что предложение Зорге писать статьи для журнала по проблемам Японии и Китая, находясь в командировке на Дальнем Востоке, нашло понимание и поддержку Хаусхофера. О результатах переговоров доктора Зорге с профессором Хаусхофером в 1933 году Курт Фовинкелъ, ставший впоследствии главным редактором журнала, сообщил следующее: «... Мне известно лишь, что Зорге сообщил профессору Хаусхоферу о своей предстоящей длительной командировке в Японию и выразил готовность присылать оттуда статьи для "Цайтшрифт фюр геополитик". Поскольку Хаусхофер по-прежнему ощущал себя прочно связанным с Японией, и поскольку мы придавали большое значение работе специалистов на месте событий, он с радостью принял это предложение...

Я полагаю, что Зорге говорил на эту тему с профессором Хаусхофером в Мюнхене. Вероятно, они обсуждали и круг тем, вызывавших у нас заинтересованность в таком сотрудничестве... Лично я видел Зорге до его отъезда всего один раз... Мы рассматривали Зорге прежде всего как корреспондента в Японии, обладающего специальными знаниями в области экономики...»[15].

Из найденных рукописей статей Зорге для журналов «Цайтшрифт фюр геополитик» и «Дойчер фольксвирт», а также из справок, полученных от бывших ответственных редакторов данных органов прессы, следует, что эти статьи почти не подвергались редакционной обработке. Так, бывший главный редактор «Цайтшрифт фюр геополитик» Курт Фовинкель писал: «Время от времени Зорге присылал рукописи профессору Хаусхоферу в Мюнхен; оттуда я затем раз в месяц получал все материалы для очередного номера.... Хаусхофер никогда не правил рукописи, я изредка лишь слегка подправлял стиль»[16].

Уже по первым статьям Рихарда Зорге, вскоре появившимся в «Цайтшрифт фюр геополитик», можно судить о том, какие темы обсуждались в ходе его переговоров с профессором Хаусхофером. Статьи назывались «Преобразования в Маньчжоу-Го» и «Японские вооруженные силы (Их положение. Их роль в политике Японии. Военно-географические следствия)»[17]. За шесть лет (1933—1939) Зорге опубликовал в «Цайтшрифт фюр геополитик» восемь больших статей в одиннадцати номерах, включая специальный выпуск к 70-летнему юбилею Хаусхофера[18].

Карл Хаусхофер, как явствует из заголовков статей, согласился с предложенными Зорге направлениями его будущей журналистской работы, что позволяло ему, ссылаясь на Хаусхофера, заниматься едва ли не в открытую сбором материалов по военной проблематике. Более того, Зорге получил от Хаусхофера рекомендательные письма к бывшему вице-министру иностранных дел, японскому послу в США Дэбути Кацудзо, которого ранее Хаусхофер знал, как директора отдела стран Азии в МИД Японии, и германскому послу в Токио доктору юриспруденции Эрнсту-Артуру Форечу.

Подобные результаты ошеломляющи. В этом сказался талант Рихарда Зорге, который сочетал в себе умение устанавливать контакт с нужным человеком, располагать к себе собеседника и добиваться намеченной цели.

Знакомство с Хаусхофером явилось связующим звеном для развития отношений с подполковником Ойгеном Оттом, с которым Зорге еще предстояло встретиться. Отт должен был прибыть в Японию в июне 1933 года. И никто лучше Хаусхофера не мог дать ему необходимый минимум сведений о Японии и о японской армии.Знакомство Зорге с Хаусхофером и поручение последнего готовить статьи для журнала «Цайтшрифт фюр геополитик» давало «Рамзаю» основание вести дискуссии с Оттом по военным проблемам, не опасаясь вызвать у последнего подозрения[19]. К тому же Зорге запасся рекомендательным письмом доктора Зеллера. При посещении газеты «Тэглише Рундшау» в Берлине и разговоре с ее главным редактором доктором Зеллером между ними возникло чувство товарищества, так как оба сражались на фронте, сидели в траншеях. В ходе разговора Зеллер упомянул об офицере, с которым он служил и который был его другом. Речь шла как раз об Ойгене Отте, который недавно выехал в Японию в японский артиллерийский полк в городе Нагоя. Зеллер написал записку Отту, в которой описал Зорге как человека, «полностью заслуживающего доверия как в политическом, так и в человеческом плане[20]. Рассказывая об этом эпизоде следователям девять лет спустя, Зорге заметил: «В то время немцы за границей с подозрением относились друг к другу. И потому, если мне нужно было, чтобы Отт доверял мне, письмо, подобное зеллеровскому, было просто необходимо»[21].

Такое рекомендательное письмо стоило многого, хотя об этом Зорге еще не подозревал. Очередной раз он продемонстрировал не только способность устанавливать дружеские отношения, но и вызывать безусловное доверие.

3 июня берлинский нелегальный резидент Стигга обратился с просьбой в Центр «получить рекомендательное письмо для Рамзая от Фриды Рубиной к ее брату Ихоку, профессору Сорбонны, на предъявителя в Париже, и отправить это письмо ближайшей почтой». Очевидно, инициатива написания письма принадлежала Зорге. Фрида Рубина работала в агитпропе ЦК МОПР, и рекомендательное письмо от нее было отправлено 19 июня, хотя особой необходимости в рекомендации ее брата не было.

Вернувшись в Берлин из Парижа, Зорге подвел промежуточные итоги своей легализации. 3 июля 1933 г. он писал в Центр:

«Дорогие друзья!

К сожалению, моя поездка в Париж [не] привела к значительным результатам только потому, что наш тамошний приятель отсутствовал, несмотря на Ваши и наши отсюда старания в том направлении, чтобы он в определенный день находился в П. Однако, во время моего пребывания в П. я оставил ему точные указания, чего я хочу и как он должен мне помочь, так что теперь надо надеяться, что если я через два дня окончательно уеду из Германии, мы получим желаемые результаты. Независимо от него, я нашел в П. некоторые зацепки для Швейцарии, которые все же не особенно значительны. Зато в теперешний мой приезд в Берлин я имел большой успех. Я имею две крепкие связи с очень важными германскими газетами. Одна из них совершенно официально закреплена письменными заявлениями и формулировками. Другая газета заключила со мной, как это обычно ведется, джентльменское соглашение, на основании которого я, не имея особых официальных удостоверений

от этой газеты, могу в любом учреждении ссылаться на нее и заключенное соглашение. Конечно, в особенности в учреждениях той страны, где я буду работать. Это означает, что в этой стране особенно важно, что на своих визитных карточках я смогу называться также сотрудником этой важной газеты. Кроме этого сотрудничества в ежедневных газетах, я получил еще корреспондентство в некоторых ежемесячных журналах, что также должно иметь немалое значение. После того, как в первую очередь, я устроил свои паспортные дела наилучшим образом, т.е. собственными силами и без расходов /это дело стоило мне 3 марки/, теперь и в деле легализации также сделан значительный шаг вперед. Вероятно, за ним последуют теперь другие, т.к. я получил рекомендацию в новое германское министерство пропаганды. Если я только получу еще что-нибудь серьезное в Швейцарии или Голландии, то тогда я буду хорошо подкован. И тогда на первое время останется только опасность, что смогут что-нибудь узнать о моей работе в Китае. А, кроме того, я считаю себя хорошо забронированным.

Жаль, что все это взяло гораздо больше времени, чем мы предусматривали. Но, подчеркиваю, что моей вины в этом абсолютно не было. Я должен был здесь ждать Бернгардта, который наконец приехал, теперь я должен ждать нашего друга Р. в Париже, т.к. после успехов в Германии он мне совершенно необходим.

Отсюда вытекает, главным образом, в связи с падением доллара, что сумма, ассигнованная на нашу поездку будет недостаточна, и я должен использовать немного из денег, ассигнованных на первые месяцы работы в стране моего назначения».

Нет никаких указаний на то, от кого именно он получил рекомендацию в «новое германское министерство пропаганды»: использовал ли какие-либо свои прежние связи или же в этом ему помогли лица, к которым он, в свою очередь, имел рекомендацию от Гельмута Войдта и Бернштейна. Из дальнейшей переписки «Рамзая» можно заключить, что от использования этой рекомендации в Министерство пропаганды он воздержался.

В своем письме Зорге не обошел вниманием и «вопрос об Ольге», который был неразрывно связан с «вопросом о Кристине»: «По вопросу об Ольге. Хотя мои позиции газетного корреспондента постоянно улучшаются, я считаю, что, к сожалению, ей все-таки лучше ехать в качестве моей жены, чем в качестве секретарши. Но и это положение /секретарши/ тоже не целиком исключается. Однако она должна обращать на себя внимание в качестве моей секретарши. Чтобы ехать как моя жена, имеется сапог, принадлежащий моей прежней жене, с которой я и официально разведен, чтобы иметь возможность использовать этот сапог. Он будет Вам прислан и должен послужить основанием для изготовления другого сапога, по точным указаниям и точной договоренности с Ольгой. Оригинал должен быть затем непременно и в самом срочном порядке послан обратно и возвращен настоящему владельцу его. Если это не будет в точности выполнено, то все будет испорчено, вся комбинация погибнет, помимо других важных опасных моментов. Кроме того, считаю совершенно необходимым услать отсюда мою прежнюю жену. Она вполне согласна и предлагает уехать в одну страну. Но переезд должен быть ей оплачен, а это будет стоить 600—700 марок. Все же мы считаем эту комбинацию необходимой, чтобы в случае каких-нибудь запросов не иметь

сейчас же неприятностей в работе. Кроме того, для Ольги нужно изготовить брачное свидетельство, точно также по указаниям здешнего сапожника. Когда Ольга поедет, она получит от меня временный в стране нашей работы, или, если она поедет очень поздно, точный адрес от наших шанхайских деловых друзей. Она должна сделать следующее: во-первых, должна привезти с собой еще денег на нашу работу; во-вторых, привести маленький фотоаппарат, т.к. до сих пор он еще сюда не прибыл; в-третьих, в Шанхае, где она все равно должна пробыть с кораблем 24 часа, устроить почтовую связь и хорошую явку. Китайская виза, образцом которой Вам послужит виза на последнем сапоге, должна быть перенесена на сапог Ольги. Теперь я определенно рассчитываю не позднее 1 сентября прибыть на место назначения. Примерно к тому времени прибудет и Бернгардт. Точное время, когда я буду в Америке, я сообщу Вам из Парижа. Тогда прошу срочно уведомить наших друзей в Америке, чтобы я не должен был опять ожидать. Ибо в Америке я имею право лишь на очень кратковременное пребывание, и я должен непременно соблюсти это. Прошу это учесть.

Борис расскажет Вам обо всем лично, т.к. он хорошо знает эти вопросы. Считаю, что, несмотря на много затраченного времени, мы все должны быть довольны теперешними результатами создания базы для моей работы.

Всем мой сердечный привет. Рамзай».

В Германии Зорге встречался и с радистом «Бернгардтом» (Бруно Вендтом), выехавшим из Москвы в середине мая, который с помощью нелегальных представителей Центра («Джим», «Борис») решал вопросы своей легализации.

«Бернгардта, — писал Зорге все в том же письме, — я теперь должен оставить одного, т.к. уезжаю. Ему дана связь с Джимом[22], чтобы, на всякий случай, иметь связь к Вам. Если в его подготовке возникнут какие-либо особые моменты, прошу ему помочь. Я оставил ему достаточно денег по теперешнему курсу доллара. Но если доллар в дальнейшем будет так же падать, то и он очутится в затруднении. Нужно непременно позаботиться о том, чтобы в этом случае он получил через Джима еще на поездку, в особенности потому, что его легализация в качестве коммерсанта тоже может стоить кое-что. Т.к. 2.000 дол., полученные мной на первые месяцы работы, теперь тоже изрядно сократились, Ольга должна непременно приехать в Я. с новыми деньгами не позже 1 октября, либо же кто-нибудь должен приехать из Шанхая и выручить меня деньгами. Дело с долларом выглядит совершенно безнадежно. Прошу иметь в виду этот важный вопрос».

В этом же письме Зорге напомнил о женщине, которую оставил в Москве: «Прошу помочь мне в следующем личном деле: с этих пор я буду иногда посылать официальной почтой письма А.К. Максимовой. Это мои личные письма женщине, с которой я жил у Вас дома, которую считаю своей женой. Она — работница на заводе термометров Молотова. Ее адрес надо узнать у Вилли Шталя или у Ольги. Очень прошу эти редкие письма передавать по назначению. Я говорил об этом также с Борисом, который обещал, что вы сделаете мне это личное одолжение. Еще раз сердечный привет. Рамзай».

Отправил Зорге и частное письмо Ольге Бенарио, которое «осело» в архиве:

«Милая Ольга!

Итак, все, что я мог сделать — сделано...

К сожалению, я не получил ни от Вилли, ни от Тебя адреса моей приятельницы. Это свинство с Вашей стороны... Итак, постарайся скорей приехать, хорошенько запомни шифр, т.к. я, кажется, уже забыл часть и перепутал.

Сердечный привет, Рамзай».

В июне 1933 г. Бронину все-таки удалось увидеться с Зорге. Встретились они в открытом берлинском кафе на окраине, в послеобеденный час, когда посетителей бывает очень мало.

«Начну с внешности Рамзая, — вспоминал Бронин. — Выше среднего роста, статный, широкоплечий, он был весьма представительным мужчиной. Высокий лоб, острый взгляд пытливых глаз; морщины — отпечаток умственной работы, переживаний и раздумий; характерное выражение смелости и волевой решительности. Это интересное, значительное лицо быстро не забывалось. Достаточно было хоть раз в него вглядеться, чтобы определить, что это человек, твердо уверенный в себе, закаленный большим опытом жизненной борьбы. По выражению лица могло казаться, что Рамзай несколько высокомерен, но в действительности этого не было. По отзывам тех, кто с ним сталкивался еще в Москве, он был хорошим товарищем, с которым легко устанавливались дружеские отношения.

Такой внешний облик мало подходил бы разведчику, который старается не привлекать внимания окружающих и незамеченным растворяться в толпе, но при планах Рамзая занять в Токио видное положение в обществе, внушительная внешность только помогала. Кажущееся высокомерие как нельзя лучше подходило к его будущему амплуа нациста... Многие его японские коллеги по печати видели в нем типичного высокомерного нациста и избегали его».

Зорге дал Бронину общую характеристику связей шанхайской резидентуры и обрисовал обстановку в Китае. Говорил очень уверенно, с той твердостью суждений о вопросах агентурной работы, которая вырабатывается только в результате большого опыта.

Итог своего пребывания в Западной Европе после посещения Швейцарии и Голландии Зорге подвел в конце июля в письме, переданном в Центр через одного из нелегальных резидентов: «30.7.33. Перевод с немецкого. Сов. секретно. Письмо Рамзая для деревни. Дорогие друзья. Наконец мои дела продвинулись настолько, что я смогу покинуть Европу. К сожалению, я не смогу сказать, что мной достигнуто все то, что было намечено. Но, тем не менее, дальнейшее пребывание здесь в ожидании дальнейших поручений является бессмысленным. Швейцария не оправдала наших надежд. Голландия оказалась лучшей. Здесь я получил, по крайней мере, такие связи, которые, в случае усиленной работы с моей стороны для этих газет, в будущем могут привести к серьезным соглашениям. Но все же я вообще боюсь, что эта работа для всех тех связей, которые я имею, сожрет меня... Мою должность журналиста я должен исполнять во что бы то ни стало. Это очень тяжело — тут нужна перестановка и, кроме того, ежедневная затрата времени. На этом основании мне нужен в самое ближайшее время помощник. Если не О., то кто-либо другой.

Мое длительное пребывание частично является и вашей виной, так как были неувязки. Кроме того, дела пошли гораздо более медленными темпа-

ми, чем мы об этом говорили дома. Кроме того, по этой же причине было упущено одно хорошее и серьезное дело, так как газета не могла быть выпущена в течение 3 месяцев. Это было моим серьезнейшим базисом. Итак, я должен был подыскивать замену. Лишь частично мне это удавалось. И те хорошие связи, которые я должен был получить для своего окончательного и постоянного местопребывания потеряли часть своей ценности. Их значение зависит в значительной степени от моих успехов. Итак, частично хорошо, частично плохо. Но все же нужно делать попытки. Этим околачиванием я уже сыт по горло.

2. Весьма серьезным вопросом являются финансы, как для фирмы, так и для меня лично. Вы должны позаботиться, чтобы Бернх. взял что-нибудь с собой для фирмы, или чтобы Шанх. обязательно оказывал помощь, или, наконец, чтобы лицо, которое будет послано мне в помощь, очевидно, О., также привезло бы запас. Точно так же вами должен быть организован источник, из которого я смогу черпать свое содержание. Я не смог ничего подходящего подыскать, в особенности после того, как единственная связь в Швейцарии, которую я должен был получить, оказалась отрезанной. /Один господин должен был разыскать меня в гостинице; Борис знает об этом подробно/.

Для организации этого дела я могу лишь предложить следующее: я имею право, поскольку я не являюсь беженцем, получать ежемесячно посылаемые мне 200 марок. И если вы в Берлине имеете честного и хорошего парня, то он мог бы высылать мне регулярно эти 200 марок. Повторяю, он должен быть надежным человеком, так как ему придется иметь дело с финансовыми учреждениями, чтобы выхлопотать это разрешение. Дальнейшие 400 или 500 марок, или их равноценность, могли бы быть высылаемы мне через одного старого друга Паулины. Этот человек, который с нами абсолютно не связан, является весьма честным и порядочным человеком. Я рекомендую Вам этого человека вообще. С течением времени из него можно сделать полезного для нас работника, несмотря на то, что он обладает очень мягким характером и является типичным бывшим состоятельным человеком. Я сам уже проделал с ним хороший опыт. Он мне очень помог в деле установления новых связей. Это единственный человек, по-моему, который мог бы взяться за это дело. К тому же он имеет возможность посылать мне гульдены, что весьма благоприятно отразится на моих связях, которые я здесь принял. Мне совершенно невыгодно получать французскую и швейцарскую валюту, так как я по характеру своей должности с этими странами совершенно не связан. Лучше всего получать марки и гульдены».

Зорге вновь возвращается к вопросу о легализации радиста Бруно Виндта («Бернгардта») и организации связи: «3. Я очень беспокоюсь о Бернх. В начале июля я должен был его оставить. С согласия Бориса я передал его Джиму для оказания ему дальнейшей помощи и поддержки. Ввиду того, что я больше не должен был оставаться в Берлине, по различным причинам, о которых Борису известно, я не имел возможности продолжать заботиться о Бернх. В случае, если он почему-либо не сможет придерживаться условленных со мной сроков, касательно времени своего прибытия, вы должны меня об этом известить через Шанхай. С Шанх. поддерживается известная связь. Во всяком случае она может быть легко восстановлена при помощи писем через Д-ра В (Гельмута Войдта. — *М.А.*). ...».

Летом 1933 года Зорге поднимает вопрос о направлении к нему радиста Йозефа Вейнгарта («Зеппеля»)[24], с которым он работал в Шанхае: «5. Подумайте, пожалуйста, о Зеппеле и его позднейшем использовании у меня. При этом обратите внимание на его переезд и, в особенности, переезд его жены, ибо тут в случае чего может легко возникнуть какая-нибудь неприятность. Здесь нужно обязательно принимать во внимание индивидуальные качества. Позаботьтесь также хорошенько о А.С. (Агнес Смедли. — *М.А.*), ибо это тоже трудная личность, которая, однако, может принести много пользы».

Зорге просил рассмотреть вопрос «о позднейшем использовании» в Токио Йозефа Вейнгарта, который, по его словам, принадлежал к лучшим радистам не только в смысле безупречной передачи, но и организации «мастерских». Завершил свое длинное послание в «деревню» Зорге следующими словами:

«Итак, это все. Я буду стараться делать все наилучшим образом, однако делать больше, чем могу, я не в состоянии. Многое зависит от счастья и благоприятных условий. Пока я не могу ничего сказать, кроме как маломальские предпосылки имеются. Это все, что я могу сказать. Вас же я прошу не забывать про нас там и оказывать нам поддержку.

Крепко жму вам руки, Рамзай».

В конце июля — начале августа Зорге отплыл из Франции по маршруту Шербур — Нью-Йорк. 27 августа Гурвичу было с большим опозданием отправлено из Центра письмо с указаниями для «Бернгардта» и «Рамзая»:

«Дорогой Джим!

1. Передайте Бернгарду /на словах/ следующее:

1/ Ваш хозяин уже выехал и находится в пути на остров. Особенно задерживаться Вам тоже не имеет смысла. Быстрее заканчивайте дела и отправляйтесь к Вашему хозяину. Перед отъездом на о[строва] напишите подробно, как Вы устроились с Вашими коммерческими делами, от каких фирм получили представительства.

2/ Передайте Рамзаю следующее:

а/ Шанхайский друг нашего работника Озака арестован. Поэтому Рамзаю с Озаки нельзя ни в коем случае связываться. Дополнительные сведения об арестованном получите у шанхайских друзей.

б/ Ольга к Рамзаю не поедет. На место ее в качестве помощника мы намечаем другую работницу, по своим качествам лучше Ольги. Она приедет к Рамзаю не раньше трех месяцев. Поэтому комбинация с паспортом жены отпадает. Паспорт жене возвращаем без использования.

в/ Почтовая связь с нами и от нас, исключительно, через Шанхайских друзей. Если вам не удастся установить прямую радиосвязь с нами, радиосвязь будет также через шанхайских друзей.

г/ Деньги будем пересылать тоже через шанхайских друзей, кроме того, отдельные переводы на небольшие суммы будем производить способом, указанным Рамзаем. Переводы начнут поступать с 1 ноября, на адрес, указанный Рамзаем Паулине.

д/ Все просьбы Рамзая личного порядка нами выполнены.

1. Если Вам понадобится денежная помощь, обратитесь к Джиму.

3. Шанхайским друзьям переведен трехмесячный запас для Рамзая. При проезде захватите эти деньги у шанхайских друзей для Рамзая.

II. Если Бернгард будет нуждаться в деньгах, без нашей санкции не выдавайте. Его отъезд надо ускорить. После отъезда сообщите его паспортную фамилию».

О причине решения не посылать «Ольгу» в Японию можно только догадываться. Кандидатура Бенарио была предложена самим Зорге. Возможно, еще до принятия решения о направлении Ольги Бенарио вместе с Зорге в Японию (или параллельно с ним) был запущен процесс оформления ее обучения в Военно-воздушной академии РККА им. Н.Е. Жуковского для последующего использования по линии Разведывательного Управления, в том числе с изменением фамилии. И в последний момент от решения направить Бенарио в Японию отказались.

«Тов. Алиеву
31 декабря 5 [1934]

Тов. Бенарио Ольге была изменена фамилия на Синек по следующей причине: тов. Бенарио участвовала в организации побега Брауна из Моабитской тюрьмы и разыскивается германской полицией.

Поскольку мы готовили ее для нашей работы, отпускать ее на учебу в Военно-воздушную академию под фамилией Бенарио считали невозможным.

Обмен партийного билета т. Бенарио на Синек производился Окружной Партийной Комиссией МВО.

Начальник Разведупра РККА Берзин».

Однако планам Разведупра в отношении Бенарио не удалось осуществиться, и в конце 1934 г. (партийные взносы были заплачены по октябрь включительно) она была направлена в Бразилию в качестве помощницы лидера бразильских коммунистов Луиса Карлоса Престеса для организации социалистической революции. Харизматичный армейский капитан левых взглядов по прозвищу «Рыцарь надежды» Престес еще с 1920-х годов был широко известен в Бразилии. Престес и Бенарио выехали из СССР с фальшивыми паспортами под видом португальской супружеской пары — сначала морем до Нью-Йорка, а затем самолетом из Майами в Бразилию. Они прибыли в Рио-де-Жанейро в последней декаде апреля 1935 года. После поражения вооруженных восстаний Ольга была арестована вместе с Престесом 5 марта 1936 г. бразильской полицией и 23 сентября выдана властям Германии, где была помещена в женскую тюрьму. Здесь 27 ноября 1936 года у нее родилась дочь Анита Леокадия Престес, которую спасла от нацистов мать Луиса Карлоса, Леокадия Престес, вывезя ребенка сначала в Мексику, где семья Престес находилась в эмиграции, а затем, после падения диктатуры Варгаса, в Бразилию. Законным поводом для передачи ребенка родственникам Престеса послужило признание Аниты Леокадии сидящим в бразильской тюрьме капитаном Престесом своей дочерью.

Ольга Бенарио-Престес в 1938—1939 годах находилась в концлагере Лихтенбург. В 1939-м тюремные власти Третьего рейха перевели ее в концлагерь Равенсбрюк, где она получила статус еврейской заключенной. В лагере она сохраняла бодрость духа и мужество; по воспоминаниям солагерниц, имевших статус политических заключенных, она проводила среди них подпольные просветительные занятия по литературе, языкам, географии, для поддержки духа занималась с ними гимнастикой. Весной 1942 года Ольгу в

составе группы из 2 тысяч других женщин-заключенных, в которую, кроме евреек, входили и политические, передали в распоряжение нацистских медиков, занимавшихся опытами над людьми. 23 апреля 1942 г., в экспериментальной клинике в Бернбурге, Ольга Бенарио-Престес была удушена в газовой камере. Ее мать и брат погибли в 1943 году в концлагере Терезиенштадт.

Именем Ольги Бенарио названы улицы в Берлине и Бернбурге. В написанной Жоржи Амаду в 1942 году биографии Луиса Престеса Ольга Бенарио-Престес сравнивается с уругвайкой Анитой Гарибальди, женой знаменитого итальянского революционера. Первую, и одну из многих, биографию Ольги (которая неоднократно переиздавалась) написала Рут Вернер (Урсула Кучинская) в 1961 году. В Бразилии о ней снят фильм «Ольга» (2004), а осенью 2006 года в Сан-Паулу состоялась премьера оперы «Ольга» композитора Жорже Антунеша.

К моменту получения письма «Джимом» ни «Бернгардта», ни «Рамзая» в Европе уже не было. По прибытии в Штаты Зорге посетил в Вашингтоне японского посла Дебути Кацудзо и вручил ему рекомендательное письмо Хаусхофера. Авторитет Хаусхофера был настолько высок, что это позволило Зорге получить от посла рекомендательное письмо в отдел прессы МИД Японии. Затем он отправился на Всемирную выставку в Чикаго, где встретился с агентом Разведывательного управления американцем Джоном Шермэном[25] («Дон»). Зорге «договорился с нашей братской организацией о посылке» уже привлеченного к сотрудничеству японца, говорящего на английском языке, на родину.

Затем Зорге отправился в канадский Ванкувер, где сел на пароход, отплывавший в Йокогаму.

Радист Виндт из Германии выехал в Италию и пароходом отплыл в Шанхай. Его прибытие в Японию планировалось к началу сентября, где была предусмотрена явка с Вукеличем.

На основании изучения и сопоставлении разрозненных документов, иногда имеющих лишь косвенное отношение к рассматриваемым вопросам, схема организации связи и денежного снабжения нелегальной резидентуры «Рамзая» в 1933 г. выглядела следующим образом.

Были предусмотрены следующие виды связи с резидентурой:

— радиосвязь — для передачи срочной текущей информации от «Рамзая» и срочных указаний из Центра;

— курьерская связь — для пересылки документальных материалов из резидентуры и передачи почты и денег из Центра;

— почтовая связь — как резерв — для кратких кодированных сообщений в случае перерыва других линий связи.

До этого времени Центр не имел опыта радиосвязи с Японией и не располагал данными, характеризующими условия работы (прохождение волн, суточные и сезонные изменения, помехи и т. п.). Этот важнейший вопрос не был надлежаще продуман и подготовлен, если не сказать больше — он практически не был проработан в Москве. Центр даже не снабдил резидентуру планом-программой радиосвязи. Предполагалось лишь, что рация резидентуры установит прямую связь с Центром, если же это не удастся, связь с Центром должна поддерживаться через промежуточную шанхайскую рацию.

27 августа 1933 года Виндту дается следующее указание: «Если вам не удастся установить прямую связь с нами, радиосвязь будет тоже через шан-

хайских друзей». Для этого «Бернгардт» на пути в Японию должен был в Шанхае встретиться с шанхайским радистом и договориться с ним о порядке работы. Однако, прибыв в Шанхай, Виндт так и не встретил обещанного человека и отплыл в Токио ни с чем.

Зорге в письме от 7 января 1934 года справедливо упрекал руководство Центра в небрежном отношении к организации связи: «Мы, к сожалению, не получили разработанного плана радиосвязи из дому, как нам было обещано. Ни я, ни мой мастер не получили такого, и в Шанхае также ничего не нашли. Мы достаточно долго болтались в Европе, и ваши спецы могли давно прислать план, если бы они считали нужным об этом подумать».

Курьерская связь предусматривалась через шанхайскую резидентуру (посылка курьеров из Шанхая в Токио) — из расчета одна встреча в два месяца. Для почтовой связи («кратких сообщений об общих вещах») Зорге были даны 2 адреса в Шанхае, по которым он мог, в случае особой необходимости, отправлять письма для «Коммерсанта» и «Паулины».

Ведение переписки предусматривалось на немецком или английском языке. Радиограммы и особо секретные данные, сообщаемые в письмах, подлежали шифровке. Шифр был известен только Зорге. Почта и добытые документальные материалы для пересылки в Центр фотографировались на пленку. Зорге был снабжен мини-фотоаппаратом.

На содержание аппарата резидентуры была установлена смета в размере 1000 американских долларов в месяц. На первый период существования резидентуры, пока не определились полностью все деловые связи резидента и радиста, была намечена следующая схема снабжения резидентуры деньгами:

— основные денежные суммы пересылаются через курьеров шанхайской резидентуры, для чего в Шанхае создается трехмесячный денежный запас;

— ежемесячно на имя Зорге (по его предложению) пересылается из Берлина через доверенное лицо 200 марок, и через друзей «Паулины» переводится 400—500 марок (или гульденов) в адрес немецкого или голландского банка в Токио;

— Виндту выдается в Шанхае несколько сот долларов, чтобы он открыл банковский счет в Токио.

Расходы, произведенные Зорге с учетом расходов на легализацию его и Виндта, а также расходов на дорогу выглядели следующим образом:

«ТОКИО

Расходы Рамзая за май—июль 1933 г.

Получено от нас	4200 ам.д.
Бернгардту —	1000 ам.д.
Расходы Р. по легализации —	1622 ам д.
	2622 ам. д.
Остаток	1578 а.д.
Получено им в Нью-Йорке —	1700 а.д.
Остаток на 1.8.	3278 а.д. минус расходы на дорогу Нью-Йорк — Токио.

9.9.33».

В августе 1935 года в отчете за почти двухлетнюю работу Зорге дает скромную оценку своих усилий по легализации: «Мое легальное положение было не совсем крепко. Я прибыл с несколькими обещаниями со стороны некоторых газет. Эту слабую сторону я, к счастью, мог потом выпрямить благо-

даря некоторым, как потом выяснилось, очень полезным действиям, которые я предпринял в Америке. Это мне послужило рекомендательным письмом, как для японской полиции, так и для отдела прессы в Министерстве иностранных дел. Рекомендательное письмо японского посольства в Америке предохранило от необходимости предъявить мои довольно сомнительные представительства от прессы».

Таким образом, в Берлине была создана исходная база для легализации в Токио. Эта база была не особенно солидной и для ее упрочения требовалось немало энергии, инициативы и умения, тем более что оперативная обстановка в Японии была очень сложной.

3.2. «Самый лучший из вас не смог бы сделать больше за это время в этой обстановке»

(из письма Зорге в Центр от 7 января 1934 г.)

2 мая 1933 г. правительство Советского Союза предложилоЯпонии выкупить КВЖД. Приняв советское предложение, японцы, однако, заняли агрессивную позицию в ходе переговоров, исходя, по-видимому, из ложного представления, что советская сторона при создавшемся положении готова уступить дорогу на любых условиях. Конференция по вопросу о продаже КВЖД происходила в Токио и длилась больше 20 месяцев. Интересы Маньчжурии представляли японцы. В ответ на названную советской стороной выкупную сумму в размере 250 млн. руб. японская сторона предложила сумму в 50 млн. иен, а японский представитель Маньчжурии даже пытался ставить вопрос о правах СССР на КВЖД. В Маньчжурии в это время японская военщина устраивала новые провокации. 23 марта 1935 г. в Токио состоялось соглашение о продаже КВЖД на следующих условиях: Маньчжурия приобретает КВЖД за сумму 140 млн. иен + 30 млн. иен для советских служащих на КВЖД в виде выходных пособий, пенсий и т. д. Одна треть всей суммы вносится деньгами, а две трети — в форме поставок товаров японскими и маньчжурскими фирмами по заказу советского торгпредства в Японии в течение 3 лет. Японское правительство гарантировало выполнение этих условий со стороны Маньчжурии. Соглашением предусматривалось обеспечение интересов советских служащих и рабочих КВЖД. Советскому генеральному консульству в Харбине оставлялись в безвозмездное и бессрочное пользование земельные участки и здания, занимаемые им, а также участок и помещения, занимаемые сотрудниками консульства и принадлежащие КВЖД. Соглашение о КВЖД, как представлялось советской дипломатии, устраняло один из опасных объектов военных столкновений на Дальнем Востоке[26].

В «Отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)» 26 января 1934 г. И.В. Сталин отметил по поводу отношений с Японией:

«Нельзя не иметь также в виду отношений между СССР и Японией, которые нуждаются в серьезном улучшении. Отказ Японии от подписания пакта о ненападении, в котором Япония нуждается не меньше, чем СССР, лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно. То же самое надо сказать насчет перерыва переговоров о КВЖД, происшедшего не по вине СССР, а также насчет того, что японские агенты творят недопустимые вещи на КВЖД, незаконно арестовывают советских служащих

на КВЖД и т.п. Я уже не говорю о том, что одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается. Не трудно понять, что подобные обстоятельства не могут не создавать атмосферу беспокойства и неуверенности. Конечно, мы будем и впредь настойчиво проводить политику мира и добиваться улучшения отношений с Японией, ибо мы хотим улучшения этих отношений. Но не все здесь зависит от нас. Поэтому мы должны вместе с тем принять все меры к тому, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей и быть готовыми к ее защите от нападения. (Бурные аплодисменты.)»[27].

Об опасности развязывания новой мировой войны в результате агрессивной политики Японии предупреждал нарком обороны СССР Ворошилов. Так, 10 февраля 1934 г., выступая на вечере танкистов в Центральном доме Красной Армии, К.Е. Ворошилов заявил: «Период мирной передышки заканчивается. Приближается начало новой империалистической войны... Я должен прямо сказать, что если бы японцы наступали на нас в прошлом году, мы и тогда имели довольно значительное количество танков на Дальнем Востоке, но использовать их так, как это мы сможем сделать теперь, сегодня, мы не смогли бы, потому что кадры у нас тогда еще были слабоваты. Теперь этот пробел мы восполнили...»

Выразив надежду, что в 1934 г. войны удастся избежать, он, тем не менее, заявил: «Японцы, как вы знаете, ведут себя довольно нахраписто. Тут могут быть всякого рода неожиданности. Японцы нас могут шантажировать в любой момент». Что касается возможного исхода этой войны, то нарком обороны сказал следующее: «...японцы не смогут, не должны с нами справиться. Здесь все будет зависеть от людей, от того, как мы будем использовать нашу технику, от того, насколько умело мы сумеем ее применить тактически, организационно и оперативно, насколько умело распорядимся нашими средствами борьбы[28].

К 1935 г. общая численность вооружённых сил Востока (с учетом личного состава Морских сил Дальнего Востока и Амурской Краснознаменной военной флотилии) достигла 241 311 человек, количество танков, танкеток и бронемашин выросло до 2343, а боевых самолётов, с авиацией МСДВ — до 1438. «На Дальнем Востоке в результате огромных усилий, жертв и колоссальных затрат исчисляемых сотнями миллионов рублей была создана вооружённая группировка, которая по всем показателям превосходила численность Квантунской и Корейской армий Японии. В сухопутных войсках было 99 736 человек, в ВВС — 27.052, в коннице — 22 149, в мотомеханизированных войсках — 18 848 человек и гарнизоны УРов — 18 522 человека. ВВС имели 10 авиационных бригад и 18 отдельных эскадрилий. На их вооружении имелось 213 тяжёлых бомбардировщиков (ТБ-3 и ТБ-1), 325 истребителей и 133 морских разведчика. Половину боевых самолётов (701) составляли бипланы Р-5, которые стояли на вооружении легкобомбардировочных и штурмовых авиабригад. Стрелковые войска имели 14 стрелковых дивизий, из них кадровых — 9, территориальных — 2, колхозных — 3, отдельных стрелковых полков — 2. Стратегическая конница имела кадровых кавалерийских дивизий — 2, колхозных — 1 и один отдельный кавалерийский полк. Мотомехвойска ОКДВА имели один механизированный корпус, две отдельные механизированные

бригады, три механизированных полка кавалерийских дивизий и 11 танковых батальонов стрелковых дивизий. Артиллерия РГК имела три полка и два отдельных дивизиона. Артиллерия ПВО была представлена одним полком и 11 дивизионами. Было также по нескольку батальонов связи, инженерных, инженерно-аэродромных и понтонных батальонов. Было построено восемь сухопутных укреплённых районов. На их вооружении имелось 328 орудий и 2376 станковых пулемётов. Таковы были итоги трехлетнего усиления ОКДВА в 1932 — 1934 гг.»[29].

Вместе с тем известный японский военный историк Фудзивара Акира в своем исследовании писал, что утверждения японского командования сухопутных сил о «решающем превосходстве советской дальневосточной армии» не соответствовали истине: «В действительности угрозе подвергался Советский Союз... Сравнение сухопутных сил Японии, расположенных на континенте, т. е. в Маньчжурии и Корее, с сухопутной армией Советского Союза на Дальнем Востоке является несостоятельным. Такое сравнение армий двух стран должно проводиться с учетом всей численности войск, которые стороны могли использовать в случае войны. Для СССР весьма серьезной проблемой была большая протяженность железнодорожной магистрали из Европы в Сибирь, которая к тому же имела лишь одну колею. Это весьма затрудняло сосредоточение войск в районе предполагаемого сражения. С другой стороны, окруженная морями Япония могла концентрировать войска, используя морские пути. Это обеспечивало ей решающее преимущество. Кроме того, основная часть капиталовложений Японии в Маньчжурии шла на строительство выводящих к советской границе стратегических железных дорог, что обеспечивало быстрое развертывание войск. В Японии существовал план сосредоточения в районе границы в течение трех-четырех месяцев с начала войны миллионной группировки. Учитывая это, Советский Союз был вынужден увеличить численность сил сдерживания на Дальнем Востоке еще в мирный период.

Важно и то, что в те годы советский военно-морской флот на Дальнем Востоке не представлял угрозы для Японии. Было ясно, что с самого начала войны Японское море будет полностью контролироваться японским флотом. Для японской армии было несложно напасть на военную базу Владивостока и осуществить высадку войск в любом пункте Приморской области... Способность наносить удары по советским авиабазам в Приморье с японских авианосцев создавала большое преимущество для Японии»[30].

И в этих рассуждениях был свой резон.

Японский генеральный штаб, разрабатывая планы войны с СССР, исключал возможность затяжной войны. Главными принципами стратегии объявлялись «стремительность, внезапность, военное и политическое подавление противника до пределов, создающих объективную необходимость для него пойти на капитуляцию». В документе генштаба Японии «Основные принципы стратегии и тактики в войне против СССР» указывалось в частности: «Главной целью в руководстве войной против Советского Союза является: быстро навязать противнику решающее сражение и, максимально используя достигнутые первоначальные успехи, в кратчайший срок лишить противника воли к победе»[31].

Стремясь обезопасить район Забайкалья в связи со стратегическим значением для снабжения всего советского Дальнего Востока участка проходя-

щей здесь Транссибирской железнодорожной магистрали 27 ноября 1934 г. СССР заключил соглашение с Монгольской Народной Республикой о военной взаимопомощи, а фактически об односторонней советской помощи МНР для обеспечения безопасности перевозок по этой магистрали с юга, так как армия МНР насчитывала всего 15 тыс. человек. Однако, поскольку невдалеке от границы СССР, в 200 км юго-западнее от г. Хайлар восточное озера Буир-Нур в районе р. Халхин-Гол был расположен приграничный участок между МНР и Маньчжоу-Го, оспариваемый обеими сторонами, заключение этого соглашения оказалось чреватым опасностью втягивания Советского Союза в вооруженные столкновения не только с маньчжурскими войсками, но и с Квантунской армией, связанной с марионеточным правительством маньчжурского императора Пу И военным союзом о взаимопомощи.

В начале 30-х гг. после захвата Маньчжурии Японией в связи с военной угрозой своей безопасности СССР в одностороннем порядке взял под свой контроль практически все острова и на реках Амур и Уссури, что явилось предпосылкой для пограничных инцидентов и усиления напряженности в советско-японских отношениях»[32].

В апреле 1935 г. была достигнута принципиальная договоренность об учреждении двух комиссий — комиссии по урегулированию пограничных конфликтов и комиссии по демаркации государственной границы. Комиссия по урегулированию пограничных конфликтов заседала недолго: 26 августа 1935 г. она прервала свою работу, которую возобновила только 2 октября 1936 г.; 25 ноября 1936 г. переговоры по урегулированию конфликтов на монголо-маньчжурской границе были окончательно прерваны[33].

Что же касается вооруженных столкновений в связи с расхождениями в оценке линии границы, то они не прекращались.

В связи с усилением напряженности на границах Маньчжоу-Го с СССР и МНР с середины 1935 г. японо-маньчжурская сторона выступила с утверждением, что ее главной причиной является неопределенность линии государственной границы, т. е. нечеткая демаркация по действующим международным договорам, и высказалась за ее точное определение соответствующей комиссией по урегулированию пограничных конфликтов.

Советская же сторона в ответ на это заявила, что демаркация границы была в свое время проведена в соответствии с русско-китайскими договорами и соглашениями, о чем свидетельствуют подписанные сторонами географические карты, и что поэтому в редемаркации необходимости нет, а дело заключается лишь в том, чтобы добиваться урегулирования возникающих пограничных инцидентов, вызываемых нарушением установленной упомянутыми международными документами линии государственной границы[34].

Возражая против такого подхода, японо-маньчжурская сторона в качестве примера привела тот факт, что из 25 пограничных столбов, установленных при демаркации границы между озером Ханка и р. Тумыньцзян (Туманган) на стыке границ СССР, Маньчжоу-Го и Кореи, к середине 1935 г. сохранилось только десять, причем промежутки между сохранившимися пограничными столбами в низинах и на холмах поросли лесом, что не позволяет японским пограничникам точно ориентироваться в отношении пределов территории Маньчжоу-Го, которую они охраняют в соответствии с протоколом о военном сотрудничестве с Маньчжоу-Го.

«Возражала против позиции СССР японо-маньчжурская сторона и по более важному вопросу — проведению границы вдоль китайского берега пограничных рек Аргунь, Аглур и Уссури, как она обозначена на приложенной к русско-китайскому Пекинскому договору 1860 г. географической карте масштаба 25 км в дюйме (1:1 050 000). Это объяснялось тем, что граница по рекам была проведена здесь вопреки нормам обычного международного права, в соответствии с которыми государственная граница на судоходных реках проводится по середине главного фарватера. А если имеются расхождения в описании границы между картой и текстом договора (а такое расхождение между текстом Пекинского договора и приложенной к нему упомянутой картой действительно существовало, причем в пользу нормы обычного международного права), то граница должна устанавливаться также по середине главного фарватера.

Вот почему японо-маньчжурская сторона выступала за пересмотр фактически установленной СССР границы с Маньчжоу-Го по рекам в соответствии с упомянутой картой, поскольку в этом случае все острова в русле пограничных рек оказались на территории Советского Союза. В пользу позиции японо-маньчжурской стороны свидетельствовало то обстоятельство, что, согласно Положению Комитета министров России от 13 октября 1867 г., и при отводе русским на островах р. Амур покосных мест "принималась граничной линией середина главного фарватера".

В 1912 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в депеше российскому посланнику в Пекине предписывал считать, что на проходных реках "русская государственная граница следует по тальвегу", т. е. линии наибольших глубин. По Цицикарскому же договорному акту от 7 декабря 1911 г. государственной границей между Россией и Китаем на р. Аргунь была признана линия посередине ее главного фарватера, и поскольку она проходит ближе к российскому берегу, то часть крупных островов на этой реке оказались за русской границей. Тем не менее, особым реестром к договору как исключение они были отнесены к России, что, однако, не означало, что китайцы были лишены права их хозяйственного освоения наряду с русскими[35]. Позднее, в 30-е гг., это привело здесь к пограничным инцидентам.

Сложившаяся ситуация приводила к тому, что на ряде этих участков границы периодически возникали конфликты.

23 июня 1935 г. японские геодезисты во время съемки местности в спорном районе р. Хайластын (на границе между МНР и Маньчжоу-Го) — притока р. Халхин-Гол — были взяты в плен. Но так как каждая сторона настаивала на том, что оспариваемая территория принадлежит ей, вопрос о границе урегулирован не был и позднее, в 1939 г., явился причиной ожесточенного вооруженного конфликта в районе р. Халхин-Гол (Халха). В спор вокруг вопроса о границе в ходе монголо-маньчжурских переговоров были вовлечены как японская, так и советская сторона. Первая из них поддержала требование делегации Маньчжоу-Го о том, чтобы МНР признала ответственность за произошедший инцидент в районе р. Хайластын, согласилась на постоянное размещение на ее территории вблизи спорного участка границы постоянного представителя Маньчжоу-Го и заявила, что в случае отказа монгольской стороны от принятия этих требований они будут рассматриваться как последнее предупреждение, после которого войска МНР будут силой оттес-

нены за линию Тамцак-Булак — Джи-Джи-Сумэ, соединяющую центр и середину южного края района МНР, вдающегося в территорию Маньчжоу-Го[36].

В свою очередь 6 июля 1935 г. правительство Советского Союза в связи с позицией Японии в этом инциденте сделало ее послу в СССР Хирота Коки заявление, в котором утверждало, что не столько власти Маньчжоу-Го, сколько Квантунская армия, предъявив необоснованное и «последнее предупреждение» МНР, провоцирует ее на вооруженный конфликт и что Квантунская армия пытается воспользоваться этим предупреждением как предлогом для оккупации района между Тамцак-Булак и Джи-Джи-Сумэ. В заключение правительство СССР доводило до сведения правительства Японии, что, исходя из интересов безопасности своей собственной границы, оно заинтересовано, чтобы Токио принял необходимые меры в отношении Квантунской армии с целью обеспечения мирного порядка на монголо-маньчжурской границе. В результате демарша правительства СССР монгольская сторона, получив дипломатическую поддержку Советского Союза, отвергла притязания делегации Маньчжоу-Го, поддержанные Токио, и в конечном счете 26 августа того же года переговоры были прерваны.

Срыв монголо-маньчжурских переговоров способствовал сохранению напряженности на границе между МНР и Маньчжоу-Го. В результате усиления напряженности на границах марионеточного государства Маньчжоу-Го с СССР и МНР количество пограничных инцидентов в 1935 г. достигло[37]. При этом число инцидентов не уменьшалось от года к году в последующем.

6 сентября 1933 г. на пароходе «Empress of Russia» («Императрица России») Рихард Зорге прибыл в Иокогаму. Ему предстояло предпринять целый ряд шагов, чтобы легализоваться в стране: зарегистрироваться в консульстве и официально представиться в германском посольстве; установить связи с официальными японскими органами (отделом прессы Министерства иностранных дел); разместить в газетах статьи, выдержанные в духе лояльности и благожелательности; обрести дружеские связи с сотрудниками германского посольства; использовать их для приобретения и расширения связей в других общественных кругах, местных и иностранных; использовать связи в посольских кругах для вступления в местную немецкую фашистскую организацию.

Разместившись в отеле «Санно», Зорге явился в посольство на регистрацию. Там он узнал, что ожидается назначение нового посла. Шестидесятипятилетний доктор юриспруденции Эрнст-Артур Фореч собирался к концу года уйти на пенсию и в последние недели занимался, в основном, тем, что следил за тем, как упаковывалась и отправлялась в его родовой замок Кольмберг, расположенный в долине Мозеля, коллекция древней японской бронзы и картин. Обострившимися проблемами внутренней и внешней политики Японии он интересовался лишь мимоходом[38] но при этом нашел возможным принять Зорге, узнав о наличии у него рекомендательного письма от Хаусхофера. На дипломатов посольства произвела немалое впечатление и рекомендация, полученная Зорге в японском посольстве в Вашингтоне, адресованная Эйдзи Амау, который занимал должность руководителя отдела информации МИД Японии и проводил еженедельные пресс-конференции.

Рекомендательные письма, манера Зорге держаться способствовали формированию у окружающих образа человека со связями.

Как уже отмечалось, в своих первых сообщениях, направленных летом 1933 г., Зорге явно переоценил результаты поездки по Европе, преувеличил успех в деле получения корреспондентских связей. Тем не менее перечень представительств от прессы, приведенный в донесении пресс-атташе германского посольства, направленном в МИД Германии и попавший в Министерство иностранных дел Японии, не мог не впечатлить адресатов. 12 сентября 1933 г. пресс-атташе германского посольства в Токио направил в МИД Германии следующее уведомление: «6 сентября из Америки в Японию прибыл доктор Зорге. Он собирается остаться в Японии на длительный срок в качестве корреспондента многих газет. В соответствии с предъявленными здесь документами он является: сотрудником «Мюнхенер иллюстрирте прессе», корреспондентом «Тэглише Рундшау», корреспондентом «Берлинер бёрзен-курир», сотрудником «Алгемеен хандельсблад» в Амстердаме, членом редколлегии «Хот фатерлянд» (Гаага)»[39]. Причем копия этого документа была обнаружена в японских архивах

Это короткое сообщение характеризует четкость работы чиновников германского посольства и контроль японской контрразведки за перепиской иностранных посольств, а также подтверждает, что Зорге не имел официального документа об аккредитации ни от газеты «Франкфуртер цайтунг», ни от журнала «Цайтшрифт фюр геополитик».

«На немецкой стороне я эту слабую сторону («сомнительные представительства от прессы». — *М.А.*) выпрямил своей быстрой дружбой с секретарем. Кроме того, сразу появилось там несколько моих статей», — напишет Зорге в отчете. Говоря о своих связях в германском посольстве в Токио, Зорге подчеркивал: «Очень близкая дружба с секретарем посольства Гааз, с торговым атташе (возможно, Кноллем. — *М.А.*) и секретарем посольства Мельхером».

Каждый из этих и многих других друзей Зорге, которые появятся в последующем, был со своей системой ценностей, своими взглядами, симпатиями и антипатиями, привычками и привязанностями. Не говоря уже о том, что каждый из них имел свой темперамент и принадлежал к различным типам личности. Поэтому и подход к каждому должен был быть индивидуален. Основой для сближения и завязывания «дружбы» могли стать демонстрируемая «Рамзаем» общность политических взглядов, общее прошлое (участие в Первой мировой войне), совпадение каких-либо склонностей или привычек, — хотя бы любовь к посещению ресторанов и времяпрепровождению в обществе гейш либо некие услуги со стороны Зорге — служебного (готовность делиться информацией) или бытового характера. Ясно одно: Зорге был прекрасным психологом, харизматичной личностью, в орбиту которой стремились попасть многие, и он был искренен в отношениях — не изображал «друга», а стремился быть таковым.

«Допуская, что вся карьера Зорге требовала постоянного двуличия… у него, по крайней мере, было некое человеческое и сугубо непрофессиональное отношение к друзьям, доверием которых он бесконечно злоупотреблял»[40]. «Все знавшие Зорге согласны в том, что он был очень компанейским — заводным, веселым, щедрым и рафинированно уточненным, когда это было необходимо»[41].

При тесных, дружеских взаимоотношениях с секретарем посольства, торговым атташе, а в последующем и с другими не могло не возникнуть разговора о прошлой жизни и деятельности «Рамзая», особенно когда из Шанхая

долетали кое-какие слухи о его прежней работе. Какую легенду преподносил Зорге «друзьям», как ему удавалось нейтрализовать «шанхайскую угрозу» и обеспечить доверие к себе со стороны окружающих — ответа на эти вопросы, к сожалению, в отчетах «Рамзая» не найти.

Решая первоочередные проблемы, связанные с обеспечением легализации, Зорге занялся и обустройством своей личной жизни в Токио.

«Дом, который снимал Зорге за 50 иен в месяц, находился в квартале Адзабу района Минато, Он стоял на улице Нагадзака под номером 30. Это был типично японский деревянный двухэтажный дом. В протоколах допросов содержались и некоторые данные о его доме. На первом этаже находилась гостиная (12 м2) столовая (около 7 м2), кухня, деревянная японская ванна (офуро) и туалет, тоже японский — без унитаза. На втором этаже располагались кабинет с телефоном (12 м2) и спальня (9 м2). Кровать Зорге заменяла стопка японских матрацев — "футонов"...

В те годы улица Нагадзака была очень тихой и зеленой, кроны деревьев практически смыкались над нею, давая благодатную тень в жаркую погоду и частично защищая от потоков воды в дождливое время года. Улица круто сбегала вниз по склону с шумного холма Роппонги.

Сегодня эта улица называется Отафукудзака. Она застроена высокими доходными домами, в которых сдаются квартиры для состоятельных людей. Здесь сохранилось много зелени, и еще не выветрилась атмосфера спокойного и респектабельного квартала, в котором приятно жить. Один из самых доходных домов и стоит на месте жилища Зорге. Хорошим ориентиром может служить 18-этажное здание полицейского общежития, сооруженного на месте старого полицейского участка Ториидзака, который находился неподалеку от дома Зорге»[42]. Существует утверждение, что улицы под названием «Нагадзака» и «Отафукудзака» не одно и то же. Более того, что Нагадзака — вообще не улица, а средних размеров квартал в составе района Адзабу, к востоку от Отафукудзака, и что Зорге изначально проживал по адресу: Отафукудзака, 30[43].

Профессор консерватории Эта Харих-Шнайдер, снискавшая себе мировую славу виртуозной игрой на клавесине, летом 1941 года часто бывала в доме Зорге; ей принадлежит следующее описание его жилища: «В квартире (Зорге) было жарко, как в духовке. Очертания пыльных улиц расплывались в нестерпимом блеске солнечных лучей; на террасе, расположенной на крыше его дома, даже по ночам царила невыносимая духота... Воздух был наполнен запахом горячего дерева; садик возле дома, несмотря на крошечные размеры, утопал в зелени... Из соседних домов доносились звуки радио и детский смех... Дом Зорге затерялся среди жилищ бедных японцев, построенный в небрежном, европейско-японском стиле, он выглядел неряшливо. Две комнаты внизу, вся их убогая обстановка ограничивалась несколькими шаткими столиками, на одном из которых лежал клочок потертого красного бархата... За стенкой находилась кухня. Наверху — его рабочая комната с большим диваном, письменным столом и граммофоном, во всю стену, от пола до потолка — книжные полки. За дверью — спальня, которую почти целиком занимала широкая двуспальная кровать. К спальне вел узкий коридорчик. Двери обеих комнат верхнего этажа выходили на террасу»[44].

Расстояние между полицейским участком и домом, который арендовал Зорге, не превышало полутора сотен метров. Но самое удивительное, что дом

советского разведчика под номером 30, будь то улица Нагадзака или Отафукудзака находился всего в нескольких сотнях метров от здания посольства СССР, которое было возведено в 1928 году. Вот его описание, сделанное С.Л. Тихвинским, главой представительства СССР в 1956—1957 годах: «Здание посольства СССР располагалось неподалеку от центра Токио на холме Мамиана. Само двухэтажное продолговатое белое бетонное сооружение с широкими окнами было похоже на утопающий в зелени белый пароход с высокой трубой, возвышающейся над зданием. К тыльной стороне здания примыкал небольшой сад, а в правой части от въезда на территорию представительства располагались два небольших деревянных двухэтажных дома, в которых жили сотрудники представительства. Здание посольства было построено в начале 30-х годов при после Александре Антоновиче Трояновском и покоилось на массивной сейсмоустойчивой бетонной подушке, принимавшей не себя колебания почвы, часто сотрясавшие Токио»[45].

Чем было вызвано решение Зорге поселиться рядом с советским посольством? Может, он рассматривал возможность при необходимости найти убежище в его стенах? «Попробуйте вообразить, что такое ежедневно проезжать мимо стен посольства единственной страны, где он думал, его знают и ждут. Пусть не сегодня, пусть после войны, но ждут как своего — он был уверен в этом... Каждый день — утром и вечером проходить, проезжать мимо стены, за которой свои. Каждый день на грани фола — восемь лет. А фол для него — не высылка и даже не тюрьма, а веревка и люк, который однажды все-таки провалится у него под ногами»[46].

В 1930-е годы советское посольство находилось там же, где и сейчас. В ходе бомбардировок Токио американской авиацией в годы Второй мировой войны большая часть посольских строений сгорела, уцелело лишь основное служебное здание. В начале 1970-х, в бытность советским послом в Японии О.А. Трояновского, старое двухэтажное здание было снесено, и на его месте воздвигнуто современное высотное здание посольства. Одновременно для сотрудников посольства на месте старых деревянных домов был возведен многоэтажный жилой дом. Проектировщики постарались «вписать» их в сложившуюся природную структуру, не нарушая целостности ландшафта.

«Здание старого германского посольства, сооруженное из красного кирпича в 1892 г., располагалось в квартале дипломатических представительств неподалеку от императорского дворца. По соседству находилось английское посольство. Здание германского посольства было разрушено во время налета американской авиации 2 мая 1945 г. Сейчас на его месте построена Парламентская библиотека»[47].

Дебют доктора Зорге в роли германского корреспондента в Японии состоялся уже в конце 1933 года. В газете «Берлинер бёрзен-курир», которую внимательно изучали на биржах всего мира и которую можно было приобрести в восемнадцати европейских странах, появились две его статьи. Одна из них, передовая статья в вечернем выпуске от 18 октября 1933 года, была озаглавлена ««Линия жизни» Японии». В статье раскрывались скрытые причины экспансионистской политики, проводившейся Японией в Азии. Проанализировав внешнюю и внешнеторговую политику Японии, различную по отношению к США, Великобритании, Голландии, Германии, Италии, Китаю, к Монгольской Народной Республике и СССР, доктор Зорге пришел к выводу, что в империалистической борьбе за передел мира будет усиливаться сотруд-

ничество Японии с Германией и Италией. В его комментарии отмечалось, что «руководство японской политикой сегодня почти полностью сосредоточено в руках подчеркнуто милитаристских националистических группировок (чтобы не использовать здесь слишком "западное" понятие "фашизм") ... У Запада имеются все основания с максимальной серьезностью отнестись к подкрепленному императорским воззванием заявлению о том, что Маньчжоу-Го означает для Японии «линию жизни»... В результате своей континентальной политики Япония взяла на себя опасную роль клина, вбитого между коммунизмом на севере и постоянно расширяющимися коммунистическими районами в Центральном Китае». Одновременно Зорге извещал читателя о милитаризации всей общественной жизни Японии, а также о тенденции «полностью подчинить свою внешнюю политику амбициям командования армии и флота»[48].

27 ноября 1933 года в одном из вечерних выпусков упомянутого биржевого вестника появилась еще одна статья — «Национальный кризис Японии». Зорге касался в ней внутриполитических проблем, раздиравших Японию, «которая пребывает в процессе значительной экономической и политической экспансии могущества». Зорге показал беспомощность крупнейших партий Сэйюкай и Минсэйто, стоявших на антинародных позициях и олицетворявших «экономическое господство крупнейших частных компаний», бедственное положение крестьян, устрашающие темпы роста государственного долга и обширной программы вооружений. Подводя итог, он предсказал дальнейшее «усиление влияния милитаристов с одновременным сохранением некоторых крайне националистически настроенных гражданских государственных деятелей»[49].

Не исключено, что вновь назначенный германский посол Герберт фон Дирксен, собираясь занять пост в Токио взял на заметку эти статьи и их автора.

В первый же месяц по прибытии в Японию Зорге приступил к организации резидентуры. В конце сентября встретился с Виндтом, который связал его с Вукеличем.

Виндту были даны явки для связи в Шанхае с представителем шанхайской резидентуры и в Токио — с Вукеличем и Зорге. Однако, в Шанхае встреча не состоялась — связник нелегальной резидентуры на нее не явился, и Виндт отплыл в Японию, не договорившись с шанхайским радистом о программе радиосвязи.

«В конце сентября состоялась заранее условленная встреча с моим мастером, который был послан из дому, — писал Зорге в отчете от 28 июля 1935 г. — Первое ему поставленное задание было — найти себе такую квартиру, которая могла бы служить для нашей опытной станции. Второе задание заключалось в том, чтоб незаметно перевести туда все необходимые и резервные части для воздушной работы, так, чтобы каждый раз можно было разнять станцию и аппаратуру. И этого мы придерживались до конца. Это все было сделано до конца 1933 г., и первые опыты могли быть к тому времени предприняты. К сожалению, выяснилось, что его легализация в качестве купца, при до сих пор незнакомых условиях на острове, была бесполезной. Легализация в качестве маленького купца иностранных фирм на острове превращается в одну видимость. Напрасно ставили мы себе задачу сделать его экспортером японских товаров. Это можно провести только тогда, когда имеются заранее договоренные связи с заграницей».

А.И. Гурвич, имевший встречу с Виндтом в августе 1933 г., сообщал Центру: «Бернгард сказал, что 12 августа едет и получил представительства от некоторых фирм, а том числе и от фирмы "Драловид"». Однако, судя по тому, что в дальнейшем попытки Виндта создать в Японии какое-либо коммерческое дело не имели никакого успеха, — следует полагать, что полученные им представительства не отвечали условиям и задачам коммерческо-предпринимательской деятельности в Японии или же требовали для своей реализации более солидных денежных средств, чем те, которыми Виндт располагал. Необходимо было заранее, через аппарат под прикрытием советского представительства в Токио, собрать нужные сведения об условиях экспортно-импортной торговой деятельности иностранцев в Японии, необходимых связях, денежных фондах и т. п.

Виндт выехал на место на положении «искателя счастья», не зная обстановки, не имея конкретных планов развития своей коммерции, не располагая необходимыми денежными фондами. «Несколько сот ам[ериканских] долларов», выданные ему для открытия счета в токийском банке, едва ли можно было серьезно рассматривать как финансовую базу для создания прочной коммерческой крыши. К этому следует добавить, что Виндт не имел ни опыта нелегальной зарубежной работы, ни навыков коммерческой деятельности.

К концу 1933 г. Виндт сам разработал программу радиосвязи. 7 января 1934 г. Зорге писал в Центр: «Мы прилагаем для вас рабочий план связи для любого пункта. Просим строго придерживаться нашего рабочего плана. Мы также просим поставить только первоклассных людей в вопросе предстоящей мастерской в нашем доме. Всякое затруднение в этом отношении может иметь для нас тяжелые последствия. Кроме того, мы должны с очень плохими вспомогательными материалами из конспиративных соображений работать, из-за которых бывают затруднения, которые только самые лучшие люди у вас могут освоить».

И еще одна цитата из отчета от 28 июля 1935 г. в части организации связи с Центром: «В конце 1933 г. мы сделали напрасные попытки связаться с Висбаденом и соседней страной. Полнейшая неспособность Висбадена и соседней страны связаться, эта не подлежащая здесь обсуждению чрезвычайно важная проблема месяцами задерживала нашу работу. Свою следующую задачу я видел в том, чтобы установить личную связь с соседней страной для сдачи почты, получения денег и воздушной связи. Встреча с коммерсантом из соседней страны состоялась, и обо всем необходимом было договорено. Мне переданы были обещанные деньги. К сожалению, эта встреча не ускорила постановку воздушной связи, проблема которой до сих пор осталась неразрешенной. Мы уверены, что это зависело от соседней страны. Этим был положен общий фундамент для работы».

«Коммерсантом из соседней страны» был Гельмут Войдт, старинный приятель Рихарда Зорге.

Совершенно иначе состояние «воздушной» связи выглядело по докладам, поступавшим в Центр из Шанхая. 22 декабря 1933 года «Абрам» сообщал: «Радио опыты с Островами протекают нормально. Острова регулярно слышат нас, надеемся в скором времени услышать их». Но особых оснований для оптимизма не было.

Следующий шаг, который сделал Зорге после встречи с Виндтом, — установление связи с Вукеличем, «находящимся на острове более продолжи-

тельное время». «Жигало, к сожалению, очень большая загвоздка, — писал Зорге 7 января 1934 г. в первом докладе о проделанной работе. — Он очень мягкий, слабосильный интеллигент, без какого-либо стержня. Его единственное значение состоит в том, что мы его квартиру, которую мы ему достали, начинаем использовать как мастерскую, даже история с его братом только выдумка его боязни, так как он и в будущем не так много пользы принес для нас, только лишь как резервная мастерская. Конечно, это имеет в данный момент очень большую ценность для нас. Так как в качестве другой мастерской для случайных использований в данный момент могла бы быть только моя квартира, что было бы в теории против правил». «История с его братом» — это провал в Париже, который мог повлечь за собой арест Славко Вукелича, и нельзя было исключить, что это станет известным японской полиции, которая таким образом выйдет на самого «Жиголо».

«Он очень разочаровал, — писал Зорге в отчете спустя полтора года. — Его положение было плохое, так как его легализация как корреспондента была неблагоприятная. Он также не очень был заинтересован в расширении своих связей и, таким образом, он подпал под подозрение как эмигрант. К тому же нужно прибавить его совершенную неопытность и неуверенность и, кроме всего, непревзойденное [непреодолимое] стремление к "игрушкам" (несерьезное отношение к делу. Вариант перевода с немецкого языка, сделанный М.И. Сироткиным в 1959 г. — *М.А.*). Его жена значительно сильнее. Единственное задание, которое я мог поставить при настоящем положении вещей, — это получение квартиры и постановка там резервной станции. И эта задача была разрешена в конце 1933 года. Наш мастер смог предпринять свои опыты и отсюда».

Японцем, говорившим на английском языке и направленным на родину по договоренности «с нашей братской организацией», оказался Мияги Ётоку («Джо»). «Джо» после договоренности «Рамзая» с «Доном» должен был выехать по своим подлинным документам из Лос-Анджелеса пароходом в Японию. Ему давалась связь с «Жиголо» в Токио (порядок вызова, условия, место встречи).

Информация в Центре о Мияги была крайне лаконична и фрагментарна: «Джо — источник, японец, художник, жил в Америке свыше 10 лет, где и завербован профессором (он же Дон) в 1933 году». В «Характеристике источников, связей и сотрудников Рамзая», составленной 10 августа 1935 года, Зорге, который знал о нем не больше, писал: «1. Джо. Туземец (в оригинале Einheimischer. — *М.А.*), около 30 лет, художник, жил много лет в Америке и был там привлечен к нашей работе. Был оттуда взят мной на острова».

Благодаря исследованиям, проведенным много лет спустя на основе в том числе показаний Мияги на допросах, удалось полнее восстановить его биографию. Мияги Ётоку родился в 1903 году в городе Наго на острове Окинава в семье фермера и был вторым сыном в семье. Отец его вскоре переехал в Давао, на Филиппины. Но там он не прижился и уже через год перебрался в Америку, где устроился работать на ферму близ Лос-Анджелеса. Мальчика, оставшегося на Окинаве, воспитывал дед. В 1917 году Ётоку сдал вступитель ные экзамены в учительскую школу в своей префектуре. Однако не прошло и двух лет, как он заболел туберкулезом и оставил школу[50]. В том же году он переехал к отцу в Калифорнию.

В Америке Мияги столкнулся с дискриминацией: со стороны американских белых против азиатов вообще и японцев в частности; со стороны японцев, которые постоянно жили в Америке, особенно так называемых «нисеи» — японцев, родившихся на континенте; и, наконец, окинавское происхождение делало его изгоем в японской общине. «С самого начала своей жизни он как уроженец острова получил нечто вроде комплекса неполноценности, особо проявлявшегося при общении с японцами с Хонсю и других главных островов»[51].

Мияги поступил в школу искусств города Сан-Диего. «У него обнаружился настоящий талант художника, и в выпускном классе он оказался в самом верху списка». Год поработав на ферме, он переехал в Лос-Анджелес.

В это время Мияги вместе с тремя другими японцами принял участие в рискованной затее — они открыли собственный ресторан под названием «Сова». В задней комнате друзья организовали небольшое общество для еженедельных обсуждений вопросов философии, искусства и социальных проблем, которое стало известно, как «Реимеикаи», или «Общество рассвета». По словам Мияги, поначалу общество придерживалось леволиберальных взглядов. Сам он тем временем начал читать произведения русских писателей, особенно Толстого, Горького, Бакунина и Кропоткина — и вскоре обратился в анархическую веру[52].

Летом 1927 года он стал жить вместе с девушкой-японкой по имени Ямаки Чийо. Они сняли квартиру в доме японки Китабаяси Томо. К этому времени он стал пользоваться успехом как художник — на деньги, получаемые от продажи картин, он мог вести безбедное существование.

Вместе с Ямаки Чийо и 40-летней Китабаяси Мияги стал членом сочувствовавшего коммунистам Общества пролетарского искусства. Мияги выпускал маленький собственный журнал и читал членам общества лекции по истории изящных искусств. Все это время, как и раньше, он часто болел.

В 1931 г. Мияги стал членом японской секции компартии США. Заслуга к привлечению его к членству в партии принадлежит коминтерновцу Яно Цутому (партийный псевдоним «Такеда»). Обращение Мияги в новую веру произошло, по его собственному признанию, не столько благодаря прочитанным им книгам или влиянию друзей, сколько из-за обиды «на бесчеловечную дискриминацию, практикуемую в отношении азиатской расы» в Соединенных Штатах. Яно, работавший где-то в районе Нью-Йорка до приезда в Калифорнию, в 1930 году побывал в Москве. Потом вернулся в Америку, где вскоре и познакомился с Мияги. Случилось это в конце 1930 года. Они общались несколько месяцев, и осенью 1931 года Яно Цутому удалось убедить Мияги вступить в компартию.

По словам Мияги, поначалу он отказывался на том основании, что его прежняя жизнь давала ему уважительную причину для отказа. Неясно, однако, что он подразумевал под этим. Но, так или иначе, Яно удалось преодолеть сопротивление Мияги, убедив его в том, что членство в партии будет способствовать «усилению» его активности.

Тогда он согласился вступить и получил партийную кличку «Джо». Поскольку Мияги не отличался крепким здоровьем, его освободили от необходимости посещать партийные собрания, от многих других обязанностей и даже от необходимости писать письменное заявление о вступлении в компартию.

Менее чем через год Мияги познакомился с белым американцем, которым оказался агент Разведывательного управления Джон Шермэн («Дон», «Профессор»), который и привлек Мияги к сотрудничеству с военной разведкой. Свел он знакомство с еще одним американским коммунистом, «Роем», видимо, также агентом Разведупра.

В один из сентябрьских дней 1933 года «Рой» и «Дон» явились к Мияги и сказали, что он должен без промедления отправиться в Японию. В октябре Мияги готов был отплыть из Соединенных Штатов, и Рой велел ему через три месяца вернуться. Мияги отправился в путь налегке, оставив свое личное имущество в Америке. Рой дал ему двести долларов на расходы и однодолларовую купюру, которую Мияги должен был предъявить в Токио человеку, который выйдет с ним на связь[53].

13 октября 1933 г. Мияги прибыл в Иокогаму на пароходе «Буэнос-Айрес мару». Он снял комнату в доме друга и жил тем, что продавал свои картины. В Токио Мияги должен был читать ежедневную газету, издававшуюся на английском языке — «Japan Advertiser», обращая особое внимание на объявление о желании приобрести гравюры укиё-э старых мастеров, которое было сигналом к встрече.

В середине декабря Мияги наконец обнаружил объявление, которое повторялось с 14 по 18 декабря: «Срочно приобрету гравюры укиё-э старых мастеров, а также книги по этому вопросу на английском языке. Предложение отправлять: Токио, Japan Advertiser, п/я № 423».

Прочтя объявление, которое по поручению Зорге поместил Вукелич, Мияги явился в условленный день в бюро объявлений Иссуйся, где встретил «Жиголо», которому Мияги предъявил бумажный доллар с номером на единицу меньше имевшегося у Вукелича. Они договорились об очередной встрече перед входом в художественную галерею Уэно, куда вместе с Вукеличем пришел и Зорге. Об этой встрече Зорге указывал в отчете: «После невиданных еще до сих пор трудностей удалось, наконец, повидаться».

После одной или двух встреч Зорге, которого Мияги знал, как «Шмидта», или «Шмита», попросил его не возвращаться в Америку. Какие слова нашел Зорге, убеждая Мияги, неизвестно. Его аргументация в пересказе Мияги звучит слишком прямолинейно и неестественно: в Японии он был бы более всего полезен в служении тому делу, которому они оба преданы, — предотвращению войны между Японией и Советским Союзом[54]. Мияги согласился не без колебаний, и в этом вновь проявился талант Зорге: уметь воздействовать на людей, находя нужные слова.

7 января 1934 г. Зорге писал в Центр: «Сообщите, пожалуйста, западному берегу, что это совсем исключено, что Джое (в тексте на немецком языке. — *М.А.*) до февраля-марта мог бы быть обратно... Я очень рассчитываю на этого молодого человека и имею большое доверие на его надежность и способности дальнейшего развития. Но на все это требуется здесь очень много времени».

«На первые месяцы он получил только задания устроиться на острове в качестве художника, — писал в отчете Зорге в 1935 г. — Одновременно я употребил последующие недели на то, чтобы основательно его изучить и оценить и на установление тесной личной дружбы, которая на востоке, безусловно, необходима. После того как последнее удалось, я мог поставить перед ним его действительные задачи».

Уже в январском письме 1934 г. «Рамзай» пишет о двух источниках информации: «222», который «производит очень хорошее и серьезное впечатление» и «230» — «очень часто болеет легкими, так что этот источник очень тормозит». В дальнейшей переписке Зорге с Центром эти номера не встречаются.

В этом письме Зорге вернулся к легализации своей и своего радиста: «Положение моего мастера все еще не улучшилось, так как он до сих пор еще никакого дела не создал. Мое положение улучшилось, так как одна значительная газета регулярно приводит мое дело на видном месте. Но это пока только одна, а я должен, конечно, иметь несколько застрахованных покупателей, чтобы я мог здесь держаться. В коммерческом отношении стою я тоже очень хорошо… К новому послу я на ближайшее время приглашен и т. д.».

Сформулировал Зорге и просьбу: «Дайте, пожалуйста, нашим друзьям в Америке поручение установить связь отсюда с хорошим американским журналом… — это было бы для меня здесь очень ценно, если бы я от времени до времени в одном хорошем американском журнале мог бы пустить статью о здешней стране».

«Встречаю еженедельно, вполне официально, при официальных беседах прессы представителя нашей прессы, — писал Зорге о своих журналистских контактах. — Теоретически было бы возможным связь с нашим официальным аппаратом через него установить и даже при больших затруднениях. Я лично против использования этой возможности и очень не рекомендую. Я это сообщаю Вам только на случай, если Вы захотите, по неизвестным мне причинам, в каких-либо случаях скорее добраться до меня. Я вижу в этой связи очень большую опасность. Понятно, что ваш представитель прессы меня не знает и считает за обычного идиота».

В письме Зорге обратился к Центру за помощью: «Я хочу вам напомнить и о вопросе помощи для меня. Если Вы никого до сегодняшнего дня не имеете в виду и если Вы намерены Джона из Ш[анхая] взять, что я слышал может быть возможным, тогда, если оба случая совпадают, я бы очень охотно имел бы Джона у себя. Но это опять-таки тяжеловатый вопрос насчет легализации. Я должен был бы Вас просить Джону непосредственно дать указания подготовить почву для его легализации здесь. Не забывайте, что я здесь имею так называемую мою профессиональную работу, которая все больше отнимает времени, что я должен поддерживать связь и что скоро начнется цифровая переписка.

Если вы считаете общее положение очень серьезным, как я тоже это делаю, то я непременно прошу срочно, чтобы сюда приехал еще один запасной мастер, а именно как можно скорее».

Под псевдонимом «Джон» скрывался соратник и подчиненный «Рамзая» по работе в Шанхайской нелегальной резидентуре Стронский.

Инструктаж по вопросам предстоящей деятельности в Японии, очевидно, был недостаточным. Зорге не были разъяснены разведывательные задачи резидентуры на начальный период. «[Разведывательные] Задачи группы могут быть разделены на две части. — Писал Зорге в «Тюремных записках». — К первой относятся задачи, поставленные нам в 1933 году в общем виде, и более подробные и конкретизированные — в 1935 году»[55].

В январском письме 1934 года Зорге писал: «...Период власти милитаристов не так далек и его непосредственный или посредственный приход к вла-

сти в будущем довольно определенный. Это вело бы тогда к войне с нами, даже если Араки лично и не хотел бы, потому что более молодые элементы и особенно все в Маньчжурии не испугались бы 19.9.31 года, даже если против желания некоторых старых осторожных генералов. Я лично считаю положение очень серьезным, если я даже на предстоящую весну имею некоторые слабые надежды, что она пройдет без войны.

Тогда лето или даже неожиданный зимний поход. В этом вопросе я абсолютно не разделяю оптимизма некоторых посольств, точку зрения наших я не знаю. 222 сообщает, что он от авторитетного высокого чиновника SMR (ЮМЖД), который здесь был, узнал, что в Маньчжурии приступили к постройке трех важных стратегических железных дорог. Одна, исходящая из Кушани, в направлении Мэргень, малый Хинган и дальше к нашей северной границе. Вторая — исходит у Хайлина или Мулина в направлении на Хабаровск. 3-я идет от Тунляо в направлении Джехоли дальше к большой китайской стене к Пекину. Насколько этот проект уже созрел, еще не известно. Они могут быть только в начальной стадии. От этого же источника: приблизительно 600 штатских под руководством 60 солдат и офицеров одного батальона отправлены в Маньчжурию. Не имея дальнейших доказательств, утверждают иностранцы и местные, что последние 3 или 4 транспорта войск из Японии пошли не как смена возвращающимся, а как подкрепление».

На полях документа напротив номера «222» написано от руки — «Отто» со знаком вопроса. Сколь бы соблазнительным ни представлялось приписать номер «222» «Отто» (Одзаки Ходзуми), а значит, и факт установления связи с ним еще в конце 1933 года, это не соответствует действительности.

В январском письме после упоминания об источниках «222» и «230» Зорге сообщал: «К моим старым друзьям из моего пребывания в Ш[анхае] я еще из-за некоторых происшествий в Ш. не решался пойти. Однако подготавливаю этот шаг со всей целеустремленностью и осторожностью. Джое (в оригинале JOE. — *М.А.*) мне в этом деле поможет».

В январском письме Зорге впервые упоминает об Ойгене Отте (Eugen Ott): «Прикомандированный сюда на полгода полковник Отт от рейхсвера, правая рука Шлейхера, сказал мне в одном разговоре: Япония еще на сегодняшний день не имеет первоклассной армии в европейском масштабе, но она всеми силами старается стать такой армией. Главный недостаток при этом — отсутствие военного опыта и частые технические игры, это значит, что не приводит к полнейшему использованию техники. Удивительны те собственные пути и идеи, которые японцы практически применяют в артиллерии. Он считает войну с нами совсем исключенной».

Ойген Отт, родился 8 апреля 1889 г. в Германии в семье государственного чиновника. В начале Первой мировой служил адъютантом в 65-м полку полевой артиллерии 26-й Вюртембергской дивизии, затем — штабным офицером в кавалерийском дивизионе, а после окончания специальных курсов офицеров разведслужбы быстро сделал карьеру, получив должность в генштабе кайзеровской армии. Там он попал в непосредственное подчинение к полковнику Николаи, начальнику отдела III-b — военной разведки германской армии. Под его руководством Отт должен был стать профессиональным разведчиком. Что касается опыта агентурной работы, то на штабной работе даже в отделе III-b получить его было невозможно. В 1923 году Отт продолжил службу в Войсковом управлении рейхсвера — группе III (вопросы внут-

ренней и внешней политики) отделе Т-1 (оперативный отдел сухопутной армии), имея чин капитана и исполняя обязанности помощника майора Курта фон Шлейхера. Войсковое управление — неофициальный генеральный штаб, запрещенный условиями Версальского договора — входил в состав Управления сухопутных сил рейхсвера. В новом качестве Отт уже не имел отношения к военной разведке. Вместе со Шлейхером, оставаясь преданным ему человеком, Отт поднимался по служебной лестнице. В феврале 1926-го полковник фон Шлейхер возглавил Управление сухопутных сил, где работал до 1929 года. Имел репутацию самого способного генерала-политика в Германии. Непродолжительное время Отт состоял на строевой службе — был командиром 3-го дивизиона 5-го артиллерийского полка, затем был начальником отдела Управления сухопутных сил, отвечающего за связь с ветеранскими организациями (в том числе со «Стальным шлемом») и СА.С 1 июня1932 г. по 28 января1933 г. Курт фон Шлейхер являлся министром рейхсвера и менее двух месяцев занимал пост рейхсканцлера.Отт позиционировал себя как руководителя внутренней политики в министерстве рейхсвера при Шлейхере. Что касается отношения Отта к национал-социализму и лично к Гитлеру, то он «не хотел стать частью политической философии нацизма или гитлеровского режима»[56]. И хотя Отт не был противником нацизма и Гитлера, во всяком случае, он так и не стал его сторонником.

На допросе 18 февраля 1946 г., отвечая на вопрос американских следователей (допрос проводили Worth E. McKinney and Lt. Commander John D. Shea), что представляла собой партия Гитлера, Ойген Отт ответил: «В основном — правое крыло национальных фанатиков. Но в то же время много людей пришли и из левого крыла.То есть партия Гитлера частично состояла из коммунистов, частично — из экстремистов. Подобные люди являлись людьми действия, поэтому я уверен, что в национал-социалистическую партию пришли члены коммунистической организации из-за их желания действовать»[57].

Если предположить, что Отт узнал от своей жены о том, что Зорге ранее принадлежал к компартии Германии, этот факт не должен был его насторожить.

1 декабря 1932 г. по поручению Шлейхера подполковник Отт выехал в Веймар на встречу с фюрером НСДАП с целью «побудить Гитлера к участию партии в предполагаемом кабинете Шлейхера»[58]. Фон Шлейхер предлагал Гитлеру через Отта пост вице-канцлера, а нацистской партии — соответствующее число министерских портфелей. Как следовало из стенограммы протоколов допроса генерал-майора Отта 18 февраля 1946 г., встреча с Гитлером проистекала следующим образом: «Я помню этот разговор, потому что это была моя первая встреча с Гитлером, очень отчетливо! В то время Шлейхер пытался сформировать правительство, которое могло бы преодолеть большие трудности, такие, как безработица, финансовые проблемы и опасность экстремистских выступлений от неудовлетворенности всей ситуацией.

ВОПРОС. Фактически, это было его целью или идеей — привлечь, в основном "поглотить" Гитлера и национал-социалистское движение в правительство, которое он хотел создать?

ОТВЕТ. Это было его идеей включения этого движения в легальную систему Веймарской Республики.

ВОПРОС. Под этим вы подразумеваете легальное конституционное правительство Германии на тот момент?

ОТВЕТ. Да, и я объяснил Гитлеру, что… эта его активность под лозунгом аннулирования Версальского договора и его активная поддержка коммунистических забастовок в Берлине невозможны для будущего спокойного развития ситуации в Германии, что на одной стороне — опасность разрушения основ армии, а на другой — поддержка наиболее экстремистских группировок левого крыла. Поэтому я призвал его прекратить эти выступления, дать армии и Шлейхеру возможность сформировать правительство и присоединиться к нему в качестве вице-канцлера с обещанием, что национал-социалистское движение не будет вмешиваться в политику правительства. Гитлер отказался, долго объясняя причину отказа. Он изложил идеи движения и сказал мне, что характер этого движения не позволяет сказать стоп, потому что это движение, которое не должно стоять на месте, и что он не хочет давать никаких обещаний и идти на какие-либо компромиссы. Он призвал армию быть на его стороне, и самым решительным образом расчищать путь к свободе Германии. Другими словами, это было его идеей — абсорбировать армию, нежели присоединиться к формируемому армией правительству. В конце концов, мы расстались с моим осознанием провала порученной мне миссии. На моей встрече с Гитлером присутствовал Геринг. После этого разговора Герингу стало очевидно, что Гитлер не оставляет никакой надежды на компромисс. Он пригласил меня поужинать вдвоем и сказал мне: "Сейчас вы слышали решение Гитлера, но вы можете спросить у министра фон Шлейхера, есть ли шанс, что армия пойдет в атаку на марксистское движение". Я спросил у него: "Что вы имеете в виду?" Он ответил: "Очистить улицы от социал-демократов". Я возразил: "…Это для армии абсолютно невозможно, потому что это противоречит любому закону". …Я объяснил ему, что армия никогда не согласится на такую политику, потому что социал-демократы — важная часть Германии. В течение мировой войны, они всем доказали, что являются неотъемлемой частью нашей нации, выказывавшей свою полную лояльность к власти.

…Я вернулся в Берлин, в тот же вечер встретился с Шлейхером и рассказал ему о состоявшихся встречах, на что он заметил: "Ты видишь, что слова Геринга дают возможность раскола между Гитлером и Герингом, иначе бы он не говорил с тобой, поэтому, возможно, он может удовлетвориться меньшим, чем то, о чем шла речь".

Он [Шлейхер] позвонил в Веймар и попросил меня поехать и заключить с ним [Герингом] своего рода соглашение с национал-социалистской партией, чтобы та на протяжении короткого промежутка времени не препятствовала его правительству»59.

Состоялась ли встреча Отта с Герингом, а если состоялась, то о чём на ней шла речь, бывший посол ни на допросе, ни в опубликованных впоследствии воспоминаниях не сообщает. Не следует забывать, что в своих показаниях Отт субъективен и стремится представить происшедшие события в выгодном для себя, как он считает, свете.

Помимо попыток привлечь Гитлера к участию в правительстве и тем самым как-то «оседлать» национал-социалистское движение, Шлейхер предпринял попытки расколоть национал-социалистическую немецкую рабочую партию. В первых числах декабря 1932 г. Шлейхер в обход Гитлера предложил Грегору Штрассеру, руководителю имперской организации нацистской партии (Reichsorganisationsleiter), занять пост вице-канцлера и государственного комиссара Пруссии. Штрассер не отверг предложений Шлейхера, и 7 декаб-

ря на встрече с Гитлером в «Кайзерхофе» разразился скандал, во время которого Гитлер обвинил Штрассера в стремлении расколоть партию. Штрассер же обвинил Гитлера в том, что тот ведет партию к гибели. 8 декабря Штрассер ушел в отставку с партийных постов и уехал в Италию. Будучи исключенным из партии, он полностью отошел от политики. Шлейхер переоценил степень влиятельности Штрассера в национал-социалистической партии. О своем участии в переговорах со Штрассером Отт умолчал.

Так сложная политическая игра с нацистами, в которой принимал участие Шлейхер, — сначала не допустить их к власти, а, не справившись с этой задачей, попытаться если не обуздать, то расколоть НСДАП, потерпела фиаско. Практически все свое время Шлейхер тратил на переговоры со Штрассером и его сторонниками, с представителями национальной партии и партии Центра, христианского и социал-демократического профсоюзов. Лидеры социал-демократов не захотели вести переговоры с «генералом-реакционером», и Шлейхер оказался в рейхстаге в политической изоляции.

В конце января 1933 г., как следует из показаний Отта, состоялось секретное совещание узкого круга сотрудников Генерального штаба, которое созвал начальник управления сухопутных войск Курт фон Хаммерштейн-Экворд, которого называли «красный генерал». На совещании присутствовал и Отт, как ответственный «за политику»: «Хаммерштейн проинформировал нас от имени Шлейхтера, что возможно на следующий день Гитлер возьмет власть в свои руки и Шлейхер будет свергнут, и в этой связи он обратился к кругу доверенных лиц: "Можно ли что-то сделать, чтобы избежать этого очень опасного развития ситуации?" Мы решили предложить Шлейхеру свергнуть Гинденбурга, участвуя в заговоре, чтобы избежать прихода Гитлера к власти. Вместе с тем мы указали, что это может быть неверным решением, потому что Гинденбург был безупречным человеком, и мы затруднялись ответить, смогли бы мы взять на себя ответственность за такое действие. В конце концов Шлейхер попросил не делать этого, потому что почувствовал, что это будет несмываемым пятном на немецкой армии — пойти против самого достойного человека, которого знал мир. И так бездействие привело к известным последствиям»[60].

На деле все обстояло не совсем так, как показывал Отт. В конечном итоге Шлейхер решил бороться с Гитлером. Курт фон Хаммерштейн-Экворд был готов использовать для этой цели рейхсвер, и Шлейхер обратился к президенту Гинденбургу с просьбой об особых полномочиях. Государственный переворот, фактически предложенный Шлейхером, не входил в планы Гинденбурга. К тому же он опасался, что национал-социалисты могут предъявить ему обвинение в неконституционном поведении. На Гинденбурга не повлияли даже предупреждения Хаммерштейна, попытавшегося объяснить старому президенту, что произойдет, если Гитлеру удастся прийти к власти. Гинденбург отказал Шлейхеру, и тот был вынужден оставить свой пост. 30 января 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером.

В такой сложной политической обстановке было принято решение командировать Отта в Японию по обмену офицерским составом. История его назначения в показаниях на допросе 1946 года выглядела следующим образом: в последние дни января, когда участь Шлейхера была предрешена, Отта вызвал к себе начальник управления сухопутных войск фон Хаммерштейн-Экворд (который ушел в отставку 1 февраля 1934) и сказал: «"Вы должны по-

кинуть пост шефа политики в военном министерстве". Я ответил ему: "Я очень рад, ваше превосходительство, я давно этого хотел". Он добавил: "Сейчас у вас есть заслуги, и я хочу направить вас в то место, куда вы захотите, и в качестве подарка вы можете до конца своей карьеры оставаться причисленным к Генеральному штабу".

Это было непростое предложение. Поэтому я обсудил его со своей женой. Я сказал ей: "Думаю, что я бы хотел отправиться на южную часть Германии... как можно дальше от Берлина", — на что она моментально ответила: "Почему бы тебе не отправиться в Маньчжурию? Там теплый климат и очень интересное место для изучения, и это еще дальше отсюда". Я согласился, что это отличная идея, и попросил командующего: "Пожалуйста, направьте меня в Маньчжурию. Я бы хотел изучать Маньчжурию".

И тот ответил: «Вы удивили меня, я никогда не думал об этом, но я приму это к сведению. Это должно быть интересно для нас, иметь из первых рук информацию о японской армии после мировой войны». На следующий день он вызвал меня к себе и сказал: «Хорошо, езжайте»...

ВОПРОС. Этот Хаммерштейн, можно ли назвать его сочувствовавшим национал-социалистам?

ОТВЕТ. Вовсе нет, совсем наоборот.

ВОПРОС. Поэтому вы верили всему, что он говорил в части вашего назначения?

ОТВЕТ. Конечно! Он был очень близким другом фон Шлейхера.

ВОПРОС. И рассмотрение вашего назначения в Японию было из-за вашей дружбы с фон Хаммерштейном?

ОТВЕТ. Он был командующим, и в его компетенции было мое назначение. Что же касается меня, то я был сыт по горло (указывает на шею) политикой и хотел опять заниматься обычными профессиональными обязанностями в армии, и не хотел иметь ничего общего с политикой.

ВОПРОС. Когда вы приехали в Японию летом 1933 года, вы не имели никаких обязательств перед нацисткой партией или Гитлером, или другими членами армии, кто был связан с тем движением в Германии, верно?

ОТВЕТ. Да, это верно!»[61].

В конце июня 1933 г. Отт прибыл в город Нагоя в качестве стажера в 3-й артиллерийский полк японской армии. Должность очень незавидная. Было ли это бегством от возможной расправы, утверждать сложно. Однако у этой командировки было двойное дно: перед Оттом была поставлена задача — ознакомиться с организацией разведки японской армии, о чем должна была быть достигнута предварительная договоренность с японским генеральным штабом, что не исключает, однако, того, что Отт был снабжен также соответствовавшими сопроводительными письмами. Перед отъездом он должен был пройти инструктаж в военной разведке и контрразведке— в Абвере, возглавляемом с 6 июня 1932 г. фрегаттен-капитаном Конрадом Патцигом, сменившим на этом посту полковника Фердинанда фон Бредова, который руководил Абвером с конца 1928 г.

В число полезных знакомств, которые Отту удалось завести с японскими офицерами, вошли две неординарные личности. Первая — Доихара Кэндзи, в 1931 г. начальник разведывательной службы Квантунской армии, главный организатор Маньчжурского инцидента; затем начальник разведывательной военной миссии в Мукдене. Доихара владел тринадцатью языками и диалек-

тами. Его агенты пытались проводить диверсии против Советского Союза на границе с Маньчжурией. Организация терактов, диверсий и проведение специальных операций на территории СССР должны были заинтересовать Отта.

Второй неординарной личностью, с которой Отта в последующем связывала личная дружба, был сорокасемилетний полковник Осима Хироси, владевший немецким языком[62]. В начале 1920-х он был военным атташе в Будапеште и Вене, затем командовал пехотным полком, руководил отделом Генштаба японской армии, был военным атташе Японии в Берлине и являлся одним из инициаторов Антикоминтерновского пакта (Осима подписал его как представитель Японии). Осиме во время командировки Отта вменялось в обязанность отвечать на его вопросы и предоставлять требуемые материалы.

Последующее развитие событий — назначение Ойгена Отта военным атташе в Токио — позволяет предположить, что командировка в Японию была необходимым предварительным этапом: она предполагала, что в ходе решения поставленных задач Отт проявит свои способности устанавливать и поддерживать контакты с представителями японской армии.

Свое первое письмо-доклад в Центр, подводившее итог четырехмесячного пребывания в Японии, Зорге завершил словами: «К сожалению, большего я ничего вам не могу сообщить. Во-первых, я лежу уже три недели больным в постели, и поэтому очень стеснен, но это скоро пройдет. Потом я здесь только четыре месяца, и четыре месяца для такой страны ничего не значат. Значит, вооружитесь терпением. Самый лучший из вас не смог бы сделать больше за это время в этой обстановке. Подчеркиваю особенную товарищескую помощь наших людей в Ш[анхае]. С сердечным приветом, Рамзай».

Невозможно не оценить на редкость позитивное и доброжелательное отношение Зорге к своим соратникам, готовность видеть в них только положительное, оправдывать допущенные ими ошибки и затушевывать отрицательные черты, что отличало его от его «товарищей по оружию», которые охотно «бросали в него камни» и даже «стреляли в спину» на протяжении всей его недолгой жизни.

3.3. «Особенно трудно здесь из ничего кое-что создать»

(*из письма Рамзая в Центр от конца мая 1934 г.*)

Как только Зорге обзавелся домом, он приступил к разностороннему и углубленному изучению проблем Японии, включая ее историю, литературу, политику, экономику, нравы и обычаи японского народа, начал собирать книги по истории и культуре Страны восходящего солнца.

«Знания дел работы в Японии, которые я получил в результате самообразования, ничуть не уступали тому, что мог дать немецкий университет, — писал Зорге в «Тюремных записках». — Мне были хорошо знакомы европейская экономика, история, политика; я провел три полных года в Китае, изучал его древнюю и современную историю, его экономику и культуру и занимался обширными исследованиями в области его политики. Кроме того, еще будучи в Китае, я написал несколько работ о Японии, стараясь получить общие представления об этой стране. Я хочу еще добавить, что, нагрузив себя этими предварительными исследованиями и практическими упражнениями, все разнообразные проблемы я рассматривал полностью с марксистской точки

зрения. Можно со мной не согласиться, но я убежден, что исследования, основанные на марксистской теории, требуют анализа коренных, базовых проблем — экономических, исторических, социальных, политических, идеологических и культурных. Поэтому, если мы стремимся к пониманию основных проблем той или иной страны, этот метод, естественно, в значительной степени облегчает нашу работу и содействует ей. Используя именно этот метод, я осенью 1933 года приступил к глубокому изучению проблем Японии»[63].

Однако, если принять во внимание публикацию в октябре и ноябре 1933 г. двух статей Зорге в газете «Берлинер бёрзен-курир», то начатое в Китае изучение Японии было продолжено по возвращению его в СССР из Шанхая.

«Глубокое» изучение Японии, по словам Зорге, выглядело следующим образом: «Во время моего ареста у меня дома было от 800 до 1000 книг, что, похоже, явилось источником значительного раздражения для полиции. Большая часть этих книг была посвящена Японии. Создавая свою библиотеку, я собирал все издания японских книг на иностранных языках, которые мог достать; лучшие книги, написанные иностранцами о Японии, и лучшие переводы основных японских художественных произведений. Например, у меня были английский перевод «Ниппон сёки» (книга, высоко ценимая коллекционерами), английский перевод "Кодзики", немецкий — "Манъёсю", английский — "Хэйки моногатари", перевод выдающегося, с мировой славой произведения "Минамото-симоногатари" и др. Я с большим усердием занимался японской древней историей (к которой даже сейчас я испытываю интерес), древней политической историей, а также древней социальной и экономической историей. Я скрупулезно изучал эпохи императрицы Дзингу, Вако и Хидэёси, довольно многое, написанное мной, основано на материалах истории экспансии Японии с древних времен. В моих исследованиях очень пригодились многочисленные прекрасные переводы по древней японской экономике и политике.

Древнюю Японию изучали многие иностранцы, поэтому не приходилось особо усердствовать при поиске необходимых материалов. Думаю, что я смог собрать гораздо больше материалов, чем обычный иностранец.

Используя все это как отправную точку для исследований, мне было легче взяться за проблемы современной японской экономики и политики. Я тщательно изучил аграрный вопрос, затем мелкое и крупное производство и, наконец, перешел к тяжелой промышленности, хотя плотное покрывало секретности, обусловленной принятыми в последние годы законами, сделало мои исследования недостаточно результативными и даже опасными. Конечно, я также изучал социальное положение японских крестьян, рабочих и мелкой буржуазии, в начальный период у меня была возможность заниматься и этим. Я максимально, насколько мог, использовал оригинальные японские материалы, такие, как экономические журналы и публикации правительственных учреждений.

Прекрасные материалы для исследований предоставили бесчисленные внутриполитические конфликты между парламентской группировкой и правыми экстремистами по поводу недостатка зерна и инцидента 26 февраля 1936 года. Происходившие время от времени политические инциденты были так хорошо ясны человеку, прекрасно знающему старую японскую историю, как не могли и представить в тайной политической полиции. Можно было легко понять внешнюю политику современной Японии, если рассмотреть ее

в свете старой японской истории. Поэтому, зная древнюю историю, можно было сразу дать оценку проблемам японской внешней политики.

Меня интересовало также и развитие японской культуры и искусства, я изучал эпохи Нара, Киото, Токугава, влияние различных китайских школ, а также современный период с эпохи Мэйдзи.

Кроме моей домашней библиотеки, я пользовался библиотекой германского посольства в Токио, личной библиотекой посла и библиотекой Восточно-азиатского общества в Токио, располагающего обширной научной литературой. Общество часто проводило научные собрания и лекции, где большей частью темой обсуждения была японская история. И я в той или иной степени поддерживал контакты и обменивался мнениями с немцами, проявлявшими интерес к этим проблемам.

Вскоре после моего прибытия в Японию для меня были сделаны переводы различных работ по истории Японии. У меня дома было очень много таких рукописей. Кроме того, для меня регулярно готовились выдержки из ряда японских журналов. Благодаря такому способу я мог детально изучать материалы по аграрному вопросу, появляющиеся в японских книгах и журналах»[64].

«Изучение Японии имело большое практическое значение для моей разведывательной деятельности, но одновременно оно было абсолютно необходимо и как маскировка для нелегальной работы, — объяснял Зорге. — Если бы я не занимался изучением Японии, то, вероятно, никогда не смог бы занять то прочное положение, которое было у меня в германском посольстве и среди немецких журналистов. Мое положение в посольстве определялось не только дружескими связями с его сотрудниками. Напротив, некоторые сотрудники возражали против моего влияния в посольстве и даже открыто возмущались по этому поводу. Я занял такое положение в посольстве, главным образом, благодаря большой общей эрудиции, исчерпывающим знаниям о Китае и детальному изучению Японии. Без этих знаний, то есть без моих детальных исследований, никто из сотрудников посольства не стал бы обсуждать со мной своих проблем или спрашивать моего мнения по конфиденциальным вопросам. Многие из них обращались ко мне именно потому, что знали: эта беседа даст им что-либо пригодное для решения проблемы. Никто из них не обладал такими знаниями о Китае и Японии, какие я приобрел в результате многочисленных путешествий и многолетних исследований. ...

Мои исследования были очень важны и для того, чтобы утвердиться в положении журналиста. Без такого фона мне было бы очень трудно превзойти даже не слишком высокий уровень начинающего немецкого репортера. Благодаря же такому фону я был признан в Германии лучшим немецким корреспондентом, аккредитованным в Японии. Газета «Франкфуртер цайтунг», на которую я работал, часто хвалила меня и заявляла, что мои статьи повысили ее международный престиж. Газета «Франкфуртер цайтунг» в германском журналистском мире отличалась самым высоким уровнем и с точки зрения содержания статей превосходила прочие газеты. Это не только мое мнение. Так же считали и в германском посольстве, и в Министерстве иностранных дел Германии, да и все образованные немцы.

Репутация самого видного журналиста влиятельной немецкой газеты, естественно, была исключительно важна для моей разведывательной деятельности. Общее признание моих способностей оказывало благоприятное

влияние также и на мое положение в посольстве. Германское Министерство иностранных дел, оценив мои возможности как журналиста, предложило мне высокую официальную должность в посольстве. Я отказался, но мой престиж в посольстве постоянно возрастал.

Благодаря такой журналистской репутации я получал бесчисленные заказы на статьи от немецких газет и журналов. Кроме того, газета «Франкфуртер цайтунг» и журнал «Геополитик» наседали на меня с предложением как можно быстрее написать книгу о Японии. Я закончил уже триста страниц рукописи, но мои литературные планы с арестом потерпели крах. Мои очерки, публиковавшиеся в журнале «Геополитик», были довольно объемными и охватывали различные темы, благодаря чему среди немецких читателей утвердилась моя репутация как журналиста и писателя.

...Думаю, что, если бы я не занимался этими исследованиями и не имел такого образовательного потенциала, мне не удалось бы выполнить свою секретную миссию...»[65].

Исследованию Восточной Азии способствовали и многочисленные поездки Зорге. «В последнее время из-за полицейских ограничений поездки стали совершенно невозможными, — писал Зорге в «Тюремных записках», — но ранее, примерно в 1938—1939 годах, путешествовать по Японии можно было сравнительно просто, поэтому я часто выезжал, но не для обычного осмотра мест, а для обследования важных городов и районов. Однако целью моих поездок была не разведывательная деятельность, а стремление узнать землю и ее народ. Я хотел к тому же сильнее развить в себе способность непосредственного восприятия как базу для изучения истории и экономики. Таким образом, я спланировал поездку на побережье Японского моря и объездил районы от Ниигата на запад. Кроме того, я часто посещал Нару и Киото, подробно осмотрел полуостров Кии. Через Кобе, Осаку, побережье внутреннего Японского моря, Сикоку я совершил турне по побережью острова Кюсю вплоть до Кагосимы. По воскресеньям я часто путешествовал пешком и попутным транспортом из Токио до Атами и западнее. Целью таких пеших походов было выяснение положения с урожаем риса в разных местах в различное время года. Результаты обследования были важны для моей работы в газете "Франкфуртер цайтунг" и журнале "Геополитик"»[66].

Получение новых знаний о местах, которые посещал Зорге, прежде всего было для него потребностью и доставляло удовольствие.

«... я вовсе не собирался выполнять роль простого почтового ящика для передачи информации, собранной другими. — Отмечал в «Тюремных записках» Зорге. — Напротив, я считал абсолютно необходимым, насколько возможно, полнее разбираться в проблемах страны моего пребывания, а именно Японии. Проведение этих исследований дало мне возможность оценивать важность тех или иных проблем и событий как с позиции советской дипломатии, так и с более широкой политической и исторической точки зрения»[67].

Во время массированного налета стратегической авиации США 7 марта 1945 г. на Токио вместе со зданием Министерства юстиции сгорели все оригиналы научных и публицистических работ, в частности рукопись монографии «История дипломатии современной Японии», над которой Зорге работал последние годы жизни. В огне погибла и его многотомная библиотека, конфискованная японской полицией.

На допросе в американской контрразведке в декабре 1945 г. Макс Клаузен сообщил, что когда Зорге уезжал из города, он оставлял на хранение чемодан с личными бумагами ему или военно-морскому атташе Паулю Веннекеру, которому очень доверял. Клаузен сообщил американской контрразведке и о своих имевших место в первой половине декабря контактах с Веннекером, который был интернирован союзниками, а 5 ноября был освобожден и в это время находился в Японии[68]. В «Отчете и объяснениях по моей нелегальной деятельности в пользу СССР», датированном ориентировочно ноябрем 1946 года, Макс Клаузен писал: «...Теперь о моем разговоре с ВЕННЕКЕРОМ. Я знал от РИХАРДА, что у ВЕННЕКЕРА был небольшой чемодан РИХАРДА, который хранил ВЕННЕКЕР, когда РИХАРД работал в немецком посольстве. РИХАРДУ для работы был необходим некоторый материал, который он хранил у ВЕННЕКЕРА. Когда я пришел к нему, он был не очень рад меня видеть, но тем не менее пригласил в комнату. Мы поговорили с ним немного о политике. То, что он не являлся настоящим фашистом, я слышал еще от РИХАРДА, и теперь он сказал мне, что исполнял только свои обязанности. Когда я спросил о чемодане РИХАРДА, он покраснел. «Да, — ответил он, — у меня был чемодан ЗОРГЕ во время вашего ареста, но в нем было немного: рукопись о японском сельском хозяйстве, 3 тыс. американских долларов и 12 тыс. иен». — «Где же сейчас чемодан?», — спросил я. "Вскоре после ареста Зорге я снес его к послу ОТТУ, и мы открыли его. Рукопись мы уничтожили, 3 тыс. амов взял ОТТ, а иены мы оставили в чемодане. Позднее явилась полиция и забрала у меня чемодан»».

Благодаря таланту и знаниям, полученным постоянным, упорным повседневным трудом, из книг, бесед, поездок по стране, Зорге в удивительно короткое время завоевал репутацию одного из лучших специалистов по Японии, Китаю и Дальнему Востоку. Совершить подобное было «по плечу» только ему, другой личности, сопоставимой по масштабу, рядом не было. Зорге являл собой пример одного из немногих, если не единственного в своем роде иностранца, добившегося полного погружения в жизнь Японии.

За короткий промежуток времени Зорге сумел завести обширный круг знакомств среди сотрудников германского посольства, иностранных журналистов, немецких бизнесменов, представителей западных фирм. В дальнейшем он произведет переоценку этих связей и избавится от ненужных, сохранив лишь те, которые могут оказаться полезными для получения информации или послужат прикрытием его разведывательной деятельности.

За несколько дней до католического Рождества 1933 г. в Токио прибыл новый посол Германии Герберт фон Дирксен (1882—1955), сын влиятельного дипломата Вибана фон Дирксена. Образование он получил в Гейдельбергском и Берлинском университетах, а в Ростокскм университете — степень доктора юридических наук. Затем поступил на государственную службу, служил по линии Министерства торговли в колониальных владениях в Африке, участвовал в Первой мировой войне, имея воинское звание лейтенант. За боевые отличия был награжден Железным крестом 2-го класса. После войны перешел на дипломатическую службу, с 1929-го был послом Германии в СССР, в сентябре 1933-го получил назначение послом в Японию, а в 1938-м на посту германского посла в Великобритании сменил назначенного министром иностранных дел Риббентропа. В сентябре 1939-го, после вступления Великобритании в войну, вернулся в Германию и был отправлен в отставку. В сво-

их мемуарах «Москва — Токио — Лондон: Воспоминания и размышления. 20 лет германской внешней политики. 1919—1939» он дал весьма нелестные характеристики многим высокопоставленным представителям нацистской дипломатии, в том числе министру иностранных дел Третьего рейха Иоахиму фон Риббентропу. «Итак, моя карьера государственного служащего, продолжавшаяся на протяжении 37 лет, подошла к концу, — писал Дирксен в своих мемуарах. — Я чувствовал и облегчение, и озлобление одновременно: облегчение оттого, что моя связь с правительством, которая стала мне отвратительна, была, наконец, разорвана, а озлобление и горечь оттого, что со мной так обошлись»[69].

«Вопрос, столь часто поднимаемый в наши дни, а именно ограничена ли задача посла в наш технический век лишь функциями почтальона и, соответственно, стоит ли читать его воспоминания, нет нужды подробно обсуждать здесь, — отмечал Дирксен. — Ответ на этот вопрос зависит главным образом от личности самого посла и от политической ситуации в его стране и в стране, где он аккредитован.

Что до задач, которые мне пришлось решать, читатель может прийти к выводу, что я играл активную роль в Москве, тогда как в Токио был лишь наблюдателем. А вот в Лондоне, выполняя задачу, возложенную на меня Гитлером, я действительно мог служить лишь письмоносцем»[70].

Итак, Герберт фон Дирксен спустя десять лет оценил роль, которую он играл в Японии, как роль «наблюдателя»: «Ко времени моего прибытия в Японию условия для работы германского посла в этой стране были идеальными, почти идиллическими. Япония — одно из самых отдаленных от моей родины мест, а это само по себе бесценный плюс в профессии дипломата. Никакой другой пост не доставлял больших удобств и приятностей в повседневной жизни иностранца вообще и дипломата в частности, чем работа в Японии: красивая, гостеприимная и интересная страна, в которой смешались черты дальневосточной культуры и западной цивилизации, очень недорогая жизнь, квалифицированный и дружелюбный японский персонал, неограниченные возможности для комфортабельных путешествий, удобства на морских и горных курортах с их европейскими отелями, исторические храмы и замки с ценными коллекциями произведений искусства. Действительно, в Японии были все возможности для изучения дальневосточного искусства, истории и культуры, равно как и возможности для поддержания достаточно тесных контактов с западным образом жизни и мыслей благодаря частым посетителям из Европы, а также концертам и кинофильмам.

Официальные обязанности германского посла в Японии не были осложнены какими-либо столкновениями интересов или застарелыми конфликтами между двумя странами. Напротив, в течение шести лет Германию и Японию связывали дружественные отношения, еще более укрепившиеся благодаря сотрудничеству в сфере науки и присутствию германских военных советников в японской армии»[71].

«Как обычно, в МИДе мне не дали никаких особых инструкций, когда я уезжал из Берлина, — вспоминал в конце 1940-х бывший посол. — Но из намека, оброненного военным министром генералом фон Бломбергом, я сделал вывод, что Гитлер намерен установить тесные отношения с Японией.

Роль германского посла в Японии сводилась поначалу к роли зрителя на основной политической сцене. Это была интересная задача и легко выполни-

мая благодаря наличию двух факторов: квалифицированного персонала посольства и благоприятных политических обстоятельств»[72].

По прибытии в Токио Дирксен познакомился с небольшим штатом посольства, который состоял в том числе из двух старших (первых) секретарей («герр Кольб и герр Кнолль»), в совершенстве владевших японским языком и в силу этого «особенно ценных». «Первый ведал культурными делами, а второй выполнял обязанности коммерческого секретаря». Список гражданского персонала завершал фон Эцдорф, личный секретарь посла. «Герр Нобель», коллега Дирксена по берлинскому периоду работы в Восточном отделе, был назначен советником посольства, безусловно, по рекомендации последнего[73]. Таким образом, в посольстве отсутствовал специалист по политическим вопросам, равно как военный аппарат и представители служб безопасности.

Языка Дирксен не знал, к тому же ему пришлось столкнуться с людьми, обладавшими иными, чем у европейцев, национально-психологическими особенностями. «Трудности процесса ознакомления с механизмом работы японского ума усиливались не только сложностью японского языка, но и тем, что, пытаясь объяснить свой образ мышления, японцы пускались в бесконечные разъяснения о том, что, по их мнению, является исключительным достижением системы дальневосточного просвещения, которое рассматривало западное мышление как довольно банальное»[74], — вспоминал Дирксен.

«Я не предпринимал никаких попыток выучить японский язык, поскольку в моем возрасте мозги уже недостаточно восприимчивы для изучения этого крайне сложного языка, перевод с которого одних и тех же понятий разнится в зависимости от социального положения собеседника. В беседе с членами императорского двора, например, используются совершенно отличные формы от тех, что приняты при обращении к ровне или к кому-то из более низкого сословия.

Свободное владение языком было бы полезно для меня лишь в беседах с высокоинтеллектуальными людьми, поскольку обыкновенные японцы говорили на некоем подобии «пиджин-инглиш». Кроме того, мне приходилось пользоваться услугами нашего посольского переводчика, когда я беседовал с теми японцами, которые не говорили ни на каком иностранном языке. И эти люди, как правило, оказывались намного более влиятельны, чем те из их земляков, которые легче поддавались иностранному воздействию»[75].

«Когда Дирксен приехал в Т., я уже был своим человеком в посольстве и, таким образом, также и у него, — напишет Зорге в отчете. — Из этого развились с течением времени очень тесные взаимоотношения с посольством».

Дирксен и Зорге не могли не заинтересовать друг друга. Оба имели ученую степень и были людьми с обширными знаниями в различных областях. Объединяло их и участие в Первой мировой войне, они даже имели одинаковые награды — «Железный крест».

Дирксен рассчитывал с помощью Зорге заполнить существовавшую лакуну — отсутствие в посольстве специалиста по политическим проблемам. Это позволило бы ему беззаботно предаваться страсти к коллекционированию китайской керамики и восточного искусства. Посол-наблюдатель был далек от проблем современной Японии и не пытался в них разобраться. «Мои самые приятные воспоминания о Токио связаны с часами, а иногда и днями, проведенными за изучением или коллекционированием произведений восточноазиатского искусства»[76], — признавался он в мемуарах. Будучи жесто-

ко обманут в лучших чувствах, он ни словом не обмолвился в воспоминаниях о Зорге.

После шестимесячной командировки Ойген Отт вернулся в Берлин «не с пустыми руками». Его отчет оказался столь заслуживающим внимания, что военный министр фон Бломберг приказал ему доложить о результатах своей деятельности лично Гитлеру.

Из показаний генерал-майора Отта на допросе 18 февраля 1946 г.:

«ВОПРОС. Генерал, когда министр приказал прийти на встречу с Гитлером, были ли вам даны какие-то инструкции или указания на то, что от вас может потребоваться?

ОТВЕТ. Ни слова. Фон Бломберг только сказал: "Я бы хотел, чтобы ты отчитался перед Гитлером о результатах своего пребывания в Японии". И я ответил: "Ваше превосходительство, последний раз, когда я виделся с Гитлером, я находился в явной оппозиции к нему, поэтому, возможно, он будет не очень рад видеть меня вновь". Бломберг возразил: "Это уже моя забота, не беспокойся. У тебя будет всего 20 минут на разговор..."

ВОПРОС. Это была ваша вторая встреча?

ОТВЕТ. Да. На встрече с Гитлером присутствовали фон Бломберг, фон Нейрат, министр иностранных дел того времени, и, мне кажется, Фрич, командующий сухопутными силами.

...Я вошел в комнату и при общем внимании прочел свой отчет... Гитлер встал из-за стола, подошел ко мне, пожал руку и сказал: "Рад видеть вас снова. У нас была очень интересная встреча в Веймаре". Таким образом, он явно дал мне понять, что мне не о чем беспокоиться. Вот так я доложил о своих впечатлениях о Японии и японской армии.

ВОПРОС. Могу ли я перебить вас. Вы помните, задавал ли он вам специфические вопросы касательно японской армии?

ОТВЕТ. ... У него была карта Дальнего Востока, Маньчжурии, Японии, России, Сибири на его столе, и он постоянно на нее смотрел, и так как он был очень внимательным, я потратил не 20 минут, предоставленные мне, а 40. Военный министр смотрел на меня, как бы говоря: "Я приказал тебе докладывать 20 минут". Я доложил Гитлеру о японской армии, давая свои оценки, как всегда я это делал, не расходясь с текстом документа. Основными характеристиками этой армии были полное послушание императору, очень большая готовность к самопожертвованию, несопоставимая с нашей армией, значительная отсталость в вооружении и уровне подготовки личного состава, ограниченный политических кругозор японских офицеров.

В конце концов он сказал мне: "С большим интересом выслушал ваш доклад. Накануне мне докладывал военный атташе из Москвы, который высказал мысль, что японское давление на Россию ни в коей мере не повлияет на отношение России к европейскому порядку". Я задал вопрос: "Что вы имеете в виду?" Он ответил: "Я думаю, это неверное мнение". Я возразил ему "Я соглашусь с этим человеком. Лично я не считаю, что боевые действия на Дальнем Востоке могут повлиять на военную обстановку на западе России или на ее западной границе". — "Но почему?", — спросил он меня. И я пояснил: "Потому что это очень далеко, и у этой Сибирской Армии есть проблемы, связанные с источниками снабжения, и для решения они создают свою собственную военную промышленность, потому что знают, что будут не в состоянии послать войска с запада России или ее западных границ в этот далекий район, потому

что у них на данный момент имеется единственная одноколейная дорога". Тогда фюрер сказал мне: "Я не верю в это. Я думаю, что это (японское давление на Россию. — *М.А.*) окажет очень сильное влияние".

ВОПРОС. То есть во второй раз вы не согласились с ним, и вы ему об этом сказали?

ОТВЕТ. Да, и военный министр смотрел на меня так, как будто говорил: "Ты в своем уме, перечить Гитлеру". И тогда я сказал фюреру: "Я не могу согласиться с вами. Я имею на то основание и свое собственное объяснение". Тогда он неожиданно закончил обсуждение моего доклада и сказал: "У меня одно мнение, а у вас — собственное. Только будущее покажет, кто из нас прав". Я ответил: "Соглашусь с вами". И я считаю, что будущее подтвердило мою правоту...

Я должен добавить, что участники этой встречи, ни военные, ни министр иностранных дел не затронули тему сотрудничества с Японией в то время. Это было, я думаю, первой общей информацией о Японии. Но Гитлер был хорошо осведомлен, если судить по вопросам, им задаваемым по моему докладу. Я был изумлен, насколько точно он проник в суть доклада. Должно быть, он изучал самостоятельно ситуацию на Дальнем Востоке ранее.

ВОПРОС. Но ничто в этом обсуждении не навело вас на мысль, что, рассматривая Дальний Восток, он рассматривал какие-либо южные направления движения японской армии?

ОТВЕТ. Нет, ничего. И то же самое, в том, что касается военных действий против России в то время.

ВОПРОС. Так вы считаете, что на тот момент, так называемый, трехсторонний пакт не рассматривался?

ОТВЕТ. Конечно, нет.

ВОПРОС. Потом вы вернулись в Немецкое посольство в городе Токио в 1934 году?

ОТВЕТ. Да.

ВОПРОС. И это было после вашей встречи с Гитлером?

ОТВЕТ. Да.

ВОПРОС. И вы получили новое назначение как заслуженное, в отличие от назначения, которое получили, когда только приехали?

ОТВЕТ. Да, военный атташе...

ВОПРОС. ...У вас были секретные указания?

ОТВЕТ. У меня не было никаких секретных указаний. Я меня были инструкции, которые даются всем военным атташе, делать все возможное, чтобы наладить дружественные отношения с армией страны пребывания, изучать состояние этой армии и находиться в распоряжении посла, готовым выполнять любые его поручения... В том, что касается сотрудничества с Японией, я спросил у военного министра Бломберга, покидая его кабинет, согласен ли он со следующей формулировкой моей миссии: **"Японский меч нужно всегда держать обнаженным, не возвращая его в ножны"** (выделено мной. — *М.А.*). Я подчеркнул это, и Бломберг сказал мне: "Я думаю, что это потрясающая формулировка нашей идеи"»[77].

Вскоре после доклада Гитлеру Отту было присвоено звание полковника, и той же весной Отт в качестве военного атташе прибыл в Токио.

«В стране, где армия и флот играли столь важную роль, человеческие качества и профессиональная квалификация военного и военно-морского ат-

таше были особенно важны, — напишет в своих воспоминаниях Герберт фон Дирксен. — Мне повезло, что в качестве военного атташе у меня работал один из самых известных офицеров германской армии как с точки зрения личных качеств, так и квалификации — генерал Отт. В качестве политической «правой руки» генерала фон Шлейхера, бывшего на протяжении пяти лет военным министром, он играл ведущую роль в переговорах с нацистами. Хотя Гитлер решил не вынуждать Отта повторить судьбу генерала Шлейхера и генерала фон Бредова, убитых 30 июня 1934 года[78], новый военный министр счел благоразумным в течение нескольких лет держать Отта подальше от глаз диктатора. Несмотря на отчаянные попытки вернуться к командованию дивизией или армейским корпусом — поскольку он был прирожденным солдатом, — Отту пришлось оставаться на своем полудипломатическом посту. Благодаря сильному характеру и способностям он заслужил уважение японского генерального штаба, равно как и уважение дипломатического корпуса»[79].

О роли Отта в контактах Шлейхера с нацистами Дирксен мог узнать только от самого Отта, так как во время происходивших в Германии событий он был германским послом в СССР. Даже если допустить, что Отт «играл ведущую роль в переговорах с нацистами», он был не настолько важной фигурой, чтобы окружение Гитлера либо сам фюрер решили свести с ним счеты. Это же относится и к военному министру Бломбергу, якобы отводившему от Отта «опасность».

Что же касается попыток последнего «вернуться к командованию дивизией или корпусом», то это чистейшая фантазия Дирксена, по-видимому, навеянная рассказами самого Отта — в лучшем случае он мог рассчитывать на командование артиллерийским полком, да и то навряд ли. Речь могла идти лишь об относительно высокой штабной должности благодаря связям Отта в командовании рейхсвера, а в последующем — вермахта. Все это свидетельствует о склонности Отта преувеличивать свою значимость, то есть о слабости, которую не мог не заприметить Зорге.

Было бы чрезмерным преувеличением утверждать, что Отт не мог простить фюреру подлого убийства Курта фон Шлейхера, своего назначения в Японию и, как следствие, конца своей карьеры в рейхсвере, а тем более — что Отт ненавидел Гитлера. Однако точно известно, что нацистом он не был никогда.

Япония была одной из немногих стран (Австрия, Венгрия, Италия, Эстония, Болгария), где агентурная разведка была запрещена. Руководство работой военных атташе осуществлялось абвером. В 1938 г. в абвере был создан Иностранный отдел («Amtsgruppe Ausland»), который возглавил капитан 1-го ранга Леопольд Бюркнер и который осуществлял взаимодействие с Министерством иностранных дел, руководил работой германских военных атташе, собирал информацию из открытых источников — иностранной литературы, прессы и радиопередач, а также обрабатывал сведения, поступавшие от военных атташе.

Зорге высоко оценивал способности Ойгена Отта, который после отъезда Дирксена, занял должность посла. «Частые встречи с послом Оттом и двумя-тремя сотрудниками посольства я также использовал для своего образования в области политики. Мы обсуждали текущую ситуацию, и это было очень важным при рассмотрении общей политической обстановки и выработке соответствующих выводов и при сравнении с предыдущими события-

ми. Посол Отт был проницательным, способным дипломатом, а его помощник Мархталер истолковывал текущие события, опираясь на историю и литературу. Из бесед с ними я нередко получал полезные идеи для своих исследований. В последнее время я часто встречался с посланником Кортом, который хорошо знал обстановку в Европе и вообще имел прекрасное образование, что и порождало мой живой интерес к разговорам и спорам с ним. В результате мне вздумалось еще раз изучить историю Европы, Америки и Азии»[80].

В начале 1934 года состоялось знакомство и с назначенным на должность военно-морского атташе кадровым морским офицером Паулем Веннекером[81]. «Военно-морской атташе капитан Веннекер, откровенный и прямой моряк, веселый и надежный товарищ, также очень хорошо подходил для своей работы, — писал о нем Дирксен. — Как капитан крейсера «Deutschland» в ходе первой стадии Второй мировой войны он прославился благодаря своим рейдам в Карибское море. Потом он вернулся в Токио на второй срок службы, где и оставался до самой капитуляции»[82].

«С ним РИХАРД был связан с начала своего пребывания в Японии, а впоследствии они стали друзьями», — отмечал в своем «Отчете и объяснениях по моей нелегальной деятельности в пользу СССР» Макс Клаузен.

«Это был человек военный, благородный, с характером. — Говорил о Веннекере Зорге. — Однако вопросы политики были совершенно выше его понимания, и потому я мог быть ему кое в чем полезным. Веннекер, подобно мне, был холостяком, и мы вместе посещали такие места, как Атами, и "стали добрыми компаньонами"»[83].

Сердечное и по-настоящему веселое общение с «Польхеном» (так Зорге звал своего друга) продолжалось на протяжении всего времени пребывания Веннекера в Японии с 1934-го по 1937 год, когда он был назначен капитаном тяжелого крейсера «Deutschland», одного из самых современных и мощных кораблей германского флота.

Эта дружба, в высшей степени полезная для работы Зорге, может служить еще одним свидетельством его личной привлекательности для многих, если не для большинства немецких офицеров. «Важно отметить, что, как правило, Зорге всегда удавалось установить особо хорошие отношения с немецкими офицерами, будь то в Китае или Японии. Ведь в конечном итоге война была единственным временем в его взрослой жизни, о котором он мог говорить открыто, не боясь чем-то выдать себя или свою секретную миссию»[84].

Курьерская связь с токийской резидентурой осуществлялась с 1933-го до 1939 года через Шанхай, а с конца 1939-го до конца 1941 года — через аппарат под прикрытием посольства СССР в Токио.

Курьерской связью пересылались почта, документальные материалы и деньги. С 1933-го по 1935 год это делалось примерно раз в два месяца. В качестве курьеров выезжали:

1) «Джон» (Стронский) — помощник резидента «Абрама»;

2) «Пауль» (Римм) — резидент;

3) «Коммерсант» (Гельмут Войдт) — представитель германской фирмы АЕГ в Шанхае, агент шанхайской резидентуры, информатор и хозяин конспиративной квартиры;

4) «Клэр» — связник, жена «Абрама».

5) «Анцит» — связник (жена работника тяньцзинской резидентуры).

б) № 108 («Шопмэн») — китаец, торговец, информатор и агент шанхайской резидентуры.

«Первая встреча состоялась в конце 1933-го или в начале 1934 года в Токио, — отмечает Зорге. — Она была назначена еще в Москве, перед моей отправкой. Курьер, не знакомый со мной, прибыл из Шанхая, зная мое имя и рассчитывая на германское посольство в качестве канала для установления связи. Он позвонил в посольство и передал на мое имя письмо, в котором предлагал в назначенный день прийти в отель "Империал", где меня будет ждать швейцар, который проводит к нему. Встреча состоялась в соответствии с этим планом. На следующий день мы условились отправиться на экскурсию в Никко и обменяться там посылками. Пакет курьера содержал главным образом деньги. Он оставил мне номер своего почтового ящика в Шанхае для использования в случае необходимости»[85].

«Место, время и условия встречи согласовывались по радио, — писал Зорге. — Если курьеры не знали друг друга, по радио устанавливались специальные опознавательные признаки, пароли, фразы для взаимного подтверждения. Например, встреча с курьером в одном из ресторанов Гонконга была устроена следующим образом. Курьер, прибывший из Москвы, должен был войти в ресторан в три часа с минутами, достать из своего кармана толстую длинную черную манильскую сигару и держать ее в руках не зажигая. Наш курьер (в данном случае я), увидев этот условный знак, должен был подойти к стойке ресторана, достать из кармана по форме сильно бросающуюся в глаза курительную трубку и безуспешно попытаться ее раскурить. После этого курьер из Москвы должен был зажечь свою сигару, а я в ответ — свою трубку. Затем московский курьер должен был покинуть ресторан, а я, также выйдя из ресторана, медленно идти за ним в один из парков, где находилось место нашей встречи. Он должен был начать со слов: «Привет! Я — Катчер», а я произнести в ответ: «Привет! Я — Густав» ...

Второй пример — способ, применявшийся в одной из шанхайских кофеен. В качестве условного знака при этом использовались маленькие свертки: у одного из курьеров был сверток желтого цвета, у другого — красного.

Третий способ использовался в крошечном токийском ресторанчике, куда никогда не заходят иностранцы. Курьер, как запоздавший посетитель, должен был заказать какое-нибудь специфическое японское блюдо. Человек, посланный мной, должен был завязать с ним по этому поводу разговор, спросить, сладкое ли это блюдо, и сказать, что его товарищ Пауль тоже всегда его заказывает. Московский курьер должен был ответить, что он слышал об этом блюде от своего друга Джимми. Произнеся эти заранее согласованные пароли, они должны были затем условиться о передаче материалов»[86].

Встреча по условиям явки в первом случае перенасыщена деталями, которые излишни, трудно запоминаемы, что могло привести к срыву встречи.

С технической точки зрения материалы, которые отправлялись в Москву через курьеров, представляли собой многочисленные ролики фотопленки, заснятой фотоаппаратами типа «Лейка» и аналогичных марок. «Мы туго скручивали пленку, — отмечает Зорге, — делая ролики насколько возможно маленькими. Когда мы долго (по три-четыре месяца) не отправляли посылок, скапливалось до 25—30 роликов. После начала войны в Европе количество посылаемых нами материалов постепенно сократилось. Это объясняется тем, что мы все шире стали использовать способ передачи результатов нашей ра-

боты по радио. Особенно после начала войны Германии с СССР мы заметно уменьшили количество многословных докладов и громоздких документов и стали преимущественно сообщать важные сведения по радио»[87].

«Мы сразу фотографировали добытые документы и материалы, включая японские публикации по военным вопросам. Некоторые из них я лично переснимал прямо в германском посольстве. Часть документов я фотографировал дома, однако чаще это делалось у Вукелича. Доклады я писал непосредственно перед отъездом курьеров. Иногда я поручал Вукеличу и Клаузену подготовить личные донесения по вопросам, которыми они занимались... Чтобы быть уверенными в читаемости сделанных снимков, мы сами проявляли пленки. Качество фотосъемки, которую я проводил в сложных условиях прямо в германском посольстве, нередко было неудовлетворительным. Однако в силу обстоятельств, в которых я работал, приходилось довольствоваться и этим. По мере того как пленки накапливались, мы прятали их у меня дома, у Клаузена и, иногда, у Вукелича. В германском посольстве у меня хранились только оригиналы материалов и документов, фотопленок там не было»[88].

В сопроводительном письме к почте в Центр, переданной в конце марта 1934 г. через Стронского, Зорге писал:

«Дорогой друг!

1. Я очень недоволен состоянием воздушных дел. Я, право, не знаю, что делать. Мы имеем две хорошо оборудованные мастерские и связь почти со всеми пунктами мира, даже с Центром, но не можем достигнуть то, что нам нужно. Близкие расстояния нас ставят, видимо, перед совершенно новыми обстоятельствами. К тому же добавляется вулканический характер местности, что чрезвычайно затрудняет воздушные дела. Далее недостаточная договоренность, ибо мы все еще только раз в два месяца можем встретить наших друзей из “овчарни” (Шанхай. — *М.А.*), если мы в течение 3 недель дело не поставим, Бернхард должен будет сам поехать в “псарню” (видимо, в «овчарню». — *М.А.*) и подробно обо всем со своими коллегами поговорить и обсудить. Странно, что мы не слышим также Висбаден. Однако мы питаем большие надежды, так как мы теперь пробуем новые вещи. Кроме того, нам трудно еще потому, что хороших вещей здесь купить нельзя. Мы должны сами все собирать. Качество всех предметов здесь чрезвычайно низкое. Мы посылаем Вам новую схему работы для Висбадена, начиная с 1 мая.

2. Я уже имею ряд связей с источниками. Однако я затрудняюсь дать точный срок начала работы источников, ибо они находятся в стадии разработок. От многих источников мы имеем уже разочарование. Теперь, наконец, я имею серьезные связи с различными солидными учреждениями. Однако я не могу еще сказать, когда они начнут работать. Если буду иметь счастье, то через 2 недели, если неудачу — через 6 недель. С Осло я пытаюсь наладить одно дело, однако результаты будут не раньше, чем через 14 дней. Я повсюду делаю попытки найти новые связи. Работа идет на полном ходу.

3. ...К сожалению, мои газеты ликвидировались. Было бы чрезвычайно важно, если вы мне могли бы достать одну большую берлинскую. Прошу подумать об этом. Я, понятно, делаю все возможное, чтобы найти новые связи по своей профессии. Однако это трудно делать отсюда. Положение Бернгарда не совсем хорошее. До сих пор он не мог еще начать ни одного дела.

Это слишком трудно. Если в течение ближайших трех месяцев ничего нельзя будет сделать, его положение станет даже тяжелым. "Овчарня" хочет ему помочь, однако весь вопрос в том, как это сделать, чтобы не раскрыть связь с ним. Я считаю необходимым срочно иметь здесь еще одного мастера и одного помощника для меня. Как обстоит у вас дело с имеющимися местными людьми. Нельзя ли из них хоть одного подготовить в мастера... При существующих обстоятельствах письменная или личная связь безнадежна. Прошу не забывать, что женщины для работы в мастерских здесь не подходят. Если иностранцы, то, пожалуйста, не слишком большого роста. Б. и я, мы обращаем повсюду на себя внимание большим ростом.

4. С этой почтой я посылаю немного материала. Речь идет о материалах 31 года. Материал состоит из небольшого документа, который не был опубликован, а был предназначен только для служебных целей. Карта дает указания о предприятиях, работающих для военных нужд в разных провинциях. Указываются только те предприятия, которые подчиняются морскому министерству. Частные предприятия не указываются.

Мы здесь чрезвычайно нетерпеливы. Мы чрезвычайно угнетены тем фактом, что до сих пор не имеем связи. Я нахожусь здесь уже 6 месяцев и знаю очень хорошо, что должен буду находиться и дольше. Мы все делаем, что в наших силах. На это Вы можете положиться. Однако положение чрезвычайно тяжелое и настолько новое, что я до сих пор ничего большего создать не мог. Просто чертовски тяжело здесь.

С сердечным приветом всем вам. Рамз.».

С мартовской почтой «Рамзай» отправил доклад под названием «Общая оценка положения». В последнем разделе он писал: «Хотя влияние обеих больших партий, которые должны быть антимилитаристами из самосохранения хотя бы в известном направлении, и сильно понизилось, все же они еще обладают известной силой и пока еще несколько сдерживают военных. Фактически это в настоящее время обозначает торможение также и в отношении войны против СССР...

Итак, внутри самой военщины имеются некоторые моменты, которые собственно говоря, ослабляют базу, делающую возможным войну в самые ближайшие месяцы. По моему мнению, это является вторым очень важным моментом, который заставляет меня считать весьма невероятной возможность войны весной...

При экономической зависимости Японии от заграницы и при ее финансовом положении, которое уже в первые недели войны должно привести к неслыханной инфляции, решающим фактором является установление ясности в отношениях с Англией. Этой ясности пока еще не имеется. Может ли она в действительности иметь место — стоит под вопросом, так как Англия должна потребовать слишком большие преимущества от Японии; исследовать этот вопрос — тщетное занятие. Одно ясно: в настоящее время до этого дело еще не дошло. Ясно и другое, — что должны пройти драгоценные недели, а то и месяцы, прежде чем эти отношения примут такую форму, что Япония рискнет пойти на войну против СССР. Следовательно, и этот третий пункт не говорит за начало войны в ближайшие недели или месяцы. Мне совершенно ясно одно: Япония не может вести войну против СССР, пока она не по-

лучит от Англии широкой финансовой поддержки и пока Англия не решится полностью поддерживать Японию и в экономическом отношении…

И наконец, по-видимому, в общественном мнении глубоко укоренилось, что в техническом отношении японская армия еще далеко не настолько подготовлена, чтобы быть в состоянии вести подобную войну…

Я лично склонен все больше полагать, что война с японской стороной совершенно не связана с весенним или летним временем. Наоборот, я вполне склонен думать, что Япония, во всяком случае, подготовляется к войне зимой, что она делает установку на подобное начало войны. Уже хотя бы по причине облегчения переправ через реки, а также, безусловно, предполагая застать врасплох подобным началом войны. Во всяком случае, установлено, что вся японская военная авиация усиленно обучается, несмотря на условия зимнего периода… Частично летчики, якобы, снабжены только легкой одеждой, конечно, относительно легкой. Также и пехота посылалась в самых трудных условиях в горы для того, чтобы научиться там переносить сильный холод в сравнительно легкой одежде. Кажется совершенно очевидным, что тренировка японского солдата на тяжелые зимние условия вполне возможна, хотя и при большой затрате энергии и тяжелых потерях…»

С мартовской почтой Зорге отправил и личное письмо:

«Для Е.К. Максимовой. Конец марта 1934 г.

Дорогая Катя. После своего отъезда я пишу уже 10-е письмо. Я не знаю, получила ли ты их. Это очень и очень плохо, ибо я не знаю, остается ли, по крайней мере, в силе то, о чем мы говорили и что ты мне сказала перед отъездом. Я много думаю о тебе и убежден, что мы все-таки увидимся и будем жить вместе и не только несколько месяцев. Обо мне не беспокойся. Хотя жизнь здесь и собачья, но мне живется хорошо. Понятно, тяжело, но это ничего. Заботься о себе и не веди такой собачий образ жизни, как я. Это самое важное. Будь довольна, что ты можешь жить в СССР. Пиши, пожалуйста, мне через мое учреждение, зайди там и скажи, что ты моя жена. Тогда твои письма будут мне, по мере возможности, посылаться. Итак, Катя, будь здорова и не забывай меня совсем. Жму крепко твою руку и целую тебя. Прилагаю к своему письму 10 ам. дол. Купи на них себе что-нибудь.

Ика».

Реакция Центра на второй отчет Зорге была незаслуженной и несправедливой:

«Служебная записка Начальника 4-го Управления Штаба РККА

1. Рамзай нам ничего нового не дает; все, что он пишет, известно. Плюс только в том, что ситуацию он, в общем, оценивает правильно, за исключением преувеличения относительно японской приспособляемости к зимним условиям и «любви» к зимней войне. Усиленную тренировку надо, очевидно, объяснять не любовью к зимним условиям и не желанием начать войну в зимних условиях, а, наоборот, боязнью, что мы можем заставить их зимой драться.

2. Но доклад Рамзая меня все же не удовлетворяет. Не для того он послан, чтобы давал нам подобные доклады. Он должен давать совершенно

другое, а именно конкретный материал о подготовке Японии к войне, о состоянии вооруженных сил Японии, их вооружении, подготовке и т. д.

Поскольку у него еще нет источников, могущих дать документальный материал из частей и штабов, надо от него требовать:

а) конкретное освещение /с цифрами/ работы военных заводов;

б) обеспечение сырьем и топливом;

в) состояние жел[езных] дорог и морского транспорта;

г) постройка складов, баз, оборудование портов отгрузки;

д) организацию и состояние ПВО;

е) состояние японской деревни и аграрный вопрос.

Освещение этих вопросов не требует агентуры, дающей документы; нужна агентура, наблюдающая за определенными пунктами, следящая по маршрутам и собирающая данные в официальн[ых] статистических и т. п. учреждениях или выясняющая ряд вопросов расспросами. Такую агентуру он уже может иметь, такую должен иметь и работу должен давать серьезную, а не заметки журналиста.

БЕРЗИН.

/т. Маркову[89] (начальник 2-го (восточного отдела). — *М.А.*). Лично доведены основные директивы Рамзаю по телеграфу через т. Абрама. 9.V.34./».

В почте, отправленной в конце мая из Токио через Стронского, содержалась копия политического доклада немецкого посольства в Токио:

«5 марта 1934 г.
№ 894

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

Содержание: Виды на сохранение мира в Восточной Азии.

1. За сохранение мира говорит: недостаточная военная готовность Японии; еще не законченные стратегические работы в Маньчжурии; еще не проведенное водворение мира в Маньчжурии; необходимость развития экономики в Маньчжурии.

2. Против сохранения мира говорит: тревоги Японии о дальнейшем росте укрепления Союза ССР; заботы о будущем развитии САСШ; стратегическое и геополитическое значение Востока; наличие мелких чувствительных пактов [пунктов] трения /Вост. Кит. ж.д., вопрос рыболовства, Сахалин/.

3. Японские тайные намерения и война. Разные данные обуславливают опасение мира. Настоящая внутриполитическая расстановка сил не обуславливает актуальной военной опасности.

В Министерство иностранных дел
Берлин

...Решиться на пророчество, долгий ли вид имеет вопрос войны или мира на Дальнем Востоке, было бы отважным в стране, где невидимые политики держат решение в своих руках, именно невидимые. Более ясное представление в будущем, может быть, возможно после "флотеннконференц" (Вторая лондонская морская конференция в 1935—1936 гг.— *М.А.*) в 1935 году. Единственное, что теперь может быть связано с известной безопасностью, это то, что в текущем году возникновение русско-японской войны невероятно.

Посольство в Пекине получило копии этого доклада.

Подписал: Фон Дирксен».

Зорге сопроводил документ следующим комментарием: «Документ отличается тем, что написан самим послом, не как обычно, на основании соображений отдельных работников посольства. Мои взгляды сходятся с выводами этого доклада, и длительный характер Японско-СССР напряжения в докладе подчеркнут, но международное значение Японии мало освещается. Не хватает роли Англии, которая, по моему мнению, является ключом будущих событий. Рамзай».

Возможность не только ознакомиться с докладом, подготовленным лично Дирксеном, но и снять с него копию, свидетельствовала об уровне доверительных отношений Зорге с послом.

«...Должен подчеркнуть, что это все гораздо труднее и идет гораздо медленнее, чем мы этого желали и думали... Особенно трудно здесь из ничего кое-что создать. Всем вам сердечный привет. Рамзай. Конец мая 1934 г.», — так завершил Зорге свое письмо в Центр.

В июле курьеру из Шанхая была передана очередная почта, которая состояла из двух книг «на местном языке по 135 и 122 стр. каждая, и к ним 11 стр. информации от Рамзая», денежного отчета и сообщения Бенгардта, которое «Рамзай» не успел прочесть, поскольку оно было готово перед самой отправкой почты.

Зорге писал о себе, как обычно, в третьем лице: «Рамзай сумел в некоторой степени устроиться по его специальности, однако не в такой степени, которая бы соответствовала необходимости и возможности длительного пребывания. Его постигли неудачи, так как два его лучшие представительства лопнули, весьма трудно без личных связей и к тому же отсюда создавать другие. В безвыходном положении кое-как идет с его журналистской деятельностью, хотя и приходится уделять много времени этим глупостям.

Хуже всего положение Бернгарда. Все его деловые планы и перспективы лопнули и почти совершенно невозможно... создать себе без помощи извне коммерческое положение. Вам хочу посоветовать по этому вопросу переговорить с Джоном. Он вас проинформирует о положении Б. и тоже самое скажет. Без фирмы /в любой стране/, которая создала бы коммерческие взаимоотношения с Б., и которой Б. сумел бы отсюда отправлять товары, много-го не сделаешь. Такое положение настолько ослабило бы положение Б., что я мало надежды питаю на то, что он бы сумел здесь долго удержаться. Прошу вас этот вопрос весьма серьезно продумать. Это вовсе не означает, что надо заняться экспортом каких-то ничего не стоящих товаров. Здесь имеются много хороших и полезных товаров. Нужно только, чтобы вы организовали серьезного и положительного приемщика этих товаров. Других возможностей я не вижу. Также я прошу переговорить с Джоном о том, каким образом он мне временами может из заграницы, будь то Голландия, Швейцария, Англия или Скандинавия, от имени хорошего отправителя отправлять деньги на мое имя. Необходимо, чтобы временами на мое имя получались хорошие чеки и даже в том случае, если это будет на несколько сотен. Ни в коем случае, однако, не нужно посылать чаще, чем раз в полгода и то в сумме от 1000 до 1700 иен. Прошу также и об этом подумать и, если возможно, помочь нам в этом, ибо вы сами понимаете, что в моей журналистской деятельности я никаких результатов не имею... Денег я имею даже слишком много и не знаю, где мне их держать, поэтому прошу на некоторое время придержать присылку денег.

Было бы неплохо, если бы для меня всегда находились деньги в Шафгаузене, чтобы, когда мне нужно будет, я бы их скоро сумел получить.

Прошу возможно срочнее сообщить мне, имеют ли для вас ценность посылаемые вам две книги. Сердечный привет, Ваш Рамзай».

Резолюция на документе на немецком языке: «1) Где книги? 2) Рамзай перегружает курьеров несерьезными сообщениями. Предложение прекратить. 3) Проверьте в 7-м отделе сведения о яп[онской] авиации и танках. 4) Необходимо наладить пересылку денег через нейтр[альные] страны. 5) Запросить о характере товаров, которые он хочет экспортировать. 10/IX.34. Подпись неразборчива».

В сентябрьском письме «Рамзай» счел нужным обратить внимание на следующее (приведено резюме письма на 13 листах, сделанное в Центре):

«1. Новые деловые связи, которые кое- что дают.

2. Современные условия страны не позволяют добыть необходимые нам сведения (!)

3. Большим тормозом в работе служит его журналистская деятельность, отнимающая много времени, а также техника. В связи с этим необходима посылка помощника. Просит лучше прислать мужчину, если женщину, то чтобы она смогла сама там устроиться.

4. Требуется дополнительно минимум один радист, а самое лучшее -несколько точек. Ставит вновь вопрос о мастере-японце. Крыша для Бернгарда (импортная контора). Несмотря на все наши сообщения, что Висбаден сделает все и что Висбаден будет оснащен лучшими спецами, остается прежнее положение. Сидящий там товарищ не работает ... с нами, очень часто работает неумеючи и начинаючи. Не забудьте, что об нас может сломать шею (это нам может стоить головы), ибо нашим нужно работать 3 часа вместо того, чтобы работать 20 м. или ¾ часа, то создаются все предпосылки к тому, чтобы в один прекрасный день произошел большой крах /неразборчиво/... Единственно, что еще нас здесь защищает, это неспособность противника нас раскрывать.

5. Жалуется на то, что с нашей стороны не бывает писем — указаний ... несмотря на существующую связь через Пауля и просит китайца, не знающего аппарат Абрама, лучше человека из района Пауля, а еще лучше севернее. /неразборчиво/... В случае развязки положение таково, что едва ли какой-либо из иностранцев останется (концлагерь), в лучшем случае будут не работоспособны.

Имеются два человека, которые не очень в вопросе связи и обработки материалов сумеют ...., но следующим является техническая сторона — радист и радист из местных, не желтый, вообще.

В заключении говорит, что друзья Пауль и Абрам в отношении помощи себя правильно, хорошо держали».

Как всегда, Зорге нашел добрые слова для своих коллег.

1 октября 1934 года Зорге вступил в токийскую организацию НСДАП германского землячества в Японии, и ему был вручен партбилет № 2 751 466. «Когда я узнал, что обеспечить себя вне фашистской организации не смогу, я через посольство был введен во все немецкие организации. Вскоре я занял в одной из них очень хорошее место, стал инструктором фашистской организации», — напишет Зорге в отчете в июле 1935 года. Сложившиеся у него «тесные взаимоотношения с посольством» способствовали положительному отношению к его приему в члены партии со стороны Шарффа, руководителя

группы НСДАП в Токио—Иокогаме. Очевидно, что запроса в Берлин с целью его проверки Шарфф не направлял. «Вступив в нацистскую партию, — писал Зорге в «Тюремных записках», — ...я часто имел контакты с партячейкой, ее членами и получал от них различную отрывочную политическую информацию о Германии»[90].

В отчете с сентября 1933 г. по июль 1935 г. Зорге напишет: «На 1934 год... я мог себе еще ставить следующие задачи:

1/ Установление воздушной связи с Висбаденом и соседней страной.

2/ Создание личных связей с такими лицами и учреждениями, которые могут дать важную информацию.

3/ Вербовка иностранных, но по возможности туземных сил для нашей фирмы.

Первая задача — связь с Висбаденом — была, в конце концов, после известных Вам трудностей, разрешена в 1934 г.».

«Рамзай» ошибался — в 1934-м не все обстояло благополучно как со связью, так и с легализацией радиста — Бруно Виндта («Бернгардта»). 17 декабря ему писали из Центра: «2. Вот уже третий месяц как с вами мы не имеем воздушной связи. Судя по вашим воздушным сообщениям и письмам в этом целиком повинен ВИСБАДЕН... В скором времени в Висбаден нами посылается специально наш работник, Висбаден в ближайшее время будет переключен на работу только с Вами. В связи с этим необходимо всемерно укрепить положение вашего друга. Предпринятые нами по вашей просьбе в этом отношении меры не увенчались успехом... Нами срочно приняты меры к посылке другого лица, который выедет на место в ближайшие дни и займется укреплением положения вашего друга Б. Подробности этого мы сообщим вам дополнительно».

«...В создании личных связей — мне повезло, — утверждал «Рамзай». — Среди немецких кругов мне удалось разрешить эту задачу довольно хорошо. Я также установил некоторые связи с местными, которые могли дать некоторые необходимые информации. В американские круги я проник довольно медленно и поверхностно; в английские почти что ничего. Минус, который, благодаря Густаву, о котором будет упомянуто ниже, был выравнен. Во французских кругах у меня никаких связей нет. Довольно хорошие связи я еще имел с голландцами, не имеющими большого значения, и их посольством, а также голландско-индийским банком. В особенности успешно в этом отношении улучшение моих связей с военным атташе и торговым атташе, а также с послом лично. От всех этих людей я получал не только информацию, но и подлинные материалы и документы. С военным атташе наши отношения стали настолько близки, что он часть своих работ предоставлял мне на просмотр и свои мнения совершенно свободно мне высказывал. Так же поступал морской атташе и другие члены посольства, а военный атташе при моей помощи шифровал телеграммы в Берлин. О всех этих лицах подробнее доложу в другом докладе. Со стороны наци я получал все больше и больше информации о внутреннем состоянии фашистских групп... Кроме того, фашистские купцы и инженеры все более откровенно говорили со мной об их военных и хозяйственных интересных доставках и планах. Я имел там 3 особенно интересных человека. Через посольство и наци я познакомился с группой местных офицеров, которые представляют активную часть группы Араки, с которыми более близкие отношения могут представлять интерес для получения

информаций. То же самое нужно сказать и о двух местных переводчиках, которые очень заинтересованы в политике и стали очень доступными. О вербовке кого-нибудь из этих лиц, как туземных, так и немцев пока речи быть не может».

Военный атташе пошел еще дальше в проявлении доверия к Зорге — при его помощи он шифровал телеграммы в Берлин (что вовсе не означает, что у Зорге был доступ к шифру). Такая доверительность в отношениях была достигнута менее чем за год.

«Неужели опытный немецкий разведчик Отт мог быть столь безрассудно откровенным с посторонним для своей службы человеком? — задаются вопросом оппоненты. — Ведь он давал ему знакомиться с такими секретными документами, которые не полагалось видеть даже его ближайшим помощникам. Так не бывает», — решают они. А раз не бывает — значит, Рихард Зорге был не просто хорошим парнем с фронтовым прошлым, но коллегой Отта и других сотрудников военного аппарата по разведывательной работе. Только в таком случае они считают объяснимым поведение Отта.

Но на самом деле так бывает! Сколь бы ни был проницателен Отт, проходивший службу в германском генштабе в период Первой мировой войны под началом Николаи, профессиональным разведчиком он не был. Он не стал им и в Японии, где агентурная разведка с позиции посольства не велась. Узнав об аресте Зорге, Отт был потрясен. Он не мог принять на веру версию о том, что Зорге подозревался в подрывной деятельности. Как следует из уже цитируемой служебной записки от 14 ноября 1941 г. года на имя заведующего отделом печати МИД Германии Штумма, «... Исходя из информации, полученной от ответственных германских инстанций в Токио, подозрение насчет вменяющейся, в вину Зорге причастности к коммунистической деятельности следует считать заблуждением. По мнению посла Отта, близко знающего Зорге, эта акция представляет собой политическую интригу, поскольку Зорге получил некоторые секретные сведения о состоянии японо-американских переговоров, имеющих статус государственной тайны»[91].

Ойген Отт, после войны обосновавшийся в ФРГ, и в 1951 году, по-прежнему пребывая в растерянности, заявлял: «Дело Зорге просто ошеломило меня. В течение всех этих лет я ни секунды в нем не сомневался... Как бы там ни было, я по сей день не могу понять, как у него хватало сил на эту игру»[92].

Ни в переписке с Министерством иностранных дел, ни в ходе расследования, поведенного по указанию Гиммлера, не прозвучало ни слова, ни полслова о том, что Зорге работал на германскую разведку, в данном случае на абвер. Только невнятно попытался набросить тень на Зорге Шелленберг. В попытке объяснить принадлежность Зорге к разведке некоторые произвольно трактуют следующие строчки его «Тюремных записок»: «Меня считали немного беспокойным, роскошествующим журналистом. Конечно, они не знали, что помимо работы в газете я должен был выполнять еще очень многое. По этим причинам у меня были дружеские отношения с немецкими спецслужбами»[93]. А какие еще могли быть у него отношения с немецкими спецслужбами? Именно дружеские — не больше того.

«Рихард Зорге был неординарной фигурой в токийском мире. И если его богемная несдержанность в проявлении своих чувств, его высокомерие и нетерпимость, особенно когда он бывал пьян, что случалось довольно часто, и шокировали соотечественников, тем не менее, его считали человеком в ос-

нове своей серьезным и талантливым, не лишенным к тому же обаяния, что особенно ценили в нем женщины»[94].

Тема пьянства Зорге часто встречается в воспоминаниях тех, чьи имена остались в истории лишь потому, что им посчастливилось соприкасаться с «Рамзаем». Представляется, что Зорге был на дружеской ноге со многими и пил с ними на протяжении целого ряда лет. Однако много пить и быть пьяницей — разные вещи. Даже в нетрезвом состоянии он никогда не терял самообладания. Но главное — пьяница не смог бы стать видным специалистом по Японии и Китаю, у него не было бы возможности приобрести глубокие и уникальные знания по этим странам и занять положение, которое он занял. И он не смог бы успешно решать поставленные перед ним разведывательные задачи.

«Было бы неверно думать, что я без разбору посылал в Москву все собранные материалы, — подчеркивал Зорге в «Тюремных записках». — Я лично тщательно просеивал их и отправлял только те, которые не давали повода для критики. Это требовало больших затрат дополнительного труда. То же самое относилось и к анализу политической и военной обстановки. Способность отобрать таким образом материал, дать полную оценку той или иной проблеме, выработать обобщенную картину событий являются необходимой предпосылкой для того, чтобы разведывательная деятельность стала по-настоящему полезной. Только занимаясь серьезными и тщательными исследованиями, можно добиться, чтобы она с самого начала стала такой.

Не нужно думать, что наша работа заканчивалась, как только мы отправляли по радио наши донесения. Это было только одной из сторон нашей разведывательной деятельности, причем определенно не самой главной. Через неравные промежутки времени я направлял в Москву крупные посылки, в которых были не только документы и другие материалы, но и отчеты, написанные мной лично. Я большей частью без каких-либо пропусков докладывал о состоянии за отчетный период внутренней и международной политики, а также о военных проблемах. Эти отчеты представляли собой обзор и анализ важнейших событий, произошедших со времени последнего сообщения, и в них я старался на основе разнообразной информации и результатов исследований представить точную и объективную картину новых событий и изменений в общей обстановке за последние несколько месяцев... В отличие от Берлина и Вашингтона, Москва слишком хорошо знала Китай и Японию, чтобы ее можно было легко провести. В СССР уровень знаний о Дальнем Востоке был гораздо выше, чем у правительств США и Германии, и Москва требовала от меня хорошо обоснованных, тщательно спланированных и систематизированных докладов с интервалом в несколько месяцев»[95].

До 1937 года Зорге сам шифровал свои телеграммы (в последующем по разрешению Центра эту работу стал выполнять Макс Клаузен). Шифрование 500 групп занимало от 3 до 4 часов. Это был тяжелый, кропотливый и изнурительный труд.

Для Зорге не было тем-табу. Он широко обсуждал со своими собеседниками проблемы, связанные с Советским Союзом. Взгляды, излагаемые Зорге «немецким приятелям» — сотрудникам германского посольства, немцам, проживавшим в Японии, членам нацистской партии, — шли в разрез с общепринятыми: «Бисмарк говорил, что для реализации фундаментальной немецкой политики противостояния британско-французскому блоку необходимо

проводить политику мира по отношению к России, и решительно выступал против действий, хоть в малейшей степени таящих в себе опасность войны с Россией. Справедливость этой мысли Бисмарка наиболее красноречиво подтверждена Первой мировой войной (Бисмарк действительно несравненный дипломат, до сих пор почитается всеми немцами). Советский Союз, в отличие от царской России, ни по своему государственному устройству, ни в силу исторического развития не является агрессивным государством. И даже если бы в ближайшем будущем у СССР возникла такая идея, у него нет для этого возможностей. СССР заинтересован только в собственной обороне. Однако было бы величайшей глупостью считать, что Советский Союз сразу же распадется и в политическом, и в военном отношении, если он подвергнется нападению со стороны Германии или Японии. Доказательством тому, что СССР не намерен вступать в войну против Германии, является выполнение им договоренности о поставках в Германию материалов, крайне необходимых для его собственной военной экономики, включая материалы, доставляемые с Дальнего Востока по Транссибирской железной дороге.

Я, ничуть не беспокоясь, выражал свою точку зрения знакомым нацистам. Мои смелые выражения были общеизвестны, но не было ни одного человека, который опроверг бы это мое мнение»[96].

«Перед своими японскими знакомыми я высказывался в следующем духе, — подчеркивал Зорге. — Для Японии совершенно нет причин опасаться нападения со стороны Советского Союза. Советские военные приготовления, даже в Сибири, носят чисто оборонный характер. Утверждение, что СССР является первым противником Японии, представляет собой иностранный пропагандистский вымысел, лишенный исторической основы. Великие державы получают выгоду от многолетней враждебности между Японией и СССР. Японская армия, ухватившись за высказывания иностранных пропагандистов, требует все возрастающих с каждым годом бюджетных ассигнований для противодействия этому ужасному монстру — СССР. Однако действительные цели Японии находятся не на севере, а в Китае и на юге. И хотя советские военные приготовления носят чисто оборонительный характер, их ни в коем случае нельзя недооценивать, как показал Халхинголский инцидент»[97].

«Все знавшие Зорге согласны в том, что он был очень компанейским — заводным, веселым, щедрым и рафинированно утонченным, когда это было необходимо. Он мог себе позволять язвительные высказывания в адрес убежденных нацистов, что, однако, совсем не вредило ему в глазах Отта.

Как говорил Зорге следователю, "Отт считал меня человеком ярко выраженных прогрессивных взглядов, не нацистом, не коммунистом, а просто несколько эксцентричной личностью без каких-либо фанатичных пристрастий или слепой веры"»[98].

Каким воспринимался Зорге окружавшими его людьми, показывает рассказ сотрудника германского посольства в Токио Мейснера, который столкнулся с «Рамзаем» на приеме в германском посольстве: «Я впервые встретился с Зорге на балу в посольстве, на который были приглашены ведущие лица из японского и иностранного общества. Высокого роста, с бокалом в руке, он непринужденной походкой шел ко мне через весь зал. Улыбка на его лице была дружеской. Он схватил мою руку и мягко сказал: "Так вы и есть Мейснер! Я слышал, что вы только прибыли. Добро пожаловать в наш восточный рай!" Он поднял свой бокал в знак приветствия — и уже его не стало, так как хоро-

шенькая молодая женщина потащила его за рукав на танцевальную площадку. Он не подумал назвать мне свое имя — характерная черта самонадеянного человека, считающего, что он должен быть известным всем и каждому».

При этом Зорге не перевоплощался, не создавал образ своего парня, души компании, а оставался тем, кем был на самом деле.

Иллюстрацией к поведению Зорге, к созданному им образу может служить рассказ радиста Клаузена, о его первой встреча с Зорге в немецком клубе на «вечере берлинцев»: «Я стоял в коридоре и рассматривал стенные газеты, когда почувствовал, что кто-то стоит за мной. Обернувшись я увидел Рихарда. Но он не смотрел на меня. Он был во фраке и цилиндре, и в тот вечер — в роли продавца сосисок. Мы взглянули друг на друга и в первый момент не могли говорить. Осторожно, чтобы никто не увидел, мы пожали друг другу руки. Затем Рихард сказал: "Иди в читальный зал, я позже приду туда"».

Одну из причин дружбы Отта с Зорге следует искать в солдатской службе последнего, когда он сражался и был ранен в Первую мировую. Отт участвовал в войне, будучи молодым офицером. Оба они принадлежали к одному поколению: Отту только что исполнилось сорок, Зорге — тридцать девять.

«Зорге стал по-настоящему близким другом Отта после переезда последнего в Токио, где Отт поселился в районе Сибуя. Фрау Отт была доброй, артистичной и понимающей женщиной. Они с мужем предоставили Зорге "место у очага", и он, в свою очередь, отвечал им дружеской привязанностью. Все знали, что только ради фрау Отт Зорге мог снизойти до того, чтобы "вести себя прилично". Он был по-богемному нетерпим к хорошим манерам и не выносил общепринятые светские условности, и хозяйки в Токио вскоре перестали приглашать его на ланчи и обеды. Он ненавидел официальную одежду, и на него нельзя было положиться, когда дело касалось соблюдения свет ских приличий. Так, например, жена одного из немцев вспоминает, как она пригласила Зорге на обед, на котором он так и не появился, причем даже не дав себе труда найти убедительные оправдания. Хозяева обиделись и больше никогда не приглашали его в гости. Но в компании Оттов Зорге никогда не демонстрировал грубой стороны своей натуры — а если такое и случалось, фрау Отт по-матерински устраивала ему нагоняй, и Зорге немедленно раскаивался. Замечали, что только ради фрау Отт Зорге соглашался надевать по вечерам смокинг»[99].

«Можно было подумать, что Зорге "обрабатывал" супругов Отт лишь ради своих секретных целей. Однако в обстоятельствах, когда у Зорге не было никакой необходимости лгать в этом специфическом вопросе — во время следствия, проводимого следователем Йосикавой, — Зорге продолжал утверждать, что "Отт приятный, хороший человек". Допуская, что карьера Зорге требовала постоянного двуличия, это замечание подразумевает, что у него, по крайней мере, было некое человеческое и сугубо "непрофессиональное" отношение к друзьям»[100].

Хельма Отт, дочь адвоката и государственного деятеля доктора Роберта Бодевига, родом из городка Ланштейн, «чувствовала себя в Японии отрезанной от мира и глубоко несчастной и не скрывала этого». «Случаю было угодно свести в прошлом Рихарда Зорге с нынешней супругой офицера Хельмой Отт. Оба тотчас вспомнили Франкфурт-на-Майне: в те времена Хельма была замужем за архитектором, руководителем ячейки КПГ. Рихард и теперешняя фрау Отт встретились тогда на шумной вечеринке в компании людей искус-

ства, пили вино, пели застольные песни, и Хельма до упаду танцевала с молодым симпатичным доктором. С тех пор они больше не виделись. Хельма Отт в то время симпатизировала политическим взглядам друзей ее мужа, но о партийной работе Зорге не знала ничего. Теперь в лице доктора Зорге она встретила земляка, с которым можно было мило поболтать, приятного гостя на вечеринке, прекрасно умеющего поддержать компанию. С этого дня она старалась почаще приглашать его в свой дом и всячески воздействовала на мужа, даже настаивала на том, чтобы Зорге вошел в круг их ближайших друзей»[101].

Д-р Клаус Менерт, разоблаченный секретной службой Военно-морского флота США после Второй мировой войны агент Управления разведки и контрразведки при верховном командовании вермахта, в 1936 году посетил Отта по делам службы и был немало удивлен его неограниченным доверием к Рихарду Зорге. В своих мемуарах Менерт писал: «В один из дней нашего с Энид (супругой Менерта. — *М.А.*) пребывания в Токио мы получили от супругов Отт приглашение на завтрак. Появился еще один гость. «Мой друг Рихард Зорге», — представил его Отт. Когда мы затем направились в кабинет хозяина дома, чтобы побеседовать о ситуации в Японии, о происшедшем несколько недель назад мятеже «молодых офицеров», о моих ночных разговорах в Маньчжоу-Го и о Германии, Зорге снова был с нами. Отта я знал с детства... С ним я мог говорить в открытую. Но Зорге? Разумеется, мне было известно это имя; его опубликованные год назад в «Цайтшрифт фюр геополитик» статьи, одна — о Маньчжоу-Го, другая — о вооруженных силах Японии, оказали мне действенную помощь в ходе подготовки к поездке в Восточную Азию. Однако его присутствие сковывало меня. Он, должно быть, почувствовал это, так как вскоре ушел. «Зорге — отличный знаток Японии, — сказал Отт, когда мы остались наедине, — и мой близкий друг, заслуживающий абсолютного доверия».

Зорге присоединился к нам и во время одной из воскресных прогулок в окрестностях Токио. Но я уже перестал относиться к нему с недоверием. Зорге был отлично информирован и превосходно умел рассказывать. В один из последующих дней состоялась еще одна прогулка: на этот раз Зорге составил компанию нам с Энид. Мы побывали в нескольких японских деревнях, где Энид много фотографировала; Зорге, работавший в то время над статьей о сельском хозяйстве Японии, блистал своими познаниями... И впоследствии мы с ним неоднократно встречались, помимо прочего также и в обществе военных атташе Кречмера, Веннекера и Гронау — для него были открыты все двери. Почти все предоставляли Зорге различную информацию в обмен на интереснейшие сведения, получаемые от него.

Когда я в июне 1941 года вновь приехал в Токио (проездом с Гавайских островов в Шанхай), Отт уже был послом. Где бы я ни виделся с ним — в его служебном кабинете или в резиденции посла, — почти всегда при нем находился Зорге; был он вместе с нами и на очередной прогулке, на этот раз к озеру Хаконе, откуда открывался великолепный вид на гору Фудзи»[102].

Немецкий публицистФридрих Зибург, много путешествовавший по Японии, как-то раз, говоря о своем знакомстве с Зорге, заметил: «Если в течение тех месяцев, что я провел в Токио, в мире происходило что-то особенное — будь то в Европе, в Японии или в зонах ее влияния, (будущий) посол Отт обычно тут же вызывал Зорге... Зорге являлся не только очень близким личным другом посла: он представлял собой важнейший для Отта источник

информации. Последний ранее даже командировал его за свой счет на азиатский континент, где Зорге изучал развитие японской экспансии и анализировал шансы Японии в войне с Китаем»[103]. В аналогичном плане высказывался и д-р Зете, обрабатывавший в редакции «Франкфуртер цайтунг» материалы, присылаемые Зорге из Японии. 1 декабря 1964 года он писал Юлиусу Мадеру: «Я не помню, кто финансировал его поездки; думаю, что не мы; вероятно, посольство»[104].

В 1951 г. Ойген Отт писал, объясняя, почему нуждался в Зорге: «Для меня было сложно вести наблюдение и составлять рапорты о состоянии и обучении японской армии: все происходившее в ней было словно отгорожено железным занавесом. Я не имел времени заняться японским языком, поэтому был особенно рад знакомству с Зорге, языковые познания которого облегчали ему контакт с японцами и получение от них информации»[105]. Насчет познаний Зорге в японском языке Отт явно преувеличил. В данном случае речь шла скорее о восприятии Оттом Зорге.

В своем отчете за сентябрь 1933-го — июль 1935 года Зорге указывал, что окончательно оформил вербовку G.St. «Важно, что G. St. вместе со своей женой — я их называю вместе Густав — имеет уже хорошие связи с швейцарцами, а также с интересными английскими кругами, — указывал Зорге. — Через Густава можно будет в любое время в другом большом городе этой страны завербовать немца. Он хотя и не знает много, но он способен развиваться и, тем не менее, как наблюдатель на этом месте очень полезен. К тому же, как учитель, имеет хорошие связи с местными. Кроме того, через жену Г. можно проникнуть в широкий круг миссионеров, который частично в провинции хорошо информирован. К тому же нужно добавить, что Густав имеет хорошие связи в важных деловых еврейских кругах, которые имеют отношение к военно-хозяйственной проблеме. Густав со своей женой очень хорошие и умные люди и для нашего будущего очень полезны».

Под инициалами «G.St.» скрывался журналист Гюнтер Штайн[106], немецкий еврей, натурализовавшийся в Англии. В 1931 г. в Берлине он был привлечен к сотрудничеству с военной разведкой сотрудником IV управления Штаба РККА «Ритой». В течение 1932 г. в качестве корреспондента «Берлинер тагеблатт» выполнял задания разведки во время командировки на Дальний Восток. В 1932-м, в качестве корреспондента немецкой газеты «Берлинер тагеблатт», был в Москве, где Карл Радек привлек его к работе в Бюро Международной информации и направил в Лондон. В том же году эмигрировал в Англию.

В июле 1934 года Штайн явился в Берлине к резиденту «Оскару» (Оскару Ансовичу Стигге). Содержание разговора со Штайном Стигга изложил в письме Берзину: «Я имел здесь встречу с г. Камень; надеюсь, Ты припомнишь его — это тот самый, который в свое время писал Б.Т. Он мне жаловался, что те друзья, которым он хотел быть полезным, оставили его без связи в течение года. Последний, с кем он виделся, это твой теперешний заместитель. Я не берусь судить, кто здесь виноват, но мне думается, что больше всего сам Камень. Он сейчас едет на желтые косоглазые острова (в их столицу) и хочет быть полезен. По-моему, терять его не следует, ибо при хорошем руководстве работать он сможет. В конце этого месяца он выезжает через заморскую страну к месту своей новой работы. Он имеет следующие представительства: [1.] News Chronicle, 2. Financial News, 3. Statist[ic]. Кроме того, он бу-

дет посылать корреспонденцию следующим журналам и газетам: Spectator, Economist, New Free Press... und Politiken.

С первыми вышеупомянутыми учреждениями у него имеется контракт, для остальных он будет работать сдельно. Кроме того, он имеет задание от издательства (название нрзб. — *М.А.*) написать две книги по вопросам торговли и конкуренции для запада. Никаких обязывающих разговоров я с ним не вел, а, главное, никаких обещаний не давал, ссылаясь на то, что я не в курсе дела, почему произошел такой большой перерыв в связи. Сказал лишь, что обо всем сообщу вам. Чтобы его найти, мы договорились, что он остановится в гостинице "Империал" (в столице желтых островов), пароль остается прежний, в качестве дополнительного признака можно использовать прилагаемую при сем карточку с видом (у него имеется вторая, точно такая же), к нему должны заявиться или в конце августа или в начале сентября, и он будет ждать. В случае, если мы с ним не будем устанавливать связь, я обещал сообщить ему не позднее середины сентября. В случае, если мы с ним связываться не будем, он будет устраиваться иначе. Повторяю мое мнение, его там нужно было бы использовать для дела».

Центр предложил «Рамзаю» установить связь с «Густавом». Распоряжение, переданное по радио, в деле не сохранилось (видимо, не было снято мемо с телеграммы).

Смена ряда руководящих работников Центра в 1934—1935 гг. и искажение в ряде мест перевода отчета «Рамзая» от 28 июля 1935 г. привели в последующем к неясностям и недоразумениям в вопросе о том, кем и когда был привлечен «Густав» к разведывательной работе. Следует исходить из более корректного перевода немецкого подлинника текста: «... 3-я задача — в отношении иностранцев — сделан известный шаг: окончательное оформление вербовки Г.Шт., последовавшее после договоренности с "домом"».

Связавшись со Штайном, Зорге договорился с ним о конкретных задачах и условиях совместной деятельности, только в этом смысле следует понимать его сообщение об «окончательной» вербовке.

Зорге привлекает к нелегальной работе жену Гюнтера Штайна — Маргит (Маргарет) Гантенбайн («Гертруду»). В «Тюремных записках» Зорге называет Маргит «подругой» Штайна.

«Самая трудная часть... — вербовка среди местных и в связи с этим созданию более широкой информационной сети из местных слоев было уделено большое внимание, — подчеркнет Зорге в цитировавшемся выше отчете. — Заранее оговариваюсь, я до сих пор не пускался на вербовку источников, которые рассматривают это как профессию и своего рода дело. Я сам считаю эту попытку в этой стране /не за границей, где таких островитян легче завербовать/ сегодня еще слишком опасной. Наверняка придет время, когда эта попытка на острове сможет быть сделана и должна быть сделана. Я знаю, например, маленькую группу таких людей на острове, которая за плату доставляет информацию всем, но все же я до сих пор еще не посмел через посредников к ним обратиться. В отношении этого вопроса вы должны принять здесь решение и мне сказать свое мнение. Я до сих пор ограничился вербовкой только таких людей, у которых есть некоторого рода обеспеченность в своем общем и личном положении. Причем, конечно, не исключено, что некоторые материальные преимущества играли бы некоторую роль в их готовности работать. Мой первый план был провести вербовочную ра-

боту через Джо, после того как он получил от меня инструкции обжиться на острове, восстановить свои старые связи, посетить всех своих старых знакомых и в каждом отдельном случае мне доложить. При этом выяснилось, что от старых связей мало чего осталось, потому что он слишком долго был в Америке. Он установил связь с 4-мя лицами, которые только с информационной точки зрения представляют более или менее большой интерес. От таких лиц очень редко можно получить больше, чем информацию. Из этих его знакомых двух можно определенно использовать ввиду того, что они могут по нашему поручению поселиться в Т. или И., чтобы следить за движением и транспортом. Этот вопрос я перед отъездом решил положительно, но он повис в воздухе теперь из-за моего отъезда. В этом отношении этих двух знакомых Джо можно считать вполне созревшими для вербовки. Один из них — старик-художник, которого Джо знает еще по Америке, другой — наборщик, который знаком с Джо многие годы. Так что для задачи, которая кажется мне важной, создание сети, которая бы на важнейших пунктах по острову была бы разбросана и могла бы вести наблюдение за транспортом и передвижениями, имеются здесь свои зацепки, которые не были выпущены из виду. Но все же для решения вопроса получения источников, которые могли бы дать военный материал, военную информацию и которые имели бы свои военные связи и более подробные знания, я должен был в конце 1934 г. искать новые пути.

Подтвердилось, что мой старый местный друг, которого я испытал за многие годы в соседней стране, жил теперь в гор. О. и работал в одной из самых больших газет. Во второй половине 1934 г. я с ним восстановил связь, и после основательного испытания решил опять его крепче привязать к себе. Удалось его устроить в той же газете в Т., хотя его считают человеком с либеральным настроением».

В своих показаниях на допросе Одзаки Ходзуми показал: «Весенним вечером 1934 г. в осакском отделении газеты "Асахи" мне передали карточку некоего Канити Минами. Он сказал, что я в Шанхае был в очень близких отношениях с одним иностранцем и сейчас этот иностранец находится в Японии и обязательно хотел бы встретиться со мной.

Сначала я отнесся к этому человеку очень подозрительно, так как подумал, а не шпик ли он из полиции, которой стало известно о моей деятельности в Шанхае. Однако постепенно сомнения рассеялись, и я понял, что речь идет о Джоне [Джонсоне] (Зорге). В этот же день часов в шесть вечера мы вновь встретились в китайском ресторане. Минами был ни кто иной, как Ётоку Мияги... "Теперь на повестке дня Япония, а не Китай", — сказал мне Джон. Я принял решение вновь сотрудничать с Джоном и продолжал это сотрудничество до самого ареста»[107].

Согласие Одзаки сотрудничать свидетельствует о силе личности Зорге. Эти двое питали друг к другу огромное уважение, сотрудничество в Шанхае переросло в настоящую дружбу.

«Одзаки был моим самым главным соратником, — отмечал Зорге в «Тюремных записках». — ... Поэтому, как только я прибыл в Японию, прежде всего принял меры к тому, чтобы установить связь с ним»[108].

«Познания, которыми обладал Одзаки в области японской и иностранной политики, были чрезвычайно широки, и мои встречи с ним в этом смысле были очень ценными. Благодаря этим двум моим друзьям и сотрудникам

(Одзаки и Мияги. —*М.А.*) я смог ясно понять специфическую роль японской армии в управлении государством, а также статус Совета старейшин «Гэнро» как советников императора, трудно объяснимый с юридической точки зрения. От них я узнал о доминирующей роли в средние века Вако и их влияний в периоды Хидэёси и Токугава. Однако благодаря им я не столько узнавал те или иные факты и исторические аналогии, сколько получал возможность достичь полного представления о предмете исследования и всестороннего его понимания. Так было в случае, когда я особо глубоко изучал инцидент 26 февраля и аграрный вопрос. По этим двум проблемам их частые советы и оценки были очень содержательны. Более того, думаю, что без Мияги я никогда не смог бы настолько, как сейчас, понять японское искусство. Мы часто встречались на выставках и в музеях, и не было ничего необычного, когда наши дискуссии по разведывательной или политической тематике отодвигались в сторону беседами о японском и китайском искусстве. Я делал все возможное, стараясь глубоко разобраться в важных проблемах, с которыми сталкивается Япония. Поэтому встречи с Одзаки и Мияги составляли важную часть моих исследований»[109].

«В сентябре 1934 года газета «Асахи» предложила Одзаки перейти в ее токийский штат. Его основным местом работы в Токио должна была стать исследовательская организация, известная как Общество по изучению Восточно-Азиатских проблем. Эта организация только что была создана под покровительством токийского филиала газеты «Асахи» — и в штате ее состояли в основном люди из «Асахи». Главной темой исследований общества были китайские дела, что вполне подходило Одзаки как специалисту по Китаю, ставшему признанным авторитетом и даже опубликовавшим свой перевод книги Агнес Смедли "Дочь земли". В большой степени благодаря своим связям с этим исследовательским обществом (в деятельности которого принимали участие представители вооруженных сил, правительственных департамен тов и большого бизнеса) Одзаки после переезда в Токио смог существенно повысить уровень своих личных контактов»[110].

При организации нелегальной резидентуры в Токио Зорге использовал опыт, приобретенный в Шанхае, дополняя его новыми подходами. В частности, агенты-групповоды проводили вербовку «среди местных», с которыми Зорге не встречался; более того, Зорге не знал всех источников своих агентов-групповодов, а если и знал, то в подавляющем большинстве случаев только по псевдонимам. Мотивация сотрудничества агентов-групповодов с разведкой была расширена по сравнению с шанхайским периодом — к личной привязанности и материальной заинтересованности прибавилась идейная составляющая, отодвинув материальную заинтересованность на задний план.

В чем состояло «основательное испытание», после которого Зорге возобновил сотрудничество с Одзаки, сказать трудно. Возможно, речь шла о привлечении к сотрудничеству «Специалиста» — Синодзука Торао, офицера запаса.

9 ноября 1934 г. на стол Сталина положили документ, на первом листе которого, вверху, была надпись: «Перевод текста фотоснимка с копии доклада германского военного атташе в Токио полковника Отта». Документ был составлен 30 июля и адресован начальнику Управления морскими силами капитан-лейтенанту Бринкману в Министерстве рейхсвера. С левой стороны надпись карандашом рукой Артузова: «Тов. Сталину. Послано также тов. Во-

рошилову. 9/XI-34, Артузов». На документе вверху надпись: «Архив Сталина». Это был первый документ Зорге, доложенный Сталину.

В середине декабря в Токио было отправлено оргписьмо, в котором, в частности, говорилось:

«3. Присланная Вами с последней почтой "статья" в газету /Ваш фильм № 3/ представляет для нас интерес не только с точки зрения информации по затронутому в ней и интересующему нас вопросу, но и с точки зрения оценки самого лица, которое дало эту "статью". В этом отношении "пробу", о которой Вы пишете в своем кратком письме, мы одобряем, ибо метод составления статьи со ссылками на источники получения сведений дает нам возможность легче осваивать и давать "статье" оценку. "Статья" составлена на основе легальных источников, однако, в ней имеется ряд данных, которые подтверждают наши данные, а частью сообщают сведения, которые нам не были известны. Манера лица, приславшего "статью", делать ссылку на №№ журналов, из которых взяты сведения, служит доказательством добросовестности указанного лица. Ваша задача теперь заключается в том, чтобы направить это надлежащим образом на постепенное повышение ценности сведений и развить в нем большую решительность в их добывании.

Вместе с этим, нас чрезвычайно интересуют подробные данные об указанном лице — кто он такой, его служебное положение и т. д., а также данные, при каких обстоятельствах и каким образом Вы с ним познакомились. Все это сообщите нам обязательно очередной почтой.

Помимо того, указанному лицу дайте следующее задание. В его статье упоминается полковая пушка типа 93. В связи с этим наша газета и журнал интересуются следующими сведениями: необходимо уточнить относительно пушки 93, что это за пушка, ее технические данные, на каком заводе изготовляются, в каких частях уже имеются на вооружении. Кроме того, выяснить следующее:

1. Сведения о технических и тактических данных новой горной пушки типа 91.

2. Сведения о технических и тактических данных новой противотанковой пушки. Поступает ли она на вооружение частей, на каких заводах изготовляется.

3. Сведения об организации, составе и вооружении танкового полка /в Нарасино/. Типы танков, состоящих на вооружении. На каких заводах изготовляются. Сколько танков имеет сейчас армия /без Маньчжурии/.

4. Сведения о том, имеются ли уже в настоящее время автоматические винтовки на вооружении пехотных частей, в каком количестве.

Одновременно с подробными данными об указанном лице, сообщите нам также подробные данные о всех лицах Вашего хозяйства и аппарата Вашего представительства. Однажды Вы нам кратко сообщили по воздуху, что у Вас уже несколько ... (нрзб), но подробных данных о них, кто они такие, где работают и т. д. не сообщили. Важные сведения о работниках Вашего аппарата /фамилия, где работают и т. д./ шлите в зашифрованном виде. Эти сведения ждем от Вас также с очередной почтой.

5. В нашу редакцию поступили сведения, что в одной из присланных Вами корреспонденций в газеты страны Вашего происхождения, Вы освещаете события в таком свете, что официальный представитель страны, в которой Вы

находитесь, расценил это как нелояльное отношение со стороны Вас к стране, в которой Вы находитесь. Этот представитель обратился к своему П-ству с просьбой принять против Вас специальные меры. Вам необходимо немедленно изменить линию поведения в Ваших статьях в отношении страны, в которой Вы находитесь, а Вашу работу прекратить на 1-2 месяца совершенно. О том, что Вы знаете об этом, Вы ни в коем случае не должны говорить комулибо, в том числе и Б.

Сердечный привет.

17 декабря 1934 г.».

Весьма сомнительно, что «Специалист», учитывая его возможности, смог дать квалифицированный ответ на поставленные вопросы.

Конец 1934-го был отмечен первыми доносами на Зорге. Писали те, кого «Рамзай» считал своими соратниками и к кому относился с искренней симпатией.

«Теперь об одном "деликатном" деле, касающемся Рамзая, — счел необходимым обратить внимание «Старика» «Абрам» в личном письме от 8 октября 1934 г. — Дело было так, что после приезда Коммерсанта (Гельмут Войдт ездил за почтой из Шанхая в Токио. — *М.А.*) из Японии в августе он со мной имел политический разговор, меня очень поразивший, поскольку я, как правило, в политических беседах с ним привык слышать от него здоровые — в общем и целом — взгляды. Коммерсант говорил, что линия Коминтерна, начиная с 29 г., построена на пассивной тактике "удержания наличного", а так как "наличное" сводится, главным образом, к существованию СССР, то и вся политика Коминтерна построена на задаче помощи соцстроительства в СССР, причем соответствующим образом ограничивается активность компартий на Западе. Он критиковал "недостаточную активность" нашей внешней политики, наше вступление в Лигу Наций. Мне весь этот разговор показался очень странным, особенно критика Коминтерна, «начиная с 1929» (когда исчезли из руководства правые), поскольку вся аргументация по части Коминтерна явственно была взята не из лексикона Коммерсанта. Я поэтому договорился с Паулем, чтобы он спросил Рамзая, имел ли тот разговор на подобные темы с Коммерсантом. Результат изложен в записке Пауля. Нет сомнения, что, во всяком случае, часть аргументации Коммерсанта тянется от Рамзая.

Считали с Паулем необходимым тебе об этом написать, поскольку это дело политическое, партийное. Во-первых, Рамзай высказывал политически неверные взгляды, во-вторых, он этими взглядами делился с беспартийными (причем дело никак принципиально не меняется от того, что этот беспартийный, как я в этом глубоко убежден — является своим человеком). Я, со своей стороны, имел с Коммерсантом ряд бесед, разъясняя ему правильность нашей политики.

По некоторым вопросам политики пишу отдельно. Абрам».

Это письмо в известной мере повлияло на формирование негативного мнения о Зорге. Бронин доводил до сведения руководства факты, недостойные внимания. Факты незначительные, зато сомнение было посеяно, и спустя три года встанет вопрос и о политическом недоверии к Зорге.

Написал в Центр и Римм о своем «разговоре с Рамзаем по поводу его беседы с Коммерсантом». Это письмо-донос от 14 сентября 1934 г. было адресовано, судя по всему, тому же «Старику»: «Я не буду касаться того вредного влияния, которое произвела на Коммерсанта беседа Рамзая. Ограничусь лишь констатированием того, что Рамзай мне сказал.

Для нас было весьма важно установить, имели ли Коммерсант с Рамзаем разговор на тему о политике СССР и каковы были установки Рамзая на эту тему. Предупредив Рамзая, чтобы он был со мной совершенно откровенен, я поставил Рамзаю указанный вопрос. Он ответил, что имел с Коммерсантом продолжительную беседу и, главным образом, разговаривал на тему о внутреннем положении Германии и ошибках германской компартии. Продолжая, он сказал, что германская партия сделала ошибку, допустив Гитлера к власти без боя. Я его прервал и спросил, а были ли какие-либо шансы на успех при призыве масс на открытую борьбу с фашизмом для захвата власти. Он ответил, что шансов на успех было мало, но лучше было сражаться и отступить с боем, чем бежать. Я возразил ему, что, несмотря на приход к власти Гитлера и, несмотря на то что мы не призвали в этот момент массы на вооруженную борьбу с фашизмом, мы не утратили влияния на массы германских трудящихся (пример последнее голосование). Рамзай ответил: "Я знаю прекрасно, кто голосовал против Гитлера. Значительную долю в этой массе составляли немецкие националисты и католики". Я прервал Рамзая, сказав, что он был очень неосторожен, подняв такой спор с Коммерсантом, у которого все такие проблемы могут преломиться в неправильную сторону. Рамзай прервал на этом разговор, заявив: "Я старый работник Большого Дома и знаю, с кем и как разговаривать. Я беру всю ответственность на себя и не нуждаюсь в опеке. Давай кончим на этом разговор".

Видя, что Рамзай почувствовал себя обиженным, и чувствуя, что он в дальнейшей дискуссии не будет вполне откровенен, я кончил разговор на этом».

Автором письма был тот самый «Пауль», бездействие которого в Шанхае пытался оправдать перед Центром «Рамзай». И на этом доносе «Пауль»-Римм не остановился.

3.4. «Как с моей стороны, так и со стороны Б[ернгардта]., мы ни сил, ни трудов не жалели»

(*из «Отчета Рамзая о работе за сентябрь 1933 г. по июль 1935 г.»*)

13 февраля 1935 г. заместителем начальника Разведупра РККА Артузовым, назначенным на должность в мае 1934-го, был разработан проект «Указаний Разведывательного управления», который, минуя начальника Разведупра Урицкого, был представлен на утверждение наркому обороны Ворошилову. На документе рукой Артузова написано: «Нарком читал». Скорее всего, Ворошилов не одобрил предложения замначальника Разведупра, и они не были приняты. Однако из этого не следует, что подобные указания не появились в последующем. В этом документе, в частности, говорилось:

«1. Агентурная работа Разведывательного управления за границей строится через нелегальных резидентов (никоим формальным образом не связанных с СССР).

2. В случае провала резидент и его аппарат не имеют права обнаружить перед следственными властями своего какого бы то ни было отношения [к СССР], следовательно, резидент не может иметь ни в своих документах, ни среди своего обихода (одежды, книги) никаких элементов, указывающих на связь с СССР.

3. Признание в случае провала резидента или его сотрудника перед следственными властями какого бы то ни было своего отношения к СССР должно рассматриваться, как акт измены Родине...

5. Связь Разведывательного управления со своим нелегальными резидентурами должна осуществляться следующим образом:

а) посредством работников связи, приезжающих через третью страну в СССР;

б) посредством работников связи в третьей стране. Этот пункт связи, в свою очередь, может быть связан со связистом, состоящим на службе в советском полпредстве, или торгпредстве в указанной третьей стране;

в) посредством передачи сообщений по коротковолновым установкам.

6. Связь между собой отдельных резидентур, а также их работников запрещается».

К провалу нелегальной резидентуры «Абрама», нанесшему невосполнимый ущерб разведке на Дальнем Востоке и ударившему не в последнюю очередь по агентуре, привлеченной к сотрудничеству Зорге, в Центре возвращались и в 1935-м, и в 1936-м, и в 1937-м годах, каждый раз приходя к выводу, что «Рамзай и, вероятно, часть его сети известны полиции».

О первых выводах, сделанных по горячим следам, уже говорилось. Следует напомнить, что в докладной начальника 2-го отдела РУ РККА Карина от 9 июля 1935 года как об уже принятом решении говорилось, что «нелегальная радиофицированная резидентура "Рамзая" из Японии» снята.

Поэтому вызов в июне 1935 года в Центр следует рассматривать, как отзыв из командировки. Отзывали не только Зорге, но и радиста «Бернгардта», и ни тот, ни другой об этом не подозревали.

2 июля «Рамзай» отплыл пароходом из Японии в США, где встретился с местным резидентом и получил подложный немецкий паспорт — для проезда из Европы в СССР. Из США «Рамзай» отплыл во Францию (Гавр). В Париже 16 июля он встретился со связником местной резидентуры и, оформив визу, выехал в Москву.

К этому времени II Отдел (Восток) возглавлял Карин, к-11 (категория по штату), к-12 (присвоенная категория). Заместителем начальника отдела являлся Панов, к-11 (категория по штату), к-11 (присвоенная категория).

Начальником 7-го (японского) отделения был Покладок, к-10 (категория по штату). Штатная структура 7-го отделения предусматривала несколько должностей заместителей и несколько должностей помощников начальника отделения. Должности заместителей начальника отделения занимали:

— Твердохлебов, к-9 (категория по штату), к-10 (присвоенная категория);

— Марков, к-9, к-9;

— Евсеев, к-9, к-10;

— Акимов, к-9, к-10;

— Тальберг, к-9, к-10;

— Федоров, к-9, к-10.

Помощниками начальников отделения являлись:

— Сироткин, к-8, к-10;

— Попов, к-8, к-9;

— Константинов, к-7, к-8;

— Константинова, к-7, к-3.

Судьбу Зорге из вышеперечисленных начальников, заместителей и помощников начальников определяли на первом этапе Ф.Я. Карин, П.А. Панов, М.И. Сироткин, а в последующем — Попов и другие. Вскоре многие из них были объявлены японскими шпионами.

Свое отношение к шанхайскому провалу Зорге выразил в «Отчете Рамзая о работе за сентябрь 1933 г. по июль 1935 г.»следующим образом: «Мое мнение о провале в соседней стране, что значение его для организации на острове следующее: я считаю совершенно невероятным, что мы задеты. Даже если арестованные китайцы будут говорить о прошлых делах, они не могут дать такие данные, которые бы поставили меня в связи с этим делом. Б. со стороны китайцев, вообще, нечего бояться. Единственная опасность заключается в том, что у А. могли быть найдены данные, которые бы подробно говорили обо мне или Б. посредством записи имени или адресов, по которым можно было бы судить о существовании связи. Насколько это соответствует правде, не могу судить».

Контакты в Центре дали основание считать, и не безосновательно, что возвращение на «острова» может не состояться, и в этой связи Зорге предостерег руководство от затягивания решения вопроса о своем направлении в Токио. «Рамзай» писал: «Я уехал 2-го июля, я считал абсолютно необходимым так организовать мой и Бернарда отъезд, чтобы не вызвать никакого скандала и подозрений слишком быстрым отъездом и необъяснимым исчезновением. Наши широкие и частично близкие отношения должны эту опасность вызвать, в особенности, у меня, так как я уехал при оживленном участии посольства и других кругов. Я организовал свой отъезд под предлогом необходимости переговоров с газетами, одновременно с намерением создать новые связи, так как условия в немецких газетах становятся все труднее. Если моя поездка не отнимет много времени — не больше, чем три-четыре месяца, тогда у меня нет никакой боязни, что это объяснение не будет признано и что ему не поверят. Задерживаться дольше станет для меня опасным. Также обстоит дело с Б., который уехал в Германию для завязывания новых деловых сношений. К тому же мое длительное отсутствие уничтожит и так не слишком крепкую легализацию и помешает вновь предпринятым связям по легализации.

Это все означает, что решение должно быть принято скоро относительно моего возвращения, а также и возвращения Б. на работу. В случае, если решение это не будет сейчас принято, я не советую послать опять на остров, даже если Вы это пожелаете. Длительное отсутствие должно привести к новым неуверенным факторам, которые не поддадутся контролю. В случае, если я и Б. обратно поедем, я срочно прошу о том, чтоб я мог поставить ряд необходимых организационных вопросов и чтоб они были также разрешены. В случае, если я не поеду, должны быть предприняты меры, чтоб потом не получился скандал и не было бы вызвано подозрение, которое бы не сделало невозможным мою дальнейшую работу вне».

В своем Отчете «Рамзай» остановился на характеристике «Специалиста», материалы которого он отправлял в Центр: «И, наконец, об упомянутом много раз в моих материалах "Специалисте". Этот человек тесно связан с О., так я буду его называть. Человек с антивоенной установкой, который колеблется между реформизмом и ясной политической точкой зрения. Он сам артиллерийский офицер в резерве, но мобилизуется еще при маневрах. Например, в конце этого года. Он имеет исключительную наклонность к изучению военно-технических вопросов и хорошие связи с младшими офицерами. Эту наклонность я настолько использовал в 1935 г., что через О. удалось его убедить, под видом углубления своих знаний, писать по этим вопросам. Эти работы мы прилагали к почте. С течением времени удалось эти работы, носящие общий характер, конкретизировать. Имеются все возможности для обработки этим человеком конкретных заданий, задачу, которую я себе ставил в 1935 г.».

«Он был старым другом Одзаки, — напишет в «Тюремных записках» Зорге о «Специалисте», — и его вовлекли в нашу работу вскоре после моего прибытия в Японию. Он, однако, оказался далеко не тем человеком, на которого мы рассчитывали. Мы сначала рассматривали его как военного специалиста, но он, к удивлению, оказался экспертом по деньгам»[111]. Последняя фраза написана Зорге, чтобы отвести подозрения от «Специалиста» в сотрудничестве с разведкой.

Вспомнил «Рамзай» и о «Ронине» (Каваи Тэйкити): «Наряду с О. я вспомнил еще об одном старом знакомом. Этого я передал работнику, когда уезжал в соседнюю страну. Он был в районе Пауля. Между прочим, О. я не передавал, так как он уже в начале 1932 г. оставил соседнюю страну. Этот человек, видимо, не был использован Паулем. Он теперь на острове. Он также старый знакомый О., и от него я узнал, что у него неплохие возможности по информации из радикально-террористических фашистских кругов. Он имеет с этими кругами связи. Он передавал свою информацию О. без того, чтобы знать, что О. передает ее мне, и я ее использовал. Использование этого человека совершенно созрело, и даже после некоторого времени можно было бы предпринять его вербовку. Это все, что было создано до моего отъезда».

«На 1935 г. я не мог себе поставить новые принципиальные задачи, — докладывал «Рамзай». — Наоборот, я пытался при помощи связи с домом, которая улучшалась, повысить качество. Насколько это было достигнуто, должна показать почта за 1935 г. В отношении "Специалиста" я хотел в 1935 г. создать основное улучшение и, если возможно, и направление. Также вопрос создания сети для наблюдения за транспортами войск и для обеспечения свободной информации, стал мне совершенно ясным и необходимым, но большие успехи в этом направлении не сделал. Вместе с тем мне кажется, что виды на постепенное улучшение не только чисто осведомительной работы, но также полезно документальных материалов были благоприятны, хотя темпы были очень медленны.

Наряду с этим я должен сказать, что, начиная с 1934 г. я аккуратно посылал каждые два с половиной — три месяца почту домой, состоящую из 5—15 катушек. Оценку этим почтам я никогда не получал. Мне только очень поздно сообщили, что военные брошюры, которые я посылал, не представляют ценность и что работы "Специалиста" вызвали интерес.

В 1935 г. я два раза послал почту, одну в марте, а другую сам привез. Эти почты носят еще печать неопределенности, не по одной моей вине, того, что было бы желательно и ценно. Почту я сам составлял с начала и до конца и большинство отчетов сам обрабатывал, и даже чисто техническая работа до сих пор лежала на мне. Я также должен был вести всю работу по шифру. Нужно еще упомянуть, что из-за отсутствия помощи я все встречи с местными и другими членами фирмы сам проводил. Наряду с газетной работой, а также с общественными делами — нелегкая рабочая задача.

Насколько это возможно было, я лично предпринимал поездки в интересные районы Японии. Я был также в Формозе и Корее. Во всех своих поездках, насколько это возможно было, я собирал данные о железных дорогах, портах, промышленности, войсках и посылал отчеты почтой. Я также прилагал фотоснимки как свои, так и чужие. Частично я мог эти материалы дополнить данными атташе. В последнее время я использовал Густава для таких поездок при моем детальном инструктировании.

Очень много забот и трудностей доставляют каждый раз встречи при тех особо тяжелых условиях, которые существуют на острове. К тому же встречи с местными наиболее трудны, во всяком случае, частые встречи с Бернардом и другими иностранными друзьями тоже нелегки. До сих пор я не мог еще найти свои частные квартиры для наших встреч. Имеющиеся дома и станции я ни в коем случае не мог подвергнуть опасности, используя их для встреч с местными. Последние недели мне удалось найти квартиру для 3-й станции и еще одну для почты и фотографии. До моего отъезда они еще не могли быть использованы, а в связи с моим отъездом они, вероятно, потеряны».

«Из вышеизложенного доклада следует, — писал в отчете «Рамзай», — что работа в ее фактической ценности для дома еще мала, а далее, что все развитие моей работы шло очень медленно. Главная причина, по-моему, заключается в том, что действительные условия на острове самые тяжелые. Я прошу эти трудности при оценке принять во внимание. Как с моей стороны, так и со стороны Б., мы ни сил, ни трудов не жалели».

Спустя неделю после отчета, 3 августа 1935 г., Зорге представил «Характеристику источников, связей и сотрудников Рамзая». На немецком экземпляре значится: «Сделан перевод и отпечатано в двух экземплярах. 10.8.35. Покладок.

«1. Джо. Туземец [Einheimische], около 30 лет, художник, жил много лет в Америке и был там привлечен к нашей работе. Был оттуда взят мной на острова. Очень предан, верный товарищ. Заслуживает доверия. Большой инициативой не отличается, однако, под постоянным руководством — хороший работник. Его связи на островах не очень значительны, главным образом, среди художников, интеллигентов, а также несколько прежних школьных товарищей и друзей, также несколько журналистов. До настоящего времени из материалов он дал, главным образом, только полуофициальные издания военного характера. В смысле информации он мной использовался больше для проверки и контроля сведений, которые мне казались не совсем заслуживающими доверия.

2. Отто. Туземец, около 35 лет, по профессии газетный работник. Политически развит очень хорошо, очень умен и очень полезен. Я его знаю по своей совместной работе с ним в Китае, тем проверен, питаю к нему полное до-

верие. Его связи в преобладающей степени политического характера в различных и многочисленных слоях. В последнее время также некоторые связи с военными, которые должны влиять и контролировать японскую прессу. Хорошие связи с министерством иностранных дел и к людям Хирота (Хирота Коки, 1932—1936 гг. — министр иностранных дел; 1936—1937 гг. — премьер-министр Японии. — Прим. авт.). Его личные друзья — это указываемые ниже "специалист" и "Ронин".

3. Специалист. Офицер запаса, служит на небольшой должности на железной дороге. Страстный любитель военно-научных вопросов, с очень большими знаниями в области техники и военно-организационных вопросов. Давал Отто постоянно сообщения по военным вопросам, которыми Отто будто бы интересуется, так как хочет пополнить свои военные знания. Возможность повлиять на содержание и тему этих разработок существует только в известной степени. Оставлен до сих пор в неизвестности о дальнейшем использовании его разработок. Лично он является типичным реформистом, который хоть и настроен антимилитаристично, но считает, что еще не пришло время для того, чтобы стать активным. Он имеет много знакомых среди низшего офицерства. При надлежащем использовании и руководстве через Отто он, несомненно, может дать очень полезную военную информацию, а также и материал.

4. Ронин. Старый друг Отто. Я знаю его лично по Китаю, где работал вместе с ним. Он вращался, главным образом, в низших кругах ронинов в Северном Китае и Маньчжурии. Политически мало развитая авантюристическая натура с установившейся годами привязанностью и верностью к леворадикальному движению. Вернулся из Китая совсем недавно, хочет обосноваться на островах. Взят в обработку Джо для того, чтобы установить, насколько он испорчен или годен в результате своей цыганской жизни. Имеет также на островах хорошие связи к подпольному реакционному движению. Мог бы как специальный информатор по этому движению со временем принести пользу.

5. Осака бой. Молодой человек из Осака, друг Отто. Вполне склонен давать Отто все свои наблюдения из Осаки. Его возможности, однако, очень ограничены. Он может быть использован только как периодический информатор из Осаки, где мы до сих пор ничего другого не имеем. Теоретически очень хорошо развит — марксист.

...

Густав с женой. Раньше работал для газеты "Берлинер Тагеблат". Уже в продолжении долгого времени находится с нами в неорганизованной связи. Был привлечен мной для работы после запроса домой. Оба стали несомненными и решительными коммунистами. Очень умны и политически очень развиты. Как журналист, несомненно, талантлив. Очень энергичен с немного слишком бурными тенденциями. Оба просят принять их в партию. Оба имеют хорошие связи к швейцарскому и английскому посольствам. К различным миссионерам /эти связи имеет она/ и к еврейским кругам на островах. Оба находятся только один год на островах и могут очень значительно развить свои связи. Густав может работать среди всех антинационал-социалистических кругов и среди либералов, даже как наводчик-вербовщик. В Осаке имеется такой человек, учитель одной японской высшей школы, который, если мы пожелаем, может быть завербован и сможет быть полезным как наблюда-

тель в Осака. Густав и его жена являются для меня помощью и поддержкой, которая все время усиливается.

Жиголо. Как информатора, несмотря на усилия применять его не удается. Возможно, что в этом отношении дело улучшится, так как он получил работу во французском бюро Гавас. До настоящего времени он был нам полезен только своей квартирой, где у нас стояла запасная станция.

...

Собственные связи Рамзая. Важнейшая связь — это близкие личные отношения с немецким военным атташе Отт. От него я узнаю приблизительно большинство событий в немецко-японских отношениях и в военном сотрудничестве. Все чаще я получаю также от него материалы, которые он присылает в Берлин для прочтения. Я помогаю ему при шифровке его телеграмм в Берлин.

Очень близкая дружба с секретарем посольства Гааз, с торговым атташе и секретарем посольстве Мельхером. Наряду с этим, хорошие отношения с Дирксеном, которому я время от времени даю политическую информацию. Меня часто приглашают в немецкое посольство и имею известную протекцию оттуда. Отношения с немецким морским атташе становятся все теснее. Через Отто я познакомился с рядом японских офицеров, говорящих по-немецки и особенно с тем крылом молодых офицеров-летчиков, которые настроены сильно национал-социалистически. Назову для примера полковника Банзая (будущий военный атташе Японии в Берлине. — Прим. авт.). Меня протежирует жена полковника Отт, которая часто приглашает меня на интернациональные вечера военного атташе.

Местная группа национал-социалистов начинает становиться источником информации наряду с ее значением для легализации. До сих пор я нашел там 3—4 человек, которые от времени до времени сообщали мне интересные подробности.

Хорошие связи с голландскими кругами как в обществе, так и среди голландских купцов. Через эти круги я стал членом интернационального клуба.

Личные связи с японцами я имею среди газетных работников, потом среди переводчиков немецкого посольства. Кроме того, одно-два случайных знакомства. С военной точки зрения эти знакомства не интересны.

Возможности Рамзая развить свои отношения и связи с иностранцами, естественно, еще далеко не исчерпаны. Качественно можно значительно улучшить существующие связи, также и количественно можно проникнуть в другие слои. Хорошие дополнения могут дать Густав и его жена. С точки зрения вербовки иностранные круги кажутся также безнадежными. Здесь, однако, Рамзай не предпринял никаких шагов, если не считать Густава и возможность в отношении учителя из Осака.

Информации из японских источников могут быть расширены и стать более продуктивными, главным образом, через круги Отто. С точки зрения вербовки, если такая задача будет поставлена, объектами, о которых можно говорить, являются специалист и Ронин. Как глаза и уши, которые находились бы в интересных местах в Токио и Иокогама, а также и в Осака. Рамзай видит, кроме осакского боя, двух друзей Джо. Эти последние могли бы уже сегодня быть посланы в соответствующие места, например, в токийский порт или между Токио и Иокогамой.

Рамзай.

3.8.35 г.».

Под псевдонимом «Осака-бой» проходил Мидзуно Сигэро, знакомый Одзаки по Шанхаю.

При оценке работы Зорге с 1933-го по июль 1935 года его деятельность анализировалась поверхностно, а оценки давались предвзято и необъективно, сопровождаясь неоправданными и далеко идущими выводами. Часть «критики» базировалась на субъективном восприятии Зорге как личности, что переносилось на результаты его работы. К тому же на формирование негативного мнения о Зорге в известной мере повлияло уже упоминавшееся письмо-донос «Абрама» от 2 ноября 1934 года.

М.К. Покладок и М.И. Сироткин, начальник 7-го (японского) отделения и помощник начальника этого же отделения по информационной работе 2-го (восточного) отдела, даже не пытались рассматривать время пребывания «Рамзая» в Японии (с момента приезда в Токио и до отъезда его в Москву) как подготовительный период создания резидентуры на месте, формирования ее костяка для последующего развертывания работы. В связи с этим не следовало предъявлять жестких требований к поступавшей за это время из Токио информации.

В докладных записках от 2 и 5 августа 1935 года Покладок впервые выразил недоверие к Зорге, сомнение в его добросовестности и честности.

«Практическая деятельность Рамзая охватывает период с начала 1934 года по конец 1935 г., — писал Покладок. — За это время им было прислано в общей сложности около 40 материалов разнообразного характера. По отдельным отраслям работы Рамзая можно дать следующие оценки:

а) освещение военных вопросов производилось в общих чертах, не заключало каких-либо новых данных о японской армии и, как правило, производилось на совершенно легальных материалах («Военное дело и техника», «Армия Японии и других стран», «Справочник ПВО», отрывки из авиационных журналов и др.). Богатейшие возможности, проистекавшие из связей Рамзая с военным атташе Германии и с группой японских офицеров, использовались крайне слабо, а между тем можно было получить весьма ценные доклады о японской армии, которые посылались в Берлин. Сведения военного характера были разрозненны и бессистемны.

б) Освещение экономических вопросов носило точно также случайный характер, при том характерно, что цифры по экономике Японии, данные Рамзаем, сильно преуменьшались по сравнению с данными японских справочников; работа велась только на легальных материалах, серьезных разработок по экономике Рамзаем не производилось. Крайне слабо использовались связи его с германскими и голландскими кругами.

в) политическая информация сильно опаздывала и была также слабой; было прислано и несколько докладов германского посольства, но с большим опозданием. Связи с германскими и голландскими дипломатическими кругами использованы недостаточно.

Выводы:

1. Работа Рамзая не может быть признана хорошей. Не всегда имелось серьезное отношение к разработкам. Использовались преимущественно легальные материалы.

2. Крайне плохо использовались связи с иностранными кругами (если они были на самом деле).

3. Подготовка Рамзая для самостоятельной работы не достаточна, необходимо ее значительно повысить.

Начальник 7 отделения ПОКЛАДОК.

2 августа 1935 года».

Через три дня Покладок в документе, названном «Впечатления о Рамзае», пишет: «Несколько встреч, которые я имел с Рамзаем, произвели на меня не совсем хорошее впечатление, остающееся и сейчас, и нисколько не рассеивающееся. Крайне импульсивный, подвижный, разговорчивый и в то же время весьма скрытный, он представляется мне неискренним и каким-то двойственным человеком, что-то не договаривающим. В его разговорах и жестикуляции много показного и актерского; его беспокойные, непрерывно бегающие глаза, не останавливаются долго на посреднике и не располагают к себе… (отточие в тексте. — *М.А.*). Но это личное впечатление может быть и ошибочным, хотя я лично побоялся бы довериться Рамзаю в ответственный момент, почему, но я ощущаю в себе большое недоверие к нему… (отточие в тексте. — *М.А.*). Теперь более точные и конкретные факты:

1) Рамзай весьма слабо знает экономическую и политическую обстановку в Японии, является, в известной мере, дилетантом.

2) Агентурная обстановка в Японии усвоена им тоже недостаточно хорошо, во всяком случае, он ничем не помог нам в этой нами еще недостаточно изученной отрасли.

3) Его связи с иностранными военными и дипломатическими кругами использованы им слабо, что подчеркивает довольно прохладное отношение к делу, а фотографирование и пересылка нам легальных материалов говорит об отсутствии глубокого критического анализа и достаточного знания имеющихся в Японии и попадающих к нему материалов.

4) Резко выраженные элементы болезненного самолюбия и самомнения не всегда позволяют ему выслушать до конца чужое мнение, а отсюда большая доля верхоглядства, если учесть и замечания предыдущих строк.

Выводы:

1. До посылки на работу за рубеж Рамзай нуждается в тщательной и серьезной проверке.

2. Необходимо дать серьезную подготовку Рамзаю, без чего его деятельность не дает нужного.

3. Точно установить сферу его деятельности.

Начальник 7 отделения ПОКЛАДОК.

5 августа 1935 г.».

Правда, к его выводам никто не прислушался, и «Рамзай», не пройдя «тщательной и серьезной проверки», не получив «серьезной подготовки», которую должен был организовать как раз Покладок, вернулся в Токио.

После отъезда «Рамзая» 22 сентября 1935 г. Покладок представил на имя начальника 2-го отдела Карина доклад, который тот направил начальнику Разведупра Урицкому. В докладе Покладок сообщал, что Зорге, оставивший о себе «тяжелое» впечатление, «едва ли сможет… принести большую пользу»:

«19 сентября во время свидания с Доном (Джон Шермэн. — *М.А.*) я узнал некоторые дополнительные данные о Рамзае и его окружении. Прежде всего, Рамзай знаком с Доном — были представлены друг другу в САСШ. Дон

знает всю систему Рамзая. Рамзай живет в Токио в отдельном особняке. По словам Дона, Рамзай является корреспондентом журналов, но без солидной крыши — его легализация слаба — во время войны едва ли сможет работать. Рамзай поддерживает тесную связь со следующими лицами:

1. Вайзе — немец, главный корреспондент германских газет, бывший германский офицер во время империалистической войны. Весьма умный человек с солидной легализацией. Наиболее вероятно, что он работает на Германию или на другую разведку.

2. Густав, немец. Корреспондент лондонских газет, очень хороший и честный человек. Легализация хорошая, используется Рамзаем в самых широких размерах и совершенно открыто.

3. Гантембаум — немка, корреспондентка швейцарских газет, личность ярко заметная на токийском фоне: неизвестно, откуда получает она средства и что пишет. Легализация крайне плохая. По всем признакам, она является женой … ("Густава". —*М.А.*); оба живут в меблированных комнатах «Бунка» — он на один этаж выше.

4. Финдаль — из Осло (Норвегия), национальность неизвестна, легализация плохая, корреспондент норвежских газет. Фигура весьма одиозная в японских условиях.

По мнению Дона, все эти лица, за исключением Вайзе, являются нашими работниками.

Весьма характерно, что Рамзай, будучи в Москве, не дал нам в своем отчете подробного и мало-мальски обстоятельного доклада об агентурной обстановке и об иностранных кругах, что весьма важно было для нас и о чем я лично просил Рамзая.

Имеется в докладе Рамзая и подтасовка: он пишет, что «в отношении иностранцев удалось завербовать Густава» … Фактически связь к Густаву была дана ему нами, и вербовки Рамзай не производил.

Я просмотрел смету расходов Рамзая: она сильно им раздута: прежде всего он свой личный расход 850 иен с представительскими (в месяц) считает очень высоким, что при его широком образе жизни и при сравнительно небогатой легализации может выглядеть для японцев крайне подозрительно. Целый ряд указанных им расходов ничем не обоснован; легализация 50, орграсходы 70, расходы 75, мелкие расходы по сети 150; стоимость конспиративных квартир и эксплуатация радиостанций преувеличена.

Все вместе взятое (доклад о работе и его смета) свидетельствуют о несерьезности и крайней поспешности в деятельности Рамзая. Тяжелое впечатление, произведенное на меня Рамзаем, продолжает усиливаться, о чем считаю своей обязанностью доложить Начальнику II отдела и его заместителю тов. Боровичу[112]. У меня сложилось впечатление, что Рамзай относится к числу лиц, которые любят хорошо пожить, ни в чем себе не отказывая и не очень усидчиво и серьезно работая; довольно поверхностный по своей подготовке и несколько легкомысленный по своему характеру, при присущей ему скрытности, едва ли сможет он принести большую пользу и в будущем потребует над собой самого бдительного наблюдения и твердого руководства.

Все вышеизложенное представляю на Ваше распоряжение.

Нач. 7 отделения ПОКЛАДОК.

22 сентября 1935 г.»

[Резолюции]: «Н.Р.У. РККА. Представляю рапорт нач. 7 отделения

Н.2 О. КАРИН. 26.IX».

«Н.2. Вы мне представляете, а что Вы сами думаете об этом? Что думал т. Покладок и Борович, когда мы отправляли Рамзая? 27.9.35».

«Нач. II отдела РУ РККА. Я был в госпитале 13.8—26.8.35. Отправку и смету делали т. Марков и т. Борович. 25.11.35. Покладок».

Ранее отмечалось, что искажения при переводе отчета «Рамзая» от 28 июля привели к неясностям и недоразумениям в вопросе о привлечении к работе «Густава».

Назначенный в июле 1936 года во 2-й отдел Разведупра Б.И. Гудзь попытался найти объяснение субъективной и несправедливой оценке Зорге: «Состоялось первое знакомство с полковником Покладоком, отделение которого курировало операцию «Рамзай». Сперва меня удивило скептическое отношение Покладока к этой линии. Он, военный аналитик, побывавший в качестве стажера в японской армии и написавший книгу о японской армии, хорошо изучивший японский язык, недооценивал гражданских работников, узких специалистов по чистой агентуре. Таким он считал и Зорге. Считал его дилетантом и ничего полезного от него не ждал»[113].

И все же серьезных доводов против возвращения Зорге в Японию найдено не было. Более того, «тов. Зонтер Ика Рихардович» Народным Комиссаром Обороны СССР был награжден золотыми именными часами. «Зонтер» — литературный и партийный псевдоним, которым Зорге пользовался во время работы в Исполкоме Коминтерна. Под этим псевдонимом он был принят на службу в Разведывательное управление в 1929 году.

Находясь в Москве, Зорге составил «Краткую записку о службе Зонтер Ика Рихардовича», в которой писал следующее:

«I. Родился в 1895 году 4 октября.

II. Какой местности уроженец (город, или губерния, уезд, волость и т.д.) // гор. Баку.

III. 1) Какой национальности, 2) какой язык считает родным и 3) какими другими языками владеет // 1) немец, 2) немецкий, 3) немецкий, русский, английский, норвежский.

IV. Социальное происхождение: 1) профессия до поступления на военную службу // партийн. работник.

V. Образование:

1) Общее, специальное и партийное: сколько классов (курсов), какого учебного заведения, когда и где кончил. а) низшее, б) среднее, в) высшее// германский Университет. 2) Военное // нет. 3) Высшее военное // нет.

VI. Партийное положение: 1) с какого времени состоит членом или кандидатом ВКП // член КП Германии с 1919 г., член ВКП(б) с 1925 г.

2) Какой организации и № партийного билета или кандидатской карточки // №0049927.

3) Принадлежал ли к другим партиям и каким именно и с какого времени и по какое // независимая соц-демокр. партия Германии 1917—19 г.

5) Какую партийную и политическую работу вел с Февральской и до Октябрьской революции // агитатор, парт. пропагандист, редактор парт. газеты, инструктор Коминтерна.

8) Подвергался ли партийным взыскания, когда, где, кем и за что // не имел.

VII. Холост или женат, имя, отчество, фамилия и возраст жены; имена и время рождения детей // женат — Максимова Екатерина Александровна.

VIII. Состояние здоровья и к какому роду службы пригоден // здоров.

IX. Награды и поощрения в Красной Армии, объявленные в приказе по части (учреждению) // награжден Народ. Комиссаром Обороны СССР золотыми имен. часами — 1935 г.

X. Взыскания по суду и дисциплинарные, объявленные в приказе по части и выше // нет.

XI. Краткие сведения о прохождении службы в Красной Армии // в распоряжении Разведыват. Управления РККА — 1929 г.

XII. Бытность в походах и делах против неприятеля в составе Красной Армии... // нет.

XIII. Участие в политических занятиях и степень политической подготовки // нет

XIV. Когда вступил в службу в старой армии... // -

XV. Пребывание в белых или иностранных армиях ... // служил рядовым в Германской армии с 1914 до марта 1916 г.

XVI. Краткие сведения о служебной деятельности (советской, партийной и профессиональной) // агитатором в Киле и Гамбурге — 1917—19 г.; агитатором в Рейнской области 1919—1920г.; чернорабочим в Аахене и Голландии 1920—1921 г.; преподаватель парткурсов и редактор партгазеты 1922—25 г.; инструктор Коминтерна 1925—1929 год».

Кроме Краткой записки Зорге написал автобиографию опять-таки «т. Зонтера Ики»:

«Родился в 1895 г. 4 октября в Баку. Отец немец, работал там как техник по нефтяному делу. Трех лет я с родителями уехал в Германию в Берлин и там учился в школе до начала войны. В ноябре 1914 г. был призван в армию, был на фронте до марта 1916 г., когда раненый был помещен в госпиталь. В госпитале впервые связался с левыми социалистами. С 1917 г. по 1919 г. был членом независим. соц. дем. партии, работал агитатором в Киле и Гамбурге и принимал активное участие в революц. движении. В декабре 1919 г. вступил в Гамбурге в члены КПГ.

В 1920 г. работал в Рейнской оккупированной области.

В 1921 г. принимал активное участие в подавлении Капповского путча. Должен был скрываться и стал работать в горной промышленности около Аахена и в Голландии в качестве чернорабочего.

В 1922 г. работал в Вупертале в качестве преподавателя партийных курсов.

В 1923 г. работал редактором партийной газеты в Золинген.

В 1924 г. во Франкфурте на Майне пропагандистом, работал нелегально (напр. скрывал у себя на квартире делегатов Конгресса Коминтерна тт. Пятницкого и Мануильского).

По приглашению тт. Пятницкого и Мануильского приехал в январе 1925 г. в Москву и стал работать в аппарате Коминтерна до мая 1927 г.

С этого времени начал работать в различных компартиях заграницей в качестве инструктора Коминтерна.

В октябре 1929 г. перешел в IV Управление Штаба РККА, где и работаю до сих пор.

28.7.1935 г.».

В обоих документах он указывал: «В распоряжении Разведыват. Управления РККА — 1929 г.»; «в октябре 1929 г. перешел в IV Управление Штаба РККА». С этими документами знакомились его непосредственные начальники, и в первую очередь начальник 7-го отделения Покладок, которые были обязаны безотлагательно принять меры по устранению недоразумения, поскольку, как выяснилось в 1936 году, «т. Зонтер Ика Рихардович» состоящим в распоряжении РУ не числился. Вследствие ли головотяпства руководства 7-го отделения и 2-го отдела или сознательного упущения, сказать трудно. Однако, учитывая составленные руководством докладные, естественно предположить последнее.

13 августа 1935 г. начальнику Разведупра был представлен «План работы резидентуры тов. Рамзая», который был на следующий день утвержден Урицким с существенными правками и подписан врид. нач. 2-го отдела Л.А. Боровичем (начальник 2-го отдела Карин находился в госпитале). Судя по всему, Борович не принял всерьез соображения начальника 7 отделения.

«План работы резидентуры тов. Рамзая» был структурирован по разделам:

«I. ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА:

1. Основная задача тов. Рамзая — постоянная информация нас о военных мероприятиях японцев на основе связей, имеющихся у Рамзая, и связей, которые он получит в дальнейшем.

2. Налаживание и установление постоянной и бесперебойной связи с Висбаденом.

3. Исходя из необходимости направить все свое внимание на конкретные мероприятия по подготовке войны против СССР, следует, в первую очередь стремиться к информации по следующим вопросам:

а/ отправка войсковых частей и военных материалов на материк, что, откуда и куда;

б/ работа частной и государственной промышленности для нужд армии;

в/ военные заказы за границей, где, что, срок доставки;

г/ военно-административная подготовка к мобилизации, мероприятия охранно-полицейские, призыв в армию значительного количества резервистов, призыв офицерского состава запаса на переподготовку;

д/ деятельность военно-фашистских организаций;

е/ внутриполитическое положение в стране и в армии;

ж/ вопросы оперативных планов японского командования и организация разведки и контрразведки;

з/ данные об агентурной обстановке;

4. Получение всех военных и военно-экономических материалов, а также, во вторую очередь, военно-политических материалов о японской армии и Японии, при посредстве своих связей в официальных представительствах буржуазных стран.

II. ПЛАН ПОЕЗДКИ

Тов. Рамзай выезжает 16 августа самолетом через Германию—Голландию на австрийском паспорте. В Голландии он пробудет два дня для устройства своих дел по легализации. В Голландии он меняет паспорт на свой постоянный — немецкий. Оттуда он направляется в С.Ш., куда должен прибыть 26 августа. Там остается дней 5—6 для устройства дел по легализации и направляется на острова, куда должен прибыть около 15 сентября.

III. СВЯЗЬ

Во время дороги для переписки с нами тов. Рамзаю дается один адрес в Москве. По прибытии в Америку он связывается с Эвальдом[114] (Икал Арнольд Адамович, нелегальный резидент в США. — Прим. авт.). На островах тов. Рамзай устраивает две радиостанции для поддержания связи с нами через Висбаден. Радистом к нему вместо Бернгарда будет послан тов. Макс, который прибудет на острова приблизительно через месяц после приезда Рамзая. Запасным радистом к нему будет послан китаец.

Курьерская связь с Рамзаем будет поддерживаться из Шанхая. Эта задача возлагается на резидентуру тов. Рамона, который выезжает к месту назначения в августе мес. Курьерская связь должна быть поддерживаема, в первую очередь, Рамоном из Шанхая, и только эпизодически Рамзай посылает своих курьеров в Шанхай, не чаще 2-х раз в год. Из Шанхая связь не чаще раза в 3 месяца. Основная задача курьерской связи — передача денег и наших инструкций. Помимо этого, к 1.II.36 г. налаживается вторая линия связи из Америки.

IV. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ

Форма легализации тов. Рамзая остается старая. Для укрепления легализации тов. Рамзай в Голландии связывается с одной из газет и укрепляет свою старую журналистскую связь. Ввиду того, что количество и качество представляемых им газет уменьшилось и ухудшилось, тов. Рамзай должен получить представительства американских провинциальных газет, для чего ему нужна помощь Эвальда. В Америке же тов. Рамзай постарается получить представительство, т.е. стать постоянным сотрудником американского географического журнала.

Для укрепления легализации устанавливается пересылка ему регулярно из Америки денег в размере 100—150 долларов в месяц. Эта задача возлагается на резидентуру тов. Шона. Кроме того, периодически, приблизительно, раз в 5—6 мес. необходимо наладить отправку денег тов. Рамзаю из Голландии в размере 500—800 гульденов. Эта задача будет возложена на резидентуру тов. Фридриха.

V. ПЛАН РАБОТЫ

а/ Для выполнения возлагаемых на него задач тов. Рамзай должен проверить все свои личные и профессиональные связи на островах с тем, чтобы выделить из них тех людей, связь с которыми он должен культивировать. В первую очередь, он должен обратить внимание на подыскание из среды немецкой колонии людей, профессия и место службы которых делает их полезными с точки зрения освещения вопросов, поставленных ему. Должно быть обращено внимание на разработку связей с национал-социалистической организацией как с этой точки зрения, так и сточки зрения необходимости проникнуть в тот информационно разведывательный аппарат, который, несомненно, у наци имеется, для получения нужных нам информаций.

Особое внимание должно быть обращено на укрепление связи с людьми из германского посольства для того, чтобы, войдя к ним в полное доверие, иметь возможность пользоваться как устной информацией, так и документальным материалом, имеющимся в их распоряжении.

Военный атташе Отт должен служить основным объектом разработки в смысле использования его информации, для чего необходимо так направить свои взаимоотношения с ним, чтобы разговоры на чисто военные темы явля-

лись естественными. Самым эффективным было бы установление служебного или даже полуслужебного сотрудничества в посольстве.

Необходимо не ограничиваться только кругами немецкой колонии, а постараться расширить свои связи также на европейцев других стран, имея, понятно, ввиду не столько ширину охвата, сколько качественный подбор личных связей и их направление, и культивирование с точки зрения наших задач. Тов. Рамзай должен в этом смысле, в первую очередь, обратить внимание на голландцев и направить Густава на разработку связи в английской колонии.

Получение информации из кругов английской колонии является сугубо серьезной и важной задачей.

б/ Работа с японскими источниками должна вестись и далее в том же направлении. Джо и Отто должны использоваться как передаточные звенья информации из тех кругов, в которые они проникли. Нужно только концентрировать их внимание на совершенно конкретных вопросах, вытекающих из наших заданий. Вербовочной деятельности эти источники до получения наших указаний вести не должны. Необходимо только расширить их связи в тех направлениях, которые дадут им возможность отвечать на поставленные им вопросы военного и военно-экономического характера. Следует их инструктировать в том направлении, чтобы они больше получили возможностей давать информацию со слуха и глаза.

Во всей своей работе тов. Рамзай должен придерживаться метода постоянного расширения своих связей, параллельно с тем должен идти отбор и отсев всех тех знакомств, которые ему могут дать или не могут дать необходимые нам сведения. Концентрируя свое внимание на постепенно отбираемых объектах, тов. Рамзай сможет на основе своих личных связей и знакомств, а также связей Отто и Джо, получать достаточно материала для того, чтобы систематически давать в Центр информацию по тем вопросам, которые ему поставлены. Эта информация должна быть двух видов, во-первых, текущая информация, т.е. передача всех более или менее интересных сведений, получаемых им, и, во-вторых, обобщенная информация, раз в два-три месяца, в которой он суммирует свои наблюдения по интересующим нас вопросам за этот период времени.

Кроме того, тов. Рамзай раз в 3—4 мес. дает, если это ему покажется необходимым, военно-политическую информацию о положении.

Для обеспечения работы Рамзая ему выдаются средства из расчета 3-х месячной сметы.

ВРИД. НАЧ. 2-го ОТДЕЛА РУ: БОРОВИЧ.

13 августа 1935 г.».

Следует отметить, что ни в представленном «Рамзаем» отчете, ни в плане работы резидентуры нет ни малейшего намека на «шанхайскую угрозу по линии немецких связей», о которой настойчиво напоминал в 1933 году «Рамзай». Из этого можно заключить, что за истекшие два года не было никаких признаков обострения «шанхайской опасности» либо что «Рамзай» сумел нейтрализовать ее, найдя соответствующую линию поведения в среде соотечественников и «друзей» из германского посольства.

План носил конкретный характер и содержал четкие и ясные установки по основным вопросам деятельности резидентуры: перечень разведыва-

тельных задач; характер взаимоотношений «Рамзая» с сотрудниками германского посольства и не только; порядок работы с агентами-японцами.

Этим документом была запрещена вербовочная работа японских источников Мияги и Одзаки без разрешения Центра. Указание Центра о том, что следует инструктировать «Джо» и «Отто» «в том направлении, чтобы они больше получили возможностей давать информацию со слуха и глаза», М.И. Сироткин в «Опыте организации и деятельности резидентуры "Рамзая"» интерпретировал как указание об использовании «своих информаторов вслепую, не прибегая к открытой вербовке и не открывая существа своей деятельности». Скорее всего, речь шла о получении информации путем осведомления и наблюдения, а не добывании документальной информации.

Вместе с тем Центр не уловил в докладе «Рамзая» опасной тенденции привлекать к сотрудничеству некоторых шанхайских агентов, использование которых, судя по данным «Рамзаем» характеристикам, было весьма рискованным. В частности, агента-японца «Ронина», который характеризовался как «политически малоразвитая авантюристическая натура с установившейся годами привязанностью и верностью к леворадикальному движению». Эта характеристика прошла мимо внимания руководящих работников Центра, и «Рамзай» получил молчаливую санкцию на использование такого рода агентов.

Назначение в резидентуру прежнего радиста шанхайской резидентуры «Фрица» — Макса Клаузена; планирование курьерской связи на Шанхай; санкция на использование прежних шанхайских источников («Ронин», «Отто», «Осака-бой») — все это свидетельствовало о том, что Центр не имел опасений за судьбу резидентуры «Рамзая» в связи с провалом «Абрама» и ошибками Зорге в Шанхае.

«Планом работы» предусматривалось направление в резидентуру «запасного радиста» — китайца. В течение ряда лет «Рамзай» настойчиво и многократно просил у Центра второго радиста, указывая на состояние здоровья и перегрузку «Фрица» и предлагая надежно легализовать присланного человека под крышей коммерческого предприятия Клаузена. Радиосвязь, по существу бесконтрольно, оставалась в руках Клаузена, который работал по своему усмотрению, ссылаясь на неполадки во Владивостоке. Справедливость его претензий невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. В деле упорядочения радиосвязи с резидентурой роль Центра была недостаточной, инициатива в значительной мере принадлежала «Рамзаю». Центр преимущественно санкционировал организационные предложения Зорге, внося от себя лишь уточнения и мелкие поправки.

Курьерскую связь с Токио предполагалось организовать через шанхайскую резидентуру «Рамона» — С.И. Иванова[115], «который выезжает к месту назначения в августе мес.». «Рамон» легализовывался в Шанхае как владелец угольной шахты и представитель компании «германских керосиновых печек».

К «Плану работы» имелись приложения: «1. Явки для курьеров в обе стороны. 2. Адрес для писем в пути. 3. Вопрос с квартирой».

«Вопрос с квартирой» касался жилья для Екатерины Максимовой, с которой в 1933 году Зорге вступил в брак.

Явки для курьеров были сформулированы следующим образом:

«1. Для «Коммерсанта» (из Шанхая).

При поездке к Рамзаю "коммерсант" высаживается в Кобэ. Из Кобэ следует поездом Иокагама—Токио. Из Кобэ пишет письмо по адресу: Токио. Не-

мецкое Посольство. Настоящая фамилия Рамзая. В письме указывает, что он едет проездом и хочет видеть фамилия Рамзая. Срок прибытия указывается на 5 дней позже, т. е., если срок прибытия указан 21, то настоящий срок прибытия 16 (21—5). Встреча назначается вечером 8 час. в ресторане "Токио Кайкан", Гриль Рум (место для завтрака).

2. Для Густава или его жены.

(из Токио)

Прибыв в Шанхай Густав /_____, нем. сапог (или его жена /_____, швейц. сапог) останавливаются в гостинице "Метрополь". Встреча в 3 часа в комнате курьера из Токио. Номер этой комнаты предварительно необходимо узнать по телефону. Привстрече приходящийговорит: "Greatings from Mr. Smith". Ответ: "You meet Mr. John Smith?" Разговор по-английски.

Густав или его жена прибывают для связи 1 февраля, если "Коммерсант" не прибудет в Токио до 5 января».

16 августа Зорге вылетел — «на австрийском паспорте» — через Германию в Голландию, где сменил паспорт на свой, подлинный немецкий.

В Голландии задержался на несколько дней — для устройства своих легализационных дел, после чего выехал в США, куда прибыл в начале сентября и в течение нескольких дней, с помощью нелегального резидента «Эвальда»—Икала искал корреспондентских связей с местными газетами, без особых результатов.

2 сентября 1935 г. Зорге писал Боровичу из Нью-Йорка:

«ДОРОГОЙ АЛЕКС.

До сих пор все идет благополучно. Через несколько дней начнется дальнее морское путешествие. Лишь в конце сентября начнутся настоящие "серьезные" условия работы ("Ernst des Lebens"). У голландцев все получилось прекрасно. Они уже было решили принять к себе на службу другого. Однако мое внезапное появление, один хороший обед, и много интересных рассказов об островной жизни снова обеспечили мне успех дела. В результате мне удалось даже улучшить и достаточно прочно закрепить свое положение...

Для пересылки намеченных по смете (protokollarich festgelegten) денежных сумм, которые я просил, можно применить два варианта: в одном случае — прямая пересылка денег на указанный мной банк на островах. Однако наиболее простой способ следующий: человек, которому поручается отправить деньги, покупает в каком-либо солидном банке соответствующий чек на мое имя. Для этого ему нужно только внести в банк соответствующую сумму и сообщить свой адрес, так как на эту сумму ему будет выдана квитанция. Во всяком случае, этот адрес должен быть действительным. После этого приобретенный чек пересылается мне на острова по адресу, который ты имеешь. Я думаю, что это наилучший и наиболее простой путь. Я бы предложил, чтобы эту операцию по пересылке денег каждый раз проводил Эдмунд (Написано от руки: Эвальд —? — *М.А.*), поскольку он все равно имеет со мной дело и, естественно, знает все, что со мной происходит. Это позволит не привлекать к моему делу лишних людей. Прошу не забыть о том, что взятые мною с собой деньги рассчитаны лишь по 1 января. К этому времени, как мы условились, кто-либо (в частности, "Коммерсант") должен прибыть. Иначе я буду поставлен в затруднительное положение...

Через два года я уже останусь дома на более длительный срок. Вы мне это обещали, и эти слова я хорошо запомнил. Сердечный привет Кате от меня.

Наилучшие пожелания директору и тебе. Рамзай.

Не знаю, когда это письмо дойдет к тебе, возможно, пройдет недель шесть, как говорит Эд. Макс, конечно, к этому времени уже приедет ко мне.

Если кто-нибудь из приезжающих передаст вам маленький черный чемоданчик, так это для Кати. Прошу позаботиться, чтобы он был передан ей».

Н2. 1. Проследите! своевременную отправку денег. 2. Насчет квартиры для Кати — доложите до конца этого месяца. СУ. 22.10.35.

6 сентября 1935 года Зорге вернулся в Японию.

Организовать поддержание курьерской связи через Шанхай, как было запланировано, удалось не сразу. В этой связи резидент в Тяньцзине Марков[116] получил следующие указания:

«ДОРОГОЙ МИХАИЛ.

Нам приходится возложить на Вас задачу, которая имеет непосредственное отношение к Вашей работе. Дело в том, что из-за всяких непредвиденных обстоятельств мы лишились возможности послать курьера к Рамзаю с деньгами из города БОРИСА. Поэтому просим вас связавшись с Артуром срочно выяснить, может ли Анцит, которая уже была у Рамзая, снова поехать туда. Было бы хорошо, если бы оказалось, что она имеет возможность найти Рамзая в его городе без наших дополнительных указаний. если же это невозможно, то ей придется связаться с Рамзаем следующим образом.

Анцит едет к Рамзаю через Кобэ. Из Кобэ поездом. В Кобэ пишет письмо по адресу: Токио, немецкое посольство, Зорге. В письме указывает, что едет в провинцию и хочет его видеть. Подписывается немецкой фамилией. Письмо желательно по-немецки. Срок прибытия указывается на 5 дней позже, т.е., если срок прибытия будет указан 21, то настоящий срок прибытия 16. Встреча назначается вечером в 8 час. в ресторане "Токио Кайкан", Гриль Рум (место для завтрака).

Явку Анцит до наших указаний не сообщайте. По выяснению с ней возможности поездки как указывалось выше, сообщите нам телеграфно, и мы дадим Вам указания, следует ли и когда посылать Анцит.

Задачей Анцит будет:

1. Передать деньги Рамзаю, разъяснив последнему, что из присланной суммы отпускается:

а/ Рамзаю по смете под отчет 3000 а. (американских долларов. — *М.А.*)

б/ Максу жалованье на 2 м-ца по 15 февраля 1936 г. 290 а.

в/ Максу в счет легализационного фонда 2000 а.

ИТОГО: 5290 а.

2. Получить от Рамзая почту для нас.

3. Договориться о приезде Густава в Ваш город или город БОРИСА через 2 м-ца после обратного возвращения Анцит (за получением Густавом письма к Рамзаю, которое к этому времени будет Вам переслано). Детально условиться с Густавом о порядке встречи.

С СЕРДЕЧНЫМ ПРИВЕТОМ.

« » декабря 1935 г.»

«Анцит», жена работника тяньцзинской резидентуры, умерла 4 января 1936 г.

4 декабря 1935 г. в своем письме в Центр нелегальный резидент в Америке «Эвальд» привел выдержку из письма «Рамзая»: «За первые четыре недели я особых трудностей не встретил. Виды для работы хорошие. С нетерпением жду Главного Инженера (радист. — М.А.). Каждая неделя без него — потеря. Я с семьей при хорошем здоровье и лучшем расположении духа».

Резолюция Нач. РУ РККА: Передать Н.2 — срочно.

Выписка верна: Н. Звонарева. 18 декабря 1935 г.

30.12.35 Главный инженер прибыл на острова. Покладок».

«Бернгардт», Бруно Виндт, после безуспешных попыток легализоваться в качестве коммерсанта-экспортера в Японии, остался в Москве. В качестве радиста взамен «Бернгардта» в Токио направился старый знакомый Зорге — Макс Клаузен[117] («Фриц»).

С 1929-го по 1931 год Клаузен был радистом в шанхайской резидентуре, а с конца 1931-го до июля 1933 года — резидентом в Мукдене. В 1933-м вместе с женой Анной он был отозван в Москву, несколько месяцев работал в радиошколе Центра «по исследованию радиоприемников и передатчиков», затем был отчислен и вместе с женой отправлен на поселение в Республику немцев Поволжья. Клаузен в отчете за 1946 год, упоминая о своем увольнении, связывает его с неприязненным отношением к нему со стороны одного из руководящих работников Центра: «Но, так как, видимо, мое имя не пользовалось хорошей репутацией из-за Мукдена, тов. Давыдов недолюбливал меня. (Во время партийной чистки 1933 г. я сказал несколько слов против него.) Ему это, конечно, не понравилось, и он отправил меня из Москвы... В результате этого для меня и моей жены не было больше места в нашей семье, и мы были отправлены в Республику Немцев Поволжья».

В действительности руководство Центра сочло невозможным использовать Клаузена на нелегальной работе, так как он, будучи в Шанхае, женился на белоэмигрантке119. До 1935 года Клаузен работал механиком на Краснокутской МТС, радиофицировал МТС и колхозы. Весной 1935 года его с женой вызвали обратно в Москву: новый начальник РУ пересмотрел вопрос об увольнении Клаузена, расценив его отчисление как показатель «отсутствия достаточной заботливости к старым кадрам со стороны Р.У.». Клаузену сообщили, что его будут готовить к поездке в Германию по линии 1-го (Западного) отдела.

Дальнейшее развитие событий в отчете Клаузена описано так: «В мае мне дали работу по подготовке шведа и шведки. Я не помню, где был этот дом, но помню, что он был семиэтажный. В то время, когда я обучал этих людей, в Москву приехал РИХАРД. Он позвал меня к себе. Мы встретились очень радостно. Он хотел взять меня с собой в Японию. Между западом и востоком была борьба. Западное отделение не хотело отдавать меня, но РИХАРД сказал, что он не поедет в Японию, если меня не отпустят с ним... Я был очень доволен, так как РИХАРД как начальник мне очень нравился.

Теперь нужно было готовиться к поездке в Японию. В радиошколе я получил от ФЕЛЬДМАНА японский приемник для того, чтобы изучить его. Кроме этого, я должен был работать на радиостанции на 4-м этаже. Я установил связь с различными станциями и отправлял телеграммы.

Примерно в то же время, когда РИХАРД вернулся в Москву, приехал его прежний радист в Токио. Я не знаю причину его возвращения, но РИХАРД сказал мне, что БЕРНАРД ему не очень нравился. Он не любил отправлять более 80—100 групп за один раз. Начальник Восточного Отделения тов. КАРИН приказал мне побывать у БЕРНАРДА и узнать у него условия работы в Токио.

В 1935 г. перед отъездом в Японию тт. КАРИН и БОРОВИЧ хотели дать мне жену, которая поехала бы со мною. Но я попросил их послать со мной мою действительную жену, и товарищ КАРИН согласился»

План вывода «Фрица» — Макса Клаузена — в Японию и закрепления его на месте был таков:

1. «Фриц» должен легализоваться в Японии как немец-коммерсант, экспортер японских товаров. Детально характер экспортных операций определяется при встрече в Швейцарии с резидентом «Адольфом» («Георгом») на пути следования в Западную Европу. Легализационный фонд устанавливается в 5000 ам.долларов.

2. «Фриц» проживает в Японии по своему подлинному немецкому паспорту, под настоящим именем Макса Клаузен. Ввиду того, что подлинный паспорт был получен в 1928 году лишь на 5 лет и срок действия его уже истек, «Фриц» должен заменить его на новый — в немецком консульстве в США.

3. «Фриц» выезжает из Москвы по подложному австрийскому паспорту через Одессу в Стамбул и далее — через Болгарию, Югославию и Италию в Швейцарию, где имеет встречу с «Адольфом» по вопросам легализации. От «Адольфа» («Георга») получает ранее пересланный ему свой подлинный просроченный немецкий паспорт. В Швейцарии переходит на подложный канадский паспорт и едет во Францию, откуда (через Гавр или Шербур) выезжает в США.

В США, в немецком консульстве, заменяет просроченный подлинный паспорт и выезжает по нему в Японию («в Шанхай» — транзитом через Японию).

4. Обусловливается связь с «Адольфом» («Георгом») в Швейцарии, «Эвальдом» — в Нью-Йорке, с «Рамзаем» или «Густавом» — в Токио.

5. Жена «Фрица»— «Анна» — после получения сообщения от «Фрица» о благополучном прибытии в Японию, выезжает в Шанхай и оттуда извещает письмом «Фрица», который в дальнейшем организует ее переезд в Токио.

Первые же шаги Клаузена на пути в Стамбул окончились неудачей: по недосмотру аппарата Центра в оформлении австрийского паспорта «Фрица» была допущена ошибка, обнаруженная представителем пограничной администрации в Одесском порту. «Фриц» был задержан и возвращен в Москву. Неудачный паспорт был заменен другим австрийским паспортом (на имя Карла Райтера), и 3 октября 1935 года «Фриц» выехал в Европу по измененному маршруту: из Ленинграда поездом в Гельсингфорс, далее пароходом в Стокгольм и Мальмё, откуда самолетом в Амстердам. В Амстердаме задержался, получил транзитную бельгийскую визу и выехал в Париж. На этот раз недоразумений с австрийским паспортом не возникло.

Неудача с паспортом не могла не сказаться отрицательно на самочувствии «Фрица», зародив у него неуверенность и сомнение в надежности своих документов. Описывая свое пребывание в Амстердаме, он указывал: «Я дол жен был получить здесь транзитную визу через Бельгию. В бельгийском кон-

сульстве я чувствовал себя немного неуверенно, так как не был уверен, найдут ли они что-нибудь в моем паспорте или нет».

Из Парижа путь «Фрица» лежал в Вену, где ему предстояло встретиться с «Георгом», обсудить с ним вопросы предстоящей коммерческой деятельности и получить у него пересланный из Центра просроченный немецкий паспорт. В Париже «Фриц» проживал по австрийскому паспорту. Второй, канадский, на имя Натана Титлемана, находился с ним — в чемодане, за специально сделанной двойной стенкой.

Билет для проезда в Вену был куплен в туристском бюро уже на фамилию Натана Титлемана.

В поезде на пути в Австрию австрийский паспорт был изорван и мелкими кусочками, через некоторые промежутки времени, выброшен в уборную. В Вене состоялась встреча с «Георгом» и обсуждены перспективы коммерческой деятельности «Фрица» в Японии. «Георг» предложил Клаузену организовать торговлю японским чаем, для чего связаться с его, «Георга», братом-коммерсантом, чаеторговцем, проживавшим в Америке. Однако «Фриц» решил от этого воздержаться, считая, что «не стоит заводить коммерческие связи с человеком, брат которого работает в разведке». Из Вены Клаузен снова вернулся во Францию, приобрел билет на пароход до Нью-Йорка и отплыл из Гавра в США.

Канадский паспорт «Фрица», обеспечивавший ему право въезда в США без визы, вызывал у него опасения, так как замененные в нем страницы по цвету отличались от подлинных. Однако все прошло благополучно.

Прибыв в Нью-Йорк, Клаузен поспешил в германское консульство, чтобы заменить просроченный паспорт. Его паспорт без въездной американской визы вызвал удивление у сотрудницы консульства.

— Как же вы попали в США, вы приехали нелегально? — спросила она у «Фрица».

— Да, а разве вы что-нибудь имеете против? — ответил «Фриц» и пояснил, что работал в Китае и хочет туда вернуться, заменив просроченный паспорт.

Сотрудница не имела возражений, но «Фрицу» пришлось побывать у нотариуса и принести клятву в том, что он говорит правду. После этого паспорт был получен.

После встречи с «Эвальдом», через которого отправлено сообщение в Центр, «Фриц» отплывает на пароходе из Сан-Франциско до Шанхая — транзитом через Японию. В пути следования на японском пароходе «Тацутамару» Клаузен проявил не только опытность в нелегальной работе, но и деловую, практическую сметку коммерсанта.

О первых знакомствах и связях на пароходе Клаузен рассказал следующее: «Из Сан-Франциско в Токио я ехал вместе с американскими бизнесменами, а также с американскими и английскими полицейскими инспекторами в Шанхае, которые возвращались из отпуска, и одним русским эмигрантом, агентом компании "Форд Мотор К". Мне очень удобно было выдать себя за коммерсанта. Эти люди играли в покер и, естественно, пригласили и меня. "Если ставки не будут велики, я буду играть", — ответил я. Таким образом я познакомился с американским торговцем на Филиппинах. Он дал мне свою визитную карточку для поддержания дальнейших связей. Обменялся также карточками с мистером Линг — торговцем винами с Ямайки. Познакомил-

ся также с японцем (родившимся на Гавайях) — по имени Исери, ехавшим в Японию».

Знакомство с последним дало практические результаты. По прибытии в Японию Клаузен связался с Исери, и тот помог ему начать дело — торговлю хлопчатобумажными дождевыми плащами.

«Фриц» прибыл в Иокогаму 28 ноября 1935 года.

В течение первых 1,5—2-х месяцев он не приступал к коммерческой деятельности, но предпринял ряд шагов для обеспечения легализации и освоения новой обстановки.

При высадке с парохода в Иокогаме «Фриц» не встретил затруднений со стороны местной администрации. Въездной визы от немцев не требовалось, его спросили лишь, как долго он намерен задержаться в Японии, на что он ответил: «Только две недели».

На следующий день «Фриц» отправился в Токио — сначала для регистрации к немецкому консулу, а затем — в немецкий клуб. Представился председателю клуба и вступил в него.

В дальнейшем «Фриц» вступил и в немецкую фашистскую организацию «Рабочий фронт», включился в жизнь немецкой колонии: посещал все празднества, вечера, проводил время за карточным столом, стараясь «показывать всюду, что он больше всего заинтересован, в своем собственном благополучии, а все остальное ему неинтересно».

На второй день по прибытии в Токио «Фриц» встретил в немецком клубе «Рамзая». Они договорились встретиться вновь на следующий день в баре «Голубая лента». Из бара отправились на квартиру Зорге, где состоялось знакомство Клаузена с «Густавом» и «Гертрудой». Вскоре в ресторане «Флорида» «Рамзай» познакомил «Фрица» с «Жиголо», и Клаузен начал на его квартире свои первые опыты радиосвязи.

Глава 4

1935–1936 годы. ТОКИО, МОСКВА

4.1. «Сводка материалов... составлена... по телеграфным донесениям нашего резидента в Токио, источника Вам известного, обычно дававшего доброкачественную информацию и неоднократно — подлинный секретный документальный материал»

(из докладной записки Начальника Разведупра РККА комкора Урицкого наркому обороны Ворошилову от 20 июля 1936 года)

2 мая 1935 года был подписан Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой. Стороны обязались оказывать друг другу немедленную помощь и поддержку в случае неспровоцированной агрессии против СССР или Франции со стороны какой-либо европейской державы.

Спустя две недели — 16 мая — был заключен аналогичный Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чехословацкой, в котором оговаривалось, «что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции».

Договоры не были секретными, а под «каким-либо европейским государством» недвусмысленно подразумевалась Германия. Берлин резко отреагировал на их заключение.

20 августа 1935 г. на проходившем в Москве VII конгрессе Коминтерна принимается резолюция «1. Фашизм и рабочий класс»:

«1. VII конгресс Коммунистического Интернационала констатирует, что следующие основные изменения в мировом положении определяют расстановку классовых сил на международной арене и задачи мирового рабочего движения.

а) Окончательная и бесповоротная победа социализма в Стране Советов, победа всемирного значения, гигантски поднявшая могущество и роль СССР как оплота эксплуатируемых и угнетенных всего мира и воодушевляющая трудящихся на борьбу против капиталистической эксплуатации, буржуазной реакции и фашизма, за мир, за свободу и независимость народов. ...

в) Наступление фашизма, приход к власти фашистов Германии, рост угрозы новой мировой империалистической войны и нападения на СССР, посредством которых капиталистический мир ищет выхода из тупика своих противоречий.

...

д ... В этой обстановке господствующая буржуазия все больше ищет спасения в фашизме, в установлении открытой, террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала, в целях осуществления исклю-

чительных грабительских мер против трудящихся, подготовки хищнической, империалистической войны, нападения на СССР, порабощения и раздела Китая и на основе всего этого — предотвращения революции. ...

2. Наиболее реакционная разновидность фашизма — это фашизм германского типа, нагло именующий себя национал-социализмом, но абсолютно ничего общего не имеющий ни с социализмом, ни с защитой действительных национальных интересов германского народа, а выполняющий лишь роль прислужника крупной буржуазии и являющийся не только буржуазным национализмом, но и звериным шовинизмом...»[1].

В августе 1935-го журнал «Цайтшрифт фюр геополитик» опубликовал пространную статью Рихарда Зорге «Японские вооруженные силы»[2]. Статья была отправлена в Берлин еще до отъезда Зорге в Москву и свидетельствовала о глубоком понимании автором процессов, происходивших в вооруженных силах Японии. Во многом она оказалась провидческой: то, о чем писал Зорге, начало сбываться буквально спустя полгода.

«Япония находится сейчас в одной из самых тяжелых стадий своей современной истории, — отмечал Зорге. — Бедственное положение сельского хозяйства начинает становиться серьезной опасностью для силы и сплоченности японского народа. Оживленная промышленная и экспортная конъюнктура демонстрирует опасные противоречия. Государственные финансы, захваченные водоворотом постоянно увеличивающихся военных расходов, стоят на пороге кризиса...

В этом столь тяжелом положении Япония практически не имеет политического руководства. Ее правительства уже в течение нескольких лет представляют собой смесь военных, бюрократических, крупнохозяйственных и партийных влияний, они лишены внутренней силы и решимости. Коррупция и внутренняя борьба группировок привели некогда сильные партии к полной политической деградации, большая часть населения их презирает. Государственная бюрократия, с каждым днем играющая всю большую роль в руководстве страны, колеблется между политическими партиями и военной прослойкой и не располагает многообещающей сменой. Молодые организации с фашистской или национал-социалистической окраской еще безнадежно разобщены — по крайне мере, на сегодняшний день. А их религиозное всепочитание императора как вознесенного над всеми и вся вождя нации усложняет выдвижение крупных вождей из народа, которые могли бы основательно и надолго решить практические проблемы сегодняшней Японии. Кроме того, эти организации растрачивают свою энергию на романтическое средневековое заговорщичество...».

Отдельный раздел статьи Зорге посвятил роли японских вооруженных сил во внутренней политике. «Японские вооруженные силы, — пишет Зорге, — включают в себя сухопутные войска и флот действительной службы; косвенно сюда же следует отнести миллионы резервистов, которые подлежат организационному контролю и политическому руководству со стороны вооруженных сил. В массе своей они рекрутируются из крестьян, почти на 99 процентов это выходцы из бедных семей. Незначительный процент составляют представители средних слоев населения и служащие. Да и сам офицерский корпус принадлежит в основном к социальной среде, материальное положение которой не блестящее. ... Неприхотливость в жизни, непоколебимая верность, безграничная готовность к самопожертвованию в борьбе —

все эти элементы феодального прошлого воспринимаются в Японии серьезней, буквальней, чем в большинстве стран сегодняшнего мира. Лишь в наше время, в соответствии с поздним пробуждением страны, к этому добавилась пламенная любовь к отечеству. Однако угроза со стороны других стран всем успехам, достигнутым Японией за ее короткую современную историю, внутрихозяйственные трудности и соответствующая этому тяга к экспансии способствовали громадному росту и внутреннем усилению этого молодого национализма.

Ко всем достижениям новой Японии всегда была причастная в качестве ведущей силы армия. В политическом отношении в мирные времена вооруженные силы Японии всегда стояли в резерве, — правда, в полной боевой готовности. Это состояние вызвано сложным двойственным положением японских вооруженных сил в политической жизни. С одной стороны, император Мэйдзи, ставший сегодня высочайшим авторитетом, строжайше запретил солдатам и матросам любую политическую деятельность... С другой стороны, однако, руководство вооруженных сил пользуется именно в парламенте и правительстве таким привилегированным положением, что это не может не влечь за собой неизбежно политических последствий. Например, министры сухопутных сил и военно-морских сил пользуются широкой независимостью от правительства и совершенно независимы от парламентских партий. Это особое положение позволяло вооруженным силам в критические моменты покидать резервные позиции и либо вынуждать принять одно решение, либо препятствовать другому, либо свергать то или иное правительство...

Но после ряда покушений в Токио в мае 1932 года, вступления японских войск в Маньчжурию и создания Маньчжоу-Го политическое влияние сухопутных сил возросло необыкновенно. В Маньчжоу-Го армия, помимо военных функций, взяла на себя также и руководство хозяйственным и политическим развитием нового государства. У вооруженных сил есть большой шанс добиться этого и в самой Японии. Ухватятся ли они за него и с какой целью?»

«Уже давно, — отмечал Зорге в разделе «Японские вооруженные силы в качестве реформатора», — молодые и средние по возрасту офицеры действительной службы охвачены вдохновенным патриотизмом, который в целом принял социально-радикальную окраску. Зиждущийся на основе крестьянской общности и на почитании императора, этот радикализм содержит в себе значительные антикапиталистические элементы. Естественно, что эти офицеры всегда были решительным противником всех парламентских демократических институтов, а также давно презираемых народом партий и классовых организаций. И именно эти офицеры являлись, по крайней мере, до сих пор, вдохновителями и даже руководителями многочисленных националистических и фашистских объединений гражданского населения. Эта основная позиция активной части японского офицерского корпуса в последние годы претерпела серьезные изменения. Начав с расплывчатых фашистских идей, пережив период ярко выраженного национал-социалистического образа мыслей, эта часть офицерства теперь, кажется, оформилась в движение за национальные и социальные реформы, которое именует себя "ниппонизмом", и пытается отмежеваться от германского национал-социалистического и итальянского фашизма».

Тем не менее, японский политик и дипломат Сиратори Тросио рассматривал понятия «ниппонизм», «фашизм» и «национал-социализм» как синони-

мы тоталитаризма. Однако «ниппонизм» (японизм), убежден Зорге, не ограничивается только тоталитаризмом, это еще и идеология, о чем он напишет далее в своей статье.

«За несколько лет официально санкционируемые притязания вооруженных сил на государственный бюджет возросли до 47 процентов этого бюджета, а это почти неслыханное соотношение между военными расходами и общей суммой расходов в мирное время. Из-за этих требований за последние четыре года государственные долги Японии подскочили почти до 10 миллиардов йен, а это сумма, которую многие знатоки рассматривают уже как непосредственно высший допустимый предел. И кажется не вызывающим сомнений то, что дальнейшие требования, а они, безусловно, последуют, ввергнут страну в экономический или финансовый кризис. Эту непомерную нагрузку вооруженные силы взвалили на экономику страны в то время, когда как раз японское сельское хозяйство, а вместе с ним и крестьянство, являющееся и по сей день самым многочисленным слоем японского народа, попало почти в небывалое бедственное положение...

Несколько лет назад существовал лишь маленький кружок офицеров вокруг Араки, Койзо и некоторых других генералов, осознававших связь требования "тотальной мобилизации" со всеми хозяйственными и социальными вопросами и даже с вопросами японской морали, воспитания и проникновения в страну чужого образа мыслей. Идея необходимости социального анализа и широкой программы реформ, основой которой должно стать почти религиозно очищенное представление о японском императорском доме, особенно распространилась в вооруженных силах. Сегодня подобную точку зрения, хотя и с некоторыми оттенками, становящимися очевиднее, разделяет Военное министерство во главе с министром Хаяси.

...Японские сухопутные силы не ограничиваются критикой экономики. Они идут дальше и предусматривают в качестве необходимой предпосылки "тотальной мобилизации" также и духовное, воспитательное обновление японского народа, мечущегося между восточной и западной культурами...

Фантастически высокую оценку собственной японской культуры, основанную на мифических преданиях докитайского культурного периода, японские военные доводят до еще более значительных выводов. Провозглашается всемирная миссия Японии: "...Она (Япония) готова распространить дух японской морали по всему миру... Мы должны стать достойными задачи руководить миром при создании вечного счастья человечества".

Однако все приведенные положения "ниппонизма" следует рассматривать всего лишь как оправу к его основному содержанию — содержанию, которое заключается в японской идее императора. Именно в эти дни ведется особенно яростная борьба за чистоту японской идеи императорского статуса, причем эта борьба направляется сегодня еще в основном против государственно-правовых и философских влияний Запада...

Хотя все упомянутые здесь воззрения отстаиваются сегодня Военным министерством в качестве официального воззрения японских вооруженных сил, это еще не значит, что они разделяются всеми кругами вооруженных сил. Возьмем, например, группу самых старших по возрасту и по званию офицеров. Среди них еще очень сильно господствует строгое представление о чисто профессиональном офицере, которого ничто, кроме служебных вопросов, заботить не должно. У многих из них то и дело дает о себе знать более вы-

сокое социальное положение, у них в ходу контакты с влиятельными хозяйственными кругами; личное и политическое честолюбие делает их чуждыми радикальному идеализму молодых офицеров».

«Японские вооруженные силы всегда вели активную внешнюю политику. Они никогда не были лишь оружием стоящей над ними политической воли. С самого начала современной истории Японии они воплощали единство оружия и воли. В основе активной внешней политики вооруженных сил в период с начала обновления вплоть до мировой войны лежал один и тот же большой генеральный план: безопасность японской островной империи обеспечивается присоединением новых территорий.

... очень часто создавалось положение, когда вооруженные силы, видя нерешительность политиков, боязливо взвешивающих все "за" и "против", пользовались своим внутриполитическим весом, чтобы осуществить на них нажим либо даже поставить их перед лицом свершившихся фактов. Новейшая японская история изобилует подобными моментами. Крупнейшим последним примером такого непосредственного решительного вмешательства армии может служить нападение военных на Мукден 18 сентября 1931 года, приведшее к созданию Маньчжоу-Го и имевшее значительные внешнеполитические последствия. Другие политические силы Японии, как почти всегда, стали задним числом на почву свершившихся фактов, потеряв при этом, конечно, значительную долю уважения со стороны народа.

В ходе выполнения этого генерального плана японские вооруженные силы захватили Формозу, Корею и Южный Сахалин, вытеснили русских с Квантунского полуострова и фактически присоединили к Японской империи мандатные острова в Южном море. Все эти экспансионистские акции до сих пор могли рассматриваться как меры по обеспечению безопасности перед лицом энергично расширяющих свои границы иностранных держав, вооруженные силы могли требовать и характеризовать их как необходимые предпосылки обороны страны. Однако уже вместе с предъявлением 21 условия Китаю во время мировой войны, с неудачной попыткой интервенции в Сибири и особенно вместе с созданием Маньчжоу-Го именно вооруженные силы перешагнули эти рамки "безопасности", сделав окончательный шаг к политическому завоеванию жизненного пространства на Азиатском материке.

И даже официальная внешняя политика министра иностранных дел Хироты вполне позволяет заключить, что эта новая политика экспансии, начало которой положила армия, завершает, по крайней мере, расширение экономического и политического влияния Японии на континент. Ведь это он заявил, что Япония "стала единственной опорой мира в Восточной Азии", что она "одна несет весь груз ответственности за мир в Восточной Азии". При Хироте внимание других держав было обращено — причем в мало завуалированной форме — на то, что им лучше не цепляться за Дальний Восток и что отныне к старой формуле "Америка — американцам" добавляется новая — "Азия — азиатам". Было бы ошибкой полагать, что вооруженные силы, которые оказали сильное влияние на этот процесс, стали теперь во внешнеполитических требованиях сдержаннее, чем официальная внешняя политика. Скорее, можно предположить обратное. Ибо **"ниппонизм", который особенно в японских вооруженных силах нашел своих глашатаев, в своем представлении о миссии Японии не ограничивается лишь формулой "Азия — азиатам", а идет дальше и требует "освобождения цветных рас от аморальной экс-**

плуатации со стороны белых народов" (из ноябрьской брошюры Военного министерства). **Именно эта идея "ниппонизма" начинает сказываться на внешней политике Японии** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

В последние годы, однако, появился еще один фактор, который сильно влияет на планы японских вооруженных сил. Развитие Советского государства расценивается японскими сухопутными силами как очень серьезная опасность. В мировой революции усматривают рост хозяйственного и военного оружия, становящегося все более мощным. Таким образом, **старый географический враг — Россия превратился еще и в вызывающего глубокие чувства врага японской системы. Полное значение этой двойной вражды может понять лишь тот, кто вспомнит, с какой сосредоточенностью японская армия ведет сейчас в Японии борьбу за чистоту и углубление идеи императорской власти. Если большевизм, так или иначе, является самым худшим врагом монархии, то как раз японская императорская идея должна делать из него в глазах японской армии заклятого врага системы**...

Сюда добавляется то, что **после создания Маньчжоу-Го каждый образованный в военном отношении японец видит во Владивостоке постоянную угрозу, "обнаженный кинжал, направленный на Японию"**. Обращать взгляд еще дальше на Север, на Сахалин побуждает и растущая потребность японских вооруженных сил в нефти. Поэтому понятно, почему японская армия каждый раз, когда закончившиеся переговоры порождают более дружественные мысли между Японией и Советской Россией, охлаждает оптимизм ушатом холодной воды. Все это еще далеко не означает войны, хотя столь многие высказывания радикальных офицеров создают впечатление, будто часть сухопутных сил хотела бы лучше поспешить, чем опоздать с ее началом. Но это означает нажим на японскую внешнюю политику, которая как раз сейчас по разным причинам стремится смягчить противоречия, — нажим, который все-таки несколько увеличивает возможность военного столкновения.

Но наиболее явственным становится различие между официальной внешней политикой и планами сухопутных сил в китайском вопросе. В то время как дипломаты из общей потребности успокоения, а также учитывая уже крайне напряженное состояние японских финансов, стремятся шаг за шагом продвигаться вперед с помощью дипломатических средств, военные, не считаясь с мероприятиями собственных дипломатов, ведут себя по отношению к Северному Китаю довольно резко. Известно, что как раз материковая Квантунская армия выступает за «сильную» политику по отношению к Китаю. Ее план заключается в том, чтобы и де-факто отделить Северный Китай от остальной китайской территории, сделать Южный Китай по возможности самостоятельным и превратить единое правительство в Нанкине в ряд более мелких.

Последняя акция в Северном Китае направлена к этой цели; не случаен тот факт, что Квантунская армия, в рядах которой находится большая часть представителей радикального крыла из числа сторонников Араки, начала осуществление планов вопреки воле министра иностранных дел Хироты. С помощью такой политики сухопутным силам было бы легче удовлетворить желание добиться большего политического влияния на решение всей монгольской проблемы и потребность в строительстве дорог в этих областях. Что касается военной оккупации значительных районов Китая, то, пожалуй, к этому не стремятся и вооруженные силы. Они хотят лишь, как и офи-

циальная внешняя политика, располагать главенствующим хозяйственным и политическим влиянием в Китае.

По сравнению с этими континентальными планами японских вооруженных сил проблемы юго-восточной и южной части Тихого океана играют относительно менее значительную роль. Правда, оккупация мандатных островов, прорыв японских товаров на индийские и голландско-индийские рынки, вероятное изменение политической обстановки на Филиппинах заставили Японию резко усилить внимание к этим обширным территориям. Однако эта заинтересованность сегодня еще не связывается с территориальной экспансией в этом направлении. Это, скорее, заинтересованность в увеличении экспорта, в создании в этих районах экономических и политических опорных пунктов, которые, может быть, очень понадобятся Японии намного позднее. Это, скорее, создание и расширение районов безопасности против теоретического англо-американского вмешательства в континентальную политику Японии. И не столько вопрос о Гавайских островах, Гуаме и Филиппинах, сколько концентрация на Азиатском континенте делает понятным отношение японских вооруженных сил, и в особенности японского флота, к Америке. Сколько бы внимания японская внешняя политика ни уделяла японо-американским проблемам в целом, **Америка является проблемой для японских вооруженных сил почти исключительно лишь настолько, насколько она может помешать осуществлению планов японских вооруженных сил на Азиатском континенте**. Отсюда и непреклонность японских военно-морских сил в вопросе о вооружении флотов, который свел на нет все прежние попытки прийти к общему политическому урегулированию с Америкой...

Среди всех стран Германия — единственная, по отношению к которой японские вооруженные силы демонстрируют положительное отношение, заслуживающее название сердечного. Здесь они идут намного дальше, чем официальные политические круги. Как раз японские сухопутные силы обязаны Германии в военном отношении слишком многим, чтобы не считать должным выразить это. И военные круги, работающие над социальными и национальными реформами Японии, частично уже переняли, а частично еще продолжают изучать важные принципы национального обновления сегодняшней Германии».

Вот как Зорге видел вероятный театр военных действий: «Внутриполитическая программа, требование "тотальной мобилизации" и внешнеполитические требования выдвигаются японскими вооруженными силами под тем углом зрения, что существованию Японии серьезнейшим образом угрожает заграница. Со времени маньчжурских событий 1931 года эта мысль снова и снова успешно вдалбливается японскому населению. Напрашивается вопрос: действительно ли военно-географическое положение Японии с точки зрения нуждающихся в обороне государственных границ и защиты жизненно важных источников сырья сегодня ухудшилось по сравнению с 1931 годом? Не было ли создание Маньчжоу-Го продиктовано исключительно соображениями повышения обороноспособности границ и расширения сырьевой базы Японии?

До создания Маньчжоу-Го и до вовлечения Восточной Азии в группу областей, в которых Япония рассматривает себя отныне как «единственную опору мира», задачи обороны страны были сравнительно несложны. Япония была и продолжает оставаться страной, которая полностью гарантирована

от возможной высадки вражеских войск на ее главные острова. На Тихоокеанском побережье раскинулась густая сеть прибрежных оборонных сооружений и морских баз, которые начинаются на севере около Курил и тянутся на юг вплоть до Формозы. Так же, если не лучше, защищены все подступы со стороны Китайского моря, и особенно имеющий столь важное значение путь, соединяющий Корею с Симоносеки. К тому же соотношение силы флотов Японии, Америки и Англии, выражающееся соответственно в пропорции 5:5:3, делает положение Японии неуязвимым, если учесть те расстояния, которые отделяют Японию от ее вероятных противников в лице Америки и Англии. Задача сухопутных сил заключалась до 1931 года в защите корейских границ, включая равнину до района Квантуна или до Мукдена. Но корейская граница уже географически является законченным естественным укреплением. Вероятным противником армии в то время были китайские войска; смотря по обстоятельствам, им могла быть и дислоцирующаяся в Сибири Красная Армия, которая до маньчжурских событий не была серьезным противником для японских сухопутных сил. Не вызывает сомнения, что, если бы не маньчжурские события, эта армия еще долгое время не стала бы достойным противником, каким она сейчас, конечно, является. А уровень развития авиации был тогда еще недостаточен, чтобы служить единственным обоснованием отодвигания границ.

Эта простая задача обороны имела, однако, два слабых места. Во-первых, вероятный противник мог бы укрепиться на всей территории Китая. Русская армия, по крайней мере, теоретически, могла бы, пройдя через Маньчжурию, соединиться с этим вероятным противником. Тем самым значительно возросла бы возможность воздушных налетов на саму Японию. Во-вторых, оказался бы парализованным подвоз сырья из Китая и Маньчжурии, и Япония лишилась бы возможности использовать свои важные промышленные предприятия, расположенные в этих областях.

Создание Маньчжоу-Го и равноправие с Америкой и Англией на морях, которого упорно добивается Япония, являются мерами, которые могут устранить названные слабости. Взяв на себя задачу обороны Маньчжоу-Го, японские вооруженные силы значительно отодвинули театр возможных военных действий от корейской границы (исключая лишь один небольшой участок) и от Японских островов. И с точки зрения опасности воздушных налетов отныне ни Харбин, ни любое другое место в Маньчжурии не может стать авиабазой противника. Тот, кому знакома Маньчжурия, и особенно ее территория вдоль границы с Советской Россией, знает, что маньчжурская местность настолько пересечена, а дефиле в ней настолько ограничены, что на успешное нападение русских едва ли можно рассчитывать. Даже проход вдоль реки Сунгари может быть легко перекрыт. Следует еще напомнить только о неблагоприятных транспортных возможностях Сибири и тем самым о трудностях в снабжении русских войск. Таким образом, сырьевые базы и важные промышленные предприятия Маньчжурии можно было бы тоже считать в безопасности, исключая, конечно, возможность воздушного нападения. О наступлении Красной армии с фланга через Монголию тоже, так или иначе, едва ли может идти речь из-за трудных условий тамошней местности. Зато угроза для Владивостока в связи с возникновением Маньчжоу-Го по сравнению с прошлым возросла. А Северный Китай все больше превращается в буферную зону ме-

жду Китаем и Маньчжоу-Го, так что китайские войска едва ли могли бы напасть на японские войска в Маньчжурии с тыла.

Однако с этими преимуществами соседствует ряд неудобств, которые нельзя недооценивать. Во-первых, не следует переоценивать доступные уже сегодня сырьевые источники и предприятия Маньчжоу-Го. Однако, что еще важнее, вероятные места военных действий находятся большей частью так же далеко от японского центра, как Москва от Берлина. А пересеченность местности куда более велика, чем в привлеченном для сравнения случае. И даже при самой хорошей организации подвоза трудности в снабжении окажутся очень велики. Ибо сеть путей сообщения и на японской стороне нельзя измерять европейскими масштабами. Не следует забывать, что на всю Маньчжурию вместе с Кореей приходится одна-единственная двухколейная железная дорога Дайрен — Синцин. Все остальные железнодорожные пути, даже стратегически важная дорога, ведущая от Пусана на южной оконечности Кореи до Аньдуна и Мукдена, а также новые дороги на севере от Сейсина и Расина на северной границе Кореи до Гирина и Харбина — причем все они лишь одноколейные — проложены по чрезвычайно тяжелой местности и оборудованы многочисленными, построенными зачастую на скорую руку сооружениями, которые, естественно, повышают уязвимость железных дорог. Прибавьте сюда недоброжелательно, а то и просто враждебно настроенное население, отчасти вооруженное и строго организованное, которое всеми средствами стало бы мешать продвижению войск. Продвижению, на которое, кстати, понадобились бы недели. Уже от этого идут соображения о содержании в Маньчжоу-Го самостоятельной армии, как это уже сделали Советы в Сибири. Однако если уже сейчас вооруженные силы ежегодно тратят в Маньчжоу-Го около 150 миллионов иен, то при осуществлении вышеупомянутого плана эта сумма легко удвоится.

Картина омрачается сегодня еще, пожалуй, не вызывающим сомнения превосходством русских в воздухе. Кроме того, отодвигание границ нисколько не коснулось роли Владивостока как решительно важной военно-воздушной базы. Уже упомянутая фланговая позиция японцев на восточной границе Маньчжоу-Го, без сомнения, заставит русских соответственно укрепить крепость Владивосток и его аэродром. При быстром развитии авиации Владивосток становится наиболее опасной точкой для Японских островов...

Но в одном пункте вооруженные силы посредством начинающейся "тотальной мобилизации" уже добились полного успеха. **Готовность вооруженных сил как таковая, а также готовность широких слоев народа последовать за вооруженными силами сегодня чрезвычайно высоки**. Вопрос лишь в том, как удастся поддерживать это высокое моральное напряжение. Это серьезный вопрос.

Можно с уверенностью предположить, что как Советская Россия, так и Америка совершенно сознают невозможность активных действий против Японии в ближайшее время. Однако те же самые трудности мешают и Японии начать активные действия против вышеназванных вероятных противников. Продвижение в Сибирь через Китай или даже через Монголию было бы всего лишь повторением похода Наполеона на Москву. За Монголию придется пока бороться политическими средствами. Нападение на американское побережье было бы самоубийством; даже Гавайские острова на сегодня являются слишком отдаленной целью. Наступая на юг, Япония оказалась бы в

опасном соседстве с Гонконгом и Сингапуром. Таким образом, если в Японии будут преобладать хладнокровные расчетливые соображения, то японская сторона тоже не станет в ближайшее время искать каких-либо военных решений.

Военно-географическое положение Японии, по меньшей мере, для армии, улучшилось, хотя объем задач теперь намного возрос. Для флота нынешнее военно-географическое положение страны, в связи с появлением новых задач, стало менее благоприятным, чем раньше. Что же касается военно-воздушных сил, то превосходство вероятного противника в воздухе снова сведено на нет выгодами, достигнутыми созданием Маньчжурии. Такова, на наш взгляд, мозаичная картина нового военно-географического положения Японии».

Завершая обзор японских вооруженных сил, Зорге заключает: «Японские вооруженные силы смело и энергично вмешались в царившие уже многие годы застой и косность политической жизни в стране. Другие силы из гражданского населения, к сожалению, еще и сегодня недостаточно развиты, чтобы взять на себя эту задачу. ...

В своей статье Зорге пророчески писал: «Каждый, кто внимательно следит за развитием Японии, знает, что это состояние противоречий и внутренней нерешительности не может продолжаться долго. Во внутренней политике что-то неизбежно должно произойти. И японская армия, являющаяся — по крайне мере, сегодня — единственной значительной силой, которая ищет новые пути, будет играть в этих возможных грядущих внутриполитических изменениях решающую роль».

В начале 1935 года возник вопрос «о сущности императорской власти», ставший центром все более обострявшихся политических противоречий. Активную роль в армии при обсуждении этого вопроса играл генеральный инспектор военного обучения Мадзаки Дзиндзабуро, наряду с Араки руководивший фракцией Кодоха. Мадзаки издал распоряжение, предписывавшее проводить с личным составом занятия о сущности государственного строя. В июле Мадзаки имел столкновение с военным министром Хаяси, и последний стал добиваться и добился его отставки. Тогда группировка Кодоха обвинила Хаяси в том, что тот порочил императорскую армию и посягал на права верховного командования[3]. В августе 1935-го подполковник Аидзава (Айдзава) убил одного из лидеров фракции Тосэйха, начальника военного управления министерства генерала Нагату, ближайшего помощника военного министра Хаяси. Последний вскоре вышел в отставку, и его место занял генерал Кавасима.

Военный трибунал над полковником Аидзавой заседал в казармах 1-й дивизии в Токио. Дело тянулось долго и получило широкую огласку в прессе, печатавшей ежедневные отчеты. Аидзава представлял себя бескорыстным патриотом, озабоченным судьбой страны и желающим избавить ее от слабости, коррупции и предательства в высших сферах. Каждый день процесса все больше раскалял атмосферу, полнившуюся слухами о неминуемом кровопролитии, и военные власти отдали приказ о передислокации 1-й дивизии в Маньчжурию[4].

26 февраля произошел военный мятеж, получивший название «инцидент 26 февраля» — «Ни-нироку дзикэн». Мятеж подняла группа младших офице-

ров (в том числе незадолго до того уволенных из армии за заговорщическую деятельность), вдохновлявшихся идеями Киты Икки.

Рано утром 26 февраля часть личного состава 1-й дивизии, расквартированной в центре Токио и ожидавшей отправки в Маньчжурию, была поднята по тревоге. В путче приняли участие основные силы 3-го пехотного полка, часть солдат и офицеров 1-го пехотного, 3-го гвардейского полков и других воинских частей. Всего в мятеже участвовали 22 офицера и свыше 1400 унтер-офицеров и солдат. Готовившие мятеж офицеры действовали по заранее намеченному плану, а солдатам было объявлено, что их выводят на учения. Разбившись на несколько отрядов, мятежники напали на резиденцию премьер-министра, ворвались в дома министра — хранителя печати, генерального инспектора военного обучения, главного камергера двора и министра финансов, захватили здание главного полицейского управления, здание газеты «Асахи». Министр хранитель печати Сайто, генеральный инспектор военного обучения Ватанабэ и министр финансов Такахаси были убиты, а главному камергеру Судзуки нанесены тяжелые ранения. Премьер-министр, адмирал Окада спасся благодаря чистой случайности: заговорщики, не зная его в лицо, убили шурина Окады, приняв его за премьер-министра. Лидеры мятежа, выступившие под девизом «Уважай Императора, свергни зло», выпустили манифест «Принципы восстания» («Кэкки суйсё»), в котором говорилось об обмане императора «плохими советниками» и необходимости их изгнания как «предателей», разрушающих кокутай (государственный строй). «Наш долг — убрать всех носителей зла от Трона — и уничтожить группу старших советников. Это наш долг как подданных Его Величества Императора. Да защитят нас и помогут нам боги в нашем стремлении избавить землю наших предков от худшего, что грозит ей».

Однако император Сёва увидел в действиях мятежников угрозу существованию государства, граничащую с изменой, вызов сакральным ценностям и самому себе как их воплощению. Он, не колеблясь, назвал происходящее бунтом, отказавшись не только санкционировать действия мятежников, но и видеть в них какое бы то ни было рациональное зерно[5]. Император отдал распоряжение военному министру Кавасиме немедленно подавить путч.

Тем временем мятежники заняли район Кодзимати (включая резиденцию премьер-министра и здание парламента). Руководители восстания намеревались сформировать военный кабинет и проследить за осуществлением «перестройки государства». Молодое офицерство рассчитывало, что Мадзаки, Янагава, Араки и другие генералы из группы «императорского пути» будут содействовать осуществлению их планов. Однако этого не произошло.

В течение всего дня, несмотря на распоряжение императора, против мятежников не было предпринято никаких действий. Укрепившись в центральной части Токио, они послали петицию на имя Кавасимы, требуя немедленно распустить парламент, назначить премьером генерала Мадзаки и сформировать новое правительство. Позже их требования смягчились и свелись к назначению Мадзаки командующим Квантунской армией. В первый день руководство военного министерства и генерального штаба демонстрировало готовность к переговорам: военный министр Кавасима распространил по армии манифест мятежников, в котором последние излагали причины, побудившие их к организации военного путча; высшие военные чины встретились с главарями мятежников; в приказе о введении военного положения от-

ряд мятежников был включен в войска, осуществлявшие контроль за введением военного положения в занятом ими районе.

27 февраля император вызвал командующего императорской гвардией генерала Хондзё Сигэру и в резкой форме заявил, что, если не будут начаты активные действия против путчистов, он сам примет командование императорской гвардией и подавит их. Тем временем высшее армейское руководство, где доминировали члены фракции «Кодоха», продолжало вести переговоры с восставшими (в частности, через генерала Мадзаки), всячески увещевая их и стараясь склонить к прекращению мятежа.

Только на третий день, 28 февраля, жители Токио, а затем и всей Японии узнали, что в столице мятеж и что он еще не подавлен. Массовой поддержки восставшие не получили и сами они проявляли удивительную пассивность. Для подавления мятежа ставка была сделана на флот. В Токийский залив вошла 1-я эскадра военно-морских сил, в столицу были переброшены наземные части ВМС.

Военное руководство, наконец, заняло жесткую позицию и потребовало от восставших немедленной капитуляции. К утру 29 февраля были перекрыты все дороги, ведущие в Токио, а населению центральных районов было предложено эвакуироваться. После обращения военного министра к мятежникам по радио солдаты и унтер-офицеры стали возвращаться в свои казармы, а мятежные офицеры отправились в резиденцию военного министра, где их разоружали и арестовывали.

Перед судом военного трибунала предстали 19 человек (два офицера из числа руководителей восстания покончили жизнь самоубийством), одним из них был Кита Икки. Все были приговорены к смертной казни и повешены на одной из площадей Токио. Был казнен и подполковник Аидзава. Семь членов высшего военного совета были вынуждены уйти в отставку, в их числе Араки, Мадзаки, Хаяси и Абэ. Военное положение в Токио сохранялось до лета 1936-го, что осложняло задачу иностранных дипломатов и журналистов, стремившихся узнать истинную подоплеку событий.

Слаженные действия мятежников на первом этапе «инцидента 26 февраля» свидетельствовали, что, помимо исполнителей — младших офицеров 1-й пехотной дивизии, имелись и руководители-кукловоды, которые по каким-то причинам так и не явили себя, бросив мятежников на произвол судьбы. Участие в мятеже генералов из руководства фракции императорского пути доказано не было. Мадзаки был арестован в июле 1936 года, но в сентябре следующего года освобожден за недостаточностью улик. Однако отсюда не следует, что руководители «инцидента 26 февраля» не заручились поддержкой влиятельных лиц и не имели определенной программы.

Статья «Армейский мятеж в Токио», подписанная инициалами «Р. З.» и датированная мартом 1936 года, появилась в «Цайтшрифт фюр геополитик» в мае того же года. Статья состояла из двух совершенно разностильных частей. Первая из них — «Свидетельство очевидца» — представляла собой журналистский репортаж, повествовавший о развитии мятежа, поднятого солдатами и младшими офицерами Токийской дивизии. Вторая часть — «Значение событий 26 февраля» — содержала анализ социальных и политических причин путча.

Цели, которых добивались мятежники, Зорге обозначил следующим образом: «... выступление 26 февраля приобрело исключительное значение

как с точки зрения необычного круга намеченных жертв, так и с точки зрения количества военнослужащих, участвовавших в мятеже. Одним ударом должен был быть сметен весь японский гражданский кабинет министров и одновременно также такое чисто японское учреждение, как "старейшие государственные деятели" (гэнро). На этот раз к мятежу толкали не отдельные личности. Болеечем когда бы то ни было, стало очевидно, что эти страсти разжигали сами представители государственных институтов, сторонники существовавших политических и экономических принципов. Именно эти государственные институты и эти экономические и политические принципы нужно было разрушить, чтобы расчистить место новому.

Не случайно главный удар мятежников был направлен против кабинета министров, и прежде всего против министра финансов Такахаси. Что касается премьер-министра Окада, покушение на которого не удалось, то ему придавали принципиально гораздо меньшее значение. Такахаси был типичным представителем японских правительственных кругов не только потому, что он в прошлом играл руководящую роль в различных правительствах, но и благодаря своей тесной связи с развитием системы японского парламентаризма; он также считался сторонником политических партий, так ненавидимых мятежниками. ... Для мятежников он был символом всего японского финансового капитала, из-за господства которого оставались ущемленными притязания японской армии и социальные нужды крестьян»[6].

«Физическая ликвидация министров гражданского кабинета и "гэнро", — продолжал далее Зорге, — должна была быть лишь предпосылкой для осуществления программы мятежников. Молодым, охваченным эмоциями офицерам, в качестве цели представлялась расплывчатая идея "кодо" (т.е. "императорского пути"), которая на практике должна была воплощать "истинно божественный характер императорской власти" в смутно очерченных реформах и в стремлении Японской империи к мировому господству. Какими бы наивными и неясными ни были высказывания мятежников, эти люди хотели замены гражданского кабинета военными руководителями, — такими, например, как Араки или Мадзаки. На месте "гэнро" в окружении императора они хотели видеть военных советников, чтобы в конечном итоге исключить все партийные влияния и влияние крупного капитала на двор императора и политику Японии. В связи с этим они требовали огосударствления крупной части собственности. ... И, наконец, они требовали, чтобы японские вооруженные силы были значительно укреплены, соответствуя, таким образом, внешнеполитическому курсу страны. Какими бы неясными ни были все эти требования, они содержали в себе стремление к глубоким политическим и экономическим изменениям, которые должны были осуществиться в результате мятежа».

«Сегодня в армии господствуют понятия "ниппонизма", которые практически признаны официально; они по существу идентичны идее "кодо" и содержат абсолютно аналогичные требования коренных политических и экономических реформ... Эти идейные и теоретические установки получили настолько широкое распространение, что стали средством глубокой политизации и радикализации японской армии вплоть до нижних чинов. Идеи "ниппонизма" стали орудием политики».

«Однако самой причиной этих радикальных политических течений в армии является бедственное социальное положение японского крестьянства

и городской мелкой буржуазии. В то время как японская промышленность и банки уже много лет преуспевают, вяло текущий кризис названных слоев населения перешел в стадию обострения. Японский офицерский корпус почти на 50% состоит из людей, которые тесно связаны с землей (это сыновья средних и зажиточных крестьян и землевладельцев). Вторую по величине его часть составляют выходцы из мелкобуржуазных городских слоев. Поэтому вполне понятно, что бедственное положение данного слоя особенно касалось офицерской среды, да к тому же 90%рядовых были выходцами из сельской местности. При отсутствии политической организации именно этих крестьян и интереса к ним со стороны крупнейших политических партий армия стала рупором все усиливающегося брожения среди сельских и городских слоев. Именно этим и объясняется важнейшее значение мятежа токийской дивизии».

В своей статье Зорге приходит к следующим выводам: «Мятеж провалился. Как и раньше, император поручил князю Сайондзи подобрать новое правительство, а также преемника себе вместо убитого адмирала Сайто. Правительство, как и ранее, является гражданским с известной долей участия партий в распределении министерских портфелей. Промышленные и финансовые институты оправились от первого потрясения и продолжали поддерживать выгодную для них конъюнктуру. Итак, внешне все осталось по-прежнему.

И, тем не менее, кое-что изменилось. Позиции института "гэнро" были существенно подорваны, его роль решительно урезана, и, таким образом, одна из целей мятежников была частично достигнута. ... Правда, внутренняя борьба за влияние между партиями, "гэнро", бюрократией и вооруженными силами продолжается, но военные получили существенное преимущество именно после мятежа. ... их политическая роль по сравнению с правительством решительно возросла».

В своей монографии «Когда Япония будет воевать» Е. Иоган и О. Танин писали: «С глубокой тревогой за судьбу армии военный министр генерал Терауци, докладывая на майской сессии парламента результаты расследования событий 26 февраля, констатировал, что в основе путча "были радикальные революционные идеи, абсолютно противоречащие принципам японского государства". Какими бы монархически верноподданными мотивами ни руководствовались заговорщики, но тот факт, что в их требованиях, как сообщала пресса, фигурировали лозунги: «Конфискации крупной собственности», «Устранение от власти финансового капитала и старых буржуазных политических партий» и пр., отражает крупнейшие процессы в настроениях солдатской массы и части офицерства японской армии. Для закулисных руководителей путча эти требования были лишь демагогическим оружием. Для молодых офицеров и 1.500 солдат, выступивших с оружием в руках, это была истина, во имя которой они шли на убийства высших сановников империи. Но настроения в армии есть показатель настроений в народных массах. ...»[7].

«Инцидент 26 февраля» традиционно характеризуется как «военно-фашистский мятеж». Являлся ли он, действительно, таковым? И существует ли однозначный ответ?

В статьях Зорге производная от термина «фашизм» употребляется неоднократно в уже цитируемой статье «Японские вооруженные силы», опубликованной в августе месяце 1935-го «Цайтшрифт фюр геополитик».

«Отсутствие анализа черт сходства, — утверждал Карл Радек в предисловии к монографии «Военно-фашистское движение в Японии», — неминуемо ведет в однобокости, которую Ленин часто называл "преувеличением истины"»[8].

Возможно, японский фашизм выступал в специфической форме военно-монархической диктатуры? Что было характерно для Японии кануна второй мировой войны, что роднило её с фашистской Германией?

Тоталитаризм — полное подчинение общественной и частной жизни граждан системе политического господства; усиление регулирующей роли государства как в экономике, так и в идеологии; насильственные методы подавления инакомыслия;обеспечение внутренних условий для внешней вооруженной экспансии в отсутствие серьезной опасности слева и для превентивной ее ликвидации; мобилизация людских и материальных ресурсов на внешнюю экспансию; насильственная организация общественной жизни на принципах «чрезвычайного положения».

Воинствующий антикоммунизм, а также социальная и националистическая демагогия.

Убежденность в расовом превосходстве над окружающими нациями и в особых правах Японии на руководство народами «желтой расы» в деле освобождения их от ига западных держав; непрекращающаяся вооруженная экспансия в интересах передела мира в свою пользу; придание этой экспансии характера «священной войны».

Что отличало Японию от нацистской Германии?

Знаменем японского фашизма была не партия, а Император.

До 1940 г., когда была создана «новая политическая структура» «Ассоциация помощи трону», не существовало единой партии, а имелись несколько десятков правонационалистических организаций типа партий и еще большее количество «религиозно-этических» обществ, которые стали утрачивать свое влияние после событий 26 февраля и были распущены (самораспустились) или ликвидированы.

Ведущую роль в происходивших в стране процессах играли военные, а не партия.

Усиление элементов диктатуры в рамках существующей государственной машины без ее слома. В отличие от Германии диктаторская инициатива исходила не извне, но изнутри государственных структур.

В отличие от Германии и Италии, где фашистские партии контролировали армию, в Японии именно армия играла роль главной политической силы.

В деле преодоления последствий мятежа решающее слово осталось за армией. 1936 год стал годом беспрецедентных чисток, проводимых под личным контролем военного министра Тэраути. Репрессиям подверглись, прежде всего, люди из Кодоха или симпатизировавшие ей. Влияние этой фракции в армии было окончательно сведено на нет.

Советская печать отводила большое место зарубежным откликам на события 26 февраля. Ни «Правда», ни «Известия» не имели в то время в Токио собственных корреспондентов. Когда берлинский корреспондент «Правды» стал готовить обзор первых откликов немецкой прессы на события в Токио в поле его зрения попала статья токийского корреспондента «Берлинер бёрзен цайтунг» (редактором газеты был личный советник Гитлера по эко-

номическим и финансовым вопросам Вальтер Функ). На другой день «Правда» сообщала: «Бёрзен цайтунг» озаглавливает отчет о дальнейших событиях в Токио следующим образом: «Победа активизма в Японии. В Токио ожидают сформирование кабинета национального обновления». Содержание статей токийского корреспондента «Берлинер бёрзен цайтунг» дважды, 15 и 28 апреля, излагали «Известия». Авторство обеих статей ошибочно приписывают Зорге[9], что не соответствует действительности: он не являлся корреспондентом газеты «Берлинер бёрзен цайтунг». В 1933 г. он заявлял о себе как о корреспонденте, в том числе «Берлинер бёрзен-курир», спустя три года — в 1936-м — уже с этой газетой не сотрудничал.

Зорге справедливо утверждал, что, начиная с 1936 года, его мнение имело значительный вес в германском посольстве. Его репутацию еще больше укрепила верная трактовка причин февральского мятежа, которая могла бы оказаться поверхностной и незначительной, если бы не помощь Одзаки и Мияги.

«Инцидент 26 февраля» поставил перед Зорге ряд вопросов, на которые он попытался ответить: до какой степени восставшие являлись выразителями недовольства широких слоев населения; каковы были экономические и политические цели молодых офицеров; как скажется мятеж на престиже японской армии; какое влияние окажет это событие на направление японской внешней политики; обострит ли оно антисоветские настроения в Японии? Ответ на эти вопросы был невозможен без глубинного анализа процессов, происходивших в японском обществе.

Спустя пять лет Зорге писал в «Тюремных записках»: «Значение "Инцидента 26 февраля" было настолько велико, что изучение как самого события, так и его влияния на внутреннюю политику следует рассматривать как специальную проблему. В течение довольно длительного времени, предшествующего 26 февраля, напряженность во внутренней обстановке все более нарастала, но "взрыв" инцидента и особенно его своеобразное развитие явились крайне неожиданными для других государств и иностранцев... С инцидента 26 февраля фактически начался японо-китайский конфликт, что было полностью скрыто, и этот факт оказался очень полезным для понимания японской внешней политики и внутренней структуры. Поэтому естественно, что наша разведгруппа рассматривала инцидент 26 февраля как особую задачу. И Москва проявила к этому большой интерес не только с чисто военной точки зрения, но и по различным политическим и социальным причинам. Нечего говорить о том, что и в дальнейшем мы уделяли внимание вопросам разрешения и подавления этого внутреннего кризиса»[10].

Благодаря Одзаки и Мияги Зорге выяснил природу фракционного соперничества между Кодоха и Тосэйха. С их помощью Зорге проникал в суть запрещенной книги Кита Икки «План реконструкции Японии», ставшей библией молодых офицеров и носившей в себе явные признаки влияния марксизма. Экземпляр этой книги Каваи Тэйкити достал по просьбе Мияги.

«Поэтому не удивительно, что Зорге, верил он в это на самом деле или нет, сказал своему другу Ураху, что японские коммунисты, возможно, имели какие-то связи с восставшими и что не исключена возможность появления коммунистической Японии, по-прежнему управляемой императором. Через несколько лет, в ходе последнего этапа войны на Тихом океане принц Коноэ во вре-

мя частной аудиенции во дворце сказал императору, что он пришел к выводу, что радикальные молодые офицеры тридцатых годов сознательно или нет, но оказались инструментом в руках международного коммунизма»[11].

«Лондонский "Экономист" ("Economist" 14.03.1936 г. — *М.А.*) отмечает, что события являются "политическим отражением непрерывного процесса распада социальных условий японского сельского населения, представителями и защитниками которого являются молодые офицеры". ... Военный мятеж, совершенный заведомыми патриотами-фашистами, напугал господствующие классы, прежде всего, своими возможными революционными последствиями. Характерно, что 27 февраля в первом же своем приказе, разъясняющим цели объявления военного положения, генерал Касии, комендант Токийского района, указал на задачу "охраны спокойствия и порядка и подавления всяких возможных выступлений коммунистических элементов". Характерно также, что из событий 26-29 февраля японская буржуазия сделала вывод о необходимости некоторых социальных реформ»[12]. Именно страх перед выступлениями «коммунистических элементов» сделал Японию инициатором заключения в этом же году Антикоминтерновского пакта.

12 марта Зорге докладывал Урицкому: «В течение последних трех дней наблюдается необычное оживление перед домом наших родственников (посольство — *М.А.*) со стороны японской тайной полиции, по соседству учреждены многие военные посты.

Похоже на то, что они ведут наблюдение за всеми японскими связями наших родственников (резидентура ГУГБ НКВД СССР. — *М.А.*). № 67. Рамзай».

Освещение «инцидента 26 февраля» стало вехой и в разведывательной карьере Зорге — в Центре не могли не признать, что в Токио у Разведупра имеется резидент, который способен сам и через свои источники решать поставленные перед резидентурой разведывательные задачи.

13 марта он докладывал в Москву: «Германский посол Дирксен написал в своем докладе в Берлин о том, что японские круги подозревают влияние Коминтерна на восставших офицеров. Среди шоферов и мелких лавочников идут разговоры, что путч был сделан под советским влиянием. Рассматривая эти два факта вместе и принимая во внимание японскую деятельность вокруг нашего посольства, я не могу не подозревать, что японцы могут планировать еще большую деятельность против посольства. № 69

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: Н2 Спецсообщение Наркому («от известного Вам источника в Токио») остальным: Гамарнику. Егорову, Тухачевскому, Ежову, Ягоде, Слуцкому («по сведениям, полученным из Токио» и т. д.).

С.У[рицкий]».

В ходе следствия Зорге так излагал ход своих рассуждений: «Существовало два пути, по которым могло следовать японское правительство после событий 26 февраля. Оно могло либо взять курс на социальные реформы, одновременно ужесточая дисциплину в армии, либо же принять политику перманентной экспансии.

Это выражение, "перманентная экспансия", мое собственное изобретение. Оно пришло мне в голову от фразы Троцкого "перманентная революция".

Япония выбрала второе. А вот каково направление этой перманентной экспансии — Китай или Россия, это был вопрос величайшей важности для Советского Союза.

Я помню, что докладывал в Москву, что целью станет Китай. Поскольку помнил о японской экспансионистской традиции, берущей начало со времен правления императрицы Дзингу»[13].

В докладе, отправленном Центру в мае 1936 г., Зорге анализировал влияние «инцидента 26 февраля» на дальнейшие события в Японии и подготовку страны к войне: «26 февраля был днем кардинального значения не только как причина, но как следствие и выражение чрезвычайных напряжений и слабостей. Подытоживая, можно сказать, что японская военная готовность отодвинута на многие месяцы, даже, возможно, и годы, если это рассматривать логически и руководствуясь подсчетом сил. Если война не будет вызвана как последний исход из неожиданных внутренних противоречий, а будет планомерно подготовлена и решена, тогда в этом году войны не будет. Даже при вышеуказанных предположениях ее вероятность, без одновременного германского нападения становится все меньше. Япония одна все более и более не в состоянии вести войну. Но тот факт, что Германия в 1937 г. закончит важнейшую часть своего вооружения, означает необычайное обострение опасности к началу или середине 1937 г. Мне кажется, что мы должны крепко ориентироваться на это германо-японское совместное выступление в 1937 г. С другой стороны, остается еще возможность, что в более непродолжительное время в Японии могут возникнуть новые внутренние беспорядки. Мне кажется, что имеются налицо признаки того, что среди молодого офицерства опять подготовляются новые попытки смещения теперешнего правительства и захвата власти. Удача этой попытки, кроме своего громадного внутриполитического значения, неизбежно отзовется и на внешней политике, т. е. вызовет войну. Поэтому, помимо логических расчетов на возможное в 1937 г. совместное японо-германское выступление, необходимо всегда считаться с возможностью нападения, вызванного вследствие глубоких внутренних причин. Это означает, что осень с/г. или весна 1937 г. могут увидеть преждевременное сепаратное выступление Японии, которая поставленная между внутренними своими затруднениями и внешними устремлениями, выбрала путь внешнеполитических авантюр, чтобы справиться с затруднениями внутри страны.

С чисто военной точки зрения, подготовка к войне, несмотря на смуту, вызванную 26 февраля, развивается усиленным темпом. Особенно надо подчеркнуть большие усилия, которые применяются в деле развития авиации и танкового оружия, а также в обучении на "точках"».

В Берлин по линии германского посольства Зорге также подготовил отчет об «инциденте 26 февраля». Вот как он описывал обстоятельства написания этого документа: «В разговорах с Дирксеном, Оттом и Веннекером я снова и снова подчеркивал социальный аспект событий 26 февраля, говоря, что мне понятны те социальные проблемы, с которыми столкнулась Япония. В итоге персонал посольства обратил свое внимание на эту сторону инцидента и попытался собрать о нем всю доступную информацию, какую можно. Сам Отт имел особый канал, через который он мог получать статьи и листовки.

Моя шпионская группа, конечно, накопила огромное количество материала об этом событии. В действительности я много узнал о событии с разных сторон, потому мое мнение легко повлияло на позицию, занятую посольством, и в результате и Дирксен, и Отт старались привлечь меня к работе. Вот почему они попросили меня написать для Берлина отчет об инциденте»[14].

Зорге справедливо утверждал, что, начиная с 1936 года, его мнение имело значительный вес в германском посольстве, и его репутацию еще больше укрепила верная трактовка причин февральского мятежа, к которой он пришел при действенной помощи Одзаки и Мияги.

Следствием «инцидента 26 февраля» явился шаг вперед на пути установления контроля армии и флота над жизнью страны с целью ее милитаризации и подготовки к ведению агрессивных войн. Результат этот был заложен самим фактом существованием фракций «Кодоха» и «Тосэйха», независимо от того, какая побеждала в противостоянии (в чистках пострадали лишь отдельные члены фракции «Кодоха»).

22 февраля 1936 года начальник Политуправления РККА Я.Б.Гамарник представил И.В.Сталину докладную записку с изложением разговора по прямому проводу начальника Разведупра С.П. Урицкого с полпредом СССР и уполномоченным ЦК ВКП(б) по Монголии В.Х. Таировым (январь 1935 — июнь 1937) о подготовке японцев к нападению на Монгольскую Народную Республику. В записке приводились данные о составе и численности Квантунской армии. В архиве имеется черновой вариант этой докладной записки, но со ссылкой на информацию, полученную «из агентурного источника в Токио»[15], т.е. от Рихарда Зорге.

Для понимания того, как оценивал внешнеполитическую обстановку в мире и существовавшие угрозы для страны Советов Сталин, можно обратиться к интервью, которое он дал председателю американского газетного объединения «Скриппс Говард Ньюспейперс» Рою Говарду 1 марта 1936 года, опубликованному в «Правде» 5 марта[16]. Интервью Роя Говарда — это прощупывание почвы, проверка того как будет реагировать советское руководство на создаваемые угрозы и как оно оценивает эти угрозы. Говард выяснял, какую угрозу Сталин считает большей, исходящую с Востока или с Запада; как Советский Союз отреагирует на вторжение Японии в Монголию.

«Говард. Каковы будут, по-Вашему, последствия недавних событий в Японии для положения на Дальнем Востоке?

Сталин. Пока трудно сказать. Для этого имеется слишком мало материалов. Картина недостаточно ясна.

Говард. Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?

Сталин. В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомоняков уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году.

Говард. Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?

Сталин. Да, приведет.

Говард. Развили ли японцы за последние несколько дней такую активность в районе границы МНР, которая была бы сочтена в СССР как агрессивная?

Сталин. Японцы, кажется, продолжают накапливать войска у границ МНР, но каких-либо новых попыток к пограничным столкновениям пока не замечается.

Говард. Советский Союз опасается, что Германия и Польша имеют направленные против него агрессивные намерения и подготавливают военное сотрудничество, которое должно помочь реализовать эти намерения. Между тем Польша заявляет о своем нежелании разрешить любым иностранным войскам использовать ее территорию как базу для операций против третьего государства. Как в СССР представляют себе нападение со стороны Германии? С каких позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?

Сталин. История говорит, что когда какое-либо государство хочет воевать с другим государством, даже не соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть. Обычно агрессивное государство находит такие границы. Оно их находит либо при помощи силы, как это имело место в 1914 году, когда Германия вторглась в Бельгию, чтобы ударить по Франции, либо оно берет такую границу "в кредит", как это сделала Германия в отношении Латвии, скажем, в 1918 году, пытаясь через нее прорваться к Ленинграду. Я не знаю, какие именно границы может приспособить для своих целей Германия, но думаю, что охотники дать ей границу "в кредит" могут найтись.

Говард. Во всем мире говорят о войне. Если действительно война неизбежна, то когда, мистер Сталин, она, по-Вашему, разразится?

Сталин. Это невозможно предсказать. Война может вспыхнуть неожиданно. **Ныне войны не объявляют. Они просто начинаются** (выделено мной. — *М.А.*). ...

Говард. Если вспыхнет война, то в какой части света она может разразиться раньше? Где грозовые тучи больше всего сгустились — на Востоке или на Западе?

Сталин. Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами по адресу других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют. По сравнению с этими двумя основными очагами военной опасности итало-абиссинская война является эпизодом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью господина Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это свое "миролюбие" он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от "миролюбия" ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда господин Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это — симптом.

Говард. В чем, по-вашему, заключается основная причина современной военной опасности?

Сталин. В капитализме.

Говард. В каких именно проявлениях капитализма?

Сталин. В его империалистических захватнических проявлениях. Вы помните, как возникла Первая мировая война. Она возникла из-за желания переделать мир. Сейчас та же подоплека. Имеются капиталистические государства, которые считают себя обделенными при предыдущем переделе сфер влияния, территорий, источников сырья, рынков и т. д. и которые хотели бы

снова переделить их в свою пользу. Капитализм в его империалистической фазе — такая система, которая считает войну законным методом разрешения международных противоречий, методом законным если не юридически, то по существу.

Говард. Не считаете ли вы, что и в капиталистических странах может существовать обоснованное опасение, как бы Советский Союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам?

Сталин. Для подобных опасений нет никаких оснований. Если вы думаете, что советские люди хотят сами, да еще силой, изменить лицо окружающих государств, то вы жестоко заблуждаетесь. Советские люди, конечно, хотят, чтобы лицо окружающих государств изменилось, но это дело самих окружающих государств. Я не вижу, какую опасность могут видеть в идеях советских людей окружающие государства, если эти государства действительно крепко сидят в седле.

Говард. Означает ли это ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?

Сталин. Таких планов и намерений у нас никогда не было.

Говард. Мне кажется, мистер Сталин, что во всем мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление.

Сталин. Это является плодом недоразумения.

Говард. Трагическим недоразумением?

Сталин. Нет, комическим. Или, пожалуй, трагикомическим. Видите ли, мы, марксисты, считаем, что революция произойдет и в других странах. Но произойдет она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран. Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а ежели не захочет, то революции не будет. Вот, например, наша страна захотела произвести революцию и произвела ее, и теперь мы строим новое, бесклассовое общество. Но утверждать, будто мы хотим произвести революцию в других странах, вмешиваясь в их жизнь, — это значит говорить то, чего нет и чего мы никогда не проповедовали...»

В апреле 1934 года в Берлин прибыл полковник Осима Хироси, назначенный военным атташе Японии. При назначении на этот пост Осима получил в генеральном штабе инструкции: «Изучать стабильность нацистского режима, будущее германской армии, отношения между Германией и Россией и особенно между армиями двух стран... а также способствовать развитию разведывательной деятельности против СССР и прозондировать возможность сотрудничества с немецкими властями в добывании разведывательной информации об СССР»[17].

Осима был убежденным сторонником экспансионистских устремлений Третьего рейха и, по свидетельству современников, буквально преклонялся перед германскими вооруженными силами[18]. Осима открыто выражал свои взгляды, и очень скоро у него установились особые доверительные отношения с представителями германской военно-политической верхушки, в том числе с Иоахимом фон Риббентропом, возглавлявшим так называемое «Бюро Риббентропа» (Dienststelle Ribbentrop), которое было создано в апреле 1933 года. «Бюро Риббентропа», внешнеполитический отдел НСДАП, действовало параллельно с Министерством иностранных дел. Как свидетельство-

вал после войны Риббентроп, из первых встреч с Осимой ему стало ясно, что «Япония имела те же антикоминтерновские взгляды, что и Германия»[19], и это сделало возможным заключение японо-германского антикоминтерновского и антисоветского соглашения. Переговоры получили существенное развитие после того, как Гитлер поручил Риббентропу выяснить перспективы установления более тесных контактов с Японией. В результате осенью 1935 года Гитлер, Риббентроп и Осима встретились для обсуждения предложенного Осимой проекта «договора между Японией и Германией, предусматривающего, что если Германия либо Япония окажутся в состоянии войны с Советской Россией, то вторая страна не предпримет никаких действий, направленных в пользу Советской России»[20].

Информация Осимы о переговорах с Гитлером и его идея «пакта о неоказании помощи» была одобрительно встречена в генеральном штабе японской армии, где уже разрабатывались проекты антикоминтерновского соглашения. Правда, были и противники, считавшие, что укрепление японо-германских отношений ухудшит отношения Японии с Польшей, «которая в то время рассматривалась в Японии почти на равных с Германией»[21]. Однако возобладала прогерманская позиция, которую поддерживал начальник генерального штаба. Осуществление этой идеи, кроме всего прочего, способствовало укреплению влияния японских армейских кругов на внешнюю политику страны.

Военному атташе полагалось заниматься только вопросами, относившимися к его компетенции, однако этот круг вопросов не был строго очерчен. На первой стадии переговоров об Антикоминтерновском пакте Осима не ставил посла Мусякодзи в известность о них, посылая доклады напрямую в Генеральный штаб. По мере того как японское военное руководство проникалось идеей сближения двух стран, оно вступало в контакт с Министерством иностранных дел, которое давало соответствующие инструкции послу. В конце 1935 года Мусякодзи покинул Берлин почти на полгода, окончательно «развязав руки» военному атташе[22].

Риббентроп и сотрудники его Бюро также вели переговоры без какого-либо согласования и даже контактов с германским Министерством иностранных дел. Со стороны Японии главным инициатором сближения выступали военные круги, со стороны Германии — партийные. Риббентроп позже объяснял это следующим образом: «Фюрер пожелал, чтобы подготовка к осуществлению данного плана велась не по линии германской официальной политики, поскольку здесь речь идет о мировоззренческом вопросе»[2]3.

«В декабре 1935 года, — вспоминал германский посол в Японии Дирксен, — мы получили от японского генерального штаба конфиденциальную информацию о том, что Риббентроп и военный атташе японского посольства в Берлине полковник Осима начали переговоры в германской столице, имея в виду установление более тесных политических отношений между двумя правительствами. Никаких подробностей узнать не удалось. И МИД и, как и следовало ожидать ввиду необъявленного состояния войны, превалирующего в отношениях между двумя соперниками, риббентроповский офис хранили глухое молчание»[24].

«Однажды после февральских событий Отт пригласил Зорге в кабинет и сказал, что они с послом узнали от некоего источника в японском генеральном штабе, что в Берлине ведутся какие-то германо-японские переговоры.

Германский МИД в переговорах не участвует, однако ведущую роль в них играют Риббентроп и Осима — японский военный атташе в Берлине, и адмирал Канарис, глава германской военной разведки»[25]. Отт попросил Зорге помочь в шифровке телеграммы в штаб-квартиру германской армии в Берлине с просьбой предоставить информацию о переговорах.

«Он попросил меня поклясться, что я никому не расскажу об этом деле. Я согласился и помог ему зашифровать телеграмму у него дома. Он обратился ко мне, а не к кому-либо из сотрудников посольства, потому что дело требовало абсолютной секретности.

Ответа из Берлина не последовало, и Отт был страшно раздражен этим.

...

Наконец пришел ответ из штаб-квартиры германской армии, в котором Отту советовали обратиться за информацией в японский генеральный штаб. Отт так и сделал, и я потом услышал от него то, что ему стало известно. ... В основном он узнал, что переговоры идут, но в обстановке высшей конфиденциальности, поскольку было очень важно, чтобы политики о них не пронюхали»[26].

26 марта 1936 года Зорге докладывал в Москву: «Штульпнагель из Германского Генерального Штаба написал 7 февраля германскому военному атташе в Токио полковнику Отту о том, что не имеется новых сдвигов в отношении японо-германских переговоров. До настоящего времени Германский Генеральный Штаб не был вовлечен в эти переговоры. Токийские события не вызвали удивления в Германском Генеральном Штабе, так как там хорошо знали о политической атмосфере в Японской армии. Он не высказал дальнейшего суждения...»

Штюльпнагель (Stulpnagel) Карл Генрих фон, с 1935 начальник отдела иностранных армий в Генеральном штабе.

12 марта 1936 года, на фоне высокой напряжённости на границах марионеточного государства Маньчжоу-Го с СССР и МНР (в 1935 году на границе было 176 пограничных инцидентов) был заключен «Протокол о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой». Согласно ст. 1, в случае угрозы нападения на них СССР и МНР обязались «принять все те меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности их территорий».

В начале апреля СНК СССР заявил протест правительству Японии по поводу нападений японо-маньчжурских отрядов на монгольскую погранзаставу Адык-Долон, располагавшуюся в 45 км от линии границы, и Булун-Дерсу, находившуюся в 50 км северо-западнее Адык-Долон[27].

«Москва, тов. Урицкому.

Острова, 4 апреля 1936 г.

Японский Генштаб информировал германского военного атташе в Японии полковника Отта о том, что несмотря на новые пограничные инциденты, опасности войны не существует, и инциденты носят лишь местный характер. Начальник штаба Квантунской армии ген. Итагаки и Квантунская армия в целом находятся под контролем Токио...

Генштаб признает, что в результате токийских событий и ратификации франко-советского пакта позиция Советов стала более решительной.

№ 84. Рамзай».

«Осима надеялся на заключение хотя бы ограниченного военного союза, направленного против СССР, но не мог твердо рассчитывать на такой результат, не имея пока что необходимых полномочий и не будучи уверен в том, что его поддержит консервативная элита Токио, в том числе военная. Риббентроп же не стремился к военному союзу (и не считал СССР единственным противником Германии), а напротив, хотел сделать будущий пакт как можно более идеологическим и потому открытым для других стран. В расширении задуманного им соглашения он видел залог успешного продвижения к вожделенному министерскому креслу. Так что подходы к совместно задуманному пакту у них изначально были разные»[28].

Японский военно-морской флот, традиционно конкурировавший с сухопутной армией за влияние на внешнюю политику страны, был заинтересован в договоре, поскольку рассчитывал, что ухудшение политической ситуации в Европе вследствие его подписания облегчит противостояние военно-морским силам Франции и Англии в восточноазиатском бассейне.

17 мая 1936 года за подписью Урицкого в Токио ушла телеграмма:

«ДОРОГОЙ РАМЗАЙ.

Шлю Вам привет. Выполнение поставленных Вам задач — идет, по-моему, неплохо. Музыка у Фрица — великое дело. За все эти Ваши дела от лица фирмы — спасибо.

Имейте в виду, что Ваша полезная коммерческая деятельность известна нашему старшему любимому шефу (Сталину. — *М.А.*), и он следит за ней, выделяя ее среди других.

Наша крайняя нужда и великая необходимость, чтобы Вы еще прочнее закрепились и дали в своей работе еще больше прибыли. Шлю Вам лучшие пожелания.

ДИРЕКТОР».

В это время дипломаты обеих стран не видели реальных перспектив сотрудничества и, в первую очередь из-за Китая, где Германия традиционно поддерживала Чан Кайши, главного военного и политического противника японцев. Гоминьдановский режим активно закупал в Веймарской республике оружие и военные материалы. Интенсивное сотрудничество Германии с Китаем началось в 1933 году, после прихода к власти национал-социалистов. В мае 1933 года Ганс фон Сект прибыл вШанхай, где занял пост старшего советника германской миссии по экономическому и военному развитию Китая. В июне он представил Чан Кайши меморандум (нем. Denkschrift für Marschall Chiang Kai-shek), в котором изложил свою программу индустриального и военного развития Китая. Сект предложил реорганизовать войска в небольшую, мобильную и хорошо оснащённую армию.

Во второй половине мая — в июне Зорге докладывал в Центр об отсутствии единой позиции в Германии в отношении заключения японо-германского соглашения:

«23.5.36. 16.00
Перевод с английского.
МОСКВА, тов. УРИЦКОМУ.

Острова, 22 мая 1936 года. Торговец аэропланами Хейнкеля и сотрудник отделения контрразведки Германского Управления по мобилизации и

подготовке страны к войне, немец Хек (Хак. — *М.А.*), был техническим посредником во время переговоров японского военного атташе в Берлин ген. Осима с Риббентропом и Бломбергом. Хек получил секретный приказ исследовать в Японии полезность германо-японского военного соглашения с германской точки зрения, но помимо германского посольства и военного атташе полковника Отта. Последний кое-что разузнал о миссии Хека. Хек рассказал, что в основу переговоров положены доклады полковника Отта и что, несмотря на падение прежнего энтузиазма к продолжению переговоров, Риббентроп и Бломберг продолжают занимать положительную позицию.

Хек должен будет информировать, являются ли взгляды Отта обоснованными или нет. Хек, который прибыл до февральских событий, подошел ближе к точке зрения полковника Отта. Он сказал далее, что Риббентроп считает необходимым, прежде чем будет заключено военное соглашение с Японией, иметь, по крайней мере, молчаливое признание Англии. Число сторонников этой точки зрения все более и более растет и в японской армии. В Берлине не торопятся с заключением соглашения. Считают, на это потребуется еще долгое время.

Подпись.

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: Н2. Обработать и копию Наркому, остальное в спецсообщение. СУ 23.5.36».

Тем временем в Центр была отправлена новая депеша:

«Москва. Тов. Урицкому.

Острова, 27 мая 1936 г. совершенно секретно.

Отт показал мне письмо из Министерства иностранных дел в Берлине, адресованное в Токийское посольство ... письмо от Дирксена (находился в отпуске в Германии. — *М.А.*) Отту ... относительно его разговора с генералом Рейхенау ... начале мая. Содержание документа следующее: Бломберг и Шахт пришли к соглашению с Нанкином о предоставлении Чан Кайши кредита в 120 миллионов на импорт из Германии военного имущества для перевооружения в большом масштабе Нанкинской армии. Платежи путем дополнительного экспорта в Германию сырья. В случае успеха платежей, кредит возобновляется. № 135.

Фактическое руководство всем этим делом находится в руках полковника Томаса из германского военного министерства. Генерал Рейхенау выезжает 29 мая в Шанхай для того, чтобы договориться с Чан Кайши по всем деталям импортных и экспортных возможностей. На вопрос Бюлова о том, как армия могла пойти на такое соглашение после переговоров с японскими военными относительно заключения военного договора, Рейхенау ответил, что Бломберг его информировал о том, что сближения с японцами не предусматривается и что Риббентроп прервал переговоры с японской стороной. № 136.

Продолжение следует. Рамзай.

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: Тов. Карин.

Уточните перевод, исправьте текст и в виде спецсообщения заготовьте для направления Наркому и по др. адресам. Доложите мне и С.П.У.

А. 28.V.36».

«Острова. 31 мая 1936 года. Точные немецкие выражения, которые применил Бюлов в своем заявлении относительно разговора с Рейхенау о японско-германских переговорах: "Рейхенау ответил мне, что Бломберг весьма выразительно сказал ему о том, что германо-японское сближение не стоит вовсе в порядке дня и что Риббентроп прервал переговоры с японской стороной".

Рейхенау дал этот резко выраженный ответ по поводу замечания Бюлова, что он считает, что трудно приостановить переговоры с Японией, а Дирксен полагает, что это абсолютно невозможно.

Дирксен написал Отту, что он всячески противится китайской поездке Рейхенау и старается уменьшить сумму предоставляемых Китаю кредитов до незначительных размеров.

Отт написал Штюльпнагелю предложение продолжать наиболее сердечные переговоры с японцами в Берлине в порядке дружественного жеста, так как ожидается контрвыступление с выражением недовольства с японской стороны в ближайшее время. Однако, он никогда не рассчитывал на будущее японо-германское соглашение.

Если Бломберг и Рейхенау не инспирируют берлинское Министерство иностранных дел, чему Отт не верит, то изменение позиции Бломберга должно быть связано с наиболее сдержанной позицией Англии в отношении Японии. Подобная позиция стала более ясной в разговоре Густава с Клайвом 27.5. Клайв, между прочим, сказал, что положение Японии чрезвычайно серьезное, что японские политики не прекращают попыток добиться от Англии благожелательного нейтралитета, но без каких-либо намерений японцев сделать это официально.

Продолжение беседы Клайва (Роберт Клайв — посол Великобритании в Японии. — *М.А.*). Арита — никудышный, Хирота долго не протянет, Тераучи — марионетка. Возможность получения японцами кредитов чрезвычайно упала. Никто в Лондонском Сити не желает брать риски в отношении Японии.

Для них абсолютно невозможно затеять войну, они будут жестоко биты, и они отдают себе в этом отчет. Я не вижу для них выхода, они в отчаянном положении.

Японцы стараются заключить теперь пакт с Внутренней Монголией. Конец разговора с Клайвом. № 140.

Рамзай».

«Москва, тов. Урицкому.
Острова. 27 июня 1936 года.

Германский военный атташе полковник Отт в своем письме от 10 июня, адресованном германскому послу Дирксену, находящемуся в Берлине, пишет, что он не верит в то, что Рейхенау правильно передает заявление Бломберга касательно полного разрыва германо-японских переговоров.

Японский генеральный штаб по-прежнему дружески [настроен] и согласие германского генштаба на просьбу японского генштаба о посылке одного японского офицера на 2 года в Берлинскую Военную академию полковник Отт расценивает как чрезвычайно благоприятный фактор. № 145.

Германский Генштаб также согласился на посылку новой Японской миссии из 12 офицеров для осмотра 8 различных германских военных учрежде-

ний и организаций. Полковник Отт считает, что японо-советские отношения вынуждают Японию поддерживать с Германией хорошие отношения, несмотря на кредит Китаю. Бломберг написал письмо, в котором ... резко упрекает его и германские торговые круги за их отношение к вопросу договора о кредитах на китайские военные заказы. № 146.

Рамзай.

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: Н2. Спецсообщение по адресам. 30.6.36.СУ».

«Острова, 30 июня 1936 года.

Германский военный атташе полковник Отт показал мне письмо посла Дирксена, в котором он говорит о своем разговоре с Штюльпнагелем* из германского Генерального штаба. Он очень прохладно относится к вопросу о военном соглашении с Японией, так как Японскую армию считает не слишком серьезной силой против СССР, а Дальневосточную Красную Армию расценивает как вполне независимую от Европейской части СССР. Он считает, что военное соглашение принесет Японии гораздо больше выгод, чем Германии. № 148.

Штюльпнагель против соглашения о кредитах с Китаем, но Бломберг является очень горячим сторонником этого соглашения. Китайцы уже /полностью/ использовали кредит в 100 миллионов для покупки военного имущества без предоставления дополнительного сырья.

Дирксен сообщил японскому послу в Берлине содержание кредитного соглашения, но Михара не информирован. № 149.

Рамзай.

*Генерал, начальник германской разведки.

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: Н2. Копию тт. Ворошилову, Гамарнику (плюс 2 экземп. для т. Сталина и Молотова), по остальным адресам — спецсообщение. СУ. 3.7.36.».

Для разработки предложений Осимы в Германию был отправлен специальный представитель генерального штаба Вакамацу. Япония нуждалась в союзнике для выхода из международной изоляции, а договор с Германией позволил бы создать впечатление о частичном окружении СССР и защитить Японию от предполагаемой советской и коммунистической угрозы. Переговоры проводились в обстановке конфиденциальности на фоне международных событий, которые не могли не повлиять на их ход и разработку заключительных документов.

20 июля 1936 г. Начальник Разведывательного управления РККА комкор С.П. Урицкий представил наркому обороны Ворошилову докладную записку: «Представляю вновь полученные агентурные материалы, характеризующие обстановку на Д[альнем] В[остоке], в частности состояние японо-германских переговоров.

Докладываю, что по сводке материалов от 19 июня, представленных согласно Вашему приказанию тов. Сталину, мною получено следующее указание тов. Сталина: «По-моему, это дезориентация, идущая из германских кругов. И. Сталин».

Материалы, к которым относится это замечание тов. Сталина, говорят об известном замедлении хода переговоров между Японией и Германией, главным образом ввиду нежелания немцев форсировать заключение военного договора. **Сводка материалов, о которой идет речь, составлена преимуще-**

ственно по телеграфным донесениям нашего резидента в Токио, источника Вам известного, обычно дававшего доброкачественную информацию и неоднократно — подлинный секретный документальный материал (выделено мной. — *М.А.*). Например, сейчас мы получили от этого нашего резидента доклад германского военного атташе в Токио (направляется Вам отдельно). Нам удалось подлинность этого доклада проверить, получив аналогичные документы непосредственно из германского генштаба. Это наряду с другими данными свидетельствует о серьезности нашего источника в Токио. Теперь мы получили от этого источника почтовую информацию, дополнительно освещающую закулисную сторону японо-германских переговоров.

Одновременно прилагаемые новые документальные материалы о секретном германо-китайском кредитном соглашении, полученные из другой страны, подтверждают более ранние сообщения токийского резидента об этом кредитном соглашении и о происходящих в Германии колебаниях в отношении безоговорочного соглашения с Японией.

Этот контрольный материал, равно как совпадение сообщений нашего токийского резидента с содержанием перехваченной и расшифрованной телеграфной переписки между Берлином и Токио[29] повышает достоверность нашей информации о состоянии японо-германских переговоров.

Весь имеющийся в настоящее время материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Японо-германские переговоры в течение мая—июня развивались очень медленно.

2. Инициативу и особую активность в переговорах проявляет Япония.

3. Германия в данный момент оттягивает заключение договора с Японией, который связал бы немцев конкретными военными обязательствами.

Эта сдержанность Германии объясняется следующими причинами:

а) недостаточной, по мнению германских военных кругов, военной готовностью Японии. Немцы опасаются, что Япония, приободренная договором, может выступить слишком рано (до того, как Германия сможет оказать ей решающую помощь на Западе) и будет разбита;

б) Германия ввиду своих европейских планов стремится избегнуть ухудшения взаимоотношений с Англией, интересы которой сейчас сильно задеты японцами на Дальнем Востоке;

в) немцы, ведущие сейчас активную политику расширения своей политической и хозяйственной базы в Юго-Восточной Европе и Азии, стремятся к самостоятельной политике в Китае. Союз с Японией сковал бы германскую активность на Дальнем Востоке.

Конечно, нельзя исключить возможность далеко идущей дезориентации, вплоть до дезинформации своих собственных высших сановников, с целью надежно замаскировать особо секретные параллельные переговоры о военном союзе. Задача РУ заключается в том, чтобы, исходя из этого наиболее опасного для нас допущения, стремиться полнее раскрыть самые секретные мероприятия по подготовке японо-германского военного блока. Вместе с тем вышеприведенные соображения, как мне кажется, более правильно отражают действительное состояние японо-германских переговоров.

Представляя на Ваше усмотрение эти соображения и материалы, прошу Ваших указаний по поводу дальнейшего направления их тов. Сталину».

Докладная записка Урицкого на имя наркома обороны является вынужденной реакцией на резолюцию вождя. Резолюции, безусловно, неприятной, бросавшей тень на информацию, поступавшую из Разведупра. Урицкий обращает внимание наркома на то, что информация, поступавшая от Зорге, подтверждалась другими источниками и, в первую очередь, расшифрованными радиограммами из Берлина в Токио и обратно: агентуре ИНО в Берлине удалось получить доступ к этой переписке. Правда, давая высокую и справедливую оценку деятельности Зорге, Урицкий защищал не его, а честь мундира. Иной реакции с его стороны быть не могло. В докладной записке не только подчеркивается надежность Зорге как источника достоверной информации, но и то, что сам он как резидент и источник достоверной информации известен Ворошилову.

Реакция Ворошилова на докладную записку, а также то, была ли она доложена Сталину и каково было его мнение, неизвестны. Однако тот факт, что информацию, поступавшую из Токио, по-прежнему докладывали генсеку, говорит сам за себя.

В июле 1936 года в Испании разгорелась Гражданская война, представлявшая собой борьбу между двумя моделями развития: националистической и коммунистической. Исход войны очень много значил и для СССР с Коминтерном, и для Италии, и для Германии.

7 августа 1936 г. Советом пяти министров (премьер-министр, военный и морской министры, министры иностранных дел и финансов) были приняты «Основные принципы национальной политики»:

«Учитывая внутреннее и международное положение, империя считает главным в своей национальной политике обеспечение с помощью координированных действий дипломатических и военных кругов своих позиций на восточноазиатском континенте и расширение продвижения на юг. Основные принципы этой программы национальной политики заключаются в следующем:

1. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного сосуществования и сопроцветания является воплощением духа императорского пути [Кодо — одно из ключевых понятий официальной японской политической лексики 1930-х годов.] и должно быть постоянным и руководящим принципом нашей внешней политики.

2. Осуществление мероприятий по усилению государственной обороны, необходимых для обеспечения безопасности империи, ее процветания и утверждения империи как номинальной и фактической стабилизующей силы в Восточной Азии.

3. Ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-Го и укрепления японо-маньчжурской обороны; обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития, заключающегося в тесном японо-маньчжуро-китайском сотрудничестве, — такова основа нашей политики на материке. При реализации этой политики следует обратить внимание на сохранение дружественных отношений с великими державами...

Надлежит произвести следующее обновление всей политики в соответствии с современным положением:

1. Упорядочение мероприятий по усилению государственной обороны:

а) военные приготовления в армии заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-Го и Корее контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и, в частности, были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам Советского Союза;

б) военные приготовления во флоте заключаются в увеличении его мощи до такой степени, которая обеспечила бы ему господствующее положение против морского флота США в западной части Тихого океана.

2. Наша внешняя политика должна быть обновлена. Ее главная задача — содействовать осуществлению основных принципов национальной политики. В целях обеспечения успешной дипломатической деятельности военные круги должны избегать открытых действий и оказывать ей помощь тайно»[30].

«Это был стратегический план японской агрессии, приведший, в конце концов, к Тихоокеанской войне. Он предусматривал захват Японией Китая, нападение на Советский Союз, а также продвижение на юг, в район стран Южных морей. Армия и флот приняли это решение потому, что они уже тогда планировали новую агрессию в Китае. Кроме того, существовали другие закулисные соображения, приведшие к принятию данного плана. Дело в том, что руководящие круги армии выдвигали в то время на первый план экспансию в северном направлении с целью ограничить активность и власть чересчур усилившейся после маньчжурских событий Квантунской армии, не допустить ее проникновения в Северный Китай, ограничить арену ее действий Маньчжурией и сосредоточить все ее внимание на подготовке к войне против Советского Союза. В ответ на это флот, соперничавший с армией, настаивал на экспансии на юг. В конце концов, на Совете пяти министров между армией и флотом было достигнуто компромиссное решение, в котором наряду с осуществлением полного захвата Китая нашли отражение точки зрения и армии (наступление на север) и флота (наступление на юг)»[31].

В августе 1936 г. второе управление генштаба составило документ «Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза». В первом разделе этого документа под названием «Цели войны» указывалось на необходимость на первом этапе «овладеть Приморьем (правое побережье Уссури и Амура) и Северным Сахалином», а также «заставить Советский Союз согласиться со строительством великого монгольского государства», разумеется, под эгидой Японии.

Во втором разделе, озаглавленном «Курс руководства войной», излагались стратегические задачи войны. Они сводились к следующему: «Наиболее важно, сконцентрировав все силы против СССР, сразу же добиться большого военного успеха... С началом войны уничтожить противника на Дальнем Востоке, захватить необходимые территории. Используя авиацию, а также монголов, белогвардейцев, учинить беспорядки на территории противника и принудить его к капитуляции. Необходимые войска и материалы для войны против СССР подготовить на континенте еще в мирный период».

Далее ставились конкретные задачи армии и флоту. Сухопутные силы Японии должны были «уже в начале войны добиться таких военных успехов, которые поразят мир». Завершив наступление как можно скорее, надлежало «применением авиации и других средств создать основу для капитуля-

ции противника». Военные мероприятия по подготовке войны против СССР в метрополии ограничивались созданием противовоздушной обороны. Одновременно операциями на континенте предусматривалось захватить Северный Сахалин и овладеть расположенными здесь нефтяными месторождениями. Главным в плане мероприятий по управлению захваченными территориями Советского Союза объявлялись ликвидация советской власти и экономическое разграбление оккупированных земель «через развитие промышленности».

Задачей императорского флота было уничтожение во взаимодействии с армией военно-морских баз Советского Союза на Дальнем Востоке, обеспечение беспрепятственного прохода в Корейском проливе, а также безопасности морских торговых путей в районах Южных морей. В документе излагался также порядок действий при одновременном с войной против СССР вооруженном столкновении Японии с Китаем и США[32].

29 августа Зорге докладывал в Москву:

«...3. Уже упоминавшийся агент Хак сказал Виксу и Канну* до своего отъезда в Германию, что после всей информации также и из Германии, совершенно очевидно, что осенью или ... зимой японо-германские отношения будут рассматриваться с точки зрения подписания ... [договора]. Но, по сравнению с прежним соглашением, разработанным японским военным атташе в Берлине ген. Осима с Риббентропом, соглашение будет более широким. Кроме военных и политических пунктов будет включен пункт и об экономическом сотрудничестве, главным образом, в снабжении военными материалами для перевооружения японской армии. Германская сторона подчеркивает последний пункт. Канн убежден в подлинности этой информации о подготовке ... [почвы] для такого соглашения. № 187 Рамзай.

*Канн — Кауфман — представитель германской авиационной промышленности на Дальнем Востоке.

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: Н2. Спецсообщение. Наркому. СУ. 5.9.36».

Одно время в переписке в целях конспирации Зорге называет себя «Виксом».

По настоянию МИД Японии, подписание соглашения, получившего название «Антикоминтерновский пакт» было отсрочено на два месяца, чтобы не помешать заключению договора о рыбной ловле с СССР[33].

«Москва, т. Урицкому.
Острова. 13 октября 1936 г.

Уже упоминавшийся ранее Кауфманн* сообщил Рамзаю, что он на основании беседы с членами Японского генерального штаба сделал вывод о том, что германо-японские переговоры в настоящее время приближаются к своей заключительной фазе в Берлине. Две недели в задержке возвращения из отпуска полковника Отт, отправка двух специальных делегатов Японского генерального штаба с важными инструкциями для японского военного атташе в Берлине ген. Осима и новое отношение к покупке германских военных материалов — все это убедило Кауфманна в правильности его выводов; кроме того, имелись и намеки японского генерального штаба. Кауфманн был осведомлен полковником Оттом о переговорах. № 205. Рамзай».

«23 октября, в день принятия окончательного решения о заключении пакта и его парафировании, Риббентроп направил Мусякодзи дополнитель-

ную ноту к секретному протоколу, в которой заявлялось, что положения заключенных ранее советско-германских договоров — Рапалльского договора 1922 г. и Берлинского договора о нейтралитете 1926 г. — не противоречат Антикоминтерновскому пакту. Иными словами, Германия не отказывалась от них и отделяла их как дипломатические документы общего характера от нового соглашения. Получив ее, Мусякодзи направил телеграмму министру иностранных дел Арита Хатиро, в которой говорилось, что «дух этого пакта является единственной основой будущей германской политики в отношении Советского Союза» и что Риббентроп подтвердил правильность такого понимания. Япония ждала конкретных гарантий, опасаясь односторонних действий своего партнера по сближению с СССР, что могло казаться невероятным, но что как раз и случилось в августе 1939 г. Риббентроп гарантии дал, но оставил Германии «запасной выход»[34].

«Москва, тов. Урицкому.
Острова. Ноябрь, 8. 1936 г.

Я узнал от вернувшегося из отпуска полковника Отта, во время первого с ним свидания, что военное японо-германское соглашение еще не заключено. Германский генштаб желает также и в будущем избегать заключения определенного соглашения со связующим обязательством. За исключением этих обязательств Берлин готов установить теснейшее сотрудничество с Японским Генштабом. Шлем наилучшие пожелания. № 222. Рамзай».

«Соглашение против коммунистического "интернационала"», получившее название Антикоминтерновского пакта, было подписано Риббентропом и Мусякодзи и состоялось 25 ноября 1936 г. в Берлине. Соглашение состояло из преамбулы и трех статей:

«Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, сознавая, что целью коммунистического "интернационала" (так называемого «коминтерна») является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам, будучи убеждены, что терпимое отношение к вмешательству коммунистического "интернационала" во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но и представляет собой также угрозу миру во всем мире, и выражая свое намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение.

Статья 1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно информировать друг друга относительно деятельности коммунистического "интернационала", консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа коммунистического «интернационала», принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба текста являются аутентичными. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе Догова-

ривающиеся Стороны своевременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть взаимопонимания относительно характера их дальнейшего сотрудничества.

В подтверждение вышеизложенного настоящее соглашение подписали и приложили печати следующие лица, облеченные соответствующими полномочиями своих правительств.

Составлено в Берлине в двух экземплярах 25 ноября 11 года Сёва, что соответствует 25 ноября 1936 года»[35].

Преамбула Соглашения стала логичным и естественным ответом на резолюцию VII Конгресса Коминтерна 1935 года.

Составной частью Соглашения являлся «Дополнительный протокол»:

«При подписании Соглашения против коммунистического "интернационала" полномочные представители относительно этого соглашения договорились о нижеследующем:

а) соответствующие власти обеих Высоких Договаривающихся Сторон будут поддерживать тесное сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности коммунистического "интернационала", а также по поводу принятия разъяснительных и оборонительных мер в связи с деятельностью коммунистического "интернационала";

б) соответствующие власти обеих Высоких Договаривающихся Сторон будут принимать в рамках ныне действующего законодательства строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей состоящих на службе коммунистического "интернационала" или содействующих его подрывной деятельности;

в) в целях облегчения указанного в пункте «а» сотрудничества между соответствующими властями обеих Высоких Договаривающихся Сторон будет учреждена постоянная комиссия, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры, необходимые для предотвращения подрывной деятельности коммунистического "интернационала"».

Секретное соглашение, прилагаемое к Антикоминтерновскому пакту, обнародованному после окончания Второй мировой войны не содержало в себе ничего, что объясняло бы его секретность:

«Правительство Великой Японской империи и правительство Германии, признавая, что правительство Союза Советских Социалистических Республик стремится к реализации целей коммунистического "интернационала" и намерено использовать для этого свои вооруженные силы, и будучи убеждены в том, что это является серьезнейшей угрозой существованию не только государств, но и существованию мира во всем мире, в целях защиты своих общих интересов договариваются о нижеследующем:

Статья 1. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая Договаривающаяся Сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации, Договаривающиеся Стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

Статья 2. Договаривающиеся Стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба экземпляра имеют одинаковую силу. Настоящее соглашение вступает в силу одновременно с соглашением против коммунистического "интернационала" и имеет одинаковый с ним срок действия.

В подтверждение вышеизложенного настоящее соглашение подписали и приложили печати лица, облеченные соответствующими полномочиями своих правительств».

Антикоминтерновский пакт традиционно называли военным союзом агрессивных держав, обращая особое внимание на прилагавшееся к нему соглашение. Нельзя не отметить неконкретность этого документа и ограниченность обязательств договаривающихся сторон. В нем отсутствуют обязательства о взаимной помощи в случае конфликта с третьей стороной, что присутствовало в Договорах о взаимной помощи между СССР и Францией, СССР и Чехословакией. Фактически это означало, что Германия и Япония заключили соглашение о взаимном нейтралитете на случай войны с СССР.

На Международном военном трибунале для Дальнего Востока адвокат Аристидес Лазурус резонно заметил: «В то время существовал договор о взаимной помощи между СССР и Францией, который не может быть признан агрессивным. Почему же Антикоминтерновский пакт объявляется таковым?... Он был разработан исключительно для самообороны и без агрессивных намерений»[36].

«Соглашение против коммунистического "интернационала"» давало равные возможности и для оказания широкомасштабной военной помощи партнеру, и для уклонения от любого вида поддержки. Сиратори Тосио, посол в Швеции с 1936 г., посол в Риме (1939—1940), как-то заметил, что этот пакт подобен раме, в которую можно вставить любую картину. Фраза попала в газеты, однако, как заметил после войны американский историк Джеймс Комптон, «партнеры не могли прийти к согласию относительно самой картины: для Японии это был морской тихоокеанский пейзаж, для Гитлера — пейзаж Европейского континента»[37]. То, что его формулировки можно было трактовать как угодно, Сиратори считал достоинством пакта.

По словам другого японского дипломата Сигемицу Мамору, впоследствии министра иностранных дел: «Японская армия поддерживала секретное приложение, рассматривая Антикоминтерновский пакт как военное соглашение. Немцы, с другой стороны, очевидно, придавали большее значение использованию японской мощи в широком плане, им пакт представлялся как компонент их дипломатической стратегии», т. е. также для проведения совместной политики против крупных капиталистических держав. Что касается западных политиков, то они приветствовали «Антикоминтерновский пакт» как успех политики «баланса сил». У. Черчилль в статье, опубликованной 27 ноября 1936 г., отмечал: «Опасность русско-германского соглашения за счет западных стран определенно исчезла».

Советский Союз для Германии и Японии представлялся главным противником, всемерно поддерживавшим коммунистическое движение и всемер-

но препятствовавшим их дальнейшей экспансии, направленной у Германии на пересмотр Версальского договора, а у Японии — на укрепление ее позиций в Китае. Открыто афишировать направленность пакта против Советского Союза ни Германия, ни Япония не считали возможным, это грозило разрывом экономических, а возможно, и дипломатических отношений, в чем они не были заинтересованы[38].

Косвенно пакт был, несомненно, направлен также против Франции и Великобритании. Поскольку в правительстве Франции участвовали коммунисты, положения «Антикоминтерновского пакта» можно было при желании распространить и на нее. К Великобритании это не относилось, но германо-японское сближение не давало Лондону свободно действовать в Европе, в то время как от Японии в Азии исходила угроза для британских владений.

Более чем скромное содержание текста «Соглашения против коммунистического "интернационала"» наводило на мысль, что за ним скрывалось нечто большее. 28 ноября на VIII чрезвычайном съезде Советов, обсуждавшем проект новой Конституции, нарком иностранных дел Литвинов в своем выступлении дал подробные разъяснения по важнейшим международным проблемам и обстоятельно прокомментировал «Антикоминтерновский пакт».

«Люди сведущие, — говорил Литвинов, — отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести переговоры в течение 15 месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить обязательно с японской стороны военному генералу, а с германской — сверхдипломату и что эти переговоры должны были вестись в обстановке чрезвычайной секретности, втайне даже от германской и японской официальной дипломатии...

Что касается опубликованного японо-германского соглашения, то я рекомендовал бы не доискиваться в нем смысла, ибо соглашение это действительно не имеет никакого смысла по той простой причине, что оно является лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а, вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово "коммунизм" даже не упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом... Все это свидетельствует о том, что «Антикоминтерновский пакт» фактически является тайным соглашением, направленным против Советского Союза... Не выиграет также репутация искренности японского правительства, заверившего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом»[39].

За три месяца до подписания «Антикоминтерновского пакта» — 7 августа 1936 г. — Советом пяти министров были приняты уже комментируемые «Основные принципы национальной политики», в которых, как это ни странно, не оказалось даже намека на основные положения немецко-японского договора, который был подписан 25 ноября этого же года.

В «Тюремных записках» Зорге рассматривает подготовку и подписание «Антикоминтерновского пакта», в общем контексте становления японо-германского союза. Отсюда и преувеличение его значения: «Уже на самом первом совещании по так называемому Антикоминтерновскому пакту стало

ясно, что как германские правящие круги, так и влиятельные японские милитаристские лидеры хотят не просто политического сближения двух государств, а, насколько возможно, тесного политического и военного союза. Несомненно, что при этом главным пунктом, связывающим оба эти государства, являлся СССР, или, выражаясь точнее, их противостояние Советскому Союзу. Поэтому задача, поставленная мне Москвой по изучению японо-германских отношений, проявилась в совершенно новом свете. До меня давно доходили слухи о том, что идут секретные переговоры между послом Осимой и министром иностранных дел Риббентропом в Берлине, поэтому задача наблюдения за отношениями обоих государств не могла не стать одной из важнейших в моей работе. Тем более, что эти переговоры, как сейчас хорошо известно, проводились о заключении не только Антикоминтерновского пакта, но и подлинного союза. Переговоры проходили через различные этапы, и одновременно менялась международная обстановка, и в течение всего периода моего пребывания в Японии эти проблемы постоянно требовали максимального внимания с моей стороны»[40].

В своих показаниях Зорге дает понять, что его собственное влияние на Отта сыграло некоторую роль в том, что Отт довольно равнодушно воспринял подписание этого документа. «Конечно же, — показывал Зорге, — я был категорически против самой идеи заключения этого альянса, и я сделал все, что мог, чтобы повлиять на отношение к нему посла фон Дирксена и полковника Отта и настроить их против этого пакта». И следом он разбирает аргументы, которые он использовал в своих попытках повлиять на их взгляды. Он напомнил им о «политике Бисмарка, традиционной политике Германии: союз с Россией против Англии и Франции». Он указывал на опасность оказаться связанным в военном смысле с Японией, погрязшей в последствиях событий 26 февраля. Внутреннее положение японской армии было «весьма шатким». Более того, было бы неверно полагать, что советское правительство находится на краю краха или что Красная Армия — немощна. И, наконец, он заявил, что переговоры о японско-германском военном союзе представляли собой в конечном итоге «рискованное предприятие, начатое Осимой и Риббентропом для удовлетворения их личных амбиций»[41].

«Мои усилия не пропали даром, и отношение Отта к альянсу было достаточно скептическим, хотя посол фон Дирксен, естественно, выступал за заключение альянса, и на его мнение мне повлиять не удалось».

Не следует исключать, что в 1936 году взгляды Зорге на германо-японский альянс против России, которые он и не думал скрывать, совпадали с теми, к которым так или иначе склонялся и полковник Отт. Однако даже, если Зорге просто укрепил Отта в его собственных убеждениях, немаловажна сама попытка повлиять на его позицию.

В декабре 1936 года Зорге получил сообщение из Центра за подписью заместителя начальника Разведупра Артузова, в котором давалась высокая оценка работе резидентуры: «...Не могу не отметить очень полную Вашу информацию во всех стадиях японо-германских переговоров, приведших к соглашению. Вы правильно нас информировали и помогли нам всегда быть на высоте в этом вопросе».

В том же декабре начальник Разведывательного управления РККА Урицкий направил представление на имя наркома обороны Ворошилова с ходатайством о награждении Рихарда Зорге и Макса Клаузена.

«РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ
декабрь 1936 г.
№ 20906сс
Народному комиссару обороны СССР
Маршалу Советского Союза
Тов. ВОРОШИЛОВУ

Докладываю:

В течение двух с лишним лет в качестве неофициального секретаря германского военного атташе в Токио ведет работу в чрезвычайно трудных условиях наш работник, член ВКП(б) ЗОНТЕР Ика Рихардович.

Этот товарищ все время снабжает нас материалами и документами о японо-германских отношениях и состоянии японской армии.

Вместе с ним работает в качестве радиста т. КЛАУСЕН Макс, который беспрерывно, в тяжелых агентурных и технических условиях поддерживает с нами радиосвязь.

Следует отметить, что оба эти товарища в критический момент событий 26.2.36 г. в Токио поддерживали с нами бесперебойную радиосвязь и держали нас в курсе всего происходящего.

В настоящее время работа этих двух товарищей приобретает особое значение, но на почве длительной работы в тяжелых условиях, на почве длительного отрыва от Советского Союза у них чувствуется большая моральная усталость. Заменить их в данное время невозможно. Для пользы дела необходимо продлить работу этих товарищей, закрепив их на тех позициях, на которых они находятся.

Прошу вашей санкции на награждение этих товарищей орденами «Красной Звезды», что ими безусловно заслужено и явится для них стимулом для напряженной работы в особых условиях.

Начальник разведывательного Управления РККА
Комкор С. Урицкий».

Обращает на себя внимание, что в представлении в целях конспирации Зорге назван Икой Рихардовичем Зонтером, как он проходил в Разведывательном управлении (не являясь при этом «состоящим в распоряжении РУ»). Видимо, исходя из соображений конспирации неверно указано и место работы Зорге — «неофициальный секретарь германского военного атташе в Токио» (не хочется допускать, что в Центре не знали истинного положения «Рамзая» вТокио). Правда, такая конспирация выглядит весьма сомнительной, так как, обладая этими данными, выйти на след Зорге в германском посольстве было несложно.

И еще: Ворошилов знал Рихарда Зорге как Зонтера Ику Рихардовича. Не исключено, что и для Сталина «источником, близким к немецким кругам в Токио», был И. Р. Зонтер.

4.2. «Категорически запрещаю Вам поддерживать связь с Вашими туземными людьми...»

(Центр — «Рамзаю» 25 июля 1936 года)

10 декабря 1935 года Центр сообщал своему резиденту под официальным прикрытием в Шанхае:

«ШАНХАЙ БОРИСУ 10 декабря 1935 года

Наш резидент островах Рамзай пришлет своего курьера Ваш город 1 февраля. Курьером приедет мужчина Гюнтер Штейн немецкому сапогу или женщина мисс ГЮНТЕНБАЙН повторяю Гюнтенбайн швейцарскому сапогу. Курьер останавливается гостинице "Метрополь". Встреча три часа дня комнате прибывшего курьера, номер комнаты предварительно узнать по телефону. При встрече приходящий говорит: "Greayings from mr. Smith". Курьер отвечает: "You meet mr. John Smith". Разговор ведется по-английски. На свидание пошлите Лелю, хорошо ее проинструктировав. Курьеру передайте 5290 ам. долларов. Письмо на машинке напишите, что из этой суммы 2000 амов плюс 290 амов жалования для Макса, остальное Рамзаю. Курьером надо обусловить следующее свидание Шанхае. Рамону[42] ближайшем свидании доложить почту Рамзая и обусловленную следующую явку. Дальнейшая связь Рамзаем переходит Рамону повторяю Рамону. Оргвопросы и письма Рамзая срочите нам. Курьеру ждать нашего телеграфного ответа».

«Рамон» — С.И. Иванов, разведчик-нелегал под прикрытием владельца угольной шахты и представительства компании германских керосиновых печек.

Центр упорно пренебрегал требованиями конспирации, связывая разведчика под официальным прикрытием с разведчиком-нелегалом.

Далее шла переписка с Токио и Шанхаем:

«Острова Рамзаю.

Телеграмма о невыезде Коммерсанта. Распоряжение выслать Густава и сообщить: а) как легализация Фрица, б) время выезда Густава и в) жена Фрица будет отправлена в конце февраля 1936 г.

№ 38. 23.1.36. Покладок».

«Шанхай, Артуру[43].

Напоминание о необходимости получить от курьера доклад о работе Рамзая, о своей (курьера) работе, о положении на островах и о сообщении нам по телеграфу всех оргвопросов Рамзая».

(«Артур» — Э. Краутман, еще один разведчик-нелегал, легализовавшийся в Шанхае как «купец».)

Зорге неоднократно обращался в Центр с просьбой-предложением связать его с «Коммерсантом» — Войдтом, близким ему по духу и интеллектуальному уровню — с последующей ориентацией его на работу в Японии, чему имелись все предпосылки. «Рамзай» сам через курьеров пытался связаться с «Коммерсантом», находившимся в Шанхае.

В начале февраля в Китай ушла очередная шифртелеграмма по поводу организации связи с Зорге:

«Шанхай, Артуру. Запрещение дать связь курьеру Рамзая с Рамоном. Даем задание взять обоюдную явку: место, время и пароль явки, гостиница, на случай приезда в будущем курьера Рамзая и посылки курьера к Рамзаю. 8.2.36. Покладок».

По инициативе «Рамзая» был принят следующий код для переписки:

«1. Полковник Отт кличка "Cot".

2. Немецкий посол Дирксен кличка "Dik".

3. Гунтер Штейн кличка "Gustaf".
4. Генерал Осима кличка "Mihara".
5. Японский Генеральный Штаб "Green Box" (зеленый ящик).
6. Германский Генеральный Штаб "White Box" (белый ящик)».

В начале февраля в Шанхай прибывает курьер — «Густав» (Штейн) с почтой токийской резидентуры. «Артур» по указанию Центра требует от «Густава» сделать доклад о работе токийской резидентуры, а он просит связать его с «Коммерсантом». Эти перипетии нашли отражение в переписке между шанхайской и токийской резидентурами и Центром. Вот что следовало из МЕМО (Меморандума) — изложения содержания шифртелеграмм:

«В Шанхай АРТУРУ.

7.2.36. О передаче Рамзаю 5290 ам. долл. в желаемой валюте. О сообщении всех запросов через связистку для передачи центру. Предложить курьеру дать доклад о своей работе у Рамзая. Подтвердить встречу 5.2. Рамона. Контрольные явки с Рамоном 10 и 16 февраля.

8.2.36

Явка — Магазин Зингер, Нанкин род, писчебумажный отдел, около вечных ручек.

8.2.36.

Не устанавливать связи курьера с Рамоном. Запросить мотивы желания связи курьера с коммерсантом. Об установлении явки на островах и в Шанхае (гостиница, место, время, пароль)».

«В Шанхай. Артуру.

15.2.36.

О запрещении связи курьера с коммерсантом и о выяснении мотивов желания этой связи».

Из письма «Артура» от 28 марта 1936 года:

«...2. О курьере Рамзая. Вследствие запоздания парохода он прибыл с опозданием. Связь с ним была установлена на следующий день после его приезда. В гостинице Леля была только на первой явке, а справка о номере была получена путем просмотра списка проживающих. Связь с ним была построена с крайней осторожностью, каждый раз менялись явки и тщательно заметались следы. Курьер упорно добивался встречи со мной, но я уклонился от нее, в соответствии с Вашими указаниями. Он также настойчиво добивался связи с "коммерсантом", настаивая на этом при каждой встрече. Ее необходимость он мотивировал тем, что имеет указание Рамзая установить с ним связь, что ему необходимо срочно перевезти деньги Рамз. и, наконец, что связь с ним необходима для коммерческих дел. Указал ему, что переводить деньги нецелесообразно, ибо через короткое время он сам вернется, и нет нужды создавать лишнюю трудность. Мне кажется, что курьер имел в виду через коммерсанта регулярно получать денежные переводы, ибо обычно необходимость связи с коммерсантом у него увязывалась с крайне трудным положением с финансами на протяжении длительного времени.

При первой же встрече получил почту Рамз. Причем две пленки были не проявлены, а все остальные были в проявленном виде. Передав мне о необходимости срочно проявить пленки, он не предупредил, что пленки панхро-

матические и, не зная этого, пленка была вскрыта и проявлялась при красном свете, и из нее ничего не получилось. Вторая пленка проявлена нормально. Пленки, вообще, не совсем хорошо засняты и плохо проявлены, поэтому разобраться в них можно лишь с трудом.

Курьер имел здесь ряд встреч и интервью с различными лицами, записи которых посылаю Вам. Его доклад о положении в стране его пребывания и его собственной работе далеко не полны, на мою просьбу сообщить что-нибудь подробнее он ответил, что ничего больше написать не может. Выдал ему 4.657 амов и 2.100 в валюте его страны, вместе это соответствует указанной Вами сумме. Условился с ним о явках на случай приезда к нему и на случай приезда кого-либо из них в наши края.

Во время пребывания здесь, через посредство женщины, работающей в китайском муниципалитете, курьер познакомился с крупным китайским фабрикантом, фамилия его Alley. Он владелец фабрики. Он сообщил, что его можно использовать. Мне показалась странной столь поспешная вербовка, но на мои просьбы сообщить подробности и как далеко он зашел в разговорах с ним, курьер ответил, что он может быть подходящим объектом для вербовки, не сообщив никаких подробностей. Считаю, что к Alley нужно будет найти знакомство через другие каналы и посмотреть, что он из себя представляет».

Похвально, что «Артур» пишет о соблюдении конспирации в работе, но странно, что речь о «крайней осторожности» и «заметании следов» идет не применительно к китайской и английской полициям, а к курьеру от «Рамзая». Подобное отношение к курьеру из Токио можно объяснить только недоверием к токийскому резиденту.

По настоянию Центра и шанхайского резидента «Артура», с которым курьер встретился далеко не сразу, в феврале 1936 года «Густав» был вынужден написать в Москву доклад:

«Настоящий доклад не полон, так как Рамзай не поставил меня в известность о необходимости давать какой-либо доклад.

Основная деятельность Рамзая связана с Оттом; практически он является помощником Отта, а в некоторых отношениях его советником и личным другом. Отт посвящает его во все события. Положение Рамзая в германских кругах напоминает положение его патрона, это известно местным властям и служит укреплению положения его в глазах последних. Результаты его работы в этом отношении Вам известны; надо надеяться на еще больший эффект в ближайшем будущем. В своих мнениях Отт находится под сильным влиянием Рамзая; в этом большую услугу оказывают события, на развитие которых Рамзаю удается открыть глаза Отту все более и более. Отт, по-видимому, играет роль тормоза в особенности против энтузиазма своего местного начальника, личное честолюбие которого должно быть хорошо известно начальникам последнего в Берлине. Отт полностью доверяет Рамзаю, а последний принимает все меры осторожности к тому, чтобы быть абсолютно нейтральным в вопросах взаимоотношения. Сомнения Отта в деле, ради которого он работает, по-видимому, нарастают естественным путем.

Фриц работает в двух местах в настоящее время и в ближайшем будущем будет работать в четырех; он жалуется только на недостаток подлинного ин-

тереса со стороны Висбадена в преодолении трудностей. Вследствие недостатка денег Фриц был не в состоянии открыть свое собственное предприятие по легализации.

Трое наших местных друзей Вам хорошо известны. Относительно № 1 (Написано от руки: «Отто». — *М.А.*) я ничего не знаю, но Рамзай, кажется, доволен его работой. № 2 (Написано от руки: «Ронин». — *М.А.*) подготовил ряд поездок под видом купца-комиссионера по стране с целью возобновления старых связей с патриотами и установления с ними постоянного контакта. Но он не может приступить к работе из-за недостатка денег. № 3 (Написано от руки: «Джо». — *М.А.*), с которым работаю я, также подготовил подобную поездку по стране через надежного друга, не входящего непосредственно в наш круг, но желающего собрать информацию для известной энциклопедии. Таким путем он получит возможность установить многочисленные и разнообразные связи, с помощью которых он сможет получать своевременно предупреждения о развитии будущих событий, он скоро начнет работу. № 3 имеет также и другие обещающие связи и занят возобновлением старых дружественных связей. Он абсолютно заслуживает доверия и медленно, но упорно идет к намеченной цели. Мы возлагаем на него главные надежды в решительный момент.

Мой личный туземный друг, хотя еще и не вовлечен в сферу нашей работы, постепенно обрабатывается для постановки на работу (Написано от руки: «Профессор». — *М.А.*)...

Моя наилучшая связь, о которой вы знаете от Рамзая, скоро вернется; после этого я рассчитываю на хорошую информацию по финансовым и дипломатическим событиям, значение которых все более и более увеличивается.

Мой доклад об общем положении точно также основывается на неполных данных…

Относительно работы Р. я ничего не могу сказать больше того, что он насколько возможно внедряется в доверие своих соотечественников и его дружба с наиболее важными из них становится с каждым днем все более и более интимной. Обещающая активность наших туземных друзей тормозилась до последних дней недостатком денег; то же и со мной. Я медленно углубляюсь в английские круги, но нахожусь еще в стадии подготовки. Я поддерживаю связь с одним из наших местных (туземных) друзей и с другим туземцем, который кажется мне обещающим. Я стараюсь также расширить связи с деловыми кругами. Мы должны быть застрахованы от трудностей, подобных имевшим место в ноябре. Пожалуйста, следите за работой партнеров Фрица, он на них жалуется…»

Не мог не откликнуться на происходившее и «Рамзай». 8 марта он писал Урицкому: «Густав привез из Шанхая 2100 иен и 4657 амдолларов. Пожалуйста, вышлите деньги на легализацию Фрица, как было договорено на следующий банковский счет в Токио: «Токио В. Гонг. Ванг энд Шанхай В. Банкинг Коперейшен». № 58.

Густав доложил, что в Шанхае его вынуждали силой написать доклад о своих рабочих источниках и связях. Ввиду экстраординарного и опасного характера подобного приказа, я должен запросить Вас, правда ли это, что вы дали подобный приказ требовать такого доклада от моего курьера, несмотря на то что между нами уже установлена воздушная связь. № 59. Рамзай.

Густав сообщил, что в Шанхае испортили один фильм. Мои две непроявленные ленты содержали, кроме орготчета, предложений и денежного отчета, детальную информацию о японо-германских переговорах и материалы о развитии новых воздушных сил и т.д. Я не могу повторить их. Я настойчиво прошу Вас принять такие эффективные меры, которые бы раз и навсегда покончили с такой бездеятельностью (безобразием. — Вариант перевода с английского языка, предложенный в 1959 г. М.И. Сироткиным. — *М.А.*). Глупость разрушает результаты месяца нашей работы. Мне жаль, но нам нужна более лучшая работа в Шанхае. № 60. Рамзай».

Действительно, «безобразие» и «глупость»: такую оценку Зорге позволил себе применительно к работе шанхайской резидентуры, которая слепо следовала указаниям Центра. К этой теме Зорге вернулся спустя три недели, 1 апреля: «1/ Испорченная пленка содержала более чем оргписьмо и мои отчеты с августа по 1 января. Вышлите детальное содержание одной хорошей пленки, так, чтобы я мог окончательно восстановить содержание испорченной пленки. 2/ Вместе с пленками я послал письмо и посылку для моей жены. Пожалуйста, передайте ей и то и другое. Пожалуйста, устройте с деньгами для нее из моего содержания и поставьте меня в известность, ожидает ли она ребенка или нет. Извините за личные просьбы подобного рода. №81. Рамзай».

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: «Самый теплый и обстоятельный ответ. С.У. 2.4.36».

15 апреля 1936 года Зорге сообщал, как производил фотографирование документов в германском посольстве: «Прилагаемые снимки являются попыткой фотографирования материала свободной рукой, урывками на лету. Сомневаюсь, чтобы эта попытка была удачной, и все же я в этом усматриваю единственную возможность при нынешних тяжелых условиях получение больше оригинального материала, чем до сих пор.

Содержание двух страниц сводится к следующему:

На запрос, что означают недавние события на границе со стороны Грин Бокс (японский генеральный штаб армии. — *М.А.*) и, последовал успокоительный ответ. О расширении и, в особенности, о военном развитии не может быть и речи. События возникли частично из смешных мелочей. Например, какой-то японский офицер хотел после возвращения [перед возвращением] в Японию осмотреть еще раз район своих действий, ушел слишком далеко вперед, инцидент был готов...

Эти заметки были сделаны Кот (Отт. — *М.А.*) непосредственно после разговоров с Грин Бокс, т. е. в марте мес.».

В январе — начале февраля 1936 г. Зорге сообщил, что «японцы получили от немцев описание и чертежи управления артиллерийским боем на море». Поставленная в связи с этим задача была неожиданна и с учетом имевшейся агентуры невыполнима: «Задание Рамзаю достать их. Важным является проблем точности огня и методы управления огнем в тумане.

Разрешено Рамзаю работа 2 дня: пятница и воскресенье. О посылке в данное время денег из Америки и из Голландии — позже. Покладок».

«Острова, Рамзаю. Выражена благодарность Рамзаю за его информацию. Передан привет от жены. Высказана надежда на еще лучшее использование Рамзаем его связей. Покладок».

Буквально теми же словами, что и Покладок в 1935 г., характеризует Зорге М.И. Сироткин в марте 1936 года: «Внешне впечатление "Рамзай" производил невыгодное: бегающий взгляд, избегающий встречи со взглядом собе-

седника, чрезвычайная суетливость, горячность и поверхностность суждений. Наряду с этим чрезвычайный апломб и развязность.

До июля 1935 года я неоднократно получал и обрабатывал материалы, поступавшие от "Рамзая". 90% всех этих материалов не имели почти никакой ценности как агентурные материалы...

Телеграммы в большинстве характерны тем, что, будучи по форме весьма "важны" и "серьезны", они, если глубоко разобраться, дают более чем "скромную" информацию. Если же сообщается действительно какое-либо важное сообщение (например, о переговорах японцев с немцами), то проверить такое сообщение не представляется возможным, так как оно преподносится с оговоркой: "Об этом знают только двое — я и Отт" (германский посол).

В феврале мес. "Рамзай" сообщил, что Отт привлекает его к шифровке своих телеграмм, не доверяя больше никому. Если это не просто хвастовство, то бесспорно Отт использует "Рамзая" вовсю, либо просто купив, либо пассивно, доведя до ослепления его своим "доверием"...»[44].

Складывается впечатление, что именно Сироткин играл первую скрипку в выведении «Рамзая» «на чистую воду». В марте 1936 г. Сироткин был отправлен на стажировку в Японию по изучению японского языка, однако отношение к оценке работы Зорге не изменилось. Вернее, это отношение было двояким: с одной стороны, положительная оценка его работы, с другой стороны ожидание его неминуемого провала. И это в лучшем случае.

В первой половине апреля в Токио направляется письмо за подписью Артузова:

«ДОРОГОЙ РАМЗАЙ!

1. Я вполне удовлетворен Вашей работой за последние месяцы. Ваше письмо и почту получил в полной исправности.

2. В Ваш город прибывает в ближайшие м-цы наша работница Ингрид, с которой Вы лично знакомы. Центром поставлена Ингрид задача завербовать 1—2 чиновников или офицеров Военмина или Генштаба, которые могли бы освещать нам вопросы подготовки мобилизации, перебросок и сосредоточения войск и военной техники на материк. Всю свою работу Ингрид проводит под Вашим руководством и с Вашей помощью. Вы должны помочь ей в следующем:

а/ в изучении иностранных колоний;

б/ в завязывании связей и

в/ в изучении японского окружения и знакомств с целью выявления возможных объектов вербовки. Однако, и Вам и Ингрид категорически запрещается передавать друг другу связи и использовать одних и тех же источников. Вы оба ответственны за недопущение переплетения этих двух частей организации. Свою легализацию Ингрид проводит независимо от Вас. Ингрид не входит в круг Ваших связей, но заводит знакомства независимо от Вас. В отношении информации Ингрид разрешено делать только устные сообщения военно-политического характера Вам для доклада Центру, никакие другие виды информации не допускаются. Связь Ингрид с Центром осуществляется через Вас; Вы обязаны предупреждать ее заблаговременно об отходе почты и забирать у нее письменные донесения и денежную отчетность для Центра. В денежном отношении Ингрид независима от Вас. Встречи с Ингрид: не более одной встречи в м-ц и при сохранении самой строгой конспирации. Раз-

решается Вам использовать Ингрид в качестве курьера, но не чаще одного раза в полгода.

3. О материалах "Специалиста". Материалы "Специалиста" за 1935 год представляют ценность, поскольку дают дополнительные данные по вооружению японской армии. Специалист хороший источник, необходимо усилить и углубить его использование...

4. Вопросы выяснения и изучения военной техники являются вопросами исключительной важности и должны стоять в центре Вашей работы. Необходимо шире и глубже использовать «Специалиста», который при четкой постановке задач может дать многое.

На ближайший период поставьте перед ним следующие задачи:

1/ Приняты ли на вооружение ручные пулеметы обр. 9 и станковые пулеметы обр. 92. Дать детальные технические данные их. Начата ли замена старых образцов пулеметов новыми, в каких частях и нормы насыщения?

/Н.2. Дайте мне справку, как использованы эти материалы, полученные от Специалиста? СУ/

2/ Технические данные и описание полковой 57 мм. пушки обр. 92, принята ли на вооружение и в каких частях уже имеется?

3/ Технические данные тяжелого гранатомета "89", химического миномета "92" и ручной гранаты "91", а также аппаратов связи ультрафиолетовыми и инфракрасными лучами. В каких частях и в каком количестве имеются эти средства?

4/ На вооружение каких частей приняты 25 мм. пушка Гочкис и 20 мм. пушка Эрликон и в каком количестве имеются?

5/ В каких частях и в каком количестве состоят на вооружении огнеметы? Технические данные газомета, состоящего на вооружении?

6/ Имеются ли в артполках дивизий 75 мм. пушки обр. "90" и 105 мм. гаубицы и в каком количестве?

7/ В каких частях конницы имеются тачанки и в каком количестве?

8/ В каких частях и в каком количестве имеются электрические походные кухни и технические данные их?

9/ Типы танков и бронемашин, состоящих на вооружении армии в настоящее время и техническая характеристика их.

Все эти вопросы по военной технике включите в план работы, поставьте в четкой форме перед "Специалистом" и примите все меры к разрешению их.

4. Вопросы выяснения и изучения военной техники являются вопросами исключительной важности и должны стоять в центре Вашей работы. Необходимо шире и глубже использовать «Специалиста», который при четкой постановке задач может дать многое.

5. Я сообщил Вам телеграфно о необходимости использования Отто для выяснения средств новой техники армии страны Отто /назовем "Белой Землей" (Германия. — Прим. *М.А.*)/. («Речь идет не об "Отто", а о германском ВАТ Ойгене Отт». — *М.А.*).

Задание по наиболее важным вопросам сообщено Вам по воздуху. По технике армии "Белой Земли" необходимо постараться выяснить следующие вопросы:

а/ От какого газа погиб профессор Обермюллер, профессор Шоршнит и еще 2 химика? Состав газа и где проводились опыты?

б/ Где производит опыты с отравляющими веществами профессор Wirth?

в/ Где находятся опытные лаборатории "И.Т. Фарбениндустрие", в которых испытываются отравляющие вещества?

г/ Какие изобретены газы, пробивающие современные противогазы и их состав?

д/ Какие существуют в Германии химические батальоны и чем они вооружены?

е/ Какая материальная [часть] стоит на вооружении и на испытании в частях ПВО по следующей номенклатуре: центральные приборы управления огнем, прожектора, звукоулавливатели, посты оповещения и др.?

ж/ Какие моторы по 880 л.с. будут установлены на самолете Хейнкель «НЕ III», на каких заводах строятся ?..

6. Ваша смета:

а/ согласно утвержденной сметы 1.1.36 г. — 1.7.36 ....6640 а.д.

б/ выслано Вам с января по апрель .... 3800 --//--

в/ послано сейчас в апреле ....2840 --//--

Имеете получить в конце апреля 2840 ам. дол. Ваша смета исчерпана по 1.7.36 г.

7. Оценка Ваших материалов будет выслана следующей почтой.

8. В ближайшем будущем Вы будете иметь встречу с нашим ответственным работником из Центра, с которым Вы сможете разрешить все интересующие Вас вопросы.

ЖЕЛАЮ УДАЧИ В ВАШИХ ДЕЛАХ. ПРИВЕТ

Прилагаю письмо от жены.

З.Д. Р. 11.IV.36 — от руки

11 апреля 1936 г.

№ 1».

Что же касается обширного перечня задач, которые ставились перед резидентурой, а, если конкретно, то перед «Специалистом» и самим Зорге, то они были в подавляющем большинстве случаев невыполнимы, а попытка их выполнить вела к провалу.

Предупреждая Зорге, что в ближайшем будущем он будет «иметь встречу с нашим ответственным работником», Центр имел в виду Л.А. Боровича — «Алекса», старого знакомого Зорге. Борович под фамилией Лидов был назначен региональным резидентом в Шанхай по руководству резидентурами в центральном Китае и Японии под прикрытием помощника завотделением ТАСС в Шанхае.

Провал «Абрама» в Шанхае по-прежнему связывался с «Рамзаем». И в этом, как и прежде, преуспел начальник 7-го отделения 2-го Отдела полковник Покладок. 21 апреля 1936 года он подготовил «Выписку из материалов расследования по шанхайскому делу»:

«ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАМЗАЯ В ШАНХАЕ.

Рамзай руководил этой резидентурой несколько лет и допустил ряд ошибок в подборе кадра источников, в построении сети и в организации связи с источниками. Была создана весьма громоздкая, крайне расплывчатая сеть, состоявшая преимущественно из китайцев-партийцев, набранных через ки-

тайский партийный комитет, или близких к партии лиц, которые несомненно находились под постоянным наблюдением иностранных разведок. Сеть была засорена непроверенными людьми, из 90 источников работали 5—6, а остальные были неработающим балластом.

Рамзай сам производил вербовки у себя на квартире и тут же принимал своих источников, а потому очень многие знали и его настоящую фамилию, и адрес.

Ряд других моментов указывал на то, что Рамзай и, вероятно, часть сети его известны полиции:

А) Наш радист Зеппель был предупрежден знакомым английским полисменом о том, чтобы он держался подальше от Рамзая, который является агентом Коминтерна.

Б) Требование английской полиции к госпиталю о выдаче им советского агента Рамзая, который лежал там с переломом плеча.

В) Заявление кельнерши Римму о том, что Рамзай является советским разведчиком: «Об этом знает весь Шанхай».

Г) Выполнение Рамзаем обязанностей субредактора коммунистической газеты «Чайна Форум», что раскрывало его перед полицией.

Д) Засорение сети японской агентурой /Каваи — корресп. газ. «Асахи» и др./.

Е/ Использование для связи с Рамзаем от Шанхая /Джон и др./ лиц, подозреваемых в качестве советских агентов».

Обвинения в адрес «Рамзая» были практически полностью воспроизведены в уже цитируемом «Заключении по шанхайскому провалу 1935 года» полкового комиссара П.В. Воропинова от 5 мая 1936 г.

Комментарий по поводу выдвинутых обвинений, уже давался. Однако на основе этого и подобных документов готовились далеко идущие предложения, которые нашли свое отражение в «ДОКЛАДЕ о состоянии 2-го отдела на15 мая 1936 г.» начальнику Разведупра комкору Урицкому:

«К началу 1936 года 2-ой Отдел фактически не располагал никакими легальными и нелегальными резидентурами и агентурой за рубежом (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

Маньчжурская легальная резидентура ввиду проникновения в ее сеть провокаторов была ликвидирована. Нелегальная резидентура "Вальдека" разрабатывалась японцами и была ликвидирована, а резидентура Абрама была провалена и, с арестом Абрама, пришлось ликвидировать полностью всю Шанхайскую резидентуру, всю Тяньцзинскую резидентуру «Пауля» и четыре отдельные резидентуры, созданные по линии Абрама в Японии /"101", "501", "902" и «Учитель» /.**Единственно, что к этому времени сохранилось, это резидентура "Рамзая" в Японии**.

Оперативная работа Отдела...

Перед Отделом стоит задача не только создание резидентур легальных и нелегальных на территории Японии и Китая, но и создание в целом ряде пунктов земного шара вербовочных, паспортных, связных и перевалочных резидентур, а также резидентур, в задачу которых входит подготовка легализации нелегальным работникам 2-го Отдела.

ЯПОНИЯ

Резидентура Чона /схема №7/

За последние два месяца резидентура Чона сильно ограничена в возможности ведения работы по легальной обработке прессы и других легаль-

ных материалов ввиду ареста всех японских переводчиков. Чону за последние полгода отправлено 6 командиров-лингвистов и 7 японских переводчиков. Это мероприятие должно дать возможность Чону обработки легальной прессы по всем вопросам и задачам, поставленных ему. Агентурных начинаний у Чона не имеется, ибо до сего времени ему такие задачи не ставились.

Резидентура Аякса /схема №8/

Резидентура не ведет никакой практической агентурной работы уже в течение года. Какие-либо существенные информационные материалы от резидентуры также не поступают. Резидентура сумела сохранить в состоянии консервации две группы "Бедняка" и "1534".Для принятия этих групп предполагался посланный в свое время на острова "501", которая в связи с провалом Абрама была снята. Для принятия этих групп подготовлен квалифицированный резидент "Роберт" с радистом "Локней", которые выедут в Японию после выяснения у "Бедняка" целого ряда вопросов.

Несмотря на весьма тяжелые условия, в которых пребывают наши работники в Японии, возможность создания там агентуры не только из европейцев, но и из японцев абсолютно возможна. Успех этого дела зависит исключительно от индивидуальных качеств самого резидента. Приходится констатировать, что тов. Аякс не оказался на высоте положения и не сумел использовать наличие возможности и того положения /заведующего пресс-бюро полпредства/, которое он занимает в течение долгого времени. Задача Отдела максимально скорее подготовить и отправить легального резидента в Токио вместо тов. Аякса.

Резидентура Хасимото /схема №9/

В Сеул вместо тов. Мальцева отправлен старый работник Разведупра Хасимото. В ближайшие дни к нему выезжает японист тов. Иванов. Резидентура имеет задачу изучения агентурной обстановки, наводку и обработку прессы. Каких-либо достижений резидентура не имеет.

Резидентура Рамзая (схема №10)...

Достоинство резидентуры — серьезная и своевременная информация о положении в Японии и о перебросках, а также хорошо налаженная радиосвязь с Центром. Посланный пять месяцев назад в Японию радист Фриц работает лучше прежнего радиста тов. Бернгарта. Резидентура имеет целый ряд других ценных возможностей по линии своих источников, которые, однако, используются Рамзаем мало эффективно. Точного представления как используются источники Отдел не имеет и внести ясность в этот вопрос удастся не ранее того, как тов. Алекс увидится с Рамзаем.

Крупнейшим минусом резидентуры является прошлое самого резидента. Рамзай в прошлом активный член немецкой партии. Был в прошлом резидентом РУ в Шанхае, где его знали целый ряд наших китайских агентов, агенты — европейцы и мало — конспиративные элементы типа Агнес Смедли. По некоторым сведениям, Рамзай был также редактором левого журнала в Шанхае. При таком прошлом существует опасность его провала. **Задача Отдела подыскать замену Рамзая с тем, чтобы постепенно перенять у него все, что им создано вплоть до источника "Кот"** (Отт. — *М.А.*), **если это удастся. Таким кандидатом Отдел на сегодняшний день не обладает и нуждается в помощи Управления. Замедление в подготовке и отправке резидента, могущего заменить Рамзая, может привести к тому, что в случае провала Рамзая все созданные им связи будут потеряны.**

Резидентура Рамона в Шанхае (схема № 11)

Резидентура состоит из резидента Рамона и его помощника "Биль". В ближайшее время к Рамону отправляется техник Ганс. До конца года Рамону будет послан также и радист. Резидентура существует только лишь три месяца. Задача резидентуры руководить группой "Бедняка" и "1534", также наладить связь с Рамзаем. Кроме того, организации работы на Японию. В начале мая получены сведения о разработке Рамона полицией. Сведения не ясны и еще не установлено, имело ли действительно место разработка со стороны полиции или же шантаж со стороны окружения Рамона. По уточнении, будет решен вопрос дальнейшей судьбы Рамона.

КИТАЙ

Легальная резидентура Бориса (схема №12)

Резидентура по своему количественному и качественному составу очень сильная. Имеет все данные и возможности для освещения целого ряда вопросов по Китаю и японской политике в Китае через легальные возможности, также ведение работы по наводкам и даже вербовкам. До сих пор задачу по обоим пунктам выполняла не плохо. С приездом в Шанхай тов. Алекса использование всего личного состава резидентуры по оперативной линии будет более эффективно, чем до сих пор.

Нелегальная резидентура Гарри (схема №12)

Состоит из резидента Гарри, техника и помощника резидента тов. Эрнст и прибывшего 8 мая в Шанхай радиста резидентуры тов. Клейн. Задача резидентуры: поддержание связи с источниками №209 и №210. Тов. Алексу предложено продумать возможность передачи вышеупомянутых источников кому-либо другому, а Гарри использовать по комбинации с "Лиду". Вопрос этот находится в стадии решения».

Доклад уже в первых строчках содержал искажение действительного положения вещей. Так, утверждалось, что «к началу 1936 года 2-ой Отдел фактически не располагал никакими легальными и нелегальными резидентурами и агентурой за рубежом». И далее сообщалось, что такая резидентура была и давала «серьезную и своевременную информацию о положении в Японии и о перебросках». Таким образом, к началу 1936 года 2-й Отдел фактически располагал единственной нелегальной резидентурой, и это была нелегальная резидентура «Рамзая». Что касается легальных резидентур, то таковых фактически не было. Агентура, состоявшая на связи с легальными резидентурами в предыдущие годы, сохранилась (по крайней мере, на бумаге), но связь с ней по ряду причин была прекращена. В дальнейшем будут предприняты попытки восстановить с ней связь. В существовании заявленных агентов еще предстояло убедиться.

Еще один важный вывод: заменить «Рамзая» было некем. Можно было только рассуждать о возможной передаче источника «Кота» — Ойгена Отта, кому-то другому. Источники Зорге нельзя было передать никому другому, так как они строились на личной основе.

Все попытки найти «Рамзаю» замену ни в 1936-м, ни в последующие годы, ни к чему не привели. Он продолжал работать весьма результативно, что невозможно было не признать: вспомним хотя бы шифртелеграмму от 17 мая, в которой говорилось про интерес к материалам «Рамзая» со стороны «старшего любимого шефа» — Сталина.

В мае 1936 года почте «Рамзая» была дана следующая оценка:

«Всего получено 12 отдельных материалов.

1. Подготовка гражданского населения и молодежи. Доклад содержит подробные данные о системе военной подготовки гражданского населения и молодежи; заслуживает внимания. Учтите, что общие установки о военизации населения нам известны, поэтому в дальнейшем поторопитесь получить:

а/ подлинные отчеты туземцев по вопросам военизации и подготовки населения и молодежи;

б/ доклады иностранных представителей по тем же вопросам и

в/ подлинные документы /инструкции, программы, директивы Воен. Министра и, главным образом, секретные/, описания учений и маневров учащихся и молодежи.

2. Четыре брошюры на японском языке, характеризующие борьбу группировок в армии. Кроме того, две брошюры переведены на немецкий язык и названы "Проблемы реорганизации японской армии". В будущем весьма желательно получение подобных нелегальных и полулегальных брошюр, характеризующих политико-моральное состояние и быт японской армии.

3. Германо-японское сотрудничество против СССР. Материал представляет содержание телеграмм о японо-германских переговорах, присланных Вами в январе-феврале с. г. Новых данных по сравнению с телеграммами в них нет. Необходимо в будущем внимательно следить за ходом японо-германских отношений, особенно в области военного сотрудничества и обмена в области военной техники и своевременно нас информировать.

4. Внешняя политика Японии в 1935 г. Доклад о внешней политике Японии имеет общий характер журнальной статьи, написанной на основе общеизвестной легальной литературы. Для нас ценности не представляют подобные доклады общего характера. В будущем необходимо обратить внимание на разработку вопросов, касающихся секретных отношений дипломатического и военного характера Японии с другими странами.

5. Дайренское совещание. Материал представляет интерес, в нем дается характеристика позиций виднейших японских военных деятелей в вопросах японской политики в Сев. Китае. Получение в будущем подобных материалов желательно.

6. Положение на севере Китая. Доклад составлен в декабре 1935 г. на основании газетных сведений, представляет только исторический интерес. Необходимо сосредоточить все внимание на получение более свежих документальных данных, касающихся деятельности Японии в Северном Китае /доклады иностранных представителей, сводки, копии донесений и т. д./.

7. Маньчжурские проблемы. Материал в кратких чертах характеризует современное положение Маньчжурии, но в слишком общих чертах. Материал новых данных не дает. В будущем обратить особое внимание на развертывание японской армии в Маньчжурии и на ее перевооружение; следует организовать получение материалов по этим в настоящее время актуальным вопросам.

8. О группировках во флоте и движении на Юг. Доклад дает представление об установках японского флота на агрессию на Юг и о группировках во флоте. Заслуживает внимания. В будущем необходимо получить дополнительные данные о группировках во флоте, их состав, кто руководит, их цели и

задачи. Необходимо обратить особое внимание на выяснение вопросов техники во флоте и обмена техническим опытом с Германией».

Одновременно была дана оценка телеграфной информации, а также выполнения поставленных ранее задач и сформулированы очередные задания: «Январь-апрель 1936. Телеграфная информация: Прислано информационных телеграмм 40; содержание их: Токийские события 26—29 февраля, оценка событий на Монгольской границе, политика генштаба в Маньчжурии и Монголии, о войне с СССР, о новых самолетах, о гаубизации артиллерии, о действиях РККА, о германо-японском соглашении, о турецких заказах Японии и об отправке войск на материк.

Прислано организационн. телеграмм — 28; содержание их: о посылке денег из Центра, о коде, о связи, о приезде жены Фрица, о фотопленках, о докладе Густава, о поездке в Хайлар, о посылке денег жене Жиголо. Телеграфная информация была своевременной и достаточно содержательной, за что была выражена благодарность.

1. Достать чертежи и схемы приборов управления арт. боем во флоте, переданных немцами японцам. Задание не выполнено, Р. сообщил, что выполнить не может.

2. О выяснении заказа турок японцам на подводные лодки и артиллерию в Осаке. Ответил весьма неконкретно, сообщив о работе японцев в Малой Азии, в том числе и в Турции.

3. Выяснить состав газа от которого погиб Обермюллер, Шершнит и еще два химика и где производились опыты.

4. Выяснить место работы докт. Вирта.

5. Сообщить, какие пушечные самолеты строятся на заводах Мицубиси и Накадзима: Девуатин или свой японский. Их чертежи и описание. Достать детали самолета Хенкель, его вооружение и экипаж. Строятся ли пушечные моторы Испано Сюиза и какие пушки устанавливаются на японских самолетах. Сообщить данные пулем. 92 и конструкцию аппарата для связи ультрафиолетовыми инфракрасными лучами».

Как и ранее, Центр не принимал во внимание возможности Зорге и его агентуры, ставя в подавляющем большинстве случаев невыполнимые военно-технические задания.

8 мая 1936 г. Зорге ответил на запрос Центра, для каких газет он пишет корреспонденции: «Я пишу для следующих германских газет: «Альгемайн Гандельсблатт» (Algemein Handels Blatt. — *М.А.*), «Амстердамс Гамбургер Фремденблатт» (Amsterdams Hamburger Fremden Blatt. — *М.А.*), а теперь я начал писать также в «Франкфуртер Цайтунг» (Frankfurter Zeitung. — *М.А.*). Я пишу для месячного журнала «Геополитик», но не очень часто, и все 6 недель для еженедельного журнала «Дер Дейтше Фельксвирт» (Der Deutche Volkswirt. — *М.А.*). Не пользуйтесь критическими статьями. № 112. Рамзай».

[РЕЗОЛЮЦИИ]: «Н2 — Подобрать мне эти статьи. СУ 9.5.36.

Н2. Переговорить со мной. А. 9.V.36.

т. Гудзь. т. Покладок.

Необходимо наладить получение газет и контроль за статьями Рамзая.

К. 9.V.

Сделана выписка для заявки на газеты.

Покладок.

10.5.36».

Зорге сообщал, что не является штатным сотрудником вышеперечисленных германских газет и журналов. Особое значение он придавал аккредитации в качестве штатного сотрудника в газете «Франкфуртер цайтунг», которым так и не стал: публикации на страницах этого печатного органа могли сделать и сделали ему имя. Сотрудничество с этой газетой, даже на внештатной основе, давало ему полномочия для сбора информации. Это был осознанный и продуманный выбор.

«Франкфуртер цайтунг» была основана в 1856 году на основе ярмарочного бюллетеня, существовавшего во Франкфурте. После основания Германской империи в 1871 году «Франкфуртер цайтунг» стал органом либеральной внепарламентской оппозиции, представлявшей мелкую и среднюю буржуазию. Тираж «Франкфуртер цайтунг» составлял около 70 тысяч экземпляров. 40% читателей этой утренней газеты составляли представители финансовых и промышленных кругов, 30% — чиновники государственного аппарата Германии и 20% — люди так называемых «свободных» профессий[45].

Редакция газеты видела свое предназначение в создании «свободного, демократического социального общества». Победу национал-социалистской рабочей партии (НСДАП) журналисты приняли в штыки. «Движущая сила, из которой национал-социалисты черпают энергию, создана в огромной части из подлейшего и ничтожнейшего из всех инстинктов — антисемитизма», — писала «Франкфуртер цайтунг» 31 января 1933 года. Газета категорически не приняла и Гитлера.

Считается, что в нацистской Германии «Франкфуртер цайтунг» был единственным печатным органом, неподконтрольным Министерству пропаганды и его шефу Йозефу Геббельсу. Нацисты не торопились закрывать либеральную газету. Это произошло только в 1943 году.

Но как в условиях безраздельной власти НСДАП могла существовать газета, не принимавшая национал-социалистской идеологии и лично Гитлера? Как могла регулярно выходить газета, которая вызывала приступы бешенства у Геббельса, который писал в своем дневнике: «Этот грязный листок больше не подлежит использованию» (22 октября 1936 года).

Перелом в редакционной политике завершился, скорее всего, в январе 1937 года. К этому времени газете пришлось отказаться от сотрудничества с публицистами еврейского происхождения Сигфридом Кракауэром и Вальтером Беньямином.

«С доктором Дитрихом (рейхсляйтером, заведующим отделом печати НСДАП, обергруппенфюрером СС, публицистом и журналистом. — *М.А.*) обсуждал "Франкфуртер цайтунг". У нее так много авторитетных читателей за границей. Мы хотим ее временно сохранить, но редакцию полностью перестроить и вышвырнуть оттуда испорченных типов», — записал Геббельс 2 февраля 1938 года. Нацисты решили сохранить единственный влиятельный канал, чтобы манипулировать мнением Запада и формировать там «правильные» представления о своем режиме.

«Усилие противостоять приобщению к господствующей идеологии нигде не проявилось так сильно, как в истории газеты «Франкфуртер цайтунг», которая до самого конца стремилась сохранить свое лицо и свой собственный голос», — писал историк Петер де Мендельсон.

Однако «сохранение лица» проходило в рамках правил, установленных Министерством народного просвещения и пропаганды, то есть Геббельсом.

В немалой мере выживанию газеты способствовало то обстоятельство, что она считалась рупором могущественной компании «ИГ Фарбен» — крупнейшего не только в Германии, но и в Европе химического концерна, в чью собственность «Франкфуртер цайтунг» перешла с начала 1930-х годов. Используя сосредоточенный в ее руках экономический потенциал, «ИГ Фарбен» во многом определяла политику германского правительства.

«Фюрер решил, что "Франкфуртер цайтунг" должна быть закрыта. Я приму соответствующие меры. Вообще-то жалко, что этой газеты не станет, но решения фюрера всегда правильные», — записал Геббельс в дневнике 2 июля 1943 года. «Франкфуртер Цайтунг» была ликвидирована с 1 сентября.

Несмотря на регулярную публикацию во «Франкфуртер цайтунг» многочисленных и содержательных материалов, солидные рекомендации и предпринимаемые усилия Зорге так и не смог в течение всего пребывания в Японии стать ее штатнымсотрудником. В этом плане интерес представляет письмо Оскара Штарка, возглавлявшего в то время редакционный совет «Франкфуртер цайтунг», в ответ на запрос МИДа Германии в ноябре 1941 года в отношении Зорге и его сотрудничества с газетой.

Письмо интересно не только тем, что раскрывает характер взаимоотношений с газетой, некоторые аспекты деятельности Зорге, те трудности, с которыми он сталкивался, и пути их решения, но и является объективной характеристикой «крышевой» работы Зорге, как журналиста:

«До марта 1936 года мы совершенно ничего не знали о жизни г-на Зорге в Токио. В марте мы получили от него письмо, датированное 4 февраля 1936 года и адресованное главному редактору д-ру Кирхнеру в Берлин. В этом письме г-н Зорге сообщал, что некоторые люди в германском посольстве в Токио обращали его внимание на тот факт, что у нашей газеты нет своего корреспондента в Японии, и потому он взял на себя смелость спросить, не будем ли мы заинтересованы в том, чтобы время от времени получать от него материалы по вопросам политики, экономики и общих тем, касающихся Японии и Маньчжурии. В случае если нам необходимы личные рекомендации, он перечислил следующих людей, готовых предоставить их нам: посол Дирксен и полковник Отт — военный атташе германского посольства в Токио. К письму была приложена статья.

4 марта г-н Зорге, до сих пор не получивший ответа, отправил нам другую статью с кратким пояснительным письмом к ней. В своем ответе, датированном 4 апреля 1936 года, газета утверждала, что была бы рада, если бы г-н Зорге продолжил работу на нее, но просила высылать как можно больше статей описательного характера о Японии, если это возможно. Никаких других договоренностей больше не было. Время от времени г-н Зорге присылал свои статьи на разные темы, включая и некоторые весьма специфические, что высоко ценилось нашей редакцией. В письме, датированном 7 октября 1936 года, г-н Зорге сообщил, что подпись, которую мы выбрали для его статей — "от нашего корреспондента", его не устраивает и что он просит нас или отказаться от подписи вообще, или же выбрать какую-то другую, более обычную ссылку. Тогда газета ответила, что согласна была бы считать его своим корреспондентом, но сможет сделать это только в том случае, если будет уверена, что он состоит в Германской ассоциации прессы. Позднее, 4 марта 1937 года, газета узнала от г-на Зорге, что он обратился с просьбой о приеме его в члены Ассоциации прессы, но что это дело долгое и требует време-

ни. Здесь не было никаких трудностей объективного характера, и потому до окончания всех формальностей было бы разумно считать его сотрудником, а не корреспондентом. 28 марта 1937 года г-н Зорге сообщил, что для того чтобы ускорить свое вступление в Ассоциацию прессы, он обратился в германское посольство в Токио с просьбой помочь ему, снабдив некоторыми бума гами (он считался немцем, живущим за пределами Германии), и что посольство любезно обещало ему свою поддержку. Много времени спустя, 14 марта 1940 года, газета узнала, что г-н Зорге принят в Германскую ассоциацию прессы в качестве журналиста.

Что касается каких-либо отношений контрактного характера между газетой и г-ном Зорге, можно сказать, что их не существовало. Более того, газета не запросила ни одной рекомендации из списка, перечисленного г-ном Зорге в феврале 1936 года, будучи уверенной, что г-н Зорге не стал бы перечислять этих людей, не будучи уверенным, что сможет получить их рекомендации. В ходе переписки с ним также выяснилось, что он часто посылает статьи в Германию через посольство. Более важным, однако, было впечатление, полученное и от переписки с г-ном Зорге, и от его журналистских работ, а именно, что он весьма серьезная и вдумчивая личность, одаренная как пониманием тонкостей газетной работы, так и политической проницательностью. Вдобавок из бесед с людьми, вернувшимися из Японии, стало ясно, что Зорге действительно пользуется глубоким уважением в посольстве и считается одним из самых информированных людей в Токио.

Однако никакого соглашения, которое повлекло бы более близкие отношения с г-ном Зорге, не заключалось. В нескольких письмах ему дали понять, что его работы высоко ценятся в редакции. Он не получал какой-либо фиксированной оплаты, а лишь гонорар за каждую статью и телеграмму в отдельности. Телеграфных репортажей после начала войны стало больше. В июне 1941 года мы узнали, что г-н Зорге понес некоторые траты, когда ездил по делам газеты, и потому впоследствии он получал некоторую сумму на расходы, что давало ему возможность передвигаться более свободно в интересах газеты, ожидая окончательного решения вопроса сотрудничества с газетой.

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что до самого последнего времени г-н Зорге не являлся сотрудником «Франкфуртер цайтунг» ни в юридическом, ни в официальном смысле. Тесные связи, сложившиеся за прошедшие годы, можно было приписать исключительно качеству его материалов. За все те годы, что прошли с его самых первых писем, газета никогда не наводила справки о нем, но г-н Зорге перечислил все рекомендации лишь в этих своих письмах. Любая устная информация, полученная нами позднее, лишь подтверждала наше впечатление о нем, как о человеке, пользующемся уважением и полным доверием в германском посольстве в Токио.

Все эти данные взяты нами из наших архивов, и они исчерпывающие, поскольку ничего больше в архивах нет»[46].

Просьба Зорге, адресованная к главному редактору, снять с его статей подпись «от нашего корреспондента» (что не соответствовало действительному положению вещей), являлась элементом шантажа, желанием подтолкнуть руководство газеты к включению его в штат «Франкфуртер цайтунг». Этого не произошло, невзирая на предпринимаемые «Рамзаем» усилия.

Нельзя сказать, что элементы описательного характера отсутствовали в материалах Зорге, «но они никогда не приобретали определяюще-жанрово-

го значения, оставаясь связующими кирпичиками в чисто логических системах доказательств»[47]. Умел или не умел Зорге давать «наглядные описания», сказать трудно. «Многие говорят, что устные рассказы этого очень общительного человека бывали темпераментны, захватывающи и пластичны. Этими же качествами отличался в общении с друзьями и знакомыми Одзаки Ходзуми, но о нем известно наверняка, что репортер из него не получился. Один высокопоставленный сотрудник газеты "Асахи" тех лет, когда Одзаки был принят туда в отдел городских новостей, вспоминал впоследствии, что у будущего автора выдающихся книг по экономическим, политическим и социальным проблемам Китая репортерские данные так и не проявились: "как его чутье к газетной новости, так его стиль были совершенно безнадежными", а то, что он писал — "однообразно посредственным". Журналистский талант Одзаки был признан лишь после того, как его перевели в отдел аналитических статей»[48].

В 1939 году в Токио была прислана в качестве специального корреспондента «Франкфуртер цайтунг» работавшая до этого в Китае д-р Лили Абегг, убежденная нацистка, что усложнило задачу Зорге по получению аккредитации корреспондента этой газеты.

Оценивая статьи Зорге, следует иметь в виду, что они подвергались более или менее интенсивной правке и печатались с сокращениями и редакционными изменениями в духе требований Министерства народного просвещения и пропаганды. Этот факт подтвердил бывший сотрудник редакции «Франкфуртер цайтунг» д-р Пауль Зете: «Действительно, все статьи каждого автора, разумеется, проверялись по таким аспектам, которые могли послужить поводом для вмешательства министерства или партии. Даже в условиях этого режима редакция всегда претендовала, в определенных рамках, на некоторую свободу, в противном случае существование «Франкфуртер цай тунг» потеряло бы всякий смысл... В отношении Зорге мы чувствовали себя обязанными пойти на риск и сохранить меру деловитости и беспристрастности, присущую публикациям... Статьи Зорге я редактировал сам, за исключением тех периодов, когда выезжал из Франкфурта... Не думаю, чтобы Зорге получал от нас высокие гонорары, поскольку сотрудничал с нами лишь по совместительству. Пожалуй, Зорге работал на нас не из материальных соображений. Я склонен думать, что он, во-первых, искал возможность высказать мысли, которые обычно был вынужден держать при себе, а во-вторых, хотел иметь дополнительные полномочия в процессе сбора информации... Зорге я ценил как человека с большим запасом знаний, ценил деловитость, объективность и точность стиля его работы. За эти качества он снискал себе признание многих других специалистов, не имевших к газете отношения»[49].

«В силу придававшегося газете международного значения производной от этого статуса была определенная ненормативность, известная нейтральность языка международных материалов "Франкфуртер цайтунг", и, может, это она привела и ввела на страницы этого печатного органа Рихарда Зорге с его спокойной манерой разработки самых вопиющих тем»[50].

Из работ, относившихся к токийскому периоду деятельности Зорге выявлено, 163 статьи из «Франкфуртер цайтунг», в том числе 7 статей были опубликованы в 1936 г., 25 — в 1937 г., 32 — в 1938 г., 6 — в 1939 г., 44 — в 1940 г. и 49 — в 1941 г.[51].

Не став штатным сотрудником, Зорге все же добился того, что воспринимался не только окружавшими его людьми, но и в официальных инстанци-

ях (в МИДе, Главном управлении имперской безопасности и т. д.) как «представитель газеты "Франкфуртер цайтунг"». Иначе и не могло быть — ссылки в статьях Зорге — «от нашего корреспондента» — присутствуют в большинстве его статей.

Помимо публикаций во «Франкфуртер цайтунг» было обнаружено 16 статей, принадлежавших перу Зорге, в «Дойче гетрайде-цайтунг», 11 — в «Цайтшрифт фюр геополитик» и 8 экономических обзоров — в «Дойчер фольксвирт», а также по одной статье в журналах «Ди вермахт» и «Цайтшрифт фюр политик»[52].

Из найденных рукописей статей Зорге для журналов «Цайтшрифт фюр геополитик» и «Дойчер фольксвирт», а также из справок, полученных от бывших ответственных редакторов газет и журналов, следует, что его статьи почти не подвергались редакционной обработке. Так, бывший главный редактор «Цайтшрифт фюр геополитик» Курт Фовинкель писал: «Время от времени Зорге присылал рукописи профессору Хаусхоферу в Мюнхен; оттуда я затем раз в месяц получал все материалы для очередного номера... Хаусхофер ни когда не правил рукописи, я изредка лишь слегка подправлял стиль»[53].

2-й отдел, поставив перед собой задачу «подыскать замену Рамзаю», в переписке за подписью руководства Разведупра — Урицкого и Артузова — продолжал называть его «дорогим», не допуская у Зорге и тени сомнений в том, насколько высоко Центр ценит его работу. 15 мая 1936 года в Токио через Шанхай было направлено очередное организационное письмо Зорге:

«Дорогой Рамзай.

Это письмо я посвящаю некоторым конкретным замечаниям, касающихся наиболее, на мой взгляд, актуальных вопросов.

Важнейшими сторонами Вашей работы, от которых зависит дальнейший ее успех, являются:

а/ прочное укрепление Вашего положения в кругах Кота и, в частности, углубление Ваших отношений с ним лично. Этому участку Вашей работы мы придаем исключительное значение. Присланные Вами материалы из фирмы Кота представляют для нас несомненный интерес. Кроме того, они создают уверенность в том, что Вам и в дальнейшем удастся получить от Кота, а, возможно, и его главного хозяина еще более важные документы и сведения. Однако мы должны напомнить Вам о соблюдении двойной осторожности в отношениях как с самим Котом, так и с его родственниками.Вы ни в коем случае не должны недооценивать активной работы нацистов по доскональной проверке всех членов колонии и наблюдения за отдельными ее членами. В связи с этим малейший промах с Вашей стороны в делах с Котом или с кем-либо из его окружения может сразу же вызвать подозрение в отношении вас, этим самым поколебать доверие к Вам.

Именно поэтому мы выражаем большую тревогу в связи с просьбой выслать Вам специальный фотоаппарат. Вам надо иметь в виду, что простое обнаружение такого аппарата кем-либо из посторонних лиц может поставить Вас под удар, ибо самому неискушенному человеку ясно, что такого рода аппараты используются для весьма узких целей. Памятуя, что Вы ни в коем случае не должны увлекаться Вашими, действительно, заметными успехами в области проникновения в круги Кота, Вы должны спокойно, без излишней нервозности, с соблюдением строгой конспиративности проводить работу

в этих кругах, непрерывно укрепляя созданную Вами базу легализации. Нет нужды подвергаться такому исключительному риску даже из-за тех материалов, которые Вам удавалось получать от Кота. В том случае, если в Ваши руки попадет документ исключительной важности, целесообразнее с ним внимательно ознакомиться с тем, чтобы сообщить нам его содержание /если, конечно, нельзя будет этот документ получить в длительную обработку/. Продумайте еще раз вопрос о применении аппарата, по возможности, подробно опишите обстановку, в которой Вы думаете его применить, а также укажите, какие документы попадают к Вам в руки на короткий срок. После ознакомления с этими данными мы по телеграфу сообщим Вам наше решение. До этого момента ни в коем случае не применяйте посылаемый Вам аппарат, а лишь займитесь его техническим освоением, так как он требует исключительно высокой сноровки при работе с ним. Храните его как можно конспиративнее.

...

Прошлой почтой мы сообщили Вам наиболее актуальные задания. Возможно, что при выполнении этих заданий Вы встретились с большими затруднениями. Допускаю, что наши задания могли оказаться слишком сложными для Ваших людей. Причина такого разрыва между Вашими возможностями и нашими требованиями заключается в том, что до сих пор мы не имеем ясного представления о людях Вашей фирмы и их конкретных возможностях. Без внесения ясности в это дело мы с Вами указанного противоречия не устраним. Я убедительно со всей серьезностью Вас прошу с ближайшей же почтой подробно, отдельно по каждому Вашему источнику, указать, какие возможности имеются по линии добычи документов, серьезной информации и изучения объектов по солидным вербовкам. Кроме того, прошу Вас учесть, что ценность материала значительно возрастает при условии, что нам точно известны источники его получения. Тоже самое касается и устной информации. Поэтому прошу не только в письмах, но и в телеграммах упоминать об этом.

В первую очередь, нас интересуют сведения о реальных возможностях специалиста и Отто. Между прочим, если у специалиста будут возможности достать номера того бюллетеня (который он в свое время доставал) за 1936 г., то пусть он эти возможности реализует (номера за 1935 г. нас не интересуют).

Среди перечисленных Вами ранее различных кругов и возможности работы по ним наибольший интерес представляют:

а/ Ваши личные возможности по япам. Особенного внимания заслуживают офицеры, фашисты. Было бы желательно, чтобы Вы осторожно нащупали среди них людей (так наз. молодые офицеры), искренне настроенных против финансового капитала и подвергшихся в той или иной степени репрессиям в связи с февральскими событиями (конечно, если эти лица не были в них активно замешаны) с тем, чтобы выяснить возможности к вербовке кого-либо из них на идейной почве.

б/ Ваши личные возможности по голландцам. Среди них следует подыскать наилучшую кандидатуру для вербовки с целью получения "почтового ящика", крыши, сапог.

в/ Возможности Отто и специалиста. Первого по МИДу и военным работникам, связанным с прессой (по МИДу наибольший интерес представляет исследовательский отдел и лица, причастные к переговорам МИДа с военмином по различным вопросам политического характера) и второго по кругам

высших офицеров армии и радикальным фашистским кругам («Специалист» к ним не имел никакого отношения — *М.А.*).

г/ Возможности Джо. Нас интересует наборщик. Сообщите подробно, где он раньше работал и не имеет ли он возможности поступления на работу в типографию хотя бы за взятку.

Вообще же я убедительно прошу Вас не распыляться в работе, а углублять изучение тех объектов, которые попали в поле Вашего внимания на сегодня. На ближайшее время этого вполне достаточно, тем более, что Ваша группа и без того велика и надо иметь в виду, что лишь при правильной постановке работы с нею, конкретном руководстве она сможет дать необходимый эффект. У меня же, признаюсь, создалось впечатление, что Вы еще недостаточно изучили всех Ваших людей и их возможности. Словом, задача сводится к тому, чтобы не набирать больше новых людей без самого тщательного и глубокого их изучения и наладить использование уже привлеченных людей. Будьте особенно осторожны в проработке япов. Специальные органы последних весьма ревниво следят за связями, идущими из кругов Кота на военных и фашистов.

Между прочим, держитесь, по возможности, дальше от представителей ТАССа, с которыми Вам приходится, наверное, иногда сталкиваться. Также надо быть осторожными в отношении различных институтов и агентств, доставляющих иностранцам различную информацию "пикантного содержания". Большинство этих органов находится на учете специальных яповских учреждений и рано или поздно подвергнется репрессиям.

В Шанхае находится наш ответственный представитель Алекс, которого Вы хорошо знаете лично. В случае Вашей поездки туда, с ним вы должны будете обсудить все детали Вашей работы. Его указания рассматривайте как указания Центра.

Денежные вопросы

Ваша смета: Вам следует по смете 3760 иен в месяц.

Причитается за год: с 15 авг. 1935 г. по 15 авг. 36 г.

45.120 иен.

Вами получено:

1. При отправке аванс на 4 месяца 15.040 иен.
2. Передано через Густава в феврале 36 г. 17.192 --//--
3. Переведено через Америку в феврале и марте 1936 г. — 800 ам. дол. 2.600 --//--
4. Переведено в мае через Голландию 550 ам. дол. 1.925 --//--

Итого ...... 48.042 иен.

Таким образом, вы получили 48.042 иен, по смете причитается 45.120 иен; на 15 августа 1936 г. Вы имеете резервный фонд в сумме 2922 иен.

Смета Фрица

а/ под отчет на поездку 1000 ам. дол.

б/ жалование с 15.9. по 15.12.35 г. 1500 иен.

в/ резервные суммы 400 ам. дол.

Переведено в счет легализационного фонда:

а/ из Америки 1000 ам. дол.

б/ через Шанхай 2500 ам. дол.

Итого: 3500 ам. дол.

Из них 2500 ам. дол. Фриц должен получить при свидании в Шанхае, куда он приедет за женой.

Ваша жена здорова, окончательно устроилась в новой комнате и шлет Вам привет.

Жене Жигало передано на обратную поездку к Вам 1150 ам. дол.; она, вероятно, скоро будет у Вас. Эту сумму необходимо постепенными вычетами удержать у Жигало и превратить в запасной фонд.

2. **Все присланные Вами материалы являются ценными** (выделено мной. — *М.А.*); наиболее интересными представляются доклады фирм, родственных Коту, и японские брошюры и Ваш доклад о германо-японской работе против СССР; слабее материал о работе Газда (представитель фирмы "Эрликон" в Японии. — *М.А.*); наиболее актуальные моменты военной техники, затронутые в этом докладе, освещены недостаточно; постарайтесь достать или купить технические чертежи работ Газда. В будущем желательно получать доклады Кота о японской армии и подготовке Японии к войне.

Желаю успеха в Вашей работе.

Сердечный привет.

Директор

15 мая 1936

№ 2

Вы, наверное, помните, что один из приятелей Отто («Ронин» — Каваи. — *М.А.*), вернувшийся в августе 35 г. из Сев. Китая, дал нам интересные сведения о разведыват. агентстве штаба Квантунской армии в Тяньцзине. Было бы желательно, чтобы Отто восстановил связи с этим приятелем и дал бы вам о нем подробную характеристику. Судя по материалам, этот человек может быть для нас интересным».

В своем оргписьме Центр, наконец, признает, что его задания «могли оказаться слишком сложными», справедливо объясняя это тем, что он не имел «ясного представления о людях Вашей фирмы и их конкретных возможностях». И тут же предложил Зорге использовать «Специалиста» «по кругам высших офицеров армии и радикальным фашистским кругам», к которым последний не имел никакого отношения.

В оргписьме по непонятным причинам отсутствовали указания по организации работы с Мияги и Штайном (Штейном) и их связями.

Центр информировал «Рамзая» о прибытии в Шанхай «нашего ответственного представителя Алекса», пожелания которого следовало рассматривать как указания Центра.

Учитывая «личные возможности» «Рамзая», Центр дает указание уделить особое внимание японским «офицерам, фашистам», подчеркивая желательность осторожно «нащупать» «среди них людей (так наз. молодые офицеры), искренне настроенных против финансового капитала и подвергшихся в той или иной степени репрессиям в связи с февральскими событиями (конечно, если эти лица не были в них активно замешаны) с тем, чтобы выяснить возможности к вербовке кого-либо из них на идейной почве». Однако таких возможностей у Зорге не было. Из имевшейся агентуры такая задача была «по плечу» только Мияги. Обращает на себя внимание предложение вербовать «на идейной почве».

Потребность в сведениях о радикальных националистических течениях сделала целесообразным еще раз привлечь к сотрудничеству «Ронина» — Каваи Тэйкити. «Обстоятельства жизни Каваи как в Японии, так и в Китае способствовали его тесному общению с различными правыми авантюристами, и сам он не стремился оборвать эти связи после своего обращения в коммунизм. Хотя "обращение", вероятно, слишком сильное слово в случае с Каваи, чтобы охарактеризовать процесс его мышления, поскольку он, похоже, не имел сколько-нибудь определенных идеологических убеждений, хотя и был искренним в своих симпатиях к китайским коммунистам. Скорее всего, вскоре после его первой поездки в Китай Каваи просто осознал, что они были предвестниками будущего. Но его услуги Одзаки как в Китае, так и позднее в Японии были мотивированы скорее чувством личной преданности, нежели побуждениями твердо убежденного в чем-то человека. Каваи не был интеллектуалом и, тем не менее, сохранял стойкие моральные обязательства перед Одзаки»[54].

В феврале 1934 года Каваи вернулся в Японию из Китая, чтобы встретиться с Одзаки и «выяснить, — как он писал, — что делать дальше». Каваи питал искреннее уважение к Одзаки и смотрел на него «как на патрона».

«Одзаки велел ему отправиться на север Китая, где и оставаться, пока с ним не установят "какого-нибудь рода связь". Но уже через год — в марте 1935 — Каваи вернулся в Японию, нашел Одзаки в его токийской квартире и вновь попросил указаний.

На этот раз Одзаки посоветовал ему оставаться в Токио. Каваи, соответственно, чтобы "выполнить указания Одзаки и решить немедля неотложную проблему обеспечения средств к существованию", отправился жить к другу, которого он называл Фуита Исаму и который жил в пригороде Токио. Каваи познакомился с ним на севере Китая. На самом деле Фуита был связан с «Подразделением специальных служб» в Тянцзине. Однако летом 1933 года в Токио он оказался вовлечен в странный, причудливый заговор, известный как "Дело солдат, посланных богом" — предположительно, coup d'etat (государственный переворот). Солдаты эти, как намекали уже давно, включили в свою программу уничтожение всего японского кабинета одним ударом — бомбардировкой с воздуха. Роль Фуиты во всем этом была второстепенной. Однако «Дело солдат, посланных богом» лишь подчеркнуло тот факт, что друг Каваи был прислужником крайне правых, а это означало, что Каваи попал, можно сказать, на стратегическое место для сбора необходимой группе Зорге текущей информации об ультранационалистическом движении.

И, тем не менее, Каваи не был в непосредственном контакте с самим Зорге, ему даже не сообщили, что Зорге теперь в Японии. Хотя Одзаки познакомил его с Мияги. Как-то в начале мая 1935 года Одзаки сказал Каваи: "Я полагаю, что тебе, должно быть, скучно и потому хочу познакомить тебя с хорошим парнем. Он только что вернулся из Франции и, поскольку друзей у него нет, он сказал мне, что ему необходим компаньон. Иди и познакомься с ним".

Одзаки устроил обед на троих в ресторане Уено, и на этой первой встрече Каваи и Мияги сразу понравились друг другу...Так началось сотрудничество Мияги и Каваи, продолжавшееся в течение последующих восьми месяцев. ...

Через семь лет, на допросе у следователя, Мияги утверждал, что Каваи давал мало ценной информации. И не вызывает сомнений, что в качестве источника разведданных Каваи был намного полезнее в Китае, нежели в Япо-

нии, ибо в своей собственной стране он утратил все связи. Ему постоянно не хватало денег, и, похоже, в тот период он никак не мог найти себе постоянную работу. Но его тесный контакт с авантюристами типа Фуиты не был совсем уж бесполезным, поскольку в июне 1935 года Мияги и Каваи смогли подготовить тщательно сделанную, хотя и грубо начерченную схему-диаграмму, на которой были наглядно изображены руководство, союзники и враги соперничающих фракций в японской армии.

Мияги отдал эту замечательную схему Зорге, и после ареста последнего полиция нашла этот листок в его бумагах. Схема представляла собой точное руководство к запутанной структуре власти в армии. Вооруженный подобными документами Зорге, единственный из всех иностранцев, сумел поразительно точно квалифицировать мятеж, разразившийся в самом сердце Токио в 1936 году»[55].

После отъезда Клаузена в Токио, его жена Анна оставалась в Москве, ожидая известия о благополучном прибытии мужа на место. После получения этого извещения 2 марта 1936 года Анна была отправлена в Шанхай, откуда Клаузен должен был перевезти ее в Японию.

Анна выехала в Шанхай через Владивосток по подложному немецкому паспорту на имя «Эммы Кениг». Отправка ее была организована крайне небрежно и невнимательно. Провожавший ее на вокзал сотрудник аппарата Центра по каким-то соображениям не выдал ей на руки паспорт, а переслал его во Владивосток с опозданием на 3 дня. Во Владивостоке она никем не была встречена и, не имея документов, необходимых для устройства в гостинице, была вынуждена обратиться за содействием в отделение НКВД.

Лишь через несколько дней все было улажено, и Анна на пароходе отплыла в Шанхай. Переночевав в шанхайской гостинице, она уничтожила свой немецкий паспорт и отправилась к старому знакомому белогвардейцу — начальнику эмигрантского бюро. Анна попросила выдать ей эмигрантский паспорт, объяснив, что якобы проживала в Мукдене по чужому паспорту. За 50 долларов новый эмигрантский паспорт был получен. В начале июня 1936 года Клаузен с почтой приехал в Шанхай, чтобы, получив почту из Центра, оформить брак с Анной и забрать ее с собой. Однако быстро этот вопрос решить не удалось.

16 июня «Алекс» доложил: «Деньги и письма переданы Фрицу. 14 последний выехал домой. Из-за формальностей по браку не смог сразу взять жену. Через 6 недель вернется, обвенчается и вместе с женой вновь выедет на острова». В оргписьме от 24 июня Борович докладывал: «2. Как Вам уже сообщалось телеграфно, почта от Рамзая получена, и Ваша почта ему отправлена. Фриц пробыл здесь до 14.6. Его намерения оформить в этот период свой брак не могли осуществиться, так как в консульстве, где должно было произойти оформление, от него потребовали официальную справку с места рождения о том, что он чистый ариец. Так как на месте рождения Фрица, где он уже в течение многих лет не бывал, ничего о его деятельности не известно, я разрешил ему затребовать эту справку. Она будет здесь приблизительно через месяц-полтора. К этому времени Фриц снова должен будет приезжать сюда, и потом уже с женой вернется обратно».

В начале августа 1936 года Клаузен снова приехал в Шанхай. На этот раз брак с Анной был оформлен, и они с Максом выехали в Токио.

В организационном докладе, датированном концом мая и переданном в Центр через шанхайскую резидентуру в начале июня Максом Клаузеном, Зорге писал (подчеркивания в тексте произведены Урицким и Артузовым):

«Дорогие друзья. Очень сожалею, что мой последний оргдоклад по вине родственной нам фирмы испорчен. Сравнение этого доклада с нынешним Вам бы дало ясное понятие о значении 26.2. для нашей работы. Боюсь, что Вы не представляете себе правильной картины этих событий.

Если я до 26.2. развивал отрадную картину процветающей фирмы с намечающимися новыми деловыми связями, то теперь я могу Вам дать картину, которая в части туземных связей соответствовала положению дел 2 года назад. Мои заграничные связи, конечно, сохранились и в некотором отношении даже развились, но мои туземные деловые связи и, вообще, вся техника внутренних отношений наводит на пессимистические размышления.

Из туземных связей потеряны:

1. Старый друг "Ронин", о котором я упоминал в своем докладе во время своего пребывания у Вас. Он арестован, и о его судьбе уже несколько месяцев нет никаких данных. Причиной к аресту послужили подозрения по отношению к нему из его китайской эпопеи. Сегодня же, после 26.2., малейшего подозрения вполне достаточно, чтобы производить арест. После его ареста он больше на свет божий не появлялся, и я опасаюсь, что он убит или замучен. (Ни в коем случае связи не возобновлять, если даже он вынырнет. А[ртузов].) Но за меня Вы не должны опасаться: во-первых, я с ним, несмотря на нашу старую китайскую дружбу, непосредственно не сообщался и, во-вторых, он достаточно выдержан, чтобы не выдавать своих связей (подчеркнуто Урицким и поставлен знак вопроса. — *М.А.*). В особенности потому, что он арестован по старым китайским делам, и не в его интересах ввести новые моменты в свое дело. Подчеркиваю еще раз, что Вам не надо иметь никаких опасений обо мне и моих прочих друзей. (т. Покладок. Дать условный короткий код имен ... (нрзб). Б. Гудзь. 21.7.36).

Достаточно, если Вы будете заботиться об этом верном, простом и сильном товарище. Прошу к моим словам отнестись серьезно и брать их дословно.

2. В своем докладе дома я упоминал о человеке, которого назвал "Профессором". Связь с ним также стала очень слабой, так как он почти постоянно находится под наблюдением, которое очень осложняет какую-то ни было связь. Он находится в черном списке как бывш. либерал и даже "левый". Во время тех немногих встреч, которые удается еще с ним иметь, он проявляет себя весьма дружественно и готовым к помощи. Но уже сегодня ясно, что при существующих условиях он не может нам приносить большой пользы, так как при новом внутреннем обострении его непременно посадят.

3. За это время я через Джо получил связь с одной "женщиной", которая когда-то была левой ориентации и имеет много хороших друзей. (Пора понять, что с левыми кругами Р. водиться нельзя. А.) И эту "женщину" сразу после 26.2. арестовали и только на днях выпустили из тюрьмы. С тех пор за нею так сильно следят, что любая попытка к связи приведет лишь к провалу моих прочих друзей.

4. Один из ее друзей, работавший в одной из иностранных нефтяных компаний, который только что начал для нас работать, не знал, о чем идет дело, также был спустя несколько недель после 26.2. арестован. Теперь он на сво-

боде, но стал бесполезным и будет при первой же возможности вновь арестован. (Н2. Из этого следует, что если бы Р. надеялся на пользу связи, то связался бы. Воистину, журналистов переделать труднее, чем горбатого исправить. А.)

5. Еще один новый друг из Хоккайдо, чей доклад я прилагаю, несколько дней тому назад посажен. Его немедленно освободили, так как ни одно подозрение не удалось подтвердить. Но и он этим на месяцы стал бесполезным для нас. И я его послал на родину для "отдыха".

Из этого небольшого перечня Вы можете видеть, во что нашей фирме обошелся 26 февраля. (Если бы не 26.II., то Р. со своей левой компанией уже давно провалился бы. На счастье, полиция сделала глупость и изолировала левых от Р. вместо того чтобы наблюдением расшифровать все дело. А.) Вам, конечно, ясно, что кроме этих прямых ударов для наших дел и прочие поверхностные связи с туземцами, по которым мы получали сведения, сообщаемые нам, или из дружеских побуждений, или из легкомыслия, сильно сократился, так как люди до такой степени запуганы, что они избегают какого бы то ни было соприкосновения с иностранцем и отказываются от любой беседы с ним.

Чтоб Вам дать полную картину, я Вам должен сообщить, что и я был арестован в течение 4-х часов. (Замечательно. Значит левые тоже замазали Р. перед полицией. А.) После 26.2. я ходил с фотоаппаратом и сделал несколько снимков в городе и за это меня арестовали. Благодаря вмешательству посольства и одного из его сотрудников, с которым я ходил, меня освободили, и я не замечал других последствий. Все это время я слежу за собой, но никаких следов за собой не вижу, и расспросы, произведенные через посольство, в жандармерии выяснили, что за мной больше ничего не числится. Все же Вы видите, какое положение. Вам теперь ясно, что встречи с туземцами, получение материалов, даже составление телеграмм стали теперь затруднительными. В этом отношении мы сейчас вполне находимся в подготовительном к мобилизации периоде, что касается наблюдения, слежки и доносов. И совсем не хочу ударять в пессимизм, мое намерение было нарисовать Вам правдивую картину положения.

Имеются и положительные стороны в нашей работе.

Несмотря на все эти события, мы основали тут три превосходных дома, полностью оборудованными мастерскими. Я имею даже намерение устроить и четвертую мастерскую, несмотря на все чрезвычайные затруднения с туземной прислугой, которая минимум раз в неделю докладывает в полицию об иностранцах, работа мастерских происходит нормально, и я в состоянии отправить столько телеграмм, сколько мне угодно.

Все это происходит ночью, когда вся прислуга спит или находится вне дома. (Лучше, если она находится вне дома, а не спит. А.)

Такое большое внимание, которое я уделял устройствам мастерских повлекло за собой одно отрицательное явление: мне не осталось помещения для устройства встреч с двумя настоящими друзьями Джо и Отто. (Боюсь, что Джо и Отто не безопасная для Р. связь. Он же и лазил по левым связям! А.) С ними мне приходится встречаться вне дома, что очень опасно, так как теперь достаточно подметить одну встречу туземца с иностранцем, чтобы обоих арестовать, если даже через несколько часов тебя и отпустят, все же личный обыск настолько противная вещь, что она при наличии малейших отметок в записной книжке может дать повод к усиленному следствию.

Джо до сих пор остался надежным человеком, ничего не боящимся. (Кое-чего следует бояться. А.) Отто в этот тяжелый период оказался также абсолютно надежным, хотя и очень осторожным, и слегка трусливым. Эти черты у него вполне понятны. Специалиста я после 26 немедленно отправил в О. Он очень испугался и стал нервным. В О. он себя чувствует в безопасности и продолжает для нас работать.

Как Вы видите, наши туземные связи, которые со времени моего возвращения сюда развивались очень успешно, опять уменьшились и дошли по своему уровню ко времени два года тому назад. (Связей среди туземцев больше ни в коем случае не расширять. А.) По этому поводу Вы можете быть очень недовольны. Я этим также недоволен. (Наоборот! Этого Р. никак не понимает!) Но я должен был признаться в том, что я здесь должен начать опять все с начала.

Густав с женой, которая оказалась очень порядочной и верной женщиной, развили свои связи к англичанам, швейцарцам и немецким евреям. (Н2. Не забыть написать об английск. докладе Густава. СУ) Некоторые небольшие результаты этого Вы найдете в этой почте. Оба, подобно мне, должны сильно бороться за свою легализацию в качестве писателей-журналистов. На эту борьбу уходит большая часть времени. Оба совершенно надежны, и я поддерживаю свое предложение принять Густава с женой в число наших прямых сотрудников.

Что касается моих связей, то они улучшились и укрепились с Кот, Диком и Венером. Они развились также и к другим кругам «земляков»-но и в этой области события 26.2. отразились в том отношении, что я почти ничего не получаю в свои руки и ничего не приношу домой. Я многое слышу, вижу, могу документы читать, но ничего из канцелярий брать я не могу. (Это исправится после отмены военного положения. А.) В этом отношении дела после 26.2. значительно ухудшились по сравнению с прошлым. И вопрос с документацией сегодня стоит значительно острее, чем несколько месяцев тому назад. Приобретение их посредством подкупа также стало весьма затруднительным. Никто даже за хорошие деньги не хочет ничего давать. (Как будто Р., походя, предлагает большие деньги. А.) Япония находится под знаком краха.

Прошу еще раз мне поверить, если я рисую такую мрачную картину. Я лично не боюсь. Мой арест и арест моих разных друзей не убавили нашего желания работать. Я это говорю и по отношению Фрица и по отношению обоих Густавов, так же, как и Жигало. Все что мы можем — мы делаем. Результаты небольшие, это и мне известно.

Рамзай.

Н2. Дайте к 23—25/VII проект ответа. СУ. 16.7.36.

Н2. т. Попов, т. Гудзь. Резолюции С.П. у Вас уже есть. Учтите при писании письма и мои дополнения. А. 20.VI.36».

«Еще один новый друг из Хоккайдо», который «несколько дней тому назад посажен» и «немедленно» освобожден и чей доклад «приложил» в почту «Рамзай» — Тагути Угэнда (мелкий торговец морепродуктами с Хоккайдо). Ему Центром (а не «Рамзаем») был присвоен псевдоним «2-й друг с Хоккайдо». Что же касается подлинного имени «2-го друга», то ни Центр, ни «Рамзай» его не знали.

Из представления к награде сотрудника 1-го отделения отдела общественной безопасности пристава КАВАСАКИ СЕЙДЗИ:

«В конце концов, ТАГУЦИ [ТАГУТИ] признался в том, что по рекомендации ЯМАНА он познакомился с МИЯГИ, что примерно в феврале 1941 года ему стало известно, что МИЯГИ собирал всевозможную информацию и получал исследовательские материалы военного, дипломатического, политического и экономического характера и все это передавал в Москву. Он признался также в том, что передавал МИЯГИ сведения о местожительстве политического обозревателя СИБАТА МУРАМАЦИ, который находился в подчинении секретаря генерала УГАКИ ЯБЭ КАНЭ, посещал организацию «Маци Сейкай» и у являвшихся членами этой организации начальников политических отделов газет, политических корреспондентов и др. выяснял сведения о переговорах ТОГО с МОЛОТОВЫМ, переговорах посла ИОСИДЗАВА в Голландской Индии о нефти, о переговорах с США, о содержании послания принца КОНОЭ, о вооруженных силах, дислоцированных во Французском Индокитае, об обстоятельствах переброски в Маньчжурию генерал-лейтенанта ЯМАСИТА ТОМОБУМИ, о количестве вооруженных сил, находящихся в МАНЬЧЖОУ-ГО, местонахождении аэродромов в районе Хоккайдо, о затруднительном положении с продуктами сельского хозяйства на о. Хоккайдо, о количестве добываемого угля»[56].

21 января 1936 года специальная высшая полиция (токко) арестовала «Ронина» — Каваи Тэйкити. Его арест никак не был связан с последовавшими событиями 26 февраля. Ордер на арест был выдан юрисконсультом японского консульства в Чунцине. Японским консульским судом ему было предъявлено обвинение в пропагандистской деятельности в Шанхае и в принуждении по приказам «Международной коммунистической партии» некоего Седзима Рюки к поступлению на работу в кэмпейтай ради получения секретной военной информации. Предполагалось, что Каваи передавал такую информацию, полученную от Седзима, членам китайской коммунистической партии. Следствие целиком сосредоточилось на связях Каваи с КПК. Получив возможность ответить на обвинения, он заявил, что все, что касается пропагандистской деятельности, было правдой. Остальные обвинения он решительно отверг. Консульским судом Каваи был приговорен к десяти месяцам тюремного заключения за нарушение Закона о сохранении мира.

«Сотрудничество Рюки с Каваи началось весной 1929 года в Пекине. Седзима был клерком в японском правительственном учреждении. Они с Каваи и трое-четверо других японцев, симпатизировавших китайскому комму нистическому движению, объединили усилия в изучении марксистской литературы и ее приложении к ситуации в Китае. С течением времени теоретические изыски уступили место практической работе, и учебная группа превратилась в китайско-японскую Лигу борьбы — организацию, занимавшуюся агитацией и пропагандой и действовавшую под руководством китайской коммунистической партии.

В начале 1932 года Седзима поступил на службу в японский кэмпейтай в Маньчжурии в качестве переводчика. В феврале 1933 он получил приказ присоединиться к операциям по очистке провинции Джихо от китайских вооруженных сил. Седзима надеялся погибнуть в бою и в качестве последней услуги делу китайского коммунизма выкрал секретные документы кэмпейтай, чтобы передать их Каваи, который, как был уверен Седзима, находился в Шанхае и отвечал за передачу бумаг китайцам. С этой целью Седзима до-

верил украденные документы курьеру. Однако в этот момент Каваи уехал из Шанхая по делам, и потому бумаги попали к китайским коммунистам по другим каналам. Каваи ничего не знал об этих передачах, и потому во время допросов мог вполне чистосердечно ссылаться на свое незнание. Хотя, с другой стороны, Седзима, очевидно, вполне искренне верил, что секретные документы прошли через руки Каваи.

Сражение в Джихо не принесло Седзиме почетной солдатской смерти ... Седзиму мучили сомнения в отношении своих поступков. Так продолжалось несколько месяцев, пока, наконец, Седзима не обнаружил, что находится под наблюдением полиции. В конце концов он добровольно явился в центральный полицейский участок Чунциня и чистосердечно признался во всем»[57].

Ограничив расследование кругом отношений Каваи с Седзимой и китайскими коммунистами, полиция не сумела вскрыть его связи с Одзаки и нелегальной резидентурой Зорге в Шанхае. Каваи пишет в своей книге: «Если во время допросов в Чунцине я сказал бы хоть слово об Одзаки, Зорге или о своей работе в Японии, то группа Зорге была бы открыта уже в 1936 году. Но тогда Зорге и Одзаки скорее всего избежали бы приговора к высшей мере наказания — смерти»[58]. Выйдя из тюрьмы уже в 1936 г., Каваи проживал некоторое время в Тяньцзине.

«Женщина», в прошлом «левой ориентации», имевшая «много хороших друзей», связь с которой, по словам «Рамзая», он получил через «Джо» и которая была арестована в результате «инцидента 26 февраля», была Кудзуми Фусако, имевшая за плечами коммунистическое прошлое. Родилась в префектуре Окаяма в 1888 г. В 1912 году окончила высшую женскую школу.Была активисткой левой студенческой организации «Гёминкай» в университете Васэда. С 1927 г. состояла членом коммунистической партии Японии. Являлась членом Хоккайдского окружного комитета КПЯ. Считалась гражданской женой одного из руководителей коммунистической партии Митамура Сиро (в 1933 г. отошел от коммунистического движения). К концу четырехлетнего срока тюремного заключения по приговору, вынесенному ей в 1929 году за нарушение закона «О поддержании общественного спокойствия», Кудзуми пошла на формальное отречение от своей политической веры, и когда после освобождения из тюрьмы переехала на юг, в Токио, полиция уже знала ее, как раскаявшуюся коммунистку. Было ли ее тюремное раскаяние искренним или нет, верность ее делу коммунизма была по-прежнему тверда. Примкнула к Социалистической массовой партии — Сюкай тайсюто (образована в 1932 г. в результате объединения Социал-демократической партии — Сюкай минсюто и Национальной рабоче-крестьянской массовой партии — Дзэнкоку роно тайсюто; сотрудничая с военщиной в конце 1930-х гг., руководство этой партии объявило в июле 1940 г. о ее роспуске, включившись в так называемое движение за создание новой политической структуры).

В начале 1936 года Кудзуми познакомилась с Мияги. Некоторое время они встречались, по крайней мере, раз в неделю, и Мияги давал ей немного денег на расходы. Она собирала информацию о февральском мятеже, а потом о «левом» движении в целом[59].

Кудзуми имела некоторые связи в информационном бюро кабинета министров, в социалистической массовой партии, в «Обществе друзей Великой Японии» и некоторых других массовых организациях. Однако, эти связи не нашли широкого использования в ее разведывательной деятельности.

2-3 письменных доклада Кудзуми («О событиях в посольстве», «О предвыборной борьбе с соц. партии») — не представляли особой ценности.

В почте, переданной в Центр с Максом Клаузеном, было еще одно письмо, в котором Зорге сообщал следующее:

«Уважаемый директор!

Я хотел бы Вам высказать свою благодарность за то признание всей нашей фирме, которое Вы выразили по поводу юбилея. Мы, конечно, были очень обрадованы Вашей похвалой. Одновременно я хотел бы поблагодарить Вас за заботу о моей жене...

26.2. имело для нашей работы тяжелые последствия. Сложность и затруднения в нашей работе еще более увеличились. Становится все более и более затруднительным передвигаться, не вызывая за собой постоянного наблюдения. Кроме того, усложнившиеся условия стоили нашей фирме некоторых ее сотрудников. И, наконец, все прочие источники значительно уменьшили свою производительность или иссякли совсем. По этой причине я ни в малейшей степени не развил те возможности, которые намечались до 26.2. и которые я себе поставил как цель в своей работе. Мы отброшены назад. Фактически мы уже сегодня работаем в условиях предмобилизационного периода. Я прошу принять это во внимание при оценке моей работы. В самом деле, тут очень непросто.

Несмотря на это надеюсь, что следующей почтой удастся послать Вам лучший и более обильный материал.

С лучшими приветами от меня и от всей фирмы, Ваш Рамзай.

Мая 1936 г.

/Н2. Заготовить копию для Нар. Комис. СУ. 16.7.36./».

Введение промежуточной инстанции в лице «Алекса» — Боровича между ним и Центром не вызвало у Зорге протеста, более того, он усмотрел в этом положительные стороны:

«Я очень рад, что связь между нами так хорошо функционирует и что, в общем, на каждый из наших вопросов Вы немедленно даете ответ. В этом отношении работа по сравнению с прошлым фундаментально улучшилась. В моем оргписьме я высказываю несколько пожеланий, которые я прошу, если возможно, выполнить, во всяком случае, отнестись к ним серьезно. Тебе же передаю личную благодарность за заботу о моей жене. Прошу письмо и посылку, которую я прилагаю к этому письму, препроводить ей.

Всего хорошего. Рамзай.

Н 2. Посещаете ли Вы жену Рамзая, заботитесь ли о ней? СУ. 16.7.36».

Во время пребывания Клаузена в Шанхае (пробыл до 14 июня) от него была получена почта «Рамзая» и передана почта, поступившая из Центра. О своих впечатлениях и переданных указаниях Борович доложил в Москву 26 июня 1936 года: «С Фрицем я говорил и, хотя мне не удалось узнать от него подробности о делах Рамзая, так как он не во все посвящен, я все-таки некоторые впечатления получил. Основное это то, что из всех высказываний Фрица следует, что Рамзай очень нервничает, вернее, нервно устал, в особенности в связи с февральскими событиями и их последствиями. Полицейские условия сильно обострились, атмосфера сгустилась, особенно вокруг ино-

странных журналистов, среди которых усердно разыскивают источник просачивания за границу сведений о февральских событиях. Играет также роль таинственная рация. Оказывается, что вовремя февральских событий Рамзай был задержан полицией на короткое время, когда старался поближе подойти к месту событий, и был быстро освобожден после вмешательства посольства. Его состояние нервозности питается еще тем, что нажим и новые задания, поставленные ему, понятно, требуют большей активности, что как раз в данной обстановке будто бы труднее, чем раньше. Я думаю, что дело тут, несомненно, в некотором перенапряжении нервов и в желании как можно скорее показать себя с наилучшей стороны. На это указывает также его желание иметь у себя секретную камеру. Эту камеру я задержал у себя до следующего приезда Фрица и передал Рамзаю указания, которые вполне совпадают с Вашими, о том, чтобы эту камеру он использовал только в крайних случаях и в соответствующей обстановке.

Ввиду этого я указал Рамзаю на то, чтобы он выключил на срок от месяца до двух все свои встречи с островными людьми для того, чтобы передохнуть, осмотреться и войти в норму. Предложил ему также, если это только возможно, приехать в Китай для встречи со мной в одном из городов, кроме моего, так как здесь его знают. Эту поездку можно как раз использовать для передышки.

Если Вы согласны с моими указаниями, прошу их подтвердить по воздуху. Его приезд сюда был бы в высшей степени целесообразен и полезен.

Так как по неизвестным мне причинам Вы изменили явку и пароль для Фрица в первый его приезд, то поэтому я ему на этот раз ни явки, ни пароля не давал.

Прошу установить и сообщить. Должен заметить, что назначение явки в Астор-хаузе совершенно недопустимо, особенно для встреч с официальными работниками, так как Астор-хауз находится в трех шагах напротив консульства, и нужно предположить, что все работники консульства персоналу гостиницы хорошо известны в лицо».

Осознанно или нет, Фриц передергивает, утверждая, что «Рамзай» был задержан полицией «во время февральских событий». Сообщая в Центр о происшедшем, Зорге указывает, что был арестован «после 26.2».

На почту «Рамзая» и «Алекса» в Центре отреагировали и «Директор», и его зам. Оба, обращаясь к Зорге, называли его «дорогим».

Начальник Разведупра Урицкий писал, как всегда, иносказательно:

«Дорогой мой друг Рамзай.

/Н2. Спешно. Обеспечьте грамотный перевод. СУ. 26.7.36/

С глубоким вниманием я со своими товарищами прочел и изучил все Ваши письма. Как ни велика задача нашей фирмы, как ни обязаны мы отдавать себя безраздельно нашему великому делу, все же я умею Вас понять в Вашем одиночестве и оторванности и с глубокой благодарностью от всей нашей фирмы и корпорации отношусь к Вашему подвигу, имеющему решающее значение для нашей фирмы. Поэтому я считаю себя обязанным еще раз Вам сообщить, что и эта последняя Ваша почта была для нас чрезвычайно ценной и прибыльной для фирмы. Не хочу Вас обременять дополнительными, длинными письмами прошу учесть и выполнить все указания, о которых Вам одновременно пишут. Все это служит только одной цели — все для на-

шей фирмы. Конечно, для этой цели мы обязаны все делать. Я еще раз хочу подчеркнуть Вам, мой славный друг, что занимаемая Вами позиция есть Ваш большой успех и большего ничего не нужно. Я еще раз подтверждаю, что Вы не должны расширять свою клиентуру. Разумеется, у нас в этом вопросе полное единомыслие. Что касается общей обстановки, то мне остается немного добавить к тому, что Вы сами об этом пишете. Действительно, наша фирма должна считаться с тем, что в ближайшие 7—9 месяцев наша торговля будет происходить в чрезвычайных условиях. Я лично считаю это неизбежным. Обстановка в Европе почти такая же. Но могущество нашей фирмы, Вы можете быть в этом уверены, позволяет, без всякого сомнения, неплохо заработать и в этих чрезвычайных условиях. Даже больше того, мы можем рассчитывать на огромную прибыль, если дело дойдет до чрезвычайных времен. Это все нас вдохновляет и заставляет крепко держаться на своем посту.

Ваши сообщения о людях мы приняли к сведению, если их можно использовать, мы это сделаем.

О Вашей подруге мы заботимся, и Вам совершенно можно не беспокоиться об этом. Обнимаю Вас.

Ваш Директор.

25 июля 1936 г.».

Конкретные указания и на этот раз поступили от заместителя начальника Разведупра Артузова, и содержали они больше упреков и замечаний, по большей части справедливых:

«Дорогой Рамзай.

Последнее Ваше оргписьмо открыло для меня много нового и, признаюсь, опасного.

Из письма я убедился, что процесс постепенного превращения Вас из свободного журналиста в специалиста особой квалификации нашей фирмы протекает, увы, как большинство процессов в мире, довольно медленно.

Ваши сообщения о многочисленных левых общественных связях, а также Ваш опыт фоторепортера, свидетельствуют о том, что Вы еще недостаточно точно понимаете, насколько важно сохранение того положения и того наблюдательного поста, которых Вы достигли. Иметь этот пост и в то же время поддерживать левые общественные связи /которые, как Вы сами сообщаете, репрессируются местными властями/ это то же самое, что сделал бы генерал, бросивший руководство своей дивизией и расхаживающий на виду неприятеля с револьвером — не для того, чтобы воодушевлять солдат, а для того, чтобы в пылу азарта доставить себе удовольствие в стрельбе из револьвера по неприятелю. Такого генерала, если бы его, благодаря случайности, не убили бы солдаты противника — ни одной минуты нельзя оставлять во главе воинской части. Это сравнение приходит в голову при чтении Вашего письма.

Неужели Вы не подумали, выходя на улицу в качестве фоторепортера, какому риску Вы подвергаете себя и связанных с Вами людей, если местные власти пожелали бы более подробно проверить Вас и Ваши связи.

Ведь большинство неприятностей в нашем деле проистекает именно от того, что люди не придают значения опасным мелочам. Разница между свободным журналистом и представителем нашей фирмы заключается, между

прочим, в том, что излишняя смелость подвергает риску только его собственную персону /что иногда полезно для воспитания корпоранта/, а "смелость" нашего представителя ставит под удар весь филиал нашей фирмы — иногда с ценнейшими товарами, конфискация которых нередко может стоить многолетних усилий и больших средств. Вот этого многие наши товарищи, в особенности если им пришлось расти в среде богемной журналистики, долго не могут или не хотят понять. Им все хочется проявить мальчишескую смелость, как будто дело идет о том, чтобы понравиться прекрасной даме. Это не наш стиль работы. Прошу Вас точно выполнить указания моего орг. письма о разрыве с опасными людьми.

2. Другое дело укрепление Вашего положения в стране и у Кота, и у новых друзей Густава. Здесь полезно знание журналистики. **И Кота, и друзей Вы и Густав можете снабжать всевозможными статьями и прогнозами касательно положения в Ваших краях. И чем добросовестнее и аккуратнее Вы это будете делать, тем прочнее Вы свяжетесь с ним. Не дублируйте только полностью работы** (выделено мной. — *М.А.*). А то может случиться, что Кот поделится с друзьями, и обнаружится, что "ласковый теленок двух маток сосет". Могут получиться неприятные компликации.

Это все. Прошу беречь как зеницу ока те завоевания, которых Вам удалось добиться на Вашем ответственном посту. Если тяжелые времена застанут Вас в тех же отношениях с Котом и К-о, которое Вы имеете сейчас и если при этом Вас не будут подтачивать мелкие жуки из числа левых элементов местного общества — я буду считать, что Вы выполните максимум того, на что я мог надеяться.

Если же, благодаря сомнительным связям, Вас выбросят раньше времени из страны или Вы поскользнетесь на апельсиновой корке /вроде Вашей вылазки с фотоаппаратом/, я буду считать, что Вы в угоду, может быть, смелой причуде, пожертвовали драгоценным состоянием нашей славной фирмы.

Надеюсь, что на этот раз Вы отнесетесь со вниманием к этому действительно крайне важному моему требованию.

3. Не могу не сказать еще об одном вопросе, который меня тревожит. В Ваших телеграммах нередко сообщения о каком-либо интересном деле или факте сопровождается словами: "я слышал от X или Y сказал мне", при этом X. и Y. называются собственными именами.

Не надо быть Шерлок Холмсом, чтобы при провале шифра /от чего мы, увы, не застрахованы/, выяснить, с кем разговаривал X. и Y. по тому или иному специфическому вопросу.

Поэтому прошу Вас — 1/ никаких подлинных имен в телеграммах не упоминайте, 2/ никогда не ссылайтесь в них на себя, пишите в 3-м лице.

В качестве диалектического вопроса: прошу Вас обдумать и сообщить мне, не думаете ли Вы, что соотечественники и их люди в Грин Бокс (японский генеральный штаб армии. — *М.А.*) могут через всех своих чиновников распространять инспирацию, имеющую задачу скрыть действительное продвижение переговоров к благоприятному соглашению. Ведь при современном положении соотечественники, смягчающие свои острые отношения с внешним миром, никак не могут открыто идти на соглашение. Это без надобности внесло бы слишком большое обострение в международную жизнь. Они во всех делах этого сейчас избегают, быть может, имея намерение произве-

сти следующий локальный удар, /например, Данциг/. Не успокаивают ли они весь мир перед бурей?

Жму крепко Вашу руку и с восхищением слежу за развитием Вашего главного задания.

Ваш Зам. директора.

25 июля 1936 г.».

И еще одно письмо за подписью Артузова:

«Дорогой Рамзай.

1. Ваше письмо и почту получил в полной исправности. На этот раз, благодаря Вашему предупреждению, все фильмы удалось использовать почти полностью. В будущем каждый раз при отправке почты сообщайте о качестве пленки и способах ее проявления. Что касается дефектов, то следует отметить: карандашные отметки и надписи на картах слишком мелки и почти не читаемы, даже после увеличения. Опыт со съемкой без штатива / «свободной рукой» / неудачен. Материал оказался не в фокусе и потому не читаем.

2. Из присланных Вами материалов самыми ценными являются доклады о японо-германских переговорах, о событиях 26—29 февраля и о японской армии; эти материалы осветили наиболее актуальные для нас вопросы и оказали большую услугу в выяснении основных моментов, касающихся хода переговоров обеих стран. Продолжайте и в дальнейшем наблюдать и освещать сферу германо-японских взаимоотношений и своевременно информируйте меня так же, как Вы делали это раньше по воздуху. Что касается присланных Вами несекретных брошюр, изданных военным и морским министерством Японии, то мы следим за ними и наиболее ценные из них получаем по легальной линии. Вам не к чему рисковать, излишне перегружать свою почту и присылать материалы, которые нами уже получены или могут быть получены по другой линии. В будущем ни вырезок из газет, какого бы они сенсационного содержания ни были, ни легальных журналов, ни брошюр и книг со своей почтой не посылайте; для получения подобных материалов я располагаю другими возможностями. Последнее мое указание примите к самому строгому руководству. Также не представляет интереса прейскурант фирмы Торникрафт о судах.

3. Я прекрасно понимаю усложнение и ухудшение обстановки в результате событий 26—28 февраля; конечно, Вам стало труднее, но эти трудности являются неизбежными при всяком обострении внешнего и внутреннего положения, особенно в Вашей стране; Вы — наш старый работник и прекрасно понимаете, что, организуя нашу работу, надо делать поправку на непредвиденные трудности и возможное ухудшение условий работы, а также уметь учиться у жизни. Я имею в виду совершенную Вами серьезную ошибку, в результате которой последовал Ваш арест /к счастью, кратковременный/; теперь уж Вы и сами хорошо понимаете всю опасность Вашего появления с фотоаппаратом на "арене" таких острых событий, как 26.2. Вам не могло быть неизвестным, что и до событий специальные органы Вашей страны крайне болезненно реагировали на такие вещи, как фотоаппараты и радио в руках иностранцев. Сообщение о Вашем задержании сильно нас взволновало, хотя сведения об этом пришли с недопустимым опозданием. Убедительно прошу о подобных фактах и, в первую очередь, касающихся Вас, сообщать по воз-

духу. Часть Ваших туземных работников потеряна; откровенно говоря, удар, полученный туземной частью Вашей организации, был для меня совершенно неожиданным, так как я не мог предположить, что Вы основываете Вашу работу среди туземцев на левых элементах, вообще говоря, находящихся под угрозой постоянного удара и подвергающихся систематическим репрессиям даже в обычное "спокойное" время. Я абсолютно уверен, что даже без событий 26.2. рано или поздно Вы с этой публикой имели бы большие неприятности. Таким образом, этот тяжелый урок должен послужить Вам суровым предупреждением на будущее. Со своей стороны, требую, чтобы Вы отказались от всяких попыток использования в дальнейшем подобных левых и либеральных элементов, ибо очевидно, что источники, которые при малейших осложнениях обстановки будут задерживаться, арестовываться или просто находиться под подозрением, не годны для серьезной работы /особенно в Вашей стране/; базироваться на них — значит совершать ошибку /не всегда поправимую/ и ставить под удар все предприятие. **Категорически запрещаю Вам поддерживать связь с Вашими туземными людьми, как с оставшимися на свободе, так, особенно, с арестованными и выпущенными на свободу. Восстановление связи с этими людьми я запрещаю даже и в том случае, если были бы какие-либо перспективы для получения интересных сведений от них** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

Помните, что самой основной Вашей задачей продолжает оставаться — сохранение и укрепление исключительных отношений, созданных Вами с Котом, наиболее глубокое врастание в немецкие круги, которые в моменты наиболее тяжелой обстановки окажутся Вашими единственными источниками информации исключительной важности и обеспечат в то же время наиболее надежную для Вас крышу. Эту важнейшую и решающую задачу Вы всегда должны иметь перед собой(подчеркнуто Артузовым. — *М.А.*).

Вот почему Вы глубоко ошибаетесь, впадая в излишний пессимизм, полагая, что в Вашей работе в результате репрессий, последовавших после 26.2, Вы отброшены на два года назад. Наоборот, Ваше сообщение о дальнейшем укреплении связей с Кот, Диком и Веннером показывают, что Вы хорошо продолжаете разрешать Вашу основную задачу; можно считать, что в настоящее время Вы находитесь в таких благоприятных условиях для работы, в каких Вы еще до сего времени не были.

4. Другим важнейшим вопросом является обеспечение связи с нами по воздуху и почтой. Об этом я Вам подробно писал в предыдущем письме. Повторяться не буду. Прошу только при первой же возможности подробно осветить легализацию Ваших друзей, которые представили Вам помещение для мастерских. Получение этих подробностей совершенно необходимо, ибо, если мы будем знать все детали их устройства, мы сможем по другим каналам своевременно предупредить Вас и их об опасности, которая может всегда возникнуть.

Вопросы легализации Густава с женой мне представляются недостаточно ясными. Совершенно верно, что их усилия должны быть направлены на возможно более прочную легализацию, но Вы не сообщаете, в чем заключается их деятельность по легализации /предупредите Густава и др. Ваших помощников, чтобы они избегали связей с левыми элементами, хотя бы это и было необходимо в интересах журналистской работы/. Особенно меня инте-

ресует возможность проникновения не только к Вашим соотечественникам, но и к новым друзьям Густава.

Очень важно, чтобы Вы и Густав информировали меня со следующей почтой, как далеко Вы проникли к этим последним и на какую приманку они клюют. Полагаю, что в пределах Вашей осведомленности о местных делах Густав может их информировать не в меньшей мере, чем Ваших соотечественников, конечно, если это не создаст каких-либо недоразумений, осложняющих положение Густава /ведь каждый старается пользоваться своей женой монопольно/.

5. Февральские события и связанный с ними режим, естественно, вызвали перенапряжение Вашей нервной системы, поэтому используйте отъезд Кота, передохните и осмотритесь. **Целиком согласен с Алексом о целесообразности полного прекращения Ваших связей с Вашими островными людьми /в том числе с Джо, Отт** (Отто. — *М.А.*), **специалистом и др./**. Особенно предупреждаю Вас о необходимости избегать всякого общения с освобожденными из тюрьмы Вашими людьми. Как бы ни были сильны Ваши моральные обязательства в отношении этих людей, в интересах дела — этих людей необходимо избегать. Всякие ошибки в этих делах более чем опасны. Этот перерыв можно использовать для свидания с А., избрать время поездки, назначить наиболее подходящий для Вас город и сообщить условия встречи. Ваше свидание с Алексом будет весьма и весьма полезно.

6. Фриц приедет в Шанхай, по-видимому, в конце августа — начало сентября. Вышлите явку для связи с ним. Учтите, что Астор-хауз является неприемлемым для нас местом, прошу назначить другой отель. Так как Фриц основной и единственный мастер, считаю необходимым беречь его и почтой больше не загружать. Поэтому никакой почты в следующий его приезд по личным делам ему не давайте. Все срочное поручите устно.

7. Наш работник Ингрид, которую Вы знаете лично и о которой Вам сообщалось раньше, в ближайшем будущем выезжает к Вам из Европы. Мной еще не принято окончательного решения о связи Ингрид с Вами. Возможно, дадим ей другую связь. В этом случае вы должны вычеркнуть ее из своей памяти, без моего разрешения отрекаться от нее даже перед страшным судом.

8. Работа Висбадена, как Вы отмечаете, постепенно налаживается. Я приму ряд мер к тому, чтобы сделать ее совершенной. Висбаден в настоящее время осваивает буквенный прием и в дальнейшем целиком перейдет на него. Ваше предложение о переходе в наших телеграммах на короткий телеграфный стиль является вполне уместным; будем придерживаться его.

9. Посылка денег из Голландии будет Вам обеспечена один-два раза в год. Весной этого года Вы уже получили мой перевод из Голландии, к концу года переведу еще.

10. До сих пор у нас нет обусловленной связи с Вами на чрезвычайный случай /когда все наши связи могут быть отрезаны/. Необходимо продумать место явки в вашем городе и самую явку, а также способ вызова Вас на явку на тот случай, когда все действующие связи с Вами будут порваны с тем, чтобы я посылкой специального человека мог бы снова связаться с Вами. При этом дайте два-три варианта на случай приезда нашего человека. Алекс, со своей стороны, даст подробную явку в свой город.

11. Поставленные Вами вопросы о получении адреса на САСШ, а также вопрос связи на Америку крайне важны и своевременны. Однако наспех их

решать нельзя. Принимаю все меры к тому, чтобы в кратчайший срок создать линию от Вас на Америку и обратно, о разрешении этой проблемы поставлю Вас в известность. Однако, это удастся не ранее как через полгода. Постараюсь сделать раньше.

12. Одновременно Вам переводится 15.040 иен по смете на 4 месяца с 15.8 по 15.12.36 года. Из них 1500 иен постараюсь перевести через Голландию. Сообщите Ваши сметные расчеты и какие изменения необходимо внести в смету.

13. Ниже приводятся три группы интересующих меня вопросов по японской армии. **Выполнение этих заданий должно, естественно, производиться Вами преимущественно через аппарат Кота или через европейских источников**:

а/ Фирма "НихонДэнкиКабусики Кайся" производит телепередатчики и приемники для армии с засекречивающим устройством. Инженеры этой фирмы Кусано и Осава заняты в настоящее время установками опытных телепередатчиков при штабе Квантунской армии и при Генштабе, применяя автоматическое засекречивающее устройство сис. "Доки". Необходимо установить, с какими заграничными фирмами связана "НихонДэнкиКабусики Кайся" и достать техническое описание и схему телепередатчика, приемника и засекречивающего устройства сис. "Доки".

б/ По имеющимся данным японцы в ближайшие 3—4 года намерены сформировать новые части: 5-й и 6-й танковые полки, бригаду тяжелой полевой артиллерии, военно-танковую школу и школу ПВО, десять новых жандармских отрядов, два штаба крепостных районов, новые авиаполки и реорганизовать отряды связи дивизий. Включите эти вопросы в программу Вашей работы, и постепенно их выясняйте.

в/ В своих предыдущих письмах я поставил перед Вами ряд вопросов по организации и технике японской армии. Кроме того, Вы сообщали, что можете осветить ряд моментов германской армии. Как обстоит дело с этими вопросами, что Вы намерены сделать, можно ли рассчитывать хотя бы на частичное освещение их в ближайшем будущем, почему Вы не затронули их в ваших ответах на мои письма?

14. Попытайтесь, если представится возможным, очень осторожно выяснить, занимается ли агентурной разведкой Кот, а, если нет, то, кто из германских представителей занимается этой работой.

15. Сообщите Вашу подробную характеристику начканца фирмы Дика Шульце и его жены /особенно интересно знать, насколько он посвящен в секреты фирмы и какое к нему отношение нацистской организации/.

16. В дальнейшей переписке прошу именовать: Клайв — Кан, Хек — Мейн, Маркюз — Дан, Газда — Зак, Риббентроп — Брот, Бломберг — Бер.

17. Подробную оценку Ваших материалов получите у Алекса.

18. Ваша жена здорова и шлет Вам привет, она в настоящее время находится в отпуску и отдыхает.

Желаю успеха в Вашей работе.

Сердечный привет

25 июля 1936 г. № 4».

Запрет Артузова поддерживать связь с «туземными людьми, как с оставшимися на свободе, так, особенно, с арестованными и выпущенными на сво-

боду», а также запрет на восстановление связи с ними, независимо от перспектив их использования, был совершенно определенным и категоричным. К этой теме заместитель начальника Разведупра вернулся в еще одном письме, полученной «Рамзаем» с той же почтой», расшифровав, кого имел в виду: «Джо», «Отто», «Специалиста» и др. /». Речь, конечно, шла об Отто, а не о военном атташе Германии Отт.

Сформулированная Артузовым основная задача — «сохранение и укрепление исключительных отношений, созданных Вами с Котом, наиболее глубокое врастание в немецкие круги, которые в моменты наиболее тяжелой обстановки окажутся Вашими единственными источниками информации исключительной важности и обеспечат в то же время наиболее надежную для Вас крышу» — была выполнима только в том случае, когда Зорге был интересен, как источник информации, в первую очередь исходившей из японских правительственных кругов, которую он мог получать только от Ходзуми Одзаки. Не последнюю роль играла и информация, поступавшая от Мияги и его источников. Для поддерживания интереса к себе недостаточно было блестящих аналитических способностей Зорге, требовалась подпитка информацией, недоступной военному атташе, а в последующем послу Германии в Японии.

Вопрос об организации связи на «чрезвычайный случай (когда все наши связи могут быть отрезаны)», за которым могло стоять и начало военных действий, был поднят «Рамзаем». Однако, этот вопрос так и остался «открытым».

С почтой к «Рамзаю» ушло и письмо, адресованное Боровичу:

«Дорогой Алекс.

1. а/ Одновременно пересылаю два письма для Рамзая; содержание этих писем должно быть положено в основу Ваших переговоров с Рамзаем при встрече с ним. Из них Вы увидите, что мы добиваемся в наших отношениях с Рамзаем. Повторяться не буду. Письма должны быть всесторонне обсуждены с Рамзаем с тем, чтобы не осталось ни малейших неясностей, и чтобы каждое положение писем было бы правильно понято и твердо усвоено. Прошу передать их Рамзаю при свидании, а, если свидание не состоится, переслать их со следующей оказией.

б/ При личной встрече с Рамзаем обсудите также следующий вопрос: Мною документально установлено, что Густав находится в довольно близких деловых отношениях с германским и британским посольством в Токио и выполнил для них работу по экономике и финансам Японии. Вполне понятно, что в интересах легализации подобные отношения являются нормальными, но поскольку Густав является нашим работником, я должен знать детально о взаимоотношениях, связях и работах Густава. До сих пор этого не было. Для меня странно, почему Рамзай, зная об этом /а я ни одной минуты не допускаю, чтобы Густав самостоятельно, без ведома Рамзая, мог бы пойти на составление конфиденциальных докладов для немцев по экономике Японии, которые мне хорошо известны/ не считает нужным сообщать мне об этом. Я прошу Вас серьезно поговорить с Рамзаем и выяснить подробные данные о связях его людей в иностранных кругах, об их возможностях /особенно в иностранной колонии/; в итоге двухгодичной работы Рамзая я не имею характеристик и не могу представить ясно ни одного из работников Рамзая, а пикантные подробности о тесном контакте наших работников с противни-

ком узнаю из совершенно других источников. Рамзай лишь вскользь в своих письмах указывал нам, что он и Густав делают все усилия, чтобы хорошо себя легализовать, но о деталях упорно молчит. На примере с Густавом /не говоря точно об источнике нашей информации/ разъясните Рамзаю всю неприемлемость для нас такого положения. Сделайте это, однако, не в порядке предъявления Р-ю обнаруженных нами вольностей Густава, а в форме дружеского указания о том, что нам не вредно знать и форму журналистского прикрытия как Р., так и Густава и др. Малозначащие доклады Густава и других нам, конечно, посылать не надо, но документы солидные, к которым проявляют интерес инодипломаты вроде Сенсона, мы хотели бы иметь. Дорогой Алекс, разговор на эту тему с Рамзаем должен быть особо деликатным с соблюдением особой чуткости. Беседа должна носить не характер расследования, а дружеского, основанного на полном доверии, уточнения.

в/ Ваша встреча с Рамзаем намечается в конце августа; Рамзай по телеграфу сообщил свое согласие. Я просил его назвать город и установить условия встречи. По получении этих данных сообщу Вам по телеграфу. Возможно, что Вы договоритесь об этом через Фрица, тогда поставьте меня в известность.

г/ С последней почтой Рамзая я получил обратно два своих письма — апрельское и майское и инструкцию по обращению с фотокамерой «Минифекс» /все на английском языке/ Как это получилось? Получены ли они от Рамзая или посланы вами? Если от Рамзая, то почему он их не сжег, а сфотографировал их и вернул обратно. Чей это недосмотр? Прошу расследовать все дело с этими письмами и сообщить.

д/ До сих пор у Вас нет обусловленной связи с Рамзаем на чрезвычайный случай, когда все связи с ним будут порваны. Прошу Вас продумать место явки в Вашем городе и самую явку, а также способ вызова на явку. Дайте 2—3 варианта Рамзаю. Последний, со своей стороны, должен дать Вам аналогичную же явку в свой город. Явки сообщите мне.

е/ в ближайшее время к Вам из Европы выезжает Ингрид; явку и место остановки ее я уже сообщил Вам. **Ингрид поставлена задача завербовать 1—2 чиновников или офицеров военмина или генштаба** (выделено иной. — *М.А.*)...

Подумайте и сообщите мне, стоит ли к Рамзаю подвешивать эту верную, но несколько беспокойную даму. Рамзай должен ей помочь в следующем: ...

Прошу Вас точно инструктировать и убедиться в знании Рамзаем всех моментов, касающихся его взаимоотношений с Ингрид; подчеркните важность задач, возложенных на нее и необходимость соблюдения осторожности и конспирации. Запрещайте Ингрид заводить связи в левых кругах, особенно среди лиц, симпатизирующих нам и могущих быть на учете полиции.

ж/ Вопрос нашей связи на Америку, поставленный Рамзаем через Америку, является крайне важным и своевременным. Принимаю меры к тому, чтобы создать от Вас и от него линию на Америку и обратно; кое-что сделано, но, однако, завершить начатое удастся не ранее как через полгода.

з/ Прилагаю оценку материалов последней почты Рамзая; прошу поговорить с ним детально по этому вопросу и принять меры к устранению обнаруженных недочетов в технике обработки документов».

Одновременно в Шанхай была отправлена и «Оценка материалов июньской почты Рамзая»:

«1. Беседа капитана Веннера с представителями японского флота. — ...Средней ценности...

2. Политические заметки. 3. О японско-германских и японо-маньчжурских переговорах. — Оба материала представляют большую ценность...

4. Различные военные сведения. — Материал содержит ряд сведений по военной технике; представляют интерес...

5. Беседа представителя германского информбюро с Ямада о политической обстановке в Японии. — ...Средней ценности.

6. Беседа с английским послом Клайвом. — Материал представляет большую ценность, ибо, в известной мере, освещает отношение Англии к японогерманским переговорам и позволяет понимать английскую позицию в дальневосточных делах. Материалы подобного содержания с беседами виднейших дипломатов и государственных деятелей представляют для насособую ценность. Присылка в будущем материалов такого содержания необходима.

7. О 29-й армии в Хубее и Чахаре. — Хотя и устарелый материал, но представляет некоторый интерес...

8. Брошюра о японской армии. — Брошюра излагает вопросы обучения молодежи; состава, организации и особенностей тактического применения различных родов войск. Часть сведений устарела, так как она была написана в 1935 г., остальная часть нами используется. Непонятно, почему по личному усмотрению Рамзая целый ряд страниц оказался выброшенным из материала; это вредит содержанию брошюры. В будущем ни в коем случае страниц из материалов и документов не выбрасывать. Средней ценности.

9. Доклад о Маньчжурских железных дорогах. — ...Представляетинтерес.

10. Данные об японских ПВО. — Материал представляет собой отрывочные сведения, и не содержит новых данных о ВВС; таблица взята из легальных, опубликованных данных. Производственная мощность авиазаводов занижена. Мало ценный.

11. Соглашения о германо-маньчжурской торговле. — Материал представляет подлинный текст германо-маньчжурского торгового соглашения. Ценный. В будущем подобные подлинные документы высылать как материал большой ценности.

12. Характеристика средств вооружения Японии.

13. Об улучшении вооружений, об авиации и мото-мехвойсках. —...Используется, в будущем подобные материалы высылать. Средней ценности...

14. Береговые катера. — Обычное предложение фирмы — каталог. Мало ценный. Если можно, то лучше присылать сначала оглавление каталога, чтобы можно было познакомиться с наиболее интересными новинками по морскому делу.

15. Доклад германского посольства о положении сельского хозяйства в Сев. Китае в 1936 г. — ...Средней ценности. В будущем получение подобных докладов желательно.

16. Различные документы, относящиеся к событиям 26.2.36 г. — ...Представляют интерес, среднейценности.

17. Февральское восстание /Доклад германск. воен. атташе/. — Интересно отметить, что этот материал представляет только первые 7 страниц доклада военного атташе, посланного им в Берлин. Известна ли Рамзаю остальная часть доклада и, если да, то почему он ее не выслал нам. Ценный. Получение таких докладов необходимо.

18. Доклад германского морского атташе о роли японского флота в событиях 26.2.36 г. 19. Доклад немецкого посольства в Токио о событиях 26.2.

20. Материалы о февральском восстании в Японии. — ...Ценный. Получение подобных документальных материалов о важнейших политических событиях весьма желательно.

21. Перевод брошюры японского морского министерства. — Представляет интерес.

22. Воспоминание о русско-японской войне и решимость нашего народа на будущее — Легальная агитационная брошюра военного министерства Японии о Русско-японской войне и о численности и вооружениях РККА на Дальнем Востоке. Мало ценная. Нами получена легальным путем. В будущем легальных брошюр и книг не присылать.

23. Международное положение и императорский флот Японии. 24. Японо-маньчжуро-китайские отношения с точки зрения обороны. 25. Советский Союз с точки зрения обороны. — Легальные агитационные брошюры военного министерства Японии. Не представляют интереса. Нами получаются легальным путем. В будущем подобных легальных книг и брошюр не высылать. Мало ценные.

26. Подбор вырезок из японских газет о деле подполковника Айдзава. — Мало ценные материалы. В будущем никаких вырезок из газет, какого бы они сенсационного содержания ни были, не производить и нам не присылать. Мы получаем и обрабатываем японскую прессу».

1 сентября 1936 г. Зорге ответил на июльские письма, высказав недовольство в части ряда замечаний в свой адрес:

«Уважаемый г. Вице-Директор.

Сердечно благодарю Вас за Ваши оба письма от июня (июля. — *М.А.*) 1936 г. Я получил письма при встрече с нашим другом Алексом и тотчас же основательно обсудил с ним все затронутые там вопросы. Мне кажется, что по всем вопросам у нас с ним единое мнение. Поэтому не буду повторяться по всем вопросам, а остановлюсь лишь на некоторых. Прилагаю к этому письму краткий политический обзор.

1 пункт. По вопросу о моем аресте я должен сообщить следующее: я был арестован не во время трех дней февральских событий, а несколько позже. Причиной моего ареста было не то, что я, как оголтелый репортер, фотографировал баррикады и тому подобные интересные вещи; я был арестован во время абсолютно невинной съемки крестьянских домов на окраине города, которую я производил для моей работы по крестьянскому вопросу во время воскресной прогулки с Кот. Ваши выводы, сделанные на основании неверных предположений и без знания сущности дела, содержат в себе две недооценки.

Во-первых, Вы недооцениваете меня: если бы я носился по городу, подобно типу, как Вы пишете об этом в Вашем письме, меня не арестовали бы, а просто пристрелили бы, как это имело место с одним местным японским журналистом. Не считайте меня таким глупым и бездарным — я все-таки несколько умнее.

Во-вторых, Вы недооцениваете трудности работы в моей стране. Если надо было бы только остерегаться таких вещей, как беготня с фотоаппаратом, то дело обстояло бы сравнительно просто. Вся трудность условий моей страны заключается именно в том, что нет никакой уверенности в том, что не

произойдут вещи, которые нельзя совершенно предусмотреть. Вас, например, могут задержать, если Вы после 12 часов ночи едете с Иокахамы в Токио, и доставить в ближайший полицейский участок, как то случилось со мной во время съемки крестьянских домов. Нет гарантии ни от какого насилия в любое время дня и ночи, особенно когда люди взвинчены февральскими и другими событиями; тут логика летит к чертям и можно ожидать всего. В этом заключается исключительная трудность работы в этой стране и связанная с этим напряженность. Это относится и к местным людям: если они долго расхаживают по улице и попадают на глаза какому-нибудь шпику, он может забрать их и отправить в участок. Поэтому прошу Вас, г. Замдиректора, представить все происшедшее в этом свете. Здесь особая почва, на которой иногда не действуют общие правила, о которых Вы мне напоминаете, но тем не менее они, конечно, не теряют своего значения, надо только умело применять их в каждом отдельном конкретном случае, что здесь чрезвычайно трудно вследствие царящего произвола.

2 пункт. Второе обстоятельство подобно первому. Я вовсе не расхаживаю по улицам с красногалстучными левыми. Верно, что одно местное лицо было объявлено раньше красным и, конечно, арестовано. Но с остальными этого не было, и их просто захватили при больших налетах. Один, видимо, обвинялся в том, что нарушил выборные законы, высказавшись во время предвыборной кампании за выборы городского совета.

Вообще, непосредственное общение я имею только с Джо и Отто, с остальными же косвенно, часто даже косвенно через Джо и Отто. Наконец, Ронин сидит за старую китайскую историю, которая недавно снова сплыла в связи с арестами в Маньчжурии. Тем не менее, я охотно соглашаюсь, что Ваши предостережения в связи с левыми имеют под собой почву, если даже это и не соответствует действительной картине.

3 пункт. По вопросу о возможности существования тайного японо-германского военного соглашения я смогу сообщить окончательные данные с ближайшей почтой по возвращении Кот. Но надо сказать, что имеющиеся данные и кое-какие другие моменты говорят против этого. Мне кажется, почти наверное, такого соглашения нет, и оно для германской стороны ни в коем случае нежелательно. Эту точку зрения разделяют также Дик, Кот, Мейн, Канн. Я в этом вопросе уверен, и Ваши предположения не соответствуют действительности.

4 пункт. Я говорил с Алексом об Ингрид, и мы решили, что связь даже изредка необходима.

5 пункт. Я очень прошу вас /об этом я уже телеграфировал/ посылать мне отныне деньги на Гонконг-Шанхай Банк. Было бы также желательно чтобы голландский отправитель имел иной адрес, а не адрес отеля; или же, если это невозможно, переводил деньги по телеграфу для того, чтобы в Токио не появлялся этот адрес отеля.

6 пункт. На этот раз не запрашиваю, интересуют ли вас немецкие материалы и информация, так как по временам получаю кое-какие сведения конфиденциального свойства, достать которые нелегко. Некоторые из них я уже переправил Вам.

7 пункт. По остальным вопросам я подробно говорил с Алексом, и он Вас, вероятно, информирует по всем вопросам, в том числе и о Чезе.

8 пункт. Я уже приготовил новую почту. Она сможет быть отправленной сейчас же после моего возвращения через Густава. Все обещанное выполнено. Материал у меня большой, я надеюсь, что кое-что для Вас будет интересно.

Будьте здоровы, г. Замдиректора.

Еще раз сердечно благодарю за Ваши письма и пожелания.

Жму руку.

Ваш Р.».

На категорический запрет Центра поддерживать связи с японской агентурой Зорге ответил: «… я охотно соглашаюсь, что Ваши предостережения в связи с левыми имеют под собой почву, если даже это и не соответствует действительной картине». Такой ответ, предполагал, что он как работал с японской агентурой, так и будет работать, не вдаваясь в особые объяснения.

Зорге не выполнил указания Центра в отношении японской агентуры и даже не попытался отстоять свою позицию по использованию «туземных людей» в последующей переписке (оставив за собой последнее слово). Следует заметить, что об обсуждении этого вопроса при личной встрече с Боровичем нигде не упоминается.

Однако и Центр не был последователен в своих указаниях. Вскоре будет пересмотрен запрет связи с «Отто» и «Специалистом» и принято решение передать их «Ингрид» — Айно Куусинен.

Категорический запрет Центра поддерживать связь с «туземными людьми, как с оставшимися на свободе, так, особенно, с арестованными и выпущенными на свободу», являлся, по сути, запретом поддерживать или устанавливать связь с лицами, причастными к коммунистическому и левому движениям, как в прошлом, так и в настоящем. Связи с активистами левого и коммунистического движений, среди которых были и такие, кто уже не раз подвергался полицейским репрессиям, — создавали реальную угрозу для резидентуры. Тем не менее Одзаки и Мияги, составлявшие костяк японской агентуры, принадлежали именно к таким лицам.

Категоричность Центра не привела к исправлению «Рамзаем» его ошибки. Не на высоте оказался и «Алекс», у которого не нашлось аргументов для объяснения всей опасности подобных связей. Вплоть до провала в числе агентов «Рамзая» оставались активисты левого и коммунистического движений, состоявшие под надзором полиции.

«Чез», о котором упоминает в своем письме Зорге, Джон Луумис Шермэн, под фамилией Чэйз находился в Японии в 1934—1935 годах с задачей создать нелегальную агентурную сеть и подобрать для нее людей.

Из Меморандума (Мемо — изложение содержания телеграмм) от 25.7.36: «Предупреждает (Рамзай. — *М.А.*) об аресте японца Ока (художник партийной газеты в Калифорнии) при возвращении его в Японию. Ока знает почти всех членов партии-японцев в Калифорнии. У Джо туберкулез. Р. просит помощника для замены Джо».

У Зорге была кандидатура для замены Мияги («Джо»). Речь шла о японском коммунисте, художнике-монументалисте, ученике Диего Риверы Нода Хидео (псевд. «Нэд»). В 1934 г. он вместе с Шермэн-Чэйз («Дон») был послан в Токио для открытия там отделения литературного агентства «American Feature Writes Syndicate». Агентство существовало около восьми месяцев; оно было срочно ликвидировано в 1935 г., когда РУ получило сведения об арестах в Ев-

ропе разведчиков, знавших о его подлинном назначении, и операция была прекращена. В 1934—1935 годах Зорге встречался с «Доном» в Токио, а также, возможно, и с Нодой. Так или иначе, о свертывании операции по созданию отделения литературного агентства в Токио он знал. Этим и объясняется его настойчивость в передаче на связь Нода.

Дальнейшая переписка Центра с Рамзаем и Алексом в меморандумах — — выглядела следующим образом:

«28.7.36. Рамзай предложил высылать IkeyaniNewsServiceforChemica lindustry. Дает данные о Хасимото — молодой офицер Востечи. Специальной службы — уехал неизвестно куда...»; «7.8.36. 1. Благодарность за предупреждение об аресте Ока. 2.**Оказать Джо помощь путем выдачи пособия и прекратить с ним связь** (выделено мной. — *М.А.*). ...4. Сообщить, когда, где, кто и при каких обстоятельствах связался с Хасимото и какие существуют отношения с ним»; «9.8.36. 1. Алекс сообщил, что Фриц женится 1.8 и 9.8 возвращается домой. Подтверждает получение почты в 13 пленках. 2. Встреча с Рамзаем 24.8.36 в Пекине. Просит сообщить и точную дату его приезда. 3. Просит разрешения связать Рамзая с Рамоном и дать краткую оценку материалов почте Рамзая»; «Ответ 10.8.36. 1. Запрещена связь Рамзая с Рамоном. 2. Дата и условия встречи будут сообщены. 3. Рамзаю запрещено вести с собой почту и материалы и указано держаться лояльно по отношению японских властей. 4. Рамзаю выслать условия встречи. 5. Алексу сообщено, что оценка майской почты послана»; «От Алекса 10.8.36. Августовская почта Рамзая. 1-й фильм: Доклад о политич. положении в Китае от 3.3.36. Положение в Северном Китае от 14.2.36. Доклад Генконсула в Тяньцзине от 7.2. о том же. Доклад посла в Токио об экономиче. планах Японии в Сев. Китае от 5.2. 2-й фильм: Доклад генконсула в Тяньцзине о положении в Хубей 27.1. 3-й фильм: Доклад посла в Пекине о япон. планах в Север. Китае 10.1. Доклад Генконсула в Тяньцзине о Северо-Китайском вопросе в 1936 г. 4-й фильм: Военная инструкция «Специалиста» на японском языке. 5-й фильм: Доклад "Специалиста" о жел. дор. войсках и технике. Доклад Отто по тому же вопросу (в 2-х экземпл.). 6-й и 7-й фильмы: Материалы и брошюры на японском языке. 8-й фильм: Письмо директору. Записки разговоров герм.-японских переговоров. 9-й и 10-й фильмы: Брошюра и материалы о флоте на япон. языке. 11-й фильм: Доклад генконсула в Харбине. 12-й фильм: Разобрать невозможно (проявлен Рамзаем)»; «13.8.36. Алексу из Центра. При встрече с Рамзаем выяснить технику получения материалов и возможности получать более свежие материалы, так как августовская почта содержит старые материалы»; «13.8.36. Рамзаю из Центра. ...2. Августовская почта Рамзая содержит старые материалы, необходимо организовать высылку более свежих материалов»; «14.8.36. Рамзай сообщает, что военный атташе Германии полковник Отт убывает в отпуск на 2 месяца в Германию. Источник Рамзая Отто послан на 2 месяца в Америку. От Рамзая не будет много информации. В целях маскировки Рамзая для свидания с Алексом в Пекине предпринимает трехнедельное путешествие в качестве журналиста и намерен вернуться около 20 сентября. В это время связь с Центром будет поддерживать Фриц. Если будут информационные сообщения, Густав передаст их Фрицу для передачи центру. Алекс должен передать деньги Рамзаю»; «21.8.36. Рамзай сообщил, что он прибудет в Пекин 30 августа в 9 часов утра поездом. Дана телеграмма Алексу через Михаила о свидании с Рамзаем».

С 19 по 24 августа1936 года Военной коллегией Верховного Суда СССР под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха и при участии прокурора А.Я. Вышинского слушалось дело «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», известного также как «процесс 16-ти» — первый из так называемых московских процессов, показательный суд над группой бывших руководителей партии, в прошлом активных участников оппозиции. Следствие по делу велось с 5 января по 10 августа 1936 года под руководством Г.Г. Ягоды и Н.И. Ежова. Среди подследственных были осужденные в январе 1935 года по делу «Московского центра» и отбывавшие наказание Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. Подсудимые составляли две не связанные между собой группы. В одну входили известные большевики, участвовавшие в 1926—1927 годах в «объединенной оппозиции»: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов,Е.А. Дрейцер, И.И. Рейнгольд, Р.В. Пикель, Э.С. Гольцман. Они обвинялись в организации в соответствии с директивойЛ.Д. Троцкого объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра для совершения убийства руководителейВКП(б) и Советского правительства; в подготовке и осуществлении 1 декабря 1934 года через ленинградскую подпольную террористическую группу «злодейского убийства Кирова»; в создании ряда террористических групп, готовивших убийство И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, Г.К. Орджоникидзе, С.В. Косиора, П.П. Постышева.

В другую группу входили 5 бывших членов компартии Германии, эмигрировавших в СССР, некоторые из них сочувствовали в «левой оппозиции», другие были агентами НКВД: Фриц-Давид (И.-Д. Круглянский), В.П. Ольберг, К.Б. Берман-Юрин, М.И. Лурье, Н.Л. Лурье. Их обвинили в том, что, якобы будучи членами подпольной троцкистско-зиновьевской террористической организации, они являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства.

По мнению обвинения, осенью 1932 года подпольная троцкистская организация в СССР, выполняя указания Троцкого из-за границы, объединила усилия с подпольной зиновьевской организацией. Образовался «объединенный центр», в котором троцкисты были представлены Смирновым, Мрачковским и Тер-Ваганяном, а зиновьевцы — Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым и самим Зиновьевым. Конечная цель их была — захват власти. Как утверждало обвинение, заговорщики не тешили себя надеждой заручиться поддержкой народа, ибо под руководством Сталина СССР успешно строил социализм. Оставалось только одно: убить Сталина и других вождей партии и правительства.

Все началось в марте 1932 г., когда Троцкий в открытом письме (экземпляр которого нашелся между двойными стенками чемодана Гольцмана) выступил с призывом убрать Сталина, то есть убить его. Троцкий из Норвегии заправлял заговором, а главными заговорщиками в СССР были Зиновьев и Каменев (которые с конца 1932 до 1933 года отбывали ссылку, а в 1935—1936 годах находились под арестом и, недолгое время будучи на свободе, оставались под неусыпным наблюдением НКВД. Шифрованные донесения от Троцкого якобы передавал заговорщикам Смирнов (который с января 1933-го сидел в тюрьме). По материалам обвинения, центр дал команду группе Николаева—Котолынова убить Кирова в Ленинграде. Планировалось еще много покушений, но каждый раз выходила осечка. В 1934 году Бакаев, Рейнгольд и Дрейцер дважды пытались выполнить эту установку, но безуспешно.

В 1935 году Берман-Юрин и Фриц Давид хотели убить Сталина на VII конгрессе Коминтерна, но у них ничего не вышло: первого просто не пустили в здание, а второй хотя и прошел туда с браунингом, но не сумел подойти на расстояние выстрела. Повинуясь переданному Седовым приказу Троцкого, Ольберг хотел застрелить Сталина на первомайских торжествах 1936 года, но также не смог, так как был арестован до Первомая. Натану Лурье не удалось выполнить задание — убить Кагановича и Орджоникидзе, когда они приехали в Челябинск. Потом он не застрелил Жданова на первомайской демонстрации в Ленинграде в 1936 году только потому, что оказался слишком далеко от него. Готовились покушения на Ворошилова, Косиора и Постышева, но все попытки провалились.

Единственным представленным суду вещественным доказательством, если не считать признаний самих подсудимых, был фальшивый гондурасский паспорт Ольберга. Единственной свидетельницей выступила бывшая жена Смирнова А.Н. Сафонова, которая сама была под следствием по обвинению в участии в заговоре. Один из обвиняемых, Гольцман, признался в том, что в 1932 году встретился в копенгагенском отеле «Бристоль» с сыном Троцкого Львом Седовым, где последний передал ему инструкции Троцкого. Кстати, Троцкий представил комиссии Дьюи, заседавшей в Мексике в начале 1937 года, документы, неопровержимо доказывавшие невозможность пребывания его сына Седова в Дании в 1932 году. Генеральный план террористических действий — письмо Троцкого от 1932 г. с требованием «убрать» Сталина посредством его убийства оказалось всего лишь «открытым письмом», написанным Троцким в марте 1932 г. и напечатанным в «Бюллетене оппозиции». В письме Троцкий, отвечая на вышедший в феврале указ о лишении его и членов его семьи советского гражданства, обвинял Сталина в том, что его курс заводит партию и страну в тупик, и в заключение писал: «Нужно наконец выполнить последний настоятельный завет Ленина — убрать Сталина». На мнимом тождестве слов «убрать» и «убить» строилось все обвинение (в1956 году Сафонова сообщила в Прокуратуру СССР, что ее показания, как и показания Зиновьева, Каменева, Мрачковского, Евдокимова и Тер-Ваганяна, «на 90 процентов не соответствуют действительности»; условные 10 процентов правды — реальная оппозиционная организация, существовавшая в 1931—1932 годах, реальные встречи, в других местах и с другими целями, а номера «Бюллетеня оппозиции», найденные при аресте в чемодане Гольцмана, и т. д.— и легли в основу «террористического» сюжета).

Предъявленные обвинения признали почти все подсудимые, за исключением Смирнова и Гольцмана, которые, как и на предварительном следствии, продолжали отрицать свою причастность к террористической деятельности, хотя и были готовы подтвердить участие в работе подпольной оппозиционной организации (тем более что Смирнов еще в 1933 году был осужден за это к 5 годам лишения свободы). Все 16 подсудимых были признаны виновными, 24 августа 1936 года их приговорили к высшей мере наказания — расстрелу, и на следующий день приговор был приведен в исполнение.

В печати публиковались многочисленные статьи и резолюции с осуждением «троцкистско-зиновьевской банды». 17 августа, до решения суда, в «Правде» появилась статья «Страна клеймит подлых убийц». «Правда» ежедневно печатала стенограмму процесса. 20 августа «Литературная газета» вышла с редакционной статьей «Раздавить гадину!». 21 августа в «Правде» было

опубликовано коллективное письмо «Стереть с лица земли!», подписанное 16 известными писателями. А после вынесения приговора публиковались многочисленные одобрительные отклики. 13 июня 1988 года пленум Верховного суда СССР отменил приговор, реабилитировав осужденных с прекращением дела за отсутствием в их действиях состава преступления.

31 августа 1936 года Урицкий направил Зорге личное письмо (не исключено, что подобные письма за подписью начальника Разведупра были направлены и другим нелегальным резидентам):

«Дорогой Рамзай.

В порядке политической информации, о которой Вы меня просили, посылаю Вам это письмо.

Только на днях закончился процесс троцкистско-зиновьевской террористической банды, скатившейся до последней степени падения — до роли агентов гестапо. Процесс показал, что в борьбе двух миров — мира капитализма и мира социализма — нет и не может быть "золотой середины". существуют два враждебных друг другу полюса: на одном все честное, все благородное, все, кому дорого дело освобождения трудящихся, и на другом — самое подлое и гнусное отребье старого мира, злейшие враги социализма. Шайка негодяев, пойманная с поличным, уничтожена; приговор был встречен нашей 170-миллионной страной как справедливое возмездие, как выявление воли всего народа… Логическая неизбежность для врагов партии, в конечном счете, скатиться до открытой белогвардейщины со всеми ее прелестями пророчески предсказана т. Сталиным за несколько лет до их позорной смерти; их пример должен служить предостережением каждому, отходящему от генеральной линии нашей партии, не изжившему своих разногласий с партией и показать, что логика борьбы против партии приводит с неизбежностью в стан злейших врагов трудящихся, в стан самого разнузданного фашизма. Процесс выявил необходимость повышения бдительности и осторожности. Быть бдительным — значит изучать людей и при том изучать на работе и в быту. Благодушие, разболтанность, расхлябанность, излишняя доверчивость, вера на слово — враждебны по духу нашей партии. Всегда надо помнить золотые слова нашего любимого вождя: "Не убаюкивать надо партию, а развивать в ней бдительность, не усыплять ее, а держать в состоянии боевой готовности, не разоружать, а вооружать".

Особенно важно это для наших товарищей за рубежом, находящихся на ответственной работе и во враждебном окружении: постоянная бдительность, осторожность и конспиративность, соединенные с непрерывной проверкой людей на деле, обеспечат успех работы и обезопасят нашу организацию от проникновения в нее подлых последышей троцкистской банды. Процесс показал, наконец, что наша страна и партия едины и сплочены, как никогда в одно общее стремление построения социалистического общества вокруг нашего горячо любимого вождя и учителя».

К письму прилагалась следующая приписка:

«Дорогой мой Рамзай.

Посылаю Вам также свое личное письмо по этому процессу. Быть может, сразу это будет много, но вопрос такой серьезный, что я думаю нелишне бу-

дет более подробно на нем остановиться. Хочу также с Вами поделиться, что положение в Испании очень напряжено, фашисты всех мастей и стран помогают испанским генералам, но испанские рабочие на этот раз побить себя не дадут, будет жесткая борьба. Рот фронт.

Директор.

31.8.36».

В это же самое время по распоряжению Урицкого был подготовлен следующий документ:

«Справка

Т. Зонтер Ика Рихардович приказом НКО СССР по л/составу Армии, состоящим в распоряжении РУ не зачислен и звание ему не присвоено.

Начальник отделения кадров
полковой комиссар /ТУЛЯКОВ/
26.8.1936 г.

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: И2

По получении ответа от Алекса (см. мою телеграмму ему) — доложить мне для зачисления Зонтера приказом НКО. СУ. 26.8.36».

«Состоящими в распоряжении» числились кадровые офицеры Разведупра, находившиеся в зарубежной командировке.

В шифртелеграмме за подписью Урицкого, направленной в Шанхай, перед Боровичем ставилась задача проинформировать Рамзая о процессе контрреволюционеров-террористов и «попытаться прощупать его настроение и мнение в связи с этим». В зависимости от его доклада было бы принято положительное или отрицательное решение. Чем объяснить подобное указание Урицкого, атмосферой всеобщей подозрительности? Тем, что донос Бронина уже был навечно зашит в деле «Рамзая»?

Из письма Алекса от 31.8.36 года: «8) Сегодня встретился с Рамзаем. К сожалению, место не подходило для длительного разговора, поэтому, как ни хотелось в письме доложить о нем, не могу. Все Ваши указания, касающиеся его и моих разговоров с ним, будут выполнены. Телеграфно доложу».

«ВЫПИСКА из письма Алекса от 6.10.36 г.

1. Несмотря на то, что после моего путешествия на Север и встречи с Рамзаем прошло около месяца, я до сих пор не сообщил Вам по телеграфу ничего о наших переговорах, так как изложить все это или хотя бы важнейшее в телеграмме очень трудно. Виделся я с ним 4 раза и переговорил о всех вопросах, хотя и не обо всем смог переговорить достаточно подробно, так как время лимитировало наши встречи. В общей сложности, говорил я с ним часов 6—7.

а) Ваше задание информировать Рамзая о процессе контрреволюционеров-террористов и попытаться прощупать его настроение и мнение в связи с этим я выполнил только отчасти, и мне удалось выявить так мало данных, что прийти к какому-нибудь обоснованному выводу я не смог. Должен только сказать, что ничего предосудительного я не заметил, хотя одно мне не понравилось, что этот разговор завести должен был я, и при перерывах этой темы по внешним обстоятельствам, он ее сам не возобновлял. Хусину я более подробно об этом рассказывал, и он, если найдете нужным, доложит Вам об этом. Трудность заключается также в том, что весь этот разговор должен был иметь естественную отправную точку и вестись не в следственных тонах.

Кроме того, такие вопросы могут быть выяснены не в беседе только о процессе, но в беседе, которая затрагивает вопрос более глубоко и широко».

Итак, после двухмесячного молчания Борович дал уклончивый ответ: «ничего предосудительного я не заметил, хотя...» Больше «Алекс» к этому вопросу не возвращался, Центр этого и не требовал. Что же касается Зорге, то он остался не «состоящим в распоряжении РУ», и звание ему так и не было присвоено.

Подобное решение (вернее его отсутствие) можно объяснить тем, что еще в январе 1935 года на имя наркома обороны Разведупром был подготовлен документом (по всей видимости, утвержденным):

«3) Народному комиссару Обороны тов. Ворошилову утвердить положение о кадрах и агентуре Развед. Управления… и строгое разделение работников на три разряда (кадры, агенты и источники).

…В кадры РУ не должны привлекаться иностранцы. РУ комплектовать русскими, украинцами, белорусами, евреями».

В этом списке отсутствовали немцы, эстонцы, поляки и латыши, и это говорит о том, что автором положения был Артузов, но не Берзин, еще возглавлявший военную разведку.

«Острова, Рамзаю.

1. Ингрид выехала к Вам.

2. Деньги перешлю на адрес Хонконг Шанхай Банк Токио.

3. О каких химических вопросах Вы просите, не понятно. Сообщите их содержание.

4. Если вторая половина ночи Вам неудобна, сообщите время для работы, удобное для Вас. Висбадену даны указания об усилении мощности.

5. Согласен отложить буквенный код до октября. Сообщите, когда атмосферные разряды станут меньше

Сентябрь 1936».

«2.10.36. Рамзай сообщил, что он вернулся в Токио».

«2.10 …Рамзай просит дать список проблем и интересных вопросов по японской химии и химической войне, так как он имеет связи с иностранными химиками на Островах, а сам в этих вопросах ничего не понимает».

4 октября 1936 года 2-м отделом было подготовлено письмо, в котором «Рамзаю» вновь категорически запрещалось поддерживать связи с японской агентурой (письмо так и не было отправлено):

«1. Ваше письмо от 28.7.36 с приложениями получил. Я до сих пор еще не получил доклада Алекса о его свидании с Вами…

3. В письме Вы указываете на желание развернуть работу с вашими туземцами. Через Алекса я передал Вам категорическое запрещение поддерживать связи с Вашими туземными людьми. Я еще раз подтверждаю это свое распоряжение. Я думаю, что Вы сами понимаете всю опасность Ваших туземных связей. Помните, что основной Вашей задачей является глубокое врастание в немецкие круги. Дело не в раздувании опасностей, как Вы пишете, а в действительном учете нашего опыта. В ваших условиях будет несомненно большой опасностью недооценивать трудности, нежели их преуменьшать...

4 октября 1936 г. № 5».

Судя по тексту, подписать письмо должен был Артузов. И как следует из отправленного в 20-х числах того же месяца письма, все же речь шла лишь о временном запрещении связей с «туземными людьми»:

«Дорогой Рамзай!

1. По имеющимся у нас предположениям Кот в ближайшем будущем будет сменен другим лицом. Эта смена, несомненно, создаст для Вас дополнительные трудности и на первое время потребует от Вас еще большей осторожности и тактичности для того, чтобы сохранить завоеванные Вами позиции. В этих условиях связи с туземцами могут осложнить Ваше и без того сложное положение. **Поэтому еще раз подтверждаю мое указание о временном прекращении связей с туземцами**(выделено мной. — *М.А.*). Главная Ваша задача сейчас — это войти в полное доверие к новому человеку и установить с ним такие же отношения, какие у Вас были с Котом. Только при таких условиях Вы сможете работать с той же эффективностью, что и раньше. Я уверен, что Вы разрешите эту далеко не простую проблему.

2. Ваши связи с инженерами-химиками представляют интерес и в будущем могут иметь для нас еще большее значение. Посылаемое задание по химии затрагивает наиболее актуальные вопросы. Сообщите Ваше мнение о примерных сроках реализации их. При этом имейте в виду, что все легальные материалы по местной химии нам хорошо известны, поэтому строго придерживайтесь рамок задания.

3. Доклад "Специалиста" представляет несомненный интерес, хотя и имеет ряд неточностей. Существенным недочетом является отсутствие указаний на источники, которыми пользовался "Специалист" при составлении своего доклада /между прочим, я Вас неоднократно просил уточнить этот крайне важный по существу вопрос/...

4. Меня интересует возможность поездок Отто в Шанхай /не угрожает ли ему что-либо там, в связи с его прошлой деятельностью/, а также внесения ясности в отношения между Отто и "Специалистом", ибо помехой в дальнейшем глубоком использовании "Специалиста" как раз является отсутствие ясности в отношениях, **если бы "Специалист" дал согласие на работу с нами** (выделено мной. — *М.А.*), тогда, естественно, скорее можно было бы добиться от него серьезных сведений по армии.

Ответ на эти вопросы я хотел бы получить от вас без того, чтобы Вы сносились с Отто.

С приветом

22 октября 1936 г. № 6».

Своеобразная, двойственная форма указаний по последнему пункту лишний раз характеризовала неустойчивость и неопределенность позиции Центра в вопросе использования агентов-японцев: с одной стороны, предписывается прекратить связи «с туземцами», с другой — подчеркивается желательность вербовки «Специалиста» для получения от него «серьезных сведений по армии». Вместе с тем, еще 10.08.1935 г. Зорге указал его в «Характеристике источников, связей и сотрудников Рамзая». Как бы то ни было, перед «Специалистом» ставятся вполне «серьезные» задачи:

«Указания и задание СПЕЦИАЛИСТУ.

Доклад представляет ценность, так как дает суммарные данные по вооружению японской армии, но содержит ряд неточностей и неясностей. Доклад в своей значительной части составлен на основе легальных материалов и, по-видимому, бесед с офицерами. ...

Для облегчения ориентировки "Специалиста" в названиях и номенклатуре танков и бронеавтомобилей, мы рекомендуем ознакомиться со справочником Хейгля /немецкое издание/, что облегчит взаимное понимание и избавит "Специалиста" от необходимости сообщать нам уже известные вещи. ...».

Понимал ли «Специалист», что передаваемая им информация используется не только для удовлетворения праздного любопытства Одзаки? Безусловно, у него не могло не возникнуть вопросов о странных интересах друга, желавшего расширить свои познания в военных вопросах. Но он мог только предполагать, кто является конечным потребителем его изысканий. Возможно, что сам Одзаки предпочитал по тем, или иным причинам создавать впечатление у Зорге и как следствие у Центра, что «Специалист» используется им «в темную». «В темную» — потому что «Специалист» не знал, что подготавливает (в письменной форме) и передает информацию военной разведке.

«МЕМО № 449 от 2 ноября 1936 г. от Алекса.

1. Алекс сообщает, что Густав сообщил все данные о "Женщине". Просит категорического указания Рамзаю порвать связь с ней и держать Джо на расстоянии от этой компании.

2. Алекс сообщает, что не совсем благополучно обстоит дело с хранением ниток (комплектующих частей рации. — *М.А.*), что у Густава они почти на виду, у Фрица в порядке, как у Джигало еще не выяснили».

В начале ноября Центр вновь возвращается к категорическому запрету Зорге работать с японскими связями, однако в контексте передачи части из них Айно Куусинен, прибывшей в Японию: «4.11.36. Дана телеграмма Рамзаю о том, что ему категорически воспрещается общение даже конспиративным путем с японскими источниками. Необходимо продумать передачу Отто и Специалиста Ингрид. Необходимо принять меры к наиболее совершенной конспирации радиоаппаратуры, так как японские власти ведут энергичные исследования в этом направлении. Деньги на легализацию Фрица будут переведены на днях, нужно выслать форму легализации Фрица».

Абсурдно предположить, что Куусинен могла заменить Зорге, но шаги в этом направлении с передачей части его связей «Ингрид» уже настойчиво предпринимались Центром.

В сентябрьской почте «Дорогой Рамзай» отправил два письма, одно Урицкому, второе Артузову.

В письме «Директору» Зорге анализирует перспективы своей замены и приходит к выводу о ее нецелесообразности в данный момент, указывает на своеобразие его личных связей, которые будут тому препятствовать:

«1.9.36.

Глубоко уважаемый, любимый г. Директор.

Я был очень обрадован встрече с нашим другом Алексом и возможности побеседовать с ним; при этом он передал мне Ваши письма, которые я и прочел. Искренне благодарю Вас за эти сроки. Можете себе представить, как радуется наш брат получению непосредственных вестей от Вас. Я, разумеется,

очень счастлив узнать, что вам понравились мои предыдущие работы и что хоть в части их смог оправдать Ваши ожидания, являясь, таким образом, нужным членом нашей большой фирмы. Я горжусь тем, что моей работой также интересуется наш высший начальник и члены совета нашего крупного учреждения. Я и Фриц, получивший Ваше письмо несколько недель тому назад, благодарим Вас за Ваши сообщения и отзывы. Можете надеяться, что и в дальнейшем мы приложим все усилия для того, чтобы оправдать эти похвалы.

Что касается моей замены, то, к сожалению, я должен сказать, что это дело исключительно трудное, своеобразие моих личных деловых связей исключает возможность безболезненного разрешения этого вопроса. Как ни желательна для меня эта смена /а чем дальше, тем это желание больше/, я должен сказать, что положение на сегодня не таково, чтобы допустить простую замену. Единственным подходящим лицом, на котором, по моему мнению, можно было бы остановиться, является Густав. Но как раз он не подходит вовсе для связи с полковником Отт и его земляками; он не будет в состоянии заполнить бреши, образованной моим уходом. О Густаве может идти речь лишь в том случае, если центр тяжести будет перенесен с земляков Отта на новых людей, с которыми Густав недавно установил связь. Без этого Густав не в состоянии заменить меня. Если бы даже Густав и использовал мои связи, ему все равно пришлось бы потратить много времени на установление отношений в такой мере, как это удалось сделать мне с земляками Отта. Однако, перспективы к достижению этих целей у Густава есть. Я не вижу в данный момент иного выхода, как отложить вопрос о моей смене до возвращения из отпуска полковника Отта в октябре с. г., когда я узнаю от него, как долго он здесь останется. Его уход, который намечался зимой этого года, откладывается из-за его отношений с японским генштабом. Его уход имеет для меня большое значение, во-первых, потому что едва ли можно рассчитывать на то, что мои связи с ним без особого труда будут переданы его приемнику и, во-вторых, Отт уйдет лишь тогда, когда ряд существенных для него вопросов будет окончательно решен. Поэтому я считаю необходимым отложить решение поднятого Вами вопроса, но одновременно прошу оставить за мной право снова поставить его, как только возникнут новые моменты или изменения в положении. Надеюсь, что Вы согласитесь со мной и не будете возражать, если я заговорю об этом через некоторое время.

Наконец, объяснение по поводу молчания музыки Фрица. Два раза в связи со своей женитьбой Фриц не был дома и потому должен был прекратить свои музыкальные упражнения. К этому присоединились еще трудности времени года /разряды/. Но я надеюсь, что все это будет преодолено и что в скором времени Вы и остальные члены фирмы будете иметь возможность насладиться звучной музыкой нашего большого мастера Фрица. Его счастливый брак будет лишь способствовать успеху в его работе, так как возможности его еще больше увеличились.

В заключение я хотел бы еще раз поблагодарить Вас за заботы о моей жене. Заботы Фирмы о ней являются для меня большим успокоением, так как я могу не думать об условиях ее жизни. Я буду Вам благодарен, если и в дальнейшем Вы также будете заботиться о ней и сообщать ей отзывы о моей работе.

С приветом, Рамзай.

П.С. Очень желательно, чтобы Алекс перед отъездом домой еще раз свиделся со мной. Но едва ли я смогу поехать на континент. Нельзя ли сделать так, чтобы Алекс приехал ко мне».

«3.11. Рамзай сообщил о возвращении из Жехе офицера особой службы /разведчика / Хасимото /в будущем будет зашифрован как Хато/. Хасимото, якобы, занимался в Жехе убийством подозрительных китайцев и белых русских. Хасимото — типичный "молодой" офицер-фашист Квантунской армии и считает, что молодое офицерство вновь начнет беспорядки. Хасимото сообщил, что японский гарнизон на о. Сахалин представляет собой отдельную пограничную армию в 10 тыс. человек, составленную из войск 7, 8 и 9 дивизий с горной артиллерией, полевой артиллерией, кавалерией и техническими войсками».

[Резолюция т. Урицкого]: «Я думаю, что это липа. Тогда встает вопрос, зачем делает это этот Хасимрто? Сведения весьма сомнительны и, во всяком случае, сильно преувеличены».

«11.11.36. ...Необходимо с Хато проявить исключительную осторожность. Кто, где и когда связался с Хато и какие с ним отношения. Еще раз / в третий/ запрещается поддерживать связи с туземцами и посылать старые брошюры и легальные материалы. Сообщить о связи с Ингрид и передаче ей Отто, и передать ей о посылке ей в Осло 1000 амов. Проверить через Кота сведения о Сахалинском японском гарнизоне. О переводе Рамзаю денег 550 амов из Голландии».

«Хато» был одним из знакомых Мияги, который завел с ним знакомство,выполняя задачу, поставленную Центром перед Зорге завербовать «офицера, фашиста». Однако в последующей переписке «Хато» не проходит.

Выписка из письма Алекса от 6.10.36 г. в Центр:

«...б) Положение Рамзая в Самоедии. Вам известно, особых изменений в нем за последнее время не произошло. Его позиция все более укрепляется. Главной опорой его, как и раньше, является Кот, который питает к нему полное доверие и продвигает его. Перед своим отъездом на родину, Кот сообщил Рамзаю, что он был бы очень рад, если бы последний был бы его помощником по линии промышленно-экономического изучения страны и что он собирается ставить официально это вопрос. Дело здесь идет не о назначении его на официальную должность, а, так сказать, о включении его "вольнонаемным" по согласованию с инстанциями. Рамзай не выразил особого восхищения этим проектом, ссылаясь на свою журналистскую деятельность и, по его впечатлению, Кот, как будто, эту мысль оставил, хотя он не уверен в том, что Кот не будет говорить о нем в своей столице. С этой стороны могли бы угрожать неприятности, хотя тревоги Р. не проявляет.

Р. дает Коту информацию, главным образом, по экономике Самоедии, пишет ему на эту тему доклады. Время от времени передает ему также сведения военного и военно-политического характера. Кот пользует доклады Р. полностью для своих докладов.

Дик также относится с доверием к Р. и принимает его для докладов. Неоднократно использовал его доклады и информации для своих писаний в Центр.

В колонии Р. завоевывает все больше авторитета, как крупный отечественный журналист, он теперь является представителем не только той маленькой газеты, с которой он начал, но, как Вам может быть известно, яв-

ляется корреспондентом одной из крупнейших тамошних газет и ведущего экономического толстого журнала. Его отношения с другими членами дома также хороши и те из них, которые были натянуты, теперь улучшились.

Как Р. Вам пишет в письме, стоял вопрос об отзыве Кота, однако этот вопрос отпал, и Кот, по мнению Р., пробудет в Самоедии не меньше года. Понятно, отъезд Кота очень существенно изменит положение Рамзая. К сожалению, мы повлиять на это дело, как бы нам это и не было неприятно, ни с какой стороны не можем. К этому времени Р. приурочивает свой отзыв из Самоедии, не ставя его теперь, так как понимает, что заменить его невозможно.

в) Получение материалов происходит следующим образом: когда Кот получает интересные материалы или собирается писать, или написать сам, он приглашает Р. и знакомит его с материалами. Менее важные материалы он по просьбе Р. передает ему на дом для ознакомления. Более важные секретные Р. читает у него в кабинете. Р. говорит, что очень часто Кот, дав ему на прочтение материал, сам уходит из кабинета по делам. Р. удалось даже установить время, когда Кот отправляется с очередным докладом к Дику, что у них делается по расписанию. Доклад продолжается от 20 до 40 минут. Используя этот факт, Р. выбирает время для посещения Кота таким образом, чтобы оно предшествовало минут на 10—15 времени, установленному для доклада Кота. По словам Р., в это время он имеет полную возможность заснять все материалы, которые ему даны для прочтения, что он раз и проделывал, хотя и неудачно, так как аппарат не годился для этих целей. В связи с изложенным выше, мы обсудили с Р. вопрос, стоит ли ему заниматься такими делами. Однако, я не исключаю того, что иногда, при наличии очень важного материала в сугубо обостренной обстановке, к такому методу прибегнуть придется, особенно тогда, когда материал трудно запоминаем, и важно не столько общее его содержание, сколько точная передача последнего. В этом смысле я и высказал свое мнение Р. Однако, окончательное решение я не принял. Аппарат, присланный Вами, находится у нас. Фрицу я, понятно, его не передал, Рамзаю, тем паче. Прошу сообщить послать ли его следующим курьером в Самоедию, приняв во внимание, что наличие такого аппарата у Р. может при известной ситуации оказаться полезным, но, с другой стороны, аппарат, сам по себе, является в высшей степени не конспиративным и служит прямой уликой. Пересылка аппарата, по этим же соображениям, является, несомненно, опасной. Р. согласился с моими аргументами и никаких возражений против них не имел, он ждет Ваших указаний.

г) Густав. Согласно Ваших указаний, более или менее подробно переговорил о Густаве. Как Вам, вероятно, известно, Густав является корреспондентом одной из крупнейших английских газет и поэтому вхож в английские круги. Во время пребывания Р. в деревне мы указали ему на необходимость использовать эти возможности Густава для того, чтобы внедриться в английские круги и постараться добиться хотя бы приблизительно такого положения, как положение Р. Это Густаву удается с очень большим трудом, хотя он, несомненно, по мнению Рамзая, первые шаги в этом уже сделал. Основная связь, на которую он теперь опирается, является Сэнсон (возможно, это Клайв, английский посол в Японии. — *М.А.*), которого Вы знаете и с которым он завязал близкие приятельские отношения, и надеется через него начать свое внедрение дальше. Через Сэнсона он начал давать информацию своим "хозяевам". И это он продолжает делать до сих пор, стараясь завоевать дове-

рие к себе и авторитет. Однако, к "джентльменам" подойти гораздо труднее, они держатся очень обособленно, неохотно пускают в свой круг нового человека и только после более или менее длительного пребывания, Густав может надеяться на то, чтобы влезть к ним как следует быть (?). Кроме того, у них имеется старый кадр людей, знающих Самоедию, изучающих ее со всех сторон, и поэтому Густав не представляет для них такого интереса.

Колбасникам Густав вначале своей деятельности давал доклады, но очень скоро они от него сами отказались, ввиду его неарийского происхождения. Как видите, легализация Густава, — это газета. По мнению Рамзая, он и теперь легализирован неплохо, но дело тут не столько в формальном моменте, сколько в том, насколько он признается англичанами как британский корреспондент. Первое испытание прошло удачно. Во время пребывания Лейт-Росса (Фредерик Вильям Лейт Росс в 1932 г. был назначен главным экономическим советником британского правительства; одновременно он был членом экономической комиссии Лиги наций, а в 1936-1937 годах — председателем этой комиссии. — *М.А.*), он был приглашен в числе прочих «британцев» на беседу, данную Россом журналистам.

На время своего отъезда Рамзай связал Густава с Фрицем, о чем он Вам, вероятно, докладывал.

Рамзай передал Густаву связь с Джоэ («Джо» — Мияги. — *М.А.*) и тем самым с группой самоедов, о которой я буду докладывать отдельно.

д) Радиосвязь действует исправно. Фриц передает не с одного места, а меняет передачи. Всего у Р. три станции, которые и обслуживает Фриц попеременно. Одна из них находится у Фрица же, вторая — у Густава и третья — у Джигало. Рамзай имел намерение установить и у себя станцию, что я ему запретил сделать. С весны он собирается устанавливать еще две запасные станции на дачах у Джигало и Густава. В этой связи он ставит вопрос о необходимости присылки ему второго радиста, что я полностью поддерживаю, без этого им трудно будет развернуться и, кроме того, в случае каких-нибудь неприятностей с Фрицем, Рамзай останется без связи. Р., по его словам, начал упражняться сам в передаче и поэтому то и хотел у себя остановить станцию, но такое совмещение, понятно, недопустимо. Прошу Вашего распоряжения о срочном подыскании подходящего кандидата для посылки к Рамзаю, непременно, европейца, не американца и не китайца, лучше всего австрийца или немца, или швейцарца, или голландца.

е) Обеспечение курьерской связи, на мой взгляд, не плохое для самоедских условий. Я условился с Р., что он для курьерской связи будет использовать Густава, его жену, Джигало и его жену, и, если Вы дадите на это специальное разрешение, жену Фрица. Против последней я возражаю, не персонально, а как против жены Фрица. Прошу дать указание Р. по воздуху. При использовании 4-х человек, может быть установлена регулярная связь раз в 3 месяца, что достаточно. Привлекать кого-нибудь другого к этому делу нет возможности. От нас мы пока тоже не имеем подходящих кандидатов. В случае, если Вы передадите связь с Р. Рамону и, если у Билля все будет в порядке, может быть, можно будет использовать его для этой цели.

ж) Я передал Рамзаю Ваше указание на счет связи с левыми элементами и разобрал с ним группу самоедов, которая у него имеется. Как он вам пишет в своем письме, он непосредственной связи с этими людьми не имеет, связан с этой группой Джоэ, который сам их и нашел. В эту группу входят, в ос-

новном, два человека — одна самоедка, кличка "Женщина" и самоед, кличка "Киосю". Кроме того, один человек с острова Хоккайдо, которого так и называют, и сотрудник военный газеты, кличка "Аки". Из этих людей в революционном движении принимала участие Женщина и она, несомненно, является опасным звеном этой группы. Она, как и Киосю, используется для собирания военных сведений и наблюдением за переброскам, по словам Р., делают это они с большим энтузиазмом и добросовестно, и он уверен, что в случае каких-нибудь значительных передвижений войск, призывов в армии, мобилизации, они первые своевременно дадут сигнал об этом. "Хоккайдо" дает сведения военно-политического и военно-экономического характера: Тоже и другой (?)

Я указал на опасность «Женщины» и на необходимость ликвидировать это звено. **Но он** [«Рамзай»] **очень упорно отстаивает необходимость их использования и указывает, что сведения о передвижении войск и всякие другие сведения, которые он сообщал вам, он получал не от Кота, а от этих людей и что, информируя иногда Кота по данным этой группы, он уверился в том, что его сведения были первыми, а может и единственными, которые получал Кот по этому вопросу**(выделено мной. — *М.А.*). Не желая обескураживать его, я оставил этот вопрос на Ваше решение и прошу таковое сообщить ему по воздуху. Как я Вам уже сообщал, с этой группой Рамзай связан был через Джоэ, теперь же он Джоэ передал Густаву, так что и с Джоэ непосредственно связи иметь не будет.

з) Рамзай снова ставит вопрос о передаче ему самоеда, который был в свое время послан с Доном. Я ему указал, что мы вызвали этого человека в страну Дона, и я не знаю, где он теперь находится. Обещал ему, что если он был отправлен на острова, то мы его передадим ему.

Фриц легализовался довольно успешно. Вступил в компанию с одним самоедом, который также имеет представительство американских фирм и начал торговать в Самоедии и Якутии. Я выдал ему на легализацию 1000 амов. Ему потребуется еще тысячи полторы-две. Думаю, что эти деньги необходимо ему выдать, и прошу Вас выслать эти деньги следующей почтой.

к) После довольно подробного обсуждения, мы с Рамзаем решили оставить вопрос об Ингрид так, как его решили дома в момент отъезда Ингрид, т. е. связь раз в месяц для передачи и почты. Все остальные указания мною также переданы.

л) На чрезвычайный случай установлен телефонный звонок и адрес к Леле. В Самоедии к Джиголо.

м) Вы просили Рамзая дать характеристику Шульце. Шульце выдвинулся из низших служащих (как будто из унтер-офицеров) до теперешнего положения своей работоспособностью, пунктуальностью и молчаливостью. В виду его "низкого происхождения", он занимает особое положение "дома" и, хотя ему доверены все самые секретные документы и шифр, но отношение к нему не только немного с высока и с известным пренебрежением, но и ходят разговоры и слушки о том, что ему, мол, слишком доверяют и что делать этого не следовало бы. Никаких фактов и данных, обосновывающих такой вывод, Р. не слышал. Думает, что исходной является его происхождение. Ш. чувствует отношение окружающих в доме к нему и потому еще более замыкается.

Через два года он выслужится до полной пенсии, что и является теперь его главной целью — продержаться еще два года. Р. думает, что, если подой-

ти к нему умело, и систематически проработать над ним довольно длительное время, его можно было бы взять, но только в том случае, если бы ему была материально гарантирована возможная утрата пенсии.

н) Р. сообщает, что Гестапо работает в Самоедии и Якутии, в первую очередь, через свою подставную фирму "..." (нрзб. —*М.А.*) В Шанхае по этой линии работает некто Глипф, в Токио — некто Вайзе».

Рудольф Вайзе, руководитель токийского отделения Германского агентства новостей (ДНБ).

«Алекс» — Борович был, безусловно, прав, указывая на опасность привлечения к сотрудничеству «Женщины» — Кудзуми Фусако, которая наверняка состояла под самым тщательным и систематическим наблюдением специальной высшей полиции (токко) и представляла для резидентуры чрезвычайную опасность. Из-за нее полицейское наблюдение могло распространиться на Мияги и далее — на все его многочисленные связи.

«Киосю» — в дальнейшей переписке «Кйосю» — сотрудник иностранной нефтяной компании, подлинное имя которого осталось неизвестным.

«Одним человеком с острова Хоккайдо», получившим впоследствии псевдоним «Друг с Хоккайдо», был Ямана Масадзанэ, имя которого в Центре узнали лишь после окончания войны. «Друг с Хоккайдо» родился в 1902 года в семье крестьянина. В молодости вступил в компартию Японии, и во время «событий 15 марта» 1928-го действовал как организатор компартии Японии на острове Хоккайдо. В марте 1930-го он был арестован и осужден на 5 лет каторжных работ за нарушение закона «О поддержании общественного спокойствия». От своих убеждений Ямана не отказался. После освобождения из тюрьмы в январе 1935-го он был назначен на должность руководителя левой японской крестьянской лиги, а затем — общества «Тохокай». Приехав в Токио, Ямана встретил Кудзуми Фусако, которая и познакомила его с Мияги.

На допросе после ареста Мияги рассказал, как привлек Яману к агентурной работе: «Ямана просил меня помочь ему найти работу. Я не предполагал использовать его в нашей группе для чего-либо, кроме сбора материалов по аграрным проблемам Японии. Но после того как он связался с обществом по изучению современной политики, и стал приносить мне сведения по различным экономическим и политическим вопросам, я начал использовать его шире. Я выплачивал ему по 60 иен в месяц с весны 1936 г. до начала 1938 г., особо оплачивая расходы, связанные с поездками».

По служебным делам он совершал много поездок на Хоккайдо, Сахалин, в различные префектуры Японии. Мияги финансировал некоторые поездки, включая поездку на юг Сахалина. Встречи с Яманой проходили на квартире у Мияги или в ресторанах, где Ямана делал устные отчеты об экономических условиях в различных частях страны, о передвижении войск, настро ении умов, а также по другим вопросам общего характера. Все это была смешанная информация разного рода, которую любой человек может собрать из услышанного в железнодорожных вагонах, сельских автобусах и провинциальных гостиницах.

Как следовало из одного из представлений сотрудника токко, «в течение около 6 лет» он дал Мияги «более ста секретных информаций относительно военных приготовлений на Хоккайдо, о ходе мобилизации в армию, о местах нахождения аэродромов, о настроениях населения, о положении дел в кабинете УГАКИ, о политике министра иностранных дел ХИРОТА в отношении Со-

ветского Союза, о тенденциях армии в отношении инцидента в Северном Китае, о мобилизации и военных приготовлениях в районе Карафуто, о составе 100-й пехотной дивизии и т. п.»[60].

Ни Куцуми, ни Ямана не были знакомы с Зорге, который, в свою очередь, никогда не слышал их имен.

Акияма Кодзи, псевдоним «Аки», старый знакомый Мияги по калифорнийскому периоду, вернувшийся в Японию из Америки за несколько месяцев до Мияги. В 1916 году, в 27 лет он уехал в поисках лучшей жизни в Америку. В 1931-м Акияма, который работал в газете, издававшейся на японском языке, познакомился с Мияги, оказывая последнему немалую помощь, рецензируя и рекламируя выставки его картин.

В Токио Акияма оказался в затруднительном положении, и Мияги, приехавший в Японию, начал ему помогать, давая 20—30 иен в неделю, скромную сумму, которая позволяла ему сводить концы с концами. Видимо, Акияма из благодарности предложил свои услуги и вскоре делал письменные пере воды с японского на английский, за почасовую плату.

Некоторые отчеты, представлявшие непосредственный интерес для самого Зорге, требовалось срочно и добросовестно перевести на английский. Переводчиком в большинстве случаев был Акияма. Акияма, закончивший коммерческий колледж в Калифорнии, лучше владел английским, чем Мияги, и потому, когда срочно требовался перевод, за работу садился Акияма. Он переводил на английский как написанное от руки Мияги, так и японские тексты военного, экономического и политического характера. Готовя отчеты для Зорге, написанные по-японски, Мияги использовал исключительно черные чернила, поскольку Вукелич перефотографировал отчеты для передачи «Коминтерну».

Так продолжалось восемь лет, в течение которых Акияма получал пусть небезопасный, но стабильный заработок. По большей части он жил вместе с Мияги, не проявляя интереса ни к коммунизму, ни к подпольной деятельности. При этом он знал, что их могут арестовать и сурово наказать за измену и шпионаж. Акияма был привязан к Мияги узами дружбы, помимо того, он зависел от него материально, а идеологические симпатии друга его не интересовали[61].

На следствии Мияги так характеризовал свои отношения с Акияма: «Акияма не был подходящим человеком для разведывательной работы. Я никогда не собирался вовлекать его в нашу группу, но считал его полезным, т.к. он всегда был готов перевести все, чтобы я ему ни дал. Однако, он не интересовался социальными проблемами. Я обращался к Одзаки в 1939 году в надежде получить специального переводчика, но мы не могли найти подходящего человека. Тогда я продолжал использовать Акияма. Конечно, Акияма знал, что я коммунист, но он никогда не представлял себе, насколько секретна и важна моя работа».

Сотрудником военной газеты, как это следовало из переписки, Акияма не был. Странно, что Центр, получив такую, как выяснилось впоследствии, ложную информацию, не нацелил Зорге на выяснение возможностей Акиямы в связи с «работой» в военной газете.

Среди арестованных 16 марта 1942 г. был Кикути Хатиро, «корреспондент военного министерства при столичных газетах», а точнее «корреспондент политотдела одной столичной газеты (субсидировалась военным мини-

стерством), который снабжал Мияги всевозможной политической и военной информацией»[62], что и послужило основанием для ареста. Однако Зорге о нем не докладывал в Центр и не включил его в агентурную сеть. В «Тюремных записках» Зорге писал на этот счет: «Кроме того, Мияги говорил, что у него имеются также давние связи с несколькими газетчиками, с одним или двумя из которых он был особенно близок. ... Еще один репортер [Думается, Кикути Хатиро. — Прим.Зорге.], кажется, имел какие-то связи с военными кругами. Неизвестно, был ли он профессиональным газетчиком или работал на временной основе. Он тоже имел правые политические взгляды»[63].

20 октября в письме, переданном в Центр курьером через Шанхай, «Рамзай» счел нужным в разделе «Организационные вопросы» обратить внимание на следующее:

«С Алексом я обсудил на континенте вопрос о бывшем туземном спутнике Чазе (японец Нода Хидео — «Нэд», спутник Чэйза — «Дона», «Профессора». — *М.А.*).

Он также поддержал точку зрения, что спутник должен был быть послан ко мне сюда, чтобы использовать его в качестве помощника Джо или, если он может, дать ему работу под руководством моим или Густава. Я прошу осуществить этот план как можно скорее. С Алексом я обсудил также вопрос семейных отношений Джигало. К сожалению, его отношения с женой не улучшились после ее возвращения, несмотря на присутствие Джона.

Джигало и его жена поссорились очень основательно. С виду отношения, разумеется, вполне приличны, но, тем не менее, жить они друг с другом не могут. Поэтому я прошу разрешить послать домой жену с ребенком, и именно к нам домой, в Центр, а не на родину жены. Я уверен, что это лучше для обеих сторон и для работы здесь. Кроме того, мне кажется, что и жена, и сын могут быть дома хорошо использованы. Я думаю, что она может быть подготовлена через школу Фрица и явится впоследствии хорошей помощницей, так как она практична, надежна и владеет рядом языков. Сын же пойдет в одну из школ и из него, наверное, выйдет дельный парень. Убедительно прошу сообщить мне с обратной почтой о разрешении посылки их обоих домой. Я хотел бы осуществить это в начале наступающего года. Для Джигало это не вызовет никаких трудностей. К сожалению, я вынужден сообщить, что моего теперешнего бюджета мне для работы недостаточно. Вы увидите это сами из прилагаемого денежного отчета и сможете вычислить среднюю сумму. К этому присоединяется то обстоятельство, что мы уже в течение года и, видимо, так и будет в будущем несем значительные расходы по посылкам на континент... В связи с этим я и прошу о повышении суммы бюджета...

К орготчету присоединяем материал из ... Одновременно прилагаем характеристики людей, пославших этот материал. Отто с ними в дружеских отношениях и вполне в них уверен. Возникает вопрос, как быть с этими людьми в дальнейшем. Самое лучшее было бы, чтобы Вы на месте связались с ними и втянули бы их в работу. Если это невозможно, я вместе с Отто мог бы попытаться найти выход, при котором все же будет возможна известная связь от времени до времени для передачи заданий. Было бы жаль отпустить этих активных людей.

Прошу о распоряжении по этому вопросу с обратной почтой. Отто и я определенно могли бы организовать дело необходимой непостоянной свя-

зи. Особенно, когда благодаря вышеназванному помощнику — Джо будет несколько разгружен».

Летом 1936 года Одзаки Ходзуми принял участие в работе 6-й международной конференции Ассоциации изучения тихоокеанских проблем (финансировалась Фондом Рокфеллера) в Йосэмите (Калифорния). На конференции Одзаки присутствовал в составе японской делегации по приглашению генерального секретаря японской секции Ассоциации Усибы Томохико, с которым Одзаки учился в одном классе в школе «Дайити». Тот факт, что ему предложили войти в состав делегации, возглавляемой бывшим министром иностранных дел Ёсидзавой Кенкити (1931—1932), был сам по себе признанием его статуса специалиста по китайским делам и служил ему своего рода верительными грамотами надежного и проверенного неофициального переводчика, и настоящего защитника японской политики в отношении Китая.

Во время поездки в Америку Одзаки делил каюту с человеком, с которым впоследствии подружился. Это был Сайондзи Кинкадзу, секретарь японской делегации. Общение с молодым Сайондзи и со старым знакомым Усибой Томохико, вошедшим также в делегацию, имело важные последствия для Одзаки.

Вскоре после возвращения Одзаки пригласили на чайную церемонию в «Империал-отель». Присутствовал и Зорге. Их с Одзаки официально представили друг другу гости. Только тогда Одзаки обнаружил, что иностранец, кото рого он хорошо знал, как «Джонсона», на самом деле звался «д-р Зорге».

Случилось это в сентябре 1936-го, когда Зорге, как и Одзаки, только что вернулся из поездки за границу. В конце августа Зорге уехал в Пекин, якобы на конференцию иностранных журналистов, потом посетил районы Внутренней Монголии. Главной целью Зорге было передать почту в Центр при встрече с «Алексом» в Шанхае. Зорге утверждал, что в 1937 году он написал Отту отчет об этой поездке во Внутреннюю Монголию. «Этот отчет содержал некоторые конфиденциальные материалы, например, о деятельности во Внутренней Монголии тех японцев, которые занимались военными или другими специальными вопросами»[64].

С людьми, материал которых был отправлен в Москву, с которыми в дружеских отношениях состоял Одзаки и с которыми предлагал связаться Зорге, судя по всему, Одзаки познакомился на конференции в Америке. В равной степени это могли быть как американские, так и китайские специалисты по проблемам Тихоокеанского региона.

14 декабря 1936 года Центр отреагировал на письмо «Рамзая»:

«Дорогой Друг!

Ваше письмо по организационным вопросам от 20.X.36 г. получил. Вы поднимаете вопрос об использовании бывшего туземного спутника по имени Чэз, о котором с Алексом у вас был разговор на континенте, а также о привлечении к работе друзей Отто. Предлагаемых Вами людей /характеристики, которых мы ждем от Вас со следующей почтой/ мы, конечно, постараемся использовать, но не через Вас. Я уже неоднократно просил Алекса и передавал Вам воздухом мое указание о запрещении всякой связи, и посредственной, и непосредственной, с туземцами. Я думаю, Вы сами понимаете всю опасность Ваших туземных связей. Вы должны быть совершенно отстранены от таких связей, как бы надежны они ни казались. В моих письмах я подчеркивал, что

основной Вашей задачей по-прежнему является освещение деятельности Кота и Дика. Я понимаю, что Вам как корреспонденту необходимо иметь круг доверенных туземных людей, откуда Вы могли бы черпать нужную Вам информацию. Против таких людей я не возражаю, но я категорически настаиваю, чтобы эти люди ни в коем случае не превращались бы Вами в секретных агентов со всеми вытекающими отсюда последствиями для Вас. Пользуйтесь туземными источниками информации не больше, чем это делают ваши коллеги. Сторонитесь леволиберальных кругов. Связь с ними к добру не приведет. Информация же их особой ценности не представляет, поэтому снова подтверждаю свое категорическое запрещение поддерживать связь с этими туземцами и еще раз прошу серьезно продумать вопрос передачи Отто и его людей Ингрид. Все же при Вашей конспиративной связи с ней это, несомненно, уменьшило бы риск для Вас. Поверьте, я делаю это, исходя из нашего опыта. Не буду лишний раз повторять, что Ваши позиции в кругах Кота имеют для нас огромное значение, и мы хотим оградить вас от всяких случайностей, которые не только подорвали бы Ваш большой авторитет у земляков, но и поставили бы под угрозу срыва все наше дело с таким трудом сколоченные и уже приносящие ценнейшие вклады.

Постарайтесь вновь помирить семью Жигало. Передайте им, что интересы дела требуют этого. Если же раздоры между ними настолько глубоки, что они устраняют возможность совместной жизни, то я согласен, что в таком случае лучше разъехаться. Сейчас я выясняю возможность оставить жену у Алекса и использовать как резервного курьера к Вам. Хотел бы знать Ваше мнение по этому вопросу.

Отчеты Ваш и Фрица утверждены. Увеличение зарплаты санкционирую. Смета Ваша пересматривается и будет увеличена, согласно Вашей просьбе. Укажите, через какой из зарубежных банков, помимо того, через который мы посылаем, можно было бы посылать Вам деньги.

Я очень хорошо понимаю Ваше настроение, когда Вы, подвергая себя и своих людей громадному риску, прилагаете все усилия для того, чтобы передать нам нужную информацию, и в ответ вместо налаженной связи с Висбаденом натыкаетесь на абсолютное молчание. Я должен Вас заверить, что мною поставлены на ноги все организации для того, чтобы любой ценой обеспечить бесперебойную связь с Вами. Ведется строжайшее расследование о причинах срывов. Лица, виновные в бездушном и небрежном отношении к работе с Вами, будут привлечены к ответственности. На линию поставлены наиболее квалифицированные работники, установлена только что полученная специальная первоклассная аппаратура. Крайне желательно также, чтобы Вы работали на постоянном токе и из одного места. Риск засечки при работе из одного места гораздо меньше, нежели при постоянной переноске аппаратуры из одного места в другое. Если это так, а я Вас именно так понял, то это нужно прекратить. Не теряют ли Ваши лампы способность эмиссии?

Сообщите Ингрид, что ей в условленном месте в ближайшее время будет вложена необходимая сумма денег. Выясните, как идут у нее дела, запросите доклад о развитии работы и ее жизни. Передайте ей, что мы удовлетворены ее первыми шагами, так как все намеченное на первое время она выполнила хорошо.

Жена Ваша здорова. Мы поддерживаем с ней регулярную связь, навещаем ее и находимся в курсе ее нужд. Посылаю Вам ее письмо.

К моему глубокому сожалению, полученная от Вас почта находится еще в разработке, поэтому исчерпывающую оценку я смогу Вам сообщить лишь со следующей почтой. Оценки на часть материалов прилагаю к письму.

Материалы на японском языке, все, за исключением доклада Отто, который представляет некоторый интерес /для уточнения имеющихся у нас сведений/ — совершенно легальные и потому доступные, поэтому Вам не стоит тратить на их пересылку и обработку сил и времени.

Передайте через курьера о Ваших настроениях, условиях работы и возможностях. Все неполадки, все, что можно сделать с нашей стороны — мы постараемся сейчас же исправить. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам здоровья и успеха в Вашей большой работе. С большим вниманием слежу за Вашей работой и радуюсь каждому В/успеху. **Не могу не отметить очень полную ц. информацию во всех стадиях японо-немецких переговоров, приведших к соглашению. Вы правильно нас информировали и помогли нам всегда быть на высоте в этом вопросе** (выделено мной. — *М.А.*). Совершенно очевидно, что заключенным соглашением дело не ограничится. Оно будет только началом развития интереснейших и важнейших событий.

Жду от Вашего передового поста своевременных донесений.

Шлю Вам, дорогой друг, пламенный мой привет.

Ваш Зам. Директора».

Письмо Артузова, с одной стороны, выражало признание «огромного значения» позиций Зорге в немецком посольстве и обеспокоенность, что с таким трудом «сколоченное» дело, «уже приносящие ценнейшие вклады», может быть поставлено под угрозу. Нельзя не согласиться и с рекомендациями Артузова ограничиться «кругом доверенных туземных людей», откуда можно было бы черпать нужную информацию, а не превращать их в «секретных агентов».

Но как следовало поступить с уже привлеченными к сотрудничеству? Центр распорядился передать «Отто и его людей Ингрид». Как это могло выглядеть на самом деле? Общение Зорге и Одзаки проходило как общение двух равных по интеллекту людей, глубоко знакомых и доверявших друг другу. Зорге заменить не мог никто, ни Куусинен, ни Штайн (Штейн). Это же касалось и рекомендаций о передаче Отта на связь Штайну. Доверительность отношений с Одзаки, Оттом, Штайном, Мияги и другими окружавшими «Рамзая» людьми устанавливалась благодаря его харизматической личности. Эти отношения нельзя было передать по приказу. Они должны были сначала возникнуть, потом их следовало сохранить и пронести через года.

Непонятно, что имел в виду Центр, когда говорил о «людях» Одзаки. Видимо, речь шла о «Специалисте», но о ком еще, о «Ронине» — Каваи?

Центр так и не разобрался, что «туземный спутник по имени «Чэз»» — это «Нэд» — Нода Хидео, передачи которого в токийскую резидентуру так добивался «Рамзай». И этот Нода был «туземным спутником» Чэйза («Дона»).

И уж совсем не понятно требование Центра выходить в эфир с одного места, что категорически неприемлемо с точки зрения конспирации.

Из письма Алекса Центру от 9 ноября 1936 года: «2. Рамзай. а) Как я Вам сообщал, Густав прибыл благополучно и привез с собой почту, которую Вам при сем посылаю. Почта, к сожалению, разочарует Вас, если не по количеству, то по качеству. Происходит это потому, что Кота нет, потому Рамзай при-

сылает все то, что у него залежалось для того, чтобы разгрузить себя. Относительно брошюр и журналов я дал указания их ни в коем случае не присылать, и только если на определенные брошюры будет Ваш заказ, их можно отправлять.

С Густавом говорил один раз несколько часов, но еще не все выяснил и потому встречусь с ним еще раз. В настоящее время Густав находится в журналистской поездке на Север и вернется в середине месяца. На меня он производит хорошее впечатление, поскольку можно судить по одной встрече.

б) В разговоре с ним я выяснил, что самоедскую группу Рамзай освещал в розовом свете. Она оказалась гораздо более загажена. Джоэ по всем данным связан с какими-то корпорантскими и, возможно, другими оппозиционными нитями, т. к. сообщал последние данные о ходе дела Ронина. Откуда он это взял, Густав выяснить не смог. Женщина оказалась очень известной, как говорит Джоэ, знаменитой по своим радикально-левым убеждениям и имеет тесные связи с активными корпорантами. Связь с ней поддерживает Джоэ через одного врача, также бывшего "революционера", который активно теперь не работает, но услуги оказывает.

По заявлению Густава, Джоэ прекрасный парень, самоотверженный корпорант, который не задумывается отдать свою жизнь, если это понадобится. Тяжело болен чахоткой в последней стадии. Посланный в санаторий на месяц на лечение, удрал через две недели, так как оставался вне работы. Наряду с этим, человек мало в нашем смысле дисциплинированный, несколько с партизанскими замашками, нетерпелив и не считает, видимо, за преступление свои связи с корпорантами, работая на нас. Неоднократные разговоры на эту тему давали результаты только до первого срыва. Густав говорит, что единственный человек, который у него пользуется непреложным авторитетом — это Рамзай, он же, Густав, не настолько авторитетен, чтобы полностью выправить Джоэ.

Несмотря на это, я дал категорическое указание для передачи Рамзаю — передать Джоэ Густаву окончательно после прощальной крепкой наставительной беседы и больше с ним никаких связей не поддерживать. Просил Вас дать указания Рамзаю — порвать всякие связи с женщиной.

в) По разговору с Густавом видно, как тяжело приходится ребятам в Самоедии. Рамзай более волевой человек и потому этих нюансов было очень мало, хотя и он чуть не прослезился при прощании со мной. Авторитет Рамзая у Густава колоссальный. Я заметил, что он переживает то, что мало приносит, по его мнению, пользы в нашей работе. Я, понятно, старался переубедить его в этом. Густав выразил мнение, что он был бы полезнее в Ширме (Китае. — *М.А.*), где у него большие связи с его газетными соотечественниками. Понятно, теперь об этом говорить не приходится.

г) Как я Вам уже телеграфировал, мне не совсем нравится положение с нитками у Рамзая. Дело в том, что у Густава нитки хранятся очень мало скрытно, квартира не приспособлена для того, чтобы найти другое место. Фриц у себя на квартире такое место нашел. Не вполне ясен мне также вопрос, целесообразно ли иметь у этих людей музыку. Рассредоточение, несомненно, очень полезно, но все-таки у меня остается какое-то сомнение и неуверенность. Большинство аргументов за.

Прошу Вашего совета и указания.

д) Я указал Густаву, что почта должна присылаться не чаще 1 раза в три месяца, т. е. следующая в середине февраля. Считаю более частые поездки опасными. Прошу подтвердить это мое указание.

е) В письме Рамзая ко мне, которое я прилагаю, он пишет о семейных делах Джигало к нам в начале будущего года. Для меня эта история очень неприятна, так как мы надеялись использовать ее в качестве курьера. Поговорю еще об этом деле, и прошу Вас также запросить Рамзая, нельзя ли воздействовать на это семейство, чтобы хоть внешне оно не рассыпалось, и жена имела бы возможность остаться там. Если это не удастся, придется отправить ее к нам.

В разговоре с Густавом я выяснил обстановку, в которой работает Рамзай, и его личное состояние. По словам Густава,**Рамзай находится на границе исчерпания своих нервных ресурсов. Иногда у него бывают срывы, когда он поддается, и тогда прибегает к рюмке. Он очень болезненно переживает отрыв от корпорантской жизни и необходимость играть роль, которая выпала ему на долю. Густав говорит, что он** [«Рамзай»] **тратит на работу с Котом очень много нервов и приходит от него иногда в полном истощении** (выделено мной. — *М.А.*). Его женитьба (легализация. — *М.А.*) в смысле материальном также неудовлетворительна. Поэтому прошу вас дать необходимые указания для того, чтобы выяснить у Рамзая, из каких еще пунктов, кроме Г., можно было бы посылать ему деньги.

Очень просил бы С.П. отметить особым образом работу Рамзая. нельзя ли его представить к ордену? Это, несомненно, подняло бы его дух и укрепило бы его на его работе в очень сильной степени.

Густав настоятельно просил, и я его поддерживаю в этом, не дать повода Рамзаю додуматься, что Густав сообщил мне сведения о нем».

«Одним врачом, также бывшим революционером», через которого Мияги поддерживал связь с Кудзуми Фусако, был Ясуда Токутаро, получивший впоследствии псевдоним «Доктор».

Ясуда Токутаро — врач, руководитель одной из крупных больниц в Киото, родился в 1897 году. Окончил медицинский факультет императорского университета в Киото, получил звание доктора медицины. Еще студентом познакомился с марксистской литературой и укрепился в своем марксистском мировоззрении под влиянием Кудзуми Фусако и своего двоюродного брата — Ямамото Сэндзи (рабочего лидера, убитого в 1929 году). Став врачом, вступил в пролетарский научно-исследовательский институт и некоторые другие левые организации и начал принимать активное участие в коммунистическом движении.

Мияги познакомился с Ясудой в январе 1935 года, обратившись к нему за врачебной помощью. В начале 1936-го Кудзуми Фусако, видимо, по договоренности с Мияги, отчасти приоткрыла Ясуде тайну деятельности Мияги.

В конце 1936-го или начале 1937 года Мияги договорился с Ясудой о сотрудничестве: сборе военных и военно-политических сведений и слухов среди пациентов, военных врачей и др.

Какова была ценность «Доктора» как агента-информатора сказать сложно: получаемые от него сообщения поступали в «общий котел» наблюдений, сведений и слухов, добываемых группой Мияги. Результат переработки сообщался Центру со ссылкой на последнего. Детальная расшифровка источника получения информации делалась крайне редко. Причастность Ясуды к дея-

тельности левого и коммунистического движения была, конечно, минусом. Однако он не был такой одиозной фигурой, как Кудзуми Фусако, и не привлекал особого внимания полиции. Встречи Мияги с Ясудой также не вызывали опасений, так как проходили под видом обычных визитов пациента к врачу.

«Возможно, что самая ценная услуга, оказанная им группе Зорге, заключалась в обеспечении Зорге сульфаниламидными препаратами, когда тот слег от неожиданного и крайне опасного приступа пневмонии. Сам доктор никогда не встречался с Зорге, и лекарства для незнакомого иностранца, без сомнения, передавались через Мияги. Но судя по заявлению доктора Ясуды, которому можно верить, Особая высшая полиция знала о той медицинской помощи, которую он пусть косвенно оказывал Зорге. Ясуда утверждает, что, когда в ходе следствия его избивали в полиции, один следователь сказал, обращаясь к другому: "Это та самая свинья, которая лечила Зорге и спасла его от неминуемой смерти". Однако д-р Ясуда оказался единственным из группы Мияги, с кем в окружном криминальном суде обращались достаточно мягко. Его приговорили к двум годам тюремного заключения с отсрочкой приговора на пять лет, что означало, что он фактически освобожден от заключения»[65].

Помимо письма, адресованного «Рамзаю», в Шанхай было послано и письмо, адресованное Боровичу, содержавшее в том числе указания по организации работы с Зорге: «13. Рамзаю я опять сознательно не посылаю писем, поэтому все мои распоряжения, касающиеся его людей и его самого, прошу устно передать с очередной подходящей для этого мухой (курьер. — *М.А.*). При этом учтите, что вопросы, относящиеся к Ингрид и Жиголо, могут быть переданы только с Фрицем. Посылаю также зуб (организационное письмо. — *М. А.*) для Рамзая и гитару (письмо. — *М.А.*) его жены, которые прошу передать.

Ваше указание Рамзаю, переданное через Густава о посылке мухи в середине февраля, считаю правильным. Пересылка гитар один раз в три месяца вполне достаточна, и это соответствует установленному плану работы Рамзая.

О запрещении Рамзаю паутины (связи. — *М.А.*) с туземцами мною уже трижды давались указания сувениром (по рации. —*М.А.*). Ему предлагалось также продумать вопрос передачи Отто и Специалиста Ингрид, тем не менее, судя по сувенирам и гитарам Рамзая, паутины он до сих пор не порвал, а по вопросам передач своих туземцев Ингрид он пока молчит. Еще раз подтверждаю свое указание о запрещении паутины подобного рода. Постарайтесь настойчиво и убедительно внедрить это в сознание Мухи, по-видимому, в этом деле потребуется длительная работа. Людей использовать нужно, но Рамзай должен продумать, кому и как их передать, сам же к ним в дальнейшем никакого отношения иметь не должен.

14. С этой же почтой Вам посылается для семейства (сотрудников резидентуры. — *М.А.*) Рамзая по обрывку (смете. — *М.А.*) на первый квартал 1937 г. — 3750 огурчиков (американских долларов. — *М.А.*). 19 ноября на Гонконг Шанхай Банк в Токио уже выслано 350 огурчиков... С этой же почтой посылаю 2500 огурчиков на женитьбу Фрица. Повышение оклада Фрица на 100 иен и Рамзая на 50 иен санкционирую...

15. Судя по письму Густава, он довольно успешно внедрился в английские круги. Это очень хорошо (оценку его информации см. в приложении). Я думаю, что Густав мог бы, продолжая информационную работу, перейти к оперативным действиям по приобретению более или менее постоянных кон-

спиративных источников и попытался бы добывать документальный материал о том, что он может быть нам особенно полезным, и в этой части нет никакого сомнения. 50 огурчиков (мирских), о которых он просит, будут ежемесячно переводится его семье. Пусть об этом он больше не беспокоится.

16. О Жиголо. Из письма Рамзая центру можно сделать вывод, что семья эта рассорилась окончательно. Я согласен с доводами Рамзая о том, что для работы будет лучше, если они разъедутся. Я считаю более целесообразным не посылать жену домой, а попытаться задержать в Ваших краях и использовать на работе, а также в трудные моменты посылать с мухой на старое место, обосновывая ее поездки на острова, как поездки к мужу. При случае выясните, как обстоит дело с хранением ниток (рация. — Прим. авт.) у Жиголо, и, вообще, постарайтесь осторожно узнать у мух, как обстоит с переносом из одной мастерской в другую. Надо порекомендовать Рамзаю прекратить такого рода комбинации, они могут кончить плохо.

Риск засечки при работе из одной мастерской несравненно меньше, чем путешествия с чемоданами по городу из одного пункта в другой.

17. Напишите также подробно, в каких условиях живет Густав и нельзя ли ему сменить квартиру, чтобы обеспечить надлежащее хранение ниток. Рамзаю еще в начале ноября были даны указания сувениром о необходимости принять меры к наиболее совершенной конспирации.

18. В своем письме Рамзай поднимает вопрос о некоем бывшем туземном спутнике Чазе, о котором он с Вами говорил при встрече и которого он предполагает использовать в качестве помощника Джо. Что это за человек, подробно напишите нам о нем.

19. Как обстоит дело с уточнением связи на чрезвычайный случай, проводимой через Жигало, напишите нам точно условия этой связи. Не помешает ли отъезд жены Жиголо осуществлению ее.

20.*К информации Густава о моральном состоянии Рамзая и Фрица следует отнестись с большим вниманием. Прошу Вас с каждым курьером не забывать посылать Рамзаю знаки нашего постоянного внимания к ним.

Вопрос о предоставлении Рамзая к ордену находится на разрешении у нашего хозяина.

21. Что касается состояния связи с Рамзаем, то она до сих пор стоит не на должной высоте. С моей стороны приняты все меры к ее улучшению в Висбадене. Думаю, что в ближайшие дни наступит улучшение, но не исключены дефекты и в аппарате Рамзая, об этом нужно мягко сказать ему. Но горят ли у него лампы.

22. Рамзай пишет, что он посылает посылку и письмо жене, ни того, ни другого мы не получили. Проверьте, пожалуйста, отправку. Это уже второй случай, когда у Вас залеживаются посылки. Здесь же хочу указать, что жена Рамона также жалуется, что, судя по письму мужа (еще майского), она должна была получить посылку, но мы ничего не имели от Вас.

По сведениям, имеющимся у нас от Рамзая, Густав повез 53 пленки, Вы сообщили, что привез он 42, а прислали нам 44, в чем здесь дело? Прошу разобраться.

Вводить Рамона в курс дела Рамзая до тех пор, пока у него не будет совершенно прочного положения с женитьбой (легализацией. — Прим. авт.) не следует. Что касается паутины с Бедняком, то ее следует осуществить только

после приезда специального человека, знатока самоедского языка, т.е. через 6-7 месяцев.

31. В последний момент перед отправкой почты получил указание отправить небольшую гитару Рамзаю лично, которую и прилагаю. В приложении также оценка почты Рамзая. Если свидание с мухой Рамзая будет проходить в неблагоприятных условиях, то письмо не передавайте, а просто сошлитесь на него.

*Для Вашего только сведения! Рамзай еще в Вашем городе в свое время крепко выпивал. Беда в том, что он не очень выдержан во хмелю. Рассказывают, что в Вашем городе случалось он терял даже кое-какие орехи (документы. — *М.А.*). Меня это сильно беспокоит. Подумайте, каким образом его удержать от его опасной привычки. З.Д.».

Ключевые слова сноски «рассказывают» и «случалось», т. е. неоднократно. «Рассказать» могли только ближайшие соратники по Шанхаю, скорее всего, Римм. Эти «рассказы» чем-то напоминают «дело о шубе».

Содержание личного состава резидентуры «Рамзая» в 1936 году выглядело следующим образом (Имена/Положено по смете в месяц/Итого):

«1. Рамзай/700 иен/8200 иен;

2. Фриц/500 иен/6760 иен;

3. Жиголо/350 иен/2930 иен;

4. Густав/400 иен и 5. Гертруда/ нет, итого: 6750 иен;

6. Отто/150 иен и 7. Специалист/50 иен, итого: 2896 иен (уплачено вместе с Ронином);

8. Ронин или профессор?/50 иен/30 иен (май), июнь, июль — вместе с Отто, 75 (август), 60 иен (сентябрь) — уплачено вместе с Отто;

9. Джо/150 иен;

10. Кйосю/нет;

11. Друг с Хоккайдо и Аки/нет;

12. Женщина/нет/май (45 иен), июнь и июль по 50 иен;

13. Переводчик/65 иен, итого вместе с Джо/4200 иен;

14. Ингрид/нет/октябрь (100 иен), декабрь (600 иен), итого: 700 иен. .

ИТОГО за 1936 г.: 32.706 иен».

У Зорге, а, следовательно, у Центра не было ясности, что «Аки» и «переводчик» — один и тот же человек.

Из приведенного документа следовало, что вышедший из тюрьмы Каваи дал о себе знать Одзаки и с ведома Зорге получал от него материальную помощь.

Не было ясности, кто такой «профессор». «Рамзай» определил его как «мой личный туземный друг», который «постепенно обрабатывается для постановки на работу». В последующей переписке Зорге больше не упоминал о нем, а «Алекс» и Центр не сочли нужным уточнить, о ком идет речь.

В конце ноября в Шанхай прибыл с почтой курьер из Токио — это была жена Гюнтера Штайна Маргит (Маргарет) Гантенбайн.

Выписка из письма «Алекса» от 29 ноября 1936 года:

1. ...У жены Густава и отчасти у самого Густава мне удалось выяснить, что после своего возвращения Кот (Отт. — *М.А.*) стал гораздо более сдержан в своих высказываниях по отношению к Рамзаю. Хотя Рамзай и говорил им, что беседы его с Котом, несмотря на это, очень продуктивны, даже продуктивнее, чем раньше, я дал указание по возможности постараться выяснить

причину этой сдержанности. Сам Рамзай, по словам жены Густава, указывал на две возможные причины некоторого изменения поведения Кота: во-первых, он думает, что Коту, возможно, были даны строгие инструкции дома насчет конспирации и, во-вторых, он как-то намекал Густаву, что какой-то астраханец (немец. — *М.А.*), который является агентом Гестапо, ему не нравится, вернее, ему не нравится отношение этого человека к нему. К сожалению, более конкретнее выяснить не удалось. В связи с этим дал указание Рамзаю усилить осторожность и продумать ряд вопросов, связанных с информацией, которую дает Кот.

Основываясь на Ваших старых указаниях и исходя из политической ситуации, которая создалась в связи с подписанием японо-германского договора, я указал Рамзаю на необходимость тщательно проанализировать информацию, даваемую Котом, напомнив ему Ваши указания в этом же смысле для выяснения возможностей инспирации со стороны астраханцев. В связи с его последней информацией о договоре, у меня возник ряд мыслей, которые, вероятно, имеются и у Вас. Хотел бы получить от Вас указания по этому вопросу.Возможно, что та информация, которая, по словам Густава, вернее жены Густава, задержалась в виду неисправности паутины (связи. — *М. А.*) в количестве 2.000 групп, дала бы больше материала для анализа и оценки этой информации.

Ваши указания относительно мероприятий, принятых Вами в Висбадене, я передал.

11.Нахожу также необходимым обратить Ваше внимание на качество и соответствие заданий, которые присылаются аппаратом сюда.

Жена Густава имеет в качестве журналистки, изучающей экономическое положение Самоедии и ее промышленности в особенности, целый ряд знакомых, соприкасающихся с этой областью. Поэтому Рамзай просит о присылке задания по химии. Дело в том, что жена Густава довольно близко знакома с двумя швейцарскими инженерами-химиками, один из которых является представителем крупнейшей швейцарской фирмы, которая кроме поставок имеет также договора о технической помощи с самоедскими предприятиями. Другой крупный специалист является консультантом японских предприятий и работает в лабораториях. Оба, в первую очередь, знакомы с анилинокрасочной промышленностью, но интересуются и другими отраслями. И вот, жена Густава получает от них информацию о химической промышленности Самоедии, в частных разговорах как журналистка. Информация дается довольно охотно, особенно один из них согласен отвечать на любые вопросы, но беда в том, что жена Густава (будем называть ее в дальнейшем Гертруда) не знает, какие вопросы задавать, как их задавать и что вообще можно и нужно получить от таких людей интересное и могущее быть полезным для оценки самоедской химической промышленности с точки зрения их военной продукции и вообще военного значения.

Прислано же было задание по военно-химическому делу, обычное штампованное задание, не индивидуализированное, совершенно не учитывающее особенностей и круг вопросов, которые могут быть освещены. Особо любопытно в этом отношении то, что задание предлагает приобрести образцы противогазов и противоипритной ткани. Интересно знать, как бы Рамзай переслал их нам? И если бы и решился прислать, то разрешили бы мы ему это!

Прошу Вашего распоряжения о срочной разработке задания для Гертруды с полным учетом всех доложенных здесь особенностей источника информации.

Задание для "Специалиста", в общем, вполне соответствует требованиям, однако и тут имеются смешные ляпсусы, которые привели бы Рамзая, несомненно, в смущение. И здесь требуется присылка "перчаток, сапог, обмоток, противогаза и противогазовой одежды", плюс "кусочки брони" всех танков самоедского изготовления.

Я думаю, что Вы посмеетесь от души над этим усердием».

«ОЦЕНКА ПОЧТЫ, ПОЛУЧЕННОЙ 25.XI.36 г.

(Отправлена 14.12.36 г. с письмом Р-ю)

1. Бюллетень исследовательской лаборатории "Торися" — о самозаписывающем приборе, регистрирующем курс самолета, не секретный, но широко не распространяемый. Интерес представляет. Желательно, получение подобного материала в будущем.

2. Доклад Отто (речь идет о докладе Отта, германского военного атташе. — *М.А.*)— содержание, в основном, относится к весне и лету 1936 г., а потому несколько устарел. Ряд сведений не утратили интереса и может быть использован для уточнения наших данных. Сведения о 34 см хим. снарядов и укреплениях на Хингане вызывают сомнения.

3. Материал о полицейском режиме представляет некоторый интерес. По ряду причин от получения такого материала следует воздержаться.

4. Материалы на немецком языке, в основном, находятся еще в разработке. Даем оценку на некоторые из них:

а/ сообщение профессора Карла Лауэра и докт. Розенберга. Сведения ценные. В дальнейшем необходимо получать возможно больше сведений о химической промышленности Японии и связях ее с заграничными фирмами. Если имеется возможность использовать указанных лиц, как источников сведений, то телеграфируйте их возможность. Вышлем задания. При посылке аналогичного материала необходимо указывать характер источника /случайный или постоянный, его возможности/;

б/ заметки о поездке одного японского лица по Маньчжурии и Сев. Китаю. Материал интересный, но половина документа отсутствует. Поэтому полной оценки дать невозможно;

в/ материал германского посольства о поездке бывш. военными на Хаяси в сев. Маньчжурию и о современном политическом положении. Сведения относятся к июню 1935 г. К сожалению, настолько устарели, что не могут быть использованы;

г/ материал германского консульства в Мукдене. Политический отчет. Сведения были бы очень ценны, если бы были получены своевременно, т.е. полгода назад. В настоящее время устарели, но частично будут использованы.

Материал заснят очень плохо и читается с большим трудом.

14 декабря 1936 г.».

С завидным постоянством Центр путал в переписке псевдоним Одзаки «Отто» с фамилией германского военного атташе Отт. Уходили старые сотрудники 7-го отделения и приходили новые, а путаница все сохранялась. «Рамзай» предпочитал не замечать подобные ляпы.

«ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА НА ПОЛУЧЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ от РАМЗАЯ (Наименование материала — Оценка)

1. О политическом кризисе в Южном Китае. — Доклад относится к июлю 1936 г. Сведения в докладе несомненно интересные, но потеряли свою ценность, так как устарели.

2. О политическом положении в Северном Китае. — Доклад относится к июню 1936 г. Содержание не дает никаких новых для нас данных. Все сведения нам известны по докладам наших работников в Сев. Китае. Не может быть использован вследствие устарелости.

3. О современном политическом положении. — Сведения относятся к июлю 1935 г. и настолько устарели, что не могут быть использованы.

4. О полномочиях политического совета Хэбэя и Ча.... — Сведения устарели, но будут использованы.

5. О японской военной политике в Сев. Китае. — Несмотря на то, что доклад написан в июле тек. года, сохранил свою ценность.

6. Японские высказывания о положении в Сев. Китае. — Материал малоценный, не может быть использован.

7. Расшифрованная телеграмма из Берлина о контрабанде в Сев. Китае от 9.6.36 г. и телеграмма от 19.6.36 г. — Телеграммы свидетельствуют о том, что торговые интересы Германии в Северном Китае задеты японской контрабандой в такой же мере, как и торговые интересы Англии и САСШ. Конкретных данных об ущербе германской торговли не приводится. Материал средней ценности.

8. Беседа с генералом Сун Чжэ-юань о политическом положении в Сев. Китае. — Материал относится к апрелю 1936 г. и устарел. Не может быть использован.

9. Современное положение в Японии. — Материал ценный. Если отвлечься от некоторых довольно наивных рассуждений об "ограниченности японского мышления", "феодальном сне", в который погружены массы, и т. п., оценка положения Японии дана автором правильно.

10. Заметки Холл Патч, советник английского посольства в Китае. Отношение Японии к Китаю, финансовое положение Японии и требования военных. — Материал ценный. Будет использован.

11. Заметки о политической ситуации в сентябре-октябре 1936 г. — Материал очень интересен и, безусловно, ценен, несмотря на спорность некоторых утверждений. В дальнейшем следует больше подкреплять свои тезисы фактическими данными.

12. Различная информация. — Информация интересна, но мало осведомленная. Разговоры Шолла носят дезинформационный характер.

13. О японских поселениях в Сев. Маньчжурии. — Материал несколько дополняет уже имеющиеся сведения по этому вопросу. Будетиспользован.

14. Строительство "Сйова Сэйкодзйо" за период его двухлетнего существования. — Хотя производительность, мощность и фактическая продукция метал. завода Сйова известна, но данный материал дает ряд ценных данных, дополняющих эти сведения. Будетиспользован.

15. Программа работ строящегося в Аньшане завода "Мансю Сумитомо К.К.". — Тоже.

16. Пуск трубочного завода концерна Сумитомо в Аньшане "Мансю Сумитомо Кокай К.К." — Тоже.

17. Производство завода Сйова Сэйкодзйо за первые четыре месяца работы его мартеновского цеха. — Тоже.

18. Дальнейшие сведения о строительстве Сйова в Аньшане. — Тоже.

19. Строительство по расширению завода сланцевых масел. — Сведения известны из прессы.

20. Доклад Кауфмана от 6.8.36 г. о его переговорах в Шанхае, Пекине, Токио и Синьцзине по вопросам воздушного сообщения на Д.В., и перспективы сбыта продукции германской авиапромышленности в Маньчжурии. — Материал представляетбольшуюценность, давая ряд интересных данных о связях и отношениях Германии (в частности, германской авиапромышленности) с Японией и Китаем.

21. Сообщение Г. Кауфмана о воздушной связи Восточной Азии и Германии. — Тоже.

Материал на японском языке и ценности не имеет и от посылки такого материала надо отказаться».

Пока почта доходила из Токио в Москву транзитом через Шанхай проходили не один и не два месяца, и материал «устаревал».

Из последней оценки «Материал на японском языке и ценности не имеет...» — следует, что в Москве отказывались от перевода поступающих материалов на японском языке, перенося, тем самым, центр тяжести на токийскую резидентуру. Подобная мера едва ли была оправданной, в первую очередь, с точки зрения конспирации.

«Стоимость резидентуры РАМЗАЯ за 1936 г.

Числится за Рамзаем на 1.1.36 г.	2.276 а.д.
Выдано т. Раутман на дорогу 29.2.36 г.	800 -»-
Послано по телеграфу /3.5.37 г./	3.225 -»-
Передано через Артура и Алекса	3.142 -»-
Послано через Америку /в февр. и марте 36 г./	800 -»-
Передано жене Жигало /в апр. 36 г./	1.150 -»-
Послано через Голландию /Мэй/ Май 1936 г.	550 -»-
Передано от Артура	12.235 иен
Тоже	150 мекс.
Послано через Голландию /Мэй/ в авг.?	450 ам. д.
Тоже /через Мэй/ 17.11.36 г.	550 а.д.
Послано через Алекса 13.12.36 г.	3.750 -»-
Легализация Фрица	5.100 -»-
Итого	21. 793 ам. д.
	12.235 иен.
	150 мекс. д.

По смете выдано по 1.3.37 г. включительно».

В конце декабря 1936 года во 2-м Отделе была составлена Справка на резидентуру «Рамзая» (Состав резидентуры, характер отд. людей.//Как используется.//Предложение Отдела// Заключение):

«1. Фриц — радист (наш работник). Форма легализации. Торговое предприятие. Вступил в компанию с одним самоедом, который имеет представительство Американ. фирм и начал торговать в Самоедии и Якутии (Китае. — *М. А.*). На легализацию отпущено 5.000 ам. долл. (высланы все). По словам Фрица, через 3-4 м-ца будет иметь результаты от вложенных денег. Постоянная

зарплата 600 (с июля 1936 г.). На кварт. (мастерск.) получает в среднем 180 иен.//1. Используется курьером на Шанхай к Алексу. 2. Содержит у себя мастерскую.//1. Фриц является единственным радистом в системе Рамзая, поэтому нецелесообразно его использовать как курьера. 2. В целях конспирации, а также сохранения этого человека — нецелесообразно хранение аппаратуры на квартире. Будут даны указания со следующей почтой.

2. Жиголо — квартиродержатель для мастерской. Завербован в 1930 г. в Париже. Возраст — ок. 30 л. По национальности — югослав. По специальности — инженер-электрик. До поездки на острова работал по отдельным заданиям в Париже. Связан с Фрицем. Зарплата — по смете 350 иен (Рамзай выдавал ему 220-230 иен, на кварт. в среднем 140 иен.)//Использовался только как квартиродержатель. Намечался (по договоренности с Алексом): 1. Курьером на Шанхай. 2. У него на квартире организуется явка на чрезвычайный период. 3. Запасная рация на даче. 4. Жена также — резерв. курьером.//1. С 1 августа 1935 г. работает во Фр. агентстве Гавас. Следовало бы его по этой линии использовать для информации (Только не как вербовщика — А.) 2. Основная задача — остается квартиродержатель. Фрицу следует обучить Жиголо умению дать нужные предупредительные сигналы в случае чрезвычайных событий и провала Фрица.3. Используется курьером на Шанхай. 4. Имеет у себя явку на чрезвычайный случай. Мероприятия: Запросить Рамзая, какую точно работу выполняет в агентстве Жиголо и к какого рода документам имеет доступ.

Жена — датчанка, проходила спец. курсы по гимнастике в Дании. Уехала на о-ва в декабре 1932 г. Имеет брата "605". Легализация. Работа в Фр. бюро Гавас, у жены — салон датской гимнастики (имеет большой успех). В последнее время в семье произошли нелады, и резидент ставит вопрос об отправке жены и сына в СССР (жена сошлась с иностранц.). Жиголо по отзывам Рамзая очень мягкий, слабосильный человек, без какого-либо твердого стержня. Неопытен и неуверен. Жена его значительно сильнее. По словам резидента, очень практична, надежна, владеет несколькими языками.// Вопрос о жене (предложения Отдела. — *М.А.*): В связи с ее разводом с Жиголо предполагалось оставить ее у Алекса и сохранить как резервного курьера. Вопрос осложняется тем, что она сошлась с иностранцем. После установления связи с Рамзаем, будет детально запрошено об этом иностранце, после чего будет решен вопрос о жене Жиголо.

3. Густав — агент и его жена. Национальность — немец. Корреспондент одной из крупнейших анг. газет. Жена также журналистка. Связан с английскими кругами, а также немецкими, швейцарскими и еврейскими. Жена — с миссионерскими кругами. Имеет интересные знакомства среди инженеров-химиков. Густав успешно внедрился в английские круги. С Сансом — коммерческим советником английского посольства в Токио, Холл Патчем — финансовым советником англ. посольства в Китае, Клайв — посол в Японии. По характ. Рамзая — Густав и его жена очень ценные и политически развитые люди, симпатии которых целиком на стороне компартии.

Следует иметь в виду, что в бытность свою в Австрии Густав имел связи и работал там вместе с Радеком (недолго).

Зарплата — по смете 400 иен. Рамзаем выплачивалось от 500 до 625 иен.

Связан: — 1) открыто с Рамзаем. 2) с Фрицем. 3) с Джо.

Жена — корреспондентка швейцарских газет.//1. Курьер на Шанхай (Густав и его жена). 2. Держатель мастерской (Примечание: это проходит очень неудачно, так как квартира Густава не приспособлена для хранения ниток). 3. Источник информационного материала из английских кругов.//1. Благодаря своим связям в англ. и других кругах Густав может, продолжая информационную работу, перейти к изучению связей под углом вербовки наиболее подходящих людей в целях получения документальных материалов из инос. посольств. Даны указания в письме от 14.12. Окончательно принять группу Джо от Рамзая. Указания даны через Алекса (см. письмо А. от 9.11.36 г.). 3. Намечая Густава резервным резидентом, предварительно необходимо выяснить:

а) сколько времени он и его жена могут еще жить на островах;

б) возможность поездки жены в Европу с заездом к нам, чтобы получить подготовку радиста;

в) прочность легализации Густава на военное время.

4. В 1937 г. Рамзай использует Густава курьером на Америку (выяснить возможность). //Густав был одно время осведомителем БМИ (Радека). Радек получил от ЦК даже деньги для его содержания. Но Густав после недолгого опыта отказался работать с БМИ, после чего работает в РУ. А.

4. Отто, японец (ок. 35 лет).

Источник. По характеристике Рамзая очень хорошо развитый, очень умен и полезен. Рамзай знает его по совместной работе в Китае. Питает к нему полное доверие. Работает в газете "Асахи", где занимает важный пост.

Его связи в преобладающей степени политического характера в различных и многочисленных слоях. В последнее время также некоторые связи с военными. Хорошие связи с Министерством иностранных дел и к людям Хирота.

Его друзья: "Специалист", "Ронин" (арестован).

Был в командировке от газеты в Америке на Тихоокеанском конгрессе (август-сентябрь 1936 г.), а затем в Китае.

Получает по смете — 150 иен. Фактически от 130 до 193 иен.//

Об использовании Отто Рамзай ничего не писал. В последнем письме предлагает использовать друзей Отто, которые, он считает, могли бы быть нам полезны. Характеристики обещает прислать со следующей почтой.

Использовался для передачи ценных ... (оборвано в тексте документа. — *М.А.*)...

1. Отто выделяется в самостоятельную группу, в которую войдут: "Специалист" и другие японцы, подобранные Отто.

2. Перед Отто ставится задача:

а) из надежных людей подобрать одного-двух япов для отправки на обучение в деревню.

3. Временно Отто отсекается от Рамзая и переключается на Ингрид. Это уменьшит опасность провала Рамзая. Вопрос этот уже поставлен перед Р.

4. По восстановлении связи с Рамзаем дать указания Отто уточнить его отношения со "Специалистом".

5. Основная задача — сохранить группу Отто на военное время.

6. Если Отто не сможет выделить кандидатов на радиста, взять из Америки из группы Хризы, подготовить у нас и бросить в Японию к Отто. // Всякое развитие людей Рамзая (в том числе и через Отто) увеличивает опасность провала Р. Я против развития людей Р. А.

Нельзя путать группы Отто и Хризы. А./

5. Джо — источник. Японец.

Художник. Жил в Америке и там завербован. На о-ва взят Рамзаем. По отзывам Рамзая и Густава — Джо самоотверженный корпорант, который не задумается отдать свою жизнь, если это понадобится. Очень верный и преданный товарищ, но недисциплинирован и несколько с партизанскими замашками. Не считает за преступление свои связи с корпорантами, работая на нас. Тяжело болен чахоткой, в последней стадии.

Рамзай у Джо пользуется большим авторитетом.

Зарплата — по смете 170 иен. Рамзай — от 150 до 175.

Связан с Густавом (раньше был с Рамзаем).

1) Кйосю. 2) Друг с Хок. 3) Аки (сотр. воен. газеты). 4) Женщина. 5) Ронин. Нашел их сам Джо. // Использовался Рамзаем больше для проверки и контроля сведений (см. его письмо от 8.1935 г.). От всей группы, по словам Рамзая, он получал сведения о передвижении войск и т.п. Рамзай предполагал их послать в порты для наблюдений (см. письмо 8.35 г. стр. 33, 21)... 1. Источник информации у Густава. 2. Передаточное звено для получения материалов и дачи заданий (в плане Рамзая). 3. В отношении наблюдения дать четкие указания, за чем наблюдать Джо самому в Токио и его группе на местах: а) Кйосю. б) Друг с Хоккайдо (арестован). в) Аки — сотрудник воен. газеты. 4. Женщину категорически отсечь от группы. Указания давались несколько раз. 6. Проверить у Густава легализацию Джо. Чем занимается, пишет ли картины, какого содержания, как их реализует. Его семейное положение.

После получения ответа на поставленные вопросы решается вопрос о дальнейшем использовании Джо.

7. У Джо имелись друзья: "старик художник" и "наборщик", которого он знает давно. По восстановлении связи запросить об этих людях.

6. "Специалист" — источник (японец).

Арт. офицер в резерве, служит на небольшой должности на жел. дороге. Любитель военно-научных вопросов с очень большими знаниями в области техники и военно-организационных вопросов. Имеет много знакомых среди низшего офицерства. Призывается периодически в армию для прохождения повторных учений.

Зарплата — по смете 50.00 иен. Фактически получал от 105 до 200 иен. Связи с Отто (старый его друг). Живет в Осака (после февральских событий).// Давал материал через Отто, который интересовался этими сведениями как бы в целях пополнения своих военных знаний. О дальнейшем использовании его разработок оставлен в неизвестности. По словам Рамзая, имеются все возможности для обработки им конкретных заданий.//1 "Специалист" выделяется в группу Отто (см. план Отто), временно передается Ингрид. 2. Используется как источник; работает по определенным конкретным заданиям, получаемым из центра через Отто.

Мероприятия. Выяснить точно имя "Специалиста", место его работы и возможности (выяснить через Рамзая после установления связи с ним). По неточным данным, "Специалист" работает на железной дороге. //Зачем Ингрид замазывать людьми Рамзая? Это опасно для обеих сторон. А./

7. Ингрид (наш работник). По плану — пом. резидента — вербовщик к Рамзаю. Задача — завербовать одного-двух источников из чиновников или офицеров военного министерства или генштаба для освещения вопросов подготовки мобилизации и т.п.

Держит связь — с Рамзаем.

Легализация — шведская писательница. // Ингрид только что прибыла на о-ва (в конце октября).// 1. Остаются в силе задачи, намеченные по плану... 2. Временно принимает от Рамзая связь с Отто и через него со "Специалистом". 3. Является резервным курьером Рамзая.

29 декабря 1936 г. ВРИД НАЧАЛЬНИКА 2 ОТДЕЛА РУ РККА

Б. Гудзь».

В своих предложениях Центр еще раз подтверждает свою позицию — «отсечь» от «Рамзая» японскую агентуру с переключением ее на только что прибывшую в страну «Ингрид» («Отто» и через него связь с «Специалистом»), закрепить руководство «Джо» (и связанных с ним людей) «Густавом».

Центр закономерно ставит вопрос об использовании информационных возможностей Вукелича, учитывая, что с 1935 года он работает во французском агентстве «Гавас», а не только является «квартиродержателем для мастерской» — хозяином квартиры для рации.

4.3. «... НА НЫНЕШНЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТАДИИ ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНСКИХ АГРЕССИВНЫХ КРУГОВ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ПОДГОТОВКЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

(*Иоган Е., Танин О. «Когда Япония будет воевать»*)

В 1936 г. тиражом в 20 тыс. экземпляров вышла «в свет» очередная монография специалистов по Дальнему Востоку, сотрудников Разведупра РККА Е.С. Иолка и О.С. Тарханова «Когда Япония будет воевать»[66]. Книга была опубликована под псевдонимами авторов: Е. Иоган и О. Танин. В выходных данных было написано: перевод с английского. Однако, навряд ли удалось скрыть авторство советских писателей, особенно после публикации монографии «Военно-фашистское движение в Японии».

Путем детальных подсчетов на основе данных японской статистики и печати, в том числе и иностранной, авторы исследовали возможность ведения Японией, подготавливаемой ею «большой войны» против СССР.

«На наших глазах пропагандистский лозунг "Азия для азиатов" превращается в суровую действительность, разоблачая себя как форма борьбы за японское господство. — Отмечали Е. Иоган и О. Танин. — Неудивительно, что в этой обстановке делаются попытки более точно определить цели и объекты японской агрессии и характер подготовляемой японцами для этих целей войны.

Но, однако, следует отметить, что во многих случаях значение подготовляемых и осуществляемых японским империализмом военных авантюр понимают далеко не во всем их объеме. Наиболее распространенной ошибкой является при этом представление, что в руках держав имеется достаточно средств, для того чтобы направить японскую агрессию исключительно против СССР, сохранив при этом старые позиции держав в Азии, а может быть даже и расширив их, поскольку внимание и силы Японии будут поглощены борьбой с Советским Союзом. ... Подобное рассуждение в высокой степени поверхностно. Оно отвлекается от крайне важных факторов, которые возникнут не только в результате, но уже в самом ходе подготовляемой японским империализмом японо-советской войны. Для правильного ответа на

поставленные вопросы... надо раньше всего рассмотреть цели, преследуемые самим японским империализмом.

Насколько нам известно, Гаусгофер (Карл Хаусхофер, нем. Karl Haushofer. — *М.А.*) был первым европейским исследователем, который в своей работе, вышедшей еще до мировой войны, — "Dai Nichon", — обратил внимание на два направления японской агрессии: континентальное имаринистское. В своих новейших работах он продолжает исходить из этой же предпосылки, толкуя однако дело таким образом, что маринистское направление японской экспансии является выразителем японских народных чаяний, народной "тяги на юг" (токутоми), к великому океанскому будущему, а континентальное направление — это течение бюрократическое, свойственное генералитету, железнодорожным кампаниям, финансовому капиталу (Карл Хаусхофер относил Японию к «островным странам с континентальным типом мышления», рассматривая ее как полную противоположность другого островного государства- Англии. — *М.А.*). ...

Рациональное ядро, которое может быть извлечено из этих перегруженных "геополитической" шелухой рассуждений, заключается конечно не в совершенно ложном толковании движущих сил японской агрессии, а в указании на два ее основных направления. Их противопоставление, однако, совершенно неосновательно, хотя на различных этапах носителями континентального и маринистского направлений выступают, конечно, различные группы господствующих классов Японии. В самой природе этой агрессии и в той внешней обстановке, в которой она развивается, заложена, однако необходимость и континентального и маринистского расширения позиций японского империализма. Запасы угля и железа на Советском Дальнем Востоке, в Маньчжурии и в Северном Китае являются таким же объектом вожделений японского монополистического капитала как нефть и каучук на Борнео, как хлопок в Центральном Китае, как цветные металлы на ряде южных островов. ... действительное закрепление за Японией рынков сбыта центральной и южной части Тихого океана возможно только в результате вооруженного вытеснения отсюда других империалистических конкурентов Японии, а предпосылкой этого является прочное овладение Маньчжурией и Северным Китаем, без чего невозможна победа Японии над ее противниками в тихоокеанской войне.

Изучение всей истории японской агрессии со времени японо-китайской войны 1894-1895 гг., и анализ последнего отрезка истории — 1931-1936 гг. — в одинаковой степени показывают, что континентальное и маринистское направления японской агрессии тесно связаны между собой, не могут рассматриваться изолированно и что каждый успех в одном из направлений неизбежно влечет за собою необходимость дальнейших шагов в другом направлении. ...

Уже начало маньчжурской оккупации в 1931 г. повлекло за собой движение японских войск на Цзиньчжоу и попытку захвата Шанхая, усиление японской активности в Северном Китае и усиление нажима на нанкинское правительство. По мере того, как японский империализм закреплялся в Маньчжурии, его пропагандисты разбалтывали дальнейшие планы японской агрессии: "Маньчжурия, — писал официозный орган японского министерства иностранных дел (приложение к «Japan Times» от 30.IV.1933 г. — Прим. авт.), — это жизненная линия японской империи, но его источник сырья и рынок для

фабрикатов лежит много южнее этой территории — в районах южной Азии, в Малайских штатах, Голландской Индии и на островах южных морей... Развитие Маньчжурии, естественно, увеличит торговлю между Маньчжурией и Японией, но тогда Японии придется искать где-либо в другом месте рынков сбыта для фабрикатов, сделанных из маньчжурского сырья... Линия экономического расцвета лежит в Южной Азии. Обширные территории и огромная продукция этого района ждут лишь приложения японской силы...".

Однако южная часть тихоокеанского бассейна привлекает японских империалистов не только как рынок сбыта, но и как источник сырья. Пять лет хозяйничанья в Маньчжурии обнаружили, что эта новая японская колония отнюдь не в состоянии быстро и целиком разрешить проблему дефицитного сырья для японской промышленности. По этому поводу "Токийская Ассоциация свободной торговли" недавно заявила: "Сырье, в котором Япония нуждается, — это хлопок, шерсть, минералы, нефть и каучук. Ни один из этих видов сырья не может быть обеспечен Маньчжурией или Северным Китаем".

Итак, Маньчжурия (и даже Северный Китай) не может удовлетворить аппетиты японского империализма ни как источник сырья, ни как рынок сбыта.

С этой точки зрения захват Маньчжурии является только подготовительным шагом к осуществлению всей паназиатской программы японского империализма, шагом к закреплению японского контроля и на север и далеко на юг от Маньчжурии»[67].

«**Не подлежит сомнению**, — писали авторы монографии «Когда Япония будет воевать», — **что на нынешней исторической стадии центр тяжести внешней политики японских агрессивных кругов заключается в подготовке войны против Советского Союза**. Но совершенно очевидно, что даже этот этап борьбы за осуществление японских паназиатских планов включает в себя необходимость развития японской агрессии в собственно Китае и во всем тихоокеанском бассейне. События последнего года (1936-го. — *М.А.*) еще раз подтверждают это. Не случайно, что в 1935-1936 гг. одновременно с обострением японской агрессии на севере (провокации против МНР, оккупация Северного Китая) японские морские круги форсируют подготовку японской агрессии в южном направлении. Огромные суммы, затрачиваемые на расширение японского флота, являются материальной базой, так называемого "нового курса" японской морской политики, выраженной в следующей формуле: "Оборона на севере и продвижение на юге". На деле, разумеется, речь идет о наступлении и на севере, и на юге. Адмирал Нагано, новый морской министр, чрезвычайно активно подготовляет японскую агрессию в "южном направлении", хотя отнюдь не противопоставляет ее задаче подготовки войны против СССР.

На последней сессии парламента (май 1936 г.) министр колоний Нагата и министр иностранных дел Арита солидаризировались с устремлениями военно-морских кругов в "южном направлении"»[68].

«Японская агрессия в Северном Китае лучше всего показывает, как глубоко ошибаются те реакционные империалистические круги Англии и США, которые надеются локализовать японскую агрессию на материке в одном — "северном направлении", т.е. антисоветском, — направлении»[69]. — Отмечали Е. Иоган и О. Танин.

Авторы книги «Когда Япония будет воевать» при оценке темпов и размаха подготовки антисоветской войны, отмечают следующее: «... среди япон-

ской буржуазии существуют влиятельные и не малочисленные группы, которые считают, что для обеспечения японских экономических интересов на Советском Дальнем Востоке более надежным, имеющим большие шансы на успех является не военная авантюра, а путь укрепления и развития японо-советских экономических отношений.

Сдержанность, по крайней мере, в вопросе о сроках антисоветской войны среди известных групп японской буржуазии питается рядом более существенных соображений, чем надежды на получение экономических выгод мирным путем.

Решающее значение имел огромный рост политической, экономической и военной мощи Советского Союза и рост его международного авторитета. Влиятельные группы в лагере господствующих классов Японии уже с 1933-1934 гг. стали сознавать, что война с Советским Союзом, какими бы заманчивыми не представлялись цели этой войны, может закончиться катастрофой для Японской империи»[70].

Казалось бы, понимание рисков, с которыми будет сопряжена война с Советским Союзом, появилось и у военного руководства. В «Памятке о русско-японской войне», выпущенной военным министерством Японии в феврале 1936 г., РККА характеризовалась следующим образом:

«Дух, боеспособность, культурность и сплоченность Красной армии несравнимы с царской армией, которая раздиралась противоречиями между солдатами и офицерством... Технически передовая Красная армия опирается на хорошо развитую в результате выполнения пятилеток военную промышленность и тяжелую промышленность вообще...»[71].

18 февраля 1936 г. японский кабинет заслушал специальный доклад военного министерства о состоянии вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке. Японские газеты передавали содержание этого доклада в следующих выражениях:

«Дальневосточная Красная армия насчитывает 200 тыс. человек. Она вооружена 900 самолетами, в том числе сверхтяжелыми бомбардировщиками, 900 танками и свыше 500 броневиками.

С 1932 г. Советы выстроили форты известные под названием "точек" на стратегических пунктах вдоль границы. Общая стоимость этих работ оценивается свыше 1,6 млрд. иен. Сейчас уже имеется свыше тысячи «точек» ... Прогрессирует развитие морской базы во Владивостоке, где уже имеется свыше 50 подводных лодок и некоторое количество других кораблей... Военная пропускная способность железных дорог на Дальнем Востоке увеличилась вследствие прокладки вторых путей Сибирской железной дороги. Сейчас пропускная способность в 5-7 раз больше, чем во время русско-японской войны.

В результате пятилетнего плана военная промышленность СССР революционизирована, и этот процесс еще больше усилился стахановским движением, которое за последнее время сделало заметные успехи»[72].

Капитан Мияке Цюдзи в статье, опубликованной «Асахи» еще в марте 1933 г. писал:

«Так как расстояние между Владивостоком и Токио составляет примерно 1000 км, то советские бомбовозы могут легко перелететь через Японское море, произвести бомбардировку разных пунктов на острове Хонсю и вернуться обратно во Владивосток. Подводные же лодки в случае нужды могут

перерезать связь между Японией и континентом и нанести ущерб внешней торговле Японии. Говорят, что с давних пор идеи русских о войне заключаются в том, чтобы одновременно с началом войны крупными воздушными силами произвести бомбардировку важнейших городов и промышленных центров неприятеля и в самом начале лишить этим неприятеля намерений воевать. Если это является фактом, то надо быть готовым к тому, что, если обе страны начнут войну, важнейшие города Японии и Маньчжоу-Го, как Токио, Осака, Нагоя, Фукуока или Синьцзян и Мукден, подвергнуться бомбардировке со стороны воздушных сил.

Затем, если мы подумаем о том, как во время мировой войны германские подводные лодки расстраивали торговлю союзников в Средиземном море и Атлантическом океане и как японский флот почти всеми силами должен был охотиться за одним германским крейсером "Эмден", то, если советских подводных лодок только несколько штук, мы не можем быть особыми оптимистами в отношении роли этих подводных лодок в случае войны...

С тех пор, как капитан Мияке высказал эти соображения, "угроза со стороны Владивостока" не сходит со страниц японской военной и общей печати. Идея о необходимости ликвидации этой угрозы "внедряется" в широкие круги населения и составляет важный элемент в морально-политической подготовке войны против СССР»[73].

Под впечатлением событий на границах СССР и МНР газета «Дзи-Дзи», «отражавшая взгляды буржуазных кругов», писала в апреле 1936 г.:

«Благодаря первому и второму пятилетним планам советская военная промышленность сделала замечательные успехи. Современная советская армия, конечно, далеко превосходит царскую армию, которая была самой большой в мире. Вдоль советско-маньчжоугоуской границы расположены огромные силы. Москва, очевидно, стремится настолько усилить Дальневосточную армию, чтобы она была достаточно сильна для войны на Дальнем Востоке без подкреплений на Дальнем Востоке, а японская авиация и танковые войска еще меньше поддаются сравнению с соответственными советскими силами...»[74].

«Военщине приходится затрачивать немало усилий — указывают Иоган и Танин, — для преодоления колебаний среди буржуазии, для целеустремленной концентрации всех средств государственной политики на задаче скорейшей подготовки войны против СССР, для объединения под своим руководством общественного мнения Японии. Судя по практическим, осуществляемым Японией темпам перевооружения и реорганизации своей армии, подготовке маньчжурского плацдарма, важнейшим мероприятиям внутренней политики и общей внешнеполитической линии — военщина с этими задачами справляется, хотя, может быть, и не так быстро, как ей этого хотелось бы. ...

Не являясь еще безраздельным носителем власти, не осуществив еще полностью своих планов установления военно-фашистской диктатуры, военщина, в особенности после событий 26 февраля, направляет усилия в с е г о государственного аппарата Японии на разрешение задач подготовки войны против СССР и в весьма широких масштабах привлекает крупнейшие группы финансового капитала к осуществлению этих задач. Следовательно, должна существовать причина, позволяющая военщине стать центром, организующим и направляющим новый этап японской агрессии. Причина эта заключает-

ся в том, что проблему войны против СССР военщина ставит как предпосылку осуществления всей паназиатской программы японского империализма»[75].

«Японская военщина уже настолько глубоко завлекла свою страну в военную агрессию на материке, что об отступлении или о свертывании агрессии, по ее мнению, сейчас не может быть и речи. "Если бы нынешнее движение за экспансию, — писал весной 1936 г. генерал Тада, командовавший тогда японской оккупационной армией в Северном Китае, — выражающееся в создании Маньчжоу-Го и развитии (!) Северного Китая, провалилось, — мы бы не только отступили с континента, но судьба империи и народа повисла бы в воздухе...". ... Раз для японских генералов невозможно отступление, то невозможно также топтание на месте, приостановка наступления. Следовательно, на материке необходимо наступать: вот вывод, который они делают»[76].

«За последнее время фраза "разрешение тихоокеанской проблемы", — писал генерал-лейтенант Тада в своей книге «Задачи государственной обороны Японии», — очень часто встречается как в речах дипломатов, так и на столбцах газет всего мира. В чем же сущность этой распространенной фразы? В этом отношении наше толкование этой фразы несколько расширяет рамки прочих толкований, ибо мы считаем, что разрешение тихоокеанской проблемы есть, прежде всего, разрешение вопросов, связанных с континентом Восточной Азии, и в особенности с Сибирью; таким образом, мы полагаем, что центр тяжести этой проблемы лежит не в морях, входящих в тихоокеанский бассейн, а в Азиатском материке, примыкающем к этому бассейну.

Обоснование этой точки зрения общеизвестное: нельзя вести успешную войну на Тихом океане, не обеспечив себя на случай блокады необходимыми видами сырья (уголь, железо, нефть, цветные металлы, продовольствие), которые можно получить только в Маньчжурии и на Советском Дальнем Востоке, и не прикрыв своего тыла путем "превращения Японского моря в Японское озеро", как выражаются японские журналисты, т.е. путем захвата советского побережья Тихого океана»[77].

«По мнению японской военщины, победа над Советским Союзом является предпосылкой не только успешности будущей войны против США, но и предпосылкой удержания Японией даже тех позиций, которые уже завоеваны ею в Китае. "Война с СССР, — пишет полковник Окобэ неизбежна, ибо политическая линия СССР совпадает с политической линией Коминтерна. Большевизация Китая и укрепление советских областей в Китае поощряется Советским Союзом". Между тем удержать свои позиции в Китае является для японского империализма предпосылкой успешности этой борьбы за господство во всем Тихоокеанском бассейне, ибо "как для войны против СССР, так и для войны против США Японии придется пользоваться частью или даже большей частью Китая". ... Несомненно, что удержание за собой и дальнейшее расширение возможностей грабежа колониальных рынков — в первую очередь Китая — является лейтмотивом японской агрессии против СССР. Советский Союз нужно отбросить от тихоокеанских берегов и от границ Китая и Монголии — только в том случае Япония, по мнению военно-фашистских кругов, сможет быть уверена в осуществлении своих "паназиатских" планов.

...

Прежде всего, указывается на то, что без нанесения решительного поражения Красной Армии и Япония не сможет удержать Маньчжурию, ибо Маньчжурия с трех сторон окружена советским влиянием и это-де стимулирует

антияпонские настроения в самой Маньчжурии и создает постоянную внешнюю угрозу ее границам.

Опасность, однако, по мнению японских империалистов, грозит не только Маньчжурии, но и коммуникациям между Маньчжурией и Японией и даже самой Японии. Здесь имеются в виду морская база СССР во Владивостоке и приморские аэродромы»[78].

«Из всей совокупности аргументов в пользу войны с СССР делается вывод, что чем скорее Япония сначалом войны прервет дальнейшее экономическое развитие СССР, тем ле гче будет победить. Каждый просроченный год делает Советский Союз сильнее и, следовательно, затрудняет и, в конце концов, сделает совершенно невозможным осуществление японских планов.

Что касается соотношения сил с Советским Союзом, то слабость Японии должна быть, по мнению японских агрессивных кругов, восполнена поддержкой со стороны мощных союзников. В качестве таковых японская пресса все чаще указывает на Англию и Германию. При этом особое значение придается необходимости сближения с Англией, несмотря на все те глубокие разногласия, которые разделяют английский и японский капитал в борьбе за колониальные рынки и в борьбе за морские торговые пути.

... расстановка международных сил на случай японо-советской войны мыслится японской военщиной следующим образом: Германия (и возможно Польша-Финляндия) — ближайший союзник; Англия — пребывает в дружественном к Японии нейтралитете; США — сохраняет строгий нейтралитет. Все усилия японской воинствующей дипломатии в сущности и направлены сейчас к тому, чтобы обеспечить в ближайшее время подобную группировку держав. Однако "трагедия" японской внешней политики заключается именно в том, что каждый шаг японской агрессии на материке, а тем более агрессия в южном направлении (от которой... японский империализм отнюдь не желает и не может отказаться!) непосредственно ударяют по интересам Англии и США уже сейчас, что действует охлаждающе даже на наиболее реакционные и японофильские круги этих держав. ... Разумеется, правильные соображения, высказываемые отдельными представителями держав, еще не предрешают позиций этих держав. Однако логика событий на Дальнем Востоке... должна подсказать всем державам, заинтересованным хотя бы в "status quo" на Тихом океане, что поощрением японской агрессии в "северном направлении", т.е. против СССР, они, в конечном счете, наносят непоправимый ущерб своим собственным интересам»[79].

«На основе произведенного нами выше анализа мы видим, — отмечают авторы монографии «Когда Япония будет воевать», — что в случае "большой войны" японские правящие круги неизбежно столкнутся с рядом коренных слабостей японского народного хозяйства, которые не удалось устранить в предвоенный период, несмотря на весь размах мобилизационного развертывания. К этим слабостям относятся:

Недостаточное развитие тяжелой промышленности. Значение этого узкого места правильно охарактеризовано в... брошюре («Как будет развиваться наша промышленность во время войны. Токио. 1933. — *М.А.*) группы офицеров-генштабистов во главе с генерал-лейтенантом Хаяси Кацура, бывшим начальником отдела снабжения военного министерства. Авторы пишут:

"Как победить в будущей войне? На этот вопрос можно ответить правильно, лишь учтя, что будущая война будет войной промышленностей, про-

изводящих технические средства современного боя. Незачем говорить, что абсолютно невозможно создать военную промышленность накануне войны. Наши нынешние производственные возможности не удовлетворяют потребностям военного времени...". ...

Относительная слабость японской тяжелой индустрии выражается:

а) в неспособности японской черной металлургии обеспечить полностью нужды страны и армии во время войны, что приводит к зависимости от иностранного импорта черных металлов;

б) в недостаточном, по сравнению с потребностями мобилизационного развертывания, развитии общего машиностроения и в частности станкостроительной промышленности, что будет вынуждать Японию к массовому импорту машин и станков;

в) в недостаточном развитии специфических военных отраслей машиностроительной промышленности, как авиационная, автомобильная и танкостроительная промышленность, и полном отсутствии некоторых важных с военной точки зрения отраслей.

2. Чрезвычайно большой удельный вес мелкого промышленного производства, в частности в области машиностроения. ...

3. Высокая степень экспортности японской промышленности. Коэффициент экспортности в важнейших отраслях японской промышленности (как, например, текстильной, искусственного шелка и др.)... 60-70%. Это обстоятельство делает японскую промышленность крайне зависимой от всех конъюнктурных колебаний на внешних рынках. ... Во время войны экспортные отрасли и вместе с ними все народное хозяйство в целом могут легко оказаться под ударом конкурирующих держав. Характер же большинства экспортных отраслей (производство хлопчатобумажных тканей, трикотажа, обуви, игрушек и т.п.) не благоприятствует переключению этих отраслей и значительному их использованию в материальном обслуживании войны.

4. Недостаточная сырьевая и топливная база для ведения "большой войны". Крупный дефицит в железной руде, недостаточность собственных ресурсов цветных металлов (в том числе, даже меди), полная зависимость от ввоза иностранной нефти, полное отсутствие хлопка и шерсти, недостаток в древесной пульпе, в строевом лесе и др. суживают возможность материального обеспечения "большой войны". ...

5. Узость собственной продовольственной базы. Япония, импортирующая ежегодно на несколько сот миллионов иен продовольствия, будет во время войны иметь дело с серьезными трудностями. Во-первых, ввиду неизбежного сокращения урожайности, сокращения улова рыбы, в особенности в чужих водах, и, во-вторых, ввоз продовольствия из главных колониальных баз будет находиться под угрозой блокады, также, как и ввоз сырья и военных материалов....

Анализ всех источников экономического питания войны раскрывает чрезвычайную слабость японского народного (национального. — *Прим. авт.*) дохода. Как в отношении его общего объема, так и в отношении его структуры. ...

Вместе с тем и финансовая система, базирующаяся на этом слабом народном доходе, расшатана огромной внутренней государственной задолженностью и инфляцией. ...

Слабость золотого обеспечения должна в условиях войны породить особые затруднения ввиду зависимости Японии от иностранного ввоза дефицит-

ных военных материалов. Недостаточность внутрияпонских экономических ресурсов, а кроме того сужение в военное время всех возможных источников золотых доходов при незначительности наличных накопленных фондов создадут специфическую потребность в золоте как платежном средстве и вызовут необходимость внешних займов. Но возможность получения крупных (порядка нескольких миллиардов иен) займов за границей весьма проблематична. ...

Вместе с тем, авторы констатируют следующее: «Многие из этих предстоящих трудностей правильно учитываются руководителями японской агрессивной политики. В первую очередь необходимо отметить, что японский генеральный штаб ясно сознает необходимость значительного укрепления народнохозяйственной базы для будущей войны. В соответствии с этим господствующим классам Японии уже к настоящему времени удалось добиться известных успехов в подготовке народного хозяйства к войне.

1. Особенностью подготавливаемой японцами большой войны является то обстоятельство, что мобилизационное развертывание японского народного хозяйства начато задолго до войны. ... Процесс нового промышленного строительства, реконструкции и технической рационализации старых предприятий стимулируется в значительной мере японским военным министерством... Огромный рост военных расходов за последние годы создает финансовую базу для выполнения этой программы.

2. На этой основе, также как и в результате привлечения частных капиталов к имеющим военное значение отраслям хозяйства, норма прибыли в которых значительно повышена выгодными военными заказами, происходит быстрое развертывание этих отраслей промышленности. ...

3. ... практически уже проводится в жизнь кооперирование предприятий гражданской промышленности с кадровыми военными заводами. ...

4. Развертывание производства в имеющих военное значение отраслях хозяйства и военные заказы за границей привели к большому росту накопленных мобилизационных запасов. ...

Несомненно, что по нефти, железной руде, черным и цветным металлам, по шерсти, хлопку, по ряду химикалий созданы значительные мобилизационные запасы. ...

Огромные потребности, связанные с вооружением и развертыванием многочисленной армии и пополнением ее боевой убыли при указанных... выше слабостях японской промышленности и невозможности их преодоления в первые месяцы войны, требуют создания огромных мобилизационных запасов, значительно превосходящих фактически созданные.В особенности это относится к авиации, танкам, автотранспорту, крупнокалиберной артиллерии и в значительной степени к снарядам.

Наконец, мы отнюдь не должны упускать из виду тот важный факт, что Японии удалось создать весьма крепкую военную сухопутную и морскую силу. Многие из вышерассмотренных узких мест и возникли, а некоторые углубились в результате отвлечения огромных средств на строительство не пропорционально мощного военного аппарата. Наглядно это обнаружилось в 1931-1936 гг., когда за счет перенапряжения государственных финансов, за счет снижения (через инфляцию и другими способами) жизненного уровня широких масс населения происходит процесс перевооружения армии, новое военно-морское строительство, создание новых родов войск — химиче-

ских, танковых частей и т.д. — накопление весьма значительных мобилизационных запасов. Первоклассные армия и флот, искусственно взращенные на тощей экономической почве Японии, призваны восполнить экономические изъяны страны. Экономическая потенция военной силы раскрывается и реализуется в разбойничьих захватах новых колоний для получения источников дефицитного сырья и для увеличения узкого "национального" дохода метрополии за счет эксплуатации колониальных народов. Она реализуется далее в том, что победы японского оружия должны обеспечить приток иностранных займов, как это было во время русско-японской войны. Подведя итог сказанному и выражаясь образно, мы можем сказать, что военная сила японского империализма представляет собой бронированный кулак, приводимый в движение слабой мышцей. Способность этого кулака нанести сильный удар не должна быть недооценена, но вместе с тем надо правильно оценить и недостаточную выносливость японской экономики — этой движущей мышцы — для нанесения повторных ударов, для экономического питания системы ударов, из которых будет складываться грядущая война.

Должно быть отмечено, что применительно к слабой экономической основе своего военного аппарата японские военные круги придерживаются известной стратегической доктрины внезапного нападения и короткого сокрушительного удара.

Взгляды японской военщины были отчетливо выражены в 1935 г. бывшим военным министром генералом Араки.

"Если война начнется, — заявил Араки в беседе с редактором экономического журнала «Тойо Кейдзай», — ее нужно вести как можно быстрее. Фронт может быть расширен до любых пределов, но зато срок войны должен быть сокращен. За год можно потратить на военные расходы сколько угодно... Необходимо действовать так, чтобы пока еще не умолкли клики "банзай", провожающие воинов на фронт, уже послышались клики "банзай", приветствующие вернувшихся победителей". На этой концепции сходятся, по-видимому, все японские внутриармейские группировки. Ген. Хаяси, лидер группировки "контроля", сменивший в начале 1934 г. Араки на посту военного министра, высказался приблизительно в таком же духе. "В современной войне, — сказал Хаяси 17 мая 1935 г. в беседе с делегатами партий Сеюкай и Минсейто, первые 5 или 12 месяцев решают конечный исход войны. Следовательно, важно, чтобы армия была оснащена и приведена в полную готовность для действий в любое время".

Японские военные круги отдают себе отчет в том, что серьезная длительная война не по силам японскому народному хозяйству при нынешнем его уровне развития. Японские военные деятели из этого делают вывод, что подготовка к войне должна быть направлена к тому, чтобы войну сделать настолько большой по силе сокрушения, чтобы она оказалась короткой. Вместе с тем руководящие круги японской военщины правильно учитывают, что односторонние субъективные желания Японии не смогут определить сроки и масштабы войны и что страна должна быть готова к большой затяжной войне. В этом направлении и идет в действительности вся подготовительная работа по мобилизационному развертыванию японского народного хозяйства.

Таким образом, выше рассмотренные слабости экономического базирования войны становятся фактором, подталкивающим военные круги к непрерывному расширению и усовершенствованию армии и флота с тем, чтобы не

только в первых решающих столкновениях продемонстрировать перед всем миром перевес японской мощи, но чтобы также быть готовыми к длительному военному и экономическому напряжению»[80].

«Степень напряжения, которого потребует "большая война" от Японии, — утверждают Е. Иоган и О. Танин, — означает не только жертвы миллионов человеческих жизней, но означает хозяйственную катастрофу для Японии, обречение на голод большинства японского народа и неизбежность в силу этого крайнего обострения классовой борьбы в стране и угрозы революционного взрыва.

Но даже при самом крайнем напряжении своих экономических ресурсов Япония не сможет мобилизовать необходимых для войны натуральных и меновых стоимостей. Она принуждена будет искать внешних займов и притом в громадных размерах, ставящих ее в зависимое положение от других держав.

При всем этом тот, кто захотел бы финансировать японские военные авантюры, очень скоро должен будет убедиться в том, что не только выращивает и подкармливает своего завтрашнего врага, но что средства, которые потребовались бы Японии, во многом превосходят ее возможности расплаты по своим обязательствам»[81].

4.4. «Лично я все больше и больше привязываюсь к тебе и более чем когда-либо хочу вернуться домой, к тебе»

(*из письма «Рамзая» Кате Максимовой*)

Екатерина Александровна Максимова родилась в 1904 г. в Петрозаводске. Отец ее, Александр Флегонтович, служил в губернском управлении, мать, Александра Степановна Гаупт, происходила из русских немцев.

После революции Александр Флегонтович вплоть до своей кончины занимал должность секретаря Петрозаводского отдела коммунального хозяйства, а Александра Степановна работала председателем плановой комиссии Петрозаводского городского Совета. Кроме Кати, в семье было еще трое детей — младшие сестры Татьяна, Мария и брат Валентин.

С детства она интересовалась музыкой и искусством, изучала французский, увлекалась театром. В Петрозаводске посещала театральную студию, где художественным руководителем был Юрий Николаевич Юрьин, а в 1922 году поступила в Ленинградский государственный институт сценических искусств. Когда Катя училась в вузе, она узнала, что ее педагог Юрьин заболел туберкулезом. Друзья больного выхлопотали ему разрешение на поездку в Италию, на Капри, где было солнце и чистый, живительный воздух. Самостоятельно Юрьин, которого к тому времени бросила жена, оставив у него на руках дочку, не смог бы осилить такую поездку. И тогда Максимова, оформив со своим педагогом брак, взялась сопровождать его на лечение за границу (по крайней мере, так эта ситуация выглядела по рассказам самой Кати). Перед отъездом Екатерине Александровне Максимовой было выдано свидетельство о том, что она окончила в 1925 году курс по «Драматическому отделению» по классу профессора Л.С. Вивьен, сыграв во время обучения роль «Воспитанницы» — Нади.

Медицина и природа оказались бессильны. Осенью 1927 года Юрьин умер в одной из больниц на Капри. Екатерина вернулась в СССР и отдала дочку умершего супруга его родственникам.

В ноябре того же года она перебралась в Москву и поселилась в комнате коммунальной квартиры по адресу: Нижне-Кисловский переулок, дом 8/2, квартира 12. Вместо театра она почему-то устроилась работать на завод «Точприбор», аппаратчицей, бригадиром, затем начальником цеха.

Екатерина давала уроки русского языка иностранцам. Среди них были немцы — сотрудники Коминтерна, один из них Вильгельм Шталь познакомил ее с Рихардом Зорге в том же 1927 году. Вильгельм (Вилли) Давыдович Шталь[82] выполнял отдельные поручения Коминтерна в Польше и Германии в качестве курьера Отдела международной связи ИККИ. По распространенной версии, Шталь и Максимова познакомились случайно, в поезде, в котором оба возвращались в Москву из Ленинграда.

Рихард тоже решил брать уроки у Екатерины: хотя и с трудом, она могла изъясняться на немецком, и они имели возможность понимать друг друга без посредников. Максимова обучала русскому и Кристину, жену Зорге, которая так об этом вспоминала: «Я продолжала заниматься русским языком с моей очаровательной учительницей Катей... По прошествии года выяснилось, что она научилась бегло говорить по-немецки, в то время как мои успехи в русском были скромны». Не исключено, что Екатерина оказалась более способной ученицей, чем учительницей.

Странно, как человек, никогда не работавший с немецким языком и не занимавшийся до этого преподавательской деятельностью (судя по ее биографии), более того, слабо знавший немецкий, обучал русскому языку сразу трех немцев: разведчика, коминтерновца и жену коминтерновца, ставшую как раз в это время сотрудницей IV управления. Наличие немецких корней у матери Екатерины, обрусевшей немки, мало что объясняет.

Что касается немцев, то у них, судя по всему, особого выбора не было: они могли изучать русский только со специально отобранными для этой цели людьми.

В личном деле Зорге в Центральном архиве МО РФ имеются документы, из которых видно, что Максимова вступила в брак с Рихардом Зорге в 1933 году:

«СССР
Штаб РККА
IV Управление
№ а/13/2708
18 августа 1933 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано гражданке МАКСИМОВОЙ Е.А. в том, что она действительно является женой военнослужащего — командира РККА тов. ЗОНТЕР И.Р., находящегося в длительной командировке.

Гербовая печать
IV Управления

Начальник 2 сектора IV Управления Штаба РККА
Раубо подпись
Завделопроизводством Дубинчик».

«НКО СССР
Разведывательное
Управление РККА
Отдел 12
16 сентября 1937 г.
№ 4192

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Гр-ка МАКСИМОВА Е.А., является женой военнослужащего Разведывательного управления РККА тов. Зонтер И.Р.

Для предъявления по месту работы.

Действительно по 28.9.1937 г.

Гербовая печать. РУ РККА

Начальник 12 Отдела Подпись
Завделопроизводством Подпись».

Однако официально Зорге в браке с Максимовой не состоял. На допросах в тюрьме Сугамо он говорил следователю: «Когда я находился в Москве, у меня был любимый человек — Максимова, советская гражданка (тогда ей было 40 лет). Я думаю, что, если бы я был сейчас в Москве, мы бы наверняка оформили наш брак и жили бы вместе»83.

В июле 1935 года Зорге по вызову Центра прибыл в Москву. С Максимовой ему удалось пробыть не больше месяца: 16 августа они вновь простились. Отныне связь между ними ограничивалась редкими письмами, хотя Екатерина Максимова безусловно занимала большое место в его жизни.

«Моя любимая Катюша!

Теперь я снова в большом городе с высокими домами. Все прошло гладко, и я рад вновь вернуться сюда, потому что здесь — это самое легкое. Вероятно, я люблю этот город и по этой причине, не только из-за больших домов. Но долго я здесь не останусь. Потом будет труднее. Я отложил для тебя маленький черный чемоданчик с кое-какими маленькими вещицами. Но я не могу сказать, когда ты их получишь, и получишь ли вообще... Будем надеяться — это произойдет. Я буду пытаться здесь что-нибудь сделать, чтобы ты время от времени могла получать от меня кое-какие известия. Если это не удастся, тебе придется много месяцев ждать, прежде чем ты по старым каналам сможешь что-то услышать обо мне. Если даже случится так, что тебе придется долго ждать, не волнуйся обо мне. Все будет хорошо, и даже это время закончится. Я очень, очень много думаю о тебе. Я даже представить не мог, чтобы такой старый парень, как я, мог так сильно привязаться к человеку, как я привязался к тебе. В этот раз это намного больше, чем тогда, так как и для меня все яснее, и я знаю, как ты ко мне относишься. Надеюсь, у тебя дома поймут, что я не мог иначе и должен был быть здесь. Было бы жаль, если бы они на меня рассердились. Ты могла бы сердиться на меня, но ты же понимаешь и знаешь, что мне пришлось так же трудно, как тебе, особенно в этот раз. Следи за собой и береги себя. Я был бы очень рад. Намного больше, чем ты думаешь. Я мало об этом говорил, чтобы не убеждать и не уговаривать тебя, но радоваться я бы стал очень. Я попытаюсь снова написать тебе, прежде чем наступит долгое молчание. Не говори Алексу ничего о письмах, которые приходят не через него. Так лучше...»84. Это письмо было написано 31 августа 1935 года в Америке по дороге из Москвы в Токио и передано с оказией.

«Моя дорогая К.

Один друг, которого Вилли видел до этого, сообщил мне, что "все в порядке". Если я правильно понял, то это означает, что наши желания... претворяются в жизнь. Я страшно обрадовался и организовал с этим другом приятельскую пирушку, который ничего не знал, почему я так особенно радуюсь.

Иногда я представляю себе, как могло бы быть хорошо — быть снова рядом с тобой. Меня всегда охватывает ярость, когда я думаю, как долго это еще может продолжаться. Я бы охотно послал тебе кое-какие вещи, но пока не нашел для этого никакой возможности, надеюсь, таковая появится с течением времени.

Я слышал, что денежное состояние у вас скоро изменится. Пожалуйста, поговори с Вилли, как может быть изменена договоренность с моими людьми, так чтобы ты действительно имела какую-нибудь помощь. Я готов к любому урегулированию и прошу тебя ни в коем случае не церемониться. Пожалуйста, сделай это в любом случае, иначе я буду неспокоен и стану волноваться, не лишена ли ты чего-то, чего не должна быть лишена... Прилагаю несколько фотографий о моем отпускном путешествии. Две маленькие — из Гонолулу...»[85]. (Из письма, датированного началом 1936 года).

Из писем следует, что у Зорге имелись еще какие-то каналы связи с Катей, помимо «официального» — через курьеров, приезжавших из Шанхая или прибывавших в Шанхай из Токио.

Намеки, которые встречаются в письмах, говорили о том, что Зорге узнал о беременности Кати, на что они оба рассчитывали (по крайней мере, он). В переписке с женой Зорге не только говорил о своих чувствах, но и об обстановке, в которой ему приходилось работать, и о настроении, в котором он пребывал, но, конечно, это не было нытьем человека, оказавшегося за многие тысячи километров от любимой женщины. Писал он и о своем долге, который ставил выше всего личного.

Во время пребывания в Москве летом 1935-го, Зорге обратился к начальнику Разведупра Урицкому с просьбой о выделении Максимовой жилья. И просьба «Рамзая» была удовлетворена — весной 1936 года Екатерине выделили большую светлую комнату на четвертом этаже общежития политэмигрантов «Красная Звезда» на Софийской набережной. По тем временам это были прекрасные условия.

В 1940 году связь с ней поддерживал М.И. Иванов[86], который впоследствии вспоминал, как выглядело это жилье: «Мы поднялись на последний этаж и вошли в уютную комнату с квадратным столом и парой стульев, тщательно прибранной кроватью за ширмой и комодом с нависающим над ним зеркалом. В углу стояла этажерка с книгами, а недалеко от входа на тумбочке располагался керогаз, на котором стоял чайник... Я встречался с Екатериной Максимовой для передачи и перевода писем, небольших денежных пособий, праздничных наборов... Ввиду исключительных заслуг Зорге, в нарушение всех инструкций и предписаний, ей было разрешено писать мужу письма без перевода и обработки цензурой. «Без правки и с ее ароматом», — так говорил Зорге перед своим отъездом. Екатерина писала по-французски, и с чтением ее писем Рихард мог справиться сам. Он же писал по-немецки, и я был

невольным свидетелем интимных нежных выражений, естественных в семейной переписке. И мне и ей было неловко, когда я деревянным голосом озвучивал ласковые слова...»[87].

9 апреля 1936 года Зорге писал в Москву:

«Милая моя Катюша!

Наконец я получил о тебе радостную весть, мне передали твои письма. Мне так же сказали, что ты живешь хорошо и что получила лучшую квартиру. Я очень счастлив всем этим и невероятно радуюсь вестям о тебе.

Единственное, почему я грустен, это то, что ты одна все должна делать, а я при этом не могу тебе чем-либо помочь, не могу доказать свои чувства любви к тебе. Это грустно и, может быть, жестоко, как вообще наша разлука... Но я знаю, что существуешь ты, что есть человек, которого я очень люблю и о ком я здесь, вдали, могу думать, когда мои дела идут хорошо или плохо. И скоро будет кто-то еще, который будет принадлежать нам обоим.

Помнишь ли ты еще наш уговор насчет имени?

С моей стороны, я хотел бы изменить этот уговор таким образом: если это будет девочка, она должна носить твое имя. Во всяком случае, имя с буквы "К". Я не хочу другого имени, если даже это будет имя моей сестры, которая всегда ко мне хорошо относилась. Или же дай этому новому человеку два имени, одно из них обязательно должно быть твоим. Пожалуйста, выполни мое желание, если речь будет идти о девочке. Если же это будет мальчик, то ты можешь решить вопрос о его имени.

Я, естественно, очень озабочен тем, как все это ты выдержишь, и будет ли все хорошо. Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы я сразу, без задержки, получил известие.

Сегодня я займусь вещами и посылочкой для ребенка, правда, когда это до тебя дойдет — совершенно неопределенно. Будешь ли ты дома у своих родителей? Пожалуйста, передай им привет от меня. Пусть они не сердятся за то, что я тебя оставил одну. Потом я постараюсь все это исправить моей большой любовью и нежностью к тебе.

У меня дела идут хорошо, и я надеюсь, что тебе сказали, что мною довольны.

Будь здорова, крепко жму твою руку и сердечно целую.

Твой Ика»[88].

Матерью Екатерина так и не стала.

«Моя дорогая Катюша!

Получил из дома короткое сообщение и теперь знаю, что все произошло совсем по-другому, чем я предполагал.

Пожалуйста, извини меня, но на основании двух предыдущих известий от тебя мне казалось, что все благополучно. И надо добавить, что я этого очень хотел.

Скоро я должен получить от тебя письмо, рассчитываю — через 3—4 недели. Тогда я буду в курсе дела и буду вообще знать, как у тебя дела и чем ты занимаешься. Твои письма меня всегда радуют, ведь так тяжело жить здесь без тебя, да еще почти в течение года не иметь от тебя весточки, это тем бо-

лее тяжело. Те немногие дни сделали наши отношения более определенными и более крепкими. Я очень хочу, чтобы это состояние постоянной разлуки теперь длилось не так долго, и чтобы мы выдержали это.

Я мучаюсь от мысли, что старею. Меня охватывает такое настроение, когда хочется скорее домой, домой в твою новую квартиру. Однако все это пока только мечты, и мне остается положиться на обещанное, а это значит — еще выдержать порядочно времени.

Рассуждая строго объективно, здесь тяжело, очень тяжело, но все же лучше, чем можно было ожидать.

Напиши мне, пожалуйста, о твоей комнате, в каком районе она расположена и как ты в ней устроилась?

Вообще прошу, позаботься о том, чтобы при каждой представляющейся возможности я имел бы от тебя весточку, ведь я здесь ужасно одинок. Как ни привыкаешь к этому состоянию, но было бы хорошо, если бы это можно было изменить.

Будь здорова, дорогая.

Я тебя очень люблю и думаю о тебе не только когда мне особенно тяжело. Ты всегда около меня.

Сердечно жму руку, целую тебя.

Большой привет друзьям — твой Ика»[89].

«Милая Катюша!

Наконец-то я получил от тебя два письма. Одно очень печальное, видимо, зимнее, другое более радостное — весеннее.

Благодарю тебя, любимая, за оба, за каждое слово в них. Пойми, это был первый признак жизни от тебя — после долгих дней, а я так жаждал этого.

Сегодня я получил известие, что ты поехала в отпуск. Это должно быть прекрасно — поехать с тобой в отпуск! Сможем ли мы это когда-нибудь осуществить? Я так хотел бы этого! Может быть, ты и не представляешь, как сильно? Нет, ты, конечно, это понимаешь, и я не нуждаюсь в словах.

Рад, что ты имеешь новую квартиру, хотел бы в ней пожить вместе с тобой... Когда-нибудь это время и наступит.

Здесь сейчас ужасно жарко, почти невыносимо. По временам я иду к морю и плаваю, но особенного отдыха здесь нет. Во всяком случае, работы полно, и, если ты спросишь о нас, тебе ответят, что нами довольны и я не на последнем счету. Иначе это не имело бы смысла для тебя и для всех нас дома.

Были здесь напряженные времена, и я уверен, что ты читала об этом в газетах, но мы миновали это хорошо, хотя мое оперение и пострадало несколько. Но что можно ждать от "старого ворона", постепенно он теряет свой вид.

Я имею к тебе большую просьбу. Катюша — пиши мне больше о себе, всякие мелочи, все, что ты хочешь, только больше. Напиши так же, получила ли ты все мои письма от прошлого года, и также напиши, получила ли ты мои пакеты? С каждым письмом я отправлял и пакет. Напиши также, используешь ли ты эти вещи? Что тебе особенно нужно, твой размер ботинок, вообще, что нужно купить? В чем нуждаются также друзья, особенно В и маленький Ф… твоя семья… и приятельница… которая не хочет выходить замуж, так как ее не интересуют мужчины. Может быть, она и права, но она забывает, что Катюша меня уже интересует…

Ну, пока всего хорошего! Скоро ты получишь еще письмо и даже сведения обо мне. Будь здорова и не забывай меня. Передавай от меня привет директору, который мне по временам пишет кое-что приятное… друзьям. Шлю сердечный привет, жму руку и целую»[90].

«Август 1936 г.

Милая К.!

На днях получил твое письмо от 6.36. Благодарю за строчки, принесшие мне столько радости. Надеюсь, что ты хорошо провела отпуск. Как хотел бы я знать, куда ты поехала, как провела время, как отдохнула? Была ли ты в санатории по путевке твоего завода или моего учреждения, а может быть, просто съездила домой? На многие из этих вопросов ты не сможешь дать ответ, да и получу я его тогда, когда будет уже холодно, и ты почти забудешь об отпуске. Между тем я пользуюсь возможностью переслать тебе письмо и небольшой подарок. Надеюсь, что часы и маленькие книги, которые я послал, доставят тебе удовольствие.

Что делаю я? Описать трудно. Надо много работать, и я очень утомляюсь. Особенно при теперешней жаркой погоде и после всех событий, имевших здесь место. Ты понимаешь, что все это не так просто. Однако дела мои понемногу двигаются.

Жара здесь невыносимая, собственно, не так жарко, как душно из-за влажного воздуха. Как будто ты сидишь в теплице и обливаешься потом с утра до ночи.

Я живу в небольшом домике, построенном по здешнему типу — совсем легком, состоящем главным образом из раздвигаемых стен. На полу плетеные коврики. Дом совсем новый и даже "современнее", чем старые дома, и довольно уютен. Одна пожилая женщина готовит мне по утрам все, что нужно, варит обед, если я обедаю дома.

У меня, конечно, снова накопилась куча книг, и ты с удовольствием, вероятно, порылась бы в них. Надеюсь, что наступит время, когда это будет возможно.

…

Ну, милая, будь здорова!

Скоро ты снова получишь от меня письмо, думаю, недель через шесть. Пиши и ты мне чаще и подробней.

Твой Ика».

«Октябрь, 1936.

Моя милая К.!

Пользуюсь возможностью черкнуть тебе несколько строк. Я живу хорошо, и дела мои, дорогая, в порядке.

Если бы не одиночество, то все было бы совсем хорошо. Но все это когда-нибудь изменится, так как мой шеф заверил меня, что он выполнит свое обещание.

Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима, по крайней мере, внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти под открытым небом.

Если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять, а детишки — плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить все увеличивающееся с каждым месяцем детское население по соседству.

Как видишь, обстановка довольно своеобразная. И вообще тут много своеобразия, я с удовольствием рассказал бы тебе. Над некоторыми вещами мы бы вместе посмеялись, ведь когда это переживаешь вдвоем, все выглядит совершенно иначе, а особенно при воспоминаниях.

Надеюсь, что у тебя будет скоро возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что "твой" является вполне полезным парнем. А если ты будешь больше и чаще писать, я смогу представить, что я к тому же еще и "милый" парень.

Итак, дорогая, пиши, твои письма меня радуют.

Всего хорошего. Люблю и шлю сердечный привет.

Твой Ика»[91].

Когда началась война, Она была бригадиром номерного завода «Точприбор». Екатерине приходилось дневать и ночевать в цеху. «Милая Мусенька! — писала она сестре. — Я прихожу вечером с работы — швейцар передал письмо и сверточек — сухари были очень вкусные, таких белых у нас, конечно, нет. Я за все лето ни разу не была за городом, лета, по правде сказать, совсем не видела. Были только раз в выходной на субботнике на заготовке дров на Химкинском речном вокзале, так и то целый день дрова с баржи грузили, некогда было природой наслаждаться. И то перед отъездом домой набрали вместо цветов целые охапки полыни, я люблю ее запах, острый и пряный...»[92].

Из друзей ближе всех к ней по-прежнему был Вилли Шталь. Он даже прописался у нее в комнате и прожил в ней последний месяц перед арестом в 1937 году.

8 мая 1942-го была арестована двоюродная сестра Максимовой Елена Леонидовна Гаупт, 1910 года рождения, уроженка Свердловска, из мещан, по национальности немка, гражданка СССР, беспартийная, несудимая, одинокая, которая проживала с матерью-пенсионеркой, Гаупт Марией Степановной, 1881 года рождения, и работала старшим счетоводом финотдела Управления железной дороги им. Л.М. Кагановича.

В НКВД на Гаупт поступил донос. В нем говорилось, что Гаупт «"не внушает доверия", скрывает, что немка. Когда исполнялся Государственный гимн, не встала со стула, как другие. Однажды сослуживцы застали ее в комнате растерянной, заметив, перед тем как она с поспешностью задвинула ящик чужого стола; оказывается, там лежал только что полученный по почте розыскной лист на отправку в Чувашию большой партии меди. "Доведя до вас сведения об указанных фактах, — писал доброжелатель, — прошу проверить личность Гаупт и с какой целью она это делает"»[93].

«Выявили и криминал: хранила в портфеле переписанную от руки азбуку литеров, по которой определяется характер воинских грузов, следующих по железной дороге. Работая в архиве, вырвала из тарифных руководств и унесла домой пять схем железных дорог. Не имея отношения к воинским перевозкам, делает для себя выписки о передвижении воинских эшелонов, типа: "В марте по Вагаю 1570 вагонов. Воинские эшелоны с Кирова и северной жел. дор. в Сибирь"»[94].

Судить о достоверности приведенной информации не представляется возможным. В распоряжении автора отсутствуют показания Гаупт с объяснением наличия у нее вышеперечисленных документов, если таковые у нее действительно были обнаружены, и интереса к этим документам, находившимся вне сферы ее профессиональной деятельности.

Из протокола допроса Гаупт от 11 мая 1942 года:

«ВОПРОС. Вы арестованы как агент иностранной разведки. Дайте показания о своей шпионской деятельности.

ОТВЕТ. Я никогда не была агентом иностранной разведки и никогда не вела шпионской деятельности...»[95].

Из протокола допроса Елены Гаупт от 28 мая 1942 года:

«Я хотела скрыть участие в моей шпионской организации деятельности моей родственницы Екатерины Максимовой. В мае 1937 г. я приехала в г. Москву и остановилась у Е. Максимовой на ул. Софийская набережная, № 34, кв. 74.

Она жила там, занимая одну большую комнату, записанную на фамилию "Фрогт", как я увидела из счета, поданного ей комендантом дома. Квартира ей стоила свыше 100 рублей.

Я спросила ее, как ей хватает на жизнь своего заработка, она отвечала, что у ней есть другие источники дохода, и стала мне показывать кое-что из своих вещей, часы и еще несколько золотых вещей, а также нарядные платья. Я спросила, откуда она их взяла, она отвечала, что ей подарил все это "Миша Фрогт". Я спросила, где он работает и много ли получает. Она ответила уклончиво, что по работе он часто бывает за границей в длительных командировках и лишь изредка приезжает в Москву. (...)

Она сказала, что мне поможет заработать денег, и предложила, под видом сбора статистических данных, дать некоторые сведения по своей работе. Затем она выдала мне 500 рублей и велела написать расписку, как в счет получения аванса»[96].

Гаупт «призналась», что передавала сестре «сведения о перевозке воинских эшелонов, эвакуации промышленных предприятий, поставках на заводы сырья и материалов».

Уже в августе в следственное дело был подшит следующий документ:

«Город Свердловск, 1942 года, августа «8» дня, я, начальник следственного отделения ТО НКВД железной дороги имени Л.М. Кагановича, рассмотрев следственное дело № 197 по обвинению Гаупт Елены Леонидовны...

Нашел:

Гаупт Е.Л. арестована 8 мая 1942 года за проведение шпионажа на территории СССР в пользу Италии.

По существу предъявленного обвинения виноватой себя признала и показала, что она завербована для разведывательной деятельности своей двоюродной сестрой Максимовой Екатериной Александровной, в прошлом артисткой одного из московских театров и в настоящее время проживающей в гор. Москве.

Гаупт Е.Л. по заданиям Максимовой на протяжении 1938—1941 гг. собирала сведения о проходе воинских поездов, литерных грузов и продовольственных запасов, идущих для Красной Армии, и собранные сведения отвозила сама или направляла в письмах шифром Максимовой.

Факты сбора шпионских сведений подтверждаются собственноручными записями Гаупт и свидетельскими показаниями.

Обыском в квартире и служебном помещении у Гаупт найден шифр, адрес Максимовой и ряд видовых открыток, присылаемых из Италии.

Проверкой установлено, что Максимова с 1926 по 1928 год проживала в Италии вместе со своим мужем Юрьиным. Из допроса свидетелей, знающих Максимову, выяснено, что последняя поддерживает связи в гор. Москве с представителями иностранных посольств и живет не посредствам...»[97].

Основанием для ареста «за проведение шпионажа на территории СССР в пользу Италии» явились открытки, которые сестре посылала Максимова с Капри.

Из постановления о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей Гаупт Е.Л. от 8 сентября 1942 года:

«Проверкой показаний Гаупт в отношении Максимовой выявлено, что последняя в 1926—27 гг. проживала в Италии, Германии и Швейцарии. С 1937 года поддерживала связи с германским подданным Зорге Рихарт, временно проживавшим на территории СССРзаподозренного в шпионской деятельности... В настоящее время Максимова проживает в г. Москве, Софийская набережная, дом № 34, и работает на оборонном заводе.

При допросе свидетельницы... установлено, что Максимова живет не по средствам и поддерживает связи с иностранными подданными, через которых приобретает заграничные вещи.

На основании собранных материалов в подтверждение показаний Гаупт военным прокурором железной дороги им. Л.М. Кагановича дана санкция на арест Максимовой, для исполнения которого направлены постановления в ТУ НКВД СССР»[98].

Екатерина Максимова была арестована 4 сентября 1942 года. В постановлении, пришедшем в Москву из Свердловска, говорилось: «Максимову Екатерину Александровну через Бутырскую тюрьму НКВД г. Москвы этапировать в гор. Свердловск, в распоряжение Транспортного отдела НКВД жел. дороги им. Кагановича». И далее: «Максимова Е.А., по материалам ТО НКВД дороги им. Кагановича, проходит, как агент одного иностранного разведывательного органа»[99].

Из протокола допроса Максимовой Е.А. в Управлении НКВД Свердловской области от 6 октября 1942 года: «Вы арестованы как агент одной иноразведки. Предлагается рассказать о Вашей шпионской деятельности на территории СССР.

ОТВЕТ. Я агентом иноразведки никогда не была и никакой подрывной шпионской работой не занималась...»[100].

Из протокола допроса Максимовой Е.А. от 12 октября 1942 года:

«ВОПРОС. Вам предъявили письмо, написанное на машинке на немецком языке. От кого это письмо?

ОТВЕТ. Письмо это написано мне моим мужем Зорге (Зонтер) Икой Рихардовичем 31 августа 1935 года из Америки, где находился в служебной командировке...

ВОПРОС. Что пишет Зорге-Зонтер Вам в этом письме? Переведите.

ОТВЕТ. Зорге в указанном письме пишет мне, что он находится в большом городе, что он не может в нем долго оставаться. Направляет мне вещи, но не знает, как быстро я их получу. Хочет организовать, чтобы он мог получать от меня известия. Одновременно указывает, если я от него не буду полу-

чать писем, не беспокоилась бы. Кроме того, Зорге в этом письме указывает, чтобы я была уверена в нем и верила ему, что ему так же тяжело, как и мне… Указывает, что он сможет один раз написать перед тем как начнется долгое молчание…

ВОПРОС. Как Вы еще получали от Зорге-Зонтер письма?

ОТВЕТ. В основном получала письмо я от Зорге-Зонтер через управление РККА, несколько писем по почте и одно письмо в 1934 году принес мне приехавший из-за границы иностранец по имени Джен…

ВОПРОС. Фамилия Джен имеется в Вашей записной книжке. Это тот Джен, о котором Вы рассказываете?

ОТВЕТ. Да, это тот самый.

ВОПРОС. Расскажите, кто такой Джен, откуда и зачем он приезжал в СССР?

ОТВЕТ. Джена я видела всего один раз осенью 1934 года. Он пришел ко мне на квартиру по Нижне-Кисловскому переулку, д. № 2/6, кв. 24 и сказал, что он привез мне письмо и сумочку от мужа, что все это находится у него в номере гостиницы на улице Горького, и предложил мне вместе с ним пойти туда и забрать посылочку. Что я и сделала. Разговоров, откуда приехал Джен, у нас не было.

ВОПРОС. Неправда. Вы знаете, откуда приехал иностранец Джен. Почему Вы это скрываете?

ОТВЕТ. Я показываю правду. Я не спрашивала, откуда приехал Джен, и он сам мне не говорил…

ВОПРОС. Вы упорно продолжаете скрывать свои связи по шпионской деятельности на территории СССР. Предлагается Вам назвать, где находится Джен.

ОТВЕТ. Где находится Джен, я не знаю. Повторяю, что я его видела один раз и с тех пор больше не встречала»[101].

Из протокола допроса от 13 октября 1942 года:

«ВОПРОС. На допросе от 12 октября, отрицая связи с приехавшим иностранцем Дженом, Вы скрыли, что Вам писал Зорге-Зонтер в письме, привезенном Дженом. Предъявляем Вам это письмо, переведите на русский язык.

ОТВЕТ. Письмо написано собственноручно Зорге-Зонтером 1 июня 1934 года. В нем говорится: "Это письмо принесет тебе мой хороший приятель. Он тебе все обо мне расскажет, а также передаст мелочи от меня. Позаботься о том, чтобы свести его с Вилли. Через приятельницу, которая посетила тебя в апреле, я получил от тебя привет и сведения о тебе. То, что я от нее услышал, мне очень приятно: ты ловкая и крепкая. Мои дела двигаются. Надеюсь, что этот, второй год, будет последним, и что ближайший Май мы будем праздновать вместе. В последнее время много думал о днях на родине… Живи весело. Целую тебя крепко".

ВОПРОС. С кем просил Вас Зорге связать Джена?

ОТВЕТ. Зонтер-Зорге в письме просил меня связать Джена с Вильгельмом Штать — студентом Института связи (Шталь учился на военном факультете академии связи им. Подбельского. — *М.А.*), который арестован в 1937 году и осужден на 10 лет.

ВОПРОС. Вы связали Джена со Шталь?

ОТВЕТ. Нет. Они встретились сами. Об этом мне позже сказал Шталь.

ВОПРОС. Предъявляем Вам еще одно письмо, написанное Вам Шталь Вильгельмом. Переведите его на русский язык.

ОТВЕТ. Предъявленное письмо действительно написано Шталь Вильгельмом мне в 1935 году, когда он учился в институте связи. Шталь пишет: "Катюша, нехорошо, что тебя не видно. Я слышал, что наш общий друг скоро приедет. Позвони мне, я скучаю без тебя. У меня начинаются экзамены. Целую тебя, Вилли".

ВОПРОС. Кто этот ваш приятель, который должен был скоро прибыть?

ОТВЕТ. Я понимала, что Шталь имел в виду Зонтера, который должен был вернуться из заграницы в СССР.

ВОПРОС. Вы окончательно запутались и продолжаете скрывать Ваши связи с иноразведывательными органами. НКВД располагает данными, что Шталь в письме напоминает о прибытии Джена. Почему Вы пытаетесь скрыть это?

ОТВЕТ. Нет, Шталь говорит о приезде Зорге, а не Джена»[102].

Скорее всего, Шталь действительно имел в виду Зорге. Неясно только, откуда он мог знать о приезде Зорге, который, во-первых, не был запланирован и, во-вторых, был вызван провалом «Абрама». И еще: из приведенных выше писем следует, что у «Рамзая», помимо официальных каналов, имелись личные каналы связи с Екатериной, которые оказались вне поля зрения Центра.

Екатерина держалась недолго. Уже через месяц после ареста, в октябре 1942-го, она «призналась», что с 1933 года была агентом немецкой разведки.

Из протокола допроса от 14 октября 1942 года:

ВОПРОС. Вам предъявлено обвинение по ст.58 п. 1а и 58 — 11 УК РСФСР... Признаете ли Вы себя виновной?

ОТВЕТ. По существу предъявленного обвинения виновной себя признаю...»[103].

Печально известная статья 58 включала в себя «Контрреволюционные преступления», т.е. преступления против существовавшего государственного строя (пункты1-14), в т.ч. пп. 1а и 11, инкриминируемые Максимовой:

«58-1а. Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу,

караются высшей мерой уголовного наказания -- расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах -- лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества»;

«58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы [Преступления государственные]»[104].

В последующем, обвинение по ст. 58 п.11 с Максимовой было снятою. Обвинение по ст.58 п.1а, сохранилось, трансформировавшись в обвинение в «шпионских связях».

Собственноручные показания Максимовой Е.А. от 16 октября 1942 года: «Признаю, что я с 1933 года была агентом немецкой разведки. Завербована

на эту работу Шталь-Готфрид, с которым я познакомилась за несколько лет до этого и с которым была очень дружна.

К этому времени Шталь-Готфрид познакомил меня с Зонтер-Зорге, за которого я и вышла замуж в 1933 году. Тогда я еще не знала, что оба они были немецкими шпионами. Все разговоры со мной о зачислении меня на работу как агента вел Шталь-Готфрид.

Во время разговоров со мной (а я проводила с ними все свое свободное время) он дал мне понять, что они ведут большую шпионскую работу на пользу Германии, собирают различного рода сведения о СССР, и что эта работа является их основным занятием, и что я могу им быть очень полезна и нужна. Все эти разговоры велись исподволь, методично.

Говорилось, что от меня много не потребуется, что надо только дать свое согласие, что это согласие необходимо, чтобы они чувствовали себя откровенно со мной, чтобы мне было все понятно в их поведении.

Это предложение, сделанное мне Шталем-Готфридом, было первоначально мною отклонено. Тогда Шталь дал мне понять, что поскольку я так тесно связана с ним и Зонтером-Зорге и настолько тесно переплелась с ними, и что одно это обстоятельство говорит уже за то, что я несу ответственность наряду с ними за то, что они делают, поскольку я, зная об их работе, не доношу и не заявляю об их роде деятельности.

Мой отказ от его предложения должен был решить и мои отношения с Зонтер-Зорге, т.е. я не могла уже быть вместе с ними, если не буду работать как агент. Все это побудило меня дать согласие, о чем я и сообщала Шталь-Готфрид.

Когда я спросила, в чем будут заключаться мои обязанности, Шталь мне ответил, что от меня потребуется, собственно, на первых порах очень немногое, и что постепенно он введет меня в курс дела, будет как бы моим учителем. Что в отсутствии Зонтер-Зорге я должна держать связь с ним и о всех полученных письмах или сообщениях от Зонтер-Зорге ставить в известность Шталь-Готфрид.

Действительно, после отъезда в 1935 году Зонтер-Зорге в заграничную командировку я ставила в известность Шталь-Готфрид обо всех письмах, которые я получала от Зонтер-Зорге…

В 1937 году неожиданно для меня был арестован Шталь-Готфрид. Я осталась совсем одна, без связи с кем бы то ни было, т. к. была связана только со Шталем и Зонтер-Зорге.

Теперь Шталь был арестован, Зонтер-Зорге не возвращался и очень мало давал о себе знать, не говоря уже о каких-то заданиях.

После ареста Шталя-Готфрид я была уверена, что последует и мой арест и ждала его…»[105].

Признавая, что «с 1933 года была агентом немецкой разведки», Екатерина Максимова указывает, что не выполняла конкретных шпионских заданий, разве что сообщала Шталю о письмах Зорге, что не является большим криминалом, учитывая содержание его писем.

Из протокола допроса от 16 октября 1942 года:

«ВОПРОС. В записной книжке, изъятой у Вас при обыске, записан адрес: Свердловск, Шейкмана 4, кв. 2. Кто по указанному адресу проживает?

ОТВЕТ. Моя тетка Гаупт Мария Степановна с дочерью Еленой.

ВОПРОС. Когда последний раз у Вас была Гаупт Елена в Москве?

ОТВЕТ. Гаупт Елена у меня в Москве была в последний раз весной 1941 года перед войной Германии с СССР.

ВОПРОС. Арестованная нами за шпионаж Гаупт Е.Л. показала, что для шпионской деятельности она была привлечена Вами и на протяжении ряда лет пересылала Вам сведения шпионского характера. Рассказывайте, когда Вы завербовали Гаупт Е.Л.?

ОТВЕТ. Гаупт Е.Л. я не вербовала и с ней переписки не имела, за исключением отдельных открыток, в которых она спрашивала меня, может ли она заехать ко мне…

ВОПРОС. Зачитывается Вам часть показания Гаупт Е.Л. от 3 июня 1942 года, которая показала, что завербована для шпионской деятельности, собирала сведения по заданию Максимовой Е.А. Сейчас Вы будете дальше отрицать свои связи по шпионажу после ареста Шталь-Готфрид?

ОТВЕТ. Я отрицаю связи с Гаупт Е.Л. Я еще раз заявляю, что после ареста Шталь-Готфрид не только не собирала сведения шпионского характера, а и вообще ни с кем не поддерживала связей по антисоветской деятельности»[106].

И вновь стойкости Екатерины Максимовой хватило ненадолго. Уже через 12 дней она признала факт вербовки Елены Гаупт.

Из протокола допроса Максимовой от 28 октября 1942 года:

«ВОПРОС. На предыдущих допросах Вы пытались скрывать свои связи с иностранной разведкой после 1937 года. Сегодня Вы сделали заявление, что решили рассказывать о своей шпионской деятельности все. Вам эта возможность представляется, рассказывайте.

ОТВЕТ. Да, я решила рассказать все откровенно, до моих последних встреч с представителями германской разведки. Как я уже показала на предыдущих допросах, после ареста Вильгельма Шталь-Готфрид я связь с германской разведкой потеряла, и вдруг неожиданно в конце 1938 года ко мне в г. Москве на квартиру явился Джен, тот самый, что был в 1934 году и которого я по поручению Зорге связывала со Шталем-Готфрид.

Джен мне сказал, что ему известна моя причастность к германской разведке и мои связи по разведывательной деятельности с Вилли, как он называл Шталь-Готфрид, и что в связи с арестом последнего, мне связь необходимо поддерживать с ним. Одновременно он поставил передо мной вопрос о предоставлении ему некоторых сведений о перевозках и работе железных дорог…

В начале 1939 года Джен позвонил мне и назначил встречу около главного телеграфа на улице Горького. При встрече он спросил, как мои успехи, сделала ли я что-либо. Я ответила, что не успела и не имела возможности познакомиться с лицами, работающими в НКПС(е) и имеющими причастность к перевозкам.

Джен высказал свое недовольство и потребовал, чтобы я нашла пути для получения сведений о перевозках по железнодорожному транспорту материалов оборонного значения, воинских частей и соединений. Одновременно сказал, что он живет недалеко, в г. Львове, и будет в Москве скоро. Чтобы эти данные при следующих встречах мною уже могли приобретаться. Я дала согласие, и мы разошлись.

В конце 1939 года Джен позвонил мне, и я разрешила ему зайти ко мне на квартиру. В беседе сообщила ему, что ко мне приезжала родственница Гаупт, которая работает в Управлении железной дороги имени Кагановича, и в

беседе со мной она дала согласие сообщать мне те данные, которые станут ей известны о перевозках через железную дорогу имени Кагановича. Одновременно рассказала о двигающихся через дорогу литерных грузах в адрес оборонных заводов химической промышленности.

В 1940 году я Джена не встречала, а в 1941 году перед самой войной он пришел ко мне на квартиру и спросил, что у меня для него есть. Причем, перед ним ко мне приезжала Гаупт и привезла данные о том, что через дорогу имени Кагановича в западном направлении участились случаи прохода воинских эшелонов...

Но тут в июне месяце 1941 года для меня совершенно неожиданно началась война, и я его больше не встречала и не знаю, где его застала война. Возможно, он в Москве появлялся и во время войны, но так как я из той квартиры, где жила, выезжала, поэтому, возможно, он меня найти не мог»[107].

На редкость неправдоподобные показания.

В ноябре 1942-го лейтенант госбезопасности Кузнецов в одном из следственных документов написал: «Установлено, что в 1934 году Максимова связалась по поручению агента германской разведки, прибывшего из-за границы, со Шталем и собирала материалы о полит. настроениях трудящихся СССР провокационного характера»[108].

В это самое время «агент германской разведки» Рихард Зорге давал показания японскому суду.

2 ноября 1942 года «проходившая по делу № 197 обвиняемая Гаупт Е.Л., находясь под стражей», умерла. «... По заключению дежурного надзирателя, следственно-заключенная Гаупт Елена Леонидовна совершила акт самоубийства через повешение в 13 час. 10 минут московского времени, во время раздачи обеда заключенным»[109].

«Успешное» расследование свердловских следователей было внезапно прервано указанием «дело № 197 вместе с арестованной» направить в Москву.

Из постановления об этапировании Максимовой Е.А. от 17.11.1942 г.:

«Телеграфным распоряжением НКВД СССР от 7/11-42 г. за № 14373 следственно арестованная Максимова Е. А. подлежит этапированию в г. Москву, с дальнейшим перечислением ТУ НКВД СССР. Заместителем наркома, комиссаром госбезопасности 3 ранга тов. Кобуловым дано указание для дальнейшего ведения следствия дело № 197 вместе с арестованной направить в распоряжение Транспортного управления НКВД СССР»[110].

Связано ли данное распоряжение с самоубийством Гаупт, сказать трудно. Не исключено, что в Москве сочли, что подобное «серьезное дело» не следует доверять провинциалам. А может, причиной была фигура «немецкого агента» Рихарда Зорге.

26-го ноября Максимова поступила во внутреннюю тюрьму НКВД. Следственное дело по обвинению Максимовой Е.А. по статье 58-1а и 58-11 УК РСФСР приняла к своему производству Лубянка.

Из протокола допроса от 22 декабря 1942 года:

«ВОПРОС. До какого времени Вы были связаны с Дженом?

ОТВЕТ. С Дженом я была связана до начала июня 1941 года.

ВОПРОС. Вы не путаете даты встреч с Дженом?

ОТВЕТ. Нет, не путаю, так как с Дженом я встречалась не более пяти раз. Причем дату последней встречи забыть или спутать никак не могла, так как

эта встреча произошла незадолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз».

Запрашивается справка на Джена и выясняется следующее:

«Джен, бывший работник Разведупра, арестован в 1937 году по обвинению в шпионской работе. Виновным себя признал и на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР свои показания подтвердил. Осужден к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 21 сентября 1937 года. По показаниям Джена Максимова, Зорге и Шталь-Готфрид не проходят»[111].

Из протокола допроса от 29 января 1943 года:

«ВОПРОС. До какого времени Вы поддерживали шпионскую связь с Дженом?

ОТВЕТ. По шпионской работе я была связана с Дженом до июня 1941 года...

ВОПРОС. Вы твердо помните обстоятельства ваших встреч с Дженом?

ОТВЕТ. Да, твердо.

ВОПРОС. Джена Вы хорошо запомнили?

ОТВЕТ. Да, хорошо.

ВОПРОС. Могли бы Вы опознать его по фотокарточке, если бы мы Вам ее предъявили?

ОТВЕТ. Да»[112].

На предъявленных фотографиях Екатерина Максимова Джена не опознала.

Из протокола допроса от 8 февраля 1943 года:

«ВОПРОС. На допросе 29 января 1943 года Вы подтвердили все ранее данные показания о своей шпионской работе по заданию иностранной разведки. После подписания этого протокола Вы сделали устное заявление об отказе от этих показаний. Чем Вы мотивируете свой отказ?

ОТВЕТ. В течение всего времени я на допросах давала вымышленные показания о своей якобы шпионской работе. Затем, решив рассказать только правду, я от своих ложных показаний решила отказаться, с чем и сделала устное заявление.

ВОПРОС. Если поверить Вашему заявлению, то по каким соображениям Вы стали давать на следствии ложные показания?

ОТВЕТ. Я раньше не видела никакого выхода из своего положения.

ВОПРОС. Какой же выход у Вас появился 29 января, когда Вы сочли возможным пойти на отказ от собственных показаний?

ОТВЕТ. Мысль об отказе от вымышленных показаний у меня возникла и раньше, но я не решалась об этом заявлять, предвидя, что следствие отнесется к моим словам с недоверием. Вместе с тем я стала понимать, что, став на путь дачи вымышленных показаний, я оказалась не в состоянии изобразить имевшие якобы место факты своей шпионской работы так, как они смогут быть в жизни. В силу этого мои показания выглядят неправдоподобно. Идти по линии вымысла дальше по моим соображениям значило бы завести следствие в тупик. Оставаться дальше в таком ложном положении я была не в силах и решила, независимо от ответственности, рассказать следствию правду.

ВОПРОС. Вы не ответили на вопрос о причинах, которые Вас толкнули на дачу ложных показаний?

ОТВЕТ. На меня произвел большое впечатление сам факт ареста. Длительное время я отрицала свою виновность, но на следствии мне все время настойчиво выражали недоверие, ссылаясь на то, что в органах НКВД имеются неопровержимые улики, свидетельствующие о моей шпионской работе. Со своей стороны я никаких опровержений этим доводам привести не могла, поэтому, чувствуя безвыходность положения, решила пойти на "признание" и стала давать вымышленные показания.

В течение всего времени на следствии с меня требовали говорить только правду, и никаких побуждений со стороны следствия к даче ложных показаний не было. Таким образом, во всей путанице, внесенной в следствие по моему делу, виновата я сама.

ВОПРОС. Вы отдавали себе отчет в том, какие последствия несет дача ложных показаний?

ОТВЕТ. Да, отдавала.

ВОПРОС. Почему же вы все-таки стали на путь дачи ложных показаний?

ОТВЕТ. Я считала, что для меня жизнь уже кончена, поэтому мне было безразлично, какие давать показания, лишь бы закончилось быстрее следствие.

ВОПРОС. Кого из лиц, якобы причастных к вашей шпионской работе, Вы назвали?

ОТВЕТ. Я в своих показаниях назвала Шталя, как человека, завербовавшего меня для шпионской работы, а затем указала, что Джен, связавшись со мной по шпионской работе в 1938 году, поддерживал эту связь до 1941 года включительно. Затем я показала, что мной в 1938 году для выполнения разведывательных заданий по сбору шпионских сведений о работе железнодорожного транспорта была привлечена проживающая в Свердловске моя родственница Гаупт Елена Леонидовна.

Показания в отношении Гаупт я дала после того как на следствии мне были предъявлены протоколы допроса Гаупт, в которых она ссылалась на меня как на вербовщицу. В своих показаниях я вербовку Гаупт изобразила неправдоподобно. Мной было сказано, что я просила Гаупт дать мне некоторые сведения о работе железной дороги для одного из моих знакомых научных работников. Но о том, что эти сведения предназначены для иностранной разведки, не говорила. Таким образом, если бы такой факт и был в действительности, Гаупт не могла бы догадаться о том, что она работает на иностранную разведку, и, следовательно, не могла дать показаний о том, что я ее завербовала для шпионской работы.

Кроме названных лиц в моих показаниях упоминается Зонтер, бывший мой муж, как человек, проводивший шпионскую работу против СССР, о чем якобы стало известно со слов Шталя.

Во время допросов мне следователь сообщил, что Шталь арестован за шпионскую деятельность, и что мой муж Зонтер также известен органам НКВД как шпион.

В связи с тем, что Зонтера я не видела с 1935 года, и вместе с тем, не желая опровергать доводы следствия в этом вопросе, я решила показать, что Шталь якобы рассказал мне о причастности Зонтер к шпионажу.

Со своим мужем я жила с 1933 по 1935 год. Причем, за это время он несколько раз выезжал в длительные командировки за границу, и поэтому я его знаю очень мало. Сказать что-либо о его преступной работе ничего не могу, так как мне это неизвестно.

Шталь был моим знакомым с 1929 по 1937 год. Последний месяц перед арестом он прожил у меня на квартире. Несмотря на такое длительное знакомство, никаких фактов преступной работы или каких-либо враждебных к существующему строю настроений со стороны Шталь я не замечала. Назвала я его шпионом только потому, что на следствии в Свердловске мне почему-то сочли нужным сказать, что он арестован за шпионаж.

ВОПРОС. В связи с чем Вы показали, что с Вами поддерживал шпионскую связь Джен?

ОТВЕТ. В изъятой у меня при аресте записной книжке была записана фамилия и номер телефона Джена. На следствии в Свердловске очень интересовались, почему и для какой цели мной была сделана эта запись. При даче вымышленных показаний я вначале имела намерение остановиться на акте вербовки меня Шталем и шпионской с ним связи до 1937 года. После того как мне были предъявлены показания Гаупт, передо мной возникла необходимость каким-то образом обосновать связи с иностранной разведкой в последующие годы.

Поскольку на следствии Дженом интересовались больше, чем другими моими знакомыми, и даже подчеркивали, что я специально скрываю Джена, я решила, что органы НКВД в данном случае располагают какими-то данными, свидетельствующими о причастности Джена к шпионажу. Поэтому указала на него как иностранного разведчика, поддерживавшего со мной шпионскую связь до 1941 года. На самом же деле я видела Джена в своей жизни только один раз в 1934 году, когда он, приехав из-за границы, привез для меня письмо и сумочку от мужа. Встреча с Дженом длилась не больше часа. Он коротко рассказал мне о муже, причем даже не назвал города, в котором он его видел, и передал письмо и сумочку. Больше я Джена никогда не встречала и дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Мой муж Зонтер до отъезда за границу был дружен со Шталем. В своем письме, которое привез Джен, муж просил, чтобы я организовала встречу Джена со Шталем. Поэтому я записала в своей книжечке номер телефона Джена, имея в виду сообщить ему, когда можно будет повидать Шталя. Через некоторое время, когда я в разговоре со Шталем сказала, что его хочет видеть Джен, то получила ответ, что он уже с Дженом встречался, и надобности в моей помощи нет.

ВОПРОС. Сколько времени Вы знаете Гаупт?

ОТВЕТ. Гаупт является моей двоюродной сестрой. Впервые я с ней встретилась в 1925 году в Свердловске, куда я выезжала навестить свою тетку. Затем Гаупт несколько раз виделась со мной, когда проездом на курорты была в Москве и останавливалась у меня на квартире от поезда до поезда. В последний раз я с ней виделась в мае 1941 года. Она гостила у тетки в Болшево, затем вместе с этой теткой приезжала в Москву и была у меня на квартире.

ВОПРОС. Какие отношения у Вас были с Гаупт?

ОТВЕТ. Я Гаупт, в сущности, очень мало знаю, но поскольку она являлась моей родственницей, я считала своим долгом относиться к ней гостеприимно.

ВОПРОС. Чем объясняется тот факт, что часть показаний Гаупт Вы подтвердили, а часть отрицали?

ОТВЕТ. В своих первоначальных показаниях я признала свою шпионскую связь с Гаупт, но указала, что никакой переписки у меня с ней не было. Никаких возражений со стороны следствия по существу этих показаний не было.

В дальнейшем меня на следствии стали изобличать в том, что я поддерживала шпионскую связь с Гаупт при помощи специального шифра. В качестве улики был показан розовый конверт с надписью «до востребования» ... На допросе меня обвинили в том, что адрес написан мной. Я этот факт отрицала. Не желая впадать в противоречие со своими ранее данными показаниями, где я утверждала, что не состояла в переписке с Гаупт, то я и в дальнейшем продолжала отрицать наличие письменной связи с ней, дабы не навести следствие на мысль о том, что мои показания вымышленные.

ВОПРОС. Ваши объяснения по поводу якобы вымышленных показаний считаем путанными и неудовлетворительными. Из Ваших ответов усматривается желание отвлечь внимание следствия от более серьезных преступлений, которые были Вами совершены. Предлагаем давать правдивые показания.

ОТВЕТ. Никаких преступлений я не совершала, никакой шпионской деятельности никогда не вела, и единственная моя вина состоит в том, что я на допросах давала ложные показания...»[113].

Странно, что за арестом Штиля в 1937 году не последовал арест Максимовой. Не понятно отношение Центра к тому факту, что в выделенной для жены Зонтера-Зорге комнате был прописан и проживал посторонний человек, пусть даже близкий Екатерине. Судя по всему, Центр не отслеживал ситуацию и пребывал в неведении насчет происходящего. И в конце концов прервал какую-либо связь с гражданской женой Зорге, оставив ее на произвол судьбы.

Что же касается в целом показаний Максимовой о самооговоре, вероятнее всего, столичные следователи НКВД, когда вскрылось ее «сотрудничество» с расстрелянным еще в 1937 г. «немецким агентом», решили «сохранить лицо» и как-то объяснить фантазии свердловских коллег. Ей настоятельно «порекомендовали», более того, подсказали, как изменить показания: слишком грамотно, логично и связно, если не сказать «причёсано» выглядят показания Е.А. Максимовой от 8 февраля 1943 года. Скорее всего, она подписала заранее подготовленные следствием показания. Лексика и стиль последних показаний разительно отличаются от предыдущих. Чего стоит пассаж: «Идти по линии вымысла дальше по моим соображениям значило бы завести следствие в тупик. Оставаться дальше в таком ложном положении я была не в силах и решила, независимо от ответственности, рассказать следствию правду». И «рассказала». Более того, ее «показания» далеко не всегда не совпадают с ранее данными показаниями. Следствием была выбрана следующая линия «признания» — тотальный оговор всех, а не выборочно, хотя к тому времени уже были расстреляны как «шпионы» Шталь и Джен и имелись многочисленные доносы на Зорге.

Не обошлось и без чистосердечного признания: «В течение всего времени на следствии с меня требовали говорить только правду, и никаких побуждений со стороны следствия к даче ложных показаний не было. Таким образом, во всей путанице, внесенной в следствие по моему делу, виновата я сама».

Из Учетной карточки ссыльной Максимовой Екатерины Александровны, находящейся в личном деле последней: «осуждена Особым совещанием НКВД СССР 13/III — 43 года по ст. УК «ШП[ионские] связи», срок 5 лет ссылки; 29/VI — 43 г. — умерла в Больше-Муртинском районе [Красноярского края] в больнице». В ее личном деле имеется еще одна запись, в которой указана другая

дата смерти Максимовой: «Прибыла в ссылку 15.05.1943 г., 22.05.1943 г. поступила в больницу. Умерла 03.07.1943 (инсульт). Реабилитирована 23.11.1964 г. военным трибуналом Московского военного округа 23.11.1964 г.»[114].

Из письма Рихарда Зорге Екатерине Максимовой (август 1936 г.):

«Милая К… Иногда я очень беспокоюсь о тебе. Не потому, что с тобой может что-либо случиться, а потому, что ты одна и так далека. Я постоянно спрашиваю себя — должна ли ты это делать? Не была бы ты более счастлива, если бы ты не знала меня? Все это наводит на размышления, и потому пишу тебе об этом, хотя лично я все больше и больше привязываюсь к тебе и более чем когда-либо хочу вернуться домой к тебе.

Но не это руководит нашей жизнью, и личные желания отходят на задний план. Я сейчас на месте знаю, что так должно продолжаться еще некоторое время. Я не представляю, кто бы мог принять у меня дела здесь по продолжению важной работы. …

Твой Ика»[115].

Глава 5

1937 год. МОСКВА, ТОКИО, КИТАЙ

5.1. «Сеть Разведупра нужно распустить, лучше распустить всю... Лучше иметь меньше; но проверенное и здоровое»

(*из «Краткой записи указаний тов. Сталина по разведке, данных им 21 мая 1937 г.»*)

Дело о так называемом военно-фашистском заговоре в Красной Армии возникло вскоре после февральско-мартовского (23 февраля — 5 марта) Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года.

На этом пленуме рассматривались следующие вопросы:

1. Дело тт. Бухарина и Рыкова.

2. Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы.

3. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения.

4. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по НКВД.

5. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников.

Работа пленума проходила под знаком разоблачения скрытых троцкистов, зиновьевцев, правых и иных двурушников, выявления шпионов, диверсантов, вредителей и террористов, которыми якобы был сильно засорен партийный, советский и хозяйственный аппарат.

С докладом по вопросу «Об уроках вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» по Народному комиссариату тяжелой промышленности СССР на пленуме выступил председатель СНК СССР Молотов (докладчиком намечался Г.К. Орджоникидзе, но за 5 дней до открытия пленума он покончил жизнь самоубийством). Молотов обвинил партийных и хозяйственных руководителей в политической близорукости, делячестве, обывательской беспечности и утверждал, что вредители имеются во всех отраслях народного хозяйства, во всех государственных организациях. Сообщив пленуму, что с 1 октября 1936-го по 1 марта 1937 года в различных наркоматах и ведомствах, не считая НКВД, НКИД и НКО, осуждено 2049 человек, Молотов заявил: «Из одной только этой справки, очень пустой, нужно уже выводы делать такие, что успокаиваться нам никак не приходится. Надо посерьезнее покопаться в вопросах, которые связаны с вредительством»[1].

Выступивший вслед за Молотовым с докладом о положении дел в наркомате путей сообщения СССР Каганович заявил, что на транспорте сплошь орудуют шпионы, диверсанты и вредители и что «мы не докопались до конца, мы не докопались до головки шпионско-японо-немецко-троцкистско-вреди-

тельской, не докопались до целого ряда их ячеек, которые были на местах»[2]. Каганович сообщил пленуму, что три наркома, семь заместителей наркома и 17 членов коллегии наркомата путей сообщения оказались контрреволюционерами, что они создали и оставили после себя кадры враждебных элементов, количество исключенных из партии на транспорте составляет 75 тысяч человек, имеются предприятия, где исключено более половины членов партийной организации. В политотделах разоблачено 299 троцкистов, в аппарате НКПС — 220, на дорогах разоблачено и арестовано в 1934-м — 136, в 1935-м — 807, а в 1936-м — 3800 троцкистов. Потребовав развернуть искоренение «врагов народа», Каганович заявил: «Тут вредны слезы по поводу того, что могут арестовать невинных».

Ежов в своем докладе «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» по НКВД и в заключительном слове нарисовал картину широкого вредительства и предательства в органах НКВД, которые помешали своевременно разоблачить антисоветскую деятельность троцкистов и зиновьевцев, рассказал, что только при активном участии Сталина удалось вскрыть троцкистско-зиновьевские центры, а также как расследовались другие дела оппозиционеров.

Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова, принятая 3 марта 1937 г., констатировала: «Пленум ЦК ВКП(б) считает, что тт. Бухарин и Рыков заслуживают немедленного исключения из партии и предания суду Военного Трибунала.

Но исходя из того, что тт. Бухарин и Рыков в отличие от троцкистов и зиновьевцев не подвергались еще серьезным партийным взысканиям (не исключались из партии), Пленум ЦК ВКП(б) постановляет ограничиться тем, чтобы: 1) Исключить тт. Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б). 2) Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД»[3]. В чем состояло «ограничение», о котором шла речь в Постановлении, не понятно: в тот же день, 27 февраля, Бухарин и Рыков были арестованы.

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, — говорилось в резолюции, — что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года.

Изменникам родины — троцкистам и иным двурушникам, в союзе с германской и японской контрразведкой, удалось сравнительно безнаказанно развернуть вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность, нанести ущерб делу социалистического строительства в ряде отраслей промышленности и на транспорте, не только благодаря недостаткам работы партийных и хозяйственных организаций, но и благодаря слабой работе органов Государственной Безопасности Наркомвнудела СССР.

Несмотря на неоднократные предупреждения ЦК ВКП(б) о перестройке всей чекистской работы в направлении более организованной и острой борьбы с контрреволюцией (инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г., закрытое письмо ЦК ВКП(б) об уроках событий, связанных с злодейским убийством т. Кирова и др.) Наркомвнудел СССР этих указаний партии и правительства не выполнил и оказался неспособным вовремя разоблачить антисоветскую троцкистскую банду. <...>

Анализ арестов, произведенных в 1935—1936 г., показывает, что главный удар органов Государственной безопасности был направлен не против орга-

низованных контрреволюционных формирований, а преимущественно на отдельные случаи антисоветской агитации, на всякого рода должностные преступления, хулиганство, бытовые преступления и т. д. Из общего количества репрессированных в 1935—36 гг. около 80% падает на всякого рода мелкие преступления, которые являются по существу объектами работы милиции, а не органов Государственной Безопасности»[4].

Сталин выступил с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»[5], в котором он неоднократно возвращался к капиталистическому окружению как источнику угрозы для СССР:

«Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства? Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?»

«Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи? Они забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазных стран, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом»;

«...Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза. Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства. Разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического

окружения и вытекающих из этого факта результатов. Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

По вопросу о положении с кадрами в армии на Пленуме выступили нарком обороны СССР Ворошилов и первый заместитель наркома обороны, начальник Политуправления РККА Гамарник.

«В Красной армии, — заявил Ворошилов, — как и во всем нашем государственном аппарате, конечно, есть много недочетов, много недостатков, но, повторяю, к настоящему моменту армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу.

...У нас в рабоче-крестьянской Красной армии к настоящему моменту, — к счастью или к несчастью, а я думаю, что к великому счастью, пока что вскрыто не особенно много врагов народа. И они несколько иное место занимают в рядах всех врагов, которые вскрылись органами НКВД в других наркоматах.

...Мы к настоящему времени имеем 6 генеральских чинов в качестве вредителей: Путна, Примаков, Туровский, Шмидт, Саблин, Зюка, затем Кузьмичев — майор и полковник Карпель.

...Путна, которого вы все или большинство из вас знаете, Путна последнее время работал главным образом за границей. Он был одно время военным атташе в Германии, Японии, затем с некоторым перерывом работал на Дальнем Востоке, потом был нашим военным атташе в Англии. Этот господин сообщает следующее: он еще в 1931 г., будучи в Берлине военным атташе, связавшись через Смирнова Ивана Никитича с Седовым, вел подготовительные разговоры и намечал план троцкистской работы в Красной армии»[6].

И В.К. Путна (арестован 20.08.1936 г.) и В.М. Примаков (арестован 14.08.1936 г.) в свое время были военными атташе в Японии.

По словам Ворошилова, армия систематически очищала свои ряды от негодных элементов: «Мы вычистили за эти 12—13 лет примерно около 47 тыс. человек. ...Вычищено было, выброшено из рядов Красной Армии, сокращено на 25—26 тыс. человек, за последние только три года — 1934—35—36 годы. Мы выбросили из армии по разным причинам, но главным образом по причинам негодности и политической неблагонадежности, около 22 тыс. человек, из них 5 тыс. человек были выброшены как оппозиционеры, как всякого рода недоброкачественный в политическом отношении элемент — 5 тыс. человек».

Как следовало из выступления наркома обороны, параллельно проводилась и чистка партийного состава РККА: «Мы провели вместе со всей партией чистку партийного состава рабоче-крестьянской Красной Армии и, как многие из секретарей обкомов и ЦК нацкомпартий наверное знают, в армии чистка прошла более или менее благополучно. В армии был, пожалуй, наименьший процент вычищенных. (*Косиор.* Так и должно быть.) Так и должно быть, правильно вы говорите, потому что отбор в армии исключительный. Нам страна дает самых лучших людей, если бы мы имели такое положение как в крестьянской или рабочей ячейке, это было бы неправильно потому, что мы имеем лучших людей, каких только может страна дать. Но, тем не менее, если мы имели, казалось незначительный процент, то все-таки в абсолютных цифрах вычищено было довольно большое количество — 3328 че-

ловек, из которых — за троцкизм и контрреволюционную группировку вычищено — 555 человек. Из этих 555 человек было уволено сразу же из армии 400 человек. Осталось из троцкистов и зиновьевцев в армии 155 человек без билетов и с билетами осталось в армии тех, которые в разное время по-разному были связаны с оппозиционным течением в партии, 545 человек. Всего таким образом, армия имеет безбилетных, бывших троцкистов, зиновьевцев и правых и с билетами, которых комиссии в разное время сочли возможным оставить в армии — 700 человек.

Мы этих людей всех знаем, и все они находятся под нашим непосредственным наблюдением. Но, товарищи, последние события показывают, что как бы вы ни наблюдали, можно прозевать».

В то же время Ворошилов опроверг самого себя и допустил, что «в рядах армии еще имеется значительная доля врагов не выявленных, не раскрытых», что уже в ближайшем будущем предопределило массовые репрессии: «...Для того чтобы себя обезопасить, для того чтобы армию — этот наиболее деликатный инструмент, наиболее деликатный аппарат государства,— оздоровить, быть в нем на все сто процентов уверенным, нужна более серьезная и, я бы сказал, несколько по-новому поставленная работа...

Враг, безусловно, будет пытаться, если он не проник, это наше великое счастье, это надо проверить, если не проник глубоко в недра армии, то он будет пытаться проникнуть».

Выступивший на Пленуме с заключительным словом Председатель Совета народных комиссаров СССР Молотов поставил под сомнение благополучное положение с армейскими кадрами:

«...Я не касался военного ведомства, а теперь возьму и коснусь военного ведомства. В самом деле, военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже и проверяться будет очень крепко. И то, что мы сейчас не заметим, упустим, прошляпим и поручим не тем людям, которым нужно поручить, это выйдет очень тяжело и больно. Один враг в штабе армии, он может наделать больше вреда, чем сотни врагов вне штаба армии. Одно упущение теперь может быть чревато громадными последствиями во время решающих боев и тогда, товарищи, нам придется отвечать не так. Нам придется серьезно отвечать не только опасностью поражения, но и морально пред рабочими и крестьянами, которые будут в армии и вне армии и которые не могут пройти мимо многих фактов, которые были упущены в настоящее время — так спокойным образом...

Возьмем наше военное хозяйство, громадное хозяйство: вооружения, снабжение армии — это колоссальное хозяйство. Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей? Это было бы нелепо, это было бы благодушием, неправильным благодушием...

Я скажу, что у нас было в начале предположение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого, мы имели в виду важность дела, но пока там небольшие симптомы обнаружены вредительской работы, шпионско-диверсионно-троцкистской работы. Но, я думаю, что и здесь, если бы внимательнее подойти, должно быть больше»[7].

Выступления на пленуме и принятые на нем резолюции были восприняты руководством Наркомата обороны и НКВД как прямые директивы по чистке армии, по ликвидации «врагов народа», якобы проводивших в рядах Крас-

ной Армии вражескую работу. Пленум активизировал деятельность НКВД по выявлению «шпионов» всех мастей в рядах РККА. Руководство НКВД и его сотрудники были ориентированы на достижение определенных результатов, что санкционировало волну репрессий, и в том числе в разведке.

Отражением этих процессов стало циркулярное письмо, отправленное в зарубежные аппараты, в том числе и в Токио:

«Дорогой друг!

1. Преодолевая чувство гадливости, приходится возвращаться к выводам, которые мы обязаны сделать в связи с последним процессом изменников троцкисто-фашистов. В свое время в связи с процессом врагов рабочего класса Зиновьева-Каменева и других мерзавцев, я обращал Ваше внимание на необходимость действительного повышения бдительности и указывал в своем довольно длинном письме, что мы, как авангард корпорации (партии. — *М.А.*), выброшенные на передовые посты бойцы, обязаны быть особенно зоркими, ибо притупление бдительности в наших рядах чревато неисчислимыми бедствиями и уронами для всего нашего дела, корпорации и родины.

Последний процесс троцкистов прошел перед нами и обнаружил пропасть подлости, до которой докатились эти люди, если их так можно назвать, еще раз, с предельной обнаженностью мы увидели, до чего доходит классовый враг в своей борьбе с пролетарским государством, перед нами прошли все эти методы двурушничанья, предательства, взрывов, убийств, шпионажа. Мы воочию еще раз убедились, что перед нами самый вероломный, самый подлейший враг, нападающий из-за угла, пользующийся лестью, хитроумным обманом, для того, чтобы пролезть в наши ряды. Эти собаки Гестапо, методы которых превзошли азефовщину, в сравнении с которыми гнусный иезуитизм Игнатия Лойолы ребяческая забава, черви, глисты, которые стремились всосаться в наш здоровый советский организм, пытались отравить его своим ядом, в своей ярости против победившего рабочего класса готовые отдать его на расправу палачам Тельмана, изуверы эти принесли немало вреда нашей стройке. Но так велика мощь нашей корпорации, так могуча сила нашей родины, что даже эти гнусные преступления являются не больше, как тяжелым эпизодом в нашей жизни и борьбе, мы их, гадов этих, вырвали из нашего организма и бросили вон, на ту свалку, где они взяли свое начало, в то мерзостное гниение, которым они хотели нас отравить и наша страна, под руководством вождя, непреклонного и великого, идет своей избранной дорогой, идет к новым победам. Победы ее огромны, впереди новые еще более великие победы.

Но мы были бы пособниками врагу, если бы хоть на минутку подумали, что враг разбитый, враг разоблаченный — окончательно сложил оружие. Наши учителя и вожди той великой корпорации, принадлежностью к которой мы гордимся, нас всегда предупреждали, что классовый враг не сдается до последнего издыхания, там, где он не может нас взять силой, он будет пакостить, вредить, подколодной змеей забираться в наши слабые места. Банда троцкистских главарей Пятаков, Муралов и другие — уничтожена. Но их последыши еще кое-где притаились, а их хозяева обер-фашист Троцкий, Гитлер, Гесс и другие не думают складывать оружия, ибо нет для них более смертельного, более опасного врага, чем наша корпорация, чем наша родина.

2. В нашей фирме, которая пользуется огромным доверием корпорации и ее руководителей, требования бдительности после этого нового урока встают с еще большей настойчивостью, с еще большей повелительностью. Вся наша фирма должна являться крепким монолитом, через который никогда, ни при каких условиях в наши ряды не должен проникнуть классовый враг. Мы все тут отвечаем друг за друга, и каждый несет суровую ответственность за доверенный ему участок, за всех своих людей. В наших рядах не может быть места колебаниям, в наших рядах преступлением является ротозейство, доверчивое благодушие, когда человек из бойца, из руководителя превращается в беззубого, сонливого, нерадивого либерала, обрюзгшего и просыпающего происки врагов. Каждый шаг, всю нашу жизнь мы обязаны помнить, что мы на посту и что благодаря тому, что кое-кто, кое-где из нас зевнет, враг воспользуется немедленно этим, пролезет к нам в тыл. Первый вывод, который мы должны сделать для себя — это всегда и везде помнить, что мы боевая организация, что мы племя корпорантских солдат и обязанность быть на чеку постоянно и неусыпно есть критерий нашей преданности и нашего мужества.

3. Еще раз необходимо повторить о тех практических задачах, которые стоят в связи с этим перед нами. Прежде всего, всех наших людей неустанно воспитывать, разъяснять, укреплять их в стойкости и преданности нашей великой корпорации. Не оставлять без внимания неясных вопросов, непонимания. Ни одной встречи не терять без того, чтобы взаимно друг другу не высказывать тех жгучих вопросов нашего строительства и борьбы, которыми живет наша корпорация и ради которой мы существуем и ведем свою тяжелую работу. Затем **изучать наших людей, знать их, вовремя сигнализировать всякие тревожные симптомы, вовремя выправлять ошибки, никогда, ни в коем случае не допускать пребывания в наших рядах людей нестойких, с гнилой психологией, потерявших качество борцов** (выделено и далее мной. — *М.А.*). Что касается тех наших контрагентов, с которыми приходится сталкиваться нашим людям, то здесь особенно всегда надо быть на чеку, чтобы не стать жертвой своей собственной глупости, не оказаться шляпой, не дать обмануть себя, не дать себя сделать слепым оружием в руках нашего врага. Необходимо дифференцированно подходить каждому клиенту, всегда использовать малейшие возможности для того, чтобы привязать его крепче к нам не только на почве материальной заинтересованности, но на базе превосходства нашей корпорантской позиции, самой честной и самой правдивой в мире.

4. Обязываю Вас еще и еще просмотреть все свои служебные и личные связи под этим углом зрения, пересмотреть идейное лицо каждого связанного с Вами работника фирмы или клиента и установить в отношении каждого из них правильную позицию. Это не кампания, это должно делаться повседневно, это должно стать природой всей нашей работы. Но этого, к сожалению, еще нет, сплошь и рядом мы повинны в том, что больше болтаем о бдительности, чем осуществляем ее на деле.

Не исключено, что мы, заранее зная, ведем торговлю с клиентами, не имеющими ничего за собой, кроме неизменных материальных побуждений. Такие клиенты заслуживают особого внимания, бдительность по отношению к ним должна быть утроена, а самым лучшим мерилом для решения вопроса их пригодности является тот товар, который они дают. Между тем, очень часто мы повинны в том, если вы поскребете сами себя, то вы это признаете, что,

не имея необходимых решающих успехов в работе, не проявляя достаточного искусства и умения в достижении больших поставленных перед нами целях, мы размениваемся, иногда берем под защиту качества товара, заведомо плохого, превращаемся в адвокатов сомнительных клиентов. С этим никуда негодным положением надо решительно покончить, следует иметь в виду, что поставщик плохого товара уже наполовину может подозреваться в провокации. Следовательно, наш долг требует от нас от каждого, чтобы, имея дело с тем или иным клиентом, проверяли его беспрерывно, как можно скорее, выясняли его возможности и добросовестность и, не вводя нас в излишние расходы, а что еще вреднее, не теряли бы времени, предаваясь иллюзиям и рвали бы с такими сомнительными контрагентами.

Очень много обязан сделать в этом отношении центр нашей фирмы, который должен быстро и правильно оценивать произведенные покупки, но и вы сами не имеете права зевать, обязаны смотреть в оба, следуя правилу: давать только хорошее качество. Этому правилу следуют все передовики и стахановцы у нас на родине.

5. Наша работа строится на доверии, доверие к нам великое, но как сказал один из наших руководителей, мы обязаны "доверять проверяя, и проверять, доверяя". Еще раз конкретно прошу Вас, **со всей тщательностью присмотритесь ко всем нашим людям и клиентам и, если есть какие-либо заслуживающие внимания моменты и соображения — сообщите мне**. Повторяю, этим не должна, конечно, ограничиться Ваша работа в этой области, само собой разумеется, эту работу необходимо проводить беспрерывно, все время.

6. В связи с процессом буржуазная пресса, ее подголоски различных толков пустили в ход свою обычную старую машину клеветы и всяких "слухов" по адресу нашей родины. Вздорность сообщаемых уток дисредитирует самих авторов. Наша процветающая страна живет полной, культурной и зажиточной жизнью, корпорация монолитна. Но кое-кого из мелких буржуев, рыхленькой интеллигенции эта стряпня подчас царапает. Это и понятно. Люди без устойчивых убеждений, идеология которых заменяется готовыми штампами буржуазной прессы, люди, далекие от нашей суровой и в то же время радостной жизни, наконец, находящиеся далеко от нас, нуждаются в том, чтобы в противовес всей этой подлой брехне им было дано необходимое и полновесное разъяснение. Этим я хочу сказать, что мы не имеем право пассивно проходить мимо этих грязных выпадов наших врагов и их прихвостней. В соответствии с обстановкой и возможностями мы обязаны быстро и неотразимо разбивать распространяемую клевету, вооружая людей, соприкасающихся с нами правильным пониманием происходящего. Такое воспитательное воздействие является одним из методов влияния на людей и приближения их к нам.

Прошу Вас обдумать это настоящее мое письмо, ознакомить с ним или, смотря по обстановке, изложить его содержание связанным с Вами людям, сообщив мне, кого именно и в какой форме Вы с этим письмом ознакомили.

После использования, это письмо подлежит немедленному уничтожению.

Крепко жму руку. С корпорантским приветом.

ДИРЕКТОР

" " февраля 1937 г.».

11 января того же года, по предложению Ворошилова, Политбюро приняло решение об освобождении Артузова и Штейнбрюка от работы в Разведупре и их направлении в распоряжение НКВД. Артузов был назначен на рядовую должность — сотрудником 8-го (учетно-регистрационного) отдела ГУГБ.

17 января 1937 года Артузов отправил письмо Сталину (около двадцати страниц) — своего рода отчет о деятельности в контрразведывательных и разведывательных органах. Вот несколько выдержек из этого:

«11.1.1937 Урицкий сказал, что Ворошилов предложил заменить меня более молодым и выносливым работником…

Это был четвертый удар, нанесенный мне жизнью.

Первый удар был во время Гражданской войны. Я был против назначения царских генералов на руководящую работу в Красной Армии. Троцкий ругал меня за это.

Второй удар последовал от [него] же за то, что я высказался против крайне жестоких методов расправы с отдельными работниками Красной Армии.

Третий удар был нанесен мне после томительного периода политической борьбы в коллегии ОГПУ за руководство, борьбы, полной недостойных приемов, выдвижения и задвижения людей, захвата важных (ведущих) отделов.

Я приветствовал назначение и направление ЦК на работу в ОГПУ Акулова. А Слуцкий (секретарь парткома) изобразил это перед Ягодой как подхалимство перед "чужим" зампредом.

В результате меня не стали замечать, не вызывать на совещания, третировали. В.Р. Менжинский меня не поддержал.

После этого я ушел целиком в дела Иностранного отдела.

Я выловил из Польши провокатора Штурбетеля, который выдал ряд провокаторов, но почему-то его слишком рано (быстро) расстреляли.

Урицкий верил и считался со мной и моими соображениями по агентурной работе. Но, однако, неправильно и придирчиво относился к разведчикам-чекистам, пришедшим из ИНО ОГПУ. Мое стремление обеспечить Урицкому успех в его работе не встретило с его стороны сочувствия. Я действительно уезжал в 3 часа ночи с работы, а Урицкий еще оставался на работе.

У меня с Урицким не было разногласий, но он крайне ревниво относился к моим встречам с Ежовым.

Меня поразило, что я был снят с работы по состоянию здоровья. А Штейнбрюк уволен как иностранец…».

Далее следует длинный список операций и мероприятий, проведенных в Разведупре за два с половиной года под непосредственным руководством Артузова. В этом перечне под пунктом 9 значилось: «… 9. Наш нелегальный резидент в Японии установил дружеские отношения с германским военным атташе в Токио» »[8].

Весьма сомнительная заслуга Артузова, следует заметить. Возможно, поэтому ответа на свое обращение Артузов не получил.

Как следует из Справки Комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре» (подготовлена не позднее 26 июля 1964 г.):

«В начале января 1937 года за ряд провалов по работе Артузов был снят с поста заместителя начальника Разведупра РККА. Некоторое время он был без работы, а затем возвращен в НКВД СССР на рядовую работу — сотрудником 8-го отдела ГУГБ.

Вокруг Артузова создавалась обстановка недоверия, некоторые из его близких товарищей и родственников были арестованы. Пытаясь, видимо, чем-либо проявить себя, а также в связи с начавшимися арестами бывших троцкистов и военнослужащих, Артузов направил Ежову 25 января 1937 года записку, в которой доложил ему об имевшихся ранее в ОГПУ агентурных донесениях <...> о "военной партии". К своей записке Артузов приложил "Список бывших сотрудников Разведупра, принимавших активное участие в троцкизме" (в списке 34 человека).

На записке Артузова Ежов 26 января 1937 года написал:

"тт. Курскому и Леплевскому. Надо учесть этот материал. Несомненно, в армии существует] троцкистск[ая] организация. Это показывает, в частности, и недоследованное дело "Клубок". Может, и здесь найдется зацепка"»[9].

К 1937 году из архивов НКВД СССР был поднят агентурный и следственный материал в отношении руководителей армии, прежде всего Тухачевского, Якира, Уборевича и других. Органы НКВД активно приступили к фабрикации компрометирующих материалов.

«Реализуя установки Сталина и Молотова о разоблачении врагов в армейской среде, Ежов возлагал большие надежды на получение показаний о преступной деятельности Тухачевского, Якира и других от примыкавших в прошлом к троцкистам и арестованных еще в августе 1936 года комкоров Примакова и Путны, а также от исключенного в 1934 году из партии за разбазаривание государственных средств бывшего начальника Управления ПВО РККА комкора Медведева…

Арестованный 14 августа 1936 г. комкор Примаков содержался в Лефортовской тюрьме в Москве и на протяжении 9 месяцев ни в чем не признавал себя виновным. В архиве Сталина сохранилось несколько заявлений Примакова, в которых он протестовал против его незаконного ареста. Однако, не выдержав тяжелых испытаний, Примаков 8 мая 1937 г. написал в Лефортовской тюрьме следующее заявление на имя Ежова:

"В течение девяти месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации и в этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед т. Сталиным продолжал запираться и всячески уменьшать свою вину. Тов. Сталин правильно сказал, что „Примаков — трус, запираться в таком деле — это трусость". Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 г., я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полное показание"».

Уступив следствию, Примаков встал на путь самооговора и не только. На допросе 14 мая в числе своих «соучастников» он назвал Якира. В «собственноручных показаниях» Примакова сообщалось, что во главе заговора стоял Тухачевский, связанный с Троцким. Примаков назвал участниками заговора 40 видных военных.

В тот же день в течение всей ночи допрашивали переведенного из тюремной больницы Бутырской тюрьмы в Лефортовскую тюрьму комкора Пут-

ну. В результате тот дал показания на Тухачевского и 9 других видных военных как на участников антисоветской троцкистской организации.

Бывший замминистра госбезопасности СССР Селивановский в декабре 1962 года сообщал в ЦК КПСС: «В апреле 1937 года дела Путны и Примакова были переданы Авсеевичу (начальник Особого отдела НКВД СССР. — *М. А.*). Зверскими, жестокими методами допроса Авсеевич принудил Примакова и Путну дать показания на Тухачевского, Якира и Фельдмана. Эти показания Путны и Примакова послужили основанием для ареста в мае 1937 г. Тухачевского, Якира, Фельдмана и др. крупных военных работников. Работа Авсеевича руководством Особого отдела ставилась в пример другим следователям. Авсеевич после этого стал эталоном в работе с арестованными. Так появился заговор в Советской Армии. После этого по указанию Сталина и Ежова начались массовые аресты крупных военных работников, членов ЦК КПСС, видных партийных и государственных деятелей...

Арестованные Примаков и Путна морально были сломлены... длительным содержанием в одиночных камерах, скудное тюремное питание... вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили, перевод... в Лефортовскую тюрьму и, наконец, вызовы к Ежову их сломили, и они начали давать показания»[10].

11 июня 1937 года Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР были осуждены по обвинению в измене Родине (ст. 58-1 „б" УК РСФСР), терроре (ст. 58-8), военном заговоре (ст. 58-11) к расстрелу следующие видные военоначальники:

1. Маршал Советского Союза Тухачевский Михаил Николаевич, 1893 г. рождения, член ВКП(б) с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, заместитель наркома обороны СССР;

2. Командарм 1 ранга Якир Иона Эммануилович, 1896 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа;

3. Командарм 1 ранга Уборевич Иероним Петрович, 1896 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, командующий войсками Белорусского военного округа;

4. Командарм 2 ранга Корк Август Иванович, 1888 г. рождения, член ВКП(б) с 1927 г., член ЦИК СССР, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе;

5. Комкор Эйдеман Роберт Петрович, 1895 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР;

6. Комкор Фельдман Борис Миронович, 1890 г. рождения, член ВКП(б) с 1919 г., бывший начальник Управления по начсоставу НКО СССР;

7. Комкор Примаков Виталий Маркович, 1897 г. рождения, член ВКП(б) с 1914 г., заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа;

8. Комкор Путна Витовт Казимирович, 1893 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., военный атташе СССР в Великобритании.

В 1956 году Главная военная прокуратура и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР проверили уголовное дело Тухачевского и других осужденных с ним лиц и установили, что обвинение против них сфальсифицировано. Военная коллегия Верховного суда, рассмотрев 31 января

1957 года заключение Генерального прокурора, определила: приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Примакова, Путны и Фельдмана отменить и дело за отсутствием в их действиях состава преступления производством прекратить. В том же 1957 году Комитетом Партийного Контроля при ЦК КПСС все эти лица были реабилитированы и как члены партии.

Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года с последующими изменениями входила в его Особенную часть, главу 1-ю — «Преступления государственные», и была отнесена к «Контрреволюционным преступлениям»[11].

На «обочине» «дела о военно-фашистском заговоре в Красной Армии» фабриковались менее крупные дела, но с тем же исходом — ВМН. «Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем», — сказал 2 июня 1937 года И.В. Сталин на расширенном заседании Военного Совета при Народном комиссаре обороны СССР. Выходит, НКВД снабдил вождя «вескими доводами» для подобного утверждения.

Почему среди арестованных органами НКВД военачальников и лиц комсостава, большей частью героев Гражданской войны, так мало оказалось людей, способных противостоять злу, отстаивать свою правоту? Почему они покорно шли на заклание? Объяснений здесь несколько. Арестованные давали показания не только под пытками, но и под угрозой их применения. Человека добивали условиями содержания: чтобы сломить волю его лишали сна, не давали воды, заставляли часами стоять. Согласие дать показания связывались как с собственной жизнью арестованного, так и с жизнью и благополучием его близких. Наконец, встречались и такие, кто оговаривал сослуживцев, начальников и подчиненных, следуя призыву к партийной совести: «Это надо партии!». Однако были и те, кто находил в себе силы и мужество и ложных показаний не давал. Таких были единицы и среди них — руководитель военной разведки И.И. Проскуров. Были еще и такие, кто позднее отказывался от выбитых из них показаний. Одни это делали в ходе следствия, другие этот шаг, чреватый новыми испытаниями, приурочивали ко дню суда (в их числе был и.о. начальника Разведупра РККА А.Г. Орлов).

Из «Справки по архивно-следственному делу № 975181 на ФРИНОВСКОГО Михаила Петровича, быв. зам. наркома НКВД СССР, арестованного 6 апреля 1939 года»:

«В заявлении от 11.IV.39 г. на имя Берия — ФРИНОВСКИЙ указывает, что **следственный аппарат во всех отделах НКВД был разделен на "следователей колольщиков", "колольщиков" и "рядовых" следователей** (выделено мной. — *М.А.*).

"Следователи колольщики" были подобраны в основном из заговорщиков или скомпрометированных лиц, бесконтрольно избивали арестованных и в короткий срок добивались от них "показаний" и умели грамотно, красочно составлять протоколы допросов. Группа "колольщиков" состояла из технических работников, которые, не зная материалов дела, избивали арестованных до тех пор, пока они не стали давать "признательные" показания.

Протоколы не составлялись, делались заметки, а затем писались протоколы в отсутствие арестованных, корректировались и давались на подпись арестованным, которые отказывались, и их вновь избивали.

При таких методах следствия арестованным подсказывали фамилии — показания давали следователи, а не подследственные. Такие методы Ежов поощрял.

Сознательно проводилась Ежовым неприкрытая линия на фальсифицирование материалов следствия о подготовке против него террористических актов дошла до того, что угодливые следователи из числа "колольщиков" постоянно добивались "признания" арестованных о мнимой подготовке террористических актов против Ежова».

Можно ли каждое признание, сделанное арестованными, квалифицировать как самооговор или оговор? Можно ли утверждать, что все показания были фальсифицированы? Очевидно, что нет. Следует допустить, что отдельные показания соответствовали действительности. Как будет видно из показаний начальника Разведотдела штаба ОКДВА полковника Покладок, последний в ряде случаев (в части показаний о деятельности Зорге и оценке этой деятельности) опирался на документы, которые готовились в 7-м отделении, руководимом им до перевода в Хабаровск. Можно ли однозначно утверждать, что в 1920-е — 1930-е годы к нелегалам и разведчикам «под крышей» за рубежом не было «подходов» со стороны иностранных спецслужб, а если таковые были, то все они заканчивались безрезультатно?

Самооговор сопровождался оговором. Число лиц, втянутых в орбиту ложных обвинений, росло со скоростью цепной реакции: показания одного приводили к аресту нескольких человек, нередко их были десятки. Факт оговора (приводивший чаще всего к высшей мере наказания) не учитывался при массовой реабилитации в середине 1950-х тех, кто давал ложные показания, на основании которых формировались обвинения в участии в «заговорах» и «шпионаже».

Случай с Артузовым один из немногих (но не единственный), когда, человек еще находившейся на свободе, но фактически обреченный, каялся в грехах, которых не совершал. Причем не забыв оговорить при этом своих подчиненных.

Далее речь пойдет об арестах тех (далеко не всех), кто был связан по роду своей работы с Японией — руководил деятельностью зарубежных аппаратов в этой стране, сам находился там какое-то время. В первую очередь внимание будет обращено на показания, связанные с «Рамзаем», если таковые имели место.

Аресты сотрудников Разведывательного управления штаба РККА были звеном в общей цепи арестов. Обвинения в адрес высшего командного состава в шпионской деятельности, связях с иностранными разведками можно было «доказать», арестовывая тех сотрудников, которые по роду своей деятельности регулярно выезжали за рубеж. Аппараты военных атташе были тесно связаны с политической разведкой ИНО ГУГБ НКВД СССР, дипломатическими и торговыми представительствами, опирались на связи членов Коммунистического интернационала.

Начальники разведывательных отделов штабов РККА входили в структуру высшего командования военных округов, и их аресты были связаны с общим направлением репрессий.

Арестовывали не только действовавших, но и бывших сотрудников Разведупра. Первоначально о шпионаже речь не шла, «японским и немецким резидентом» человек становился позже.

«28 апреля 1937 г.
№ 57017
Совершено секретно
СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Народный Комиссариат Внутренних дел располагает материалами, дающими подозревать заведующего службой связи ИККИ — МЕЛЬНИКОВА Б.Н. (он же МЮЛЛЕР) в троцкистской и шпионской деятельности.

МЕЛЬНИКОВ — 1895 года рождения, гражданин СССР, уроженец г. Селещинска (Селенгинск. — *М.А.*), Забайкальской области, член ВКП(б) с 1916 года.

Биографические данные МЕЛЬНИКОВА за период пребывания его с 1917 по 1922 гг. на Дальнем Востоке вызывают серьезные сомнения.

В 1917 году МЕЛЬНИКОВ, по окончании Михайловского училища в Петрограде, был направлен в Иркутск, где принимал участие в Октябрьском перевороте в качестве члена военно-революционного комитета, начальника Иркутского гарнизона и начальника Красной Гвардии.

В конце 1918 г., вместе с группой ответственных работников-коммунистов, МЕЛЬНИКОВ попал в плен к японцам и через 2 месяца, при подозрительных обстоятельствах, по объяснению МЕЛЬНИКОВА — «будучи неопознанным японцами», был освобожден из тюрьмы. По выходе из тюрьмы, МЕЛЬНИКОВ с партией не связался, а выехал по собственной инициативе в Шанхай, к своему родственнику МЕЛЬНИКОВУ Л.М., доверенному торгового дома «ЛИТВИНОВ С.В. и К».

В Китае МЕЛЬНИКОВ в феврале 1919 года был опознан как участник восстания в Иркутске и привлечен царским консульством в Ханькоу к следствию.

Как видно из переписки, извлеченной из архива консульства в Ханькоу, МЕЛЬНИКОВ откровенно сообщил в консульство о своей руководящей роли в организации большевистского восстания в Сибири и подал прошение, на основании которого и был оставлен на свободе.

Документы консульства дают основание полагать, что МЕЛЬНИКОВ выдал консульству в Ханькоу известных ему по Иркутску и Троицко-Савску коммунистов, находившихся в Китае. Об этих обстоятельствах МЕЛЬНИКОВ в своей биографии и анкетах умалчивает.

В апреле 1920 года, во время выступления японцев, МЕЛЬНИКОВ вместе с рядом членов военного совета вновь попадает в японский плен и снова, «не будучи опознан», освобождается вместе с рядовыми красногвардейцами.

По очищении Дальнего Востока от японской оккупации и до 1935 г. МЕЛЬНИКОВ работает в НКИД и Разведупре по Дальнему Востоку, неоднократно выезжает в Японию и Китай, выполняя нелегальные поручения.

С приходом на работу в ИККИ МЕЛЬНИКОВ окружил себя харбинцами, подозрительными по шпионажу (начальник отдела снабжения ТАРАНОВ, секретарь отдела службы связи ЯЩЕНКО, заведующий хозяйством АЦИКАЛЬЧУК, фотографы ДОБРОВОЛЬСКАЯ и СМИРНОВА, сотрудники по ответственным поручениям СМИРНОВ и БАЛЛОД и машинистка БАВУРОВА и др.).

Имеющимися материалами МЕЛЬНИКОВ также изобличается в принадлежности к троцкистской оппозиции в 1924 г.

Установлено, что в 1924 году, будучи генконсулом СССР в Харбине, МЕЛЬНИКОВ являлся активным троцкистом.

На собрании коммунистов Харбинской организации (протокол № 1 от 12/I— 1924 г.) МЕЛЬНИКОВ выступил с резкой троцкистской речью, направленной против ЦК ВКП(б). МЕЛЬНИКОВ обвинял ЦК в проведении «столыпинской политики» и высказывал недоверие к ЦК. На этом же собрании МЕЛЬНИКОВ пытался оказать влияние на партийную организацию провокационными измышлениями о «единодушном осуждении» линии ЦК ВКП(б) районами Москвы».

Свою причастность к активной троцкистской деятельности в 1924 году МЕЛЬНИКОВ скрывает. Основание причастности МЕЛЬНИКОВА к скрытой контрреволюционной троцкистской работе в настоящем являются факты засоренности аппарата службы связи, которым руководит МЕЛЬНИКОВ, троцкистами и лицами, тесно связанными с троцкистами, как в СССР, так и за границей.

Так, например:

1. Работавшего в заграничном аппарате службы связи троцкиста ВАЛЬТЕРА, связанного с ПЯТАКОВЫМ, МАДЬЯРОМ, ОСИНСКОЙ и др., явно подозрительного вместе с тем по провокации, МЕЛЬНИКОВ допустил в аппарат службы связи в Москве и поручил ему руководство нелегальными заграничными пунктами. О троцкистских связях ВАЛЬТЕРА было известно МЕЛЬНИКОВУ. ВАЛЬТЕР арестован.

2. Доверенным лицом МЕЛЬНИКОВА по секретным вопросам является Берта Платен, иноподданная, беспартийная, жена активного троцкиста Фрица ПЛАТЕН. Установлено, что квартира ПЛАТЕН являлась местом сборищ троцкистов. ПЛАТЕН до последнего времени работает в ИККИ.

3. ГРЕГОР, брат троцкиста ВУЙОВИЧА, поддерживал связь с ВУЙОВИЧЕМ в период нахождения последнего в ссылке, посылая ему иностранную литературу, получаемую у МАДЬЯРА. Несмотря на то, что это известно МЕЛЬНИКОВУ, последний никаких мер к удалению Грегора из аппарата службы связи не принял.

4. Бывшим троцкистам СУВОРОВУ, СЕРЕГИНУ и БАЛЛОД МЕЛЬНИКОВ поручил ответственную конспиративную работу, причем МЕЛЬНИКОВУ известно, что БАЛЛОД при проверке партийных документов скрыл свою троцкистскую деятельность в 1924 году. Вследствие допуска политически ненадежных людей на ответственную работу в аппарат связи, значительная часть конспиративной работы оказалась в руках враждебных людей.

Кроме этого, имеется ряд фактов морального разложения МЕЛЬНИКОВА для устройства попоек с женщинами, причем эти дорогостоящие попойки покрываются из средств ИККИ.

В Ленинграде, в качестве нелегального хозяйственного представителя МЕЛЬНИКОВА, находится некий ШЛЯПОБЕРСКИЙ А.Я., беспартийный, проводящий конспиративно различные коммерческие махинации под маркой службы связи ИККИ.

ШЛЯПОБЕРСКОМУ доверены бесконтрольно чистые бланки ИККИ, которые он использует для получения граммофонных пластинок и т. п. предметов, идущих для личного пользования. Бесконтрольно им закупается различные химикаты, лабораторное оборудование и т. п.

В штатах ИККИ ШЛЯПОБЕРСКИЙ не состоит.

В результате руководства МЕЛЬНИКОВЫМ службой связи в течение последнего времени имел место ряд серьезных провалов, по которым ведется специальное расследование.

Прошу Вашей санкции на арест МЕЛЬНИКОВА Б.Н.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Генеральный комиссар государственной безопасности ЕЖОВ».

На первом листе имеется рукописная помета: «Т. Ежову. Мельникова и "окружение" надо арестовать. Ст.»; «Сообщено т. Ежову. П.».

Бывший заместитель начальника IV (Разведывательного) управления Штаба РККА и одновременно начальник 2-го (агентурного) отдела (февраль 1932 — июнь 1933) Б.Н. Мельников был арестован 4 мая 1937 г.

Из «Протокола допроса арестованного МЕЛЬНИКОВА Бориса Николаевича от 15-го мая 1937 г.»:

«ВОПРОС. Когда и при каких обстоятельствах Вы были завербованы японцами?

ОТВЕТ. Я был завербован японцами в то время, когда я сидел у них в плену в 1918 году в г. Хабаровске. Я и ряд лиц были взяты в плен в октябре мес. 1918 г. в Тайге в 100 килом. От г. Зей Амурской области. В плен вместе со мной взяты японцами следующие лица…

В 1922 году, в феврале месяце, я был откомандирован в Разведупр Сибири. Начальником Разведупра в это время был ВЕЛЕЖЕВ. Там я пробыл недолго, 1-2 месяца. После реорганизации Разведупра Сибири я был направлен в Москву, где работал в Разведупре РККА (с июня 1922 г. по май 1923 г.). В июне 1923 года я был направлен на работу в Консульство в Харбине в качестве секретаря, в мае 1924 г. я совершенно неожиданно для себя встретил на улице того адъютанта штаба японской дивизии, который нас вербовал в Хабаровске. Его фамилия ЯМАЗАКИ. Мы узнали друг друга. ЯМАЗАКИ предложил мне пойти в ресторан, где напомнил мне о моей подписке работать на японцев и предложил начать работать. Я согласился. Связь в Харбине с ЯМАЗАКИ я держал лично без посредников. ЯМАЗАКИ работал тогда в качестве руководителя японской разведки в Харбине. ЯМАЗАКИ интересовался, главным образом, фамилиями отъезжающих в Советский Союз русских, которых в это время ехало очень много. В июне мес. 1924 г. я был командирован в Москву, где был назначен заведующим отделом Дальнего Востока Наркоминдела. При моем вступлении в должность при первой же встрече с японским поверенным в делах САТО, он мне сказал, что у него имеются сведения о моей работе на японцев и что он просит восстановить эту работу здесь, в Москве. В качестве связистки он указал на ЯНКОВСКУЮ Марию Михайловну, которая была тогда референтом Отдела Дальнего Востока по Японии. ЯНКОВСКАЯ сейчас в Москве и, насколько мне известно, занимается частными уроками. В дальнейшем, когда связь через ЯНКОВСКУЮ стала неудобной (она была под подозрением ОГПУ), мне было предложено держать связь с АСКОВЫМ (тогда референт Отдела Дальнего Востока по Японии, сейчас первый секретарь Полпредства в Токио).

Связаться с АСКОВЫМ мне поручил японский посол в Москве ТАНАКА. В НКИД я работал с июля 1924 года по октябрь 1928 г. Японцы интересовались вопросами, главным образом, рыболовной конвенции, по которым я их информировал. Кроме того, они интересовались вопросами отношения СССР с Китаем. В 1928 г. я был командирован в Харбин в качестве генерального консула.

По прибытии в Харбин, при первой же встрече с японским консулом в Харбине, фамилию его не помню, но точно знаю, что он сейчас вице-министр

Маньчжоу-Го от японцев. Он сказал мне, что знает о моей работе и просит ее продолжить. В Харбине я продолжал поддерживать связь через переводчика ЯКОВЛЕВА, работавшего в Советском генеральном консульстве в Харбине. В 1932 г. ЯКОВЛЕВ был в Москве и работал в институте им. Нариманова, кажется, в качестве преподавателя, где он сейчас — не знаю.

В Харбине связь осуществлялась мной с японцами еще через 2-х лиц — через вице-консула в Харбине ОРЛОВА Николая, отчества не помню, где он сейчас находится не знаю, но знаю, что он работал в свое время на Закавказской жел. дор., и ДРИБИНСКОГО — зав. паспортным отделом Консульства, сейчас работает в НКИД.

В июне 1931 г. я был командирован в Токио замещать полпреда ТРОЯНОВСКОГО. При приезде в Токио, при первой же встрече с тогдашним министром иностранных дел, фамилию которого сейчас не помню, последний сказал мне, что о моей работе ему известно и предложил ее продолжать. Связь он предложил осуществлять через переводчика Полпредства КЛЕТНЫЙ[12] (где он сейчас находится, не знаю). Одновременно, по его предложению, я связь с японцами осуществлял также через ГАЛКОВИЧА, являвшегося первым секретарем полпредства в Японии. Сейчас он зам. зав. Отделом печати НКИД. За период своего пребывания в Токио я информировал японцев по вопросам дипломатического порядка. В начале 1932 года я приехал в Москву и был назначен зам. начальника Разведупра штаба РККА. Примерно через месяц или полтора после моего вступления в эту должность, ко мне явился АСКОВ, который сообщил, что ему предложено осуществлять связь со мной по шпионской работе на японцев. АСКОВ также предложил мне устроить его на работу в Разведупр. Он был мною устроен руководителем восточного сектора Разведупра. Японцы интересовались состоянием агентурной сети Разведупра в Японии и вообще на Дальнем Востоке. Этими сведениями снабжал японцев сам АСКОВ. Со слов АСКОВА, я знаю, что он был связан по своей шпионской работе с ДАВЫДОВЫМ Василием Васильевичем, где он сейчас работает — не знаю.

В период своей работы в Разведупре я был завербован АБРАМОВЫМ в 1933 г. для шпионской работы в пользу немцев.

Об обстоятельствах своей работы в пользу немцев и о связи с АБРАМОВЫМ я покажу дополнительно.

В октябре мес. 1933 г. я ушел из Разведупра и был назначен уполномоченным Наркоминдела по Дальневосточному Краю в г. Хабаровск. Сейчас же по приезде в Хабаровск и первом моем визите японскому консулу СИМАДА последний сказал мне, что ему известно о моей работе на японцев и что он просит ее продолжать. За период своего пребывания в г. Хабровске с октября 1933 г. по октябрь 1934 г. я по роду своей работы ничем интересным для японцев не располагал. В октябре 1934 г. я уехал из ДВК. Был в отпуску. Из отпуска вернулся в январе 1935 года. Предполагавшееся мое назначение в Америку отпало. Я примерно 5 месяцев был без работы. Находясь в распоряжении ЦК ВКП(б), за это время никакой связи с японцами не поддерживал, т. к. не представлял для них интереса. После этого я ездил на 2 месяца на Украину. Там тоже я связь с японцами не поддерживал. При поездке в Москву в командировку (после 7-го конгресса ИККИ) я встретил АБРАМОВА, который сказал, что мне необходимо поступить на работу в Коминтерн заведующим ОМСом, т. к. его, АБРАМОВА, положение стало непрочным. Через не-

сколько дней я встретился с МОСКВИНЫМ, который знал меня очень давно (с 1917 года). Он мне предложил заведовать ОМСом. Я дал согласие, и с конца декабря мес. 1935 г. по день ареста являлся заведующим ОМСом, а затем Службы связи Коминтерна.

Примерно в феврале мес. 1936 г. ко мне явился МЕНИС, который сказал мне, что ему известно о моей работе на японцев, что он, МЕНИС, является представителем японской разведки и предложил устроить его на работу Службы Связи в качестве заведующего Восточным сектором, заявив, что он одновременно будет являться связью между мной и японской разведкой. МЕНИСА я устроил на работу, договорившись по этому вопросу с руководством Коминтерна. В дальнейшем МЕНИС стал фактическим руководителем японской разведки в Коминтерне. Кроме того, МЕНИС мне сказал, что на японцев в Коминтерне работают еще АЛЕКСЕЕВ, он же ЖЕЛЕЗНЯКОВ (политпомощник по японским делам КУУСИНЕНА). ЖЕЛЕЗНЯКОВ в 1930 году, затем с 1932 по 1935 г. являлся резидентом ГПУ в Токио. АЛЕКСЕЕВ-ЖЕЛЕЗНЯКОВ в разговоре со мной сообщил мне, что представитель японской партии ИККИ ТАНАКА также является японским агентом.

Японцы интересовались состоянием японской партии и организационными связями Коминтерна с Японией и Дальним Востоком. По вопросу о состоянии японской компартии я лично материала давать не мог, т. к. о работе японской компартии я не был информирован. В период, когда МЕНИС работал в Службе Связи, все сведения организационного характера по связи ИККИ с японской партией находились у МЕНИСА, и по этим вопросам он непосредственно информировал японскую разведку. После ухода МЕНИСА все сведения, связанные с вопросами связи, передавались мною ЖЕЛЕЗНЯКОВУ, который, в свою очередь, передавал их японской разведке.

Из числа японских агентов, работающих в Коминтерне, я знаю: МЕНИСА, АЛЕКСЕЕВА, он же ЖЕЛЕЗНЯКОВ, ТАНАКА (представитель японской партии), ФЕЙГЕЛЬМАН и ДОБРОВОЛЬСКУЮ (первый подотдел службы связи), об остальных покажу дополнительно».

Из Протокола допроса Мельникова от 16—17 мая 1937 года:

«ВОПРОС. Какую работу Вы вели для японской разведки с момента Вашего освобождения из Владивостокской тюрьмы?

ОТВЕТ. Никакой работы не вел.

ВОПРОС. Это совершенно невероятно. Вы были завербованы японцами в 1918 году. В течение этого периода Вы работали на Дальнем Востоке и в Москве, в армии и в Разведупре. По своему положению располагали сведениями, интересующими японскую разведку. Почему Вы отрицаете работу для японской разведки в этот период?

ОТВЕТ. С 1918 г. я потерял связь с японцами, сам ее восстанавливать не собирался. Они же, очевидно, меня потеряли.

ВОПРОС. Где Вы работали после Вашего ухода из Разведупра?

ОТВЕТ. Я был назначен в июне 1923 г. резидентом Разведупра в Харбин, где формально являлся секретарем Советского консульства. <...>

ВОПРОС. Какие сведения Вы дали ЯМАЗАКИ?

ОТВЕТ. Шифров консульства я достать не мог, так как они хранились у шифровальщика, и я к ним доступа не имел. Я ему передал около двадцати шифрованных телеграмм преимущественно директивного характера. Телеграммы эти я крал у шифровальщика, переписывал их. Затем перепечатывал

на машинке, и в таком виде передавал ЯМАЗАКИ. Я передавал копии секретной переписки, проходившие через меня как секретаря консульства. Передавал ему список личного состава консульства с характеристиками, а также передавал списки лиц, уезжающих в Советскую Россию. Я указал ему резидента ГПУ АНГАРСКОГО и параллельного со мною представителя Разведупра САЛНИНА. Я ему также сообщил, что вторым резидентом Разведупра является ЗАСЛАВСКИЙ, скрыв от него, что ЗАСЛАВСКИЙ год тому назад уехал из Харбина. Я ему передавал сведения, связанные с вопросом о подготовке Пекинского соглашения о КВЖД.

ВОПРОС. Как Вы поддерживали связь с ЯМАЗАКИ?

ОТВЕТ. Связь с ЯМАЗАКИ я поддерживал только лично. Встречались мы в отдельном кабинете в ресторанчике по второй линии около диагональной улицы в доме Бента. Каждый раз мы уславливались о следующей встрече. Всего встреч за этот период было около 7 или 8.

ВОПРОС. Под какой кличкой Вы работали в этот период?

ОТВЕТ. Под кличкой «Алексей».

ВОПРОС. Какое Вы получали от ЯМАЗАКИ вознаграждение за передаваемые сведения?

ОТВЕТ. Вознаграждения я не получал.<...>

ВОПРОС. Какие сведения Вы передавали японской разведке через АСКОВА и лично ТАНАКА?

ОТВЕТ. Через АСКОВА я продолжал давать сведения по тем же вопросам, что и через ЯНКОВСКУЮ. Кроме того, в этот период я давал сведения по Китаю. В частности, я давал сведения о том, кто из наших командиров и под какой фамилией работал в качестве советников в китайской армии. Я давал сведения о политике Сов. правительства в Китае.<...>

ВОПРОС. Где Вы работали по возвращении в Москву?

ОТВЕТ. По приезде в Москву в начале 1932 года я был назначен заместит. Начальника Разведупра Штаба РККА. Примерно через месяц или полтора после моего вступления в эту должность ко мне явился АСКОВ, который сообщил, что он будет осуществлять связь между мной и японской разведкой. Кроме того, он сказал мне, что он будет вести самостоятельную разведывательную работу в пользу японцев и просил устроить его в Разведупр, в восточный сектор.

ВОПРОС. Вы устроили его?

ОТВЕТ. Да, по моему предложению он был назначен начальником Восточного сектора Разведупра.

ВОПРОС. Дайте подробные показания — какие сведения были переданы Вами и АСКОВЫМ в период Вашей работы в Разведупре?

ОТВЕТ. Мною через АСКОВА были переданы следующие сведения: Данные об агентуре по Маньчжурии, Китаю, Италии, Германии, Чехословакии и Америке. В них были указаны клички агентов, пароли, время и место встреч, место работы и характеристики агентов.**По согласованию со мной, АСКОВ сообщил японской разведке о резиденте Разведупра Шанхая "Рамбек"** (в рукописном варианте показаний «Рамзее». —*М.А.)*, **который впоследствии был назначен резидентом в Японии. О переезде его в Японию АСКОВ своевременно сообщил японской разведке. Ввиду отсутствия агентуры по Японии в тот период, другие сведения по Японии не передавались** (выделено мной. — *М.А.*)».

Из Протокола допроса Мельникова от 19 мая:

«...Во время перехода китайских частей на нашу территорию в 1932 году мы дали известную Разведупру информацию об этих частях и о местах их интернирования. Осенью 1932 года, когда я замещал нач. Разведупра БЕРЗИНА, я передал японской разведке ряд приказов штаба РККА по личному составу штаба. Мною также были переданы сведения о личном составе центрального аппарата Разведупра.

ВОПРОС. Какова была техника передачи этих сведений японской разведке?

ОТВЕТ. Непосредственную связь с японской разведкой поддерживал АСКОВ. Он производил записи всех перечисленных мною сведений и сообщал их устно японцам. <...>

ВОПРОС. С кем еще помимо Вас АСКОВ был связан по шпионской работе?

ОТВЕТ. Мне известно лишь о двух лицах: ДАВЫДОВЕ Василии Васильевиче и КЛИМОВЕ Анатолии Яковлевиче. <...> О КЛИМОВЕ мне стало известно от АСКОВА при следующих обстоятельствах: в начале 1933 года АСКОВ мне сказал, что ему целесообразно пересесть на европейский сектор (он заведовал восточным сектором). На мой вопрос, как в этом случае будет обеспечена работа для японцев по восточному сектору, АСКОВ мне ответил, что на восточный сектор надо посадить КЛИМОВА, который также является японским разведчиком. Эта перестановка была мною осуществлена.

Ответы на поставленные вопросы записаны с моих слов правильно и мною прочитаны: /подпись/ МЕЛЬНИКОВ».

«Приговором Военной Коллегии Верховного суда СССР от 25-го ноября 1937 года по ст.58-1 «а», 58-8 и 58-11 УК РСФСР МЕЛЬНИКОВ был осужден к ВМН — расстрелу.

МЕЛЬНИКОВ признан судом виновным в том, что с 1918 года являлся агентом японской разведки, а с 1933 года, кроме того, состоял на службе германской разведки. Проникнув в аппарат Исполкома Коминтерна, МЕЛЬНИКОВ вошел в состав руководства троцкистско-террористического шпионского центра, действовавшего в Коминтерне и, используя свое служебное положение осуществлял связь троцкистского центра в Москве с врагом народа Троцким, а также вел работу по созданию троцкистских террористических организаций».

Приговор был приведен в исполнение спустя восемь месяцев — 28 июля 1938 года, а 10 марта 1956-го Б.Н. Мельников был реабилитирован.

13 мая 1937 года был арестован бывший заместитель начальника Разведупра корпусной комиссар А.Х. Артузов, арестован без соответствующего постановления на арест и без санкции прокурора, по ордеру, подписанному в тот же день заместителем наркома внутренних дел Бельским.

Период жизни Артузова с января по май 1937 года справедливо называют эпистолярным. В его архивно-следственном деле хранятся черновики пяти писем наркому Ежову, одно уже упоминаемое письмо Сталину, конспект выступления на партийном активе ГУГБ НКВД СССР.

Артузова обвиняли в том, что он допустил серьезный провал в работе «по польской линии». Бывший начальник ИНО ОГПУ ГУГБ НКВД как мог отбивался от обвинений, признавал лишь часть вины, называя и других виновников, в частности, своих бывших помощников — Б.Д. Бермана и А.А. Слуцкого (остававшихся на вершине власти). Вот что заявил Артузов 18 марта 1937 года на засе-

дании партийного актива ГУГБ НКВД: «Виноваты ли мы, что нас одурачили? Конечно. И я в первую очередь как тогдашний начальник. Я не говорил сперва о доле ответственности т. Слуцкого и... Бермана. А она имеется. Ведь театр вербовок Илиничем они имели возможность непосредственно наблюдать... они видели его работу в Берлине, где они работали, а я сидел в Москве»[13].

Однако, «беда» пришла не по польской линии. 29 марта 1937 года был арестован бывший нарком внутренних дел Г.Г. Ягода. 29 апреля он назвал имена главных участников «заговора в НКВД». Среди перечисленных им фамилий был и бывший начальник ИНО ГУГБ А.Х. Артузов[14].

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № по обвинению АРТУЗОВА (ФРАУЧИ) Артура Христиановича по ст.58 п. 6, 58 п. 8 и 58 п.11 УК РСФСР.

По делу фашистской заговорщической организации, руководимой предателем ЯГОДОЙ, арестован один из активных участников этого заговора, б. нач. КРО и ИНО НКВД СССР и б. зам. нач. Разведупра РККА АРТУЗОВ (ФРАУЧИ) Артур Христианович.

Произведенным по делу расследованием, принадлежность АРТУЗОВА (ФРАУЧИ) А.Х. к фашистскому заговору полностью подтвердилась, а также установлено, что он являлся шпионом с 1913 года, работавшим одновременно на службе у немецкой, французской, польской и английской разведок.

Будучи шпионом английских разведывательных органов с 1913 года, АРТУЗОВ, в силу своего враждебного отношения к Советской власти, в 1919 году идет на вербовку своему двоюродному брату — ФРАУЧИ — разведчику 2-го бюро французского генштаба и вступает в преступную связь с органами французской разведки, сохраняя ее до своего ареста, сперва через ФРАУЧИ, а затем через старого французского шпиона БЕРЛИНА. 2-ое бюро французского генштаба АРТУЗОВЫМ информировалось по всем интересующим его вопросам как по линии НКВД, а также и по линии Разведупра РККА (л.д. с 49 по 59).

В 1925 году по тем же мотивам — непримиримого отношения к советскому строю, а также, исходя из своих фашистских побуждений, АРТУЗОВ, вербуется в органы Германской разведки шпионом ШТЕЙНБРЮК (л.д. с 22 по 28). Держит через ШТЕЙНБРЮКА тесную связь с представителями германской разведки сначала с ФОН-БРЕДОВЫМ, а затем с активным разведчиком — фашистским адмиралом КАНАРИС (л.д. 28, 29 и 37). Передает ценнейшие документы по линии ИНО НКВД и Разведупра РККА, дающие серьезную ориентировку немцам во внешне политическом положении Германии (л.д. с 34 по 37, 45 и 46). Предает нашу агентуру.

Немецкой разведке АРТУЗОВЫМ совместно со ШТЕЙНБРЮКОМ было предано ряд активных агентов НКВД. В 1932 году АРТУЗОВЫМ был выдан немцам и убит последними ценнейший агент "270", вскрывавший военный заговор в СССР. ...

Ведя активную шпионскую деятельность против Советского Союза по линии трех перечисленных разведок, в 1933 году АРТУЗОВ вербуется польским шпионом МАКОВСКИМ и одновременно ведет шпионскую работу в пользу Польши (л.д. 77, 78, 79).

Наряду с этим, находясь на руководящей работе органах ЧК-ОГПУ-НКВД в качестве нач. Контрразведывательного и Иностранного отделов и в Разведупре РККА — зам. начальника этого управления, АРТУЗОВ всю работу этих отделов направлял таким образом, чтобы максимально обеспечить интересы

иностранных государств и, главным образом, фашистской Германии; с этой целью им упорно велась линия на глушение антинемецкой работы, всячески оберегались от разгрома уцелевшие после гражданской войны и насаждаемые вновь немецкие шпионские гнезда (л.д. 33, 34).

В 1932 году о связи АРТУЗОВА с французской разведкой стало известно врагу народа б. Наркому Внутренних Дел СССР ЯГОДЕ, который использовал эту связь и привлек АРТУЗОВА в возглавлявшийся им по линии НКВД фашистский заговор против советской власти (л.д. с 60 по 64).

АРТУЗОВ, приняв предложение ЯГОДЫ об участии в заговоре, на протяжении 5 лет до ареста вел активную контрреволюционную деятельность по линии заговорщической организации, осуществляя связь между заговорщиками и представителями иностранных государств; был в курсе связи заговорщиков с фашистской Германией (л.д. с 65 по 68 и с 73 по 76). Обсуждал с Ягодой контрреволюционные планы заговора и захвата власти, рассчитанные на установление фашизма в нашей стране (л.д. с 68 по 77).

На основании вышеизложенного обвиняется:

АРТУЗОВ (ФРАУЧИ) Артур Христианович, 1891 года рождения, швейцарец, подданный Швейцарии. В 1917 году окончил Петроградский политехнический институт со званием инженера-металлурга. Работал в металлургическом бюро профессора Грум-Гржимайло; б. член ВКП(б) с 1918 года.

С 1919 года по день ареста работал на руководящей работе в органах ОГПУ-НКВД и в Разведупре РККА (нач. КРО, нач. ИНО, зам. нач. Разведупра).

Проживал: 3-я Тверская-Ямская, д.21/23, кв.26 —

В том, что являлся активным участником фашистского заговора, практически осуществлял связь между заговорщиками и представителями иностранных государств. Вел широкую шпионскую деятельность против Советского Союза, работая одновременно на службе у немецкой, французской, польской и английской разведок. Систематически передавал иностранным разведывательным органам шпионские материалы. Предавал активную агентуру ОГПУ, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.6, 58 п.8 и 58 п.11 УК РСФСР — виновным себя признал полностью».

21 августа 1937 года А.Х. Артузов был осужден в особом порядке к ВМН. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

7 марта 1956 года Артур Христианович Артузов был посмертно реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР. До этого (5 июня 1955) ходатайство его сестры Фраучи Е.Х. о пересмотре дела Артузова было отклонено.

Через три дня после ареста Артузова — 16 мая 1937 года — был арестован бывший начальник 2-го отдела Разведупра корпусной комиссар Ф.Я. Карин (Крутянский Тодрес Янкелевич).

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Гр. Н.И.ЕЖОВУ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Арестованного КАРИНА Ф.Я.

Желая честно порвать со своим преступным прошлым, настоящим заявляю, что, начиная с 1915 года, я работаю в немецкой разведке. Развернутые показания дам об этапе 15—18 год и 29—36 годы с указанием своей роли, всех поручений и заданий, которые я выполнял и всех людей мне известных.

В период с 15—18 год я был связан с полковником БЕРГ в гор. Бухаресте и с майором Вальтер ДИТРИХ в Берлине, начиная с 29 по 36 год. Также дам показания о работе немецкой и косвенно итальянской разведки.

29.V. 37 год.

Принял заявление Капитан Госуд. Безопасности /ГРУЗДЕВ/»

Из Протокола допроса обвиняемого КАРИНА Федора Яковлевича от 11-го июня 1937 года:

«КАРИН Федор Яковлевич, он же КРУТЯНСКИЙ Тодрес Янкелевич, 1896 года рождения, уроженец Бессарабии, образование 4 класса городского училища, член ВКП /б/ с 1919 г. В органах ЧК-ОГПУ-НКВД работал с 1919 по 1934 гг. в должности резидента за границей и нач. I отд. ИНО ОГПУ. С 1934 г. до ареста работал в должности нач. 2-го отдела Разведупра РККА.

ВОПРОС. Вы подали заявление на имя Народного Комиссара внутренних дел с признанием о своей шпионско-разведывательной работе в пользу иностранной разведки. Когда началась Ваша шпионская работа?

ОТВЕТ. Я хочу дать показания о своей личной шпионско-разведывательной работе в пользу немецкой разведки, связь с которой я имел в 1916—18 годах и агентом которой я состоял с 1929 года до дня моего ареста, а также о лицах, которые были связаны со мной по шпионской работе. <...> За время работы в Разведупре я передал немецкой разведке следующие сведения:

По Разведупру РККА.

1. Об общих задачах и характере работы Разведупра РККА, об организационных связях с Коминтерном и НКВД.

2. Характеристики руководящего состава центрального аппарата Разведупра РККА.

Представители разведки особенно интересовались характеристиками зам. Нач. Разведупра РККА АЛЕКСАНДРОВСКОГО, Пом. нач. Разведупра АБРАМОВА и его функциями, секретаря комкора УРИЦКОГО — ГИЛЬМАНА, о ЛОЗОВСКОМ и ПЕРКОНЕ /руководство 10-го отдела Разведупра/, о капитане ПИНЧЕВСКОМ, о секретаре АРТУЗОВА — ПАУКЕРЕ, об одной из делопроизводительниц теперешнего 12-го отдела Разведупра...

Об агентуре и агентурной работе Разведупра РККА я сообщил немецкой разведке следующее:

<u>По Японии</u>:

1. О подслушивании радиофоном переговоров между Японским военным министерством и штабом Квантунской армии.

2. **О резиденте в Токио «Рамзае» и связанных с ним людях, его характеристику — обо всем, что резидентура имела. В частности, сообщил о работнице Разведупра «Ингрид», направленной к «Рамзаю»** (здесь и далее выделено мной. —*М.А.*).

3. О пяти стажерах, направленных в Токио к военному атташе для стажировки по изучению японского языка и страны.

4. Об имеющихся в Разведупре данных по японской авиации.

5. О характере стычек и сражений, имевших место с японцами на Маньчжуро-Советской и Монголо-Маньчжурской границах. О количестве бойцов, вооружении с обеих сторон, причинах вооруженного конфликта, оценку событий и т.д.

6. О системе насаждения агентурных точек из китайцев с Маньчжурии.

По Китаю

1. О резидентуре «Гарри» в Шанхае.
2. О резидентуре «Роберта» в Шанхае.
3. О резидентуре «Рамона» в Китае.
4. **Об источнике «Коммерсант» в Китае** (выделено мной. — *М.А.*).
5. Об источнике «№34» в Китае.
6. О резидентуре «Михаила» в Тяньцзине.
7. Об источнике «Бедняк» в Китае.
8. Об источнике «Кантонская девица».
9. О резиденте «Павел» и источнике «Южный».
10. Об источнике «Коля» в Пекине.
11. Об агенте «Шиллинг» в Китае.
12. О радиостанции «Милорда».
13. О радиостанции «Мина» в Китае.
14. О взаимоотношениях с Китаем в освещении военного атташе.
15. Об инструкторах в Синцзяне — МАЛИКОВЕ и сменившем его ФЕДИНЕ.
16. О работе Разведупра в Китае, с указанием, что работу возглавляет там военный атташе ЛЕПИН и его секретарь ШАХОВ.
17. Об источнике-англичанине, являющемся корреспондентом «Дейли Экспресс».

<...>

ВОПРОС. Под какими кличками Вы работали в немецкой разведке и какое вознаграждение за разведывательную работу для немцев Вы получали?

ОТВЕТ. Кличка у меня была с 1929 г. одна «013». За границей я получал не более шестьсот марок в месяц, а на территории СССР не более 1000 рублей. Я работал больше из боязни репрессии, чем из-за денег. Больше денег, чем мною указано, я не получал. Деньги я получал на руки при свидании.

Записано с моих слов верно и мною прочитано: /подпись/ КАРИН».

Из вышеперечисленной агентуры, «выданной» Кариным, в Разведупре было известно следующее:

«Резидент "Роберт" в Китае находился в период 1936-38 гг. Отозван в Центр ввиду того, что начал разрабатываться японцами из-за слабого прикрытия.

Резидент "МИХАИЛ" (МАРКОВ) находился в Тяньцзине около двух лет; отозван в Центр в 1938 году как посредственный оперативный работник.

Резидент "ГАРРИ" прибыл в Китай в 1935 году, в период провала резидентуры «Абрам».

Резидент "ПАВЕЛ"» в Китае с июля 1936 года.

Материалов, характеризующих, что резиденты "Гарри" и "Павел" были кем-то преданы в Разведуправлении не имеется.

Агент "Бедняк" в сети РУ с 1929 года; в августе 1937 г. связь с агентом "Бедняк" была прекращена, так как он подозревался двойником.

Агент "ШИЛЛИНГ" в агентурной сети РУ в Китае с июня 1936 года. 24 августа 1937 г. "Шиллинг" был отозван в Центр.

Агент «34» с 1931 по 1936 год работал в Японии; в 1933 году он арестовывался за связь с революционными организациями и просидел в тюрьме око-

ло года. В 1936-1937 гг. работал в резидентуре РУ в Китае, где японская полиция не оставляла его в покое и внимательно следила за ним.

Радиостанции "МИЛОРДА" и "Мина" принадлежали Разведупру и держали связь с Центром в 1937-38 гг. По указанию Центра 29.4.38. прекратили свою работу в связи с усиленным вниманием японской полиции в Северном Китае.

Агент "КОЛЯ" (китаец) в 1935 году арестовывался китайской полицией и бежал. После переподготовке его в Москве снова отправлен в Китай и до конца 1937 года работал успешно. В апреле 1938 года было дано указание Центра, "радиосвязь с Центром держать только в крайней необходимости".

"КАНТОНСКАЯ ДЕВИЦА" — агент Разведупра, арестовывалась в Кантоне за участие в разведке (1932 г.). В полиции написала отречение от компартии и была освобождена. В 1933-35 гг. она снова была завербована «Абрамом» и включена в активную разведработу».

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ по делу № 11184 по обвинению КАРИНА Ф.Я.,

он же КРУТЯНСКИЙ Т.Я. по статье 58-1-б УК РСФСР

3-й отдел ГУГБ НКВД СССР располагал данными, что КАРИН Ф.Я, нач. 2-го отдела РАЗВЕДУПРА РККА является агентом иностранных разведорганов, по заданиям которых ведет шпионскую работу.

На основании этих данных КАРИН Ф.Я. был арестован и в процессе следствия установлено:

В 1915 г. КАРИН Ф.Я., проживавший под фамилией КРУТЯНСКИЙ Т.Я., бежал из Бессарабии в Румынию, где связался со своим братом Матус КРУТЯНСКИМ, являвшимся агентом немецких разведывательных органов.

Вскоре М. КРУТЯНСКИЙ познакомил КАРИНА Ф.Я. с резидентом немецкой разведки, который оформил вербовку, как агента разведки.

С этого времени, до момента ареста по настоящему делу, КАРИН Ф.Я. являлся агентом германских разведывательных органов, по заданию которых вел разведработу: до 1917 года — в оккупированной немцами Румынии, в 1918 году — в г. Одессе, где был связан с резидентом немецкой разведки ЛЯШЕВСКИМ, с 1929 г. по 1934 г. — в Берлине и Париже, поддерживая связь с резидентом немецкой разведки — майором ВАЛЬТЕРОМ ДИТРИХ, а с 1934 г. — в Москве с работником германского посольства.

За период с 1929 года по 1937 год КАРИН Ф.Я. передал германской разведке все известные ему данные как резиденту ИНО ОГПУ-НКВД и нач. 2 отдела Разведупра РККА: о закордонной агентуре, находившейся непосредственно у него, а также и у других лиц, о военных заказах, даваемых СССР, характеристику ответственных работников ОГПУ-НКВД, схему и систему работы Иностранного отдела ОГПУ и Разведывательного управления РККА, а также конкретные, сугубо секретные данные о работе этих органов.

В германской разведке КАРИН Ф.Я. под кличкой «013» на постоянном окладе содержания.

С 1936 года КАРИН Ф.Я. был привлечен резидентом польских разведорганов — СОСНОВСКИМ И.И. для ведения шпионской работы в пользу Польши и систематически передавал последнему шпионские сведения.

На основании изложенного:

КАРИН Федор Яковлевич, он же КРУТЯНСКИЙ Тедрес Янкелевич, 1896 г.р., уроженец Бессарабии, образование — среднее, член ВКП \б/ с 1919 года, гр. СССР, в органах ЧК-НКВД с 1919—1934 гг., а в дальнейшем, до момента ареста,

нач. 2-го отдела Разведупра РККА, обвиняется в том, что являлся агентом иностранных разведывательных органов, по заданию которых проник в органы ВЧК-ОГПУ НКВД, а в дальнейшем в Разведупр РККА, собирал и передавал иностранным разведывательным органам все известные ему особо важные государственные данные о лицах и работе органов ВЧК-НКВД и Разведупру РККА, за что от иностранных разведывательных органов получал систематически денежные вознаграждения, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 — 6, УК РСФСР.

КАРИН Ф.Я. виновным себя признал.

Кроме того, изобличается показаниями арестованных агентов иностранных разведорганов СОСНОВСКОГО и ГУРСКОГО.

Дело подлежит рассмотрению Военной Коллегией Верхсуда СССР в порядке закона от 1-го декабря 1934 года.

СОТРУДНИК 3 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
КАПИТАН ГОС БЕЗОПАСНОСТИ (ГРУЗДЕВ)

«СОГЛАСЕН» НАЧ 3 ОТД. 3 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
КАПИТАН ГОСУД БЕЗОПАСНОСТИ (ПАССОВ)

СПРАВКА: КАРИН Ф.Я. арестован 16 мая 1937 года и содержится в Лефортовской тюрьме. Вещественных доказательств по делу нет.
СОТРУДНИК 3 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
КАПИТАН ГОС БЕЗОПАСНОСТИ (ГРУЗДЕВ)».

Судили Ф.Я. Карина в особом порядке, т. е. заседала не Военная коллегия, а «тройка» (в составе председателя ВК ВС СССР В.В. Ульриха, заместителя Прокурора СССР Г.К. Рогинского и заместителя наркома внутренних дел СССР Л.Н. Вельского). И происходило это 21 августа 1937 года в Москве. Вместе с ним в тот же день были приговорены к ВМН еще шесть бывших сотрудников НКВД, в том числе его соратники — А.Х. Артузов и О.О. Штейнбрюк, пришедшие из ИНО ОГПУ в Разведупр 1934—1935 годах.

19 декабря 1955 года на имя Начальника следственного управления КГБ при Совете Министров СССР генерал-майора юстиции Малярова был представлен ответ на запрос от 2 декабря 1955 г. за подписью Заместителя начальника ГРУ ГШ генерал-лейтенанта Феденко: «По Вашей просьбе высылаю личное дело КАРИНА /КРУТЯНСКОГО/ Федора Яковлевича, которое по миновании надобности прошу вернуть в наш адрес.

О выдаче КАРИНЫМ перечисленной в Вашем запросе агентуры РУ РККА разведывательному управлению стало известно в феврале 1940 года из неизвестно откуда полученного документа, хранящегося в архивных материалах ГРУ ГШ <...>

Все перечисленные в этом документе лица / "Рамзай" и др./ являлись агентурой Разведупра РККА. Каких-либо данных о провале этой агентуры по вине КАРИНА Главное разведуправление не имеет.

Нелегальный резидент Разведупра "РАМЗАЙ" возглавлял нелегальную сеть РУ в ШАНХАЕ /1929—32 гг./. В связи с угрозой провала ввиду грубых организационных ошибок, допущенных "Рамзай", из Шанхая он был отозван в

Центр. После подготовки в Центре "РАМЗАЙ" был направлен в качестве резидента РУ в ТОКИО /1933—41 гг./.

Провал резидентуры начался с ареста японцами второстепенных агентов "Рамзая" по подозрению арестованных в секретной коммунистической деятельности /июнь 1941 г./. 18 октября 1941 года был арестован "Рамзай", в сентябре 1943 года приговорен к смертной казни и 7 ноября 1944 года был повешен в Токио.

"ИНГРИД" дважды использовалась на нелегальной работе по линии Разведуправления. Первый раз "Ингрид" была около 6 месяцев в Китае и отозвана Центром в связи с провалом резидентуры "Абрам". Вторично была нелегалом в ТОКИО /5.11.36 — 6.10.37/, откуда отозвана в Центр по оперативным соображениям. <...>

Агент "КОММЕРСАНТ" в сети Разведупра с 1932 года работал с "РАМЗАЕМ" и "АБРАМОМ". В связи с провалом "АБРАМА" связь с "Коммерсантом" РУ прервало до осени 1936 года. С началом 1937 года "Коммерсант" вновь начал работать

Резидент "РАМОН" в Китай прибыл в 1935 году, но как растратчик больших сумм денег отозван в Центр.

Резидент "РОБЕРТ" в Китае находился в период 1936-38 гг. Отозван в Центр ввиду того, что начал разрабатываться японцами, возможно, из-за слабого прикрытия.

Резидент "МИХАИЛ" /МАРКОВ/ находился в Тяньцзине около двух лет; отозван в Центр в 1938 году, как посредственный оперативный работник.

Резидент "ГАРРИ" прибыл в Китай в 1935 году, в период провала резидентуры «Абрам».

Резидент "ПАВЕЛ" в Китае с июля 1936 года.

Материалов, характеризующих, что резиденты "Гарри" и "Павел" были кем-то преданы, в Разведуправлении не имеется.

Агент "БЕДНЯК", в сети РУ с 1929 года; в августе 1937 г. связь с агентом «Бедняк» была прекращена, так как он подозревался двойником.

Агент "ЮЖНЫЙ" начал работать как агент Разведупра в Китае с 1936 года. В мае 1938 года «Южный» передан в резидентуру НКВД.

Агент "ШИЛЛИНГ" в агентурной сети РУ в Китае с июня 1936 года. 24 августа 1937 г. "Шиллинг" был отозван в Центр.

Агент "№34" с 1931 по 1936 год работал в Японии; в 1933 году он арестовывался за связь с революционными организациями и просидел в тюрьме около года. В 1936-1937 гг. работал в резидентуре РУ в Китае, где японская полиция не оставляла его в покое и внимательно следила за ним.

Радиостанции "МИЛОРДА»" и "МИНА" принадлежали Разведупру и держали связь с Центром в 1937-38 гг. По указанию Центра 29.4.37 прекратили свою работу в связи с усиленным вниманием японской полиции в Северном Китае.

Агент "КОММЕРСАНТ" в сети Разведупра с 1932 года работал с "РАМЗАЕМ" и "АБРАМОМ".

В связи с провалом "АБРАМА" связь с "Коммерсантом" РУ прервало до осени 1936 года.

С началом 1937 года "Коммерсант" вновь начал работать.

"КАНТОНСКАЯ ДЕВИЦА" — агент Разведупра, арестовывалась в Кантоне за участие в разведке /1932 г./. В полиции написала отречение от компартии

и была освобождена. В 1933-35 гг. она снова была завербована "Абрамом" и включена в активную разведработу.

"ЮСТ" и "КАРЛСЕН" в материалах, связанных с КАРИНЫМ, не встречаются и по учету Главного разведывательного управления не проходят».

«СПРАВКА по архивному делу № ... на КАРИНА Федора Яковлевича

... Из материалов дела видно, что КАРИН, работая в органах ВЧК с февраля 1922 г., был использован на нелегальной работе в Румынии до июня 1922 г., с июня того же года — в Австрии, с марта 1924 г. в Китае, с ноября 1926 г. по июнь 1928 г. — в Америке, а затем во Франции, с июля 1931 г. — в Германии.

В характеристике от 23.I—1924 г., подписанной н-ком ЭКУ ОГПУ КАЦНЕЛЬСОНОМ, о КАРИНЕ дается следующий отзыв:

"Развитой и толковый работник, агентурную работу знает хорошо. Интересуется только живой оперативной работой".

Будучи за границей, КАРИН фигурировал под фамилиями: ЗАРЖЕВСКИЙ, КОРЕЦКИЙ, ИВАНИКОВ, ФРАУЧИ, КЕРН, ШПАК, ДЭЙНИС. Имел кличку "Джек".

Из содержания имеющейся в деле переписки между КАРИНЫМ и советским разведцентром можно сделать вывод, что разведывательная деятельность КАРИНА находила положительную оценку.

Дело хранится в архиве 1-го Гл. управления КГБ при См СССР».

«УТВЕРЖДАЮ»

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
Генерал-майор юстиции
М. МАЛЯРОВ

2/IV 1956 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Г. Москва, 1956 года, марта 31 дня.

Я, ст. следователь 1 отдела Следуправления Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР майор КУХАРЕВ, рассмотрев материалы архивно-следственного дела № 612366 по обвинению КАРИНА Федора Яковлевича, 1896 года рождения, уроженца с. Суслены, бывш. Бессарабской губернии, еврея, гражданина СССР, в прошлом члена ВКП (б) с 1919 года, до ареста — начальника 2 отдела Разведуправления РККА, арестованного НКВД СССР 16 мая 1937 года и осужденного в особом порядке 21 августа 1937 года к расстрелу.

Дело проверяется в связи с жалобой жены осужденного КАРИНОЙ С.А., ходатайствующей о его пересмотре.

НАШЕЛ:

КАРИН, как это видно из материалов дела, обвинялся в том, что с 1915 года являлся агентом германской, а с 1936 — польской разведок.

Обвинение КАРИНА в шпионской деятельности в пользу германской разведки основывалось на его личных признаниях, а обвинение в сотрудничестве с польскими разведорганами — на показаниях арестованных по другим делам СОСНОВСКОГО, ГУРСКОГО, ПОЛУЭКТОВА, ЦОНЕВА и ПАНКРАТОВА, полученных от них уже после ареста КАРИНА. Таким образом, к моменту ареста

КАРИНА органы НКВД никакими доказательствами его виновности не располагали. <...>

Проверкой по архивам КГБ при Совете Министров СССР и МВД СССР материалов о принадлежности КАРИНА к германской разведке и его связи с перечисленными лицами не установлено.

Главное разведывательное управление Генштаба Министерства Обороны СССР сообщило, что никаких данных о провале агентуры по вине КАРИНА не имеется и что большинство, якобы, выданной им немцам агентуры продолжало работать и после его ареста.

Это же подтвердили и свидетели ГУДЗЬ Б.И. и НОВИКОВА А.В., знавшие КАРИНА по совместной работе в Разведупре РККА.

Так, свидетель ГУДЗЬ, работавший заместителем у КАРИНА, на допросе 15 февраля 1956 года показал: "КАРИН очень серьезно относился к выполняемой работе в Разведупре по укреплению нашего заграничного аппарата опытными кадрами разведчиков. Он очень внимательно совместно с подчиненными ему работниками подбирал кандидатуры для переброски в те страны, в которых предстояло работать этим лицам, тщательно подготовлял легализацию перебрасываемых за границу работников, кропотливо и вдумчиво подходил к изготовлению документов для таких лиц с той целью, чтобы уберечь их от провалов".

Не нашла подтверждения в ходе проверки принадлежность КАРИНА и к разведорганам Польши. Так, ПАНКРАТОВ и ЦОНЕВ, показавшие на предварительном следствии о КАРИНЕ, как о польском разведчике, в суде от своих показаний отказались и виновными себя ни в чем не признали.

Показания же СОСНОВСКОГО, ГУРСКОГО и ПОЛУЭКТОВА о КАРИНЕ противоречивы, неконкретны и сомнительны в их достоверности. Так, СОСНОВСКИЙ, излагая обстоятельства вербовки КАРИНА для работы на польскую разведку, показал, что при встрече с ним КАРИН "по своей инициативе" начал вербовать его, СОСНОВСКОГО, "для явно шпионской деятельности", но затем оказался сам завербованным СОСНОВСКИМ.

ГУРСКИЙ о КАРИНЕ показал дословно следующее: "Я не знаю, был ли КАРИН формально завербован СОСНОВСКИМ, но пользовал его для польской разведки в широких масштабах".

По показаниям ПОЛУЭКТОВА, на основании которых он Л.187 в 1937 году был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР и которое он подтвердил в суде, КАРИН не проходит.

О КАРИНЕ имеются упоминания (и то косвенного порядка) в собственноручных записях ПОЛУЭКТОВА, которые приобщены к делу ПОЛУЭКТОВА лишь в 1940 году.

Лично сам КАРИН виновным себя в принадлежности к польской разведке не признал.

Из имеющихся в архивных личных делах на КАРИНА документов видно, что, работая с 1919 г. по 1934 г. в органах ВЧК-НКВД и затем в Разведуправлении РККА, он по службе характеризовался только положительно.

В 1925 году КАРИНЫМ, как указано в его аттестации, "был получен так называемый "большой стратегический план" — документ, определивший основное направление японской экспансии на материк на много лет вперед".

Положительные отзывы о деятельности КАРИНА в НКВД и Разведупре дали допрошенные по делу свидетели ГУДЗЬ, НОВИКОВ и ЗАХАРОВА-КИРСАНОВА.

Принимая во внимание вышеизложенное,

полагал бы:

Дело по обвинению КАРИНА Федора Яковлевича в соответствии со ст. 204 п. «б» УПК РСФСР прекратить.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ 1 ОТДЕЛА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР майор
(КУХАРЕВ)
«СОГЛАСЕН»
НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР.
Подполковник (МАЙОРОВ)».

5 мая 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР отменила решение Специальной комиссии от 21 августа 1937 года «за отсутствием состава преступления».

21 мая 1937 года Сталин проводил совещание в Кремле, на котором присутствовали Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов, Фриновский, руководитель Иностранного отдела ГУГБ НКВД А.А. Слуцкий, руководитель спецгруппы НКВД Я.И. Серебрянский, начальник Разведывательного управления РККА С.П. Урицкий и его заместители М.К. Александровский и А.М. Никонов. В своем выступлении Сталин, в частности, сказал:

«1. <...> Необходимо полностью учесть урок сотрудничества с немцами. Рапалло, тесные взаимоотношения — создали иллюзию дружбы. Немцы же, оставаясь нашими врагами, лезли к нам и насадили свою сеть. **Т. Берзин честный человек, но проглядел и со своим аппаратом попал в руки немцев** (здесь и выделено мной. — *М.А.*). <...>

5. **Сеть Разведупра нужно распустить, лучше распустить всю. Вызвать людей, присмотреться к ним и после тщательной проверки некоторых из них можно будет использовать в другом направлении, послать в другие места. Лучше иметь меньше; но проверенное и здоровое. Центральный аппарат должен состоять только из своих людей...»**

Для подобных заявлений должны были быть веские основания и НКВД их «представлял».

26 мая 1937-го был арестован состоявший в распоряжении Разведупра РККА полковой комиссар А.Б. Асков. С октября 1933-го по март 1937-го он находился в служебной командировке в Токио под прикрытием должности 1-го секретаря полпредства СССР.

«Асков, будучи арестован за принадлежность к японской разведке, на предварительном следствии виновным себя признал и показал, что по шпионской работе он был связан с МЕЛЬНИКОВЫМ, который его устроил на работу в Разведывательное управление РККА. В суде, однако, Асков виновным себя не признал, от показаний, данных им на предварительном следствии, отказался и заявил, что показания с признанием своей вины он дал на следствии в болезненном состоянии».

«Как показал МЕЛЬНИКОВ, он через АСКОВА передал японской разведке полные данные об агентуре Разведупра по Китаю, Маньчжурии, Ирану, Германии, Чехословакии и Америке, а также сведения о личном составе аппарата Разведупра.

Арестованный АСКОВ А.Б. на следствии по этому вопросу показал, что он по согласованию с МЕЛЬНИКОВЫМ выдал японской разведке резидента Разведупра в Шанхае — «Рамзай» и передал ряд сведений о работе Разведупра».

2 сентября 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР АСКОВ А.Б. был приговорен по обвинению в шпионской деятельности к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 6 декабря 1956 года.

С 1 по 4 июня 1937 года в присутствии членов Правительства состоялось расширенное заседание Военного Совета при Народном комиссаре обороны СССР. 2 июня на заседании выступил Сталин. Он говорил о разведке в широком и в узком смысле слова, вернее, об отсутствии разведки. И касались его слова как ОГПУ в целом, так и военной разведки, отрицательную оценку которой дал 21 мая: «Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также — в смысле хорошей организации разведки. **Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем** (выделено мной. — М.А.). Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши. Слишком большие победы одержали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников. <...> Вот Германия первая серьезно протягивает руку. Япония вторая — заводит своих разведчиков, имеет свое повстанческое ядро. Те хотят получить Приморье, эти хотят получить Ленинград».

26 июня был арестован начальник 2-го отдела Разведупра комбриг А.Ю. Гайлис (Валин). На допросе 28 июля он «сознался» в шпионаже в пользу Германии и Японии. Из Протокола допроса обвиняемого Валина (Гайлиса) (во всех протоколах первой значится фамилия «Валин», подлинная фамилия значится или в скобках, или через дефис) от 29 июля 1937 года:

«ВОПРОС. На допросе 28 июля Вы сознались в том, что являетесь немецким и японским шпионом. Расскажите подробно о Вашей шпионской деятельности?

ОТВЕТ. Прежде чем показать о моей шпионской деятельности в пользу Японии и Германии, я хочу следствию рассказать о том, как я стал на путь измены и предательства.

В сентябре 1923 года после окончания Военной академии я поступил в распоряжение Разведупра РККА. Начальником Разведупра в то время был Зейбот. Прибыв в распоряжение Разведупра, я был направлен на нелегальную работу в Германию совместно с целым рядом лиц, также окончивших военную академию и работавших в Разведупре. <...> Все мы прибыли в Герма-

нию с советскими паспортами, и там перешли на нелегальное положение; мы работали по провинциям в качестве военных инструкторов при областных комитетах компартии Германии.

Я попал в Саксонию и был военным инструктором при Саксонском комитете партии. В Саксонии я работал в подчинении ЖИГУРА, который был главным инструктором по средней Германии, т.е. Саксонии, Тюрингии и Галле-Мерзебург. Проработал я в Саксонии военным инструктором до ноября 1923 года.

В ноябре, будучи в Лейпциге, я по предложению члена ЦК ГКП ШНЕЛЛЕРА (ныне сидит в концлагере в Германии) вместе с ним выехали в гор. Кемниц для инструктажа военных работников Южной Саксонии.

В Кемнице по предложению партийного комитета и ШНЕЛЛЕРА мы выбрали место для собрания военных работников вне города Кемница, за городом в пивной.

В момент нашего собрания появились солдаты рейхсвера во главе с лейтенантом, окружили здание и арестовали всех присутствующих.

Меня отправили в тюрьму в Лихтенштейн. Всех немцев вскоре освободили, меня же оставили в тюрьме, как не имевшего паспорта. Меня допрашивал в полиции ЛИХТЕНШТЕЙНА полицейский чиновник. Во время допроса я рассказал подробно, что прибыл из СССР для специальной работы в качестве военного инструктора в компартии Германии. В результате длительного и резкого нажима на меня я здесь же в аппарате полицейского управления в г. Лихтенштейна был завербован для работы в германской разведке Рейхсвера. Завербовал меня офицер Рейхсвера, насколько я помню, КНИППЕР. В марте 1924 года меня перебросили в СССР, причем переброска произошла при следующих обстоятельствах.

Меня из тюрьмы освободили, я через посольство в СССР в Берлине получил паспорт и на пароходе от порта Штетина до Ревеля доехал на немецком пароходе, а из Ревеля до Ленинграда — поездом.

При отъезде из Германии я получил от офицера Рейхсвера специальные указания о том, что со мой немцы свяжутся в Москве через своего агента по паролю. Паролем должна была служить моя кличка «Фогел», установленная при вербовке. Задание я получил следующее: — главным образом, освещать состояние Красной Армии и укрепиться в Разведывательном Управлении РККА. <...>

ВОПРОС. Где Вы работали после приезда в СССР?

ОТВЕТ. После приезда из Германии я был назначен начальником сектора в информационном отделе Разведывательного Управления РККА. Спустя 8 месяцев я вновь был командирован в Германию в качестве военного инструктора при ЦК Компартии Германии. <...>

ВОПРОС: — Что же Вы сообщили представителям разведки Рейхсвера о военке ЦК КПГ?

ОТВЕТ: — Я передал подробную дислокацию, состав руководства боевых отрядов компартии Германии, разбросанных по областям Германии, места хранения оружия этих отрядов и подробности подготовки всех планов на случай вооруженного выступления.

ВОПРОС: — Откуда Вам были известны все эти планы и мероприятия военки ЦК КПГ?

ОТВЕТ: — Я был полностью в курсе всех военных дел, всех мероприятий, планов ЦК КПГ, по вопросам организации боевых отрядов ("Орднердинст"), так как сам находился в руководстве этим делом. <...>

ВОПРОС: — Когда Вы выехали из Германии?

ОТВЕТ: — Из Германии я выехал в СССР в марте 1926 года в связи с тем, что меня вызвал Разведупр в Москву на новую работу.

ВОПРОС: Какую работу?

ОТВЕТ: — Секретарь комиссии по китайскому вопросу при РВС СССР (председателем комиссии был УНШЛИХТ) ЛОНГВА был назначен военным атташе в Китай; в связи с этим я был назначен секретарем вместо него.

ВОПРОС: — Какое задание Вы получили от германской разведки, уезжая в СССР?

ОТВЕТ: — Разведка Рейхсвера через обер-лейтенанта БЕРНГАРТ поставила мне задачу освещать состояние Красной армии, особо тщательно и регулярно держать в курсе работы Разведывательного Управления, его агентуры за рубежом всех мероприятий соввласти по китайскому вопросу. Было условлено, что со мною в Москве свяжется представитель разведки Рейхсвера — майор запаса Рейхсвера НИДЕРМАЙЕР. Для этого я дал БЕРНГАРТУ свой домашний адрес в Москве и телефон. БЕРНГАРТ мне дал адрес в Москве НИДЕРМАЙЕРА.

ВОПРОС: — Как Вы связались с НИДЕРМАЙЕРОМ?

ОТВЕТ: — Приехал в Москву и приступив к работе в секретариате УНШЛИХТА, я узнал, что УНШЛИХТ и его секретариат имеют официальные отношения к вопросам военного сотрудничества с Рейхсвером, — представителями которого в Москве являлись полковники ТОМСОН и майор НИДЕРМАЙЕР. Установив связь с НИДЕРМАЙЕРОМ, я имел возможность встречаться с ним по работе совершенно официально у себя в комнате в секретариате УНШЛИХТА. Здесь я и передавал ему различные материалы шпионского порядка; а позже, в связи с моим переходом на работу в отдел внешних сношений, я продолжал встречи с НИДЕРМАЙЕРОМ в отделе внешних сношений и других местах, каждый раз обуславливая время и место встречи.

ВОПРОС: — Какие материалы Вы передали германской разведке?

ОТВЕТ: — В этот период разведке Рейхсвера мною было передано много различных материалов о состоянии Красной армии по разнообразным вопросам, перечислить все эти материалы я сейчас просто не могу.

Наиболее важными материалами, характеризующими состояние Красной Армии, были следующие: о санитарной службе и состоянии артиллерии и техники, об авиации, о подводном флоте и другие.

ВОПРОС: — Как долго продолжалась Ваша связь с НИДЕРМАЙЕРОМ?

ОТВЕТ: — Моя связь с НИДЕРМАЙЕРОМ продолжалась до 1929 года. Меня назначили в Калугу командиром батальона, а затем командиром полка 81 стрелк. дивизии: там я пробыл до середины 1930 г. <...>

ВОПРОС: — Где Вы работали в дальнейшем?

ОТВЕТ. В 1930 году меня срочно вызвали в Москву в Разведупр, и я был послан в Китай (Шанхай) в качестве военного советника при ЦК Китайской компартии.

ВОПРОС: — Уезжая в Китай, от кого и какие задания Вы получили, как агент немецкой разведки?

ОТВЕТ: — Приехав в Москву, я НИДЕРМАЙЕРА не видел, так как он находился в Германии, в связи с этим я специальных указаний от немцев не получал.

ВОПРОС: — Назовите всех известных Вам немецких шпионов?

ОТВЕТ: — Как в Берлине, так и в Москве со мною держали связь только те представители разведки Рейхсвера, о которых я показывал. Они не привлекали для связи других лиц. Но мне известно, что бывший начальник отдела внешних сношений БУДКЕВИЧ, был также связан с НИДЕРМАЙЕРОМ. БУДКЕВИЧ был в курсе части материалов, передаваемых мною НИДЕРМАЙЕРУ.

ВОПРОС: — Когда Вы уехали в Китай? В каких районах Китая Вы работали?

ОТВЕТ: — Я уехал в Китай в начале августа 1930 года. Работал я исключительно в Шанхае.

В Китае я находился с августа 1930 года до конца апреля 1931 года.

ВОПРОС: — А как, будучи в Китае, Вы продолжали связь с разведкой Рейхсвера?

ОТВЕТ: — Я был поставлен в тяжелое нелегальное положение в Шанхае; в таком же положении было и мое окружение из состава Дальневосточного бюро Коминтерна. Все это не позволяло мне иметь связь с немцами.

ВОПРОС: — А когда Вы связались с японцами?

ОТВЕТ: — В это время в Китае с японцами я ни имел никакой связи.

Установление моей связи с японской разведкой относится к 1932 году. Я прошу подробности об этом мне разрешить изложить отдельно, как особый этап моей шпионской деятельности и тех лиц, которые были связаны со мной по этой работе для японцев. Сейчас я хочу продолжить мои показания о моем пребывании в Москве и Харбине.

Я прибыл в Москву из Китая в апреле 1931 г., и был назначен начальником отделения Разведупра, где и проработал до декабря 1931 года.

ВОПРОС: — Как Вы восстановили в это время связи с немцами?

ОТВЕТ: Я договорился с НИДЕРМАЙЕРОМ, в целях обеспечения меня от провала никого ко мне от Рейхсвера не присылать, имея в виду, что в случае перерыва связи, я, как работник Разведупра, сам найду пути связи с немецкой разведкой.

В декабре 1931 года я вновь был командирован в Харбин в качестве резидента Разведупра. Пробыл я в Харбине до июля 1932 года. После этого я был назначен начальником разведывательного отдела ОКДВА. <...>

ВОПРОС. С какого же времени Вы являетесь агентом японской разведки? Кто и где Вас завербовал?

ОТВЕТ. В 1932 году после моего назначения начальником разведывательного отдела ОКДВА, я переехал на постоянное жительство в Хабаровск. Это было, приблизительно, в декабре 1932 г. Однажды ко мне на квартиру вечером явился китаец, заявивший, что он хочет иметь со мной особо секретный разговор. У меня в квартире, в отдельной комнате, он заявил мне, что является агентом японской разведки и пришел по поручению японского консула в Хабаровске, фамилия коего .... Консул мне сообщает, что я, как агент немецкой разведки, и по поручению последней, передаюсь на связь японской разведке. Тут же китаец, впоследствии оказавшийся сотрудником японского консульства ЦАЙ, назвал мою кличку, как агента немецкой разведки «Фогел». Убедившись в том, что японцам известно мое сотрудничество с немцами, я дал согласие на связь и сотрудничество с японской разведкой. Тут же я

договорился с ЦАЕМ о том, что связь с японской разведкой буду поддерживать через него. <...>

ВОПРОС. Что Вы передали японской разведке?

ОТВЕТ. Период моего сотрудничества с японской разведкой большой, около четырех лет. Вспомнить все подробно я не в состоянии. Основные документы и сведения, которые за этот период я передал японской разведке, таковы:

1. Все дислокационные данные с последующими изменениями всех войск и учреждений ОКДВА и укрепленных районов.

2. Материалы, характеризующие состояние, в том числе, и политико-моральное войск ОКДВА.

3. Материалы по отдельным вопросам: авиации, артиллерии, техники, танковых войск, связи и друг.

4. Материал с дислокацией об укрепрайонах ДВК. ... ».

Из Протокола допроса обвиняемого Валина (Гайлиса) от 5-7 августа:

«ВОПРОС. В каких областях еще было проведено предательство?

ОТВЕТ. Вредительство было проведено в разработке РУ РККА оперативных вопросов по японской армии. Начиная с 1932 года по настоящее время, в этом вопросе проводится вредительство, направленное к дезориентировке командования РККА.

Комдив НИКОНОВ, являющийся заместителем начальника РУ по информации, принимал в этих работах непосредственное участие; он руководил составлением этих работ. Кроме НИКОНОВА, непосредственное участие в составлении вредительских разработок принимали комбриг ПАНОВ, полковник ПОКЛАДОК, полковник ФЕДОРОВ и СМАГИН, которые работали под руководством комдива НИКОНОВА.

Смысл этих вредительских разработок заключается в том, что в период 1932-1934 гг., когда японская армия была слаба, но бряцала оружием против СССР, в разработках показывалась большая сила японской армии. В таком духе составлены справочник 1932 года и мобилизационная записка по японской армии.

Когда же японская армия, действительно, усилилась (период 1935—37 гг.), закончила, в основном, перевооружение и весьма мощно оборудовала маньчжурско-корейский плацдарм, тогда оперативные работники РУ РККА, направляемые НИКОНОВЫМ, уменьшали мобилизационные возможности японской армии, удлиняли сроки сосредоточения и уменьшали емкость операционных направлений. Таковы мобилизационные записки 1935 и 1937 гг.

ВОПРОС. Что Вам известно о СМАГИНЕ?

ОТВЕТ. Я знаю, что СМАГИН после возвращения из Японии, где был пом. военного атташе при ПРИМАКОВЕ, составил дезориентирующий командование РККА справочник по японской армии. Этот справочник напечатан РУ РККА в секретном издании и как официальный документ РУ разослан по всем частям и учреждениям РККА. По японской армии это был единственный справочник, которым пользовались все.

ВОПРОС. В чем же конкретно выражалось вредительство при составлении этого справочника?

ОТВЕТ. В справочнике указывается наличие в японской армии двух категорий дивизий — литер «А» и литер «Б». На самом же деле в японской армии

никогда таких литерных дивизий не было. Японская дивизия военного времени была и остается сейчас однородной, без деления на литера. Вредительство заключалось еще и в том, что СМАГИН в 1932 году (год издания справочника) сильно преувеличил мощь японской дивизии, что в то время соответствовало целям японского командования. Известно по документальным данным, что японцы в то время всячески выпячивали свою силу. Справочник СМАГИНА выполнял в этом отношении задачи японцев. Реальная сила японцев в целом и, в частности японская дивизия, была несравненно меньше чем сейчас».

Между тем Смагин был безусловно прав, указывая наличие в японской армии двух категорий дивизий — литер «А» и литер «Б». Случай с Гайлисом-Валиным — пример того, как по показаниям одного человека проводились аресты десятков людей, большая часть которых начинала давать признательные показания, оговаривая при этом новых лиц. А.Ю. Гайлис (Валин), приговоренный к расстрелу и расстрелянный в тот же день, 26 октября 1937 года, был реабилитирован 1 июня 1957-го.

Весной 1937 года следователи НКВД «раскручивали» дело «Польской организации войсковой», якобы действовавшей на территории Советского Союза. Арестовывали поляков, служивших в РККА, выбивали показания о принадлежности к организации и к работе на польскую разведку, требовали назвать соучастников. Арестованные, не выдерживая пыток, называли имена тех, с кем работали, с кем воевали на фронтах Гражданской. Фамилия Боровича как члена «ПОВ» появилась в показаниях арестованных сотрудников разведки, и участь дивизионного комиссара была предрешена.

«Мемо от 29.6.37: Рамзай отправил сообщение с указанием, что они все выражают глубочайшую симпатию ......(пропуск в тексте меморандума. — *М. А.*) и считают, что мобилизация всей партии на борьбу с диверсантами и врагами народа, партии и ее вождей — раздавит врагов раз и навсегда».

5 мая приказом наркома обороны Союза ССР по личному составу армии № 00106 «Заместитель начальника 2 отдела Разведывательного Управления РККА дивизионный комиссар БОРОВИЧ Лев Александрович освобождается от занимаемой должности и увольняется в запас РККА по статье 43 пункт "Б" Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА».

Статья 43 пункт «Б» — «в аттестационном порядке по служебному несоответствию».

В июне заместитель заведующего отделением ТАСС в Шанхае «Лидов» был отозван из зарубежной командировки. 7 июля он прибыл в Москву, а 11 июля был арестован.

«С П Р А В К А

БОРОВИЧ, Лев Александрович, 1896 г.р., ур. г. Киева, член ВКП/б/ с 1919 года, гр-н СССР, Зам. Нач. Отдела Разведупра РККА, дивизионный комиссар. Проживает: Столешников п., д.8, кв.11.

Показаниями арестованных по делу польской военной организации «ПОВ» — СТАШЕВСКОГО, БОРТНОВСКОГО-БРОНКОВСКОГО и ЖБИКОВСКОГО установлено, что БОРОВИЧ является агентом польской разведки.

БОРОВИЧ Л.А. подлежит аресту.

ЗАМ НАЧ 3 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
КОМИССАР ГОСУД БЕЗОПАСН. 3 РАНГА: /МИНАЕВ/

19 июля 1937 г.».

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМ. ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
ЕЖОВУ

На первом допросе (13 июля. — *М.А.*), когда мне было предъявлено обвинение в шпионской деятельности, я решил сознаться в том, что был вовлечен в шпионскую работу и выполнял задания.

Сознавая величайшее преступление, совершенное мною перед партией и Советской властью, прошу, однако, поскольку это возможно, дать мне возможность хоть частично искупить свою вину работой в указанном Вами направлении.

В первую очередь обязуюсь самым подробнейшим образом сообщить все мне известное, дав об этом показания.

14.7.37. БОРОВИЧ».

Из Протокола допроса арестованного Борович-Розенталь Льва Александровича от 19—20 июля 1937 г.:

«ВОПРОС. Какие задания Вы получили от ШТЕЙНБРЮКА при Вашем отъезде в Китай в 1936 году?

ОТВЕТ. **Перед моим отъездом в КИТАЙ ШТЕЙНБРЮК сообщил мне, что в сети Разведупра в Китае и Японии имеются следующие агенты германской разведки:**

1) ЗОРГЕ (РАМЗАЙ), по словам ШТЕЙНБРЮКА, давно работает в германской разведке.

2) ШТЕЙН Гюнзер (Гюнтер. — *М.А.*) (Густав).

3) «Коммерсант» (кличка) (выделено мной. — *М.А.*). Фамилию последнего легко установить в Разведупре.

Мне следовало обеспечить их дезинформационную работу.

Обо мне как об агенте германской разведки они ничего, по словам ШТЕЙНБРЮКА, не знали и знать им не следовало.

Допрос прерывается.

Протокол мною лично прочитан, записан с моих слов правильно.

БОРОВИЧ-РОЗЕНТАЛЬ».

В обвинительном заключении по делу Боровича, в частности, говорилось:

«Расследованием по делу установлено, что БОРОВИЧ:

1. Являлся агентом 2-го Отдела Польглавштаба с 1920 г., будучи завербован туда БОРТНОВСКИМ (арестован) и с 1928 г. являлся агентом германской военной разведки, куда был завербован офицером германского рейхсвера НИДЕРМАЙЕРОМ.

2. Будучи начальником пограничной гомельской резидентуры Разведупра РККА, переправлял из Польши в СССР агентов польской разведки, имевших задания шпионского и террористического характера, которых снабжал документами и деньгами и помогал им устраиваться на работу и оседать в СССР.

3. Работая в Берлинской резидентуре Разведупра РККА под руководством польских шпионов СТАШЕВСКОГО и БОРТНОВСКОГО (оба арестованы) связался с подполковником 2-го отдела Польглавштаба ГРОБОВСКИМ, от которого получал специальные дезинформационные материалы для пересыл-

ки их в СССР и передавал последнему сведения о работе Берлинской резидентуры и материалы, получаемые от последней.

4. Будучи секретарем делегации Коминтерна в Германии в 1923 году, передавал в польскую разведку все материалы о польско-германских отношениях, которые специально интересовали 2-й отдел Польглавштаба.

5. Будучи завербован в 1928 году в германскую разведку офицером германского рейхсвера НИДЕРМАЙЕРОМ, БОРОВИЧ передал ему секретный материал о состоянии Красной армии и, в свою очередь, получил от НИДЕРМАЙЕРА материал о состоянии чехословацкой армии для передачи в польскую разведку. Этот материал БОРОВИЧ передал подполковнику ГРАБОВСКОМУ.

6. По приезде в 1930 году в Москву БОРОВИЧ был связан по линии германской разведки со ШТЕЙНБРЮКОМ — (арестован), а по линии польской разведки с БОРТНОВСКИМ, причем БОРОВИЧ поступив на работу в Главхимпром за это время передал ШТЕЙНБРЮКУ и БОРТНОВСКОМУ материалы о положении химической и о работе научно-исследовательского химического института, а поступив на работу в середине 1932 г. к РАДЕКУ в качестве его секретаря в Бюро Международной информации при ЦК ВКП (б) БОРОВИЧ передавал все материалы этого бюро как ШТЕЙНБРЮКУ, так и БОРТНОВСКОМУ.

7. Перейдя в 1936 году вновь на работу в Разведупр и получив командировку в Китай, БОРОВИЧ связался там по явке ШТЕЙНБРЮКА с агентами германской разведки ЗОРГЕ, ШТЕЙНОМ, «Коммерсантом» (кличка), которыми он руководил.

БОРОВИЧ изобличается в своей шпионской и изменнической деятельности показаниями СТАШЕВСКОГО, БОРТНОВСКОГО, ШТЕЙНБРЮКА, ИЛЬКА.

Полностью сознался.

На основании вышеизложенного БОРОВИЧ Лев Александрович, 1896 г. р., урож. гор. Лодзь (Польша), сын Лодзинского текстильного фабриканта, до ареста зам. нач. 2-го Отдела Разведупра РККА, в звании дивизионного комиссара, быв. член ВКП (б) с 1918 года —

Обвиняется в том, что, состоя на военной службе в РККА, он был завербован в 1920 г.в качестве агента польской разведки и в 1928 г. в германскую военную разведку и передавал шпионские материалы в эти разведки, будучи связан с официальными представителями этих разведок <...> т.е. по ст. 58,1 — 6 и 17-58-8 УК РСФСР. <...>

Вещественных доказательств по делу нет».

25 августа 1937 года состоялось закрытое заседание Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, которое длилось всего 20 минут. Лев Александрович Борович (в приговоре ошибочно указано отчество «Антонович»), бывший заместитель начальника 2-го Отдела Разведупра РККА, дивизионный комиссар, был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, и приговор был приведен в исполнение в тот же день. Боровича реабилитировали 17 ноября 1956 года.

1 августа положение в Разведупре в связи с разоблачением «врагов народа» обсуждалось на Политбюро. Было принято решение: «Освободить Я.К. Берзина от обязанностей начальника Разведывательного управления РККА с оставлением его в распоряжении Наркомата Обороны». По инициативе Сталина Ежову поручалось «установить общее наблюдение за работой Разведупра, изучить состояние работы, принимать — по согласованию с наркомом — неотложные оперативные меры, выявить недостатки Разведупра и через 2

недели доложить ЦК свои предложения об улучшении работы Разведупра и укреплении его свежими кадрами»[15]. В этом же решении Политбюро временное исполнение обязанностей начальника военной разведки возлагалось на комдива А.М. Никонова, который с декабря 1934 года являвшегося заместителем начальника Разведупра. Это был один из старейших сотрудников Управления. Пришедший в военную разведку в 1921 году, Никонов прошел все ступени служебной карьеры — от помощника начальника отделения до заместителя начальника управления. Его связывали тесные дружеские отношения с Берзиным. А потому Ежов, продолжая «чистку» Разведупра, предоставил Сталину компрометирующие материалы и на Никонова, в том числе справку о том, что замначальника Разведупра передал Тухачевскому материалы о Вооруженных силах Польши и Германии, которые тот не вернул. Факт ознакомления заместителя наркома обороны с материалами об иностранных армиях не содержал в себе ничего подозрительного. Но в ситуации, когда высший военный состав РККА обвинялся в передаче разведкам иностранных государств различных секретных материалов, такого рода сведения служили благоприятным фоном для усиления шпиономании. Сталин поддержал Ежова: «На основе показаний арестованных полагаю, что его в Разведупре держать и одного дня нельзя». 5 августа Никонов был арестован[16].

7 августа 1937 года в Хабаровске арестовали начальника Разведотдела ОКДВА полковника М.К. Покладок.

«Начальнику Управления НКВД по Дальневосточному Краю
Арестованного Начальника РО ОКДВА полковника
ПОКЛАДОК

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я член нелегальной троцкистской организации и агент японского Генштаба. Я был завербован в троцкистскую организацию в конце 1928 года НИВИНСКИМ — слушателем Востфака Военной Академии РККА, который использовал мои отдельные мелкие недовольства и убедил меня в необходимости стать на путь борьбы против Соввласти, доказывая неизбежность борьбы за демократию против диктатуры. НИВИНСКИЙ являлся скрытым троцкистом и окончательно был разоблачен только в 1936 году.

В 1930 г. я по рекомендации НИВИНСКОГО выехал в Японию, где до лета 1932 года был на стажировке в 61 пех. полку. Военным атташе в Японии в то время был ПРИМАКОВ, который с первого дня моего приезда принял во мне особое участие: внимательность, мягкость, предупредительность и готовность оказать услугу в самой мелочи характеризовали его отношение ко мне. По-видимому, ему уже было известно мое согласие работать в организации. Таким же отношением отличался и КУЗЬМИЧЕВ. Насколько я понял из окружающей обстановки в Токио в то время (1930—31 гг.) уже существовала крепко сколоченная троцкистская организация, возглавляемая ПРИМАКОВЫМ; в нее входили, кроме ПРИМАКОВА, РОММ, ПАНОВ, НИВИНСКИЙ, КУЗЬМИЧЕВ, КОНСТАНТИНОВ и другие. В частности, **я подозреваю, что в нее входил и РАМЗАЙ, который в то время находился в Шанхае, прибыл в Токио в 1933 г. РАМЗАЙ был рекомендован в РУ РККА РАДЕКОМ** (выделено мной. — *М.А.*). Так как до ПРИМАКОВА в Токио был ПУТНА, то наиболее вероятно, что организация была первоначально создана ими, а развита и укреплена ПРИМАКОВЫМ. За время пребывания в Японии я дал ряд материалов

по радиосвязи, тактики связи, политико-моральном состоянии РККА (этим очень интересовались японцы) и др. Материалы я сначала передавал лично ПРИМАКОВУ, а после его отъезда командиру 3 батальона майору МУГИКУРА и переводчику СИМАМУРА. Отсюда я делал вывод, что ПРИМАКОВ был тесно связан с японским генштабом, а последний установил связь со мной непосредственно через офицеров 61 п. Полка (МУГИКУРА). В августе 1930 г., перед своим отъездом в СССР, ПРИМАКОВ был у меня в ВАКАЯМЕ и предупредил меня, что я могу довериться МУГИКУРА.

Из Японии я вернулся в СССР в 1932 году и имел явку к СМАГИНУ — замнач. III Отдела РУ РККА. До этого в течение 4-х лет СМАГИН был пом. военного атташе в Токио. СМАГИН является старым японским разведчиком еще с 1920 г., когда он находился в Хабаровске, оккупированном японцами. Во время работы в РУ РККА я по шпионской линии был связан со СМАГИНЫМ, ПАНОВЫМ, КАРИНЫМ.

В апреле 1937 г. я был командирован на Дальний Восток на должность начальника РО ОКДВА; мою кандидатуру выдвигали КАРИН и БОГОВОЙ; последний провожал меня в Москве на станции. Перед отъездом в Хабаровск из отдельных отрывочных мест разговора БОГОВОГО и КАРИНА я понял, что весь Разведотдел ОКДВА во главе с руководителем ВАЛИНЫМ и основными работниками ВИШНЕВЕЦКИМ, НАЗАРОВЫМ, ЛАВРЕНОВИЧ, СИБНЕВЫМ и другими целиком и полностью захвачен в руки японских разведывательных органов.

Прибыв на место в Хабаровск, я после изучения всей работы узнал:

а) что основные резидентуры РО перевербованы японцами и работают на японцев (СИБИРЦЕВ, МАТВЕЕВ);

б) что резиденты этих резидентур являются главными вербовщиками, которые выбрасывают большое количество японских агентов, расселяемых на территории ДВК, и, с другой стороны, за границей они вербуют сеть, которую в нужный момент японцы используют для провокаций против СССР, террор, диверсия;

в) что РО ОКДВА и его органы являются основным каналом связи с японскими разведорганами для руководства военно-троцкистсткими организациями в ОКДВА (Сангурский, Аронштам и другие) и

г) что по заданиям японского генштаба ВАЛИНЫМ, ИЛЬЯШЕНКО, НАЗАРОВЫМ, СИДНЕВЫМ и другими работниками ОКДВА производятся систематические расправы-убийства без суда и следствия над преданными соввласти агентами РО ОКДВА. За последние 3 года таким образом было уничтожено несколько десятков человек.

Посылая меня в ОКДВА вместо ВАЛИНА, БОГОВОЙ и КАРИН дали мне установку покрывать всю преступную деятельность ВАЛИНА и других в ОКДВА и сохранить всю систему работы РО в пользу Японии и, главным образом, сохранить РО как канал связи с японцами в мирное и, особенно, в военное время.

Откровенные показания дам на очередном допросе.

ПОКЛАДОК

17 августа 1937 г.

Настоящее заявление мною написано в присутствии капитана государственной безопасности ХОРОШИЛКИНА.

ПОКЛАДОК

17 августа 1937 г.».

Из Протокола допроса арестованного от 7 апреля 1938 года:

«...В июне 1932 года закончился срок моей стажировки, и я уехал из Японии в СССР.

ВОПРОС. Выше вы показали, что в 1931 году Вы связались с германским шпионом ЛЕЙФЕРТ[17]. При каких обстоятельствах это произошло.

ОТВЕТ. В конце 1931 года, во время моего приезда по делам в Токио, я случайно столкнулся с ЛЕЙФЕРТ, который тогда служил секретарем военно-морского атташе.

Разговорившись с ЛЕЙФЕРТ, я ему рассказал о своем знакомстве в 1918 году с майором германской службы МЮЛЛЕРОМ и на настойчивые вопросы ЛЕЙФЕРТ я сообщил ему об имевшейся у меня явке от МЮЛЛЕРА именно к нему. От ЛЕЙФЕРТ я тогда узнал, что он по заданиям германской разведки примерно с 1922 г. находился на Дальнем Востоке, а в 1926 г. уехал в Японию, где проводит какую-то особо важную работу в пользу Германии. **Мне известно, что ЛЕЙФЕРТ имел обширные связи среди японцев и иностранцев в Токио, близко стоял к германскому военному атташе в Токио и держал связь с резидентом РУ РККА в Шанхае немцем РИХАРДОМ ЗОРГЕ, работавшим под кличкой «Рамзай»** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). ЛЕЙФЕРТ мне говорил, что выполняемое им поручение германской разведки близится к концу и что поэтому он скоро выедет в СССР. В связи с тем, что в 1932 году и я должен был вернуться в СССР, мы договорились встретиться в Москве, где я обещал возобновить шпионскую работу в пользу Германии.

ВОПРОС. Когда именно Вы возобновили свою шпионскую работу в пользу Германии?

ОТВЕТ. Вернувшись летом 1932 года из Японии, я был назначен начальником 7 отделения РУ РККА. В конце 1932 года прибыл в Москву и ЛЕЙФЕРТ А.А., который по моей просьбе был назначен моим помощником. С этого времени я возобновил свою шпионскую работу в пользу Германии, периодически передавая ЛЕЙФЕРТ ряд копий особо важных секретных документов, направленных им в германские разведорганы.

ВОПРОС. Какие документы были Вами пересланы в германскую разведку?

ОТВЕТ. За давностью я не в состоянии перечислить всю документацию, пересланную мной германской разведке. В разное время посылались мною копии отдельных докладов, получаемых от зарубежных резидентов РУ РККА и сведения о состоянии зарубежной агентуры РУ РККА, подведомственной 7 отделению. В частности, я хорошо помню, что за период 1934—1936 года я по заданию АРТУЗОВА и КАРИНА составлял 5 или 6 схем с пояснительными записками о состоянии агентурных точек РУ РККА в Японии, Корее и Шанхае, копии которых я также передавал ЛЕЙФЕРТ, для пересылки в Германскую разведку. Кроме того, в отдельных случаях я по заданию германской разведки устраивал перемещения отдельных резидентов РУ РККА за границей, с одного пункта на другой.

Так, например, **в 1933 году, после перевода ЛЕЙФЕРТ из Токио в СССР, я через последнего получил задание германской разведки устроить перевод резидента РУ РККА в Шанхае немецкого шпиона Рихарда ЗОРГЕ («Рамзай») в качестве резидента в Токио. Это мне удалось провести сравнительно легко, так как этот перевод я удачно маскировал тем, что «Рамзай» в Шанхае фактически был уже расшифрован как советский агент.** Впоследствии мне стало известно, что «Рамзай» в Токио вращался исключительно в не-

мецких дипломатических кругах, был непосредственно связан с германским военным атташе полковником ОТТ, германским послом и главой германских фашистов в Токио ВЕЙЗЕ, который укрывался под маркой журналиста.

Я знал, что информация, поступавшая от «Рамзая» в РУ РККА, была явно дезинформационной. Даже тогда, когда немцы и японцы обменялись проектами, так называемого антикоминтерновского договора, «Рамзай» в своих сообщениях доказывал невозможность японо-германского соглашения. Был и другой пример, когда «Рамзай» прислал 7 страниц доклада германского военного атташе в Японии о японской армии, заверяя, что на этих 7 страницах весь доклад изложен полностью. Вскоре по другой линии уже из Берлина был прислан в РУ РККА полный доклад на 40 страницах, причем при сличении первые 7 страниц были точной копией, присланных «Рамзаем». Это является явным доказательством того, что «Рамзай» посылал в РУ РККА только то, что ему давали сами немцы для дезинформации.

ВОПРОС. Что Вам еще известно о «Рамзае»?

ОТВЕТ. Со слов ЛЕЙФЕРТ мне стало известно, что «Рамзай» был рекомендован на работу в РУ РККА РАДЕКОМ. В Берлине у «Рамзая» имеются жена и отец, у которых в 1927 году останавливался БУХАРИН во время своей поездки в Германию. <...>

ВОПРОС. Вы имели организационную связь с военно-троцкистской организацией в РУ РККА?

ОТВЕТ. Да, конечно. В 1933 году, по явке ПРИМАКОВА, полученной мною еще в Японии, я связался организационно с Зам. Нач. инфотдела РУ РККА СМАГИНЫМ. О СМАГИНЕ мне было известно со слов ПРИМАКОВА и от самого СМАГИНА, что он во время японской интервенции на ДВ находился в Хабаровске и тогда еще был привлечен к японскому шпионажу. В 1931 году СМАГИН, по прямому заданию японцев, составил дезинформационный доклад с явно ложной версией о двух типах японской дивизии и с явным преувеличением технического оснащения японской армии.

Это было выгодно тогда японцам, т. к. в связи с начатой ими авантюрой в Китае, японцы нуждались в преувеличении своей мощи в глазах европейских стран и СССР. Аналогичную дезинформационную работу СМАГИН проводил в докладах и справках, составленных для НКО и Генштаба РККА. <...>

ВОПРОС. Назовите известных вам участников организации в РУ РККА?

ОТВЕТ. В разное время, со слов, главным образом СМАГИНА, мне стало известно, что в военно-троцкистской организации участвуют т занимаются шпионской работой следующие работники РУ РККА:

ЯНОВ — пом. нач. РУ РККА, кадровый троцкист.

КАРИН — нач. 2 отдела РУ.

ГУДЗЬ — пом. нач. 2 отдела РУ, работавший несколько лет в Японии.

БОРОВИЧ — пом. нач. 2 отдела РУ, быв. секретарь РАДЕКА, ранее работавший резидентом РУ в Шанхае.

ПАНОВ — зам. нач. 2 отдела РУ, кадровый троцкист, работавший с 1930 по 1933 г. в Токио.

РИММ, К. — нач. отделения 2 отдела, быв. резидент в Шанхае, близкий друг «Рамзая».

БОГОВОЙ — нач. Отдела РУ РККА, активный троцкист, работавший в разных капиталистических странах.

В 1937 году, в апреле месяце, в связи с назначением меня на должность Нач. РО ОКДВА, перед моим выездом в ДВК со мной организационно связался БОГОВОЙ, который и информировал меня о существовании в РО ОКДВА японо-шпионской резидентуры, созданной ВАЛИНЫМ. БОГОВОЙ и дал дальнейшие инструкции.

ВОПРОС. К чему сводились эти инструкции?

ОТВЕТ. БОГОВОЙ мне предложил полностью сохранить и всячески оберегать от разгрома зарубежную агентурную сеть и кадры РО ОКДВА, созданные ВАЛИНЫМ. Он предупредил меня, что почти вся агентура и кадры РО захвачены в руки японской разведки, что в Разведотделе ОКДВА фактически японцы являются хозяевами.

БОГОВОЙ назвал мне при этом следующих участников японо-шпионской резидентуры в РО ОКДВА, с каждым из которых и с подрывной работой которых я впоследствии познакомился лично:

Зам. Нач. РО ВИШНЕВЕЦКИЙ — организатор дезинформации командования о состоянии японо-маньчжурского плацдарма, оборонных объектов и частей противника. Я знал его еще по Японии как японского шпиона, лично связанного с японским генштабом.

Зам. Нач. Инф. Отд. РОЗАДОВСКИЙ — непосредственный помощник ВИШНЕВЕЦКОГО по составлению ложных описаний маршрутов, аэродромов (например, в Бамянтуне), укрепрайонов (например, в Пограничной и Дунине). <...>

Нач. агент. Отд. РО НАЗАРОВ — засорил зарубежную агентурную сеть двойниками, саботировал создание сети на военное время, занимался очковтирательством и фальсификацией в агентурной работе.

Пом. Нач. РО по радио разведке КАРМАНОВ совершенно не руководил работой радио-развед. дивизионов, разбазаривал и не создавал новые кадры радио-разведчиков, засорил аппараты радиоразведки враждебными совласти элементами. Японский шпион, о чем я узнал от него самого и от ВИШНЕВЕЦКОГО.

Нач. технич. Бюро РО ШИРОКОВ — совершенно развалил работу технической части, саботировал техническую подготовку зарубежных агентов.

Подрывная деятельность японо-шпионской резидентуры в РО ОКДВА в основном сводилась по информации, сделанной мне БОГОВЫМ и ВИШНЕВЕЦКИМ, и по личным моим наблюдениям по прибытию на ДВК к провалам зарубежной агентуры и созданию условий для перевербовки последней японцами; (в 1936—37 г. было провалено свыше 100 агентов в Корее и Маньчжурии); к физическому истреблению преданной соввласти агентуры, не поддавшейся перевербовке японцами. За несколько лет убито около 50 таких агентов; к вербовке двойников для организации провокации за рубежом; расселению и легализации на жительстве в СССР японских шпионов и диверсантов, под видом так называемой усиливающей сети на военное время.

ВОПРОС. Дайте показания о Вашей лично шпионско-подрывной работе в ДВК?

ОТВЕТ. К моменту моего приезда на Дальний Восток органы НКВД имели уже выход на японскую резидентуру в Разведотделе ОКДВА и производили аресты. В связи с этим основная задача, данная мне БОГОВЫМ, сводилась к тому, чтобы я всеми мерами и средствами, сохранил, оградил от арестов созданные японцами и ВАЛИНЫМ японо-шпионские кадры и сохранил бы разведотдел как основной канал связи находящихся на Дальнем Востоке япон-

ских шпионов с органами японской разведки. Я имел также задание от БОГОВОГО вербовать новых японских шпионов и расставлять их на основных пунктах разведотдела и его периферии.

Из этих установок БОГОВОГО мне ничего не удалось выполнить, так как через три месяца после приезда в ОКДВА я был арестован. Проведенные мною 3 месяца я находился в постоянном напряжении, так как аресты работников Разведотдела происходили ежедневно.

До ареста через двойническую закордонную агентуру мне удалось все же установить связь со 2 отделом штаба Квантунской армии, куда я успел переслать только один подробный шпионский доклад о состоянии и деятельности РО ОКДВА. <...>

Протокол мною прочитан и с моих слов записан правильно, в чем и расписываюсь.

ПОКЛАДОК.

7 апреля 1938 г.».

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ НАЧ УНКВД ПО ДВК
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/КАГАН/
« » Апреля 1938 г.

«УТВЕРЖДАЮ»
ПОМ. ГЛАВ. ВОЕН. ПРОКУРОРА
РККА БРИГВОЕНЮРИСТ
/КАЛУГИН/

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(Дело № 11954)

По обвинению ПОКЛАДОКА Михаила Кирилловича — Нач. Разведотдела ОКДВА, полковника РККА в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Управлением НКВД по ДВК вскрыта и ликвидирована широко разветвленная японо-шпионская резидентура в системе разведывательных органов на Дальнем Востоке.

Обвиняемый по настоящему делу ПОКЛАДОК М.К., являясь участником право-троцкистской организации и германо-японским агентом был послан в апреле месяце 1937 года на должность нач. разведотдела ОКДВА для того, чтобы сохранить и оберегать от разгрома зарубежную агентурную сеть и кадры РО ОКДВА почти целиком захваченные в руки японской разведки (л.д. 17, 31, 32 и 33).

ПОКЛАДОК М.К. был завербован в германскую разведку в 1918 году майором германской службы МЮЛЛЕРОМ (л.д. 20 и 21).

В 1930 году ПОКЛАДОК был привлечен к шпионской работе в пользу Японии членом троцкистского центра и японским шпионом ПРИМАКОВЫМ, являвшимся тогда военным атташе СССР в Японии в гор. Токио (л.д. 14, 15 и 24).

В контрреволюционную, диверсионно-террористическую право-троцкистскую организацию ПОКЛАДОК был вовлечен в 1928 г. активным троцкистом НИВИНСКИМ (л.д. 13 и 18).

Практическая преступная деятельность обвиняемого ПОКЛАДОКА М.К. заключалась в том, что он:

1. В 1918 году передавал немецким оккупантам в г. Стародубе шпионские сведения о настроениях населения, о революционно настроенных рабочих и служащих и о скрывающихся в городе красногвардейцах, которых немцы вылавливали (л.д. 21).

2. В 1930-1932 годах передал ряд шпионских докладов об организационном построении и состоянии частей РККА в японскую разведку, будучи лично связан по шпионской работе с офицерами японской службы МУГИКУРА и СИМАМУРА (л.д. 24 и 25).

3. С 1932 по 1936 гг. периодически пересылал в германскую разведку через их агента ЛЕЙФЕРТ ряд копий особо важных секретных документов по линии Разведуправления РККА, в том числе схемы с пояснительными записками о состоянии агентурных точек РУ РККА в Японии, Корее и Шанхае (л.д. 26 и 27).

4. В 1935 и 1936 годах, выезжая дважды для лечения в Карлсбад (Чехословакия) связывался с германским агентом профессором ГАТТЕР и передавал ему шпионские ведения о структуре, деятельности и расстановке гласных и негласных сил РУ РККА (л.д. 29).

5. В 1937 году переслал во 2-й отдел штаба Квантунской армии подробный доклад о состоянии и деятельности Разведотдела ОКДВА (л.д. 33 и 34).

Обвиняемый ПОКЛАДОК Михаил Кириллович в изложенном выше виновным себя признал (л.д. 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 24).

Преступная деятельность ПОКЛАДОКА М.К. подтверждается также показаниями обвиняемых: ВАЛИНА (л.д.35), ВИШНЕВЕЦКОГО (л.д. 36), НАЗАРОВА (л.д. 43), РАУБО (л.д. 108), МАРКОВИЧА (л.д. 131).

На основании вышеизложенного обвиняется:

ПОКЛАДОК Михаил Кириллович, Начальник Разведотдела ОКДВА, полковник РККА, 1895 г. рождения, уроженец дер. Цапинцы, Вилейского уезда, Виленской губ., служащий , быв. офицер, русский, гражданин СССР, со средним образованием, быв. член ВКП/б/ — в том, что являлся активным участником контрреволюционной , военно-фашистской, диверсионно-террористической организации троцкистов и правых и агентом германской и японской разведок, по заданиям которых проводил шпионско-подрывную работу против СССР, т.е. в преступлениях предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

На основании изложенного настоящее дело подлежит направлению для рассмотрения в Военную Коллегию Верховного Суда СССР с применением требований закона от первого Декабря 1934 г.

Обвинительное заключение составлено « » апреля 1938 г. в гор.Хабаровске.

КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/ВЫШКОВСКИЙ/
СОГЛАСЕН
ЗАМ НАЧ ОО ОКДВА и 5 отд. УГБ
УНКВД по ДВК КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/ХОРОШИЛКИН/».

На закрытом заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза СССР 9 апреля 1938 г. в г. Хабаровске Покладок М.К. за 15 минут,

был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Его реабилитировали 30 ноября 1957 года.

13 августа 1937 года был арестован заместитель начальника 2-го отдела Разведупра РККА комбриг П.А. Панов. За весь период его нахождения под следствием до февраля 1938 года к делу приобщен всего один протокол допроса Панова от 25 января 1938 года:

«...ВОПРОС. Бывший торгпред СССР в Японии АНИКЕЕВ показывает, что Вы ему передавали шпионские материалы для японской разведки. Как видите, Ваша шпионская деятельность раскрыта. Немедленно приступайте к показаниям.

ОТВЕТ. Хорошо, раз я разоблачен, я буду давать правдивые показания, иначе я окончательно запутаюсь. Для шпионской работы в пользу Японии я был завербован в гор. Токио в 1930 году бывшим торгпредом СССР в Японии АНИКЕЕВЫМ Павлом Васильевичем. С АНИКЕЕВЫМ П.В. я познакомился весной 1930 года, вскоре после приезда в Токио. Представил меня АНИКЕЕВУ бывший помощник военного атташе СМАГИН, которого я сменил в этой должности. СМАГИН охарактеризовал мне АНИКЕЕВА, как человека, с которым надо установить и поддерживать хорошие отношения. Вскоре я стал часто бывать у АНИКЕЕВА и близко с ним сошелся. Мы нередко говорили с АНИКЕЕВЫМ о положении в Советском Союзе, приходя при этом к антисоветским выводам. Я сообщил АНИКЕЕВУ, что в 1923 году, будучи слушателем Военной академии РККА, я активно выступал в защиту ТРОЦКОГО и состоял в троцкистской организации. <...>

Сперва осторожно, а затем более определенно, АНИКЕЕВ поставил передо мной вопрос о необходимости шпионажа в пользу Японии, причем он сообщил мне, что шпионаж по экономической линии им уже проводится. АНИКЕЕВ сказал мне, что предстоит война между Советским Союзом и Японией и что в интересах троцкистов и правых мы должны содействовать поражению Красной армии. <...>

ВОПРОС. Что же Вы ответили на предложение АНИКЕЕВА стать агентом японской разведки?

ОТВЕТ. Я согласился и в течение 1930—31 гг. передал ему для японцев материалы по ОКДВА: о составе и численности пехотных и кавалерийских частей, о количестве авиации и мотомехчастей, схему расположения наших частей на Дальнем Востоке.

Передаваемые АНИКЕЕВУ шпионские материалы я подписывал кличкой «Петров», которую я избрал, давая согласие АНИКЕЕВУ работать в пользу Японии.

Моя шпионская связь с АНИКЕЕВЫМ прекратилась в 1931 году в связи с его ранением каким-то японцем и отъездом в Советский Союз.

ВОПРОС. Вы показали, что АНИКЕЕВ проводил вредительскую работу в торгпредстве в Токио. Известны ли Вам соучастники АНИКЕЕВА по антисоветской работе?

ОТВЕТ. Тогда же, в 1930 году, АНИКЕЕВ мне рассказывал, что из работников Торгпредства им организована антисоветская группа правых, вместе с участниками которой он и проводит вредительство. Из участников этой группы АНИКЕЕВ мне назвал:

1) ФРЕЙМАНА Бориса — заместителя торгпреда. Из Японии он уехал в 1932 году. Где сейчас работает — не знаю.

2) ШУМИЛОВА (имя и отчество не знаю) — заместителя торгпреда. Из Японии уехал в СССР в 1932 году и, как мне передавали, умер.

3) БУКИНА Михаила Александровича — экономиста Торгпредства. <...>

ВОПРОС. С кем Вы были связаны по шпионской работе после отъезда АНИКЕЕВА из Токио?

ОТВЕТ: Уезжая из Токио в 1931 году, АНИКЕЕВ мне сказал, что со мной по шпионской работе свяжется его заместитель по Торгпредству — ШУМИЛОВ; паролем для связи должна была служить фраза: «От Петрова друзья ждут писем». С ШУМИЛОВЫМ я связаться не сумел, так как вскоре после отъезда АНИКЕЕВА он был переведен из Токио в гор. Осака и, спустя непродолжительное время, совсем уехал в СССР. В конце 1932 года со мной связался сотрудник японской разведки ОКАМУРА.

ВОПРОС. Как ОКАМУРА с Вами связался?

ОТВЕТ. ОКАМУРА зашел ко мне в советское полпредство в Токио и отрекомендовался представителем треста, распространяющим среди иностранцев бюллетени по техническим вопросам японской промышленности. В беседе с ОКАМУРА я выяснил, что он в совершенстве владеет английским языком, которым и я владею, имеет широкие связи среди японских офицеров, среди которых есть сотрудники японского военного министерства. Я решил поддерживать связь с ОКАМУРА с целью вербовки его для разведывательной работы в пользу СССР.

ВОПРОС. Вы сами были японским шпионом. Зачем же Вы вербовали ОКАМУРА?

ОТВЕТ. Да, я был японским шпионом, но одновременно с этим я являлся работником Разведупра РККА и должен был для зашифровки своего предательства давать какие-то показатели агентурной работы, новых вербовок агентуры. Я предложил ОКАМУРА заняться для меня переводами с японского на английский язык различных статей из японских военных журналов, что и служило поводом для посещений им полпредства СССР. Через некоторое время мне удалось завербовать ОКАМУРА в качестве агента для работы в пользу Советского Союза, и я дал ему кличку «Ара». <...>

ВОПРОС. ПАНОВ, несмотря на Ваши заверения о том, что Вы будете говорить правду, для нас ясно, что Вы пытаетесь скрыть наиболее важное из Вашей предательской работы. Что Вы сообщили японцам о военно-разведывательной работе СССР в Японии?

ОТВЕТ. Я выдал ОКАМУРА всю известную мне агентуру Разведывательного Управления РККА в Японии. Я сообщил ОКАМУРА, что разведывательную работу в Японии ведут следующие работники Разведуапра РККА:

1) я — Панов — помощник военного атташе;

2) ШАДРИН — официально работающий секретарем консульства в Токио;

3) БУКИН — экономист Торгпредства;

4) НОВИНСКИЙ — секретарь консульства СССР в гор. Кобэ;

5) ПОВЕРЕНКОВ — секретарь консульства СССР в гор. Сеуле;

6) МИЛЛЕР — делопроизводитель консульства в Хаккодате;

7) БЕЛОВ — консул СССР в г. Цуруге.

По Токио мною были выданы ОКАМУРА следующие агенты Разведупра: 1) агент САБАРВОЛ (кличка «1602») — индус, состоявший у меня на личной связи; перед моим отъездом из Японии я сообщил ОКАМУРА, что САБАРВОЛ пе-

редается на связь ШАДРИНУ; 2) агент «Лавров» — бывший белогвардеец; 3) агент ХЕГГИНС (кличка «Арика») — американец; 4) агент «№ 16-29» —японец, секретарь японского общественного деятеля. <...>

Давая характеристику их работы, я указал, что «Лавров» и «№ 16-29» связаны с БУКИНЫМ.

По гор. Кобэ я выдал ОКАМУРА двух агентов — японцев, связанных с НОВИНСКИМ: «№ 34» — мелкий книготорговец и «Бедняк» — бывший журналист.

Впоследствии мне стало известно, что агент Разведуправления РККА — САБАРВОЛ, в 1934 г. был арестован японцами. Судьбу же других выданных мною агентов я не знаю <...>».

Перечень материалов, которые Панов якобы передал Окамуре, весьма сомнителен, так как к подобной информации он доступа не имел. Речь идет о явном самооговоре. Что же касается Окамуры, то он был явной подставой кэмпэйтай, которая засылала своих сотрудников в советские представительства, чтобы их вербовали разведчики из военного ведомства и НКВД, работавшие в Японии под прикрытием.

15 марта 1938 года Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего заместителя начальника 2 отдела Разведуправления РККА, комбрига П.А. Панова к высшей мере наказания — расстрелу. Он был реабилитирован 23 ноября 1955 года.

В сентябре 1937-го Ежов добился у Сталина назначения на должность исполняющего обязанности начальника Разведупра контрразведчика, старшего майора госбезопасности С.Г. Гендина[18]. А в личных беседах с Николаевым (начальник ОО ГУГБ НКВД) заявлял, что будет лично руководить военной разведкой[19].

Можно не сомневаться в том, что, если бы «Рамзай» — Рихард Зорге — вернулся в СССР в ноябре 1937 года, он был бы арестован.

С февраля 1932 по октябрь 1937 года военным атташе при полпредстве СССР в Японии являлся комдив Иван Александрович Ринк.

«Совершенно секретно

Военный атташе в Японии комдив Ринк Иван Александрович, рождения 1886 года, уроженец Латвии, из крестьян; в 1910 году окончил Виленское военное училище; в старой армии штабс-капитан; в РККА с 1919 года.

В отношении Ринка арестованный бывший торговый представитель СССР в Японии Кочетов показал следующее:

"Примерно через неделю после установления шпионской связи с Уэда я от военного атташе в Японии Ринка узнал, что он является офицером японского генерального штаба, а бюллетень "Печиро Цусим" фактически издается на деньги японского генерального штаба. Юренев (К. К. Юренев — посол СССР в Японии. — *М.А.*) добавил при этом, что основные сведения о наших базах японцы получили от Ринка, который был в 1936 году на маневрах ОКДВА и хорошо обо всем информирован. Далее Гамарник сказал, что он предложил Таирову (В.Х. Таиров в первой половине 30-х годов был заместителем командующего ОКДВА, а затем получил назначение послом в Монголию. — *М.А.*), чтобы последний обеспечил выезд Ринка на очередные маневры в ОКДВА, так как Ринк там очень нужен будет. Ринку он также пошлет указания об этом".

Кроме того, арестованный участник военно-троцкистского заговора Никонов (комдив А.М. Никонов — заместитель начальника Разведупра. — *М.А.)* в отношении Ринка показал:

"Ринк, военный атташе в Токио, усиленно нас дезинформирует. В период последнего военного нападения Японии на Северный. Китай, когда по всем данным определился маневр японского империализма, направленный к тому, чтобы под шумок северо-китайских событий мобилизовать свою армию и перебросить ее на материк для последующей войны против СССР (пройдя безнаказанно опасный для Японии этап морских перевозок) — Ринк слал дезинформационные успокоительные телеграммы о том, что в японской армии все нормально".

Ринк, будучи начальником 4-го отдела штаба РККА (отдел внешних сношений; октябрь 1930 — февраль 1932. — *М.А.*), поддерживал близкую связь с германским военным атташе Нидермайером. Последний часто посещал Ринка, приносил ему подарки и приглашал его к себе на квартиру. Ринк же стремился удовлетворять все заявки Нидермайера, иногда целыми днями занимался исключительно немецкими делами (подбор книг, циркуляров, билетов на парад и проч.).

Прошу санкционировать отзыв Ринка из Японии с последующим его арестом.

Начальник 5 отдела ГУГБ НКВД СССР
комиссар гос. безопасности 3-го ранга (Николаев)»[20].

Документ составлен без указания адресата. Однако практика организации подобных дел в НКВД дает основания утверждать, что таким адресатом мог быть нарком Ежов или его первый заместитель — начальник ГУГБ комкор М.П. Фриновский. Как бы то ни было, санкция на отзыв Ринка из Японии и его арест была сразу получена.

Арест, судя по всему, состоялся не ранее ноября 1937 года. Из Протокола допроса РИНКА Ивана Александровича от 15 декабря 1937 года:

«ВОПРОС. Вы до сих пор скрываете от следствия Ваше участие в латышской фашистско-японской организации. Ваши сообщники по этой организации уличают Вас. Приступайте к показаниям.

ОТВЕТ. Да. Я скрыл эту сторону своей контрреволюционной деятельности. Мне казалось — поскольку наша латышская организация не раскрыта. Большинство ее участников крепко сидит на местах в СССР и за границей, в том числе и на руководящих постах, в особенности в Разведывательном управлении РККА, мне удастся скрыть свое участие в этом деле. Теперь я решил правдиво Вам рассказать все.

Я был завербован в латышскую подпольную организацию бывшим начальником Разведотдела ОКДВА ВАЛИНЫМ-ГАЙЛИСОМ в 1935 году. Однако, до этого я уже был близко связан с начальником Разведывательного управления РККА БЕРЗИНЫМ Яном Карловичем и через него был связан с руководимой им группой националистов-латышей, работников Разведупра РККА. Я считаю, что тогда окончательному и формальному моему вовлечению в латышскую подпольную организацию в Москве помешал мой отъезд в начале 1932 года за границу на работу военного атташе СССР в Японии.

ВОПРОС: Каким образом Вы впервые связались с участниками латышской фашистско-шпионской организации?

ОТВЕТ: В 1922 году я поступил на работу в Разведывательное управление РККА, куда меня принимал бывший тогда начальник Разведупра БЕРЗИН Я.К. В первом же нашем разговоре у него в кабинете, БЕРЗИН открыто вел себя и высказывался, как латышский националист. Он прямо заявил мне, что очень рад прибавлению еще одного латыша в Разведупре, что "латыши должны жить единой и тесно-спаянной семьей, поддерживая друг друга". Он указал, что в Разведупре уже собрана "крепкая группа земляков, прирожденных разведчиков, и мы имеем все возможности решительно влиять на внутреннюю и внешнюю политику России". В заключение он сказал, что я должен буду впредь твердо ориентироваться на него, БЕРЗИНА, и собранную им в Разведупре группу латышей.

Эта изолированная националистическая линия БЕРЗИНА и бывшего до него начальника Разведупра — ЗЕЙБОТ, была достаточно ясна: кадры руководящих работников комплектовались преимущественно из латышей.

Люди других национальностей, в особенности русские, обычно под тем или иным предлогом отводились от разведывательной работы. Особенно я почувствовал это, когда в 1929 г. перешел на работу в 4-й Отдел РУ, подбиравший кадры заграничных работников (военный атташат). БЕРЗИН в беседах в этот период прямо говорил мне, что «все прочие, в том числе и русские, не надежны, и они по своим качествам не подходят для тонкой разведывательной работы, а латыши не подведут и не выдадут интересов латышских националистов».

Должен отметить, что не только БЕРЗИН, но и другие латыши — разведупровцы открыто высказывали взгляд, что только латыши являются хорошими квалифицированными разведчиками и без них советское правительство обойтись не может, — поэтому Разведупр может и должен стать основной базой для разворота националистическоцй работы латышей, для организации необходимых международных связей.

БЕРЗИН различными путями и способами поддерживал спайку латышей и разжигал их националистические настроения. Он систематически устраивал вечера, товарищеские встречи, где собирались только латыши из "своих, проверенных". На этих вечерах, сборищах латышей велись националистические разговоры, переходившие в резкую антисоветскую критику политики советской власти. БЕРЗИНЫМ и другими высказывались взгляды, что латыши спасли советскую власть в годы гражданской войны, и сейчас их оттирают; что советское правительство ведет губительную для латышей линию, ставит латышей в такое положение, при котором для них единственным выходом является подпольная организация и организованная борьба с советской властью и русским народом.

Такого рода антисоветские сборища латышей-националистов были все годы, примерно в [с?] 1923 года. Иногда бывал на них и я, когда находился в СССР. Организационно я связался с латышской подпольной организацией лишь в 1935 году.

ВОПРОС. При каких обстоятельствах Вы вступили в фашистско-шпионскую организацию?

ОТВЕТ. В 1935 г. я прибыл из Токио, где находился с начала 1932 года в должности военного атташе, в Хабаровск на маневры ОКДВА, я встретился там с бывшим начальником разведотдела ОКДВА ВАЛИНЫМ-ГАЙЛИСОМ.

Я уже говорил в своих предыдущих показаниях, что через ВАЛИНА-ГАЙЛИСА, после отъезда ТАИРОВА из ОКДВА, я был связан с центром военного заговора (ГАМАРНИКОМ) и получал указания по своей подпольной и разведывательной работе.

В беседе о моей деятельности, как представителя антисоветского военного заговора в Японии, ВАЛИН-ГАЙЛИС заявил, что ему от БЕРЗИНА известно о моем участии в группе латышей в Москве. ВАЛИН-ГАЙЛИС рассказал мне, что латыши в Разведупре и в других советских органах и РККА, сплотились в подпольную националистическую организацию. <...>

Он назвал мне тогда как руководителей латышской организации кроме БЕРЗИНА, РУДЗУТАКА, БАУМАНА, ЭЙДЕМАНА, АЛКСНИСА и МЕЖЛАУКА.

Касаясь целей и задач организации, ВАЛИН рассказал, что в общей оценке перспектив на свержение советского строя в СССР для меня задачи латышской организации принципиально нового ничего не представляют: "Вы являетесь уже участником военного заговора и Вам как латышу сам бог велел принять участие в латышской организации. Ведя антисоветскую работу, Вы, прежде всего, должны, не раскрывая Ваших карт, действовать в интересах латышской организации".

Он рассказал далее, что латышская организация через участников организации в Разведупре, связана с некоторыми иностранными правительствами, помогает им в их борьбе против СССР, взамен чего центр латышской организации имеет твердые заверения о поддержке самостоятельности и об увеличении территории Латвии, после разгрома СССР в будущей войне.

ВАЛИН мне сказал, что в основном латышская организация ориентируется в своих международных связях на Германию, исходя из направления политики Гитлера и из совпадения основных программных установок у латышской организации и у национал-социалистов, заинтересованных и экономически, и политически в Латвии <...>».

15 марта 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР комдив Ринк был осужден по ст.ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу и приговор привели в исполнение в тот же день. И.А. Ринк был посмертно реабилитирован 30 июня 1956 года.

В ноябре 1937-го Сталин дал санкцию на арест бывших начальников военной разведки Урицкого и Берзина. Поручив их допросы Николаеву, Ежов с помощью сфабрикованных показаний формировал у Сталина убежденность, что сотрудники военной разведки, включая ее высшее руководство, действительно работали на иностранные разведслужбы.

Влияние Ежова и его ведомства возросло настолько, что Ворошилов даже не попытался защитить от ареста начальника Разведуправления комкора С.П. Урицкого[21].

В ночь на 1 ноября 1937 года был арестован заместитель командующего войсками Московского ВО комкор С.П. Урицкий. Еще 11 июня, через два дня после того, как он был освобожден от руководства Разведывательным управлением РККА, Урицкий направил Сталину личное письмо, в котором попытался охарактеризовать свою деятельность в течение двух с лишним лет на посту руководителя военной разведки: «...Мне не удалось за это время создать такую советскую военную разведку, какая была бы достойна нашей партии и нашего государства. Не справился с этим.

Не для оправдания, очень прошу верить этому, а для того, чтобы Вы были еще больше в курсе наших дел, должен доложить: прием мною дела разведки весною 1935 г. происходил в обстановке огромных провалов:

а) Шанхайский провал, задевший свыше 100 человек;

б) Копенгагенский провал с арестом около 10 кадровых работников Разведупра;

в) провал в Берлине, где был обезглавлен крупнейший источник в воздушном министерстве (теперь Штейнбрюк признал, что он его выдал);

г) раскрытие группы террористов в Разведупре во главе с Чернявским.

С кадрами было плохо. Школы еще не развернулись, за границей кадры не готовились, учета людей не было (многих людей приходилось "находить"), вся сеть была в не рабочем состоянии, резидентов не было, нелегальная радиосеть, имеющая огромное значение для предупреждения неожиданностей, была в зачатке (8 нелегальных радиостанций в 1934 г. и 74 — в 1937 г.).

Стояла также трудная задача ликвидации старых провалов, как миланского, финского и чудовищного парижского провала 1933 г., необходимо было вытаскивать людей, локализовать развитие этих провалов. **Взялся за чистку. Вычистил из разведки свыше 300 человек. Не довел этого дела до конца. Долго терпел рядом с собой таких шпиков, как Артузов, Штейнбрюк, Карин, пришедших из НКВД, и оставшихся мне в наследство разведупровских шпиков — Юревича, Максимова, Кидайша и еще многих других** (выделено мной. — *М.А.*). Что эти люди, Артузов и другие, плохо работали, я скоро обнаружил. Тов. Ворошилов Вам подтвердит, я ему об этом неоднократно докладывал еще до их разоблачения. С Вашей и тов. Ворошилова санкции они были уволены, но что они шпики — я не вскрыл. Этому оправдания нет.

Но для будущей здоровой, работоспособной разведки нужно дать начальнику разведки контрразведывательные возможности, чтобы он мог проверить своих людей, наблюдать за ними, вскрывать интриги врагов, потому что разведка — самый лакомый кусок для противника. Я же проверял людей через Ягоду, Гая и им подобных.

К убеждению, что разведка без органической связи с контрразведкой осуждена на провал, я пришел примерно через год моей работы. Несколько раз об этом докладывал тов. Ворошилову. Моя вина, что не поставил этого вопроса перед Вами квалифицированно, как следует. Помимо того, что Артузов и его кампания были шпионами, они почти не работали, Артузов за все время не работал более 9 месяцев, сказываясь больным. Тоже и Карин. Они ни одного дела не доводили до конца; с группой молодых работников, также недостаточно опытных, как и я, приходилось тащить дело, а дела было много и помимо агентурной работы: то маленькая война в Монголии с японцами, то отнявшая много сил операция по связи с китайской Красной армией, то Синь-цзянские дела (ведь в Монголии и в Синь-цзяне, за десяток тысяч километров имеются военные силы — мы их обеспечивали инструкторами, снабжали, помогали строиться. Вы в свое время эту работу Разведупра специально отметили).

Наконец, вот уже год аппарата Разведывательного Управления под Вашим почти повседневным руководством выполняет задания по испанским делам. <...>

Провалы в нашей разведывательной работе велики. Моя вина в этом огромная, но по правде докладываю, что на месте мы не стояли и в этой облас-

ти. За эти два года мы вовлекли в нашу работу более тысячи человек молодых, в большинстве преданных партии людей, из них большая часть командиров, развернули (правда, далеко еще до хорошей) подготовку кадров. <...>

Сейчас сдаю дела тов. Берзину. Он, как честный человек, Вам, несомненно, доложит, что наряду с большими нетерпимыми безобразиями, которые у нас в разведке имеются, которые не удалось устранить, в сравнении с тем, что он сдал мне, имеется также некоторое движение вперед.

Тов. Сталин, я могу сказать, что Вы лично руководили моей работой. Недостатка в Ваших многих и конкретных указаниях не было, не сумел я все эти Ваши указания претворить в жизнь, но я очень старался, все что мог, без остатка, отдавая тому делу, на которое Вы меня поставили. Со многими ошибками я так работал всюду, но нигде так напряженно, до предела физических сил, так как в разведке.

Все же всех Ваших поучений реализовать не сумел. И это, тем более, плохо, что я имел постоянное, очень чуткое отношение и помощь в работе со стороны тов. Ворошилова и тов. Ежова. <...>

Дорогой тов. Сталин! Я всегда чувствовал Ваше большое доверие к себе. Это самое дорогое, что может быть для каждого, и Ваше доверие буду хранить как самое ценное в личной жизни. Меня посылают на новую работу, и на этой работе прошу Вас оказывать такое же доверие, я все свои силы и жизнь отдам на то, чтобы это доверие оправдать».

Уже 15 ноября 1937 года, через две недели после ареста, Урицкий в заявлении на имя Ежова повинился уже не в недостаточной бдительности, а в антисоветской деятельности, в которой его обвиняли: «Признаю полностью свое участие в антисоветском военном заговоре, в который был вовлечен Якиром и Уборевичем... Мне известны, как участники заговора, следующие лица, кроме арестованных: Грибов, Великанов, Мерецков, Ковалев, Халепский и о которых я напишу...»[22].

Из «собственноручных показаний Урицкого» от 19 ноября 1937 г.:

«Перехожу к своей работе в РУ. За время этой работы я совершил два очень тяжелых изменнических преступления, а именно, принял участие в поддержке связи между ЯКИРОМ и УБОРЕВИЧЕМ с французским Генштабом и организовал встречу БЕЛОВА (И.П. Белов, командарм 1-го ранга, с июня 1937 года — командующий войсками Белорусского военного округа; арестован 7 января 1938 г. — *М.А.*) с представителем немецкого генштаба. <...>

Кроме того, незаконно, хотя и в легальной форме, через аппарат РУ, я давал самую детальную информацию по положению за рубежом ЯКИРУ и УБОРЕВИЧУ. Следует отметить, что БЕЛОВ как-то мало этим интересовался. <...>

С момента моего перехода на работу в РУ, я прекратил какие бы то ни было вербовки. Ни одного человека я не вовлек в контрреволюционную организацию (иск. ПОГРЕБНОГО). Далее, я взял установку, и БЕЛОВ с нею вполне согласился, что при всех условиях нам нужна сильная, здоровая разведка, и я все, что мог, делал для осуществления этого. Наконец, и сама обстановка в РУ была очень скверная как по существу, так и для попыток вербовки. Дело в том, что когда я пришел в РУ — в 1935 г. (15 апреля) я там застал полный развал, была вскрыта террористическая группа ЧЕРНЯВСКОГО, РЯБИНИНА. Многие из оставшихся работников считались подозрительными по своим связям с этими людьми. Меня приняли в РУ очень плохо, а именно, почти все старые руководящие работники во главе с НИКОНОВЫМ были люди БЕРЗИНА, рабо-

тали с ним 10-15 лет, были ему преданы и ценили меня ниже его, часто ставили палки в колеса. Другая группа чекистов во главе с АРТУЗОВЫМ сразу встала на дыбы и тоже относилась плохо. Между обоими группами шла непрерывная склока, которую разбирал сам нарком ВОРОШИЛОВ.

В этих условиях, стремясь заслужить доверие партии и Наркома ВОРОШИЛОВА, я очень энергично взялся за работу и до последнего дня своего пребывания в РУ работал, не покладая рук, без преувеличения, больше всех.

Примерно к 1936 г. мне удалось подмять под себя все эти враждующие группы (рука у меня твердая), но тут я столкнулся с явным саботажем в работе со стороны группы АРТУЗОВА. Я сразу и очень резко поставил перед Наркомом вопрос о непригодности АРТУЗОВА и ШТЕЙНБРЮКА — это он всегда сможет подтвердить. Ставил я этот вопрос в продолжении всего 1936 года. Что они шпионы я не знал, но что они безобразно плохо работают — это я на каждом шагу испытывал. Что касается КАРИНА, то я его считал очень ценным знающим работником, более опытным, чем я в разведке, но он много болел, скулил, капризничал и, наконец, ничего не зная о его шпионстве, я добился его снятия, правда, вместо него назначил ВАСИНА (ВАЛИНА. — *М.А.*) (которого считал очень сильным работником, но который не скрывал, что он 100% берзинский человек, был с БЕРЗИНЫМ на ты, последние годы работал с ним в ОКДВА, а, вообще, работал с БЕРЗИНЫМ лет 15). Я удалил ПУЗИЦКОГО еще в самом начале своей работы. По рекомендации АРТУЗОВА (и Нарком его знал еще по своей работе в МВО — когда МЕЙЕР был начальником Особого Отдела) я принял МЕЙЕРА, но и этот работал очень плохо, и в управлении есть его рапорта с моей подписью об увольнении, но в последний момент он упрашивал меня его оставить.АРТУЗОВ руководил работой 1 и 2 отделов (ШТЕЙНБРЮК, КАРИН), но руководил из рук вон плохо, так что часто и очень брутально, доводя до сердечных припадков ШТЕЙНБРЮКА и до слез АРТУЗОВА и КАРИНА, мне приходилось вмешиваться, и соответствующие работники-резиденты смогут подтвердить, какой характер носило мое вмешательство. В итоге, за все время работы этой группы — руководившей важнейшими отраслями работы, они ничего нового не создали, сидели на старых берзинских связях и то плохо их использовали.

Я лично руководил работой 3 отдела — техническая разведка, работал очень энергично вместе с начальником отдела СТИГГОЙ и, хотя и немного, но все же кое-чего реального добился, вполне реального. Руководил я непосредственно, никого не подпуская к этому делу, работой спец. Отделения ТУМАНЯНА, которое тоже дало, в общем, неплохие результаты.

Округами, радиоразведкой, дешифровальной службой и радиослужбой руководил МЕЙЕР, но делал это так плохо, что и здесь мне часто приходилось непосредственно заниматься этими делами, но особыми результатами, в частности в отношении округов, похвалиться нельзя. Все начальники разведотделов, без исключения, были назначены до меня (кроме н-ка разв. Отдела Балтфлота, где я снял БЕЛОВА — кажется, так была его фамилия — за бездеятельность и разложение и назначил хорошего партийца ТИМОФЕЕВА, а также ЗАБВО, где я снял подозрительного и разложившегося РУБЕНА и вместо него послал УШИКО (?), который, правда, только теперь я подумал, очень близок к БОГОВОМУ). Во всяком случае, я изо всех сил старался создать хорошую окружную разведку. Это полностью совпадало с моей установкой на создание сильной разведки, но уже к началу 1936 г. я убедился, что с большинством

нынешних начальников окружных отделов (некоторые из них работали по 6 и более лет) ничего сделать не удастся.

Я все просил Наркома и Никол. Иванов. Помочь мне людьми, в частности просил т. ЦЕСАРСКОГО, и если бы Ник. Иван. не перешел в НКВД, он уже обещал его дать.

Когда удалось снять АРТУЗОВА — я просил у Ник. Ив. дать мне зама, несколько раз это было в присутствии Мих. Петровича. Я называл ФИРИНА, он раньше был помощником БЕРЗИНА, что он шпион, я понятия не имел, об этом мне впоследствии сказал Ник. Иванов. Я называл АЛЕКСАНДРОВСКОГО, которого я совершенно не знал, кроме того, что видел его 1 раз у ЕЖОВА, 1 раз у ТАРХАНОВА и 1 раз во время маневров в Киеве, но мне о нем говорили, как об очень энергичном человеке.

Учитывая, что я по горло сидел в испанских делах, мне надо было дать немедленно кого-либо, и я просил также и Наркома ВОРОШИЛОВА, чтобы он переговорил с Ник. Ив. и ускорил назначение ко мне зама. И вот, однажды весной 1937 года, Кл. Ефр. принес решение о назначении АЛЕКСАНДРОВСКОГО. Полагаю, что это было сделано по согласованию с Ник. Ив. Прямо скажу, что работа с АЛЕКСАНДРОВСКИМ мне очень понравилась, он был прямой, энергичный и крепко взялся за дело. Я имел много разговоров с АЛЕКСАНДРОВСКИМ о происходящих арестах, о делах НКВД, если это нужно, расскажу их содержание.

Из оказавшихся впоследствии шпионом — при мне и по моей просьбе к Ник. Ив. был назначен ранее работавший в комитете АБРАМОВ, который был мною посажен на техническую работу по отправке тысяч людей в Испанию. С этой работой он справлялся вполне удовлетворительно.

Как выяснилось, в 1937 г. аппарат РУ был до предела насыщен шпионами, но кроме перечисленных АБРАМОВА, АЛЕКСАНДРОВСКОГО, МЕЙЕРА и ЯНОВА, никто из них не был принят мною, все они разоблачены мною (а я считаю, что есть еще не разоблаченные и имею конкретные предположения, если сочтет необходимым доложу) были в Разведотделе по 10 и больше лет. …

О ЯНОВЕ я уже докладывал комиссару НИКОЛАЕВУ, это очень недалекий, политически невежественный, но исполнительный и добросовестный человек, и каждый отравляющийся в Испанию, каждый прибывающий раненый почувствовал на себе его заботу. <...>

Среди отправленных мною за рубеж были два моих родственника, а именно:

Полк. ВОЛКЕШТЕЙН — внук известной народоволки. С этим человеком я никаких личных отношений не имел, он брат жены брата моей жены. <...>

Наконец, я привлек к работе брата моей жены Д. КРАМОВА. <...>

Вместе с тем — и это до каждого отдельного человека можно проверить — я за 2 года всей работы, исключительно в целях оздоровления в РУ, вычистил в центре и округах около 300 человек. Среди них, уволенные по моей инициативе, впоследствии выявленные как шпионы или враги народа: Угер (его принял ХАЛЕПСКИЙ к себе), ЦАКОВ (осужден по моей инициативе), ЖБИКОВСКИЙ (впоследствии выяснилось, что шпион), ГЕККЕР, ПАНЮКОВ, ПАНОВ, КИВИНСКИЙ, ТОЛОКОНСКИЙ (троцкист), САФРАЗБЕКОВ из МНР, ТВЕРДОХЛЕБОВ (б. троцкист), ЛИХОВЕЦКИЙ (быв. пом. в/а в Италии, был мною изобличен как шпион и передан в НКВД). По моей инициативе был отозван из-за границы, так как я узнал о его связях с террористом ЛУРЬЕ — некто по фа-

милии, кажется, ВАЙС (надо проверить, он работал с ЮРОВИЧЕМ) и с большим трудом убедил ГАЯ арестовать его, снять и уволить с работы целую группу ставленников АРТУЗОВА, не говоря уже о том, что десятки рекомендованных им лиц и очень настойчиво протаскиваемых — я не принял. Этот список не полный, не зная совершенно еще о шпионстве многих, но по подозрению и по деловым мотивам я снимал и очищал РУ. В то же время по личным заданиям Ник. Иванов. я обеспечил возвращение в Союз всех, кого он мне указал, без исключения, как проходящих по разным делам, начиная с ПУТНА, СЕМЕНОВА (прав. эсера), БОРОВИЧА, Зоси ЗАЛЕССКОЙ, КЛИМЕНКО и многих десятков других, все «благополучно» прибыли и попали в руки НКВД, например, в отношении СЕМЕНОВА, за которого можно было опасаться, что он не вернется в Союз, мною был разработан и через ТУМАНЯНА был проведен специальный план, обеспечивший его возвращение при всех условиях. Разумеется, можно сильно сомневаться в моих побуждениях, заставивших меня стремиться на деле к тому, что работа РУ шла не плохо, можно сомневаться, почему я этого добивался, но я, прежде всего, не видел никакой пользы даже той подлой организации, к которой я принадлежал, в том, чтобы была плохая разведка, наконец, я опускаю всякие другие мотивы (а они были) — я просто мог бы запутаться, если бы в таком организме как РУ, действовал иначе, и еще следует иметь в виду, что я хотел хорошими результатами добиться доверия.

Еще отмечу, что в самом начале 1937 года, когда стали известны компрометирующие данные о НИКОНОВЕ и БОГОВОМ, я спросил у Ник. Иванов. согласия на их увольнение, но он велел повременить.

Разумеется, вся эта моя «честная» работа ни черта не стоит (но я описал как было в самом деле) потому, я изменил родине и очень тяжело...»

Из Протокола допроса арестованного УРИЦКОГО Семена Петровича от 20—23 декабря 1937 года: «...Действительно хочу рассказать всю правду, чтобы этим хоть немного искупить свою огромную вину. Я прошу мне поверить также и в том, что у меня и раньше были мысли раскаяться, рассказать все о своих преступлениях. Но у меня тогда не хватило мужества.

ВОПРОС. Насчет искренности и раскаяния вы лучше помолчите. Вам несколько раз представлялась полная возможность все рассказать правдиво и разоблачить преступную работу вашу и ваших сообщников. С вами неоднократно говорил Наркомвнудел тов. ЕЖОВ и Нарком обороны тов. ВОРОШИЛОВ. Вы знали о приказе НКВД и НКО № 080 в отношении заговорщиков, которые добровольно явятся с повинной. Однако вы не только не пришли с повинной и не вскрыли своей преступной деятельности, но до самого ареста продолжали борьбу с советской властью.

ОТВЕТ. Я не предполагал, что буду арестован. Я считал, что мне еще доверяют. Особенно меня закрепили в этом мнении, во-первых, назначение меня на ответственную работу заместителя командующего войсками МВО, несмотря на то, что, как мне было известно, мою фамилию на суде назвал ЯКИР, и, во-вторых, это то, что та линия заговора, к которой я имел отношение, еще не была вскрыта. Кроме того, меня удерживали и личные мотивы: не хотелось выдавать близких друзей, являвшихся моими единомышленниками и сообщниками в борьбе с советской властью.

Теперь мне хочется рассказать всю правду, так как для меня в этом единственная нить, которая хоть немного еще связывает меня с родиной, с советским народом. <...>

ВОПРОС. К вашей роли и связям в антисоветском военном заговоре мы еще вернемся. В начале допроса вы заявили, что являетесь французским шпионом. Расскажите, как вы были завербованы французской разведкой?

ОТВЕТ. Я являюсь агентом французской разведки ("Сюрте-Женераль") с 1923 года. Завербован я был при следующих обстоятельствах. В 1923 году я был в Париже на нелегальной работе в качестве резидента Разведупра. В ноябре или декабре 1923 года я получил указания от Разведупра переехать на работу в Берлин. За несколько дней до отъезда, меня арестовали на улице и привезли во французскую охранку "Сюрте-Женераль". Во время обыска у меня было обнаружено подброшенное в пальто агентами охранки письмо члена ЦК французской компартии Сюзанны ЖИРО, завернутое в газеты "Юманите".

После обыска меня ввели в кабинет к офицеру охранки, который мне сразу заявил, что он знает, что, я, УРИЦКИЙ, командир Красной армии, что польский паспорт на фамилию ВОЙЦЕХОВСКОГО, который у меня нашли, — подложный, что я шпион Красной армии и веду свою работу вместе с французской компартией.

Отрекомендовавшись начальником отделения охранки, этот офицер потребовал от меня немедленного признания. Я стал отпираться и доказывать, что письмо ЖИРО было мне подброшено. Меня начали избивать, подвергали пыткам, которых я не выдержал и через день я дал показания, требуемые охранкой».

Где вымысел, а где правда? Ведь об аресте Урицкого в Париже в конце 1923 года знал только он. Зачем он сообщил об этом следователям?

14 апреля 1938 года Урицкий пишет заявление на имя Агаса, начальника 5-го отдела во 2-м Управлении НКВД СССР. Приведенные ниже строки свидетельствуют, до какого состояния за пять с половиной месяцев допросов с применением физической силы он был доведен. Урицкий униженно просит пощады у палачей, обещая взамен «написать все, ничего не замалчивая» и надеясь на смягчение приговора. Непонятно только, зачем было истязать его, ведь уже через две недели после ареста он давал «чистосердечные» признания и продолжал их давать в ходе следствия, называя все новые имена:

«Майору Государственной Безопасности
В.С. АГАСУ

Я твердо решил для себя до конца все сообщить следствию. Моя вина большая, помимо моих преступлений, что я не все сразу сказал. Сейчас только о том думаю, чтобы это поправить. Недоверие Ваше ко мне законно. В том, что мне не верят, я сам виноват. Но из-за этого вокруг меня, помимо моих действительных преступлений накопилось много недоразумений. Они висят надо мной, мешают мне сказать то главное, что я должен сказать. Я сейчас стремлюсь выбраться на правильный путь, я хочу сообщить следствию то, что я ему не сказал и что меня тяготит, но нуждаюсь в Вашем человеческом поощрении, а я его постараюсь заслужить.

Последние дни я плох, у меня бывают обморочные состояния, кровавая рвота, мне трудно думать, если можно дайте мне один день перерыва, вызовите меня — я Вам доложу, а потом все до конца напишу.

Я хочу превратиться в такого арестованного, который помогает власти, я хочу заслужить милость Советской власти.

В своих показаниях о моей антисоветской и шпионской работе в РУ я не сообщил о целом ряде серьезных фактов, что еще более усугубляет мои преступления. Сейчас я постараюсь исправить и написать все, ничего не замалчивая.

При сдаче мне дел весною 1935 г. БЕРЗИН прямо сообщил мне, что ему известно, что я являюсь членом контрреволюционной военной организации и что он, выполняя к-р и шпионские задания по РУ, — сдавая дела, должен передать мне дальнейшее выполнение этих заданий.

На эту тему я имел несколько разговоров с БЕРЗИНЫМ в кабинете в Разведывательном управлении. БЕРЗИН меня информировал о том, что он непосредственно был связан с ЯКИРОМ, УБОРЕВИЧЕМ, ГАМАРНИКОМ и ТУХАЧЕВСКИМ и по их заданию осуществлял связи с рядом иностранных штабов. Конкретно по заданиям троцкистской организации БЕРЗИН проводил через РУ связи и шпионскую работу для немцев, латышей, а в последнее время и для французов. Кроме того, по линии РО КВО и БВО — работники разведотделов, по заданию троцкистской организации осуществлялась шпионская связь с поляками.

БЕРЗИН предложил мне продолжить эту шпионскую связь, конкретно, в отношении немцев и французов.

БЕРЗИН прямо мне указал, что я должен, через людей РУ, связанных с немцами, продолжать передачу им шпионских материалов о Красной армии, получая эти материалы от ЯКИРА и УБОРЕВИЧА. <...>

О том, что я должен буду принять от БЕРЗИНА, одновременно со сдачей дел — его шпионские связи, меня предупредил ЯКИР (О связи с ЯКИРОМ и УБОРЕВИЧЕМ, которая относится не на конец 1935 г., а на осень 1934 г., я напишу отдельно). <...>

Сдавая мне дела по РУ, БЕРЗИН имеет указание (он сказал: «от своего центра») — передать мне и те связи, которые он, БЕРЗИН, осуществлял с иностранными штабами по линии РУ, в интересах контрреволюционной военной организации.

Конкретно БЕРЗИН сообщил:

Уже в течение ряда лет существует связь через РУ с немцами; связь эта была осуществлена еще в годы так называемого сотрудничества с немцами. Целью этой связи с немцами является их содействие антисоветской военной организацией, и последняя взяла на себя обязательство снабжать немцев шпионскими материалами о Красной армии. <...>

С. УРИЦКИЙ».

В следственных делах сотрудников советской военной разведки фигурируют обвинения в шпионаже в пользу двух-трех стран, как это было в случае с Урицким. Из Урицкого «выбивают» признание, что помимо французской разведки, он сотрудничал с разведками Германии и Северо-Американских Соединенных Штатов (так в официальных документах того времени назывались Соединенные Штаты Америки), а также с «представителями реакционных кругов в Швеции». Если последних отнести к шведской разведке, тогда Урицкий, по версии НКВД, сотрудничал с разведками четырех стран.

1 августа 1938 года Семен Петрович Урицкий был признан виновным на закрытом судебном заседании выездной сессии военной коллегии Верховного суда, которое проходило 20 минут, и приговорен к высшей мере нака-

зания. Приговор был приведен в исполнение немедленно. 7 марта 1956 года он был реабилитирован.

28 ноября 1937 г. был арестован бывший начальник Разведупра РККА армейский комиссар 2-го ранга Я.К. Берзин. Ожидание неминуемого ареста морально сломало Берзина, который сразу готов был давать признательные показания:

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Н.И. ЕЖОВУ

Заявление

Я арестован 28-го ноября 1937 года. Хочу правдиво рассказать следствию о всех совершенных мною преступлениях перед партией и советским народом. Я много лет являюсь агентом английской и немецкой разведок. Находясь на посту начальника Разведывательного Управления, я использовал этот аппарат для английской и немецкой разведок, кроме связи с указанными разведками, я был непосредственно связан с латвийской разведкой. По указанию латвийской разведки, я и связанные со мной лица, о которых я скажу ниже, проводили работу в Советском Союзе по организации фашистских, националистических шпионских элементов среди латышей и, главным образом, среди военных работников-латышей. В результате этой работы по поручению указанных разведок на территории Советского Союза создана латышская фашистско-шпионская организация, в которую входят латыши — военные работники и гражданские лица.

Эта организация в Советском Союзе используется латвийской, немецкой и английской разведками для шпионской работы в Красной Армии, для подрывной деятельности в армии и в стране, для националистической деятельности среди латышей, проживающих в СССР. В эту организацию, которая была чисто фашистской, входили также и правые и троцкистские элементы из латышей. Фашистско-шпионская латышская организация на, территории СССР имела свой центр, в состав которого входили: РУДЗУТАК, БАУМАН, КНОРИН, АБОЛИН, ЭЙДЕМАН и я — БЕРЗИН. Наряду с этим фашистско-шпионская латышская организация имела собственно военную организацию, возглавляемую штабом так называемой военки, в которую входили: ЭЙДЕМАН, АЛКСНИС, БОКИС, ВАЦЕТИС, ЗОМБЕРГ и я — БЕРЗИН.

Была организована работа среди латышей по линии Осоавиахима, по организации их в стрелковые объединения. Эту работу возглавил ЭЙДЕМАН.У меня в руках была сосредоточена военная разведка РККА, в которой мне удалось насадить участников шпионско-фашистской латышской организации.

Нашей организацией для концентрации шпионских кадров использовались латышские клубы, театры и газета.

Наша работа была развита в Москве, Ленинграде, Харькове и Белоруссии.

В своей шпионской работе я был связан со следующими лицами, помимо указанных выше: БАУЗЕР — работник САВО, МЕЗИС БВО, ГИТИС, СТИГГА, ОЗОЛИН, АППЕ, ГРОДИС, САЛНЫНЬ, ГАЙЛИС (ВАЛИН), ФРЕЙМАН, ТАЛТЫНЬ, Кроме того, я был связан, как с участниками этой организации, с ГАЙЛИТОМ — бывш. комвойск, РИНКОМ — бывшим военным атташе в Японии и др., о которых я следствию покажу дополнительно.

Руководство организации и штаб военки имели связь с центром военно-фашистского заговора в армии, имея прямую договоренность, что после свержения советского правительства и установления фашистского строя в России, будут пересмотрены границы между Латвией и СССР, за счет уступок Латвии ряда пограничных пунктов, будет компенсирована помощь Латвией за их антисоветскую деятельность.

О моей шпионской работе, о сотрудничестве с английской, немецкой и латвийской разведками, о работе организации и моей антисоветской работе, об участниках организации, связанных со мной — более подробные показания дам дополнительно.

БЕРЗИН Ян Карлович

28.XI-1937 года
г. Москва».

Из Протокола допроса арестованного Берзина Яна Карловича от 30 ноября 1937 года:

«ВОПРОС. 26 ноября (28-го. — *М.А.*) Вы в Вашем заявлении показáли о том, что являлись одним из руководителей фашистско-шпионской латышской организации в СССР. Приступайте к показаниям.

ОТВЕТ. Да, как я уже писал в своем заявлении на имя Народного комиссара внутренних дел, я, действительно, являлся членом центра латышской националистической организации до момента своего ареста.

ВОПРОС. Ваша организация была шпионской. Это точно установлено.

ОТВЕТ. Да. С этого я и хочу начать свои показания, я был шпионом-агентом английской разведки, с которой я связался через латвийскую разведку. По заданию этих разведок и начал создавать подпольную националистическую организацию, состоящую из латышей, проживающих в СССР. Должен сознаться, что еще до того, как я стал англо-латвийским шпионам, я связался также и сотрудничал с немецкой разведкой.

ВОПРОС. Кто и когда Вас завербовал для шпионской работы в немецкой разведке?

ОТВЕТ. Завербован я был немецкой разведкой в 1930 году в Москве, когда я работал начальником Разведупра РККА. Как известно, в этот период значительно активизировались взаимоотношения германского рейхсвера и РККА. Из Германии присылались в СССР летчики и танкисты для обучения в военных школах в СССР. В Москву приезжали генералы рейхсвера, которые много и громко говорили о «восточной ориентации». Мне в этот период (зима и лето 1930 г.) пришлось несколько раз встречаться с находившимся в это время в Москве неофициальным германским атташе НИДЕРМАЙЕРОМ.

НИДЕРМАЙЕР вначале вел со мной переговоры об обмене агентурными данными по Польше и Франции и о возможности обсуждения оперативных вопросов между штабом РККА и штабом рейхсвера. Я лично считал возможным сотрудничество разведок РККА и рейхсвера, однако, это было отвергнуто Народным комиссаром по военным делам.

В беседе с НИДЕРМАЙЕРОМ я высказывал свое сожаление по поводу этого отказа от сотрудничества разведок, осуждая решение наркома. Я сказал тогда НИДЕРМАЙЕРУ, что если бы от меня это зависело, я бы сделал все возможное, чтобы не только сотрудничать с германской разведкой, но и цели-

ком всему Советскому Союзу ориентироваться на Германию, — пойти на выучку к Германии.

Я высказал вначале в завуалированной форме свои взгляды: у меня к этому времени уже сложились антисоветские националистические взгляды, я считал, что латышам, работающим в СССР, следует искать путей к тому, чтобы вместе с другими антисоветскими силами свергнуть существующий режим и обеспечить развитие Латвии и большее влияние латышей на все дела в России. Я считал, что в этих планах Германия будет играть крупнейшую роль.

НИДЕРМАЙЕР в наших разговорах уловил эти настроения; в одной из бесед со мной, происходивших в Отделе внешних сношений НКО, он заявил мне, что считает целесообразным поддерживать со мной связь и практически осуществлять то сотрудничество разведок, в котором было отказано Народным комиссаром. Я согласился и фактически, по предложению НИДЕРМАЙЕРА, начал его снабжать имевшимися в моем распоряжении документальными и агентурными материалами, взамен от НИДЕРМАЙЕРА ничего не получая и не требуя.

Окончательно оформил мою вербовку приехавший в качестве германского атташе в СССР — генерал КЕСТРИНГ, который в одной из бесед сказал мне, что он знает о моих взглядах, знает, что я практически уже начал помогать Германии, и он предлагает мне впредь систематически информировать его не только по имеющимся у меня агентурным материалам Разведупра, но и вообще обо всем, что будет интересовать Германию по РККА, по положению в стране и т.д.

К этому времени я уже настолько запутался в этих моих связях с немцами и мои антисоветские взгляды и связи настолько активизировались, что я дал согласие КЕСТРИНГУ снабжать его нужными ему сведениями, став, таким образом, шпионом —сотрудником германской разведки. Это было в конце 1930 года.

ВОПРОС: — Какими шпионскими сведениями Вы снабжали германскую разведку?

ОТВЕТ: — Я передавал немцам, вначале через генерала КЕСТРИНГА, а затем по линии Разведупра через работавшего нелегально в Берлине БАСОВА-АБЕЛТИНА и МАКСА-МАКСИМОВА (немецкий шпион), целый ряд документов по организационным мероприятиям в РККА, по новой технике, сводки о внутреннем положении в СССР, о политико-моральном состоянии РККА. Должен указать, что я не имел прямого доступа к вопросам оперативных мероприятий РККА и сообщал немцам суть только тех проводимых мероприятий, которые мне становились известны. Кроме того, я снабжал германскую разведку всеми имевшимися в Разведупре данными о Польше, Чехословакии и Франции.

Особенно усилила свои требования ко мне германская разведка после победы фашизма в Германии.

Вначале (в первой половине 1933 г.) был период, когда в германском штабе существовала неразбериха в связи с уходом ШЛЕЙХЕРА и БРЕДОВА — фактического начальника германского разведуправления, но затем все пришло в порядок, и на меня начали нажимать с заданиями. Требовали от меня, главным образом, данных о технических частях РККА, танковых, авиации и т.д. Все, чем я располагал, я передавал немцам. Примерно с 1934 года требований ко мне стало предъявляться несколько меньше.

Я сейчас объясняю это тем, что к этому времени относится приход в Разведупр АРТУЗОВА и ШТЕЙНБРЮКА, которые, как я позже узнал, оказались немецкими шпионами. С ними я лично связан не был. Очевидно, германская разведка не считала целесообразным связывать меня с ними.

ВОПРОС: — Вы расскажите о Вашей предательской работе в части провала агентуры Разведупра в Германии.

ОТВЕТ: — Конечно, немцы усиленно требовали от нас — от меня и других участников нашей организации сведений о работе Разведупра по Германии. Надо прямо сказать, работу в Германии по линии разведки мы вели ничтожную, такую, чтобы можно было создавать видимость работы, фактически же СТИГГА, работавший резидентом, затем БАСОВ-АБЕЛТИН, МАКС-МАКСИМОВ, ВИТОЛИН — работавшие по линии РУ в Германии и БОЛОТИН, работавший в Разведупре по Германии, — все являвшиеся немецкими шпионами, обеспечивали интересы германской разведки, а я давал им полную возможность осуществлять задания германской разведки.

ВОПРОС. Расскажите, когда Вы стали английским шпионом?

ОТВЕТ. Установление мною связи с латвийской разведкой, а через нее и с «Интеллиженс Сервис» относится к 1931 году. Я привлечен был к сотрудничеству с латвийской разведкой через начальника Разведывательного отделения Ленинградского военного округа — ГРОДИСА. ГРОДИСА я знал как слушателя специального отдела Военной академии; с ним я сблизился, и мы вскоре сошлись, как латыши-националисты, решившие бороться с советской властью, ориентирующиеся на Германию. ГРОДИС в одной из бесед, примерно, в середине 1931 года так прямо мне и сказал, что он себя гражданином СССР считает лишь формально, что подлинная его родина — это Латвия и в интересах Латвии он готов на все, даже на то, что считается преступлением — изменой родине. После моих расспросов, он рассказал мне, что связан с начальником латвийской разведки— ГАРТМАНОМ. Через некоторое время он привез мне предложение ГАРТМАНА, которого он по своим линиям связи информировал обо мне, — начать сотрудничество с латвийской разведкой. ГРОДИС передал мне слова ГАРТМАНА, что латвийское руководство и латвийская разведка знают, какое большое положение я занимаю, и обращаются ко мне, как к патриоту, любящему родину. Я дал согласие сотрудничать с латвийской разведкой. В дальнейшем ГРОДИС со слов ГАРТМАНА передал мне следующее: — я должен понимать положение Латвии, которая находится постоянно под угрозой своего восточного соседа и, естественно, ищет помощи и покровительства у сильных государств и нашла таковое у Англии. Латвийская разведка, заявил ГРОДИС, сотрудничает с Англией. В интересах Латвии ГАРТМАН и ГРОДИС просили меня дать согласие на связь с английской разведкой, подчеркнув, что именно я, как начальник Разведупра, смогу реально помочь и укрепить в глазах Англии не только положение латвийской разведки, но и Латвии в целом, т.к. это покажет англичанам, насколько реальны и сильны возможности и связи латвийского правительства. Я и на это согласился.

ВОПРОС: Расскажите, как была построена фашистско-шпионская латышская организация?

ОТВЕТ: Фактически возглавлял латышскую организацию в СССР центр во главе с РУДЗУТАКОМ. Рука об руку с ним действовал ЭЙДЕМАН. Они вели переговоры с другими членами центра и давали основные указания во всей нашей работе. С РУДЗУТАКОМ и ЭЙДЕМАНОМ мы наметили поставить во главе

создаваемой организации из латышей штаб, в который вошли ЭЙДЕМАН, АЛКСНИС, ЗОМБЕРГ, БОКИС и я — БЕРЗИН. Мы назвали это руководство — штаб военки. Руководство гражданскими группами участников нашей организации оставалось за остальными членами центра — РУДЗУТАК, КНОРИН.

Основным принципом латышского националистического подполья являлась строжайшая конспирация, установление связей по вертикали, но не по горизонтали, группирование в небольшие обособленные группы. На ЭЙДЕМАНА и ЗОМБЕРГА возлагалась работа среди латышей, группирующихся вокруг Осоавиахима; на АЛКСНИСА возлагалась работа среди латышей и авиации, тоже на БОКИСА — в мотомехчастях.

На меня возлагалась задача — возглавление организации в системе Разведупра и ведение шпионской работы. Самостоятельные шпионские связи имели и другие члены центра.

Никаких собраний членов центра, записей, естественно, не велось. Обсуждение мы проводили при личных встречах — вдвоем, втроем. Я, в частности, совершенно не встречался с БАУМАНОМ и АБОЛИНЫМ. Из состава основного центра я связывался с РУДЗУТАКОМ, КНОРИНЫМ и ЭЙДЕМАНОМ. Я был в центре на особо законспирированном положении в силу моей роли, как начальника Разведупра.

Со слов ЭЙДЕМАНА мне известно, что он проводил большую работу по насаждению боевых повстанческих кадров в латышских национальных формированиях при Осоавиахиме, сколачивая их в группы, ячейки, ответвления организации. Я проводил работу по вербовке и расстановке кадров в системе Разведупра, обеспечив внедрение участников организации на все основные участки работы Разведупра как в СССР, так и за границей. Прочие члены центра вели работу среди гражданских лиц и, насколько мне известно из бесед с членами центра, в организацию по Москве были завербованы латыши в количестве около 400 человек. <...>

ВОПРОС: — Назовите всех известных Вам участников латышской фашистско-шпионской организации.

ОТВЕТ: — Мне известны, как участники латышской националистической организации, следующие лица: РУДЗУТАК, ЭЙДЕМАН, АЛКСНИС…

Мною лично завербованы в латышскую фашистскую организацию работники Разведупра братья ЯМБЕРГ — в 1931 году, которые, в свою очередь, завербовали ИКАЛА и КЛИБИКА, а также гравера РИНКУСА. Затем мною были завербованы — СТИГГА, во время его приезда из Германии в 1931-1932 гг. и в тот же период БАСОВ-АБЕЛТИН, ВИТОЛИН и САЛНЫНЬ. САЛНЫНЬ завербовал КРАУТМАНА, с которым он работал на Дальнем Востоке. ШМИДТА — старшего, МИКЕЛЬСОНА-АРВИСА, ВАЛИНА-ГАЙЛИСА я завербовал в период его отъезда на Дальний Восток на работу начальником Разведотдела ОКДВА. <...>

Помимо этих лиц, мною завербованы в период 1931-1932 гг. КИРХЕНШТЕЙН. ЗВОНАРЕВ-ЗВАЙДЕ; с ЯНЕЛЕМ меня связал кто-то (не помню точно) из вышеназванных участников организации; от него я узнал, что им завербован ЖИГУР. <...>

Вот те лица, входившие в подпольную латышскую организацию, которых я знал и которых сейчас вспомнил.

Должен сказать, что помимо названных мною выше лиц, участников антисоветского латышского подполья, мне известны еще некоторые люди, не из латышей, которые были связаны с нашей организацией. <...>.

ВОПРОС. БЕРЗИН, Вы и Ваши сообщники по Разведуправлению были шпионами нескольких иностранных разведок. Какая же разведка была основным хозяином Вашей фашистско-шпионской организации?

ОТВЕТ. Действительно, я лично и другие участники нашей организации были связаны с несколькими разведками. Однако, основную ставку, основные надежды в осуществлении наших планов, особенно за последнее время, мы делали на Германию. Отсюда вытекало, что основной нашей связью являлась связь с германской разведкой. Это, конечно, не исключало связей с другими разведками (английской, японской, польской).

В нашей ориентации на протяжении всего существования латышской организации происходили коренные изменения. Было два основных этапа: первый этап примерно до 1930—1932 гг., когда Германия была в относительно дружественных отношениях с СССР и мы считали, что здесь нет перспектив на помощь нашей организации. Правительство Латвии, а, следовательно, и латвийская разведка тогда ориентировались на Англию.

К периоду победы фашизма в Германии относится и окончательное перерастание нашей организации в чисто фашистскую. В части будущего строя Латвии мы считали, что необходимо будет осуществить военную диктатуру, ликвидировав всякие признаки демократизма и парламентаризма. Этим путем мы также рассчитывали как бы искупить свои грехи перед Латвией и Европой за то, что мы в гражданскую войну активно участвовали в борьбе большевиков.

Среди членов центра шли такие разговоры: латышские части в Октябрьские дни помогали взять власть большевикам, они охраняли ЛЕНИНА и Кремль. Теперь мы помогаем троцкистско-бухаринскому блоку и военному центру свергнуть руководство партии и правительства. Это поможет нам придти к власти в Латвии, установить там фашистский режим и обеспечить национальное развитие Латвии.

Но не в этом только причина нашей переориентировки, начиная с 1933 года на Германию. Я и другие члены основного и военного центра латышской организации, в частности, РУДЗУТАК, ЭЙДЕМАН, АЛКСНИС, с которыми я беседовал, хорошо понимали, что Германия, став фашистской «III-й империей» — резко агрессивна, причем острие этой агрессии направлено против СССР. Мы считали, что наиболее выгодной и реальной для нас будет ориентировка на Германию, ставка на связь и взаимопомощь германской разведки. Цели, задачи и программные установки наши совпадали с интересами германских фашистов и за последние годы, надо прямо сказать, мы на всех участках, где сидели участники нашей организации, делали все, чтобы закрепить союз с Германией.

Способствовало этому и то, что правительство УЛЬМАНИСА в Латвии по сути является германской агентурой. Мы работали в контакте с УЛЬМАНИСОМ.

Несмотря на все это, участники нашей организации, не только не порывали связей с другими иностранными разведками, а укрепляли их, в том числе с английской — через меня и ГРОДИСА, с японской — через ВАЛИНА-ГАЙЛИСА, с польской — через АПЕНА и, конечно, латвийской — через ГРОДИСА, да и не только через ГРОДИСА.

Возглавлявший латышскую организацию РУДЗУТАК поддерживал до последнего времени связь с англичанами.

Мы считали, что чем больше, шире мы будем вредить СССР по всем линиям, чем больше будем ослаблять СССР, тем лучше для нас — латышей. В этом разрезе центр организации придавал большое значение группе латышей, засевших в Разведупре под моим руководством, в руках которых была разведывательная работа и заграничные связи организации. <...>

Я хочу здесь отметить одно обстоятельство о характере нашей связи с УЛЬМАНИСОМ и нынешним латвийским руководством. Мы все — члены руководства латышской организации в СССР — не считали для себя УЛЬМАНИСА и его группу людей большим и непререкаемым авторитетом. Мы считали, что подлинные интересы Латвии обеспечит наша группа и что будущее правительство Латвии — возглавим мы. Пока же мы, исходя из реального положения вещей, контактировали нашу работу с УЛЬМАНИСОМ, поскольку он возглавлял правительство Латвии.

Мы считали, что в интересах Латвии, до свержения советской власти актив нашей организации должен делать все, чтобы продвигаться и закрепляться на руководящих ролях в СССР.

Я прошу сейчас прервать допрос.

Я обещаю следствию дать более подробные показания о работе латышской организации и моей в частности.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

БЕРЗИН».

Берзиным были названы десятки имен и будут названы еще десятки. И многие из тех, чьи имена были названы, если еще не были арестованы, вскоре будут взяты под стражу.

Из Протокола допроса арестованного БЕРЗИНА Яна Карловича от 25 декабря 1937 года:

«ВОПРОС. Предыдущий допрос был прерван на Ваших показаниях о шпионской работе, которую проводили участники латышской фашистско-шпионской организации, проникшие в Разведывательное Управление РККА.

Приступайте к показаниям по этому вопросу.

ОТВЕТ. Все шпионские связи с иностранными разведками, вся основная шпионская работа латышской организации концентрировалась и направлялась разведупровской группой латышей-участников этой организации. Эту группу возглавлял я — Берзин.

Группа участников латышской организации в системе Разведывательного Управления РККА, находившихся как в СССР, так и за границей, являлась крепко сколоченным и, пожалуй, наиболее значимым ядром нашей организации.

Без преувеличения можно сказать, что группа эта в силу своего положения, монополизировала в своих руках шпионскую работу и шпионские линии связей латышской организации.

Разведупровская латышская группа играла в организации особую роль. Роль эта была скрыта даже от многих руководящих участников организации. В силу своей роли группа эта являлась, пожалуй, решающей силой во всей подпольной работе латышской организации, как в СССР, так и за границей.

Для выполнения своих задач разведупровская группа располагала довольно многочисленными кадрами латышей-участников организации, сидевших во всей системе Разведупра, как в СССР, так и за границей на решаю-

щих участках разведывательной работы. Участники этой группы в большинстве своем были профессионалами — разведчиками, шпионами.

Участники нашей организации в Разведупре делились на пять основных групп и были расставлены на соответствующих участках работы, что и обеспечивало выполнение, поставленных центром латышской организации и иностранными разведками.

В первой из этих групп находились латыши из актива — руководящие работники разведупровской организации — люди, связанные непосредственно со мной и возглавлявшие разведывательную работу Разведупра по какой-либо группе стран.

Во второй группе — рядовые участники организации, выполнявшие определенные шпионские задания мои, либо других руководителей разведупровской организации.

Третья категория участников разведупровской организации — это латыши, находящиеся на зарубежной работе — резиденты и работники военного атташата СССР за границей.

Четвертая категория — члены латышской организации, работающие в разведывательных отделах военных округов (ЛВО, БВО, КВО, ОКДВА и др.)

И, наконец, пятая категория — разнообразные лица, через которых мы нередко проводили нашу шпионскую работу, — это шпионы разных мастей и окрасок — не латыши, участники различных антисоветских шпионских групп, преступный элемент — люди, которых мы использовали и в светлую, и в темную, не раскрывая, однако, как правило, своего лица — латышской организации. Должен сказать, что сплошь и рядом и мы не знали хорошо этих людей, кто они, кому они, собственно, служат.

Нередко этот шпионский антисоветский и уголовный элемент, из людей разных национальностей — не латышей, мы привлекали к шпионской работе, под маркой военного заговора, право-троцкистских групп и проч. <...>

ВОПРОС: Вы переходите к конкретным показаниям. Скажите точно, кто входил в состав латышской фашисткой шпионской организации в Разведупре РККА?

ОТВЕТ: Во главе Разведывательного Управления, с момента его организации, стояли латыши. В первые годы после гражданской войны начальником Разведупра был ЗЕЙБОТ; я был его заместителем.

С 1924 года и с небольшим перерывом до 1937 г. начальником Разведупра был я — БЕРЗИН. Руководящую роль в шпионской работе нашей организации в Разведупре играли я — БЕРЗИН, СТИГГА Оскар, являвшийся начальником отделов РУ, находившийся на зарубежной работе; затем: ЛОЗОВСКИЙ (ЯМБЕРГ) — начальник 10 отдела РУ, державший в своих руках всю технику, ВАЛИН-ГАЙЛИС — начальник отдела РУ, в прошлом начальник РО ОКДВА.

В состав разведупровской шпионской латышской организации в аппарате РУ РККА в Москве и на периферии в разведотделах военных округов входили следующие лица:

а) в аппарате Разведупра в Москве:

1. ПЕРКОН-ЯМБЕРГ Эрнст — пом. нач. 10 отдела;

2. РИНКУС — техник гравер 10-го отдела;

3. РЕЯ Евгений — пом. нач. 8 отдела;

4. ГРАУДИН-КАЛНИН — секретный уполномоченный 2-го отдела;

5. ОЗОЛИН — работавший в последнее время начальником 10 отдела;

6. БЕРНАДТ — работник 10 отдела;
7. ДОВГАЛЛО Казимир — начальник отделения 1 отд.
8. ЗВОНАРЕВ-ЗВАЙГЗНЕ — преподаватель школы РУ;
9. КАСВАНД — начальник группы в школе РУ;
10. МИХЕЛЬСОН-АРВИС — техник в активке и в РУ;
11. ГРИШКЕЛИС — нач. отделения 1 отдела РУ;
12. ДАВИДСОН Мария — секретарь зам. Нач. РУ;
13. ВОКСНЕ Антонина — старшая шифровальщица;
14. ЗИССОР-СВИРСКАЯ Розалия — техник в школе РУ;
15. БОЛЬ — в активке Разведупра;
16. ЗАНДЕ — радиотехник;
17. ФРЕЙМАН Эмилия — в 1-м отделе РУ политрук;
18. МЮЛЛЕР Карл — работник РУ;
19. ВИЛИЦЫНЬ — в школе РУ;
20. ТАЛЬБЕРГ — во 2-м отделе РУ;
21. ДАВИДСОН Мария — секретарь отдела.

Затем в Разведупре РККА имелась группа участников эстонцев-шпионов, с которыми мы блокировались и шпионской работой которых мы — (я и СТИГГА) руководили.

б) в состав этой группы входили:
ТУМЕЛЬТАУ — зам. нач. II отдела Разведупра;
ТИКК Карл — пом. нач. отделения РУ;
РИММ Карл — нач. отделения РУ;
РИММ Любовь — в аппарате РУ.

в) в Разведывательных отделах округов:
22. ГРОДИС — начальник РО ЛВО;
23. ФРЕЙМАН — пом. начальника РО ЛВО;
24. БЕРЗИН Ян — работник РО ЛВО;
25. АППЕН — начальник РО БВО;
26. ПУНГА — начальник РО МВО;
27. БААР — б. начальник РО УВО. В последнее время был УРИЦКИМ командирован на работу в Германию;
28. ВАЛИН-ГАЙЛИС — б. начальник РО ОКДВА. В 1937 г. назначен начальником 2 отдела РУ;
29. САЛНЫНЬ Христофор — б.зам. нач. РО ОКДВА;

г) за границей по линии Разведупра:
30. БАСОВ-АБЕЛТЫНЬ — быв. резидент РУ в Германии и Австрии, в последнее время работник РУ в Чехословакии;
31. ВИТОЛИН Алексей — быв. резидент РУ в Польше и во Франции, в последнее время резидент РУ по Германии.
32. ТЫЛТЫНЬ Альфред — быв. резидент РУ во Франции и США, в последнее время резидент в Америке;
33. ИКАЛ — работник 10 отдела РУ, в последнее время резидент в США по паспортной линии;
34. ЛОЗОВСКИЙ-ЯМБЕРГ Виллис — б. начальник 10 отдела РУ, в последнее время резидент РУ во Франции по паспортной линии;
35. ДОЗЕНБЕРГ Николай — на нелегальной работе в Маньчжурии.
36. АНСИТ — резидент РУ в Финляндии;
37. ЗВИРГЗДЫНЬ Антон, находился в Китае на разведывательной работе;

38. БЕРЗИНА Альма — жена активного участника организации — КРАУТМАНА, работала в Харбине в Профсоюзах, сейчас в Германии;

39. БИРКЕФЕЛЬД — полковой комиссар, был на нелегальной работе в Италии;

40. МИХЕЛЬСОН Лидия, на работе по линии РУ в Чехословакии;

41. АШНЕВЕЦ — бывший офицер, на развед. работе в Германии;

42. ВОЛГИНА (ЭЙХМАНС) М. — работает по линии Разведупра во Франции;

43. БРЕМАН — был на зарубежной работе в Латвии, где и завербован латвийской разведкой при аресте;

44. ВАРРЕ — на развед. работе в Китае;

45. ЭВИРВУЛЬ — работает в Монголии;

46. БЕЙКА Давид — работает по линии Разведупра в САСШ;

47. ДАЛЛАНТ Николай — на зарубежной работе;

48. КРАСТЫНЬ Марта — находится в Китае;

49. САЛНЫНЬ — находится в Испании;

50. КИРХЕНШТЕЙН — быв. резидент РУ во Франции и Италии, в последнее время резидент в Швеции;

52 (после пункта 50 в тексте документа идет пункт 52. — *М.А.*). ФЕЛЬДНЕР — был принят в РУ УРИЦКИМ и подготовлен на замену ЛОЗОВСКОГО во Франции;

53. КЛИБИК — б. работник 10 отдела РУ; был командирован при Урицком в Испании в качестве резидента по паспортам;

54. МАНШТЕЙТ (не латыш) был резидентом РУ в Америке;

55. ФРЕЙМАН Эмилия — связистка РУ в Копенгагене.

д) по линии военных атташе:

56. РИНК — б. военный атташе в Японии; ранее был военным атташе в Афганистане и работал в аппарате РУ;

57. ЛЕПИН — б. военный атташе в Китае, ранее работал военным атташе в Польше;

58. РИТТЕР — пом. военного атташе в Швеции;

е) Кроме того, ранее работавшие в РУ:

59. ГРУЗДУП — работал в РУ до 1936 г.; в последнее время был в армии;

60. ФЕЛЬДМАН — ранее работал радиотехником РУ, в последнее время на одном из заводов Точмех;

61. ВОРБУТ-ЗЕМИТ — радиотехник; настоящее место работы не известно;

62. БЫКОВ — радиотехник; настоящее место работы не известно;

63. ПЕСС Август — б. резидент в Австрии, умер в 1934 г.;

64. ШТРАУС — работник редакции латышской газеты;

65. ЖИГУР — в Военной академии;

66. ЯНЕЛЬ — работал в Управлении ВВС;

67. ГРИКМАН — зав. курьерск. службой НКИД;

68. ДУМПИС Макс — б. консул в Герате (Синь-Цзянь);

69. КТРЕВИЦ — работал на нелегальной работе за рубежом.

ж) Группа латышей, работавших по технике в ОГПУ-НКВД, связанных с нашей латышской разведупровской организацией:

70. БЕРЗИН Эдуард;

71. КЛЕППЕР;

72. ЦИНИС;

73. МИРАМ;

74. АППЕН Роберт (Работают в Спецотделе ГУГБ НКВД СССР),

ВОПРОС. С кем Вы еще были связаны из участников латышской фашистской организации?

ОТВЕТ. Кроме указанных выше лиц, близки были ко мне и к разведупровской группе следующие участники нашей организации:

ПЕЧАК — быв. работник латсекции ИККИ. Был также преподавателем в КУНЗе до 1935 года;

СТАЛЬ Рудольф — при советском правительстве в Латвии был начальником милиции, впоследствии некоторое время работал в Внешторге (Таможенное управление); последние годы работал в «Прометее»;

ДАНИШЕВСКИЙ Карл, бывший член сов. правительства Латвии, член РВС латармии, затем при ТРОЦКОМ член РВС РККА; в последние годы работал в Наркомлесе;

КАКТЫНЬ Артур — был сотрудником «Экономической жизни»; все последние годы работал в Туркестане по хозяйственной линии, точно должности не знаю;

ПЕЛЬШЕ Роберт, латышский журналист. После гражданской войны все время работал в системе Наркомпроса; в последние годы был преподавателем в одном или в нескольких вузах в Харькове;

ЛЕНЦМАН Ян Давыдович, последние годы находился в Москве на пенсии, одновременно работая в загранбюро лат ЦК; <...>

Я перечисляю здесь тех наших людей, на которых мы твердо опирались, как на участников латышской организации в системе Разведупра. Кроме этих людей, как я уже выше показывал, мы также привлекли к шпионской работе целый ряд людей других национальностей — шпионов, военных заговорщиков, националистов.

ВОПРОС. Назовите их.

ОТВЕТ. В самом Разведывательном Управлении РККА, наряду с нашей латышской организацией, существовала и действовала в полном контакте с нами, фактически под моим руководством в шпионской работе — эстонская националистическая шпионская группа. С группой этой я был связан через ее руководителей эстонцев в Разведупре — заместителя начальнику 3-го отдела РУ ТУММЕЛЬТАУ, который вел шпионскую работу вместе с работниками РУ — ТИКК и РИММ — участниками эстонской националистической группы.

В последний период мы были связаны и контактировали шпионскую работу с польской националистической организацией через ее руководителей (по шпионской работе) — СТАШЕВСКОГО и БОРТНОВСКОГО. И, наконец, в самом Разведывательном Управлении в последние два года я имел связь со сменившим меня на посту начальника Разведупра — УРИЦКИМ, одним из участников военного заговора.

Такую же линию использования для наших целей шпионов и заговорщиков других национальностей проводили мои люди — латыши за границей. Так, в частности, в Германии были привлечены для шпионской работы мною и БАСОВЫМ-АБЕЛТЫНЕМ — ДИДУШОК и Макс МАКСИМОВ, работавшие резидентами РУ и выполнявшие наши шпионские задания.

РИНК, в Японии, привлек к шпионской работе, под видом работы по заговору, работников советской колонии в Токио: КИРЕЕВА — пом. морского атташе, ФЕДОРОВА — своего секретаря и АСКОВА — резидента РУ. Точно также

начальники Разведывательных отделов военных округов, используя свое положение, привлекли к шпионской работе лиц других национальностей.

ВАЛИН-ГАЙЛИС привлек в ОКДВА к шпионской работе работников РУ ТАРХАНОВА, ИОЛКА, НАЗАРОВА и ВИШНИВЕЦКОГО, а через них многих японских шпионов и участников военного заговора.

Таким образом, в руках латышской организации были все, или почти все решающие участки и нити разведупровской работы в СССР и за границей. Это давало нам возможность работать более или менее смело и проводя шпионскую работу, использовать аппарат Разведупра в наших целях весьма широко. <...>

В первые годы нашей работы в Разведупре я и другие участники латышской организации боролись с польской группой разведупровцев, так как видели в них конкурентов, пытавшихся захватить руководство Разведупром в свои руки. Все эти поляки, в период их работы в Разведупре, поддерживали постоянную тесную связь с УНШЛИХТОМ, получая от него непосредственно (через мою голову) директивы.

С уходом УНШЛИХТА с поста зам. Наркомвоенмора, в начале 1930 года нам удалось вытеснить многих поляков, продвинув на их места своих людей — латышей.

Они почти все, через свои связи, перекочевали на работу в Коминтерн, в органы ОГПУ и другие, а частично в 1935 году были возвращены в Разведывательное Управление УРИЦКИМ, имевшим с поляками свои линии связи.

После ухода поляков из Разведупра, — основную, ведущую роль во всей разведывательной работе в РККА, в СССР и за границей, играли мы — латыши — участники латышской организации.

Мне — БЕРЗИНУ удалось окончательно захватить — насытить разведывательное Управление своими кадрами, участниками латышской организации, закрепив за нашими людьми основные участки разведки в СССР и за границей. <...>

Мы считали, что сохранить за собой Разведупр, — это, значит, сохранить такую величину, которой интересуются и будут интересоваться все государства. Мы считали, что, нащупав пути скрещивания интересов основных иностранных разведок, мы из Разведупра — крупного центра шпионажа, сможем влиять на разведки, а через них на штабы и правительства иностранных государств, сможем играть на их интересах и противоречиях, выдавать тайны одной разведки другой; дезинформировать, запутывать их карты. Мы рассчитывали протянуть наши линии во все основные разведки. Рассчитывали мы и на то, что таким путем мы поднимем вес, авторитет латышской организации в целом. Именно, исходя из этих задач использования Разведывательного Управления, которое было захвачено нами, мы и строили наш генеральный план шпионской подрывной работы.

Обсуждая планы действий нашей организации — мы, конечно, отлично понимали, что никакой ставки на самостоятельные действия, выступление нашей организации в СССР — мы делать не можем. Мы знали, что сил наших латышей в СССР — чрезвычайно мало, что никто в мире не отнесся бы серьезно к нашей организации, если бы мы — латыши не владели в СССР целом рядом серьезных командных вышек, не владели бы таким острым участком как Разведупр.

А вот, используя то, что мы захватили ряд ответственных постов в советском государственном аппарате и в РККА, мы всех участников латышской организации, вплоть до самых ответственных, стоявших во главе этих аппаратов, поставили на службу разведки — шпионажа, поставили на службу разведупровской организации с тем, чтобы, используя все эти возможности, Разведупр мог бы представлять для иностранных правительств крупную, а в некоторых вопросах и незаменимую силу.

Центр нашей организации считал, что нужно делать все, чтобы все большие посты, занимаемые латышами, не только сохранять, но и тех латышей, которые владеют ими продвигать выше и тянуть за собой других латышей-участников организации. <...>

Наша латышская разведупровская организация была сборищем шпионов-профессионалов, как бы своеобразной биржей международного шпионажа; участники организации выкрадывали и продавали шпионские сведения, расхищали деньги, документы; информировали и дезинформировали так, как это было выгодно нашей латышской организации.

Это обеспечивалось тем, что мы овладели основными участками работы в Разведывательном Управлении РККА, как в самом аппарате и некоторых Разведотделах военных округов, так и во многих заграничных резидентурах и военных атташатах.

Захватив в свои руки ряд участков РУ, мы имели возможность располагать многими секретными данными об СССР, получая их, как от участников латышской организации, так и под формальным предлогом, якобы, для нужд информации и дезинформации Разведупра.

Мы располагали разведывательными данными и о других государствах, что давало нам возможность ориентироваться в обстановке, а главное «торговать» такими данными и путем передачи шпионских сведений воздействовать на иностранные разведки.

Таким образом, мы имели возможность вредить СССР, вести подрывную работу путем дезинформации правительства СССР и командования РККА. <...>

Через ВАЛИНА-ГАЙЛИСА и РИНКА на Дальнем Востоке осуществлялась связь с японской разведкой.

ЛЕПИН — военный атташе в Польше, а затем в Китае был связан с английской разведкой через начальника Разведывательного бюро «Интеллиженс Сервис» в Гонконге полковника БОРХАРДА.

Начальник Разведывательного отдела ЛВО ГРОДИС осуществлял связь с латвийской и английской разведками, в частности, через своего помощника ФРЕЙМАНА он был связан с полковником ВИЦИНЬШ из латвийской разведки. У ГРОДИСА были связи и с финской разведкой.

Начальник Разведывательного отдела БВО АППЕН через свою двойническую агентуру был связан с польской разведкой.

Бывший длительное время начальником Разведотдела Украинского военного округа БААР был связан с польской и румынской разведками. <...>

ВОПРОС. Расскажите подробно об участниках латышской шпионской организации на Дальнем Востоке — ВАЛИНЕ-ГАЙЛИСЕ и РИНКЕ.

ОТВЕТ. Как я уже выше показывал, мною был направлен в качестве начальника Разведотдела ОКДВА ВАЛИН-ГАЙЛИС. Это его назначение на такой чрезвычайно ответственный участок работы, было мною согласовано с Эйдеманом, который, в свою очередь, согласовал его назначение с ГАМАРНИКОМ.

Точно также мною были проведены назначения на пост военного атташе в Японии — РИНКА и в Китае ЛЕПИНА.

РИНК — латыш, офицер царской армии, являлся, как рассказывал мне в 1933 году ЭЙДЕМАН и ВАЛИН-ГАЙЛИС, участником военного заговора и был связан непосредственно с ГАМАРНИКОМ и ТАИРОВЫМ.

По поручению центра военного заговора (персонально ГАМАРНИКА) РИНК, примерно, с 1932 года установил связь с японским генеральным штабом и японской разведкой и вел, по поручению центра заговора, переговоры с японцами. Содержанием этих переговоров являлись условия помощи японцев военным заговорщикам в их антисоветской деятельности, а, с другой стороны, помощь заговорщиков японцам в подготовке Японией войны с СССР.

ТАИРОВ, являвшийся японским шпионом, на протяжении длительного времени через РИНКА снабжал японскую разведку шпионскими данными по ОКДВА и ДВК.

После назначения начальником Разведывательного отдела ОКДВА ВАЛИНА-ГАЙЛИСА, линия связи с японской разведкой перешла в его руки. ВАЛИН-ГАЙЛИС являлся одновременно и участником латышской организации, и участником военного заговора. Он свою связь с японцами осуществлял через РИНКА, которому направлял все шпионские материалы, директивы и т.д.

В 1935 году ВАЛИН-ГАЙЛИС окончательно перевербовал РИНКА в латышскую организацию. РИНКА я знал по его прежней работе в Разведупре, когда он принимал активное участие в наших националистических антисоветских сборищах латышей-разведупровцев в Москве, о чем я показывал выше.

При встрече моей с РИНКОМ в 1935 году, когда последний приезжал на маневры в ОКДВА, я имел с ним подробную беседу о задачах латышской организации и договорился с ним о том, что он будет продолжать свою связь с японской разведкой в интересах нашей организации.

Я указал РИНКУ, что он должен будет по приезде в Токио, осторожно поставить вопрос перед японской разведкой (полковником КАВАМОТО) о том, что в СССР существует латышская организация, участники которой занимают крупные посты, которая будет помогать японцам в их борьбе против СССР путем шпионажа, диверсий и всех других форм антисоветской борьбы.

В свою очередь, РИНКУ я предложил поставить вопрос перед японцами о поддержке с их стороны латышской организации, будущей Латвии и персонально нынешних руководителей латышской организации.

Я указал РИНКУ, что он должен также, как и все участники нашей организации, использовать свое служебное положение и свое вхождение в антисоветский военный заговор для того, чтобы, не раскрывая нашего лица (латышской организации), наших подлинных карт, усиливать и форсировать все средства и способы, все и всяческие возможности, которые применяются другими организациями в борьбе с советской властью для ее свержения.

Я предложил РИНКУ в своей работе, под видом привлечения в военный заговор, связываться и даже вербовать соответствующих людей.

Приезд ЛЕПИНА и РИНКА на маневры ОКДВА в 1935 году был мною использован для обсуждения дальнейшей нашей работы и увязки ее. На специальном совещании в Хабаровске при участии моем, ВАЛИНА-ГАЙЛИСА, РИНКА и ЛЕПИНА мы обсудили вопросы о всех этих линиях связи с японцами, о переданных японцам и англичанам материалы, о ходе дезинформации командования РККА и правительства СССР.

Я предложил РИНКУ и ЛЕПИНУ согласовать между собою дезинформацию, сведя ее в основном к сокрытию действительных намерений японцев в Китае для того, чтобы дать возможность японцам лучше подготовиться и осуществить переброску войск с островов на континент.

ВАЛИН-ГАЙЛИС указал, что он имеет возможности для снабжения ЛЕПИНА и РИНКА достаточно подробными материалами об ОКДВА и Дальневосточном крае для передачи японской и английской разведкам.

Эти возможности у ВАЛИНА-ГАЙЛИСА были и потому, что он по военному заговору был связан с заместителем командующего ОКДВА САНГУРСКИМ, начальником ПУАРМ АРОНШТАМОМ и пом. ком. Войск по авиации ЛАПИНЫМ.

Кроме того, ВАЛИН-ГАЙЛИС привлек к шпионской работе ряд работников разведотдела ОКДВА, в частности, ТАРХАНОВА, ИОЛКА, ВИШНЕВЕЦКОГО, НАЗАРОВА и многих других.

ВАЛИН-ГАЙЛИС фактически превратился в резидента японской разведки, имея помимо РИНКА и непосредственные линии связи с японцами, в частности, через резидента японской разведки в Хабаровске — ЦОЯ.

ВОПРОС. Вы лично с японской разведкой были связаны?

ОТВЕТ. Нет, не был. Я не считал это целесообразным, так как линии связи с японцами были достаточно широко налажены, и я решил лично никаких связей с ним не устанавливать. Однако, должен признаться, я предложил РИНКУ и ЛЕПИНУ, в их переговорах с японцами и англичанами, «козырять» моим именем для того, чтобы поднять вес их (ЛЕПИНА и РИНКА) в глазах разведок и доказать японцам и англичанам значение связи с латышами. <...>

ВОПРОС. Какую шпионскую работу на Дальнем Востоке проводили Вы и ВАЛИН-ГАЙЛИС?

ОТВЕТ. Моя связь с англичанами продолжалась на Дальнем Востоке через ЛЕПИНА, которому я вместе с ВАЛИНЫМ-ГАЙЛИСОМ направлял шпионские материалы не только по ОКДВА, Дальневосточному краю, но и по всей РККА.

Надо сказать, что англичан, так же, как и японцев, мы информировали подробнейшим образом о состоянии ОКДВА (эти данные были у нас полностью). Японская и английская разведки получали от нас сведения, начиная о дислокации войск, количества по родам войск, укреплений, вооружения, боевой подготовки.

Мне было известно также, что связанный с ВАЛИНЫМ-ГАЙЛИСОМ САНГУРСКИЙ и АРОНШТАМ имели непосредственную связь с японцами, в частности, с Разведывательным отделом штаба Квантунской армии.

Японскому генеральному штабу они не только передавали оперативные планы ОКДВА, но и согласовывали с ними планы поражения Красной армии в будущей войне.

Тем не менее наличие в руках ВАЛИНА-ГАЙЛИСА крупных линий связи центра заговора с японским генштабом и разведкой делали его видной и полезной для нашей организации фигурой.

ВОПРОС. Вы называете ВАЛИНА-ГАЙЛИСА резидентом японской разведки. Что Вам об этом известно?

ОТВЕТ. На Дальнем Востоке, уже к моему приезду сложилось такое положение, когда японцы, перевербовав ряд участников антисоветского военного заговора, троцкистов, правых и прочих; харбинцев, поляков и других, переброшенных туда из Маньчжурии — бывших работников КВЖД, — создали

такую густую и перекрещивающуюся сеть, — что имели в своих руках многочисленные нити для успешного ведения шпионской работы.

Поэтому «играть» с японцами, как мы делали с другими разведками, которым мы часть материалов давали, часть скрывали, нам было труднее. ВАЛИН-ГАЙЛИС целиком оказался в руках японцев и работал для них с таким рвением, что ему японцы доверили целую группу своих агентов, даже тех, которых вербовал не он.

В итоге он возглавлял целую шпионскую организацию, работавшую для японцев, в которую входили: ВИШНЕВЕЦКИЙ — зам. нач. РО ОКДВА, НАЗАРОВ — нач. агентурного отделения РО ОКДВА, ИЛЬЯШЕНКО — пом. нач. агентурного отделения РО ОКДВА и другие работники РО ОКДВА: ПОКЛАДОК, ЗАДОВСКИЙ, ТАРХАНОВ, ИОЛК. Все эти лица одновременно являлись участниками военного заговора ОКДВА.

Как мне известно от ВАЛИНА-ГАЙЛИСА, он имел в своих руках несколько каналов связей с японской разведкой. Так, кроме передачи материалов через РИНКА, он через НАЗАРОВА использовал подставленную японцами двойническую агентуру, которая и передавала в штаб Квантунской армии шпионские материалы.

Серьезную роль в деле связей ВАЛИНА-ГАЙЛИСА с японскими военными играл связник — резидент РО ОКДВА, фактически являвшийся агентом японской разведки — МАТВЕЕВ, приезжавший из Чан-Чуня.

О степени хозяйничанья японцев в наших разведывательных органах можно судить хотя бы по тому факту, что в 1935 году вскоре после моего приезда в ОКДВА, мне ВАЛИН-ГАЙЛИС передал, что МАТВЕЕВ привез от японской разведки предложение организовать похищение БЛЮХЕРА (командующего ОКДВА) и перебросить его в Маньчжурию в руки японцев.

Вопрос о похищении БЛЮХЕРА (как мне известно от ВАЛИНА-ГАЙЛИСА) обсуждался с САНГУРСКИМ, АРОНШТАМОМ и ЛАПИНЫМ, причем я предложил ВАЛИНУ-ГАЙЛИСУ отказаться от этого плана, так как полагал, что после похищения БЛЮХЕРА, так же, как и после убийства КИРОВА, будут приняты репрессивные меры и, в результате расследования могут выявиться нити нашей латышской организации и связи с иностранными разведками.

ВОПРОС. Вы говорите о наличии многочисленных шпионов, двойников в агентурной сети Разведывательного отдела ОКДВА. Назовите конкретно, кто Вам известен из таких шпионов?

ОТВЕТ. Всех я, конечно, не знаю. Я могу назвать ряд двойников, которых запомнил: — это резидент МАТВЕЕВ в Чан-Чуне с двойнической резидентурой; резидент СИБИРЦЕВ в БЕЙПИНЕ, резидент ХУАН-ЯС в Цицикаре, резидент РЯБОВ и ЛЕБЕДИНСКИЙ в одном из погранпунктов, резидент ИВАНОВ в Дзя-Мусы.

Все эти резиденты являлись японскими агентами, и руководимая ими сеть являлась подставной от японской разведки.

Надо прямо сказать, что в условиях, когда руководство РО ОКДВА и значительная часть резидентов являлись японскими агентами, почти вся сеть РО ОКДВА (я был твердо в этом убежден) во всех ее ответвлениях являлась либо подставной от японцев, либо ими перевербованной. Так, во всяком случае, утверждал в беседах со мной ВАЛИН-ГАЙЛИС,

Японцы сохраняли эту формально существующую сеть, так как они, во-первых, прикрывали и сохраняли ВАЛИНА-ГАЙЛИСА и других своих крупных

агентов, а, во-вторых, использовали имевшуюся двойническую агентуру для дезинформации.

Мало того, японцы рассчитывали широко использовать эту двойническую агентуру для дезинформации командования РККА в военное время, когда новые вербовки были бы затруднены (а вся старая агентура находилась бы целиком в руках японцев). Японцы арестовывали лишь тех агентов, которые отказывались идти на вербовку, или же тех, которых они считали нецелесообразным вербовать.

Следует отметить и то обстоятельство, что некоторых агентов, опасных для японцев, японская разведка предлагала ВАЛИНУ-ГАЙЛИСУ специально направлять за границу (в Маньчжурию или Корею) для того, чтобы с ними там расправляться; некоторых же поручали ВАЛИНУ-ГАЙЛИСУ, либо другим своим агентам из РО ОКДВА, уничтожать непосредственно на советской территории.

Я сейчас не могу вспомнить, кто именно, таким образом, был физически уничтожен. Однако, как мне рассказывал ВАЛИН-ГАЙЛИС, таких случаев было несколько.

Об одном из них, которого убил лично ВАЛИН-ГАЙЛИС вместе со своим заместителем, тоже участником нашей организации САЛНЫНЕМ, мне ВАЛИН рассказывал. Это был агент по кличке, если память мне не изменяет, «Молодой».

Такова, в основном, та шпионская работа в пользу японской разведки, которую проводил я и под моим руководством ВАЛИН-ГАЙЛИС, ЛЕПИН, РИНК и другие участники латышской организации и завербованные не латыши — военные заговорщики, троцкисты и другие шпионы, которых мы использовали в своих целях. ... ».

В «собственноручных показаниях» (без даты; они были получены ориентировочно с 1 по 8 февраля 1938 года) Берзин написал:

«РАМЗАЙ» — фамилия его ЗОРГЕ, член герм. компартии, журналист и экономист. До принятия на работу Р.У. продолжительное время работал в аппарате ИККИ у Пятницкого. В Р.У., если не ошибаюсь, в датах, работает с 1930 года; принят был по личной рекомендации Пятницкого. Пятницкий его рекомендовал как надежного и способного работника, которого он отпускает из ИККИ из-за склоки в немецкой секции. Говорил, что в прежние годы (года не помню) во время его поездки (нелегальной) в Германию, в трудную минуту Зорге укрывал его (Пятницкого) на своей квартире.

Зорге — «Рамзай», под маркой немецкого журналиста в 1931 году был послан в качестве резидента Р.У. в Шанхай, причем ему в задачу ставилось освещение экономич. и политич. положения, а также проникновения англичан, японцев и немцев в Китай. В Китай он ехал через Германию, где сам должен был достать представительство от буржуазной газеты (кажется «Берлинер Тагеблат»), что он и сделал. Работая в Шанхае, Зорге давал удовлетворительную информацию по Китаю и завязал ряд знакомств и связей среди китайцев. В связи с трудностью организовать агентурную разведку на Японию у меня возникла мысль использовать его для работы по [на] Японию, т.к. с положением на Дальн. Востоке он вполне ознакомился и создал там себе прочное положение журналиста. В 1932 г. в конце или в первой половине 1933 года он был вызван в Москву для доклада и выяснения возможности работы по Японии. Я считал его работу в Японии вполне возможной (под маркой немецко-

го журналиста) и считал успех обеспеченным. Разработку плана организации нелегальной рез-ры Рамзая-Зорге, инструктаж самого Зорге, насколько помнится, вел мой зам. по агентуре Мельников. В задачу Рамзаю — Зорге ставилось создание нелегальной резидентуры в одном из крупных центров Японии (где ему удобнее по местным условиям проживать, установить радиосвязь с нами и вести военную разведку по Японии. В этом же году Рамзай через Западную Европу был послан обратно в Китай, где сдал дела Шанхайской резидентуры Бронину «Абраму» (новому резиденту) и оттуда отправился в Японию. В качестве радиста, насколько помнится, ему был придан китаец, специально обученный радиоделу в Москве. Связь (письменную) Рамзай должен был держать через специальную явку в Шанхае, с тем чтобы шанхайская резидентура переправляла дальше. Организационный период этой резидентуры длился очень долго: за весь 1934 год «Рамзай» не установил радиосвязи, ссылаясь на местные трудности, и дал только несколько маловажных сообщений, кормя Р.У. донесениями о том, что «перспективы создания резидентуры и налаживания работы не плохие». Так продолжалось до моего ухода из Р.У. При сдаче дел я Урицкому указал на это и советовал или отозвать, или вызвать «Рамзая» для доклада, но против этого, кажется, был Карин и Артузов. Для «подкрепления» Рамзая Артузовым и Кариным была в Китай и Японию под видом журналистки командирована Куусинен — «Ингрид», быв. жена Куусинена. Ей ставилась в задачу «войти» в Японии в общество и заняться вербовкой. Ее поездка, как мне известно, никакой пользы не принесла.

Вернувшись в Р.У. в 1937 году и знакомясь с работой «Рамзая», я узнал, что сам «Рамзай» и вся его резидентура вместе с радио переселилась на квартиру германского военного атташе в Токио и что герм. воен. атташе — якобы — является агентом «Рамзая». Других каких-либо существенных связей, дающих разведматериалы «Рамзаю», по резидентуре не числилось. Урицкий, говоря о работе Рамзая, при сдаче дел, считал работу «Рамзая» удовлетворительной, он, якобы, дал какие-то предупредительные материалы о мероприятиях японцев.

О том, что «Рамзай»-Зорге нам (Р.У.) подставлен германской разведкой, у меня были подозрения, и о такой возможности говорил Артузову, а также при сдаче дел Р.У. Урицкому. О том, что Зорге является агентом германской разведки, у меня точных данных не было. По линии моих связей с германской разведкой об этом я не знал, немцы меня об этом не ставили в известность. Подозрительным казалось мне в работе Рамзая то, что, работая в Шанхае, он упорно уклонялся от освещения работы германских советников при Чан Кайши.

Во всяком случае, **по имеющимся в Р.У. материалам, известно и видно, что Рамзай — Зорге является агентом германской разведки и как таковой являлся также агентом японской разведки и что «Рамзай» дезинформировал Р.У. и отпускаемые ему довольно большие средства на работу фактически отпускались германскому агенту** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

Это мне подтвердил и посланный Кариным — Артузовым в качестве резидента в Шанхай — Борович (ныне арестован) при его докладе после возвращения из Китая в июле 1937 года.

Весною 1935 года, незадолго до провала «Абрама»-Бронина в Шанхае, Зорге приезжал и имел встречу с Абрамом. Из это я заключаю, что Абрам был провален Рамзаем, тем более, потому что Рамзай знал часть источников Аб-

рама. Причиной такого действия Рамзая было то, что Абраму было дано задание строить, используя китайцев, нелегальную разведсеть на Японию и он эту работу начал, с арестом Абрама все это было сорвано. Лично Рамзая для ведения шпионской работы я не пользовал и заданий не давал».

Далеко не все в собственноручных показаниях бывшего руководителя разведки соответствовало действительности. По поводу «удовлетворительной информации», направлявшейся Зорге из Китая, следует ознакомиться с монографией автора23. Не имело место посещение Зорге Китая, не было радиста-китайца и т. д., однако в части, касающейся оснований направления Зорге в Токио, показания соответствовали действительности.

Вот что Берзин сообщал в «собственноручных показаниях» от 7 февраля 1938 года об Айно Куусинен: «Как я в 1937 г. узнал, она все же была оставлена в Японии и была "спарена" с ЗОРГЕ — "РАМЗАЕМ". Никакой работы в смысле вербовки, новых связей или добычи агент материалов по Японии и Китаю она не сделала. Было истрачено много денег на ее подготовку и содержание по Д/Востоку совершенно впустую.

Комбинацию с поездкой в Японию АРТУЗОВУ (насколько я помню) предложила сама КУУСИНЕН "Ингрид", всячески уклоняясь от работы по Финляндии, т.е. против Финляндии. **На Д/Востоке, работая вместе с ЗОРГЕ — "РАМЗАЕМ", несомненным германским и японским агентом, она в последние годы, 1936—37, конечно, была известна японской разведке.** Завербована ли она немцами или японцами, я сказать не могу; после возвращения ее из Японии я ее не видел и с ней не говорил. Отозвана она была при мне, но до конца июня еще не приехала».

29 июля 1938 года Военная коллегия Верховного Суда провела заседание. Подсудимому было предоставлено последнее слово, и он заявил, что, поскольку им совершены тяжкие преступления, он не достоин просить о снисхождении, а достоин только расстрела. Суд приговорил его к ВМН — и в тот же день он был расстрелян. Заседание длилось всего 20 минут. 23 июля 1956 года Берзина посмертно реабилитировали.

11 декабря 1937 года был арестован начальник отделения 2-го отдела Разведупра РККА полковник К.М. Римм.

Из Протокола допроса арестованного РИММ Карла Мартыновича от 5 июня 1938 года: «ВОПРОС. Показаниями арестованных эстонцев Вы изобличаетесь как эстонский шпион. Расскажите об этом подробно.

ОТВЕТ. Я никогда шпионом не был.

ВОПРОС. Расскажите, где и когда Вы были за границей?

ОТВЕТ. За границей я был в следующих странах. В Эстонии в 1924 году. 1930—1935 был в Австрии, Италии и Китае на нелегальной работе, помощником резидента.

В 1937 году по заданию БЕРЗИНА был во Франции.

Протокол записан верно:

К.М. Римм».

Из Протокола допроса арестованного РИММ Карла Мартыновича от 20 июля 1938 года: «ВОПРОС. Следствием установлено, что Вы, находясь в 1924 году в секретной командировке в Эстонии проводили там предательскую работу. Расскажите об этом подробно.

ОТВЕТ. Я действительно находился в 1924 году в секретной командировке в Эстонии, но никакой предательской работы там не проводил.

ВОПРОС. Вы напрасно пытаетесь скрыть свою изменническую работу, которую Вы проводили в Эстонии. Еще до отъезда в Эстонию Вы являлись агентом эстонской разведки и были ярым противником Советской власти. Перестаньте запираться, приступайте к показаниям.

ОТВЕТ. Я категорически это отрицаю, я все время был честным гражданином советской страны и никакой предательской работы в Эстонии не проводил.

ВОПРОС. Это запирательство Вам не поможет. Показаниями арестованных эстонцев, бывших работников Разведупра РККА ТУММЕЛЬТАУ и ТИКК Вы изобличаетесь как участник эстонской шпионско-фашистской националистической организации. Говорите всю правду, иначе мы будем Вас уличать очными ставками.

ОТВЕТ. Я вижу, что моя преступная деятельность вскрыта полностью. Действительно, я с 1920 года состоял агентом эстонской разведки, в которую был завербован бывшим работником Разведывательного Управления РККА ТУММЕЛЬТАУ и по его заданию проводил в СССР изменническую шпионскую работу. <...>

ВОПРОС. Теперь расскажите, когда, кем, при каких обстоятельствах Вы были завербованы в эстонскую шпионскую националистическую организацию?

ОТВЕТ. В эстонскую шпионскую националистическую организацию я был завербован еще в 1920 году бывшим работником Разведупра РККА ТУММЕЛЬТАУ, при следующих обстоятельствах. В 1920 г. я был командирован на учебу в Военную академию РККА, каковую окончил в 1924 году. Находясь в Академии, я очень близко сошелся со слушателем академии эстонцем ТУММЕЛЬТАУ, с которым мы впоследствии часто посещали эстонский клуб в Москве.

В процессе неоднократных бесед ТУММЕЛЬТАУ рассказал мне о том, что в Советском Союзе проживает много эстонцев, которых необходимо объединить вокруг эстонского клуба и проводить среди них националистическую пропаганду, поддерживая тем самым у них дух эстонской нации.

Прощупав мои нездоровые антисоветские националистические взгляды ТУММЕЛЬТАУ однажды во время нашей беседы рассказал, что в Советском Союзе существует эстонская шпионская контрреволюционная националистическая организация, которая ставит своей задачей проведение национал-шовинистической пропаганды среди эстонцев с целью взять их под свое влияние, привить националистические взгляды и сплотить в единую националистическую организацию, на базе которой можно было бы развернуть широкую шпионскую диверсионно-вредительскую работу в СССР.

Будучи враждебно настроенным против советского строя, я дал ТУММЕЛЬТАУ согласие принять активное участие в эстонской шпионско-националистической организации. <...>

ВОПРОС: Когда окончательно оформилась эстонская шпионская контрреволюционная организация, кто входил в ее руководящий центр, и какие задачи перед ней стояли?

ОТВЕТ: Эстонская шпионская контрреволюционная организация окончательно оформилась к 1926-1927 г., и уже имела свой руководящий центр, в который входили:

1/АНВЕЛЬТ — член ЦК ЭКП, секретарь интернациональной контрольной комиссии Коминтерна.

2/ КОРК — бывший начальник военной академии РККА имени Фрунзе в Москве.

3/ ПАЛЬВАДРЕ — секретарь эстонской секции при ЦК ВКП/б/.

4/ ЯНСОН — бывший наркомвод СССР.

5/ ТУММЕЛЬТАУ — начальник 3 Отдела Разведупра РККА, полковник.

6/ РЯСТАС — работник эстонской секции Коминтерна, редактор эстонской газеты "Эдази".

Центр эстонской организации проводил широкую шпионскую вредительско-диверсионную работу в Советском Союзе, ставя своей задачей объединение эстонцев, проживающих в СССР и организацию бывших эстонских стрелков, участников гражданской войны. С целью подготовки их к будущей вооруженной борьбе против Советской власти. <...>

Член центра эстонской организации ТУММЕЛЬТАУ руководил военной группой, которая проводила шпионскую работу в Красной армии. В эту группу входили следующие военные работники:

1. ГЕРМАН Иоган — работник Разведупра РККА, ныне находится на работе за рубежом.

2. МАРТИСОН Оскар — начальник отделения 4 отдела Разведупра РККА;

3. ПРЕТТЕР КАРЛ — начальник отдела Управления обозно-вещевого снабжения РККА;

4. ВИЛЬМАН Артур — работник 4 Отдела Разведупра РККА.

5. РЯТСЕПП Юлиус — военпред иностранного отдела УВВС РККА, в эстонской националистической организации принимает участие с 1924 года.

6. ЛОМБАК АРТУР — военпред НКО при Наркомате оборонной промышленности.

7. ТРАКМАН Карл — начальник отделения Разведупра РККА;

8. САФОНОВ Павел — помнач отделения 4-го отдела Разведупра РККА;

9. ЛЕВАЛЬД Павел — начальник штаба 2-й отдельной бригады ПВО;

10. ТРАКМАН Гуго — помнач моботдела Управления Восточно-Сибирской ж.д.

<...>

В эту военную группу также входил и я — РИММ и выполнял по поручению ТУММЕЛЬТАУ шпионскую работу. <...>

Со слов ТУММЕЛЬТАУ мне также известно, что эстонская шпионская контрреволюционная организация свою работу проводит по прямым указаниям германского и эстонского правительства через их разведывательные органы и финансируется правительствами указанных государств; что непосредственную связь с этими государствами поддерживает АНВЕЛЬТ, который для этой цели использует аппарат эстонской секции Коминтерна и посольства указанных стран (Эстония и Германия) в Москве. <...>

ВОПРОС. При каких обстоятельствах вы были завербованы для шпионажа в пользу германской разведки?

ОТВЕТ. В 1928 году в Москве неофициальным военным атташе Германии находился некий НИДЕРМАЙЕР. Мое знакомство с ним началось с момента прибытия в Москву военных миссий полковника ЛИСТА и ГАММЕРТЕЙНА. Я был назначен сопровождающим эти миссии. За несколько дней до приезда

первой делегации во главе с полковником ЛИСТ, я был представлен НИДЕРМАЙЕРУ начальником отдела внешних сношений НКО СУДАКОВЫМ. Эта первая встреча произошла на квартире НИДЕРМЕЙЕРА по улице ВОРОВСКОГО. Тут же НИДЕРМАЙЕР познакомил меня со своей женой и сделал приглашение в любое время заходить к нему запросто.

С делегацией ЛИСТА я отсутствовал из Москвы в течение месяца. В августе 1928 года в Ленинград прибыла другая немецкая делегация во главе с генералом ГАММЕРШТЕЙН. Эта делегация посетила ряд городов (Казань, Саратов, Липецк, Житомир, Одессу и др.). Делегацию сопровождал НИДЕРМЕЙЕР и я — РИММ.

В пути следования НИДЕРМЕЙЕР задавал мне целый ряд вопросов, касающихся дислокации частей Красной армии, ее боевой подготовки и политико-морального состояния. Все эти вопросы НИДЕРМЕЙЕР ставил постепенно, а потом все в более конкретной форме, пока, наконец, в Казани он потребовал от меня изменения плана показа военных объектов — он настаивал на показе ему всей боевой подготовки стрелковой дивизии, стоявшей в то время в Казани.

На все вопросы НИДЕРМАЙЕРА я отвечал положительно и этим самым отдал себя в его полное распоряжение. В процессе этой совместной поездки НИДЕРМЕЙЕР меня и завербовал для работы в пользу немецкой разведки. На его требование о показе боевой подготовки дивизии ответил утвердительно, и вся боевая работа дивизии германской миссии была показана полностью. Из документальных материалов я передал НИДЕРМАЙЕРУ 10-ти верстную карту района Москва-Липецк, сообщил ему дислокацию частей и материалы о состоянии и вооружении Красной армии.

ВОПРОС. Вы показали, что с 1930—1935 гг. Вы находились за границей. Расскажите, какую изменническую работу Вы там проводили?

ОТВЕТ. На закордонную работу меня привлек работник Разведупра РККА полковник КИРХНЕНШТЕЙН, с которым я еще был знаком по работе в Разведупре РККА. С 1930—1931 г. я работал помощником резидента в Италии и был непосредственно связан с работником РУ РККА АКУЛОВЫМ, а в начале 1932 года был отозван на работу в Шанхай.

По работе в Шанхае я был связан с резидентом РУ РККА под кличкой «Рамзай» (настоящая фамилия САРГЕ).

Этот РАМЗАЙ являлся агентом германской, английской разведок, о чем мне уже тогда было известно с его слов, и, в основном, выполнял их задания (выделено мной. — *М.А.*). Я, как помощник РАМЗАЯ, выполнял все его задания и, естественно, помогал германской и английской разведкам. РАМЗАЯ и его помощника «ДИКСОНА» по фамилии СТРОНСКОГО в белогвардейских русских барах знали как агентов Советской России.

РАМЗАЙ по своим политическим убеждениям примыкал к правым, поддерживал БУХАРИНА и был с ним в близких взаимоотношениях. Кроме того, мне известно, что отец РАМЗАЯ был старым немецким социал-демократом, оказывал услуги русским эмигрантам, в том числе и БУХАРИНУ. Отсюда и возникло знакомство РАМЗАЯ с БУХАРИНЫМ.

РАМЗАЙ в Советский Союз прибыл в 1928 году, одно время работал в Коминтерне и в 1929 году по протекции ПЯТНИЦКОГО был направлен БЕРЗИНЫМ в Китай.

В Шанхае по линии Коминтерна РАМЗАЙ организовал либерально-рабочую газету «Чайна-Форум», которая впоследствии оказалась в руках троцкистов, и РАМЗАЙ покровительствовал редактору троцкисту АЙСЕКСУ.

В 1933 году я был назначен самостоятельным резидентом в Северный Китай. Моим заместителем был назначен латыш ДАЛЛАНТ[24], по кличке Ник, с нашими разведывательными органами установил связь в 1926 году, через работника Разведупра РККА ТЫЛЬТЫНЬ. ДАЛЛАНТ был тесно связан с бывшим Нач. РУ РККА БЕРЗИНЫМ и был в курсе всей агентурной работы Разведупра. <...>

В Северном Китае я пробыл до 1935 года, откуда обратно прибыл в Советский Союз и приступил к работе в Разведупре РККА.

ВОПРОС: С какими иностранными разведками Вы были связаны лично в период Вашей работы заграницей?

ОТВЕТ: Лично я с агентами иностранных разведок связи не имел.

ДОПРОС ПРЕРЫВАЕТСЯ.

Протокол записан верно, мною прочитан К. РИММ».

К Обвинительному заключению прилагалась справка от 29 июля 1938 года: «Арестованный РИММ содержится в Лефортовской тюрьме. Вещественных доказательств по делу нет».

На заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР РИММУ был вынесен приговор: расстрел. Приговор был приведен в исполнение 22 августа 1938 года, а 1 июня 1957 года Римм был посмертно реабилитирован.

20 августа 1938 года сотрудниками НКВД был арестован выпускник восточного факультета Военной академии им. М.В. Фрунзе, бывший переводчик-референт, секретарь советского военного атташе при полпредстве СССР в Японии (ноябрь 1927 — август 1933) В.М. Константинов[25].

Однако в 1938 году он и другой японовед, А.Л. Клётный, проходивший по тому же делу, так и не предстали перед закрытым заседанием Военной коллегии Верховного Суда СССР. Приговор, вынесенный на нем, был бы однозначен — ВМН. Однако заседание Военной коллегии по делам Клётного и Константинова руководством 1-го (разведывательного) Управления НКВД, которое использовало в 1938—1940 годах двух японоведов, находившихся в тюремных камерах, для перевода оперативно значимых документов, было отсрочено на два года.

24 июня 1940 года состоялось закрытое судебное заседание Военной Коллегии Верховного суда СССР. Обоих приговорили в 20 годам, с поражением прав на 5 лет и конфискацией личного имущества. 26 мая 1956 года В.М. Константинов был реабилитирован. В этом же году был реабилитирован и А.Л. Клётный.

17 июля 1939 года был арестован заместитель (по информации) начальника 2-го (восточного) отдела полковник П.Д. Шленский. За два месяца до этого — 3 мая 1939 года — Начальник РУ РККА И.И. Проскуров сообщил наркому обороны, что Шленский много работал в Японии под руководством врага народа Ринка, а теперь распространяет нездоровые настроения вокруг работы Управления: выпускникам спецфака Академии им. Фрунзе он «не советует идти на работу в Управление, там, мол, полный развал». К тому же, как писал начальник Политотдела Управления И.И. Ильичев, «после приезда из Японии ШЛЕНСКИЙ не принимал никакого участия в борьбе с врагами наро-

да, предпочитая отмалчиваться, о чем записано в решении общего партсобрания парторганизации № 1 5-го Управления РККА от 25 июня 1939 года».

Выписка из показаний арестованного Ринка И.А. от от 14.II — 38 г.:

«По окончании военного факультета Военной академии ШЛЕНСКИЙ П.Д. был командирован в Японию в качестве секретаря военного атташе, куда прибыл в июне-июле 1933 года. Перед отправкой в Японию ШЛЕНСКОМУ была по выданным ему документам присвоенная фамилия "ПАВЛОВ", под которой он и был известен в Японии. Фамилия была переменена Разведупром ради конспирации.

ШЛЕНСКИЙ (ПАВЛОВ) работал в Японии в качестве секретаря и зам помощника военного атташе до июня 1937 г. ШЛЕНСКИЙ (ПАВЛОВ) является одним из лучших военных японистов (знание языка и страны, был всегда очень добросовестным и усидчивым работником). Непрерывно работал над своей подготовкой военной и общей политической».

В Обвинительном заключении, в частности, говорилось: «Особым Отделом ГУГБ НКВД СССР 17 июля 1939 года арестован как японский шпион бывш. пом. нач. 2-го отдела 5-го Управления РККА полковник ШЛЕНСКИЙ Павел Дмитриевич.

Следствием установлено, что ШЛЕНСКИЙ является японским шпионом с 1936 года. Завербован он был чиновником иностранного отдела Токийской полиции японцем КИТАМУРОЙ и для осуществления шпионской связи с японской разведкой был передан другому чиновнику Токийской полиции ХИРАБАЯСИ.

Обвиняемый ШЛЕНСКИЙ виновным себя в шпионской деятельности признал и показал:

"Завербован я был в начале февраля 1936 года в Токио чиновником японской полиции КИТАМУРОЙ" (л.д.199).

"На дальнейшее было условленно, что я каждые три месяца должен буду передавать КИТАМУРЕ копию секретных докладов, заверенных моей собственноручной подписью. Передача должна производиться через другого полицейского чиновника, который мне тут же был представлен под фамилией ХИРАБАЯСИ. С последним я должен был встречаться в заранее условленном месте и времени".

(л.д.201, 269, 270).

О количестве и содержании шпионских материалов, переданных японской разведке ШЛЕНСКИЙ показал;

"У меня с японской разведкой во время нахождения в Японии было всего 6 встреч. В эти встречи я передавал японской разведке следующие материалы: описание и выводы по большим маневрам японской армии в 1936 году; анализ состояния японского торгового флота и возможности его использования во время мобилизации японской армии; принципы оперативного использования японской авиации; моральное и политическое состояние японской армии и японского офицерства после событий 26 февраля 1936 года; устройство тыла японской армии и возможности обеспечения тыловой службы ведения боевых действий в маньчжурских условиях". (л.д. 271, 272).

В 1936 году ШЛЕНСКИЙ установил шпионскую связь с бывш. военным атташе СССР в Японии РИНКОМ.

С приездом в СССР из Японии в июле 1937 года, по заданию бывш. нач. 2 отдела 5 Управления РККА (японского шпиона) ВАЛИНА, ШЛЕНСКИЙ связался

по шпионской работе с сотрудниками РУ РККА ЛЕЙФЕРТОМ и КЛЕТНЫМ. (л.д. 277, 279, 280, 281).

Об установлении шпионской связи ШЛЕНСКОГО с КЛЕТНЫМ арестованный КЛЕТНЫЙ показал следующее:

"Приблизительно через месяц, или немного раньше приехал ШЛЕНСКИЙ и сразу пришел ко мне на квартиру. Он остановился в гостинице ЦДКА. В первый его приход я разговора о связи не вел, а второй раз решил его спросить, говорил ли ему, что РИНК относительно связи со мной. Он ответил, что РИНК ему об этом говорил, но что непосредственную связь сейчас устанавливать не будем, ввиду того, что он не приступает к работе сейчас, так как намерен использовать свой отпуск и устроить свои партийные дела (он должен был пройти проверку)".

Далее КЛЕТНЫЙ показал, что после возвращения ШЛЕНСКОГО из отпуска он установил с ним прямую и непосредственную связь по шпионской работе. ШЛЕНСКИЙ возглавлял сетку японской разведки в Разведупре (л.д.42).

КЛЕТНЫЙ также показывает, что он получал от ШЛЕНСКОГО с конца октября 1937 г. по 5 сентября 1938 года ряд шпионских материалов (л.д. 43, 149).

О шпионской связи с КЛЕТНЫМ арестованный ШЛЕНСКИЙ показал следующее:

"С КЛЕТНЫМ я связался в тот же промежуток времени, т.е. до моего отъезда в отпуск в одно из моих посещений его квартиры" (л.д. 226,283,241).

Арестованный АСКОВ показал, что он передал японской разведке характеризующие данные на ШЛЕНСКОГО (л.д.14).

Бытовая связь ШЛЕНСКОГО с японскими шпионами КЛЕТНЫМ и СИРОТКИНЫМ подтверждена показаниями СИРОТКИНА на очной ставке с ШЛЕНСКИМ и показаниями КОНСТАНТИНОВА (л.д. 66, 70-71, 321-325, 100).

Близость обвиняемого ШЛЕНСКОГО к ныне осужденному японскому шпиону РИНКУ подтверждается показаниями свидетеля ФЕДОРОВА (л.д. 63-65).

Свидетели ФЕДОРОВ, ВОРОНЦОВ, ТЮМЕНЕВ и ЮДКЕВИЧ показывают, что ШЛЕНСКИЙ, составляя информационные сводки о расположении японских войск в Маньчжурии и Корее, допускал дезинформацию, а также задерживал ценные информационные материалы (л.д. 92-95, 78-86, 105-109, 175-176). <...>

На основании изложенного обвиняется:

ШЛЕНСКИЙ Павел Владимирович, 1901 года рождения, уроженец гор. Ленинграда, русский, гражданин СССР, член ВКП (б) с 1919 года, в РККА с 1919 года, бывший помощник начальника 9-го (заместитель начальника 2-го отдела. — *М.А.*) отдела 5 Управления РККА, полковник,

В том, что:

1) с 1936 года являлся японским шпионом и до конца 1938 г. передавал шпионские сведения японской разведке, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.58 п 1 «б» УК РСФСР.

Следственное дело № 593 по обвинению ШЛЕНСКОГО П.Д. подлежит направлению через Главную военную прокуратуру на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

Обвинительное заключение составлено 28 октября 1939 г.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО ГУГБ НКВД СССР
Лейтенант гос. безопасности (ШИМИН) «СОГЛАСЕН»
ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ОО ГУГБ НКВД СССР
Капитан госуд. Безопасности (КАЗАКЕВИЧ)

Справка: 1) Арестованный ШЛЕНСКИЙ П.Д. содержится в Лефортовской тюрьме.

2) Вещественных доказательств по делу нет.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО ГУГБ НКВД СССР
Лейтенант гос. безопасности (ШИМИН)».

13 февраля 1940 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда ШЛЕНСКИЙ П.Д. был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. 15 декабря 1956 года он был посмертно реабилитирован.

2 ноября 1938 года приказом Народного комиссара обороны начальник 7-го (японского) отделения 2-го отдела майор М.И. Сироткин был уволен в запас по статье 43-б «Положения о прохождении службы начальствующим составом» («по служебному несоответствию»).

«Майор РККА
СИРОТКИН М.И.
24 ноября 1938 г.
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
Тов. ЕЖОВУ.

20 ноября с.г. командованием РУ РККА мне сообщено, что приказом НКО от 2.11.38 г. за № 00506 я увольняюсь из армии в запас РККА — формально по ст. 43-б «Положения о прохождении службы начсосотавом» /«по служебному несоответствию»/, а в действительности — по политическим мотивам. При этом мне было разъяснено, что точные причины моего увольнения командованию РУ неизвестны, так как им вопрос о моем увольнении не ставился.

Лично я понял действительную причину моего увольнения: эта причина может заключаться только в одном — в сокрытии мною факта расстрела моего отца в 1919 году.

Настоящим заявлением я хочу изложить подробно всю историю моего обмана и просить заслуженной мною строжайшей кары. <...>

Из 37 лет своей жизни я 19 прослужил в РККА... я работал как честный большевик, отдавая работе всего себя полностью, без остатка. В отношении моей работы у меня на совести нет ни одного хотя бы самого малейшего пятна. Я не хвастун, да и не место сейчас было бы хвастаться, но я с гордостью могу сказать, что все 19 лет я жил не для себя, а только для партии и родины, что каждую даже самую маленькую работу я делал так, как учит СТАЛИН.

Тов. НАРОДНЫЙ КОМИССАР! Прошу дать мне возможность смыть пятно тяжелого преступного обмана, которое гнетет меня 19 лет. Я не являюсь социально-опасным — это доказывает моя девятнадцатилетняя работа, но я не заслуживаю доверия, как малодушный обманщик. Я прошу Вашего распоряжения, чтобы меня арестовали и отправили в самые тяжелые условия, на наиболее тяжелые работы, чтобы я смог снова получить доверие родины и партии и доказать, что я в любых условиях останусь навсегда человеком, преданным делу Ленина-Сталина, а если потребуется, то и отдам свою жизнь за это дело.

М. СИРОТКИН / «СЕМЕНОВ» /

Москва, Сивцев Вражек, д. 29, кв. 111».

20 октября 1939 г бывший начальник 7-го (японского) отделения 2-го отдела майор в отставке М.И. Сироткин был арестован. «Признание» о шпионаже в пользу Японии «вырывали» у Сироткина на очных ставках.

«ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

Между арестованными СИРОТКИНЫМ Михаилом Ивановичем и КЛЕТНЫМ Александром Михайловичем

От 22 октября 1939 года

Очная ставка начата в 16 час. 20 мин. окончена 17 час. 20 мин

ВОПРОС СИРОТКИНУ. Когда вы были завербованы для шпионской работы против СССР?

ОТВЕТ. Шпионом я не был никогда и для шпионской работы против СССР меня никто не вербовал.

ВОПРОС КЛЕТНОМУ. Верно говорит СИРОТКИН?

ОТВЕТ. Нет, неправильно. О том, кем он был завербован, мне неизвестно, но то, что он был причастен к шпионской работе в пользу японской разведки, мне стало известно в 1936 году. Я лично был с ним связан непосредственно, связь была кратковременна.

ВОПРОС КЛЕТНОМУ. СИРОТКИН передавал вам шпионские материалы?

ОТВЕТ. Да, это было в 1937 году.

ВОПРОС СИРОТКИНУ. Вы и теперь будете отрицать шпионскую связь с японской разведкой?

ОТВЕТ. С японской разведкой я связи никогда не имел...»

«ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

между обвиняемыми СИРОТКИНЫМ Михаилом Ивановичем и ШЛЕНСКИМ Павлом Дмитриевичем

от 25-го октября 1939 года

Начата в 22 часа 40 мин. Окончена —

ВОПРОС СИРОТКИНУ. Вам предъявлено постановление об избрании меры пресечения. Вы знаете, в чем вы обвиняетесь? Признаете вы себя в этом виновным?

ОТВЕТ. Нет. Категорически отрицаю.

ВОПРОС ШЛЕНСКОМУ. Известно вам о преступной деятельности СИРОТКИНА?

ОТВЕТ. Да, известно. Мне известно, что СИРОТКИН был связан с японской разведкой. Он вел работу в пользу японской разведки.

ВОПРОС ШЛЕНСКОМУ. Когда вам стало известно о том, что СИРОТКИН японский шпион?

ОТВЕТ. О том, что СИРОТКИН японский шпион, мне стало известно после моего возвращения в СССР из Японии, в начале 1937 года.

ВОПРОС СИРОТКИНУ. Будете вы рассказывать о своей шпионской работе?

ОТВЕТ. Я шпионом никогда не был.

ВОПРОС ШЛЕНСКОМУ. О шпионской связи СИРОТКИНА с японской разведкой вы знали с чьих-либо слов или лично с ним беседовали по этому вопросу?

ОТВЕТ. О том, что СИРОТКИН работает в пользу японской разведки, я знал со слов бывших работников РУ РККА — ВАЛИНА и ЛЕЙФЕРТА. Во второй декаде июля 1937 года я установил личную шпионскую связь с СИРОТКИНЫМ. ...».

Из Протокола допроса обвиняемого СИРОТКИНА Михаила Ивановича от 10-11 декабря 1939 года: «Допрос начат в 22 часа 40 минут.

ВОПРОС. Следствие располагает данными о вашей шпионской работе в пользу японской разведки, вас уличали в этом на очных ставках ваши сообщники по шпионской работе КЛЕТНЫЙ и ШЛЕНСКИЙ.

Скажите, какие мотивы побуждают вас продолжать скрывать о своей предательской работе и утаивать своих сообщников?

ОТВЕТ. Я не хочу больше запираться, хочу полностью и чистосердечно рассказать о проводимой мной шпионской работе в пользу Японии и о своих сообщниках. Я хочу сбросить с себя позорнейший гнет, который ношу два с половиной года. Буду говорить все до последней мелочи.

ВОПРОС. Почему вы сразу после ареста не встали на путь признания?

ОТВЕТ. Пытался обмануть следствие и увернуться от ответственности.

ВОПРОС. С какого времени вы встали на путь предательства и измены?

ОТВЕТ. На путь предательства и измены я встал с марта месяца 1937 года.

ВОПРОС. Расскажите, какие обстоятельства предшествовали этому?

ОТВЕТ. С марта месяца 1937 года я являюсь шпионом японской разведки. Меня завербовал в марте месяце 1937 года быв. в то время военный атташе в Японии РИНК Иван Александрович. Вербовка произошла при следующих обстоятельствах: как я показывал на предыдущих допросах я с мая месяца 1936 года проходил стажировку в Японии, как стажер-лингвист.

В марте месяце 1937 года я должен был выехать из Токио на последние два месяца стажировки в гор. Киото.

Примерно за день до отъезда я явился представиться по случаю отъезда к РИНКУ в его кабинет. РИНК завел со мной разговор о предстоящей моей работе в Киото, о том, какими переводами я буду заниматься. Потом РИНК спросил, не скучаю ли я по дому, по семье и когда я ответил, что скучаю, то он сказал: "Ну, вот в Киото развлечетесь немного, только смотрите, не заводите шашни с полицией". Я сказал, что, кажется, своим поведением я не заслуживаю такого напоминания. РИНК засмеялся и сказал: "Я, конечно, шучу. Я ведь отлично знаю вас, как отличного и честного работника. Я ведь знаю вас больше, чем вы думаете. <...> знаю и то, что вы обо мне не очень хорошего мнения как о военном атташе". Я почувствовал смущение и одновременно удивление <...> Я не знал, что сказать, РИНК же продолжал: "Ну, ничего, не смущайтесь, это не так страшно. Я знаю даже и то, что вы состоите в секретной разведывательной организации, работающей в контакте с японской разведкой".

Я был огорошен, не понимая, шутка это или же РИНК говорит, что-то страшное, с кем-то меня путает. Я что-то сказал, что здесь какое-то недоразумение или что-то в этом роде. РИНК засмеялся: "Ну, если не состояли, то будете состоять с сегодняшнего дня". Я опять что-то пробормотал, спросив, как все это понимать. Ринк ответил: "Я уже сказал вам, что знаю вас как отличного честного работника, но как разведчик вы еще зелены и никуда не годитесь. Мы сделаем из вас настоящего разведчика. Хорошо ли вы знакомы с агентурной разведкой?" Я ответил, что знаком теоретически. РИНК сказал: "Ну, теория одно, а практика — другое. Не думайте, что агентурная разведка ведется так, как пишут в книгах. На практике мы ведем разведку в контакте с японской разведкой. Мы даем сведения ей, а она нам, и не только в Японии, а и в других странах ведется так разведка нашим управлением. Да и не только

управлением, так ведут разведку и в НКИД, и в Коминтерне, так же работают и контрразведка НКВД". Я удивился и спросил: "Какой же смысл такой разведки? Зачем командованию такие сведения?" РИНК отвечал: "Ну, не будьте наивны, речь идет о нашей секретной организации, а не системе вообще".

Я спросил: "Значит, попросту говоря, — шпионской организации?" На что РИНК ответил: "Ну, пусть будет так, если вам больше нравится страшное слово, но имейте в виду, что это мощная организация не несколько человек, а десятки тысяч, которая охватывает все отрасли нашей страны — как английская "Интеллиженс Сервис". У вас конечно, является мысль, как быть, кому сообщить? Но я вас сразу же предупреждаю, не делайте глупостей, если не хотите стать "самоубийцей" и хотите еще повидать Союз и свою семью. Имейте в виду, что в Полпредстве наших людей больше половины, что, куда бы вы ни сунулись, вы нарветесь на нашего человека; если пошлете письмо, то все письма проходят через японскую полицию. Если пошлете письмо с кем-нибудь из уезжающих, чтобы опустить в Москве, хотя бы на имя вождей партии и правительства, то все равно это письмо попадет сначала в регистратуру к нашему человеку, который имеется в каждом правительственном и партийном органе. "Самоубийство" вам будет обеспечено и в этом случае. Вас могут найти утонувшим на пляже во время купания, "случайно" задавить автомобилем на улице и т. п.

Я спросил, что же это за организация — троцкистская? РИНК ответил: "не будем распространяться, вам надо понять, что это секретная разведывательная организация, в полном распоряжении которой вы теперь находитесь. Вы не волнуйтесь и не пугайтесь, сейчас отправляйтесь в Киото и освойтесь с этой мыслью". <...>

Я вновь заявляю, что вербовка меня имела место именно в марте месяце 1937 года. Правда, я знал уже о начавшемся разоблачении предателей в армии, но не мог предполагать, что кроме этих отдельных лиц, о которых я знал из газет, ведется разоблачение крупных предательских групп. Я был настолько морально подавлен угрозами РИНКА, что не чувствовал себя в состоянии элементарно разобраться в том, что разоблачаемые группы по существу то же, что и организация, о которой говорил РИНК, т.е. что между этими организациями должна существовать организационная связь. Боязнь перспективы ареста меня, конечно, пугала, но перспектива возможного физического уничтожения, о котором говорил РИНК, пугала больше, так как казалась ближе и вероятнее. <...>

Вся обстановка сложилась таким образом, что вопрос РИНКА — согласен ли я проводить шпионскую работу, был излишен. Я не оказал сопротивления, что предрешило мою дальнейшую судьбу. <...>

ВОПРОС. При каких обстоятельствах и когда вы вернулись в Токио?

ОТВЕТ. Из Киото я вернулся уже совсем в Токио во второй половине мая (числа не помню) 1937 года. От секретаря РИНКА ФЕДОРОВА я сразу же узнал, что я не остаюсь в военном аппарате, а отзываюсь в Советский Союз.

Дня через два после моего приезда в Токио — РИНК пригласил меня к себе в кабинет и сказал, что в военном аппарате я не остаюсь и что меня отзывают обратно. При этом он добавил, что наш первый разговор имеет силу, но что я получу конкретные указания от ПОКЛАДОКА, к которому я должен заехать в штаб ОКДВА, где ПОКЛАДОК работал начальником разведотдела. Таким обра-

зом, я от РИНКА узнал, что ПОКЛАДОК является также японским шпионом, от которого я должен получить указания по своей шпионской работе.

РИНК добавил также, что я не должен делать глупостей, твердо помня, что, куда бы я ни обратился с попыткой разоблачения организации, я везде нарвусь на члена организации, и в этом случае мне не доехать домой.

Допрос прерван 11 декабря 1939 года в 4 часа 00 утра.

Допрос возобновлен 11 декабря 1939 года в 10 час. 40 мин.

ВОПРОС. Вы выполнили указания РИНКА об установлении связи с ПОКЛАДОК в шпионских целях?

ОТВЕТ. <...> ПОКЛАДОК откровенно заявил мне, что организация шпионская, но что я не должен этого страшно пугаться, так как эта организация на правах взаимности получает от японской разведки также материал, правда, дезинформационный, но содержащий частичные верные сведения, что создает видимость честной работы. Он также, как и РИНК, наговорил мне о силе и мощности этой организации и сказал, что аресты и разоблачения к организации никакого отношения не имеют. Могут быть случаи ареста и членов организации, но что это аресты как бы фиктивные и арестованных либо освобождают, либо переводят в другое место. <...>

Он стал меня успокаивать, говоря, что мои обязанности будут самые пустяковые и что я буду гарантирован от какой-либо опасности. Я спросил, что же от меня потребуется. ПОКЛАДОК мне ответил, что в Управлении я буду назначен на агентурную работу по Японии, и моя обязанность будет заключаться в том, что я должен буду сообщать сведения о вновь организуемых нелегальных резидентурах в самой Японии и на Китайском побережье. При этом он мне рассказал о том, какие были резидентуры, когда он сдавал должность, уезжая в Хабаровск. Он сказал, что по приезде в Москву я должен явиться к ЛЕЙФЕРТУ и тот свяжет меня с человеком, которому я должен буду передавать донесения. Таким образом, от ПОКЛАДОКА ЛЕЙФЕРТ стал известен мне как член шпионской организации. ПОКЛАДОК продолжал, что я должен сообщать о новых нелегальных резидентах и их сотрудниках очень краткие сведения, а именно, паспортная фамилия, официальная деятельность на месте и место жительства, т.е. передавать опознавательные сведения. Легальных резидентур я не должен касаться, так как сведения о них будут иметься на месте. Если потребуются какие-либо сведения дополнительного характера, то я получу запрос через того человека, с которым буду связан. Сведения я должен передавать в небольшом запечатанном конверте. ПОКЛАДОК добавил, что если я буду работать хорошо, то мне будет дано хорошее вознаграждение, а если буду увиливать от работы, то должен пенять сам на себя, найдут пути прижать и мою семью и меня самого. <...>

ВОПРОС. Какие конкретно поставил перед вами ПОКЛАДОК задачи на первое время?

ОТВЕТ. ПОКЛАДОК сказал мне, что при его отъезде из Москвы было всего две нелегальные резидентуры. Резидентура «Рамзая» в Японии и резидентура «Рамона» на Китайском побережье. Я должен был начать работу с того, чтобы проверить, не посылались ли новые резиденты и первым же донесением дать сведения. <...>

По приезде в Москву через несколько дней я имел разговор с ЛЕЙФЕРТОМ в его рабочей комнате, и он мне сказал, что сообщит мне на днях, с кем я должен связаться. Спустя несколько дней он сообщил мне там же в Управ-

лении, что я должен буду держать связь по передаче шпионских материалов со ШЛЕНСКИМ, который в то время уже приехал из Японии, или же приезд, которого ожидался, я точно не помню. ЛЕЙФЕРТ сказал мне, что пока ШЛЕНСКИЙ не приступил к работе я должен передавать материалы шпионского характера КЛЕТНОМУ, который уже об этом знает, с которым я также должен связаться.

Больше никаких указаний я от ЛЕЙФЕРТА не получал.

Через несколько дней ко мне на службу в мою рабочую комнату зашел КЛЕТНЫЙ, который спросил, говорил ли со мной ЛЕЙФЕРТ и когда я ответил утвердительно, то он сказал, что материалы для передачи я должен приготовить к 18 августа (1937 г.) и могу встретить его КЛЕТНОГО в Покровско-Стрешневе у КОНСТАНТИНОВЫХ, где должен незаметно передать ему материалы.

В конце июля месяца 1937 года мною была установлена связь и со ШЛЕНСКИМ, когда мы с ним шли вдвоем вечером от КЛЕТНЫХ. ШЛЕНСКИЙ мне подтвердил, что я должен временно держать связь непосредственно с КЛЕТНЫМ пока он, ШЛЕНСКИЙ, еще не приступил к работе в Управлении.

18 августа 1937 года, я на квартире у КОНСТАНТИНОВЫХ в прихожей передал КЛЕТНОМУ первый материал, запечатанный в конверте.

В дальнейшем с сентября или октября месяца, того же года (точно не помню месяца) я стал примерно 1 раз в один-два месяца передавать шпионские сведения ШЛЕНСКОМУ непосредственно на службе в его рабочей комнате.

За все время я передал следующие материалы:

1) Сведения о резидентурах «Рамзая» и «Рамона» (новых резидентур не было);

2) Донесение о том, что резидентура «Рамона» передана или передается (точно не помню) китайскому отделению;

3) Сведения о том, что в Японию приехал японец — агент «Клод» («Нэд»), который был завербован в Америке года два-три назад и уже вторично приезжал в Японию;

4) Сведения об отзыве из резидентуры «Рамзая» сотрудников «Ингрид» и «Густава»;

5) Два или три донесения о том, что новых сведений нет, и одно донесение о том, что резидент выехал и что его имя и все сведения о нем будут сообщены месяца через три-четыре, когда он проникнет в Японию. Этим резидентом был «Клагес».

Окончательные сведения о нем я так и не сообщил, так как до момента моего увольнения из РУ РККА в ноябре месяце 1938 года он в Японию еще не прибыл.

Этим ограничивалась моя деятельность как японского шпиона.

ВОПРОС. Куда шли сведения, передаваемые вами КЛЕТНОМУ и ШЛЕНСКОМУ и как они реализовывались?

ОТВЕТ. Это мне совершенно не было известно. <...>

ВОПРОС. Какую работу проводили РИНК, ПОКЛАДОК, ЛЕЙФЕРТ, КЛЕТНЫЙ и ШЛЕНСКИЙ, как агенты японской разведки?

ОТВЕТ. Точные функции каждого мне не были известны. <...>

ВОПРОС. Кто еще вам известен, кроме уже названных, как японский шпион?

ОТВЕТ. Кроме названных мною, как японский шпион, мне никто не известен ни прямо, ни косвенно. <...>

Допрос прерван 11 декабря 1939 года, в 13 час.30 мин.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

СИРОТКИН»

Из Протокола допроса обвиняемого СИРОТКИНА Михаила Ивановича от 16 декабря 1939 года.

«...Мною были переданы ШЛЕНСКОМУ следующие сведения примерно до января м-ца 1938 года:

1. Сообщил о том, что резидентура "Рамона", находившаяся на китайском побережье и руководимая 7-м японским агентурным отделением, передана китайскому отделению;

2. Сообщение о том, что из резидентуры "Рамзая" отозваны в Советский Союз работники резидентуры "Ингрид" и "Густав";

3. Сообщение о том, что в Японию приехал из Америки агент японец "Клод", указав его фамилию, имя и то, что он поселился в Токио.

После января и примерно до июля м-ца 1938 года я передал ШЛЕНСКОМУ, насколько помню, следующие сведения:

Два донесения о том, что новых резидентур нет, одно донесение о том, что готовится резидент, но отправка его в Японию задерживается.

Последнее донесение я передал, что новый резидент выехал в Японию, прибудет туда месяца через 3 после того, как получит новый паспорт в промежуточной стране. Я сообщил, что все сведения о нем будут мною даны, как только получу от него первое сообщение из Японии. Этим резидентом был "Клагес".

Дополнительно о нем я сообщить не успел, так как до моего увольнения из РУ РККА "Клагес" в Японию не прибыл. Вот все сведения, которые мною были переданы японской разведке через ШЛЕНСКОГО».

Из Протокола допроса обвиняемого СИРОТКИНА Михаила Ивановича от 16 декабря 1939 года:

«ВОПРОС. Как вы организовали подбор материалов, и какой именно для передачи японским разведорганам через КЛЕТНОГО?

ОТВЕТ. Согласно указаний, полученных от ПОКЛАДОКА я должен был передать первым материал о новых нелегальных резидентурах, если они посылались.

К тому времени в Японии была нелегальная резидентура «Рамзая» и на китайском побережье «Рамона». Как начальник отделения я имел к ним прямое отношение и был в курсе состава и деятельности этих резидентур.

Я составил список работников этих двух резидентур, паспортные фамилии, адреса, род крыш, отпечатал все это на машинке, иностранные фамилии и названия написал от руки, запечатал в конверт и в таком виде передал КЛЕТНОМУ 18 августа 1937 года у КОНСТАНТИНОВЫХ. /КОНСТАНТИНОВ тогда был слушателем военной академии им. Фрунзе на восточном факультете, его жена работала сотрудником 2-го отдела РУ/...».

Из Протокола допроса обвиняемого СИРОТКИНА Михаила Ивановича от 11 января 1940 года:

«ВОПРОС. Где и кем вы работали до мая месяца 1936 года, т.е. до своего отъезда в Японию?

ОТВЕТ. С июня месяца 1934 года и по май месяц 1936 года, т.е. до своего отъезда в Японию я работал в 7-м отделении 2 отдела РУ РККА, состоящим в распоряжении РУ РККА, затем секретным уполномоченным, а затем помощником начальника 7-го отделения 2 отдела РУ РККА. Я находился на информационной работе. Начальником этого отделения являлся ПОКЛАДОК.

ВОПРОС. А по возвращении из Японии?

ОТВЕТ. По возвращении из Японии, т. е. с июля месяца 1937 года и по ноябрь месяц 1938 года я работал начальником того же 7 отделения 2 отдела РУ РККА, но уже на агентурной работе.

ВОПРОС. В своих показаниях от 9 декабря 1939 года вы о 7-м отделении 2-го отдела РУ РККА говорили, как об отделении, выполняющем функции информационной работы. На допросе же вас от 10-11 и 16 декабря 1939 года, говоря о том отделении, вы показали, что функцией 7 отделения является агентурная работа.

Разве функции работы 7 отделения в 1937 году изменились?

ОТВЕТ. До моего отъезда в Японию 7-е отделение имело функции как информационной, а также и агентурной работы. Я сидел на информационной работе, агентурная же работа отделения была в руках ПОКЛАДОКА, как начальника отделения.

Ко времени моего возвращения из Японии в отделе была произведена реорганизация, в результате которой 7-ое отделение являлось только агентурным, по информации же было выделено специальное отделение.

Таким образом, по возвращении из Японии в моих руках, как начальника отделения была сосредоточена агентурная работа по Японии.

ВОПРОС. Почему вы не сказали следствию, что по прибытии в Японию вы в течение первых 3-4 месяцев работали вторым секретарем РИНКА?

ОТВЕТ. Я секретарской работы никакой при РИНКЕ не выполнял, поскольку второй секретарь военного аппарата должен быть специалистом по авиации, я же эту специальность не знал и не знаю. Но поскольку была вакантная должность, меня и использовали для работы в аппарате исключительно для одной только работы по переводам японского печатного правительственного органа "Правительственный вестник"».

17 января 1940 года арестованный Сироткин составил целый ряд документов, озаглавленных «Собственноручные показания», в которых свидетельствовал против себя и против своих сослуживцев. В одном из «собственноручных показаний» он писал: «Писал лично я, без какого-либо принуждения, после предложения следствия. Я его подтверждаю, за исключением того, что я предавал — советских резидентов.

КЛЕТНОГО я всегда считал беспартийным большевиком, ничего плохого за ним не наблюдал, несмотря на то, что он ложно показывает».

«СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
арестованного СИРОТКИНА Михаила Ивановича
От 17 января 1940 года

«РАМЗАЙ»

Знаю его как резидента РУ РККА в Японии с 1935 года. Видел лично его один раз, когда он приезжал в Москву в 1935 году. По документам в делах РУ и на основании личных наблюдений за работой «Рамзая» по представлявшимся им донесениям и материалам в период с 1937—1938 года, когда я был

начальником 7 отделения 2 отдела РУ РККА, могу характеризовать «Рамзая» следующим образом:

Бывшая сотрудница резидентуры «Рамзая» «Ингрид» в 1937 (1938?) году после отзыва из Японии сообщила о «Рамзае», что он, будучи работником Коминтерна, имел правый уклон. Бывший резидент в Шанхае «Абрам» сообщал в центр в 1934 году или 1935 году, что «Рамзай» в разговоре с ним по вопросам о тактике Коминтерна также защищал правые установки. Из сообщений того же «Абрама» начальнику РУ от 1934 г. (1935?) известно, что «Рамзай» в 1934 или 1935 году в Шанхае разыскивался полицией, причем прислуга гостиницы говорила всем, что его ищут как шпиона. Бывший сотрудник резидентуры «Рамзая» «Густав», отозванный в Москву в 1937 году, рассказывал сотруднику 2 отдела РУ РИММУ, что на одном банкете в германском посольстве в Токио какие-то женщины-немки стали смеяться над «Рамзаем», говоря, что он «сомнительный немец из Баку», а на другом таком же банкете они же смеялись над ним, говоря, что он «русский шпион». «Рамзай», якобы, сильно вспылил и был смущен.

В работе «Рамзая» как резидента весьма характерно следующее: он не отвечает ни на одно задание, которое ставит ему центр, а присылает свои донесения и материалы «по своей инициативе», причем материалы всегда говорят о прошедшем, но не о настоящем или будущем.

Бывший сотрудник резидентуры «Рамзая» «Густав», как известно из материалов троцкистско-бухаринского процесса в 1938 году, имел в прежние годы связь с троцкистско-бухаринским центром, получая секретные материалы для Германии.

Жена сотрудника резидентуры «Рамзая» — «Фрица» — белогвардейка из Шанхая.

Резидентура «Рамзая» в составе: «Рамзай», «Фриц», «Густав», «Ингрид», «Жиголо» была мною выдана японской разведке (выделено мной. — *М.А.*). 18 августа 1937 года я передал КЛЕТНОМУ сведения об этой резидентуре, указав паспортные фамилии, национальность, место жительства и род занятий этих лиц.

М. Сироткин».

«РАМОН»

«Резидента РУ РККА "РАМОНА" я знаю мало. В 1935 году я видел его около месяца во 2-м отделе, когда он работал временно в РУ перед отъездом. О работе его как резидента мне ничего неизвестно. Когда я в 1937 году принял 7 отделение, резидентуру «Рамона» уже вскоре же было приказано передать китайскому отделению, а материалов или донесений никаких от него не получал. О резиденте "Рамоне" я передал сведения для японской разведки КЛЕТНОМУ 18 августа 1937 года, сообщив паспортную фамилию, национальность, место жительства и род занятий "Рамона". Насколько помню, никаких сотрудников резидентуры «Рамона» не было, и я сообщил сведения только о нем.

М. Сироткин».

«КЛАГЕС»

«Знаю его с осени 1937 года. Он был передан мне для подготовки бывшим зам. Нач. 2 отдела РУ РККА ШАЛИНЫМ. Я готовил его до мая 1938 года, когда он был отправлен за рубеж.

Японской разведке я его не передавал. Я сообщил лишь (в мае или июле 1938 года), что выехал резидент и сведения сообщу через 3-4 месяца, когда он приедет на место. Ни фамилии, ни страны, куда временно выехал, я не сообщал. Лично "Клагеса" на основе его изучения в процессе подготовки я представлял себе, как честного человека, и не могу сказать чего-либо его компрометирующего. Однако, недели через 3-4 после его отъезда сотрудник РУ МАНСУРОВ сообщил мне, что один из его людей, готовившийся за рубеж и знающий "Клагеса" по прежней совместной нелегальной работе Б. Дома — передал МАНСУРОВУ, что о поездке "Клагеса" известно одной женщине — немке, с которой «Клагес» сожительствовал в Москве. Муж этой женщины — работник Б.Дома находился в Испании или Франции.

Эта женщина, якобы, жаловалась общему другу ее и "Клагеса" Вилли РАВЕНСЛЕБЕН, что «Клагес» раньше обещал ее взять с собой за рубеж, а в последнее время стал от нее отдаляться и бросил ее, уехав один. При этом она сообщила ряд сведений, судя по которым ей как-то стало известно, куда поехал "Клагес". Узнать это она могла следующим образом: за день до отъезда «Клагесу» был выдан на руки на одни сутки его план-приказ на немецком языке, чтобы он окончательно его заучил. Сожительница-немка в последнюю ночь смогла тайком прочитать этот план; конспиративной квартиры у 2 отдела в это время не было (где бы можно было его поселить перед отъездом), и он жил в гостинице, и было большой ошибкой выдавать ему план-приказ. Вилли РАВЕСЛЕБЕН — бывший сотрудник Б. Дома в это время работал на карандашной фабрике "Сакко и Ванцетти" Через сына "Клагеса", оставшегося в Москве и жившего в Петроверигском переулке, РАВЕНСЛЕБЕН был мною вызван для беседы об этом деле, но пытался отрицать, что ему что-либо известно. Через Б. Дом была вызвана и эта немка, но она также была страшно перепугана и отрицала, что ей что-либо известно о поездке "Клагеса".

Работник МАНСУРОВА в личном разговоре со мной снова подтвердил, что говорил о разговоре немки с РАВЕНСЛЕБЕН и о ее жалобах на "Клагеса".

М. Сироткин».

«КЛОД»

««Клод» был завербован в Америке в 1934 или 1933 году, если не ошибаюсь "Профессором". После того с ним работал, кажется, "Серафим".

В 1934 или 1935 году он посылался для предварительного устройства к себе на родину в Японию. Привез оттуда список своих друзей и знакомых — кандидатов для привлечения к работе. В июле 1937 года снова выехал в Японию, где должен был начать постоянную работу для РУ. Встретить "Клода" и дать ему указания ВАЛИН посылал в Париж начальника китайского отделения 2 отдела — РИММА. РИММ сообщил "Клоду" явку в Токио, но так как в Токио не было никакой нелегальной резидентуры, кроме "Рамзая", то встреча с "Клодом" была поручена легальному аппарату, т.е. сотрудникам аппарата ВАТа. С "Клодом" встречались раза 3-4 сотрудники полпредства ИВАНОВ Петр, БУДКЕВИЧ Сергей, а сначала сотрудник Интуриста "Лора" (фамилии не помню).

"Клод" сначала обещал начать работу, но на повторные требования заявил, что у него открылся старый сифилис, и он должен снова поехать в Америку.

О "Клоде" я сообщил сведения японской разведке, указав его имя и фамилию и сообщив, что он прибыл из Америки в Токио.

М. Сироткин».

«ХАБАЗОВ Николай Васильевич — быв. нач. 2 отдела РУ РККА.

ХАБАЗОВА знаю с 1932 года по Военной академии РУ РККА, где мы оба учились на Востфаке, я как японист, он, как ближневосточник.

С июля 1934 года по апрель 1936 года мы с ХАБАЗОВЫМ работали во 2-м отделе РУ РККА — я в 7 отделении, он в 3-м (ближневосточном). Как работника я ХАБАЗОВА знал тогда очень мало, но знал его как парторга отдела. Парторг он был очень плохой, во всем поддакивал начальнику отдела КАРИНУ и командованию РУ. Зажима самокритики не видел или не хотел видеть.

По возвращении из Японии я работал (с осени 1937 года до XI-38 года) под начальством ХАБАЗОВА, как начальника отдела.

Как нач. отдела, он был также плох. С подчиненными держался весьма начальственно, но никаких указаний никогда не давал. Всегда на всех документах писал одну резолюцию: "такому-то — переговорить". Когда начальники отделений заявляли ему недовольство ходом работы, он неизменно ссылался на то, что ГЕНДИН занят и не принимает по делам агент. работы. Сам же также почти все время занят и внимание уделял только работе по материалам, доставляемым из Китая войсками. ...

М. Сироткин».

«ПОПОВ Петр Акимович — нач. 7 отделения 2 отдела РУ РККА.

Знаю ПОПОВА с 1936 года: вместе выехали в Японию, где были оба стажерами, вместе вернулись и затем работали во 2-м отделе: я в качестве нач 7 отделения, он — моего помощника. За время стажировки в Японии я не знаю за ПОПОВЫМ чего-либо компрометирующего, но должен отметить один момент. На одном из собраний по обсуждению работы Военного аппарата ФЕДОРОВ резко выступил против РИНКА, критикуя работу. После выступил ПОПОВ — весьма дипломатично: не защищая прямо РИНКА, он постарался смазать выступление ФЕДОРОВА, указывая, что его выступление неправильно. Насколько помню, ФЕДОРОВ после собрания имел разговор с ПОПОВЫМ. Между ними произошел недружелюбный спор, и ПОПОВ с тех пор стал отзываться неодобрительно о ФЕДОРОВЕ. Дипломатичность в выступлениях и злопамятность для ПОПОВА довольно характерна. Со мной у ПОПОВА было несколько резких столкновений в 1938 году по вопросу о работе, в связи с тем, что ПОПОВ был весьма нетерпим, если я ему давал указания о каких-либо его ошибках (даже грамматических). ПОПОВ заявлял, что он считает себя достойным быть не помощником, а начальником отделения. Однажды он жаловался на меня начальнику Политотдела (осенью 1938 года). Все же я не знаю фактов, компрометирующих ПОПОВА и считаю его честным человеком. Плохо, что ПОПОВ... любит решать вопросы «с плеча», недостаточно изучив дело.

М. Сироткин».

«ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1940 г. августа 16 дня, Военный Трибунал Московского военного округа в закрытом судебном заседании в Москве в составе: председательствующего военного юриста 2 ранга КРЮКОВА и членов военинженера 2 ранга ЗАТЕЕВА и интенданта 2 ранга НЕФЕДОВА при секретаре военном юристе КРАСНОВЕ

рассматривал дело по обвинению СИРОТКИНА Михаила Ивановича по ст. 58-1 п «б» УК РСФСР.

В 10 час. 50 м. председательствующий открыл судебное заседание и объявил, какое дело будет рассматриваться.

Секретарь доложил, что в суд. заседание доставлены обвиняемый СИРОТКИН и свидетель — заключенный КЛЕТНЫЙ.

Оглашен состав суда.

На вопросы председательствующего, в порядке установления личности, подсудимый ответил:

СИРОТКИН Михаил Иванович, 1901 года рождения, уроженец гор. Калуги, русский, гр-н СССР, окончил в 1934 году военную Академию им. Фрунзе, арестован 20 октября 1939 года, происходит из семьи служащего — отец был мастером бумажной ф-ки, в 1906 году бросил семью, после революции узнал в 1919 г., что отец был директором ф-ки и после революции был за контрреволюц. расстрелян, об этом я узнал от сестры в 1939 году и сообщил в парт. организацию, исключался из ВКП /б/, якобы, за скрытие своего соц. происхождения и расстрел отца.

Сам в 1919 году окончил среднюю школу. С марта 1920 г. по ноябрь 1938 г. служил в Красной Армии.

Военную Академию окончил на отлично и был направлен в Разведуправление РККА,

Владеет иностранными языками: японским, английским, французским, немецким, финским, польским. Имеет научные работы.

В 1936 г. был на стажировке в Японии по изучению японского языка.

Там же работал переводчиком в полпредстве. В Японию ездил с ПОПОВЫМ, ВИНОГРАДОВЫМ, ЛЕНЧИК, МОЖАЕВЫМ и ЗУБАНОВЫМ.

После годичного срока стажировки, в 1937 г., вместе с другими вернулся в СССР и работал в Развед. Управлении РККА.

За большую научную работу в феврале 1938 года был представлен к награждению орденом.

В ноябре 1938 года был представлен к увольнению из РККА, как было сказано ХАБАЗОВЫМ, по политическим мотивам.

В 1938 г. в семье сложились очень тяжелые обстоятельства, т.е. арестовали родную сестру по обвинению в террористических преступлениях, затем арестовали мужа сестры, но в результате всего сестра была освобождена, т.к. обвинение ее не подтвердилось. Судьба мужа сестре не известна.

С обвинительным заключением ознакомлен и выписку из него получил 7-го августа 1940 года.

ПОДСУДИМЫЙ СИРОТКИН заявил: что он писал 5 заявлений на имя прокурора, но в них не все написано. В своих заявлениях он указал, что посещал КОНСТАНТИНОВЫХ 18.8.1937 г., но в этом не уверен и думает, что у КОНСТАНТ ИНОВЫХ он был раньше, т.к. день авиации у него в памяти не запечатлелся.

Подсудимый просит о приобщении документов, о которых он указывал в своих заявлениях. <...>

На вопросы председательствующего к подсудимому о том, понятно ему обвинение и признает ли он себя виновным,

Подсудимый СИРОТКИН показал: обвинение мне понятно, но виновным я себя не признаю. Никогда не был изменником, никогда не был шпионом.

В 11 час. 45 м. объявлен перерыв суд. Заседания.

В 12 час. 10 м. суд. Заседание продолжается.

<u>На вопросы председательствующего подсудимый СИРОТКИН показал:</u>

На предварительном следствии я показывал всю правду до тех пор, пока у меня хватило моральных и физических сил, нокогда у меня их не хватило, то я сказал, пишите все, что хотите.

Сразу же после ареста меня направили во внутреннюю тюрьму и на первом же допросе мне сказали, что я японский шпион. При этом перед моим лицом махали папкой, говоря, что в этой папке все изобличающие меня материалы о моей, якобы, шпионской деятельности.

В последующие допросы КАЗАКЕВИЧ хватал меня за ворот одежды и предлагал признаться в шпионаже, но я все это отрицал. Также КАЗАКЕВИЧ меня ударил по лицу и называл все время дураком, потому, что не желаю спасти свою шкуру.

Затем меня перевели в Лефортовскую тюрьму, где была устроена очная ставка с КЛЕТНЫМ, на которой КЛЕТНЫЙ сказал, что он подтверждает свои показания, которые и были мне зачитаны, но я все это отрицал. Затем мне была дана очная ставка со ШЛЕНСКИМ, который также сказал, что он подтверждает свои показания о моей шпионской деятельности, якобы я передавал шпионские сведения в июле 1937 г.

Когда я задал ему вопрос, сколько же раз мы с ним были у КЛЕТНОГО, то он ответил, что этого не помнит. Тогда я сказал, что был у КЛЕТНОГО только два раза.

Предъявленное мне обвинение я все время отрицал, тогда меня перевели в одиночку.

На последующих допросах КАЗАКЕВИЧ один раз меня сильно избил, бросив на пол, сказав вахтеру, «возьмите это г...».

Я просил об устройстве очных ставок с КЛЕТНЫМ и его женой, но мне в этом было отказано.

Затем меня стал допрашивать ШИШКОВ, который сделал так, что мне не давали несколько ночей спать, хотя я и лежал на койке. Меня каждую минуту заставляли повертываться с одной стороны на другую.

Находясь в тюрьме, я слышал крики от избиений в соседней камере.

Всех этих испытаний я не мог вынести, т.к. КАЗАКЕВИЧ мне неоднократно заявлял, что ко мне будет применено то же, что я слышал рядом в соседней камере.

В результате всего этого я начал галлюцинировать. Не выдержав всего этого, я подал заявление о желании давать показания и подтвердил показания КЛЕТНОГО и ШЛЕНСКОГО.

Но все это было вынужденное признание.

Я прошу Вас проверить по корешкам пропусков во 2-ое отделение Разведуправ. за июнь, июль 1937 г., сколько раз был у меня КЛЕТНЫЙ. Он был два раза в присутствии КОНСТАНТИНОВОЙ и майора ПОПОВА.

Проверить, сколько раз я был у КЛЕТНОГО в Покровско-Стрешневе, и кто при этом у него был, т. к. КЛЕТНЫЙ показывает, что в момент моего посещения его квартиры были он — КЛЕТНЫЙ и его жена, тогда как я у него бывал с АЛЕШИНОЙ и РУБАШКИНЫМ и последний один раз нас фотографировал.

Прошу вызвать в суд КЛЕТНОГО и ШЛЕНСКОГО и тех свидетелей, которых я просил в своих заявлениях. <...>

С РИНКОМ у меня были натянутые отношения, но связан я с ним не был. РИНК, будучи военным атташе, ничего не делал, и к своим обязанностям относился не как советский гр-н и коммунист. Я был связан с ФЕДОРОВЫМ, который разоблачил РИНКА. Лично я по возвращении в СССР о РИНКЕ и других его друзьях написал материал с фактами.

Мне все время на следствии твердили, что, якобы, я был завербован в шпионы РИНКОМ, вот поэтому я и вынужден был указать на РИНКА.

Фотобумагу КЛЕТНОМУ я передал по просьбе ПОКЛАДОК для передачи его дочери.

В материалах дела меня обвиняют, что, якобы, я проводил предательство, т.е. предал японской разведке .... агентов советской разведки резидента «Рамзая», который был двойником, о чем я дал обширный материал К.Е. Ворошилову, материал этот подтвердился.

Другие мною были разоблачены как действительные враги СССР. С ПОКЛАДОК я впервые встретился после окончания Академии, когда просился о посылке меня на работу в часть. В дальнейшем я сталкивался с ним по службе. В личной жизни я также с ним встречался. В 1937 году ПОКЛАДОК был арестован, но я никогда не усматривал в нем врага. Я знал его как хорошего коммуниста.

В Хабаровске у ПОКЛАДОК я был вместе с ЗУБАНОВЫМ. Когда нам выписывали литера, он дал нам 500 руб. для передачи их его семье в Москве. Тогда же он дал нам два пакетика с фотобумагой для передачи КЛЕТНОМУ. С КЛЕТНЫМ я знаком с 1935 года, как с преподавателем японского языка по Академии. <...>

Чем вызваны клеветнические показания ШЛЕНСКОГО и КЛЕТНОГО я не знаю, могу лишь предполагать, что они подвергались таким же методам следствия, как и я.

Если бы были на суде КЛЕТНЫЙ и АНТИПИНА и жена КЛЕТНОГО и те документы, которые я прошу приобщить к делу, то я доказал бы ложность показаний как КЛЕТНОГО, так и своих.

Заявление на л.д. 273-291/».

Из протокола заседания Военной коллегии Верховного Суда: «СВИДЕТЕЛЬ КЛЕТНЫЙ Александр Михайлович. /49 лет, имеет образование высшее, русский, следственно заключен, арест. 17.9.38 г. На вопрос председательствующего показал:

СИРОТКИНА я знал с 1933 г. по Академии им. Фрунзе, он был слушателем, а я преподавателем японского языка.

Отец у меня был маляром живописцем.

Взаимоотношения у меня с СИРОТКИНЫМ были хорошие, ссор у меня с ним не было.

По делу СИРОТКИНА я допрашивался в октябре или ноябре 1938 года.

На первом допросе я показал о СИРОТКИНЕ, что меня вызвал военный атташе СССР в Японии РИНК и сообщил, что ПОКЛАДОК, с которым был связан по шпионской работе, из Москвы отозван. Что намечены на его место две кандидатуры ШЛЕНСКИЙ и СИРОТКИН.

В зависимости от того, кто первый приедет в Москву, с тем и устанавливайте шпионскую связь в пользу Японии.

По приезде в Москву я имел встречу с ЛЕЙФЕРТОМ, помощником ПОКЛАДОК, который — ЛЕЙФЕРТ, мне сказал, чтобы поддерживать связь с японской разведкой.

На другой день ко мне пришел СИРОТКИН и передал мне пакет, но мы с ним о шпионаже разговора не имели.

Во второе свидание с ЛЕЙФЕРТОМ, последний мне сказал, что я должен сходить на квартиру к СИРОТКИНУ, который будет передавать мне необходимый шпионский материал. К СИРОТКИНУ я ходил и договаривался с ним, что встретимся у КОНСТАНТИНОВА на квартире в день авиации — 18 августа 1937 года. Эта встреча состоялась, и я получил от него нужный вариант.

Впервые в 1933 году в 20-х числах мая я узнал от РИНКА, что СИРОТКИН японский шпион. Простите, это было в 1936 году, я спутал свой первый и второй приезды в Токио. РИНК тогда был военным атташе. Простите, это было не в 1936 году, а в 1937 году, когда мне РИНК сказал, что ПОКЛАДОК из Москвы выехал в Хабаровск.

Я немного устал и путаю годы.

РИНК знал, что я японский шпион и что японской разведкой мне было поручено заменить ПОКЛАДОК. Сам я старый шпион, т.е. с 1914 года. Завербован был японцем Ходзимо в Киеве, когда был студентом Коммерческого института.

В Токио с СИРОТКИНЫМ я сталкивался редко. Были случайные встречи.

В конце июня или в начале июля 1937 года ко мне на квартиру пришел СИРОТКИН и передал письмо ПОКЛАДКА и конверт с фотобумагой. В письме Покладок мне писал, что он находится в Хабаровске. О шпионаже он мне ничего не писал. В квартире была моя жена, но не все время. После этого я был у ЛЕЙФЕРТА, и он мне сказал, что СИРОТКИН нужный человек и с ним нужно установить связь и будет мне передавать шпионские сведения.

В июле1937 года я был у СИРОТКИНА в Разведуправлении и вел с ним разговор о шпионских делах. Когда я пришел к СИРОТКИНУ, то там была КОНСТАНТИНОВА, которая затем ушла. <...>

У СИРОТКИНА я был минут 10, это было в 20-х числах июля 1937 года.

Поговорив с ним, я уехал в отпуск. С СИРОТКИНЫМ я договорился встретиться на квартире КОНСТАНТИНОВА 18.8.37. <...>

На квартиру к КОНСТАНТИНОВУ первые приехали: Я, Шленский и моя жена. СИРОТКИН вслед за нами через час с женой КОНСТАНТИНОВА. Воспользовавшись моментом, СИРОТКИН передал мне в коридоре служебный конверт с материалами шпионского характера, для передачи японской разведке.

Конверт я уничтожил, т.к. ЛЕЙФЕРТ был арестован. Переданный мне СИРОТКИНЫМ конверт с содержимым я уничтожил в уборной квартиры КОНСТАНТИНОВА, так как имел трудности передачи японской разведке. Все шпионские сведения я передавал не лично японской разведке, а через одного сотрудника Наркомвнутдел КОСУХИНА. <...>

Связь с СИРОТКИНЫМ я прекратил с 18.8.1937 года, т.к. установил связь со ШЛЕНСКИМ, который пришел в Разведупр. ШЛЕНСКИЙ передавал шпионский материал мне, а СИРОТКИН был, как мне было известно, от РИНК и ПОКЛАДОК помощником ШЛЕНСКОГО.

На квартире у КОНСТАНТИНОВА был и ШЛЕНСКИЙ, но он был в отпуску и поэтому он не брал пакета от СИРОТКИНА, а сделал это я, т.к. ШЛЕНСКИЙ сказал мне, что он еще не приступил к работе в Разведупр.

Кто ШЛЕНСКОГО свел с СИРОТКИНЫМ, я не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Свидетель КЛЕТНЫЙ!

Вы старый, опытный шпион, а логики в ваших показаниях не имеется. Суду неясно, почему шпион ШЛЕНСКИЙ устранил себя от обязанностей шпиона?

СВИДЕТЕЛЬ КЛЕТНЫЙ: ШЛЕНСКИЙ еще не приступил к работе в Разведупра. И находился в отпуске. <...>

ПОДСУДИМЫЙ СИРОТКИН: КЛЕТНЫЙ в Разведупре первый раз ко мне заходил после того, как я приехал из Японии. Тогда был у меня мой помощник ПОПОВ Петр Акимович. Тогда КЛЕТНЫЙ спрашивал о том, как получить пиш. машинку? КЛЕТНЫЙ тогда же приглашал меня и ПОПОВА к себе на квартиру, но ПОПОВ отказался, а я сказал, что к нему зайду, т.к. имею к нему пакет от ПОКЛАДОК. И на следующий день я был у КЛЕТНОГО, он разбирал свое барахло, полученное из Таможни.

Второй раз КЛЕТНЫЙ пришел ко мне в Разведуправление, и тогда в комнате были ПОПОВ и КОНСТАНИНОВА, которой КЛЕТНЫЙ передал счет на 100 иен. ПОПОВ все время присутствовал в кабинете и никуда не выходил.

ПОДСУД. КЛЕТНЫЙ /на вопрос председ./: «Правильно ли говорит СИРОТКИН?» Я не знаю, так как не помню.

В 15 час. 25 м. объявлен перерыв суд. заседания.

В 15 час. 30 м. суд. заседание продолжается.

На вопрос председательствующего подсудимый СИРОТКИН показал:

Прошу ВТ обратить внимание на показания КЛЕТНОГО, что он у меня в Разведуправлении был два раза. Прошу допросить по этому поводу ПОПОВА и КОНСТАНТИНОВУ. <...>

Председательствующий объявил перерыв и ВТ удалился на совещание.

По возвращении ВТ с совещания председательствующий огласил определение об отложении слушания дела и направлении дела по обвин. СИРОТКИНА на доследование в ГВП.

Мера пресечения обвиняемому СИРОТКИНУ — содержание его под стражей оставлено без изменений.

В 16 час. 15 м. судебное заседание закрыто.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
военный юрист 2 ранга
/КРЮКОВ/
СЕКРЕТАРЬ
Военный юрист
/КРАСНОВ/».

В докладной записке от 10 октября 1964 года М.И. Сироткин писал: «Первый следователь, поставивший меня в известность о том, что я "враг народа" и "японский агент", требовал от меня признания в том, что я умышленно наводнял сеть агентами противника и, в частности, прикрывал шпионскую группу "Рамзая" (здесь и далее подчеркнуто в тексте документа. — *М.А.*).

Это обвинение, очевидно, не было достаточно "согласовано" и "увязано" с измышлениями ШЛЕНСКОГО и КЛЕТНОГО, давшими показания против меня,

так как первый следователь был сменен, а второй уже требовал от меня признания в том, что я "выдал японцам всю агентурную сеть, в том числе и резидентуру "Рамзая".

Поскольку я возражал, что это бессмысленно, так как, будучи в Японии, я еще не мог знать нашу агентуру (стал начальником агентурного отделения только после возвращения из Японии), то мне предложили другой вариант, еще более бессмысленный: "Я выдал всю сеть, сообщив данные о ней уже в Москве ШЛЕНСКОМУ (т. е. заместителю начальника отдела, в котором я был начальником отделения!), а он уже передал этот документ "матерому шпиону КЛЕТНОМУ".

Мои возражения и указания на еще большую бессмысленность этого варианта и на нелепые, противоречивые и легко разоблачаемые измышления ШЛЕНСКОГО и КЛЕТНОГО не были приняты следователем.

Я, как упорствующий, был направлен "на обработку" в Сухановскую тюрьму. Описание процесса "обработки" едва ли необходимо. Через 2 месяца я подписал подробный диктант о своей "предательской" деятельности: "я сообщил зам. начальника отдела полковнику ШЛЕНСКОМУ список наших нелегалов, а он передал этот список КЛЕТНОМУ".

Когда моя подпись была получена, меня перевели в обычную Лефортовскую тюрьму. Здесь через 2-3 дня я сумел добиться получения листка бумаги и написал заявление на имя прокурора (в наивной вере в правосудие и законность), сообщив о примененных ко мне методах, вынудивших меня признать ложные показания, и требуя нового следствия под наблюдением прокурора.

Результаты, однако, были не те, что я ожидал. В течение нескольких суток со мной проводили повторные "занятия", требуя твердо усвоить прежние ложные показания и повторить их в любой час, когда потребуют. "Усвоение" для меня оказалось трудным и давалось нелегко.

В заключение этой тренировки меня привезли в МВД для допроса в присутствии представителя РУ — моего бывшего помощника т. ПОПОВА П.А., который, собственно, и вел допрос, задавая мне вопросы. Присутствовавший при этом следователь КАЗАКЕВИЧ лишь спросил меня участливо о моем здоровье и я, как требовалось, разъяснил, что голова у меня забинтована, так как я "слегка простудил уши", а хромаю я "из-за приступа ревматизма".

На вопросы ПОПОВА я кратко ответил, что "выдал резидентуру "Рамзая", сообщив ШЛЕНСКОМУ список всех агентов".

Я считал тогда, что только законченный идиот мог не понять истинную цену моих ответов по их характеру и тону и не догадаться, ценой какой "простуды" и "ревматизма" получены эти ответы. <...> но теперь склонен думать, что в обстановке того времени он (Попов. — *М.А.*) мог счесть нормальным "оформление" моего допроса и с готовностью принять мои "показания" (несмотря на их нелепость), как подтверждение своего мнения о резидентуре "Рамзая". <...>

По возвращении в тюрьму я снова, применив обычные тюремные методы, добился бумаги и снова написал заявление прокурору, требуя его вмешательства. Я подал несколько таких заявлений и, хотя периодически это вызывало рецидивы "простуды" и "ревматизма", нехитрой уловкой в одном из заявлений добился вызова меня 16.5.40 г. на распорядительное заседание ВТ

МВО, куда уже было передано мое дело. На распорядительном заседании я рассказал о методах следствия, о ложности показаний как моих, так и ШЛЕНСКОГО и КЛЕТНОГО, просил довести это до сведения РУ РККА и требовал нового переследствия.

В августе 1940 года меня доставили на суд в ВТ МВО. Председателем суда был б. зам. министра юстиции КРЮКОВ. На судебном заседании я полностью разоблачил ложь допрошенного здесь же "свидетеля обвинения" КЛЕТНОГО, который был вынужден отказаться от всех показаний и пытался наскоро придумать новый вариант, но окончательно запутался.

Важно отметить, что на вопрос председателя трибунала: "Каково именно было содержание документов, переданных ему мною, СИРОТКИНЫМ, через ШЛЕНСКОГО", КЛЕТНЫЙ ответил, что он этого не знает, так как побоялся встретиться с японским связником, и эти документы, не посмотрев, сразу же сжег, а пепел потопил в уборной. <...>

Решение суда: вернуть дело на переследствие. После суда мне предложили еще раз письменно подробно изложить мои разоблачения, указать документы и необходимых свидетелей для переследствия. Однако никакого переследствия не состоялось».

«ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1940 г. октября 28 дня, Военный Трибунал Московского военного округа в закрытом судебном заседании в Москве в составе: председательствующего военного юриста 1 ранга ДОЦЕНКО и членов подполковника ВИШНЕВА и военного инженера 2 ранга ГОРОДЕНСКОГО и интенданта 2 ранга НЕФЕДОВА при секретаре военном юристе 3 ранга АНФИМОВЕ

рассматривал дело по обвинению СИРОТКИНА Михаила Ивановича,

по ст. 58-1 п «б» УК РСФСР.

В 12 час. 10 мин. председательствующий открыл судебное заседание и объявил, какое дело подлежит рассмотрению трибунала.

Секретарь доложил, что подсудимый СИРОТКИН и свидетель КЛЕТНЫЙ, содержащиеся под стражей, в суд доставлены. <...>

ПОДСУДИМЫЙ СИРОТКИН заявил ходатайства: Я прошу допросить следующих свидетелей:

I/ КОНСТАНТИНОВУ и ПОПОВА для установления того факта, что КЛЕТНЫЙ был у меня в Разведупре 2 раза в их присутствии, вследствие чего мы не могли с ним договориться о шпионской связи.

2/ КОНСТАНТИНОВА, его жену, ШЛЕНСКОГО и КЛЕТНУЮ, для установления того, что я пришел к КОНСТАНТИНОВЫМ не утром, как показывает КЛЕТНЫЙ, а вечером и на воздушном параде 18/VIII-37 года не был с ними.

3/ АНТИПИНУ — для установления того, что я оба раза был в доме у КЛЕТНОГО в ее присутствии и оба раза провожал ее от КЛЕТНОГО, а не вдвоем со ШЛЕНСКИМ, как он показывал и поэтому не мог договариваться о чем-либо со ШЛЕНСКИМ, возвращаясь с ним от КЛЕТНОГО, как показывает КЛЕТНЫЙ.

4/ ВАЛИНА, ЛЕЙФЕРТА и РИНКА для того, чтобы путем их допроса вскрыть ложные показания КЛЕТНОГО о том, что они сказали КЛЕТНОМУ о том, что я являюсь шпионом.

5/ Затребовать из Разведупра корешки пропусков, чтобы установить, когда КЛЕТНЫЙ приходил во 2-й отдел, и справку о том, когда КЛЕТНЫЙ получил литер для поездки в Киев, чтобы установить дату его выезда в Киев.

ТРИБУНАЛ, СОВЕЩАЯСЬ НА МЕСТЕ, ОПРЕДЕЛИЛ: Ходатайство подсудимого обсудить в процессе судебного следствия в зависимости от обстоятельств, которые будут выявлены в судебном заседании.

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ.

Председательствующий огласил обвинительное заключение и объяснил подсудимому сущность предъявленного ему обвинения.

ПОДСУДИМЫЙ СИРОТКИН в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал и показал:

На предварительном следствии, я в течение месяца давал развернутые показания, но по окончании следствия я категорически стал отрицать эти показания, о чем, кроме того, написал заявление прокурору.

ШЛЕНСКИЙ и КЛЕТНЫЙ уличали меня на очных ставках, но я отрицал их показания. Показания с признанием я давал через 50 дней после очных ставок с КЛЕТНЫМ и ШЛЕНСКИМ, а до этого я отрицал предъявленное мне обвинение.

Я дал ложные показания в связи с тем, что я был посажен в Сухановскую одиночку, вызывался на допрос только ночью, где издевались ругательствами надо мной, а рядом инсценировалось избиение других заключенных. Все это довело меня до обмороков.

Я <...> никогда не боялся ареста за кордоном, где я с гордостью вынес бы все, а здесь меня называли шпионом в то время, как я ни в чем не виновен. Следствие действовало правильно, меня ударили (один, несколько?) раз по лицу.

Я не жалуюсь на методы следствия, но как только я узнал о провокации КЛЕТНОГО и ШЛЕНСКОГО, я сейчас же потребовал допроса ряда свидетелей, на что мне отвечали только тем, что называли меня шпионом, а просьбы мои не удовлетворяли. Я не вынес такого отношения.

Для того чтобы проверить ложь моих показаний и всего дела, я прошу допросить сотрудников Полпредства об обстановке в нем в 1937 году, так как когда начали раскрывать врагов народа, никакая вербовка не могла быть, о том, как я относился в тот период к РИНКУ и как я заявлял на РИНКА в мае 1937 года секретарю парторганизации ЖУРБЕ. Я, КЛЕТНЫЙ и еще 4 работника одновременно уезжали из Японии. <...>

Я был близок с секретарем Военного атташе ФЕДОРОВЫМ, который мне сказал, что РИНК написал доклад о японской артиллерии просто со справочника, чем дезинформировал правительство. По приезде в Москву я <...> написал доклад о ЮРЕНЕВЕ, НАГИ и РИНКЕ, в котором указал о спайке между ними и моих подозрениях.

На службе я очень серьезно говорил о РИНКЕ со своим непосредственным начальником ШАЛИНЫМ.

С 1935 года, до приезда из Японии, я неоднократно писал доклады Наркому внутренних дел о РАМЗАЕ. Я писал о том, что он является двойником.

Зам. РАМЗАЯ — ГУСТАВ упоминался в прессе, освещавшей процесс троцкистов. О ГУСТАВЕ я также писал в НКВД ПАВЛОВСКОМУ. Я говорил, что если ГУСТАВ является шпионом, тот его начальник — резидент РАМЗАЙ, также должен быть двойником. Я доказал, что РАМЗАЙ двойник и его оставили, как двойника.

Я прошу проверить мои доклады о РИНКЕ в НКВД, ШАЛИНУ и ЖУРБЕ я говорил устно о РИНКЕ.

ПОКЛАДОКА я считал честным человеком. Отношения между нами были официальные, но он демонстрировал свое покровительство ко мне как к подчиненному. <...>

ПОКЛАДОК был назначен в Хабаровске начальником информационного отделения.

ШЛЕНСКИЙ был в Японии с 1933 года, в начале он был секретарем, а впоследствии помощником военного атташе. К нему я обращался за советами. Я не знал, когда он должен был выехать из Японии. Он выехал из Японии в отпуск, а не потому, что получил новое назначение. Он приехал в Москву дней на 20 позже меня. По возвращении из отпуска выяснилось, что ШЛЕНСКИЙ назначен зам. нач. 2 отдела. Приехав из Японии, он говорил, что ему не хочется больше ехать в Японию. Он был назначен на это место после перевода ШАЛИНА.

ЛЕЙФЕРТ работал секретным уполномоченным информационного отделения. Он руководил всей переводческой работой. В Японии я с ним не был.

ВАЛИН, когда я приехал из Японии, был начальником 2 отдела и в это время я его впервые узнал. Он был арестован примерно в июле 1937 года. ЛЕЙФЕРТ был арестован, примерно, в то же время, а перед арестом он был уволен.

КЛЕТНЫЙ был арестован в сентябре 1937 года. ШЛЕНСКИЙ был арестован в 1939 году. ПОКЛАДОК был арестован осенью1937 г., о чем я узнал от СТЕПАНОВА, а после этого мне звонила жена ПОКЛАДОКА об аресте ее мужа. <...>

ОГЛАШЕНО показание ШЛЕНСКОГО л.д. 70 об установлении им связи с КЛЕТНЫМ по указанию ЛЕЙФЕРТА.

ОГЛАШЕНО показание ШЛЕНСКОГО л.д. 73 об установлении им связи с ЛЕЙФЕРТОМ по указанию ВАЛИНА и о том, что он должен получать шпионские сведения от СИРОТКИНА.

ПОДСУДИМЫЙ СИРОТКИН: Никаких шпионских связей я не имел и не знал, что ЛЕЙФЕРТ, КЛЕТНЫЙ и ШЛЕНСКИЙ являются шпионами. Шпионских разговоров я с ними не вел.

ОГЛАШЕНО показание ШЛЕНСКОГО л.д. 77 и 78 о передаче ему СИРОТКИНЫМ шпионских сведений, которые он передавал КЛЕТНОМУ.

ОГЛАШЕНО показание ШЛЕНСКОГО л.д.113 и 114 о том, что ему с 1937 года известно стало о том, что СИРОТКИН является шпионом и что он договорился с СИРОТКИНЫМ на получение от последнего шпионских сведений.

ОГЛАШЕНА выдержка из показаний ШЛЕНСКОГО /пакета № 2/ о полученных им шпионских сведений от СИРОТКИНА.

ПОДСУДИМЫЙ СИРОТКИН: Все зачитанные показания являются ложными. Это провокаторы.

Объявлен кратковременный перерыв.

Судебное заседание объявлено продолжающимся.

КЛЕТНЫЙ. До возвращения меня из отпуска связь с японской разведкой осуществлял ЛЕЙФЕРТ. Моя связь с японской разведкой была налажена в Японии, где японец ФУСЕ сказал, что поскольку Разведупр отказывается осуществлять непосредственно связь с японской разведкой, поэтому связь будут держать через меня.

Незадолго до отъезда из Японии, ФУСЕ сказал, что я непосредственно должен буду давать сведения, но я сказал, что это невозможно и тогда он предложил мне давать сведения через АНДРЕЕВА — работника НКИД, а с кем

я буду связан в Разведупре, мне скажут в Москве. АНДРЕЕВА я знал раньше, он был референтом.

В 1933 году японская разведка предложила мне связаться с ПОКЛАДОКОМ, который мне приказал принять функции АНДРЕЕВА. Я поступил на его место в НКИД, так как он уехал в Японию, и принял от него сетку в Академии, где он мне передал только ЭПШТЕЙНА. <...>

В 1937 году я лично не связался с АНДРЕЕВЫМ, так как я сказал ФУСЕ, что это будет неудобно. ФУСЕ мне велел передавать сведения для Андреева через КОСУХИНА — Зам. Начальника 7 сектора НКВД. Раньше я не знал КОСУХИНА, как шпиона.

С КОСУХИНЫМ я встречался и передавал ему материалы 8—9 раз.

Я получил и передал 8—9 материалов от ШЛЕНСКОГО, 3—4 — от КОНСТАНТИНОВА, 2—3 от ЕРМАКОВА и свои материалы. <...>

От СИРОТКИНА я принял один материал в пакете, но вынужден был его уничтожить. Конверт был вдвое больше почтового конверта и печатью не был опечатан. <...>

Уничтожив пакет 18/VIII-1938 года, я сказал СИРОТКИНУ, что я пока прекращаю работать и больше я от него не получал сведений <...>».

Из докладной записки М.И. Сироткина от 10 октября 1964 года: «28 октября 1940 года меня снова доставили на суд в ВТ МВО (в новом составе). Мне объявили, что решение ВТ МВО от августа месяца отменено и предложено разобрать дело по прежним материалам.

КЛЕТНЫЙ выступил с подготовленным, совершенно новым (хотя и таким же нелепым) вариантом ложных показаний против меня. Я потребовал зачитать его прежние показания на первом суде. Мне ответили, что прежние показания не зафиксированы и вообще не имеют значения. Мои разоблачения нового варианта лжи КЛЕТНОГО были признаны “несущественными”, все мои ссылки на свидетелей и документы отвергнуты.

Я проявил несдержанность в оценке системы судопроизводства и был удален из зала, после чего мне объявили приговор: расстрел с конфискацией имущества; через месяц расстрел, по каким-то соображениям, заменили на 15 лет заключения. После 15 лет заключения мне дополнительно дали пожизненную ссылку в Заполярье, но вскоре, в январе 1955 года, я был реабилитирован.

Из сообщенного мне постановления В. Коллегии о реабилитации, я узнал, что сам КЛЕТНЫЙ подавал 6 заявлений о том, что дал ложные показания против меня, ШЛЕНСКОГО и других, но все эти его заявления были “оставлены без последствий”».

«ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА СССР
Заключенный
Воркутинского Речного Лагеря МВД
Сироткин Михаил Иванович
Ст. 58-16 срок 15 лет. Нач. срока — 17.X.1939 г. Конец — 17.X.1954 г.
Заявление № 33
Воркута
13 февраля 1950 г.

Я, бывший майор РККА, РУ РККА, Сироткин М.И., в 1939 на основании ложных, клеветнических показаний японских агентов-провокаторов обви-

нен в измене Родине, осужден на 15 лет ИТЛ, и уже в течение 11 лет отбываю срок в лагере.

За это время я подал 32 заявления в разные инстанции — с просьбой об отмене ошибочного приговора и освобождении меня из заключения. <...>

VIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1. Приговор вынесен на основании никем не подтвержденных, не подтвержденных ни документами, ни свидетелями, ни какими бы то ни было другими данными, голословных ложных показаний клеветников-провокаторов Клетного и Шленского.

Такого рода показания не могут служить достаточным основанием для смертного приговора и вообще для признания обвинения доказанным.

2. Лично мои ложные показания против самого себя на предварительном следствии также не могут быть достаточным основанием для приговора, т. к.

1) о ложности их я заявил прокурору немедленно по окончании следствия, заявил также В. Трибуналу МВО 16.V.40 г. и 16.VIII.40 г. и подкрепил это заявление разоблачением лжи Клетного на суде 16.VIII.40 г. <...>».

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ ГЛАВНОГО ПРОКУРОРА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ
В. ЖАБИН
24 ноября 1954 года
В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

/в порядке ст.ст. 373-378 УПК РСФСР/

28 октября 1940 года военным трибуналом Московского военного округа на основании ст.58-1 “б” УК РСФСР осужден к ВМН — расстрелу —

СИРОТКИН Михаил Иванович, 1901 года рождения, уроженец гор. Калуги, бывший кандидат в члены КПСС, исключен в связи с настоящим делом, образование высшее, в Советской Армии с 1920 года, последняя занимаемая должность начальник отделения 2 отдела разведуправления РККА.

СИРОТКИН признан виновным в том, что, являясь сотрудником разведуправления РККА и будучи в 1936 году командирован в Японию для усовершенствования иностранного языка, в 1937 году был завербован агентом японской разведки Ринком для шпионской деятельности против СССР, от которого он перед своим отъездом в СССР получил задание связаться в Москве с агентами этой же иностранной разведки Клетным и Шленским, через которых и передавать шпионские сведения иностранной разведке. <...>

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 15 ноября 1940 года СИРОТКИНУ ВМН — расстрел заменен 15 годами лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.

В начале следствия СИРОТКИН отрицал принадлежность к агентуре японской разведки, затем, признав свою вину, заявил, что был привлечен к шпионской работе в марте 1937 года военным атташе СССР в Японии Ринком, имел шпионскую связь с Покладок, Лейфертом, Шленским и Клетным.

После окончания следствия в своих заявлениях в адрес военного прокурора и военного трибунала СИРОТКИН от своих показаний отказался.

В основу обвинения СИРОТКИНА, как это видно из материалов дела, положены его признания, от которых он впоследствии отказался, и противоречивые, неконкретные, путанные показания арестованных КЛЕТНОГО и ШЛЕНСКОГО.

Арестованный КЛЕТНЫЙ, показывая на следствии о причастности СИРОТКИНА к агентуре японской разведки, каждый раз ссылался на разных лиц, от которых ему якобы известно, что СИРОТКИН японский шпион.

Клетный также показывал, что СИРОТКИН, будучи связан по шпионской работе со Шленским, передавал через него шпионские сведения ему — Клетному, и что содержание их он не знает, этим не интересовался, что материалы, полученные от него, он порвал и сжег, а на суде по этому эпизоду заявил, что он эти материалы бросил в уборную. На очной ставке 22 октября 1939 года Клетный изобличал Сироткина в шпионской деятельности, однако, Сироткин не подтвердил его показания, пытался уточнить их, но такая возможность ему не была представлена, о чем в протоколе очной ставки указано:

"Поскольку я предупрежден следователем, что очная ставка будет проведена без указаний личностей, то у меня вопросов нет".

На судебном следствии Клетный был уличен во лжи, в связи с чем дело с рассмотрения снято и возвращено на доследование.

В определении военного трибунала наряду с другими мотивами указано, что "объяснения Клетного в суде не заслуживают доверия".

В июне месяце 1946 года от Клетного поступила жалоба, в которой он отказался от всех своих показаний, данных на следствии, и заявил, что он оговорил себя и других лиц, будучи в состоянии моральной подавленности из-за применявшихся к нему мер физического воздействия.

В жалобе от 23 октября 1950 года Клетный указывает, что он оговорил на следствии Константинова, Ермакова, Покладок, Шленского и Сироткина.

В отношении показаний, данных на СИРОТКИНА, Клетный в жалобе указал, что он оклеветал Сироткина по требованию следователя, что, будучи свидетелем в суде по делу Сироткина, он в своих показаниях безнадежно запутался, и был в этом уличен, и несмотря на это он вторично был допущен в суд свидетелем.

"Я провалился на первом суде Сироткина. <...> Несмотря на это, меня допустили свидетелем на новый суд, а перед этим мне была предоставлена возможность подготовиться, меня за несколько дней до суда вызывали и предупредили".

Произведенной дополнительной проверкой по жалобе Сироткина установлено, что по показаниям Ринк, Покладок и Лейферт, Сироткин не проходит.

О шпионской деятельности СИРОТКИНА давал показания и арестованный ШЛЕНСКИЙ, его показания, как и показания Клетного неконкретны и противоречивы.

Шленский утверждает, что о принадлежности Сироткина к агентуре японской разведки ему впервые сообщил Валин /работник Разведупра/.

По показаниям Валина Сироткин и Шленский не проходят.

Дополнительно допрошенные свидетели Шалин и Федоров охарактеризовали Сироткина с положительной стороны.

Таким образом, произведенной дополнительной проверкой вина СИРОТКИНА о принадлежности к агентуре японской разведки не установлена.

Руководствуясь ст.ст. 373-378 УПК РСФСР,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Приговор военного трибунала Московского военного округа от 28 октября 1940 года и определение Военной Коллегии Верховного суда СССР от 15 ноября 1940 года отменить и дело по обвинению СИРОТКИНА Михаила Ивановича на основании ст.4 пункта 5 УПК РСФСР прекратить.

Приложение: Дело в 2 томах и заключение на 3-х листах от вх. 0047242 — адресату, справка на 1 листе.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ГВП
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ /АГАБЕКОВ/
"СОГЛАСЕН" ПОМ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ /ПЛАНКИН/

23 ноября 1954 г.».

В следственной практике органов НКВД известны и положительные случаи, когда арестованных освобождали. Один из таких случаев касается брата Вукелича — Славомира (Славко) Вукелича-Марковича, тоже военного разведчика. Славомир (Славко) Вукелич (в СССР Андрей Михайлович Маркович) не был затронут провалом парижской нелегальной резидентуры и в 1934 году выехал в СССР, где занимался радио в системе НКО СССР. Сотрудник РУ РККА (1936—1937), радист и радиоконструктор в Испании, помогал, в частности, устанавливать связь по линии Лиссабон — Москва. После возвращения из Испании был арестован, около года находился в заключении, но освобожден за отсутствием состава преступления.

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Комиссар Гос. Безопасности III ранга
(МЕРКУЛОВ)
5 августа 1939 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Москва, 1939 года, августа «2» дня.

Я, мл. следователь ОО ГУГБ НКВД СССР — младший лейтенант Гос. Безопасности ГУБАНОВА, рассмотрев след. Дело № 21040 по обвинению ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ Славко, он же Андрей Михайлович, 1906 года рождения, уроженца г. Орадеа-Маре (Румыния), по национальности югослава, вне гражданства (за истечением срока нацпаспорта), беспартийного, по специальности инженера-электрика, быв. сотрудника Разведуправления РККА, в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР,

Нашел:

ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ А.М. был арестован 19 сентября 1938 года. Основанием для его ареста послужили данные о том, что ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ, проживая в Париже, встречался с отцом своей жены белоэмигрантом КОВАРСКИМ И.Н., а находясь в Москве, поддерживал тесную связь с дядей своей жены КОВАРСКИМ Б.Н., впоследствии арестованным за к-р террористическую деятельность (л.д. 1,2).

Произведенным расследованием установлено:

ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ А.М. проживал и работал в Париже. Во время работы в техбюро крупного предприятия, производившего электрооборудование для подводных лодок, а в 1930 году был привлечен Разведупром для работы на Советский Союз. Работал не плохо и считался надежным. Брат ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ также является сотрудником Разведупра (л.д. 11, 12, 39, 48, 49).

В 1934 году, потеряв связь с Разведупром из-за происшедшего в Париже провала, ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ, как интурист, прибыл в СССР, восстановил связь с Разведупром и был устроен на Харьковский Электромеханический завод, где проработал до конца 1935 года (л.д. 12, 13, 39, 48, 49).

С конца 1936 года по август 1937 года находился в заграничной спецкомандировке (в Испании. — *М.А.*) в качестве радиста, работу выполнил удовлетворительно.

Отец жены ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ, КОВАРСКИЙ Илья Николаевич — белоэмигрант, о чем ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ никогда не скрывал (л.д. 34, 37, 44, 48, 49).

Во время допроса ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ показал, что по заданию резидента РУ посещал в Париже белоэмигрантские собрания, представляя о них сводки резиденту — документов об этом в Управлении не сохранилось (л.д. 17, 50).

Находясь в Москве, ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ поддерживал знакомство с ранее известными ему по Парижу служащими иностранных посольств БЕЙНМАН и ЛАГИОНИ, через которых его жена получала посылки (детские платья и лекарства) от отца и матери из Парижа. О этих связях ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ поставил в известность работников Разведупра (л.д. 14об, 45, 48, 49).

В Москве ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ и его жена поддерживали родственные связи с братом отца КОВАРСКОЙ — КОВАРСКИМ Б.Н., который в беседе с ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ А.М. высказывал антисоветские взгляды по вопросу о Сталинской конституции. Свои связи с КОВАРСКИМ Б.Н. ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ не скрывал (л.д. 16,18,35,48, 49).

КОВАРСКИЙ Б.Н., будучи арестованным, никаких показаний, компрометирующих ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ, не дал (л.д. 22).

По служебной линии ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ характеризуется с положительной стороны, компрматериалов на него нет (л.д. 48, 49).

Имея в виду, что основанием для ареста ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ послужили им же указанные биографические сведения, что материалов о его преступной деятельности в процессе следствия не добыто, руководствуясь ст. 204 п. «б» УПК РСФСР и предложением Прокуратуры СССР,

Постановил:

Следственное дело № 21040 по обвинению ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ (Славко) Андрея Михайловича, 1906 года рождения, Л.351 уроженца г. Орадеа-Маре (Румыния), ПРЕКРАТИТЬ и сдать в І-й Спецотдел НКВД СССР для хранения в архиве.

ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ (Славко) Андрея Михайловича из-под стражи немедленно ОСВОБОДИТЬ.

Мл. следователь ОО ГУГБ НКВД СССР
Мл. лейтенант гос. безопасности
(ГУБАНОВА)
«СОГЛАСЕН» — ВРИД НАЧ СЛЕДЧАСТИ ОО ГУГБ НКВД
Капитан Гос. Безопасности (ЩЕРБАКОВ)

Справка: 1. ВУКЕЛИЧ-МАРКОВИЧ А.М. (Славко) содержится в Бутырской тюрьме с 19.IX.38 г.

2. Вещественных доказательств по делу нет.

Мл. следователь ОО ГУГБ НКВД СССР
Мл. лейтенант гос. безопасности
(ГУБАНОВА)».

Славко Вукелич умер 26 августа 1940 г. после операции в госпитале Народного комиссариата обороны в Лефортово (Москва).

Показания арестованных сотрудников ГРУ о том, что ЗОРГЕ являлся агентом немецкой разведки, послужили основанием к заведению 28 января 1939 года Особым отделом бывшего ГУГБ НКВД СССР дела-формуляра. В одном из неоформленных (без подписи) документов дела-формуляра № 21304 указано: «По-видимому, некоторые моменты поведения и жизни ЗОРГЕ остановили внимание УРИЦКОГО, который просил КУУСИНЕН А.А. понаблюдать за ним в Токио. Впрочем, тт. УРИЦКИЙ, АРТУЗОВ и КАРИН считают ЗОРГЕ безупречным работником, самым лучшим резидентом, достойным, по словам т. АРТУЗОВА по меньшей мере ордена»[26].

Результатом «запоздалого» заведения дела-формуляра на Рихарда Зорге явился интерес органов НКВД уже к персоне самого «Рамзая».

Из Протокола очной ставки между арестованными ДАВЫДОВЫМ Василием Васильевичем и ВИНДТ-МАЙЕРОМ Бруно Карловичем от 16-го февраля 1939 года:

«<...> ВОПРОС ДАВЫДОВУ. В каком году происходила ваша последняя встреча с ВИНДТ-МАЙЕРОМ?

ОТВЕТ. Последняя встреча с ВИНДТ-МАЙЕРОМ происходила в моем кабинете в 1933 году перед его командировкой в Японию в качестве радиста.

ВОПРОС ВИНДТ-МАЙЕРУ. Когда вы в последний раз встречались с ДАВЫДОВЫМ?

ОТВЕТ. Последняя встреча с ДАВЫДОВЫМ была у меня весной 1933 года, перед моим отъездом в Японию.

ВОПРОС ДАВЫДОВУ. Вы инструкции ВИНДТ-МАЙЕРУ по легализации давали?

ОТВЕТ. Да, давал указание поступить в распоряжение резидента Рихарда ЗОРГЕ и легализоваться так, чтобы обеспечить непрерывную, бесперебойную связь, в особенности в военное время, в пользу СССР.

ВОПРОС ВИНДТ-МАЙЕРУ. Какие инструкции давал вам ДАВЫДОВ при последней встрече перед вашим отъездом в Японию?

ОТВЕТ. ДАВЫДОВ дал мне указание легализоваться следующим образом: связаться с немецким консулом, посещать немецкий клуб и пробраться в японскую секцию германской фашистской партии.

ВОПРОС ВИНДТ-МАЙЕРУ. Что значит, пробраться в японскую секцию германской фашистской партии?

ОТВЕТ. Пробраться в партию — значит вступить в члены японской секции германской фашистской партии, так как и второе указание о вступлении в члены немецкого клуба невыполнимо без вступления в фашистскую партию: допускались в клуб только члены японской секции германской фашистской партии.

ВОПРОС ДАВЫДОВУ. Давали ли вы такие указания ВИНДТ-МАЙЕРУ?

ОТВЕТ. Да, указание ВИНДТ-МАЙЕРУ я давал: быть на виду у германских официальных лиц, пробраться в японскую секцию германской фашистской партии и немецкий клуб, все это в целях легализации для лучшей работы в пользу Советского Союза.

ВОПРОС ДАВЫДОВУ. Что значит, пробраться в японскую секцию германской фашистской партии и немецкий клуб?

ОТВЕТ. Это значит получить партийный билет германской фашистской партии, как прикрытие своей работы на Советский Союз.

ВОПРОС ВИНДТ-МАЙЕРУ. Каким способом по указанию ДАВЫДОВА вы должны были получить партийный билет немецкой фашистской партии?

ОТВЕТ. Я должен был вступить в японскую секцию германской фашистской партии.

ВОПРОС ВИНДТ-МАЙЕРУ. Вы сразу же приняли условия ДАВЫДОВА?

ОТВЕТ. Нет, я вначале отказывался и говорил, что я лучше буду работать одиночкой, нежели вступать в германскую фашистскую партию. Но ДАВЫДОВ очень энергично настаивал на моем вступлении в японскую секцию германской фашисткой партии, разозлился и доказывал мне, что это необходимо. Я это принял как приказ.

ВОПРОС ВИНДТ-МАЙЕРУ. С кем-либо еще был у вас разговор о вступлении в японскую секцию германской фашистской партии?

ОТВЕТ. После разговора я пошел к Рихарду ЗОРГЕ — моему будущему начальнику по Японии, и рассказал ему о всех полученных мною от ДАВЫДОВА инструкциях, в том числе и о вступлении в японскую секцию германской фашистской партии, вступлении в клуб и о связи с германским консулом.

ЗОРГЕ мне ответил, что все эти вопросы мы разрешим на месте, в Японии.

ВОПРОС ДАВЫДОВУ. Какие указания вы дали Рихарду ЗОРГЕ по вопросу вступления ВИНДТ-МАЙЕРА в японскую секцию германской фашистской партии?

ОТВЕТ. Указаний Рихарду ЗОРГЕ о принуждении ВИНДТ-МАЙЕРА к вступлению в японскую секцию германской фашистской партии не давал.

ВОПРОС ВИНДТ-МАЙЕРУ. Рихард ЗОРГЕ в Японии говорил с вами о вступлении в японскую секцию германской фашистской партии?

ОТВЕТ. Да, говорил. После того, как пробыв в Японии 8 месяцев, я не посещал немецкий клуб и не вступал в японскую секцию германской фашистской партии, меня вызвал ЗОРГЕ и сказал, что ты, мол, должен немедленно же вступить в фашистскую партию и вступить в члены немецкого клуба, так как я (ЗОРГЕ) не хочу из-за тебя идти под суд за невыполнение приказа, полученного тобою в Москве, и если ты не вступишь в партию и в клуб — я тебя отдам под суд — Ревтрибунал.

ВОПРОС ВИНДТ-МАЙЕРУ. Приказ о вступлении в японскую секцию германкой фашисткой партии и немецкий клуб вы от кого-либо еще в Москве, кроме ДАВЫДОВА, получали?

ОТВЕТ. Нет, такой приказ я получил исключительно только от ДАВЫДОВА.

Протокол составлен с моих слов верно, и мои ответы прочитаны. — В. Давыдов.

Протокол составлен с моих слов верно и мои ответы прочитаны —

Виндт-Майер.

Верно: Следователь 4 Отдела ГУГБ НКВД СССР

Лейтенант Госуд. Безоп. Симинцев».

Зачем проводилась данная очная ставка и к каким выводам пришел следователь 4 отдела после ее проведения, сказать трудно. Совершенно понятно, что замысел следствия ГУГБ НКВД СССР был бы реализован только в случае приезда Зорге в Москву и его ареста.

5.2. «Источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания

(*из докладной записки С.Г. Гендина от 14 декабря 1937 года*)

В 1937 г. имел место Благовещенский инцидент или инцидент у Константиновских островов. «Инцидент начался с того, что 19 июня 1937 г. на островах Сеннуха и Большой, расположенных юго-восточнее г. Благовещенска и юго-восточнее г. Айхунь, к югу от середины главного фарватера р. Амур высадились советские пограничники (на первом из них 20 человек, на втором — 40) и изгнали находившихся там подданных Маньчжоу-Го.

В нарушение советско-маньчжурского соглашения о судоходстве по фарватерам пограничных рек 1934 г. четыре дня спустя более десятка советских патрульных судов с артиллерией на борту заблокировали проход иностранных судов по северному рукаву р. Амур — ее главному фарватеру. При этом около 50 советских пограничников продолжали оккупировать оба острова, которые по приведенным выше юридическим основаниям каждая вступившая в конфликт сторона считала своей территорией.

В соответствии с инструкцией генерального штаба о принятии соответствующих мер в случае незаконной оккупации Советским Союзом части территории Маньчжоу-Го командующий Квантунской армией генерал К. Уэда отдал приказ ее первой дивизии о подготовке к вытеснению советских пограничников с указанных островов, и ее пехотные, артиллерийские и инженерные части были развернуты у правого берега р. Амур в районе названных выше островов.

Одновременно одна из трех расположенных севернее левого берега этой реки советских стрелковых дивизий выступила в южном направлении для предотвращения контрудара противника с противоположного берега.

29 июня японцы высадились на упомянутых островах, потопили советский бронекатер, повредили при артобстреле советскую канонерку и другие суда, убив и ранив несколько краснофлотцев. Инцидент был, казалось, исчерпан после того, как 29 июня в ответ на предпринятый в тот же день демарш правительства Японии правительство СССР согласилось по просьбе японской стороны во избежание дальнейшей вооруженной эскалации конфликта отвести свои войска с обоих островов на прежние позиции.

Японское правительство отдало также японским войскам новый приказ об отмене подготовки к военным действиям против советских пограничников, вторгшихся на территорию Маньчжоу-Го. При этом правительство СССР заявило, что в период заключения в 1860 г. Пекинского договора пограничный главный фарватер проходил в этом районе по южному рукаву Амура и что его естественное перемещение на север не означает автоматического изменения границы. <...>

Однако 30 июня 1937 г. три советских патрульных катера, проходя на высокой скорости по южному рукаву р. Амур южнее о. Сеннуха, обстреляли

японских и маньчжурских пограничников. Ответным огнем из деревни Ганьчацзы один из советских патрульных катеров был потоплен, а другому были нанесены серьезные повреждения.

В связи с этим посол Японии в СССР М. Сигэмицу потребовал скорейшей эвакуации советских пограничников и советских патрульных катеров из района конфликта, заявив решительный протест против действий советских вооруженных сил.

2 июля 1937 г. НКИД СССР ответил японской стороне, что он согласен в целях ликвидации конфликта отвести советские войска и упомянутые катера из района конфликта, но что это не означает отказа Советского Союза от прав на спорные острова, и вскоре выполнил это обещание. При этом за один день до начала войны Японии против Китая, 6 июля, к югу от пограничного столба № 2 и о. Большой японо-маньчжурский отряд вновь обстрелял советских пограничников. В результате повторного столкновения несколько часов спустя стороны понесли потери убитыми и ранеными.

При этом японское армейское руководство, в особенности командование Квантунской армии, пришло к выводу, что не дипломатические усилия японского правительства как таковые, а эффективный вооруженный отпор "советской военной провокации" сыграл главную роль в разрешении данного конфликта, и поэтому Японией был взят курс на решительное применение вооруженных сил против СССР и МНР в случае возникновения подобных инцидентов в будущем. Это явилось предпосылкой того, что японская сторона заняла исключительно жесткую позицию в 1938-1939 гг., и вооруженные пограничные конфликты у озера Хасан и реки Халхин-Гол приобрели ожесточенный характер»[27].

Помимо Благовещенского (Амурского) инцидента в 1937 г. имело место много других инцидентов на советско-маньчжурской границе. Об этом можно судить по количеству протестов, направленных с советской стороны японским властям, — 23[28].

В январе 1937-го генерал Угаки Кацусигэ — в прошлом военный министр и генерал-губернатор Кореи — был назначен премьер-министром. Однако, приступив к формированию правительства, Угаки столкнулся с непримиримым противодействием армии, руководство которой отказалось рекомендовать его в новый кабинет, и он вынужден был сложить с себя полномочия, так и не вступив в должность.

В начале 1937-го Зорге получил от германского военного журнала «Die Wehrmacht» («Вермахт», издавался с 1936-го по 1944-й) задание написать статью о современном состоянии армии германского дальневосточного союзника. Вероятнее всего, посредником в получении заказа выступил военный атташе Ойген Отт. С письмом редакции, снабженным соответствующими подписями и печатям, Зорге обратился в Генеральный штаб Императорской армии Японии (не без содействия Отта), где с ним общался полковник Муто Акира (военный атташе в Германии в 1923—1926), начальник одного из подразделений Генштаба. Последний поручил сотруднику военной жандармерии («кэмпэйтай») полковнику Макки оказать содействие германскому корреспонденту в получении информации. Зорге побывал на маневрах, куда обычно не допускались иностранные корреспонденты, беседовал с японскими генералами и офицерами, весьма откровенными с корреспондентом «братьев по оружию». Статья под броским заголовком «Японская армия сегодня: от са-

мурая к танковым войскам» в июне 1937 г. была напечатана в журнале и вызвала самую благожелательную реакцию в Токио[29].

4 июня 1937-го принц Коноэ Фумимаро сформировал свой первый кабинет, в котором пост министра иностранных дел занял Хирота. Одзаки передавал: «О создании кабинета Коноэ и его характере. Создание кабинета Коноэ было последним козырем высших кругов Японии. Создание кабинета было поддержано финансовыми и политическими кругами. Кроме этого свою поддержку кабинету высказала и армия. Гражданские власти надеются, что Коноэ сможет подчинить армию и создаст военно-гражданскую власть. Армия же стремилась испоьзовать хорошую репутацию и реформистские взгляды Коноэ для достижения своих целей»[30].

Как при оккупации Маньчжурии в 1931 году, так и при вторжении в остальную часть Китая в 1937 году, всегда имелась в виду возможность войны с СССР. Стратегия была направлена на подготовку нападения на СССР. Это подчеркивал начальник штаба Квантунской армии Тодзио Хидэки в июне 1937 г., т.е. непосредственно перед началом нападения на Китай, в телеграмме, адресованной непосредственно вице-военному министру Умэдзу и генеральному штабу: «Оценивая настоящее положение в Китае с точки зрения военной подготовки против Советской России, я убежден в том, что, если наша военная мощь позволит, мы должны нанести первый удар по нанкинскому правительству, чтобы избавиться от угрозы нашему тылу»[31].

Ночная перестрелка у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) 7 июля, возможно, и была случайной, но то, что она спровоцировала войну, случайным не было. На следующий день после ночного столкновения японские войска захватили Лугоуцяо и Лунванмяо. Китайские части вынуждены были отступить на западный берег реки Юндин. 10 июля произошло новое столкновение между китайскими и японскими войсками. Командование дислоцировавшегося в районе инцидента 29-го корпуса китайской армии предложило заключить перемирие, и 21 июля было подписано соглашение о временном прекращении военных действий. Однако незадолго до этого кабинет министров принял решение, способствовавшее эскалации конфликта, опубликовав следующее заявление: «Совершенно ясно, что поддержание порядка в Северном Китае является неотложной задачей империи и Маньчжоу-Го. В настоящий момент для сохранения мира в Восточной Азии необходимо, чтобы Китай признал свою вину, в первую очередь в связи со своими незаконными действиями, а также в связи с поступками, враждебными Японии или оскорбляющими ее, и дал бы соответствующие гарантии в том, что отныне подобные действия не будут иметь места. Поэтому японское правительство на сегодняшнем заседании кабинета министров решило принять необходимые меры для отправки войск в Северный Китай».

Это означало, что Япония не собиралась считать инцидент конфликтом местного значения, поставив своей целью с помощью оружия решить вопрос о захвате Северного Китая, который планировался ею в течение многих лет. Китайская сторона тем временем укрепилась в решимости оказать сопротивление Японии, и расширение конфликта стало неизбежным. Вместе с тем Сун Чжэюань, тогдашний правитель Северного Китая, опасаясь лишиться власти, был заинтересован в локализации конфликта. Поэтому, несмотря на вышеупомянутое заявление, переговоры на месте продолжались. Гоминьдановское правительство тоже не желало войны. 19 июля между японской и китай-

ской армиями было заключено местное соглашение. Тем временем 15 июля Япония заявила об отправке своих войск в Китай, а 17-го приняла решение о дополнительном бюджете на чрезвычайные военные расходы[32].

Крупномасштабная война с Китаем была не в интересах Японии, главную цель которой составляла эксплуатация природных богатств Маньчжурии и создание там мощной индустриальной и аграрной базы, для чего требовалась военная и политическая стабильность. Тем более что в случае японо-советской войны тыловой район Квантунской армии оказывался подверженным угрозе со стороны китайских войск.

В середине июля 1937-го военный атташе Отт сообщил Зорге: «Япония, используя инцидент у моста Лугоуцяо близ Пекина, стремится одним махом решить китайский вопрос и превратить Северный Китай в специальный район, находящийся под господством Японии»[33]. Мияги докладывал Зорге: «О событиях у моста Лугоуцяо и планах Японии. Планы независимости Северного Китая (углубление внутриполитических трудностей и неизбежность событий у моста Лугоуцяо)»[34].

В Германском посольстве в Токио, по словам Зорге, были удивлены, но не встревожены происходившим в Китае. Дирксен и Отт (недавно произведенный в генерал-майоры) предсказывали, что боевые действия вскоре сойдут на нет: «Дирксен и Отт были настроены оптимистично, утверждая, что Гоминдан необычайно слаб. Но я придерживался мнения, что враждебные действия будут продолжаться еще долго и что силу Гоминдана не следует недооценивать.

Ни Дирксен, ни Отт не соглашались со мной. Однако ход событий обернулся так, как я и предсказывал. И потому и Дирксену, и Отту пришлось признать, что я был прав, и мои акции в посольстве соответственно выросли»[35].

Предсказание Зорге о продолжении японо-китайского конфликта несло на себе отпечаток мнения Одзаки, получившего серьезный источник информации — бывшего школьного товарища Усибы Томохико, с которым он возобновил знакомство на 6-й международной конференции Ассоциации изучения тихоокеанских проблем в 1936 г. в Америке. Последний стал одним из секретарей принца Коноэ, в июне 1937 г. возглавившего правительство Японии.

В связи с войной, развязанной Японией, Советский Союз оказывал Китаю помощь не только из чувства дружбы и солидарности, но и из-за явственной угрозы для своей безопасности. 29 июля 1937 г. Политбюро приняло Постановление, в котором говорилось: «Увеличить поставку оружия в кредит до 100 млн кит. долл., предложив нанкинскому правительству 200 самолетов со снаряжением и 200 танков на ранее сообщенных ему условиях, но с поставкой в течение 1 г. Считать непременным условием заключение пакта о ненападении. Предложить нанкинскому правительству допустить в Нанкин небольшую группу наших командиров для ознакомления с нуждами китайской армии. Согласиться принять для обсуждения у нас группу китайских летчиков и танкистов. Удовлетворить просьбу о пропуске через Владивосток транзитом в Маньчжурию китайских военных»**36**.

Еще 19 января 1937 г. Политбюро согласовало директивы для ЦК КПК: курс на поддержку мероприятий Гоминьдана и нанкинского правительства, направленных на прекращение гражданской войны и объединение всех сил китайского народа в борьбе против японской агрессии[37].

После серии не увенчавшихся успехом переговоров о мирном урегулировании 26 июля японские войска развязали широкомасштабные боевые действия в Китае. 28 июля был захвачен Пекин, а 29-го — Тяньцзинь.

С 8 августа развернулась битва за Шанхай, которая носила крайне ожесточенный характер. Китайские войска оказали японцам упорное сопротивление, на борьбу поднялись также рабочие, студенты, горожане.

21 августа в Нанкине был подписан советско-китайский договор о ненападении. Стороны отказывались от войны как средства разрешения международных споров и обязывались «воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами». Китай и СССР взаимно обязались не оказывать ни прямой, ни косвенной поддержки державе или державам, нападающим на одну из сторон, воздерживаться от действий или соглашений, которые могли бы неблагоприятно отозваться на стороне, подвергшейся нападению. В договоре оговаривалось, что он не нарушает прежних договоров и соглашений, участниками которых были СССР и Китай.

Советскую сторону представлял Д. В. Богомолов, чрезвычайный и полномочный посол в Китае, китайскую — Ван Чжунгуй, министр иностранных дел; подписи глав государств под договором не стояли. Речь не шла о союзе, которого добивалось правительство Гоминьдана, тем не менее это был важный шаг. 27 августа Чан Кайши через советского посла в Китае передал заявление, в котором говорилось, что «китайское правительство приняло решение сопротивляться японской агрессии до последнего, независимо от того, получит ли оно помощь от какого-то государства или нет».

14 сентября 1937 г. в Москве была достигнута договоренность о предоставлении Китаю советской военной помощи, при этом оговаривалось, что «четвертая—пятая часть оружия» должна выделяться национальным правительством армии Коммунистической партии Китая.

Под давлением общественного мнения и ради спасения собственной власти Чан Кайши и Гоминьдан вынуждены были корректировать свою внутреннюю и внешнюю политику. Были внесены изменения в чрезвычайный закон «О наказаниях за преступления против республики», освобождена большая часть политических заключенных и руководителей патриотического движения. 23 сентября Чан Кайши выступил с официальным заявлением. Признав легальность компартии, он заявил о своей готовности сотрудничать с ней в вооруженной борьбе против Японии. Так был создан единый национальный антияпонский фронт. Вслед за этим китайская Красная армия была официально переименована в 8-ю Национально-революционную армию. Ее командующим был назначен Чжу Дэ[38].

Было очевидно, что японские дивизии неизбежно выйдут к южным и юго-восточным границам Монгольской Народной Республики, что представляло для нее реальную угрозу. Армия Монголии не могла служить серьезным препятствием для японских войск: общая численность монгольских вооруженных сил составляла 17 800 человек, включая аппарат военного министерства, военное училище и территориальные кавалерийские полки, прикрывавшие южную границу. Таким образом, нескольких японских дивизий было достаточно, чтобы пересечь республику и выйти к советской границе.

В соответствии с «Протоколом о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой»

от 12 марта 1936 г. с конца августа 1937 г. на территории МНР началось развертывание воинских частей Красной Армии.

В Директиве Сталина командующему войсками Забайкальского военного округа говорилось: «Первое. Пакт о взаимной помощи гарантирует нас от внезапного появления японских войск через МНР в районе Байкала, повторяю, Байкала, от перерыва железнодорожной линии у Верхне-Удинска и от выхода японцев в тыл дальневосточным войскам.

Второе. Вводя войска в МНР, мы преследуем не цели захвата Монголии и не цели вторжения в Маньчжурию или Китай, а лишь цели обороны МНР от японского вторжения, а значит, и цели обороны Забайкалья от японского вторжения через МНР»**39**.

1 октября 1937 г. «Франкфуртер цайтунг» опубликовал статью своего корреспондента в Токио Рихарда Зорге: «Японии приходится перестраиваться. Хозяйственные требования, предъявляемые китайским конфликтом»: «Редко какому японскому правительству, приходилось в течение короткого времени столь основательно менять свою программу, как правительству Коноэ. Беря в руки бразды правления, князь Коноэ обещал обширные социальные и политические реформы, он выступал за сохранение мира и смягчение мировой изоляции Японии посредством дружественных переговоров с Китаем и нового сближения с Англией и хотел с помощью пятилетнего плана преодолеть военно-хозяйственные слабости японской экономики и ее социальные изъяны.

Все вышло по-другому. Вот уже на протяжении недель уличную картину Токио определяют молодые призывники и уходящие на фронт солдаты с провожающими их родственниками. Правительство, партии, парламент прилагают все усилия исключительно к тому, чтобы снабдить эту мобилизацию долгосрочной политической и финансовой подкладкой. В эти дни возбуждения нет ни времени, ни склонности экспериментировать с внутриполитическими реформами. Во внешнеполитическом отношении, напротив, Япония находится в состоянии войны, хотя и не объявленной с международноправовой точки зрения, с Китаем и растущих противоречий с Англией и Советской Россией. Экономически же Япония выглядит вынужденной собирать все наличествующие силы для решения военных задач конфликта с Китаем. О планомерном развертывании своей экономики, и даже своей военной экономики, ей в данный момент думать не приходится.

Князь Коноэ наверняка неохотно пошел на эту перестройку своей программы. По сути всей своей позиции он, скорее, премьер-министр периода консолидации, чем вождь в военное время. Однако, по мере того, как отдельные стычки между китайской и японской армиями разрастались в сегодняшний конфликт, японскому правительству пришлось шаг за шагом делать хозяйственные, политические и военные выводы из него, основательно изменившие первоначальные планы правительства.

Хозяйственные выводы — перестройка японского хозяйства на военный лад — отчасти уже на протяжении многих лет пропагандировались военными кругами, которые требовали принципиального подчинения всех частнохозяйственных интересов военно-государственным целям. Но на этот раз военно-хозяйственная организованность является не только требованием военных, но главным образом горькой необходимостью переживаемого момента. Кажется, без такой перестройки не могут быть удовлетворены даже хозяйст-

венные потребности теперешнего, поначалу воспринятого слишком беспечно конфликта с Китаем. Через несколько недель после его начала, в то время, когда речь шла еще только о "северо-китайском инциденте", только военная мобилизация и первые бои в Северном Китае уже обошлись в 526 миллионов иен (1 иена по официальному курсу равна 0,72 имперской марки)...

Положение Японии осложняется неблагоприятным влиянием китайского конфликта на японскую внешнюю торговлю, которая уже до этого попала в тяжелое положение. Вследствие увеличения импорта, связанного с ростом вооружения, и вследствие роста цен на мировом рынке, которые сказываются на японском импорте несравненно сильнее, нежели на продажной цене японских экспортных товаров, за первые восемь месяцев текущего г. возник рекордный перевес импорта над экспортом на сумму около 800 миллионов иен... Кроме того, столь важный по значению вывоз японских товаров в Китай практически упал до мертвой точки — во-первых, из-за боев, а также потому, что бойкот японских товаров китайцами вспыхнул, естественно, с новой силой. Этот бойкот организуется китайскими торговцами и в других тихоокеанских странах. С начала года Японии уже пришлось ради покрытия своих импортных потребностей уступить загранице значительную часть (400 миллионов иен, или более четверти) своего золотого запаса.

Наконец, чрезвычайные государственные притязания на рынке капитала, с одной стороны, и ставшее необходимым сокращение импорта (в том числе импорта иностранных машин, лицензий и так далее) ведут к трудно разрешимому противоречию с необходимостью основательного расширения промышленных производственных мощностей. Именно князь Коноэ и его хозяйственные советники указывали на слабость военно-хозяйственной базы Японии не только в отношении сырья, но и, прежде всего, в отношении производственных возможностей имеющегося японского индустриального аппарата. Китайско-японский конфликт ежедневно приносит все новые доказательства того, что возможности японского хозяйственного аппарата, в особенности его тяжелая и военная промышленность, все еще не отвечают политическому положению Японии в мире и ее великим целям.

Правда, китайский конфликт, кажется, вынудил Японию отказаться от систематического расширения всей военно-хозяйственной базы. Но Японии не так-то просто примириться с этим, в особенности из-за ясного понимания того, что не только военная промышленность страны в узком смысле, но и связанная с вооружением экономика вообще едва ли смогли бы удовлетворить потребности борьбы с более серьезным военным противником, нежели Китай»[40].

25 октября во «Франкфуртер цайтунг» вышла очередная статья «Японские настроения. Общественное мнение захвачено врасплох. Когда наступит мир?»: «Когда в Японии сегодня оглядываются на 7 июля 1937 г. — дату, которая в книгах по истории будет охарактеризована как начало второй большой Японо-китайской войны, то чувствуют себя захваченными врасплох и отнюдь не радуются последствиям, которые имела одна из частых мелких стычек между китайскими войсками и солдатами местного японского гарнизона близ Бейпина (Пекина). Ибо, как бы ни оценивались основная причина и внешние обстоятельства, приведшие к началу конфликта, сегодня, пожалуй, уже твердо установлено, что в Японии не предвидели начала такой национальной войны. Это касается не только хозяйственных и политических кругов страны, кото-

рые усматривали множество опасностей для Японии во всякой большой войне, но и руководства армии и флота. Японское армейское руководство было честным, когда в начальной стадии конфликта дало ему безобидное название "северокитайский инцидент". Ибо оно не хотело распространения военных действий по Северному Китаю, возможно, даже за пределы окрестностей Бейпина и Тяньцзиня. И оно отнюдь не хотело, чтобы какой-то "инцидент", этот типично дальневосточный метод сочетания вооруженной акции с политико-дипломатическими переговорами, превратился в настоящую войну...

Сухопутные войска уже давно были озабочены развитием событий в Северном Китае. Ибо эти события угрожали превратить желанную стратегическую позицию, повернутую фронтом к Советскому Союзу, в опасный тыл, и они постепенно поставили под вопрос все политические, хозяйственные и прочие особые права, которые Япония со времени создания маньчжурского государства с трудом завоевала в ходе кровавых и бескровных мелких "инцидентов"...

Правительство надеялось таким путем получить в свои руки действенные средства давления, чтобы с помощью широкой дипломатической акции Японии в Нанкине вскрыть, наконец, одним ударом нарыв китайско-японской проблемы во всей ее совокупности. Наконец, хозяйственные круги потому с самого начала, хотя и не без колебаний, отнеслись положительно к «северокитайскому инциденту», что они надеялись, что тем самым Англии будет сделано ясное предостережение не рисковать в Китае большими кредитами и капиталовложениями, которые волей Японии в любое время могут быть поставлены под угрозу.

Одинаково начиналось все несколькими неделями позже в Шанхае, где флот поначалу не хотел военных действий и где он тоже был честным, когда давал событиям безобидное название "второго шанхайского инцидента". Но вскоре и он настроился на боевые действия, ибо вознамерился быстрыми и решительными ударами поднять выше свой престиж как в самом Китае, так и в Японии, и без сколь-либо значительного сопротивления китайцев решительно упрочить японские позиции в важнейшем хозяйственном центре Китая. Но когда руководящие политические и хозяйственные круги в Токио и Осаке распознали в высшей степени нежелательную опасность слияния северокитайского и шанхайского инцидентов в одну большую национальную войну между обеими нациями, было уже слишком поздно, ибо война, хотя и нежелательная для обеих сторон, стала фактом. В воззрение по поводу нежелания и неспособности Китая организовать всеобъемлющую оборону страны пришлось внести поправки — так же, как вскоре пришлось расстаться с надеждой, что Япония сможет с помощью сильных ударов в два-три месяца закончить карательную экспедицию, направленную теперь уже против всего Китая.

Армия и военно-морской флот, поддерживаемые военно-воздушными силами, сражались в Северном Китае, а также в Шанхае и менее защищенных городах Среднего и Южного Китая храбро и, без сомнения, небезуспешно. Но Япония и сегодня признает, что дух и достижения китайских вооруженных сил превзошли ожидания и что японские успехи не были ни такими скорыми, ни такими крупными, на какие уверенно надеялись японцы...

Китайцы, укрепившиеся в цементированных пулеметных гнездах, которые называются по русскому образцу "точками", причиняют армейской и

морской пехоте японцев тяжелый урон. Потери японцев, складывающиеся из числа убитых, раненых и больных, как в Шанхае, так и в Северном Китае, велики и особенно ощутимы потому, что они включают необычайно высокий процент офицеров. Дальнейший ход боевых действий будет зависеть прежде всего от двух факторов. Во-первых, от того, удастся ли японской авиации сломать, наконец, хребет китайской обороне в военном и моральном отношении, а на худой конец хотя бы расстроить управление войсками, осуществляемое до последнего времени центральным правительством на вполне современном уровне. Во-вторых, от того, как долго еще у китайских войск будет вдоволь боеприпасов для ведения успешных оборонительных боев...

...Каждый лишний месяц, даже каждая лишняя неделя конфликта означает для Японии несообразно большие расходы не только в военном, но и в хозяйственном и политическом отношении, идти на которые нелегко ввиду задач, стоящих перед Японией за пределами Китая. Далее, в японской прессе уже сегодня совершенно определенно указывается на то, что окончательное завершение боевых действий еще не будет означать мира. По шестилетнему опыту, накопленному в Маньчжурии, Япония слишком хорошо знает, что означает маленькая война в Китае, а сегодня она также знает, что война в собственно Китае, на базе пробудившегося национального сознания и национального возбуждения может оказаться намного тяжелее, чем война в Маньчжурии...

Сухопутным силам большой опасностью не только для самой Японии, но и для ее положения в Китае кажется Советский Союз — опасностью, с которой она борется на широких равнинах севера и в других районах Китая. Только в этом смысле следует понимать лозунг, что Япония борется в Китае с коммунизмом. Для флота, напротив, опаснейшим противником является Великобритания, которую в этой войне следует косвенным образом поставить на место. Эти различные точки зрения, несомненно, приобрели в Японии внутриполитическое значение, тем более что каждая из этих группировок считает, что в ее воззрениях предусматриваются сложности, которые могут возникнуть перед японской политикой при последующем заключении мира в Китае»[41].

8 октября Зорге сообщал о своих беседах с Альбрехтом Хаусхофером:

«Москва. Директору.
Острова, 8 окт. 1937 г.

Специальный информатор Риббентропа — Хаузхофер, который провел здесь два месяца, имея прекрасные связи со всеми руководящими лицами, перед своим отъездом сказал мне, что во второй половине ноября ожидается важное решение относительно развития Японо-Германского сотрудничества. Он будет советовать Риббентропу усилить тесное сотрудничество, но избегать немедленных совместных действий до тех пор, пока слабость Японии не будет совсем преодолена или, по крайней мере, уменьшена при содействии Германии, которая окажет ей материальную помощь поставкой военных припасов. Он не был полностью уверен, что его точка зрения будет принята, но надеется на это.

№ 517 Рамзай».

[Резолюция]:«т. Хабазов. Спецсообщение, с указанием, что источник требует проверки. 10.10.]».

8 октября из Токио ушла еще одна телеграмма:

«Москва. Директору.

Полковник ОТТ показал мне письмо, адресованное немецкому генштабу, датированное 6 октября. Содержание его в основном следующее. Полковник Отт также в настоящее время убежден в том, что Япония имеет твердое намерение воевать с СССР, но трудная война с Китаем таит возможность отвлечь ее от главной цели. Некоторый кризис в Японо-Германском сотрудничестве, вызванный активностью германских инструкторов в Китае, большими поставками военных материалов в Китай, отсутствием готовности снабжать Японию желаемыми Хейнкелями-III и транспортами может вызвать некоторого рода усталость от войны, так что в дальнейшем Япония возможно захочет на некоторое время избежать каких-либо трений с СССР. Дирксен, письмо которого я также читал, пишет приблизительно то же самое.

№ 518 Рамзай».

[Резолюция]: «т. Хабазов. Включить в спецсообщение. 10.10.».

С 3 по 24 ноября в Брюсселе проходила конференция, посвященная восстановлению мира на Дальнем Востоке, который был нарушен нападением Японии на Китай. В ее работе приняли участие 19 государств, в том числе Советский Союз. Япония и Германия от участия отказались. Накануне открытия конференции госдепартамент США так сформулировал свою позицию: «Эта конференция должна заставить Японию отказаться от избранного ею в настоящее время пути», но «в то же время она должна дать Японии политические и экономические гарантии. В этих целях, во-первых, необходимо гарантировать Японии сырье и рынки и, во-вторых, принять меры, которые помешали бы Советскому Союзу и Китаю использовать этот случай»[42].

Участники конференции воспротивились принятию действенных мер для пресечения агрессии, в частности, не приняли поддержанное СССР предложение китайской делегации об экономических санкциях в отношении Японии. Конференция ограничилась констатацией нарушения Японией «Договора 9-ти держав», высказав пожелание, чтобы Япония пересмотрела свою позицию и встала на путь мирного урегулирования конфликта с Китаем. «Договор 9-ти держав» был подписан на Вашингтонской конференции 1921—1922 г. и касался обеспечения гарантий территориальной целостности Китая, уважения его суверенитета, а также провозглашал принцип «открытых дверей и равных возможностей» по отношению к Китаю в области торговой и предпринимательской деятельности и обязывал не прибегать к использованию внутренней обстановки в Китае с целью получения специальных прав и привилегий, наносящих ущерб правам и интересам иных государств — участников договора.

12 ноября завершилась трехмесячная оборона Шанхая — китайское командование приказало войскам оставить город.

В ноябре Одзаки докладывал Зорге: «Положение "О создании главной ставки" включает в себя планы правительства объединить военные действия и политику с тем, чтобы сдержать самовольные действия армии в подготовке к расширению военных действий»[44].

В боях за Шанхай японская армия потеряла около 50 тысяч убитыми и ранеными. Оставив Шанхай, китайская армия продолжала отступать, и 13 де-

кабря японские войска захватили Нанкин. Во время боев за Нанкин японская армия уничтожила много пленных и несколько десятков тысяч мирных жителей, а взяв город, отличилась дикими грабежами и насилием.

Военные успехи Японии в первый период Японо-китайской войны объяснялись не только ее военным превосходством. Успеху японских войск содействовало отсутствие единства в Китае и международная обстановка[43].

14 декабря 1937 г. и.о. начальника Разведывательного управления РККА С.Г. Гендин представил докладную записку Сталину:

«Сов. секретно.

ЦК ВКП(б) тов. С Т А Л И Н У

Представляю донесение нашего источника, близкого к немецким кругам в Токио. Источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания.

«1. Военно-политическая обстановка в Японии, по личному мнению, и по ряду данных, полученных в иностранных и местных кругах, позволяет прийти к заключению, что выступление Японии против СССР может последовать в непродолжительном будущем, хотя общие затруднения Японии, весьма значительные уже в настоящее время, в этом случае возрастут еще более.

Основаниями для такого заключения являлись:

а) Сообщение японского Генштаба германскому военному атташе полковнику Отту о том, что необходимо скорейшее окончание войны с Китаем и заключение мира на приемлемых условиях с тем, чтобы сосредоточенные на континенте военные силы Японии могли быть брошены против СССР. Генштаб предложил Отту совершить поездку в Шанхай с тем, чтобы он беспристрастно оценил военно-политическое положение на Шанхайском фронте, так как в этот момент не только правительство и флот, но и армия были обеспокоены большими потерями, затруднениями и медленностью японского наступления и перспективами всего предприятия. Возвратясь из поездки, Отт заявил, что он вполне разделяет пессимизм, о котором его информировали. Он убедился в большой боеспособности китайской армии. Об японских же методах борьбы, за исключением их действительно достойного удивления качества — идти напролом, — он отозвался, напротив, довольно отрицательно. Положение на фронтах около Шанхая он сравнил с положением под Верденом[44]. Он убежден, что японцы для осуществления решительных операций должны перебросить к Шанхаю значительные новые подкрепления. Он полагает, что в результате этих напряженных усилий в борьбе за победу мощь всей японской армии значительно пострадает. Он полагает также, что такая победа Японии не поставит Китай на колени и не приведет к миру на условиях, благоприятных для Японии. Исходя из этого, он предложил скорейшее окончание войны на условиях, приемлемых для Китая, рекомендуя обратиться к Германии с просьбой о посредничестве. Ответ Генерального штаба явился для Отта неожиданным как с точки зрения быстроты его, так и умеренности японских требований. Также скоро последовало официальное утверждение этих условий, одобренных Оттом, заявление флота и мининдела о согласии с ними и передача их Дирксену с просьбой при содействии Берлина вручить их Нанкину (с 1927 г. столица Национального правительства Китайской республики. — *М.А.*).

По поводу заявления Генштаба, что по окончании войны с Китаем Япония без большого труда захватит внезапным нападением Владивосток и Приморье, Отт в частном разговоре только пожал плечами, сказав: "Пусть попробуют". Однако, после подробной беседы по поводу общего положения, Отт впервые пришел к выводу, что японцы действительно имеют намерение в скором времени напасть на СССР. Он, видимо, считал и считает такое выступление безумием (и впечатления от Шанхайского фронта, кажется, лишь усилили его мнение). Но зная, что для руководящих берлинских кругов подобное выступление весьма желательно, он не склонен к явной оппозиции по отношению японских планов, а, следовательно, и Гитлера, и национал-социалистской партии.

б) По имеющимся у Отта сведениям и личным впечатлениям, сопротивление Коноэ, флота и даже некоторых капиталистических кругов планам армии в отношении нападения на СССР в значительной мере ослабло. Все эти люди боятся возвращения из Китая хотя бы части сосредоточенных там войск, а с ними и политико-экономических последствий перемирия или мира, к которому они относятся весьма скептически. Флот стремится освободить, наконец, руки для решительных действий на Южном Тихом океане (против Англии) и приходит, видимо, к убеждению, что это удастся сделать лишь после того, как армия осуществит свои планы против СССР.

Коноэ и руководящие круги понимают, что нападение на СССР с каждым годом становится все опаснее, и, тем не менее, создается впечатление, что в данное время более чем когда-либо они начинают верить в легкомысленные заверения военщины о сравнительной легкости осуществления внезапного нападения на Владивосток и Приморье и возможности ввиду "неблагоприятности положения в СССР" ограничить японо-советскую войну этой территорией и Сахалином.

в) Несомненно, что установка "теперь или никогда" в отношении войны с СССР значительно популяризируется.

Либеральный внук князя Сайондзи в разговоре со мной с сожалением констатировал наличие этой тенденции в кабинетских и капиталистических кругах. Он считает, что эта тенденция принимает часто характер политики катастроф. Он также говорил о смехотворной недооценке мощи СССР (об этом же говорил и Отт). Ведутся, например, серьезные разговоры о том, что есть основание рассчитывать на сепаратистские настроения маршала Блюхера, а поэтому в результате первого решительного удара можно будет достигнуть с ним мира на благоприятных для Японии условиях. (Отт с возмущением слушал сообщение высланного из Владивостока германского консула, который несколько месяцев тому назад со всей серьезностью рассказал группе офицеров из Генштаба, что при первом серьезном ударе японцев красноармейцы Владивостока и Приморья сдадутся в плен, чему японцы, видимо, абсолютно верят, находя в этом подтверждение широко распространенного, хотя и не всеобщего мнения по этому вопросу.)

Британский морской атташе капитан Роулинг также констатировал наличие этой тенденции, вызывающей у него недоумение, так как и его круги не знают ничего определенного по поводу последствий истории Тухачевского (речь идет о процессе по делу о т. н. «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии. — *М.А.*) для мощи Красной Армии.

Установка "теперь или никогда" систематически внедряется в сознание народных масс. Наши японские агенты и относительно хорошо информированные иностранцы подтверждают факт, что на войну с Китаем смотрят как на простую авантюру для подготовки войны с СССР, и эта точка зрения всеми средствами насаждается сверху.

По вопросу же о том, как реагируют массы на антисоветскую травлю, мнения расходятся. Даже наш агент-японец сказал мне месяца три назад, что он глубоко разочарован тем, что некоторые из наблюдаемых им рабочих, мелких буржуа и интеллигентов воспринимают возможность войны с СССР как нечто само собой разумеющееся. Он даже признал, что в противоположность войны с Китаем, война с СССР после многолетней пропаганды становится в известной степени популярной, хотя "неизбежность" ее и вызывает страх.

Другой агент — хорошо осведомленный японец-журналист и большинство иностранцев, напротив, сообщают о повсеместном отрицательном отношении ко всякой войне вообще, а тем более такой опасной, как война с СССР, хотя и они констатируют в указанных городских кругах наличие почти повсеместно фаталистической установки на войну. Единодушно подтверждается наблюдателями наиболее распространенное отрицательное отношение к войне с СССР среди крестьянства. Здесь недовольство беспрерывными военными авантюрами не только больше, чем в городских слоях, но оно и проявляется более открыто и в более опасных формах. Один из наших японских агентов ознакомился с содержанием анкеты одного сельхозобъединения, где растущий радикализм противников войны среди крестьянства выступает весьма открыто. В целом же надо, однако, констатировать (насколько позволяет это сделать наша ограниченная и случайная информация), что война с СССР в пределах имеющихся в данное время возможностей подготовлена хорошо. И, по мнению наших японских агентов, эта подготовка в случае действительного начала войны оказалась бы достаточной для того, чтобы, по крайней мере, на первое время обеспечить необходимое положительное отношение к борьбе и максимум фатализма в широких кругах общества.

2. Германский военный атташе имел возможность убедиться, что японский генштаб коренным образом перестроил стратегические планы ведения войны с СССР. Если до сих пор предусматривались преимущественно наступательные методы борьбы с Красной Армией, то теперь предполагается на всех фронтах, кроме участка около Владивостока (где будет осуществлен наступательный удар) действовать по принципу "сдерживающего боя". Существует убеждение, что Красная Армия ответит на японскую провокацию наступательными действиями со стороны Читы и Благовещенска. В этом случае ей дадут возможность постепенно проникнуть вглубь Маньчжурии, чтобы, когда она достаточно утомится и будет удалена от полосы собственных укреплений, решительно по ней ударить.

В районе Хинганских гор японцы предполагают, видимо, пропустить Красную Армию до хребта, чтобы разбить ее при спуске в долину, где уже теперь осуществляются укрепления. Небольшая группа японских офицеров несколько месяцев тому назад послана в Германию, видимо, специально для изучения в рейхсвере методов войны путем "сдерживающего боя". Когда же наступательные возможности частей Красной Армии иссякнут, японцы перейдут в наступление, нанося удар в полосе Оупу, Мохэ.

Отт оценивает возможности японцев в скором времени перейти на этот метод ведения войны, как одну из основных форм борьбы, довольно скептически. Он критически отзывается о самурайском духе наступательных действий, приведших в Шанхае к исключительно большим, и в большинстве случаев, напрасным потерям офицерских кадров».

Ст. майор государственной безопасности *Гендин.*

14 декабря 1937 г.».

На документе резолюция: «Мой архив. И. Сталин».

Записка была весьма необычной: заявив, что «источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания», Гендин затем подробнейшим образом излагает полученную от Зорге информацию. Чем же объяснить противоречивое утверждение руководителя военной разведки? С одной стороны, Гендин подстраховался, сообщая о недоверии к Зорге. Но при этом был убежден, что информация из Токио заслуживает внимания Сталина.

В основу докладной записки легла информация, собранная Зорге, в первую очередь, от военного атташе Германии Отта. Другим источником был Мияги Ётоку, представивший обобщенную информацию от находившихся у него на связи агентов. «Хорошо осведомленный японец-журналист» — это Одзаки Ходзуми. Нельзя исключить, что разговор с «либеральным внуком князя Сайондзи» состоялся как раз не у Зорге, а у Одзаки.

Основной вывод, к которому пришел Зорге действительно заслуживал внимания: «...выступление Японии против СССР может последовать в непродолжительном будущем, хотя общие затруднения Японии, весьма значительные уже в настоящее время, в этом случае возрастут еще более». Аргументы в пользу данного вывода: идет идеологическая обработка общества — «установка "теперь или никогда" в отношении войны с СССР значительно популяризируется»; «сопротивление Коноэ, флота... планам армии в отношении нападения на СССР в значительной мере ослабло»; «Отт впервые пришел к выводу, что японцы действительно имеют намерение в скором времени напасть на СССР». И здесь же, по словам «Рамзая», Отт «считал и считает такое выступление безумием».

Последнее замечание Отта имело непосредственное отношение к формированию в Японии двойственного подхода к развязыванию войны с Советским Союзом, который сохранится до 1942 г. включительно. С одной стороны, шла подготовка страны, армии и флота к войне с более сильным противником, в которой победить нельзя (что не было секретом, по крайней мере, для части руководства страны, армии и флота). С другой — нерешительность и неготовность развязать крупномасштабную войну, обусловленные пониманием ее катастрофических последствий, несмотря на оказываемое со всех сторон давление (в том числе в штабах и войсках Квантунской армии).

Неизвестно, учитывалось ли сообщение Зорге о «серьезных разговорах» по поводу «сепаратистских настроений маршала Блюхера» при решении участи последнего.

В части стратегических планов японского генерального штаба ведения войны с СССР, ставших известными Зорге от Отта, они в определенной степени отражали точку зрения штаба Квантунской армии, который в марте 1938 г. отправил в Токио документ под названием «Политика обороны государства».

В этом документе в случае войны против СССР предлагалось силами Квантунской и Корейской армий основной удар нанести по советскому Приморью с целью захвата Никольска-Уссурийского, Владивостока, Имана, а затем Хабаровска, Благовещенска и Куйбышевки-Восточной. В результате этого удара надлежало отсечь советские войска Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем рядом последовательных ударов планировалось осуществить наступление на северном — амурском и западном — забайкальском — направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику[45].

Разработка этих планов по-прежнему свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем.

5.3. «Откуда это непостижимо гнусное, характерно грязное и политически просто троцкистское недоверие и подозрение против меня?» Отозвать нельзя оставить

(*«Рамзай» — «Алексу», 1 января 1937 года*).

Требование Центра прекратить всякие сношения с японскими источниками, претензии к высылаемой почтой литературе, проблемы с руководством «Ингрид», которая считала «невозможным иметь какие-либо связи с местными, кроме абсолютно легальных», — на фоне перебоев с «воздушной связью» — привело «Рамзая» к взрыву в буквальном смысле этого слова. В письме, переданном курьером «Алексу» в Шанхае в январе 1937 г. Зорге писал:

«ВАШИ ОРГУКАЗАНИЯ.

Единственная телеграмма, полученная нами от Вас после 1.11., это ваша оргтелеграмма. Викс вынужден высказаться по поводу этой телеграммы по каждому ее пункту в отдельности и сожалеет, что ему приходится это делать.

1. Вы потребовали немедленной ликвидации связи между Виксом и местными людьми. Незадолго до этого Викс по этому поводу говорил с Алексом с целью подробно обсудить все оргвопросы и на основании этой договоренности наметить дальнейший курс. Он условился с Алексом, что Джо передается Густаву, а Отто по-прежнему будет связан с Виксом. Эти решения были приняты после тщательного обдумывания и обсуждения всех возможностей и мелочей, которые Вам дома неизвестны. Эту договоренность с Алексом Викс выполнял до тех пор, пока Вы категорически отказались от имевшихся ранее условий с Алексом.

Вы пишете далее, что Вы узнали из "достоверного источника" о том, что Викс все еще имеет связь с местными. Викс подчеркивает, что этим "достоверным источником" является он сам. Когда Густав был здесь, он подробно обсудил с ним все вопросы, которые Густав сообщил затем Алексу. Итак, если Вы узнали о том, что Викс встречается с Джо, то Вы узнали это ни от кого другого, как от Викса. Густав имел поручение от Викса и все сведения по оргвопросам получил от него самого. Но в этом случае Вы должны из того же "достоверного" источника знать, что Джо должен был быть передан Густаву, Густав же был пять недель на континенте, и передача ему связи с Джо могла последовать лишь после его возвращения. Виксу кажется очень странным, что Ваш "достоверный" источник не мог понять этого обстоятельства. По воз-

вращении Густава немедленно произошла передача Джо во исполнение соответствующей договоренности с Алексом. На этом можно ограничить замечания по этому вопросу.

2. Вопрос Отто: Викс будет поддерживать связь, пока он не получит определенного указания об аннулировании договоренности с Алексом о передаче Отто. Тем более что передача связи Ингрид на сегодня еще невозможна... (текст из этой части полностью приведен в главе, посвященной «Ингрид». — *М.А.*).

3. Вы просите не посылать с почтой "легальных брошюр". Почему Вы не сообщаете названия брошюр или частей их, не нужных Вам. Ведь понятие "легальный" теперь весьма относительно. То, что пять лет назад было легко купить, теперь, после 26.2. достать невозможно. Кроме того, в Вашей почте после 26.2. Викс получил определенное задание, например, достать один из ежемесячных журналов, даже с помощью весьма определенных средств. Или это теперь не нужно и этот журнал стал тоже "легальным"?

Викс просит во всех Ваших указаниях быть совершенно конкретными. Лишь в этом отношении будет польза для работы. Он должен знать, какая из брошюр негодна. И в этой почте Вы тотчас же должны сообщить, годны ли оба прилагаемые материалы.

4. Ваша оргтелеграмма, о которой упоминалось выше, содержит один прямо-таки непонятный пункт. Виксу не верится, что он правильно его понял, и он просит точно разъяснить, действительно ли Вы предостерегаете его по поводу его "нелегальных связей с местными". Викс настаивает на ответе на этот вопрос. Так как, если Вы, действительно, в состоянии обвинить его в этом, то **он видит здесь тягчайшее недоверие и подозрение, выражаемые старому члену объединения и фирмы, ведущему большую серьезную работу** (выделено мной. — *М.А.*). Он обращает Ваше внимание на то, что в этом случае Вы без всякого основания или, в лучшем случае, по весьма поверхностным "предположениям" обвиняете его в организации второго "нелегального" аппарата, в построении, по крайней мере, организационно, собственной клики и группировок, неизвестных Вам, о которых он Вам ничего не сообщает. Поэтому Викс просит быть осторожнее в выражении такого рода подозрений, иначе он вынужден будет связать это недоверие со странными событиями, имевшими место год назад в Шанхае, когда Густаву было выражено такое же недоверие в отношении Викса. Он будет вынужден ходатайствовать перед более высокими инстанциями о защите от этих подозрений, представляющих опасность для работы фирмы и являющихся отходом от генеральной линии. По его мнению, эти подозрения являются извращением лозунга о контроле и бдительности. Контроль и бдительность превращаются здесь в свободу подозрений по отношению к работнику, исполняющему ответственный долг за границей. И это происходит тогда, когда другие организации не только доверяют Виксу, но и одобряют его работу. Такой образ действий тем более странен, что он имеет место в то время, когда Викс должен иметь со стороны фирмы наибольшую поддержку и помощь, контроль и бдительность по вопросу воздушной связи Висбадена для восстановления прерванной связи. Здесь сосредоточены задачи подлинного контроля и бдительности, а не на человеке, который в течение ряда месяцев лишен возможности предпринять что-либо для своего оправдания.

В моем письме вице-директору Викс просит заняться эти вопросом и защитить его от повторения подобных высказываний... Рамзай».

«Рамзай» не предполагал, насколько был близок к истине, когда написал в связи с предостережением Центра по поводу «нелегальных связей с местными», что он «видит здесь тягчайшее недоверие и подозрение».

Свое возмущение Зорге изложил и в письме Боровичу, на поддержку которого рассчитывал.

«1 января 1937 г.

Дорогой старый друг.

Опять я вынужден послать к тебе особого посланника (курьера Анну Клаузен. — *М.А.*). Все еще никак не клеится. Я передаю со связником быстро составленную почту, которая должна быть как можно быстрее доставлена домой. Если у тебя будет время, прочитай сообщения о соглашении этого года и по организационным вопросам. Наряду с материалами, которые составил Фриц, тебя заинтересует также мой ответ на одну из оргтелеграмм. Почему люди дома делают мне всегда такие мелкие дрянные свинства? Откуда это непостижимо гнусное, характерно грязное и политически просто троцкистское недоверие и подозрение против меня? По крайней мере, не надо мне этим бить в спину, если я здесь по горло в грязи и так, и так из-за разорванной связи просто не знаю, мужик я, или баба. Если я когда-нибудь вернусь домой из этой страны, можешь быть уверенным, что я туда ударю, а именно политически, где я вскрыл организационное и политическое отклонение, которое организационно в наших местных отношениях является опрометчиво опасным и политически просто противоречит генеральной линии (бьет в лицо).

На трех других страницах следуют материалы, которые я тебя прошу отправить телеграфом дальше. Во всяком случае, ты должен всеми средствами как можно быстрее отправить четыре телеграммы о воздушном сообщении. Это просто вопрос жизни. Пожалуйста, сделай все, что ты можешь в этом отношении, и как можно быстро. Что же касается второй страницы, которая содержит сообщения о договоренности этого года, полагаюсь на тебя, передашь ли ты эти данные телеграфом или вообще можешь ли ты. Если ты их оцениваешь, как достаточно важные и, кроме того, найдешь время, было бы, конечно, очень хорошо послать их. Особенно также сообщение о Михаре (Осима Хироси. — *М.А.*). Но, если возможно, пошли все.

... я считаю абсолютно необходимым, чтобы ты договорился со связником на случай, если никакая связь не будет осуществляться, и кто-нибудь от тебя должен будет прибыть сюда из-за почты и для обсуждения воздушного сообщения в конце февраля. Если речь пойдет о коммерсанте, который возможно сюда прибудет, или о действительно хорошем человеке, он может связаться со мной напрямую через посольство. Ему надо будет только туда пойти и спросить мой адрес и номер телефона, или просто там сказать, чтобы его прямо оттуда связали со мной по телефону. Если это будет кто-то другой, кто не может так свободно ходить, то связь должна быть установлена через номер, который доставит связник и который ведет к Жиголо. В этом случае вступил бы в силу пароль (стих) с Lejeun и относящаяся к нему программа. Это значит два дня после звонка Жиголо, звонок между 10 и 11 утра, в большом ресторане вечером в 8 часов. Далее подумай над вопросом, не было бы всетаки хорошо, если бы мы попытались установить воздушное сообщение ме-

жду твоим и моим местом. Дай, наконец, нам адрес, на который мы могли бы написать, если никакая связь не войдет в строй, чтобы тебя попросить в самых общих выражениях о заступничестве дома.

Пожалуйста, сделай все, чтобы мы вышли из этой ужасной ситуации. Это состояние просто ужасное, самый плохой период моего пребывания здесь. К этому еще эти мельчайшие раздражения из дома. Но мы не опускаем головы. Переживем (прогрызем) как здесь, так и дома. Однако более любезными мы при этом не станем. Что у меня есть в руках, есть у меня также и в голове, и это я могу использовать. Итак, помоги нам, пожалуйста, и на этот раз, сделай все, что сможешь... на возможно следующий раз.

С самым сердечным приветом,

Остаюсь, твой старый И.».

Но «дорогой старый друг» далеко не всегда выступал в качестве защитника «Рамзая» перед Центром. В ряде случаев он, напротив, призывал Центр не удовлетворять просьбы токийского резидента.

«Мемо. /№ 10 от Алекса от 5.1.37 г./ Сообщает о Чэзэ /речь идет о спутнике Чэза — "Профессора" — японца. Рамзай просит передать ему этого японца. Считает, что если с этим самоедом связь имеется, передавать его Рамзаю — не надо. Запрашивает, не будет ли возможным передать его в Шанхай или на север.

Справка: Речь идет о НЭДЭ [НЭДЕ]».

По вопросу о нецелесообразности передачи японских связей Рамзая — Ингрид имеется резолюция Артузова: "По-моему, Алекс прав". 6.1.37».

Параллельно прорабатывался вопрос о направлении из Китая в Токио радиста для нормализации связи.

«Мемо. 5.1.37 г. послана телеграмма Алексу, в которой предлагается ему продумать вопрос поездки Гарри к Рамзаю-Фрицу для проверки их работы и бытовых условий. Просьба сообщить план поездки».

«Мемо. /получено в отделении 9.1.37 г./ 6.1.37 г. Алекс сообщает, что поездку Гарри к Рамзаю осуществить нельзя. Гарри имеет две основные связи. Запрашивает, что, нет ли здесь опечатки, не идет ли речь о Рамоне. Просит сообщить.

Просит дать указания в Шанхай к Рамзаю о способах переплетения сувениров при связи Фрица с Клейном».

«Мемо. 9.1.37 г. Запрашивается Алекс о том, кого из нелегалов можно было бы командировать к Рамзаю. Нельзя ли послать Коммерсанта?

Рез. т. Урицкого: "1. А как же с Гарри?

2. А почему бы не послать человека, понимающего радиодело?".

Справка. Телеграмма не отправлена».

«Мемо. /немедленная № 22 от 12.1.37 г./ Алекс сообщает, что к нему приезжала жена Фрица. Фриц и Рамзай совершенно измотались. Фриц ежедневно переносит аппаратуру с квартиры на квартиру, тратя много времени на то, чтобы связаться с Висбаденом...».

«Мемо. От Рамзая через Алекса № 29 от 13.1.37 г. "В последней почте домой Дик (Дирксен. — *М.А.*) и Кот (Отт. — *М.А.*) отмечают кризисное положение в Японии и говорят о необходимости "передышки в течении нескольких лет", т. е. на то время пока Япония сможет развить активную внешнюю поли-

тику. Судя по докладам, можно сказать, что и Дик и Кот пытаются предостеречь германские органы от переоценки их союзников и сдержать агрессию своих вождей, опирающихся на Японию. В разговоре оба указывают, что их отношение к Японии сейчас еще более скептическое, чем было летом перед подписанием договора. Тогда они оценивали внутреннюю и внешнюю политику Японии слишком оптимистично, а теперь, исходя из опыта, они в ней разочарованы.

2. О германском вооружении Кот говорит, что оно нуждается в большем времени, чем предполагалось. Он не согласен с пессимистической оценкой Мола, его взгляды совпадают с точкой зрения германского генштаба.

Мало квалифицированных кадров, техника вооружения на небольшом уровне. Много вооружения старого образца. Очень тяжелое положение с сырьем, каучука — однодневный запас, меди, цинка, олова — не больше, чем на полтора мес.

Все это, наряду с тяжелым кризисным положением хозяйства, не дает возможности начать войну. **Не менее, чем через 4—5 лет Германцы смогут рискнуть на серьезную войну** (выделено мной. — *М.А.*)".

/Написано спец. сообщение — 15.1.37 г./

По этому же поводу есть еще телегр. от Алекса. № 30».

«Мемо. 15.1.37 г. Передано Алексу для Рамзая о том, что присланные им сведения ценные /см. телегр. Алекса № 29 и № 30/».

Письмо «Рамзаю» от 21 января 1937 г., подписанное «Директором», было отправлено в Шанхай еще до получения возмущенной петиции Зорге. Но, видимо, у «Директора» были причины пытаться успокоить токийского резидента:

«Дорогой Р.! Меня очень сильно огорчило, что печальная история со связью, за которую, несомненно, несет ответственность так же и мой аппарат, как здесь, так и в Висбадене, так сильно повлияла на состояние Ваших нервов и работоспособность. Я принял все необходимые меры, и в Висбадене все находится в должном порядке. Я вполне понимаю те переживания, которые вызвали у Вас отсутствие регулярной связи со мной. Однако я ожидаю от Вас, что Вы, как раз в такой критический для Вашей организации момент проявите максимум выдержки и спокойствия. Терять нервы в такой момент равносильно поражению. Все мы знаем, что от корпоранта требуется как раз обратное, т. е. спокойное и твердое преодоление трудностей.

Я себе представляю, что все Вы очень взволнованы, поэтому допускаю, что Фриц потерял равновесие. Как вам известно, для работы по его специальности особенно необходимо спокойствие и отсутствие дерганья. Я очень прошу Вас повлиять на Фрица в том направлении, чтобы вернуть ему равновесие, что, несомненно, даст хорошие результаты.

Для выяснения всех вопросов, связанных со связью и с приведением Вашей организации в максимально быстрый срок в рабочее состояние, что является первейшей задачей, было бы, понятно, желательно, чтобы Вы могли встретиться с Алексом или другим моим доверенным сотрудником. Однако, дорогой Р., Вы сами понимаете, что исключительно ответственный момент международного положения требует Вашего присутствия на месте. Понятно, что, если Вы после тщательного обдумывания, решите, что такое свидание необходимо, то хотя встреча сопряжена с трудностями, в первую очередь,

для Вас и с потерей двух месяцев, я соглашусь на то, чтобы Вы поехали в США, чтобы встретиться с Алексом.

Во всяком случае, если связь по воздуху с Алексом не сможет быть налажена, я через Алекса пошлю к Вам человека, которому Вы передадите Ваши соображения по всем затронутым вопросам.

Я, дорогой друг, не сомневаюсь нисколько в том, что Вы приложите и прилагаете все возможные усилия для того, чтобы добиться нормальной работы в своей организации, и еще раз прошу Вас не предаваться унынию. Общими усилиями мы должны это дело выправить. Очень меня затронуло то, что Вы в чем-то усмотрели признак недоверия к Вам. Это абсолютное недоразумение, т. к. не в обычае моем замазывать факты, если бы они имели место.

Оценка Вашей работы Вам неоднократно мною давалась, и я дружески уверяю Вас, что в этой оценке ничего не изменилось.

С сердечнейшим приветом и пожеланием спокойной и плодотворной работы.

Ваш Директор.

22.1.37».

11 января 1937 г. заместитель начальника Разведывательного управления РККА корпусной комиссар А.Х. Артузов был освобожден от занимаемой должности и на его место назначен старший майор госбезопасности М.К. Александровский. 21 января за его подписью вместе с письмом «Директора» было направлено еще одно письмо «Рамзаю» — более конкретное и с претензиями. Письмо, судя по всему, подготовленное в 7-м отделении, М. И. Сироткиным, подписано Кариным под псевдонимом «Александр».

«Дорогой Рамзай!

1. О перерыве связи с Вами уже писал, повторяться не буду. Все, что можно, для укрепления Висбадена сделано. Надеюсь, что связь в самом скором времени заработает,как и раньше. Кроме того, мною даны распоряжения об установлении связи Шанхая с Вами и выслан шифр. Прошу Вас сохранить бодрость, хотя прекрасно понимаю, какое напряжение Вы испытываете.

2. Ваша последняя телеграфная информация о японо-германских отношениях является для нас ценной. Прошу Вас учесть, что японо-германские отношения продолжают оставаться центральным вопросом, освещение которого будет являться одной из Ваших главных задач. Прошу вас выяснить следующий вопрос: по совершенно точным сведениям, помимо общеполитической части договора Германии с Японией (опубликованной), имеется и особое секретное, содержание которого не известно с достаточной полнотой. Желательно знать полное содержание секретной части этого соглашения.

3. Как Вы сами уже отметили, отношение Кота к Вам стало более сдержанным, поэтому Вам необходимо в Вашей работе проявить больше осторожности и критического анализа сведений, получаемых от последнего. Заметьте, мой друг, что ряд моментов, сообщенных Вам Котом по японо-германским переговорам и договору, не совпадают с имеющимися у меня бесспорными документальными данными. Сообщаю Вам это для того, чтобы Вы стали более осторожными и критичными к сведениям и материалам Кота.

4. Алекс сообщил, что жена Жиголо сошлась с каким-то иностранцем. Выясните детально, кто он, его имя и фамилия, положение, взгляды и т. д. Ка-

ким образом Вы предполагали отправить ее к нам? Какие последствия может иметь ее связь с иностранцем и как ее, по Вашему мнению, можно было бы использовать?

5. Густав является Вашим помощником и возможно заместителем; в связи с этим необходимо сейчас же продумать вопросы, насколько прочна легализация его с женой на военное время, как долго сможет он жить в Японии, сможет ли жена Густава быть постоянным курьером на материк?

6. Жду от Вас информации о положении Ингрид, условиях ее пребывания, о работе, знакомствах и возможностях. Давно уже не имею от нее сведений. Передайте ей мой самый горячий привет.

7. На основе секретной части японо-германского соглашения замечается оживление деятельности военных органов Японии и Германии. Прошу Вас обратить особое внимание на эту деятельность (совещания, обмен представителями, дополнительные военные соглашения, переговоры, усиление переписки и др.), в которой Кот, несомненно, принимает самое активное участие. Конкретное освещение этих фактов имеет для нас исключительное значение.

8. Шлю дополнительную оценку на Вашу последнюю почту.

9. Ваша жена здорова, благодарит Вас за посылку и шлет письмо.

Привет дорогому Фрицу.

Желаю Вам успеха.

Крепко жму руку. Александр

21 января 1937 г. № 6».

В Центре как раз приступили к изучению вопроса о возможности замены Зорге Штейном: «Выписка из письма Центра Алексу от 22.1.37 г.: Густава я намечаю запасной гайкой. Для надлежащего использования его прошу детально выяснить следующие вопросы: 1/как долго он с Гертрудой сможет прожить в Самоедии, 2/ прочность их женитьбы /легализации —*М.А.*/ на военное время, 3/ возможность поездки Гертруды в Европу с заездом к нам для изучения штукатурки (шифра. — *М.А.*) и подготовки в качестве штукаря (шифровальщицы. — *М.А.*) и 4/ возможность поездки Густава в Мир (Москву. — *М.А.*) в качестве мухи (связного. — *М.А.*) Рамзая».

В Токио еще по инерции направляют из Центра телеграммы, в которых выражается поддержка Зорге и Клаузену.

«Мемо. /Получена в отд. 4.2.37 г./ Вице-директору: 1.2.37 г. Рамзай сообщает, что они были правы, поставив своевременно вопрос о реорганизации работы Висбадена и перемене времени. Фриц все время работает, не меняя своей аппаратуры, так что нет оснований говорить о недостатках, которые возможны по вине аппаратуры Фрица. Рамз. считает, что за все время перерыва связи /3 мес./ должен нести ответственность только один Висбаден. Считает желательным отметить Фрица за его напряженные усилия по восстановлению связи.

Рез. т Урицкого: «1/. Копию телеграммы Рамзая, соответственно пересоставив, послать Реброву — доложите.

2/. Пошлите телегр., что оба, и Фриц, и Рамз., отмечены приказом нашего высшего шефа, что мы не сомневаемся, что за их успешную работу, они будут награждены высшей наградой. 3.2.37 г.».

Ответы на поставленные «Рамзаем» в январском письме вопросы, и в первую очередь на его нежелание передать «Отто» третьему лицу, содержатся в письме, отправленном в конце февраля.

«Мой дорогой Рамзай.

Семен Петрович, прошу ознакомиться. 21.2. (подпись неразборчива)

1. С глубоким вниманием я прочел Ваши письма, касающиеся перерыва воздушной связи. Как я уже писал Вам, приняты все меры для самого лучшего обеспечения связи с Вами, как нашего ценнейшего работника. Но я должен предупредить Вас, мой друг, что необходимо проявить больше выдержки и спокойствия в случае нарушений со связью; такие нарушения могут иметь место до полного окончания технического переоборудования Висбадена и подготовки новых более квалифицированных кадров, на что еще потребуется от 2 до 4 месяцев. Таким образом, через самый непродолжительный промежуток времени мы будем иметь с Вами отличную и безотказную связь.

2. Для меня непонятно, откуда Вы сделали выводы о недоверии или подозрении к Вам. Это является плодом печального недоразумения. Я пересмотрел все наши телеграммы и не нашел ни одной, которая бы содержала то, о чем Вы пишете, и что доставило Вам столько горьких минут и переживаний; я очень сожалею об этом. Когда я давал Вам директивы о прекращении связи с туземцами, я исходил из того, чтобы создать для Вас наиболее безопасные условия и оградить Вас от возможной провокации или осложнений. Таким образом, не недоверчивость и не подозрение лежали в основе моих директив, а, наоборот, искреннее желание улучшить условия работы для вас, нашего ценнейшего работника. Теперь, я думаю, Вы сами понимаете, что под влиянием Вашей тяжелой обстановки в связи с перерывом воздушной связи Вы несколько болезненно восприняли ряд вполне нормальных директив; у Вас нет никаких оснований считать, что люди дома подкладывают Вам свинью и относятся к Вам с недоверием. Наоборот, ни к кому из наших работников нет такого уважения и теплого отношения, как к Вам. Я не ставлю в вину Вашей нервозности, так как знаю Ваши тяжелые переживания последнего времени. Но по-товарищески прошу, больше бодрости, спокойствия и выдержки; Ваша работа — трудна, требует большого напряжения нервов и волновать себя без наличия к тому причин Вас не следует.

3. О передаче туземных источников Густаву Вам даны указания по воздуху. Договоренность Вашу с Алексом считаю нужным аннулировать, так как Ваши связи с туземцами являются опасными для Вас. /Об этом я писал Вам самым подробным образом еще в июне прошлого года, а так как на то письмо Вы не прислали мне своих возражений, то я был уверен, что Вы согласны со мной в этих вопросах — *вычеркнуто*/. Поэтому прошу Вас передать Отто и всех Ваших туземцев Густаву. Думаю, что впредь этот вопрос не вызовет у нас недоразумений. Ингрид никого из туземцев не передавайте, об этом было дано дополнительное указание через Алекса и оно, вероятно, Вам известно. Все установки в отношении Ингрид остаются в силе...

5. Меня очень интересует вопрос, занимается ли Кот агентурной работой; если нет, то кто из германских представителей занимается этим? Если Кот занимается разведкой, то не можете ли Вы сообщить, что знаете об этом, не знаете ли его людей и как эта разведка организована?

6. В Ваших предыдущих письмах и телеграммах встречается ряд имен: Хасимото /упоминался в июле/, Мюллер и Фрейер /оба упоминались в июне/, роль которых для меня неясна и которые представляют для меня интерес. Поэтому я прошу вас возможно подробнее осветить мне этих лиц, дав характеристики, их служебное положение и др. вопросы. Точно такие же сведения я просил и на корреспондента норвежских газет Финдаль Лок и на китайского фабриканта Аллей. Я надеюсь получить от Вас со следующей почтой ответы на эти вопросы.

7. Вопрос о легальных брошюрах мне непонятен. Дело в том, что с каждой почтой Вам посылаются оценки, в которых точно указывается не только ценность материала, но и характер его. Легальными брошюрами я считаю брошюры, открыто продающиеся в магазинах и киосках; таких брошюр, книг и журналов не посылайте, какого бы содержания они ни были. Относительно журнала, который я Вам заказывал, Вы не правы: я Вас просил выслать военно-технический секретный журнал военного министерства, который Вы через Специалиста высылали в 1935 г. Этот журнал имеет ценность и сейчас. Таким образом, заказы на литературу и задания были даны Вам в достаточно конкретной форме.

С последней почтой Вы прислали три работы Специалиста, ценность которых представляется в следующем виде:

а/ Обращение с гранатометом об. 89. Официальное наставление, продаваемое в магазинах. Несекретных военных уставов и наставлений посылать не следует, так как мы закупаем их обычным порядком.

б/ План реформы страны — брошюра фашистского общества — "Штаб армии японского народа", изд. 1935 г., продается в магазинах. Просьба подобных брошюр не высылать.

в/ Сведения о предприятиях авиационной промышленности; разработка на основе легальных материалов /напр. "Ежегодник машиностроительной промышленности" /Заслуживает внимания/.

8. Ваши материалы, касающиеся японо-германских отношений, представляют ценность и доводятся до сведения нашего руководящего состава. Прошу Вас обратить особое внимание на этот раздел Вашей работы. Ожидаю от Вас сообщения о составе японской и германской комиссий, организованных на основе японо-германского соглашения.

. . .

10. Ваша жена здорова, чувствует себя хорошо и шлет Вам письмо.

Желаю Вам успеха в работе.

Крепко Вас обнимаю.

22 февраля 1937 г. № 7...»

8 февраля Карин дал оценку «состояния работы по разведке на Японию» и представил свои соображения «по ее развитию». Основная мысль — организовать вербовку японцев за рубежом с направлением в последующем на работу в Японию. В качестве положительного приводится пример вербовки Мияги в Америке:

«Серьезной по объектам и большой по масштабам разведывательной работы по Японии, которая бы соответствовала удельному весу Японии в мировой политике, роли на Тихом океане и значения в антисоветском блоке нами еще не заложено.

Основные причины:

а/ неизученность вопроса путей и возможностей, ведущих к работе на Японию;

б/ отсутствие опыта работы в краях наибольшей концентрации японской эмиграции и на коммуникационных путях стратегического сырья в Японию;

в/ запрещения использования легальных возможностей в Японии и трудности насаждения нелегальных резидентур в Японии из европейцев.

Опыт работы в самой Японии и в последнее время в Маньчжурии показал те трудности, с которыми сопряжено создание резидентуры во главе с европейцем или китайцем. Не прекращая начатой работы по проникновению в Японию и Маньчжурию через европейцев и китайцев, надо все же исходить из того, что этим задача может быть в случае успеха решена для мирного времени, в случае же войны маловероятно, чтобы какая-либо из этих резидентур удержалась в Японии, сумела бы работать, поддерживать связь с агентурой и Центром, получать деньги, пересылать почту и т. д. Малочисленность европейской и китайской колонии в Японии дает возможность японской полиции поставить иностранцев /во время войны/ в такое положение, при котором малейшее проявление активности будет почти невозможным. Некоторым примером к этому могут явиться события в Токио 26 февраля 1936 г., когда иностранные журналисты и иностранцы были лишены на некоторое время возможности сношения с внешним миром и передвижении по городу. И если некоторым из этих иностранцев и удастся вести во время войны кое-какую работу, то в масштабе потребностей и задач по Японии эта работа будет весьма ничтожной. Исключение, вероятно, составят работающие в Японии в течение многих лет коммерческие фирмы, подготовившие все свои операции, переписку, филиалы и контрагентства применительно к своим разведывательным задачам и те иностранные фирмы, которые будут созданы в результате потребностей во всяком виде сырья, полуфабрикатов и фабрикатов в связи с войной.

Для освещения Японии по основным и решающим вопросам военно-морского строительства и стратегических перебросок обязательно создание широко разветвленной сети японских резидентур, которые бы охватили, в первую очередь, порты, аэродромы, авиазаводы, морские базы и военные учреждения. Только через японцев возможно решение этих задач как в мирное, так, особенно, в военное время.

Решение этой большой задачи, трудности которой нельзя недооценивать, задачи, рассчитанной на два-три года, возможно только путем единовременного охвата с разных и многочисленных сторон работы по Японии, которые в сумме должны дать требуемые результаты.

Проведенные 2-м Отделом первичные начинания в этой области /см. прилагаемые схемы/ являются абсолютно недостаточными и не способными решить поставленные задачи. Примером может служить резидентура "Вилли" (Балдаева Николая. — *М.А.*) в Париже, которая фактически занимается пока только лишь исследовательской и наводческой работой и совершенно, даже при наличии готово разработанных объектов для вербовки, не способна будет их реализовать за отсутствием специальных людей, которые провели бы эту вербовку. А без этого эффективность работы "Вилли" всегда будет оставаться ничтожной...

Практическое решение мне мыслится следующим образом:

1. На территории Европы, где сейчас проживает и работает большое количество японцев /военных, инженеров, журналистов, чиновников, разведчиков и учащихся/ должна быть создана резидентура 2-го Отдела, которая бы более широко охватила работу по японцам во Франции, Германии и Англии.

Основная задача резидентуры — проникновение в японские учреждения и вербовка японцев. Во главе резидентуры должен быть поставлен работник, хорошо знакомый с методами разведывательной и контрразведывательной работы по японцам. В помощь последнему необходимо дать нескольких вербовщиков. Обязательно создание подрезидентуры типа "Вилли" /может быть, даже двух подрезидентур/ и в Германии. Прилагаемая справка о японцах по одному только Парижу убеждает в возможности успешной работы. Успех в работе будет зависеть, в первую очередь, от квалификации товарища, который эту работу возглавит. Отдел нужного кандидата не может дать и нуждается в помощи Управления. Со своей стороны, считал бы подходящим кандидатом бывш. Начальника Отделения Особого Отдела т. Чибисова, руководившего много лет работой по японцам. Тов. Чибисов сейчас работает в Отделе Инспекции резервов при НКВД.

2. На территории Америки, где японская колония по своему социальному составу резко отличается от европейской, возможности вербовки исключительно большие. Первичные начинания в этой области это полностью подтверждают. Два японца /Джо и Нед/, если и не оправдали себя полностью в работе с точки зрения крупных результатов, то подтвердили возможность вербовки в Америке японцев, не связанных с полицией. Я уверен, что при другом руководстве от этих двух японцев результаты их работы в Японии были бы совсем другие.

Полуторагодичный опыт работы в Америке вместе с тем показал, что плодотворная работа может быть только в том случае, если в Америку будет послан не «резидент», который будет тратить время на бесплодную переписку с Центром, а резидент на правах Пом. Нач. Управления, который, имея план работы и целевые установки, развивает работу, принимает решения по большинству вопросов на месте и запрашивая Центр только по основным вопросам…

В Америке возможно и нужно завербовать и подготовить несколько японских резидентур по системе работы по объектам: порты, морские базы, авиапромышленность, военные учреждения и т.д. Резидентуры эти необходимо обеспечить легализацией и такой связью, которая давала бы возможность своевременно получать добываемые сведения. В качестве резидента для Америки необходимо выделить тов. Валина или работника его масштаба и опыта. Еще лучше было бы тов. Фирина, имеющего большой опыт зарубежной работы...

По существу, мероприятия, которые отдел проводил до сих пор, надо считать полукустарными, не давшими и не могущими дать нужных результатов.

„Градов" (Муромцев Михаил Николаевич. — *М.А.*) и «Юра» не могут обеспечить этой задачи в С. Франциско, «Мура» в Нью-Йорке — намного менее квалифицирован «Юры», один «Вилли» в Европе недостаточен, «Аякс» в Токио и «Михаил» в Тяньцзине не способны обеспечить оперативное взаимодействие, которое потребуется в процессе развертывания работы между Мо-

сквой, Европой, Нью-Йорком, С. Франциско, островами /Тихого океана — *М. А.*/, Шанхаем, Токио и Тяньцзином...

Возможно, придется произвести перегруппировку сил РУ, обратиться в Центральный Комитет за помощью для мобилизации нужных нам людей, находить этих людей вне РУ, но решать эту задачу на базе точно разработанного плана нужно не откладывая, если мы не хотим застыть на том черепашьем шаге, которым Отдел сейчас движется.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА РУ РККА
КОРПУСНОЙ КОМИССАР /КАРИН/
8 февраля 1937 г.».

Скорее всего, предложение Карина направить в Америку в качестве резидента «на правах Пом. Нач. Управления» Валина было выдвинуто не без участия последнего.

В феврале Урицкий призвал работников Разведупра «со всей тщательностью» присмотреться «ко всем нашим людям и клиентам» и, в случае, «если есть какие-либо заслуживающие внимания моменты и соображения», сообщить ему. «Мы, как авангард корпорации, выброшенные на передовые посты бойцы, обязаны быть особенно зоркими, ибо притупление бдительности в наших рядах чревато неисчислимыми бедствиями и уронами для всего нашего дела, корпорации и родины», —заключил «Директор».

Подобные призывы не могли не породить волну доносов. Мотивы были разные: желание подчеркнуть свою принципиальность и готовность следовать установкам руководства, желание упредить другого в карьерном росте, стремление оправдаться и отвести от себя беду.

«Дорогой тов. Директор!

1. Телеграфно я обратил Ваше внимание на дело Густава в связи с Радеком. Излагаю подробно то, что мне известно по этому делу.

Не то в 1933, не то в 1934 г. Радек сообщил мне, что он подыскал хорошего кандидата для работы в качестве специального информатора БМИ (Бюро международной информации. — *М.А.*) за границей, корреспондента немецких газет.

...Согласно положения о БМИ, бюро имело право иметь специальных информаторов (секретных) за границей. Это был первый случай, когда Радек говорил со мной об использовании этого права, и последний случай.

Радек написал в Политбюро два или три письма с просьбой разрешить использовать в указанном качестве Густава с посылкой его в Лондон. Густав в то время находился в Москве и Радек вел с ним переговоры. Через некоторое время Р[адек] сообщил мне, что Политбюро разрешило использовать ему Густава. После этого Р[адек] познакомил меня с Густавом, сказав мне в его присутствии, что я должен буду заботиться о том, чтобы наша работа с Густавом была плодотворной. После этого Густав уехал, я с ним никаких разговоров не имел.

Через несколько месяцев Р[адек] сообщил мне, что он получил письмо от Майского из Лондона, в котором тот сообщает, что к нему ходит Густав, ссылаясь на какие-то дела с Р[адеком], и просит его содействия, так как он сидит без денег в виду того, что Р[адек] не присылает ему обещанных денег. Густав просил оказать ему содействие одолжить деньги (кажется, передаю вер-

но, но ручаться не могу). Майский переслал Р[адеку] также письмо Густава (если не ошибаюсь), содержание не знаю.

Что предпринял Р[адек], я не знаю.

Вот что мне известно. Во время приезда Густава в Ширму (Китай. — *М.А.*) с почтой от Рамзая, на последнем свидании Густав сказал мне, что его беспокоит то, что он был связан с [Радеком]. Рассказал мне кратко историю, которую я изложил выше в части, которая могла быть ему известна.

Никаких данных, которые могли бы навести меня на мысль о другом использовании Густава Радеком, я в разговоре не заметил.

Густав сообщил мне, что у него с Р[адеком] было договорено, что Р[адек] посылает ему ежемесячно определенную сумму, однако по приезде в Лондон он остался на бобах и так как не имел постоянных корреспондентских связей, заработки у него были минимальны. Не добившись, несмотря на обращение к Майскому, ответа от Р[адека], он, собрав необходимую сумму, получил поручение от газет и отправился на собственный риск в Самоедию...

Это фактическое изложение. Теперь всякие соображения, которые я нахожу необходимым доложить Вам.

а) Я припоминаю, что Рамзай связался с Густавом без нашего указания делать это. Указание, разрешающее Рамзаю связаться с Густавом, было нами дано уже после того, как нам стало известно, что Рамзай с Густавом связан. Это можно проверить по телеграммам и переписке.

б) Вам известны те сомнения относительно Рамзая, которые появились у меня и Александра во время пребывания Рамзая у нас дома в последний раз. Эти сомнения были политического характера. А.Х. по этому вопросу говорил с Рамзаем.

в) Сомнения эти подкреплялись некоторыми данными биографии Рамзая, Вам на месте лучше это проверить.

г) Как Вы припоминаете, мое последнее свидание с Рамзаем совпало по времени с первым процессом. После возвращения Рамзая в Самоедию наступил перерыв связи, с одной стороны, с другой стороны прекратилась присылка Рамзаем документального материала.

д) Как Вам известно, по Ингрит имелись материалы у соседей, на основании которых мы в свое время отозвали ее в Центр.

е) Его информация о договоре, если рассматривать ее критически, также наводит на размышления, на такие же размышления наводит его информация о состоянии вооруженных сил Астраханщины (Германии. — *М.А.*).

Хочу надеяться, что эти мои соображения, которые исходят, в первую очередь, из связи Густава с Радеком, окажутся по выводам, которые из них можно сделать, необоснованными. В противном случае, это будет делом чрезвычайно скверным...

С сердечным приветом.

(АЛЕКС)».

Карл Бернгардович Радек (псевд., наст. имя Кароль Собельсон) в 1932—1936 годах был заведующим Бюро международной информации ЦК ВКП(б), где концентрировалась вся международная информация, приходящая в Москву как по каналам ТАСС («Бюллетени иностранной информации не для печати»), так и из Наркоминдела. Лев Борович работал у Радека ответственным секретарем.

Одного обращения к «Директору» показалось Боровичу мало, он счел нужным еще раз напомнить о себе:

«Выписка из письма Алекса от 1.3.37 г.: ... 9. В другом месте я уже просил Вас сообщить мне вашу точку зрения и установку относительно Рамзая в связи с сообщением моим о Густаве. Меня немного удивил Ваш телеграфный запрос о том, где условлен брелок (явка. — *М.А.*) с курьером Рамзая. Я подробно писал об этом Рамзаю и, кроме того, говорил об этом последнему курьеру. В телеграмме я просил Вас учесть, что я дал указания Рамзаю выслать очередного курьера не раньше середины апреля. Частные поездки людей Рамзая могут плохо кончиться. Прошу Ваших указаний, чтобы почта к Рамзаю писалась или на английском, или на немецком языке».

Выписка из письма Центра — Алексу от 29.3.37: «14. Как правило, вся почта к Рамзаю пишется на немецком или английском языках и только в исключительных случаях, когда физически невозможно сделать перевод в Центре, гитара (почта) посылается на русском языке; в последнем случае гитара должна переводиться Вами, об этом вам уже указывалось. Пересылку каких бы то ни было гитар, записок или материалов на русском языке категорически воспрещаю».

Можно лишь удивляться: ссылаясь на занятость, Центр предлагал переводить адресованную «Рамзаю» почту в Шанхае.

Во второй половине марта А.И. Гурвич, с которым Зорге довелось работать несколько месяцев в начале 1930 г. в бытность его нелегальным резидентом в Шанхае, внезапно вспоминает, что за несколько лет до этого видел жену «Рамзая» — Кристину — в Берлине.

«Начальник 2-го Отдела
Разв. Упр. РККА
22.3. 1937

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Т. ГУРВИЧ рассказал мне следующее:

б/жена РАМЗАЯ под фамилией Frau Dr Зорге живет в Берлине в буржуазной части города (Kaiserdam), работает юрисконсультом в фирме Шеринг. Ей известно, что Рамзай коммунист.

Ей также известно его теперешнее местопребывание, т. к. она поддерживает с ним связь.

Видел ее Гурвич в Берлине после прихода Гитлера к власти.

25.3.

КАРИН

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: «Т. Покладок. В л/д РАМЗАЯ.

Получено мной 25 марта 1937 г. 25.3.37 ПОКЛАДОК».

Гурвич, конечно, должен был доложить, что Зорге поддерживает связь со своей первой женой, но не спустя несколько лет после того, как узнал об этом.

«НАЧАЛЬНИКУ 2 ОТДЕЛА РУ РККА

КОРПУСНОМУ КОМИССАРУ т. КАРИНУ.

При сем представляю денежный отчет Рамзая за 1936 год.

Все расходы произведены правильно, Общий перерасход выразился:

а/ Содержание личного состава:

положено по смете на год 28 980 иен

фактически израсходовано	32 706 --//--
Перерасход	3 726 -//--
б/ Организационные расходы:	
положено по смете	16 140 иен
фактически израсходовано	21 559 иен и 1 000 м.д.
Перерасход	5 419 иен и 1 000 мек. д.

Таким образом, общий перерасход за 1936 год выразился в сумме ДЕВЯТЬ ТЫСЯЧ СТО СОРОК ПЯТЬ ИЕН И ОДНА ТЫСЯЧА МЕКС. ДОЛЛ. /9 145 иен и 1 000 мекс. дол./.

Из этой суммы 700 иен /семьсот иен/ было выдано Ингрид.

...

Рамзай возбудил ходатайство об увеличении сметы на 490 иен в месяц, то есть, установить месячную смету в 4 250 иен или 51 000 иен в год. Кроме того, Рамзай просит установить дополнительный отпуск 4 000 иен в год на курьерскую связь. Таким образом, общая смета Рамзая на 1937 год выражается в сумме 55 000 иен /ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ИЕН/.

Прошу утвердить прилагаемый отчет за 1936 год и ходатайствовать о введении в действие новой сметы Рамзая.

На 1937 г. деньги высылались по новой смете.

Приложение: Денежный отчет Рамзая на 19 листах (в том числе, 8 фото на немецком языке).

Начальник 7 отделения 2 отдела
РУ РККА Полковник Покладок

20 марта 1937 года».

В апреле 7-е отделение готовит для начальника 2-го отдела Разведупра доклад «Японо-германские переговоры», в котором на основании поступившей от Зорге информации делаются далеко идущие выводы: «В освещении хода японо-германских переговоров Рамзай сыграл весьма видную роль. Но при этом необходимо оговориться, что до октября 1936 г. Рамзай говорил о японо-германском военном сотрудничестве, военном соглашении между Германией и Японией, но ни разу не коснулся вопросов общеполитического соглашения против Коминтерна...

По отдельным этапам дело представляется в таком виде:

Апрель—май 1936 г. Рамзай самым подробным образом осветил весь ход переговоров, детально осветив роль участников: германского военного атташе в Токио полковника Отта, японского военного атташе в Берлине генерал-майора Осима, Канариса, Риббентропа, работника германской контрразведки Хака, германского посла в Токио Дирксена и др. Внешняя сторона переговоров, содержание докладов Отта и частично донесений Дирксена, отдельные моменты из переписки Отта с германским генштабом, поездки военных представителей обоих сторон и другие факты японо-германских переговоров с достаточной полнотой освещали нам всю картину; к тому же вся информация Рамзая получалась своевременно.

Июнь—июль 1936 г. В начале июня Рамзай сообщил нам, что японо-германское сближение «не стоит в повестке дня» и что Риббентроп приостановил переговоры. Товарищ министра иностранных дел Германии Бюлов считал, что переговоры в данное время трудно приостановить, а Дирксен сказал,

что это абсолютно невозможно сделать. Полковник Отт написал в германский генштаб о необходимости продолжать переговоры в порядке дружественного акта во избежание выражения Японией недовольства. Рамзай сообщил об окончательном разрыве переговоров.

На основе дешифранта известно, что 11 июня Мусякодзи доносил в Токио, что разрешение вопроса о переговорах целиком зависит от Гитлера и что центр тяжести лежит в соглашении против Коминтерна; Германия относится очень осторожно и выжидательно. Одновременно с этим японский морской атташе в Берлине Кодзима донес в Токио, что образование единого фронта против СССР является желанием Гитлера и не встретит никаких помех внутри Германии, речь идет о заключении секретного негативного соглашения о сохранении строго нейтралитета на случай войны с СССР.

В конце июня Мининдел Германии Нейтрат в беседе с Мусякодзи заявил, что остро чувствуется необходимость японо-германского сотрудничества...

Август. Рамзай в своих донесениях за июль и август не дал новых данных, но сообщил, что, согласно беседы с Оттом, получившим письмо от генерала Штульпнагеля из германского генштаба, "официальная линия Германии должна быть направлена на развитие тесного дружественного сближения, но без твердых обязательств".

Таким образом, весь период разработки проекта соглашения против Коминтерна и переписка сторон по этому вопросу не была засечена Рамзаем; не был также сообщен нам и текст самого соглашения.

Сентябрь 1936 г. В начале сентября Рамзай сообщил, что в беседе с Хаком он узнал, что согласно последней информации из Германии вопрос о японо-германских отношениях и подписании договора будет пересматриваться осенью или зимой 1936—37 г.; намечаемое соглашение по сравнению с прежним проектом Осимы будет более широким; в него будут включены пункты об экономическом сотрудничестве, помимо военных и политических пунктов.

Из дешифранта известно, что период конец августа — сентябрь сопровождался телеграфной перепиской японского мин. иностр. дел с послами в европейских странах о выборе наиболее подходящей обстановки для опубликования соглашения против Коминтерна.

Период август—сентябрь характерен наименьшей осведомленностью Рамзая о ходе переговоров. Наиболее вероятно, что это связано было с отсутствием полковника Отта, уехавшего в отпуск в Берлин.

Октябрь 1936 г. В конце октября Рамзай сообщил, что в германских дипломатических кругах в Токио получены данные о том, что японо-германские переговоры близятся к концу; по сравнению с первоначальным проектом ген. Осимы соглашение будет более широким.

Таким образом, еще в октябре, когда по существу между Японией и Германией уже была полная договоренность о соглашении, Рамзай не имел никаких данных об истинном содержании готовящегося к подписанию договора.

Ноябрь 1936 г. 19 ноября Рамзай сообщил, что в конце ноября или в начале декабря будет подписано соглашение против Коминтерна, но текста договора не сообщил. Одновременно он сообщил, что военного соглашения между Японией и Германией еще не заключено, но имеется договоренность между собой генштабов обеих стран по следующим трем пунктам: а/ о предоставлении Германией Японии средств новейшей германской техники для

перевооружения японской армии, б/ о посылке в Японию инструкторов и офицеров германского генштаба для тактической помощи японской армии и в/ об обмене информацией о СССР.

Таким образом, о соглашении против Коминтерна упоминается только в ноябре, непосредственно перед опубликованием его. Одновременно отмечается большая осведомленность Рамзая, вероятно, в связи с возвращением в Токио полковника Отта.

По дешифранту известно, что... 14 ноября японо-германское соглашение уже было парафировано.

Декабрь 1936 — март 1937 г. В конце ноября 1936 г. японо-германское соглашение против Коминтерна было опубликовано, в мировой прессе шумиха. В дополнение к этому договору, согласно дешифранта, между Германией и Японией заключается секретное соглашение, смысл которого заключается в том, что с СССР не должно заключаться никаких политических договоров, которые бы противоречили соглашению против Коминтерна; о соглашениях, заключенных с СССР, Япония и Германия производят обмен нот; в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению СССР, то другая сторона не должна принимать таких мер, которые поставили бы СССР в благоприятное положение, обе стороны договариваются о защите своих интересов.

Это секретное соглашение совершенно неизвестно Рамзаю и нигде им не упоминается.

На запрос Центра о существовании тайного военного соглашения между Германией и Японией Рамзай ответил, что «теоретически возможно допустить, что полковник Отт не говорит правды из-за связывающей его клятвы, но мне кажется, что такого договора не существует; доказательством этого является то, что Отт не смог бы скрыть этого от меня в течение продолжительного времени, но Отт, напротив, в своих беседах со мной настойчиво утверждает, что такого договора нет». Далее Рамзай доказывает, что признание германской стороны еще 4—5 лет для подготовки к войне, а для Японии около 3—4 лет исключает возможность наличия между ними соглашения об общем выступлении против СССР. Целью Гитлера, по словам полковника Отта, является «крестовый поход» против СССР, а потому заключение японо-германского соглашения против Коминтерна преследует политическую цель — создание политического блока, «военные соображения играют при этом для Гитлера и Риббентропа второстепенную роль». Поэтому, утверждает Рамзай, между Германией и Японией существует только военное сотрудничество на основе трёхпунктной программы.

В январе 1937 г. Рамзай со слов полковника Отта сообщил в Центр подробный отчет о поездке Отта в Германию. Во время этой поездки Отт виделся с рядом руководящих лиц Германии: Бломбергом, Гитлером, Фричем, Беком и другими. Отт сообщил, что Гитлер преследует цель «крестового похода против коммунизма», путем выгодного для идеи «крестового похода» японо-германского соглашения втянуть в антикоммунистический союз другие государства, в особенности Англию. Рамзай сообщил, что как Дирксен, так и Отт решительно отвергают наличие военного соглашения, скрытого за договором; Отт неоднократно говорил Рамзаю, что в письменном виде такое соглашение не существует, хотя Рамзай и допускает возможность, что Отт не говорит Рамзаю правды вследствие того, что он дал торжественное обещание молчать.

В январе из прессы стало известно, что создана на основе японо-германского договора комиссия. На наш запрос о составе этой комиссии ответа от Рамзая не последовало.

Между тем из дешифранта известно, что японский посол в Берлине Мусякодзи 17 января сообщил в японский МИД о составе японо-германской комиссии: от Германии вошли: Риббентроп /германский посол в Лондоне/, Раумер /главный полицейский инспектор/ и Гайдрих /начальник по охране общественного спокойствия/; с японской стороны Мусякодзи, Кобаяси /японский морской атташе в Берлине/ и чиновник от японского министерства внутренних дел /фамилия не указана/.

29 января состоялось первое заседание этой комиссии. 12 февраля, согласно донесению Мусякодзи, в комиссию были включены дополнительно со стороны Германии мининдел Нейрат и министр пропаганды Геббельс. 13 февраля японский МИД сообщил Мусякодзи проект положения /права и обязанности/ о постоянной японо-германской комиссии.

Таким образом, январь и февраль, согласно данных дешифранта, были наполнены довольно оживленной деятельностью обеих сторон по реализации японо-германского договора. Об этом нам Рамзай не дал ни строки, а на запрос о составе комиссии даже не ответил.

За этот период Рамзай подробно осветил поездку и деятельность в Токио японского военного атташе в Германии ген. Осимы, который перед возвращением к месту службы в Берлин получил от японского генштаба директиву начать переговоры с германским генштабом о военном сотрудничестве Японии и Германии на основе известной трёхпунктной программы; главной установкой, по словам Осимы, является стремление к заключению в течение ближайших лет пакта о взаимопомощи. Далее Рамзай сообщил, что Отт получил от японского генштаба данные о командном составе РККА и об ВВС СССР, но содержание этих материалов передал нам лишь в общих чертах, по-видимому, со слов Отт, но самого материала не видел. Мы запросили Рамзая о присылке этого материала, но можем получать их только с ближайшей почтой, то есть не ранее середины мая.

Для того чтобы сделать окончательные выводы, надо в основу положить 2 варианта.

1-й вариант. Полковник Отт и посол Дирксен по какой-то причине были устранены от переговоров; поэтому, естественно, они сами знали очень мало, а потому Рамзай, тесно связанный с ними, несмотря на их всю откровенность с ним, мог осветить только одну сторону переговоров.

Но этот вариант устранения Отта и Дирксена от переговоров и их слабой осведомленности построен на слишком шаткой основе, хотя теоретически и возможен; какие могли быть причины изоляции Отта и Дирксена? Политическое недоверие? Недоверие или желание сохранить все в глубокой тайне?

Из донесений Рамзая и дешифранта известно, что генштабы и военные атташе Германии и Японии принимали активное участие в разработке соглашения. Японский военный атташе в Берлине ген. Осима был доверенным лицом в этом деле и действовал весьма активно. По аналогии надо считать, что такую же роль играл в Японии и германский военный атташе в Токио полковник Отт. Он посылал ряд докладов, давал свои соображения и предложения и имел беседы с рядом японских деятелей.

На основе донесений и дешифранта выясняется, что активнейшими действующими лицами в японо-германских переговорах были: Отт, Осима, Дирксен, Мусякодзи, Риббентроп, Нейрат, Бломберг и др. Со специальными миссиями посылались: из японского генштаба в Берлин подполковник Вакамуцу и от германской контрразведки в Токио Хак. Если принять во внимание, что в январе с. г. японцы выдвинули вопрос о награждении наиболее активных деятелей: Отта, Дирксена, Риббентропа, Хака и др. японскими орденами, то активная роль указанных лиц уже не вызывает сомнений. Крайне подозрительны и поездки обоих военных атташе: полковника Отта накануне подписания соглашения /вероятно, ездил дорабатывать вопрос/ и генерала Осима после подписания (для реализации пунктов соглашения с военной точки зрения).

Все это не дает никакого права для подтверждения предпосылок первого варианта. Следовательно, версия об устранении Отта и Дирксена от переговоров и их неосведомленность не выдерживает строгой критики.

2-й вариант. Полковник Отт и посол Дирксен играли видную роль в японо-германских переговорах. Оба в курсе дела, оба действуют и оба посвящают посторонних /в том числе и Рамзая/ в той мере, насколько это выгодно и нужно обоим. Осторожность и конспиративность обоих даже при самых лучших отношениях с Рамзаем не дают возможности последнему знать с достаточной полнотой происходящие переговоры: они сообщают ему внешнюю сторону переговоров и частично содержание. Это, в лучшем случае, при условии, что Отт и Дирксен верят Рамзаю и действительно допускают его к своим секретным делам. В худшем случае оба сознательно дезинформируют Рамзая. То обстоятельство, что Рамзай не знал, даже в общих чертах, содержания намечавшегося соглашения почти вплоть до его опубликования, невольно толкает на мысль в сторону худшего предположения — сознательной дезинформации Оттом. Это подтверждается и тем, что в настоящее время Рамзай не знает о существовании секретного протокола к договору и о составе постоянной японо-германской комиссии, которая уже существует и действует. Таким образом, интимность Рамзая с Оттом и Дирксеном не имеет такой глубины, как это утверждает сам Рамзай.

3-й вариант. Отт знает прошлое и настоящее Рамзая и его использует. Рамзай был известен в шанхайских кругах как редактор коммунистического журнала; при разветвленности германской разведки можно считать, что едва ли это обстоятельство укрылось от Отта. В известной степени это положение подтверждается тем, что за все время «своей дружбы» с Рамзаем Отт не дал ему и не показал ни одного доклада по японской армии, хотя он посылал их в германский генштаб.

Этот третий вариант высказывается как предположение; нуждается в дальнейшей доработке. Во всяком случае, прошлая деятельность Рамзая в Шанхае должна приковывать внимание с точки зрения этого варианта. Это тем более важно, если учесть большую долю легкомыслия и ветрености в характере Рамзая.

Вывод: получаемая от Рамзая информация всегда требует самого пристального внимания и глубокого критического анализа, особенно при получении сообщений особой важности и принципиального содержания.

Оценка материалов и работы Рамзая.

Работа Рамзая по содержанию присланных им материалов может быть разделена на следующие три группы:

а) Освещение японо-германских переговоров,

б) Освещение японской армии и

в) Освещение германской армии.

Эта работа производилась Рамзаем как путем телеграфной информации, так и посылкой в Центр докладов и документальных данных.

По разделу «японо-германские переговоры» дан всесторонний анализ выше.

В вопросе освещения японской армии Рамзай не дал особо ценных материалов и документов. Он оценивал японскую армию только в общих чертах, причем всегда резко подчеркивал техническую отсталость и неготовность к войне в ближайшие 3—4 года. Источниками его сведений по японской армии являлись данные прессы и легальных материалов /вопросы реорганизации пехоты, военный бюджет, пятилетний план реорганизации армии, дислокация частей и др./, беседы с полковником Отт и другими германскими офицерами в Японии /ценными докладами были: доклад германского стажера о японской армии и о военной подготовке молодежи Японии/ и донесения и доклады источника «Специалиста», который давал сводные данные о японской армии и ее вооружении /обычно только номенклатуру, без подробных технических и тактических данных/.

Необходимо подчеркнуть, что мы не имели ни одного доклада Отта о японской армии, которые посылались в германский генштаб; один из таких докладов был получен нами из Берлина; характерно, что Рамзай прислал из этого же доклада только первых 7 страниц, а всего в докладе было свыше 30 страниц. Необходимо также отметить, что поставленные задания по освещению японской армии остались невыполненными; характерно, что о них Рамзай никогда не упоминает, как будто бы их и не получал вовсе.

Специалист, как ценный источник, не был использован с должной эффективностью. В 1935 г. Специалист прислал в Центр не подлежащий оглашению «Технический бюллетень» Военного Министерства Японии, в 1936—37 гг. не прислано ни одного номера. Зато несколько раз, невзирая на запрещение Центра, высылался легальный журнал «Военное дело и техника» на японском языке, высылались и несекретные уставы, вырезки из газет. На японском языке ценных материалов и документов получено не было.

Таким образом, основная связь Рамзая с Оттом не дала тех эффективных результатов, которых мы были вправе ожидать, исходя из весьма дружественных отношений между ними. Наиболее вероятно, что эта интимность определяется пределами выгодности Отта для его целей и задач. Конечно, Отт давал Рамзаю материалы и доклады, которые были составлены по легальным данным и прессе /о событиях 26 февраля, об оценке экономической мощи японской промышленности, о политическом положении Японии, о группировках внутри армии и др./, но были и отчеты, и доклады Отта, о существовании которых Рамзай не знал /упоминаемый доклад о японской армии и др./. По вопросу освещения германской армии Рамзай сообщал ряд сведений, которые он получал от Отта и германских офицеров в Токио.

В этих сообщениях говорилось о неготовности Германии к войне в течение ближайших 4—5 лет, об огромных затруднениях в постановке для армии

меди, свинца, цинка, каучука, о снижении темпов развертывания вооружений в конце 1936 г. на 20%, об отсутствии достаточных офицерских кадров и подготовленного людского контингента, о незначительных запасах боеприпасов и технических материалов и отсталости германских вооружений и техники /особенно, мотомехвойск и авиации/. Отсюда подчеркивался вывод, что Германия не готова к войне и для серьезной подготовки потребуется около 4—5 лет.

Таким образом, в этом направлении Рамзай давал со слов Отта и германских офицеров заниженную оценку современного состояния и развертывания германской армии.

Документальные материалы.

Вопрос о документальных материалах, присланных Рамзаем, необходимо рассмотреть особо.

Всего Рамзаем было прислано свыше 40 материалов. В основной своей массе это были доклады германских дипломатических представителей в Японии, Китае и Маньчжурии. Доклады освещали вопросы: положение в Северном Китае, внутренне и внешнее положение Японии, положение в Маньчжурии, работа представителя фирмы Эрликон в Японии, беседы с Клайвом, японо-маньчжурские переговоры, текст германо-маньчжурского договора, о 29 китайской армии, о событиях 26 февраля, взаимоотношения Японии с другими странами и т.д. Характерно, что около 35% всех документальных материалов были устарелыми и не могли быть по этой причине использованы.

Трудно сделать выводы по этой части работы Рамзая, так как совершенно неизвестен источник и способ получения подобных материалов. Несомненно только одно, что в изъятии их существует какая-то бессистемность и случайность, что может объясняться обстановкой работы Рамзая /время и обстановка нахождения в служебных помещениях германских дипломатических органов, условия пользования материалами, допуск к ним и к хранилищам, возможности фотографирования и др./. Характерно, что Центром не было получено материалов дипломатической переписки и дипломатических документов, а только доклады дипломатических представителей, которые в большинстве случаев составляются по данным легальных материалов и ценны своими выводами и оценками авторов.

Прочие материалы.

Легальные материалы в каждой почте Рамзая превышают 30%, сюда относятся уставы, наставления, журналы, вырезки прессы, политические брошюры, проспекты и прейскуранты фирм и др. На неприсылку таких материалов Рамзаю давались неоднократные указания. Посылая их, Рамзай или не разбирается в посылаемом материале или же стремится дать большое количество почты в ущерб качеству.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВЫВОД.

В деятельности Рамзая имеется целый ряд неясных моментов, которые вызывают необходимость настороженно и бдительно относиться к содержанию его работы и учитывать источники получения сведений и связи с германскими фашистскими кругами. Несомненно, что ряд сведений, получаемых от него, носит дезинформационный характер и требует критического отношения и анализа с самой тщательной проверкой.

Рамзай — ценный источник, но пользоваться им надо с сугубой осторожностью.

[РЕЗОЛЮЦИЯ]: «ВАЛИНУ. Это к делу Рамзая. Надо подвести итог того, что мы от него получили за последние два года. К[АРИН] 9.IV [37 г.]

Этот окончательный вывод — «Рамзай ценный источник», никоим образом не вытекает из содержания документа. В то же время ценность «Рамзая» как источника подтверждается сделанными им выводами (которые ставятся под сомнение автором документа).

В документе подробно, с опорой на «дешифранты», анализируется освещение «Рамзаем» хода японо-германских переговоров о заключении «Соглашения против коммунистического интернационала», так называемого «Антикоминтерновского пакта», по сути, безликого документа, который стороны могли трактовать как им заблагорассудится. Секретное соглашение, прилагаемое к пакту, не содержало ничего такого, что объясняло бы его секретность. Не исключено, что доклады разведки (за исключением шифртелеграмм «Рамзая») чрезмерно преувеличили роль соглашения и тем самым дезинформировали советское руководство. Правда, подписание «Антикоминтерновского пакта» и прилагаемого к нему секретного соглашения СССР в полной мере использовал в своих пропагандистских целях.

Достоверность «дешифрантов» вполне можно поставить под вопросом: переданное ими содержание секретного соглашения весьма приблизительно соответствует его действительным пунктам. Не вбрасывалась ли японцами целенаправленная дезинформация? Не был ли сам «Антикоминтерновский пакт» и секретное приложение к нему большим мыльным пузырем?

Тот факт, что «Рамзай» прислал только первых 7 страниц из доклада Отта о японской армии, ни о чем не говорит. Вероятнее всего, он успел снять только первые страницы либо это было связано с качеством фотографирования.

Обвинение в том, что «около 35% всех документальных материалов были устарелыми и не могли быть по этой причине использованы», не вполне справедливо, ведь документы нередко переправлялись в Центр с большим опозданием.

Можно принять претензии Центра по части качества чисто военной информации. Единственным источником был у «Рамзая» «Специалист», который в подавляющем большинстве случаев предоставлял открытую информацию. То есть утверждение Центра, что «Специалист» «не был использован с должной эффективностью», не соответствовало действительности. И ожиданий Центра этот источник оправдать никак не мог.

На упрек, что «Рамзай» не сообщил о составе комиссии, созданной на основе японо-германского договора, ответить не сложно — «Рамзай» к моменту написания доклада мог не знать состава комиссии. Не исключено, что не получил запроса либо его доклад, в связи с неполадками в «воздушной связи», так и не был принят адресатом.

В целом документ направлен на дискредитацию Зорге. И этому служат три предлагаемые версии оценки его деятельности.

17 апреля Карин представил Начальнику Разведупра Урицкому Справку о работе отдела с мая 1935 г.: «Согласно Вашего приказания представляю справку: **После провала Абрама ни резидентур (кроме Рамзая), ни агентуры на Востоке не имелось** (выделено мной. — *М.А.*). С мая 1935 г. по март 1937 г. коллективом 2-го Отдела проведена следующая работа:

а) Установлена радиосвязь с Кит. Красной армией.

б) Проведены две подготовки (Монгольская и Синьцзянская) по делу «кочевников».

в) Подготовлено и отправлено за рубеж (Япония, Китай, Маньчжурия, Америка и Европа) 117 человек, создано 28 новых резидентур, из коих 17 нелегальных и 11 легальных.

г) Создано и работают 8 нелегальных радиостанций, еще 4 находятся в стадии окончания.

д) Приобретена группа хороших и перспективных агентов (Симсон, Южный, Жорж — Сан-Франциско, Угрюмый — Париж, Ли — секретарь Чжан Сюэляна, Пиротехник — Сеул, Проныра — Шанхай, 209-й — Шанхай. Подняты из законсервированной сети четыре ценных японца (34-й и группа Бедняка).

е) Группа командиров 2-го Отдела обучена агентурной работе.

ж) Создан кадр переводчиков (японистов, китаистов, английских и немецких), работающих за рубежом и в аппарате РУ, в количестве 37 человек.

з) В Синьцзяне создан и работает разведывательный аппарат Дубаня.

и) Созданы и работают 3 школы.

КОРПУСНОЙ КОМИССАР Карин

19 апреля 1937 г».

Кстати, поспешно созданная нелегальная резидентура «Бедняка» будет существовать только на бумаге.

Во второй половине апреля 1937 г. Карин будет смещен с поста и должность начальника 2-го отдела займет А.Ю. Гайлис[46]-«Валин». Документ готовился по указанию и при участии начальника 7 отделения полковника Покладока, который вместо Гайлиса станет начальником Разведывательного отдела ОКДВА. С апреля по начало июля должность начальника 7-го отделения 2-го отдела занимал майор М.А. Шалин[47] — такова была обстановка во время «чисток» в Разведупре РККА.

3 мая 1937 г. «Рамзаю» направлено оргписьмо без подписи (оно могло быть от Урицкого либо Александровского), подготовленное в 7-м отделении:

«Дорогой Рамзай.

1. К большому сожалению, мне приходится писать Вам это письмо, не имея ответа на предыдущее. Приветствую по случаю восстановления нормальной работы Фрица, что дает мне возможность регулярно поддерживать связь с Вами и быть в курсе Ваших нужд. В свою очередь, я получил возможность поставить перед Вами целый ряд информационных вопросов, на которые жду ответа. Обращаю Ваше внимание на то, что в работе Фрица, особенно сейчас, нужно быть острожным. Как Вам известно, туземцы сейчас тщательно разыскивают людей, занимающихся его специальностью. Работу Фрица ограничьте передачей только особо важных сведений, обратите внимание на выполнение работы в установленные сроки.

2. Полученный от Вас информационный материал, в том числе телеграммы, для нас ценен. Однако в дальнейшем Вас прошу, помимо тех сведений, которые Вы посылаете обычно, и которые, бесспорно, представляют для меня большой интерес — организовать активный сбор материалов, дающих ответ на поставленные Вам задания. К выполнению указанной работы привлечь и Густава с его людьми.

3. Я вполне согласен, что большую часть денег Вам следует переводить через банки, а не через Алекса. Как уже сообщалось, я имею возможность

для Густава делать перевод из Америки. Для этого мне нужно иметь ряд необходимых данных, о которых я Вас уже запрашивал, а именно: название банка, номер текущего счета, фамилию и имя вкладчика. Прошу также прислать и другие конкретные предложения на этот счет.

4. Очень печально, что раздоры в семье Жиголо привели к неизбежности развода. Я уже запрашивал Вас, как отразится развод Жиголо с женой на его положении и работе и будет ли он иметь возможность сохранить у себя мастерскую? Как сам Жиголо предполагает в дальнейшем решать свои семейные дела? Что за иностранец, с которым сошлась жена Жиголо, и что вообще за люди, с которыми она водит знакомство? Если развод четы Жиголо неизбежен — я хотел бы ее использовать в Шанхае и курьером к Вам, но решить этот вопрос смогу лишь после того, как получу от Вас крайне меня интересующие сведения. В первую очередь — насколько круг ее знакомых в иностранной колонии позволяет ей выполнять намеченную работу.

5. Как обстоит дело с передачей Отто Густаву? Жду сообщений о возможностях Густава, на случай оставления его вместо Вас. Как происходит его связь с переданными ему туземцами?

6. Сообщите, каково положение Ингрид, как у нее обстоит дело с выполнением порученного задания. С этой почтой от нее письма не было.

7. Ваша жена вполне здорова, живет хорошо. Шлю письмо и привет от нее. От себя я также шлю Вам привет с Великим праздником международной пролетарской солидарности. Передайте привет и поздравление всем членам Вашей фирмы, в том числе Ингрид, Фрицу и его жене.

Желаю Вам всем успеха в работе. Крепко жму руку.

3 мая 1937 г.».

«Выписка из письма Алексу от 3.5.37 г.: ... 19. По поднятому Вами вопросу о передаче самоедов Рамзая: в свое время Вы сообщили о договоренности с Рамзаем о передаче части его людей-самоедов Густаву, а часть предполагалось оставить непосредственно за Рамзаем. Мое решение, сообщенное Вам в письме от 22.2., говорит лишь о том, что все самоеды должны быть переданы Густаву с тем, чтобы полностью освободить от них Рамзая. Указание об этом Рамзаю послано».

Таким образом, вопрос с передачей японцев из состава резидентуры Штейну и, в первую очередь, о передаче Ходзуми Одзаки был решен окончательно.

7 мая Зорге сообщил о развитии японо-германского военно-технического сотрудничества: «Дирксен получил ответ от своего правительства, что предложенный японским генштабом заказ будет с радостью принят. Японский генштаб уже начал переговоры с здешними представителями И.Г. Фарбен. Генерал Осима встретится с Герингом для обсуждения деталей.

Я видел письмо ОТТ от 5 мая начальнику 3-го отдела Разв. управления генштаба Германии полковнику Крибель, в котором полковник ОТТ указывает, что оказание Германией экономической и другой помощи Японии — должно являться главнейшей целью Японо-Германской дружбы и особенно предостерегает от планов генерала Осима о заключении пакта о взаимопомощи.

ОТТ сообщил Крибелю, что Японский Генштаб угрожает министру Сато заставить его выйти в отставку, если он будет делать какие-либо уступки СССР.

№ 419 Рамзай».

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: «Н2 Спецсообщение. СУ 10.5.37»

[РЕЗОЛЮЦИЯ ЗНУ]: «Н2 Пусть Шалин тщательно изучит, что дал Р. за 36—37 гг. и к докладу. О работе Р. прошу специально переговорить. Держаться около одних разговоров с Отто — мало! 10.5. А[лександровский]».

В это же время решался вопрос об организации курьерской связи с «Рамзаем» через Китай в связи с отзывом «Алекса». С очередной почтой в Шанхай отправился Штейн-«Густав».

«Мемо. 7 мая Рамзай просит передать Алексу, что Густава надо встречать 19-го мая на условленном месте. Если же почему-либо с ним там не увидятся, то он будет ждать в гостинице "Парк Отель" /Парк Отель Рум/ в комнате, каждый день до 11 ч. утра /№ 417/».

«Мемо /получено 16.5.37 г./ 15.5.37 г. Рамзай сообщает, что Густав задержался и приедет лишь 24-го. Встреча на обусловленном месте или же до 11 ч. утра в гостинице "Парк Отель"».

«Мемо. 22.5.37 г. Алексу и в копии Артуру сообщено, что встреча Артура с Густавом должна обязательно быть, а о дальнейшем будут даны указания. Приказано Артуру подробно донести о положении сети Рамзая и то, чтобы Артур дал свои предложения и выводы. Обращено внимание на то, что информация Рамзая хорошая, но что в ней много общих мест, особенно по японской армии. Необходимо все это передать через Густава Рамзаю, чтобы последний обратил на это свое внимание».

«Артур» — Краутман, легализовался как «купец» под фамилией Резонгс Артур Янович.

«Мемо. 23 мая 37 г. Алекс сообщает в № 196, что, по его мнению, встречу Артура с Густавом проводить нецелесообразно, т. к. нужно предварительно решить вопрос о дальнейшей связи Рамзая.

По его мнению, Рамзая нужно связать с Рамоном.

Сомневается в том, что Густав сообщит Артуру все интересующие нас сведения, так как Рамзай всегда возражал против разговоров и расспросов о сети и работе у курьеров. Напоминает о нервном реагировании Рамзая весной 1936 г. на подобные же расспросы.

О возможностях Рамзая по яп. армии уже докладывалось.

Густав может знать лишь о возможностях самоедских людей Рамзая. Решение о связи Рамзая просит принять после его приезда, а пока оставить техническую связь через связиста.

Указывает, что выяснение через Артура вопросов, о которых Алекс отдельно докладывал, может привести к обратным результатам.

Рез. тов. Валина: "тов. Александровскому. Полагаю, можно оставить без ответа"».

Резолюция Валина вполне объяснима — «Алекс»-Борович отзывался в Москву, где в скором времени был арестован.

Встреча «Артура» с «Густавом» все-таки состоялась.

В почте, переданной «Артуру», было и письмо «Рамзая» от 14 мая, в котором он докладывал, что японские связи передал Штейну, и поднимал вопрос о своем возвращении в Москву:

«Дорогие директор и замдиректора! Надеюсь, что вы будете довольны посылаемой на этот раз почтой. Почта содержит на этот раз больше документов, и нам кажется, что есть неплохие вещи. Викс имеет один путь, который даст ему возможность в будущем получать макароны. Правда, это очень

трудный и несколько опасный путь. Однако этим путем удастся получить кое-какие материалы из ведомств Анны и Берты (Отт и Дирксен. —*М.А.*).

Викс добился поручения писать для Берты значительную работу полунаучного, полувоенного характера. Благодаря этой работе, ему будут представлены некоторые материалы для использования их на месте. На этот раз мы не пишем подробного орготчета. Надо лишь подчеркнуть, что Викс расширил свои знакомства, его положение среди земляков все более укрепляется. У местных друзей, находящихся в нашем распоряжении, мало что изменилось. Свои связи с Отто и с Джоэ Викс передал Герде (Густаву. —*М.А.*), который, по указанию Викса, общается с ними.

В этом письме мы хотим поставить вопрос о возвращении Викса. Вы сами просили прошлой осенью о предложениях на эту тему (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Правда, при обсуждении вопроса о возвращении Викса домой надо иметь в виду один факт: **в отношениях с Анной и другими Викса невозможно заменить. Его отношения, к сожалению, нечто раз случившееся, что невозможно повторить. С этим фактом мы должны раз навсегда посчитаться**. Дело идет теперь лишь о Вашем решении, а именно, Вы должны решить, связано ли пребывание Викса здесь с пребыванием Анны или нет. То есть Вы должны решить, возможна ли замена Викса в этом отношении, или он обречен сидеть здесь, пока здесь находится Анна. Пребывание здесь Анны было вначале намечено до осени этого года. Но так как Михара (Осима Хироси. — *М.А.*) возвращается осенью, а они должны обсудить с Анной ряд вопросов, то учреждение Анны решило, что А. останется здесь до весны 1938 г. Конечно, не исключена возможность, что и этот срок будет изменен, и что А. останется здесь и на лето 1938 г., но дольше едва ли. Ей обещали значительное повышение, именно, не позднее этого срока.

Сам Викс считает, что будет лучше подождать, по крайней мере. возвращения Михара, чтобы посмотреть развитие событий в отношении договора и уж тогда уехать. Он готов предложить Вам продлить намеченный срок — сентябрь 1937 г. несколько дольше. Викс ссылается на то, что до сих пор ему удавалось успешно установить этапы развития договора, и что, возможно, что он и в дальнейшем проследит этот процесс.

Итак, дело за Вашим решением, уезжать ли Виксу после кратковременного наблюдения сотрудничества Анны и Михара, или же оставаться до отъезда Анны, то есть, до весны или осени 1938 г.

Само собой разумеется, что несмотря на желание уехать, на усталость от всей этой истории, на напряженность четырехлетней работы здесь, Викс беспрекословно выполнит приказ остаться здесь. Он просит, правда, оставить его не далее, чем до весны или лета 1938 г., это, по его мнению, последний срок, на случай если вы хотите связать его присутствие здесь с Анной. Понятно, что если этой необходимости нет, то он хоть сегодня же вернется, чтобы побыть, наконец, в центре и увидеть свою жену.

Викс просит решить этот вопрос и телеграфно известить его. Он просит также сообщить о Вашем решении, каково бы оно ни было, его жене, чтобы та знала о положении. Викс указывает также на то, что его отъезд домой должен быть хорошо подготовлен с тем, чтобы его отношения с официальными лицами закончить так, чтобы потом не было осложнений. Он подчеркивает, что он стал таким известным журналистом, что является представителем одного важного бюро и его внезапное исчезновение могло бы вызвать недора-

зумения. Все это должно быть хорошо подготовлено. Викс предлагает далее встретиться зимой, примерно в декабре или январе, с Вашим уполномоченным, лучше всего с Алексом, чтобы обсудить все вопросы. Он предлагает в качестве места встречи Филиппины или Голландскую Индию. Тогда уже можно будет установить, насколько важно сотрудничество Михары и Анны, каковы его результаты, и нужно ли Виксу наблюдать дальше или он спокойно может отправляться домой. Встречу в Китае или Америке он считает нецелесообразной.

Надо полагать, что Берта оставит свой пост здесь уже летом этого года или, самое позднее, осенью. Она не может привыкнуть к климату и тяжело больна. Она рассчитывает на один пост в Лондоне, который, по ее предположению, скоро освободится.

Викс хочет на этом закончить письмо. Он еще раз просит разрешить поставленные вопросы, а также передать привет его жене с просьбой не терять терпение.

С приветом, верный Вам Рамзай.

14.5.1937 г.».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕД. УПРАВЛЕНИЯ РККА
КОМКОРУ тов. УРИЦКОМУ.
(Резолюция тов. Урицкого: тов. Валину,
подождать получения материала. СУ. 5.6.37.)

Телеграммой № 210 Алекс передает основное содержание почты, полученной от Рамзая. Вопросы, освещаемые в телеграмме в большей части, не представляют для нас никакой ценности и показывают, что почта Рамзая частью снова загружена ненужными для нас материалами. Конкретно:

1. Сообщается, что 4 пехотная дивизия реорганизуется, согласно установок нового боевого устава. У нас имеются сведения, что к реорганизации дивизий приступлено по всей армии. Новобранцы призыва текущего года обучаются на основе тактических установок нового устава. 4 п. д. была расположена в Осака, а не в Киото, как это значится в телеграмме.

2. Сообщение о переходе на групповую тактику, об организации стрелково-пулеметных и гранатометных отделений взято из официального устава, продающегося во всех книжных киосках. Сведения из устава приведены не верно: пулеметная группа в отделении обслуживается не 6 человеками, а 4 чел., гранатометная группа — 3 чел. Для установления этого не нужно было использовать “Специалиста” — достаточно было посмотреть в устав. Из устава также известно о наличии в полку противотанковых пушек.

Устав нами переведен и сдан в печать...

6. Совершенно невероятно, чтобы пехотные полки японской армии получили на вооружение танки, они еще не в комплекте в дивизиях. По-видимому, сведения основываются на сообщениях прессы о тактических учениях, на которых известно о придаче полкам танков на время учений.

Еще более непонятно, на основе каких фактических данных германский военный атташе полковник ОТТ думает, что японцы даже не продумывают вопросов совместных действий кавалерии с танками, в то время, как в японских газетах пишут об этом совершенно открыто. Кроме того, совместные действия танков и конницы зафиксированы на маневрах и учениях.

7. Заслуживает внимание сообщение о наличии 12 пулеметов в 6-ной пульроте и о 6 орудиях полковой батареи. Однако, поскольку во всем материале много неверных данных и общеизвестные истины, то и эти сведения требуют тщательной проверки.

Начальник 2-го Отдела РУ РККА Комбриг Валин.

4 июня 1937 г.».

В Центре по-прежнему не представляли возможностей «Специалиста», который в подавляющем большинстве случаев собирал и передавал открытую информацию, и его положительной стороной была способность на ее основе делать выводы. Оправданными были претензии Центра по части сомнительной информации о поступлении танков в пехотные полки. За время своего пребывания в Японии «Рамзаю» так и не удалось приобрести источников чисто военной информации.

Реакция на письмо «Рамзая» содержалась в рукописном документе без даты и без подписи, написанном, судя по всему, Валиным, перенявшим предвзятость своего предшественника — Покладок:

«1. Как и всегда, письмо полно обещаний, хвастовства и недомолвок о работе, о конкретном выполнении наших заданий — ни слова.

Почему, например, не сообщается, какая именно значительная работа поручена Бертой.

Если бы нам было это сообщено, мы могли бы судить о характере материалов и дать соответствующую задачу об их использовании.

О "расширении знакомств", "укреплении положения", "журналистской известности", "незаменимости" и проч. талантах Р. мы слышим в каждом письме, но за все 4 года не имеем ни одной конкретной разработки, ни одного лица из этого обширного круга знакомств и связей.

Вопрос об отзыве, и просьба о телеграфном извещении?

О почте.

1) Материал "Специалиста" о технике яп. армии. Заслуживает внимание указание о 3-х ротном составе батальона повс. организации. Однако в остальном материал содержит много вздору, весьма похожего на дезинформацию, в лучшем случае — на очковтирательство (безграмотные выводы из нового устава).

2) Перепечатка вполне легальных уставов:

1) пулемет обр. "2".

2) батальонная гаубица обр. "92".

Излишняя трата времени и средства на фотографирование и пересылку.

Оба устава вместе можно купить совершенно свободно в магазине, затратив на это 1—1,5 иены».

Обидно, несправедливо и предвзято. Своевременно ли при отсечении японских связей и солидных позициях в посольстве Германии поднимать вопрос о «конкретных разработках»? Валину-Гайлису удалось свести всю разведывательную деятельность резидентуры Зорге к «пулемету обр. "2"» и «батальонной гаубице обр. "92"». Никто не умаляет значения военно-технической информации, но в данном случае делать упор только на ней неразумно.

Более того, в почте ведь были и другие материалы, которые комбриг Валин предпочел не заметить и не оценить.

«Мемо. 25 мая 37 г. Алекс сообщает... 2. Приехал Густав. Его почта содержит следующее: 1/. Новое наставление относительно пользования артиллерии и тяжелых пулеметов.

2/. Поездка по Сев. Маньчжурии. Докл. немецкого консула в Харбине от 10 окт. 36 г.

3/. Докл. нем. посольства за янв. относительно японских шпионских организаций.

4/. Восточно-Хэбэйское правительство. Докл. нем. посольства в Китае от 9 марта.

5/. Поездка в Окинава в апр. 37 г. Доклад Джо.

6/. Политический доклад за дек. 36 г. немецкого посла в Токио.

7/. Доклад атташе по авиации /военно-воздушного/.

8/. Маньчжурская ассоциация «Конкордия». Доклад консула в Мукдене.

9/. Пленум Гоминьдана. Доклад немецкого информ. агентства.

10/. Сведения о японской нефтяной промышл.

11/. Производство бензина из угля. Доклад консульского экономического отдела от 29 дек. 36 г.

12/. Беседа с англ. послом. Доклад Густава.

13/. Новая политическая активность японского флота. Доклад мор. атташе от 3-го мая.

14/. Коммунизм в Китае, доклад немецкого посла /консула/ в Нанкине от 21 марта.

15/. Посещение Циндао японским флотом. Доклад немецкого консула в Нанкине от 14 апр.

16/. Доклады морской комиссии от октября 36 г. /Три доклада/.

17/. Доклады Рамзая:

а/. Содержание доклада немецкого консула в Нанкине о его беседе с Чан Кайши.

б/. О японской артиллерии.

18/. Военно-технические донесения Специалиста.

19/. Доклад о внешней политике. Рамзай.

20/. О развитии экономики Германии в 36 г.

21/. Германское экономическое положение на 1.3.37 г.

22/. Нанкинский консул. Два политических доклада от 25.2. и 12.3.

23/ Фотографии вооружения.

24/. Узкие места японской экономики. Доклад и др. информация и доклады.

Сверх перечисленного письма по орг. вопросам от Ингрид, Рамзая и Фрица».

Личный состав 2-го отдела по состоянию на 25 мая 1937 г. выглядел следующим образом:

«№№/nn.// Должность и военное звание//Фамилия, имя. отчество//время назначения и №№ прик.

1. Нач-к Отдела — Комбриг// ВАЛИН Август Юрьевич// 11.4.37. НКО № 0089, РУ №051

2. Зам. Нач. Отдела

3. Зам. нач. Отдела

4. Пом. Нач. Отдела — Полковник // АКИМОВ Владимир Михайлович//15.12.35 НКО № 00128, РУ №1, 4.2.36.

5. И.Д.Нач. Отделения — Майор// ШАЛИН Михаил Алексеевич// РУ №051.

6. Нач. Отделения — Полковник//Федоров Виктор Иванович//15.12.35. пр. НКО №00128, РУ №1, 4.2.36.

7. Нач. Отделения — Майор//ХАБАЗОВ Николай Васильевич48// 15.3.36. пр. НКО № 00632, РУ №23, 1 4.2.36.

8. Нач. Отделения — Полковник// РИММ Карл Мартынович// 5.9.35. НКО №00128. 4.2.36 №1 РУ.

9. Нач. Отделения.

10. Зам. Нач. Отдела по уч. части — Воен. инж. 2 р.// ОБЫДЕН Михаил Васильевич// 15.12.35, НКО №00128, РУ 4.2.36 №1.

11. Секр. уполном. — Инт. 3 ранга// АРКУС Самуил Григорьевич, окл 625// Пр.РУ 1.10.4 № 93, НКО 4.2.36 № 1.

12. Секр. уполном. ГРАУДИН Франц Петрович окл.650// 14.10.36 пр. НКО № 00632, РУ № 25.

13. Секр. уполном. — Капитан 3 ранга// ЛЕЙФЕРТ Андрей Алекс. окл.650// 4.2.37. пр.НКО № 0128, РУ №45.

14. Секр. уполномоч.

15. Секр. уполномоч. — Полковник// ТАЛЬБЕРГ Джон Иоганович окл 625//1.8.36 РУ №75

16. И.Д. Секр. уполномоч — Капитан//КИСЛЕНКО Алексей Павлович окл 625//1.8.36 РУ № 75.

17. И.Д. Секр. уполномоч. — Техн. интендант 1 р.// ВИШНЯКОВА Вера Вл. окл. 625//1.10.36, РУ №99.

18. Секр. уполномоч. — Капитан// ГЕРАСИМОВ Виктор Ал окл.625//14.10.36. РУ № 45.

19. Секр. уполномоч. — Политрук//КОНСТАНТИНОВА Елена Ал. окл.625//15.12.35 пр. НКО №00128, РУ №1.36

20. Секр. уполномоч. — Майор//СВИРИН Андрей Ермолаевич окл. 625// 23.10.36, пр. НКО № 00638, РУ №19

21-32 — Переводчик.

33 — Секретарь

34-35 — Делопроизводитель

36-37 — Машинистка

38 — Нач. Отделен. Уполномоч. 2 отд в хабар.

39 — Переводчик

40 — Зам. нач. отд. Уполномоч. во Владивостоке.

41- Переводчик.

42. Зам. нач. отд. — Инт. 3 ранга// Уполномоч. в Чите// ШНЕЙДЖЕР Григ Ив.

43. Кит. переводчик — Политрук//ЗОРИН Ив. Никифорович.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ КАДРОВ
МАЙОР
(Котлярский)

25 мая 1937 г.».

Зарубежный аппарат 7-б отделения (Китай), 7 отделения (Япония) и Спецотделения (обслуживало 7-б и 7 отделения) 2-го отдела по состоянию на 15 июня 1937 года был сведен в таблицу с графами (№№// Фамилия, имя и отчество// Пункт пребывания и должность// Кличка// С какого времени// Примечание) и выглядел следующим образом:

7-б ОТДЕЛЕНИЕ

КИТАЙ ЛЕГАЛЬНЫЕ

1. СКОРПИЛЕВ А.И.// Шанхай, представитель Тасса (резидент) // «Борис» // Март 1935 г.

2. МАМАЕВА (Викман) //Шанхай, пом. представителя Тасса (пом. резид.).// «Мико»// Октябрь 1935 г.

3. ДЕМЕНТЬЕВ М.А.//Калган, консул (резидент)//«Линдберг»// Ноябрь 1935 г.

4. ШУЛЬКИН Л.М.//Шанхай. Секретарь В.А.(пом. резидента)// «Артур»//Октябрь 1935 г.

5. ШУЛЬКИНА М.В.//Шанхай. Японистка при секрет. В.А.//«Акико»//Октябрь 1935 г.

6. МАРКОВ Г.И.// Тяньцзин. Делопроизводитель в консульстве (резидент)// «Михаил»//Октябрь 1935 г.

7. СОБОЛЕВА А.И.// Тяньцзин. Без официального положения (связист). Кит. переводчик//«Лайне»//Октябрь 1936 г.

8. ДОБРОВИНСКИЙ Б.Н.// Тяньцзин, курьер охраны консульства (связист). Яп. Переводчик// «Вайно»// Март 1936 г.

9. СЕРЕГИН А.И.// Шанхай. Представитель Интуриста (вербовщик)// «Леонид»//Апрель 1936 г.

10. ВАРРЭ//Тяньцзин. Секретарь консульства (пом. резидента)// «Кин»// Март 1936 г.

11. СМИРНОВ П.И.//Нанкин, курьер охраны при консульстве /связист/. «Лорин»// Май 1936 г.

12. ЕПИФАНОВ Ф.П.//Шанхай, курьер охраны консульства (связист)// «Петер» // Май 1936 г.

13. БОРОВИЧ// Шанхай//«Алекс»//1936 г.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ

14. КИТИН Генрих Борисович//Шанхай, резидент//«Гарри»//Февраль 1935 г.

15. ГРОСС Роберт Иоганович//Шанхай, пом. резидента// «Эрнст»// Декабрь 1935 г.

16. ХЕРПОЛЬД Вилли Эмильевич//Шанхай, радист//«Клейн»//Январь 1936 г.

17. .... (китаец)// Пекин, резидент//«Сергей»//Март 1936 г.

18. ... (китаец)//Пекин, радист//«Андрей»//Март 1936 г.

19. ДАЛЛАНТ Николай//Тяньцзин, предприятие//«Ник»//Декабрь 1933 г.

20. ГИЛЬЗЕ Герхард//Тяньцзин, радист//«Милорд»//Декабрь 1934 г.

21. ФРЕЙНД Иосиф Адольфович//Тяньцзин, предприятие// «Шиллинг»// Май 1936 г.

22. ФРЕЙНД Мэри Игнатьевна//Тяньцзин, связистка//«Мэри»//Май 1936 г.

СИНЬЦЗЯН

23. ЦАТУРОВ Гарегин Мосесович//Урумчи, советник по разведке (резид.)// «Гарегин»//Май 1936 г.

24. ЧУВЫРИН Серафим Михайлович//Урумчи, пом. по информ.// «Юрий»// Май 1936 г.

25. ВОРОПИНОВ Павел Фокич//Урумчи, пом. по операт. работе (пом. рез.). «Алексей»//Май 1936 г.

26. АНДРЕЕВ Степан Петрович//Урумчи, переводчик// «Сафар»//Май 1936 г.

27. ГОЛОВИНСКИЙ Иосиф Петрович//Урумчи, работник Совсинь торга (пом. резид.)// «Ахмед». Май 1936 г.

31 (такая нумерация в тексте. — *М.А.*). ГУЛЬБИНСКАЯ Анна Леонидовна// Урумчи, шифровальщица// «Мейли»//Май 1936 г.

32. ЮДИН Иван Павлович//Урумчи, шофер.// Нет//Май 1936 г.

33. БАТМАНОВ Констатин Александрович//Хами, торговый агент «Совинторг», (пом. резидента)// «Ченли»//Январь 1936 г.

34. КЛИМОВ Анатолий Яковлевич// Карашар. Торговый агент «Совсинторг», (пом. резидента)// «Аустерлиц»//Октябрь 1936 г.

35. ЧЕЛЕБАЕВ Константин Васильевич// Хами, переводчик при БАТМАНОВЕ//«Бабай»//Апрель 1936 г.

СПЕЦОТДЕЛЕНИЕ

ЛЕГАЛЬНАЯ СЕТЬ

1. АРОНШТАМ Мирра Рафаиловна//Париж, шифровальщица// «Мэй»//Октябрь 1935 г.

2. АЛЯВДИН Николай Валерьянович//С.Франциско, секретарь к-ва// «Серафима»//Март 1934 г.

3. МУРОМЦЕВ Михаил Николаевич//С. Франциско, зав. «Интурист»// «Градов»//Февраль 1936 г.

4. ОСКАРОВ Оскар Моисеевич//Нью-Йорк. Зав. «Интурист»// «Аким»// Май 1936 г.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ СЕТЬ

5. АЛЬБАМ Абрам Миронович// Вена, коммерсант//«Адольф»//Февраль 1935 г.

6. БАЛДАЕВ Николай//Париж, учащийся// «Вилли»//Сентябрь 1935 г.

7. МИЛЛЕР Франц Иванович//Париж, учащийся// «Като»//Апрель 1936 г.

8. ШОЕТ Самуил Абрамович// С.Франциско//«Шон»//Август 1935 г.

...

ЯПОНИЯ 7-ое Отделение

Нелегальные

1. ИВАНОВ Сергей Иванович//Шанхай, резидент// «Рамон»// с 1935 г.

2. ШВАРЦФЕЛЛЕР Вильгельм// Шанхай, пом. резидента// «Биль»// с 1936 г.

3. ЗОРГЕ Ика Рихардович//Токио, резидент// «Рамзай»//с 1933 г.

4. ШТЕЙН Густав//Токио, связист// «Густав»// с 1933 г.

5. КЛАУЗЕН Макс Готфрид//Токио, радист// «Фриц»// с 1935 г.

6. ВУКЕЛИШ//Токио, квартирохозяин// «Жиголо»// с 1933 г.

7. КУУСИНЕН Айно//Готовится к приезду в Токио, вербовщик// «Ингрид»// с 1935 г.

8. ТЕППЭ Эрих//Готовится к приезду в Шанхай, техник и фотограф// «Ганс»//с 1936 г.

Легальные

9. АСКОВ Аркадий Борисович//Токио, секр. полпредства// «Аякс»//с 1933 г.

10. АБРАМОВ Георгий Александрович//Токио, вице-консул// «Мак»// с 1932 г.

11. ОСИНОВСКИЙ Николай Алексеевич//Токио, сотрудник полпредства//«Водяной»//с 1931 г.

12. АУЛИЦЕМ Петр Петрович//Кобэ, консул// «Макс», с 1934 г.

13. БУДКЕВИЧ Сергей Леонидович//Кобэ, секретарь консула//. «Осима»// с 1936 г.

14. ШЛЕНСКИЙ Павел Дмитриевич//Токио, пом. военного атташе// «Артур»// с 1933 г.

15. ШВЕР Михаил Карпович//Сеул, секрет. Консула// «Ольгин»// с 1933 г.

16. ГЛУСКИН Марк// Сеул, консул// «Хасимото»// с 1935 г.

17. Иванов Петр Иванович//Токио, переводчик ВАТ// с 1936 г.

18. СНЕГИРЕВА Татьяна//жена Иванова// с 1936 г.

19. МАНЕВИЧ//Токио, курьер охраны Полпредства// с 1936 г.

20. ГЕРАСИМОВА//жена Маневич//с 1936 г.

21. ЗАБРОДИН//Токио, курьер охраны Полпредства//с 1936 г.

22. НИКИТИНА//жена Забродина//с 1936 г.

23. САМСОНОВ//шофер ВАТ//с 1936 г.

Расходы на содержание резидентуры «Рамзая», и не только в Токио, выглядели следующим образом:

« С авг.1935 г.

СТОИМОСТЬ РЕЗИДЕНТУРЫ РАМЗАЯ /на 1.6.37 г./

Числилось за Рамзаем на 1.1.36 г.	2.276 ам. д.
Израсходовано в 1936 г. /по отчету Рамзая/	53.565 иен.
Выдано жене Фрица	2.000 мекс. д.
За хранение ее вещей в Москве	200 сов. руб.
Выдано жене Жиголо в 1936 г.	1.500 ам. д.
Отправлено Рамзаю в 1937 г.	3.425 ам. д.
Отправлено на легализацию Фрица	8.000 ам. д.
Выслано семье Густава в 1937 г.	250 ам. д.
Выплачено жене Рамзая	4.450 сов. руб.
Итого:	53.565 иен

3. 000 мекс. дол. (выше в тексте была приведена цифра 2000 мекс. дол. — *М.А.*).

	15.451 ам.д.
	4.650 сов. руб.
Ежемесячно по смете установлено	4.000 иен
На курьерскую связь в год	4.000 иен».

«<u>Справка.</u>

Рамзаю в счет его сметы следует выслать на след. квартал, т.е. июль, авг. и сент. 1937 г. — 3.435 ам. дол. на содержание резидентуры, из расчета: 4.000 иен = 1.145 ам. дол. в мес. и 280 ам. дол. на курьерскую связь. Всего — 3.715 ам. дол. Указанная сумма будет выслана Рамзаю след. образом:

1. Рамзаю через Париж в Голландию 800 ам. д.
2. Густаву через Америку 1.000 ам. д.
3. Фрицу через Америку 1.915 ам. дол.

3.715 ам. дол.

Нач. 7 отделения 2-го отдела
майор /Шалин/»

«Мемо. Алекс 28 мая 37 г. сообщает: 1. Почта Густаву и деньги из центра будут переданы ему после возвращения его с Юга куда он поехал на 2 недели по делам своей легализации. У Рамзая все в порядке.

2. По извещению от Отто — Ронин на свободе и проживает в городе Михаила. Просил передать центру его адрес. Адрес будет передан телеграфно в нескольких телеграммах.

Об адресе будет выделено пример: "о сахаре", "о бумаге". К № дома будет прибавлено 16.

3. Рамзай настаивает на рискованном методе фотографирования. Об этом Алекс телеграфно не решается сообщить».

«Михаил» — Г.И. Марков — резидент в Тяньцзине под прикрытием должности делопроизводителя в консульстве СССР.

Центр продолжал перебирать варианты организации курьерской связи с резидентурой «Рамзая».

«Из письма Рамону от 7.6.37 г.: ... 3. Я дал указание Кристи совместно с Вами, учтя местную обстановку, продумать возможности уже теперь передать Вам все связи с нашей нелегальной сетью Самоедии, с полным Вашим подчинением деревне. В очередном письме прошу по этому вопросу дать подробный доклад.

До последующего моего распоряжения все указания о работе будете получать от Кристи».

«Кристи» — референт полпредства СССР в Нанкине. Расстояние между Нанкином и Шанхаем 270 км. Судя по всему, он был прикомандирован к Генеральному консульству СССР в Шанхае.

Пренебрежение конспирацией — в данном случае поддержание связи сотрудников резидентуры под прикрытием с нелегалами (то, что было категорически запрещено еще в 1927 г.) — продолжалось, провал «Абрама» никого ничему не научил.

9 июня Урицкий был освобожден от руководства Разведывательным управлением и назначен заместителем командующего войсками Московского военного округа маршала Буденного (а в ночь на 1 ноября комкор Урицкий был арестован). Дела он сдал прибывшему из Испании Я.К. Берзину.

«ВЫПИСКА из письма Артура от 17.6.37 г.:

РАМЗАЙ. — Курьер прибыл благополучно, почта получена в порядке, пересылаю ее Вам настоящей почтой. Алекс имел с ним две длительные встречи и доложит Вам о положении дел у Рамзая. С Густавом отправляю почту, ему же выдал для Р. 5300 амов, 7000 иен и 1700 мексов. Часть этой суммы Густав переведет по разным каналам и около 5000 амов повезет с собой. Выдача ему суммы, превышающей смету, объясняется тем, что по отчету Р. его денежные остатки ничтожны, а следующий курьер будет не скоро. Возможно, что приедет жена Жиголо, ибо Густав получил письмо от жены, из которого мож-

но понять, что у Р. накопились весьма интересные материалы. Однако, у меня нет уверенности в том, что жена Жигало поедет обратно, поэтому мы решили выдать им денег больше сметы. Мне представляется необходимым создание у Р. какого-то неприкосновенного денежного резерва на пожарный случай, по меньшей мере, порядка 5—8.000 амов. Кроме того, необходимо наладить перевод небольших сумм Густаву из Мира в город и адрес, который Вам известен.

С Густавом обусловлены брелки, приметы, пароль для будущих курьеров. Кроме того, ему дан адрес для писем из его и моего города. Обусловлен краткий код для переписки.

Совершенно необходимо добиться большей четкости в работе нашего аппарата. Последний раз нам неправильно была передана дата приезда Густава. Подобное упущение может привести к серьезным осложнениям.

Алекс беседовал с Густавом об измене фашистской банды и доложит Вам об этом подробно лично.

Мне казалось бы целесообразным, чтобы ко времени пребывания здесь курьера Р., Вы передавали телеграфно хотя бы краткое письмо для Р. **Почта, которую мы отправляем, всегда устаревает** (выделено мной. — *М.А.*)».

«Почта, которую мы отправляем», докладывает «Артур», не просто устаревает, а *всегда устаревает*, что однако не принимается в расчет в Центре при предъявлении претензий к содержанию почты «Рамзая».

«Мемо. 9.7.37 г.: Рамзай сообщает, что получил почту за февр. и апрель. Благодарит за письма. Просит передать привет жене. Сообщает, что получил — 5.300 ам. дол., 7.000 иен и 1.700 мексов.

Об именах и банковских адресах всех — просит спросить у Алекса, который это знает».

В июле пост начальника 7-го (японского) отделения вместо Шалина занимает майор М.И. Сироткин, вернувшийся после стажировки в Японии. Что касается Валина, то он руководил 2-м отделом Разведупра несколько месяцев до дня своего ареста — 26 июля. Освободившееся после ареста Валина место занял Н.В. Хабазов, бывший до этого начальником 2-го (китайского) отделения 2-го отдела.

Приход Сироткина ознаменовался конкретными шагами: 13 июля в Токио была направлена телеграмма следующего содержания: «Мемо. 13.7.37 г.: разрешено Густаву ехать через Москву к семье. Необходимо указать срок выезда.

Относительно Ингрид дано указание командировать ее для доклада в Шанхай. Целью поездки также является инструктаж и установление непосредственной регулярной связи с Шанхаем.

Об отзыве Рамзая вопрос принципиально решен. Окончательно — после информации Густава».

1 августа 1937 г. на заседании Политбюро было принято решение «освободить Я.К. Берзина от обязанностей начальника Разведывательного управления РККА с оставлением его в распоряжении Наркомата Обороны. Временное исполнение обязанностей начальника Разведывательного управления возложить на товарища Никонова». В ночь на 29 ноября 1937 г. Берзин был арестован. Никонов, однако, продержался в должности врио всего несколько дней.

«Мемо. 18.8.37: Рамзай указывает, что в настоящее время он считает почти невозможным поездку Густава домой. Рамзай сейчас работает начальником германского газетного агентства. Эта работа отнимает очень много времени, и поэтому Густав ему очень нужен. Густав сможет выехать только в начале будущего года, не раньше. Повторяет предложение Алексу — о встрече для решения вопроса о сроке возвращения домой и о передаче дел Густаву. Встреча желательна где-нибудь в Азии. Густав вряд ли сможет вернуться обратно, если поедет сейчас».

Речь идет о Германском телеграфном агентстве (Deutsche Nachrichten B uro, ДНБ), в котором Зорге замещал его представителя — Рудольфа Вайзе — во время отъездов последнего. Зорге не знал, что к этому времени «Алекс» был уже арестован в Москве. «Рамзай» по-прежнему радел за дело и пытался объяснить, почему поездка «Густава» домой невозможна. Тем не менее Центр планировал отъезд и Зорге, и Штейна: первого — навсегда, второго — временно. Через десять дней «Рамзаю» поступило указание: «на время отъезда оставить заместителем Густава». Но как его можно оставить заместителем, если ему предписано выехать в Москву?

«Мемо. Из Центра — Рамзаю. /Телеграмма послана по особому докладу Нач-ку 2 Отдела. М.С./ 27.8.37 г.: Отмечено, что информация за последнее время активна.

Следует особое внимание уделить наблюдению за перебросками 7 и 8 дивизий и выявлению элементов перестроения фронта против СССР. Ингрид должна выехать на свою родину транзитом через СССР. Будет использована в другом месте. Легенду отъезда разработать на месте. Рамзаю подготовиться к выезду в Москву в ноябре м-це в связи с перестройкой и расширением работы. На время отъезда оставить заместителем Густава.

Верно: Вр. Нач. 7 отделения /Сироткин/».

В начале сентября выяснилось, что Штейну все-таки следует выехать в Москву: «Мемо. 3.9: Сообщено Рамзаю, что снова подтверждается указание о подготовки его отъезда в деревню в ноябре. Необходимость отзыва Густава осложняет положение, но не отменяет поездки. На время отъезда работу придется временно свернуть, но не прерывать работы Фрица. Сложность обстановки и перспективы перестройки работы организации требуют поездки Рамзая в деревню».

Как можно не прерывать работы «Фрица» — Клаузена, при отъезде и Рамзая», и «Густава», без передачи радисту хотя бы японских связей Зорге.

К руководству военной разведкой пришел старший майор госбезопасности С.Г. Гендин, назначенный 8 сентября 1937 г. 1-м заместителем начальника Разведывательного управления РККА. Последний приказ по Разведупру РККА Семен Гендин подписал 4 октября 1938 г.: 22 октября он был арестован. Что касается Н.В. Хабазова, то он руководил 2-м (восточным) отделом до апреля 1939-го, и ареста ему удалось избежать.

Вопрос об отзыве Зорге решался с сентября по ноябрь 1937-го. Сироткин был убежден, что Рихард Зорге — «двойник». 4 сентября 1937 г. он докладывал об очевидном для него факте: «Я неоднократно в 1935—1936 гг. сообщал о ряде признаков и фактов, говоривших о том, что резидент Разведупра в Токио "Рамзай" (ЗОРГЕ) является, если не двойником, работающим и на нас, и на Германию, то в лучшем случае марионеткой в руках японо-германской контрразведки»[49].

Врио начальника отдела майор Хабазов доложил 7 сентября 1937 г. заместителю начальника РУ РККА Гендину «Справку о состоянии агентурной сети по 2-му отделу», из которой следует, что руководством отдела принимались меры для создания нелегальных резидентур в Японии и Китае, и такие резидентуры были созданы. Однако далеко не все оказались жизнеспособны. В Японии, как покажет время, была единственная нелегальная резидентура, и это была резидентура «Рамзая» (остальные существовали на бумаге или намечались в перспективе вокруг лиц, только направленных на работу). И эту резидентуру было предложено «ликвидировать в кратчайший срок».

«СПРАВКА о состоянии сети по 2-му отделу.

Агентурной сетью 2-го отдела охватываются: Япония, Китай, Маньчжурия, Синьцзян, Турция, Иран, Ирак, Афганистан. В качестве подсобных резидентур, обеспечивающих работу в основных странах Востока (вербовка, подготовка людей, питание деньгами, поддержание связи и пр.) имеются резидентуры в САСШ. Подсобные резидентуры во Франции и Бельгии в самое последнее время аннулированы.

По отдельным странам состояние резидентур представляется в следующем виде:

Япония:

В Японии имеется 2 нелегальные и 4 легальные резидентуры.

Нелегальная резидентура "Бедняка" — 3 челов. японцы.

Резидентура существует с 1930 г. Организовна Аяксом (Асков Аркадий Борисович), оказавшимся врагом народа. Бедняк и его группа даны Аяксу японцами. Бедняк был связан с нашим Шанхайским резидентом Кристи через связника Акико. Кристи было дано приказание: связь с Бедняком прекратить. Акико на связи ни с кем больше не использовать и оставить лишь как переводчика.

Нелегальная резидентура "Рамзая".

1) Состав резидентуры: резидент Рамзай, член КПГ с 1919 г., член ВКП (б) с 1925 г. Немец. В РУ РККА с 1929 г. До этого работал в Коминтерне, рекомендован нам Пятницким. С 1929 по начало 33 года работал резидентом в Шанхае; с конца 1933 г. в Японии. Легализован журналистом немецких журналов и газет; в настоящее время является руководителем немецкого Пресс Бюро в Токио; вошел в организацию "наци" и занимает там должность инструктора. Живет под своей настоящей фамилией.

2) Густав — пом. резидента, он же и курьер. Кем и когда завербован установить удно. Но имеются проверенные данные, что в свое время был завербован К. Радеком для работы в Лондоне. Работал с Рамзаем в Шанхае. Густав немец, легализован журналистом английских газет. Документального материала не давал, периодически присылал информационные обзоры по вопросам политики и экономики Японии, составленные на основе разговоров с сотрудниками анг. посольства. Скрыл от нас разработку по эконом. вопросам, представленную им в анг. посольство, характер которой неизвестен нам и до сего времени (о даче доклада узнали спустя год от "соседей").

3) Гертруда — жена Густава, привлечена к работе Рамзаем. Работает журналисткой швейцарских газет. Изредка дает информацию на основе разговоров с инженерами-химиками. Материал не ценный. Дано развернутое задание — не выполняет.

4) Жиголо — квартиродержатель, материалов не дает. Завербован в Париже в 1930 году. Легализован журналистом, работает во Французском агентстве "Гавас", по национальности югослав. Жена Жиголо по нашему указанию прошла специальную подготовку и имела в Токио "Салон датской гимнастики". В настоящее время с Жиголо разошлась и живет с каким-то иностранцем. Хотела выехать к нам. Рамзаю дано приказание не посылать.

5) ОТТО — источник. Японец, работает в редакции газеты "Асахи". Работал с Рамзаем в Шанхае с 1929 г. и с ним же переехал в Токио. Давал информацию по общеполитическим вопросам — малоценную.

6) Специалист — источник. Японец, артиллер. офицер запаса, служит на железной дороге. Завербован ОТТО, точное время неизвестно, но есть основания считать, что в сети Рамзая он работал еще в Шанхае. По имеющимся в делах оценкам давал ценные сведения. С 1936 г. материала фактически не дает, а полученное с последней почтой (июль 1937 г.) никакой ценности не представляет — присланы уставы и инструкции, закупленные в киоске.

7) ДЖО — источник. Японец, художник, жил в Америке свыше 10 лет, где и завербован "Профессором" (он же "Дон") в 1933 году. Состоял членом компартии в Америке. Непосредственно от ДЖО никаких материалов не получали. Руководит группой японцев: "Женщина", "Аки", "Кйосю" и "Друг с Хоккайдо". Все люди ДЖО дают Рамзаю информацию, но какую именно Рамзай не сообщает. Группа явно для нас не подходит (двое из них уже арестовывались японской полицией), дано приказание от связи с ними отказаться.

8) ИНГРИД — работает в РУ с 1933 г., финка, член ВКП (б) с 1922 г. Послана в Японию со специальной задачей завербовать одного из офицеров Генштаба или крупных чиновников. Держит связь с Рамзаем. Легализована журналисткой-писательницей. Никакие материалы не дает и практически ничего не сделала. По сведениям О.О., внутри Финской К.П. были слухи, что Ингрид в период 1921—1923 гг. была провокатором, состояла в оппозиции в САСШ, знакома с финнами, подозреваемыми в провокаторстве. Расследование производил Артузов и признал это сплетней и вздором.

9) ФРИЦ — радист, работает в РУ с 1928 г., был радистом в Шанхае. Немец, германский подданный, член КПГ с 1927 г. Имеет жену белогвардейку. Легализован как представитель по продаже экспортных товаров из Америки, гл. образом, масляная бумага, велосипеды и пр. Радиостанция работает удовлетворительно.

Резидентура представляет информацию по вопросам организации и состояния японской армии, по экономическим и политическим вопросам, освещает роль Германии в перевооружении япон. армии, переоборудовании военной промышленности и др.

Информация Рамзая весьма неконкретна, а главное, поступает с большим опозданием, когда сущность освещаемого вопроса уже ясна по данным периодической печати. В каждой почте велик удельный вес литературы и прочего старья, скупаемого в книжных магазинах. В лучшую сторону выделяется период конца 1935 и начала 1936 годов. Информация по С. Китайским событиям ценности не имеет.

Изучение деятельности Рамзая в Шанхае и Японии приводит к выводу:

1. Рамзай как наш работник был хорошо известен контрразведке, и его выезд в Японию не мог остаться не засеченным полицией. С переездом Рамзая в Японию курьерами к нему выезжали ДЖОН (засечен полицией), № 108

(по заявлению тов. КАН-СИНА, представителя китком партии в Москве, № 108 провокатор и японский агент).

Рамзай работал в Китае и Японии, был хорошо известен врагам народа Карину, Валину (одновременно были в Шанхае), Боровичу, Никонову и др.

2. Рамзай подозрительно быстро (в течение пары месяцев) врастает в Токийскую немецкую колонию, за это же время становится в приятельские отношения с нем. воен. ат. полковником ОТТ, настолько близкими, что допускается к работе по шифрованию, по ним документов ОТТ не дает.

Надо считать, как минимум, что Рамзай как наш работник немцам известен и ему дают возможность получать и передавать нам материал лишь в мере, необходимой для поддержки у нас доверия к резиденту. Больше вероятностей, что Рамзай сам стал предателем. К этому выводу есть достаточно оснований, а главное то, что нельзя доверять Рамзаю и по политическим соображениям. Рамзай, будучи в Шанхае, принимал фактическое участие в редактировании журнала "Чайна-Форум", проводившего к-рев. троцкистские идейки (вместе с неким Айзике, оказавшимся впоследствии троцкистом). Когда наш резидент в Шанхае Пауль (Римм. — *М.А.*) попытался выяснить политические взгляды Рамзая, последний от обсуждения этих вопросов отказался, мотивируя тем, что он сам работник "Большого дома".

Вывод. Резидентуру Рамзая надо ликвидировать в кратчайший срок. Рамзая, Густава, Ингрид и Фрица вызвать в СССР и тщательно проверить. С остальными связь порвать и от какого бы то ни было использования в дальнейшем отказаться (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*)».

Оценка работы резидентуры «Рамзая» была необъективна. Были забыты или умышленно опущены те высокие оценки, которые давались его информации руководством. И Гендин, и Хабазов признавали, что «полезная коммерческая деятельность» «Рамзая» «известна нашему старшему любимому шефу, и он следит за ней, выделяя ее среди других». Авторы Отчета предпочли умолчать об этом, как и о том, что Зорге и Клаузена руководство намеревалось представить к правительственным наградам.

В Отчете фигурируют и мифические резидентуры, как, например, резидентура «Неда», которую авторы не знают к какой категории резидентур отнести (судя по всему, к нелегальной резидентуре):

Резидентура "Неда" ("Клод")

Нед — японец, ам. подданный, состоял чл. американской компартии, из которой вышел по нашему указанию, завербован «Профессором» в конце 1934 года.

В начале августа т[екущего] г[ода] выехал из Франции в Японию с задачей создать резидентуру по освещению армии, полит. и экон. жизни страны. Легализуется как художник. Имеет широкий круг знакомых. Работник с хорошей перспективой. Дана одна явка на легального работника, после чего связь будет передана на Китай, или Америку (в зависимости от развития событий в Китае).

Вывод — оставить на работе.

Из нелегальных работников в Японии находится "Лакней", китаец, прошел у нас специальную подготовку радиста и послан в Японию как радист в вновь организуемую резидентуру "Морица". Однако Морицу выехать не удалось и сейчас подбирается вместо него другой резидент.

Лакней, сын крупного китайского чиновника, под руководством КПК участвовал в революционном движении. после годичной подготовки в январе т/г приехал в Китай и поступил студентом в Японский университет.

Легальная резидентура "ЧОН" — состоит из 5 человек.

ЧОН — Военный Атташе в Токио, комдив Ринк. Член ВКП (б) с 1928 года, уроженец быв. Курляндской губ., из крестьян. Быв. офицер, окончил Виленское военное училище, с ноября 1915 по 1918 г. был в плену в Германии. В РККА по призыву с 1919 года. За боевые отличия имеет 2 ордена Красного Знамени.

Работает в РУ с 1924 г. Был пом. нач. 3 отд., Н-ком 4 отдела. В Токио находится с марта 1932 года, был пом. резидента "Аякса" с марта 1937 г., руководит резидентурой.

С 1936 г. активные связи с иностранцами почти полностью прекращены со ссылкой "на особые условия момента". Активности в работе за последнее время, вообще, проявляет мало, настойчиво просится в Союз. В биографии не ясен вопрос — где тов. Ринк получил образование? В одной из бесед с оф. японской армии Ринк сказал, что он учился в Парижском лицее, что в послужном списке не отражено.

Лора_— командир РККА, окончил спецфакультет воен. Академии, рабочий. Член ВКП (б) с 1932 г. В РККА с 1921 г., в РУ с 1936. по национальности еврей. В Японию выехал в марте 1937 г на легальную работу по линии Интуриста и имеет задачу изучения людей на предмет вербовки. работать по связи. практически пока ничего не сделал.

Химик — работник РУ, отправлен за рубеж по линии интуриста с задачей изучения состояния хим. промышленности Японии. Химик — член ВКП (б), окончил хим. комвуз, аспирант, окончил Наримановку, был в школе Смирнова. Отправлен за рубеж в мае т/г. Донесений о работе от него не поступало.

СИМА — послан в Полпредство с задачей организовать радиосвязь ЧОНА с Владивостоком, но до сего времени, не по своей вине, связи не установил. Сима — мл. командир, в РККА с 1930 г. В РУ с 1936 г. До этого работал по специальности в ТОФ. Член ВЛКСМ с 1925 г., ВКП (б) с 1929 г. Политически хорошо развит и активен.

БЫСТРЫЙ — работник НКИД. В РККА и в РУ не состоял, на нашей работе раньше не был. К работе практически не привлечен, с политической стороны нам совершенно не известен. Перед поездкой дал согласие помогать нам в работе и был проинструктирован Гудзем и Покладок. В Токио явка была дана на Аякса.

Быстрый — русский, член ВКП (б) с 1929 г., рабочий, окончил Пром. эконом. техникум, вечерний Комвуз и 2 курсы Наримановки.

Вопрос об использовании решить после получения его подробной характеристики.

Резидентура ЧОН должна систематически освещать организацию яп. армии, ход боевой подготовки, уровень технического оснащения армии, строго следить за передвижениями войск, периодически освещать внутриполитическое положенбие в стране. персонально на Чона были возложены задачи вербовки из числа работников иностр[анных] миссий.

С вопросами информации Чон справлялся вп[олне] удовлетворительно, но развертывание событий в С. Китае и первые отправки туда войск из соб-

ственно Японии — проглядел. Имеющийся у него аппарат в должной мере не использовал (помимо перечисленных тт. еще имеет 6 переводчиков, посланных из РУ, которых нужно было использовать как наблюдателей). Задания по вербовке не выполнены.

Стоит вопрос о замене самого Чона — кандидатура подбирается. Агент[урную] сеть ЧОНА — оставить.

Легальная Резидентура "Макса" — 2 человек.

"Макс" — латыш, служащий, член ВКП (б) с 1918 года. В РККА с 1917 года. В РУ с 1921 по 1931 год. Работал в Риге, Берлине, Дании, Данциге, Афинах, Гельсингфорсе, в Риме и Париже. С работы в Париже снят распоряжением Берзина как сильно разложившийся. В Японию послан по линии НКИД в 1934 г., после чего был вновь привлечен к нашей работе, работал под руководством Аякса.

Родители и родственники живут в Латвии. В 1920 2 месяца был в Германии в качестве интернированного. За время работы в Японии ничем себя не проявил. Периодически сообщает о «связях и перспективах», а дальше не движется, несмотря на прямые указания о вербовке.

От дальнейшего использования Макса в качестве резидента в Японии следует отказаться и поставить вопрос о замене его нашим человеком.

ОСИМА — связник. Легализован в аппарате консульства в Кобе. Русский, рабочий, член ВКП (б) с 1925 г., состоял в ВЛКСМ с 1922 г. Служил в РККА с 1927 по 1930 год. После чего окончил Наримановку и в 1935 г перешел на работу в РУ. В Японию отправлен в мае 1936 г. За время нахождения в РУ показал себя хорошим, дисциплинированным работником. За год пребывания в Японии сделал значительные успехи в языке. Политически грамотен. Активен. Может быть использован на самостоятельных встречах с японцами и на разработке отдельных объектов.

"ИНТЕРВЕНТ" — источник, секретарь чехословацкого консульства в Осака. Завербован Максом в 1936 году. Дал нам материал по хим. промышленности Японии — материал признан не ценным.

В настоящее время находится в отпуске в Европе и имеются сведения, что в Японию больше не возвратится. Источник недостаточно изучен, по занимаемому положению в обществе может быть полезным для нашей работы (следует установить связь и использовать на новом месте работы).

В резидентуре значится на разработке "Доктор" и "ИТ", оба немцы, работают на японских химических заводах. Давали Максу в разговоре отдельные интересные сведения. Максу послано задание по освещению нужных нам вопросов... и решение о их вербовке.

Легальная резидентура Виктора — 1 чел.

Виктор — консул в .... Выехал к месту работы в мае месяце. Имеет задачу наблюдение за перевозками из Японии, портовым строительством и изучение людей на предмет вербовки, но пока без права самой вербовки. Сообщений о работе пока нет.

Виктор. Белорус. Из крестьян, служащий. Член ВКП (б) с 1919 г. Работал в разведорганах до 1923 г. С 1923 по 1930 гг. — на зарубежной работе. В 1933 году окончил Наримановку и с этого времени работает по линии НКИД. В составе РУ не значится.

Легальная резидентура "Хасимото" — 3 чел.

Резидент Хасимото. Командир РККА — бригадный комиссар. В Красной Гвар. с 1917, в Кр. Армии с 1918 г.

Окончил Спецфак Воен. Академии в 1928 г., в РУ с 1930 г. Рабочий, член ВКП (б) с 1917 года.

В Корее с января 1936 года. За короткое время пребывания в Корее наладил работу по информации, приобрел связь и завербовал ценного источника «Пиротехника». Желательно оставить на месте.

Полин. — К агентурной работе еще не привлекался. Работает на обработке информационных материалов (журналы, газеты), послан нами для усовершенствования знаний о языке. В РУ состоит с 1935 года, до этого закончил Наримановку.

Полин русский, из крестьян, служащий, с 1924 г. член ВЛКСМ, с 1931 г. член ВКП (б).

Следует оставить за рубежом с привлечением к агентурной работе.

В резидентуре Хасимото состоят:

"Пиротехник" — завербован Хасимото в сентябре 1936 г. Австриец, инженер, работает советником японской фирмы и консультантом яп. завода Кипко. 18 января 1937 года дал первый материал — схему аппаратуры и описание термического способа производства магния — материал ценный. Уехал в отпуск в Японию. Связь была потеряна. Сейчас Хасимото принимает меры к восстановлению связи. Пиротехника следует крепче привязать к нам, активизировать на работе.

На разработке имеется 2-3 человека из иностранной колонии и один японец.

Маньчжурия. На территории Маньчжурии числится 2 легальных резидентуры и 8 нелегальных. Фактически из нелегальных резидентур ни одна не работает и всю нелегальную сеть приходится строить заново.

Нелегальная резидентура № 120 — Максима.

Резидент № 120. Китаец,...

... 123 — Китаец, завербован Гарри в 1935 г., беспартийный, плотник. Давал небольшой ценности материал по освещению жел. дор. перевозок. Передан на связь с 120.

124 — Китаец, завербован Гарри в 1935 г., беспартийный осмотрщик жел. дор., освещал жел. дор. перевозки. Связь передана на 120.

125 — Китаец, завербован Гарри в 1935 г., беспартийный, комиссионер. Освещал жел. дор. перевозки. Работал не долго. Знает русский и японский языки. Передан на связь с п 120».

Следует дать и характеристики резидентур в Китае, приведенные в Отчете, так как через некоторые из них организовывалась связь с нелегальной резидентурой «Рамзая»:

«Краткая характеристика резидентуры в Китае

А. Шанхай.

I. Легальная резидентура "Кристи".

Руководит легальной и нелегальной Шанхайскими резидентурами. На Кристи возложено общее руководство и общий инструктаж резидентур на Севере Китая.

Кристи осуществляет вербовку по линии Шефа (военный атташе — Прим. авт.), Титана (пом. зав. отделения ТАСС. — Прим. авт.) и Леонида.

По линии Титана поступает информационный материал в виде докладов на военно-политические и в/географические темы от китайских либеральных журналистов. Часть этих докладов представляют известную ценность и используются для в/политических обзоров и в/географического описания.

II. Нелегальная резидентура "Гарри".

Резидентура Гарри включает в себя двух основных источников: 209/210 и Коммерсанта. Существует эта резидентура с 1934 г. С провалом Абрама, указанная резидентура не работала в течение 8 последних месяцев 1935 г. Гарри возглавляет эту резидентуру с начала 1936 г.

По линии 209/210 получается документальный материал в виде консульских докладов и консульской переписки Шанхайского и американского консульства.

В подавляющем большинстве, материал средний и малой ценности, однако в нем встречаются и ценные доклады.

По линии "Коммерсанта" мы получали, начиная с осени 1936 года материалы об экономическом проникновении Германии в Центральный и Южный Китай. Коммерсант доставлял оригинальные договора о германо-китайских поставках; кроме того, "Коммерсант" в 1933 году дал рекомендательные письма "Рамзаю", на основе которых построена легализация последнего в Японии.

III. Нелегальная резидентура Роберта.

Резидентура Роберта создана в середине 1936 г. с задачей разработать предложения кит. генерала Ли Ду, имеющего тесные связи с партизанским движением в Маньчжурии. После прибытия Роберта в Шанхай выяснилось, что Ли Ду помимо своих связей с ЧКШ и ЧСЛ — имеет также отношения к японцам и поэтому было решено Роберта с Ли Ду не связывать. Роберту было предложено прочно легализоваться в Шанхае, оставаясь резервным резидентом в распоряжении Алекса.

До сих пор Роберт никаких связей не имел.

В последних письмах в июле и августе Роберту ставится задача перенести свою резиденцию и крышу в Нанкин, где принять связи с "Юнец" и Ольгой.

Никаких материалов резидентура Роберта еще не дала.

IV. Нелегальная резидентура Рамона.

Резидентура Рамона основана в конце 1935 года с задачей работы из Шанхая на Японию. Работа Рамона до сих пор заключалась в устройстве своей легализации. К агентурной работе еще не приступил; материалов от Рамона также не получено.

В связи с ликвидацией ряда резидентур по Китаю и отзывом отдельных работников намечаются следующие организационные мероприятия:

По центральному Китаю:

А — Резидентура Кристи:

а — По группе Шефа — подобрать двух помощников и радиста.

б — Выслать 1 тов. на усиление аппарата ТАСС. Намечен т. Варшавский. С органами НКВД кандидатура согласована, но уже после извещения НКВД получен материал, требующий дополнительной проверки товарища.

в — Группа «Интуриста». Решением Московского Интуриста представительство в Шанхае ликвидируется. От РУ послана просьба о сохранении отделения Интуриста в Шанхае. К посылке намечены т. Свирин и т. Мышкин.

На посылку тов. Мышкина возражений от НКВД нет тов. Свирин согласовывается.

г — На усиление аппарата самого Кристи готовится радист тов. Филиппов и подбирается переводчик.

Б — Резидентура Гарри:

Резидент Гарри отзывается, крыша ликвидируется. Работники Гарри Эрнст и Август отзываются в Союз (Эрнст безнадежно болен). Коммерсант временно законсервирован.

209/210 передаются на связь с Рамоном, впредь до приезда на место нового нелегального резидента».

При работе с №№209 и 210 не следовало исключать, что они были «засвечены» из-за не конспиративной работы «Абрама», и продолжение работы с ними проходило под контролем английской и китайской полиций.

Связь с «врагами народа» привела к ликвидации нелегальных резидентур в Китае:

«ПРИЧИНЫ ЛИКВИДАЦИИ
НЕЛЕГАЛЬНЫХ РЕЗИДЕНТУР В КИТАЕ

1. Резидентура Шиллинга

Шиллинг — владелец торгового предприятия /радиомагазин/ в Тяньцзине, в которое вложено 17.000 долл. Торговля Шиллинга безубыточна. назначение предприятия — база снабжения радиоимуществом наших нелегальных радиостанции в Китае.

Принят на работу в РУ по рекомендации врагом народа Петренко-Луневым, с которым был хорошо знаком и жил у него продолжительное время.

На зарубежную работу отправлялся врагом народа Кариным и Боровичем. За рубежом работал под общим руководством Боровича и с ним неоднократно встречался.

Исходя из этого Шиллинг вызывает серьезное сомнения в политической надежности и требует тщательной проверки.

2. Сен — нелегальный резидент в Тяньцзине, руководит сетью, составленной Камо. Сен имеет торговое предприятие /парфюмерия/ с вложенным в него 3-4 тыс. ам. долл. Торгует с убытком.

На зарубежную работу выехал в конце 1934 г. Двухлетняя зарубежная работа показала Сена как слабого работника, не справившегося с поставленными перед ним задачами. Личное поведение Сена: его связь с русской девушкой из Харбина, беседы с японскими журналистами, где Сен открыто высказывал свои симпатии к Советскому Союзу, вскрыли его перед Китайской полицией, о чем имеются сигналы от наших местных работников.

Сен несколько раз встречался в Тяньцзине с врагом народа Боровичем, который его хорошо знал. Сен отзывается за то, что он с работой не справился и имеются основания считать, что он вскрыт и его дальнейшее пребывание вредно для нашего дела.

3. Гарри — нелегальный резидент в Шанхае, где имеет бар /крыша/ с капиталом 5 тыс. ам. долл.

Гарри происходит из еврейской купеческой семьи г. Лодзи. С 1918-1931 гг. жил заграницей и привлекался по линии РУ Боровичем.

В конце 1934 г. отправлен в Китай Кариным. Поставленные задачи выполнял с большим нажимом с нашей стороны. В работе чрезмерно пассивен. К агентам не проявлял достаточного такта.

Политически не развит, страну не изучил и в обстановке не разбирается.

В связи с тем, что Гарри привлечен и послан на работу Кариным и Боровичем необходимо его отозвать и тщательно проверить.

ВРИД. НАЧАЛЬНИКА 2-го ОТДЕЛА РУ РККА
МАЙОР /ХАБАЗОВ/
НАЧАЛЬНИК 76 ОТДЕЛЕНИЯ
ПОЛКОВНИК /РИММ/
« » августа 1937.
№ ..».

К этому периоду относится и характеристика-навет на «Рамзая»:

«ЗОРГЕ ИКА РИХАРДОВИЧ 6/н

Немец. Род[ился] в Баку в 1895 г. Жил и воспитывался с раннего детства в Германии. Подданство немецкое. Чл[ен] КПГ — с 1919 г. Чл[ен] ВКП(б) — с 1925 г. В РУ с 1929 г.

С 1929 г. по 1933 г. — нелегальный резидент в Шанхае.

С 1933 г. — нелег[альный] резидент в Токио.

В 1935 г. приезжал в Союз на один месяц.

Политически совершенно не проверен.

[Имел связь с троцкистами]* [Судя по получаемым от него материалам]** [Политического]* доверия не внушает. Почта, как правило, загружается легальными брошюрами на японском языке. Материал [получается несвоевременно]* [на немецком языке имел бы ценность, если бы получался своевременно. Однако обычно получаемый материал имеет большую давность.]**

Телеграфная информация не выходит из пределов уже имеющейся у нас информации, получаемой ранее информации Зорге.

[Отмечается нечестность в финансовых делах.]** В [финансовые]* отчеты включает людей, от которых мы фактически ничего не имеем и, несмотря на неоднократные запросы, не знаем этих людей. Включает в отчет ежемесячно расходы на переводчика — никакого же переводного материала мы не получаем.

По своему положению Рамзай мог бы давать нам очень много полезного материала. [По-видимому, из нежелания делать это для нас.]*

[Следует]** Отозвать [и исключить из РУ.]*»

Без подписи и даты.

* Вписано от руки.

** Вычеркнуто от руки.

Авторы даже не удосужились проверить по личному делу сроки пребывания «Рамзая» в Китае: с января 1930-го по ноябрь 1932 г.

Переводчик — Акияма Кодзи («Аки») — использовался Мияги лишь для перевода на английский добываемых японских материалов. Зорге можно упрекнуть лишь в том, что он не считал нужным указывать, что передаваемые им материалы переведены с японского, так как ему это представлялось очевидным.

Для Зорге в это время отъезд в Москву был вопросом решенным.

«Мемо. 2-го октября Рамзай сообщает, что Густава консул отговаривает брать визу через Висбаден. Маньчжурская виза может быть получена немедленно. Так как сам Рамзай при поездке в ноябре, по особым причинам должен будет поехать в Европу через Голландию и Восточную Индию, то ему хотелось бы отправить почту с Густавом.

Последние деньги он получил в июне, о чем сообщил в июле. Из этих денег было приказано передать Ингрид около 1.000 ам. дол. и 40 ам. дол. он должен был передать на легализацию Фрица.

Фриц получил в этом году только в январе через курьера 2.000 ам. дол. и ничего больше. Директор в письме от 21 фев. обещал на легализацию 3.000 амов, но он ничего не получил.

Рамзай считает, что он мог бы обойтись полученными деньгами, если не нужно было бы давать денег на дорогу Ингрид, Густаву и его жене, а также, если бы не нужны были деньги на его личную поездку, а также для того, чтобы оставить некоторую сумму Фрицу, Жиголо, Джо и Отто.

Он просит снова выслать 3.000 ам. дол. вместо 500 на счет Фрица.

Сообщает, что ИНГРИД выезжает из Цуруга 6 окт. В Висбадене будет 9-го, просит обеспечить ее деньгами...»

«Мемо. 5-го окт. Рамзай сообщил, что Ингрид выезжает, приедет в Висбаден 9-го окт. Густав выезжает через Маньчжурию, так как консул препятствовал в выдаче визы через Висбаден.

Просит сообщить о его работе или выезде в ноябре (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Телеграмма была им послана в сентябре 20-го».

«Мемо. Рамзай 8.X.37 г. просит сообщить ему о благополучном приезде Ингрид в Висбаден.

Сообщает, что Густав и его жена выезжают 14-го, в Маньчжурии будут 18-го. Просит найти их в деревне с помощью Ингрид. Указывает, что виза им обеспечена до деревни и что жена Густава едет по другой фамилии, чем он сам, у нее швейцарский паспорт».

«Мемо. **7.X.37 г. сообщено Рамзаю, что в связи с осложнением обстановки на островах и материке Ваша поездка в деревню откладывается до весны.** До этого времени организационные формы Вашей фирмы остаются прежние.Напоминаю основные задачи: своевременное выявление элементов непосредственной подготовки к выступлению против СССР. Примите все меры к сбору достоверных сведений и немедленной информации по вопросам переброск и перегруппировок войск, реорганизации и перевооружения армии, формирования новых частей, внешне и внутриполитическим мероприятиям. Густаву разрешаю ехать через Маньчжурию. Почты с ним не посылать.

Важнейшие сведения из почты передайте кратко телеграммой.

На банк Фрица перевожу из Америки 2000 амов для Фрица и 2000 по Вашей смете до 1 февраля. Деньги переведу по частям. каждое получение подтверждайте телеграфом.

Ваше возмущение запросом о шифре необоснованно. Трудности Вашей работы учитываю полностью, но оставляю за собой право выяснения неполадок в работе».

Можно только гадать, почему было отменено решение отозвать «Рамзая» и ликвидировать резидентуру. Невзирая на связь «Рамзая» с многочис-

ленными «врагами народа», невзирая на уверенность, что он, как минимум, «как наш работник немцам известен» (и даже на «вероятности», «что Рамзай сам стал предателем») резидентуру сохранили. Видимо именно потому, что она единственная, в отличие от резидентур под прикрытием официальных представительств (которые будут ликвидированы с началом войны с Японией), регулярно давала ценную информацию, которая докладывалась руководству страны. Заслуга в отмене приказа о ликвидации резидентуры «Рамзая» и отзыве Зорге принадлежит заместителю начальника Разведупра Семену Григорьевичу Гендину.

В 1955 году М.И. Сироткин вернулся из заключения, был реабилитирован и получил разрешение работать с архивными материалами по резидентуре «Рамзая». Не исключено, что по собственной инициативе (а не по заданию руководства) с 1958-го по конец 1960 года он написал работу «Опыт организации и деятельности резидентуры "Рамзая". Часть 1-я и 2-я. Токийская резидентура 1933—1941 гг.». В любом случае, он был инициатором этого исследования.

Сироткин отказался от предвзятости своих оценок в период своего руководства нелегальной резидентурой Зорге и еще раз проанализировав архивные данные радикальным образом изменил свое отношение к деятельности «Рамзая». В обоих случаях как ранее в 30-х, так и в 50-х он был уверен в своей правоте.

В «Итоговых выводах и заключениях» своей работы он, в частности, отметил:

«1. Документальное исследование деятельности резидентуры 'Рамзая" позволяет, прежде всего, сделать заключение, что "Рамзай" был несомненно добросовестным и честным советским разведчиком.

К такому выводу приводит не только изучение всех обстоятельств и последствий провала и осуждения "Рамзая", но и анализ и оценка реальных итогов деятельности резидентуры — документов и информации, добытых ею за время существования. <...>

2. Оценивая "Рамзая" с точки зрения его деловых качеств, надо признать, что он был энергичным и талантливым разведчиком, умевшим правильно ориентироваться в сложной обстановке, находить в ней главное и решающее и целеустремленно и настойчиво добиваться намеченной цели.

Заслуга "Рамзая" в том, что он в трудных условиях, в мало изученной и сложной агентурной обстановке в Японии, нашел пути к созданию агентурной разведывательной организации и на протяжении долгих 8-ми лет вел эффективную разведывательную деятельность, умело прикрываясь маской классово-чуждого ему германского фашиста.

Не следует, однако, преувеличивать личные качества и способности "Рамзая", относя его к числу "величайших разведчиков", как это делает "Фриц", характеризуя "Рамзая" в своем докладе от 1946 года.

"Рамзай", как разведчик и руководитель агентурной организации, имел свои слабые стороны и существенные недостатки, которые нередко порождали серьезные ошибки — как и в его личном поведении, так и в области организации работы его резидентуры. <...>

3. Реальные результаты разведывательной деятельности токийской резидентуры "Рамзая" заслуживают в целом высокой оценки.

Резидентура выполнила свои основные задачи, снабжая на протяжении ряда лет Центр важными и достоверными сведениями о военных и военно-политических планах и мероприятиях Японии и Германии — по подготовке войны против СССР, что обеспечило правильную ориентировку высшего военного командования и позволило ему заблаговременно предусмотреть проведение соответствующих военно-подготовительных мероприятий.

Особо важные, практически ценные информации были добыты резидентурой в наиболее ответственный непосредственно предвоенный период, а также в течение первых месяцев после начала войны <...>».

Но в 1939 году на допросах Сироткин показывал, искренне и нисколько в том не сомневаясь, что Зорге — шпион, заодно признавая, что и сам являлся «японским шпионом».

В докладной записке от 10 октября 1964 г. на имя Заместителя начальника ГРУ Генштаба генерал-полковника Мамсурова Сироткин писал: «В июне 1937 года я возвратился из Японии (в марте 1936 г. М.И. Сироткин был отправлен на стажировку в Японию для изучения японского языка. — *М.А.*) и был назначен начальником отделения, в котором теперь уже были объединены и агентура, и информация.

Вместе с делами резидентуры "Рамзая" я, конечно, принял и характеристики, данные ему ПОКЛАДОКОМ и КАРИНЫМ.

Вскоре развернулась "кампания" арестов и смены руководящих работников Управления.

После одной из очередных смен руководства РУ нам было объяснено, что главным руководителем и "патроном" РУ назначен ЕЖОВ (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Началась "проверка" всей нелегальной сети, отзывы и аресты нелегалов. Соответственно усилился и нажим на резидентуру "Рамзая", требования оценок и справок на всех работников резидентуры. В основном этим ведал зам. начальника отдела, но временами требовали справок и от нас, начальников отделений. Не раз вызывали и меня и к начальнику отдела, и непосредственно к начальнику Управления и требовали срочных справок, выписок, оценок на различных работников. Хотя я не меньше других находился под "гипнотическим" воздействием отзывов ПОКЛАДОКА и КАРИНА, я не мог не испытывать сомнений и колебаний, наблюдая ежедневно двойственность в оценке «Рамзая» и его работы. С одной стороны, его считали расшифрованным и работающим под контролем японцев, с другой — присылаемые им материалы и донесения получали нередко высокую оценку и сообщались, как достоверные и важные, высшему командованию и правительству.

При всей неразберихе, царившей тогда в Управлении, **я не мог не сознавать, что вся информационная работа по Японии держится в нашем отделении только на материалах и донесениях "Рамзая", так как, кроме его резидентуры, у нас в Японии настоящей агентуры нет**. Каковы бы ни были подозрения и сомнения относительно "Рамзая", связи его с германским посольством и ОДЗАКИ казались мне слишком ценными и перспективными для того, чтобы все это ликвидировать.

Мне было сообщено о намечаемом решении руководства: «Рамзая» отозвать, резидентуру ликвидировать. Было предложено продумать порядок организации этого дела. "Рамзаю" было сообщено о предполагаемом отзы-

ве его. Однако ничего конкретного пока не предпринималось, была отозвана лишь "ИНГРИД".

Но внимание к руководству резидентурой со стороны Центра резко ослабло. Резидентура сидела без денег. "Рамзай" присылал настойчивые и тревожные запросы и просьбы, но все это оставалось без ответа.

Подобное состояние неопределенности не могло не нервировать меня, и на одном из писем "Рамзая" (это было осенью или в конце 1937 года) я написал свое заключение — мнение для доклада руководству. Я просил решить вопрос с резидентурой, так как такое ненормальное положение не может продолжаться: несколько месяцев назад "Рамзаю" обещали орден, объявляли благодарность и расхваливали его работу, а теперь сообщили о намечаемом отзыве, оставили резидентуру без денег, не даем никаких указаний. Если резидентуру сохраним, то надо срочно снабдить ее деньгами, а "Рамзаю" послать ободряющее письмо с указаниями по работе, так как существующее неопределенное положение не отвечает интересам дела (точно формулировку я не помню — этот документ сохранился в архивном деле резидентуры).

Через несколько дней я явился к начальнику РУ для получения визы на какой-то телеграмме. Начальником РУ в это время был ГЕНДИН (мне неизвестна его политическая физиономия и характер его деятельности в органах МВД, откуда он к нам был прислан, но, по моему мнению, он был одним из наиболее дельных и толковых начальников РУ — «временщиков» того периода. Его указания отличались продуманностью и конкретностью, он не уходил от решения сложных вопросов, проявляя уверенность и самостоятельность).

Подписав телеграмму, он вынул из папки письмо Рамзая с моей подписью и спросил: "Вы просите решения, а Ваше-то личное мнение каково?".

Я ответил, что мне известны все компрометирующие «Рамзая» документы, но все же его резидентура добывает ценные материалы, которые мы даем в "спецсообщениях", а ликвидировав резидентуру, мы не будем иметь в Японии вообще ничего. Мое мнение: нельзя ли оставить резидентуру как бы "для проверки", а донесения "Рамзая" тщательно контролировать.

Я уловил, что мое мнение весьма удовлетворило ГЕНДИНА. Он переспросил: "Для проверки? Ну ладно, подумаем". Через некоторое время мне сообщили решение: "Резидентуру "Рамзая" сохранить для выявления тенденции дезинформации. Получаемые от него материалы строго анализировать и проверять. "Рамзая" срочно обеспечить деньгами, написать ему ободряющее письмо, организовать встречу "Рамзая" с нашим связником вне Японии — в Маниле, Гонконге или Сингапуре". Я рассказываю об этом совсем не для того, чтобы выпятить какие-либо мои заслуги в деле сохранения резидентуры — вопрос этот окончательно решался, конечно, не мною. Я упоминаю об этом разговоре потому, что это важно для увязки с моей последующей "предательской" деятельностью в роли "изменника Родины", "японского агента", о чем будет сказано ниже. "Рамзаю" были пересланы деньги, даны указания. Резидентура продолжала работу. От меня больше не требовали справок и характеристик. ... Я продолжал работать в качестве начальника отделения до ноября 1938 года, не догадываясь, что уже имею скрытый штамп «не заслуживающего политического доверия» и что вопросы относительно резидентуры «Рамзая» обсуждаются уже без моего участия. Я не чувствовал, никакого недоверия и со стороны моего непосредственного начальника — начальника

отдела полковника ХАБАЗОВА Н.В. Наоборот, в октябре 1938 года ХАБАЗОВ сообщил мне о представлении меня к правительственной награде и очередному званию полковника и спросил мое согласие на поездку в Японию в качестве ВАТа, сказав, что уже имел разговор о моей кандидатуре и не встретил возражений. Однако ХАБАЗОВ, видимо, был "в стороне от событий". В середине ноября он вызвал меня в кабинет и, разведя руками, предложил сдать дела ПОПОВУ П.А., показав мне полученный приказ об увольнении меня из армии "за невозможностью соответствующего использования". Я был уволен и в течение года ходил без дела, безуспешно пытаясь устроиться на работу, а в октябре 1939 года был арестован».

М.И. Сироткин приписывает себе не последнюю роль в сохранении «Рамзая» и его резидентуры, воспроизводя свою позицию по данному вопросу, высказанную им в разговоре с Гендиным: — «Мое мнение: нельзя ли оставить резидентуру как бы "для проверки", а донесения "Рамзая" тщательно контролировать».

В действительности, как было показано ранее, все было ровным счетом наоборот: Сироткин настойчиво добивался отзыва Зорге и ликвидации токийской нелегальной резидентуры, аргументируя свое мнение и информируя об этом все инстанции.

С ярлыком — «двойника» и с большой вероятностью «предателя» — «Рамзаю» предстояло работать еще четыре года, до своего ареста. И только наличием таких оценок можно объяснить (но не оправдать) пренебрежение к конспирации со стороны Центра при организации связи с его резидентурой.

«Мемо. 13.X.37 г.: Рамзаю сообщено о благополучном прибытии Ингрид».

«Мемо. РАМЗАЙ — ЦЕНТРУ. 15.X.37. № 526: **Просит возвратить его в деревню ранее намеченного срока, в том случае, если он установит до весны, что война против СССР невозможна** (выделено мной. — *М.А.*).

№ 527: Сообщает, что отъезд Густава с женой задерживается ввиду не выдачи советской визы.

№ 530: Просит выслать курьера за почтой — в Гонконг или Манилу, куда от Рамзая будет выслан человек».

«Мемо. ЦЕНТР — РАМЗАЮ. 26.X.37 г.: Запрос, кого он может послать с почтой в Гонконг».

«Мемо. РАМЗАЙ — ЦЕНТРУ. 27.X.37. № 536: Считает, что указание о том, что 2000 амов переводятся по 1 февраля — основывается на уже опровергнутом расчете, предусматривавшем, что месячная смета в 1000 амов должна включать и спец[иальные] расходы, как например, посылку курьеров в Китай, расходы по проживанию и возвращению Ингрид, расходы по отправке Густава с женой.

Указывает, что учитывая эти расходы, фирма останется без копейки к середине ноября. О резервном фонде говорить не приходится.

Вновь сообщенной суммы хватит самое большее до середины января. Директор знает все это, но недоразумения возникли лишь недавно, после того, как 4 года работа шла гладко».

«Мемо. РАМЗАЙ — ЦЕНТРУ. 5.11.37. № 545: Просит принять срочные меры для обеспечения фирмы. Предлагает срочно послать Ингрид в Манилу — за почтой и для доставки резервного фонда. Густав визы еще не получил».

«Мемо. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ. 6.11.37 — № 554: Сообщает, что Густав с женой переедут границу у Отпора в четверг 11 ноября. Просит озаботиться о них, так как у них денег нет».

«СПРАВКА

1. Смета "Рамзая" на 1937 год была составлена ПОКЛАДОКОМ, исходя из денежного отчета "РАМЗАЯ" за 1936 год плюс дополнительное требование "РАМЗАЯ" об увеличении ежемесячной сметы на 490 иен и отпуске 4000 иен в год на курьерскую связь, в общей сложности это дало 55.000 иен. на 1937 год или ок. 15.714 амов.

Отсюда ежемесячная смета составляла 1309, 5 амов.

2. По этой смете "РАМЗАЙ" был удовлетворен из расчета по 1 декабря 1937 г. Это было указано "РАМЗАЮ", и он подтвердил, что сможет "обойтись деньгами до 1 декабря, если не давать на дорогу денег ИНГРИД, ГУСТАВУ и его жене, не оставлять денег на личную поездку и пр.".

3. На расходы по поездке ИНГРИД и ГУСТАВА переведено особо 500 амов, поэтому ссылка "РАМЗАЯ" в телеграмме на расходы по поездке ИНГРИД совершенно неосновательны.

2000 ам. на декабрь и январь месяцы были переведены из следующего расчета:

1/ посылка курьеров в течение этих двух месяцев не предполагалась, поэтому месячный расчет взят из годовой сметы не 55.000, а 51.000 иен, то есть 14571 амов в год или 1215 амов в месяц;

2/ из этой месячной суммы в 1215 амов в связи с предполагаемым отъездом Густава /в ноябре/ и ликвидацией источника РОНИНА, исключены те суммы, которые "РАМЗАЙ" им выплачивал, т.е.:

Густаву с женой — ок. 550 иен

Ронину — ок. 50 иен

Всего — 600 иен или 174 ама.

3/ кроме того, при расчете денег учтено, что смета "РАМЗАЯ" составлялась на основе его отчетов, в которых фигурировала оплата целого ряда лиц, существование которых вызывает большое сомнение, и вербовка и оплата которых Центром никогда не санкционировалась, как напр.: "Друг", "Женщина", "Кйосю", "Переводчик" и др. Оплата их за 1936 год составила ок. 5000 иен /1428 амов/, то есть в месяц ок. 115 амов.

Таким образом, по существу, с месячной сметы в 1215 амов следовало бы сбросить не 215 амов, а 289 амов и перевести "РАМЗАЮ" не 2000, а только 1852 ама на 2 месяца.

4. Если "РАМЗАЙ" будет посылать курьера с почтой в Гонконг, как теперь предполагается, то расходы по поездке Центр должен оплатить. В этом отношении требования "РАМЗАЯ" законны.

5. Необходимо также разъяснить ему причину отказа от намерения создать резервный фонд.

ПРИМЕЧАНИЕ: По справке отделения "Ф", 4000 амов для перевода на банк "Фрица" и "Рамзая" отправлены с почтой "Градову" и "Лютову" /Нью-Йорк — *М. А.*/ 23.10.37 г.

Вр. Нач. 7 отделения — майор СИРОТКИН

3.11.37 г. ».

«Мемо. ЦЕНТР — РАМЗАЮ. 11.11.37 г. — на № 536: Разъясняется, что спецрасходы в смету не включаются, а оплачиваются особо, также и содержание ИНГРИД. 2000 амов на 2 месяца переводятся по обычному расчету, за вычетом лишь содержания Густава и Ронина, в том размере, как Рамзай указывает в отчетах.

Если поедет курьер, деньги будут переведены отдельно.

Рез. фонд в сумме 2000 амов переведем в декабре».

«Мемо. РАМЗАЙ — ЦЕНТРУ. 17.11.37 — № 562: Просит немедленно сообщить о прибытии Густава и связать его с женой для передачи писем и личных поручений».

«Мемо. ЦЕНТР — РАМЗАЮ. 28.11.37 — № 75: Сообщается о прибытии ГУСТАВА. Все запросы передал лично ДИРЕКТОРУ. Посылка жене передана. Деньги переведены на имя ФРИЦА. Фамилии отправителей — дополнительно. Рез. фонд посылаем с курьером, который получит почту. Время прибытия его и порядок встречи — дополнительно.

Висбаден с 30 ноября переходит на дежурство по расписанию, предложенному РАМЗАЕМ. Время по ГМТ».

По указанию Гендина, Сироткин подготовил вопросы и предлагаемые решения к докладу о резидентуре «Рамзая». При этом Сироткин все еще не исключает, что резидентура может быть ликвидирована:

«ВОПРОСЫ К ДОКЛАДУ О РЕЗИДЕНТУРЕ "РАМЗАЯ"

Вопросы/Решение

1. Решение относительно перспектив работы резидентуры "РАМЗАЯ" в 1938 году. **В случае, если эта резидентура будет продолжать работу** (выделено мной — *М.А.*).

Необходимо сейчас же телеграммой /письмо в ближайшем будущем послано быть не может/ сообщить "РАМЗАЮ", что все его просьбы, переданные "ГУСТАВОМ" будут срочно удовлетворены, и в "теплых" тонах дать ему почувствовать, что отношение к нему со стороны Центра не изменилось.

Изменение этого отношения, начиная с мая м-ца, он не может не чувствовать, так как сначала обещали ордена ему и его работникам, а потом поставили вопрос об его отзыве, отозвали "Ингрид" и "Густава" и посадили его самого на жесткий денежный паек.

В случае положительного решения вопроса о продолжении работы его резидентуры, необходимо срочное решение вопросов, указанных в следующих ниже пунктах:

2. Упорядочить вопрос с радиосвязью через Висбаден:

...

3. Срочно выслать курьера к "РАМЗАЮ" для получения почты и передачи ему резервного денежного фонда /5—6 тыс. амов./ и достижения твердой договоренности по вопросу о переводе денег "РАМЗАЮ" на будущее время. Существующий сейчас порядок — перевод денег на банк "ФРИЦА" из Америки сразу по 2 тысячи — неудовлетворителен. Нужно пересылать деньги на имя самого "РАМЗАЯ" более мелкими суммами и более часто, из тех стран, где он имеет представительства от газет. Уточнить вопрос также и о переводе денег на имя "Фрица" — из какой страны это удобнее, исходя из круга его торговых связей. В качестве курьера может быть послан из Китая "КОММЕРСАНТ", который знает "«РАМЗАЯ" и который может его вызвать просто телефонным

звонком из германского посольства /как в свое время рекомендовал «РАМЗАЙ» /. /*Намечен к посылке в качестве курьера «Коммерсант». 2.XII дано указание нач-ку Отд. "Ф" о переводе "Кристи" 5000 — для пересылки в дальнейшем "Рамзаю" в качестве резерва.*/

4. Необходимо окончательное решение относительно использования "РАМЗАЕМ" агентов-японцев: "ДЖОЕ" (Джо. — *М.А.*), "ОТТО", "СПЕЦИАЛИСТА", "КЙОСЮ", "ДРУГА С ХОККАЙДО", "ЖЕНЩИНЫ" и др. "ОТТО" — старый знакомый "РАМЗАЯ" по Шанхаю /резидентура «Абрама» /, приехал вслед за "РАМЗАЕМ" в Японию.

"ДЖОЕ", по ряду данных знает "КЛОДА" по Америке. "РАМЗАЙ" уже ставил вопрос о присылке к нему "друга Чеза", то есть "КЛОДА" в помощь "ДЖОЕ". Очевидно, сам "ДЖОЕ" рекомендовал это "Рамзаю". Есть опасность, что "ДЖОЕ", встретив "КЛОДА", включит его в сеть "РАМЗАЯ".

"СПЕЦИАЛИСТ" — офицер-артиллерист, запасник. Друг "ОТТО". Весьма похоже, что это КАВАИ, который в Шанхае пытался попасть в сеть "АБРАМА". Материалы, которые давал "СПЕЦИАЛИСТ", вызывают сомнение в его добросовестности /выдержки из легальных уставов, преподнесенные под видом секретных материалов, смесь разных сведений по технике, наполовину явно неверных и т.п./.

"ДЖОЕ", "КЙОСЮ", "ЖЕНЩИНА" — имеют какие-то связи с левыми радикальными группами, о чем в 1936 г. сообщал "ГУСТАВ".

В последнее время "ДЖОЕ" был якобы передан для связи "ГУСТАВУ" и через "ДЖОЕ" "ГУСТАВ" держал связь со всеми остальными японцами, за исключением "ОТТО", с которым был связан лично "РАМЗАЙ".

Нужно потребовать от "ГУСТАВА" подробных сведений о всех этих японцах, и вынести окончательное решение об их дальнейшем использовании ("Густав" дал характеристики, которые, однако, не дают ясности: "Густав" не знает имен этих лиц, за исключением "Отто").

25.11.37 М.С[ироткин]».

В «Вопросах к докладу о резидентуре Рамзая» есть ряд неточностей — «Отто» —Одзаки Ходзуми не имел никакого отношения к проваленной резидентуре «Абрама»; «Специалист» — это не Каваи. В целом же в том, что касалось японской агентуры «Рамзая» (за исключением Одзаки и Мияги), у Центра ясности не было.

«ВОПРОСЫ ДЛЯ БЕСЕДЫ С "ГУСТАВОМ"

1. Потребовать от "ГУСТАВА" сообщения важных сведений об оперативных планах Японии на случай войны против СССР /"РАМЗАЙ" телеграммой сообщил, что "ГУСТАВ" должен лично Директору доложить эти сведения/.

2. Спросить, какие "РАМЗАЙ" выдвигает предложения относительно дальнейших организационных мероприятий по его резидентуре, а именно:

1/ предложение "РАМЗАЯ" о посылке к нему нового человека взамен "ГУСТАВА" в качестве помощника и еще одного радиста — для смены в будущем "ФРИЦА". Какие имеются предложения по легализации этих людей /о чем имеются замечания в записках, представленных «ГУСТАВОМ» /;

2/ каким порядком удобнее в дальнейшем переводить деньги "РАМЗАЮ", из каких стран, в каких размерах; можно ли переводить из Америки на тот же банк, что и "ФРИЦУ". /Имеет ли "РАМЗАЙ" в настоящее время какие-либо связи, как корреспондент с Америкой?/. Если только из Европы, то из каких стран /раньше переводили из Голландии/.

3. Предложить "ГУСТАВУ" охарактеризовать источников-японцев, используемых "РАМЗАЕМ":

1. "ОТТО".
2. "ДЖОЭ".
3. "СПЕЦИАЛИСТ".
4. "ЖЕНЩИНА".
5. "КЙОСЮ".
6. "ДРУГ С ХОККАЙДО".
7. "АКИ".

3. Степень их привлечения к работе "РАМЗАЕМ", характер доставляемых ими сведений, способы поддержания с ними связи, профессии этих источников, круг связей. Не являются ли эти источники поднадзорными полиции, поскольку, как сообщал "ГУСТАВ" в 1936 году, почти все они /за исключением "ОТТО"/ связаны или были связаны с леворадикальными элементами. Предложить "ГУСТАВУ" дать в письменном виде характеристику всех этих японцев, указав подлинные имена и фамилии каждого, профессию, место работы и жительства, связи, возможности, характер использования на нашей работе.

4. Спросить, как организована работа рации "РАМЗАЯ". Сколько имеется раций, какие помещения используются в качестве "крыши".

5. Предложить "ГУСТАВУ" написать доклад о военно-политическом положении на Д. Востоке.

6. О дальнейшей работе "ГУСТАВА": какие он имеет предложения относительно организации его дальнейшей деятельности. Как он считает необходимым обставить свое пребывание в Москве в качестве английского корреспондента; предложение о дальнейшей поездке в Европу /в Париж для оформления своих семейных дел и в Лондон по вопросам легализации/. Примерный расчет времени на поездку по Европе.

7. О просьбе "ГУСТАВА" — о принятии его в партию. Дать разъяснение по этому вопросу. В несколько дней этот вопрос решить окончательно нельзя. Сейчас он может подать заявление в нашу парторганизацию, это заявление направим в КИ. Однако, сейчас, когда он едет для продолжения нелегальной работы за рубеж, основным доказательством его настоящей партийности будет его самоотверженная, активная работа на пользу СССР, а не формальное зачисление в ряды партии. Окончательное оформление вступления в ряды партии будет после его возвращения из-за рубежа на более длительный срок в СССР.

Предложить "ГУСТАВУ" уточнить /письменно/ свою автобиографию за период с 1921 по 1931 г. В каких странах жил, чем занимался?

25.11.37 М.С[ироткин]».

Наивным представляется предложение Сироткина «Потребовать от "ГУСТАВА" сообщения важных сведений об оперативных планах Японии на случай войны против СССР», так как «Рамзай» сообщил, что «Густав» «должен лично Директору доложить эти сведения». Об этом «Рамзай» в Центр не писал. Во время личного доклада «Густава» «Директору» далеко не на все вопросы Штейн мог ответить. В первую очередь это касалось японской агентуры, «косвенных работников». Как следовало из вопросов к «Густаву», возвращать его в Японию в Центре не собирались.

Письменная характеристика лиц, входивших в состав резидентуры Зорге, данная Штейном, выглядела следующим образом:

«ХАРАКТЕРИСТИКИ РАБОТНИКОВ РАМЗАЯ

1. Джигало.

Его политическая благонадежность несомненна, как для Рамзая, так и для меня. Служебная дисциплина у него также хорошая. Он чрезвычайно интеллигентен, хотя и не имеет марксистского образования.

Его отрицательной стороной является известное своеобразие его образа мыслей и поведения по отношению к окружающим, которое, правда, в большинстве случаев расценивается как остроумное, но создает ему репутацию человека из богемы. Тем не менее он пользуется любовью и как раз из-за своего своеобразия не вызывает подозрений. Ему едва более 30 лет, и за последние годы он стал значительно серьезнее. Рамзай и я полагаем, что в дальнейшем он хорошо разовьется. В агентстве Гавас он занимает в качестве второго работника хорошее место, так как является дельным журналистом и хорошо отзывается о японских делах. Вместе со своим пацифистски-радикально настроенным шефом Альзотом, известным в качестве самого антияпонски настроенного журналиста в Токио, он высказывался в корреспонденциях по временам слишком резко, но вина в этом всегда приписывалась Альзоту, так как Джигало в столкновениях с представителями мининдела всегда вел себя миролюбиво и ловко. Альзот в данное время уезжает из Токио, и его место займет второй работник агентства из Шанхая Дешатт, известный как беспринципный и неприятный человек, возможно, что при нем положение Джигало ухудшится. Но он намерен в связи с этим умерить антияпонские тенденции информации Гавас из Токио в необходимой для дела мере, от начальника всей дальневосточной сети Гавас Бреаля, находящегося в Шанхае, он как нужный работник пользуется поддержкой.

Джигало хорошо умеет устанавливать дружеские отношения с японцами, и если даже не завоюет среди японских товарищей такого авторитета, как Рамзай, он все-таки в случае нужды явится хорошим связистом, по крайней мере, в переходный период. Жену Дж. я знаю мало. Рамзай считает ее надежной и способной.

Для дальнейшего использования Джигало могли бы подходить Югославия или Франция.

2. Отто.

Рамзай считает его надежным, относя к недостаткам лишь его слишком большую осторожность. Я встречался с ним раз 8—10 и разделяю мнение Рамзая.

Я не совсем уверен, будет ли он активно работать для нас в трудных условиях, но уверен, что он не предаст. Он играет важную роль в иностранной редакции "Асахи", являясь специалистом по китайским вопросам. Он имеет доступ в высшие политические и военные японские круги, очень интеллигентен, тверд в своих марксистских высказываниях и хорошо знает японские отношения. Как раз в последнее время его работа была весьма полезна. Вся его информация оказалась правильной, и важнейшие сообщения были даны заранее, подтверждаясь затем высказываниями Анны или Берты, или получая в них дополнение.

Благодаря информаций Отто повысился авторитет Рамзая как информатора посольства, обычно плохо располагающего сведениями. Поэтому для Рамзая сотрудничество Отто весьма важно (выделено мной. — *М. А.*). Нам кажется, что и преемнику Рамзая Отто будет весьма нужен, тем более что при осторожности Отто можно надеяться на относительную безобидность этой связи.

Отто очень недоверчив, и его дальнейшее использование для фирмы будет в значительной мере зависеть от того, насколько будущие работники сумеют завоевать его доверие и личное расположение. В его отношениях к Рамзаю эти условия налицо.Моя совместная работа с ним также протекала без трений и успешно. Письменных сообщений от Отто мы почти не получаем, но так как он довольно хорошо говорит по-английски и ясно мыслит, устное общение с ним не представляет трудности.

3. Джоэ.

В полной политической благонадежности Джоэ мы, т. е. Рамзай и я, а также Отто, твердо убеждены. Ради работы он пошел бы, не задумываясь на любые трудности. Уже в течение нескольких лет он отдает все свои силы работе фирмы, трудоспособен, интеллигентен и тверд в своем марксистском образе мыслей, и я в течение продолжительной совместной работы не наблюдал у него уклонов от линии партии, хотя марксистская подготовка у него незначительна. В противоположность Отто, он склонен к большому риску. Однако, указания мои и Рамзая о соблюдении осторожности он понимал с течением времени все более и более. Связь с партией он давно прервал и полицией совершенно не преследуется. Будучи способным художником, он производит впечатление человека, серьезно занятого искусством, и, живя бедно и незаметно и имея друзей в буржуазных и даже фашистских кругах, он полагает, что находится абсолютно вне подозрений.

Его болезнь легких за последнее время несколько утихла, но состояние его настолько серьезно, что он часто, несмотря на сильную конституцию, чувствует себя совершенно больным.

Джоэ регулярно поставляет письменные материалы, а также переводы, стоящие ему большого труда. По-английски говорит недостаточно свободно и с ошибками, но когда привыкнешь к нему, то понимаешь его вполне. Если информация Отто черпает свои данные из высших политических и военных кругов, то Джоэ получает ее из широких народных слоев своих многочисленных друзей, давая, таким образом, необходимое дополнение этим материалам. Его сведения дали Рамзаю важный материал, подтвержденный Анной и Бертой, и в случае войны, Джоэ со своими обширными знакомствами окажется, видимо, весьма полезен.

4. Косвенные работники.

Старый друг Отто, "Специалист", дает еще по временам хороший материал по военным вопросам, но в связи со своим буржуазным браком и открытием в Нагойа небольшого предприятия все более обуржуазивается. Однако, при осторожности, свойственной Отто, связь с ним, о сущности которой "Специалист" не информирован, может быть полезной, хотя бы и в уменьшающемся объеме.

"Ронин" после своего освобождения из-под ареста, пребывавший некоторое время в Тяньцзине, находится теперь в Токио, но связь с ним прервана. Он лишь изредка заходит к Отто, который ему по старой дружбе оказыва-

ет помощь. Он длительное время не может быть использован, но ни Отто, ни Рамзай не боятся, что он предаст.

Молодой товарищ, находившийся в институте Охара в Осаке, имени его я не знаю, все еще находится под арестом в Токио. Однако, Отто через друзей точно установил, что его арест не имеет ничего общего с нашей работой и первоначальные опасения Отто в этом отношении совершенно безосновательны.

Пожилая женщина, находящаяся после отбытия ареста некоторое время в связи с Джоэ, более с ним не связана.

Джоэ имеет важную связь с одним пожилым товарищем, выдающимся врачом-специалистом и руководителем большой больницы. Он вне подозрений и много узнает от пациентов из кругов политических, военных, высшего чиновничества, а также среди военных врачей.

Кроме того, Джоэ встречается с лейтенантом Хасимото из японской разведки, принадлежащим к кругу Угаки и располагающим часто ценной информацией. Он глуп и испорчен, но Джоэ он доверяет и, пьянея скорее, чем Джоэ, часто рассказывает ему важные вещи, которые позднее подтверждаются.

Кроме того, Джоэ имеет ряд старых друзей, политически незапятнанных и в личном отношении безупречных, которые сообщают ему сведения о переброске войск и т.п.

За последнее время как особенно надежный и полезный друг показал себя "Хоккайдский друг". Это старый друг Джоэ, проверенный им в течение ряда лет, симпатизирующий нам, но не знающий о связи Джоэ с нами. Он работает в деревообделочной промышленности, мелких буржуа, имеет возможность часто разъезжать, особенно на Севере. Он, видимо, осторожен и интеллигентен, для Джоэ он совершил недавно поездки на Сахалин, в провинции Тохоку и Каназава. Джоэ возлагает в будущем большие надежды на его сотрудничество».

«Молодой человек» — возможно, тот самый «бой», которого «Рамзай» собирался передать на связь «Ингрид».

«19 ноября. Поручение Рамзая: Мы испытываем большие затруднения с деньгами, так как обещанные суммы не переведены, а отъезд Ингрид и Густава вызвал значительные расходы, поэтому Р. вынужден сейчас занимать деньги у Анны и других, что весьма неприятно.

Особенно Р. беспокоится в связи с тем, что он до сих пор не получил крайне необходимые резервные средства на случай войны, хотя международное положение с каждым днем обостряется.

Он убедительно просит выполнить следующие его предложения:

1. По возможности скорее послать жену Густава заграницу, с тем чтобы она могла переслать Р. примерно 1000 ам. долларов и Фрицу около двух тысяч.

2. Немедленно послать курьера в Манилу /Филиппины/ или Голландскую Индию, где его встретит Р. или кто-нибудь из его людей. Было бы, разумеется еще лучше, если бы курьер смог поехать прямо в Японию, но, если это по организационным соображениям невозможно, то указанные пункты подойдут для встречи. Курьер должен привести кроме сумм для ближайшего времени значительную сумму в качестве резерва.

3. Немедленная посылка курьера тем более необходима, что у Р. уже несколько месяцев лежит большая почта, и хранение фильмов, как бы хорошо

они ни были спрятаны, представляет опасность для всей организации. Она состоит из значительного количества чрезвычайно интересных документов от Анны (Отт. — *М.А.*) и Берты (Дирксен. — *М.А.*), Канна (Кауфман — представитель германской авиационной промышленности на ДВ. — *М.А.*) и т. д.

4. Р. просит с данного момента непременно установить регулярную курьерскую связь, так как его личные возможности с утратой трех работников совершенно исчерпаны, а приток новых важных материалов продолжается, и забота о сохранности почты становится все более актуальной.

По нашему мнению, система установления от случая к случаю времени для передачи радиосведений в условиях современного международного положения недостаточна.

...

Р. убедительно просит предоставить Густаву возможность срочно лично переговорить с директором для передачи ему непосредственно некоторых важных сведений от Р.

Р. подробно информировал Густава о своей точке зрения по поводу дальнейшего руководства аппаратом на случай отъезда Р., а также по поводу мероприятий, которые, по его мнению, должны быть осуществлены заранее.

Р. по-прежнему полагает, что его пребывание на посту пока что необходимо. Правда, он полагает, что к марту — апрелю положение сложится так, что его присутствие может оказаться необязательным, в случае, если он убедится, что непосредственная угроза войны отодвинется. В этом случае он будет просить о его срочном откомандировании, так как затруднения все более увеличиваются.

Р. просит, независимо от срока его отзыва, уже теперь позаботиться о заместителе и подкреплении организации, а именно, следующим образом:

1. Как можно скорее должен быть послан второй мастер с тем, чтобы была гарантирована передача сведений, и Фриц в случае надобности мог быть отозван. Так как даже в случае, если Р. не будет на месте, и отношения с Анной, Бертой и т.п. прервутся, от местных товарищей, несомненно, будут поступать важные материалы, имеющие огромный интерес в случае войны. Кроме того, связь с местными товарищами может поддерживаться, если не преемниками Р. и Густава, то Жиголо, так что работоспособный передаточный аппарат должен быть использован и поддержан.

2. Замещение Р. в такой мере, чтобы информация Берты, Анны и др. продолжалась хотя бы частично, невозможно, так как это были отношения чисто частного порядка, устанавливавшиеся в течение четырех лет, и не могут быть за короткое время переданы совершенно новому человеку.

Новая организация должна состоять в идеальном случае из трех человек: один человек для поддержания контакта с абсолютно проверенными и надежными местными товарищами, тот товарищ не должен себя компрометировать в других отношениях. Второй работник должен концентрировать свою работу по информации вокруг иностранцев и третий — руководитель — осуществлять общее руководство и поддерживать связь с деревней.

3. Каково бы ни было решение по поводу новой организации, совершенно необходимо, чтобы, по крайней мере, один из новых людей, возможно, скорее выехал и был введен Р. в курс дела, на случай создания параллельной организации.

4. О возможностях легализации в курсе дела Густав».

«НАЧАЛЬНИКУ 2 ОТДЕЛА РУ РККА
МАЙОРУ т. Х А Б А З О В У.

Представляю денежный отчет Рамзая с 1 января по 1 мая 1937 г. Согласно отчету, за указанный период Рамзаем

получено ....12.618,20 иен
остаток на 1.1.37 г. ....10.851 иена и 2.900 а.д.
Всего за отчетный период................ 23.469,20 иен и 2900 а.д.
Произведено расходов на ....18.995 иен и 2.200 а.д.
Остаток на 1.5.37 г. ....4.514, 20 иен и 700 а.д.

Из вышеуказанной суммы расходов Рамзаем выдано:
Фрицу на легализацию ....2.000 а.д.
Ингрид ....1.100 иен и 20 а.д.
Всего ....1.100 иен и 2.200 а.д.
На курьерскую связь израсходовано ....590 иен.

Таким образом, на непосредственные расходы по резидентуре израсходовано — 17.265 иен, что в месяц составляет — 4.316 иен.

Перерасход по смете за 4 мес. составляет — 1.264 иен.

Перерасход произведен по статьям, непредусмотренным сметой — выдача пособия на ребенка Жиголо, расходы по оплате врачей, оборудование новой мастерской /рации/, покупка фотоаппарата.

Расходы в сумме — 18.955 иен и 2.200 ам. долл. — считаю возможным утвердить.

Нач. 7-го отделения 2-го отдела РУ РККА
Майор /Сироткин/.

Отчет в СУММЕ 18.955 иен и 2.200 ам. дол. /восемнадцать тыс. девятьсот пятьдесят пять иен и две тысячи двести ам. дол/ утверждаю.

Нач. 2-го отдела РУ РККА
/ХАБАЗОВ/».

«Начальнику отделения «Ф»
интенданту 2 ранга т. ИВАНОВУ.

Прошу телеграфно перевести в Шанхай резиденту “КРИСТИ” на имя ген. консула СИМАНСКОГО 5.000 амдолларов /пять тысяч ам. долларов/, предназначенные для пересылки “РАМЗАЮ” в качестве рез. фонда».

«Мемо тел. из Центра Рамзаю от 17.12.37 г.: Уточнение программы работ Висбадена. С 25 декабря Висбаден дежурит по четным дням с 16 до 23 час., по нечетным с 6 до 16 час. ГМТ. Просьба повторить, какую сумму просит выслать на банк Фрица на его имя. Удобно ли послать из Америки».

«Мемо. Из Центра — Рамзаю. № 89 от 21.12.37.: Запрос — когда жена ФРИЦА может выехать в Гонконг. В какой гостинице остановится, под какой фамилией. Желательно, чтобы могла быть в Гонконге 15.1.38. По получении ответа будет указан пароль для встречи».

«Мемо. Из Центра — Рамзаю. № 88 — 19.12.37: 1. Отмечается, что качество информации за последнее время стало выше, но запросам старшего хозяина полностью еще не удовлетворяет. Необходимо максимально использовать связь с яп. Генштабом через ОТТА, ШОЛЛА и ДИРКСЕНА для заблаговременного вскрытия подготовки и проведения военных мероприятий в Китае и, особенно, в Маньчжурии, направленным к подготовке войны против СССР. Стараться вскрыть общие оперативные планы, масштаб и характер

материальной подготовки, состояние финансово-экономической базы, политические настроения руководящих лиц. Частные задачи: выяснить количество, распределение и нумерацию войск в Маньчжурии и Корее подготовку отдельных районов и направлений Маньчжурии к войне против нас...

Пожелание успеха в работе».

«II. Организационные вопросы /*Из записи беседы с Густавом от 23.11.37 г.*/:

а) Возможности легализации в Японии:

Г. и Р. считают целесообразным создание организации из трех человек: шефа — который должен находиться в тени, занимаясь, например, вопросами языковедения, одного работника — по связи с местными товарищами, другого — по связи с иностранцами. Кроме того, он считает необходимым организацию курьерской службы, причем целесообразнее поездка через Америку, так как в противном случае поездка в Манилу должна происходить по японской территории в течение двух дней, что чрезвычайно опасно, имея при себе почту. В частности, необходимо срочно перевезти последнюю почту Рамзая, содержащую ряд весьма ценных материалов военно-технического характера, заснятых Р. у Отта. Хранение этой почты сопряжено с большой опасностью. Г. предлагает послать за почтой т. Ингрид в Манилу, куда может приехать Р. В дальнейшем при работе в Гонконге он /Густав — *М.А.*/может взять на себя поездки в Манилу, но они должны быть сведены к минимуму.

О кн. шифров: Шифровкой занимается Р. и Фриц, последнее время в связи с перегруженностью Р. — почти все время Фриц.

Г. высказывает опасение, что товарищи бессменно используют для шифра одну и ту же книгу.

О рации: Все рации монтировал Фриц. Р. предлагает открыть новую (третью) рацию в доме жены Фрица (Жиголо. — М.А.). Большие затруднения представляет переноска раций».

5.4. «За время с октября 1936-го /прибытие в Японию/ до октября 1937 г. не дала никаких ни информаций, ни наводок, ни характеристик своих знакомств и связей»

(из характеристики Айно Куусинен от 25 октября 1937 года)

После провала «Абрама» Айно Куусинен была отозвана в Москву, где находилась с июля 1935 года до января 1936-го. Сама она писала, что прибыла в Москву в декабре.

«До ноября меня никто не беспокоил, и мне удалось познакомиться со многими журналистами и людьми из высоких правительственных кругов, — напишет Айно Куусинен в воспоминаниях, путаясь в датах и передергивая факты; сроки своего первого отъезда из Токио она перепутает со вторым отъездом. — Но потом вдруг произошло нечто странное. Ко мне домой пришла незнакомая блондинка и сообщила по-немецки, что «наш общий друг доктор» велел мне срочно ехать в Москву, но до этого повидаться с ним. В тот же вечер я должна была встретиться с мужчиной, говорящим по-немецки, в цветочном магазине на площади Роппонги, и он отведет меня к доктору. Женщина сказала также, что я должна срочно подготовиться к поездке в Москву и ехать кратчайшим путем.

Это было выше моего понимания! Разве мне не было сказано, что я пробуду в Японии несколько лет? Отчего же вдруг эти перемены, именно сейчас, когда мне удалось завязать много ценных знакомств? Как же я объясню свой внезапный отъезд знакомым?

Вечером я послушно пошла в цветочный магазин, купила два цветка. Там меня ждал толстый немец. Он не представился, и я не стала спрашивать его имени. Мы взяли такси и приехали в скромную двухкомнатную квартиру Зорге. Он подтвердил сообщение, но причины вызова не знал. Я должна ехать через Сибирь, в Москве остановиться в гостинице "Метрополь", там меня найдут. Затем он попросил передать в Москве несколько сообщений и дал денег на дорогу.

Толстый немец был главным помощником и радистом Зорге (позже я узнала, что его звали Макс Клаузен). Он просил меня сказать в Москве, что может открыть в Иокогаме магазин радиотехники и электротоваров — это будет прекрасная ширма и, кроме того, даст Клаузену средства к существованию. Для открытия предприятия нужно двадцать тысяч долларов (об этой просьбе Клаузена Айно доложит в своем Отчете в ноябре 1937 г.; в переписке «Рамзая» с Центром такая сумма не озвучивалась. — *М.А.*)»**50**.

В докладе Айно Куусинен от 08.1935 г., написанным ею в Москве, после первого возвращения из Японии, нет подробных данных о том, как она обосновала и обставила свой внезапный отъезд. Имеются лишь общие замечания: «сразу уехать я не могла, потому что я создала вокруг себя сеть, и было не совсем легко найти правильную тактику, чтобы разрушить все так, чтобы это не вызвало подозрений и не испортило все».

«Друзьям и знакомым в Токио я объяснила, — напишет она в воспоминаниях, — что вынуждена ехать в Швецию по семейным обстоятельствам и что постараюсь вернуться как можно скорее. Садясь в поезд на Шимоносеки, я поняла, сколько друзей приобрела за год. На вокзале меня провожало около двадцати человек, среди них барон Накано со своей матерью. Как трудно было расставаться с этими людьми и их прекрасной страной!

Путешествие прошло без приключений...

... девять суток однообразного пути через Сибирь, и лишь в начале декабря 1935 г. я оказалась в знакомой обстановке гостиницы "Метрополь". На следующий день после моего приезда в гостиницу пришел офицер четвертого управления майор Сироткин. Я выразила ему свое недовольство тем, что меня так скоро отозвали из Японии, как раз, когда у меня завязались хорошие контакты.

— Но мы решили, что вам грозит опасность, — сказал Сироткин, — и, кроме того, наш новый начальник генерал Урицкий хочет с вами встретиться. Он считает, что вы должны вернуться в Японию.

Я удивленно спросила, где генерал Берзин. Сироткин ответил уклончиво и заговорил о Зорге. (Сбор компромата на Зорге Сироткиным не прекращался. Вывезти «Рамзая» на «чистую воду» стало его навязчивой идеей. — *М. А.*) Сведения Зорге якобы неточны, часто не соответствуют истине. Еще Сироткин сказал:

— Между нами, в отделе полный хаос, даже командование не знает, чего хочет.

Уходя, Сироткин обещал устроить мне как можно скорее встречу с Урицким.

Я всегда заранее старалась выяснить черты характера и уровень образования людей, с которыми мне предстояло встретиться. Поэтому попросила Сироткина описать мне Урицкого. Он не сразу согласился, но в конце концов рассказал, что Урицкий — опытный в делах разведки человек. Во время Гражданской войны командовал конной бригадой... Под конец Сироткин попытался меня приободрить — бояться мне нечего, начальник дружелюбен и образован.

В тот же день я позвонила Ниило Виртанену. Он тотчас ко мне приехал и без обиняков как бы продолжил наш разговор 1933 г., когда я приехала из Америки. Зачем я вернулась? Разве я не знаю о страшных чистках? Берзин уволен, финские функционеры в Карелии отстранены, многие из них арестованы. Если это только возможно, я должна вернуться в Японию, ни в коем случае нельзя оставаться в Москве!.. Виртанен рассказал о своей случайной встрече в августе в Москве с Зорге. Они вместе провели веселый вечер в ресторане гостиницы "Большая Московская". Зорге, как обычно, много выпил и в пьяном виде прямо говорил о своем сложном положении. Ему надоело работать на русскую разведку, но нет возможности отказаться и начать жизнь снова. Он чувствовал, что в СССР он в опасности, но знал, что Германия для него закрыта, там он сразу будет арестован гестапо. Оставалось вернуться в Японию, хотя он и предвидел, что работать ему там оставалось недолго»[51].

В части свидетельства о встречах с Зорге и о встречах с ним ее знакомых «Ингрид», как всегда, последовательна в своей крайне отрицательной характеристике. Сироткин нашел в ее лице благодатный источник компромата.

«Только Виртанен ушел, зазвонил телефон. Это был Отто [Куусинен][52], — продолжает «Ингрид». — Он опечален, что я не приехала к нему, сказал он. Хочет со мной поговорить о каком-то важном деле, но это не телефонный разговор. Не могу ли я сегодня вечером прийти? ... Отто заметно постарел, двигался и говорил медленнее, не так живо, как два года назад. Расспрашивал о моей поездке и жизни в Японии. Но рассказам об оставшихся в Японии друзьях и о моих там занятиях не поверил. Глубоко вздохнув, очень серьезно сказал:

— Когда-нибудь тебя арестуют как шпионку и приговорят к смерти».

Как «вспомнилось» много лет спустя «Ингрид», бывший супруг сообщил ей, что ее вызвали из Японии, потому что Сталин хочет, чтобы она сменила Александру Коллонтай, которая часто «в политическом отношении изменяла нашему правительству» и была заподозрена в троцкизме, хотя и представляла СССР в качестве посла в Швеции. «Ингрид» с негодованием отвергла предложение, не желая в качестве посла в Стокгольме «помогать авантюре, должна идти против моей родины [Финляндии] и ее народа», и предложила бывшему мужу «объяснить это Сталину».

Затем, как она утверждает, ее вызвал на встречу Урицкий, которому она передала содержание своего разговора с Куусиненом и попросила сделать все возможное, чтобы она смогла вернуться в Японию. И вопрос решился таким образом, как она того хотела.

Напоследок Урицкий вновь встретился с «Ингрид» и вновь не дал ей «никакого определенного задания», посоветовав «продолжить занятия японским, завязать новые знакомства» и порекомендовав «избегать» Зорге, «которым Урицкий был недоволен».

«Когда я сказала, что помощник Зорге просит двадцать тысяч долларов, чтобы открыть магазин, генерал сердито воскликнул:

— Эти жулики только и знают, что пьют и транжирят деньги! Не получат ни копейки!

Под конец беседы Урицкий предложил мне написать о Японии книгу, обрисовать в ней в выгодном свете страну и народ — это мне поможет занять определенное положение. Не следует ни в коем случае критиковать японскую политику, наоборот — надо осудить Советский Союз. Подумаешь, одной антисоветской книгой больше — не страшно! В расходах я могу не стесняться.

За эти месяцы у меня набралось немало материалов и снимков, поэтому я охотно приняла предложение издать книгу. Замечательная мысль! Мы условились, что работать над книгой я буду в Стокгольме и уеду туда как можно скорее. Это была моя вторая и последняя встреча с генералом Урицким.

Ни я, ни Урицкий не затрагивали опасную тему о моем назначении послом. Так я и не узнала, что все это значило. Возможно, это были лишь фантазии Куусинена, а Сталин если что и знал, то решений никаких не принимал. Иначе он не отступился бы так быстро. Кроме того, вопрос касался еще и наркомата иностранных дел, да и шведское правительство не должно было согласиться — оно расценило бы мое назначение как вызов Финляндии. Чем же объяснить предложение Отто? Скорее всего, он, во что бы то ни стало, хотел помешать мне вернуться в Японию, опасаясь, что там меня могут задержать как шпиона, а это угроза и деятельности Коминтерна, и ему самому. Тогда я так ни до чего и не додумалась, но в 1938 году, в Лефортовской тюрьме, узнала от одной сокамерницы, что эта идея была не просто выдумкой Куусинена»[53].

То, что Айно Куусинен пишет о своей деятельности в разведке, представляет собой большую долю вымысла в малой толике правды. При этом она не забывает очернить тех, кто ее окружал, — кроме друзей в Японии. За фантастической историей о «желании» Сталина назначить ее послом в Швецию стоит тайное и завистливое желание самой Айно Куусинен оказаться на месте Коллонтай.

Для убедительности Айно Куусинен приводит «свидетельство» М.Я. Фрумкиной (ректора Московского Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского с 1925-го по 1936 год), которая якобы тоже слышала от Радека эту историю[54]. Но Фрумкина была приговорена к восьми годам заключения в августе 1940 г. и умерла в лагере.

Перед руководством Центра встал вопрос о целесообразности ее дальнейшего использования на нелегальной разведывательной работе.

Документов, характеризующих мероприятия по выяснению положения Айно в связи с шанхайским провалом, не сохранилось. Можно считать, что соответствующее расследование предпринималось, и руководство Центра не нашло оснований для каких-либо опасений. Во всяком случае, при обсуждении и планировании дальнейшего использования Куусинен вопрос о прежних ее связях с резидентурой «Абрама» ни разу не возник.

Зато ходили некоторые не вполне ясные слухи: о ее участии в финской оппозиции в Америке, о подозрении в причастности к провокационной деятельности в начале 1920-х, которые, однако, были отвергнуты Артузовым как «вздор» и «бездоказательные сплетни»: «По сведениям, сообщенным АРТУ-

ЗОВУ из ОО НКВД в 1935 году, внутри Финской компартии в 1921-23 гг. были слухи, что она — "Ингрид" является провокатором и что сама она знакома с финнами, подозреваемыми в провокации. АРТУЗОВ в своей записке на имя КАРИНА указал, что считает все это вздором, бездоказательными сплетнями, ссылаясь на рекомендацию работника Коминтерна КУУСИНЕНА и на разговор с ПРОКОФЬЕВЫМ (Г.Е. Прокофьев, с августа по октябрь 1931 — начальник ОО ОГПУ, с июля 1934 — заместитель наркома внутренних дел СССР. — *М. А.*). По тем же сведениям ОО НКВД, "ИНГРИД", работая в Америке, участвовала в финской оппозиции. Сама "ИНГРИД" утверждает, что совершила там лишь тактические ошибки, на что ей и было указано Исполкомом Коминтерна, без наложения на нее какого-либо взыскания».

Какую же задачу предложить Куусинен, куда ее направить? Эти вопросы обсуждались в том числе с самой Айно. Вначале она высказала мнение, что «ехать обратно [в Японию] чрезвычайно трудно», и выразила готовность работать в Америке.

Однако отказаться от дальнейшего использования Куусинен в Японии значило отбросить все, чего ей удалось добиться: обширные и интересные связи и знакомства среди японцев и иностранцев; возможности для восстановления этих связей; перспективу успешной и надежной легализации. В некоем абстрактном смысле решение Центра об использовании «Ингрид» на работе именно в Японии было обоснованно.

При наличии там единственной нелегальной разведывательной резидентуры едва ли было целесообразно включать в ее состав еще одного звена. Тем более что Центр, исходя из соображений конспирации, старался, как он это понимал, оградить «Рамзая» от провала, ограничив его связи немецкими «друзьями». Передача «Ингрид» в состав резидентуры была неоправданной и непредсказуемой по своим последствиям. К тому же Айно Куусинен не имела опыта нелегальной разведывательной работы и была в этом отношении совершенно беспомощна. Таким образом, Зорге должен был ее обучать, инструктировать и направлять, что, учитывая загруженность резидента и чрезвычайно завышенное о себе мнение Куусинен с «опытом нелегальной партийной работы», было невыполнимо и заранее обречено на неуспех.

Но Центр, не учитывая не просто отрицательные, но таившие в себе потенциальные угрозы, решил вновь направить Айно Куусинен в Японию.

«ПЛАН РАБОТЫ ТОВ. ИНГРИД

Тов. Ингрид направляется в Японию для работы в качестве пом. резидента-вербовщика к Рамзаю.

I. Маршрут поездки. Тов. Ингрид едет на шведском паспорте на имя ____________ через Вену в Париж, где меняет свой паспорт на другой шведский на имя ________________________, по которому она и раньше жила в Японии. После урегулирования вопросов легализации в Копенгагене и Швеции ИНГРИД едет в Японию через Париж-Суэцкий канал.

2. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ. В виду того, что т. ИНГРИД жила уже несколько месяцев в Японии в качестве писательницы, она может вернуться туда только в том случае, если в печати появятся ее работы. За время пребывания в Японии т. Ингрид написала ряд очерков по Японии. Эти очерки она отредактировала, и они готовы к печати на английском языке. До приезда т. Ингрид в Японию эти очерки должны быть изданы в Швеции на шведском языке. Поэтому т. Ин-

грид имеет задачу в Копенгагене и в Стокгольме провести эту операцию, добившись того, чтобы очерки были приняты каким-либо издательством, или же издать за свой собственный счет книжку очерков. До того т. Ингрид должна дать очерки в перевод. После издания книжки и параллельно с этим т. Ингрид должна во что бы то ни стало заручиться корреспондентской карточкой какого-либо более или менее солидного журнала или газеты и, по возможности, получить литературные или журналистские поручения из Скандинавии на Японию.

Для выполнения этой задачи т. Ингрид разрешается в случае необходимости израсходовать до одной тысячи ам. долларов.

После окончании подготовки легализации в Скандинавии т. Ингрид направляется в Японию в качестве литератора, желающего написать основательную книгу о Японии для чего она хочет изучать японский язык. Наряду с этим, она является корреспонденткой одной или нескольких газет или журналов. О своем желании заняться изучением японского языка т. Ингрид уже говорила в Японии. Для того, чтобы подготовить эту версию, т. Ингрид пишет из Швеции письмо своим бывшим японским знакомым с запросом об этом деле.

3. ЗАДАЧИ. Т. Ингрид направляется в Японию с задачей завербовать одного, двух источников из чиновников или офицеров военного министерства или генштаба, которые имели бы возможность освещать вопросы подготовки мобилизации, переброски и сосредоточения войск на континенте. С этой же целью она, в первую очередь, обязана выполнить подготовительную работу:

а /изучить иностранные колонии Японии с задачей выявления возможных объектов вербовки среди иностранцев для получения сведений и материалов о Японии;

б/ изучение тех же колоний с задачей завязывания связей, могущих дать путь к японцам;

в/ изучение японского окружения знакомств с целью выявления возможных объектов вербовки.

Для выполнения этой задачи т. Ингрид обязана крепко осесть на месте, солидно легализоваться до[для] того, чтобы, не возбуждая подозрений, иметь возможность продержаться в Японии возможно длительное время...

Всю эту работу т. Ингрид проводит под руководством т. Рамзая.

4. СВЯЗЬ. Т. Ингрид связывается с Рамзаем в Токио. Рамзаю будут даны указания связаться с Ингрид. Связь с центром через Рамзая. Для легализации своих источников существования т. Ингрид вкладывает в какой-либо Европейский банк полученную ею на проведение легализации в Европе две тысячи долларов и для постоянного хранения в банке сумму в 1500 амд., каковые по ее требованию будут переводиться по месту ее пребывания...

Нач. 2-го Отдела РУ /Карин/.

25 января 36 г.».

Задача, поставленная перед Куусинен, — завербовать одного/двух чиновников или офицеров военного министерства или генштаба — была заведомо невыполнима. После февральских событий 1936 г. обстановка в стране и армии усугубилась, особенно в отношении иностранцев. Офицерам действительной службы было запрещено иметь какие-либо контакты с иностранцами. В равной мере это относилось и к гражданским.

«ДОПОЛНЕНИЕ К ПЛАНУ РАБОТЫ т. ИНГРИД

I. Для связи Ингрид с Центром даются два адреса:

а/для корреспонденции из Европы: Москва. Гостиница "Метрополь". Джемсу Коппер.

б/ Для корреспонденции из Японии: Москва. Гостиница "Националь". Джону Джафферс.

в/ Москва. Госпитальный вал, 5, корпус 4, кв. 140. Шухман.

Эти письма Ингрид подписывает Joan.

2. На случай, если по каким-либо причинам Ингрид не сможет связаться с Рамзаем, дается ей следующая явка к нашему работнику.

Наш работник пишет из Кобе на "Империал отель" в Токио Елизабет Гансен письмо с упоминанием даты встречи и подписывает его именем "Людвиг". Действительный день встречи будет на два дня раньше указанного числа в письме /например, если в письме будет указано 27, то, в действительности, встреча должна произойти 25-го/.

Место встречи: "Лобби-балкон" /2-й этаж/ в "Империал Отеле" в 17 часов. Для удобства опознавания Ингрид должна быть во всем белом /шляпа, платье, туфли, перчатки и т.д./, на левой стороне груди — красный цветок. На столе перед ней "Japan Times" /в сложенном виде/. Отличительные признаки нашего работника: в левом верхнем кармане пиджака торчат синяя ручка / вечное перо/ и золотой карандаш; на пальце левой руки он имеет кольцо с коричневым камнем-печатью.

Наш работник подходит к Ингрид и говорит: "Добрый день, мадам. Я не ожидал Вас встретить здесь. Я надеюсь, что вы меня вспомнили и Людвига также" /Good afternoon, madame. I did not expect to see you hear? I hope you remember me again and Loudwig too.Ингрид отвечает: "Конечно, я вспоминаю Вас. Не так давно я встретила Людвига и Мери" /Of course, certainly, I remember you not long ago I met Loudwig and Mary/.

3. Остановки Ингрид в Европе:

а/ в Копенгагене — "Гранд Отель". Элисабет Гансен (имеется в виду, что к этому времени Куусинен уже перешла с одного шведского паспорта, по которому выезжала из Москвы, на другой паспорт. — *М.А.*).

б/ в Париже — Фриндлянд авеню. "Наполеон Отель". Элисабет Гансен».

Представляется неоправданным обуславливать связь на гостиницу «Метрополь» в Москве. Встреча по условиям явки чрезмерно насыщена опознавательными признаками «нашего работника», с его вечным пером, золотым карандашом и кольцом с печатью. А что если бы какого-нибудь из этих элементов у связника не оказалось или связник перепутал и вставил «синюю ручку и золотой карандаш» в правый, а не в левый верхний карман, или забыл надеть на палец левой руки кольцо? Как следовало поступать в этом случае «Ингрид»?

«ДОПОЛНЕНИЕ К ПЛАНУ РАБОТЫ ИНГРИД:

... 3. Взаимоотношения Ингрид с Рамзаем.

1. ИНГРИД назначается в качестве помощника к Рамзаю и выполняет поставленные ей задачи под его руководством. Однако РАМЗАЮ и ИНГРИД запрещается передавать друг другу свои связи и использовать одних и тех же источников. РАМЗАЙ и ИНГРИД ответственны за недопущение переплетения этих двух частей организации.

2. Легализация Ингрид производится независимо от РАМЗАЯ.

3. ИНГРИД не входит в круг немецких связей РАМЗАЯ и завязывает связи в немецких кругах независимо от него.

4. ИНГРИД разрешается только устная военно-политическая и политическая информация РАМЗАЮ для передачи Центру.

5. Встречи с РАМЗАЕМ: не более одной встречи в месяц при сохранении самой глубокой конспирации.

6. Связь ИНГРИД с Центром производится через РАМЗАЯ. Последний обязан предупреждать ее заблаговременно об отходе почты и получать от нее письменные донесения и денежную отчетность для Центра...

Поместив в какой-либо Европейский банк некоторую сумму, Ингрид сообщает Центру через Сименсо название этого банка и № текущего счета ее.

1. Использовать Ингрид в качестве курьера можно, но не чаще 1 раза в полгода».

Включение «Ингрид», не имевшую опыта нелегальной разведывательной работы (предшествовавшая работа в Японии не в счет) и попавшую в разведку по протекции мужа, создавало предпосылки для провала резидентуры «Рамзая». Разведывательные возможности «Ингрид» были весьма гипотетическими. Непродуманные действия Центра не оправдывает и тот факт, что после провала «Абрама» руководство 2-м отделом исключало возможность организации связи через Шанхай и не видело иной возможности построения связи с Куусинен, как через резидентуру Зорге. Отсутствие, по оценке Центра, других возможностей и путей связи «Ингрид» с Москвой, никак не оправдывало принятое решение связать ее с эффективно действовавшей нелегальной резидентурой.

Справедливости ради следует сказать, что вопрос о целесообразности передачи «Ингрид» на связь «Рамзаю» вызывал некоторые сомнения и у руководства Центра.

В письме Центра «Алексу» от 25.7.36 г. запрашивалось мнение последнего: «Ингрид свою работу должна проводить с помощью и под руководством Рамзая. Иду на это не очень уверенно. Подумайте и сообщите мне: стоит ли к Рамзаю подвешивать эту верную, но несколько беспокойную даму».

И все же связь с «Ингрид» и непосредственное руководство ее деятельностью были возложены лично на «Рамзая».

Невозможно признать целесообразным решение о связи «Ингрид» с «Рамзаем» и ежемесячное проведение их встреч. Что же касается передачи писем и отчетов, то наиболее рационально было связать «Ингрид» с «Эдит» или «Гертрудой» или даже с «Жиголо». Прикрытием и официальным обоснованием связи с «Эдит» мог быть ее «салон датской гимнастики», с «Гертрудой» — общность профессиональных интересов женщин-журналисток. Любая из них могла вступить в женский интернациональный клуб, членом которого была «Ингрид».

Знакомство и встреча с Вукеличем могли быть обоснованы профессиональным профилем его как журналиста-искусствоведа, что в значительной мере отвечало направлению творчества писательницы «Ганссон». Поддержание любого из этих знакомств «Ингрид» было легендировано.

Реализация «Плана работы тов. Ингрид» шла успешно. «Ингрид» выехала из Москвы 26 января 1936 г. и благополучно добралась до Стокгольма. «Там сняла номер в "Гранд-отеле" и сразу принялась за книгу о Японии. Писала по-

шведски. Назвала ее "Det leende Nippon" — "Улыбающаяся Япония". Название должно было передать основную мысль книги: Япония — восхитительная, солнечная земля, японцы — удивительный народ. Я хотела целую главу посвятить буддизму, попытаться рассмотреть влияние восточной философии на мировоззрение японцев. Работа двигалась удивительно быстро. Через две недели книга была готова»[55].

На самом деле книга была написана на английском языке. И Айно Куусинен организовала ее перевод на шведский, проявив энергию и настойчивость. Ей удалось установить знакомство с двумя видными шведскими писателями — Фрейденталем и Руби. При их содействии книга была принята к изданию.

«Дорогие друзья. 11.5.1936. Только сейчас я получила окончательную информацию от старого Рубе: Свенсон ответил, что он напечатает мою книгу в течение 4-х недель, начиная с 14 мая, а это означает, что книга будет готова около 15 июня, общая сумма расходов около 4 000 шведских крон, то есть не более 1 000 ам. долларов.

ИНГРИД».

«Тов. АЛЕКСУ.

При сем пересылаю очередной доклад Ингрид. Она просила передать дополнительно, что ее книга уже почти готова, она ее сегодня видела и очень довольна: она производит очень эффектное впечатление, издана тщательно и изящна. Окончательно готова она будет через 2—3 дня. Она немедленно пошлет ее своим "друзьям". Следующей почтой я перешлю Вам 2 экземпляра книги и, если к этому времени появятся, рецензии на нее.

У Ингрид в связи с этим настроение бодрое, боевое. По окончании всех связанных с книгой дел она уезжает из Стокгольма, будет жить за городом и только приезжать на встречи со мной, т. к. в ожидании Ваших инструкций ей здесь больше делать нечего, а проживание в гостинице обращает на себя внимание.

9.6.1936 г.

Привет и наилучшие пожелания. ШАРЛОТТА».

«Шарлотта» — Надежда, жена А.П. Улановского, нелегального резидента Разведупра в Дании, арестованного в феврале 1935 г. из-за несоблюдения правил конспирации.

Вместе с тем «Ингрид» не удалось, во исполнение поручения Центра, заручиться корреспондентской карточкой «солидного журнала или газеты» и тем более «получить литературные или журналистские поручения из Скандинавии на Японию».

Мемо: «19 июня 36 г. дано тел. указание Ингрид (через Шарлотту) в Стокгольм о том, чтобы она выезжала к местоназначению, обязательно с заездом в Шанхай, где должна остановиться в Park Hotel. На третий день после ее приезда, не считая дня прибытия, в 5 часов дня в кафе "Bianchi" на Nankin road 154 состоится встреча с нашим товарищем. Пароль: "Продали ли Вы права на Вашу книгу о Японии на Францию" тчк Ингрид отвечает: "Почти продала, но согласна выслушать Ваше предложение". Контрольные явки через каждые три дня.

Верно: Б. Гудзь. 29.VI.36».

«6.9. Установлена связь Артура с Ингрид. Справка: 29 июля Шарлотта телеграфно сообщила в Центр о выезде Ингрид в Шанхай на пароходе "Контэ Вердэ". Эта телеграмма не была сообщена работниками 1-го отдела нам. Об этой телеграмме мы узнали только 7 сентября».

«Артур» — Шулькин, секретарь военного атташе при полпредстве СССР в Нанкине. Такой встречей закладывались предпосылки к провалу: с нелегалом встречался разведчик под прикрытием, который, ко всему прочему, приезжал в другой город. Иллюзия безопасности при встрече в международном сеттльменте в Шанхае — провал «Абрама» ничему не научил.

«13.9. Шарлотта сообщила, что Ингрид прислала телеграмму с извещением, что она оставлена в Шанхае без связи»;

«14.9. Послан запрос Алексу с указанием выяснить, в чем дело, и сообщить, когда установлена связь и кто поддерживает ее в настоящее время».

25 августа Айно Куусинен прибыла в Шанхай.

«Дорогие друзья. 20.9.36.

Я прибыла в Шанхай 25 августа, но не могла двинуться дальше, так как, что Вам уже известно, я не смогла связаться с нашими друзьями. На третий день приезда и далее каждый день я являлась в назначенное место, надеялась встретить друзей. После четвертого раза я решила, что что-то неладно, и послала Вам телеграмму с уведомлением, что я без связи; одновременно я являлась в назначенное время и пила мой послеобеденный кофе...

По прибытии сюда меня посетили корреспонденты газет и попросили мою фотографию. Итак, мой портрет красовался в двух больших газетах города, а благодаря этому я приблизилась к "лучшим" людям города…

12 сентября я встретила нашего дорогого друга…».

«Дорогим другом», судя по всему, был «Алекс».

«28.9.36. Алекс телеграфировал, что 29.9.36 Ингрид выезжает к месту работы в Самоедию. Первая встреча обусловлена с ней без разговора и подхода, но только для проверки прибытия Ингрид в кафе-вестибюль Империал Отель 9 октября 1936 г. в 5 часов вечера».

«21.10.36 г. Рамзай сообщил, что Ингрид прибыла в Токио, но пока он ее не встретил. Все идет хорошо и по плану».

Шведская писательница Элизабет Ханссон (Ганссон), намереваясь написать книгу о Японии, начинает изучать японский язык, культуру, литературу, искусство. Представитель японской аристократии — князь Набесима, — покровитель иностранцев, изучавших японскую культуру, рекомендует «Ингрид» посещать Тайский университет для изучения буддийской философии. «Ингрид» начинает занятия под руководством профессора Ябуки и добивается значительных успехов. В японских газетах появляются заметки и фото: «Элизабет Ганссон сдает экзамены профессору Ябуки по философии буддизма».

Айно Куусинен расширяет круг знакомств среди японских журналистов, деятелей культуры и искусства, дипломатических работников и представителей местной аристократии.

Наиболее интересные из этих знакомств:

I) Накано Горо — заведующий иностранным отделом редакции газеты «Токио Асахи». Отношения с ним постепенно становятся весьма дружескими. Он очень расположен к «Ингрид», нередко, по словам самой Айно, ведет откровенные разговоры на военные и политические темы.

Он «обеспечивал ей доступ повсюду, куда она хотела попасть». В частности, в числе немногих иностранцев, она присутствовала на банкете по случаю перелета Токио — Лондон японского самолета «Камикадзе» и была представлена военному министру и высшему офицерству. «Ингрид» расценивала дружбу с Накано как весьма перспективную в смысле возможности получения ценной информации.

2) Уехара Уратаро — генеральный директор газеты «Джэпэн Таймс», сотрудник японской разведки. «Ингрид» знала Уехару еще со времен первой поездки в Японию (в 1934 г.), писала ему из Стокгольма и послала свою книгу. Отношения с ним строила выдержанно и умело. Уехара предупреждал «Ингрид» о необходимости быть осторожной с иностранцами, которые пытаются использовать неопытных людей, и рассказывал ей кое-что из практики своей разведывательной деятельности в Сибири и Сингапуре.

Возможности того, что Уехара являлся подставой японской контрразведки, Куусинен не допускала, а в Центре на этот факт не обратили внимания.

3) Мурата — японский дипломатический работник, представитель политических воззрений современных «самураев».

4) Умевака Кагефура — знатный дворянский драматург, пользующийся большой популярностью и авторитетом в Японии. «Ингрид» посещала его мистически-религиозную школу, изучая различные древние обычаи и традиции Японии. Совместные с ним фото, помещаемые в газетах, были весьма полезны для укрепления положения Айно Куусинен.

5) Князь Кобаяма — президент международной культурной ассоциации.

6) Графиня «Като» и ее дочь.

7) Граф Ядзу — президент интернационального клуба.

8) Ваккари — японка, преподавательница «Ингрид» по японскому языку, жена итальянского профессора Ваккари. По мнению «Ингрид», сам Ваккари состоял на службе у итальянского правительства, а его жена — у японской полиции.

Из иностранцев заслуживали внимания следующие новые знакомые:

1) Итальянец Маррас — директор пароходной компании «Ллойд Трестино», майор, сотрудник «Интеллидженс Сервис». Направлен в Японию для учреждения в Иокохаме филиала компании.

2) Канадец Синклер — президент пароходной компании «Канадиен Пацифик Лайн».

Ряд других японцев и иностранцев, не представляя интереса в качестве объектов разработки, были полезны для укрепления общественного положения «Ингрид».

«Ингрид» вступила в местный иностранный женский клуб и «Международную культурную ассоциацию», где изучала японскую драматургию.

Как журналистка она дает ряд статей, помещаемых в газетах и журналах («Нити-нити», «Токио Асахи», «Умевака но Драма»). Накано пишет и помещает в журнале статью об «Ингрид», ее учебной и творческой работе и т. д. «Ингрид» постепенно приобретает достаточно прочное общественное положение, позволяющее ей рассчитывать на беспрепятственное длительное пребывание в Японии.

В кругу «друзей» она ведет себя весьма осторожно, точно следуя легенде. Интересуется только вопросами японской культуры, искусства, философией буддизма, древними обычаями японцев, ей совершенно чужды вопросы

политики. «Ингрид» часто устраивает у себя небольшие вечера («ти-парти»), приглашает друзей, японцев и иностранцев, подбирает их с определенным расчетом, чтобы «стихийно» вызвать обсуждение политических вопросов. Приглашая японца-разведчика Уехара и японца-дипломата Мурата, она в качестве собеседников зовет в гости англичан, которые тут же заводят споры. Перед «Ингрид» открывается возможность получить спектр мнений, не обнаруживая своей заинтересованности. Правда, все это ничем не подтверждается, будучи голословными утверждениями самой «Ингрид».

Действуя по плану Центра, «Ингрид» установила связь с «Рамзаем», встречаясь с ним ежемесячно у него на квартире, передавала через него письма в Центр, сообщала, по ее утверждению, Зорге свои наблюдения и сведения, почерпнутые из разговоров.

«Выписка из письма центра Алексу от 14.12.36 г.: Рамзаю предлагалось также продумать вопрос передачи Отто и специалиста Ингрид, тем не менее, судя по сувенирам и гитарам Рамзая, паутины он до сих пор не порвал, а по вопросам передач своих туземцев Ингрид он пока молчит».

«Мемо. № 10 от Алекса от 5.1.37 г.: Сообщает, что Отто и Специалист связаны с Джо. Считает, что устанавливать связь Ингрид с знакомыми японцами Рамзая нецелесообразно. Очень опасно поддерживать светской даме связь с невлиятельными японцами. Просит подтверждения передачи японской группы Густаву, что он считает более целесообразным».

По вопросу о нецелесообразности передачи японских связей Рамзая — Ингрид имеется резолюция Артузова: "По-моему, Алекс прав". 6.1.37».

«Мемо. 17.1.37: Рамзай телеграммой № 333 сообщает, что с Ингрид все в порядке /он снабдил ее деньгами/».

«Выписка из письма Центра Рамзаю от 21.1.37 г.: ... 6. Жду от Вас информации о положении Ингрид, условиях ее пребывания, о работе, знакомствах и возможностях. Давно уже не имею от нее сведений. Передайте ей мой самый горячий привет».

«Выписка из письма Центра Алексу от 21.1.37 г.: ... 22. Ингрид. До сих пор не имею сведений о работе и об условиях пребывания Ингрид в Самоедии. Передайте Рамзаю, что я жду самого детального доклада об этом. Я намеревался передать Ингрид двух работников Рамзая: Отто и Специалиста, потому что полагал, что эта группа не связана с Густавом и Джо. Если это так, как сообщаете Вы, тогда, конечно, целесообразно передать самоедскую группу Густаву. /Кстати, Отто работает в газете Асахи и знакомство Ингрид с ним никаких подозрений вызвать не может./ В дальнейшем Отто предположительно должен быть выделен в самостоятельную группу со Специалистом и другими самоедами, которых, возможно, подберет Отто. Меня беспокоит вопрос денежного обеспечения Ингрид. Сделать вклад на ее текущий счет в Осло не удалось, так как она сообщила мне не то имя, под которым она сама сделала вклад. Я прошу уточнить ее имя, указанное в ее текущем счете».

В своем письме, отправленном в Центр в январе 1937 г., «Рамзай» выражает недоумение по поводу решения о передаче Отто на связь «Ингрид» и требует разъяснений на этот счет, приводя аргументацию, подтверждавшую непродуманность и нелепость подобного решения.

«Выписка из Письма Рамзая янв. 1937 г.: ... 2. Вопрос Отто: Викс (так, из соображений конспирации, называет себя Зорге. — *М.А.*) будет поддерживать связь, пока он не получит определенного указания об аннулировании дого-

воренности с Алексом о передаче Отто. Тем более что передачи связи Ингрид на сегодня еще невозможна. Ингрид еще не достигла такой ступени, чтобы принимать такого рода связи. Пожалуйста, не забывайте о том, что ее основная работа по легализации находится лишь в стадии развертывания. Кроме всего прочего, для местного человека еще более трудно встречаться с такой важной дамой, чем это было до сих пор. И, наконец, Ваше указание противоречит письменной инструкции, которую Викс ранее получил из дома. В этих инструкциях задачи связи и задачи Ингрид были так четко очерчены и Виксу в этом отношении были даны четкие указания, что остается спросить, собираетесь ли Вы отказаться от Ваших прежних инструкций или оставляете их в силе. Викс просит дать на это точный ответ.

К этому письму прилагается письмо Ингрид. До сих пор Викс, согласно письменной инструкции, ограничивался лишь внешней связью с Ингрид. И она, со своей стороны, считает невозможным иметь какие-либо связи с местными, кроме абсолютно легальных, несмотря на полученные дома инструкции. До сих пор Викс дал Ингрид 800 иен. Он просит урегулировать ее финансовые вопросы в том направлении, чтобы она от него не зависела.

Рамзай.

Январь 1937 г.».

«Письмо Ингрид. янв. 1937 г.

Мои дорогие друзья.

Я пришла к моему другу, не зная, что почта как раз сейчас уходит, тем не менее я решила написать Вам несколько слов, чтобы сообщить, что моя жизнь проходит согласно указаниям нашего директора.

Ничего особенного не случилось, и мое пребывание здесь достаточно укрепилось. Я принадлежу к высшему обществу и занимаю очень прочное положение. У меня много друзей среди туземцев, и я пользуюсь их доверием. Я живу не в гостинице, а имею прекрасный маленький домик, и, бывая в обществе, я сама принимаю у себя моих друзей. Моя фотография помещается почти каждую неделю в газетах, журналах и т.д. Я занимаюсь изучением "культуры и языка" в большом институте. Та книга была переведена на язык данной страны, и цена ее большая /я имею в виду ту маленькую книжку, которую Вы имеете/.

Круги, в которых я вращаюсь, имеют связь с иностранцами, среди которых я сейчас имею несколько друзей и пытаюсь идти и дальше.

... Обязанная Вам Нигрид».

Айно подписала письмо старым псевдонимом, который у нее был в первой командировке — «Нигрид». Она ведет полный светских развлечений образ жизни, утверждая при этом, что ее жизнь «проходит согласно указаниям нашего директора».

В Центре между тем образумились по части передачи Одзаки Куусинен. Не исключено, что это было связано с освобождением Артузова от должности заместителя начальника РУ РККА.

«Выписка из письма Центра Рамзаю от 21.2.37 г.: Ингрид никого из туземцев не передавайте, об этом было дано дополнительное указание через Алекса и оно, вероятно, Вам известно. Все установки в отношении Ингрид остаются в силе.

4. Я ожидал от Ингрид подробного отчета и письма, но не получил ни того, ни другого. Буду ждать с будущей почтой, а Вас попрошу предупреждать заранее, чтобы она имела достаточно времени в своем распоряжении для доклада Центру. На ее текущий счет в ее родной стране положено 795 ам. долларов. Еще раз прошу, пусть она точно сообщит свое имя /первое и второе/, на котором положены деньги. Для Ингрид я послал через Алекса 1000 ам. долларов. Передали ли Вы ей, сообщите. При условии передачи ей этих 1000 ам. долл., Ингрид обеспечена по смете до 1 июля 1937 г. /считая и вложение на ее текущий счет/».

На легализацию Айно Куусинен были потрачены большие деньги:

«Стоимость агентуры Ингрид на 1.6.37 г.

Ингрид выдано всего ....12.050 ам. дол.

/за обе поездки на острова/.

Ежемесячные расходы по смете 250 ам. дол».

В начале июля 1937 г. Айно Куусинен через Зорге передала в Центр письмо, в котором подвела промежуточный итог своего пребывания в Японии.

«Перевод письма Ингрид, полученного с почтой от 8.7.37 г.: Дорогой директор, дорогие друзья. Я знаю, что наш друг Р. уже информировал Вас обо всех здешних делах. Он писал Вам также обо мне, поэтому, так как ничего экстраординарного не случилось, я Вам и не посылала своего подробного отчета. С Р. я поддерживаю регулярную связь и обо всем, что я знаю — ему рассказываю.

Как я уже сказала, ничего особенного не случилось — и только одна вещь приводит меня в уныние. Я жду того момента, когда буду в состоянии сделать что-нибудь большее, я пытаюсь проложить дорогу к лучшим полям, но пока до настоящего времени мне не удалось найти глубокого источника. Но я не падаю духом и не теряю надежды на будущее... Мне кажется, что здесь не устанут помещать мои фотографии в газетах и журналах. Пишутся длинные статьи, восхваляющие меня и ставящие в тупик — откуда они берут весь этот вздор. Иногда предлагают мне написать статью — и я пишу о театрах, прекрасной вишне и т. п.

Мой дом — это наиболее уважаемый дом в этом городе, в военном центре и с воротами "генштаба", все живущие здесь принадлежат к "высшему классу" о-ва, большинство немецких военных экспертов...

Все знают, что я изучаю. И программа так велика, что я на самом деле должна очень много заниматься, чтобы быть студентом, который действительно учится. Я так много сделала в отношении изучения драмы и древней литературы, что блестяще выдержала испытание, которое мне здесь было приготовлено. Сейчас я принялась за буддийскую философию, которую буду изучать до конца моего жительства здесь, если это необходимо. Язык — это единственное, что меня интересует здесь. За это я взялась серьезно, учитывая будущее, согласно нашему плану пробыть здесь долгое время. Я взяла на себя очень трудную программу — не только говорить, но писать и читать.

Лично я принадлежу к "высшим" кругам. Иногда меня приглашают на банкеты и др. официальные собрания, о которых всегда публикуется в газетах в "Сошиал ньюс".

Мои "друзья" в большинстве туземцы и англичане. Туземцы — главным образом журналисты и артисты из старых родовитых фамилий, которые име-

ют большое значение в этой стране. Я знаю несколько человек из военных, но им дано строгое указание — не поддерживать никакой связи с иностранцами, так что очень мало надежды найти среди них друзей. Мои "друзья" у меня дома говорят свободно на политические темы, они не опасаются окружающих ушей. Все, что я узнаю — я передаю Р. О войне они говорят постоянно. Они очень боятся «русских» ... Я полагаю, что Р. уже написал Вам о плане правительства данной страны — эвакуировать отсюда всех иностранцев. Сейчас они проводят чистку своих аппаратов...

Г-н Х. очень видное лицо, он принадлежит к таким же органам в своем правительстве, к каким принадлежит наш Директор в нашем правительстве. Он очень интеллигентный человек, действительное исключение в своей нации. Я никогда не получала отказа, приглашая его на обед или вечернее кофе, и он часто отвечает мне тем же... Во время революции он был в России и второй раз — два года спустя. Он приезжал как торговец черно-бурой лисицы. Достоверно, что он работал вместе с неким англичанином, и после этого путешествия английское правительство наградило его медалью за хорошую службу. Теперь, когда события в нашем большом городе стали известны и оказалось, что японская дипломатия была замешана в эти грязные дела, мне начинает казаться, что г-н Х. готовится к отправке для сколачивания новой организации там... Я слежу за его поведением как тень и уверена, что в скором времени я смогу указать Вам, кто бывает с ним больше, чем другие. К моему разочарованию, мне кажется, что его путешествие будет отложено... Из своего окна я могу наблюдать все движение вокруг «генштаба» ...

Пожалуйста, дайте мне почувствовать, что Вы не забыли меня, и если Вы пошлете мне указание что-нибудь сделать, то будьте уверены, что я всегда буду стараться выполнить его. Мой сердечный привет моему дорогому директору и всем моим друзьям дома.

Верная Вам Ингрид».

«Господином Х.» мог быть только Уехара Уратаро.

«13.7.37: Относительно Ингрид дано указание командировать ее для доклада в Шанхай. Целью поездки также является инструктаж и установление непосредственной связи с Шанхаем.

МЕМО. Рамзай — Центру. № 460, 9.8.37: Сообщает, что ИНГРИД будет немедленно информирована. По мнению РАМЗАЯ, поездка ее в Шанхай совершенно подорвет ее положение, так как ее местные правительственные друзья сразу заподозрят неладное. Рамзай предлагает выслать нашего представителя для встречи с ИНГРИД на пароход Норд, идущий в Гонолулу. Такое путешествие в летнее время не вызовет ни у кого подозрений.

Верно: Врид Нач. 7 отделения

майор Сироткин».

«МЕМО. ЦЕНТР — РАМЗАЮ. № 13.8.37:

Указывается, что ИНГРИД должна выехать в Шанхай, а не в Гонолулу, телеграфировать о времени ее выезда. Телеграфировать также о времени выезда Густава.

Верно: Врид Нач. 7 отделения

майор Сироткин».

«Мемо. 17.8.37 г.: Дано указание Рамзаю об отправке Ингрид домой через Владивосток».

«Мемо. 11.8.37 г.: Рамзай сообщает, что Ингрид просит послать ей на отделение Иокагама Спеши Банк в Токио около 600 долларов амер. Ее христианское имя Елизавета».

«Мемо. 10.8.37 г.: Рамзай запрошен о дате выезда Ингрид и Густава.

17.8.37 г. Дано указание отправить Ингрид домой через Владивосток. Деньги из имеющихся средств Рамзая. Об использовании доложить. Визу через союз получить в Токийском посольстве».

Встречу с «Рамзаем» «Ингрид» описала, как всегда, не пожалев черных красок: «Я встретилась с помощником Зорге в цветочном магазине, он отвел меня к Зорге. Грустно было видеть человека, выполняющего столь ответственное задание, мертвецки пьяным. На столе стояла пустая бутылка из-под виски, стаканом он, видно, не пользовался. Зорге объявил мне, что нам всем, ему тоже, приказано вернуться в Москву. Я должна ехать через Владивосток, там меня встретят. Чем вызван приказ, он не знал, но сказал, что бояться мне нечего, хоть в Москве и царит "нездоровая обстановка". Он сам, конечно, тоже подчинится приказу, но, если я встречусь с руководством военной разведки в Москве, я должна передать, что тогда все с трудом отлаженные связи порвутся. Выехать он сможет не раньше апреля. В заключение Зорге сказал слова, которые должны были заставить меня задуматься, я их потом вспоминала не раз: "Вы очень умная женщина, я должен признать, что никогда раньше не встречал столь здравомыслящей женщины. Но мой ум превосходит ваш!"

Только позже — слишком поздно! — я поняла, что он имел в виду: он умнее меня, потому что лучше меня чувствует опасность, которая грозит в Москве нам обоим. Прямо он меня не предостерегал, говорил обиняком — рад был избавиться от обязанности быть моим связным, хотя работы я ему доставляла немного. Да и не доверял никому, считал, что прямое предостережение я смогу использовать против него»[56].

«Мемо. 18.8.37 г.: Рамзай сообщает, что Ингрид готова выехать в любое время, но он считает, так же и Ингрид, что на обратном пути из Китая она встретит большие трудности, так как эта поездка вызовет большие подозрения. До принятия окончательного решения Рамзай будет ждать ответа Центра на его телеграмму, где он предупреждал о поездке Ингрид в Китай».

Однако решение в Центре уже было принято, и никого уже не интересовало, вызовет ли подозрения ее возвращение через Китай.

«Мемо. 26.8.37 г.: Рамзай сообщает, что Ингрид может поехать на встречу с нашим представителем в Манилу или Гонконг. Если Центр не изменит своего решения — то в середине сентября она уже выедет в деревню. На поездку требуется 2.000 ам. дол., которые Рамзай просит выслать одновременно в Банк Густава — Гонконг — Шанхай банк в Токио. Для поездки жены Жиголо в деревню также нужны деньги. Деньги на легализацию Фрица не получены».

«Мемо. 31.8.37 г.: Рамзай запрашивает, можно ли с Ингрид выслать почту и как ему отправить жену Жиголо, через Висбаден или нет».

«3 сент. Отвечено, что распоряжение о срочном выезде Ингрид подтверждается. Указано обеспечить ее деньгами до Владивостока. Просьба сообщить дату выезда для встречи во Владивостоке.

Указано, чтобы почту с Ингрид не посылать».

«Мемо. 9.9.37 г.: Рамзай указывает, что у Ингрид нет никакой надежды вернуться обратно на острова, после того как она уже три раза в течение двух лет возвращалась домой.

Считает, что предложение о посылке Ингрид с билетом только до Висбадена невыполнимо. Без транзитного билета виза не выдается, нельзя также ехать и с деньгами только до Владивостока. Ингрид может быть арестована еще до ее выезда. Поэтому она и Густав с женой должны обязательно иметь билеты в Европу, хотя бы и 3-го класса».

«Мемо. 5-го окт. Рамзай сообщил, что Ингрид выезжает, приедет в Висбаден 9-го окт. И еще он просил обеспечить ее деньгами».

Из «Характеристики на пом. резидента-вербовщика под кличкой Ингрид — Куусинен Айно Андрееевну»:

«... На работе в РУ использовалась в качестве пом. резидента-вербовщика. Впервые была послана в Китай и Японию /резидентура «Абрама»/ в 1934 году. Пробыла в Японии ок. полугода, после чего была отозвана в связи с провалом «Абрама». За это время сумела удачно легализоваться и приобрела представляющие интерес связи среди японцев и иностранцев. Добыла представляющий интерес документальный материал /сфотографировала этот документ по личной инициативе. по плану таких задач не ставилось/.

Вторично командирована для той же работы в Японию в январе 1936 года. Предварительные легализационные мероприятия в Швеции провела успешно. Легализовалась в Японии также достаточно быстро и надежно.

За время с октября 1936 г. /Прибытие в Японию/ до октября 1937 года не дала никаких ни информаций, ни наводок, ни характеристик своих знакомств и связей (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

В своем личном докладе, представленном по возвращении, утверждает, что сообщала РАМЗАЮ о своих связях и знакомствах и передавала регулярно различную информацию. Указывает, что трижды передавала ему доклады о японском резиденте-разведчике, направляющемся в СССР, и передавала ему фотокарточку этого японца для пересылки в Центр, и лишь теперь узнала, что Центром этого материала не получено (Уратаро Уехара, Генеральный директор «Джэпэн Таймс» — М.А.). В целом характеристику «РАМЗАЮ» дает отрицательную.

Отозвана из Японии в связи с политическим недоверием к резидентуре «РАМЗАЯ» в целом и наличием сомнительных политических моментов в биографии ее самой.

В дальнейшем для работы по линии РУ на Востоке использована быть не может. Подлежит увольнению. После тщательной проверки может быть использована на гражданской работе, как переводчица-журналистка, без допуска к вопросам секретного и оборонного значения.

25.10.37. Вр. Нач. 7 отд. майор .....кой

По возвращении в Москву «Ингрид» пишет два документа. В первом высказывает по просьбе тов. Сироткина «свое мнение о наших товарищах, в частности, о Рамзае» (дата на документе отсутствует). Куусинен пытается оправдать отсутствие информационных результатов своей работы тем, что «Рамзай» якобы не отправлял передаваемые ему письма в Центр. Описание, которое Куусинен дает Зорге, его жилью, радикально отличается от многочисленных свидетельств его знакомых, друзей и врагов. Не обошлось и без доноса о «правом уклоне» «Рамзая»: «... На этот раз (во время второй командировки в Японию. — *М.А.*) я поддерживала с ним постоянную связь. Местом встречи была его квартира, маленький, грязный неотапливаемый домик на задворках. Мы встречались обычно раз в месяц, и я должна сказать, что вся-

кий раз возвращалась со свидания со смешанными чувствами. Как я уже сказала, я имела большие связи и могла многое слышать и о многом узнавать из хороших источников, но он никогда не интересовался тем, о чем я рассказывала. Он не задавал вопросов, не давал советов и не просил от меня информации. Мысленно я сравнивала его пассивность и поведение тов. Абр. в Шанхае /1934/, задававшего тысячи вопросов и постоянно просившего меня что-либо узнать.

Квартира Р. выглядела ужасно, и он встречал меня всегда полуодетый, лежа в кровати. На стуле всегда стояла бутылка виски и стакан, и сам он был всегда выпивши. Мне вспоминались слова одного товарища из Коминтерна, рассказавшего мне, что Р. употребляет не только алкоголь, но и другие наркотики.

Я писала домой подробные письма и всякий раз передавала их при встрече Р., но теперь узнала, что лишь часть этих писем получена. Три раза я посылала большие доклады о м-ре Уехара /япон. разведка/, посылала его фото / кажется в мае/, теперь же я узнаю, что тов. С. ничего об этом неизвестно. Я теперь вспоминаю, что Р. всегда пытался убедить меня, что все это не важно.

Однажды он спросил меня: "Можешь ты принять от меня одну японскую связь?". Я спросила, что это за человек, и когда он сказал, что это "бой", я ответила, что в моей теперешней квартире я не могу его принимать и должна нанять небольшой домик. Р. сказал, что я не должна этого делать. Теперь я узнала, что запрос был отсюда, а он мне этого не сказал.

Затем он сказал, что беспокоится о японском "юноше", так как тот не приходил более. Он прибавил при этом, что японцев найти почти невозможно, и вот единственный "бой" исчез /позднее он нашел его/. Я рассказываю об этом потому, что 4-го октября он говорил, что имеет прекрасные японские связи, но не может никому передать этих людей, так как они, по всей вероятности, скоро покинут Японию, потому что один из них полковник, а другой будет послом в Лондоне. В то время в его квартире были также Макс и Густав. На меня всегда производила неприятное впечатление его манера говорить о нашем Управлении. Создавалось впечатление, что дома не понимают условий и положения, и лишь он все знает и работает хорошо.

В этот же вечер, когда присутствовали Макс и Густав, Р. инструктировал меня о том, что я должна сообщить дома. Я всякий раз что-либо добавляла, но он решительно прерывал меня, говоря: "Ты должна говорить дома лишь то, что я диктую тебе, ничего не прибавляя от себя".

Его знакомых я не знаю. Видела его несколько раз в обществе мужчин, неизвестных мне, одетых так же плохо, как он сам. Я никогда не видела его с иностранными журналистами или с немцами хорошей репутации. Неоднократно я указывала ему на необходимость лучше одеваться, но он находил это излишним.

Все эти мелочи создавали впечатление, что он не на высоте большевистской морали и не уважает свою работу. Он сказал мне, что германский военный атташе дает ему все нужные нам сведения...

Макса я видела у Р. несколько раз, и у меня создалось впечатление, что их отношения подобны отношениям крупного капиталиста-предпринимателя и мальчика на побегушках, с той лишь разницей, что они пили вместе. Я не знаю, что за предприятие ведет Макс, но он просил меня передать вам, что ему нужно для дела 20000 ам. долларов.

Тов. Густава я видела два раза и ничего о нем не знаю. Он мало говорил и выглядел молчаливо. Я видела несколько раз и его жену, но близко с ней не знакома.

Заключение

Я имела указание директора не писать много, а рассказывать о своих наблюдениях Рамзаю. Я была все время уверена, что если бы Рамзай побольше интересовался нашей работой, мы могли бы лучше использовать мои связи. Он всегда говорил, что очень занят и устал от всего этого, я же не вникала во все это, полагая, что у него действительно много работы. **Я должна еще сказать, что перед отъездом из Москвы в 1936 г. Борович спросил меня о политической линии Рамзая, и я сообщила ему о правом уклоне Р.** (выделено мной. — *М.А.*)».

17 декабря, уже будучи уволенной, за две недели до ареста, Айно Куусинен пишет письмо в последней попытке оправдаться и отвести от себя угрозу ареста:

«Начальнику 4-го Управления Генштаба РККА

Многоуважаемый товарищ!

Недавно мне сообщили, что я отстранен[а] (буква «а» — дописана от руки на машинописном документе, который представляет собой перевод заявления Ингрид. Здесь и далее в ряде мест мужской род перевода изменен на женский, однако далеко не везде — М.А.) от работы. Я привыкла не расспрашивать много, но этот вопрос ни днем, ни ночью не выходит у меня из головы.

Я не заслуживаю политического доверия?

Мне было бы ужасно мучительно перенести это, ибо моя совесть абсолютно чиста от каких-либо политических, организационных или дисциплинарных прегрешений. В моей жизни, вообще, нет ничего такого, о чем бы я не могла честно рассказать. Насколько я знаю, я могу сказать то же самое и о моем окружении, т. е. я имею ввиду людей, с которыми как раз имела дела и которые разоблачены как враги народа.

Как могла я потерять доверие моего аппарата и моей партии?

Недовольны результатами моей работы?

Это могло бы послужить причиной, ибо я и сама очень недовольна результатами моей деятельности. Это факт, который причиняет мне страдание. Я очень сурово критиковала самою себя. Прошу позволить мне откровенно изложить те трудности, с которыми мне пришлось встретиться.

В первый раз в 1934 году, когда я поехала на Дальний Восток тов. Авр.[Абрам] послал меня на 6 недель из Шанхая в Японию. По истечении этого времени я вернулась и доложила обо всех моих наблюдениях и знакомствах. Это было 10 января 1935 г. В марте он снова послал меня туда со следующими поручениями:

1) Подготовить все для того, чтобы можно было оставаться в Японии продолжительное время, но через 6 месяцев я должен встретиться с ним в Шанхае;

2) Я должна жить в Кобе с тем, чтобы иметь возможность находиться в постоянной связи с доктором Гино Нобили (в тексте:Dr. Gino Nobili. — М.А.), получать от него материал о крупном новом военно-химическом заводе. (Нобили был командирован Муссолини в Японию. Он находился в Кобе, имея у

себя в кармане итальянские секретные сведения. В Кобе он сидел потому, что завод еще не был совсем готов.)

Начало моей работы было хорошее. Я выкрала у Нобиле секретную книжку, сфотографировала все страницы и поехал со съемками в Токио для встречи с одним шанхайским товарищем. В течение трех дней я ходила к месту встречи, однако товарищ не явился. Позднее я узнала о нашей катастрофе в Шанхае и поняла, что оборвалась связь. Через несколько дней я была отозван домой, и мне не оставалось ничего другого, как готовиться к этому возвращению домой, что также было нелегко, так как мои подготовительные работы в деле устройства там длительного моего пребывания зашли уже довольно далеко и сочла целесообразным осторожно ликвидировать всю эту подготовку. Как только можно быстро я уехала домой, захватив с собой фотографии.

Таким образом, закончился хорошо задуманный план, результаты моего старания оказались небольшими.

Второй раз (1936 г.) я был послана в Японию со следующими поручениями:

1. Завязать знакомство с офицерами штаба, с целью получения мобилизационного плана и других важных документов;

2. Тщательно подготовить легализацию с тем, чтобы получить возможность оставаться там в течение ряда лет;

3. Постепенно войти в курс работы Рамзая (______________), чтобы в случае его отъезда смочь выполнять его задачи.

Подготовка к легализации уже в Европе во всех отношениях хорошо продвигалась вперед. То же самое было и с изданием моей книги, сперва, правда, это дело встретило на своем пути большие препятствия, но под конец оно было осуществлено блестяще. Легальность на месте и моя там настолько упрочились, что, по моему мнению, в этом отношении нельзя было желать лучшего. Следовательно, первые условия для работы были созданы. Путем моих связей я могла многое видеть, слышать и делать важные наблюдения. Сердце мое горело желанием развивать мою работу дальше, в моей голове родились все новые и новые планы.

С какими трудностями встретился я в выполнении первого пункта моих задач?

Сразу же я заметил, что отношения там сильно изменились. Повсюду господствовал строгий фашистский порядок, что после февральских событий особенно было заметно в жизни армии.

Например, всем офицерам было строго запрещено заводить знакомства с иностранцами, особенно, с женщинами. Я познакомилась с некоторыми высшими офицерами, но, встречаясь со мной на улице, они не отваживались, ни здороваться, ни даже хотя бросить взгляд. Об этом я написала домой, потому что был уверена, что через штабных офицеров невозможно получить документы. И я чувствовала уже, что в такой стране, как Япония, нельзя достигнуть всего за несколько месяцев.

Итак, первый и важнейший пункт моих поручений не был осуществлен пока, но перспективы на будущее у меня имелись. В то время как я пыталась найти пути по старому плану, у меня появился новый план, и я поставила себе задачей до отъезда тов. Р. найти самостоятельный путь к документам. Связь, которую по счастливой случайности завязал Р., нельзя было передать. Я также решил сохранить то немногое, что имел.

Что я имела?

Я имела социальные связи с заграницей и в Японии и очень хорошую репутацию.

Моя квартира помещалась против генштаба, что давало мне возможность делать много наблюдений: через свое окно я могла считать всех солдат, которых они отправляли на войну, могла даже фотографировать любого из этих солдат. Мимо моего окна каждую ночь отправлялись на вокзал все танки, грузовики, артиллерия и т. д. Но мне некому было давать свою информацию, так как т. Р. не интересовался ей, он удовлетворялся тем, что получал через свою связь.

У меня были также надежные источники по получению информации устным путем: из парламента, от правительства и из государственных учреждений. Но все это было напрасно.

Новые планы:

Я следующим образом представляла себе ближайшее будущее:

Я остаюсь некоторое время в той самой квартире, которая создала мне общество и безопасность, затем я сниму отдельный дом, где смогу встречаться со всевозможными людьми.

В своем сообщении я уже писала об одном итальянском шпионе (Маррас — ________). Это был серьезный и умный пожилой человек, который имел большой опыт в своей профессии. Он рассказывал мне о своей деятельности. Большей частью он работал в средиземноморских странах, в Египте и Аравии. Два раза он приезжал с итальянским пароходом в Одессу... Именно он рассказал мне, что пароходная кампания "Ллойд Триестино" посылает в скором времени в Японию свои пароходы и в связи с этим он также отправится в Японию, чтобы остаться там.

Конечно, он никакого отношения не имеет к этим пароходам, но кампания "Ллойд Триестино" служит ему обычно прикрытием. Я встретила его только в пароходе и, само собой разумеется, я не сказала ему о себе ни одного слова. Но он умный человек, и я заметила, как много понимает он в людях, окружающих его.

Я была уверен, что, если он направляется в Японию, и если я не смогу наладить хорошую связь, то от него я сумею получить все, что у него есть. Итальянцы (имеют) хороший старый аппарат в Японии и Маррас будет там начальником. И в самом деле, в августе я прочитала в японских газетах, что с нового года в Иокагаме открывается (филиал) "Ллойд Триестино" и что итальянские суда будут регулярно приходить в Японию. Это было в точности то, что он передал в августе прошлого года.

Как только эта новая перспектива показалась мне надежной, я была отозвана домой, и моя десятимесячная работа потеряла свою цену.

В заключение.

Само собой понятно, что моя ежедневная разведывательная деятельность также оказывалась бесполезной, потому что, как я уже упоминала, тов. Р. никогда не интересовался выслушать то, что я рассказывала, несмотря на то, что я знала важные вещи. Об общей мобилизации я получила информацию еще в январе, о конфликте в правительстве я также знал и о разногласиях внутри высшего руководства флота и армии я имел сведения весной. Руководство флота решительно выступало против пакта с Гитлером и желало сближения с Англией. Этот большой спорный вопрос обсуждался самим императором. Он назначил принца Канойа (Коноэ. — *М.А.*) премьер-министром,

были проведены новые выборы парламента, армия одержала верх над флотом, и мобилизация была проведена планомерно.

Однако я хотела писать лишь о своих затруднениях, а не о старых вещах, касавшихся японского правительства.

Следовательно, я не могла реализовать то, что я знала. Советов я никогда не получала от Р., и мои вопросы всегда оставались без ответов. Теперь я узнала, что мои письма также не доходили, и мой начальник здесь убедился, что сохранить регулярную связь со мной было трудно. Однако фактом является то, что Р. в 15 минут мог достигнуть меня без затруднений и без риска.

Это правда, что однажды он мимоходом спросил меня, не желаю я (встретиться) с одним молодым человеком. Я ответила, что в той квартире, в которой я живу сейчас, я не могу встречаться со студентами или кем бы то ни было, и что в таком случае я должна сейчас же обменять квартиру. Он только сказал: "Нет, нет. Оставайся только там". Что меня возмущает, так это то, что он также не сказал мне, что этот вопрос идет из-за дома. Если бы я это знала, то я сейчас же оставила бы эту квартиру и нанял бы подходящий дом...

В случае, если я действительно отстранена от работы, я ничего не скажу на это, но мне это ужасно больно. Для того, чтобы успокоить свое сердце я очень хотела бы, если возможно, узнать действительные причины увольнения.

С коммунистическим приветом — подпись.

17.12.37».

О том, что Куусинен была совсем далека от понимания сути разведывательной деятельности, наиболее выпукло свидетельствуют сами ее рассуждения: «Моя квартира помещалась против генштаба, что давало мне возможность делать много наблюдений: через свое окно я могла считать всех солдат, которых они отправляли на войну, могла даже фотографировать любого из этих солдат». Вместе с тем такое место проживания могло дать много, если бы в Центре нашли нужным ее проинструктировать и если бы Зорге смог уделить этому внимание. Проживая напротив генерального штаба, Куусинен могла докладывать об изменении характера деятельности сотрудников штаба, что могло позволить прийти к обоснованным выводам о подготовке (или начале) все той же мобилизации.

Легализационная деятельность «Ингрид» представляет несомненный интерес и заслуживает положительной оценки. Приобретенное ею общественное положение, развитие интересных связей и знакомств создавали предпосылки для успешного развертывания основной — вербовочной — деятельности. Хотя утверждать, что такие вербовки последуют, нет никаких оснований. Более того, среди окружения Куусинен могли быть и подставы японской контрразведки.

Занимая особое место в резидентуре «Рамзая», «Ингрид» была для него «инородным телом». Описывая в докладе встречи и взаимоотношения с Зорге, она выражает недоумение и неудовлетворенность. Отношение «Рамзая», вызывавшее у «Ингрид» недоумение, нетрудно объяснить: в 1936 году Зорге имел вполне оформившуюся разведывательную организацию, две японские группы и германских «друзей» из посольства. Обработка получаемых материалов, шифровка, официальная журналистская деятельность и работа для германского посольства — все это создавало серьезную нагрузку, с которой «Рамзай» едва справлялся. Об этом он неоднократно писал в Центр, прося дать ему помощника. Вместо этого к нему присылают «Ингрид», предлагая

ему руководить ею, хотя практические возможности для такого руководства были весьма ограничены, учитывая специфику связей «Ингрид»; ему предлагают ежемесячно встречаться с ней, хотя эти встречи, мало совместимые с официальным положением и «Рамзая» и «Ингрид», создают неоправданный риск для обоих. Сведения «Ингрид», получаемые из случайных источников, не представляют интереса для «Рамзая», имеющего систематически поступающую информацию.

Распоряжение Центра о встречах с «Ингрид» и руководстве ее деятельностью он выполняет формально, чувствуя никчемность этой связи и расценивая ввод Куусинен в резидентуру как одно из проявлений непродуманности и непоследовательности решений Центра.

Уиллоуби приводит следующие высказывания Зорге, изложенные в его показаниях: «Женщины абсолютно непригодны для агентурно-разведывательной работы. Они не имеют никакого понятия о политических и других подобных делах, и я никогда не получал от них удовлетворительной информации.

Поскольку они были бесполезны для меня, я не использовал их в своей организации, даже женщины, принадлежащие к высшему классу, не имеют никакого понятия о том, что говорили их мужья, и поэтому являются весьма бедными источниками информации.

По-моему, ни одна женщина на свете неспособна к агентурной деятельности».

Но едва ли эти слова следует принимать за чистую монету. Еще в Шанхае «Рамзай» широко пользовался агентурными услугами Агнессы Смедли, Урсулы Гамбургер, имел весьма ценного агента-женщину, китаянку «Марианну» — № 801 (в последующем № 501), в Токио имел в составе своей резидентуры и положительно оценивал Маргит (Маргарет) Гантенбайн («Гертруду»), Эдит Вукелич, Анну Клаузен. Скорее всего, показания, отрицающие возможность использования женщин в агентурной разведке, были даны «Рамзаем» с целью оградить от подозрений и избавить от полицейских преследований его многочисленных знакомых женщин, которые действительно не имели никакого отношения к его агентурной деятельности.

«Справка на бывшего агента РУ КУУСИНЕН Айно Андреевну

В 1935 г. брат Куусинен — Кангае Вайно, бывший директор Комвуза в Петрозаводске, был арестован. В своем заявлении по этому вопросу Куусинен пишет, что она его мало знала, т.к. рассталась с ним, когда ему было 9—10 лет, и затем виделись только три раза в течении 17 лет. Заявляет, что если бы он оказался врагом партии и СССР, то она сама могла бы его застрелить, т.к. ей дороже всего партия.

За период пребывания на работе в РУ Куусинен почти все время провела на зарубежной работе, не принимая никакого непосредственного участия в жизни и работе парторганизации РУ, ввиду чего, как член партии осталась совершенно неизученной.

Оценку ее работы в РУ дать трудно, т.к. все ее командировки не доводились до конца и носили лишь подготовительный характер. Уволена из РУ в 1937 г. по политическим мотивам, и в том же году арестована органами НКВД.

Начальник 1 отделения полковник ПОПОВ.

30 декабря 1939 г.»

«Главная Военная Прокуратура
1 сентября 1955 г.
В Разведывательное Управление
Генерального Штаба Советской Армии.

31 декабря 1937 г. органами НКВД СССР была арестована КУУСИНЕН Айно Андреевна, 1893 г. рождения, уроженка города Хельсинки (Финляндия), сотрудница Разведуправления РККА, и 3 апреля 1939 г. осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР за участие в контрреволюционной националистической организации и шпионаж против СССР к 8 годам ИТЛ.

25 мая 1949 г. КУУСИНЕН вторично была арестована и 29.VII-50 г. осуждена Особым Совещанием при МГБ СССР за измену Родине (шпионаж) к 15 годам ИТЛ.

Главной Военной Прокуратурой на осужденную КУУСИНЕН проверены оба дела и установлено, что она как по первому, так и по второму делу осуждена необоснованно.

В связи с изложенным, 29 августа 1955 г. ...Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 3/IV-39 г. и постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 29/VII-50 г. в отношении КУУСИНЕН отменены и оба дела на нее производством прекращены.

КУУСИНЕН А.А. полностью реабилитирована.

Указания об освобождении ее из-под стражи даны...

Ст. пом. Главного Военного Прокурора
полковник юстиции
А. Ренев».

5.5. «Мне трудно понять, как это при наличии такого колоссального количества людей (13 легальных и 13 нелегальных)... мы не чувствуем биения пульса...»

(*Из письма Карина Боровичу от 21 января 1937 года*)

В феврале 1936 г. заместитель начальника 2-го отдела Разведупра РККА дивизионный комиссар Л.А. Борович был направлен резидентом в Шанхай под прикрытием должности заместителя заведующего шанхайским отделением ТАСС под фамилией «Лидов». Перед Боровичем была поставлена задача: «руководство резидентурами в Китае и Японии».

В действительности руководство Борович ограничивалось резидентурой «Рамзая» в Токио и резидентурами Разведупра в Шанхае и Тяньцзине.

Как следовало из уже цитируемого «Доклада о состоянии 2-го отдела на 15 мая 1936 г.», «к началу 1936 г. 2-ой Отдел фактически не располагал никакими легальными и нелегальными резидентурами и агентурой за рубежом». И здесь же: «Единственно, что к этому времени сохранилось, это резидентура "Рамзая" в Японии».

Тем не менее, в докладе перечислялся ряд резидентур, легальных, под прикрытием официальных советских представительств, и нелегальных.

В Шанхае под начало «Алекса» переходили «легальная резидентура Бориса» — А.И. Скорпилева и «нелегальная резидентура Гарри» — Г.Б. Китина. В Тяньцзине — легальная резидентура «Михаила» — Г.И. Маркова (делопроизводитель в консульстве, резидент, с октября 1935 г.).

После приезда Боровича в Пекине с марта 1936-го приступили к работе нелегальный резидент «Сергей» и радист «Андрей», оба китайцы.

«Борис» — Скорпилев, резидент Разведупра под прикрытием должности заведующего шанхайским отделением ТАСС под фамилией «Сотов». Скорпилев, имевший опыт агентурной работы, прибыл в Шанхай в марте 1935-го и встречался с «Абрамом»-Брониным в бытность последнего нелегальным резидентом. В связи с этим с большой долей вероятности можно утверждать, что принадлежность Скорпилева к разведке была известна китайской и английской полиции в международном сеттльменте Шанхая. Резидентура «Бориса» по своему количественному и качественному составу была признана «очень сильной». Центр рассчитывал, что с приездом в Шанхай «тов. Алекса использование всего личного состава резидентуры по оперативной линии будет более эффективно, чем до сих пор».

Перед резидентурой «Гарри» была поставлена задача «поддержание связи с источниками № 209 и № 210». С провалом «Абрама» в мае 1935-го резидентура приостановила работу до следующего года. Неконспиративная работа «Абрама» не могла не привести к «засветке» упомянутых источников. Поэтому нельзя исключать, что работа с № 209 и № 210 проходила под контролем китайской и английской полиций. В резидентуру «Гарри» был включен давний знакомый Зорге «Коммерсант» — Войдт, передачи которого в свою резидентуру безуспешно добивался «Рамзай».

В докладе шла речь и о «нелегальной резидентуре Рамона» — С.И. Иванова. Резидентура, судя по всему, создавалась уже при Боровиче и состояла из резидента и его помощника «Биля» — Вильгельма Шварцфеллера (с 1936 г.). Перед резидентурой была поставлена задача руководить группой «Бедняка» и «1534», а также наладить связь с «Рамзаем». И кроме того, — «организация работы на Японию». Однако уже в начале мая 1937 г. (к тому времени резидентура существовала всего три месяца) были получены сведения о разработке «Рамона» полицией. «Сведения не ясны и еще не установлено, имела ли действительно место разработка со стороны полиции или же шантаж со стороны окружения Рамона». Однако от настораживавших признаков расконспирации нелегального резидента в Центре отмахнулись и продолжили с ним работу.

В докладе от 15 мая 1936 г. не был упомянут нелегал «Артур» — Эрих Краутман, легализовавшийся в Шанхае как «купец».

По линии 7-6 (Китай) и 7 (Япония) отделений в 1935—1937 гг. было три «Артура»: два в Шанхае, Эрих Краутман и Л.М. Шулькин, секретарь военного атташе (помощник резидента) и один в Токио — П.Д. Шленский, секретарь военного атташе в Токио (помощник резидента). Подобное обилие «Артуров» не могло не привести к путанице.

«СМЕТА РАСХОДОВ по РЕЗИДЕНТУРАМ ШИРМЫ [Китая]
(в ам. долларах).
<u>1. ВНУТРЕННИЙ АППАРАТ</u>:
1. Жалование и дотации (см. приложение).........
2. Орграсходы ....
3. Телеграфные расходы............
4. Расходы по фото ....

5. Расходы по информации, оплата авторов и перевод. ...
6. Канцелярские расходы ....
7. Изучение языков ....
8. Закупки по заказам Центра ....
9. Резерв и непредвиденные расходы ....
Итого: 2.580 (в м-ц) 30.960 (в год)

II. РЕЗИДЕНТУРА ГАРРИ:

1. Жалованье резидента................
2. --//-- помрезидента ....
3. --//-- музыканта ....
4. Оплата агентов 500 (в месяц)
5. Орграсходы ....
6. Содержание конспиративной квартиры ....
7. Радио и фоторасходы ....
8. Резерв и непредвиденные расходы ....
Итого: 1.510 (в м-ц) 18.120 (в год)
9. Расходы по легализации 8.000 (в год)
Всего: 26.120

III. РЕЗИДЕНТУРА РАМОНА:

1. Жалованье резидента.................
2. 2. --//--- помрезидента ....
3. --//-- музыканта ....
4. Расходы по связи с Самоедией 180 (в месяц)
5. Оплата агентов ....
6. Содержание сети Морица ....
7. Содержание сети Бедняка ....
8. Орграсходы ....
9. Содержание конспир. квартиры ....
10. Радио и фотоимущество ....
11. Резерв и непредвиденные расходы ....
Всего: 1.490 (в м-ц) 17.880 (в год. — Прим. авт.)
12. Расходы по легализации 8.000
Итого: 25.880

IV РЕЗИДЕНТУРА РОБЕРТА:

1. Жалованье резидента 250 (в месяц)
2. ---//-- музыканту ....
3. Оплата агентов ....
4. Содержание конспир. квартиры ....
5. Орграсходы ....
6. Радио и фоторасходы ....
7. Резерв и непредвиденные расходы ....
Итого: 9.000 (в год).
8. Расходы по легализации .6.500
Всего: 15.500

ИТОГО по ВСЕМ РЕЗИДЕНТУРАМ	75.960
расходы по ЛЕГАЛИЗАЦИИ	22.500
Всего:	98 .460

29.11.36. АЛЕКС

Резолюция Гудзя: т. Римм. Пересмотрите все стороны под углом возможности сокращения. Следует сократить жалованье Гарри и легализационный фонд.

Доложите соображения. Б. Гудзь.

27.12.36».

С направлением Боровича — «Алекса» на «крышевую» должность заместителя заведующего шанхайским отделением ТАСС, заведующим которого был его подчиненный по оперативной линии Скорпилев-«Борис» (выпускник Военно-политической академии и восточного факультета Военной академии им. М.В. Фрунзе и помощник начальника 2-го отдела), создавались предпосылки для конфликта. Две равновесные фигуры (возможно, так воспринимал себя «Борис») оказались в перекрестном подчинении. И конфликт не замедлил разгореться.

Из переписки Боровича с Центром.

«Дорогой мой Алекс!

Во-первых, только для Вашего сведения, наш великий вождь недавно счел необходимым специально отметить работу нашей фирмы, самым теплым, самым обстоятельным образом. Он указал, что люди нашей фирмы "не высовываются, являются верными сынами нашей родины, что фирма наша выпестована партией и ею ценится". Эти слова дороже всего в жизни, они бодрят, позволяют смотреть смело в лицо опасности и преодолевать препятствия. Но эта похвала вождя обязывает нас. После этих слов мы все чувствуем себя в неоплатном долгу. Все мы сейчас живем только одной заботой — оправдать это доверие, выше которого ничего нет. Для этого мы должны работать более инициативно, более умно, более смело и более осторожно, в тоже время оставлять поражения врагам, а победы нашей фирме. Для этого мы должны продуманно расставить наши силы, выбрать объекты и овладеть ими. Только один ответ может быть нами дан — удесятирение результатов.

Второе. Вождь особенно отметил тот участок, на котором Вам поручено руководство. Когда я слушал его слова, я мысленно обращался к Вам и ко всей Вашей дружине. Чтобы не быть слащавым, чтобы сказать правду, я, зная многие Ваши недочеты, об одном из которых переговорю ниже, всегда думаю, что если кто-либо может сделать там, где Вы сейчас находитесь, считаю, что есть порох у Вас. К этому добавлю, что, в основном, и люди у Вас неплохие…

Вы спрашиваете у меня оценки Вашей работы. Я целиком присоединяюсь к тому, что написал Александр (Карин. — *М.А.*). Уверен, что и Вы, как руководящий наш деятель, лишенный вредного самодовольства, и как корпорант — целиком к этой оценке присоединитесь. Да, сделано нашими людьми под Вашим руководством не мало, Вы лично сыграли большую организационную роль, но сделать еще нужно непомерно больше, много еще не доделано, даже в первом этапе, а время требует настойчивого перехода ко второму этапу. И теперь две задачи надо решать как одну, укреплять, консолидировать построенную организацию и создавать источники.

Без источников нет нам покоя, нет отдыха, нет венчающего итога работы. Этими задачами и определяется Ваше положение и Ваш путь…

Четвертое — об одном Вашем недочете — о недостаточном умении уживаться с людьми, недостаточной гибкости. Наше корпорантское, хозяйское отношение заключается в том, чтобы от каждого получить максимум по его способности. У Вас же не всегда так, часто Вы излишне заостряете отношения. Мико (связистка — *М.А*) надо поскорее взять сюда, что мы и сделаем. Бориса же пока надо заставить работать, а об Артуре Вы сами говорите, что из него выйдет толк. Тоже и Акико (Шулькина М.В. «Японистка при секрет. В.А.» в Шанхае. — *М.А.*), тоже и другие. Вы сами знаете, что руководитель не является стороной. Он сверху, его авторитет основывается на зарекомендованной объективности, на твердости и деловитости.

Пятое. О Рамзае и Ингрид Вам пишет Александр. Не сумею с большей настойчивостью подчеркнуть, что Вы должны проявить максимальную инициативу для приведения этих людей, особенно, Рамзая в полное рабочее состояние. Вы передайте Рамзаю и Фрицу, что я лично сам занимаюсь проверкой Висбадена и настаиваю, что перерыв в музыке в значительной мере происходит по обстоятельствам от Висбадена независящим.

… Седьмое. На днях начнется процесс над подлецами Пятаковым, Радеком и др. Не только Вас, но и многих других, эти уголовники, шпионы и отбросы обманывали. Пусть наша отличная работа будет достойным воспоминанием того ущерба, который нанесен нашей Родине этими агентами Японии и гестапо. Наши успехи — их гибель. И бдительность, постоянная бдительность, контроль.

Крепко жму руку. Привет всем друзьям.

Ваш Директор. № 2.

21 января 1937 г.».

«ДОРОГОЙ ДИРЕКТОР!

1. Вашу почту от 13-го декабря получил.

2. Гарри пишет Вам подробное письмо с этой почтой…

Б. О Коммерсанте Вам Гарри также пишет. Прошу Вас дать указания, в самом срочном порядке дать мне оценку материала и сообщений Коммерсанта, если можно кратко по телеграфу. **Я рассматриваю информационную деятельность К. не как его основную задачу** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) а, основная его деятельность должна заключаться в наводке и дальнейшей вербовке по линии самоедов и при возможности астраханцев.

В. Сообщаю Вам данные о женитьбе Гарри: приложение к пар. 2. Из денежного отчета по легализации, Вы увидите, что дела его хороши. Будем надеяться, что они и дальше пойдут не плохо, если даже, может быть, будут давать и меньше дохода. Я разрешил Гарри из прибылей дела купить машину. Она ему необходима для встреч. Надеюсь, что у Вас возражений нет.

Основной состав посетителей у Гарри — это немцы и американцы, но бывают и другие иностранцы. Многие представители официальных учреждений являются постоянными посетителями. Так же руководящий персонал иностранных коммерческих фирм. В общем — служилая верхушка и купечество. Китайцев бывает мало и редко. (Почему же нет никаких наводок от Гарри при наличии таких исключительных возможностей. — Коммент. на полях.)…

С сердечным приветом. Алекс.

27.1.37.».

«Дорогой Алекс.

1. Подтверждаю получение Ваших писем от 27.1.37 г.

... 3. О работе Гарри... **В оценку Вами работы и использования "Коммерсанта" считаю нужным внести небольшую поправку. Его информация в данное время**, когда немецкий фашизм проявляет особую активность в Вашей стране, **является весьма важной и ценной**. На обивку (вербовку. — *М.А.*) "Коммерсанта" используйте в крайнем случае, ибо неудачная обивка может провалить такого ценного петуха (источника. — *М.А.*)...

10. О Бедняке. О Бедняке запросил Аякса (А.Б. Асков. — *М.А.*), по получении данных сообщу. Прошу еще раз иметь ввиду, что Бедняк передан Вам полностью, поэтому Вы должны обеспечить надежную паутину (связь. — *М.А.*) с ним в Ширме (Китае. — *М.А.*). Бедняк имеет брелок (условия связи. — *М.А.*) для пятачка (явки. — *М.А.*) в Самоедии (Японии. — *М.А.*) только на чрезвычайный случай. Со следующей почтой жду подробного свиста (доклада. — *М.А.*) о жизни и работе Бедняка. Посылаю содержание Бедняку и его людям...

16. Рамон дал интервью о событиях в Сиани, в котором крайне неосторожно защищал установки наших газет (в частности, "Правды"). Обращаю внимание на недопустимость политических высказываний Рамона, которому надо соблюдать максимум осторожности. Прошу передать ему мое категорическое запрещение политических выступлений и интервью, как представляющих огромную опасность...

21 февраля 1937 г. С сердечным приветом».

Подобная замена слов никоим образом не способствовала сохранению в тайне содержания письма на случай, если оно попадет в руки полиции. Кроме улыбки и недоумения, ничего иного подобная конспирация не вызывает.

Недоумение отсутствием результатов высказал в письме Боровичу и Карин, вернувшийся на службу после продолжительной болезни:

«Дорогой Алекс!

Два с половиной месяца проболел и только пару дней как вернулся из санатория. От работы отдела изрядно оторвался и поэтому с этой почтой своих соображений по всем вопросам твоего хозяйства еще написать не могу. Сделаю это обязательно следующей почтой. Однако, по двум основным вопросам решил написать, не откладывая.

В своем личном письме на имя директора ты запрашиваешь, как он расценивает проделанную тобой работу. Я не знаю его мнения по этому вопросу. Он обещал лично тебе написать. Мое мнение: проделана громадная работа, в результате которой на сегодняшний день имеется неплохая база для развертывания работы. Большинство, почти все люди неплохо легализованы, три музыканта заработали, остальные, судя по всему, заработают в ближайшее время. Однако агентуры, если не считать некоторых из плохих начинаний Павла, пока еще не создано. И должен тебе сказать, что почти по всем людям, находящимся в поле зрения твоего хозяйства, мы здесь не ощущаем движения для перехода ко второму и основному этапу своей работы. Мне трудно понять, как это при наличии такого колоссального количества людей (13 легальных и 13 нелегальных), людей не плохих, большинство с большим стажем нашей работы, мы не чувствуем биения пульса, при котором имело бы место повседневные поиски того, что нам нужно. И относится это не только к

людям типа "Рамона", "Михаила", "Гарри" и, вообще, к резидентам, а поголовно ко всем без исключения, ибо, если "Эрнст" только техник, "Клейн", "Мина", "Август" и "Милорд" — музыканты, "Сен", "Роберт", "Мориц" и "501" — групповоды, "Коммерсант" — источник, то взятые в сумме они представляют колоссальное количество людей, которые обязаны повседневно думать не так, как "Гарри", что раз я связан с "209", то меня больше ничего не касается; нет, каждый из них по характеру и роду своей жизни и деятельности вращается среди колоссального количества людей /иностранцев и китайцев/ и каждое знакомство, деловое и личное, должен изучать под углом зрения возможности использования для нашей работы. Ведь не обязательно тому же "Гарри" или "Клейну" потом проводить вербовку, на нее мы пустим другого, а важно то, чтобы каждый из них вносил свою долю в общее дело, и только в этом случае, при массовом охвате изучения всяких путей и ходов, мы найдем нужных нам людей. Согласись, что это не только скандал, а преступление со стороны "Гарри", старейшего с большим опытом работника, прожить в Шанхае полтора года и не провести хотя бы нескольких разработок по изучению людей и это притом, что характер его легализации всемерно способствует этой возможности.

В этом, мне кажется, центральный вопрос сегодняшнего дня, ибо застыть на первом этапе и успокаиваться на достигнутом равносильно движению назад. От всех нас, начиная от директора, ждут процентов на вложенный капитал, эти проценты банк немилосердно ежедневно требует и эти проценты мы обязаны выплачивать, если не желаем потерять кредита. А ведь ты сам знаешь, что потерять кредит — это потерять все.

2. Самое важное, происшедшее за последние месяцы, заключается в том, что тщательное и глубокое знание того, что думают и что делают хозяева твоей страны, стало не менее важным, чем освещение Самоедии, ибо от позиции "Пана" (Чан Кайши. — *М.А.*), если не в решающем, то во многом будет зависеть политика и действия Самоедии в отношении нас. До недавнего времени мы этому участку почти не уделяли внимания и пользовались изредка малодостоверными и случайными данными "мадам" и тому подобных источников, о которых можно с полной гарантией сказать (здесь и далее подчеркнуто в документе. — *М.А.*), что они питаются слухами и данными прессы, не отражающих замыслов и решений головки.

Прошлой почтой тебе был послан доклад нашего источника "Лю" о положении в Сиани и на Севере Китая. Из доклада этого ты смог убедиться, что подобных сообщений мы ни разу не получали за все время работы в нашей фирме. Доклад этот представляет величайшую ценность своей правдивостью и отражением действительности. Это не пресса и не соображения интеллигента а-ля тех, которые имеются у Бориса и Мико, пишущих свои собственные соображения. Кроме того, доклад имеет еще большую ценность как наводка на объекты для вербовки. И надо прямо сказать, что имей мы в Сиани такого источника, такое серьезнейшее событие, как выступление Чжан Сюэляна, не застигло бы нас врасплох. Из этого надо сделать тот вывод, что если мы на решающих участках твоей страны не будем обладать настоящими и полноценными источниками и, в первую очередь, в окружении "Пана" мы всегда будем плавать в гаданиях на кофейной гуще, и нас застигнут врасплох серьезные события со всеми неизбежными от этого последствиями. Отсюда задача — уделить этому участку не меньше внимания, чем Самоедии и

начать поиски и создание серьезной агентуры, не жалея для этого ни средства, ни сил. как основу для развертывания этой работы нужно взять "Лю", с которым обязательно нужно связаться. Подробно тебе об этом пишется в письме. На работу с "Лю" нужно посадить специального человека, скажем Роберта или Сена, с придачей им Морица, если поездка его в Самоедию никак не может состояться. Затем подумай, кого можно использовать в твоем окружении для создания агентуры в окружении "Пана" (Фекла, гангстеры, возможности шефа и др.).

Обязательно ознакомь "Павла" с докладом "Лю" по Северному Китаю и, в особенности, обрати его внимание на настроения среднего и высшего офицерства в армии Сун Чже-юаня (Сун Чжэ-юань. — Прим. авт.), среди которых, несомненно, можно найти объекты для вербовки.

Второй и первоочередной задачей остается Самоедия. Никакими достижениями на этом участке мы еще похвастать не можем. Большое беспокойство вызывают перебои в работе Рамзая, а **кроме него ведь ничего нового еще не создано** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Все помыслы, все действия должны быть устремлены на Самоедию и на многочисленные самоедские учреждения на твоей территории. **Ведь если мы с тобой не создадим нескольких крепких резидентур по Самоедии с хорошими источниками, то мы, по существу, не решим той основной задачи, которая нам была поставлена**. Все и всех надо мобилизовать на эту задачу. Рамона, Коммерсанта, шефа, гангстеров. 34-го, Бедняка, "Колю", который выехал в Пекин, "Павла", 501-ую. Ни одного участка, ни одного человека не оставляй без повседневного руководства и нажима. Чаще езжай в Тяньцзин и Пекин. Там спят и успокаиваются "орехами" (документами. — *М.А.*), которые большой ценности не представляют. Надо искать новые ходы, придумывать новые комбинации, не застывать на старом, ибо события не будут ждать того времени, когда мы будем готовы...

Для твоего и всех остальных сведения, сейчас стало абсолютно недостаточным одна честность, дисциплинированность и преданность. Все это без выполнения, по меньшей мере, на "хорошо" поставленных задач ни гроша не стоит и за невыполнение не всегда только снимают.

Мы переживаем исключительно серьезный момент в истории нашей страны. Хозяин сказал, что дело Испании является делом всего передового человечества. Кровь, которая там льется, нам столь же дорога, как и наша. Место Вашего пребывания может <u>завтра</u> превратиться в Испанию. Вас землячество поставило и доверило передовую линию огня, и от Вашего поведения и действий будет зависеть очень многое на исход сражения. Надо, воистину, быть настоящим земляком, чтобы все это осознать и сделать, если нужно не человеческое, как защитники Мадрида, чтобы сделать все для подготовки разгрома врага. Люди, могущие это осознать, понять и сделать, у тебя есть. От тебя Алекс зависит очень многое...

Привет жене. Обнимаю и целую, твой Александр.

21 января 1937 г. № 3».

Сожаление по поводу отсутствия в «Сиани такого источника» связано с событиями, которые произошли 12 декабря 1936 г. и получили название «Сианьский инцидент». В этот день офицеры командующего Северо-восточной армией маршала Чжан Сюэляна и гоминдановского генерала Ян Хучэна аре-

стовали Чан Кайши, прибывшего в столицу провинции Шэньси для подготовки очередной, шестой карательной кампании против китайской Красной армии. Арест Чан Кайши стал для советского руководства полнейшей неожиданностью.

Упоминавшийся в тексте письма Сун Чжэ-юань, характеризовался как престарелый и безвольный провинциальный милитарист и был известен тем, что имел совершенно неудовлетворительную военную подготовку.

Под «мадам» подразумевалась Агнес Смэдли, привлеченная к сотрудничеству с военной разведкой Рихардом Зорге в 1930 году. Около года — с июня 1933-го — Смэдли провела в Советском Союзе.

Решением Политкомиссии ИККИ от 3.04.1934 г. Агнес Смедли была командирована в Шанхай «для издания антиимпериалистического органа» («Чайна форум»). План издания этого журнала, «составленный Смедли и переданный руководителю Бюро КПК в Шанхае т. Корсакову (Хуан Вэньцзе), при его аресте попал в руки полиции, которая разослала фотоснимки этого плана во все консульства». В письме сотрудников Восточного лендерсекретариата ИККИ П. Мифа, Ван Мина и Кан Шэна, адресованном 4.05.1935 г. в Политкомиссию Политсекретариата ИККИ, отмечалось, что при создавшихся обстоятельствах издание такого органа невозможно.

В письме также сообщалось: «Агнесс Смедли, вопреки нашим указаниям, начала встречаться с рядом нелегальных иностранцев в Шанхае (связанных с Компартией Китая), и так как она хорошо известна полиции и находится под неослабным наблюдением полиции, то по ее следам могут последовать провалы иностранных товарищей и через них китайских товарищей.

Предлагаем поэтому опросом вынести следующее решение:

1. отказаться от издания в Шанхае в ближайшее время антиимпериалистического легального органа;

2) немедленно отозвать из Шанхая Агнесу».

5 мая 1935 г. Политсекретариат ИККИ принял предложение Восточного лендерсекретариата. Однако Смэдли не думала возвращаться в Советский Союз.

По прибытию в Китай она не порывала связи с военной разведкой, помогала Бронину создавать агентурную сеть. После провала шанхайской резидентуры источники, оставшиеся без связей из-за ареста связников или переотправки их в другие пункты и Центр, самостоятельно связывались с Агнесой Смедли. В одном из донесений в Центр сообщалось: «Имеется целый ряд факторов, говорящих за то, что она окружена японской агентурой и провокаторами и что каждая связь Агнесс Смедли берется в разработку японцами и другими иностранными разведками и контрразведками».

Провал шанхайской резидентуры стал причиной прекращения ее сотрудничества с военной разведкой.

В 1935—1936 гг. Смэдли вела программы на английском и немецком языках на Сианьском радио, подконтрольном КПК. Находилась в близких отношениях с Мао Цзэдуном.

23 декабря 1936 г. арестованный Чан Кайши согласился впервые встретиться с представителем КПК. Его двухчасовая беседа с Чжоу Эньлаем завершилась важнейшей договоренностью: Чжоу заявил, что компартия готова поддержать Чан Кайши как лидера нации в борьбе с Японией, а тот, в свою очередь, обещал прекратить преследования коммунистов. Участники пере-

говоров согласились с тем, что Чан Кайши не станет брать на себя письменных обязательств, ограничившись устным заявлением. Генералиссимус получал свободу.

25 декабря 1936 г. Чан Кайши был освобожден. На следующий день он выступил с заявлением, в котором резко осудил действия Чжан Сюэляна и Ян Хучэна, которые и арестовали его, когда он прибыл в Сюань для разгрома коммунистов. Его выступление вызывало столь же резкое заявление Мао Цзэдуна, опубликованное 28 декабря. В нем, вопреки договоренности в Сиане, были преданы гласности конфиденциальные соглашения с Чан Кайши, не подлежавшие оглашению. Заявление Мао Цзэдуна передала по Сианьскому радио Агнес Смедли. В результате Коминтерн рекомендовал ЦК КПК публично отмежеваться от Смедли, и 6 апреля 1937 г. ЦК КПК выступил с официальным заявлением, что А. Смедли не имеет организационных связей с Компартией Китая. Ранее сама Смедли опровергала сообщение еженедельника «Чайна уикли ревью» о том, будто является «советником бывших коммунистических армий» и подчеркивала, что занимается журналистской работой и пытается информировать внешний мир о реальной обстановке в северо-западных провинциях Китая.

В США Смэдли возвратилась незадолго до Пёрл-Харбора и написала книгу «Великий путь: Жизнь и времена Чжу Дэ». Умерла Агнесс Смедли на пути из Лондона в Китайскую Народную Республику 6 мая 1950 г. и была похоронена в Пекине на революционном кладбище Бабаошань. На мраморном надгробии надпись: «Могила Агнесс Смедли — американской революционной писательницы и друга китайского народа. Чжу Дэ. 16 февраля 1951 г.».

Конфликт между Боровичем и Скорпилевым достиг апогея в феврале 1937 г. «Борис» счел, что существует угроза провала «Алекса», обусловленная его неконспиративным поведением, о чем собирался с сообщить в Центр. Однако «Алекс» воспрепятствовал отправлению такой шифртелеграммы:

«ДОРОГОЙ ДИРЕКТОР!

То, что следовало ожидать и что раньше или позже должно было выявиться, как Вы увидите из письма Бориса, случилось. Обиженный и ущемленный будто бы в своих правах, он, как я Вам об этом уже, хотя и только вскользь, докладывал, отошел почти полностью от интересов нашей работы. И вдруг, когда обстановка показалась ему подходящей и когда ему удалось, как ему кажется, собрать достаточно материалов против меня, он разразился прилагаемым при сем письмом. Понятно, что в его письме имеются и правильные мысли, но преподносятся они так раздуто и таким тоном, что теряют значительную часть своей ценности. За все время своей работы здесь, он убедил меня, и поскольку я знаю, и многих у нас в том, что ему наша работа не только не близка, так как это требуется от нашего работника, но, наоборот, она у него на втором плане. Его письмо я никак не могу расценивать, как стремление помочь нашей работе, а расцениваю его, как продиктованное личными соображениями…

В письме Борис обвиняет меня в следующем:

1. Я незаконно отказался отправить его телеграмму.

2 Я недостаточно конспиративен в отношении посещения коробки (советское генконсульство в Шанхае. — *М.А.*) .

3. Я недостаточно конспиративен в офисе.

4. Я пользуюсь машиной, записанной за офисом, для встреч.

5. Я живу в одном доме с Даром.

6. Я завел склоку с Артуром и ответственен за нее.

7. Я не завоевал авторитета среди работников.

Буду докладывать Вам мои пояснения в этом порядке.

1. Телеграмму, которая приложена к письму Бориса, я отказался отправить и думаю, что поступил правильно. "Законность" этого ясна, т. к. я имею право не отправлять тех телеграмм, которые не нахожу нужным отправить. Те же данные, которые Вам хотел доложить Борис телеграфно, не требовали такой спешности потому, что, во-первых, я не вижу непосредственных актуальных данных, которые бы давали основания телеграфно сигнализировать опасность провала. Все факты, о которых говорит Борис, достаточно быстро будут Вам доложены этой почтой. Так что я думаю, что я имел право и основание не отправлять телеграммы.

2. Борис вполне прав, когда указывал на то, что мои посещения коробки слишком часты. Об этом он говорил со мной, говорил со мной об этом и Артур, я сам часто об этом думал.

Почему же так случилось, основная причина заключается в том, что я прибыл сюда не на постоянную работу, а в срочную командировку, сроком 6—8 месяцев. Задачи, которые мне были поставлены, я должен был выполнить как можно быстрее.Понятно, что если бы я прибыл сюда на постоянную работу, а не во временную командировку, я организовал бы свои посещения коробки иначе, не говоря уже о том, что на постоянную работу я бы никогда не был послан на ту официальную должность, которую я теперь занимаю и которая совершенно не подходит для руководителя такого большого хозяйства, руководство которым требует тесной и непосредственной связи с коробкой и пребывания в ней самой.

Если бы я пробыл здесь только 6—8 месяцев, мои частые посещения коробки были бы после этого срока автоматически прервались бы без всяких последствий, т.к. на такой срок такая "система" допустима и не может иметь неприятных последствий. Однако, т.к. я остался дольше, то эта "система" допустима и не может иметь неприятных последствий. Однако, т.к. я остался дольше, то эта "система" оказалась не только не годной для длительного употребления, но и недопустимой.

Мною принимались неоднократные решения последний месяц-два, которые должны были сократить необходимое количество посещений коробки, одно время я являлся в коробку через день, одно время даже реже, но в тот или другой момент в связи с обстановкой все это срывалось, и я снова был вынужден бывать в коробке почти ежедневно, если хотел на самом деле руководить работой, что я обязан делать...

Что же угрожающего есть в моих частых посещениях коробки? Это то, что я буду на особой примете и, как говорит Борис, расшифрован.

Это очень плохо, но это еще далеко не катастрофа. Дело ведь не в том, что я буду на примете, чего понятно допускать не следует, а в том дело, чтобы, если за мной наблюдают, что, несомненно, не допустить того, чтобы за мной следили и, тем паче, чтобы меня проследили.

2 (нумерация документа. — *М.А.*). Что предлагает Борис? Он предлагает, чтобы я прекратил совершенно посещение коробки. Это может предложить только человек абсолютно незаинтересованный в успехе нашей работы. Мне

не посещать коробки, значит, не делать работы. Тогда я здесь никогда не выполню задач, возложенных на меня. Нужно, как можно, сократить посещения, что я обязываюсь сделать, и сделал бы и без письма или телеграммы Бориса.

3. Борис утверждает, что я недостаточно конспиративен в офисе, потому что бываю там только два-три часа в день. Это, во-первых. Для точности докладываю, что я бываю в офисе Бориса ежедневно два-три часа в день, кроме двух дней в неделю, когда я бываю в офисе 4—5 часов, т.е. четыре дня в неделю я бываю два-три часа.

Я уже не раз докладывал Вам в письмах и говорил об этом перед отъездом сюда, что мое положение в офисе Бориса будет положением "белой вороны" при моем незнании языка. Так оно и оказалось. Я сам, без помощи Бориса, который никакой инициативы в этом деле не проявил, при инициативе Мико[57] (Р.М. Мамаева, помощник представителя ТАСС, помощник резидента. — *М.А.*) устроил себе работу в офисе Бориса, выпуская бюллетень на русском языке. Выпускаю его регулярно и это все, что я могу там делать, и на это хватает с избытком того времени, которое я там провожу. Сидеть там и плевать в потолок — не убедительно. При отъезде сюда я условился с хозяином офиса Бориса о том, что буду находиться в офисе только часа три в день. Об этом же я докладывал у нас, и возражений против этого никаких не было. Это и понятно, если заставить меня, как это предлагает Борис, работать в его офисе 6—7 часов (вопрос, чем заниматься), то, что же останется для нашей работы.

Борис пишет в письме, что он и Михаил работают по 8—10 часов в день в офисе. Это верно, но и результаты этого на нашей работе очень плачевные...

Во-вторых, Борис обвиняет меня в том, что я в офисе веду себя не всегда так, как полагалось бы мне в качестве официально подчиненного ему. Признаюсь, это иногда бывает, но никогда не в присутствии кого бы то ни было, а только наедине. Приходится это делать, потому что для того, чтобы выжать от Бориса какую-либо работу для нас, приходится ее на самом деле выжимать. Приходится вмешиваться во взаимоотношения между Борисом и Мико, для того, чтобы их уладить, т.к. Борис очень часто вел себя по отношению к ней не так как надо. Приходится иногда напоминать Борису, что он находится здесь не потому, что он работник своего офиса, а потому, что он наш работник. Когда не помогают мягкие слова, приходится говорить резко. Допускаю и беру на себя вину, что, может быть, иногда перебарщивал.

4. Борис подводит "идеологический фундамент" под свое совершенно недопустимое поведение, в связи с использованием машины. Он вообразил, что мы купили машину для его офиса, а, может быть, для него лично. С машиной на самом деле получился скандал. Несмотря на мои неоднократные разговоры и указания Борису, что я должен быть всегда информирован о том, где машина, что он должен меня ставить в известность об использовании машины, для того, чтобы я имел возможность в каждый момент использовать машину, в первую очередь, понятно, для дела, он никак на это не идет. Неоднократно Борис, пользуясь машиной для личных целей, ставил под угрозу срыва мои встречи. **Неоднократно из-за того, что машина попадала в мое распоряжение только за полчаса — двадцать минут до срока встречи, я был вынужден прямо из дому, а однажды даже из коробки, без достаточного катания отправляться на встречу** (выделено мной. — *М.А.*). Очень по-

казательная история для Бориса, что как раз вопрос об использовании машины явился камнем преткновения. Он предлагает отказаться от использования машины для моих встреч. Этого совершенно незачем делать. Теперь у нас есть вторая машина, и я пользуюсь ими вперемешку. Если бы этого даже не было, то я все-таки вынужден был пользоваться машиной, т. к. только на машине имеется гарантия того, что встреча пройдет без неприятностей. Дело ведь в том, чтобы взять человека тоже так, чтобы его не могли установить, и спустить человека тоже так, чтобы его не заметили. Если же установят, что машина X, за рулем которой сижу я, чего-то очень много катается, то здесь еще большой беды нет.

5. Не вижу ничего плохого в том, что я живу в одном доме с Даром. В этом доме живет еще один сотрудник нашего официального учреждения, и все три семьи общаются между собой. Если же Вы все-таки находите, что это нехорошо, прошу сообщить…

7. Насчет авторитета моего, понятно, судить не мне. Мне кажется, что, в первую очередь, я должен пользоваться авторитетом у людей, которые непосредственно делают нашу работу, т.е. у людей на улице. Я думаю, что докладываю Вам правильно, если скажу, что у этих людей достаточным авторитетом я пользуюсь. Думаю, что пользуюсь авторитетом у большинства работников нашего аппарата.

8. Борис сообщает Вам о том, что я, будто, бы нервно больной и видит в этом оправдание того, что я иногда бываю не сдержан на слово и голос. Могу Вас уверить, что я не нервно больной, а не воздержанность моя, заслуживающая порицания, не столь уж большой грех, если принять во внимание, что, мы не так уж много внимания обязаны уделять форме и, кроме того, по совести говоря, нужно же иногда и откричаться.

Аккордом телеграммы Бориса является его требование прекратить мне всякие встречи в течение двух-трех месяцев. Я думаю, что это в комментариях не нуждается. Понятно, если бы я заметил слежку за собой или почувствовал бы угрозу провала, я прекратил бы встречи, но и то, никогда не поставил бы вопрос так, чтобы бы во что бы то ни стало на два-три месяца прекратить все встречи…

С сердечным приветом Алекс.

27.1.37».

Резолюция С.П. Урицкого: «Напишите от моего имени письмо с указанием, что Алексу надо оставаться и активизировать работу и выполнять поставленные перед ним задачи. Без этого не может быть и речи о возвращении, тем более в ближайшие 6 месяцев. 8.2.37».

Объяснения «Алекса» свидетельствуют о том, что он имел весьма отдаленные представления о конспирации. Пренебрежение своими «крышевыми» обязанностями, ежедневное ничем не оправданное посещение резидентуры в генконсульстве СССР; поездки на встречи с агентурой за полчаса— двадцать минут до встречи из дома или из консульства и т. д., безусловно, привели Боровича к «засветке» перед полицией, китайской и английской как разведчика и, как следствие, к провалу агентуры.

Поражает, что Борович оправдывал свои поступки ограниченностью срока, на который он был направлен в командировку.

«СМЕТА

расходов по резидентуре в Шанхае (в амер. долларах)

1. Жалованье и дотации легальным и нелегальным работникам.

а/ внутренний аппарат

1. Алекс.......... получ. оклад — 222, установл. окл.- 350
2. Борис..............................280/300
3. Артур 190/250
4. Мико 235/260
5. Дар................................
6. Петр ....
7. Жан ....
8. Леля................................
9. Фаня ....

Всего: 4.236 /в год/

б/ нелегальные работники

1. Гарри 275
2. Эрнст.................................. 225
3. Роберт 250
4. Август..................................200
5. Родриго..................................250

1200 (в месяц) 14.400 (в год)

«Выписка из письма Алексу. 21.2.37: 17. Только для Вашего сведения сообщаю, что вместо Бориса оформляется новый человек, который в скором времени выезжает. По приезде в деревню Бориса разберусь во всех деталях Вашей склоки, и на виновных будет наложено соответствующее взыскание».

В марте 1937 г. Скорпилев попытался привлечь к разрешению своего конфликта с Боровичем руководство «крышевого прикрытия».

«ВЫПИСКА

из письма Зав. Шанхайского Отделения ТАСС тов. СОТОВА от 1/III-1937 г. Ответственному Руководителю ТАСС тов. Долецкому.

Несколько слов о тов. Лидове. Судя по сообщениям тов. Рогова у Вас сложилось совершенно ничем необъяснимое мнение о том, якобы, Лидов работает в моем отделении ТАСС. Это грубая и ни на чем не основанная ошибка. Несмотря на мои бесчисленные просьбы к тов. Лидову о необходимости не только работы, а хотя бы "проведения времени" в ТАССе хотя бы 4—5 часов в день, тов. Лидов появляется в ТАССе не более, как на 1,1/2—2 часа и очень нередко совсем не приходит в отделение. Вопрос о его поведении, абсолютно недопустимом с точки зрения элементарной конспирации, мною уже поставлен около месяца тому назад перед его начальством. Ответа оттуда еще нет. Как я уже упоминал выше, он игнорировал мои многочисленные просьбы о соблюдении самых необходимых условий конспирации. Так как по второй линии он является для меня старшим, я, к сожалению, ничего не могу сделать для того, чтобы призвать его к порядку, кроме докладов об опасности, которую влечет за собой его поведение. Если он не изменит радикально своего поведения в возможно кратчайший срок, нельзя будет поручиться за то, что его пребывание в нашем отделении ТАСС может повлечь за собой тяжелые и скандальные последствия».

Скорпилев подменяет понятия: Бронин являлся для него старшим по «первой линии», а не по второй; Скорпилева в командировку направил Разведупр.

Из письма Скорпилева в Центр:

«Дорогой Директор!

1. Ваше письмо от 28.3. получил. Готовлюсь к отъезду, согласно Вашего указания. Т. к. в начале июня буду уже у Вас и доложу лично обо всем подробно…

5. Бедняк. На трех свиданиях я старался проинструктировать Бедняка возможно подробнее по всем вопросам его работы. Понятно, что для полного инструктажа этих трех свиданий недостаточно, но задерживать его дольше не стану.

Женитьбу Бедняк провел следующим образом. Он открыл по месту жительства лавку по продаже консервов, покупая их прямо с фабрики. Получая товары по фабричным ценам, он имеет возможность экспортировать эти специфические самоедские консервы в Ширму, где на них имеется спрос. Здесь он связался с рядом фирм по продаже съестных припасов и уже получил небольшие заказы. Его цены конкурентоспособны, и он надеется, что дело пойдет, и он предполагает даже открыть здесь отделение своей лавки. Это будет не раньше, чем через полгода. Я предложил ему приложить все старания к развитию коммерческой деятельности с Ширмой, снизив цены. Думаю, что эта форма легализации. дающая ему возможность приезжать в Ширму, нас удовлетворяет.

Подробно договорились о связи. Он получил от нас адрес в Ширме, мы имеем его адрес. Переписка ведется по выработанному коду. Даны также условные обозначения для сообщения о мобилизации. Обусловлена также встреча с новым человеком в Самоедии, если будет прервана всякая связь с Ширмой, в этом случае действуют старые его открытки, имеющиеся у наших ребят в Самоедии со старыми опознаниями и место встречи.

По работе с Приятелем и Танакой даны следующие указания.

Предложить, как Приятелю, так и Танаке обучиться фотографированию. Для этого, в первую очередь, Приятель должен купить себе простейшую фотокамеру. Изучив любительскую фотографию, приятель получает от Бедняка объектив, подходящий к его камере и достаточно сильный для документальной съемки. Объектив монтируется в старую камеру. До момента изучения Приятелем документальной фотосъемки, на что потребуется по нашим расчетам три месяца, Бедняк сам снимает материалы, получаемые от Приятеля. О документальной фотосъемке его лейкой и простой фотокамерой Бедняку даны подробные инструкции и указания. Между прочим, при вручении Бедняку лейки в Самоедии, ему никаких указаний и инструкции о производстве документальной съемки дано не было, и он производил пробную документальную съемку, также как и любительские уличные снимки с той же выдержкой. На основании информации Бедняка, дано указание нанять квартиру в городе Приятеля для производства в ней фотосъемки.

Указания относительно аппарата для Приятеля даны, исходя из того положения, что унтер-офицер не может иметь большой хорошей камеры, без того, чтобы это не бросилось в глаза. В виду того, что я не совсем уверен, удастся ли Бедняку сменить объективы, прошу Ваших указаний заготовить в де-

ревне простую камеру, в которой заменить обычный любительский объектив малой светосилы хорошим цейсовским объективом светосилы 3,5 и выслать Артуру первой почтой.

Относительно Танаки таких особых предосторожностей не нужно, и потому я дал указание Танаке купить себе вначале простенький фотоаппарат, обучиться на нем любительской фотосъемке, после чего продать его и купить хорошую любительскую фотокамеру с необходимой для наших целей фотосилой.

При даче указаний Бедняку о самостоятельной документальной съемки источниками, я исходил из того, что Бедняк может наезжать к Приятелю и Танаке не чаще одного раза в месяц и поэтому сможет фотографировать только те документы, которые в момент его приезда будут находиться под руками у источников. Если же источники сами смогут фотографировать, тогда всякий интересный для нас документ сможет быть скопирован...

Очень неприятная история произошла при подборе Бедняком курьера. Мною на предыдущем свидании были даны указания Бедняку изучить и наметить, по возможности, подходящего человека, которого можно было бы использовать в качестве курьера. Вместо того, Бедняк, заболев, послал вместо себя на пятачок (явку. — *М.А.*) одного парня, которого, как я выяснил, он мало знает, недостаточно проверил, и который как будто связан с революционными кругами. Я предложил отшить этого человека. Бедняк уверяет, что он этому человеку ни о чем не рассказывал и посылал его как будто по коммерческому делу. В дальнейшем мы условились с Бедняком, что он в следующий приезд привезет с собой свою жену, которая должна будет выполнять функции курьера, выполняя наряду с этим коммерческие задания».

Выписка из письма Боровича Карину от 21 марта 1937 г., в котором «Алекс» пытается получить согласие на приезд в Москву для доклада (надеясь отвести беду, которая грозит ему из-за связи с К. Радеком):

«Дорогой друг!

Очень рад, что ты вернулся к работе, надеюсь, что отдохнул ты как следует. Мне теперь состояние твоих нервов и здоровья, вообще, гораздо понятнее, чем раньше. Кажется мне, что я нахожусь на пути к тому, чтобы прийти к такому же состоянию, как и ты. Нервов я здесь потратил столько, сколько нигде не тратил за все время моей работы.

Ведь и ты проводил свидания на машине за рулем, не так ли? Я после таких свиданий, которые чаще всего продолжаются часа 2—2 ½, прихожу домой совершенно без сил. 2, а иногда и 3 часа вести напряженный разговор за рулем, плюс не менее часу до и после свидания, кажется эта штука изнурительная. Теперь я понимаю одну из причин твоего нервного истощения.

К сожалению, треплешь и истощаешь нервы не только и не столько, в конечном счете, на подлинной работе, т. е. на свиданиях, как на разную дребедень с нашими людьми и человечками…

Ваша новая установка о работе в первую очередь на Сванетию (Китай. — *М.А.*) мне не совсем понятна. Я нахожу, что раздваивать внимание организации на две задачи неправильно. Ведь и одно дело не сделано. Согласен, что второй задачей может являться Сванетия, а первая — как и раньше, Самоедия (Япония. — *М.А.*).

У меня к тебе просьба поддержать меня в вопросе моего приезда к вам для доклада в мае месяце. К тому времени я здесь буду год, нужно доложить подробно обо всем, получить указания и по работе, и в смысле взаимоотношения с людьми. Я знаю, что с Запада к вам приезжали ребята с докладами — тем паче нужно приехать мне. Я настаиваю на этом и очень прошу тебя добиться моей командировки.

Вне зависимости от того, поеду ли я или нет, жена моя в мае едет домой. Летом ей здесь с грудным ребенком жить нельзя, а осенью она должна продолжать учебу. Прошу тебя как личной услуги приготовить к ее приезду мою квартиру, т/е. освободить ее, если она занята, или предоставить ей новую...

Понятно, что мою командировку я использую по парт[ийной] линии, чтобы услышать от кого следует, как расценивается моя работа с Р[адеком].

Я думаю, ни одна болезнь, ни тиф и холера, не отразились бы на мне так, как это дело. ...»

Оценка материалов «АЛЕКСА», полученных с почтой от 6.5.37 г. (сведена в таблицу со следующими графами: №№ по порядку.//Наименование материала.//Источник.//Оценка и порядок использования.

1. Разная информация о северном и центральном Китае//«Дар» //Малоценный. Отдельные сведения, заимствованные из газет, не представляют ценности.

2. Конфликт между группой «СС» и Вампусек. кликой.//Вильям, Чжан.// Ценный. Материл будет использован для работы «Военно-политические группировки».

3. Шпионаж Японии в Китае.//Чжан.//Ценный. Хорошо суммированный материал о японском шпионаже в Китае.

4. Борьба за единение и демократию в Китае.//Янг.//Средней ценности. Материал, характеризующий позицию Чан Кай-ши на нынешнем этапе, представляет известный интерес.

5. Доклад о японо-китайский отношениях.//Чень-Бошань.//Средней ценности. Представляет некоторый интерес, как китайская оценка японской позиции в Китае, хотя рассуждения автора подчас примитивны и мало убедительны.

6. Внешняя политика Китая.//Чжао.//Малоценный. Обычные мало внятные рассуждения китайского автора. Подобные обзоры не нужны.

7. Доклад о положении в Китае.//Чжао//Средней ценности. Рассуждения автора мало интересны. Некоторые приводимые им факты будут учтены.

8. О современном положении в Китае.//Чжао.//Малоценный. Газетный обзор не представляет интереса.

9. Деятельность Японии в южном Китае.//Дэн.//Средней ценности. Факты, сообщаемые автором, известны. Единственная ценность обзора в том, что эти факты систематизированы. Источник хорошо пишет о группировках в Китае, и ему нужно заказать капитальную работу на эту тему.

10. Доклад о положении в Китае.//Чжу//Малоценный. Сплошные рассуждения, основанные на газетных сведениях.

11.Троцкистские ликвидаторы в Китае.//Чанг//Ценный. Факты о деятельности китайских троцкистов заслуживают внимания и будут учтены.

12. Материал на китайском языке.// «Вдова»//Оценка будет дана после перевода.

13. Материалы «Вдовы»//«Вдова»//Средней ценности. Часть материала о японском шпионаже в Китае используем.

14. Германские кредиты кит. желез. дорогам.// «209».// Сведения ценные, но требуют тщательной проверки.

15. Информация о германской экономической политике в Китае//«Коммерсант»//Оценка будет дана после перевода.

16. Материал исследовательского бюро на кит. языке.//Фред.//Малоценный. Материал газетно-журнального типа по общеизвестным вопросам.

17. Материал об органах японского шпионажа в Китае.//Фред.//Ценный. Материал представляет интерес и будет использован. Дальнейшее получение желательно.

18. Описание пров. Сычуань. 19. Описание пров. Шаньдун // «Иванов»// Ценный. Описание двух провинций будет использовано при составлении общего описания по Китаю.

20. Фотоснимки вождей и т.д. советских районов.//Виктор Кин.//Часть снимков у нас имеется из остальных будет составлен альбом.

21. Военно-морской флот Китая.//Лепин.//Ценный. Весьма тщательно составленный доклад о морском флоте Китая, представляет большой интерес и будет использован при составлении справочника о вооруженных силах Китая.

22. Беседы с различными лицами с 3 по 20 апреля 1937 г.//Лепин.//Ценный. «Беседы», по-прежнему, содержательны и интересны, прекрасно ориентируя в китайских делах.

23. Вооруженные силы Китая к 1 мая 1937 г.//Лепин.//Весьма ценный. Новый обзор вооруженных сил Китая, составленный по данным «Чайна Ир Бук» 1936-37 г. и другим литературным источникам, представляет собой образец хорошо систематизированного материала. Будет использован для выпуска специальной брошюры.

24. Информ. письмо «Нанкин и Кр. армия и борьба за единый народный антияпонский фронт»//Лепин.//Ценный. Информ. письмо дает хорошую ориентировку по основным вопросам китайской обстановки. Будет использовано.

25. Осмотр Цзянанского судостр. завода в Шанхае.//Лепин.//Ценный. Сообщение представляет интерес и будет использовано. Желательно было бы получить материалы о других объектах военно-промышленного значения.

26. Дневник Чан Кайши во время пленения в Сиани.//Артур//Ценный. Интересный документ, освещающий многие стороны сианьского восстания и позиции ЧКШ.

27. Записки Сун Лий-ми.// --//-- // То же.

Из письма Карину: «Дорогой друг! Я очень надеюсь, что ты снова здоров и можешь работать. Твое отсутствие ощущается очень и очень болезненно.

Не сомневаюсь, что ты энергично поддержал мою просьбу разрешить мне приехать с докладом, т. к. это вне всякого сомнения целесообразно, как с точки зрения общей пользы для работы, так и для урегулирования личных отношений. Несомненно, новый этап нашей кит. политики должен получить отражение и в нашей работе, а для этого мое присутствие у вас также необходимо для получения новых инструкций...

Крепко целую Алекс. 1.4.37»

Резолюция Гудзя: «т. Римм. Ознакомьте т. Карина. 20.4.37».

Выписка из письма Урицкого Боровичу:

«Дорогой Алекс!

1. Ваши письма и почта от 1 апреля получены…

16. Из Ваших последних телеграмм видно, что Бедняк не привез никаких материалов. Сообщите, сделал ли он Вам устный доклад об организации самоедских дивизий и т. д., о чем он должен был узнать у Приятеля и Танака. Это задание было мною дано Бедняку до его связи с Вами…

Наши указания, данные для Танаки, остаются полностью в силе для всей группы Бедняка, но для Приятеля их необходимо уточнить. Приятель работает в штабе дивизии и, судя по всем предшествующим материалам, имеет допуск к мобилизационным документам и другим секретным материалам штаба дивизии...

Подчеркиваю, нас интересуют все вопросы о японской армии и, если Бедняку не удастся достать заказанное нами, пусть дает все, что имеет отношение к армии, но не материалы, которые мы можем получить из легальных источников…

18. Одновременно с этим письмом перевожу Вам для организации Рамона на 4 мес. 4.200 ам.долл. Выдачу денег производите в сроки по Вашему усмотрению из расчета в месяц:

а/ содержание Рамону — 250 ам.долл.

ему же на орграсходы /включая оплату квартиры Монаха 175 м. и квартиры Клейна — 145 м./ — 200 --//--

б/ содержание Клейна — 200 --//--

в/ содержание Ганса — 200 --//--

г/ содержание Морица — 45 --//--

ему же на орграсходы — 15 --//--

д/ содержание Бедняка и его людей — 60 --//--

ему же на орграсходы /ориентировочно две поездки с островов в Ширму и опер. расходы/ — 240 --//-- на 4 мес.

Всего месячный расход определяется в сумме 1050 ам. долл. Семье Морца высылается из расчета с 1.1. по 1.8.

Сообщите, оправдывается ли в настоящее время оплата квартиры Монаха, что она из себя представляет и как может быть использована».

Борович упорно добивался разрешения приезда в Центр для доклада:

«Дорогой С.П.

Ожидаю Вашего разрешения выехать к Вам для доклада, о чем я ходатайствовал в прошлом письме. Я очень надеюсь, что Вы найдете мой приезд полезным и необходимым и телеграфно разрешите мне выехать в мае, так как этим облегчите мне отправку жены, которая в мае уезжает и сопровождать которую я бы очень хотел…

Вашу телеграмму для меня и Бориса получил и, как доложил Вам, принял к руководству и исполнению... Во-первых, я думаю, С.П., что нет основания оценивать мои действия в отношении Бориса, как склоку, я даже не пойму, на основе каких данных Вы могли прийти к заключению, что здесь с моей стороны имеется склока или даже элементы ее. Во всем деле Бориса я руководствовался пользой для дела, что Вы можете усмотреть из всей, к сожалению, довольно обширной переписки о Борисе...

. Алекс».

Резолюция Гудзя: «т. Римм. По-моему, Алексу надо сообщить о подготовке работника вместо него. Принимать дела надо там. Его выезд может состояться после приезда ... (нрзб, зачеркнуто. — *М.А.*). Доложите т. Валину. 20.4».

Свою позицию по отношению к конфликту Боровича со Скорпилевым дал и «Артур» — Краутман, после того как его самого Центр обвинил в «участии в склоке»: «Дорогой Директор! Получил Ваше письмо от 22.3. № 3, в котором мне делается предупреждение за то, что я также принял участие в склоке.

Я не знаю, результатом чьей информации явились такие выводы. Лично я был убежден и на этой точке зрения стою и сейчас, что я сделал все возможное, чтобы отношения Алекса с нашими работниками и, в частности, с Борисом, отражались на всей нашей работе.

Проистекает это, как мне кажется, в первую очередь, вследствие крайне резкого и невыдержанного характера Алекса. Это сказывается не только на его отношениях с Борисом, но и в его отношениях почти со всеми товарищами нашей колонии здесь. Может быть, в этом Алекс не виноват, это черта характера, с которой ему самому трудно бороться. По этому поводу я множество раз и с самыми хорошими пожеланиями и со всей откровенностью говорил с Алексом. Иногда он соглашался, и тогда на некоторое время наступало умиротворение, но это длилось, как правило, недолго.

Я отнюдь не хочу оправдывать Бориса, он очень во многом виноват и, прежде всего, в том, что у него нет к нашей работе такого отношения, которое должно быть и которое мы обязаны требовать от каждого нашего работника. Но в этом отчасти я считаю виновным и Алекса и себя. Вскоре или почти сразу после приезда Алекса, началось постепенное отстранение Бориса от многих частей нашей работы и это, естественно, повлияло на его настроение. Очевидно, наша (моя и Алекса) задача должна была заключаться в том, чтобы это преодолеть во что бы то ни стало, мы это с достаточной резкостью и с необходимым напором не делали.

Мои личные отношения с Алексом не раз принимали резкий характер. Происходило это исключительно по вопросам той или иной оценки нашей работы. Возможно, что по тем или иным вопросам я ошибался, но считал своей обязанностью открыто и прямо докладывать мои мнения по вопросам, в которых я держался иной точки зрения. К сожалению, Алекс не переносит критики его действий и ему совершенно не присуща самокритика. Некоторые вопросы, по которым у нас имелись расхождения, я докладываю Вам:

1. Со дня приезда и до 26 декабря, т.е. на протяжении 8-ми месяцев, Алекс ежедневно (за очень редким исключением) посещал коробку (консульство. — *М.А.*) и переплетную (резидентуру. — *М.А.*). Я считал, что это не вызывается необходимостью, что от этого не увеличится оперативность, но что это может нанести серьезный вред. Я доказывал Алексу, что в случае чего-либо срочного он будет немедленно извещен. Хотя он приезжал в коробку только на полчаса или на час, но ежедневно, и поэтому это бросалось в глаза и, естественно, что очень быстро его расконспирировало перед людьми нашей колонии и боями, мимо которых почти невозможно попасть в переплетную (резидентуру. — *М.А.*).

2. Первое обстоятельство было бы не столь серьезным, если бы у него не было столь большого количества связей. Он был связан в Ширме больше, чем с 20-ю людьми. Кроме того, встречался с людьми в городе Михаила (Тянь-

цзине. — *М.А.*). Помимо указанных людей (это наши люди), он непосредственно держал связь с Максом, человеком для нас темным, не проверенным, связанным с сапожными делами. Последнее, т.е. связь с Максом, кажется мне совершенно недопустимой для человека, который систематически связан со всеми нашими людьми на улице. Это и был второй пункт, по которому я не соглашался с Алексом.

Сейчас произошли аресты групп сапожников (лиц, добывавших и, возможно, изготовлявших паспорта. — *М.А.*), которые торговали точно теми же, т. е. тех же стран сапогами, которые предлагает нам Макс. Считаю, что источник получения у Макса и у этих людей, вероятно, один и тот же, вопрос только в линиях связи. Необходимости Алексу связываться с Максом непосредственно никакой не было, ибо Макса знал я и Борис. Я брал у него уроки анг. языка и в разговорах установил его причастность к сапожному делу и возможность его использования. По приезде Алекса я передал Макса ему в качестве преподавателя анг. языка с тем, чтобы и он к нему присмотрелся, однако, мне кажется, не было необходимости в том, чтобы он с ним себя связал по сапожным делам.

Я уже писал, что Алекс связан решительно со всеми нашими людьми на улице и почти через день имел с ними встречи. Естественно, что малейший прорыв в этом звене поставил бы под удар абсолютно все. Я считал, что количество встреч Алекса можно безболезненно несколько сократить, улучшив работу связистов, тем более что пребывание Алекса здесь дело временное и без того, чтобы наши связисты не научились как следует работать, мы далеко не уйдем. Систематические же связи Алекса с резидентами от двух до трех раз в месяц превращало наших связистов по существу в ненужное звено, ибо две-три встречи в месяц в условиях, когда у наших резидентов пока серьезной оперативной работы еще нет, вообще совершенно достаточно.

3. Сейчас появились неприятные симптомы, о которых я кратко пишу в моем письме и прилагаю донесения Дара, Фан и Лели. Оценка здесь у нас с Алексом также несколько расходится. Телеграмму Вам об этих симптомах Алекс вначале не хотел отправлять, считая, что он сам решит все на месте и только после моих настояний и после того, как я показал ему Ваше директивное письмо, он эту телеграмму отправил. Однако он и сейчас все эти факты расценивает как несерьезные...

Ко мне обращались наши связисты (Леля, Леонид) с жалобами на грубость и резкость Алекса. Я убеждал их, что Алекс измотан и издерган на протяжении многих лет работы и поэтому не стоит болезненно это воспринимать.

Я считаю, что я, может быть, повинен в том, что своевременно не писал Вам об этом. Но сделал это я по двум причинам. Я мог отправить письмо только через Алекса (он категорически предупредил меня, что письма могут идти только через него). И второе — я считал нужным все эти наши отношения ликвидировать на месте и сработаться во что бы то ни стало... 5/V. 37. С сердечным приветом. Артур».

Критика «Артуром» «Алекса», безусловно, оправданна. Однако не следует забывать, что сам Краутман являлся нелегальным резидентом и регулярно встречался с сотрудником шанхайского отделения ТАСС. Более того, передал ему в качестве преподавателя английского языка «сапожника» — проходимца «Макса», которого к тому же знал и «Борис».

При такой организации работы «Алекса» не стоило надеяться, что какие-то связи остались «незасвеченными». Повторялась история с «Абрамом» — такое же полное пренебрежение требованиями конспирации.

Склока между двумя разведчиками вышла на уровень посла советского полпредства в Китае:

«Меморандум т-мы Богомолова за № 135 от 13.V. 37 г.

Богомолов сообщает, что он разговаривал с Алексом и Борисом. Считает, что Алекс вел себя недостаточно конспиративно, Борис же не всегда соглашался с указаниями Алекса. Полагает, что они оба отвечают за ненормальности в работе. Оба обещали принять меры, чтобы сработаться. Считает необходимым отметить, что положение, когда старший сотрудник на официальном положении в низшей должности в том же аппарате, дает повод к склоке. Такие назначения лучше избегать».

За 1936 год Шанхайская резидентура израсходовала28.359.00 американских долларов (общая сумма по всем трем статьям — содержание личного состава, орграсходы и стоимость материалов).

За 1937 г. — 6.835.00 американских долларов.

«В виде дотации лично Боровичу выдано 1.817 американских долларов».

5 мая 1937 г. заместитель начальника 2 отдела Разведывательного Управления РККА дивизионный комиссар Лев Александрович Борович был освобожден от занимаемой должности и уволен в запас. Только в июне он был отозван из зарубежной командировки и 7 июля прибыл в Москву.

«НАЧАЛЬНИКУ 2-го ОТДЕЛА РУ РККА
КОМБРИГУ
тов. ВАЛИНУ

ОЦЕНКА РАБОТЫ АЛЕКСА В ШАНХАЕ
ЗА ПЕРИОД С МАЯ 1936 г. по ИЮНЬ 1937 г.

Алекс — быв. кадровый работник РУ РККА, дивизионный комиссар. До отъезда за рубеж занимал должность Зам. Начальника 2-го Отдела. Член ВКП/б/ с мая 1919 г. С октября 1916 г. по май 1917 г. состоял в РСДРП меньшевиков. С июля 1932 по декабрь 1934 г. был личным секретарем Радека, близостью с которым бравировал вплоть до процесса. При отправке Алекса за рубеж перед ним была поставлена задача непосредственного руководства резидентурами в Китае и Японии. За год пребывания за рубежом АЛЕКСОМ и резидентурами, которыми он руководил, не произведено ни одной вербовки; посланных в его распоряжение наших работников (ЭРНСТА, РОБЕРТА, РОДРИГО, ЛЕОНИДА, ДАРА) на практической работе не использовал; работу рации АВГУСТА и МИНЫ не наладил.

Недостаточно изучил страну пребывания, слабо разбирается в политической обстановке, военно подготовлен недостаточно, в силу чего не сумел осуществить надлежащее руководство информационной работой аппарата на месте и не критически относился к поступающему от резидентов военному материалу.

На работе выявил пренебрежение к элементарным требованиям сохранения конспирации внутри легального аппарата, вследствие чего ставил под угрозу провала связанных с ним работников (устройство на квартире АРТУРА собрания всех легальных работников РУ в Шанхае).

В общем, в работе за рубежом показал себя безынициативным и недостаточно твердым в проведении принятых им оперативных решений. На руководящей зарубежной работе использован быть не может.

Начальник 7-го Отделения Полковник РИММ

8 июля 1937 г.»

Резолюция т. Валина: «Нач. Управления т. Берзину.

С изложенным здесь согласен. Работа Боровича в Шанхае никаких положительных результатов не дала.

В связи с этим, а также вследствии его близкой связи с Радеком, Максимовым, Кариным, Артузовым и др. арестованными, Борович решением т. Урицкого с работы в Шанхае снят и приказом НКО из рядов РККА уволен.

Согласно телеграммы из Шанхая, Борович за личные деньги купил себе автомашину "Бьюик", на которую РУ получила для него лицензию на ввоз.

Сейчас Борович доложил мне, что за эту машину он уплатил больше половины стоимости ее государственными деньгами. Об этом предложил ему написать рапорт.

Прошу Вашей санкции на изъятие от Боровича автомашины и передачи ее в гараж РУ.

Об увольнении из рядов РККА Борович не знает. Пр. разрешения объявить ему об этом.

Нач. 2 Отд. Валин. 8/7».

Резолюция т. Берзина: «Н.О.2

1. Составить краткое сообщение в НКВД т. Ежову.

2. Боровича согласно приказа Наркома Обороны демобилизовать и уволить из Управления.

3. Выяснить все связи и нити, которые знал Борович для изучения и принятия в случае надобности соответствующих мер.

Берзин.

8.7.37».

«11 июля 1937 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
тов. ЕЖОВУ

С 1921 по 1930 год в системе Разведывательного Управления работал БОРОВИЧ (Розенталь) Лев Александрович, уволенный затем в запас РККА как человек, показавший признаки разложения и не соответствовавший требованиям работы в разведке. В 1935 г., по приглашению Артузова и Карина, БОРОВИЧ снова был принят на работу в Разведывательное Управление на должность зам. начальника 2-го Отдела РУ, начальником которого являлся Карин. С апреля 1936 г. БОРОВИЧ работал за рубежом в качестве руководителя нелегальными работниками РУ в Китае.

За год работы БОРОВИЧА в Китае он показал себя как негодный работник и плохой член партии. За это время агентурная работа в Китае не имеет никаких достижений. Слабое руководство БОРОВИЧА своими подчиненными привело к расшатыванию дисциплины и несработанности руководящего состава нашего нелегального аппарата в Шанхае.

Вместо того чтобы личным примером старшего начальника в работе и поведении воспитывать своих подчиненных, БОРОВИЧ сам подпал под влияние нездоровых настроений "барахольства" и склоки, имевших место у ряда работников в Шанхайской резидентуре. За время пребывания в Китае БОРОВИЧ в значительной мере занимался вопросами личного хозяйственного обрастания и культивирования несоветских обычаев в нашей колонии (взаимные подарки, подхалимство, замазывание недочетов в работе и т.п.) в ущерб непосредственному руководству порученной ему работой. Перед самым отзывом БОРОВИЧ купил себе личную автомашину, причем 1300 мекс. долларов без решения Центра взял из находящихся у него подотчетных государственных сумм.

Принимая во внимание изложенное, а также прошлое БОРОВИЧА (сын купца-фабриканта — Польше, меньшевик с 1916 по май 1917 г.) его близкую связь с Радеком, Артузовым, Кариным и рядом других арестованных людей, — БОРОВИЧ с работы в Шанхае был снят и уволен из РККА.

6. 7 БОРОВИЧ прибыл в Москву. Плохую работу Шанхайской резидентуры БОРОВИЧ сейчас пытается объяснить плохим руководством Карина и Артузова, якобы сковывавшими его инициативу.

Прилагаю как материал о БОРОВИЧЕ рапорт быв. подчиненного БОРОВИЧА по Шанхаю майора ДУБРОВСКОГО и объяснение в связи с этим рапортом БОРОВИЧА.

Докладывая изложенное, прошу принять соответствующие меры.

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕД. УПРАВЛЕНИЯ РККА
АРМЕЙСКИЙ КОМИССАР 2 РАНГА Берзин».

11 июля 1937 г. Борович был арестован и 25 августа приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Бригадный комиссар Скорпилев умер в Шанхае 30 июня.

Глава 6

1938 год. ТОКИО, МОСКВА, КИТАЙ

6.1. «Японский генштаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее»

(*Зорге — Центру, 3 августа 1938 года*)

В 1938 году Япония в материально-техническом отношении еще не была готова к крупномасштабной войне с СССР. Однако Маньчжурский театр военных действий чрезвычайно быстро обустраивался. К 1937 году здесь было 43 военных аэродрома и около сотни посадочных площадок. Железные дороги протянулись на 8,5 тыс. километров.

В середине 1937-го в Маньчжурии на границах с Советским Союзом и МНР было создано 11 укрепленных районов, во всех крупных населенных пунктах вдоль государственных границ размещались военные гарнизоны, строились и ремонтировались шоссейные дороги. В Северной и Северо-Восточной Маньчжурии была сосредоточена основная группировка Квантунской армии, состоявшей из 6 дивизий. Боевая подготовка японских войск проводилась в обстановке, приближенной к природным условиям советского Дальнего Востока: у солдат вырабатывалось умение воевать в горах, лесистой местности, в районах с суровым климатом[1].

24 марта 1938 г. начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников представил наркому обороны СССР Ворошилову записку «О наиболее вероятных противниках СССР»[2] под грифом «Совершенно секретно. Только лично. Написано в одном экземпляре». Раздел I «Наиболее вероятные противники» начинался словами: «Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок — Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей (здесь и далее подчеркивание в самом документе. — *М.А.*).

Эти государства ставят своей целью доведение политических отношений с СССР до вооруженного столкновения. Однако в данное время Германия и Италия еще не обеспечили себе позиции свободных рук против СССР, а Япония ведет напряженную войну с Китаем, вынужденная расходовать мобвоенные запасы и нести большие денежные расходы.

Польша находится в орбите фашистского блока, пытаясь сохранить видимую самостоятельность своей внешней политики...

Что касается Японии, то, находясь в данное время в войне с Китаем, она и ослабила, а с другой стороны, усилила свое военное положение.

Ослабление Японии заключается в израсходовании части людских и материальных ресурсов в войне с Китаем и вынужденного оставления части дивизий на занятой территории Китая, а с другой стороны, Япония имеет уже отмобилизованную армию, почти целиком переброшенную на материк, т. е. беспрепятственно прошедшую критический период морских перевозок.

Если бы Япония в войне с Китаем даже понесла чувствительный урон, все же, в случае вооруженного конфликта в Европе между фашистским блоком и СССР, Япония будет вынуждена этим блоком к войне с СССР, так как в дальнейшем ее шансы на осуществление захватнической политики на Дальнем Востоке будут все более и более проблематичны.

Таким образом, Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов и на Востоке против Японии...»

В разделе II «Вооруженные силы вероятных противников» отмечалось: «На Востоке Япония, ведущая сейчас войну с Китаем, мобилизовала почти всю свою армию, развернув 43 пехотных дивизии, 4 охранных бригады, 5 кав. бригад, 4 мотомехбригад — всего танков 1 553 и самолетов 1 420...

В случае вооруженных столкновений с СССР Япония вынуждена будет большую часть своих сил направить в Северную Маньчжурию, оставив в Китае для ведения операций или даже только для оккупации занятых областей от 10 до 15 пехотных дивизий.

Таким образом, в Северной Маньчжурии и Корее, а также в экспедициях на Сахалин и Камчатку можно ожидать от 27 до 33 пехотных дивизий, 4 охранные бригады, 2827 орудий, 1 400 танков и 1 000 самолетов (без морских). Армия Маньчжоу-Го в расчет не принимается как имеющая второстепенное значение».

Раздел III. «Вероятные оперативные планы противников» начинался словами: «Документальными данными об оперативных планах как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб РККА не располагает.

Поэтому нижеизложенное является вероятными предположениями стратегического развертывания вероятных противников...

На Востоке, как выше было сказано, можно ожидать появления 27—33 японских пехотных дивизий, 4 охранных бригад, 3 кавалерийских бригад.

Всего: орудий — 2827, до 1400 танков и 1000 самолетов. Равным образом против наших берегов и портов будет направлен сильный МОРСКОЙ флот Японии.

Японская армия в основной массе пережила свой критический момент — переброски на материк. Однако все снабжение и даже перевозки по сосредоточению должны еще ПРОИЗВОДИТЬСЯ морем. Об этом говорит опыт ведущейся Японией войны с Китаем, когда части сначала перебрасываются в Маньчжурию, а затем везлись морем в Северный Китай или Шанхай.

В настоящее время Японское главнокомандование держит в Северной Маньчжурии и Корее до 12 пех. дивизий, 700 танков и 500 самолетов. Не затрагивая Китайского фронта, японское командование из метрополии может еще перебросить 11 пех. дивизий, с которыми в Корее и Маньчжурии будет 23 пех. дивизии. Для ведения же решительных операций японское командование должно будет ослабить китайский фронт на 4—10 пехотных дивизий.

Оборудование Северо-Маньчжурского театра в железнодорожном отношении и постройка аэродромов указывают, чторайоном развертывания главных сил японской армии выбран район Гирин, Мулин, Цзямусы, Луньчжень, Цицикар, Таоань, Мукден.

Однако сейчас, в связи с занятием Калгана и Баотоу весьма вероятно ожидать развертывания и наступления части сил — в МНР.

Не имея документальных данных о развертывании японских армий в Северной Маньчжурии, однако, судя по строительству железных дорог, весьма вероятно ожидать их главного удара на Приморском и Иманском направлениях, а также и на Благовещенск.

На Западе японцы будут вести активную оборону, используя Б. Хинганский хребет и к юго-западу, со стороны Доно-Нора и Калгана возможно ожидать наступления подвижных частей (конница и танки), поддержанных 1—2 пех. дивизиями.

Наконец, весьма вероятны частные операции по высадке десанта как на материк, так и на Камчатку и развитие действий из южной части Сахалина на Север.

1-й эшелон в 12 японских дивизий, находящийся в данное время в С. Маньчжурии и Корее, слаб для развития активных действий, но не исключена попытка к этому со стороны японского командования.

Срок же общего сосредоточения 33 пехотных дивизий оттягивается до 22—25 дня, если не считать воздействия на перевозки нашей авиации...»

«Как было доложено выше, Япония имеет более 30 пехотных дивизий, переброшенных на материк, т. е. в значительной мере сократила период своих морских перевозок, — отмечалось в разделе VI «Основы стратегического развертывания на Востоке». — В Маньчжурии и Корее японское командование имеет до 12 пехотных дивизий и в случае войны с СССР может эти силы довести до 27—33 пехотных дивизий, не считая 4 охранных бригад и особых территориальных бригад, а также армии Маньчжоу-Го.

Наиболее вероятно сосредоточение главных сил японцев против Приморья и Благовещенска. Однако необходимо отметить, что и против нашего Забайкалья японское командование продолжает строительство железной дороги от Таонань на Самунь, Ганчжур, создавая себе второй путь к нашим границам. Весьма вероятны их операции и в МНР».

Число пехотных дивизий в Маньчжурии и Корее было завышено. Вместо указанных в записке 12 дивизий по состоянию на середину 1938 г. Квантунская армия насчитывала 8 дивизий и Корейская армия — одну. Две трети всех сухопутных сил Японии, а именно 23 дивизии, находились на китайском фронте. Против СССР в Маньчжурии и Корее имелось 9 дивизий. В метрополии были оставлены лишь две[3].

«МОСКВА НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 15 июля 1938 года.

Отто узнал из близких к Коноэ источников о том, что армия до недавнего времени имела следующий план на случай войны с СССР: война в Китае должна быть... (одно слово искажено) с подготовкой около 27 дивизий, которые должны быть брошены против СССР в случае войны.

Поэтому все вооружение и резервы, необходимые для этих 27 дивизий должны оставаться нетронутыми, для использования их только против СССР. Маньчжурия имеет достаточно для организации упомянутого числа дивизий.

№ 138 Рамзай».

Из приведенной шифртелеграммы неясно, идет ли речь о 27 дивизиях, перебрасываемых из Китая дополнительно к уже развернутым в Маньчжу-

рии, или боевые действия против Советского Союза планируется развязать всего 27-ю дивизиями. Скорее всего, последнее.

В докладной записке в Народный комиссариат по иностранным делам (НКИД) СССР от 5 февраля 1938 г. советский полпред в Токио М. М. Славуцкий писал: «Суэцугу и Сугияма (министр внутренних дел и военный министр. — *М. А.*) в своих выступлениях как в печати, так и в парламенте... указывают, что они не думают, чтобы СССР сам решился начать (военные действия. — *М.А.*), но что всякие возможности должны, мол, Японией учитываться, и поэтому, мол, нужно увеличивать армию и усиливать военное снабжение.

Среди иностранцев последнее время идут гадания — произойдет ли военное столкновение (Японии. — *М.А.*) с нами или нет. Гадания сами по себе довольно характерные»[4].

В докладной М.М. Славуцкого заместителю наркома иностранных дел Б.С. Стомонякову от 5 марта 1938 г. сообщалось: «Араки (бывший военный министр, в те дни министр образования. — *М.А.*), прикрываясь демагогическими вывертами, выступил с очередной статьей о возможности японо-советской войны. Военный министр Сугияма во всех своих выступлениях в парламенте доказывал необходимость увеличения вооружений, мотивируя их увеличением «вооружения СССР и других стран». В своей защите законопроекта о мобилизации всей страны военный министр, как и остальные члены правительства, говорит о надвигающемся "национальном кризисе" и в первую очередь подчеркивает нас. Именно стремлением подготовиться к большой войне, с одной стороны, и стремлением к полной фашизации Японии, с другой, объясняется это упорное подчеркивание "национального кризиса", опасности войны с нами. Этим объясняется и организованно ведущаяся злобная кампания против нас»[5].

В своем дневнике полпред СССР писал: «7 апреля на обеде у чехов чешский советник Хавелка и посланник Хавличек сообщили, что "во всех японских кругах" говорят о близких выступлениях против нас японцев, которые исходят, во-первых, из необходимости ударить по Советскому Союзу, без чего они считают невозможной победу в Китае, и, во-вторых, из "благоприятности момента для атаки против СССР ввиду внутренних затруднений в СССР и ненадежности красного командования"»[6].

4 апреля Советский Союз выступил с инициативой «взаимно позитивно решить ряд накопившихся проблем», по которым стороны не желали идти на уступки, но Япония по-прежнему стремилась добиться от СССР односторонних уступок.

Только за неполные восемь месяцев 1938 г. военнослужащими японских вооруженных сил было совершено 124 нарушения границы на суше, 120 — на море и 40 нарушений воздушного пространства. За это же время ими было спровоцировано 19 боевых столкновений[7].

Любой из этих инцидентов мог перерасти в вооруженное столкновение.

Объектом такого столкновения стал район озера Хасан. По территории МЧГ от границы в глубину на 18—20 километров проходили две параллельных магистрали от портов Кореи. Через порты осуществлялось большинство перебросок из Японии. В северо-восточном углу Кореи к границе с Маньчжурией подходило более 10 шоссейных дорог, которые дополняли возможности переброски войск и боеприпасов, так как порты Кореи — Сейсин, Расин,

Юки — могли в сутки выгрузить до двух пехотных дивизий, а железная дорога максимально перевозила одну—полторы.

Озеро Хасан расположено в горной части Приморского края и имеет около 800 м в ширину и протяженность с юго-востока на северо-запад в 4 км. Западнее его находятся сопки Заозерная (Чанкуфэн) и Безымянная (Шацао), сравнительно небольших по высоте (до 150 м), однако с их вершин открывается вид на Посьетскую долину, а в ясную погоду видны окрестности Владивостока. Всего в двадцати с лишним километрах на запад от Заозерной протекает пограничная река Тумень-Ула (Тумэньцзян, или Туманная). В ее нижнем течении и находился стык маньчжуро-корейско-советской границы. В советское довоенное время государственную границу с этими странами не обозначали. Все решалось на основании Хунчуньского протокола, подписанного с Китаем еще царским правительством в 1886 году. Граница была зафиксирована на картах, обе «спорные» высоты находились на русской территории. При этом на местности стояли только номерные знаки. Многие высоты в этой погранзоне вообще никем не контролировались.

Приговор международного военного трибунала для Дальнего Востока смог констатировать различие подходов Советского Союза и Японии, контролировавшей правительство Маньчжоу-Го, в части определения границы на этом участке: «По утверждению СССР, граница проходила по гребню сопок; с другой стороны, японцы утверждали, что граница проходила восточнее и шла по западному берегу озера Хасан. Эта возвышенность имеет большое стратегическое значение, так как с нее просматриваются на западе река Тюмень-Ула, железная дорога, идущая с севера на юг, дороги, идущие к Советскому Приморью и к Владивостоку. С японской точки зрения, значение возвышенности заключалось в том, что она укрывала от наблюдения железную дорогу и шоссейные дороги, являющиеся линией японских коммуникаций в северном и восточном направлении. Японцы понимали ее военное значение, и уже в 1933 году Квантунская армия провела детальное топографическое изучение этого района, имея в виду, как заявил начальник штаба Квантунской армии в своем докладе заместителю военного министра в декабре 1933 г., "военные действия против Советской России"»[8].

Представляется, что стратегическое значение высотам Заозерная и Безымянная обеими сторонами было придано много позже, а в июле—августе 1938 г. боевые действия велись за ничтожный клочок земли, отделявший юго-западный берег озера Хасан от государственной границы.

11 июля на сопку Заозерная прибыл советский пограничный наряд и ночью оборудовал на ней окоп с проволочными заграждениями, выдвинув его на сопредельную сторону за четырехметровую погранполосу.

Японцы тут же обнаружили «нарушение границы». 15 июля временный поверенный в делах Японии в СССР Ниси Харухико передал заместителю наркома иностранных дел СССР Стомонякову ноту с требованием «покинуть захваченную маньчжурскую землю» и восстановить на Заозерной «границу, существовавшую там до появления окопов». В ответ советский представитель заявил, что «ни один советский пограничник и на вершок не заступил на сопредельную землю».

В тот же день вечером на гребне высоты Заозерной в трех метрах от линии границы начальник инженерной службы Посьетского погранотряда вы-

стрелом из винтовки убил «нарушителя» — японского жандарма. Через пять дней — 20 июля — японцы повторили свои претензии на высоты. При этом вернувшийся в Москву из поездки в Северную Европу посол Японии в СССР Сигэмицу Мамору заявил наркому иностранных дел Литвинову, что «его страна имеет права и обязательства перед Маньчжоу-Го» и в противном случае «Япония должна будет прийти к выводу о необходимости применения силы». В ответ японский дипломат услышал, что «японский жандарм убит на советской территории, куда ему не следовало приходить»[9].

20 июля военный министр Итагаки Сэйсиро и начальник генерального штаба принц Каньин Аруито представили императору Хирохито оперативный план вытеснения советских войск с вершины высоты Чанкуфэн (Заозерная) силами двух пехотных полков 19-й дивизии Корейской армии без применения авиации.

Император критически отнесся к применению вооруженной силы против СССР и заявил, что против этого, так как не желает войны с Советским Союзом. В ответ на это Итагаки сказал ему, что решение применить силу против СССР в районе к западу от озера Хасан уже согласовано с морским министром и министром иностранных дел, хотя на самом деле оно было одобрено только на следующий день на совете пяти министров.

Решение гласило: «Мы провели подготовку на случай возникновения чрезвычайного положения. Использование подготовленной военной силы должно будет осуществиться по приказу императора после переговоров с соответствующими властями»[10].

Руководству Корейской армии была направлена телеграмма с приказом № 204 о временном приостановлении начала военных действий, так как правительством Японии было принято решение попытаться урегулировать конфликт по дипломатическим каналам. Телеграмма, однако, завершалась словами: «Действуйте по обстановке». По сути, подобная формулировка давала возможность на местах действовать самостоятельно.

Подготовка к развязыванию боевых действий на советской границе проходила на фоне проводившейся японскими войсками с 8 июня Уханьской операции, завершившейся только 27 октября, что свидетельствовало об авантюризме руководства Японии.

«29 июля небольшой отряд советских войск нарушил линию границы, продвинувшись на южный (обращенный к Маньчжурии) склон сопки Сячаофэн (Безымянная), расположенной в 2 км к северу от сопки Чанкуфэн (Заозерная), — пишет японский историк X. Ёсии, — и начал укреплять свои позиции»[11].

Получив донесение, командующий 19-й дивизией генерал-лейтенант Одака единолично решил, что наступил именно момент для применения силы, чтобы вытеснить советских пограничников с высоты Безымянная.

31-го июля японские части захватили высоты Безымянная и Заозерная, продвинувшись вглубь советской территории.

1 августа нарком обороны СССР потребовал: «В пределах нашей границы смести и уничтожить интервентов, занявших высоты Заозерная и Безымянная, применив в дело боевую авиацию и артиллерию». Задачу было поручено решить 39-му стрелковому корпусу в составе 40-й и 32-й стрелковых дивизий и 2-й механизированной бригады.

В тот же день из Токио была отправлена шифртелеграмма от Зорге:

«МОСКВА НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА
Острова, 1 августа 1938 года.

Я очень сожалею, что мои предупреждения о нависающей угрозе локальных действий не лишили японцев возможности произвести внезапное нападение на пограничные высоты.

2) ОТТ и ШОЛЛЬ сообщили мне об обнаруженном японцами желании разрешать все неясные пограничные вопросы дипломатическими средствами только после захвата высот.

Шолль, кроме того, узнал, что на случай контр-мероприятий с советской стороны, японцы сосредоточили вокруг района столкновения фронтовые части и резервы, объединенные командованием корейского гарнизона.

3) На иностранные круги, включая ОТТА и ШОЛЛЬ, действия японцев произвели сильное впечатление ... (2—3 слова искажены)... ослабление престижа*.

№ 156 РАМЗАЙ».

* Согласно оригиналу на английском языке, следует читать: ... «действия японцев, восстановивших свой подорванный престиж, произвели сильное впечатление».

«МОСКВА НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА
Острова, 3 августа 1938 года.

Я...(1—2 слова искажены) слышал от (?)* офицеров японского генштаба, что положение на границе не очень серьезно, если рассматривать... (2—3 слова искажены) ... советскую бомбежку, но их советские самолеты действуют в приграничном районе. Если они атакуют более глубинные районы КОРЕИ или МАНЬЧЖУРИИ, то вопрос станет значительно более серьезным. Японский генштаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее.

Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Сов. Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь.

Майор Шолль все еще считает возможным начало войны против СССР в ближайшем будущем.

№ 157 Рамзай».

* Так в тексте.

4 августа посол Японии в СССР Сигэмицу предложил советскому правительству урегулировать пограничный конфликт путем переговоров. В ответ советская сторона потребовала вывести японские войска с захваченной территории. Нарком иностранных дел СССР Литвинов заявил: «Под восстановлением положения я имел в виду положение, существовавшее до 29 июля, т. е. до той даты, когда японские войска перешли границу и начали занимать сопки Безымянная и Заозерная»[12].

К 4 августа в составе действовавшего в районе озера Хасан 39-го стрелкового корпуса насчитывалось около 23 тыс. человек личного состава, на вооружении имелись 237 орудий, 285 танков, 6 бронемашин и 1 тыс. 14 пулеметов. Корпус должна была прикрывать авиация 1-й Краснознаменной армии в составе 70 истребителей и 180 бомбардировщиков. Боевое взаимодействие ВВС с наземными войсками в течение 10 дней проводилось на фронте

шириною 10—12 км и глубиною 4—5 км. На ведение боевых действий Красной Армии существенно влиял запрет на подавление огневых средств противника, действовавших с маньчжурской и корейской территорий, и на любые пересечения госграницы нашими войсками. Москва опасалась перерастания пограничного конфликта в полномасштабную войну.

На 5 августа оборону на сопках Заозерная и Безымянная держали японские 19-я пехотная дивизия, пехотная бригада, два артиллерийских полка и отдельные части усиления, в том числе три пулеметных батальона, — общей численностью до 20 тысяч человек. В случае необходимости эти силы могли быть значительно усилены войсками второго эшелона.

Ожесточенные бои в пограничном районе произошли в период с 6 по 10 августа. В результате решительных действий войск Дальневосточного Краснознаменного фронта («в связи с возросшей угрозой безопасности края» ОКДВА с 1 июля 1938 г. была развернута в Краснознаменный Дальневосточный фронт, с 23 июля 1938 г. — Дальневосточный Краснознаменный фронт) японская группировка была отброшена с советской территории.

«МОСКВА НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 10 августа 1938 года.

Майор ШОЛЛЬ имеет впечатление, что выступления в защиту решительных военных действий против СССР возрастают. ОТТО видит такую же тенденцию и в правительственных кругах.

ОТТО узнал, что на заседании кабинета 1-го августа был отдан приказ армии — усилить все оборонительные позиции в Маньчжурии. Германские источники в Маньчжурии доносят майору ШОЛЛЬ относительно сильных подкреплений, вливающихся в Маньчжурию и создающих впечатление, что только в ХАБАРОВСКОМ и ВЛАДИВОСТОКСКОМ секторе уже сосредоточено от пяти до семи японских дивизий.

№ 168 РАМЗАЙ

Расш. Зайцев. Перевел майор Сироткин.

[Резолюция НУ: Неплохо бы попытаться через Рамзая заполучить полные данные о дислокации японцев в Маньчжурии. 17/8.

Сироткину. Дайте задание Рамзаю о присылке дислокации войск в Маньчжурии. 17/8.

Запрос будет дан по получении ответа на нашу последнюю телеграмму. 19.8.38.]».

В своей шифртелеграмме Зорге дал срез обстановки по состоянию на начало августа. Приведенные им сведения германских источников насчет наращивания японской группировки в регионе «от пяти до семи японских дивизий» отражали общее число дивизий, развернутых в Маньчжурии: оно было увеличено с шести единиц (в 1937 г.) до восьми (в 1938 г.).

10 августа начальник штаба 19-й дивизии полковник Ёсиаки Накамура вынужден был телеграфировать начальнику штаба Корейской армии: «С каждым днем боеспособность дивизии сокращается. Противнику нанесен большой урон. Он применяет все новые способы ведения боя, усиливает артиллерийский обстрел. Если так будет продолжаться и далее, существует опасность перерастания боев в еще более ожесточенные сражения. В течение

одних—трех суток необходимо определиться по поводу дальнейших действий дивизии... До настоящего момента японские войска уже продемонстрировали противнику свою мощь, а потому, пока еще возможно, необходимо принять меры по разрешению конфликта дипломатическим путем»[13].

В этот же день состоялась очередная встреча японского посла Сигэмицу с представителями советского правительства. Стороны договорились прекратить огонь и восстановить статус-кво на границе СССР с Маньчжоу-Го. На следующий день, 11 августа, в 12 часов дня военные действия у озера Хасан были прекращены. Согласно договоренности, советские и японские войска должны были остаться на рубежах, которые они занимали 10 августа к 24.00 по местному времени[14].

Пограничный конфликт в районе озера Хасан по времени был скоротечен, однако потери сторон в живой силе оказались значительными. Потери советских войск составили 960 человек погибшими и пропавшими без вести (из них 759 погибли на поле боя; 100 умерли в госпиталях от ран и болезней; 6 погибли в небоевых происшествиях и 95 пропали без вести), 2752 ранеными и 527 заболевшими[15].

Японские потери составили около 650 убитых и 2500 раненых, по советской оценке[16], или 526 убитых и 914 раненых, по японским данным[17].

31 августа в Москве под председательством наркома обороны Ворошилова состоялось заседание Главного военного совета РККА, на котором был рассмотрен вопрос о событиях в районе озера Хасан. Заслушав объяснения командующего Краснознаменным Дальневосточным фронтом маршала Блюхера и заместителя члена военного совета фронта дивизионного комиссара Мазепова, совет пришел к следующим выводам:

«1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск КДфронта.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии КДфронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

Хранение, сбережение и учет мобилизационных и неприкосновенных запасов, как фронтовых складов, так и в войсковых частях, оказалось в хаотическом состоянии.

Ко всему этому обнаружено, что важнейшие директивы Главного военного совета и народного комиссара обороны командованием фронта на протяжении долгого времени преступно не выполнялись. В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери — 408 чел[овек] убитыми и 2807 чел[овек] ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев.

Количество наших войск, участие в операциях наших авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери в боях могли бы быть намного меньшими.

И только благодаря расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причем процент потерь командно-политического состава неестественно велик — 40...

3. Основными недочетами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) недопустимо преступное растаскивание из боевых подразделений бойцов на всевозможные посторонние работы...

б) войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий...

в) все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях Д[альнего] В[остока], изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск...

Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

4. Виновными в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней КДфронта, и в первую очередь — командующий КДФ маршал Блюхер»[18].

Итогом заседания Главного военного совета РККА стало расформирование управления фронта и отстранение от должности маршала Блюхера. «Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск КДфронта»[19].

2 сентября Зорге докладывал в Москву:

«Японский генштаб высказывает следующую критику боевых действий Красной Армии:

1) У Красной Армии недостает смелости для рукопашных атак.

2) Ночные атаки подготовлялись настолько неумело, что японцы всегда заранее знали, когда начнется атака.

3) Применение танков не произвело впечатления на японцев.

ОТТО (Одзаки. — *М.А.*) имеет сведения, что части Красной Армии, действующие вплоть до 9 августа, были обучены очень плохо, но позднее прибыли значительно более лучшие части.

№ 180 Рамзай».

Существовала ли вероятность перерастания локального конфликта в полномасштабную войну? С японской стороны она стопроцентно отсутствовала. 1-й эшелон из 10 японских дивизий, находившихся в Северной Маньчжурии и Корее, был недостаточен для развития наступательных действий. Переброска дополнительного количества дивизий из Северного Китая не планировалась в связи с проводившимся наступлением на трёхградье Ухань (Уханьская операция), оттянувшей на себя 9 дивизий и одну бригаду.

Что касается советского руководства, то оно категорически запрещало перенос боевых действий на территорию противника.

Военные действия в районе озера Хасан были так оценены в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока: «Исходя из доказательств в целом, Трибунал приходит к выводу, что нападение японских войск у озера Хасан было сознательно запланировано генеральным штабом и военным министром Итагаки и было санкционировано по крайней мере пятью министрами, которые участвовали в совещании 22 июля 1938 г. Целью нападения могло быть либо желание прощупать силу Советского Союза в этом районе, либо захватить стратегически важную территорию на гряде, господствующую над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и к Приморью. Нападение, которое планировалось и было осуществлено с использованием значительных сил, нельзя рассматривать как простое столкновение между пограничными патрулями. Трибунал также считает установленным, что военные действия были начаты японцами. **Хотя военные силы, занятые в этом конфликте, не были весьма значительными, однако вышеуказанная цель нападения и его результаты, если бы оно было успешным, достаточны, по мнению Трибунала, для того, чтобы считать эти военные действия войной** (выделено мной. — *М.А.*). Более того, принимая во внимание действовавшее в то время международное право и позицию японских представителей в предварительных дипломатических переговорах, Трибунал считает, что операции японских войск носили явно агрессивный характер»[20].

Из протокола допроса бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро от 28 февраля 1946 г.:

«ВОПРОС. Уточните, с какой целью Японией были организованы военные столкновения в 1938 г. в районе озера Хасан, и в 1939 г. в районе Халхин-Гол? Можно ли расценивать их как попытки спровоцировать войну с Советским Союзом и вооруженной силой захватить территории?

ОТВЕТ. Ответ: Действия Японии, совершаемые в то время в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол, безусловно, носили провокационный характер, эта провокация не была рассчитана на Большую войну. Основная цель, которую Япония преследовала в то время, заключалась в захвате вооруженной силой части территории. То есть **действия Японии в данном случае можно сопоставлять с действиями шелковичного червя, постепенно поедающего лист тутового дерева**(выделено мной. — *М.А.*)»[21].

Хата Хикодзабуро показал также на допросе:

«... После маньчжурских событий, и особенно после продажи КВЖД, правительство и широкие массы японского населения, не говоря уже о всей Квантунской армии, стали недооценивать реальную мощь СССР. Бесспорен факт, что в Японии царила атмосфера желания нанести удар по СССР при удобном для этого случае, с тем чтобы показать реальную мощь Японии. В результате этого возникли всевозможные пограничные инциденты. Не будет преувеличением утверждать, что Генеральный штаб не только не отдавал точных и конкретных распоряжений о пресечении пограничных столкновений, а наоборот смотрел на эти инциденты сквозь пальцы. Никто, однако, не считал, что схватки на государственных границах приведут к немедленной войне между СССР и Японией. Часть руководителей Квантунской армии хотела использовать эти пограничные столкновения для предлога форсирования вооружений к предстоящей войне с СССР»[22].

Конфликт у озера Хасан в том числе имел целью принудить Советский Союз отказаться от помощи Китаю и поднять моральный дух японской армии, сражавшейся в Китае, продемонстрировать западным державам свою враждебность по отношению к СССР, а также тот факт, что Япония, несмотря на свои трудности в Китае, остается главным хозяином в азиатском доме — к тому времени уже начались переговоры о заключении «оборонительного» союза между Токио, Берлином и Римом[23].

18 сентября газета «Франкфуртер цайтунг» опубликовала статью «нашего корреспондента», которая называлась «Между Чанкуфэном* и Кантоном»[24]: «То, чего не могла сделать продолжающаяся пятнадцать месяцев война с Китаем — вызвать в самой Японии серьезные опасения перед воздушными налетами — впервые повлекли за собой относительно маленькие пограничные бои на остававшемся до сих пор совершенно неизвестном стыке трех стран — Кореи, Маньчжоу-Го и Советской России. В Токио и всех важных городах Японии было введено затемнение, отменена публикация сводок погоды. Тем самым были ясно обозначены опасности, которые этот пограничный конфликт таил в значительно большей степени, нежели китайский конфликт.

Сегодня, когда японские войска покинули всю даже не предусмотренную договором о перемирии территорию стыка трех стран, простирающуюся на несколько километров в ширину, внешне все выглядит опять так, как до инцидента, когда на горе Чанкуфэн появились несколько солдат ГПУ, отрыли позиции, разбили палаточный городок и отправились после проделанной работы удить рыбу, пока, впрочем, японцы не уготовили кровавый конец этому воинственно-комическому поведению Советов и не начался бой на границе, продолжавшийся две недели и принесший обеим сторонам относительно тяжелые потери. Разрешение конфликта, которое предпочли японцы, — отвод японских войск на южный берег реки Тумен — лишь позволило укрепиться жуткому чувству непредвиденности, какую таят в себе все эти пограничные конфликты. Чанкуфэн был упорнейшим из всех пограничных столкновений, имевших до сих пор место на сибирском фронте, который протянулся более чем на две тысячи километров. И то, что инцидент улажен, не дает ни малейшей гарантии, что послезавтра не начнется еще более резкое столкновение с еще более тяжелыми последствиями. Граница на севере таит для Японии угрозу воздушных налетов, она таит просто военную опасность. Японская армия в этой ситуации не потеряла самообладания. Но она и не сочла момент благоприятным для того, чтобы отважиться на шаг, в котором Квантунская армия и все молодые офицеры, собственно, и видят жизненную задачу японских вооруженных сил. (Эта сдержанность может поначалу показаться тем более удивительной, что в японской армии неоспоримо господствует воззрение, что Советская Россия находится сегодня на низшей точке мощи, от которой еще возможен подъем, но едва ли — дальнейший упадок.) Если армия вопреки этому не использовала инцидент при Чанкуфэне в качестве повода к войне, то решающими при этом могли оказаться наряду с другими два соображения. Во-первых, еще не оконченная война в Китае, дальнейшее территориальное расширение которой отнюдь не считается исключенным, и "решающая битва" за Ханькоу, приготовления к которой как раз идут, не позволяют отвлечения военных сил путем создания нового большого фронта. Во-вторых, в руководящих политических кругах Японии, да и в руководящих кругах вооруженных сил по сей день еще не решено окончательно, против

кого нужно будет использовать в первую очередь завоеванные в Китае позиции — против Советского Союза или против Англии, особенно сильно заинтересованной в Китае. Решение не делать Чанкуфэн исходным пунктом советско-японской войны далось японскому военному руководству не очень трудно. Маньчжурия еще недостаточно обжита для того, чтобы быть в состоянии обеспечить такую войну необходимым количеством войск и материалов. Для того чтобы только поддержать оборону границ на севере, пришлось бы еще отводить с фронта в Китае большую часть лучших и опытнейших войск. Может быть, оказалось бы под вопросом взятие Ханькоу, а, возможно, оказавшееся бы необходимым после Ханькоу продолжение китайской кампании — и подавно. Насколько охотно японская пресса говорит о "решающей битве за Ханькоу", которая должна повлечь за собой уничтожение последних боеспособных сил правительства Чан Кайши, настолько сомнительным кажется военным специалистам, действительно ли китайское руководство, что бы там заранее ни говорилось, согласится признать такое поражение. Сомнения по поводу того, сможет ли японская армия завершить взятием Ханькоу свой поход, более чем оправданы. Стало быть, тем более необходимым было срочное урегулирование конфликта при Чанкуфэне, невзирая даже на опасность, что другие заинтересованные державы поймут, насколько сильно увязли японцы в Китае. Естественно, когда начались бои, нашлись японские офицеры, которые заявляли, что несмотря на хлопоты с Китаем переход к войне с Красной Армией вполне возможен и необходим. Такие мнения можно было услышать не только в Токио. Еще настоятельнее они высказывались в войсках корейского гарнизона, участвовавших в этих боях, и, по всей вероятности, особенно в Квантунской армии, самостоятельность и ухарство которой хорошо известны. И поэтому было более чем успокаивающим то, что в ходе и особенно при окончании пограничного инцидента впервые за долгое время снова мог провести твердую внешнеполитическую линию министр иностранных дел Угаки.

Значительно труднее решить второй комплекс вопросов, понудивших японцев к сдержанности при Чанкуфэне, а именно против какого государства как главного противника должна будет ополчиться Япония после победы в Китае. Чисто внешне кажется установленным фактом, что главнейшим соперником Японии является Советский Союз и что, стало быть, свое господство в Китае Япония использует против него. Но однажды это воззрение, лежавшее в основе оккупации Маньчжурии и основания Маньчжоу-Го, уже не подтвердилось полностью последующим развитием. Маньчжоу-Го стало, как известно, исходным пунктом японской экспансии не против Советского Союза, а против Китая. Однако Чанкуфэн стал символом японских "устремлений к северу", кажется, и потому, что уже незадолго до и после пограничного инцидента японцы с бросающейся в глаза интенсивностью повели переговоры с Англией об урегулировании всех спорных вопросов, возникших в связи с китайским конфликтом. (Между тем, правда, эти переговоры, оказавшиеся полностью безрезультатными, вновь прерваны. — *Редакция*.) Но именно здесь выявилось отсутствие единства в самой верхушке политического руководства. Ибо по мере того, как проводившиеся министром Угаки переговоры с представителями английского правительства приближались к цели, каковой было создание основы для широкого англо-японского единства по китайскому вопросу, начало развиваться контрдвижение. Его политический вождь На-

кано пользуется симпатиями у групп, близких к старому национальному вождю Тояме, в определенных кругах экспортеров и на флоте. Для этого оппозиционного движения китайская война означает нечто значительно большее, нежели только борьбу против антияпонского и националистического режима Чан Кайши. Для него оккупация Северного Китая является первым шагом к устранению английского влияния в Китае вообще. А взятие Ханькоу означает овладение рекой Янцзы — главной артерией британского проникновения в Центральный Китай. Вот почему эти круги требуют и нападения на Южный Китай, где Кантон стал важнейшим связующим звеном между Китаем и Великобританией. Кантон стал сегодня боевым кличем тех, кто разгромом всего Китая хотел бы задеть главным образом Англию. Конечно, среди целей жаждущей нападения оппозиции не найдешь названия колонии британской короны Гонконг, и эта оппозиция не хочет открытого конфликта с Англией. Зато повсюду в городе большие плакаты провозглашают необходимость оккупировать вместе с Кантоном и столь важный стратегически остров Хайнань. Остается под вопросом, сможет ли армия, все еще обдумывающая план оккупации Кантона, долго противиться этим новым целевым установкам, хотя многие высшие офицеры и значительные хозяйственные и придворные круги хотели бы в интересах англо-японского взаимопонимания решительно воспрепятствовать распространению военных операций на Южный Китай. Они боятся, что с оккупацией Кантона будут уничтожены все виды на англо-японское взаимопонимание. В ходе этой упорной внутренней борьбы за внешнеполитическую ориентацию Японии после падения Ханькоу эти "партии" обращают свое внимание на развитие в Европе. Поможет ли оно Японии избежать решения "между Чанкуфэном и Кантоном", так чтобы японцы могли стремиться к достижению большей цели — "от Чанкуфэна до Кантона"?»

* Китайское название высоты Заозерная.

16 ноября Зорге доложил в Москву подробную дислокацию войск Квантунской армии:

«МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА
Острова. 16.11.38.

Майор Шолль по возвращении из Маньчжурии сообщил: квантунская армия состоит из 4-х отдельных категорий войск.

Первая категория: пограничная охрана вдоль всех границ, вооруженная как регулярные пехотные и кавалерийские части, численность неизвестна. Вторая категория: крепостные войска, занимающие все укрепления вдоль границ. Эти крепостные гарнизоны занимаются даже батальонами и полками. Третья категория: жел. дор. охранные части, состоящие из пяти гарнизонов. Четвертая категория: регулярные войска — дивизии и бригады полевой армии.

Полевая армия разделяется на 3 армейских группы. Первая группа — в районе Хайлар, Барга — состоит из двух кав. бригад, штаб в Цицикаре. Эта дивизия организована 6 месяцев тому назад из 7 дивизии. Она укомплектована наполовину офицерами-резервистами, наполовину кадровыми офицерами. Полевой арт. полк, который Шолль наблюдал на учении, произвел на него очень слабое впечатление. Вторая армейская группа в районе Хэйхэ, Сюньхэ

состоит только из 1 дивизии, после того как одна кав. бригада из ее состава отправлена в Китай. Третья армейская группа рассматривается как наиболее важная и почти полностью укомплектованная. Штаб группы в Муданьцзяне. Группа состоит из следующих частей, считая от Мишань на юг к точке соприкосновения границ трех государств: 4, 8, 12 и половина 7-й дивизии, 2 дивизия находится в резерве группы и расположена в Муданьцзяне. Шолль слышал также о прибытии 11 дивизии, но дислокация ее еще неизвестна. Шолль видел две моторизованные бригады близ Синкинга.

Части жел. дор. охраны состоят из пяти гарнизонов. Каждый гарнизон имеет (1-2 слова искажены) около одной дивизии, вооруженной полевой артиллерией и легкими танками. Первый гарнизон в Цицикаре имеет задачей охрану всей западной Маньчжурии от Хайлара вплоть до Жэхе. Второй гарнизон — в Харбине. Третий — Гирин, четвертый — Синкинг, пятый — Мукден.

Имеется три крупных укреп. района. Первый в районе Барга, второй в Сахалян-Суньхэ и третий — напротив Владивостока — от Лишань до стыка границ трех государств.

Майору Шолль не разрешили посетить укреп. районы, но он слышал, что японские укреп. районы отличаются от системы советских, крупные по размерам и сооружены на важнейших направлениях. Размеры их различны, но некоторые из них могут вмещать для обороны до полка. Укреп. районы не соединены между собой окопными сооружениями.

Эти укреп. районы предполагаются для привлечения на себя и сковывания крупных атакующих сил с тем, чтобы в это же время предоставить подвижным полевым частям свободу действия между УР. Эта система позиционных и маневренных операций заимствована японцами у германцев. 3-й армейский корпус имеет УР, расположенные очень близко к советской границе, построенные не только для самообороны, но и для прямого наступления в зоне Владивостока.

№№ 228, 229, 230, 231, 232, 233. РАМЗАЙ».

Информация Шолля, переданная «Рамзаем» в Москву, позволила скорректировать цифру японских войск в Маньчжурии и Корее. Так, в разведсводке Разведывательного управления РККА «О боевом составе японской армии по состоянию на 20 февраля 1939 г.» было указано 9 пехотных дивизий в Маньчжурии и 1 — в Корее[25] (в записке Б.М. Шапошникова «О наиболее вероятных противниках СССР» от 24 марта 1938 г. число пехотных дивизий в Маньчжурии и Корее определялось 12-ю соединениями).

С осени 1938-го по весну 1939 г. японский генеральный штаб армии разрабатывал очередной оперативный план № 8 — план войны с Советским Союзом. В его разработке активное участие принимал и штаб Квантунской армии. Было составлено два варианта — «Ко» и «Оцу». Вариант «Ко» представлял традиционный план нанесения главного удара на восточном направлении против советских войск в Приморье. Вариант «Оцу» предусматривал нанесение удара с западного направления: оккупация МНР, выход к озеру Байкал и на Транссибирскую железную дорогу, а затем, в случае успеха, захват обширной территории от Иркутска до Владивостока. Удар с западного направления следовало нанести до того, как СССР укрепит здесь свою обороноспособность[26].

«МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА
Острова, 27.11.38 г.

По данным германского атташе майора Шолль: в случае войны с Советским Союзом японцы прежде всего ожидают наступления из районов Владивостока и Читы через Внешнюю Монголию в направлении Хайлар — Цицикарской ж. д. Японцы не верят в наступление на Мукден через Монголию. Считают, что такое наступление с моторизованными частями быстро потерпит неудачу ввиду территориальных трудностей и недостатка воды.

Японцы имеют три стратегических плана. По первому минимальному плану ввиду малых людских ресурсов (без помощи Германии) местом начала боевых действий избирается район Владивостока с одновременным мощным наступлением на Сибирскую жел. дор. в секторе Сахалян-Сунхэ. По второму плану начинается сильное наступление на ж. д. Чита-Иркутск с одновременной атакой в секторе Сахалян-Сунхэ.

По третьему плану, после уничтожения, посредством флота, морских и воздушных сил в Приморье, японцы начинают высадку десантов в Приморье.

По данным Джо, эти сведения также подтверждаются. Японцы намерены сделать высадку в том же самом месте, где они высаживались 100 [20?] лет тому назад — на приморском (сибирском) побережье. В отношении наступления из района Сахалян-Сунхэ Джо ничего не слышал.

РАМЗАЙ.

[Резолюция НУ: НО—2. Спецсообщение, а также ориентировать особым документом 1-ую, 2-ую армии и ЗабВО. Орлов. 4/XII.]».

Очевидно, что в 1838 году японцы на приморском побережье не высаживались.

«МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА
Острова, 20.12.38.

От майора Шолль, ездившего в Маньчжурию, я слышал, что западный укрепленный район предназначается исключительно для оборонительных действий.

По его же сведениям, в случае войны, первая атака японцев будет начата из этого направления с задачей разрушить железную дорогу севернее Владивостока.

Джо полностью подтверждает эти высказывания майора Шолль.

№ 59 РАМЗАЙ».

В декабре 1938 г. «в помощь пропагандисту РККА» была издана брошюра объемом в 28 страниц под названием «Вторая империалистическая война началась»: «Вторая империалистическая война действительно началась. Война эта затеяна блоком фашистских государств, присвоившим себе пышное наименование: "Ось Берлин — Рим — Токио". Ряд стран в Европе, в Азии и Африке, важнейшие в экономическом и стратегическом отношении моря, океаны и морские пути стали ареной этой войны.

Вторая империалистическая война, как и первая, вызвана в основном одними и теми же причинами — жесточайшими противоречиями между капиталистическими государствами, непримиримыми противоречиями между капиталистическими государствами, непримиримыми противоречиями меж-

ду буржуазией и рабочим классом. Ленин и Сталин учат нас тому, что при империализме войны неизбежны.

Первые выстрелы второй империалистической войны раздались на Дальнем Востоке. Осенью 1931 г. фашизированные японские империалисты напали на Китай (оккупация Манчжурии). В течение семи лет Япония ведет войну с целью полного закабаления Китая и установления своего господства в этой громадной стране и во всем Тихоокеанском бассейне за счет вытеснения своих империалистических соперников, прежде всего США, Англии и Франции. Война Японии против Китая приняла особенно широкие размеры с июля 1937 г. Авантюра японской военщины подорвала японскую экономику и разоряет Китай. Война в Китае вскрывает все слабые стороны японского империализма, подлинное лицо этой напыщенной лягушки.

Второй очаг войны был создан германским и итальянским фашизмом в Европе. Они зажгли пламя военного пожара на Пиренейском полуострове. Фашистские захватчики подожгли земной шар со всех сторон. Фашистская агрессия на Янцзы, на Эбро, на Дунае, в Восточной Африке давно уже вышла из рамок "местных конфликтов", как именуют поджигатели войны свои грабительские нападения на Китай (1931 год), Абиссинию (1935 год), Испанию (1936 год), Австрию (1938 год), Чехословакию (1938 год)...

Война идет на громадном пространстве от Гибралтара до Шанхая. Война уже успела втянуть в свою орбиту более полмиллиарда населения. Она идет, в конечном счете, против интересов Англии, США, так как имеет своей целью передел мира и сфер влияния в пользу агрессивных стран и за счет этих так называемых демократических государств...

Япония стремится к установлению своего владычества в Китае и на морских театрах — на Тихом и Индийском океанах. Таким образом, война уже задела в сильнейшей степени интересы главных империалистических держав, в особенности интересы США, Англии, Франции. Если кроме того учесть, что германский империализм добивается передела Африки, то станет ясным, что вторая империалистическая война приобрела мировой характер.

Планы японских фашизированных империалистов предусматривают, как известно, захват советского Дальнего Востока "до Байкала" и даже "до Урала"! Таковы аппетиты у этого нашего "неспокойного и, нечего греха таить, неумного соседа" (Ворошилов).

"Отличительная черта второй империалистической войны состоит пока что в том, что ее ведут и развертывают агрессивные державы, в то время как другие державы, "демократические" державы, против которых собственно и направлена война, делают вид, что война их не касается, умывают руки, пятятся назад, восхваляют свое миролюбие, ругают фашистских агрессоров и... сдают помаленьку свои позиции агрессорам, уверяя при этом, что они готовятся к отпору" ("Краткий курс истории ВКП(б)" стр. 318—319).

Что это значит?

Это значит, что расстановка империалистических сил в этой войне иная, чем во время первой империалистической войны. Пока действует только одна империалистическая коалиция — фашистский блок, оформившийся в ходе самой войны — в ноябре 1937 г. (6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту. — *М.А.*). Война имеет однобокий характер, она ведется на спине малых и слабых стран, на их территории, против

интересов так называемых "демократических" держав — США, Англии, Франции, которые не только не организуются для отпора агрессорам, но, наоборот, фактически потворствуют им.

"Воровские" методы развязывания войны тщательно культивировались фашистскими агрессорами за последние семь лет. Особенно внимательно изучались агрессорами "славные традиции" японского империализма, который уже применял эти воровские методы в прошлом, в войне против Китая в 1894—1895 гг. и в войне с царской Россией в 1904—1905 гг.

Япония начала военные действия против Китая еще до объявления войны. В последних числах июля 1894 г. ...

Войну с царской Россией Япония также, как известно, начала без объявления, с нападения японских миноносцев на царскую тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. ...

Эти воровские методы, усовершенствованные и "обогащенные" опытом, стали теперь общеупотребительными в лагере фашистских агрессоров.

Вторая империалистическая война продолжает расширяться, она угрожает всем народам. Она угрожает и Советскому Союзу. Выражением этой возросшей опасности, перенесения войны к границам СССР, было нападение японских войск на советскую территорию в районе озера Хасан. Японские налетчики, пытавшиеся "воровским образом" захватить кусок советской территории, были разгромлены. Советский Союз продемонстрировал всему миру свою силу. Но нападение японских агрессоров в районе озера Хасан показывает, что ведущаяся фашистским блоком империалистическая война должна в полной мере учитываться всегда и каждодневно каждым советским патриотом»[27].

6.2. «Коммерсант» является ярким примером источника, который с самого начала неправильно разрабатывали

(из *справки 1938 года*)

В «Характеристике лучших связей в шанхайской резидентуре», отражавшей состояние агентурной сети на 1 октября 1932 г (составлена в январе 1933 г. в Москве) «Рамзай» был немногословен в части Гельмута Войдта:

«№ 6. Вальтер

Вам достаточно известный. Смотрите ниже приведенные предложения. Наше внимание было обращено на него и на его в Китае происходившее развитие его бывшей знакомой № 8. Впоследствии Рамзай поговорил с ним основательно».

Войдт пережил «чистки» агентурного аппарата «Рамзая», проводившиеся по указанию Центра в начале 1933 —го коллективным резидентом Риммом и Стронским, а потом, прибывшим в Шанхай в августе этого же года Брониным.

При «Пауле» (Римме) и «Джоне» (Стронском) Войдт в конце февраля 1933 г. получил псевдоним «Вот» («Вотт»), судя по всему это было сокращение фамилии Войдта или ее неправильное написание, а вовсе не псевдоним. Уже «Абрамом» Войдту был присвоен новый псевдоним (или первый псевдоним) — «Коммерсант».

Из письма Абрама от 15.IX.33 г.:

«КОММЕРСАНТ[а] (такова теперь кличка ВОТТА) надо будет оформить как члена КПГ. Это его горячее желание, с моей точки зрения абсолютно оправданное и для нас полезное, так как человека дисциплинирует и еще больше привязывает к нам. Формально, это, думается, не представит трудностей: его под другой какой-нибудь фамилией надо записать в германской секции большого дома. Коммерсанту при этом надо хотя бы частично зачесть стаж его работы у нас, во всяком случае, год стажа. Аналогичный случай мне знаком по Берлину. Сделайте это обязательно, это нужно. Напишите для сообщения ему его партийную фамилию и № парткнижки. Отказ в этом случае (который по существу был бы неверным) поставил бы меня в трудное положение».

В члены коммунистической партии Германии Войдт так и не был принят.

В бытность «Абрама» шанхайским резидентом имевшиеся у Войдта несомненные информационные возможности никак не использовались. Войдта использовали для решения организационных задач, в том числе как хозяина конспиративной квартиры. На этой квартире Бронин встречался с советскими разведчиками под официальным прикрытием, в том числе военным атташе Лепиным («Эдуард») при советском полпредстве в Нанкине, корреспондентом «Правды» Гартманом («Самет») и сотрудником шанхайского отделения ТАСС Овадисом («Макс»). Иллюзий, что подобные встречи не попали в поле зрения китайской и английской полиции в международном сеттльменте быть не должно.

Документ без даты:

«КОММЕРСАНТ. По заявлению Макса (Овадиса. — *М.А.*) Коммерсант парень свой во всех отношениях. Хорошо знаком с местной обстановкой /экономика, финансы/. Имеет большие возможности для разъездов. В работе Абрама играл громадную роль, что видно из следующего: у него была рабочая квартира Абрама, склад, хранились деньги, обмен денег проходил через него, перевод денег в Токио происходил, правда, через него. Его знакомство с Абрамом не осталось незамеченным, об этом знает прислуга.

Разведен с женой, жена живет в Шанхае. Она имеет кое-какие подозрения в отношении связи Абрама с Коммерсантом».

Центр пытался подтолкнуть Бронина к активизации работы Войдта.

Из письма Центра Абраму от 9.7.34 г.:

«В предыдущем же письме мы обещали дать Вам дополнительные указания и относительно "КОММЕРСАНТА". Его необходимо активизировать, используя его связи на островах среди иностранной колонии. Через него, по нашему мнению, имеется возможность создать дополнительную сетку (отдельную и от Рамзая, и от китсети), а также "Доктора"».

От услуг «Доктора» — Плаута пришлось отказаться — вернее, он сам исчез. Существовало подозрение, что он, возможно, связан с германской разведкой.

В этом же письме «Абраму» от 9 июля 1934 г. Центр выразил сомнения в добропорядочности Войдта по отношению к разведке, сомнения весьма сомнительные:

«Отдельным пунктом пишем о КОММЕРСАНТЕ. Относительно его у нас имеются сомнения. Сомнения эти следующего порядка. Коммерсант в связи с некоторыми моментами его работы и связей, по нашему мнению, подходит к типу Доктора, т.е. немецкого разведчика. Моменты эти: его знакомство с

родственниками Урсулы (муж сестры последней здесь должен привлечь внимание), его рекомендация Доктора, который, по нашему, является немецким разведчиком. Если еще покопаться, то, видимо, у него найдется пара, другая людей указанного типа. Не является ли он одним из членов немецкой разведывательной группы? Сообщите Ваше мнение. Если это так, то, видимо, Вам на месте придется перерешить вопрос с сектором коммерсанта и подумать о передаче Нигрит (Айно Куусинен. — *М. А.)* Рамзаю, Коммерсанта отрезать от Рамзая и не посылать больше для связи с последним. Тогда лучше будет ему поручить сектор Доктора и пусть он активизирует его. Это будет лучшей проверкой его, ибо в короткое время характер и ценность его работы в этом секторе покажут нам, насколько правильны наши сомнения».

Надо отдать должное Бронину в своей переписке с Центром он категорически отмел подозрения о связи «Коммерсанта» с немецкой разведкой:

«Из письма Абрама от 9.8.34 г.

... Не надо передоверять, но правильно и то, что необоснованными подозрениями можно кой-какое хорошее дело испортить.

КОММЕРСАНТ нам оказал не одну услугу; напоминаю Вам хотя бы только то, что Р-й свою легализацию построил на письмах Коммерсанта. Он всегда к нашим услугам, когда мы в нем нуждаемся, он постоянно жалуется, что нет у него достаточно работы, что он хотел бы больше сделать. Какое же Вы имели веское основание вопреки всем этим факторам выдвигать теорию о его принадлежности к немецкой разведке? Вы приводите два доказательства: Док. № 1: он нам сам рекомендовал Д-ра. Как было дело? Мы стали с ним разбирать, кого из немецких евреев, обиженных наци, стоило бы завербовать ... Я поэтому предлагаю при взвешивании наших перспектив работы с европейцами на островах совершенно отставить элемент подозрения Коммерсанта в связи с немецкой разведкой».

Конечно, утверждение Бронина, что «Рамзай» «свою легализацию построил на письмах Коммерсанта» слишком преувеличено. Но, с другой стороны, Войдт сделал все от него зависящее, чтобы способствовать легализации Зорге в Японии.

В связи с провалом Бронина в мае 1935 г. связь с Войдтом была прервана.

Судя по резолюциям, в октябре 1935 г. «Соней» — Урсулой Гамбургер — была составлена характеристика «Коммерсанта»:

«Характеристика тов. Хельмута Войдта.

т. Артузову. Насчет Коммерсанта, прошу лично переговорить. С.У. 18.10.35.

т. Карину. Напрасно он не обращает внимания на работу с Коммерсантом. СУ.

Войдт был школьным товарищем моего мужа. Я его знаю 11 лет. Войдт очень интеллигентный человек с особенно ясным и логическим мышлением. Он очень хладнокровен, спокоен, хорошо знает людей и очень уверенно всегда себя ведет.

Он самолюбив и очень самоуверен в своих способностях. Он не уступчив и упрям.

Войдту около 33 лет. Он сын небольшого чиновника из Силезии, Германии. Он 12 лет посещал школу, потомбыл студентом и окончил юридический факультет. Ему было 26 лет, когда AEG /Allgemeinen Elekrizitaetsgesellschaft, B

erlin/ (электрическое общество, Берлин) послало его в их филиал в Шанхай коммерческим руководителем.

Через год я с мужем приехали в Шанхай и жили там вместе с Войдтом. К тому времени Войдт уже стал одним из руководящих лиц в немецком буржуазном обществе. (Подчеркнуто Урицким. Его же рукой написано: "Он имеет не плохие связи с немецкими фашистами в Шанхае". — *М.А.*).

Его развитие до этого времени ясно. Он происходит из мелкобуржуазной почти пролетарской среды. Учеба Войдта стоила его родителям большие жертвы. Цель Войдта выбраться из родительской обстановки и стать крупным буржуа. Благодаря его способностям и его честолюбию он этого достиг. Когда он достиг этой цели, он начал интересоваться общеэкономическими и политическими вопросами и скоро познал путаницу и бесплановость капиталистического общества. Он начал заниматься изучением Советской России… Он быстро сознал ничтожность своей прежней цели и говорил о том, что бросит свое занятие и поедет в Советскую Россию. Я его наблюдала еще несколько месяцев и тогда поговорила с начальником о нем, а затем поговорила с Войдтом, и он был готов работать с нами… Никакой революционной традиции не имеет и, несмотря на то, что он знает повседневную политическую и экономическую жизнь, он все же необходимых политических знаний не имеет.

С другой стороны, он обладает способностями организовать большие дела и руководить. Кроме того, он честолюбив, а, наверное, также честолюбив и на нашей работе и привык с 26 лет своей жизни благодаря своей профессии занимать руководящее положение.

Использовать его, безусловно, необходимо, но было бы хорошо, если бы он на некоторое время приехал бы в Москву для учебы».

Указание начальника Разведупра его заместителем и начальником 2-го отдела исполнено не было. Спустя два месяца и Урицкий снова возвращается к вопросу о «Коммерсанте»:

«ЗАМ. НАЧ. РУ РККА т. АРТУЗОВУ,
НАЧ. 2 ОТДЕЛА РУ РККА т. КАРИНУ.

Я уже указывал тов. КАРИНУ на необходимость разобраться в шанхайских делах, в частности, разрешить вопрос о работе Коммерсанта и англичан, поднятых Градовым.

Прошу это сделать в самый кратчайший срок.

Кстати, где находится агент корреспондент "Гавас", который некоторое время тому назад проезжал через Москву?

НАЧ. РУ РККА. КОМКОР /С.УРИЦКИЙ/

7 января 1936 г. ».

Должно было пройти еще восемь месяцев, чтобы были предприняты какие-то действия для восстановления связи с Войдтом.

«Выписка из письма АЛЕКСУ из Центра от 31.8.36.

…

10. О проезде "Коммерсанта" к себе на родину я узнал через "Соню", которая встретила его случайно. Установить с ним там связь не представлялось

возможным. Если он уже вернулся в Ваш город, то попытайтесь связаться с ним по телефону № 1-76-22. Фамилию его помнит Борис, наверно. Приметы "Коммерсанта": рост средний, сухощавый, ярко выраженный блондин, прическа гладко прилизанная. При встрече можно передать привет от Пауля и Луизы, которых "Коммерсант" лично знал».

«Пауль» и «Луиза» — супруги Карл и Любовь Римм, сотрудники шанхайской резидентуры «Рамзая». «Встретила его случайно» утверждает «Соня». Эти слова лишний раз подтверждают, что Урсула Гамбургер не порывала связи с Войдтом, о чем не подозревал Центр.

«Меморандум №______ от 15.10.36 г.

На № 399 Алексу указываем, что выдвинутая им на связь с Коммерсантом кандидатура не подходит. Исходя из того, что Коммерсант знает уже организацию Рамзая, а этот последний связан с Рамоном, предлагаем Коммерсанта связать с Рамоном. Кроме того, учитываем, что Коммерсант может в будущем пригодиться по делам Рамзая.

Верно: Б. Гудзь.
Т. Покладок.

Прошу проставить № мемо по тел. В дело Рамона, Рамзая и Коммерсанта.
Б. Гудзь. 15.10.36».

Выписка из письма «Алексу», октябрь 1936 г.

«9. На Ваш сувенирный запрос и в развитие моих указаний от август. гитары (почты. — Прим. авт.) о "Коммерсанте" дополнительно сообщаю: "Коммерсант" в прошлой своей деятельности оказал нам ценные услуги. Они Вам известны; в то время использование его нашими работниками организационно было поставлено из рук вон плохо, ибо Коммерсант знал все нашу иностранные и, отчасти, национальные связи в Вашей стране.

При восстановлении с ним паутины (связи. — Прим. авт.) надо учесть этот урок и наладить дела таким образом, чтобы все, что он дает нам в качестве наводки, было бы использовано какой-либо одной организацией. Он должен иметь лишь одну паутину с Вами (1 раз в м-ц) и никаких паутин в сторону. Его использование мне мыслится: его личный свист (информация. — Прим. авт.) об астраханской (германской. — Прим. авт.) политике и делах в Сванетии (Китая. — Прим. авт.) и наводка для обивки (вербовки. — Прим. авт.). Кому Вы поручите паутину с "Коммерсантом" — оставляю на Ваше усмотрение».

Произошло недоразумение — сказать сложно по чьей вине, Центра или «Алекса» — и «Коммерсант» был передан на связь «Гарри» (нелегальный резидент в Шанхае Г.Б. Китин), а не «Рамону».

Выписка из письма «Алекса» от 9.11.36 г.:

«9. КОММЕРСАНТ. — С передачей Коммерсанта произошла путаница, результатом которой было недоразумение. В Вашей телеграмме Вы предлагали не передавать его Гарри, а связать с Рамзаем. Теперь по получении Вашего письма от 22-го я убеждаюсь в том, что здесь была опечатка, Вы предлагали передать его, как видно, Рамону. В письме от 22-го эта опечатка повторяется ... Если бы этой опечатки не было, то я не имел бы ничего возразить, понятно, против передачи Коммерсанта Рамону, а не Гарри. Согласен с Вами, что это было бы целесообразнее, мне просто не пришло в голову».

Выписка из письма «Алексу» 22/XI-36 г.:

«8. О Коммерсанте. Я был против того, чтобы он был связан с Эрнстом-Гарри по следующим причинам: Эрнст не способен руководить Коммерсантом. Эрнст техник и занят другим делом, считаю, что и Гарри лично слаб для руководства. Далее — Коммерсант хорошо знает Рамзая, помогал ему легализоваться в Самоедии, с другой стороны, Рамзай ценит Коммерсанта и считает его надежным и полезным в нашем деле человеком, способным в трудную минуту оказать серьезную помощь. Исходя из этих соображений, я сообщил Вам, что так как Коммерсант знает организацию Рамзая (понимая под этим, что он знает главу организации — Рамзая) и что нецелесообразно связывать его, Коммерсанта, еще с другой организацией, т.е. с Эрнстом-Гарри, а лучше, стало быть, связать его с Рамзаем, который будет рано или поздно осуществлять связь с Коммерсантом. Вот и все.

Если же Вы все решили связать Коммерсанта с Гарри то, причем здесь Эрнст. Зачем было открывать его перед Коммерсантом, какая в этом была деловая надобность?

Прошу Вас решить это дела в духе моей телеграммы № _____, т.е. связь Гарри с Коммерсантом организуйте без посредника».

Казалось, было найдено единственно правильное решение — связать «Коммерсанта» с «Рамзаем», и никаких лишних «паутин». Однако Центр не проявил должной настойчивости и не дал указания на изменение условий связи с «Коммерсантом», а пошел на поводу у «Алекса», принявшего неправильное решение.

Выписка из письма «Гарри» от 27.11.36 г.:

«7. Установил связь с Коммерсантом. Виделся с ним в его офисе, другого выхода не было. Все прошло гладко. В его квартире встретиться было невозможно, его жена является этому помехой. По словам Коммерсанта, она была очень напугана последними событиями (Аб[рам].) и она о наших будущих встречах не должна знать. Наша вторая встреча была в его машине, она, вернее, принадлежит его фирме, но находится в его распоряжении. И это свидание по времени было ограничено, он очень спешил. Но вечером, по его словам, ему будет трудно со мной встречаться, т.к. он очень занят и не может заранее назначить день встреч, и что лучше всего будет для него обеденный перерыв, машиной он тогда не может пользоваться и предложил встречаться в намеченной нами квартире. "К" занимает видное положение коммерческого директора. Его партположение, по его словам, прочное, по функции — местный парткоммерческ[ий] руководитель. Без предисловий, он мне при втором свидании передал орехи (документы. — *М.А.*), о которых он при первом свидании ничего не упомянул. Узнав вкратце их содержание, на том свидание наше закончилось. Следующее свидание скоро состоится. Считаю, что он ценный и серьезный пузырь (источник. — *М.А.*) и его придется тщательно обрабатывать, т.к. он раньше был слабо использован.

Сейчас полит[ическая] обстановка резко изменилась, а вместе с тем и задания.

После двух коротких встреч с "К" у меня не могло сложиться о нем определенное впечатление, но факт дачи первых орехов говорит за то, что он согласен быть вовлечен в паутину. Мою фамилию он не спрашивал. Осторожность я соблюдаю».

Выписка из письма «Алексу» от 21.1.37 г.:

«20. Сообщаю Вам оценку материалов, полученных Гарри от Коммерсанта. Орехи весьма ценны. Они свидетельствуют о прямом участии фашистской партии в реализации астраханско-сванетского (германо-китайского. — *М.А.*) соглашения, о поставках вооружения сванетом и о том, как это соглашение практически проводится. Орехи нами целиком использованы. Дальнейшее получение подобных орехов весьма желательно».

Выписка из письма «Гарри» от 18.1.37 г.:

«С Коммерсантом наладил регулярные встречи на квартире Булочника, приблизительно 4 раза в месяц. Полученные от него последние два ореха, освещающие герм-кит. военно-политические отношения, представляют, по-моему, ценность. Жду Вашей оценки. Эти орехи он получает из Нанкина, куда он едет от фирмы приблизительно 3 раза в месяц и имеет личные беседы с послом, военным советником и специальным представ[ителем] рейхсвера (рейхсвер прекратил свое существование в 1935 году; в марте 1935 года Германия объявила о формировании новых вооружённых сил — вермахта. — *М. А.*). Его дальнейшие возможности: а/ подлинники, освещающие герм.-кит.хоз. связи от его фирмы, б/ парт. информации, в/ его личный воен. полит-хоз. обзор герм.-кит. отношений, приблизительно каждые два мес. (в разрезе последних событий). Кроме того, в первую очередь ему поставлена задача использовать его возможности и знакомства по линии "островитян": 1. Использование на месте соотечественников, едущих туда и приезжающих оттуда /в смысле вербовки или же получения личной информации/.

"К" во время личной беседы советовался со мной, как ему быть в случае войны и его возможного отзыва на родину и потери связи с нами. Я ему советовал благодаря его связям и хорошим отношением со здешним консулом добиться того, чтобы остаться здесь или на Д.В., принимая во внимание, что у него нет воен. образования и в резерве он не состоит. Но, как же быть, если его все же отошлют на родину — был его вопрос. Я обещал ему обмозговать этот вопрос и запросить по инстанции. Вопрос этот может, действительно, стать актуальным. Разрешите этот вопрос для его дальнейшего инструктажа».

В своей переписке с Центром Борович настаивает на том, что основное предназначение Войдта не информационная работа, а наводки на интересующих разведку лиц и последующая их вербовка.

Выписка из письма Алекса от 27.1.37 г.:

«О Коммерсанте Вам Гарри также пишет. Прошу Вас дать указания, в самом срочном порядке дать мне оценку материала и сообщений Коммерсанта, если можно, кратко по телеграфу. Я рассматриваю информационную деятельность К. не как его основную задачу, основная деятельность его должна заключаться в наводке и дальнейшей вербовке по линии самоедов и, при возможности, астраханцев (немцев. — Прим. авт.)».

Выписка из письма Центра от 22.2.37 г.

«Дорогой Гарри!

Подтверждаю получение Вашего письма от 18.1.37 г.

1. Оценку материалов Коммерсанта, полученных мной в январе, я сообщил Алексу. Повторяю: "Оба материала весьма ценны и нами целиком используются. Они освещают весьма актуальные вопросы, как-то: прямое участие фашисткой партии в реализации астраханско-сванетского (немецко-китай-

ского. — Прим. авт.) соглашения, поставки вооружения сванетам и практическое осуществление этого соглашения. Дальнейшее получение подобных материалов весьма желательно".

Оценку материалов, полученных мной в феврале, вышлю Вам следующей почтой после их перевода и изучения.

2. Взятую Вами линию в работе с "Коммерсантом" одобряю. К вопросам вербовок Коммерсанту надо подходить более осторожно и глубже изучать людей. Напоминаю, что у него уже были две неудачные вербовки (доктора немца из Самоедии и учителя в Ширме), которые могли подвести и его под удар.

Если в разговоре Коммерсант вернется к теме — как быть во время войны, когда его вызовут на родину как резервиста, то установите с ним явку и пароль в его стране и скажите, что к нему явится наш человек».

Выписка из письма «Гарри» от 25.2.37 г.

«4. С Коммерсантом налажены нормальные свидания, примерно, 3 раза в месяц. Руковожу им по линии, намеченной мной в прошлом письме. Его орехи из бесед в Н. с "Кл." наиболее интересны и по его последнему ореху линия "Кл." совпадает с той местного астраханского консула. Из моей устной беседы с Коммерсантом сообщаю Вам: а) что кроме указанных Коммерсантом в прошлых орехах, прибывших уже астраханских вооружений в Сванетию, — новые вооружения не прибывают; б) Коммерсант подтверждает, что морской договор астраханцев с хризантемами не состоялся под напором здешних астраханских представителей, требующих более дружеских отношений со Сванетией.

Во время последней встречи Коммерс. с "Кл.", последний предложил ему стать его заместителем в Н[анкине] (!) Коммерсант ему ответил, что эта должность назначается, очевидно, инстанцией свыше, на что "Кл." ответил, что он дома в Воен. Мин. сможет об этом ходатайствовать. "Кл." в будущем месяце уезжает домой, но должен сюда обратно вернуться. Коммерсант предполагает, что предложение "Кл." не серьезно. Для меня это предложение является сюрпризом, принимая во внимание, что Коммерсант не военный человек, но, если "Кл." все же предложил ему это, то у него, очевидно, есть намерения использовать Коммерсанта...».

«Кл» — Клейн, неофициальный представитель Гитлера, представитель военного министерства в Китае.

В своей переписке с Центром Борович пытается поставить под сомнение надежность как «Коммерсанта», так и «Рамзая» и сеет, совершенно не оправданно, недоверие к тому и другому.

Выписка из письма «Алекса» от 1.3.37 г.

«б) Коммерсант. — Как я уже писал в прошлом письме, наводческая деятельность Коммерсанта развивается очень туго, информационная же, несомненно, очень интересна. Основную информацию он получает от Клейна, который, по его словам, является представителем Бломберга здесь. Гарри вам пишет о предложении, которое Клейн сделал Коммерсанту. Это предложение произвело на меня странное впечатление несерьезности Клейна, а может быть даже неправильности его утверждения о том, что он является представителем Б., с другой стороны, это предложение может навести на разные соображения относительно самого Коммерсанта. **Как Вы, вероятно заметили, информация Рамзая и информация Коммерсанта во многом совпада-**

ет. Методы получения информации также сходны, сходно также то, что Отт предложил Рамзаю быть его экономическим помощником, а Клейн предложил Коммерсанту быть его заместителем(здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Как Вам известно, Рамзай привлек Коммерсанта к работе в бытность его здесь, отношения между ними очень приятельские. Рамзай настаивал на присылке к нему в качестве курьера Коммерсанта, настаивал также на свидании своих курьеров с Коммерсантом. Жена Фрица, приехав сюда, получила указания, если он не сможет связаться с нами, связаться с Коммерсантом, имела его адрес. Я дал Гарри указания, указать Коммерсанту на необходимость принять предложение Клейна, хотя оно и сопряжено, как говорит Коммерсант, с оставлением Коммерсантом службы в Ширме и с переездом в Ростов (Нанкин. — Прим. авт.). До окончательного решения этого вопроса между Клейном и Коммерсантом, я указал Гарри на необходимость моей встречи с Коммерсантом.

Для того, чтобы я имел достаточно материала для суждения и выводов относительно Коммерсанта, **настоятельно прошу сообщить мне срочно Ваше мнение о Рамзае и параллельно с этим о Коммерсанте»**.

Комментарии на полях: «Совсем нет — наивные рассуждения. А его мнение? Он же там сидит и ближе к ним. — Александровский».

Выписка из письма «Гарри» от 3.5.37 г.

«4. Качество материала Коммерсанта с отъездом К. (Клейна. — *М.А.*), его наиболее ценной паутины, понизилось. Он, по его словам, старается быть нам наиболее полезным, но, по-моему, он мало активен, и мне приходится порядком его подталкивать.

От предложенной материальной помощи он отказался, мотивируя тем, что он нами не был сюда специально послан, и что он материально обеспечен...».

Ответ по поводу «Коммерсанта» Центром все-таки был отправлен.

Выписка из письма «Алексу» от 28 мая 1937 г.

«2. Предложение Клейна, сделанное им Коммерсанту, заслуживает серьезнейшего внимания. Вы правильно поступили, решив встретиться с ним лично и обсудить этот вопрос. Надо иметь в виду, что Клейн является представителем астраханского военного министерства у Пана (Чан Кайши. — Прим. авт.). Он, несомненно, в курсе той большой политики, которую астраханцы (немцы. — *М.А.*) ведут в Сванетии (Китае. — *М.А.*). Чем больше Коммерсант войдет в доверие Клейна, тем больше у него шансов получать достоверный свист от него.

Вопрос переезда Коммерсанта в Ростов еще не решен, ибо разговор Клейна с Коммерсантом еще не значит, что Б. санкционирует предложение Клейна. Если даже этот переезд состоится, то дальнейшая связь с ним не является проблемой, ибо от Ширмы до Ростова 6-7 часов езды.

Наше мнение о Коммерсанте такое же, какое оно было в момент Вашего отъезда. За последний период его работы Вы стоите к нему ближе, чем мы и поэтому Вам виднее всякие перемены в нем. Имейте в виду, что во **время Рамзая и Абрама Коммерсант нам орехов не давал; он ограничивался лишь простым свистом. Теперь же он дает хорошие орехи — стало быть, на лицо улучшение работы Коммерсанта** (выделено мной. — *М.А.*)».

Выписка из письма Центра 3.6.37 г.

«5. Вашу работу с Коммерсантом не могу признать удовлетворительной. Я не раз Вам писал, что Вам надлежит использовать блестящие возможности

Коммерсанта для изучения колонии наци, наводки и возможностей вербовки. Явно пассивного в этой области Коммерсанта Вы не сумели активизировать. Нужно ли Вам, нашему старому работнику, говорить о том, как для нас важны вопросы проникновения наци в Китай, усиления их влияния, каналы проникновения этого влияния и пр.

Вместо Клейна приехал Ларман и развил большую активность. Я узнал это помимо Вас. А Вам следовало бы драться за честь быть первоисточником этой информации. Правильно используя Коммерсанта, Вы можете справиться с этой задачей.

6. Присланные Вами альбомы прожекторов интересны. Выяснить, изготовляет ли фирма прожектора, рассчитанные для освещения наземных объектов и их тактические, и технические данные...».

Выписка из письма Кристи от 15.7.37 г.

«Коммерсант. Кроме прилагаемых печатных материалов (см. тяжелую почту) о прожекторах и телефонного списка астраханцев — больше ничего не дал. Очевидно, Гарри торопился с отпуском и не удосужился потребовать более конкретные материалы.

Из письма Гарри видно, что Коммерсант также уезжает в отпуск. **Крайне интересно сообщение Гарри о каких-то неясных связях Коммерсанта с каким-то «Икком»** (Икой. — *М.А.*), **живущим в Самоедии. Артур считает, что речь явно идет о Рамзае. Если это так, то нужно сделать вывод, что Коммерсант не только знаком с Рамзаем, но знает также о его работе на нас и, наконец, какими-то путями поддерживает с ним связь. Какая-то запутанная и подозрительная история, которую мне здесь распутать трудновато** (выделено мной. — Прим. авт.).

«Задание Коммерсанту (без даты).

...

2). Технические данные прожекторов, выпускаемых фирмой «AEG" /первый пункт вычеркнут/.

3) Где, в каких р-нах строились подземные электростанции.

4) Какие станции значительно расширились».

В октябре 1937 года «Гарри» — Китин был отозван из Шанхая, а в декабре того же года уволен из РККА по ст.44, п. "в", как арестованный органами НКВД.

«По возвращении КИТИНА в СССР из Шанхая в октябре 1937 года, бывший начальник 2 отдела РУ РККА майор ХАБАЗОВ, докладывая начальнику РУ о причинах снятия КИТИНА с работы в Шанхае и отзыва в Москву, писал, что главными из них являются политическое недоверие, так как он был привлечен к разведработе и длительное время работал под руководством и находился в близкой связи с людьми, арестованными органами НКВД, а также и деловые соображения, поскольку он работе показал себя малоинициативным, негибким и ограниченным работником: имея прекрасное прикрытие (владелец бара), он не сумел ее использовать и не произвел ни одной вербовки, задачи выполняет под большим нажимом с нашей стороны, сам чрезвычайно пассивен и своего агента "Коммерсанта" не активизировал: благодаря отсутствию такта, весьма важную связь с агентом "209" неоднократно ставил под угрозу срыва: и хотя КИТИН в работе является дисциплинированным и точным, но политически развит слабо, в политической обстановке разбира-

ется плохо и страны пребывания не изучил. И в заключение ХАБАЗОВ писал, что КИТИН с порученным ему участком работы не справился».

«Справка о Коммерсанте (без даты, по содержанию за 1938 г.).

Коммерсант — немец. В Шанхае занимает должность коммерческого отделения фирмы АЭГ с 1928 г. На нашу работу привлечен Рамзаем в 1931 г. по рекомендации «Сони», работающей в данное время по линии Туманяна. По политическим убеждениям в годы 1930 и 1932 —ой Коммерсант примыкал к радикально настроенной интеллигенции и считал себя сочувствующим к КПГ. Наши поручения он выполнял исключительно по мотивам идейных побуждений. Никакой материальной поддержки Коммерсант от нас не получал и никогда на нее не претендовал. На протяжении многих лет Коммерсант знал многих работников резидентуры Рамзая и Абрама. В 1936 и 37 гг. Коммерсант был связан с Гарри и несколько раз встречался с Боровичем. Рамзай легализован в Японии на основании рекомендательных писем Коммерсанта.

По нашему предложению Коммерсант вступил в Шанхайскую организацию наци и занял в ней крупный руководящий пост.

Несмотря на то, что Коммерсант занимает видный пост по своему служебному положению и играет важную роль в Шанхайской организации наци, продукция его, как агента, ниже среднего. Только за 1936 и 1937 гг. его информационная работа несколько улучшилась. В прошлом году Коммерсант дал нам документальные материалы о германо-китайском торговом договоре и за 1937 г. — технический материал о прожекторах, изготавливаемых на заводах АЭГ».

Своими рассуждениями о «Коммерсанте» поделился и бригадный комиссар Бронин, вернувшийся из заключения в Китае.

«Зам. Начальника Разведупра РККА
ст. майору госбезопасности
тов. Гендину.
Врид. Начальнику 2 Отдела
РУ РККА майору
тов. Хабазову
О "Коммерсанте".

"Коммерсант" является ярким примером источника, который с самого начала неправильно разрабатывали (здесь и далее подчеркивание в тексте документа. — *М.А.*).

Его завербовали на идеологической базе, а не материальной: в подобном случае нужны особые усилия, чтобы закрепить источника и заставить его по-настоящему на нас работать. Если источник работает на деньги, то сам факт получения денег его связывает и стимулирует: когда же источник материальной заинтересованности не имеет, то закрепить его надо, заставляя его выполнять такие существенные задания, которые его безвозвратно связывают с нашей организацией. Очевидно, что с самого начала работы с Коммерсантом его надо было заставить регулярно нам давать информационно-агентурный материал, а также использовать его как посредника для вербовки агентов.

Вместо всего этого его с самого начала работы с ним (его завербовал Рамзай) сделали чем-то вроде внештатного работника аппарата, используя его почти исключительно как советника и помощника по организации кры-

ши для наших работников и для других организационно-технических дел (использование его квартиры для встреч, его адреса и т.д.). При этом "Коммерсант" всегда знал всех наших европейских работников.

Я не хочу сказать, что таким путем "Коммерсант" не приносил никакой пользы, ясно, однако, что выполняемые им функции его всерьез не связывали, что он ничем серьезным не рисковал и что он для собственно агентурной работы ничего существенного не сделал.

За время моей личной связи с ним (август 1933 — апрель 1935 г.) я сделал ряд попыток его активизировать. На практике я убедился, что он туго идет на подлинно агентурную работу, но что путем постоянного, дружеского по форме, но твердого по существу нажима можно от него добиться кой-каких результатов. Прежде всего, его надо заставить давать документы. Под всякими предлогами он обычно увиливал от этого, предлагая рассказывать то, что он слышал и знает. В последнее время, перед арестом, я наладил более-менее регулярное получение от него материалов-документов. Это связано было с назначением его на ответственный пост заведующего экономическим отделом шанхайской областной организации наци. Большого интереса данные документы не представляли, все же среди них попадался некоторый секретный материал, а один документ был ценный (доклад одного из германских военных советников в Нанкине о сравнительной мощи японской и нашей армий, сделанный в каком-то военном обществе в Берлине).

"Коммерсант" — источник потенциально ценный. Учитывая громадную важность получения нами информации об активности германского фашизма в Китае, Коммерсант для нас может представить большую ценность. Нам следует поставить перед ним следующие задачи:

а) Давать регулярно документальный материал по его непосредственному "ведомству" в организации наци. В этом материале иногда да попадется кое-что нас интересующее, с другой стороны, постоянная дача нам такого материала будет дисциплинировать Коммерсанта и будет теснее его связывать с нами.

б) Давать нам документальный материал по другим "ведомствам" нацовской организации... Кроме того, он должен нам дать информацию о планах и действиях германского фашизма в Китае...

в) Помогать нам в качестве посредника, намечая и указывая нам людей, которых следует попытаться завербовать, а в том или другом случае, предпринимая сам, по нашему заданию вербовку агента.

Указанные три задачи, особенно первые две, Коммерсант может, безусловно, выполнить, если он возьмется за работу с душой. Для этого его постоянно нужно стимулировать и подталкивать, ибо сам он особой инициативной активностью не отличается, в целом, стремится избежать большого риска и предоставленный самому себе будет «отдыхать» и ничего для нас не сделает.

Подход при этом к нему должен быть индивидуальный. Надо сохранить с ним тон дружбы, подчеркивая, что, мол, его рассматриваем "своим человеком". Надо при этом считаться с его интеллигентского типа самолюбием. Коммерсант неплохого мнения о себе самом...

На него следует также влиять идеологически. В этом отношении у него нет никакого твердого фундамента. Он в прежние времена состоял в Шанхае в кружке, организованном вокруг журнала "Ди Тат". Кружок этот относился к тем кругам, которые в свое время в Германии называли (и неправильно назы-

вали) "национал-большевистскими". Путаница, оставшаяся в голове Коммерсанта с тех пор, так и не рассеялась вполне до настоящего времени. Поэтому он легко поддается политическим влияниям. (В свое время мне приходилось писать домой, какое отрицательное влияние на Коммерсанта имел один его разговор с Рамзаем, к которому он тогда ездил за почтой. Я точно не помню больше деталей этого разговора, помнится лишь, что Рамзай противопоставлял как-то интересы германской компартии и Советского правительства. Коммерсант после этого стал со мной вести странные разговоры насчет того, что не надо мешать германской компартии и т.п.)...

Не следует брать в отношении его тона угроз, но следует настойчиво ему "надоедать", ставя конкретные требования, ставя ясные задачи. Никогда не представлять его самотеку в расчете, что он сам сделает то и другое: сам он ничего или почти ничего не сделает. Организационно же связь с ним должна быть построена на таких же началах как со всеми другими источниками, старых "привилегий" в этом отношении продолжать не надо.

Не может ли быть, чтобы он был с самого начала заслан к нам, скажем, немецкой разведкой? Это такой вопрос, на который никто не возьмется ответить абсолютным нет. Но я все же не вижу прямых данных, могущих служить базой для такого подозрения. Как повод в пользу этого подозрения мне указали на то, что Коммерсант ничего серьезного для нас не сделал. По этому поводу надо сказать, что один факт того, что источник сделал что-либо серьезное, отнюдь еще не является гарантией, что он не заслан. Известно, что для лучшей своей маскировки и закрепления своего положения засланный агент, с ведома своих хозяев, может сделать что-либо полезное (дела троцкистско-бухаринских шпионов пестрят примерами подобного рода). Точно также факт отсутствия серьезной работы источника еще никак не доказывает, что этот источник засланный. Я считаю, что слабая работа "Коммерсанта", в первую голову, объясняется его неправильной разработкой и общей слабостью нашей работы с ним. Лично я думаю, что если "Коммерсант" заслан, то он свои возможности должен был использовать года 4 тому назад, когда он знал действительно много людей, теперь он, ведь, и знает крайне мало.

Сколько я могу судить о Коммерсанте, мне сдается, что он поступил к нам по идеологическим соображениям, на базе некоторых туманных симпатий к нам. Я не исключаю возможность, что он теперь и сам-то не очень рад, что тогда с нами связался, но он достаточно умен и сообразителен, чтобы понять, что начисто рвать с нами уже не в состоянии.

Но может ли случиться, что Коммерсант нас вдруг предаст? Если отвлечься от гипотезы, что он заслан, то такого предательства нам опасаться нечего. В таких случаях вопрос всегда нужно ставить так: а что источник выиграет от предательства? Допустим на минуту, что Коммерсант "покается" и расскажет своим наци, каким он грязным делом занимался. Что будет в результате этого? Неясно ли, что он в этом случае не только потеряет свое положение, но что его, его же наци раньше или позже ликвидируют? Не надо забывать, что Коммерсант, хотя ничего крупного не сделал, совершил, однако, ряд сильно компрометирующих его вещей. На его квартире хранились наши материалы, он помог устроить рацию (это — для меня), привозил почту с островов в Шанхай, давал все же ряд документов и т.д., и т.д.

Наконец, при общей оценке Коммерсанта не надо забывать такого факта, что он соглашался меня прятать у себя, в случае удачи моего освобождения и

транспортирования меня в Шанхай. Это для Коммерсанта было делом крайне опасным, однако он, как мне говорил Артур, на это пошел без разговоров.

Общее мое заключение таково: Работать с ним не представляет больше риска, чем работа с каким-либо другим источником. Источник он — потенциально ценный и нужный нам; правильным подходом и настойчивостью его можно заставить работать. Я поэтому не вижу смысла его консервирования и считаю, что с ним нужно активно работать.

Бригадный Комиссар Бронин

10 января 1938 г.».

В целом нельзя не согласиться с рассуждениями Бронина. Однако, не следует умалять роли Войдта при решении организационных задач, особенно в бытность самого «Абрама» шанхайским резидентом — использование его квартиры в качестве конспиративной, склада, для хранения денег, использование самого «Коммерсанта» для обмена и перевода денег в Токио. Не следует забывать, что документы, которые он передавал «Гарри» были признаны «весьма ценными».

Представляется, что, если бы «Коммерсант» был передан на связь «Рамзаю», то результаты его информационной работы были бы совершенно иными, а, возможно, и судьба самого Зорге и его соратников.

«С отъездом КИТИНА “Коммерсант” был передан на связь новому резиденту, с которым работал до 1940 года.

В 1940 году “Коммерсант” по собственной инициативе прекратил с нами связь».

6.3. «Характер действий предателей всегда одинаков. Делать же выводы о том, каково положение в России, исходя из высказываний Люшкова, очень опасно»

(*из показаний Зорге в ходе следствия в тюрьме Сугамо*)

Масштаб «чисток» в РККА и НКВД привел к появлению перебежчиков, людей, которые предпочли воспользоваться возможностью перейти государственную границу ожиданию, как им казалось (возможно, и оправданно), неминуемого ареста. Были и «невозвращенцы» — те, кто решил не возвращаться из загранкомандировки. В 1938 году на Дальнем Востоке к японцам перебежали командир Красной Армии и высокопоставленный сотрудник НКВД (во всяком случае эти факты получили огласку).

29 мая начальник артиллерии 36-й мотострелковой дивизии майор Герман Францевич Фронт сел в автомобиль и отправился в одну из частей дивизии, дислоцировавшейся у монголо-маньчжурской границы. До части майор не доехал, свернув в сторону границы, которую благополучно пересек. Фронт окончил Военную академию имени Фрунзе, служил в штабе дивизии в Чите, затем в МНР. Бежал он через границу, ожидая, что его непременно арестуют из-за немецкой фамилии. К тому же у него были разногласия с комиссаром дивизии. Офицером он был информированным, знал многое и о войсках Забайкальского военного округа, и о частях 57-го особого корпуса. Во время многочисленных допросов он сообщил все, что ему было известно. Полученная от Фронта информация была переведена на японский язык и издана в виде

отдельной брошюры, которую разослали в штабы пехотных дивизий. В июле 1939-го во время сражения у горы Баин-Цаган на Халхин-Голе были захвачены японские штабные документы, в том числе вышеупомянутая брошюра.

В брошюре содержались переданные Фронтом сведения о 57-м особом корпусе. Состав соединений и частей корпуса, их численность, вооружение и дислокация были указаны им совершенно точно. Указанные им места нахождения складов и аэродромов были нанесены на японские штабные карты. Эти данные бомбардировочная авиация Квантунской армии использовала, в том числе во время боев на Халхин-Голе. Начальник артиллерии дивизии не только подтвердил ранее имевшуюся у японцев информацию, но и существенно ее дополнил. Очень подробно Фронт сообщил об организации, численности и вооружении 36-й дивизии[28].

«Наиболее полную информацию японской разведке он передал об артиллерийском вооружении частей округа и частей 57-го корпуса. Профессиональный артиллерист хорошо знал свое дело. Типы и количество орудий, калибры и количество боеприпасов — этими цифрами забито несколько страниц его показаний. Для японской разведки это была подробная картина оснащения боевой техникой (винтовки, пулеметы, орудия)... Информация была правдивой и ценной, хотя в некоторых вопросах Фронт признавал свою некомпетентность. Несмотря на то, что в чем-то он не смог удовлетворить интерес японцев, выданная им информация имела для японской разведки большое значение. И не только цифровые данные, но и его рассуждения о возможных действиях советских войск в Монголии. В частности, он обратил внимание японского командования на возможные действия на монгольском театре таких специфических соединений, как мотоброневые бригады, на вооружении которых были только бронеавтомобили»[29].

В ночь на 13 июня 1938 г. с советской территории в Маньчжоу-Го сбежал начальник управления НКВД по Дальневосточному краю комиссар государственной безопасности 3-го ранга Г. Люшков. За четыре дня до этого Люшков, прибывший из Хабаровска в служебную командировку в Приморскую область, с небольшой группой сотрудников УНКВД выехал в г. Гродеково «с целью инспекции находившихся там 58-го и 59-го пограничных отрядов НКВД». «Закончив проверку 58-го погранотряда, 11 июля он переезжает в поселок Славянка, где знакомится с положением дел в 59-м пограничном отряде НКВД. Никто и не полагал, что именно этот участок границы Люшков выбрал для ухода за кордон. Позднее он объяснял японским офицерам: пограничные посты 59-го отряда в основном ориентированы на северное направление, а район уезда Хуньчунь (где Люшков и оказался после побега) считался второстепенным участком и довольно слабо охранялся.

Выбрав место перехода, он заявил сопровождавшим его лицам, что прибыл в приграничную зону для встречи с важным закордонным агентом НКВД. Тот должен был выйти на участок советской границы с сопредельной стороны (из Маньчжоу-Го). Встреча проводится по личному распоряжению наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, советский информатор хорошо владеет русским языком, а потому переводчик при встрече не требуется. К тому же агент являлся настолько серьезной фигурой, что встреча с ним должна проходить без свидетелей. Люшков собирался передать агенту деньги на оперативные расходы (примерно 4000 маньчжурских гоби). В ночь на 13 июня 1938 г. он ушел на эту встречу и... исчез»[30].

Из стенограммы допроса перебежчика Люшкова полковником Танака Тэцудзиро в разведотделе штаба японской Квантунской армии.

«Вопрос: Вы решили бежать и получить здесь политическое убежище?

Ответ: Я почувствовал, что мне грозит опасность.

Вопрос: Какая именно опасность вам грозила?

Ответ: В конце мая я получил известие от близкого друга в НКВД, что Сталин приказал меня арестовать.

Вопрос: Чем вы вызвали гнев Сталина?

Ответ: Мне было поручено выявить недовольных чисткой в штабе Особой Дальневосточной армии, которой командует Блюхер. О положении в армии я должен был докладывать Сталину и Ежову. Но отыскать порочащие Блюхера факты я не смог и мне нечего было сообщить в Москву. Поэтому Сталин и Ежов решили, что я заодно с недовольными элементами. Они задумали вместе с Блюхером подвергнуть чистке и меня.

Вопрос: Расскажите о действиях НКВД на Дальнем Востоке.

Ответ: За время моей работы в Хабаровске с августа прошлого года и до сих пор арестованы за политические преступления 200 тысяч человек, семь тысяч расстреляны — это значительно меньше, чем в среднем по стране. Поэтому в Москве подумали, что я саботажник. Меня стали подозревать»[31].

Цифры, приведенные Люшковым, не соответствовали действительности.

Бегству Люшкова было придано в Японии чрезвычайно важное значение. Этот факт расценивался как возникновение движения против Сталина в высших кругах советского руководства. В крупнейших японских газетах «Асахи симбун», «Токио Ничи-Ничи», «Майнити» и других появились интервью Люшкова, в которых он представлялся как борец со сталинским режимом.

Весь августовский номер журнала «Кайдзо» журналисты посвятили побегу Люшкова. В интервью с главным редактором журнала бывший чекист так пояснял мотивы своего поступка: «Почему я, человек, который занимал один из руководящих постов в органах власти советов, решился на такой шаг, как бегство? Прежде всего я спасался от чистки, которая должна меня коснуться... Я много размышлял перед тем, как пойти на такое чрезвычайное дело, как бегство из СССР. Передо мной была дилемма: подобно многим членам партии и советским работникам быть расстрелянным в качестве «врага народа», будучи оклеветанным, или посвятить остаток своей жизни борьбе со сталинской политикой геноцида, приносящей в жертву советский и другие народы. Мое бегство поставило под удар мои семью и друзей. Я сознательно пошел на эту жертву, чтобы хоть в какой-то мере послужить освобождению многострадального советского народа от террористически-диктаторского режима Сталина»[32].

Так ли это?

В Хабаровск Люшков прибыл в начале августа 1937-го на должность начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю с должности начальника УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Масштабы разрушительной деятельности Люшкова на Дальнем Востоке впечатляют. В 1937—1938 гг. лишь в Приморской и Уссурийской областях были арестованы 819 «участников право-троцкистской организации», 74 «бывших члена антисоветских партий» (меньшевики, эсеры, монархисты), 1573 человека по категории «контрреволюционный элемент», 8479 человек из числа «шпионско-белогвардейского и прочего антисоветского элемента», 1046 корейцев, а 102 тысячи корейцев

переселены в Казахстан. Всего же по краю, исключая армию и ТОФ, было арестовано 15 435 человек[33].

Люшков инициировал масштабный удар по «людской базе иностранных разведок». В крае были арестованы сотни и тысячи «агентов иностранных разведок» (германской, английской, польской и японской). По оперативным документам УНКВД по ДВК, завизированным лично Люшковым, выходило, что бывшие военные, советские и партийные работники «профессионально занимались шпионажем в пользу Японии чуть ли не с детства, безнаказанно осуществляя свою нелегальную деятельность еще при царском режиме». Особенно много «шпионов» оказалось в штабах, соединениях и частях ОКДВА.

Особые усилия Люшков прилагал к «вскрытию резидентур» японской разведки. Как свидетельствовал его заместитель Г.М. Осинин-Винницкий, «Люшков дал установку во всех делах находить массовые связи с японцами, и не было ни одного арестованного, который не давал бы показаний о связях с японцами»[34].

16 апреля 1938 г. М.П. Фриновский, первый заместитель наркома внутренних дел, направил в Хабаровск шифровку со срочным вызовом в Москву заместителя Люшкова М.А. Кагана «в связи назначением другой край». Заподозривший недоброе Люшков попросил его позвонить из Москвы в Хабаровск и сообщить о причинах вызова. Обещанного звонка Люшков не дождался: Каган был арестован прямо по прибытии в столицу.

В конце апреля 1938-го арестовали И.М. Леплевского — одного из ближайших соратников Люшкова. Еще одним звонком предстоящей расправы стала поступившая 26 мая телеграмма, в которой сообщалось о принятом Политбюро ЦК ВКП(б) решении: «освободить тов. Люшкова Г.С. от работы начальника УНКВД Дальневосточного края с отзывом для работы в центральном аппарате НКВД СССР»[35].

Чтобы не разделить судьбу им же арестованных чекистов (ответственность за совершенное им беззаконие его в тот момент не пугала), Люшков решил упредить события, бежав за кордон, чтобы спасти собственную жизнь.

В своих показаниях в ходе следствия Зорге так прокомментировал «дело Люшкова»: «Я придерживаюсь мнения, что Люшков перебежал не потому, что был недоволен действиями советского руководства или совершил какой-то недозволенный поступок, а потому, что сам опасался оказаться жертвой чисток, которые прокатились по рядам ГПУ. Я полагаю, что именно поэтому Люшков своему дезертирству придал политическую окраску. Вполне понятно, что в Сибири у него были друзья, которые придерживались оппозиционных взглядов... Характер действий предателей всегда одинаков. Делать же выводы о том, каково положение в России, исходя из высказываний Люшкова, очень опасно. На мой взгляд, его информация очень напоминает ту, которую можно почерпнуть из книг немецких перебежчиков, утверждающих, что нацистский режим находится на грани развала»[36].

Побег Люшкова не был заранее спланирован, времени для сбора секретных документов у него не было. Никто из допрошенных в 1945 году свидетелей из числа сотрудников японских спецслужб, посвященных в дело Люшкова, не сообщил о каких-либо доставленных им с собой документах. При переходе границы у Люшкова при себе имелись служебное удостоверение, два пистолета, часы, черные очки, папиросы, йены в японской, корейской и маньчжурской валюте, 160 рублей, орден Ленина почетные знаки «V лет ВЧК»

и «XV лет ВЧК-ОГПУ», фотография жены, телеграмма и несколько документов на русском языке — заявление и предсмертное письмо, написанные помощником командующего ОКДВА по ВВС комкором А.Я. Лапиным, в тюрьме покончившим жизнь самоубийством[37].

Однако Люшков был хорошо информирован. По служебной надобности он знакомился со множеством секретных документов (в том числе и по линии военного ведомства). Как следовало из доклада Ежова Сталину о предварительных результатах расследования измены Люшкова, «обладая достаточнойпамятью, он хорошо и подробно помнит все основные данные, касающиеся обороны Дальнего Востока, работы органов НКВД и охраны границы»[38]. В этом же докладе Ежов сообщал, что Люшков рано утром 12 июня возвращался в Ворошилов (Уссурийск), где имел продолжительную беседу с начальником штаба ОКДВА комкором Г.М. Штерном, после чего выехал на границу.

Вот что свидетельствовал бывший офицер 5-го отдела японского Генштаба Коидзуми Коитиро: «Сведения, которые сообщил Люшков, были для нас исключительно ценными. В наши руки попала информация о Вооруженных Силах Советского Союза на Дальнем Востоке, их дислокации, строительстве оборонительных сооружений, о важнейших крепостях и укреплениях. В полученной от Люшкова информации нас поразило то, что войска, которые Советский Союз мог сконцентрировать против Японии, обладали, как оказалось, подавляющим превосходством. В тот период, то есть на конец июня 1938 г., наши силы в Корее и Маньчжурии, которые мы могли использовать против Советского Союза, насчитывали всего лишь 9 дивизий. В тыловом резерве у нас находилось 2 дивизии, и 23 дивизии вели действия против Китая.

Мы убедились в абсолютной необходимости иметь на советском направлении по крайне мере 19 дивизий, так как имевшиеся в наличии 9 дивизий для обороны в случае нападения Советского Союза было совершенно недостаточно.

Опираясь на полученные от Люшкова данные, пятый отдел генштаба пришел к выводу о том, что Советский Союз может использовать против Японии в нормальных условиях до 28 стрелковых дивизий, а при необходимости сосредоточить от 31 до 58 дивизий. К этому еще следовало добавить примерно 10 кавалерийских дивизий армии Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики. — *М.А.*), а также ее внутренние войска, которые, по оценке Люшкова, насчитывали около 50 тыс. солдат.

Тревожным выглядело и соотношение в танках и самолетах. Против 2000 советских самолетов Япония могла выставить лишь 340 и против 1900 советских танков — только 170.

До этого мы полагали, что советские и японские вооруженные силы на Дальнем Востоке соотносились между собой как три к одному. Однако фактическое соотношение оказалось равным примерно пяти или даже более к одному. Это делало фактически невозможным осуществление ранее составленного плана военных операций против СССР.

Обычно генеральный штаб императорской армии составлял к началу сентября каждого года планы боевых операций на следующий год. Однако ввиду развертывания военных действий в Китае такой план на 1938 год своевременно составлен не был. Временный вариант плана боевых операций против СССР был подготовлен лишь в марте этого года. По этому плану представлялось вероятным, что Советский Союз может вмешаться в японо-китайский

вооруженный конфликт. Но теперь, в свете полученной информации, стало очевидно, что если такое вмешательство произойдет, то сдержать Советский Союз будет фактически нечем. Таким образом, расширение японо-китайского вооруженного конфликта требовало внесения кардинальных изменений во все наши стратегические планы, чтобы парировать советскую угрозу.

Пораженный полученной от Люшкова информацией, генеральный штаб был вынужден срочно переработать план боевых операций на 1938 год; этот план был утвержден только в сентябре, то есть с большим опозданием. Одновременно был принят план укрепления обороны против Советского Союза, рассчитанный на пятилетний срок, так называемый "План боевых операций № 8". Однако, как план на 1938 год, так и пятилетний план (№ 8) остались лишь на бумаге из-за невозможности их реализации ввиду нехватки государственных ресурсов.

Зачем я все это Вам рассказываю? Только затем, чтобы показать, как боялся в тот момент — в конце июня 1938 г. наш генеральный штаб вмешательства Советского Союза в ход военных действий в Китае, вполне справедливо полагая, что в этом случае поражение нашей армии было бы неотвратимым.

Сбежавший из Советского Союза Люшков подтвердил, что СССР намерен дождаться момента, когда Япония истощит силы в борьбе с Китаем, а затем осуществить нападение на нее. Ознакомившись с его показаниями, мы стали еще больше опасаться возможности вмешательства Советского Союза в войну между Японией и Китаем. Однако теперь, когда я вспоминаю то время, я считаю, что наши тогдашние опасения были в какой-то мере раздуты показаниями Люшкова»[39].

Бывшему офицеру японского генерального штаба вторит бывший начальник разведывательного отдела японской Корейской армии генерал Масатака Онуки: «В его (Люшкова. — *М.А.*) информации было и такое, что явилось для нас серьезным ударом. С одной стороны, советская Дальневосточная армия неуклонно наращивала свою военную мощь, с другой — японская армия из-за японо-китайского инцидента совсем не была готова к военным действиям с Советским Союзом. Если бы нас в какой-то момент атаковала Дальневосточная армия, мы могли бы рухнуть без серьезного сопротивления»[40]. Генерал Масатака Онуки «инцидентом» называет развернувшуюся Японо-китайскую войну, в которой были задействованы значительные силы из Маньчжурской группировки и японской Корейской армии.

Насколько показания Люшкова в части группировки войск и авиации, развернутых на Дальнем Востоке, соответствовали действительности? Согласно Плану развития и реорганизации РККА в 1938—1942 гг., по состоянию на 01.01.1938 г. на «Востоке» предусматривалось иметь 22 дивизии, в том числе 12 кадровых стрелковых дивизий Особой Краснознаменной Дальневосточной армии численностью по 10 тыс. человек; две кавалерийские дивизии ОКДВА[41]. Отправная точка отсчета — 1 января 1938 г. — отражала действительное положение вещей в РККА на момент разработки плана (составлен не позднее 29 ноября 1937 г.). Кроме того, имелись гарнизоны укрепленных районов.

«В составе ВВС Востока в мирное время к 1.1.1938 г.» имелось 24 авиационных бригады, в том числе 6 тяжелобомбардировочных (ТБ-3 и ДБ-3), 4 среднебомбардировочных (СБ), 6 легкоштурмовых 1 минноторпедных, 1 легко-

бомбардировочных, 5 истребительных бригад, 1 разведывательная, всего 2623 самолета[42].

В Маньчжурии дислоцировались 7 пехотных дивизий[43], 1-я смешанная механизированная бригада (в японской армии имелось всего две таких бригады), в последующем — механизированная бригада и другие отдельные части. Помимо двух смешанных механизированных бригад, в состав которых входило по два танковых полка (по 50 танков в каждом), в японской армии была сформирована 21 отдельная танковая рота (от 10 до 17 танков в каждой), которые были приданы пехотным дивизиям и кавалерийским бригадам.

«Подавляющего превосходства» сухопутные войска РККА на Дальнем Востоке не имели, не было даже паритета в связи с тем, что японские пехотные дивизии в Маньчжурии и Корее по численному составу существенно превосходили стрелковые дивизии ОКДВА, так как формировались на этот момент по двум штатам: типа «А-I» и «усиленная» типа «А», 29 400 и 24 600 человек соответственно.

К августу 1939 г. Квантунская армия насчитывала 270 тысяч человек, около 200 танков и 1052 орудия. Командовал ею генерал Уэда Кенкичи (Кэнкити)[44].

Самыми ценными были показания Люшкова, связанные с деятельностью органов НКВД. Он рассказал японцам о структуре советских органов госбезопасности, формах агентурно-оперативной работы, отдельных моментах деятельности советской агентуры в Маньчжурии, Корее, Китае и отчасти в Японии. Подробных списков советских закордонных агентов Люшков не принес, но обрывочные сведения об агентуре НКВД позволили японцам провести серию арестов среди китайцев, корейцев и маньчжуров — сторонников Советского Союза.

В этой связи интересно свидетельство Миэды Масаюки, занимавшего пост начальника маньчжурского отделения контрразведки департамента внутренней службы военного министерства:

«МИЭДА. Люшков был доставлен из Токио в Чаньчунь в конце июня 1938 г.

ВОПРОС. Он прибыл, чтобы оказать содействие в разоблачении подпольной советской шпионской сети, существовавшей на территории Маньчжоу-Го?

МИЭДА. Да, именно поэтому он был направлен в мое распоряжение.

ВОПРОС. Кому первому пришла в голову мысль использовать Люшкова в этих целях?

МИЭДА. Это был сотрудник штаба Квантунской армии Утагава Тацуя. В то время он находился в чине подполковника. После того как Люшков сбежал из Советского Союза, он был доставлен в штаб Корейской армии, находившийся в Сеуле. Тогда господин Утагава был командирован в Сеул, где был ознакомлен с содержанием показаний Люшкова. По возвращении в Чаньчунь он явился ко мне и, сообщив о полученной от Люшкова информации, высказал идею использовать помощь последнего для того, чтобы одним ударом покончить с советской шпионской сетью в Маньчжоу-Го. Я был переведен сюда совсем недавно, только в марте 1938 г., но уже имел опыт в борьбе с советскими разведчиками. Поэтому я сразу решил, опираясь на информацию, полученную от Люшкова, попробовать ликвидировать советскую агентурную сеть в Маньчжоу-Го. Я доложил о своем плане отделу контрразведки военно-

го министерства, там одобрили мои соображения, после чего Люшков был переправлен в Чаньчунь.

ВОПРОС. Что представляла собой советская агентурная сеть в Маньчжоу-Го?

МИЭДА. Советская информационная служба опиралась на три кита — три опоры. Это были, во-первых, Управление военной разведки, непосредственно входившее в штаб Красной Армии, расположенный в Хабаровске. Во-вторых, Управление иностранной информации, входящее в возглавлявшееся Люшковым Управление НКВД по Дальнему Востоку. Наконец, в-третьих, существовало Информационное управление Исполкома Коминтерна в Москве. Люшков передал нам сведения о существующей сети агентов дальневосточного управления НКВД. Эта сеть состояла из двух организаций. Одна, работавшая под руководством резидента, носившего условную кличку "Лео", специализировалась на сборе разведывательной информации. Другой группой руководил резидент, носивший кличку "Као", она специализировалась на осуществлении подрывных акций. Люшков выдал все имена агентов, которые он знал. Однако, поскольку резиденты "Лео" и "Као" были засланы задолго до назначения Люшкова в Хабаровск на пост начальника Управления НКВД, их действительных имен Люшков не знал...

ВОПРОС. Какое впечатление произвел на Вас Люшков как человек?

МИЭДА. Как Вам сказать... Это был человек острого ума, сразу схватывающий все нюансы. У меня тогда возникала такая мысль: не хотелось бы иметь такого человека своим врагом — это было слишком опасно. Так, когда арестованный агент не хотел давать добровольные показания, Люшков предлагал поручить ему провести допрос этого шпиона. Его методы допросов оказались исключительно эффективными. Он показал себя совершенно безжалостным, бессердечным человеком.

ВОПРОС. Что Вы имеете в виду?

МИЭДА. Когда допрашиваемый им человек медлил с ответом на заданный вопрос, Люшков сразу тыкал ему в лицо нож, который держал в руках. Если даже раненный в лицо русский агент продолжал молчать, Люшков плескал на него керосин, а затем чиркал спичку и говорил допрашиваемому, что, если тот не заговорит, пока спичка догорит у него в пальцах, то он бросит эту горящую спичку ему на голову. Было достаточно одного взгляда в этот момент на лицо Люшкова, чтобы понять, что он просто жаждет крови этого человека. А ведь среди этих людей были его подчиненные, которых он знал лично. Наверное, его страшно боялись в России. Он был из тех людей, которые не болтают зря и не повторяют дважды один и тот же вопрос. Он ни разу не закричал и не улыбнулся, казалось, он вообще не способен ни на какие чувства.

ВОПРОС. Значит, он был очень жестоким человеком?

МИЭДА. Возможно, он стал таким, потеряв жену и ребенка. Он производил впечатление бессердечного, бесчувственного человека. Кроме тех случаев, когда мы с ним договаривались о выходе из гостиницы, он никогда не покидал своего номера. Неизвестно, о чем он думал в своем добровольном заточении.

ВОПРОС. Как была ликвидирована советская шпионская сеть в Маньчжурии?

МИЭДА. В своем номере в гостинице Ямато Люшков назвал нам около 20 имен своих агентов. Мы передали их полицейскому управлению Квантунской администрации и политическому отделу Маньчжоу-Го с тем, чтобы те произвели соответствующие аресты. Им удалось арестовать 13 человек. На основании их показаний были арестованы в свою очередь один за другим всего до 50 человек. Арестованные агенты входили в состав двух групп, которыми руководили «Лео» и «Као». Однако общие результаты операции оказались менее значительными, чем мы ожидали.

ВОПРОС. То есть?

МИЭДА. Судя по показаниям Люшкова, в Маньчжурии действовало до 150 до 200 агентов — разведчиков и диверсантов, связанных с НКВД. Однако, сразу же после бегства Люшкова соответствующие советские власти, предвидя возможные последствия для этой агентуры в Маньчжурии, приняли срочные меры по перестройке своей тамошней сети... Кроме того, в конце июля начались вооруженные столкновения у высоты Заозерной, и операция по ликвидации шпионов постепенно была свернута. В результате мы упустили резидентов «Лео» и «Као», руководителей советской агентуры»[45].

15 июля 1938 г. «Рамзай» сообщал: «Японская армия весьма удовлетворена информацией, которую дает Люшков, который много (обильно) сообщает. Однако считают, что впоследствии, когда из него все вытянут, самое лучшее его убить».

К этому времени относятся переговоры о сотрудничестве в области обмена военной информацией о Советском Союзе, которые японский военный атташе в Берлине генерал-майор Осима Хироси проводил с представителями обергруппенфюрера СС Риббентропа, назначенного в феврале 1938 г. министром иностранных дел.

28 июня 1938-го Осима представил следующий проект секретного соглашения:

«Совершенно секретно!

Руководствуясь духом Антикоминтерновского пакта от 25 ноября 1936 года, германский вермахт (за исключением военно-морского флота) и японские вооруженные силы пришли к соглашению в следующем:

1. Обе Стороны будут обмениваться поступающей информацией о русской армии и о России.

2. Обе Стороны будут сотрудничать в проведении подрывной работы против России.

3. Обе Стороны не реже одного раза в год будут проводить совместное совещание с целью облегчения проведения вышеупомянутого обмена информацией и подрывной работы, а также с целью особо подчеркнуть дух дополнительного протокола к Антикоминтерновскому пакту.

Совместное совещание намечено провести в ... году. Место его проведения, участники и повестка дня будут предварительно согласованы обеими Сторонами»[46].

Проект документа отражал восприятие генеральным штабом армии и военным министерством Японии как самого антикоминтерновского пакта, так и отношение Токио к СССР — отсюда присутствие в двух пунктах их трех слова

«подрывной», а также упоминание «духа дополнительного протокола к Антикоминтерновскому пакту».

Проект соглашения, подготовленный германским министерством иностранных дел, также был показателен и выглядел следующим образом:

«Совершенно секретно!

Руководствуясь духом Антикоминтерновского пакта от 25 ноября 1936 года, германский вермахт (за исключением военно-морского флота) и вооруженные силы Японии пришли к соглашению в следующем:

1. Обе Стороны будут обмениваться информацией генеральных штабов о русской армии и о России.

2. Обе Стороны будут сотрудничать в оборонной работе против России.

3. Обе Стороны будут не реже одного раза в год проводить совместное совещание с целью облегчения вышеуказанного обмена информацией и оборонной работы, а также с целью дальнейшего продвижения к осуществлению поставленных в рамках Антикоминтерновского пакта целей в той степени, в какой они затрагивают интересы вермахта.

Совместное совещание предусматривается проводить, как правило, ежегодно в феврале. Место проведения совещания, его участники и повестка дня будут предварительно согласованы между обеими Сторонами»[47].

Японский вариант был «сужен», «смягчен» и конкретизирован германской стороной. Первый пункт соглашения был ограничен обменом информацией генштабов двух стран. Судя по всему, в Берлине не хотели давать Японии информацию политической разведки и решили ограничиться только тем, что получал абвер от своей агентуры. Во втором и третьем пунктах убрали слова о «проведении подрывной работы» и заменили их на «оборонную работу», совершенно аморфное понятие. Было удалено и упоминание о духе дополнительного протокола к Антикоминтерновскому пакту в третьем пункте.

Именно в рамках соглашения о сотрудничестве в области обмена военной информацией о СССР для ознакомления с показаниями Люшкова из Берлина прибыл эксперт по России из абвера, полковник Грэйлинг (Грейлинг).

Из телеграммы «Рамзая» от 31 августа 1938 г.:

«Из Германского генерального штаба прибыл полковник Грэйлинг со специальным поручением от Канариса опросить Люшкова и попросить у Японского генерального штаба протокол опроса. Японский генеральный штаб передал ему эти материалы…

При первом разговоре Грэйлинга с Люшковым в присутствии майора Шолля Люшков сообщил для Германского генерального штаба детали, касающиеся советской армии и деятельности ГПУ на Украине, говорил о новейших заводах близ Хабаровска и назвал имена работников ГПУ заграницей — во Франции, Швейцарии и Германии. Он подчеркнул, что большая часть работы ГПУ ведется через советских торговых представителей заграницей. Люшков также сказал, что военная промышленность Дальнего Востока еще не готова и армия нуждается в снабжении из западной части СССР, подчеркивая, что лучше начать войну против СССР как можно раньше».

5 сентября в Токио поступила телеграмма из Центра с указанием «сделать все возможное», чтобы достать копии документов, полученных специальным посланником Канариса от японской армии.

На следующий день — 6 сентября — токийский резидент доложил: «Майор Шолль и полковник Грэйлинг скоро выезжают в Синцзин (Тяньцзинь. — *М.А.*) для опроса советского майора Фром [Фронт], которого доставили из Монголии.

Фром [Фронт] используется Квантунской армией в том же духе, как и Люшков в Японии. Оба содержатся хорошо и даже получают много денег. Они говорят все, что знают о советской военной технике и методах шпионской работы для и против СССР».

[Сообщение было передано Сталину, Молотову, Ворошилову и Ежову].

9 сентября «Рамзай» сообщал: «Грэйлинг уехал со всеми материалами, которые он получил из 4-х разговоров с Люшковым.

Майор Шолль не оставил никаких копий. Я пишу с почтой доклад о беседах Грэйлинга с Люшковым».

12 сентября: «Я сфотографировал 90 страниц показаний, данных Люшковым и майором Фронт японскому генеральному штабу.

Японским генеральным штабом было передано майору Шоллю около 250 страниц этих материалов, я читал их. Показания Люшкова полковнику Грэйлинг я не мог видеть, так как майор Шолль их не получил».

Эпилог

«ВАША ЗАДАЧА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНА. ЗАМЕНИТЬ ВАС НЕКЕМ»

(*Центр — Рамзаю 29 апреля 1938 года*)

Военное руководство Япония предполагало, что захват столицы Китая Нанкина нанесет смертельный удар гоминьдановскому правительству и заставит его капитулировать. Однако, к январю 1938 года стало ясно, что блицкрига в Китае, на который так рассчитывали в Токио, не получилось. Китайское правительство, переехавшее в Чунцин, капитулировать не собиралось. Началась затяжная война, в которой у Японии, при наличии у Китая неограниченных людских ресурсов, практически не было шансов на победу. Воюющий Китай «оттягивал» на себя огромное количество людских, материальных и финансовых ресурсов.

В Токио отдельные силы, в частности в генеральном штабе армии начали искать выход из создавшегося тупика.

В конце 1937 года японский генштаб дал указание военному атташе в Берлине Осиме Хироси обратиться с просьбой к командованию германской армии о предложении мира Чан Кайши через генерала Фалькенхаузена, германского военного советника при китайском правительстве. Это предложение не означало отказа Японии от агрессивных планов на континенте, и мир мог быть заключен только на японских условиях.

Используя «политику умиротворения» стран-участниц Брюссельской конференции, Япония требовала разрешить инцидент в направлении подготовки войны против Советского Союза. Об этом свидетельствовали следующие четыре пункта основных условий мирного договора с Китаем, которые 22 декабря были представлены японской стороной германскому послу в Японии Дирксену:

«1. Китай отказывается от прокоммунистической, антияпонской и антиманьчжурской политики и будет сотрудничать с Японией и Маньчжоу-Го в борьбе против коммунизма.

2. Некоторые районы будут превращены в нейтральные зоны, где будут созданы специальные органы власти.

3. Между Японией, Китаем и Маньчжоу-Го устанавливаются тесные экономические взаимоотношения.

4. Китай уплачивает Японии соответствующую контрибуцию.

Наряду с выполнением этих условий Япония требовала, как это записано в решении об "Основном курсе по урегулированию китайского инцидента" (принято 11 января 1938 года на императорской конференции), признания Маньчжоу-Го, создания во Внутренней Монголии "антикоммунистического автономного правительства" и расквартирования японских войск в ряде районов Северного Китая, внутренней Монголии и Центрального Китая.

Эти требования были связаны также с подготовкой к новой войне, о чем свидетельствует следующее заявление министра иностранных дел Угаки, который впоследствии еще раз пытался вести переговоры о мире на прежних условиях. "Внутренняя Монголия — это первая антикоммунистическая линия, Северный Китай — вторая". Таким образом, идея об использовании мира с Китаем для подготовки войны против Советского Союза имела под собой довольно реальную почву, поскольку в то время она активно поддерживалась частью военных кругов Японии. На войне с Советским Союзом настаивал Генеральный штаб (начальник первого отдела Исихара, заместитель начальника Генерального штаба Тада). В связи с этим представители Генерального штаба оказывали на правительство давление, стремясь заставить его начать мирные переговоры с Китаем. В частности, когда премьер-министр Коноэ в ходе переговоров заколебался, Исихара... сказал: "Коноэ оказался слабее, чем я думал. Необходимо как можно скорее укрепить Маньчжурию и готовиться к войне против Советского Союза"»[1].

Однако военное министерство, и не только, не отказываясь от подготовки к войне с Советским Союзом, по-прежнему стремилось к расширению агрессии в Китае. Поэтому ни военный министр Сугияма, ни близкий к основной группе военных кругов министр иностранных дел Хирота, ни министр внутренних дел Суэцугу не проявили особого энтузиазма при открытии японо-китайских переговоров о мире.

11 января 1938 года, одновременно с принятием на императорской конференции «Основного курса по урегулированию китайского инцидента», Тайный совет принял следующее решение: «Объявить войну; не признавать нанкинское правительство; заменить его временным пекинским правительством; продолжать военные операции; для поддержки этих операций направить в Китай дополнительное количество судов»[2].

16 января японское правительство опубликовало заявление о том, что «отказывается считать гоминьдановское правительство своим партнером». Это означало, что Япония встала на путь расширения агрессии в целях превращения Китая во «второе Маньчжоу-Го». Одновременно это свидетельствовало о том, что японо-китайская война приобрела затяжной характер.

20 января из Токио была отправлена шифртелеграмма о беседе Рихарда Зорге с военным атташе Германии в Японии:

«Полковник Отт сообщил мне, что японский генштаб приведен в сильное замешательство перспективами продолжения войны против Китая. Вечером 15 января, после опубликования правительством контробвинения против правительства Чан Кайши, Хомма посетил полковника Отта, прося его побудить еще раз Траутмана (посол Германии в Китае. — Прим.авт.) добиться согласия Чан Кайши. При этом Хомма сказал, что в случае, если на следующий день будет получен положительный ответ, то генштаб готов к тому, чтобы свергнуть правительство Коноэ и, невзирая на опубликованное уже заявление правительства, заключить мир с Чан Кайши. По мнению полковника Отта, японский генштаб все еще не принял решения, что делать: начинать бой на юге или концентрировать войска для наступления на Лунхайской жел. дороге. Отт и Шолль предсказывают, что с настоящего момента война в Китае начнет ослаблять Японию, и полагают более уверенно, чем ранее, что японцы не смогут начать в этом году войну против СССР.

№20 Рамзай»

Хомма Масахару, генерал-майор, в 1937-38 начальник 2-го управления Генштаба; в 1930-32 гг. военный атташе в Лондоне.

В этот же день из Токио ушла еще одна шифртелеграмма:

«МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА.
Острова, 20 января 1938 года.

Дирксен уезжает в Германию и обратно не вернется. В своем последнем докладе, подытоживая всю свою политическую деятельность здесь, он заключает, что если японцы придут к соглашению с Китаем, они должны повернуться против СССР, поэтому, несмотря на японо-китайскую войну, его Дирксена политика в отношении антикоминтерновского пакта была абсолютно правильна. Дирксен опасается лишь, чтобы японцы вместо СССР не вступили в конфликт с Британией. Такое развертывание событий могло бы совершенно нарушить германскую политику.

Доклад Дирксена я сфотографировал.

№ 21 Рамзай».

Во время доклада Штейна в Центре 23 декабря 1937 г. он в том числе поднял вопрос о том, что «необходимо срочно перевезти последнюю почту Рамзая, содержащую ряд весьма ценных материалов военно-технического характера, заснятых Р. у Отта», так как «хранение этой почты сопряжено с большой опасностью».

Из мемо «Рамзая» Центру от 1января 1938 г.: «Отт и Дирксен неоднократно предлагали РАМЗАЮ съездить в Южный Китай для составления политического доклада. Поэтому РАМЗАЙ предлагает съездить лично в Гонконг вместо жены Фрица. Просит сообщить согласие. Но он может приехать в Гонконг не ранее 22 января с пароходом "Президент Джефферсон". Если Центр настаивает на поездке жены Фрица, то она поедет, конечно, по паспорту Фрица. РАМЗАЙ просил перевести на его счет в Гонконг-Шанхай банк ок. 800 долларов. Можно из Америки, но, конечно, не от того же отправителя, что прислал Фрицу. Просит посылать деньги всегда телеграфом».

Личная поездка Зорге в Гонконг была разрешена с указанием срока прибытия — 22 января. Уже через несколько дней «Рамзай» «просит отсрочить поездку на 9 дней ввиду трудностей получить новейшую информацию и сфотографировать документы до 17.1.» И такое разрешение получает. Из мемо Центра — «Кристи» от 21 января 1938 г.: «Рамзай приедет в Гонконг 4 февр. на пароходе "Президент Тафт" из Манилы».

На связи с Центром на время отъезда «Рамзая» оставался Клаузен: «Фриц сообщает, что Рамзай выехал 27-го января и прибудет в Гонконг 4 февраля. **Он привезет 38 фильмов, содержащих 1212 снимков** (здесь и далее выделено мной. —*М.А.*)».

«МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА
Острова, 27 января 1938 года.

«Полковник Отт получил с январской почтой распоряжение германского генштаба — запросить от имени германского генштаба японский генштаб, — будет ли немедленно после войны в Китае начата война против СССР или нет. Отвечая на этот вопрос отрицательно, Хомма сообщил полковнику Отту сле-

дующее: японский генштаб подготавливает войну против СССР усиленными темпами, считая, что оттяжка времени может работать в пользу СССР. Однако даже эти ускоренные приготовления требуют времени по причинам: необходимости содержать большую оккупационную армию в Китае в течение длительного времени; необходимости основательно пополнить японскую армию после войны в Китае; наличия финансовых трудностей, а также ввиду того, что германский генштаб (ошибка Фрица: по смыслу должно быть не германский, а «японский генштаб». — *М.А.*) не может быть готов немедленно. Поэтому он считает, что два года являются максимальным, а один год — минимальным сроком для того, чтобы японский генштаб мог начать войну против СССР. Это заявление было Оттом записано и показано Рамзаю (в присутствии Отта). Рамзай имел достаточно времени, чтобы полностью его изучить и запомнить точные формулировки.

№ 24 Фриц».

[Резолюция НУ]: «НО-2. По всем этим телеграммам выпустить доброкачественное спецсообщение».

«МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 27 января 1938 года.

«Полковник Отт показал Рамзаю все свои записи относительно каждой беседы с Хоммой за период германских попыток посредничества в японо-китайской войне. Из этих записок Рамзай узнал, что опубликованные Хиротой четыре японские условия мира являются только обобщением одиннадцати требований. Первое из опубликованных условий включало требование признания Маньчжоу-Го Китаем, но также содержало уступку, потребованную Дирксеном и Оттом — о том, что сотрудничество в антикоминтерновской политике не означает расторжения прежних соглашений с СССР. Прочие пункты содержали условия: автономия де-факто Северного Китая, без нарушения китайского суверенитета и условие для Внутренней Монголии, такой же автономии, какую в настоящее время имеет Внешняя Монголия.

№ 26 Фриц».

Сообщения, составленные Зорге, были зашифрованы и отправлены «Фрицем» с задержкой до двух недель:

«МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 11 февраля 1938 года.

«Полковник Отт узнал не только, что японцы заняты изучением вопроса о затоплении фронта против Благовещенска в случае наступления со стороны СССР, но узнал также, что Уэда (генерал Уэда Кэнкити, командующий Квантунской армией. — *М.А.*) уже имел разговор на эту тему с бельгийским офицером.

Майор Шолл в долгой беседе со мной (или с Рамзаем. — *Перев.*) сказал относительно оперативных планов, что открытие северной границы с целью потопления Красной Армии является планом на случай начала наступательных действий Сов. Союзом в момент, когда Япония не будет иметь достаточно войск для преодоления этого наступления.

№ 33 Фриц

Продолжение. Или (так в тексте — прим. М.А.) существует следующий план японского наступления: западная граница остается оборонительной, восточная — будет активной, не являясь, однако, главным направлением удара.

Действительное сокрушительное наступление японцами будет предпринято на Благовещенской границе, с разрушением жел. дороги в этом районе. После того как это будет осуществлено, часть японской армии будет выделена для прикрытия от советских атак с запада и с севера.

№ 34 Фриц».

«Продолжение. Но главные силы наступающей армии повернут в обход на восток в направлении Хабаровска, чтобы отрезать одним приемом весь район Приморья...

№ 35 Фриц».

[Резолюция НУ]: «Но-2. т. Степанов. Тщательно разберитесь и проверьте по карте. Надо выпустить спецсообщение. Но предварительно переговорите со мной. 15.2.»

11 февраля:

«Дирксен во время прощального визита к бельгийскому посланнику слышал от него следующее: Европа и в первую очередь Англия, проходит через процесс коренного изменения позиции в отношении СССР после чистки ((так в тексте — прим. М.А.)).

Англия все более и более начинает смотреть на СССР, как первостепенного общего врага.

Предполагается сближение Германии с Англией и Францией с оставлением для Японии задачи нападения на СССР, чему все были бы рады.

№ 36 Фриц».

«Продолжение. Английский посол сказал ему, что лучший способ будущего германского посредничества в японо-китайском конфликте — это совместные действия с Великобританией, которая использует свое влияние на Китай, в то время как Германия должна использовать свое влияние на Японию, с тем чтобы они пришли к соглашению...

№ 37 Фриц».

Из шифртелеграммы Центра «Фрицу» от 16 февраля 1938 г.: «**Сведения №№ 33, 34, 35, 36, 37 имеют большую ценность. Срочно уточните, кем получены: РАМЗАЕМ или лично ФРИЦЕМ** (здесь и далее выделено мной. — *М. А.*). Имеются сведения о благополучном прибытии РАМЗАЯ».

Подобный странный запрос объяснялся двумя обстоятельствами: Центр не владел ситуацией об источниках информации резидентуры (в данном случае это были Отт и Дирксен, сведения от которых получал «Рамзай»). Большая задержка Клаузеном в шифровании и отправлении сообщений «Рамзая» могла привести и привела к выводу, что информация получена «Фрицем».

Из шифртелеграммы от 15 февраля 1938 г. от Лихачева: «Сообщает, что 15.2 прибыл ЛЕОНИД, который привез почту от РАМЗАЯ — 30 писем и одно

письмо Нач-ку РУ. Деньги РАМЗАЮ переданы. РАМЗАЙ на словах передал, что категорически утверждает о неспособности Японии воевать, в ближайшее время выступить против СССР она не сможет.

Кроме того, РАМЗАЙ требует смены, так как за 5 лет сильно измотался. Просит сообщить о здоровье жены. Леонид обусловил вторичную встречу в Гонконге на обратном пути».

«Леонид» — Серегин А.И., представитель Интуриста в Шанхае.

Из почты, переданной «Рамзаем» «Леониду»:

«ПЕРЕВОД ДОКЛАДА РАМЗАЯ от января 1938 г.
Вх. №... от 26.3.38.

КРАТКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ ПО ОРГВОПРОСАМ.

Кризис в вопросе легализации "ФРИЦА" миновал. Обстоятельства, которых мы опасались осенью, больше не угрожают. Следовательно, нет необходимости посылать ему специальные средства для легализации. Мы надеемся, что он обойдется наличным деньгами. Денежные переводы в сумме от 1000 до 1200 могут теперь пересылаться помесячно на его счет. Лучше пересылать соответствующую сумму каждые три месяца. Я также могу получать на свой счет помесячно от 200 до 300 амов. Еще лучше пересылать соответствующую сумму через 3—4 месяца. Однако, я надеюсь, что этого не надо будет делать, и в мае я смогу поехать домой.

На этом почту заканчиваем. Все написанное здесь связано с материалом на 38 фильмах, пересылаемых с данной почтой.

Сердечный привет. **Верный Вам Р.**

Прошу передать прилагаемое письмо моей жене».

«ЗАМЕЧАНИЯ К ПОЧТЕ ("РАМЗАЯ")
Вх. №... от 26.3.38.

Последовательность фильмов обозначена датой, стоящей на каждом фильме. **Эта почта содержит преимущественно подлинные документы из бюро Отта и Дирксена**. Если часть из них уже устарела, то это не вина посылающего. Я неоднократно просил переслать почту. Снимки качественно весьма различны. Все снимки, сделанные "Лейкой", можно считать безукоризненными, фильмы же квадратного формата частично удались плохо, поэтому некоторые из них пересняты по два раза. Причина различного качества работы объясняется следующим: снимки "Лейкой" производились в специальной для этой цели мастерской, при наличии нужной аппаратуры. Но в этой стране значительно труднее, чем в некоторых других, вынести документы для съемки в мастерскую. Поэтому я решил заснять документы, которые не мог вынести, на месте, с руки, без особых приспособлений.

Вы понимаете, что с технической точки зрения это нелегко, и работать приходится в напряженной обстановке. Главное при этом — это быстрота, чтобы уменьшить риск. Тем не менее, **риск очень велик, и только такие ловкачи, как я, способны в этих условиях сохранять спокойствие и делать снимки**. Вот причина неудачных снимков. Я уверен однако, что с помощью некоторых приспособлений Вы сможете прочесть и самые плохие из них.

Обращаю Ваше внимание на то, что даже документы как будто бы устаревшие в большинстве своем дают важные сведения о роли ОТТА и ДИРКСЕ-

НА, и на основании учета этой роли Вы сможете сделать выводы о характере сотрудничества с туземцами.

Январь 1938 г. РАМЗАЙ»

26 марта:

«ДОРОГОЙ ДИРЕКТОР!

В предыдущем письме я изложил свои соображения о военно-политической обстановке, некоторые наблюдения чисто военного характера и замечания к данной почте.

В этом письме я останавливаюсь исключительно на вопросе о моем возвращении и связанных с этим необходимых мероприятиях.

Прошлой осенью, по моей личной инициативе, было решено, что я останусь здесь до тех пор, пока не будет выяснено, начнется ли война весной или летом 1938 г. (выделено мной. — М.А.). На основании многочисленных материалов и ранее высказанных мной соображений напрашиваются следующие выводы:

Война с СССР не начнется ни весной, ни летом 1938 г. Предвидеть события дальше этого срока, разумеется, вне человеческих возможностей. Исходя из этого, я полагаю себя вправе просить Вас о подготовке моего отъезда (выделено мной. — *М.А.*). Я готов, согласно Вашим требованиям, еще некоторое время продолжать изучение происходящей подготовки в Маньчжурии с помощью Отта и Шолла, добиваясь их большего внимания к этим вопросам. Возможно даже, что мне удастся уговорить Отта совершить специальную поездку по Маньчжурии в целях изучения положения, что при блестящих связях Отта может дать ценные результаты. Возможно, что Отт будет настаивать, чтобы я сопровождал его в этой поездке. Все это означает, что может случиться так, что я буду занят здесь до апреля, чтобы лучше осветить поставленный Вами вопрос о подготовительных мероприятиях в Маньчжурии. Но я ни в коем случае не хотел бы оставаться дольше этого срока. Даже если поездка Отта не состоится, я просил бы о возвращении меня домой еще раньше, конечно, при условии, что к этому времени не обострится военная опасность. Поэтому **прошу Вас, дорогой Директор, дать свое принципиальное согласие на то, что я могу рассчитывать на поездку домой весной** (выделено мной. — М.А.), предоставив мне решить лично вопрос о точном сроке отъезда, то есть, исходя из возможности получения большего количества сведений о подготовительных мероприятиях на севере, чем я располагаю в данное время. Убедительно прошу сообщить Ваше принципиальное решение по этому вопросу телеграфом. **Причины моего настойчивого желания поехать домой Вам известны. Вы знаете, что я работаю здесь уже пятый год. Вы знаете, как это тяжело. Вы знаете также, что в течение ряда лет до этого я работал в тяжелых условиях, что я живу без семьи, и это не может продолжаться слишком долго. Кроме того, я уже не молодой человек. Мои старые ранения без регулярного лечения дают о себе знать.**

Из всего этого надо сделать вывод, что мне пора поехать домой и остаться там на постоянную работу (выделено мной. —*М.А.*). О возвращении сюда не может быть и речи. Это практически невозможно. Наконец, пора использовать для заграничной работы подрастающие кадры. При условии, что Вы согласны на мое скорое возвращение, я предлагаю не оставлять мой пост незамещенным. Я считал бы правильным, если бы Вы до моего отъезда по-

слали мне сюда преемника или преемников, чтобы я помог им войти в курс этой тяжелой работы. Я предложил бы послать сюда, по крайней мере, двух руководителей — одного старшего, который лично будет работать только с иностранцами, и второго — для организации туземного аппарата и передачи полученных результатов старшему руководителю для контроля через его источников. Необходимо также иметь второго мастера. Плохо, что «Фриц» абсолютно один. Достаточно ему заболеть, и вся связь будет сорвана. Я считаю, что будет очень плохо, если Вы пошлете новых людей после моего отъезда. В такой стране, как эта, всегда возможны неожиданности, и работу нельзя прерывать.

Прошу передать привет моей жене и сообщить ей, что я скоро буду освобожден и смогу "на праздниках" демонстрировать [дефилировать?] вместе с ней по городу.

Все здешние друзья шлют Вам, Директор, и всем членам фирмы сердечный привет.

Жму Вашу руку.

Ваш Р.

Январь 1938 г.».

«ИТОГОВЫЙ ОТЧЕТ ЗА ПЕРИОД С ИЮНЯ ПО 31.12.37

Общая наличность 23.903.00 иен 5300 амов

Внеочередные расходы 4.987.00 1460 амов

Остаток 18.916 иен 3840 амов

Доллары, превращенные в иены 13.046

Итого остаток в иенах 31.962.00 иен

...

Итого очередные расходы фирмы:

26.254 иен

Остаток на январь 1938: 5.708.00 иен

Рамзай, январь 1938 г.

ОТЧЕТ ПРОВЕРЕН. РАСХОДЫ ПРОИЗВЕДЕНЫ ПРАВИЛЬНО.

Вр. н-ка 7 отд. майор ПОПОВ

ОТЧЕТ В СУММЕ 31.241 иена /тридцать одна тысяча двести сорок одна иена/ УТВЕРЖДАЮ:

Нач. 2 отдела РУ РККА
полковник ХАБАЗОВ

28.5.38 г.»

«ВНЕОЧЕРЕДНЫЕ РАСХОДЫ ФИРМЫ с 1.6.37. по 31.12.37.

Ингрид 1056 иен. 860 амов.

Легализация Фрица 400 амов.

Детям Густава в Париже 220 иен.

Курьер июнь-июль 810 иен 200 амов.

Поездка Густава домой и
ликвидация 2901 иены

Итого особые расходы с 1.6.37 по 31.12.37.
4987 иен 1460 амов.

Рамзай 15.1.38.».

«Мемо. Центр — Рамзаю от 29 апреля: **Присланные материалы представляют большую ценность, в особенности материалы Отта** (выделено мной. — *М.А.*). Благодарность за работу. В отношении возвращения домой — в наст. время, в условиях назревающего воен. кризиса — невозможно. **Ваша задача исключительно важна. Заменить Вас не кем**(выделено мной. — *М. А.*). Необходимо еще поработать несколько месяцев. Денежными фондами будете обеспечены в ближайшее время. Принимаю к этому меры. Поздравление с 1-м маем».

«Мемо. Рамзай — Центру от 27 апреля: 2000 амов Фриц получил на банк. О Густаве имеются сведения, что он в Гонконге на постоянном жительстве. Просит сообщить — не установить ли с ним связь».

Рез. т. Гендина: «Ответить, что пока от установления связи пусть воздержится. 4.5.38 г.».

Из этой телеграммы следует, что направленный нелегальным резидентом военной разведки в английскую колонию Гонконг «Густав» — Гюнтер Штейн сразу же нашел возможность сообщить об этом Зорге. Однако Центр так и не принял решение об организации связи последнего со Штейном. Объяснение может быть только одно: сомнение в надежности Зорге, хотя в данной ситуации «закрывать» Штейна уже было бесполезно.

Из Справки от 21 марта 1956 года:

«ШТЕЙН Гюнтер Эгон Освальд — псевдоним "Густав", "Джим" и "Литон" — немецкий еврей, 1900 года рождения, уроженец гор. Берлина, до 1941 года германский подданный, в 1941 году в Гонконге принял английское подданство. В 1931 году был в Берлине завербован на разведработу работником РУ РККА "Ритой" и в течение 1932 года, будучи корреспондентом газеты "Берлинер Тагеблат", выполнял наши задания на Дальнем Востоке. В том же году приехал в Москву, где получал задания от Радека.

В 1935-1937 гг. работал в Токио в резидентуре РУ РККА "Рамзая". В конце 1937 года был направлен нелегальным резидентом в Гонконг, где находился до конца 1944 года, после чего выехал в США.

Из имеющихся в архиве материалов видно, что ШТЕЙН подозревался работниками РУ в центре и на местах в связи с троцкистами, американской, английской и немецкой разведками. Эти подозрения основывались на следующих фактах:

а) на процессе "право-троцкистского блока" подсудимый КРЕСТИНСКИЙ 6.3.1938 года заявил, что он по просьбе Радека снабжал секретной информацией некоторых иностранных корреспондентов в Москве, в числе которых был назван Гюнтер ШТЕЙН; после опубликования в печати этого факта ШТЕЙН в Гонконге долго не выходил на встречу с нашим работником, что было расценено как стремление ШТЕЙНА выждать, что еще может на процессе выясниться о его связи с подсудимыми;

б) в 1932 году ШТЕЙН получил задание от РАДЕКА по наблюдению за работой Международного Бюро Информации в Лондоне;

в) Находясь в Китае, ШТЕЙН поддерживал связи с троцкистами;

г) Работая в Японии, снабжал англичан докладами о политической обстановке, пересылая одновременно эти материалы и нам;

д) Летом 1944 года вместе с другими корреспондентами ездил в Яньань, где, по-видимому, по заданию английской или американской разведок уси-

ленно пытался выяснить связь КПК с СССР, а возвратившись в Чунцин, сразу же поставил вопрос перед нашим работником о предоставлении отпуска ему для поездки в США и Англию, что объяснялось необходимостью, по мнению нашего работника в Чунцине, ШТЕЙНА отчитаться перед англичанами или американцами за свою поездку в Яньань;

е) ШТЕЙН, находясь в Китае, одновременно передавал материалы и нам, и американцам; так, например, он дал нашему резиденту доклад о содержании своего интервью с военным министром Китая, а через некоторое время это интервью было получено от нашего источника в США на бланке правительственного учреждения США».

В январе—феврале 1938 г. в Центре был подготовлен доклад, характеризовавший резидентуру «Рамзая» (документ не датирован, и не подписан; судя по всему, его автором был М.И. Сироткин):

«РЕЗИДЕНТУРА "Рамзая".

1. "Рамзай" — резидент. — Немец, рожд. 1895 г., родился в Баку, воспитывался с детства в Германии, где окончил гимназию. Чл. КПГ с 1919, ВКП /б/ — 1925 г. На работе в РУ РККА с 1929 г.

Профессия — журналист. Работал горнорабочим, редактором партгазеты и инструктором Коминтерна в разных странах.

Нелегальный резидент РУ в Шанхае с 1929 по январь 1933 г.

Нелегальный резидент в Токио с 1933 г. В 1935 году на один месяц приезжал в Москву и обратно возвратился в Японию.

Был скомпрометирован в шанхайском провале.

В шанхайскую резидентуру, руководимую Рамзаем, вклинилась японская агентура /Каваи — корр. из газ. Асахи (?) и др./.

В 1933 г. Рамзай ездил в Германию для заключения контрактов с крупн. газетными издательствами в качестве их представителя в Японии.

В одно время в 1934 г. классифицировал политику Коминтерна как пассивную "удержание наличного".

Гурвич в 1937 г. сообщил Карину, что он видел в Берлине, после прихода к власти фашистов, бывш. жену Рамзая, работающую юрисконсультантом. Ей известно, что Рамзай является коммунистом, и его местонахождение. Поддерживает с ним письменную связь.

Характеристика по работе, данная Покладоком в VIII-1935 г.: "Военные и экономические вопросы освещаются слабо и только по легальным материалам, Покладок ему не доверяет, считая Рамзая двойственным человеком и скрытным. Слабо знает экономическую и политическую обстановку Японии, агентурная обстановка усвоена недостаточно".

В настоящее время Рамзай черпает сведения по военным и политическим вопросам Японии и войны в Китае из поддерживаемых им связей с германским военным атташе — полковником ОТТ и послом Дирксеном и др. сотрудниками германского полпредства в Японии.

2. "Джо" — источник. — Японец, рожд. 1905 г., из крестьян. Профессия — художник. В 1923 г. эмигрировал в САСШ /Калифорнию/. Был завербован "Доном" в 1933 г. в Лос-Анжелесе по рекомендации секретаря секции ЯКП. В Лос-Анжелесе работал в партии подпольно, под др. фамилией расшифрован полицией не был.

В Японию для работы по линии РУ выехал в 1935 году.

В 1935 г. связался с Рамзаем и в 1936 г. — с Густавом.

В Японии имеет связи с художниками, с некоторыми журналистами и в буржуазной среде.

Одно время был связан в левыми элементами /Женщина, Кйосю и др./.

В настоящее время связан с одним японцем либерального направления, работающим на Хоккайдо в деревообделочной промышленности, мелким буржуа и одним врачем-специалистом, заведующим одной кр. больницей. Этот врач раньше также участвовал в ревдвижении, но теперь от активного участия отошел, хотя услуги оказывает. Врач, черпая услуги [слухи] от посещаемых его высокопоставленных лиц, передает их "Джо".

Поддерживает связь с Х. — лейтенантом разведки, болтливым на язык. Связь с "женщиной" прервана.

Его знают: Рамзай, Густав, Отто и Специалист.

Раньше также поддерживал связь с Ронином, сидевшим в тюрьме и раньше работавшим в проваленной резидентуре Рамзая в 1932 г.

Характеристика Густава, данная на Джо: "В политическом отношении не вызывает сомнений, преданный человек партии. Ради нашей работы может пойти на выполнение работы в любых условиях. Трудоспособен, интеллигентен, тверд в марксистских взглядах, уклонов от линии партии не наблюдалось, хотя марксистская подготовка его незначительная".

Должен получать от Рамзая 170 иен в месяц. Болен туберкулезом в 3 стадии.

Задачи: информация путем сбора сведений, слухов в народных массах и от многочисленных друзей.

Непосредственно от Джо материалов в РУ не поступает.

3. "Отто" — источник. — Японец, рожд. 1900 г., профессия — журналист. В настоящее время работает в немецкой секции ин. отдела газеты "Асахи", живет в Токио.

В 1932 г. работал в Шанхайской резидентуре Рамзая, которым и был привлечен к нашей работе. По характеристике Рамзая — Отто человек умный и полезный /1935 г./ В работе осторожен и несколько труслив. Политические убеждения — либерал. Рамзай питает к Отто полное доверие. Отто знает Джо и Густава. Являлся другом Ронина. Ежемесячно от Рамзая получает 130—190 иен. Информация — бесценна (в смысле бесполезна. — *М.А.*) /1935—37 гг./.

4. "Специалист" — источник. — Японец, артиллерийский офицер запаса, проживает в Осаке, служит на небольшой должности на ж. д. Завербован Рамзаем в 193... г. в качестве источника.

Политические убеждения — колеблется между реформизмом и ясной политической точкой зрения. Ежемесячно от Рамзая получает 100-200 иен., связан с Рамзаем через Отто по конец 1935 г., затем через Густава.

Как источник малоценный.

5. "Фриц" — радист. — Немец рожд. 1899 г. Чл. КПГ с 1927, в РУ РККА с 1928 г. Профессия — моряк /пом. механика/. Женат на жене бывш. белогвардейца /Раутман Анна Гергиевна, рожд 1898 г., русская, служащая/. Фриц работал с Гурвичем и Рамзаем в Шанхае и Кантоне около 4,5 лет. В Японию в резидентуру Рамзая убыл в 1935 г. Легализация: содержит совместно с одним японцем, прибывшим вместе с Фрицем из Америки, представительство от американской фирмы, предприятие по продаже велосипедов, автомасла и др. предметов. Ежемесячно получает 600 иен.

Срывы работ радиостанции проходили в октябре—ноябре 1937 г. /период японо-германского соглашения/. Жена Фрица выехала к нему в начале 1936 г. под фамилией Эмма Кениг».

Поверхностный, не отражающий реального положения вещей доклад. Собраны отрицательные, ничем не подтвержденные характеристики «Рамзая» двухлетней давности. Сама подача материала направлена на то, чтобы у адресата сложилось негативное впечатление о резидентуре Зорге.

6 февраля 1938 г. посол Германии в Токио Герберт фон Дирксен, по согласованию с Министерством иностранных дел, оставил свой пост по состоянию здоровья и отплыл на родину.

17 марта только что назначенный начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил генерал-лейтенант Кейтель писал вновь назначенному министру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу:

«Глубокоуважаемый господин фон Риббентроп!

По случаю доклада у фюрера я заговорил с ним о личности нынешнего военного атташе в Токио генерал-майора Отта, тем более что верховное командование сухопутных сил уже неоднократно ставило передо мной вопрос об использовании генерал-майора Отта на более высокой командной должности в войсках в фатерланде. В связи с тем, что генерал-майор Отт, будучи ближайшим сотрудником генерала фон Шляйхера, пользовался неограниченным доверием последнего, он не по своей вине попал в политически двусмысленное положение. В ходе моего доклада фюрер затронул вопрос возможного использования генерал-майора Отта, учитывая его успехи, на самостоятельной дипломатической должности и просил меня обратиться в соответствующие внешнеполитические инстанции на предмет обсуждения этого вопроса с ним лично.

Если Вы как министр иностранных дел склонны поддержать эту инициативу фюрера об использовании генерал-майора Отта на дипломатической службе, то следовало бы вызвать сюда генерал-майора Отта, с тем чтобы фюрер, согласно его желанию, мог лично с ним побеседовать.

Хайль Гитлер!

Преданный Вам Кейтель»[3].

Кейтель отмечал успехи Отта на самостоятельной дипломатической должности (чему в определенной степени способствовал и Зорге, и Риббентропу предстояло сделать из генерала посла, как этого желал Гитлер, у которого сложилось благоприятное впечатление от последней встречи с Оттом в 1934 году. Исход ходатайства Кейтеля был предопределен, и Отт стал отныне именоваться чрезвычайным и полномочным послом германского рейха в Японии. Новое назначение было неожиданным даже для самого Отта, что он пришел к выводу: «Мое назначение было задумано как прецедент, позволяющий сделать то же самое с Осимой»[4].

10 апреля Зорге передавал в Москву:

«Полковник Отт получил распоряжение от Риббентропа выехать, после вручения своих верительных грамот императору, в Берлин для получения установок относительно японо-германского сотрудничества в будущем. Отт убежден, что эти установки будут в соответствии с планом Осима о япо-

но-германском союзе. Отт выезжает в начале мая, а возвратится предположительно в конце июля. Осима все еще находится в Берлине, несмотря на то, что он переводится как военный атташе.

№ 71 Рамзай».

«Переводится» означало — продолжает занимать должность японского военного атташе в Берлине. Только в ноябре 1938 г. генерал Осима Хироси вручил Гитлеру верительные грамоты в качестве посла Японии.

В ноябре 1937-го японский генеральный штаб предложил Германии заключить военный союз, но предложение было отклонено, поскольку Гитлер боялся быть втянутым в события, спровоцированные японскими экстремистами. Однако уже в 1938 году фюрер был готов к обсуждению конкретных планов военного союза с Японией, на который он рассчитывал в условиях подготовки к войне в Европе. Использование Квантунской армии с территории марионеточного государства Маньчжоу-Го должно было помочь ему нейтрализовать русских и избежать войны на два фронта.

«Москва, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 6 мая 1938 г.

Переговоры Отта с японским генштабом и Хирота в последние недели касались главным образом вопросов снабжения Китая германскими военными материалами и деятельности германских советников в Китае. Японцы решительно настаивают на официальном отзыве германских советников и прекращения снабжения Китая военными материалами, которые до настоящего времени постоянно прибывают через Гонконг в Китай.

Отт дал согласие на то, чтобы настаивать в Берлине о принятии ясного решения в пользу японцев. Вопрос о возможном расширении сферы японо-германского сотрудничества не затрагивался, так как эти проблемы, как и во время первого антикоминтерновского соглашения, обсуждаются исключительно между Риббентропом и Осимой в Берлине,

Отт получил распоряжение встретиться в Гонконге с германским послом Траутманом для обмена мнениями относительно китайского конфликта. Отт полагает, что он вызывается в Берлин в связи с настойчивым нажимом Осимы относительно заключения политического и военного союза. Однако Отт не знает, как далеко пойдет в этом направлении Германия, учитывая возрастающие трудности для японцев в Китае, которые могут привести к ослаблению Японии.

№№ — 87, 88 Рамзай.

Расш. Малинников.
Перев. майор Сироткин».
[Резолюция НУ]: «НО-2. Спецсообщение. Гендин. 10/V».

В середине мая с Зорге произошло событие, едва не стоившее ему жизни, а резидентуре, как утверждают, — провала.

Мемо «Фриц» — Центру от 21 мая 1938 г.: «В результате автомобильной аварии Рамзай разбился, получил небольшое ранение лба, верхней губы, выздоровеет дней через 20. Деньги и материалы хранятся у Фрица. В связи с тем, что был испорчен передатчик — произошла задержка в связи. На пе-

рестройку пришлось употребить 9 дней, новые детали приобрести трудно. В настоящее время работа восстановлена».

Мемо от «Рамзая» — Центру № 113 от 25 июня 1938 г.: «Рамзай выписался из госпиталя, но еще нуждается в ежедневном лечении, активность в работе еще мала. Просит передать привет его жене и объяснить ей отсрочку возвращения».

По версии западных источников, события развивались следующим образом: «В то время Зорге собирался нанести краткий визит в Гонконг, поскольку у него скопилось много секретного материала, который он должен был передать там советскому агенту. Генерал Отт попросил Зорге выступить в роли курьера посольства, и Зорге, по его собственным словам, был своего рода "двойным курьером" сначала в Манилу, а потом в Гонконг, везя документы "для обеих сторон".

Свое возвращение в Японию он отпраздновал в привычном стиле — в "Рейнгольде" с Урахом. В два часа ночи, когда бар наконец закрылся, Зорге уселся на мотоцикл, купленный у Макса Клаузена. Машина доставляла ему массу удовольствия и некоторое беспокойство его друзьям, поскольку даже когда Зорге был трезв, он гонял на ней с огромной скоростью по узким улицам города.

Усадив Ураха на заднее сиденье, Зорге помчался к "Империал-отелю". Он попросил Ураха сопровождать его в "налете" на квартиры тех жителей, которые известны были хорошими запасами спиртного в своих барах, однако на этот раз Зорге отправился на свою собственную квартиру, где выпил целую бутылку виски. А потом предложил другу отвезти его домой на заднем сиденье мотоцикла. (Это был один из вечеров, когда Ханако-сан не было в его доме.) Урах благоразумно отказался, и Зорге отправился один.

У Тораномон, за зданием офиса ЮМЖД он свернул влево с широкого проезда и, поддав газу, помчался вверх по улице вдоль стены, окружавшей американское посольство, — по дороге, если и отличавшейся от грязной грунтовой колеи, то ненамного. Он потерял контроль над машиной и врезался головой в стену.

К счастью для Зорге, место аварии находилось в пределах слышимости, если не видимости полицейского в будке у ворот посольства. С тяжелыми ранениями, истекающий кровью от ран на лице, Зорге, однако, не потерял сознания и сумел назвать полиции адрес Ураха. Полиция позвонила в "Империал-отель", и Урах тут же приехал на место происшествия. Когда он прибыл, Зорге едва мог говорить, но все же сумел прошептать: "Скажи Клаузену, чтобы он немедленно приехал". Клаузен поспешил в госпиталь Святого Луки, куда доставили пострадавшего Зорге. Что было дальше лучше всего описывает сам Клаузен. "Сильно побитый, но не потерявший самообладания, он протянул мне отчеты на английском и американскую валюту, находившиеся в его кармане, которые нельзя было показывать посторонним, и, только освободившись от них, потерял сознание. Из госпиталя я прямиком отправился к нему домой, чтобы забрать все его бумаги, имевшие отношение к нашей разведывательной деятельности, прихватив и его дневник. Чуть позже сюда прибыл Вейс из ДНБ (чиновник германской службы новостей), чтобы опечатать всю собственность Зорге, чтобы никто не мог ничего тронуть. Я вздрогнул, подумав, что вся наша секретная работа выплыла бы наружу, приди Вейс раньше меня"»[5].

В «Отчете и объяснениях по моей нелегальной деятельности в пользу СССР», сделанном в 1946 году, пропадают отдельные существенные детали и появляются новые: «13 мая 1938 г., в пятницу, в 3 часа ночи мне позвонили по телефону. Говорил доктор Штедфельд. Он просил меня как можно скорее приехать в больницу, название которой я сейчас забыл, но через 5 минут он позвонил снова и сказал, что я должен немедленно быть в больнице Св. Луки, так как с Зорге произошел несчастный случай. Я сразу же выехал на своей машине в больницу. Там я увидел РИХАРДА. Все его лицо было в крови, передние зубы выбиты, на голове — рана. Я убедился в силе РИХАРДА. Немного таких людей в мире, которые могли бы переносить боль, как РИХАРД. Он должен был держаться до моего прихода, так как в кармане у него были документы, которые разоблачили бы нашу работу. Увидев меня, он передал мне эти документы. Доктор Штедфельд стоял перед ним. Передав мне документы, РИХАРД сказал: "Уходи". За мной в коридор вышел доктор Штедфельд и передал мне ключи от дома РИХАРДА. Под крышей у него был спрятан чемодан с документами и деньгами. Из его стола я вынул все тетради. Затем я сказал служанке, что с РИХАРДОМ произошел несчастный случай и что я буду приглядывать за его домом и ухаживать за ним в больнице. Все письма и газеты она должна будет передавать мне. Она так и сделала. Это была 60-летняя женщина, и она очень любила РИХАРДА. Я был у РИХАРДА дома в 6 часов утра. В 8 часов приехал мистер ВАЙЗЕ из ДЕЙЧЕ НАХРИХТЕН БЮРО и опечатал все его ящики печатью бюро. Я опередил его на два часа. Несмотря на тяжелые раны, РИХАРД работал даже в больнице. Немецкий военный атташе ШОЛЛЬ навещал его часто и передавал ему новости. Я приносил РИХАРДУ бумагу и карандаши, и он писал телеграммы. Это был один из самых сильных людей, которые мне встречались в жизни. Вскоре после того, как я уехал из госпиталя, РИХАРД потерял сознание. Если бы у меня не было собственной машины, я не мог добраться до него так рано. РИХАРД же держался до тех пор, пока не передал мне документы. Без машины я, может быть, не поспел бы вовремя».

На самом деле не все приводимое выше достоверно. Поездка Зорге курьером в Гонконг состоялась за четыре месяца до описываемых событий. Непонятно, какие документы по поручению германского посла Зорге мог везти в Манилу, столицу Филиппин, входивших в качестве автономии в состав США.

К свидетельству Клаузена также следует относится с большой осторожностью: основное в его воспоминаниях — это стремление выпятить собственную роль в спасении нелегальной резидентуры.

Уместно спросить, каким образом в карманах Зорге оказались «отчеты на английском». Единственное объяснение — что «загулу» с Урахом предшествовала встреча с Одзаки, который передал ему полученные от Мияги переведенные документы (или же встреча с самим Мияги, правда, подобные встречи проходили крайне редко). Допустить подобную беспечность сложно, тем более что Зорге заезжал домой, где мог оставить полученные документы, если они у него были, прежде чем перейти к дружеской пирушке. Скорее всего, историю с документами в карманах Зорге придумал единственный источник этой аварии — Клаузен, истории, которая в последующем была расцвечена в зависимости от фантазии авторов, писавших о Зорге.

И еще: Зорге знал, что прислуга должна была докладывать о каждом шаге хозяина полиции, как бы она его ни «любила». Деньги, и документы Зор-

ге хранил в тайнике, о котором знал Клаузен. Однако трудно представить, что Вейс, хорошо знавший Зорге и неоднократно бывавший у него в гостях, стал бы шарить по укромным уголкам квартиры своего друга.

С 6 мая по 25 июня 1938 г. из Токио было получено 25 шифртелеграмм, при этом отдельные информационные телеграммы разбивались на части и в это число входили и шифртелеграммы по организационным вопросам. Не исключено, что на основании сведений, получаемых от Шолля, Зорге действительно прямо в больнице составлял тексты для последующей шифровки и отправления в Москву. Как бы то ни было, число информационных шифртелеграмм, отправленных в это время, было не малым.

Еще в больнице Зорге подготовил телеграмму для отправления в Центр. Мемо от «Рамзая» — Центру от 27 мая 38 г.: «Просит выслать специального человека к Фрицу, который бы занимался также шифр. работой. Просит послать новую группу работников, независимую от него. Просит выслать по телеграфу на его банк около 1.500 ам. дол.».

Мемо Центр — «Рамзаю» от 15 июля 1938 года: «Запрашивается, получены ли полторы тысячи долларов, отправленные в июне. Дано указание подготовиться к поездке самому на встречу или к посылке жены Фрица в сентябре для передачи почты и получения денег /резервных/. Встреча состоится на том же месте, что и предыдущая.

В почте сообщить о результатах поездки Отт и доклады Шолла, а также сведения о дислокации войск на островах и на материке.

Просьба повторить телеграммы о жел. дор. батальонах и составе возд. сил в Маньчжурии, которые получены с большими искажениями. ».

Зорге верил, точнее, надеялся, что встреча с Екатериной Максимовой все-таки состоится. Мемо «Рамзай» — Центру от 11 июля 1938 г.: «Напоминает о просьбе сообщить жене об отсрочке приезда. Полагает, что причины искажения телеграмм вызываются атмосферными неполадками в Висбадене в связи с летним временем.

Рамзаю отвечено, что жене об отсрочке его приезда сообщено».

Из письма Екатерине Максимовой, написанного в начале осени 1938 г.:

«Дорогая КАТЯ! Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то я был настолько уверен, что мы вместе летом проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести отпуск. Однако я до сих пор здесь. Во всяком случае, я убежден, что речь идет о нескольких месяцах, в худшем случае, буду в феврале уже дома. Однако я так часто подводил тебя моими сроками, что не удивлюсь, если ты отказалась от этой собачьей жизни и вечного ожидания и сделала отсюда соответствующие выводы. Я не могу на тебя обижаться. Так что мне не остается ничего более, как только молча надеяться, что ты меня еще не совсем забыла и что все-таки есть перспектива осуществить нашу, пятилетней давности, мечту, наконец получить возможность вместе жить дома. Эту надежду я еще не теряю, даже в том случае, если ее неосуществимость является полностью моей виной, или, вернее, виной обстоятельств, среди которых мы живем и которые ставят перед нами определенные задачи.

Между тем уже миновала короткая весна и жаркое изнуряющее лето, которое здесь в этой стране очень тяжело переносятся, особенно при постоянной напряженной работе. И совершенно особенно, при такой неудаче, какую я имел. У меня был очень болезненный несчастный случай, несколько меся-

цев я лежал в больнице. Правда теперь уже все в порядке, и я снова работаю по-прежнему. Во всяком случае, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные зубы. Все это результат падения с мотоцикла. Так что, когда я вернусь домой, то большой красоты ты не получишь. Я сейчас скорее похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от выстрела с времен войны, я имею кучу поломанных костей и шрамов. Бедная Катя — подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог этого; я должен был жутко много перенести. И при всем этом работать. Но я думаю, что я работу выполнил и могу спокойно этим гордиться. Ты ни разу не писала, получила ли ты те красивые подарки, которые я тебе посылал. Вообще, уже скоро год, как я о тебе ничего не слыхал. Разве это нельзя организовать через мою фирму? Пожалуйста, поговори об этом с начальником! К сожалению, станет все труднее тебе что-либо послать. Так что ты вынуждена подождать, пока я приеду. Постепенно я подбираю для тебя некоторые вещи. Что ты делаешь? Где теперь работаешь? Возможно, что ты сейчас уже крупный директор, который наймет меня к себе на фабрику, в крайнем случае, в мальчики рассыльные? Ну ладно, уж там посмотрим. Основное сейчас приехать домой, ибо здесь собачья жизнь в буквальном смысле этого слова. Будь бы это еще другая страна! А эта, побери ее черт.

Ну будь здорова, дорогая Катя, самые наилучшие сердечные пожелания. Не забывай меня, ибо я уже и так достаточно печален. Целую крепко и жму руку. Твой...»[6].

«Рамзай» действительно сильно пострадал в мотоциклетной катастрофе. У Зорге оказалась сломанная челюсть и выбиты почти все передние зубы. Лицо, если и не было изуродовано, однако несло на себе следы аварии. По словам очевидца, «шрамы на лице Зорге делали его похожим на японскую театральную маску, придавая его лицу почти демоническое выражение». Когда Зорге вышел из госпиталя, супруги Отт были особенно добры к нему, а фрау Отт даже пригласила его пожить у них, пока он окончательно не поправится[7].

В июне 1937 г. «Алекс» — Борович был отозван и арестован. Связь с «Рамзаем» передали шанхайскому легальному резиденту «Кристи». В течение последующих двух лет — до второй половины 1939 г. — курьерская связь Центра с резидентурой Зорге поддерживалась крайне нерегулярно, с большими перерывами. С отзывом (в 1937 г.) «Густава», «Гертруды» (супруги Штейна) и «Ингрид» (Айно Куусинен), «Рамзай» лишился сразу трех курьеров. В составе его резидентуры, кроме него самого, остались лишь радист «Фриц» (Макс Клаузен) с женой «Анной» и «Жиголо» (Вукелич) с бывшей женой Эдит. За два года — с июня 1937-го по июнь 1939-го — связь через курьеров была осуществлена четырежды: один раз совершил поездку в Шанхай Клаузен, два раза — его жена Анна и один раз «Рамзай» выехал в Гонгконг на встречу со связником «Леонидом».

Макс и Анна Клаузен выезжали в Шанхай якобы по коммерческим делам предприятия «Фрица». В 1946 году Анна в докладе привела ряд случаев из своей курьерской практики, характеризующих технику маскировки перевозимой почты.

«В 1937 году мне как курьеру поручили свезти из Японии в Шанхай 40 фильмов. Я их зашила в тонкую тряпку и повязала на живот под платье. Я еха-

ла японским пароходом, контроль прошел успешно. Женщин не обыскивали, только спрашивали, не везем ли запрещенных вещей, и смотрели багаж».

«В 1938 году я опять возила почту в Шанхай. На этот раз почты было больше. Одну часть фильмов я привязала на живот, а другую между ног (последнее было мало удобно). Ехала я на японском пароходе. Перед Шанхаем пассажиров попросили собраться в салон 1 класса, и контроль приступил к обыску. Мужчин обыскивали в дверях, а с женщинами как будто не знали, что делать. Когда пропустили всех мужчин, пришли четыре японки и стали ощупывать женщин. Четырех женщин, в том числе и меня, обыскивать не решались. Нас задержали до тех пор, пока не осмотрели всех. Я старалась быть спокойной, но ноги в коленках дрожали, лицо горело так, как будто горели мои волосы. Я старалась сообразить, как же найти выход из этого положения. Я видела неминуемую гибель всей организации, всех людей, поэтому испытывала невыразимый, немыслимый ужас в предвидении катастрофы. Я старалась думать, но думать и придумать что-нибудь не могла. Один был выход, — не даться живой в руки. Я приготовилась прыгнуть в море, и это можно было сделать. Мы стояли у двери на палубу. Японец, стоявший против нас, попросил не расходиться, но я все-таки немного отделилась от остальных, приготовляясь прыгнуть за борт. Я видела, как японки ощупывают у оставшихся женщин бока и живот, и твердо намерилась не допустить их до себя. И вот выпустили последнюю пассажирку. Контроль двинулся внутрь зала».

Избавление пришло неожиданно и случайно:

«Японец, который нас караулил, указал контролю, что тут еще есть непроверенные, но контроль кивнул головой в знак того, чтобы меня отпустили. Японец поклонился и ушел. Я не знала, верить мне в чудо или нет. Я задыхалась от радости. Через минуту брызнул пот. Платье мое смокло и прилипло к телу. То и дело утираюсь платком, т. к. с лица буквально течет».

Мемо от Кристи — Центру от 25.10.38: «Встреча с курьером состоялась, переданы 6 тыс. амов, получена пленка».

Мемо от «Рамзая» — Центру от 8 ноября: «Сообщает, что связь прерывалась ввиду того, что Фриц строил новый аппарат».

Мемо Центру от 21 ноября: «С 15 декабря по 15 января РАМЗАЙ просит предоставить ему отпуск. Предполагает, что в течение этого времени важных событий не будет ввиду предстоящих новогодних праздников».

Мемо из Центра — «Рамзаю» от 29 ноября 1938 г.: «Отпуск разрешается с 15 декабря. На время отпуска установите связь с ФРИЦЕМ, с тем чтобы в случае экстренной необходимости Вас можно было срочно вызвать из отпуска».

Уже с начала 1938 г. Германия, которая вела активную подготовку к захвату Австрии, а затем Чехословакии, стала проявлять заинтересованность в превращении «антикоминтерновского пакта» в прямой военный союз трех держав — Берлина, Токио и Рима. Шаги в этом направлении делала и Япония.

Из телеграммы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Ойгену Отту от 26 апреля 1939 г.:

«Уже длительное время между Берлином, Римом и Токио ведутся тайные переговоры о заключении оборонительного союза, которые по особым причинам и в соответствии с договоренностью между партнерами осуществляются вне обычных дипломатических путей.

Летом 1938 г. генерал Осима, тогда еще военный атташе, сообщил, что, по мнению японских военных кругов, наступил момент для заключения общего

оборонительного союза между Германией, Италией и Японией. Содержание союзного пакта, по его мнению, могло состоять в следующем:

1. Проведение консультаций между тремя державами на тот случай, если одна из них окажется в затруднительном политическом положении.

2. Политическая и военная поддержка, если одной из трех держав угрожают извне.

3. Оказание помощи и поддержки, если одна из трех держав подвергнется неспровоцированному нападению со стороны другой державы.

В ходе конференции в Мюнхене в конце сентября этот вопрос обсуждался с Муссолини и графом Чиано. Это обсуждение было продолжено в Риме во время моего визита в конце октября; результатом этого обсуждения было то, что дуче заявил о своем принципиальном согласии, однако зарезервировал за собой право сообщить позднее свое мнение о времени заключения пакта. В начале января итальянский министр иностранных дел информировал, что теперь дуче готов к подписанию пакта.

В ходе непосредственных контактов между мной, Осима и Чиано был выработан текст договора, который наряду с тремя указанными выше пунктами содержал также обязательство, в случае совместного ведения войны, мир и перемирие заключать только сообща и который устанавливал в качестве срока действия договора период в 10 лет. Проект договора был дополнен далее двумя секретными протоколами, которые предусматривали немедленное проведение консультаций о выполнении обязательств по оказанию поддержки в различных принимаемых в расчет случаях и, кроме того, определяли соответствующие меры по совместным выступлениям в сфере пропаганды и прессы. Осима со специальным курьером отправил проекты в Токио, где они обсуждались на заседаниях кабинета. ...»[8].

«МОСКВА НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА
Острова, 29 июля 1938 года.

Отт возвратился и сообщил мне при первой встрече:

Главными пунктами инструкции, полученной им от Гитлера и Риббентропа, являются указания об укреплении сотрудничества с Японией против Англии и СССР — всеми средствами, жертвуя германскими интересами в Китае в такой степени, в какой это может быть необходимо для Японии, чтобы выиграть войну против Китая как можно скорее, но делая вместе с тем все возможное, чтобы побудить японцев придти к соглашению с Китаем, даже хотя бы с Чан Кайши.

Он должен выждать и уловить обстановку для нового германского мирного посредничества, даже если это потребовало бы совместных действий с другими державами, заинтересованными в мире между Японией и Китаем. Основанием для такого нажима со стороны Германии в вопросе заключения мира является то, что Япония ослабевает с каждым месяцем, а это не в интересах Германии. Ослабление Японии будет причиной того, что военный союз, основы которого заложены Осима, не будет заключен.

№№ 151 и 152. Рамзай».

3 сентября 1938 г. Зорге докладывал в Москву о ходе подготовки тройственного пакта между Берлином, Токио и Италией. Японский военный атташе в Берлине Х. Осима, телеграфировал он, сообщил военному министру

С. Итагаки, что «Риббентроп, после соответствующего согласования с итальянцами, сделал ему предложение о заключении трехстороннего политического и военного союза в связи с напряженным положением в Европе. Японский генеральный штаб и премьер-министр Коноэ не очень согласны идти на это, опасаясь быть вовлеченными в европейские дела. Они согласны только в том случае, если союз будет направлен против СССР. Тем не менее, оба почти склоняются». Во время мюнхенской конференции Риббентроп вручил министру иностранных дел Италии Чиано проект тройственного пакта между Германией, Италией и Японией. В конце октября 1938 г. Риббентроп посетил Рим для ведения переговоров с Италией о заключении пакта. 2 января 1939 г. Чиано сообщил Риббентропу о согласии Италии подписать пакт.

10 декабря 1938 г. «Рамзай» направил шифртелеграмму из Токио:

«Германский посол Отт получил сообщение от лидеров национал-социалистской партии о том, что в ближайшее время между Японией, Италией и Германией будет заключен тройственный военный пакт. Он будет якобы направлен против Коминтерна, фактически же он будет направлен против СССР, но предусматривает также давление и на другие страны».

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия. Рихард Зорге: личность и её окрестности

1. Алексеев Александр Петрович родился 22 июля 1945 года в г. Краснодон (Украинская ССР) в семье железнодорожника.

В 1963 году закончил среднюю школу в поселке Новоайдар Ворошиловградской области с серебряной медалью.

С 1963 по 1968 гг. слушатель Киевского высшего инженерного радиотехнического училища ПВО.

С 1968 по 1971 гг. служил в войсках ПВО.

С 1971 по 1974 гг. слушатель Военно-дипломатической академии (закончил с отличием).

Работал за рубежом.

Генерал-лейтенант.

Вышел в отставку в 2002 году.

В этом же году был назначен в МИД РФ на должность посла по особым поручениям, советником министра иностранных дел РФ по вопросам НАТО. Покинул должность по достижении 65 лет в 2010 году.

С 2010 года доцент Военной академии МО РФ.

Скончался 7 марта 2015 года в Москве, похоронен на Троекуровском кладбище.

Награжден Орденом Красной Звезды, Медалью за боевые заслуги. Отмечен благодарственной грамотой за заслуги в разработке и реализации внешнеполитического курса РФ и многолетнюю плодотворную дипломатическую деятельность Президента РФ Владимира Путина.

Пролог. «Японская угроза»

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. (5-е изд.) М., 1970. Т. 42. С.1—6.

2. Второй конгресс Коминтерна. Июль-Август 1920 г. / Под ред. О. Пятницкого, Д. Мануильского, В. Кнорина, Б. Куна, М. Зоркого. М., 1934. С. 535.

3. Там же. С. 535—536.

4. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.*К. Организационная структура Коминтерна. 1943—1945. М., 1997. С. 3—4.

5. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 36.

6. *Еремин А.Г.* Идеология и прагматизм во внешней политике СССР 1945-1964 годов // Вестник Чувашского университета. № 1. 2012. С. 22—25.

7. Там же.

8. *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М., 2007. С. 92.

9. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 303.

10. *Мозохин О.Б.* Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918—1945). М., 2012. С. 391.

11. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. С. 324.

12. Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С.146.

13. *Мозохин О.Б.* Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918—1945). С. 419—421.

14. Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 337—342.

15. *Иоган Е., Танин О.* Когда Япония будет воевать / Пер. с англ. М., 1936. С. 25.

16. *Уорд Дж.* Союзная интервенция в Сибири 1918—1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда / Предисл. И. Майского. Петроград, 1923. С. 162.

17. *Иоган Е., Танин О.* Когда Япония будет воевать. С. 25.

18. *Черевко К.Е.* Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 11.

19. Там же.

20. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 12.

21. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 42. М., 1970. С. 93—95.

22. Там же. С. 94.

23. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 12.

24. *Иоган Е., Танин О.* Когда Япония будет воевать. С. 26—27.

25. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 13—14.

26. Там же. С.14.

27. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М., 2010. С. 400.

28. *Кошкин А.А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. С.147.

29. Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 70—77.

30. *Кошкин А.А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. Указ. соч. С.144.

31. Там же.

32. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.15-16.

33.Там же. С. 16.

34. Танака Гиити (1863—1929) — японский государственный и военный деятель, полный генерал (1920). Родился в самурайской семье, окончил Военную академию Императорской армии (1892), проходил стажировку в армии Российской империи (1897—1902), по возвращении был назначен начальником русской секции в Генштабе Японии. В Русско-японскую войну (1904—1905) — в штабе Маньчжурской армии. Став генерал-майором (1911), Танака был назначен директором Бюро по военным делам при военном министерстве. В годы Первой мировой войны генерал Танака был на некоторое время прикомандирован к японской военной миссии в России. Военный министр (министр армии) в правительстве Хары Такаси (1918 -1921), а позднее — в правительстве Ямамото Гоннохёэ (1923-1924). Один из организаторов японской военной интервенции в Приморье. Выйдя в отставку (1925), Танака получил приглашение возглавить партию Риккэн Сэйюкай и место в Палате советников. Позднее он получил титул дансяку (барона) в системе кадзоку. Когда в министерстве узнали, что за согласие возглавить партию Риккэн Сэйюкай генерал получил 3 млн йен, приказ о присвоении ему звания маршала был отозван. Танака стал премьер-министром Японии (1927), одновременно будучи министром иностранных дел. Предпринимал все усилия для того, чтобы подавить движения социалистов, коммунистов и сочувствующих.Танака продолжил политику агрессивной интервенции в Китае и

Монголии. В течение 1927—1928 г. трижды направлял войска в Китай, в том числе во время Цзинаньского инцидента. В 1928 г. действия ультраправых националистических обществ и Квантунской армии привели к убийству китайского милитариста Чжан Цзолиня и неудачной попытке оккупации Маньчжурии. Для Танаки убийство Чжан Цзолиня было неожиданностью. Он считал, что офицеры, ответственные за инцидент, должны предстать перед военно-полевым судом. Военная элита, куда Танака не входил, настаивала на сокрытии фактов. Не имея поддержки и подвергаясь критике как со стороны парламента, так и со стороны императора Хирохито, Танака и его кабинет в полном составе ушли в отставку, и через несколько месяцев Танака умер.

35. Самойлов Владимир Константинович (1866—1916) — генерального штаба генерал-майор (1909). Образование получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе. Начал службу в 1884 г., окончил Николаевское инженерное училище (1887), Николаевскую академию Генштаба (1893; по 1-му разряду). По окончании инженерного училища выпущен подпоручиком (1887) в 4-й понтонный батальон. Служил в Закаспийской саперной роте командиром роты, помощником старшего адъютанта Приамурского военного округа, обер-офицером для поручений при командующем войсками Амурской области, штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Приамурского военного округа, штаб-офицером для особых поручений при главном начальнике Квантунской области, исполняющим должность начальника штаба 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Участник военных действий в Китае (1900—1901). Военный агент в Японии (1902—1904). За небольшой срок, отпущенный ему до начала войны (чуть менее полутора лет), Самойлову не смог завести негласную агентуру из числа иностранцев. Вместе с тем Самойлов, блестящий аналитик, установил широкий круг знакомств как среди японцев, так и среди иностранных военных агентов. Сведения, полученные им на доверительной основе от знакомых, а также собранные путем наблюдения и осведомления и почерпнутые из местной прессы, создавали основу для последующих обобщений и выводов. Он своевременно докладывал из Токио о подготовке страны Восходящего солнца к войне с Россией. После отзыва из Японии находился в распоряжении начальника Генерального штаба в качестве военного эксперта при графе С.Ю. Витте (председателе Совета министров в 1905—1906), участвовал в подготовке и заключении Портстмутского мирного договора с Японией. Весьма сдержанный на «добрые слова» Витте в мемуарах писал о Самойлове как о «человеке весьма умном, культурном и знающем». Военный агент в Японии (1906—1916). Сбор разведывательных сведений Самойлов продолжал осуществлять сформировавшимся ранее методом. Работа по заведению негласной агентуры ограничивалась отпускаемыми на эти цели средствами. В своей деятельности Самойлов пытался найти ответ на вопрос: готовится ли Япония к новой войне, и если да, то против кого направлены эти приготовления. Им были сделаны выводы, что Япония не намерена сокращать издержки на военные расходы, и, в принципе, «...новая война с нами за окончательное преобладание на Дальнем Востоке не представляется совершенно невозможной». Д.И. Абрикосов, дипломат, служивший с Самойловым в посольстве в Токио в канун Первой мировой войны, отмечает своеобразие личности полковника, хорошее знание им японского языка и местных обычаев, чему, по словам Абрикосова, во многом способствовала связь холостяка Самойлова с японской подругой. Во время Первой мировой войны на связи и руководстве военного агента находился всего один негласный агент. Самойлов умер на бор-

ту парохода по пути из Кобе в Шанхай. Награжден: орденами св. Станислава III ст. (1896); св. Анны III ст. (1898); св. Станислава II ст. (1899); св. Владимира IV с мечами и бантом (1900); св. Анны II ст. с мечами (1901); Золотым оружием с надписью «За храбрость» (по высочайшему повелению; 1902); св. Владимира III ст. (1904); св. Станислава I ст. (1912).

36. История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. I. Агрессия в Маньчжурии. М.: Издательство Иностранной литературы, 1957. С. 416 / Под общей редакцией Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити / Перев. с яп. под ред. Б. В. Поспелова. В переводе первого тома принимали участие: Б.В. Бейко, В.С. Гривнин, А.А. Искендеров, И.Г. Поздняков и Б.В. Раскин. С. 104.

37. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 26.

38. Системная история международных отношений. В 4 т. 1918—2000. Т. 2. Документы 1910—1940-х годов. М., 2000. С. 75—82.

39. *Потемкин В.П.* Дипломатия в новейшее время (1919-1939 гг.). М., 1945. С.119.

40. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 26.

41. Там же.

42. *Кириченко А.А.* Победная семидневка в Маньчжурии // Информационно-аналитический бюллетень № 14. Октябрь 2001. С. 4.

43. История войны на Тихом океане. Указ. соч. Т. I. С. 188.

44. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 21.

45. *Горбунов Е.Е.* Указ. соч. С.26.

46. Там же. С.23.

47. Там же. С.24.

48. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том I. Агрессия в Маньчжурии. — М.: Издательство Иностранной литературы, 1957. — 416 с. / Под общей редакцией *Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити.* // Перевод с японского под редакцией *Б. В. Поспелова.* В переводе первого тома принимали участие: *Б. В. Бейко, В. С. Гривнин, А. А. Искендеров, И. Г. Поздняков и Б. В. Раскин.* С.188.

49. Там же. С.189

50. Там же.

51. *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны. 1931—1950. М., 1977. С. 28.

52. История войны на Тихом океане. Т. I. С. 189—190.

53. *Алексеев М.* Формирование военных угроз Советскому Союзу в 30-е годы XX в. // Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты». М., 2010. С. 579—605.

54. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С. 33.

55. Там же. С. 33—34.

56. *Сиратори Т.* Новое пробуждение Японии: политические комментарии. 1933—1945. М., 2008. С. 42.

57. Советское руководство. Переписка. 1928—1941 / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. С. 161—163.

58. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. С. 40.

59. Советское руководство. Переписка. Указ. соч. С. 167—168.

60. Там же. С. 168.

61. *Гаврилов В.А., Горбунов Е.А.* Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004. С. 30.

62. Там же. С. 30-31.
63. Там же. С. 31.
64. Там же.
65. Там же. С. 31-32.
66. Там же. С. 34.
67. Там же. С. 34-35.
68. Там же. С. 35.
69. Известия. 1932. 4 марта.
70. *Горбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. С. 108.
71. Милитаристы на скамье подсудимых. Указ. соч. С. 248.
72. Там же.
73. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С. 90.
74. Там же. С. 91.
75. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С. 155.
76. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 43.
77. *Кошкин А.А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 150—151.
78. Там же. С. 151.
79. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С. 41.
80. Там же.
81. Там же. С. 41—42.
82. Там же. С. 42—43.
83. Там же. С. 49.
84. Там же. С. 50.
85. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 50—51.
86. *Иоган Е., Танин О.* Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933. С. 257—258.
87. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С. 22-23.
88. *Иоган Е., Танин О.* Когда Япония будет воевать. С. 22—23.
89. Там же. С. 23—24.
90. *Ложкина А.С.* Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония. № 37. 2008. С. 259—284.
91. *О'Конрой Т.* Японская угроза. М., 1942. С. 3-4.
92. Там же. С.13.
93. Там же. С.23.
94.Там же. С. 5.
95. Там же.
96. *Сила-Новицкая Т.Г.* Культ императора в Японии. М., 1990. С. 45.
97. Там же. С. 49—50.
98. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. М., 2004. С. 27.
99. *О'Конрой Т.* Указ. соч. С. 14.
100. Там же. С. 30.
101. Там же. С. 98.
102. Там же. С.14.
103. Там же. С. 15.
104. Там же. С. 15—18.
105. Там же. С. 21.
106. Там же.
107. Там же. С. 22—23.

108. Там же. С. 23.

109. Там же. С. 157—160.

110. *О'Конрой Т.* Указ. соч. С. 53.

111. *Ложкина А.С.* Указ. соч. С.267.

112. Тарханов Оскар Сергеевич (настоящее имя: Сергей Петрович Разумов; пс. Таубе, Танин, Эрберг, Каррио; 1901—1938). Родился в семье еврейского купца-фабриканта; учился в гимназии, скаутмастер; один из организаторов одесского комсомола и молодежного подполья; входил в руководство подпольной организации Одессы, был комиссаром боевой дружины Одесского губернского комитета комсомола (1917—1919), член РСДРП с 1917 года; секретарь Крымского подпольного обкома комсомола и член обкома партии; начальник военного отдела обкома; секретарь уездного комитета партии в Феодосии (1919—1920); сотрудник агитационно-пропагандистского отдела Симферопольского уездного комитета компартии; секретарь этого отдела, член Крымского бюро ЦК РКП(б) (1920—1921); завотделом печати и секретарь ЦК РКСМ в Москве; один из учредителей издательства «Молодая гвардия» (1921—1922); председатель Центрального бюро детских групп при ЦК РКСМ (1922—1923), представитель ЦК РКСМ в Исполкоме КИМа; побывал в Германии и Чехословакии (1923—1924); член Исполкома КИМа и секретариата ЦК РЛКСМ (1924—1925); почетный комсомолец (1924); секретарь парткома завода «Красный путиловец» в Ленинграде (1925—1926). За участие в «троцкистской группировке» в январе 1926 ему был объявлен выговор с «запрещением в течение 1 года выполнять ответственную партработу». Работал в Китае (1926—1927); политический советник в аппарате М.М. Бородина; участвовал в подготовке командных кадров китайской армии, изучал рабочее и крестьянское движение в стране, социальные условия жизни. Научный сотрудник НИИ по Китаю (1927—1930). На XV съезде ВКП(б) исключен из партии (декабрь 1927) «за оппозиционную деятельность», но в ноябре 1928 ЦКК восстановил его в рядах партии. Учился в Институте красной профессуры (1930—1932).Помощник начальника РО штаба ОКДВА (1932—1935). В распоряжении РУ штаба РККА (1935—1936) — советник полпредства СССР в Монголии. 30.12.1936 «состоящий в распоряжении РУ РККА Тарханов Оскар Сергеевич» уволен в запас РККА «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией». В 1937 отозван из Монголии. Репрессирован 12.06.1937. Реабилитирован 04.08.1956.Сочинения: Очерки истории КИМ. Вып. 1. М.; Л., 1925; Очерк социально-экономической структуры провинции Гуанси // Кантон. 1927. № 10. С. 79—160; (Эрдберг О.) Китайские новеллы. М., 1929 (М.; Л., 1930; М., 1932; М., 1959); Советское движение в Китае // Проблемы Китая. 1931. № 6/7. С. 3—52 (совм. с Е.С. Иолком); Аграрный вопрос в колониальной революции. М., 1932; (Ян Чжу-лай). Японские империалисты в Шанхае. М., 1932; (Танин О.) Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933 (совм. с Е. С. Иолком [Е. Иоган]); (Танин О.) Когда Япония будет воевать / Пер. с англ. М., 1936 (совм. с Е. С. Иолком [Е. Иоган]); (Эрдберг О.) Секки. Хабаровск, 1934.

113. Иолк Евгений Сигизмундович (пс.: Е. Иоган, Е. Иогансон, Иота, Е. Барсуков, Яо Кай; 1900—1937). Еврей. Из служащих. Член компартии с 1919. Участник Гражданской войны. Служил в продотрядах, которые занимались заготовкой и охраной хлеба и другого продовольствия. Окончил Ленинградский институт живых восточных языков (1924—1925), восточное отделение Института красной профессуры (1929—1932). Владел китайским, японским языками. Полковой комиссар (1936). Доктор экономических наук (1935). В Китае — перводчик Южно-

Китайской группы советских военных советников, сотрудник аппарата главного политического советника М.М. Бородина (апрель 1925 — ноябрь 1927). Вместе с М. Волиным, О. С. Тархановым и др. участвовал в работе китаеведческого кружка сов. специалистов и в издании рукописного журнала «Кантон». Преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, заместитель директора НИИ по Китаю, Международной Ленинской школы (1928—1931). В распоряжении РУ штаба РККА (1932—1937). Сотрудник РО штаба ОКДВА (1932—1935), центрального аппарата РУ (1935—1936), корреспондент ТАСС в Испании (1936—1937). Секретным постановлением ЦИК СССР от 17.07.1937 награжден орденом Красной Звезды. Репрессирован 05.09.1937. Реабилитирован 09.05.1957. Сочинения: Бойкот Гонконга: (Письмо из Кантона) // Новый Восток. 1926. № 15. С. 278—292; К вопросу об основах общественного строя в древнем Китае // Проблемы Китая. 1930. № 2. С. 87—135; (выступление в прениях, в кн.) Дискуссия об азиатском способе производства в Китае: По докладу М. Годеса. М.; Л., 1931. С. 59—73; К вопросу об «азиатском» способе производства // Под знаменем марксизма. 1931. № 3. С. 133—156; Советское движение в Китае // Проблемы Китая. 1931. № 6/7. С. 3—52 (совм. с О. Тархановым); События на Дальнем Востоке и опасность войны // Большевик. 1932. № 5/6. С. 42—55 (совм. с Г. Войтинским и Н. Насоновым); Китайская революция. М., 1932; Захват Маньчжурии и революционный подъем в Китае // Мировое хозяйство и мировая политика. 1932. № 3. С. 3—23; (Е. Иоган). Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933 (совм. с О Таниным [О. С. Тархановым]); (Е. Барсуков). Как вооружается японский империализм. Хабаровск, 1933 (2-е изд.: 1934); (Иота). Некоторые хозяйственные итоги 1932 г. в Японии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 4. С. 81—98; Японский империализм перед новыми авантюрами // Большевик. 1933. № 19. С. 38—55; (Е. Иоган). Под силу ли японским финансам «большая война» // Тихоокеанский коммунист. 1934. № 1. С. 9—21 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (Е. Иоган). Военная организация японского хозяйства // КИ. 1934. № 30. С. 20—26 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (Е. Иоган). Лицо господствующих классов Японии // На рубеже (М.; Хабаровск). 1934. № 1. С. 78—88 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (Е. Иоган). Почему СССР продал КВЖД // Большевик. 1935. № 6. С. 66—71; Военная организация японского народного хозяйства // ТО. 1935. № 4. С. 24—45; Пути экспансии японского империализма // Там же. № 2. С. 11—39; Японская агрессия в Китае // КИ. 1935. № 31/32. С. 24—31; Японский империализм и Монгольская Народная Республика // Большевик. 1936. № 7. С. 68—82; Новый этап японо-китайских отношений // Там же. № 9. С. 61—70; Японская военщина в борьбе за власть // ТО. 1936. № 2. С. 12—32; Японский империализм наступает // Большевик. 1936. № 1. С. 63—75; (Е. Иоган). Когда Япония будет воевать. М., 1936 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (M. Volin, E. Iolk). The Peasant Movement in Kwantung: (Materials on the Agrarian Problem in China). Canton, 1927.

114. *Танин О., Иоган Е.* Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933. С. III—XVI.

115. Там же. С. 135—137.

116. Там же. С. 145—151.

117. Там же. С. 241.

118. Там же. С. 53—69.

119. Там же. С. 110.

120. Там же. С. 182.

121. Там же. С. 164—167.

122. Там же. С. 144—145.
123. Там же. С. 247.
124. Там же. С. 167—175.
125. *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии: политика и идеология. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. доктора политических наук. М., 2004.
126. Русско-японская война 1904—1905 г. Т. I. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб. 1910. С. 156—158.
127. Там же.
128. Там же.
129. Там же.
130. Русско-японская война 1904—1905 г. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 13—14.
131. *Будкевич С.Л.* «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс. Люди. События. Документы. Факты. М., 1969. С. 11—12.
132. Там же. С. 12—13.
133. *О'Конрой Т.* Японская угроза. М., 1942. С. 21.
134. Там же. С. 23-24.
135. Japan year book. 1935. P.74, 75, 879, 1054, 1067, 1071; Japan illustrated year book. 1934. P. 42.
136. *О'Конрой Т.* Указ. соч. С.33.
137. *Мадер Юлиус.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин. 1988. С.С. 129-130.
138. Там же. С. 130.
139. Там же. С. 137.
140. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С. 13.
141. Там же. С. 9.
142. *Коваленко И.И.* Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979. С.69.
143. Там же. С. 225-235.
144. Там же. С.117.
145. *Сила-Новицкая Т.Г.* Указ. соч. С.10.
146. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.18-19.
147. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том II. Японо-китайская война. М., 1957. / Под общей редакцией Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити. // Под редакцией Б. В. Поспелова. Перевод с японского Б. В. Раскина. С.125.
148. *Коваленко И.И.* Указ. соч. С. 155.
149. Там же.
150. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том II. Указ. соч. С.289.
151. Там же. С.289-291.
152. *Рисс К.* Тотальный шпионаж. М., 1945.
153. Они руководили ГРУ. Сборник биографических очерков. М., 2005. С. 108—109.
154. Там же
155. *Алексеев Михаил.* Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты». 1922—1929. М., 2010. С. 229—257.
156. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 19. Д. 342. Л. 2.

157. См. подробно: *Алексеев М.* Указ. соч. С. 235—240.

158. *Аджибеков М., Шахназарова Э.Н., Ширинян К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997. С. 133.

159. *Алексеев Михаил.* Указ соч. С. 240—243.

160. *Аджибеков М., Шахназарова Э.Н., Ширинян К.К.* Указ. соч. С. 133.

161. Янель Карл Юрьевич (1888—1938) — из рабочих. Латыш. Бригадный комиссар (1936); член компартии с 1910; в РККА с 1918; окончил учительскую семинарию, Алексеевское военное училище в Москве (1917), Военную академию РККА (октябрь 1920 — сентябрь 1924, с перерывами), армейское отделение Курсов усовершенствования высшего комсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1927—1928), Академические курсы по военной химии (1931). Владел немецким и другими языками. Работал в школах Сигулды, Бириноса, Риги и Вальмиеры, активное участие принимал в деятельности Рижской и других организаций социал-демократии Латвии. Служил в Латышском стрелковом резервном полку. Подпоручик. Член президиума исполкома Тербатаского совета рабочих и крестьянских депутатов (1917). В период Октябрьской революции — в Военно-революционном комитете Северного фронта, устанавливал советскую власть в Эстонии. Участник Гражданской войны на Западном фронте. Следователь Московского ревтрибунала (1918—1919), участвовал в подавлении мятежа левых эсеров, в работе Московской ЧК, заведующий контрольно-разведывательным отделом военного комиссариата в Петрограде, член ЦИК Латвийского Совета, комиссар полка, Латышской стрелковой дивизии (1919—1920), затем заместитель начальника политотдела 15-й армии, командир и военком 35-го стрелкового полка 4-й дивизии той же армии на Польском фронте (1920). В распоряжении РУ штаба РККА (июнь 1921 — сентябрь 1922). Сотрудник полпредства СССР в Вене, Австрия (1924), по заданию Коминтерна работал на Балканах. Военный и военно-морской атташе при полпредстве СССР в Японии (июнь 1925 — не позднее марта 1926), резидент военной разведки. «Работу в Токио за сравнительно короткий срок поставил удовлетворительно и стал давать ценные сведения. Отозван из-за трений с Полпредом. Вообще, годится для ответственной самостоятельной работы» (Из служебной характеристики). Помощник начальника 3-го (информационно-статистического) отдела (сентябрь 1926 — ноябрь 1929). Начальник Института химической обороны им. Осоавиахима (ноябрь 1929 — апрель 1934), где разрабатывалось химическое и бактериологическое оружие и средства защиты от него. Начальник Иностранного сектора (отдела) Управления ВВС РККА (апрель 1934 — май 1937). Награжден орденами Красного Знамени (1928), «Знак Почета» (1936). Репрессирован 31.05.1937. Реабилитирован 09.05.1956.

162. *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997. С. 178—179.

163. Там же. С. 169.

164. Там же. С. 218—219.

165. Смагин Василий Васильевич (1894—1938) — из рабочих. Русский. Военную службу начал в царской армии. Служил в Маньчжурии, начальник команды разведчиков. Окончил Военно-автомобильную школу (1915), 3-ю Петергофскую школу прапорщиков (1916), основной курс Военной академии РККА (1924) и Восточный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1926), оперативный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1932). Участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, комиссар Дальневосточной Красной армии (1918—1921). Обучение в Военной академии РККА совмещал с исполнением должности помощника начальника 4-го оперативного отдела (управления)

Штаба РККА. В октябре 1926 — мае 1930 г. находился в распоряжении Разведупра Штаба РККА — IV управления Штаба РККА. Резидент под прикрытием должности секретаря, помощника военного атташе при полпредстве СССР в Токио. В мае 1930 — июле 1933 г. — начальник сектора, помощник, заместитель начальника 3-го отдела IV управления Штаба РККА. В июле 1933 — июне 1934 г. — начальник Отдела внешних сношений Штаба РККА. В июне 1934 — январе 1935 г. находился в распоряжении Управления по начсоставу РККА. Январь 1935 — декабрь 1937 г. — старший преподаватель кафедры общей тактики Военной академии им. М.В. Фрунзе. Арестован 16 декабря 1937 г. якобы за то, что «во время японской интервенции на ДВ находился в Хабаровске и тогда еще был привлечен к японскому шпионажу. В 1931 году Смагин, по прямому заданию японцев, составил дезинформационный доклад с явно ложной версией о двух типах японской дивизии и с явным преувеличением технического оснащения японской армии. Это было выгодно тогда японцам, так как в связи с начатой ими авантюрой в Китае японцы нуждались в преувеличении своей мощи в глазах европейских стран и СССР. Аналогичную дезинформационную работу Смагин проводил в докладах и справках, составленных для НКО и Генштаба РККА». Приговорен Военной коллегией Военного суда СССР 26 августа 1938 г. к высшей мере наказания по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 18 июля 1961 г.

166. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 349. Л. 59, 62.

167. Ермаков Николай Порфирьевич 12.03.1896-г. Херсон, ныне Украина — 14.02.1940-Москва. Русский. Из служащих. Капитан 2 ранга (1938). Беспартийный. В РККА с 1918. Окончил восточный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (сентябрь 1924 — сентябрь 1926).

Помощник командира эсминца, начальник части штаба Балтийского флота, заведующий классом морского училища, помощник начальника строевого отделения Оперативного управления РККФ (март 1918 — октябрь 1924).

В распоряжении РУ штаба РККА (сентябрь 1926 — октябрь 1933), в Японии: секретарь (апрель 1928 — октябрь 1932), помощник (октябрь 1932 — октябрь 1933) военно-морского атташе при полпредстве СССР.

Помощник начальника 1-го сектора 2-го управления Управления ВМС РККА (октябрь 1933 — март 1934), старший руководитель по восточным языкам, затем начальник кафедры иностранных языков Военной академии им. М.В.Фрунзе (март 1934 — ноябрь 1938).

Репрессирован 13.11.1938. Реабилитирован 25.08.1956.

168. Ромм Владимир Георгиевич (1896—1937) — из служащих. Еврей. Член партии левых эсеров (ноябрь 1917 — октябрь 1918), компартии с декабря 1918. Окончил Тенишевское училище в Петербурге (1914), 2 курса Института гражданских инженеров в Петрограде (1914-1916). Владел английским, французским, немецким языками. Рядовой 177-го пехотного запасного полка в Новгороде, член полкового комитета (июль 1916 — февраль 1918), член исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Новгороде (март — июль 1917), юнкер Школы прапорщиков инженерных войск, сбежал (август — октябрь 1917), член Губернского исполкома в Новгороде (октябрь 1917 — май 1918), был делегатом 2-го Съезда Советов (ноябрь 1917), председатель Военно-революционного комитета в Новгороде (ноябрь — декабрь 1917), председатель военного отдела Губрнского исполкома там же (февраль—май 1918). Секретарь отдела управления Наркомата внутренних дел Северной области (май—июль 1918), без посто-

янной работы в Петрограде и Архангельске, управляющий делами Губернского совнархоза в Воронеже (июль—ноябрь 1918). Выполнял особые поручения в Вильно военной организации Компартии Литвы, СНК Литвы, РВС Литвы и Белоруссии (декабрь 1918 — апрель 1919). Стрелок сводного коммунистического отряда, секретарь комиссара бригады 4-й стрелковой дивизии 15-й армии (апрель—май 1919), болел тифом, был в отпуску (май—август 1919), инструктор политотдела, военком батальона той же дивизии (август—ноябрь 1919), военком 24-й бригады, помощник военкома 8-й стрелковой дивизии 16-й армии (ноябрь 1919 — июль 1920). Уполномоченный РУ штаба Западного фронта в Вильно (июль—сентябрь 1920), помощник военного атташе при полпредстве РСФСР в Ковно, Литва (сентябрь 1920 — май 1921), один из организаторов агентурной сети в этой стране. В распоряжении 2-го (агентурного) отдела РУ штаба РККА, его уполномоченный в Тамбове, где в штабе М.Н. Тухачевского налаживал разведку против повстанцев, там же помощник полпреда ВЧК (май—август 1921), заместитель начальника РУ штаба Командующего всеми ВС Украины и Крыма в Харькове, заведующий отделением 2-го отдела РУ штаба РККА (август 1921 — август 1922). На нелегальной разведывательной работе по линии того же РУ в Берлине и Париже (август 1922 — октябрь 1924), работал под руководством легальных резидентов в Германии А.К. Сташевского (Верховского) и Б.Б. Бортновского, нелегального резидента во Франции Я.-А.М. Тылтыня, достиг в своей деятельности значительных результатов. Уполномоченный ИНО ОГПУ (ноябрь—декабрь 1924), заведующий иностранным отделом газеты «Труд» (декабрь 1924 — май 1927), корреспондент ТАСС в Токио (сентябрь 1927 — июль 1930), Женеве, Швейцария (август 1930 — апрель 1934) и одновременно в Париже (май 1931 — сентябрь 1932), в Москве (апрель—июнь 1934), специальный корреспондент «Известий» в Вашингтоне, США (июнь 1934 — октябрь 1936). Репрессирован 23.11.1936. Свидетель по делу К.Б. Радека на «процессе антисоветского троцкистского центра», проходившего в Москве 23—30.01.1937. Репрессирован 13.11.1938. Реабилитирован 25.08.1956.

169. Асков Аркадий Борисович (псевд. Аякс; 1897—1937) — из мещан. Еврей. Полковой комиссар (1936). В РККА с 1919. Член партии эсеров (эсер-интернационалист) в 1915—1917, компартии с 1918. Окончил Черниговскую гимназию (1908—1916), англо-саксонское отделение Института внешних сношений (1921—1923), японское отделение восточного факультета Военной академии РККА (1923—1925). Владел японским и английским языками. Состоял в подпольной черниговской революционной организации «Буква», собирал деньги для политзаключенных, носил им передачи в тюрьму, подбирал людей для подпольной работы. Технический секретарь Черниговского комитета партии эсеров (1916—1917). На подпольной работе на Украине во время Гражданской войны и немецкой оккупации (1918—1919). В Чернигове держал явочную квартиру и небольшую нелегальную типографию, ведал связью с партизанскими отрядами, в Киеве руководитель района Демиевка, потом Городского и Новостроенского районов. Командир отряда (140 человек), захватившего в период январского восстания 1919 центр города. Председатель военно-революционного комитета Городского района Киева (январь—июль 1919), секретарь Киевского горпарткома, председатель Комиссии по приемке-отправке ценностей, отнятых у буржуазии (июль—август 1919). Военком автомобильной части 14-й армии (август—сентябрь 1919), начальник ударной группы политработников 57-й стрелковой дивизии 14-й армии (сентябрь 1919), помощник военкома 505-го стрелкового полка, начальник

организационно-инструкторского отдела, заместитель начальника политотдела 57-й стрелковой дивизии, в распоряжении политотдела 12-й армии (сентябрь 1919 — январь 1920). Председатель Городского районного ревкома и секретарь комитета партии того же района Киева, в распоряжении Луганского губернского комитета РКП(б) (январь—сентябрь 1920). Секретарь окружного партийного комитета Енакиево, Донбасс (сентябрь 1920 — март 1921), начальник учетно-распределительного отдела политуправления Юго-Западного фронта (март 1921 — январь 1922), заведующий учраспредотдела губкома партии в Киеве, областной конторы внешгосторга, декан рабфака Киевского института народного хозяйства (январь 1922 — сентябрь 1923). Во время учебы в академии поступил в распоряжение РУ штаба РККА. Окончив ее, работал в Японии: секретарь консульства в городе Нагасаки, Цуруге (сентябрь 1925 — май 1926), вице-консул, генеральный консул в г. Кобе (сентябрь 1926 — январь 1930). И.М. Майский, занимавший тогда пост советника полпредства СССР в Японии, считал Аскова одним из тех нескольких человек, служащих в системе полпредства, «которые весьма годятся для проведения исследовательской работы» по востоковедению. Старший референт 2-го восточного отдела НКИД СССР, старший редактор 8-го отдела штаба РККА, в распоряжении РУ штаба РККА, преподаватель восточного факультета Военной академии им. М.В. Фрунзе и в гражданских вузах, одновременно декан дипломатического факультета Московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова (февраль 1930 — январь 1932). Помощник начальника 2-го (восточного) отдела РУ штаба РККА (январь 1932 — октябрь 1933), 1-й секретарь полпредства СССР в Японии (октябрь 1933 — март 1937) и в тоже время находился в распоряжении РУ РККА, резидент РУ. По возвращении из Японии состоял в распоряжении НКИД СССР и РУ РККА. Репрессирован 26.05.1937. Реабилитирован 06.12.1956.

170. Нивинский Борис Дмитриевич (псевд. Борисов; 1901—1939) — из служащих. Русский. Майор (1936). В РККА с 1919. Член компартии с 1920. Окончил гимназию в Петербурге, Военно-инженерный техникум РККА (май 1919 — март 1920), основной (1922—1925), восточный (1926—1928) факультеты Военной академии им. М.В. Фрунзе. Владел французским, английским и японским языками. Командир дорожно-мостовой роты, помощник командира саперной роты 29-й стрелковой дивизии (апрель 1920 — январь 1921), помощник командира отдельной саперной роты, командир взвода, роты в инженерном батальоне 5-й стрелковой дивизии (январь 1921 — июнь 1922), начальник штаба 1-го Читинского стрелкового полка (август 1925 — сентябрь 1926). В РУ штаба РККА — РУ РККА (июль 1928 — февраль 1936), секретарь консульства СССР в г. Кобэ под фамилией Борисов и там же резидент военной разведки (начало 1929 — февраль 1936). Секретный уполномоченный 2-го (восточного) отдела (февраль—сентябрь 1936). Сотрудник Воениздата НКО СССР (сентябрь 1936 — март 1938). Репрессирован 03.03.1938. Реабилитирован 27.07.1957.

171. Киселев Дмитрий Дмитриевич (до 1903 Николаев; псевд. Иван Филиппович Моцный; 1879—1962) — из мещан. Русский. Полковой комиссар (1936). Член партии левых социалистов-революционеров (1917—1918), компартии с 1918. Народный учитель во Владимирской губернии и Сибири (1899—1917). Председатель Верхоленского уездного совета солдатских, крестьянских и рабочих депутатов, Верхоленский уездный комиссар (1917—1918). Уполномоченный ЦК РКП(б) в Сибири и на Дальнем Востоке, его задача — выяснить ситуацию на местах и оказать посильную помощь в случае необходимости (1918—1919). Успешно завершив поездку, вернулся в Москву; 29.06.1919 докладывал о результатах своей

миссии В.И. Ленину. Вновь побывал в Сибири с аналогичным заданием, стал членом Новониколаевского губернского ревкома (1919—1920). С мая 1920 вольнонаемный сотрудник РУ штаба РККА — РУ РККА: работал в Китае, нелегальный резидент в Шанхае (1920—1922) под именем купца Ивана Филипповича Моцного; 05.08.1921 В.Д.Виленский-Сибиряков, тогда комиссар Академии Генштаба, сообщал Л.Д. Троцкому: «Очень прошу Вас принять подателя сего тов. Киселева только что присланного из Китая с чрезвычайно ценными и интересными военными сведениями, которые мы должны несомненно использовать». Консул СССР на ст. Пограничной КВЖД (1922—1924), генеральный консул СССР в Харбине и член правления КВЖД (1924—1925); в Японии: консул СССР в Цуруге (1925—1928), Хакодате (1928—1930). В распоряжении РУ штаба РККА (1933—1936). 04.02.1936 «гражданин Киселев Дмитрий Дмитриевич определяется в кадр РККА» и в продолжение своей службы назначается помощником начальника Регистрационного отделения РУ РККА (февраль 1936 — февраль 1939). Начальник Отдела кадров РУ РККА И.Ф. Туляков, представляя Д.Д. Киселева к награждению юбилейной медалью «XX лет РККА» (февраль 1938), так обосновал свое решение: «Тов. Киселев после выполнения задания в Дальневосточном крае имел беседу с тов. Лениным. Этот момент нарисован художником — картина в ЦДКА». Имеется в виду картина художника Е. Машкевича «Дмитрий Киселев рассказывает В.И. Ленину о партизанской борьбе в Сибири и на Дальнем Востоке» (1919). Уволен из РККА 19.02.1939, так как «имел близкое знакомство с ныне арестованными врагами народа: Ангарским, Похвалинским, Генесиным, Ходоровым. Давал рекомендацию для вступления в члены ВКП(б) арестованной органами НКВД Феррари». Однако 28.05.1939 прежний приказ отменен, и Киселев увольняется «как выслуживший срок действительной военной службы». Жил в Москве и Новосибирске. Награжден юбилейной медалью «XX лет РККА» (1938).

172. Кук (Кукк) Александр Иванович (1886—1932) — из крестьян. Эстонец. В РККА с 1918. Член компартии с 1930. Окончил Юрьевское четырехклассное городское училище (1904), Петербургское пехотное юнкерское училище (1906—1909) по 1-му разряду, Императорскую Николаевскую военную академию (май—август 1914, январь 1917 — март 1918), штабное отделение Курсов усовершенствования высшего комсостава РККА (1926—1927). Владел немецким, финским и английским языками. Участник Первой мировой войны (1914—1916). Командир роты, врид полкового адъютанта, начальник команды связи, офицер для поручений при штабе 4-го армейского корпуса, в распоряжении штаба Румынского фронта, врид начальника штаба 30-й пехотной дивизии. Награжден орденами Св. Станислава 3 и 2 ст., Св. Анны 4, 3 и 2 ст. Штабс-капитан. Участник Гражданской войны. Начальник разведывательного отделения Военного совета Смоленского оборонительного района (март—декабрь 1918) и одновременно член советско-германской пограничной комиссии (сентябрь—ноябрь 1918), разведывательного отделения штаба Западной армии (декабрь 1918 — март 1919), начальник оперативного отдела штаба Эстляндской армии (март—июнь 1919), штаба Южной группы войск 7-й армии (июнь—июль 1919), оперативного отделения штаба 15-й армии (июль—сентябрь 1919), начальник штаба той же армии (сентябрь 1919 — сентябрь 1920). Участвовал в боях за Лугу, Волосово, Гдов, Ямбург против войск генерала Н.Н. Юденича и в Советско-польской войне 1920. Командующий 16-й армией (сентябрь 1920 — апрель 1921). Помощник начальника РУ — РО штаба РККА (май 1921 — сентябрь 1923). Одновременно с сентября 1922 главный руководитель по военной администрации Военной академии РККА. Начальник

штаба Западного фронта (сентябрь 1923 — апрель 1924), Западного ВО (апрель 1924 — декабрь 1926), помощник командующего войсками Ленинградского ВО (декабрь 1926 — январь 1928), комендант Карельского укрепрайона (февраль 1928 — март 1930). Состоял для особых важных поручений при РВС СССР (март 1930 — февраль 1931). «Обладает выдающимися военными знаниями. Вопросы штабной службы знает блестяще… Исполнительно дисциплинирован, трудолюбив и трудоспособен» (курсовая учебная характеристика, 05.07.1927). «Всю Гражданскую войну занимал ответственные должности в РККА до командарма включительно, имеет опыт по разведывательной работе. Много работал и работает по вопросам техники в армиях» (Я.К. Берзин, представление к назначению на должность военного атташе в Англии, 23.12.1929). Военный атташе при полпредстве СССР в Японии (март 1931 — начало 1932). Награжден орденами св. Станислава 2-й степени (с мечами) и св. Анны 2-й (с мечами), 3-й (с мечами и бантом) и 4-й степеней, а также орденом Красного Знамени (1919). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

173. *Горбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С. 114.

174. Ринк Иван Александрович (1886—1938) — из крестьян. Латыш. Комдив (1935). В РККА с 1919. Член компартии с 1928. Окончил экстерном реальное училище в г. Митаве (1906), Виленское военное училище (1908—1910), Военно-академические курсы высшего комсостава (октябрь 1922 — июль 1923). Владел немецким, английским, французским, персидским языками. В службе с 1906. Вольноопределяющийся 179-го Усть-Двинского полка в Поневеже (1906—1908), после окончания с отличием училища служил во 2-м гренадерском Ростовском полку в Москве, затем на фронте (1910—1914). Участник Первой мировой войны. Штабс-капитан. Был в плену у немцев (ноябрь 1914 — ноябрь 1918). Награжден орденами св. Анны IV и III ст., св. Станислава IV и III ст. Участник Гражданской войны (1919—1921). Воевал на Восточном фронте, в Северной Таврии и Крыму, Чечне и Дагестане. Начальник пулеметной команды полка (февраль — октябрь 1919), командир 457-го стрелкового полка 51-й дивизии, Ударно-огневой бригады (октябрь 1919 — май 1921), командир 33-й стрелковой дивизии, помощник командира 16-й стрелковой дивизии (май 1921 — март 1922), помощник начальника военно-исторического отделения Военно-научного отдела Военной академии РККА (март — апрель 1922). Заведующий сектором 3-го (информационно-статистического) отдела РУ штаба РККА (апрель — сентябрь 1922). «Вполне самостоятельный работник с большим опытом в области военного дела. Много читает. В работе проявляет инициативу и энергию» (О. Дзенис, 27.09.1922). Помощник командира 48-й Кашино-Тверской стрелковой дивизии, постоянный член стрелкового комитета по подготовке войск штаба РККА (июль 1923—апрель 1924). Военный атташе при полпредстве СССР в Афганистане (май 1924 — ноябрь 1926). «В последнее время агентурную работу в рамках возможного развил в достаточной степени. К сожалению, пришлось отозвать из-за трений с полпредом». В распоряжении (ноябрь 1926 — июнь 1927), помощник начальника 3-го (информационно-статистического) отдела (июль 1927 — ноябрь 1928) РУ штаба РККА. Солидный опыт военной и военно-политической работы, а также самообразование выработали из него «весьма квалифицированного, толкового, твердого и энергичного командира и штабного работника… Он с честью справлялся с самыми разнообразными заданиями, какие на него возлагались» (Я.К. Берзин, А.М. Никонов, 19.07.1928). Вновь на прежней должности в Афганистане (ноябрь 1928 — ок-

тябрь 1930), начальник 4-го отдела (внешних сношений) РУ штаба РККА (октябрь 1930 — февраль 1932) и одновременно начальник восточного факультета Военной академии им. М.В. Фрунзе. Военный атташе при полпредстве СССР в Японии (февраль 1932 — октябрь 1937). За время работы в РУ «РИНК характеризовался только положительно... Поступавшие от РИНКА информационные материалы из Японии оценивались РУ положительно» (1956). Награжден двумя орденами Красного Знамени (1921, 1923). Репрессирован 07.10.1937. Реабилитирован 30.06.1956.

175. Шинкарев Николай Лаврентьевич (псевд. Ханаиси; 1898—1938) — из рабочих. Русский. Бригадный комиссар (1936). В РККА с 1919. Член партии левых эсеров (октябрь 1917 — июнь 1918), компартии с 1918. Окончил восточный факультет Военной Академии им. М.В. Фрунзе (1927—1929). Активный участник Октябрьской революции в Москве. Участник Гражданской войны (1919). Театральный инструктор, начальник театральной секции политотдела 2-й армии, инструктор-организатор культурно-просветительской деятельности политотдела Особой группы войск Южного фронта (май—июль 1919), военком инженерной бригады 10-й армии, в распоряжении политотдела той же армии (июль—ноябрь 1919), ответственный инструктор-организатор, начальник культпросвета Западной армии Кавказского фронта (ноябрь 1919 — март 1920), инструктор-организатор культпросвета штаба войск Донской области, политуправления Северокавказского ВО (март—июнь 1920), начальник просветительского отдела того же политуправления, просветительской части политотдела 9-й армии (июнь—декабрь 1920), заведующий клубом «Красная звезда» той же армии, начальник агитационно-пропагандистской части политотдела 22-й дивизии (декабрь 1920 — апрель 1922), военком 190-го стрелкового полка, 1-го отдельного пограничного батальона (апрель—июль 1922), начальник организационной части политотдела 22-й дивизии, политотдела 37-й стрелковой дивизии (июль 1922 — август 1923), в политуправлении Северокавказского ВО: в распоряжении, помощник начальника орготдела, начальник Дома Красной Армии, старший инструктор-организатор отдела (август 1923 — август 1925). Начальник политотдела 13-й стрелковой дивизии, в распоряжении политуправления Московского ВО (август 1925 — август 1926), помощник военкома, помощник начальника политчасти Химических КУКС РККА (август 1926 — октябрь 1927). Командир батальона 3-го стрелкового Амурского полка, начальник 2-й части штаба 19-го стрелкового Приморского корпуса (сентябрь 1929 — февраль 1930). В распоряжении РУ штаба РККА (июнь 1930 — май 1933), на заграничной работе, вице-консул генконсульства СССР в Токио под фамилией Дубровин. В резерве РККА с прикомандированием к Наркомату совхозов (май 1933 — февраль 1936), работал в политотделе МТС Славгорода, председатель райисполкома в с. Новокиевском Посьетского района Западно-Сибирского края. Вновь в кадрах РККА. Начальник редакционно-издательского отделения РУ РККА (февраль 1936 — сентябрь 1937). 23.09.1937 уволен из РККА, т.к. «имел связь с врагом народа Кузьмичевым». Репрессирован 04.10.1937. Реабилитирован 12.11.1955.

Глава 1. 1933 год. Шанхай, Москва, Западная Европа

1. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930-1933 гг. М., 2010. С. 592-611.

2. Римм Карл Мартынович (пс.: «Пауль»).

01(13).12.1891-с.Анцен Веросского уезда Лифляндской губернии, ныне окрестности г.Выру, Эстония — 22.08.1938-Коммунарка Московской области.

Эстонец. Из крестьян. Полковник (13.12.1935). В РККА с 1918. Член компартии с 1918. Окончил гимназию в г.Дерпте, Учительскую семинарию (1911), 1 курс Учительского института (1915-1916), Алексеевское военное училище в Москве (1916), Военную академию РККА (октябрь 1920 — декабрь 1924, с перерывами). Владел немецким языком.

Работал сельским учителем (1911-1915).

В службе с 1916. Служил младшим офицером в 228-м запасном полку в г.Златоуст (1916-1917), в Латышском запасном полку в г.Вольмар (июнь — октябрь 1917). Подпоручик.

Член местного Совета крестьянских депутатов (1918), организовал первый в Эстонии отряд Красной Гвардии. После оккупации Прибалтики Германией переехал в Вологду. Член райвоенсовета, ответственный за набор пополнения в Красную Армию.

Участник гражданской войны (1918-1920). Воевал в Екатеринбурге, Архангельске, под Нарвой в составе Вологодского пехотного полка, Эстонской бригады, 46-й стрелковой дивизии. Командир пулеметной роты. Помощник начальника штаба по оперативной части 137-й бригады 46-й стрелковой дивизии.

Во время учебы в Академии выезжал в командировки (июль — октябрь 1921; до августа 1922; октябрь — май 1923) в Германию и Эстонию. Во время коммунистического восстания в Эстонии (Ревель, декабрь 1924) он был военным советником восставших. Как отмечал сотрудник РУ штаба РККА эстонец Карл Тикк, причиной поражения этого восстания стала «недостаточная военная подготовка» восставших, а «в силу этого целый ряд промахов», в том числе: все стычки с войсковыми частями «кончаются неудачей восставших, между тем, как от успеха в этих пунктах зависел успех всего предприятия». После возвращения в Советскую Россию Римм назначен начальником командных курсов РККА, затем штаба дивизии.

В РУ штаба РККА — РУ РККА: помощник начальника части (март 1925 — сентябрь 1926), начальник сектора (сентябрь 1926 — март 1930) 3-го (информационно-статистического) отдела, стажировался в должности начальника оперативной части штаба 57-й стрелковой Уральской дивизии (май — октябрь 1927), в распоряжении (март 1930 — февраль 1936), находился на разведработе в Австрии, был помощником резидента в Италии (1930-1931). По ходатайству Я.К.Берзина награжден к X-летию РККА ценным подарком — револьвером (1928).

На нелегальной разведывательной работе в Шанхае: помощник резидента Рихарда Зорге под фамилией «Сальман Клязь», (январь — ноябрь 1932). Вместе со Г.Л.Стронским («Джон») руководил шанхайской резидентурой (ноябрь 1932 — август 1933), помощник резидента Я.Г.Бронина («Абрам») (август 1933 — 1935). Отозван в СССР (1935) в связи с провалом в шанхайской резидентуре.

Начальник отделения 2-го (восточного) отдела (февраль 1936 — декабрь 1937). «В имеющихся в личном деле материалах Римм характеризуется как человек, обладающий средними военными познаниями, общее и политическое развитие тоже среднее, возлагаемую на него работу выполняет добросовестно, но недостаточно быстро, ленив как при выполнении заданий, так и при работе над повышением своих знаний, больших усилий не прилагает» (из служебной характеристики).

Репрессирован 11.12.1937. Реабилитирован 01.06.1957.

Награжден орденом Красной Звезды (1965) «за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество, смелость и отвагу».

Вместе с ним в китайской командировке находилась его жена Любовь Ивановна Римм (под фамилией «Луиза Клязь», пс.: «Луиза») (1894-1976), она работала шифровальщицей. Позднее в Москве она была помощником начальника библиотеки РУ штаба РККА.

3. Стронский Григорий Львович (настоящая фамилия и имя — Герцберг Игнат, пс.: «Джон») (6.09.1904, г. Лодзь, Польша — 21.09.1937). Польский еврей, из семьи купца-промышленника. Образование высшее. Специальность — инженер-электрик. Владел русским, польским, немецким и французским языками. Окончил 6 классов гимназии в Варшаве, а также техникум по специальности электротехник.

С 1919 г. был членом Союза польской социалистической молодежи. С 1923 г. — член КП Польши. С 1924 г. руководил партийной работой среди поляков, находившихся в Бельгии.

С 1927 г. работал в войсковом отделе при ЦК Компартии Польши. С 1920 до 1929 г. находился на различной партийной работе в Германии, Франции, Бельгии, Польше. В одной из анкет, в графе «Служили ли в войсках и учреждениях белых правительств?», Стронский напишет: «В польской армии с 1928 г. по 1930 г.».

В 1929 г. Центральным комитетом Польской коммунистической партии командируется в Москву на военные курсы, по окончании которых был принят на работу в советскую военную разведку и направлен на нелегальную работу в Польшу, где находился в качестве резидента (1930 — первая половина 1931 г.). Из служебного документа: «Разведработу Стронский вел главным образом через партийные круги и не поддерживал достаточной конспирации, что и послужило причиной к его отзыву с этой работы. В 1931 г. Стронский был назначен в Шанхай помощником нелегального резидента, где в начале выполнял лишь техническую работу (из-за незнания английского языка), а к агентурной работе привлекался с середины 1932 г.

В конце 1933 г. ему поручена организация самостоятельной группы. Эту задачу не выполнил. К работе относился формально. Из-за пренебрежительного и легкомысленного отношения к конспирации был раскрыт китайской полицией.

В 1934 г. был отозван из Шанхая. Уволен из РУ в 1934 г.».

Работал в ИККИ под фамилией «Андреев» (до 1936 г.). Редактор журнала «Электрификация сельского хозяйства».

Незаконно репрессирован (1937).

4. Овадис Иосиф Ефимович (пс.: Макс, Юзя).

Сотрудник IV управления. В начале феврале 1932 прибыл в Шанхай под фамилией «Чернов» под крышей представителя ТАСС в Нанкине. Овадис был мужем «Джо», сотрудницы шанхайской резидентуры Гурвича-Горина, и в конце 1929 г. всерьез рассматривалась возможность его направления для работы в Шанхай. Однако все планы, связанные с командировкой Овадиса, были перечеркнуты болезнью «Джо» и ее преждевременным отзывом из Китая.

5. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай». Указ. соч. С.611-625.

6. Там же. С.654-682.

7. Там же. С.686-691.

8. Стигга Оскар Ансович (псевд. Оскар) (19.11.1894, Туккумский уезд, Курляндской губ., имение Альт-Абгульден, Гросс-Ауцкой волости — 29.07.1938). Латыш. Из крестьян. Комдив (1936). Образование высшее. Владел латышским и немецким языками.Член РСДРП с 1917 г.

Окончил 2 класса церковно-приходской школы.

С десяти лет летом работал пастухом или на полевых усадьбах, где работал отец, зимой учился. С четырнадцатилетнего возраста учился мальчиком в лавке, работал буфетчиком на ст.Рига 1, на узкоколейной дороге Штокманскоф-Валк извозчиком; конторщиком в Риге.

В 1915 году был призван в армию. Служил бойцом в 175 зап. полку в Старой Руссе, весной 1916 г. убыл на фронт и был зачислен в Латышский запасный полк. С апреля 1916 г. служил в 3 Курземском Латышском стр. полку писарем полковой канцелярии, получил звание мл.унтер-офицера.

В октябре 1917 г. добровольно перешел в Красную Армию в составе латышских стрелковых полков. В сентябре 1917 г, становится членом ВКП(б). В др. партиях не состоял.

Революционной работой начал интересоваться в раннем возрасте, отец за участие в революции 1905 г. 4 месяца провёл в тюрьме, брат был осужден к смертной казни, которая заменена 15 годами каторги. Принимал активное участие с января 1917 г. в работе солдатских организаций.

Принимал участие в подготовке и проведении Октябрьской революции организациями латышских стрелковых полков, был делегатом на их съездах. Был делегатом многих партконференций коммунистических организаций латышских стрелковых полков, Хамовнической парторганизации г. Москвы, 6 съезда компартии Литвы. Был членом ЦИК Советской Латвии членом Моссовета.

В 1918 г. избирается сначала секретарем, а затем председателем Исполнительного комитета латышских стрелковых советских полков.

В январе 1919 г. назначается членом РВС Армии Советской Латвии, а в марте 1919 г. — членом РВС Западного фронта.

В августе 1919 г. откомандирован на Южный фронт, где назначается командиром и комиссаром 33 Кубанской стрелковой дивизии.

С августа по октябрь 1920 г. находился в плену в Германии (был интернирован). По возвращении из Германии прибыл в ЦК ВКП(б) для демобилизации, но демобилизован не был и в декабре 1920 г. получил назначение в Регистрационное управление Штаба РВСР.

С 1920 г. служба в Разведывательном отделении (части) Оперативного управления Полевого штаба РВСР, Разведупре Штаба РККА, Разведывательном отделе Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА.

С 1926 г. прикомандирован к IV (разведывательному) управлению Штаба РККА.

С 1928 г. в распоряжении IV управлению Штаба РККА.

Нелегальный резидент: до 1929 г. — в Латвии, в последующем — в Германии. Основной упор делал на научно-техническую разведку.

В 1930 г. окончил вечерние академические курсы усовершенствования высшего и старшего командного состава при 4 Управлении Штаба РККА.

В 1934 г. вследствие провалов, имевших место в резидентурах в Германии, Чехословакии, Стигга вернулся в Советский Союз.

В августе 1934 г. был назначен начальником 3 отдела РУ РККА. В январе 1936 г. было присвоено воинское звание «комдив».

Январь 1935 — ноябрь 1937 г. — начальник 3-го отдела и одновременно (с апреля) начальник 1-го отдела Разведывательного управления РККА.

Награжден в 1928 г. в день десятилетия Советской Армии почетным оружием. В 1933 г. за достигнутые успехи по руководству нелегальной резиденту-

рой в Берлине награжден именными золотыми часами. В октябре 1935 г. награжден вторично именными золотыми часами. Награжден орденом Красной Звезды (1937). Репрессирован (29.11.1937). Подает «Заявление с признанием в участии в фашистской латышской организации» и в том, что являлся «агентом германской разведки». Признан одним из «руководящих участников разведупровской латышской организации». «К сотрудничеству с германской разведкой», по его собственным показаниям, привлечен якобы после возвращения из Германии Я. К. Берзиным.

Реабилитирован 8.09.1956 г.

9. Лепин Эдуард Давидович (псевд. «Эдуард»; 1889—1938) — из служащих. Латыш. Комкор (1935). В РККА с 1918. Член компартии с 1920. Окончил реальное училище, Петроградский коммерческий институт (1915), ускоренный курс Александровского военного училища (1915), Военно-академические курсы высшего комсостава (ноябрь 1921 — август 1922), общевойсковое отделение Курсов усовершенствования высшего комсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе (январь—март 1928). В службе с июля 1914. Служил в 91-м Двинском пехотном полку. Участник Первой мировой войны. Командир батальона 7-го пехотного Ревельского полка на Румынском фронте. Штабс-капитан. Участник Гражданской войны. В Красной гвардии — командир отряда, действовавшего против петлюровцев (декабрь 1917 — апрель 1918), военный инструктор штаба продовольственной армии (апрель—май 1918), командир батальона 1-го Московского продовольственного полка, командир того же полка (май—декабрь 1918), командир 37-го Московского рабочего полка (декабрь 1918 — апрель 1919), 2-й бригады (апрель—июнь 1919) 1-й Московской рабочей дивизии, 45-й бригады 15-й стрелковой Инзенской дивизии (июнь 1919 — ноябрь 1921). Командир 28-й стрелковой Златоустовской дивизии (август 1922 — сентябрь 1923), 12-го стрелкового корпуса, 35-й Сибирской стрелковой дивизии, (сентябрь 1923 — ноябрь 1925), 13-го стрелкового корпуса (ноябрь 1925 — июль 1930), командир и военком 1-го стрелкового корпуса (июль—август 1930), был в заграничной учебной командировке (январь—февраль 1930). В распоряжении РУ штаба РККА (август 1930 — январь 1931), военный атташе при полпредстве СССР в Финляндии (январь 1931 — февраль 1932), в Польше (февраль 1932 — октябрь 1933), в распоряжении Главного управления РККА (октябрь 1933 — март 1934), военный атташе при полпредстве СССР в Китае (март 1934 — ноябрь 1937). Награжден орденом Красного Знамени (1922). Репрессирован 02.12.1937. Реабилитирован 08.09.1956.

10. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай». Указ. соч. С.691-704.

11. Шипов Адам Львович (наст. фам. Шапиро; псевд. «Герман»; 1900—?) — из рабочих. Еврей. Майор (1936). В РККА с 1922 г. Беспартийный. Окончил 2 курса правового отделения факультета общественных наук МГУ. Владел немецким и французским языками. Находился в Польше, служил унтер-офицером польской армии, «работал в польской армии в качестве разведчика для Красной Армии» (заполненная им самим учетная карточка 08.03.1934). В РУ штаба РККА (1922—1938): сотрудник РО штаба Западного фронта (1922), работал в 3-м (информационно-статистическом) отделе РУ: переводчик бюро прессы (июнь—сентябрь 1922), заведующий сектором прессы и информации, помощник начальника военно-политической части (сентябрь 1922 — сентябрь 1926), начальник сектора (сентябрь 1926 — август 1928). Был нештатным преподавателем польского языка в Военной академии РККА (с 1922). В распоряжении РУ (август 1928 — июнь 1931), на нелегальной работе в Германии. Начальник сектора 3-го отдела (июнь

1931 — декабрь 1932), и в то же время нелегальный резидент в Женеве, Швейцария (февраль—ноябрь 1932). 19.12.1932 уволен из РККА в долгосрочном отпуске «В связи с невозможностью его дальнейшего использования в IV Управлении и РККА вообще увольняется из РККА с направлением (по его просьбе) на научную работу в Институт мирового хозяйства» (из аттестации, 1932). Учился в Коммунистической академии (1933—1934). С 04.1934 по 07.1935 находился во Франции с целью выяснения анализа причин провала, происшедшего в декабре 1933 г., его локализации и обеспечения арестованных адвокатами. 15.08.1935 «определен в кадр РККА» и зачислен в распоряжение РУ РККА, но вновь сотрудником РУ стал еще раньше. В марте 1934 г., при направлении А.Л.Шипова на агентурную работу в Швейцарию, В.В. Давыдов в своем сообщении характеризует его: «Он наш старый агентработник, безусловно, преданный нам, проверенный на работе на протяжении десяти лет». Работал также во Франции, Румынии и США. Репрессирован. Осужден на 25 лет ИТЛ. Срок отбывал в 1950-е годы в Норильском ИТЛ и Особом лагере № 2 в Норильске. Реабилитирован в 1957. Жил в Москве. Соч.: В иностранных армиях: Югославия, Италия, Польша // Красная звезда. М., 1924. 12 января. С. 2; Северо-Американские Соединенные Штаты: Экономическая и военная мощь / РУ Штаба РККА. М., 1925 (вместе с Я. Жигуром); Экономическое, политическое и военное положение Италии / РУ Штаба РККА. М., 1926 (вместе с К.Тикком); и др.

12. *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге / Пер. с англ. Н. Лихачевой. М., 1996. С.117—120; *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 1. М., 2002. С.125—126.

13. Там же. С. 117.

14. Там же. С. 118.

15. Там же.

16. Там же. С. 119.

17. Воля Владимир Федорович (известен также как Михаил Яковлевич Воль; 1898—1940) — из рабочих. Еврей. Бригадный комиссар (1936). Брат Е.К. Феррари. Член РСДРП(б) (август 1916 — апрель 1917), партии анархистов (май 1917 — апрель 1918), компартии с 1919. В РККА с 1918. Окончил 1 курс Академии Генштаба (сентябрь 1919 — январь 1920), 2 курса Института гражданских инженеров в Москве (июль 1922 — октябрь 1923), Вечерний Свердловский университет (октябрь 1926 — август 1928), Курсы красных директоров ВСНХ СССР (август 1928 — август 1929). Владел французским и турецким языками. Рабочий, электрик, токарь на различных предприятиях в Екатеринославе (март 1914 — ноябрь 1917). Красногвардеец, командир взвода городского отряда Красной гвардии в Екатеринославе (ноябрь 1917 — февраль 1918), организатор и командир партизанского отряда им. М.А. Бакунина, действовавшего в районе Криворожского бассейна и в Таврической губернии (февраль—май 1918), начальник подрывной команды штаба Урало-Оренбургского фронта (май—август 1918), военком 4-го района 3-го округа пограничной охраны (август—декабрь 1918), командир и комиссар 1-й бригады 3-й Украинской советской дивизии 13-й армии (декабрь 1918 — февраль 1919), военком Особого партизанского отряда им. ВЦИК, действовавшего в районе Одесса — Елисаветград (февраль—июль 1919), начальник и военком штаба кавалерийской дивизии 14-й армии (июль—сентябрь 1919), «выполнял отдельные поручения в тылу врангелевских войск на Черном море, где им была захвачена неприятельская шхуна с грузом и пленными». Сотрудник для поручений Губернского военкомата в Екатеринославе (январь—июнь 1920). В распоряжении Региструпра ПШ РВС Республики — РУ штаба РККА (июнь 1920 — июль 1922),

«заместитель начальника особой группы Региструпра» (1920), «начальник связи Константинопольского отделения ОМС ИККИ и начальник оперативной части спецгруппы Разведупра РВСР» (1921). «Провел в Черном море сквозь блокаду легк. крейсер «Айд... Рейс» (1920), «Захватил и привел в Черн. море неприятельскую шхуну «Рождество Богородицы» (1920). Помощник начальника по политчасти 5-го отдела (жел.-дор. войска) Центрального управления военных сообщений РККА (октябрь 1923 — апрель 1924), инспектор, военком Инспекции инженеров РККА (апрель 1924 — апрель 1925), Военно-инженерной инспекции РККА, политинспектор инженерных войск, военный комиссар инспекции инженеров РККА (октябрь 1923 — апрель 1925). 01.04.1925 уволен в запас РККА «за невозможностью соответствующего использования», с зачислением на учет по г. Москве. Член коллегии и нарком Наркомата социального обеспечения Узбекской ССР (апрель 1925—октябрь 1926), инспектор и заведующий секцией Главной инспекции ВСНХ СССР (август 1929—август 1930). В распоряжении РУ штаба РККА — РУ РККА (август 1930—февраль 1936), «в командировке по особому заданию» (август 1930 — февраль 1931), заместитель начальника, врид начальника 8-го (военной цензуры и службы ДД) отдела РУ РККА (февраль 1936 — сентябрь 1938). 26.09.1938 уволен в запас РККА «в аттестационном порядке по служебному несоответствию». Награжден орденом Красного Знамени (1924) «за боевые отличия в 1920 году». Репрессирован 29.05.1939. Реабилитирован 21.07.1956.

18. *Дикин Ф. Стори Г.* Указ соч. С. 122—123.

19.Там же. С.124-125.

20. Там же. С. 125.

21. Там же. С. 126—127.

22. Смолянский Григорий Борисович (1890—1937). Еврей. Член Партии социал-революционеров, затем член РКП(б). Вместе с эсерами Б. М. Донским и И. К. Каховской занимался подготовкой в Киеве террористического акта против немецкого генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна (30 июля 1918 г. Донской совершил убийство Эйхгорна и его адъютанта, бросив бомбу). С июня 1925 г. — заведующий подотделом печати и издательства Агитационно-пропагандистского отдела ИККИ. Член редакционной комиссии Издательского отдела ИККИ (с 1926 г.). Член редколлегии журнала «Коммунистический интернационал» (редактор отдела профсоюзного движения), ответственный секретарь (с 1924 г.). Заместитель заведующего Среднеевропейским лендерсекретариатом (с ноября 1932 г.). Незаконно репрессирован (1937). В «расстрельный список (Москва-центр)» был включен 21 октября 1937 г.

23. Тюремные записки Рихарда Зорге//Знаменитые шпионы XX века. М., 2001. С.566.

24. Алексеев Михаил. «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930-1933 гг. М., 2010. С.103.

25. Бранн Лотта. Немка. Член КПГ с 1928 г. С апреля 1931 г. сотрудница аппарата ИККИ, работала машинисткой в Отделе переводов. С этого времени ей засчитан партийный стаж в ВКП(б). Привлекалась также к работе шифровальной группы ОМС. В составленном секретарем парткома Федором Котельниковым 4.09.1936 г. «Списке членов ВКП(б), бывших в других партиях, имевших троцкистские и правые колебания, а также имеющих партвзыскания» о ней говорится: «Бранн Лотта. 1. Состояла в Сионистском союзе молодежи с 1920 г. по 1925 г. в г. Берлин. 2. Выговор за притупление бдительности и пассивность в партийной жизни, 27. III. 1936 г. Фрунзенским РК г. Москвы». 28.02.1937 г. заведующий Отде-

лом кадров ИККИ Геворк Алиханов направил докладную записку Димитрову, в которой сообщалось: «В октябре 1936 г. были сняты с работы в Отделе переводов ИККИ немецкие машинистки — Лотта Бранн и Бетти Шенфельд, как исключенные из партии (первая из ВКП(б), вторая из КП Германии) за связь с троцкистами. Все попытки устроить их на работу вне аппарата ИККИ до сих пор оставались без результатов. Между тем они продолжают жить в люксе, где встречаются с работниками ИККИ, и получали до последнего времени средства на существование из Управления делами ИКИ. В настоящее время т. Самсонов (управляющий делами ИККИ. — Авт.) отказался им дальше платить. Считая такое положение недопустимым, предлагаю послать Бран и Шенфельд на работу в качестве немецких машинисток в Издательство Иностранных Рабочих, где имеется необходимость в немецких машинистках...» Вопрос решается иначе. В июне 1937 г. обе немки были арестованы. После многолетнего заключения они возвратились на родину — Бранн в 1956 г., Шенфельд — в 1957 г.

26. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай». Указ. соч. С.668.

27. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай». Указ. соч. С.625-644.

28. Там же. С.585.

29. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т.IV. 1931-1937 . Часть 1. М., 2003. С.221-229.

30. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай». Указ. соч. С.629.

31. Там же.С.629-630.

32. Там же. С.630.

33. Там же. С.563-570.

34.Там же. С.631.

35. Там же. С.636-637.

36. Воропинов Павел Вокич (Фокич) (11 января 1889, станица Невиномысская, Кубанской обл, ныне Ставропольского края — 22.08.1938). Русский. Его отец — казак. Образование среднее. Владел китайским и английским языками. Отец Воропинова, состоял на военной службе, окончил фельдшерские курсы и в 1898 г. поступил на строительство КВЖД в Харбине фельдшером. В 1899 г. туда переехали и его жена с ребенком. В 1900 г. поступил мальчиком-рабочим в пекарню. В 1902 г. служил укупорщиком в торговой лавке на станции Телин. В 1903 г. поступил учеником в Центральный телеграф. В 1905 г. принимал участие в забастовке служащих КВЖД.Тогда же был втянут в революционную работу в кружок левых эсеров. Кружок этот вскоре распался. Телеграфистом пробыл до 1909 г. В 1909 г., изучив английский язык, поступил на службу в Русско-Азиатский банк в Харбине. В 1910 г. служил в торговле в Харбине. В 1911 г. поступил на службу в Общество Взаимного Кредита (Кооперативная организация ремесленников и мелких торговцев). В 1914 г. был призван в царскую армию, где вновь вошел в подпольный эсеровский кружок. Служил солдатом-рядовым до 1916 г. Сдав экстерном за 6 классов реального училища, был командирован в мае 1916 г. в Иркутское военное училище. Окончив ускоренный курс в декабре был назначен младшим офицером в чине прапорщика и отправлен в 6 зап. Сиб. стрелковый полк. В 1917 г. вместе с полком выезжает на Кавказский фронт. После февральской революции избран председателем полкового рев.комитета и членом дивизионного комитета. Вскоре с дивизией перебрасывается в Финляндию, где связался с организацией эсеров в Гельсингфорсе. В августе 1917 г. приехал в отпуск в Харбин и поступил в Военный Контрразведывательный пункт штаба Иркутского Военного округа в Харбине. В ноябре того же года был назначен Начальником контр-

разведывательного пункта в Куань-Чен-Цзы. В марте 1918 г. после захвата Харбина белогвардейцами был командирован в Иркутск для доклада Сибревкому о положении в Маньчжурии и тогда же перевез шифр для связи с Харбинской организацией большевиков Сибревкома. В октябре 1918 г. вернулся обратно, а в январе 1919 г. был арестован по обвинению в большевизме. В мае 1919 г. освобожден и поступил работать доверенным в «Азиатскую Торгово-Промышленную Компанию». В 1923 г. прибыл в Москву и был приглашен на должность уполномоченного Контрразведывательного отдела ВЧК-ОГПУ. В 1931-1933 гг. ОГПУ НКВД — начальник ИНО ПП в КССР. 1934- 1935 гг. оперуполномоченный ИНО НКВД. В 1905 — августе 1917 г. состоял в Харбинской организации эсеров, позднее беспартийный. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. Харбинский совет депутатов назначил его одним из советских комиссаров в Управление КВЖД. Затем служил в органах ВЧК — НКВД. Работал в ИНО полпредства ОГПУ по Казахстану. С 1935 г. состоял в распоряжении Разведупра РККА: работал в Китае. 1936—1937 гг. — начальником отделения 2-го (Восточного) отдела. Полковой комиссар (1935). В июне 1937 г. уволен в запас РККА с характеристикой: «В служебном отно шении малоценен, политически слабо подготовлен». Репрессирован. Арестован 29.12.1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 22.08.1938 г. по обвинению в шпионаже приговорен к расстрелу; приговор приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован 22.09.1956 г.

37. Чунихин Владимир Михайлович. Рихард Зорге: заметки на полях легенды. (vmch@inbox.ru).

38. Там же.

39. Там же.

40. *Сироткин М.И.* Опыт организации и деятельности резидентуры «Рамзая»//Фесюн А. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Публикация, вступительное слово и комментарии А.Г. Фесюна. С.192.

41. Там же.

42. *Мадер Юлиус.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин. 1988. С.184.

43. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С. 29-30.

44. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Обвиняются в шпионаже. М., 2004. С.376-378.

45. Там же.

46. *Мадер Юлиус.* Указ. соч. С.186.

47. Там же. С. 191.

48. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.35.

49. *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге. М., 1996. С.357.

50. *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. Пер. с анг. М.: СП «Дом Бируни», 1991. 400 с.

51. *Шелленберг В.* Мемуары. Перевод с нем. М.: Прометей. 1991. 352 с. Первоначально идея опубликовать записки Шелленберга родилась у швейцарского издателя Альфреда Шерца в Берне. Издатель последнего, немецкого, издания «Мемуаров», Гита Петерсен вспоминает, что летом 1951 г. ей вместе с молодым немецким журналистом Клаусом Харпрехтом было предложено принять участие в подготовке мемуаров Шелленберга к печати. Но смерть Шелленберга в марте 1952 г. прервала начатую работу. Через мюнхенское издательство «Квик» рукописи Шелленберга, как пишет Г. Петерсен, попали в Англию, где были переведены и вышли в 1956 году под названием «Мемуары Шелленберга» (The Schellenberg Memoirs) в издательстве Andre-Deutsch Verlag. Лишь в 1958 году рукописи Шел-

ленберга вновь оказались в Германии и попали в руки той же Г. Петерсен. Она обнаружила, что из материалов исчезли отдельные страницы, где говорится о попытках Шелленберга организовать компромиссный мир с Западом, а также документ, известный под названием «Меморандум Троза» — отчет, составленный Шелленбергом в шведском городе Троза в 1945 году, о мерах, предпринятых им с целью заключения сепаратного мира. В силу этого издатель была вынуждена при подготовке к печати пяти последних глав воспоминаний опираться на английский перевод, который, по ее свидетельству, в основных чертах близок к немецкому подлиннику. Предлагаемый читателю перевод воспоминаний руководителя зарубежной разведки нацистской Германии Вальтера Шелленберга сделан по книге «Мемуары», выпущенной в 1959 году западногерманским издательством «Ферлаг фюр политик унд виртшафт» в Кельне. Это было первое издание на языке оригинала было выпущено 1959 году западногерманским издательством «Ферлаг фюр политик унд виртшафт» в Кельне. Немецкое издание мемуаров Шелленберга, по которому сделан перевод на русский язык является с точки зрения русского издателя не только самым точным, но и самым полным (если не считать утраченных и не обнаруженных до сих пор материалов «Меморандума Троза»). Оно подготовлено на основе тщательного изучения и сопоставления всех набросков и отрывков, написанных Шелленбергом, а также снабжено приложением, содержащим ряд секретных документов третьего рейха и переписку некоторых действующих лиц воспоминаний — графа Бернадотта, фон Папена и других.

В 1991 г. на русском языке был издан перевод с английского воспоминаний Вальтера Шелленберга: «Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика». Сопоставляя текст главы «Дела Рихарда Зорге» в переводе на русский язык с немецкого и с английского языков. нельзя не обратить внимание на существенные искажения и нелепицы, внесенные при вторичном переводе с немецкого — на английский и с английского — на русский язык.

52. *Шелленберг В.* Мемуары. Перевод с нем. С.132-133.

53.Там же. С.133.

54.Там же. С.134.

55. Там же.

56. Курт Янке (нем. Kurt Jahnke; псевдонимы Корт Бодер, Хосе Итурбер, Курт Янсен; 17 февраля 1882(18820217), Гнезен — май 1945) — немецкий разведчик.

В 1899 году Янке эмигрировал в США и получил американское гражданство. В 1909 году в Детройте он поступил на службу в американский военно-морской флот и служил на Филиппинах. По некоторым сведениям, он одновременно работал на детективное агентство Пинкертона, пограничную службу США и секретные службы. По всей вероятности, в связи с работой на пограничную службу был связан с контрабандой опиума и сигарет. Шелленберг указывает в своих мемуарах, что Янке удалось сколотить небольшое состояние, организовав отправку тел умерших в США китайцев на родину в герметично закрытых цинковых гробах.

Незадолго до начала Первой мировой войны генеральный консул Германии в Сан-Франциско завербовал Янке в качестве агента. По заданию германского командования военно-морского флота Германии Янке провёл на западном побережье СШАнесколько разведывательных операций и акций саботажа, призванных помешать США, в то время нейтральной державы, оказать поддержку Антанте оружием и поставками. Опираясь на американских ирландцев, стремившихся подорвать военную мощь Великобритании в своей борьбе за независимость Ирландии, Янке организовал, в частности, акции саботажа на британских торговых

и транспортных судах. В этом же ключе он пытался провоцировать волнения среди рабочих на военных предприятиях и среди докеров, что выразилось в забастовках в портах в 1916 году. В марте 1917 года благодаря усилиям Янке был взорван склад боеприпасов в Сан-Франциско.

После объявления США о вступлении в войну 6 апреля 1917 года Янке перенёс свою деятельность в Мехико. В соответствии с состоявшимися впоследствии слушаниями в Сенате США в Мехико Янке планировал добиться вступления Мексики в войну против Соединённых Штатов. Финансируемая немцами мексиканская армия численностью в 45 тысяч человек должна была выступить против северного соседа и спровоцировать социально необеспеченное негритянское население награжданскую войну.

К 1920 году Янке вернулся в Германию. В последующие годы он активно участвовал в деятельности «чёрного рейхсвера». В частности, известно об участии Янке в пассивном противостоянии в Рурской области во время Рурского конфликта. В 1923 году Янке в качестве представителя «чёрного рейхсвера» присутствовал на конференции у Людендорфа в Мюнхене с участием Гитлера, Шойбнера-Рихтера и Стеннеса. По утверждению отдельных авторов, в 1930-е годы Янке владел частным разведывательным бюро (агентством), которое сохранил и в последующие годы. «С 1935 года Янке, — по утверждению Шелленберга, — был, наряду с обергруппенфюрером СС фон Пфеффером, личным секретарем по вопросам разведки при Рудольфе Гессе, который представлял Гитлеру многие из сообщений Янке». «Есть только один человек», сказал он однажды, Шелленбергу, «которого я боюсь. Это Гейдрих. Он опаснее дикой кошки». В 1937 г. Гейдрих получил от проживавшего в Париже белогвардейского генерала Скоблина, сообщение о том, что маршал Тухачевский во взаимодействии с германским генеральным штабом планирует свержение Сталина. Янке высказал большие сомнения в подлинности информации Скоблина. По его мнению, Скоблин вполне мог играть двойную роль по заданию русской разведки. Он считал даже, что вся эта история инспирирована. «Свое недоверие Янке, — по утверждению Шелленберга, — обосновывал на сведениях, получаемых им от японской разведки, с которой он поддерживал постоянные связи, а также на том обстоятельстве, что жена Скоблина, Надежда Плевицкая, бывшая «звезда» Петербургской придворной оперы, была агентом ГПУ». Гейдрих не только отверг предостережение Янке, но и счел его орудием военных, действовавшим беспрекословно в их интересах, конфисковал все его материалы и подверг трехмесячному домашнему аресту.

«Гиммлер в то время (1938 г.), вспоминает Шелленберг, — был хорошо осведомлен о положении дел в Японии. Я думаю, что эта осведомленность опиралась на информацию Янке, который, благодаря своим связям с китайской и японской разведками, всегда был в курсе текущих событий».

Весной 1940 г. Гиммлер и Гейдрих, питавшие личную неприязнь к Янке, добились, вопреки сопротивлению Гесса, его отставки. После того, как Гесс улетел в Англию, Гейдрих внушал Гитлеру мысль о том, что Янке оказывал на Гесса дурное влияние и не исключено, что он — тайный агент англичан)».

«Указав на неоспоримые заслуги Янке, прежде всего во время первой мировой войны, -пишет Шелленберг в своих воспоминаниях, — я пытался дать понять Гейдриху, какую большую пользу он может принести нам, благодаря своим хорошим отношениям с японцами, даже в том случае, если он и на самом деле является тайным английским агентом. Тогда с ним тем более следовало бы обращаться с соответствующей осторожностью. Я предложил послать Янке в Швейцарию, так

как там у него были великолепные знакомства среди китайцев. (В то время китайский вопрос был одной из ключевых проблем американо-японских переговоров). Мне удалось также устроить встречу между Гейдрихом и Янке, в результате которой Янке стал одним из моих ближайших сотрудников».

В апреле 1945 г. Янке с женой были задержаны СМЕРШем. После допросов Янке был расстрелян.

57. *Шелленберг В.* Указ. соч. С.134.

58. Там же. С.136.

59. Там же. С.135.

60. Там же. С.134.

61. Цитируемая переписка «Рамзая» с Центром и наоборот, а также отдельные материалы, относящиеся к деятельности резидентуры, взяты из дел Центрального архива Министерства Обороны, опубликованных в следующих сборниках документов и документальных исследованиях: «Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г.» / составитель В. Гаврилов. М., 2008; Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Публикация, вступительная статья и комментарии А.Г. Фесюна. М.2000; 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л .Е .Решин и др.; Под ред. В.П.Наумова; Вступ. ст. акад. А.Н.Яковлева. М., 1998; Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 18 (7—1). М. 1997; Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 18 (7—2). М., 2000; Гаврилов В.А., Горбунов Е.А. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004 и других изданиях.

62. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай». Указ. соч. С.421.

63. Тюремные записки Рихарда Зорге//Знаменитые шпионы XX века. М., 2001. С.500.

64. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай. Указ. соч. С.405.

65. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С .500.

66. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны второй мировой войны. М., 2007. С. 61.

67. Там же. С. 66

68. Там же. С. 62.

69. Там же. С. 64.

70. Там же.

71. *Мадер Юлиус.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С.79.

72. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 1. М., 2002. С.118.

73. Там же. С.92.

74. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.500.

75. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 1. Указ. соч. С.99.

76. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 499.

77. Там же. С.499-500.

78. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 1. Указ. соч. С.99.

79. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 499.

80. Там же. С. 508.

81. Там же. С.510.

82.Там же. С.477.

83. Там же. С. 495.

Глава 2. 1933–1935 годы. Шанхай, Москва

1. Чэнь Ханшэн (Чэнь Ханьшэн) (1897—2004). Известен как марксист-аграрник, занимавшийся изучением аграрных отношений в дореволюционном Китае. С 1926 г. сотрудничал с Коминтерном. В 1927—1929 находился в эмиграции в СССР. Здесь познакомился с Сун Цинлин. В 1934—1935 жил в Японии. В 1936—1939 — главный редактор журнала «Тайпинян шиу» (США); в 1939—1941 — главный редактор англоязычного издания «Юаньдун тунсюнь юэкань» (Гонконг). С 1942 профессор факультета западных языков Гуйлинь-Гуансийского педагогического института, на преподавательской и научной работе в ряде американских университетов. С 1949 на руководящих должностях в Академии общественных наук Китая. В 2002 в КНР было официально отмечено его 105-летие. В 1998 в Китае была опубликована его автобиографическая книга «My life during four eras», в которой 101-летний автор рассказал, в частности, и о своем сотрудничестве с Рихардом Зорге.

2.«Deutsche Uberseedienst» («DUD») — букв.: «Немецкая заокеанская служба» — орган морской (преимущественно) разведки, в основном работавший не через агентуру, а через немецких граждан за границей, прежде всего военных, посредством составления сводок, бюллетеней политической и военно-политической информации. Издания этого органа, как правило, были «для служебного пользования».

3. *Куусинен Айно.* Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919-1965. Петразоводск, 1991. С. 5-8.

4. Там же. С. 209—215.

5. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 1. М., 2002. С. 34.

6. *Аджибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997. С. 47; 75—76; 117.

7. *Куусинен Айно.* Указ. соч. С.102.

8. Там же. С.5-8.

9. Там же. С. 72—73.

10. Там же. С. 5—8.

11. Виртанен Ниило (1892—1937) — деятель финского рабочего движения; с 1915 — член Социал-демократической партии Финляндии, участник революции 1918 г., с 1918 — член Компартии Финляндии, с 1922 — член РКП(б), в 1925—1937 — сотрудник аппарата Коминтерна. В 1933 был арестован в Германии, в 1934 освобожден и выслан в Финляндию, оттуда вернулся в СССР. Арестован 8 сентября 1937.

12. *Куусинен Айно.* Указ. соч. С. 91—92.

13. Там же. С. 92—95.

14. Там же. С. 95—99.

15. Рене Марсо (Бронина Элли Ивановна; псевд. «Элли»; 1913—1999) — из рабочих. Француженка. Лейтенант (1936). Жена Я.Г. Бронина. В РККА с 1931. Член компартии с 1940. Вступила в Коммунистический союз молодежи Франции и была отправлена на учебу в СССР (1930—1931). В распоряжении РУ штаба РККА — РУ РККА (1931—1940). Прошла разведподготовку и в апреле 1934, через Германию и Италию, прибыла в Шанхай в качестве радистки нелегальной резидентуры Я.Г. Бронина, вскоре стала его женой. Побывала в Токио, где проверяла рацию группы Р. Зорге. После ареста (май 1935) и суда над Брониным (май—август 1935) покинула Китай. Радистка в Португалии и Испании (1936—1938). Награждена ор-

деном Красной Звезды (1935). За участие в Гражданской войне на стороне Республиканской армии награждена орденом Ленина (1937). Отозвана в СССР из зарубежной командировки в июне 1938. В 1940 ушла из разведки и посвятила себя медицине. Написала (1947) и защитила (1949) в 1-м Московском медицинском институте диссертацию «Ранняя диагностика коронарной недостаточности». В связи с арестом мужа уволена из клиники, где работала, жила с детьми на случайные заработки. В середине 1960-х получила персональную пенсию союзного значения. В 1978 вышла из КПСС. Награждена орденом Ленина (1937), Красной Звезды (1935).

16. *Куусинен Айно.* Указ. соч. С. 99—100.

17. Гартман Абрам Иосифович (наст. фам. Гутнер; 1899—?). Еврей. Член партии с 1920. Сотрудник редакции газеты «Гудок» (1923—1926), учился в то же время на китайском отделении Московского института востоковедения (1924—1926). В заграничной командировке в Китае по линии РУ штаба РККА (февраль 1927 — июнь 1928), заместитель заведующего Иностранным отделом редакции газеты «Правда» (июль 1928 — январь 1930). Корреспондент газеты «Правда» в Германии (январь 1930 — май 1933), в Шанхае, Китай (сентябрь 1933 — ноябрь 1935), где был также сотрудником резидентуры РУ штаба РККА, и. о. резидента (1935). После возвращения из-за границы работал в ТАСС.

18. Штерн Манфред (в СССР Манфред Сальманович Стерн; псевд. «Марк Зильберт», «Херб», «М. Фред», «генерал Эмилио Клебер»; 1896—1954) — из крестьян. Еврей. Брат В. Штерна. В РККА с 1919. Член компартии с 1920. Окончил начальную школу в с. Волока, 1-ю государственную гимназию в Черновцах, Военную академию им. М.В. Фрунзе (сентябрь 1921 — июль 1926, с перерывами). Владел немецким, французским, английским языками. Изучал медицину в Венском университете. Примкнул к революционному движению. В службе в австро-венгерской армии с 1914. Участник Первой мировой войны. Младший офицер санитарной службы, командир взвода. Попал в русский плен (июнь 1916) во время наступления русских войск Юго-Западного фронта. Сидел в Сибири сначала в Троицкосавском, потом в Березовском лагере для военнопленных, валил лес, строил бараки, батрачил у богачей, вновь включился (1918) в революционное движение. Участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. В июне 1918 вступил в интернациональный отряд военнопленных Нижней Березовки, сражавшийся на стороне красных против чехословацкого корпуса и войск Белой армии на Нижнеудинском фронте. В одном из сражений попал в плен и был заключен в Иннокентьевский концлагерь, откуда был освобожден во время восстания против колчаковцев в Иркутске в декабре 1919. Боец второй роты запасного полка. Воевал в составе НРА ДВР, командир роты, батальона, комиссар партизанского отряда, был ранен под Читой, после выздоровления вернулся на фронт. По списку большевиков избирался депутатом Учредительного собрания ДВР (январь 1921). Командир Сводного отряда, который на территории Монголии воевал с отрядами Р.Ф. Унгерна, командир батальона Иногдинского полка 5-й армии НРА. Начальник пограничного района Восточной Даурии. В РУ штаба РККА — РУ РККА: в распоряжении, сотрудник резерва 2-го (агентурного) отдела (1921—1925). Начальник оперативного отдела группы (резидентуры) в Германии, военный советник ЦК КПГ (1921—1923), участник революционных событий в Германии, советник штаба знаменитого Гамбургского восстания (1923), во главе которого стоял Эрнст Тельман. Наряду с военно-партийной работой выполнял разведзадания. Вновь побывал в Германии (1924). Помощник начальника 3-й (воен-

но-политической) части 3-го отдела РУ (январь—апрель 1925) и одновременно преподаватель Особых военных курсов для зарубежных коммунистов. Начальник штаба 250-го стрелкового полка (1926—1927). В 1927 Штерн попытался продолжить обучение в Военной академии им. М.В. Фрунзе, на восточном факультете, но ему отказали «ввиду наличия достаточного образования и знания иностранных языков». Работал в Военной академии им. М.В. Фрунзе (1927—1929). В распоряжении РУ (декабрь 1929 — март 1936), нелегальный резидент в США под именем Марка Зильберта (1930—1932). Член Дальбюро ИККИ, главный военный советник ЦК Компартии Китая в Шанхае (1932—1934). Помощник заведующего Восточным лендерсекретариатом ИККИ (1935—1936). Уволен из РККА «в аттестационном порядке по служебному несоответствию» (1936). Участник Гражданской войны в Испании (сентябрь 1936 — октябрь 1937), военный советник ЦК Компартии Испании в Валенсии, командир 11-й интербригады под именем генерала Эмилио Клебера; его называли человеком, который «спас Мадрид». Командовал 45-й пехотной дивизией. Сотрудник секретариата ИККИ (1937—1938), был политическим помощником О.В. Куусинена. Репрессирован, приговорен к 15 годам ИТЛ. Реабилитирован в 1956.

19. Муромцев Михаил Николаевич (псевд. «Градов»; 1896—1942).

20. Скорпилев Андрей Иванович (псевд. «Борис»; 1899—1937) — из служащих. Русский. Бригадный комиссар (1936). В РККА с 1918. Член компартии с 1918. Окончил учительскую семинарию (1913—1917), Военно-политическую академию им. Н.Г. Толмачева (1925—1928), восточный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1928—1929). Заведующий школой и учитель на Урале (сентябрь 1917 — июль 1918). Участник Гражданской войны (1918—1921), «красногвардейский отряд Хоунзаза» (июль 1918 — август 1919), боец Рабочей железно-дорожной дружины в Иркутске (декабрь 1919 — март 1920), врид комиссара 7-го коммунистического полка, инструктор политотдела 1-й Иркутской дивизии (апрель 1920 — февраль 1921), начальник политотдела 2-й отдельной Сретенской, 1-й отдельной Троицкосавской кавалерийских бригад, старший инспектор Военно-политического управления НРА ДВР, 1-й помощник начальника орготдела, вр. начальник политотдела 5-й армии (февраль 1921 — август 1924), военком Сибирских повторных курсов комсостава РККА (сентябрь 1924 — июль 1925). Наряду с учебой (1928—1929), работал также в Коммунистическом университете трудящихся Китая и в НИИ по Китаю. В РУ штаба РККА — РУ РККА: в распоряжении (июнь 1929 — июль 1930), работал в Кашгаре и Харбине. Помощник начальника 2-го (агентурного) отдела (июль—октябрь 1930), в распоряжении (октябрь 1930 — июнь 1937), декан факультета, проректор по учебной части Ленинградского восточного института (1932—1934), заведующий отделением ТАСС в Шанхае, Китай (март 1935 — июнь 1937). «Порученную ему работу СКОРПИЛЕВ выполнял удовлетворительно» (23.10.1937). Вместе с ним работала по линии РУ РККА его жена В.Н. Скорпилева, член компартии с 1927, которая свою работу «выполняла добросовестно» (23.10.1937). А.И. Скорпилев был освобожден от работы «по политическим соображениям».

21. Шнейдер Григорий Иванович (Леон Самойлович Минстер; псевд. «Чарли»; 1898—?) — из служащих. Еврей. Интендант 3-го ранга (1936). В РККА с 1925. Член Компартии США с 1919. С 1914 проживал с семьей в Америке. Стал гражданином США в 1919. Работал водителем такси, авиамехаником, был радиолюбителем. Завербован для работы в РУ штаба РККА в 1925, в распоряжении РУ (1925—1937), радист и радиотехник, работал в США, Финляндии, затем обосновался в

Шанхае (октябрь 1934 — май 1935), где для прикрытия содержал радиомагазин «Ellem Radio Equipment». В кадры РККА зачислен 10.03.1936. Последняя его командировка была в Испанию (1936—1937), секретным постановлением ЦИК СССР награжден орденом Красной Звезды (1937). Преподавал радиодело в разведывательной школе. Уволен в запас как «американский подданный»: НКВД возражал «против использования его в РУ РККА» (1937).

22. Карин Федор Яковлевич (наст. имя Тодрес Янкелевич Крутянский; псевд. «А.В. Корецкий», «Джек» 1896—1937) — из служащих. Еврей. Корпусный комиссар (1935). В РККА с 1919. Член компартии с 1919. Окончил четырехклассное городское училище. Работал делопроизводителем в адвокатской конторе (1912—1915), уехал нелегально в Румынию, там был арестован и находился в заключении (1915—1917). В службе с 1917. Участник Первой мировой войны. Вел революционную работу в Бесарабии. Работал на Украине, служил в Красной Армии. С 1919 в органах ВЧК—ОГПУ, сотрудник ОО 12-й армии, центрального аппарата. С 1921 сотрудник ИНО ВЧК — ОГПУ. Разведчик-нелегал в Румынии (февраль—июнь 1922), Австрии, Болгарии (июнь 1922 — 1924), резидент в Харбине, Китай (1924—1926) под «крышей» генконсульства СССР, резидент в Германии, Франции (1928—1933). В РУ штаба РККА — РУ РККА с 1934. Начальник 2-го отдела (январь 1935 — апрель 1937), в распоряжении (апрель—май 1937). Б.И. Гудзь, бывший подчиненный Карина, показал на допросе (1956): «КАРИН очень серьезно относился к выполняемой работе в Разведупре по укреплению нашего заграничного аппарата опытными кадрами разведчиков. Он очень внимательно совместно с подчиненными ему работниками подбирал кандидатуры для переброски в те страны, в которых предстояло работать этим лицам, тщательно подготовлял легализацию перебрасываемых за границу работников, кропотливо и вдумчиво подходил к изготовлению документов для таких лиц с той целью, чтобы уберечь их от провалов». Награжден двумя знаками Почетного чекиста. Репрессирован 16.05.1937. Реабилитирован 05.05.1956. Условная могила на Введенском кладбище в Москве.

23. *Горбунов Е.А.* Схватка с черным драконом. Указ соч. С. 250—251.

24. Там же. С. 252.

25. Там же. С. 253.

26. Там же.

27. *Горбунов Е.А.*Указ. соч. С.155.

28. Гудзь Борис Игнатьевич (18.08.1902, Уфа — 27.12.2006, Москва), русский.

Родился в семье ссыльного поселенца, участника революционного движения на в Херсоне на Украине (после Октябрьской революции Игнатий Корнильевич Гудзь работал в Наркомпросе вместе с Луначарским и Крупской, умер в 1938 г.). Мать — Антонина Эдуардовна Гинзе из обрусевших немцев, работала на фирме «Зингер».

С января 1923 после окончания школы военных мотористов поступил на службу в органы государственной безопасности.

Работал в отделе пограничной охраны, а с 1924 года на различных оперативных должностях в Контрразведывательном Отделе, Секретно-Оперативном управлении, Особом Отделе ОГПУ СССР. Участник операции «Операции». Принимал участие в операциях по разоружению бандформирований в Чечне и Дагестане. В 1932 окончил заочное отделение философского факультета Института Красной Профессуры.

С января 1932 начальник отделения разведки и контрразведки Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-сибирскому краю (г. Иркутск). Осущест-

вил ряд результативных оперативных мероприятий по японской линии, острую чекистскую операцию по захвату на территории Маньжурии атамана Топхаева. Участник операции «Мечтатели» против белой эмиграции в Харбине (восточный аналог операции «Трест») — создание мнимой подпольной антисоветской организации в Иркутске и Чите.

В 1934-1936 — резидент Иностранного отдела ОГПУ-НКВД в Японии. По возвращении из командировки в составе группы чекистов-разведчиков переведен в Разведупр Штаба РККА. Курировал деятельность нелегальной резидентуры Рихарда Зорге. Врид начальника 2 отдела РУ РККА (ноябрь — декабрь 1936).

В декабре 1936 была арестована самая старшая из трех сестер Гудзя — Александра Игнатьевна, работавшая ответственным секретарем газеты «Фронт науки и техники» (осуждена на восемь лет каторжных работ «за контрреволюционную деятельность»).

В мае 1937 полковой комиссар Б.И. Гудзь — был исключен из партии и уволен из кадров РККА — «Гудзь Борис Игнатьевич, член ВКП(б) с 1925 года... Показал себя знающим дело работником, в создавшейся обстановке ориентируется быстро, решения в жизнь проводит активно и энергично, политически грамотен, в партработе отдела принимал участие. Товарищ Гудзь был доверенным, близким человеком врагов народа Артузова и Карина. ...Уволен за невозможностью использования. Его работа на секретных объектах нежелательна».

«Борис был правоверным сталинцем. Такой характерный пример: когда арестовали Асю (Александра Игнатьевна — сестра Б.И. Гудзя. — Прим. авт.) и Варлама (Шаламов. — Прим. авт.), Антонина Эдуардовна, жена И.К. Гудзя, стала ходить к ним в Бутырку, носить передачи, Борис страшно возмущался: "Они — враги народа, а она туда ходит". В семье в связи с этим был тяжелый скандал. Борис все время забегал в комнату к Игнатию Корнильевичу и что-то доказывал. И однажды отец ему сказал: "Выйди из комнаты, закрой дверь с той стороны и никогда больше не заходи". Когда отец умер, Борис даже не пришел на похороны. Это тоже говорит о его характере». (Из воспоминаний С. Злобиной, дальней родственницы В. Шаламова).

Варлам Шаламов, женатый на сестре Гудзя, Галине Александровне, в своих воспоминаниях «Несколько моих жизней» утверждал «Донос на меня написал брат моей жены». Документальных подтверждений тому не имеется. Б.И. Гудзь был убежден в политической неблагонадежности Шаламова, считал его «троцкистом». «Он Шаламова сильно не любил, можно сказать даже — ненавидел, что было взаимным». (Из воспоминаний С. Злобиной, дальней родственницы В. Шаламова).

Работал водителем автобуса в 1-м Московском автобусном парке. В последствии был восстановлен в партии, трудился на различных должностях в системе столичного автохозяйства, стал руководителем крупного автотранспортного предприятия, пенсионером республиканского значения.

В 1949 г. восстановлен в партии. Выйдя на пенсию, активно занимался общественной работой, изучением истории революционного движения, писал научные статьи о жизни своего отца, известного исследователя творчества Л.Н.Толстого.

С конца шестидесятых годов консультирует авторов книг и фильмов по истории ВЧК-ОГПУ, в том числе режиссера первого отечественного многосерийного телефильма «Операция Трест» С.Н.Колосова, активно участвует в воспитательной работе с молодыми сотрудниками органов госбезопасности, работает в архивах, выступает в печати. Б.И.Гудзь был награжден многими медалями, ведомственны-

ми наградами и грамотами, в том числе нагрудным знаком ФСБ России «За службу в контрразведке III степени». Он являлся первым лауреатом Премии имени А.Х.Артузова, членом «Общества изучения истории отечественных спецслужб».

29. *Горбунов Е.А.* Указ. соч. С. 223-224.

30. Шебеко (Журба) Иван Иванович (28.03.1896, с. Смородинка, Оршанского уезда, могилевской губернии, Белоруссия — 02.02.1940, Москва). Белорус. Родился в крестьянской семье. В 1915 призван на военную службу. Воевал на фронтах Первой мировой войны рядовым. В 1919 вступил в РКП (б). С начала 199 — в Красной Армии. С мая 1919 — в ВЧК-НКВД. Сотрудник Особого отдела Туркестанского фронта, далее — служит в КРО ГПУ Туркмении. В 1925 окончил Восточный факультет Военной академии. Изучал английский и японский языки. После короткой подготовки в декабре 1925 под фамилией Журба командируется в Японию под прикрытием секретаря Генконсульства СССР в Кобе, где проработал два года. В 1927 переводится вице-консулом в Генеральное консульство СССР Сеул (Япония — Корея). 1928- 1930 — консул в Дайрене (Китай). В 1931- 1932 — агент НКИД во Владивостоке. В 1933 -1938 — 2-й секретарь полпредства СССР в Японии — резидент ИНО НКВД. 27 марта 1939 арестован. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в шпионаже. Приговорен к расстрелу 1 февраля 1940 г. 2 февраля 1940 — приговор приведен в исполнение. Посмертно реабилитирован в 24.10. 1956. Место захоронения — Донское кладбище, могила 1 (Москва).

31. *Горбунов Е.А.*Указ. соч. С.218.

32. Там же.

33. Там же. С. 219.

34. Там же. С.229-230.

35. Там же. С. 230.

36. Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 2: 1917-1933 годы. М., 1996. С. 260.

37. *Горбунов Е.А.*Указ. соч. С. 239.

38. Там же. С. 240.

39. Там же.

40. Очерки истории российской внешней разведки. Указ. соч. С.260.

41. *Горбунов Е.А.*Указ. соч. С. 232.

42. Там же. С. 232-233.

43. Там же. С.384.

44. Там же. С. 236.

45. Там же. С.235.

46.Там же. С. 233.

47. Там же. С. 234-235.

48. Там же. С. 239-240.

49. Очерки истории российской внешней разведки. Указ. соч. С.260-261.

50. *Горбунов Е.А.* Указ. соч. С. 383.

51.Там же. С. 369-370.

52. Там же. Указ. соч. С.237-238.

53.Там же. С. 241-242.

54. Там же. С. 242-243.

55. Там же. С. 238.

56. Очерки истории российской внешней разведки. Указ. соч. С. 262-263.

57. *Горбунов Е.А.*Указ. соч. С. 373.

58. Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. — Т. 3: 1933-1941 годы. М., 1997. С.223.

59. Там же. С.224.

60. *Горбунов Е.А.*Указ. соч. С. 378.

61. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. Указ. соч. С. 224-225.

62. *Горбунов Е.А.* Указ. соч. Там же. С.382.

63. Там же.

64. Гущенко Иван Васильевич (пс.: Юрий, Икар).

09.09.1902-Новороссийск — 05.02.1943-район Лисичанска, Украина.

Русский. Из рабочих. Полковник (11.12.1938). В РККА с 1918. Член компартии с 1924. Окончил двухклассное городское училище (1912-1914), пехотное отделение Краснодарских командных курсов (1921-1923), Курсы «Выстрел» (1931), командный факультет Военной академии механизации и моторизации РККА (1933-1937), Курсы усовершенствования высшего начсостава (1939). Владел немецким языком.

Участник гражданской войны (май — октябрь 1918). Стрелок Сочинской боевой дружины, партизанского отряда, Восточно-Кубанского кавалерийского полка, караульного батальона в г.Астрахани (май — октябрь 1918), стрелок 181-го полка 21-й дивизии, отдельного кавалерийского эскадрона, учебной команды в г. Баку, отряда особого назначения в г.Новороссийске (октябрь 1918 — март 1921).

Командир взвода караульной роты штаба Северо-Кавказского ВО, 8-й роты 39-го стрелкового полка 13-й Донской дивизии (январь 1923 — октябрь 1924), квартирмистр, политрук роты того же полка (октябрь 1924 — октябрь 1926), командир роты 39-го, 38-го стрелковых полков 13-й Донской дивизии (октябрь 1926 — октябрь 1930), начальник и политрук школы 38-го стрелкового полка (октябрь 1930 — ноябрь 1931), начальник штаба 82-го горно-стрелкового полка (ноябрь 1931 — февраль 1933), начальник штаба 20-го танкового корпуса (октябрь 1937 — ноябрь 1939).

В ноябре 1939 получил назначение в Японию, военный атташе (февраль 1940 — июнь 1942), а с октября 1940 одновременно и военно-воздушный атташе при посольстве СССР в Японии. В распоряжении ГРУ Генштаба (июнь — сентябрь 1942).

Участник Великой Отечественной войны. Начальник штаба 18-го танкового корпуса 5-й танковой армии (сентябрь 1942 — февраль 1943).

Награжден орденом Красного Знамени (1943).

Погиб в бою за освобождение г.Лисичанска (Луганский район, Украина).

Похоронен в братской могиле в Лисичанске.

65. *Горбунов.* С. 113.

66. Там же. С. 114.

67. Там же. С. 115.

68. Абрамов Георгий Александрович (пс.: Родионов, Шадрин, Мак)

Родился 30.04.1895 в г.Нарва Эстляндской губернии.

Русский. Из крестьян. Полковой комиссар (17.02.1938). В РККА с 1918. Член компартии с 1919. Окончил 4 класса гимназии в Нарве (1912), Курсы счетоводства (1913-1914), 2-ю Оренбургскую школу прапорщиков (1916-1917), Повторные курсы высшего комсостава 4-й армии Восточного фронта (1919), Курсы разведки Региструпра ПШ РВС Республики (август 1920 — январь 1921), Вечерние академические курсы высшего и старшего комсостава при РУ штаба РККА (1930-1932).

Работал репетитором (давал частные уроки), а затем конторщиком, счетоводом в Нарве и Петрограде (1912-1915)

В службе с сентября 1915. Рядовой 176-го пехотного запасного полка в Красном Селе (сентябрь 1915 — декабрь 1916). После школы младший офицер роты, прапорщик 27-го Сибирского запасного полка в Омске (1917-1918). Демобилизован из армии, работал масленщиком на буксирном пароходе «Золотович» в Саратове (1918).

Участник гражданской войны на Восточном фронте. Делопроизводитель по строевой части 1-го Интернационального отряда в Саратове (июнь 1918 — июль 1919), воевал на чехословацком фронте в районе Вольска — Хвалынска. Командир роты, адъютант, командир батальона 1-го Саратовского крепостного полка, для поручений при командире 4-й запасной бригады Восточного фронта, комендант полка, секретарь военкома той же бригады (июль 1919 — август 1920).

По окончании разведкурсов служил в штабе помощника Главкома по Сибири: в резерве Регистрационного отдела, переводчик (февраль — июнь 1921), заведующий сектором (июнь — июль 1921), помощник начальника 1-го (оперативного) отделения, для поручений (август — декабрь 1921) 2-го (агентурного) отдела РУ. Сотрудник РУ НРА ДВР, а затем РО штаба Сибирского ВО (декабрь 1921 — сентябрь 1926), начальник сектора.

В распоряжении РУ штаба РККА (октябрь 1926 — январь 1930) с прикомандированием к РО штаба Сибирского ВО, помощник начальника РО штаба Белорусского ВО (январь — июнь 1930), в распоряжении РУ штаба РККА (июнь 1930 — февраль 1931), для особых поручений того же управления (февраль 1931 — июнь 1932).

В распоряжении РУ РККА (июнь 1932 — июнь 1938), вице-консул в полпредстве СССР в Токио под фамилией Шадрин (1933-1936), и.д. начальника отделения 2-го (восточного) отдела (1937-1938), начальник учебного отделения ЦШПКШ при РУ РККА (май — июль 1938).

17.07.1938 уволен из РККА «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией».

69. Краузе Петр Петрович (пс: Аулицем, Макс).

18.10.1897-Рижский уезд Лифляндской губернии, ныне Латвия——20.02.1939-Москва

Латыш. Из крестьян. В РККА с 1918. Член компартии с 1917. Окончил кавалерийскую школу.

В службе 1915-1917, младший унтер-офицер.

Красногвардеец в Петрограде (декабрь 1917 — март 1918), сотрудник штаба Петроградского ВО (март 1918 — июнь 1919).

На зарубежной работе по линии РУ штаба РККА (1921 — 1922), затем в центральном аппарате РУ: сотрудник для поручений 2-го (агентурного) отдела (июнь — август 1922), начальник канцелярии 2-го (агентурного), 3-го (информационно-статистического) отделов (август 1922 — 1923). Для поручений при начальнике управления, в распоряжении РУ (1923 — 1929), с 1923 работал за рубежом, был резидентом в Афинах, Греция (1925). «Агентурную работу знает и может работать. Характер самостоятельный и твердый, имеет инициативу. До назначения на самостоятельную работу в Афины работал с «прохладцей» и был неудовлетворен своим положением. В последнее время работу в Греции развил хорошо. Придется, однако, в связи с провалом по линии ОГПУ отозвать». Работал в Хельсинки (Гельсингфорсе), Финляндия (1926-1929). К 10-летию РККА награжден револьвером, как один из разведчиков — зарубежников «оказавших крупней-

шие услуги командованию своей разведывательной работой». Начальник сектора 2-го (агентурного) отдела РУ штаба РККА (март — июль 1929), и вновь в распоряжении того же Управления (июль 1929 — февраль 1931).

В 15.02.1931 уволен в долгосрочный отпуск по собственному желанию, работал в НКИД СССР.

Генеральный консул СССР в г. Кобе, Япония (1934 — 1937).

Репрессирован 19.09.1938. Реабилитирован 27.04.1957.

70. Шленский Павел Дмитриевич (пс.: Павел Павлов).

1901-г. Санкт-Петербург — 14.02.1940-Москва

Русский. Из служащих. Полковник. В РККА с 1919. Член компартии с 1919. В РККА с 1919. Окончил гимназию в Петрограде (1917), экстерном нормальную военную школу (1931), восточный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1931-1933). Владел японским языком.

Участник гражданской войны (1919-1921), воевал на Западном фронте в составе 2-й стрелковой дивизии, политработник. Занимал должности от политрука роты до начальника организационной части политотдела дивизии (1921-1930). Военком 69-го стрелкового полка (июнь 1930 — июнь 1931).

Выпущен из Академии по 1-му разряду с аттестацией: «может быть использован на специальной работе».

В РУ РККА: секретарь (май 1933 — август 1935), помощник (август 1935 — июль 1937) военного атташе при полпредстве СССР в Японии под фамилией Павлов. В распоряжении (июль 1937 — июль 1938), заместитель (по информации) начальника 2-го (восточного) отдела (июль 1938 — июль 1939). Согласно показаниям арестованного И.А.Ринка (14.02.1938), бывшего военного атташе в Японии, «ШЛЕНСКИЙ (ПАВЛОВ) является одним из лучших военных японистов». Сам Шленский, будучи арестованным, назвал на допросе 29.10.1939 следующие материалы РУ РККА по Японии: «описание и выводы по большим маневрам японской армии в 1936 году; анализ состояния японского торгового флота и возможности его использования во время мобилизации японской армии; принципы оперативного использования японской авиации; моральное и политическое состояние японской армии и японского офицерства после событий 26 февраля 1936 года; устройство тыла японской армии и возможности обеспечения тыловой службы ведения боевых действий в маньчжурских условиях».

Начальник РУ РККА И.И.Проскуров сообщал наркому обороны (03.05.1939), что Шленский много работал в Японии под руководством врага народа Ринка, а теперь распространяет нездоровые настроения вокруг работы Управления, так, выпускникам спецфака Академии им. Фрунзе он «не советует идти на работу в Управление, там, мол, полный развал». К тому же, как писал начальник Политотдела Управления И.И. Ильичев (14.07.1939) «после приезда из Японии, ШЛЕНСКИЙ не принимал никакого участия в борьбе с врагами народа, предпочитая отмалчиваться, о чем записано в решении общего партсобрания парторганизации № 1 5-го Управления РККА от 25 июня 1939 года».

Репрессирован 17.07.1939. Реабилитирован 15.12.1956.

Глава 3. 1933–1935 годы. Москва, Западная Европа, Токио.

1. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 566.
2. Там же.
3. *Горбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом. Указ. соч. С. 132-133.

4. Там же. С. 134.

5. Там же.

6. Мельников Борис Николаевич (пс.: Семенов, Мюллер).

Заместитель начальника РУ штаба РККА и одновременно начальник 2-го (агентурного) отдела (февраль 1932 — июнь 1933).

Уполномоченный НКИД СССР при Дальневосточном крайисполкоме в Хабаровске (июнь 1933 — январь 1935), генконсул СССР в Нью-Йорке (январь — февраль 1935), инструктор ЦК КП(б)У в Киеве (февраль — октябрь 1935).

Заведующий Службой связи секретариата ИККИ под фамилией Мюллер (октябрь 1935 — май 1937).

7. Давыдов Василий Васильевич (1898—1941) — из крестьян. Русский. Бригадный комиссар (1936). В РККА с 1918. Член компартии с 1918. Окончил высшее начальное училище в Андижане, 2 класса средней школы, 1 курс Московского архитектурно-строительного института (1921—1922), окончил Вечерние курсы усовершенствования высшего и среднего начсостава при РУ РККА (1928—1930), особый факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1934—1936). Работал конторщиком на заводах в Андижане и Ассаке (1916—1917). Участник Гражданской войны (1918—1920). Боец, помощник командира Ассакинского рабочего красногвардейского отряда (1917—1918), который воевал на Ферганском и других фронтах против басмачей, а также против войск А.В. Колчака под Оренбургом. Затем воевал в составе 1-го экспедиционного отряда, как помощник командира этого отряда сражался на Семиреченском фронте против войск Б.В. Анненкова и А.И. Дутова. На базе отряда позднее был сформирован отдельный батальон, который развернут в 26-й Туркестанский полк. В его составе Давыдов воевал до ликвидации фронта (весна 1920), занимая должности адъютанта полка, помощника командира батальона, помощника командира полка и врид командира полка. Начальник Джаркентского разведывательного пункта РО штаба Туркестанского фронта и одновременно председатель Военно-революционного комитета г. Джаркента (с апреля 1920). Один из руководителей операции по ликвидации атамана Дутова (06.02.1921). В мае 1921 откомандирован в Москву. В РУ штаба РККА — РУ РККА: в распоряжении (май 1921 — январь 1922), начальник 2-го, 4-го отделений 2-го (агентурного) отдела (январь—ноябрь 1922), заведующий сектором 1-го отделения, помощник начальника (ноябрь 1922 — апрель 1924) агентурной части. В распоряжении (май—октябрь 1924), был в командировке в Урге, Монголия «для организации агентурной разведки в монгольской армии». Сотрудник для особых поручений (ноябрь 1924 — март 1930). Помощник, заместитель начальника 2-го отдела (март 1930 — ноябрь 1934), дважды временно исполнял должность Заместителя Начальника Управления — в сентябре 1932 и с конца 1933 по июнь 1934; в январе — июле 1932 находился в спецкомандировке в Женеве, Швейцария на 1-й и 2-й сессии Международной конференции по разоружению. С ноября 1934 по ноябрь 1936 состоял слушателем Краснознаменной ордена Ленина Военной Академии РККА им. Фрунзе, сначала особого факультета, а с 1935 — основного курса. 8-го февраля 1937 был отчислен из Управления и назначен командиром батальона 3-го стрелкового полка, командира этого полка в 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизии (февраль 1937 — июль 1938). В 1925 ЦИКом СССР награжден орденом Красного Знамени, ранее — золотыми часами за организацию и осуществление 6-го февраля 1921 в г. Суйдуне убийства атамана Дутова. Репрессирован 09.07.1938.

8. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 567.

9. Там же. С.568.

10. *Сироткин М.И.* Опыт организации и деятельности резидентуры «Рамзая» // Фесюн А.Г. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Публикация, вступительное слово и комментарии А.Г. Фесюна. М., 2002.

11. Бруно Виндт (псевдоним «Бернгардт»).

«Родился в 1895 году. До революции был матросом германского военного флота. С 1918 года член германской компартии. Работал радистом на судах германского торгового флота. С 1929 года на радиоразведывательной работе в РККА. В течение двух лет осуществлял бесперебойную нелегальную связь Токио — Москва. В настоящее время радиоинструктор Разведывательного управления РККА» (Из характеристики, представленной С.П. Урицким в августе 1936 г. на имя К.Е. Ворошилова, на кандидата в командировку в Испанию).

12. *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 99.

13. *Рукавицын П.* Концепция континентального блока Карла Хаусхофера // Обозреватель — Observer. 2008. № 10. С. 113—121.

14. Там же. С. 117.

15. *Мадер Юлиус*. Указ. соч. С. 135.

16. Там же. С. 258.

17. Там же. С. 135.

18. *Молодяков В.* Россия и Япония: Меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений. 1929—1948. Историческое исследование. М., 2005. С. 180.

19. *Мадер Юлиус*. Указ. соч. С.135—136.

20. Там же. С.136.

21. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 100.

22. Гурвич Александр Иосифович (Гурвич-Горин, Шефтель; псевд. «Джим», «Вилли Леман»; 1898—1938) — из рабочих. Из рабочих. Бригинженер (1936). В РККА с 1918. Социал-демократ интернационалист (декабрь 1916 — июль 1917). Член компартии с июля 1917. Окончил городское училище в Риге (1912), экстерном 6 классов реального училища, электротехническое отделение Военно-инженерного техникума (март—ноябрь 1918), Высшую военную школу связи комсостава РККА (май 1921 — август 1923), радиоинститут Radio Corporation of America в Нью-Йорке, США (1926). Владел английским и немецким языками. Работал в аккумуляторном цехе завода «Сириус» в Риге, несколько месяцев был безработным, затем токарь и электротехник на телефонном заводе «Эриксон» в Петрограде (1914—1918). С 1916 состоял в заводском кружке межрайонников и эсеров-интернационалистов. Староста автоматного отделения завода и помощник начальника заводской Красной гвардии (1917—1918). Участник Гражданской войны (1919—1920) на Донском фронте, под Ростовом, на Терском повстанческом фронте. Инструктор телеграфно-телефонной роты 1-го Советского инженерного полка, начальник 1-го кабельного отделения маршевой 1-й отдельной телеграфной роты и одновременно комиссар роты (ноябрь 1918 — январь 1919). В 8-й армии: начальник связи 2-й бригады 40-й Богучарской дивизии, начальник связи Давыдовского и Анинского узлов связи, начальник узлов связи армии (январь 1919 — январь 1920), затем Кавказского фронта, Миллеровского узла связи Донской области, Тимашевского узла связи 8-й армии (январь—октябрь 1920), командир отдельной телеграфной роты (октябрь 1920 — май 1921). Награжден комплектом кожаного обмундирования (март 1920), часами (апрель 1920). В распоряжении РО — РУ штаба РККА (сентябрь 1923 — апрель 1924), в «секрет-

ной командировке от Разведупра» в Германии. Работал в составе резидентуры В.Р. Розе, имел отношение к подготовке вооруженного восстания — «Германского Октября». За выполнение задания награжден пистолетом «Маузер». Помощник инспектора связи Инспекции связи РККА, затем сотрудник Научно-испытательного института связи РККА (1924—1925). Зачислен в резерв 2-го (агентурного) отдела РУ штаба РККА (апрель 1925). Помощник нелегальных резидентов в США (1925—1927): «Феликса Вольфа» — Вернера Ракова, с которым был знаком по Германии, Я.М. Тылтыня, получил в США образование радиоинженера, работал в испытательной лаборатории фирмы Price Radio Corporation of America. Сдал государственный экзамен и получил право работать на мощных радиостанциях (1926). В распоряжении РУ штаба РККА (1926—1930), первый нелегальный резидент в Китае (октябрь 1928 — апрель 1930), начальник 2-й (производственной) части Управления (май—сентябрь 1930). Награжден золотыми часами «за работу в связи с событиями на Дальнем Востоке» (июнь 1930). В распоряжении РУ штаба РККА — РУ РККА (сентябрь 1930 — январь 1935), «организовывал европейскую радиосвязь», под его руководством радиостанции нелегальных резидентур были развернуты в Берлине (Германия), Париже (Франция), Риме (Италия), Вене (Австрия), Стокгольме (Швеция). Начальник НИИ по технике связи РУ РККА (январь 1935 — декабрь 1937). Имел отношение к операции «Х» (помощь республиканской Испании), побывал там в краткой командировке. Репрессирован 13.12.1937. Реабилитирован 25.07.1957.

23. Шталь Вильгельм (Вилли) Давыдович (псевд. «Гофрид»; 1896—1938) — из рабочих. Немец. Интендант 2 ранга (1935). Окончил два курса электротехникума, Курсы усовершенствования комсостава по разведке при IV управлении Штаба РККА (1931), военный факультет Инженерно-технической академии связи им. Подбельского (1937). Член КПГ (1920—1926), ВКП(б) — с 1926 г. Ученик на заводе (1902—1912), рабочий (1912—1915), участник Первой мировой войны в рядах австро-венгерской армии (1915—1918), техник на заводе в Советской России (1919—1921). В РККА — с 1921 г. Зарубежная командировка в Германию (1921—1923), в распоряжении Разведывательного управления Штаба РККА (1926—1933). Работал в Коминтерне (1923—1926). С января по июнь 1931 г. слушатель Курсов Усовершенствования Комсостава при 4 Управлении Штаба РККА. Друг Р. Зорге. В октябре 1937 г. исключен из партии и репрессирован.

24. Вейнгарт (Вайнгарт, Вайнгартен) Йозеф (псевд. «Зепп», «Зеппл», «Юзеф Зеппель»; в СССР Манес Сепель Фридрихович (1903—1944) — из рабочих. Немец. Военный техник 1-го ранга (23.03.1936). В РККА с 1928. Член компартии с 1921. Моряк-радист торгового флота (1919—1928), участник революционного движения в Германии и других странах. Неоднократно подвергался арестам. В распоряжении РУ штаба РККА (1928—1934), работал в Вене, Австрия (1929—1930), в Китае (1930—1933), был радистом у Рихарда Зорге в Шанхае, жил там на территории французской концессии. Из характеристики, которую К. Римм и Г. Стронский дали «Зеппелю» в марте 1933 г. при его отъезде из Шанхая: «Работой №3 мы очень довольны. Он приехал сюда новичком. На практической работе в течение трех лет он стал первоклассным мастером. Он проявил большой интерес к своей работе. В нашей работе он выказал себя умным и аккуратным работником, в то же время выполняя в своей собственной работе ответственные задания. № 3 очень усердно занимался у нас политическими вопросами и вопросом социалистического строительства. В политическом отношении он достаточно развит и после некоторой теоретической подготовки, его можно использовать на ответст-

венных постах. Нет никакой опасности, чтобы на него разлагающе подействовало буржуазное окружение. Это вполне наш парень». Начальник боевого питания и преподаватель радиодела Школы того же Управления (октябрь 1934 — июль 1935). Вновь в распоряжении РУ РККА (июль 1935 — июль 1938), радист и радиоинструктор в Синьцзяне, Китай. Уволен из РККА 17.07.1938 «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией», впоследствии восстановлен в кадрах армии. В 1943—1944 советский разведчик в Германии, работал в Берлине. По некоторым данным, арестован гестапо и погиб.

25. Шермэн Джон Луумис (John Loomis Sherman, Charles F. Chase, «Дон», «Профессор; годы жизни не установлены). Один из руководителей КП США в 1920-е годы. В 1929 г. был исключен из компартии за поддержку бывшего генерального секретаря компартии Дж. Лавстоуна, почти немедленно был привлечен к работе в подпольном аппарате КП. Работал в основном в контакте с агентурной сетью РУ (У. Чемберсом и У. Крэйном), а также являлся вербовщиком новых агентов для РУ на Западном побережье США. Позже, в 1933—1934, перед ним была поставлена задача создать нелегальную агентурную сеть для работы в Японии и подобрать для нее людей. В этой связи Ш. (под именем Чарлз Ф. Чэйз), У. Чемберс (под именем Ллойд Кэнтуэлл) и М. Либер создали и зарегистрировали в Нью-Йорке агентство «American Feature Writes Syndicate», отделение которого должно было действовать в Японии как прикрытие для агентурной сети. С этой целью Шермэн и его помощник, японский коммунист Х. Нода были посланы в Токио. Агентство просуществовало около восьми месяцев и было срочно ликвидировано в 1935 г., когда РУ получило сведения об арестах в Европе разведчиков, знавших о его подлинном назначении, и операция, начатая в Японии, была прекращена. В 1935 г. Ш. был вызван в СССР, вернувшись откуда заявил Чемберсу, что «больше не намерен работать на этих убийц ни часа», и к 1938 г. прервал свои контакты с РУ, оставаясь в то же время членом компартии. (Позняков В.В. Советская разведка в Америке. 1919—1941. М., 2005. С. 347—348).

26. *Вышинский А. Я., Лозовский С. А.* Дипломатический словарь. М. 1948.

27. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С.304.

28. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.54.

29. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.141.

30. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ соч. С.30.

31. Там же. С.34.

32. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.66-67.

33. Там же.

34. Там же. С.64-65.

35. Там же. С.66-67.

36. Там же. С.59-60.

37. Там же. С.61.

38. *Мадер Юлиус.* Указ. соч. С.124.

39. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны второй мировой войны. М., 22007. С.77.

40. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.143.

41. Там же. С. 142.

42. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 2. М., 2002. С. 20-21.

43. *Куланов А.Е.* Шпионский Токио. М., 2014. С.117.

44. *Мадер Юлиус.* Указ. соч. С.128-129.

45. «Россия — Япония: исторический путь к доверию». М., 2008.

46. *Куланов А.Е.* Указ. соч. С.116.
47. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.22.
48. *Мадер Юлиус.* Указ. соч. С.124-125.
49. Там же. С. 125
50. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.130.
51. Там же. С.131.
52. Там же. С.132.
53. Там же. С.134.
54. Там же. С.138.
55. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.526.
56. Special Collections, Arthur J. Morris Law Library, University of Virginia Law School:http://www.law.virginia.edu/html/librarysite/specialcollections.htm.
57. Idem
58. *Мадер Юлиус.* Указ. соч. С.133.
59. Special Collections, Arthur J. Morris Law Library, University of Virginia. ...
60. Idem.
61. Idem.
62. *Мадер Юлиус.* Указ. соч. С.136.
63. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 552.
64. Там же. С. 552—554.
65. Там же. С. 558—559.
66. Там же. С. 555.
67. Там же. С.556.
68. *Чэпман Дж.* Рихард Зорге и война на Тихом океане // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 122—135.
69. *Дирксен Г. фон.* Москва — Токио — Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Пер. с англ. М., 2001. С. 6.
70. Там же.
71. Там же. С. 198.
72. Там же. С. 208.
73. Там же.
74. Там же. С. 210.
75. Там же. С. 238—239.
76. Там же. С. 236.
77. Special Collections, Arthur J. Morris Law Library, University of Virginia Law School:http://www.law.virginia.edu/html/librarysite/specialcollections.htm
78. После прихода нацистов к власти один из лидеров НСДАП, руководитель штурмовых отрядов Эрнст Юлиус Рём стал планировать военную реформу. Новая армия, по его мнению, должна была комплектоваться по милицейскому принципу на основе СА. Себя же он видел во главе этой армии. Когда он потребовал роспуска рейхсвера и создания «революционной народной милиции» под главенством СА, он вступил в конфликт с Гитлером, СС и рейхсвером. Офицерский корпус требовал устранения Рёма и роспуска СА в качестве условия поддержки Гитлера. Гитлер занимал двойственную позицию: с одной стороны, поддерживал штурмовиков, а с другой — идея роспуска СА его устраивала. Но он не мог ни потребовать самороспуска, ни даже отказать Рёму в выполнении его требований. Обычно в таких случаях Гитлер делал так, что его проблемы решал кто-то другой. Поэтому, когда Геринг, Гиммлер и Гейдрих заявили, что смогут решить проблему, Гитлеру эта идея понравилась. Дальнейшие события укрепили его уверен-

ность в правильности выбора. 30 июня 1934 г. произошла расправа над Рёмом и его ближайшим окружением, получившая название «Ночи длинных ножей». Поводом для расправы послужили подозрения в подготовке путча. Никто точно не знает, сколько человек было убито. Предположительно, погибло 77 нацистских главарей и около 100 рядовых членов (имеются сведения, что всего погибли около тысячи человек). Был арестован и застрелен через окно тюремной камеры Грегор Штрассер. Удар был направлен главным образом по левому крылу партии, но в неразберихе некоторые воспользовались возможностью свести старые счеты. Геринг, из зависти к воинскому званию и влиянию генерала Курта фон Шлейхера, распорядился занести его имя в список смертников. Находившийся в отставке с января 1933 г. специалист по интригам фон Шлейхер, относившийся с презрением к Рёму и его штурмовикам, разделил их судьбу. Впоследствии Геринг утверждал, что хотел только арестовать Шлейхера, однако его опередила команда гестапо. После убийства Шлейхера организаторы «Ночи длинных ножей» опасались мести военных. Однако один из руководителей Министерства рейхсвера генерал-майор Вальтер фон Рейхенау, основная связующая фигура между рейхсвером и нацистами, развеял их страхи, издав коммюнике: «В последние недели было установлено, что бывший военный министр, генерал в отставке фон Шлейхер поддерживал контакты с враждебными государству кругами штурмовиков и иностранными державами. Было доказано, что он словами и делами выступал против нашего государства и его руководства. Этот факт определил необходимость его ареста в ходе проводившейся чистки. В момент задержания сотрудниками уголовной полиции Шлейхер попытался оказать сопротивление, применив оружие. В ходе возникшей перестрелки генерал в отставке и его вмешавшаяся в разборку жена были смертельно ранены». Совершенно надуманное и безосновательное обвинение. Шлейхер испытывал такую сильную неприязнь к Рёму, что даже не пытался это скрывать. 1 июля 1934 г. был убит генерал-майор фон Бредов, предшественник Патцига на посту шефа Абвера. В январе 1935 г. Гитлер в речи на всегерманском совещании партийных, военных и административных руководителей фактически реабилитировал бывших канцлера Шлейхера и начальника разведки Бредова, якобы ошибочно расстрелянных 30 июня 1934 года во время операции «Ночь длинных ножей».

79. *Дирксен Г. фон*. Указ. соч. С. 236.

80. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 555.

81. Веннекер Пауль (1890—1979) — адмирал (1944). На службу в ВМФ поступил кадетом (1909). Прошел подготовку на тяжелом крейсере «Виктория Луиза» и в военно-морском училище. Произведен в лейтенанты (1912). Служил на легких крейсерах «Майнц» и «Кёнигсберг». В самом начале Первой мировой войны — 28 августа 1914 г. попал в плен. За боевые отличия награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. В декабре 1918 г. освобожден и вернулся на службу в ВМФ. Служил на миноносцах и тральщиках. Инструктор морской артиллерийской школы (1922). Артиллерийский офицер на крейсере «Нимфа» (1924), 2-й офицер Адмирал-штаба в штабе командующего ВМС на Балтике (1926). 1-й артиллерийский офицер на линейном крейсере «Эльзас» (1929), «Шлезвиг-Гольштейн» (1930). Назначен 2-м офицером Адмирал-штаба в штабе флота (1931). Занял пост военно-морского атташе в посольстве Германии в Токио (1933). Капитан 1-го ранга Пауль Веннекер отозван на родину (1937) и получил в командование тяжелый крейсер «Дойчланд» (в 1940 г. переименованный в «Лютцов»). С 24 июля по 15 августа 1938 г. командовал германскими ВМС, действовавшими у берегов Испании.

«Дойчланд» вышел в Атлантику 23 августа 1939 года, еще до начала Второй мировой войны. В 1940 г. вновь был направлен в Токио в качестве военно-морского атташе, одновременно получил пост германского адмирала в Восточной Азии. На этом посту ему должны были подчиняться германские корабли, действовавшие в этом регионе, главной же его задачей стало обеспечение их продовольствием, боеприпасами и топливом. Награжден Рыцарским крестом с мечами (1945). После капитуляции Германии потерял свой пост, был интернирован союзниками. Освобожден 5.11.1947.

82. *Дирксен Г. фон.* Указ. соч. С. 209.

83. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.144.

84. Там же.

85. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 519.

86. Там же. С. 518.

87. Там же. С. 521.

88. Там же. С. 526.

89. Марков Георгий Иванович (псевд. «Михаил»; 1898—?) — из рабочих. Русский. Полковник (1940). В РККА с 1918. Член партии левых эсеров (июнь 1918 — январь 1919). Член компартии с 1919. Окончил учительскую семинарию (1914—1917), Туркестанские инструкторские курсы в Ташкенте (сентябрь 1918 — февраль 1919), военный факультет Ташкентского государственного университета (декабрь 1920 — июнь 1922), Туркестанские курсы востоковедения (1922—1925), восточный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1930—1932). Владел английским и фарси. Заведовал школой в г. Джизак Самаркандской области (1917—1918). Участник Гражданской войны «на фронте борьбы с басмачеством» (1919—1920). Командир роты (февраль—октябрь 1919), сводного отряда (октябрь 1919 — август 1920) 4-го Туркестанского стрелкового полка, батальона Ферганского запасного полка (август—декабрь 1920). Младший инспектор войск ОГПУ Туркестана (июнь—октябрь 1922). Помощник начальника (декабрь 1925 — март 1926), в распоряжении (март—октябрь 1926) РО штаба Туркестанского фронта, в спецрезерве Туркестанского фронта (октябрь 1926 — июль 1930), находился в длительной командировке по линии РО штаба Среднеазиатского ВО, секретарь генконсульства в г. Мешхеде (Персия) (ноябрь 1926 — май 1930). В РУ штаба РККА — РУ РККА: начальник сектора 3-го — информационно-статистического (май 1932 — январь 1934), 2-го — восточного отделов (январь 1934 — январь 1935), в зарубежной командировке (1935—1937) в Тяньцзине, Китай. В 1937 отозван «в связи с поступлением компрометирующего материала», отчислен из РУ РККА, исключен из ВКП(б), в распоряжении Управления по комначсоставу РККА (1937—1939). С марта 1939 преподаватель кафедры страноведения Военной академии им. М.В. Фрунзе. Восстановлен в компартии. Участник Великой Отечественной войны с августа 1943. Начальник оперативного отдела штаба 31-го гвардейского стрелкового корпуса. Награжден орденом Красного Знамени (1944), Александра Невского (1945), двумя орденами Отечественной войны I ст. (1944, 1945), юбилейной медалью «XX лет РККА» (1939).

90. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 547.

91. *Мадер Юлиус.* Указ. Соч. С.184

92. Там же. С. 143.

93. *Зорге Р.* Тюремные записки. С. 549.

94. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 4.

95.Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 557.

96. Там же. С. 563.
97. Там же.
98. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 142
99. Там же. С. 143.
100. Там же.
101. *Мадер Юлиус.* Указ. соч. С. 137.
102. Там же. С. 138—139.
103. Там же. С. 139—140.
104. Там же. С. 140.
105. Там же. С. 137.
106. Штайн Гюнтер Эгон Освальд (псевдонимы «Густав», «Джим» и «Литон»; 1900—1961). Немецкий еврей. Сотрудник германской газеты «Берлинер Тагеблатт» (1922—1933): член редколлегии, корреспондент в Восточной Азии, включая Китай (1931), корреспондент в Москве (1932). Привлечен к сотрудничеству с военной разведкой сотрудником IV управления Штаба РККА «Ритой» (1931, Берлин). В качестве корреспондента «Берлинер Тагеблатт» выполняет задания разведки во время командировки на Дальний Восток (в течение 1932 г.). В 1933 г. эмигрировал в Англию. Корреспондент в Японии от «Крисчен сайнс монитор» и английских газет, включая «Манчестер Гардиан», «Ньюс Кроникл», «Файненшнл таймс» (1934—1937). Входил в состав токийской резидентуры Зорге. В конце 1937 г. был направлен нелегальным резидентом в Гонконг, где находится до 1944 г. корреспондентом «Ассошиэйтед пресс», «Манчестер Гардиан», «Манчестер Юнайтед» и «Китайской авиапочты». До 1941 г. являлся германским подданным; в 1941 г. в Гонконге принял английское подданство. В 1945 г. выехал в США. Во время маккартистской кампании выслан из США (1947) Работал лондонским и парижским корреспондентом «Хиндустан таймс», «Фар ист трейд», «Фолксвирт», а также «Крисчен сайнс монитор» и японских журналов. Автор книг: «Сделано в Японии» (Лондон, 1935) и «Дальний Восток пробуждается» (Лондон, 1937); «Вызов Красного Китая» (Лондон, Нью-Йорк, 1945) (переведена на шесть языков, включая китайский; книга написана с позиции симпатии к коммунистическому режиму и его вооруженным силам); «Американский бизнес с Восточной Азией» (Нью-Йорк, 1947); «Мир, который построил доллар» (Лондон, Нью-Йорк, 1952); «Другая Америка» (Берлин, 1956). Из служебного документа: «ШТАЙН подозревался работниками РУ в центре и на местах в связи с троцкистами, американской, английской и немецкой разведками. Эти подозрения основывались на следующих фактах: а) на процессе "право-троцкистского блока" подсудимый КРЕСТИНСКИЙ 6.3.1938 года заявил, что он по просьбе Радека снабжал секретной информацией некоторых иностранных корреспондентов в Москве, в числе которых был назван Гюнтер ШТАЙН; после опубликования в печати этого факта ШТАЙН в Гонконге долго не выходил на встречу с нашим работником, что было расценено как стремление ШТАЙНА выждать, что еще может на процессе выясниться о его связи с подсудимыми; б) в 1932 году ШТАЙН получил задание от РАДЕКА по наблюдению за работой Международного бюро информации в Лондоне; в) Находясь в Китае, ШТАЙН поддерживал связи с троцкистами; г) Работая в Японии, снабжал англичан докладами о политической обстановке, пересылая одновременно эти материалы и нам; д) Летом 1944 года вместе с другими корреспондентами ездил в Яньань, где, по-видимому, по заданию английской или американской разведок усиленно пытался выяснить связь КПК с СССР, а возвратившись в Чунцин, сразу же поставил перед нашим работником вопрос о предоставлении отпуска ему для

поездки в США и Англию, что объяснялось необходимостью, по мнению нашего работника в Чунцине, ШТАЙНА отчитаться перед англичанами или американцами за свою поездку в Яньань; е) ШТАЙН, находясь в Китае, одновременно передавал материалы и нам, и американцам; так, например, он дал нашему резиденту доклад о содержании своего интервью с военным министром Китая, а через некоторое время это интервью было получено от нашего источника в США на бланке правительственного учреждения США».

107. Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 102—103.

108. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 499.

109. Там же. С. 554.

110. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 153—154.

111. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 539.

112. Борович Лев Александрович (настоящая фамилия: Розенталь; пс.: Алекс, Лев Александрович Лидов) 10.12.1896-г. Лодзь, Польша—25.08.1937-Москва. Еврей. Из семьи купца. Дивизионный комиссар (23.11.1935). В РККА с 1918. Член партии меньшевиков (октябрь 1916 — май 1917), компартии с мая 1919. Окончил 6 классов гимназии, среднее техническое училище в Баку по профессии электромеханик (1917), электротехническое отделение Военно-инженерных курсов комсостава в Москве (1919-1920), КУКС по разведке при РУ штаба РККА (1927). На «революционной работе» в Лодзи и Баку (1916-1917). Участник гражданской войны. Помощник для поручений командира 1-го караульного батальона в Москве (сентябрь 1918 — май 1919), сотрудник Политуправления 13-й армии (май 1919), красноармеец, командир отделения 2-го крепостного полка Харьковского укрепрайона (май — октябрь 1919), воевал с войсками А.И.Деникина в составе группы войск Харьковского укрепленного района под г.Харьков, Ахтырка и Богодухов (июнь — сентябрь 1919). В распоряжении Региструпра штаба Западного фронта (март 1920 — январь 1921), запасной резидент управления в Гомеле (май — июнь 1920), где занимался переправкой агентуры в Польшу, затем в Минске помощник начальника Регистрационного отдела штаба Западного фронта (июнь — сентябрь 1920). Начальник команды связи отдельного запасного батальона Отдельной бригады особого назначения при РВС Западного фронта, которая известна была также как «немецкая бригада». Командир батальона и заместитель комиссара бригады там же (сентябрь — ноябрь 1920). «Специальная немецкая бригада была создана накануне войны с Польшей для последующей помощи германскому пролетариату в организации революции». В составе бригады Борович участвовал в боях советско-польской войны. В тех условиях «скоротечности военных и политических событий», которые «требовали от Советского командования исключительно быстрой осведомленности... т.Алекс проявил себя столь прекрасным организатором и непосредственным исполнителем разведки» (Б.Я.Буков, 27.12.1967). В распоряжении РУ штаба РККА (январь 1921 — февраль 1925): на нелегальной разведывательной работе в Берлине (Германия, февраль — май 1921), Вене (Австрия, май 1921 — февраль 1923), Берлине (Германия, февраль — май 1924), там же одновременно был секретарем делегации ИККИ, резидент в Праге (Чехословакия, май — сентябрь 1924), помощник резидента в Варшаве, (Польша, сентябрь 1924 — февраль 1925). В РУ штаба РККА: заведующий сектором 2-го отдела (март — август 1925), уполномоченный в г.Минске (август 1925 — февраль 1926), начальник 1-й части 2-го (восточного) отдела (февраль — сентябрь 1926), помощник начальника 2-го отдела (сентябрь — октябрь 1927). В распоряжении

того же Управления (октябрь 1927—июль 1930), резидент в Вене, Австрия (октябрь 1927 — март 1930), выезжал также в Германию и Балканские страны. Сотрудник для поручений при зампреде ВСНХ И.С. Уншлихте, заместитель начальника Фосфатного управления Всехимпрома (июль 1930—май 1932), числился в распоряжении РУ штаба РККА, работал в аппарате ЦК ВКП(б) (июнь 1932—январь 1935): ответственный секретарь Бюро международной информации, сотрудник техсекретариата Оргбюро, был также личным секретарем К.Б.Радека. «По роду работы был связан с 4 Управлением Штаба РККА». И от РУ был представлен к награждению орденом Красного Знамени (1933). В РУ РККА «по приглашению Артузова и Карина»: в распоряжении (январь — март 1935), и.д. заместителя начальника 2-го (восточного) отдела, потом утвержден в этой должности (март 1935—июль 1937). Числясь в вышеуказанной должности, был легальным резидентом в Китае (февраль 1936—июнь 1937) «по руководству резидентурами в Китае и Японии», помощник заведующего отделением ТАСС в Шанхае под фамилией Лидов. «Алекс считался опытным разведчиком, был преданным Родине, партии, порученному в нашем Управлении делу. Он работал с увлечением, но продуманно и осторожно. Знаю, что тов.Берзин хорошо отзывался о работе Алекса» (Н.В.Звонарева, 14.10.1991). За время работы в Региструпре ПШ РВС Республики — РУ РККА «характеризовался в целом положительно» (18.07.1956). 05.05.1937 уволен в запас РККА по ходатайству начальника РУ С.П.Урицкого от 29.04.1937. Проживал в Москве. Награжден часами и грамотой от РВС СССР (1928). Репрессирован 11.07.1937. Реабилитирован в 17.11.1956.

113. *Горбунов Е.А.* Схватка с черным драконом. Указ. соч. С.270.

114. Икал Арнольд Адамович (пс.: Роберт, Эвальд, Дональд Робинсон, Арнольд Рубенс). 24.09.1906-Лифляндская губерния—03.1942. Латыш. Из рабочих. Батальонный комиссар (24.01.1936). Член компартии с 1923. Учился в волостном училище (1914-1918), в городской элементарной школе (1918-1919), работал чернорабочим (1920-1921), учился в Залисбургской и Руенской средних школах (1921-1923), откуда отчислен за революционную деятельность и неуплату денег за учебу. Организатор и секретарь нелегального кружка «Яунайс Прометейс», который в полном составе вступил в комсомол (1922-1924), занимался оргработой в Виденском комитете ЛКСМ, состоял членом ЦК ЛКСМ (март 1923 — ноябрь 1924), по решению ЦК КПЛ направлен в СССР. Учился в КУНМЗ в Москве (декабрь 1924 — июнь 1925). В июле 1925 направлен Латвийской секцией Коминтерна на нелегальную партийную работу в Латвию, в сентябре того же года арестован и при попытке побега тяжело ранен. Приговорен к 4 годам каторжной тюрьмы в 1926 по обвинению в сборе разведывательной информации для Советского Союза. Вернулся в Москву в январе 1927 по обмену политзаключенными. В распоряжении РУ РККА (1927-1937). На нелегальной работе в Германии (ноябрь 1928 — декабрь 1930), нелегальный резидент советской военной разведки в США (май 1932 — октябрь 1937). В мае 1935 женился на американской коммунистке Рут Бремен, помогавшей ему в работе. В ноябре 1937 вместе с женой вернулся в Москву. Репрессирован 02.12.1937. Приговорен к 10 годам тюрьмы. Реабилитирован 15.09.1956.

115. Иванов Сергей Иванович (пс.: Рамон). Родился 21.09.1896 в Санкт-Петербурге Русский. Из рабочих. Полковник (08.10.1940). В РККА с 1918. Член партии левых эсеров (март — июль 1918), РКП(б) с 1919. Окончил четырехклассное училище (1911), основной (1925-1928), восточный (1929-1931) факультеты Военной академии им. М.В.Фрунзе. В службе с августа 1915. Участник 1-й мировой войны

на Юго-Западном фронте (1916-1918). Младший унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка. Участник гражданской войны (1918-1921) на Северном, Восточном и Западном фронтах. Красноармеец 1-го социалистического батальона г. Петрограда (март 1918 — январь 1919), красноармеец, комиссар, командир взвода, партработник 253-го стрелкового полка (январь 1919 — июль 1920), военком отдела снабжения 85-й стрелковой бригады, комиссар Отдельной саперной роты (июль — декабрь 1920), инструктор политпросветотделения политотдела 58-й стрелковой дивизии (декабрь 1920 — апрель 1921), политработник в частях (апрель — ноябрь 1921) и политотделе (ноябрь 1921 — май 1925) 25-й стрелковой дивизии, военком 73-го стрелкового полка той же дивизии (май — сентябрь 1925). Стажировался в должности командира роты в 69-м стрелковом Харьковском полку (июль 1928 — сентябрь 1929). В распоряжении РУ штаба РККА — РУ РККА (май 1931 — ноябрь 1939), из них три года был секретарем военного атташе в Персии и три года 10 месяцев — в «спецкомандировке» по линии 2-го (восточного) отдела. С ноября 1939 преподаватель кафедры общей тактики Военной академии им. М.В.Фрунзе.

116. Марков Георгий Иванович (пс.: Михаил) Родился 30.12.1898 в г. Петро-Александровск Сыр-Дарьинской области, ныне г. Турткуль, Узбекистан. Русский. Из рабочих. Полковник (05.03.1940). В РККА с 1918. Член партии левых эсеров (июнь 1918 — январь 1919). Член компартии с 1919. Окончил учительскую семинарию (1914-1917), Туркестанские инструкторские курсы в Ташкенте (сентябрь 1918 — февраль 1919), военный факультет Ташкентского государственного университета (декабрь 1920 — июнь 1922), Туркестанские курсы востоковедения (1922-1925), восточный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1930-1932). Владеет английским и фарсидским языками. Заведовал школой в г.Джизак Самаркандской области (1917-1918). Участник гражданской войны «на фронте борьбы с басмачеством» (1919-1920). Командир роты (февраль — октябрь 1919), сводного отряда (октябрь 1919 — август 1920) 4-го Туркестанского стрелкового полка, батальона Ферганского запасного полка (август — декабрь 1920). Младший инспектор войск ОГПУ Туркестана (июнь — октябрь 1922). Помощник начальника (декабрь 1925 — март 1926), в распоряжении (март—октябрь 1926) РО штаба Туркестанского фронта, в спецрезерве Туркестанского фронта (октябрь 1926—июль 1930), находился в длительной командировке по линии РО штаба Среднеазиатского ВО, секретарь генконсульства в г. Мешхеде (Персия) (ноябрь 1926—май 1930). В РУ штаба РККА — РУ РККА: начальник сектора 3-го — информационно-статистического (май 1932 — январь 1934), 2-го — восточного (январь 1934 — январь 1935) отделов, в распоряжении (январь 1935—апрель 1939), в зарубежной командировке (1935-1937) в Тяньцзине, Китай. «Пом. Начальника 2-го Отдела — тов. Марков. Ведает странами Востока. Опытный работник по Востоку. Имеет длительный опыт и практику по работе на Ближневосточном и Средневосточном театре». В 1937 отозван из-за рубежа «в связи с поступлением компрометирующего материала», отчислен из РУ РККА, исключен из ВКП(б), в распоряжении Управления по комначсоставу РККА (1937-1939). С марта 1939 преподаватель кафедры страноведения Военной академии им. М.В.Фрунзе. Восстановлен в компартии. Участник Великой Отечественной войны с августа 1943. Начальник оперативного отдела штаба 31-го гвардейского стрелкового корпуса. Награжден орденом Красного Знамени (1944), Александра Невского (1945), двумя орденами Отечественной войны I-й ст. (1944, 1945), юбилейной медалью «XX лет РККА» (1939).

117. Клаузен Макс Готфрид Фридрих (пс.: Ганс, Макс, Фриц, Изоп), 27.02.1899-Хузум, Германия — 15.09.1979-Берлин. Немец. Член КПГ с 1927. Учился на кузнеца. Служил в германской армии (1917-1919), где окончил курсы радистов. Участник 1-й мировой войны в корпусе связи на Западном фронте. Демобилизован в 1919. Радист на кораблях торгового флота. Участник рабочего движения, член Союза моряков с 1922, осужден на три месяца тюрьмы за участие в забастовке судовых механиков.С октября 1928 г. находился в СССР, куда прибыл по приглашению нелегального сотрудника IV управления в Германии С. А. Скарбека. Прошел подготовку в качестве радиста. Сотрудник нелегальной резидентур Гурвича (Горина) и Рихарда Зорге в Шанхае (март 1929 — ноябрь 1931 г.). Обеспечивал бесперебойную связь с Центром. В декабре 1931 — августе 1933 г. находился на разведработе в Мукдене, в качестве резидента. В 1933-1935 под фамилией Раутман жил с женой в СССР под Саратовом в городке Красный Кут, где Макс работал механиком на местной МТС. Летом 1935 по просьбе Р. Зорге направлен радистом нелегальной разведывательной организации «Рамзай» в Токио. И уже вскоре после прибытия в Японию сумел наладить связь регулярную связь с Москвой, Хабаровском и Владивостоком (1935-1941). Официально Клаузен занимался бизнесом: совладелец мастерской по производству гаечных ключей, продажа мотоциклов «Цундап» и, наконец, дававшая прибыль светокопировальная мастерская. Арестован японцами 18.10.1941 и осужден на пожизненное лишение свободы. Освобожден 09.10.1945 и отправлен с женой в СССР. С 1946 они жили в Германии — ГДР (до 1964 под фамилией Христиансен), потом Христиансен-Клаузен. 18 октября 1941 г. был арестован японцами и осужден по пожизненное заключение. Освобожден 9 октября 1945 г.Проживал в квартире своего бывшего компаньона в Урава, близ Токио. 23 октября 1945 г. по собственной инициативе восстановил связь с резидентурой под прикрытием посольства СССР в Японии. Из служебной записки: «В начале ноября 1945 г. Центр дал указание нашему резиденту оказать "ИЗОПУ" материальную помощь и соблюдать в отношении с ним строжайшую осторожность и конспирацию, не строя никаких планов по его использованию на нашей работе в Японии в настоящее время. Наш резидент считал оставление "ИЗОПА" и его жены в Японии нежелательным со всех точек зрения. Это объяснялось главным образом тем, что прошлой деятельностью "ИЗОПА" и его настоящими связями заметно начала интересоваться американская контрразведка, особенно в направлении выяснения обстоятельств успешной деятельности резидентуры "ИНСОНА" (Зорге. — Авт.) в течение шести лет. КРО американцев толкала "ИЗОПА" на прямой контакт с нашими представителями в Токио, задабривало его продовольственной и другой поддержкой, держа его под наблюдением и соответственно обрабатывая. "ИЗОП" ответил американцам, что к советскому представительству он никакого отношения не имеет, а обо всех мероприятиях американцев в отношении его своевременно информировал нашего связника». Учитывая просьбу «Изопа» и настояния резидента, Центр принял решение осуществить его переброску самолетом 17 января 1946 г. (втайне от американцев и японцев) по тщательно разработанному плану. Переброска прошла благополучно. Накануне прибытия четы Клаузен в Москву в 10-м отделе (отдел организовывал разведку Японии) 1-го управления Главного разведывательного управления Генштаба КА были сформулированы предложения относительно дальнейшей судьбы военных разведчиков и представлены 19 февраля 1946 г. по команде: «1. По прибытии в Москву обеспечить всем необходимым, разместив на конспиративной квартире. 2. Рассмотреть возможность представления "ИЗОПА" к правительственной награде —

"Ордену Ленина", а его жену — к ордену "Красная Звезда" (при условии сохранения за обоими советского гражданства). 3. Обеспечить трехмесячное санаторное лечение обоих на Кавказе. 4. Рассмотреть возможность выдачи единовременного пособия в размере: "ИЗОПУ" — 50 000 руб., его жене — 25 000 руб. 5. Устроить на постоянное местожительства в Восточной Германии (согласно решению командования от 27.11.45)... 6. Назначить персональную пенсию обоим в валюте по месту постоянного жительства, обеспечив приличными жилищными и материальными условиями. 7. Обязать "ИЗОПА" описать историю работы и провала резидентуры "ИНСОНА" по плану Отдела». С 1946 г. проживал в ГДР (до 1964 г. под фамилией Христиансен). Награжден орденом Красного Знамени (1965), орденами ГДР: Карла Маркса и «За заслуги перед Отечеством» в золоте.

118. Клаузен Анна Георгиевна (урожденная Жданкова; пс.: Эмми Кёниг) 01.04.1899-пос.Новониколаевка, ныне г.Новосибирск — 17.08.1978-Берлин. Русская. Жена М.Клаузена. Родилась в семье скорняка Жданкова, но с трех лет воспитывалась как приемная дочь у купца Г. Попова. Закончила четыре класса начальной школы. В 16 лет была выдана замуж за финна Эдуарда Валениуса, владевшего в Новониколаевске небольшим кожевенным заводом. Выезжала с мужем в Финляндию и получила там финский паспорт. Валениусы были довольно известной семьей в Финляндии — брат мужа — Марти Валениус был генералом и служил в финском Генштабе (в 1937 г. он приезжал в Японию во главе финской военной миссии). Вернувшись в Россию, Эдуард купил мельницу под Семипалатинском. С началом Гражданской войны супруги Валениус уехали в Китай и обосновались в Шанхае. В 1927 г. Эдуард умер, а Анна осталась в Шанхае и работала медсестрой. У нее был только эмигрантский паспорт китайского правительства. Связная в группе Р.Зорге в Китае (1931-1933), потом вместе с мужем жила в СССР, они работали в Республике немцев Поволжья под фамилией Раутман (1933-1935). В 1935 они возвращены на работу в военную разведку. Под именем Эмми Кёниг Анна в марте 1936 выехала в Японию. Работала курьером в группе Зорге в Японии, неоднократно по делам группы выезжала в Китай. В Токио встречалась с легальными сотрудниками токийской резидентуры С.Л.Будкевичем и В.С.Зайцевым. Арестована японской тайной полицией 19.11.1941 вместе с другими членами организации «Рамзай». Осуждена на 7 лет тюрьмы. Освобождена 09.10.1945 и отправлена с мужем во Владивосток. Некоторое время они жили в СССР, а затем (с 1946) в Германии — ГДР под фамилией Христиансен (до 1964), потом Христиансен-Клаузен. Награждена орденом Красной Звезды (1965), орденом ГДР «За заслуги перед Отечеством» в золоте.

Глава 4. 1935–1936 годы. Токио, Москва

1. *Пономарев М.В. Смирнова С.Ю.* Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Т. 3. М., 2000. С. 171—173.

2. *Зорге Р.* Статьи. Корреспонденции. Рецензии / Сост. и автор вступит. ст. Ю.Я. Орлов. М., 1971. С. 63—84.

3. История войны на Тихом океане. В 5 т. Том II. Японо-китайская война / Под общей ред. Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити / Под ред. Б.В. Поспелова. Перев. с яп. Б.В. Раскина. М., 1957. С. 282.

4. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 178.

5. *Молодяков В.Э.* «Инцидент 26 февраля» шестьдесят лет спустя // Страницы истории. С.214-229.

6. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 2. М., 2002. С.208-224.

7. *Иоган Е., Танин О.* Когда Япония будет воевать. С.236.

8. *Танин О., Иоган Е.* Военно-фашистское движение в Японии. Указ. соч. С. IV.

9. Рихард Зорге. Статьи. Корреспонденции. Рецензии. Составитель и автор вступительной статьи Ю.Я. Орлов. М., 1971.

10. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.530-531.

11. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 182.

12. *Иоган Е., Танин О.* Когда Япония будет воевать. С.234-235.

13. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 183.

14. Там же. С.180.

15. *Гаврилов В.А., Горбунов Е.А.* Операция «Рамзая». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004. С.98.

16. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» господином Рой Говардом 1 марта 1936 года // Сталин И.В. Т. 14. М. 1997. С. 103—112.

17. *Бойд К.* Чрезвычайный посол: генерал Хироси Осима и дипломатия в «Третьем Рейхе». 1934—1939. С. 20. (Boyd C. The extraordinary envoy: General Hiroshi Oshima and diplomacy in the Third Reich. 1934—1939. Wash.; Univ. press of America, 1982. 246 p.).

18. Там же. С. 2.

19. Там же. С. 26.

20. Там же.

21. Там же. С. 27.

22. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: Меч на весах: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений. 1929—1948. Историческое исследование. М., 2005. С. 75.

23. Там же. С.76.

24. *Дирксен фон Г.* Указ. соч. С. 224-225.

25. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.189.

26. Там же. С.189-190.

27. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.63.

28. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония. Указ. соч. С.76.

29. Сноска в документе: «Эти телеграммы Вам известны (они расшифровываются в НКВД группой работников РУ во главе с майором т. Звонаревым)».

30. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М., 2004. С.173.

31. Там же.

32. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ соч. С.46-47.

33. *Бойд К.* Указ. соч. С. 45.

34. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио. Указ. соч. С. 82.

35. *Пономарев М.В. Смирнова С.Ю.* Указ. соч. С. 188—190.

36. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония. Указ. соч. С. 81.

37. Там же.

38. Там же.

39. *Горбунов Е.А.* Указ. соч. С. 262.

40. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 531.

41. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.191-192.

42. Иванов Сергей Иванович (псевд. «Рамон»; 1896—?) — из рабочих. Русский. Полковник (1940). В РККА с 1918. Член партии левых эсеров (март—июль 1918), РКП(б) с 1919. Окончил четырехклассное училище (1911), основной (1925—1928), восточный (1929—1931) факультеты Военной академии им. М.В. Фрунзе. В службе с августа 1915. Участник Первой мировой войны на Юго-Западном фронте (1916—1918). Младший унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка. Участник Гражданской войны (1918—1921) на Северном, Восточном и Западном фронтах. Красноармеец 1-го социалистического батальона Петрограда (март 1918 — январь 1919), красноармеец, комиссар, командир взвода, партработник 253-го стрелкового полка (январь 1919 — июль 1920), военком отдела снабжения 85-й стрелковой бригады, комиссар Отдельной саперной роты (июль—декабрь 1920), инструктор политпросветотделения политотдела 58-й стрелковой дивизии (декабрь 1920 — апрель 1921), политработник в частях (апрель—ноябрь 1921) и политотделе (ноябрь 1921 — май 1925) 25-й стрелковой дивизии, военком 73-го стрелкового полка той же дивизии (май—сентябрь 1925). Стажировался в должности командира роты в 69-м стрелковом Харьковском полку (июль 1928 — сентябрь 1929). В распоряжении РУ штаба РККА — РУ РККА (май 1931 — ноябрь 1939), из них три года был секретарем военного атташе в Персии и три года 10 месяцев — в «спецкомандировке» по линии 2-го (восточного) отдела. С ноября 1939 преподаватель кафедры общей тактики Военной академии им. М.В. Фрунзе.

43. Краутман Эрик (в СССР Эрих Ульрихович Краутман; псевд. в Китае Артур Янович Резонгс; Артур; 1898—1948) — из рабочих. Латыш. Полковник. В РККА с 1918. Член компартии с 1918. Окончил городское училище (1913), 2 курса вечернего отделения Московского электротехникума (1913—1915), Петроградскую воздухоплавательную школу (1917), КУКС по разведке при РУ штаба РККА (январь—апрель 1928). Электротехник на Виндавской городской электростанции (1913—1915), на Шлиссельбургском пороховом заводе (1915—1916), заведующий слесарной мастерской гидротехнического отряда Всероссийского земского союза (август 1916 — февраль 1917). В службе с февраля 1917. Делопроизводитель 12-го воздухоплавательного дивизиона на Рижском фронте. С дивизионом прибыл в Вятку и был демобилизован. Участник Гражданской войны. Делопроизводитель 3-го Красного воздухоплавательного отряда в Вятке (март—май 1918), боец, командир Латышского отряда при Вятской ВЧК (май 1918 — январь 1919), участвовал в подавлении Ижевского и Воткинского восстаний, в боях на Восточном и Западном фронтах. В Латвии заместитель комиссара Виндавского порта, боец партизанского отряда в тылу противника (командир Карл Кретулис; март 1919 — январь 1920), работал в аппарате подпольного ЦК Компартии Латвии (январь—сентябрь 1920). Осенью 1920 арестован полицией, сидел в Рижской центральной тюрьме. Выпущен под надзор полиции, бежал в Советскую Россию. Уполномоченный оперативного отдела ОГПУ в Москве (сентябрь 1921 — май 1925), заведующий хозяйственной частью правления Резинотреста (1925—1927). С января 1928 в военной разведке. Исполнял должность начальника пригранично пограничного разведывательного пункта РО штаба Белорусского ВО в Полоцке (апрель 1928 — март 1930), затем в РУ штаба РККА — ГРУ Генштаба Советской Армии: начальник специальных курсов (апрель—октябрь 1930), в распоряжении (октябрь 1930 — апрель 1933), инженер-химик отдельной лаборатории (апрель 1933 — январь 1935), лаборант НИИ по технике связи (январь—август 1935), в распоряжении (август 1935—1946), с 1935 на нелегальной работе в Шанхае, легализовался как «купец» Артур Янович Резонгс. Уволен в запас РККА (1938), но в 1939 вновь

зачислен в распоряжение РУ РККА. В 1946 репрессирован. Умер в заключении. Посмертно реабилитирован.

44. Manuscript div. library of Congress. D1. 16 P.

45. *Мадер Юлиус*. Указ. соч. С. 124.

46. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ соч. С. 215—217.

47. Зорге Р. Статьи. Корреспонденции. Рецензии. С. 16.

48. Там же. С. 17.

49. *Мадер Юлиус*. Указ. соч. С. 257.

50. Зорге Р. Статьи. Корреспонденции. Рецензии. С. 19.

51. *Мадер Юлиус*. Указ. соч. С. 257.

52. Там же. С. 254.

53. Там же. С. 258.

54. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ соч. С.156.

55. Там же. С.156-158.

56. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Обвиняются в шпионаже. М., 2004. С.328.

57. *Дикин Ф., Стори* Г. Указ. соч. С. 172—176.

58. Там же. С. 176.

59. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны второй мировой войны. М., 2007. С.135; *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.301.

60. *Михайлов А.Г., Томаровский В.* И. Указ. соч. С.329-330; Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 301-302.

61. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.152.

62. *Михайлов А.Г., Томаровский В.* И. Указ. соч. С.341.

63. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 540-541.

64. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.195.

65. Там же. С.305.

66. *Иоган Е., Танин О.* Когда Япония будет воевать. Пер. с англ. М., 1936.

67. Там же. С.10-13.

68. Там же. С.14.

69. Там же. С.17-18.

70. Там же. С.30.

71. Там же. С.32.

72. Там же. С.32-33.

73. Там же. С.40.

74. Там же. С.33.

75. Там же. С.35.

76.Там же. С.35-36.

77. Там же.

78. Там же. С.40.

79. Там же. С.42-43.

80. Там же. С.221-233.

81. Там же. С.5.

82. Шталь Вильгельм (Вилли) Давыдович (псевд. «Гофрид»; 1896—1938) — из рабочих. Немец. Интендант 2 ранга (1935). Окончил два курса электротехникума, Курсы усовершенствования комсостава по разведке при IV управлении Штаба РККА (1931), военный факультет Инженерно-технической академии связи им. Подбельского (1937). Член КПГ в 1920—1926, ВКП(б) — с 1926 г. Ученик на заводе (1902—1912), работал на заводе (1912—1915), в Австро-венгерской армии (1915—1918), техник на заводе (1919—1921), в IV Управлении (1921), в Германии

(1921—1923), в Коминтерне (1923—1926), IV Управление (1926—1930). С января по июнь 1931 слушатель Курсов Усовершенствования Комсостава при IV Управлении Штаба РККА. Член ВКП(б) с 1926. Друг Р. Зорге. В октябре 1937 исключен из партии и репрессирован. Умер в тюрьме.

83. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Обвиняются в шпионаже. М., 2004. С. 265.

84. Там же. С. 255—256.

85. Там же. С. 256—257.

86. Иванов Михаил Иванович (пс.: Иден).

Родился 19 ноября 1912 в пос.Дубасов Владимирской губернии, ныне Ивановской области.

Русский. Из рабочих. Генерал-майор. Кандидат исторических наук. В Советской Армии с 1932. Член компартии с 1932. Окончил школу семилетку (1928), 2 курса педагогического техникума (1930), Военную школу связи (1932-1934), специальный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1937-1940). Владеет несколькими языками.

Командир взвода (1934-1936). Участник гражданской войны в Испании (1936-1937), где занимался радиоразведкой. Во время учебы в Академии стажировался в ходе боев в районе озера Хасан (1938) и реки Халхин-Гол (1939). Командир роты 2-го полка связи Ленинградского ВО (февраль — август 1937).

В РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии: в распоряжении (май—сентябрь 1940), старший помощник начальника 1-го отделения 3-го отдела (сентябрь 1940—февраль 1941).

В распоряжении РУ—ГРУ Генштаба Красной Армии (февраль 1941 — октябрь 1946), сотрудник резидентуры под прикрытием посольства СССР в Токио, секретарь консульского отдела посольства СССР, затем вице-консул. В октябре 1941 — в дни ареста Р.Зорге и сотрудников его резидентуры — участвовал в «локализации» провала. В августе 1945 побывал в Хиросиме и Нагасаки вскоре после атомной бомбардировки, взял там необходимые пробы.

В распоряжении ГРУ ГШ Красной Армии — ВС СССР: 1950-1951; 1961-1963 (Япония);

1954-1958 (Турция); 1970-1973 (Китай).

Начальник кафедры Военно-дипломатической академии (1964-1970).

Защитил в Институте военной истории кандидатскую диссертацию «Япония в военной стратегии США на Тихом океане» (1987), доцент.

Награжден двумя орденами «Красного Знамени», орденами «Красной звезды» и «Отечественной войны» I-й ст., двумя орденами Знак почета».

Умер 14 марта 2014 г., Москва.

Соч.: Япония в годы войны: Записки очевидца. М., 1978.

87. *Иванов М.* «Рамзай» выходит на связь. Воспоминания разведчика // Азия и Африка сегодня. 2000. № 2. С. 49—50.

88. *Голяков С., Ильинский М.* Рихард Зорге. Подвиг и трагедия разведчика. М., 2001. С. 205.

89. Там же. С. 206.

90. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С. 259—260.

91. Там же. С. 261—262.

92. Там же. С. 266—267.

93. Там же. С. 268.

94. Там же.

95. Там же. С. 269.

96. *Хинштейн А.Е.* Подземелье Лубянки. М., 2005. С. 257.
97. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С. 271—272.
98. Там же. С. 258.
99. *Хинштейн А.Е.* Указ. соч. С. 258.
100. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С.276.
101. Там же. С. 276-278.
102. Там же. С. 278—279.
103.Там же. С. 279—280.
104. Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 июля 1938 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С.27-32.
105. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С.280-282.
106.Там же. С. 283-284.
107.Там же. С. 287-289.
108. *Хинштейн А.Е.* Указ. соч. С. 264.
109. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С. 275.
110. *Хинштейн А.Е.* Указ. соч. С. 266.
111. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С.291.
112. Там же. С. 291—292.
113. Там же. С. 293-299.
114. *Русаков Эдуард.* Могилу жены Зорге так и не нашли! // Красноярский рабочий. 2012. 12.05.
115. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С. 264—265.

Глава 5. 1937 год. Москва, Токио, Китай

1. Вопросы истории. 1993. № 8. С. 3—26.
2. Там же. № 9. С. 3—32.
3. Вопросы истории. 1995. № 2. С. 22—26.
4. Там же. С. 22—26.
5. Там же. № 3. С. 3—15.
6. Там же. 1994. № 8. С. 2—16.
7. Там же. С. 16—27.
8. *Гладков Т. К.* Артузов. М., 2008. С.284-285.
9. Справка Комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре» [Не позднее 26 июля 1964 г.].
10. Там же.
11. Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (1938). Уголовный кодекс РСФСР. Особенная часть

Глава первая *

Преступления государственные

1. Контрреволюционные преступления

58-1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и

основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР. [6 июня 1927 г. (СУ № 49, Ст. 330)].

** 58-1а. Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу,

караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества. [20 июля 1934 г. (СУ № 30. Ст.173)]

58-1б. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества. [20 июля 1934 г. (СУ № 30. Ст. 173)].

58-1в. В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются — лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет. [20 июля 1934 г. (СУ № 30. Ст. 173)].

58-1г. Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влечет за собой лишение свободы на 10 лет.

Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст. 58-12. [20 июля 1934 г. (СУ № 30. Ст. 173)].

58-2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственного отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры влекут за собой — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-3. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-4. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее сверже-

нию, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазии общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности, влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использованием фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., влечет за собой —

меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-6. Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР, — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзных республик и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно организациям и лицам, указанным выше, влекут за собой — лишение свободы на срок до трех лет. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

Примечание 1. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом Советом народных комиссаров Союза ССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и опубликовываемом во всеобщее сведение. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

Примечание 2. В отношении шпионажа лиц, упомянутых в ст.193-1 настоящего Кодекса, сохраняет силу ст.193-24 того же Кодекса. [9 января 1928 г. (СУ № 12. Ст. 108)].

58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за

собой — меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-8. Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного и общественного имущества, влечет за собой — меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. 58-2—58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-12. Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-13. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

58-14. Контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой —

лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела, с конфискацией имущества. [6 июня 1937 г. (СУ № 49. Ст. 330)].

*Примечания: * Глава первая введена в действие со времени вступления в силу Положения о преступлениях государственных, принятого 3-й сессией III созыва Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 25 февраля 1927 года (СЗ*

*1927 г. № 12. Ст. 123). ** Ст.ст. 58-1а—58-1г введены в действие со времени введения в действие пост. ЦИК СССР 8 июня 1934 г. (СЗ № 33. Ст. 255).*

Даты: 1938

Источник: Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 июля 1938 г. М.: Юридическое издательство Наркомюст СССР, 1938. С. 27—32.

12. *Клётный Александр Леонтьевич* (1891—1959). Его родителями были «запасной старший писарь Леонтий Васильевич*Клетный* и законная жена Агафья Захарьевна, урожденная Кильчицкая, оба православного вероисповедания». Согласно другим записям, его отец был казаком Полтавского общества Полтавской волости. Окончил Киевское реальное училище Святой Екатерины, поступил на экономическое отделение Киевского коммерческого института (1911). Изучению иностранных языков в институте тогда уделяли особое внимание. В метрикуле (зачетной книжке) Клетного есть записи о сдаче экзаменов по английскому, немецкому и французскому. Японский и китайский языки у него преподавал японовед с мировым именем академик Николай Конрад и японец Накахара, который тогда находился в Киеве. С ноября 1912, согласно свидетельству о воинской повинности, «казак Полтавской волости Клетный А. Л. зачислен в ратники ополчения второго разряда». В годы Первой мировой войны ему была предоставлена отсрочка от мобилизации до окончания института. В это время он дважды побывал в командировке в Японии, где в Токийском университете изучал лесное хозяйство и совершенствовал японский язык. Первая командировка растянулась на год, вторая — на несколько месяцев. Этого хватило, чтобы овладеть языком. В Институте ботаники Украины хранился гербарий японской флоры, собранный в 1914 студентом Киевского коммерческого института Клетным. В сентябре 1925 прибыл переводчиком в Генеральное консульство СССР в Сеул. Там в 1927—1930 генеральным консулом СССР работал Иван Андреевич Чичаев, он же возглавлял резидентуру советской разведки. Чичаев завербовал сотрудника японской политической полиции, от которого в дальнейшем поступала важная информация. Наиболее важным документом, полученным от него в 1929 году, был меморандум маршала Танаки. Встречи с источником, от которого был получен меморандум, И.А. Чичаев проводил вместе с А.Л. Клётным, используя его в качестве переводчика. В 1930 А.Л. Клётного переводят в Японию переводчиком полпредства СССР в Токио, где он продолжал выступать в роли переводчика при встречах резидента ИНО с агентурой. С 1933 до ареста 17 сентября 1938 возглавлял кафедру японского языка в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе и переводил документы в 7-м отделе Главного управления госбезопасности НКВД. Клётный, кроме японского и китайского, владел украинским, корейским, английским и немецким языками. А.Л. Клётного содержали в Бутырской, Лефортовской тюрьмах и во внутренней тюрьме на Лубянке. В допросах участвовал нарком внутренних дел Л.П. Берия. Мерами физического воздействия и шантажом от него добились признания в шпионаже в пользу Японии. В июне 1946 в Чите он отказался от своих показаний. В 1938 он и другой японовед, В.М. Константинов, проходивший по тому же делу, не предстали перед закрытым заседанием Военной коллегии Верховного Суда СССР. Приговор, вынесенный в этом случае, был бы однозначен — ВМН. Заседание Военной коллегии по делам Клётного и Константинова было отсрочено на два года руководством 1-го (разведывательного) Управления НКВД, которое использовало их в 1938—1940 для перевода оперативно важных документов. 24 июня 1940 состоялось закрытое судебное заседание Военной Коллегии Верховного суда СССР. В протоколе значилось: «Предварительным и судеб-

ным следствием установлено, что Клетный и Константинов, будучи завербованы японской разведкой для шпионской деятельности против СССР, на протяжении длительного периода времени передавали японской разведке сведения, составляющие государственную тайну СССР, таким образом совершили преступление — Клётный предусмотренное ст.ст. 58-1а и 58-11 УК РСФСР и Константинов ст.ст. 58-1б и 58-11 УК РСФСР», что обвиняемые Клётный и Константинов признались в суде в том, что они являются японскими шпионами. Приговор звучал так: «Клётного Александра Леонтьевича и Константинова Владимира Михайловича лишить свободы в ИТЛ, сроком на 20 лет каждого, с поражением прав на 5 лет и конфискацией лично принадлежащего им имущества. Срок наказания исчислять Клётному с 17.1Х.1938 г. и Константинову с 20.VIII.1938г. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». В августе 1941 года по этапу их доставили в Читинскую пересыльную тюрьму. Работал в «спецорганизации» для заключенных. Начальник отдела контрразведки Читинского управления КГБ в 1980-х годах полковник Сергей Иннокентьевич Кудреватых вспоминал, что в 1942, когда он лейтенантом был призван в органы госбезопасности, ему посчастливилось познакомиться, а потом долгое время работать с А.Л. Клётным. Со слов Кудреватых, начальник управления И.Б. Портнов, узнав, что в Читу прибыли знатоки японского и китайского языков, приказал перевести арестантов во внутреннюю тюрьму. Для них оборудовали в камерах кабинеты и спальни, собрали необходимую библиотеку, обеспечили нормальным питанием и привлекли к переводу и обработке документов, получаемых разведкой в Маньчжурии, работе с китайскими перебежчиками, а позднее — с японскими военнопленными. А.Л. Клётный провёл в Читинской внутренней тюрьме девять лет. С.И. Кудреватых вспоминал, что А.Л. Клётный обладал энциклопедическими знаниями, в совершенстве знал все диалекты японского языка, японские обычаи и традиции, мог быстро установить контакт с японцем и получить необходимую информацию. В этом С.И. Кудреватых убедился, когда в 1946—1949 ему приходилось работать с японскими пленными по розыску свидетелей подготовки бактериологической войны и по другим делам. В 1942 Клётный составил сборник в трёх томах о белой эмиграции в Маньчжурии, в 1944—1945 подготовил уникальную научную работу, двухтомник «Маньчжурия. Забайкальское направление», в которой, наряду с описанием природных особенностей регионов Маньчжурии, на основании разведывательных данных указал численность населения, национальный состав, в том числе наличие русских эмигрантов, их общественные организации, размещение японских спецслужб, данные о Хайларском укрепрайоне и другие сведения. Эта работа использовалась военным командованием и органами госбезопасности во время подготовки и проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945. Во время боевых действий с 16 августа по 17 сентября 1945 в составе оперативной группы УНКГБ по Читинской области А.Л. Клётный находился в Маньчжурии для определения ценности захваченных документов японских разведывательных и контрразведывательных органов. По архивным данным ФСБ, «по этим документам им было установлено свыше 700 агентов японской разведки в Китае и СССР». В марте 1950 А.Л. Клётного этапировали из Читы в Хабаровск. Совместно с В.М. Константиновым они обрабатывали трофейные японские документы. 23 июня 1951 Особое Совещание при МГБ СССР по просьбе Хабаровского УМГБ снизило А.Л.Клётному срок наказания на 5 лет [ЦА ФСБ России]. 6 августа 1952 начальник УМГБ по Хабаровскому краю полковник Л.Ф. Галкин направил письмо заместителю министра государственной безопасности

СССР генерал-лейтенанту В.С.Рясному о В.М.Константинове и А.Л.Клётном: «...в связи с завершением большой работы над трофейными документами, сопровождавшейся активным участием вышеуказанных заключенных — крупных специалистов по японскому языку, ходатайствовать пред Вами об их досрочном освобождении по решению Особого Совещания при МГБ СССР». Особое Совещание, возглавляемое министром С.Д. Игнатьевым, 19 ноября 1952 освободило В.М.Константинова и А.Л. Клётного, 14 лет не прекращавших разведывательной, контрразведывательной и научной работы в тюремных условиях. Освободило не полностью, а с правом проживания только в Хабаровске. Они продолжали работать референтами в УМГБ—УКГБ по Хабаровскому краю. Проживали на квартирах в городе. Только после реабилитации 26 мая 1956 Военной Коллегией Верховного Суда СССР В.М. Константинов и А.Л. Клётный обрели полную свободу.

В Москве Клётного никто не ждал. Жену арестовали в 1938, через 18 лет разлуки он не смог ее найти, детей не было. Мать умерла, не дождавшись сына. Он решил уехать во Владивосток и работать в университете. Но сил на научную работу уже не было. В 1959 году А.Л. Клётный умер.

13. *Тумшис М., Папчинский А.* Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009.

14. *Хаустов В., Самуэльсон Л..* Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938. М., 2010. С. 126.

15. Там же. С. 223.

16. Там же. С. 224.

17. *Лейферт Андрей Алексеевич* (1898—1937) — из служащих. Русский. Капитан 3-го ранга (1936). В ВМФ с 1918. Беспартийный. Окончил школу мичманов (1917), Дальневосточный университет (1923—1925). Владел японским языком. В резерве Морского штаба Республики. Японовед, переводчик, художник. Сотрудник торгпредства СССР в Японии (1925—1927), студент Ленинградского института живых восточных языков — Ленинградского восточного института (1927—1928), вновь в Японии (1928—1930). В РУ штаба РККА — РУ РККА: в распоряжении (апрель 1930 — февраль 1933), начальник сектора 3-го (информационно-статистического) отдела, в распоряжении, помощник начальника одного из отделений Управления, отделения 1-го (западного) отдела (февраль 1933 — февраль 1936), секретный уполномоченный 2-го (восточного) отдела (февраль 1936 — июль 1937). 13.07.1937 уволен в запас РККА т. к. «воспитывался у дяди — владельца театральных предприятий, домовладельца». Репрессирован 27.07.1937. Реабилитирован 02.04.1957.

18. *Гендин Семен Григорьевич* (1902—1939) — из служащих. Еврей. Старший майор госбезопасности (1936). В РККА с 1918. Член компартии с 1918. Окончил 5 классов гимназии (1918), береговое отделение Московских командных курсов тяжелой артиллерии (февраль 1919 — март 1920, с перерывом). Владел немецким и польским языками. Участник Гражданской войны. Красноармеец отряда, охранявшего шоссе Петроград — Москва (май— сентябрь 1918), делопроизводитель Главного артиллерийского управления РККА (сентябрь 1918 — февраль 1919). Участвовал в боях на Петроградском фронте, воевал в 7-й армии в составе Отдельной батареи Сводной дивизии московских курсантов (сентябрь—ноябрь 1919). Командир взвода 1-го легкого артиллерийского дивизиона, 1-й отдельной береговой батареи тяжелой артиллерии, помощник начальника артиллерии Новороссийского укрепленного района 9-й армии Кавказского фронта (март 1920 — август 1921), учился на Высших военно-химических курсах (август—октябрь 1921).Служил в органах ВЧК-НКВД: следователь МЧК (октябрь 1921 — де-

кабрь 1922), уполномоченный, начальник 2-го отделения КРО Московского губернского отдела ГПУ (декабрь 1922 — январь 1923), помощник начальника 6-го отделения (январь 1923 — октябрь 1924), помощник начальника, начальник 7-го отделения (октябрь 1924 — апрель 1925), заместитель начальника 6-го отделения (апрель 1925 — март 1926) КРО ОГПУ СССР. Заместитель начальника КРО Полпредства ОГПУ по Западному краю в Минске (март 1926 — февраль 1929), начальник 7-го, 9-го, 10-го отделений КРО ОГПУ СССР (февраль 1929 — сентябрь 1930). Сотрудник для особых поручений (сентябрь 1930 — апрель 1931), помощник начальника 1-го, затем 2-го отделений (апрель 1931 — февраль 1933) ОО ОГПУ СССР. Начальник 2-го, 4-го отделений ОО ОГПУ — ГУГБ НКВД СССР (февраль 1933 — май 1935) и одновременно помощник начальника ОО ГУГБ НКВД СССР (ноябрь 1934 — сентябрь 1936), начальник УНКВД Западной области в Смоленске (октябрь 1936 — апрель 1937) и одновременно заместитель начальника ОО Белорусского ВО (декабрь 1936 — апрель 1937), заместитель начальника 4-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР (апрель—сентябрь 1937). По служебным делам неоднократно выезжал за границу. Заместитель начальника РУ РККА (первый, как считал К.Е. Ворошилов, хотя в штате не было такой должности), и.о. начальника Разведывательного управления РУ РККА (сентябрь 1937 — октябрь 1938). Последний документ, под которым стоит подпись старшего майора госбезопасности С.Г. Гендина, датирован 4 октября 1938 года. 22 октября Гендин был арестован. Ему предъявили обвинение в участии в антисоветской польской военной организации (ПОВ) и проведении подрывной работы в органах ОГПУ-НКВД, а также шпионаже. Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорен 22 февраля 1939 года к высшей мере наказания и расстрелян в тот же день. 19 сентября 1957 года реабилитирован.

19. *Хаустов В, Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 224.

20. *Черушев Н.С.* 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003. С. 210—211.

21. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 224.

22. *Черушев Н.С.* Указ. соч. С. 179.

23. *Алексеев Михаил.* «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае 1930-1933 гг. М., 2010. С.611-625.

24. *Дозенберг Николас* (псевд. Стопинь, Артур, Николас Людвиг Даллант; 1882—1954) — из крестьян. Латыш. Член Социалистической партии Америки, Коммунистической (позднее Рабочей — РПА) партии Америки. Эмигрировал в США из России в 1904. Машинист на железной дороге, активист латышских рабочих организаций, партийный работник, ответственный сотрудник изданий РПА «The Voice of Labor» и «The Daily Worker», директор литературного департамента РПА (1906—1927). Сотрудник советской военной разведки (1927—1939), завербован А.М. Тылтынем. Выполнял задания в США, Румынии, Германии, Китае и других странах, вербовал новых агентов. Несколько раз посещал Москву. Арестован 09.12.1939 в США по обвинению в использовании поддельного паспорта, сотрудничал со следствием и потому был приговорен лишь к одному году тюрьмы. Жил в США под вымышленным именем. Неоднократно давал показания следственным органам, комитетам Конгресса США. На одном из допросов в НКВД Я.К. Берзин назвал людей, которые находятся «за границей по линии Разведупра», среди них: «35. ДОЗЕНБЕРГ Николай — на нелегальной работе в Маньчжурии... 47. ДАЛЛАНТ Николай — на зарубежной работе».

25. *Константинов Владимир Михайлович* (1903—1967) — из служащих. Русский. Родился в семье сельского учителя, активного революционера, члена РСДРП, приговоренного к каторжным работам и отбывавшего тюремный срок в Александровском централе, а затем ссылку в Иркутской губернии. Доктор исторических наук (1961). В РККА с 1921. Член компартии с 1921. Окончил коммерческое училище (1920), японское отделение дипломатического факультета Московского института востоковедения (1927), восточный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1935—1938). Владел японским языком. Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке «в отрядах по ликвидации отрядов белобандитов». После демобилизации — инструктор орготдела Иркутского губкома РКП(б) (1922—1923). По окончании Московского института востоковедения — переводчик-референт, секретарь советского военного атташе при полпредстве СССР в Японии (ноябрь 1927 — август 1933), одновременно прослушал курс по японской истории и классической литературе в университете Васэда. В распоряжении РУ штаба РККА (август 1933—январь 1935), помощник начальника отделения 2-го (восточного) отдела (январь—июнь 1935). Арестован 20 августа 1938. Приговорен к 20 годам лишения свободы. Работал в «спецорганизации» для заключенных в Чите (1941—1942; там сидел в одной камере с А.Л. Клётным), в Хабаровске занимался переводом японских секретных документов. 13 июля 1946 Президиум ВС СССР сократил ему срок на 5 лет. Оставаясь заключенным, внес значительный вклад в подготовку документов к Хабаровскому судебному процессу над японскими военными преступниками (декабрь 1949). 19 ноября 1952 досрочно освобожден (на основании пост. ОСО при МГБ СССР от 25 октября 1952). Однако еще несколько лет его удерживали на службе в УКГБ по Хабаровскому краю в качестве референта по Японии и Китаю. В мае 1956 реабилитирован. Демобилизовавшись по болезни, приехал в Москву и поступил младшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР (1956—1967). В основу докторской диссертации положил обнаруженную им в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина рукопись «Оросиякоку суймудан» («Сны о России») — рассказ о пребывании в России в конце XVIII века капитана и матросов с японского корабля. Автором этой рукописи был японец Дайкокуя Кодаю, спасенный русскими казаками при кораблекрушении у берегов Камчатки, проведший несколько лет в России. Будучи переведенной В.М. Константиновым на русский язык с соответствующими научными комментариями, эта рукопись стала уникальным вкладом в отечественное японоведение. Ученый совет Института востоковедения АН СССР в виде исключения присудил Константинову за его источниковедческое исследование по данной рукописи степень доктора исторических наук (минуя кандидатскую степень). В последние годы жизни работал над изданием еще одного японского сочинения XVIII века о России — книги Кацурагавы Хосю «Хокуса Бунряку» (издана после смерти Константинова в 1978). Сочинения: (*М. Аирский*. Военная пропаганда и идеологическая подготовка масс к войне. Обзор япон. воен.-полит. лит-ры // Иностранная книга. 1934. № 1. С. 39; Японское наставление по боевой подготовке / Под ред. и с предисл. Э. Ходынского. М., 1934 (пер.); Японский справочник по тактике / Под ред. М. Асика. М., 1934 (пер.); О некоторых военных мероприятиях, осуществляемых в Японии // Военный вестник. 1955. № 11. С. 78—83; Свидетельства японцев о России XVIII в. // СВ. 1958. № 2. С. 76-81; Сведения об экипаже корабля «Синсемару» // ПрВ. 1959. № 3. С. 129-133; Оросиякоку суймудан (Сны о России). М., 1961 (изд. текста, пер., вступит. ст. и комм.); Письмо Дайкокуля Кодаю из России в Японию // Китай, Япония: История и филология. М., 1961. С. 200—205;

Первый в Японии крупный научный труд о России // НАА. 1963. № 4. С. 99—108; Накамото Такоко. Мать. М., 1964 (пер., предисл.); Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных морях (Хокуса Бунряку). М., 1978 (пер. и комм.)Литература: БЯ. С. 297 (Аирский), 307 (Константинов; им. ук.); Хван И. И. К 60-летию В. М. Константинова // НАА. 1964. № 1. С. 228-229; Константинов Владимир Михайлович: (Некролог) // Там же. 1967. № 6. С. 184—185; Перченок, 1978. С. 433; Чугров С. В. «Время летит подобно стреле...»: О жизни и науч. деятельности В.М. Константинова (1903—1967) // Слово об учителях. С. 34—46; РВост. № 4. С. 124; Алпатов, 1991 (1). С. 316; Конрад Н.И. — Константинову В.М.: Из писем / Вст. ст., сост. и прим. С. В. Чугрова // Восток. 1991. № 2. С. 84—88; Ли В. Несправедливость // Дальний Восток (Хабаровск). 1994. № 7; Милибанд. Кн. 1. С. 590—591; Конрад, 1995. С. 5, 314, 329; *Чкнаверянц А.А.* Владимир Михайлович Константинов // Восток. 2001. № 3. С. 131—138; Lensen, 1968. P. 225.

26. Manuscript div. Library of Congress. D. 1. P. 16.

27. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.70-72.

28. Там же. С.73.

29. *Волков Ф.Д.* Подвиг Рихарда Зорге. Баку, 1978. С. 80.

30. Группа Зорге / Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 135—146.

31. Милитаристы на скамье подсудимых. Указ. соч. С.145-146.

32. История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. II. Японо-китайская война. / Под общ. ред. *Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити* / Под ред. *Б.В. Поспелова*. Перев. с яп. *Б.В. Раскина*. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С.151—152.

33. Группа Зорге / Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 98—108.

34. Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С.135—146.

35. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 198.

36. *Мировицкая Р.А.* Отношения СССР с Китаем в годы кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. 1931—1937. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск 14. 2009. С. 250—281.

37. Там же.

38. История войны на Тихом океане. Указ. соч. Т. II. С. 158.

39. *Горбунов Е.А.* Указ. соч. С. 322.

40. *Зорге Р.* Статьи. Корреспонденции. Рецензии. М., 1971. С. 130—134.

41. Там же. С. 139—143.

42. *Мировицкая Р.А.* Указ соч.

43. История войны на Тихом океане. Указ. соч. Т. II. С. 155—157.

44. Город на северо-востоке Франции, район Верденской операции 1916 г. (с 21 февраля по 18 декабря) во время Первой мировой войны. В ходе операции германское командование не достигло цели: прорыва французского фронта и перемалывания французских резервов; германские войска, равно как и французские, понесли при этом большие потери.

45. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ соч. С.47.

46. *Гайлис Август Юрьевич* (наст. фам.: Гайлитис; псевд. Валин, Фрейлих, Нойберг; 1895—1937) — из рабочих. Латыш. Комбриг (1936). В РККА с 1918. Член компартии с марта 1917. Окончил прогимназию в Ст. Мюльграбене, Военную академию РККА (1920—1923). Работал пастухом, чернорабочим на лесопромышленном, химическом и судостроительном заводах (1905—1914), партийный активист РСДРП в Ст. Мюльграбене. Был арестован, три месяца провел в тюрьме в Риге

(1913). В службе с 1915. Рядовой 175-го запасного батальона в с. Медведи Новгородской губернии. Пытался дезертировать, но был возвращен обратно. Участник Первой мировой войны (1915—1918), на фронте в 434-м Череповецком полку, 5-м Латышском стрелковом полку 12-й армии. Унтер-офицер. Награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й ст., Георгиевской медалью 4-й ст. После Февральской революции был председателем ротного товарищеского суда, председателем ротного комитета, членом полкового комитета, членом президиума партийной ячейки 5-го стрелкового полка. Весной 1917 был одним из организаторов братания на фронте. Сотрудник комиссариата по снабжению Красной Гвардии в Луге — инструктор, член коллегии Лужской уездной ЧКа (февраль—июль 1918). Участник Гражданской войны на Восточном и Южном фронтах. Красноармеец 9-го латышского полка в Московском Кремле (10 дней), 5-го Латышского полка, командир «сборного китайско-латышского отряда», комиссар 5-го Латышского полка (август—ноябрь 1919), адъютант командующего латышскими войсками на Южном фронте (декабрь 1919 — январь 1920), комиссар, начальник и комиссар Оперативного отдела (управления) штаба Армии Советской Латвии, переименованной в 15-ю армию (январь 1919 — сентябрь 1920). Учебу в Академии совмещал с работой в РУ штаба РККА, заведующий сектором 3-го отдела (июль—ноябрь 1922), составитель справочника по вооруженным силам Латвии (М., 1922), учился в разведывательном кружке при Управлении. В «секретной командировке от Разведупра» в Германии, где КПГ готовила «Германский Октябрь». Военный инструктор при Саксонской организации КПГ (сентябрь—ноябрь 1923), был арестован и находился в тюрьме (ноябрь 1923 — март 1924). Начальник сектора 3-го (информационного-статистического) отдела и помощник начальника 2-го (агентурного) отдела РУ штаба РККА (апрель—декабрь 1924), военный советник при ЦК КПГ (декабрь 1924 — март 1926). В распоряжении заместителя Наркома по военным и морским делам и заместителя председателя РВС СССР, секретарь Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь заместителя председателя РВС СССР И. Уншлихта (март—сентябрь 1926). Помощник, врид начальника 4-го отдела РУ штаба РККА (сентябрь 1926 — август 1929). В порядке стажировки в войсках командовал батальоном в 47-м стрелковом полку 16-й стрелковой дивизии (май—сентябрь 1927) и в 241-м стрелковом Калужском полку (август—декабрь 1929), допущен к командованию 241-м полком (декабрь 1929 — январь 1930). Помощник, заместитель начальника 4-го отдела РУ штаба РККА (январь—август 1930), в распоряжении того же Управления (с августа 1930). Руководитель группы военных советников при ЦК КПК, член Дальневосточного бюро ИККИ в Шанхае (сентябрь 1930 — апрель 1931). Помощник начальника 2-го (агентурного) отдела РУ штаба РККА (апрель—декабрь 1931), нелегальный резидент в Харбине (декабрь 1931 — июль 1932), начальник РО штаба ОКДВА (декабрь 1932 — апрель 1937), начальник 2-го отдела РУ РККА (апрель—июль 1937). Жена Гайлиса — *Шабалина Валентина Александровна* (1902—1942) с 1920 работала в системе РУ РККА (в Москве, за границей и Хабаровске). Умерла в лагере. Награжден орденом Красного Знамени (1928), двумя золотыми часами (15-я армия, ОКДВА), наградным оружием — шашкой (ОКДВА). Репрессирован 26.07.1937. Реабилитирован 01.06.1957. Соч.: *Нейбер*г [*Гайлис*] *А.Ю.* Вооруженное восстание. М. — Л., 1931.

47. *Шалин Михаил Алексеевич* (1897—1970) — из крестьян. Русский. Член РКП(б) с 1918. Окончил приходское училище (1908), 4-классное городское училище в Орске (1912), учительскую семинарию в Оренбурге (1916). В Российской Императорской армии с 1916. Рядовой учебной команды 105-го пехотного за-

пасного полка. Окончил ускоренный курс Виленского военного училища в Полтаве, прапорщик (1917). Командовал 12-й ротой 17-го Сибирского стрелкового запасного полка (1917). Демобилизован в 1918, вернулся в Орск. В РККА: с 1918. Участник Гражданской войны. Служил казначеем в Орском уездном военкомате, финансовой комиссии штаба Орского фронта; командовал ротой, затем 1-м батальоном 1-го Орского стрелкового полка; 435-м Орским пехотным полком. Врид командира бригады 49-й стрелковой дивизии; помощник командира полка Орского укрепленного пункта; для поручений инспекции пехоты штаба 15-й армии; особоуполномоченный инспектора пехоты 15 армии при штабе 11 дивизии; помощник командира 96-го стрелкового полка; начальник ударного отряда Южной группы при 32-й бригаде; участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. Орский уздный (1922), Тюменский окружной военком (1926), учился на курсах «Выстрел» (1927—1928). Начальник Управления территориального округа Башкирской АССР (1929), заместитель начальника штаба 13-го стрелкового корпуса (1931). Окончал академию им. М.В. Фрунзе (1936; досрочно по ходатайству начальника Разведупра РККА комкора С.П. Урицкого). В военной разведке с 1936. Находясь в распоряжении 2-го (восточного) отдела Разведупра РККА, направлен по обмену в Японию, стажировался при 15-м пехотном полку японской армии. После возвращения был назначен начальником 7-го отделения 2-го отдела, затем занимал должности: Врид заместителя начальника 2-го отдела Разведупра РККА по агентуре (апрель 1937 — апрель 1939), начальника Центральной школы подготовки командиров штаба Разведупра — 5-го Управления РККА (апрель 1938 — июнь 1939). Врид заместителя начальника Разведупра — 5-го Управления РККА (февраль—июнь 1939). Начальник 10-го отдела штаба СибВО (июнь 1939 — июль 1940), начальник штаба 16-й армии (июль 1940 — август 1941). В годы Великой отечественной войны — начальник штаба 22-й армии (август 1941 — февраль 1943). Начальник штаба 1-й танковой армии (февраль 1943 — май 1945). После войны вернулся в военную разведку. Занимал должности: начальника Военно-дипломатической академии Красной Армии (январь 1946 — январь 1949); начальника 1-го Управления — заместителя начальника ГРУ Генштаба ВС СССР (январь 1949 — июнь 1951); первого заместителя начальника ГРУ Генштаба ВС СССР (июнь 1951 — июль 1952); начальника ГРУ — заместителя начальника Генштаба ВС СССР по разведке (7 июль 1952 — 31 августа 1956); первого заместителя начальника ГРУ Генштаба ВС СССР (31 августа 1956 — 28 ноября 1957); начальника ГРУ — заместителя начальника Генштаба ВС СССР по разведке (28 октября 1957 — 8 декабря 1958). С 1958 — военный консультант Группы генеральных инспекторов МО СССР. Уволен в отставку по болезни (1960). Звания: прапорщик (1917), майор (1935), полковник (1938), генерал-майор (1942), генерал-лейтенант (1943), генерал-полковник (1954). Награды: орден Ленина (1945), четыре ордена Красного Знамени (1921, 1942, 1944, 1949), два ордена Суворова I степени (1943, 1945), два ордена Кутузова (1943, 1944), орден Богдана Хмельницкого II степени (1944), Красной Звезды, «Знак Почета» (1941), медали.

Иностранные награды: командор Превосходнейшего ордена Британской империи (1944), орден Воинской доблести (Virtúti Militári) V класса (1945, Польша), медали Польши.

48. *Хабазов Николай Васильевич* (1900—1941?) — из рабочих. Русский. Полковник (1938). В РККА с 1919. Член РСДРП с 1919. Окончил высшее начальное училище (1915), 3-е Оренбургские кавалерийские курсы (1920—1921), КУКС кавалерии (1926), восточный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1930—1933).

Владел персидским языком. Участник Гражданской войны. Воевал на Петроградском фронте (1919), с бандами (1920), с басмачами (1921—1928). Красноармеец 3-го маршевого батальона, 9-го запасного стрелкового полка (1919—1920), командир взвода, помощник командира, командир эскадрона, начальник полковой школы, командир 2-го (80-го) Гиссарского полка 1-й (7-й) отдельной Туркестанской кавалерийской бригады (декабрь 1921 — июнь 1928), адъютант, командир эскадрона Ремонтно-кавалерийского отдела Среднеазиатского ВО (июнь 1928 — ноябрь 1929), командир отдельного кавалерийского эскадрона 56-го Московского дивизиона (ноябрь 1929 — май 1930). В РУ штаба РККА — РУ РККА: помощник начальника сектора РО штаба Среднеазиатского ВО (май — сентябрь 1933), помощник начальника 4-го (внешних сношений) отдела (сентябрь 1933 — январь 1934), начальник сектора 3-го (информационно-статистического) отдела (январь 1934 — январь 1935). Во 2-м (восточном) отделе: помощник начальника отделения (январь 1935 — февраль 1936), секретный уполномоченный (февраль—октябрь 1936), начальник 2-го (китайского) отделения (октябрь 1936 — сентябрь 1937), врид начальника отдела (сентябрь 1937 — апрель 1939). В распоряжении Управления по комначсоставу (апрель 1939 — май 1940), помощник по учебно-строевой части начальника Магнитогорских курсов усовершенствования начсостава запаса с мая 1940. Участник Великой Отечественной войны. Начальник оперативного отдела 51-го стрелкового корпуса 22-й армии. Пропал без вести в сентябре 1941.

49. Manuscript div. library of Congress. D. 1. P. 16.

50. *Куусинен Айно*. Указ. соч. С. 102—103.

51. Там же. С. 103—105.

52. Куусинен Отто Вильгельмович. Последовательный сторонник Сталина, один из немногих высших руководителей Коминтерна, выживших в ходе чисток 1937—1939. В 1936 Куусинен женился на Марии Амираговой. Не делал попыток заступиться за бывшую жену Айно Куусинен, которую в 1937 арестовали и осудили на 8 лет лагерей. 1.12.1939, в первый день Советско-финской войны, К. был назначен главой и министром иностранных дел правительства «Финской Демократической Республики», от имени которого обратился к СССР с просьбой о помощи, что и стало обоснованием начала военных действий. В тот же день он подписал Договор о взаимопомощи и дружбе. В 1940—1956 председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской АССР и зам. пред. Верховного Совета СССР. С 1941 член ЦК ВКП(б). В 1952—1953 и с 1957 член Президиума ЦК КПСС. С 1957 секретарь ЦК КПСС. В 1940—1958 Куусинен был заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР, а в период «оттепели» стал членом Академии наук СССР и был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Награжден четырьмя орденами Ленина. Был старейшим по возрасту среди секретарей ЦК КПСС и членов его Президиума (Политбюро) (с 1957). Куусинен был редактором учебника «Основы марксизма-ленинизма», одной из фундаментальных работ в области диалектического материализма и научного коммунизма. Во многом благодаря Куусинену эта книга стала одним из первых документов, где упоминается тезис о перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство, в дальнейшем поддержанный либерально настроенными представителями партии и ставший частью Программы КПСС 1961 года. Умер в Москве 17 мая 1964 года. Захоронен в некрополе у Кремлевской стены. В честь Куусинена названа улица в Северном АО Москвы. В Петрозаводске на Советской площа-

ди установлен памятник Куусинену. В прошлом имя Куусинена носил также Петрозаводский государственный университет.

53. *Куусинен Айно*. Указ. соч. С. 107—112.

54. Там же. С. 128.

55. Там же. С. 112.

56. Там же. С. 116.

57. Мамаева Раиса Моисеевна 29.01.1900-г.Калуга — 26.09.1982-Москва.

Еврейка. Из рабочих. Техник-интендант 2-го ранга (19.06.1936). Жена И.К.Мамаева. В РККА с 1924. Член компартии с 1931. Окончила гимназию в Харбине, Московский институт востоковедения им. Н.Н.Нариманова (1922-1923, 1927-1929).

Работала в группе советских военных советников в Китае (1923-1927), преподаватель в военных учебных заведениях (1929-1931), научный сотрудник Международного аграрного института (1932-1933).

В распоряжении РУ штаба РККА (1933-1938), на нелегальной работе в Китае вместе с И.К.Мамаевым (июнь 1933 — май 1935), помощник заведующего Шанхайским отделением ТАСС (октябрь 1935 — март 1937), в кадры РККА определена 10.03.1936. Освобождена от должности по болезни.

31.01.1938 уволена со службы в РККА в связи арестом органами НКВД. Осуждена 11.05.1938 как член семьи изменника родины на 8 лет ИТЛ, срок отбывала в 17-м женском лагерном специальном отделении Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области Казахстана (разговорное название — АЛЖИР, Акмолинский лагерь жен изменников Родины). 31.07.1942 переведена в Алма-Ату в распоряжение 1-го спецотдела НКВД Казахской ССР. Решением Особого совещания от 30.12.43 она была освобождена из-под стражи.

Управляющая Алма-Атинским отделением «Интуриста», старший редактор студии документальных фильмов, сотрудник-консультант Министерства кинематографии СССР (1943-1949), сотрудник Иностранной комиссии Союза писателей СССР (1949-1951).

Соч.: автор более 40 научных востоковедческих работ.

Похоронена на Хованском кладбище Москвы.

Глава 6. 1938 год. Токио, Москва, Китай

1. *Кольтюков А.А.* Вооруженный конфликт у озера Хасан // Военный конфликт в районе озера Хасан. Взгляд через шесть десятилетий. Сборник докладов, сообщений и документальных материалов. М., 2003. С. 10.

2.1941 г. В 2 кн. Кн. 2-я. М., 1998. С. 557—571.

3. *Кошкин А.А.* «На границе тучи ходят хмуро…» // Военный конфликт в районе озера Хасан. С. 116.

4.*Зимонин В.П.* События у озера Хасан в системе исторических и геополитических координат кануна и начала Второй Мировой войны // Военный конфликт в районе озера Хасан. С. 338.

5.Там же. С. 338—339.

6.Там же. С. 340.

7. *Гайдук Н.* Боевые действия у озера Хасан // ВИЖ. 1978. № 7. С. 120.

8. *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 155—156.

9. *Почтарев А.Н.* Трагедия маршала Блюхера // Независимое военное обозрение. 19 ноября 2004.

10. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 81.

11. Там же. С. 82.

12. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С. 51.

13. Там же. С. 52.

14. *Панасовский В.Е.* Уроки Хасана и Халхин-Гола. М., 1989. С. 14.

15. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М. 2001. С. 173.

16. *Бакаев Д.А.* В огне Хасана и Халхин-Гола. Саратов, 1984. С. 775.

17. *Chong-Sik Lee.* Revolutionary Struggle in Manchuria: Chinese Communism and Soviet Interest, 1922—1945. University of California Press, 1983. P. 278.

18 Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 21 июня 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2—1). М., 1994. С. 56—61.

19. Там же.

20. *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 155—156.

21. *Мозохин О.Б.* Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии. 1918—1945. М., 2012. С. 391.

22. Там же. С. 368.

23. *Зимонин В.П.* События у озера Хасан в системе исторических и геополитических координат кануна и начала Второй мировой войны. Вместо заключения// Военный конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. взгляд через шесть десятилетий. М., 2003. С.337-359.

24. *Зорге Р.* Статьи. Корреспонденции. Рецензии. С. 184—188.

25. Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 18 (7—1). М., 1997. С. 85.

26. *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 57; *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 58—59.

27. Вторая империалистическая война началась. М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1938. С. 28.

28. *Горбунов Е.А.* Указ. соч. С. 346—349.

29. Там же. С. 349—350.

30. *Папчинский А., Тумшис М.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 242—243.

31. Тельман Иосиф. История далекая и близкая // Русский базар. №34 (853).

32. *Папчинский А., Тумшис М.* Указ. соч. С. 270.

33. Там же. С. 235.

34. Там же. С. 213—214.

35. Там же. С. 236—237.

36. Там же. С. 274.

37. *Мозохин О.Б.* Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии. 1918—1945. М., 2012. С. 33—38.

38. Там же. С. 33.

39. *Хияма Ёсиаки.* Планы покушения на Сталина // Проблемы Дальнего Востока. № 5. 1990. С. 109—121.

40. *Катунцев В., Коц. И.* Инцидент. Подоплека хасанских событий // Родина. № 6—7. 1989. С. 12—20.

41. 1941 г. В 2 кн. Кн 2-я. М., 1998. С. 533.

42. Там же. С. 544.

43. Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы. Т. 18 (7—2). М., 2000. С. 327.

44. *Попов В.* Серьезный противник. Вооружение и состав японской Квантунской армии // Мир оружия. № 4. 2005.

45. *Хияма Ёсиаки.* Указ. соч. С.109-121.

46. *Мадер Ю.* Указ. соч. С. 142.

47. Там же.

Эпилог. «Ваша задача исключительно важна. Заменить Вас некем»

1. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Т.II. Указ. соч. С.165-166.

2. Там же.

3. *Мадер Юлиус.* С.141.

4. Там же.

5. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.207-208.

6. Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / Публ., вступ. ст. и комм. А.Г. Фесюна. СПб.; М. 2000. С.58-59.

7. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.208.

8. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.-август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С.352-354.

Массово-политическое издание

Михаил Алексеев

«ВЕРНЫЙ ВАМ РАМЗАЙ»: РИХАРД ЗОРГЕ И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ЯПОНИИ 1933—1938 ГОДЫ. КНИГА 1.

Редактор С. Чертопруд
Художник Б. Протопопов

ООО «Агентство Алгоритм»

Смотрите книжные новинки на сайте https://algoritm-kniga.ru

Оптовая торговля:
ООО «Агентство Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 10.01.20. Подписано в печать 06.02.20.

Формат 70Х100/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 54. Тираж 200 экз. Заказ №

«ВЕРНЫЙ ВАМ РАМЗАЙ»

Если говорить о личности Рихарда Зорге, то первое, что в ней поражает, так это её масштаб и многогранность. Солдат, студент, партийный функционер, шахтёр, журналист, учёный, разведчик — вот далеко не полный перечень его амплуа. Зорге никогда не был слепым исполнителем, он чётко определял своё место вначале в революционной, а затем и в разведывательной практике и креативно подходил к решению поставленных перед ним задач. Опора Зорге на коммунистов и сочувствовавших им в Китае, перенос этого опыта на организацию разведывательной деятельности в Японии, т.е. использование идейного мотива привлечения к сотрудничеству с военной разведкой дало свои положительные результаты как в Китае, так и в Японии.

РИХАРД ЗОРГЕ

И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ЯПОНИИ. 1933—1938 ГОДЫ